

АЗІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

3-ье, исправленное и дополненное, издание.

1-е издание Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем.

Уч. Ком. М. Фин. одобрено для учен. библ. коммер. учебн. зав.

Издание Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К.

Москва-1908.

Иллюстрированные географические сборники тех же составителей:

Европа. — 3—6-ое исправл. и дополнен. изд., 800 стр. съ иллюстр. въ текстѣ и 23 на отд. лист. М. 1907 г. Ц. 2 р. 75 к., въ изянц. пер. 3 р. 35 к.

Африка. — 2-ое испр. издание. 512 стр. съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. л. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изянц. пер. 2 р. 60 к.

Америка. — 2-ое исправл. и допол. изд., 640 стр. съ 56 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р. 25 к., въ изянц. пер. 2 р. 85 к.

Австралія и Полярныя страны. — 2-ое испр. и допол. изд., 467 стр. съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 14 на отд. лист. М. 1907 г. Ц. 2 р., въ изянц. пер. 2 р. 60 к.

Азіатская Россія. — 2-ое испр. и допол. изд., 584 стр. съ 84 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изянц. пер. 2 р. 60 к.

Европейская Россія. — 2-ое испр. и допол. изд., 620 стр. съ 76 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1906 г. Ц. 2 р., въ изянц. перепл. 2 р. 60 к.

Учен. Ком. М. Н. П. сборники допущены въ учебн. библиот. средн. учебн. завед., учительск. институт. и семинарій, въ бесплатныя народн. библиотекы и читальни.

Учебники географіи тех же авторовъ:

Начальный курсъ географіи. — 5-е изд. 10 пѣтнмхъ картъ и 150 диаграммъ и иллюстрацій въ текстѣ. Ц. въ изянц. колѣнк. пер. 90 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена въ качество руководства* для средн. учебн. завед.—Учен. Комит. при Святѣйш. Синодѣ *отпущена* въ учебн. библиот. мужск. и женск. духовн. училищъ.—Учен. Комит. М. Э. и Г. П. *допущена* въ качество учебного пособия въ подвѣдомств. М-ву учебн. зав.

Курсъ географіи въевропейскихъ странъ. — (Азія, Африка, Америка, Австралія.) 2-ое изд. 35 пѣтнмхъ картъ и 200 иллюстрацій и диаграммъ въ текстѣ Ц. въ изянц. колѣнк. пер. 1 руб.—Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена въ качество руководства* для средн. учеб. завед. (Журн. М. Н. П. 1906 г., февраль).

На основаніи Высочайше утвержденного 24 марта 1902 г. положенія Оленки. Сов. въ учебн. заведен. Вѣдомства Императрицы Маріи допускаются къ употребленію книги, допущенныя къ употребленію въ соответств. учебн. завед. М. Н. Пр.—Допущенныя Уч. Ком. М. Н. Пр. книги допускаются къ употребленію въ коммерческихъ учебн. зав. Мин. Фин.

О. Шмейль. — Очерки изъ жизни растений. Перев. съ нѣм. С. Григорьева, Л. Свинцхага и С. Чефранова.—520 стр. со многими рисунками въ текстѣ и 38 цветными таблицами. М. 1903 г. Ц. 3 р. 75 к., въ изянц. переплетѣ 4 р. 50 к. Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен. библиот. всѣхъ средн. учебн. зав., а также для выд. въ видѣ награды учащимся въ сѣтхъ завед., равно какъ и въ безпл. народн. читал. и библи.—Учебн. Ком. М. Ф. *одобрена*, а Уч. Ком. М. Земл. и Гос. Им. *рекомендована въ качество учебного пособия* и для выдачи въ награду учащ. въ учебн. завед. этихъ М-въ.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій. — Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 картинами на отдѣл. листахъ. М. 1903 г. Цѣна 1 р. 25 к.—Уч. Ком. М. Н. П. *допущена* въ учен. библиот. средн. учебн. зав. и для раздачі учащимся въ сѣтхъ завед. въ награду, а также въ безпл. народн. читал. и библиот.—Глав. Упр. Воен. Учеб. Зав. *рекомендована* въ ротн. библиот. старш. класс. чител. корп.—Учебн. Ком. М. Фин. *допущена* въ учен., средн. и старш. воер., библиот. учебн. завед. вѣдомства М. Фин. и для выдачи въ качестве награды учащ. въ сѣтхъ учебн. завед.

Р. Киллингъ. — Смѣлыя мореплаватели. Повѣсть, полнмй пер. съ англ. А. Каррик. Съ 38 иллюстр. М. 1903 г.—Цѣна 1 р. 25 к., въ изянц. перепл. 1 р. 50 к.—Уч. Ком. М. Н. П. *допущена* въ учебн., средн. и старш. воер., библиот. средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. читал. и библи.—Учебн. Ком. М. Фин. *допущена* въ учебн., средн. и старш. воер., библиот. учебн. завед. вѣдомства М. Фин.

Главный складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^а, въ Москвѣ: Пименовская, соб. д., и отдѣленія: въ С. Петербургѣ: Фонтанка, 117, типогр. М-ва Путей Сообщенія; въ Нижнѣ: Караваевская, 5.

АЗІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Крубаромъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

ИЗДАНИЕ III,
исправленное и дополненное,
Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем.—Уч. Ком. М. Фин. одобрено для учен. библ. коммер. учебн. зав.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул. 11.
МОСКВА—1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Первое знакомство съ японцами.—Г. Де-Воллана	1
2. По Японіи.—В. Сѣрошевскаго	8
3. Бытъ сельскаго населенія Японіи.—А. Краснова	13 ✓
4. Образованіе и религія у японцевъ.—Его же	21
5. Токио.—Гессе-Вартега	26
6. Уличная жизнь въ Токио.—Его же	30
7. Японскій Бирмингамъ.—Его же	37
8. На японскомъ праздникѣ.—Тана	44
9. По Корей.—В. Сѣрошевскаго	53
10. Корейцы.—П. Шмидта	59
11. Корейскій городъ.—Его же	68
12. Въ Сеулѣ.—В. Сѣрошевскаго	74
13. Природа Манчжуріи.—П. Краснова	81 ✓
14. Населеніе Манчжуріи.—А. К.	85
15. Гарни.—П. Краснова	90 ✓
16. Сѣверный и южный Китай.—По Рихтгофену и Обручеву.—А. К.	96
17. Пекинъ.—Пасенкаго	101
18. Китайцы.—Обручева	110
19. Китайская національная кухня.—А. К.	119
20. Образованіе въ Китаѣ.—Гессе-Вартега	125
21. Религіи Китая. А. К.	135
22. На водораздѣлѣ Желтой и Голубой рѣки.—Пасенкаго	142
23. На берегахъ Янъ-цзе (Хань-Гоу).—Бородовскаго	149
24. Чай и его приготовленіе.—Кудинова	154
25. Гонгъ-Конгъ.—А. Краснова	165 ✓
26. Прогулка по китайскимъ ремесленнымъ кварталамъ.—Гессе-Вартега	169
27. Монголы.—А. К.	178
28. Восточная Гоби.—Пржевальскаго	188
29. Охота за дикомъ лошадью.—Грумъ-Гржимайло	193
30. По восточному Туркестану.—Свенъ-Гедина	203
31. Пригяньшанскіе оазисы и ихъ обитатели.—Обручева	208
32. Восхожденіе на Мустагъ-ату.—Свенъ-Гедина	212
33. Сѣверный Тибетъ.—Пржевальскаго	219
34. У истоковъ Желтой рѣки.—Его же	224
35. Тангуты.—Потавиной	229
36. Ламанскій монастырь въ Гималаяхъ.—А. Краснова	239 ✓
37. Изъ Калькутты въ Гималаи.—Его же	244

38. Калькутта.—Его же	252
39. Индусы и их религия.—Его же	258
40. Бенаресь.—Фонъ-дёръ-Лауница	263
41. День индусскаго крестьянина.—Лимбаха	273
42. Магометанскіе города Индіи (Агра и Делли).—А. Краснова	279
43. По сѣверо-западной Индіи.—Его же	287
44. Вомбей.—Его же	290
45. Индусская деревня.—Лимбаха	295
46. Цейлонъ и его населеніе.—А. Краснова	303
47. По Индійскому океану.—Зарубина	316
48. Сангадуръ.—В. Тихомирова	324
49. Два дня въ Сайгонѣ.—В. Крестовскаго	332
50. Въ Тонкинѣ.—Г. Де-Воллава	343
51. Сямцы.—Его же	348
52. Черезъ южный Сямъ.—Его же	351
53. Банкокъ.—Его же	364
54. У первобытныхъ обитателей Малакки.—Грубауера	370
55. Тропическіе фрукты. По В. Тихомирову, А. Краснову и Э. Геккелю	387
56. На западномъ берегу Суматры.—Куна	392
57. На Явъ.—А. Краснова	403
58. У аванскаго императора.—Вакунина	418
59. На островѣ Лусонѣ.—Марша	429
60. Исламъ.—По В. Ирвингу и др.	438
61. Ахель.—Зарубина	442
62. Аравійская пустыня и ея обитатели.—Пальграва	450
63. Джидда.—Перри-Фогга	460
64. Поѣздка въ Мекку.—Султанова	465
65. Красное море.—А. Елизьева	474
66. Къ горѣ заповѣдей.—Насонова	478
67. Изъ Яффы въ Иерусалимъ.—Б. Корженевскаго	483
68. Иерусалимъ.—Колтева	485
69. Храмъ Гроба Господня.—Е. Маркова	488
70. Раджа священнаго огня.—Картавцева	498
71. Мертвое море.—Б. Корженевскаго	503
72. Бейрутъ.—Е. Маркова	508
73. Развалины Баальбека.—А. Елизьева	512
74. Въ гостяхъ у сирійскаго помѣщика.—Б. Корженевскаго	517
75. По Малой Азій.—Гроте	524
76. Въ армянской деревнѣ.—Его же	539
77. Поѣздка въ Багдадъ.—Перри-Фогга	546
78. Тегеранъ.—М-рсклаго	553
79. Персидскій базаръ.—Уильса	558
80. Вить и нравы персиянъ.—Блюзерскаго	561
81. Въ персидской пырмънѣ.—Уильса	571
82. Религіозныя мистеріи въ Персін.—Его же	576

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

На отдѣльныхъ листахъ:

	<i>Стр.</i>
1. Фузи-Яма. (Съ фот.)	1
2. Обработка рисоваго поля въ Японіи. (Съ фот.)	8
3. Гигантская статуя Будды. (Съ фот.)	22
4. Улица въ Пекинѣ. (Съ фот.)	108
5. Кетаянки. (Съ фот.)	116
6. Перевозка чая черезъ Гоби. (Съ фот.)	178
7. Тибетецъ. (Съ фот.)	230
8. Видъ въ Гимадаляхъ	250
9. Тѣдъ въ Агрѣ. (Съ фот.)	280
10. Въ горахъ Цейлона. (Съ фот.)	308
11. Тамника. (Съ фот.)	310
12. Деревья на Цейлонѣ. (Съ фот.)	314
13. Арабы. (Съ фот.)	458
14. Вейруть. (Съ фот.)	508
15. Въ турецкой деревнѣ. (Съ фот.)	534
16. Въ персидскомъ домѣ. (Съ фот.)	568

Въ текстѣ:

	<i>Стр.</i>
1. Японскій дженерикта. (Съ фот.)	3
2. Японка въ зимнемъ костюмѣ. (Съ фот.)	6
3. Японцы въ дождевыхъ плащахъ. (Съ фот.)	9
4. Японская деревня. (Съ фот.)	12
5. Японцы за обѣдомъ. (Съ фот.)	17
6. Японскій храмъ. (Изъ „Азія“ Сиверса)	25
7. Въ японской лавкѣ. (Съ фот.)	34
8. Лавка фарфоровыхъ издѣлій. (Съ фот.)	41
9. Видъ въ Японіи. (Съ фот.)	49
10. Корейцы. (Съ фот.)	64
11. Перехъ воротами Сеула. (Съ фот.)	76
12. Лессовыя образованія. (Изъ „Азія“ Сиверса)	97
13. Пекинская стѣна. (Съ фот.)	102
14. Китаецъ. (Съ фот.)	115
15. Китайцы за обѣдомъ. (Изъ „Азія“ Сиверса)	124
16. Въ китайской деревнѣ. (Съ фот.)	145
17. Китайскіе лодочники. (Съ фот.)	153

18. Чайная плантація. (Съ фот.)	155
19. Китайскій цырюльникъ. (Съ фот.)	173
20. Монголка. (Съ фот.)	181
21. Буддйскій монастырь близъ Урги. (Съ фот.)	185
22. Караванъ путешественниковъ въ Гоби. (Съ фот.)	199
23. Видъ въ Тибетѣ. (Съ фот.)	225
24. Тангутка. (Съ фот.)	233
25. Лама, одѣтый для богослуженія. (Съ картины В. Верещагина)	243
26. Индусъ. (Съ фот.)	253
27. Сожженіе покойниковъ на берегу Галга. (Съ фот.)	267
28. Факиръ. (Съ фот.)	285
29. Индусскій почталъонъ. (Съ фот.)	289
30. Морской берегъ близъ Коломбо. (Съ фот.)	305
31. Сингалезъ. (Изъ „Азія“ Сиверса)	313
32. У береговъ Сингапура. (Съ фот.)	323
33. Сямская дѣвочка. (Изъ „Азія“ Сиверса)	349
34. Ѣздовой слонъ. (Съ фот.)	359
35. Улица въ Банкокѣ. (Изъ „Азія“ Сиверса)	365
36. Цистерны въ Адевѣ. (Съ фот.)	449
37. Мусульмане на молитвѣ. (Съ фот.)	463
38. Кааба въ Меккѣ. (Съ фот.)	471
39. Вадъ на Синаѣ. (Изъ книги Эберса „Палестина“)	481
40. Яффа съ моря. (Съ фот.)	484
41. Евреи изъ Иерусалима. (Съ фот.)	487
42. Часовня Гробъ Господня. (Съ фот.)	493
43. Мертвое море. (Изъ „Азія“ Сиверса)	505
44. Сирійскій бедуинъ съ семействомъ. (Съ фот.)	511
45. Сирійка. (Съ фот.)	521
46. Дамаскъ. (Изъ „Азія“ Сиверса)	523
47. Порталъ мечети въ Коніи. (Изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“)	525
48. Курды. (Съ фот.)	527
49. Въ долинѣ Саккаринъ. (Съ фот.)	529
50. Турецкіе крестьяне. (Изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“)	530
51. Караванъ въ пути. (Изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“)	531
52. Улица въ Коніи. (Изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“)	536
53. Анатолийскіе турки. (Съ фот.)	538
54. Персидскій городъ. (Съ фот.)	563
55. Персидскій врачъ. (Изъ „Азія“ Сиверса)	573
56. Персидскій мулла. (Съ фот.)	579

ПРЕДИСЛОВІЕ къ I-му ИЗДАНИЮ.

Изученіе географіи никогда не достигаетъ своей цѣли, если ограничивается только усвоеніемъ учебника. Необходимо болѣе наглядное ознакомленіе съ различными странами, характеромъ ихъ природы и сложившимися подъ вліяніемъ этихъ природныхъ условій образомъ жизни и обычаями обитателей этихъ странъ. Такое ознакомленіе достигается путемъ систематическаго чтенія описаній и разсказовъ, наглядно иллюстрирующихъ то, о чемъ при прохожденіи курса приходится ограничиваться однимъ лишь краткимъ упоминаніемъ.

Наша географическая литература очень бѣдна книгами, которыя могли бы удовлетворить указанному требованію; имѣющіяся описанія путешествій разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно журналахъ, или же по своему объему и цѣнѣ далеко не всегда доступны, особенно для учащихся. Географическіе сборники, составленные изъ лучшихъ описаній, выбранныхъ изъ сочиненій наиболѣе извѣстныхъ путешественниковъ, могли бы оказать въ этомъ случаѣ большую услугу, давая уже готовый, т. е. подобранный, а слѣдовательно и болѣе подходящий матеріалъ. Къ сожалѣнію, существующіе географическіе сборники не вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Лучше другихъ дѣло обстоитъ относительно Россіи; существующіе же сборники по внѣ-европейскимъ странамъ кратки и въ большинствѣ случаевъ устарѣли.

Предлагаемый сборникъ представляетъ попытку пополнить указанный пробѣлъ. На первыхъ порахъ мы остановились на Азій, какъ части свѣта, наиболѣе замѣчательной по своей древней культурѣ и представляющей особенный интересъ для русскаго человѣка, но въ ближайшемъ будущемъ мы предполагаемъ вынестить въ свѣтъ подобныя же сборники и по другимъ частямъ свѣта.

Такъ какъ въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ наши географическія свѣдѣнія объ Азій, благодаря многочисленнымъ экспедиціямъ, значительно дополнились и, кромѣ того, многое измѣнилось въ жизни населяющихъ ее народовъ, то мы пользовались главнымъ образомъ сочиненіями, относящимися только къ двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ, и притомъ преимущественно сочиненіями русскихъ авторовъ.

Мы предпочли дать отрывки изъ путешествій, представляющіе каждый нѣчто цѣлое и самостоятельное, и по возможности воздерживались отъ составленія статей по нѣсколькимъ авторамъ или пересказа ихъ своими словами, такъ какъ при этомъ теряется оригинальность описанія и статья не передаетъ вѣрно того, что видѣть и чувствовалъ самъ

путешественникъ. Тѣмъ не менѣе большую часть вошедшихъ въ сборникъ статей пришлось подвергнуть нѣкоторымъ, необходимымъ въ видахъ краткости и ясности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Предлагаемая книга по своему содержанію рассчитана на широкій кругъ читателей; тѣмъ не менѣе главною нашею цѣлью было—дать матеріалъ, которымъ можно было бы иллюстрировать курсъ географіи при его прохожденіи въ школахъ путемъ класснаго и вѣкласнаго чтенія; но необходимо при этомъ замѣтить, что предлагаемый сборникъ не предназначенъ только для одного какого-нибудь возраста или класса, и дѣло преподавателя — распредѣлить этотъ матеріалъ, выбирая для класснаго чтенія тѣ или другія статьи и подвергая ихъ, въ случаѣ надобности, соотвѣственнымъ сокращеніямъ.

Несомнѣнно, что въ нашемъ сборникѣ найдутся значительные пробѣлы и недостатки, и мы съ благодарностью примемъ всякое указаніе, которое поможетъ намъ исправить ихъ въ будущемъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить глубокую благодарность тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которые оказали намъ въ той или другой формѣ содѣйствіе при выполненіи нашего труда.

Москва.

15 декабря 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ ко II-му ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе «Азіи» появляется въ значительно дополненномъ и измѣненномъ видѣ. Прежде всего, такъ какъ Азіатской Россіи нами посвященъ отдѣльный сборникъ, то изъ настоящаго сборника исключены всѣ статьи, касающія русскихъ владѣній въ Азіи. Далѣе, всѣ остальные страны Азіи мы старались, по возможности, представить съ желательною полнотой. Поэтому въ настоящее изданіе вошли статьи по Манчжуріи и по нѣкоторымъ частямъ Малайскаго архипелага, которые не были затронуты въ первомъ изданіи; значительно дополнены также Японія, собственно Китай, Индія, Азіатская Турція и Персія. Для этой цѣли намъ пришлось гораздо шире пользоваться иностранной литературой, чѣмъ въ первомъ изданіи.

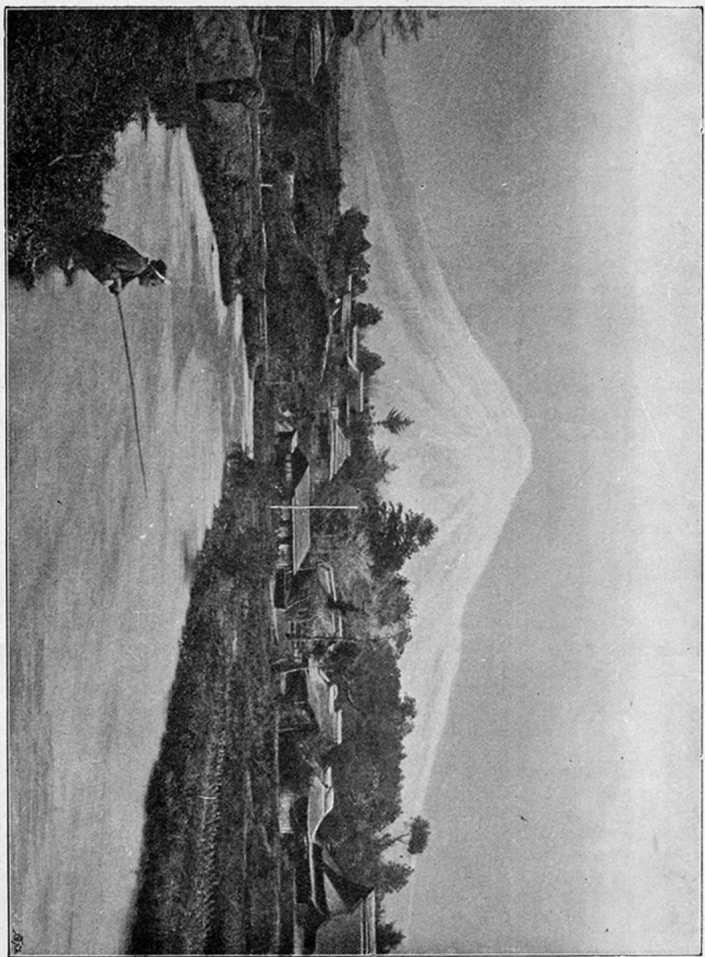
Наконецъ, многія статьи значительно исправлены, а нныя и вовсе замѣнены новыми.

Въ подборѣ и обработкѣ статей мы руководились тѣми же задачами и принципами, что и въ остальныхъ нашихъ сборникахъ. Что касается до иллюстрацій, то намъ удалось, не удорожая изданія, значительно увеличить ихъ число, а многіе не совсѣмъ удовлетворительные рисунки замѣнить новыми. Почти всѣ новыя клише исполнены съ фотографій.

Москва.

16 декабря 1903 г.

ФУЭМ-ИЭМ.

Первое знакомство съ японцами.

(Г. Де-Воллана.)

Знакомо ли вамъ то жуткое, безпокойное любопытство, которое охватываетъ человѣка при первомъ знакомствѣ съ новою страной? Это какой-то неудержимый порывъ узнать все сразу и необычайная жажда все новыхъ и новыхъ впечатлѣній. Все это я испыталъ при видѣ перваго японскаго порта—Кобе, въ которомъ пароходы Messageries Maritimes стоятъ болѣе сутокъ, совершая рейсы между Шанхаемъ и Иокогамою.

На первый взглядъ Кобе представляетъ мало японскаго: это хорошенкій, чистенькій, благоустроенный европейскій городокъ съ удобною пристанью и красивымъ расположеніемъ у подножья высокихъ горъ. Кобе ведетъ очень широкую торговлю и по отпускной и привозной торговлѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ Иокогамы.

Европейскій кварталъ управляется своимъ муниципальнымъ совѣтомъ, имѣетъ свою европейскую полицію и какъ двѣ капли воды похожъ на всѣ европейскіе поселки на Востокаѣ. Къ нему не примѣнно то, что мы разумѣемъ подъ европейскимъ словомъ «городъ»: тутъ нѣтъ многоэтажныхъ домовъ, скученныхъ вмѣстѣ, грязныхъ и узкихъ улицъ съ бѣднымъ и жалкимъ населеніемъ большихъ городовъ. Это скорѣе Царское Село или Павловскъ съ цѣлымъ рядомъ красивыхъ и нарядныхъ дачныхъ построекъ, окруженныхъ зеленью. Это—особняки съ большими садами, красивыми прѣтниками и лужайками.

Превосходно шоссеванные дороги, широкія, тѣнистыя аллеи производятъ пріятное и жизнерадостное впечатлѣніе. Живя въ красивомъ домикѣ съ большимъ садомъ, совершенно забываешь, что находишься въ городѣ, и вамъ кажется, что вы круглый годъ на дачѣ. Англичане—вообще большіе мастера устраивать свою жизнь на широкую, комфортабельную и барскую ногу. Окруженные роскошью и довольствомъ, они живутъ на Востокаѣ такъ, какъ не живутъ въ Европѣ и очень богатые люди. Нужно же чѣмъ-нибудь вознаградить себя за разгулку съ родной, за отсутствие театровъ, музыки и всѣхъ прелестей европейской жизни.

Европейская жизнь съ ея роскошью и барскою обстановкою представляеть все-таки мало оригинальнаго, и для прїѣзжаго гораздо интереснѣе туземный городъ съ характерными типами и костюмами. Поэтому онъ недолго останется въ Кобе и переѣдетъ въ рядомъ лежащій Хіого, который притомъ гораздо больше своего собрата. Къ вашимъ услугамъ изящная ручная колясочка (джереникша), на двухъ высокихъ, тонкихъ колесахъ, на лежачихъ рессорахъ, съ откиднымъ верхомъ, и повезеть васъ не лошадь, а человѣкъ (курума). Если вы прїѣхали Суэцкимъ каналомъ, то такія колясочки для васъ не новость; вы уже успѣли присмотрѣться къ нимъ въ Коломбо, Сингапурѣ и въ Китаѣ. Въ первый разъ какъ-то совѣстно кататься на людяхъ, но потомъ это чувство приутиляется и часто слышишь, какъ иностранцы погоняютъ своего возницу, покрывая на него «хоаку», т.-е. поскорѣе. Возница не уронить сѣдока, на крутыхъ спускахъ сдержитъ, на ухабахъ будетъ осторожнѣе, а что касается достопримѣчательностей города, то онъ отлично знаетъ, что показать европейцу. Онъ покажетъ улицы и магазины, въ которыхъ продаются рѣдкости, и если вы купите что-нибудь, то онъ получитъ заслуженный процентъ. Костюмъ возницы, или курумы, довольно оригинальный: на головѣ бѣлая круглая шляпа въ видѣ гриба или, скорѣе, полоскательной чашки, на плечахъ синяя курточка и во время холоднаго сезона красный пледъ, затѣмъ узкія синія панталоны, а на ногахъ соломенные сандалии. Улицы полны оживленной и веселой суеты; японки въ цвѣтныхъ халатахъ (кимоно) идутъ своею утиною походкою, поскрипывая деревянными калошами; тамъ же не стѣсняемая никѣмъ, среди улицы, играетъ цѣлая коллекція дѣтей всякихъ возрастовъ, не исключая и младенцевъ, которые привязаны къ спинѣ старшихъ братьевъ и сестеръ. Очень забавно видѣть, какъ эти малыши, имѣя за спиной младенца, иногда забываютъ о его существованіи и бѣгаютъ взапуски съ другими дѣтьми; кувыркаются на землѣ, падаютъ, но при паденіи, словно по инстинкту, стараются не ушибить младенца. Бываетъ и такъ, что маленькая няня забудетъ о своей кофѣ и мчится во весь опоръ, а малютка, завернутый туго на спинѣ, тихо дремлетъ, и головка его болтается въ тактъ съ движеніемъ бѣгущаго. Цѣлое полчище носильщиковъ (кули) съ соломенными корзинами, съ цѣлымъ базаромъ всевозможныхъ предметовъ или съ переносною кухней, со сладями изъ риса, рыбажи съ рыбами въ ушатахъ съ водой, слѣпой съ свирѣлью въ рукахъ и съ жалобною мелодіею, банщикъ, зазывающій публику въ свое заведеніе, въ которомъ покупаются всѣ, безъ различія пола и возраста,—все это поражаетъ своею новизною и оригинальностью. При этомъ въ толпѣ ни толкотни, ни шума. У всѣхъ веселыя, радостныя лица, всѣ смѣются и улыбаются, точно очень рады видѣть другъ друга, при встрѣчахъ вѣжливо раскланиваются, сгибал

очень низко спину и упираясь руками в колѣни. Такъ кланяются даже солдаты, забывая совершенно о своемъ военномъ званіи.

Какъ наши ямщики норовятъ всегда проѣхаться вскачь по деревнѣ, такъ и курумы мчатся во весь опоръ по узкимъ улицамъ, и передъ вами такъ и мелькаютъ лавчонки съ разнымъ скарбомъ: кухмистерскія, въ которыхъ выставлены кусочки соленой, копченой и свѣжей рыбы, рисъ, картофель, сои и столь любимая японцами рѣдька. Посѣтителю закусываютъ тутъ же на улицѣ и пользуются для этого деревянными палочками, которыми очень ловко замѣняютъ вилки. Зеленый чай въ ершечныхъ чашкахъ предлагается даромъ каждому посѣтителю.

Японскій дженерикша.

Мои спутники-французы, уже раньше побывавшіе въ Кобе-Хіого и обуреваемые жаждою покупокъ, останавливаются у продавцовъ рѣдкостей. Глаза разбѣгаются при видѣ красивыхъ вещей изъ слоновой кости, черепахи, бронзовыхъ издѣлій, фарфора, лаковыхъ вещицъ, оружія и т. д. Въ первой комнатѣ, выходящей на улицу, выставлены вещи похуже. Лучшие предметы—въ задней комнатѣ, но чтобы видѣть ихъ, надо непременно снять обувь, а то вы попортите и загрязните красивую циновку. И вотъ мы, по японскому обычаю, гуляемъ въ однихъ чулкахъ по чистой толстой циновкѣ. Заглядываемъ изъ любопытства въ другія комнаты, и тамъ насъ поражаетъ такая же чистота, порядокъ и полное отсутствіе мебели. Да гдѣ же они сидятъ? Сидятъ на полу, на циновкѣ, обѣдаютъ такимъ же образомъ и спятъ на тюфякахъ, кото-

рые днем тщательно спрятаны въ стѣнномъ шкафчикѣ. Обстановка японцевъ поражаетъ своей простотой и отсутствіемъ вещей и мебели. Все, что нужно для домашняго обихода, спрятано въ маленькихъ стѣнныхъ шкафчикахъ, а вещи подороже хранятся въ особыхъ, безопасныхъ отъ огня, постройкахъ, сдѣланныхъ изъ камня и желѣза. Японцы не украшаютъ своихъ комнатъ цѣлою выставкою дорогихъ предметовъ; въ пріемной комнатѣ вы увидите только одну картину и одну вазу— вотъ и все.

Если бываетъ у нихъ гость, то иногда хозяинъ покажетъ какую-нибудь рѣдкость и затѣмъ спрячетъ ее въ свою кладовую.

Съ утра отодвигаютъ деревянныя ставни, и въ домѣ, вслѣдствіе этого, поднимается большой шумъ. Хозяйка прежде всего хватается за табакъ и закуриваетъ маленькую трубочку. Трубка эта такая маленькая, что хватаетъ только на одну заляжку. Затѣмъ она высыпаетъ пепель и снова наполняетъ трубку табакомъ. Всякому, кто спалъ въ японскомъ домѣ, знакомъ этотъ стукъ трубки о пепельницу. Затѣмъ японка идетъ въ ванную комнату и совершаетъ свой туалетъ. Она чиститъ свои зубы деревянной щеточкой; при этомъ она и другіе обитатели дома, совершающіе свой туалетъ, откашливаются очень громко и производятъ такой шумъ, точно у нихъ морская болѣзнь. Лица они не моютъ и только вытираютъ его щеточкой; женщины пудрятся, а губы мажутъ губной помадой.

Туалетъ японки очень несложный; онъ весь состоитъ изъ куска матеріи (имодзи), обернутаго вокругъ стана, оби (пояса), потомъ кимоно.

Пока хозяйка одѣвается, прислуга ея уже вымела перышкомъ ниль, поставила на хябачи (маленькій очагъ) маленькій котелокъ съ горячей водой и заварила чай, согрѣла какую-нибудь рыбу. Затѣмъ начинается дневная жизнь. Женщины занимаются рукодѣліемъ, игрою на самисенѣ, болтовней съ сосѣдками, чтеніемъ газетъ; мужчины—дѣлами и возвращаются домой къ вечеру. Къ тому времени въ каждомъ приличномъ домѣ готовится ванна. Если есть гость въ домѣ, то онъ идетъ туда первый, послѣ него хозяинъ, а затѣмъ по порядку жена и кончаетъ уже прислуга. Японцы не моются мыломъ, а скребутъ себя пемзой и, выливъ на себя ушатъ воды, входятъ только на минуту въ ванну. Но при всемъ этомъ купаться послѣ другихъ не особенно пріятно, и когда бываешь въ гостиницѣ, то надо всегда спросить, не пользовался ли уже кто-нибудь ванной.

Японцы большіе любители горячихъ ваннъ и выносливость ихъ въ этомъ отношеніи изумительна. Они берутъ ванны, имѣющія 112° Фар., и даже не поморщатся, тогда какъ европеецъ выскочить оттуда, какъ опаренный. Мнѣ случалось часто видѣть, какъ японцы

послѣ горячей ванны высказывали на улицу нагишомъ и красные, какъ раки, бѣжали въ такомъ видѣ по улицѣ, не опасаясь, повидимому, простуды. Ванна у японцевъ играетъ такую же роль, какъ и у древнихъ римлянъ; они проводятъ въ общественныхъ купальняхъ цѣлые часы; тамъ вперемежку полощатся дѣти, старцы, женщины и молодые мужчины; вся эта публика поетъ, разговариваетъ и голоситъ на всѣ лады. Токийская полиція, подъ влияніемъ европейцевъ, запретила совмѣстное купанье мужчинъ и женщинъ, но эти запреты не коснулись провинціи. Эти общія купальни имѣютъ одно неудобство: онѣ служатъ распространенію накожныхъ болѣзней. Для европейцевъ существуютъ отдѣльныя купальни, въ которыхъ вода мѣняется по желанію, но большинство японцевъ предпочитаетъ общія купальни, которыя дешевле и представляютъ больше развлеченія. Это своего рода клубы.

Наши курумы, желая заработать побольше, предлагаютъ намъ проѣхать на водопадъ и въ Ариму, находящуюся въ 4-хъ часахъ ѣзды отъ Кобе.

Дорога въ Ариму, мѣстами очень тяжелая и неудобная, отличается красивыми пейзажами. По дорогѣ можно взглянуть на деревенскую жизнь въ Японіи.

Деревни, несмотря на бѣдную обстановку, имѣютъ красивый и привѣтливый видъ, благодаря обилію цвѣтовъ и зелени, которыми японцы умѣютъ украсить свое жилище. Средина улицы и тутъ занята дѣтьми, играющими въ разныя игры или гонящими змѣя. Курума, увидѣвъ ребенка, сидящаго на дорогѣ, сворачиваетъ въ сторону; но это не такъ легко сдѣлать, когда ѣдешь верхомъ или въ экипажѣ и когда всѣ эти карапузики точно нарочно лѣзутъ подъ лошадь или подъ экипажъ.

Дома большею частью деревянные или глинобитные съ деревянными переборками и столбами; крыши тростниковыя или соломенные, обетриженныя подъ гребенку; наверху посажена травка или цвѣты. Путешественника поражаетъ отсутствіе трубъ. Чѣмъ дальше отъ дороги, тѣмъ чаще видишь людей, костюмъ которыхъ ограничивается однимъ только «фундоши» (кусокъ матеріи вокругъ чреслъ); даже курумы вдали отъ зоркихъ глазъ полицейскаго стараются сбросить съ себя все лишнее и очень счастливы, когда могутъ бѣжать въ самомъ легкомъ дезабилье. Интересно смотрѣть, какъ они, завидѣвъ издали полицейскаго, въ одно мгновеніе накладываютъ на себя киромонъ. Эти строгости явились подъ влияніемъ чопорныхъ англичанъ; сами же японцы не усматриваютъ въ этомъ ничего предосудительнаго, и теперь, несмотря на всякія строгости, очень часто видишь, какъ женщины, безъ всякаго стѣсненія, принимаютъ сидячую ванну въ своихъ доханкахъ и моются и полощутся ври публикѣ. Но пора сказать нѣсколько словъ о японскомъ костюмѣ.

«Кимоно», или «киримоно» (отрѣзанная вещь), похожъ на халатъ съ широкими, какъ у рясы, рукавами, которые у японцевъ замѣняютъ карманы. У каждаго японца въ рукавѣ всегда имѣется бумага, замѣняющая носовой платокъ и салфетку, книжечки и много другихъ необходимыхъ пред-

Японка въ зимнемъ костюмѣ.

метовъ. Женское кимоно отличается отъ мужского только тѣмъ, что оно длиннѣе. Рабочіе, носильщики и ремесленники носятъ очень короткое кимоно или довольствуются коротенькою распашонкою. Многие японцы носятъ на рукавѣ или на спинѣ гербъ своего дома, а въ старину носи-

ли гербъ своего господина. Кимоно опоясывается широкимъ кушакомъ (оби); у женщинъ кушакъ завязывается сзади широкимъ и красивымъ бантомъ въ видѣ бабочки. Японцы не носили прежде сорочекъ, только одинъ микадо носилъ подъ кимоно длинную шелковую рубашку, которая мѣнялась каждый день и съ императорскаго плеча отдавалась придворнымъ.

Въ холодное время японцы навьючиваютъ на себя нѣсколько «кимоно», подбитыхъ ватой, и сразу увеличиваются въ объемъ. Люди высшихъ классовъ поверхъ кимоно одѣваютъ «хаори», похожій на кимоно, но гораздо короче. Хаори играетъ роль нашего сюртука. Поселяне носятъ узкія панталоны (момошики), но только офицеры и дворяне носятъ хакама (шаровары). Простолудины и люди средняго круга одѣваютъ «хакама» только въ особенныхъ и торжественныхъ случаяхъ. День, когда мальчики въ первый разъ надѣваютъ «хакама» (когда минетъ пять лѣтъ), считается большимъ праздникомъ въ семействѣ. Въ прежнее время, когда при дворѣ еще не были введены европейскіе костюмы, придворные носили длиннѣйшія хакама, которыя закрывали всю ногу и на нѣсколько вершковъ волочились на полу (такія «хакама» можно видѣть въ театрѣ). Поверхъ хаори одѣвалась крылатка безъ рукавовъ — костюмъ, по своему значенію соответствующій нашему фракъ.

Я еще ничего не сказалъ о затѣйливыхъ прическахъ японокъ. Благодаря особенной мастикѣ, черные какъ смоль волосы японки образуютъ очень пышную, высокую куафюру, украшенную шпильками и цвѣтами. Ноги японокъ не искалѣчены, какъ у китаянокъ высшаго класса. Японки и японцы носятъ обыкновенно чулки, различные тѣмъ отъ нашихъ, что большой палецъ отдѣляется отъ остальныхъ. Въ комнатахъ носятъ легкія сандалии или ходятъ въ однихъ чулкахъ. Для улицы существуютъ деревянные калоши, похожія на скамейки. Въ настоящее время относительно костюма существуетъ полная анархія и смѣшеніе костюмовъ невообразимое. Вы увидите европейскія шляпы, солнечные шлемы и японскій кримомо, пиджаки и панталоны, а на ногахъ — соломенные сандалии или деревянные калоши; а иногда вдругъ покажется старій, поружѣвшій отъ времени цилиндръ, уцѣлѣвшій кажимъ-то чудомъ отъ какой-нибудь похоронной процессіи. Замѣчательно, что европейскій головной уборъ раньше всего другого пришелся по вкусу японцамъ. Прежде японцы ходили съ открытою головою и выбривали часть волосъ, оставляя только маленькую косичку на головѣ. Только женщины, за исключеніемъ дамъ высшаго общества, остались вѣрны національному костюму.

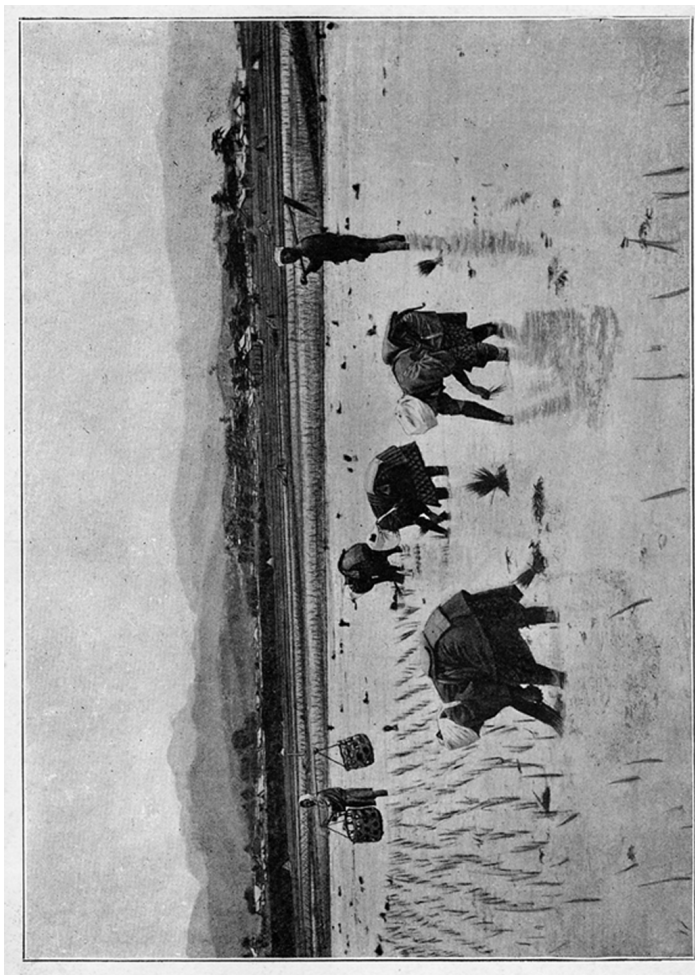
По Японіи.

(В. Сѣрошевскаго.)

Отъ Кобе желѣзнодорожная линия идетъ самымъ краемъ Средиземнаго Японскаго моря. По одну сторону бѣгущаго поѣзда стелется жемчужное море, по другую—рисовыя поля безъ конца. Должно быть, дозрѣваетъ на нихъ уже второй посѣвъ, такъ какъ они болѣе зелены, чѣмъ видѣнныя мною на сѣверѣ.

Виды открываются изъ оконъ одинъ лучше другого. Море то появляется, то вдругъ исчезаетъ. Красныя песчаниковыя горы, поросшія по склонамъ кривымъ соснякомъ, прыгаютъ кругомъ васъ. Поѣздъ то и дѣло пронизываетъ ихъ въ отверстія туннелей. А межъ горами по долинамъ стелются все тѣ же рисовыя поля съ приподнятыми какъ у подноса краями. Темная, сочная растительность этихъ граней превращаетъ всю долину въ разнообразныя геометрическія фигуры. Яркорасные осенніе цвѣты пламенѣютъ то тамъ, то сямъ среди зелени. Смуглыя кучы бамбука красиво темнѣютъ среди ясныхъ полей и солнечнаго воздуха. Ихъ тонкіе побѣги, ихъ нѣжная кудрявая листва дѣлаютъ ихъ похожими на вѣтеръ тончайшихъ зеленыхъ кружевъ. Среди корявыхъ темныхъ сосенъ, среди черныхъ кипарисовъ и туй вдругъ неожиданно сверкнетъ изразцовая крыша храма, выгнутая не хуже шляпки городской щеголихи, или заблѣютъ вдругъ каменные, украшенные цвѣтами столбы совсѣмъ не грустныхъ японскихъ кладбищъ. По полотну ровной свѣтлой дороги движется рядъ людей въ большихъ соломенныхъ зонтикообразныхъ шляпахъ. Одни несутъ на спинѣ или на коромыслахъ тяжести, другіе идутъ налегкѣ, поддерживая надъ головою желтый зонтикъ изъ промасленной бумаги, съ черными прутьями остова, уподобляющими зонтикъ широкимъ плавникамъ большихъ морскихъ рыбъ. Дама подъ лиловымъ шелковымъ зонтикомъ ѣдетъ на воздушной «кришѣ». Въ головѣ у нея красный цвѣтокъ, а везущій ее «курума», нагой, только съ повязкой на головѣ и кругомъ бедеръ, весь бронзовый, точно отлитый изъ мѣди, свободно и ровно бѣжитъ, отбивая мѣрный тактъ по полотну дороги. Опять горы разступились, и зарѣяло передъ нами синее море, затуманенное и смѣшанное съ облачнымъ небомъ, съ пятнами темныхъ мысовъ и далекихъ гористыхъ острововъ. Бѣлые паруса скользятъ по направленію къ нимъ и отъ нихъ. Вездѣ мирно трудятся люди. Среди полей поднимаются одинокія головы поселенцевъ, поющихъ хлѣбъ. Они движутся такъ спокойно и осторожно, что сразу не отличишь ихъ отъ пугаль для птицъ, густо разставленныхъ на поляхъ и одѣтыхъ въ такія же колпаковидныя колыхающіяся шляпы. Они не надрываются, не мечутся, работаютъ тихо, но непрерывно.

Пассажировъ на станціяхъ множество, но нѣтъ суеты и замѣшатель-

Обработка рисового поля въ Японіи.

ства. Бѣгаютъ исключительно носильщики въ красныхъ шапкахъ, разыскивая нуждающихся въ нихъ пассажировъ, да снуютъ продавцы съѣстного, напитковъ, папиросъ и газетъ...

— Бенго! Бенго! Ча!..—твердятъ они монотонно.

За двѣ копейки можно купить хорошенькій чайничекъ съ чашкой, полный горькаго японскаго чая. Къ этому чаю можно привыкнуть, но,

къ сожалѣнью, японцы понятія не имѣютъ, что такое кипятокъ. Теплая и кипящая вода для нихъ одно и то же, лишь бы настоялся чай. А такъ какъ теплая вода дешевле, потому что меньше требуется топлива, то они употребляютъ исключительно подогрѣтую воду. Не слѣдуетъ въ виду этого соблазняться красивой наружностью чайниковъ и пить эту, очень часто нездоровую воду. Послед-

ствія могутъ быть очень неприятныя. Точно такой же чай даютъ и во всѣхъ японскихъ отеляхъ и чайныхъ домикахъ, развѣ что предусмотрительный путешественникъ заставитъ воду вскипятить при себѣ, благо тутъ же передъ нимъ первымъ дѣломъ ставить жаровню съ горящими угольями.

Но съ напитками японскими можно бы еще помириться. Другое дѣло—ихъ пища. Къ послѣдней я никакъ не могъ привыкнуть; думаю,

Японцы въ дождевыхъ плащахъ.

что поварскую японскую книгу сочиняло, навѣрно, одно изъ этихъ морскихъ чудовищъ, кусочекъ которыхъ обязательно включенъ въ меню всякаго японскаго обѣда или ужина.

Нѣсколько разъ, чтобы провести опытъ до конца, я не бралъ съ собою въ дорогу провизія и покупалъ продаваемые на станціяхъ «бенто». Выглядитъ оно чрезвычайно заманчиво: прекрасный, новенькій ящичекъ изъ тончайшаго дуба перевязанъ растительнымъ волокномъ и застегнутъ колышкомъ. Прямо конфетная коробочка! Въ верхней перегородкѣ—бѣлый, прозрачный, превосходный рисъ. Недурно! Стоило бы только добавить хоть капельку соли или сахару, а то въ японскомъ приготовленіи этотъ великолѣпный рисъ очень смахиваетъ на клейстеръ переплетчиковъ!... Отрываемъ второй ящикъ и радуемся за нашу покупку: мы вполнѣ вознаграждены за неудачу съ рисомъ. Коробочка полна какихъ-то вкуснѣйшихъ янтарныхъ фруктовъ, слыхъ и желтыхъ плодовъ, фіолетовыхъ маринадъ, расположенныхъ съ большимъ вкусомъ по чистому дну. Такъ все это красиво, что жаль трогать!.. И не совѣтую: эти прелести не что иное какъ подкрашенный соленый и моченый лукъ, рѣпа, рѣдка, стручковый перецъ; они до того горьки, что слезы текутъ изъ глазъ у любопытныхъ, и, отвѣдавши ихъ, кричатъ даже сдержанные англичане... Есть еще тамъ рыба, соленая по-японски сухимъ засоломъ, безвкусная какъ стружки; есть «кусъ» каракатицы и чьи-то плавники, есть пирожки изъ гороховой муки, приторно-сладкіе и тягучіе... Все—порядочная гадость! Бывалъ я и на званыхъ роскошныхъ японскихъ пирсахъ—все то же, та же чудесно раскрашенная гадость!.. Вдобавокъ японцы все ѣдятъ холоднымъ или почти холоднымъ, одну рисовую водку пьютъ теплой. Все сразу подають на подносѣ, по-китайски, въ маленькихъ лаковыхъ чашечкахъ и все заразъ ѣдятъ, поклевывая то тамъ, то сямъ своими столовыми палочками... Нѣтъ, не вѣрю, чтобы европеецъ могъ привыкнуть къ японской кухнѣ... Да такого я и не встрѣчалъ!

Къ счастью, со скорыми поѣздами всегда ходитъ теперь буфетъ. Вхожу и отыскиваю свободное мѣсто. Ловкая японская прислуга совсѣваетъ мнѣ въ руки списокъ блюдъ съ расцѣпкой, чтобы такимъ образомъ облегчить мнѣ скуку ожиданія. Удивительная дешевизна: чашка бульона, жареная рыба, хлѣбъ, масло, бифштексъ, бутылка воды «Хиранов», сладкое, фрукты, чай—всего вволю за 60 копейекъ.

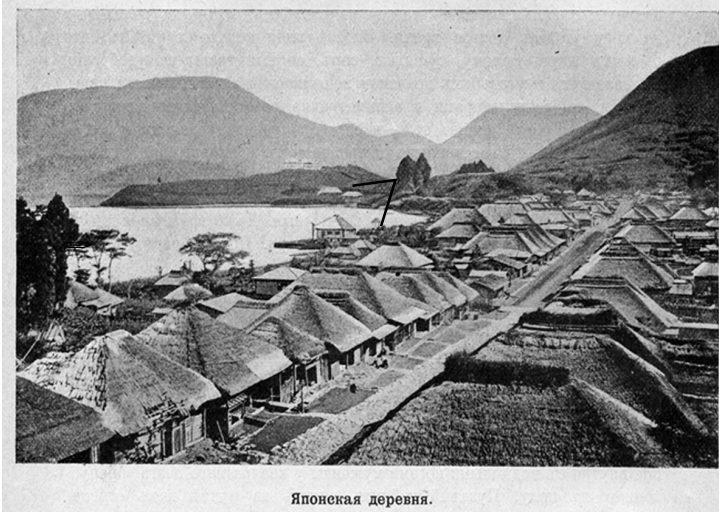
Сквозь широкія хрустальныя окна столовой виденъ все тотъ же чудесный ландшафтъ по обѣимъ сторонамъ рельсовъ. Деревень—гибель, но небольшія. Чаще всего два-три дома, рѣже строенія соединяются въ небольшую улицу. Не видно тоже соломенныхъ крышъ,—все сѣрая черепица. На болѣе богатыхъ постройкахъ она съ глазурюю и образуетъ по краямъ и гребню красивый бѣлый узоръ. Деревянныхъ по-

строекъ тоже мало, все больше глинобитныя. Замѣчаю среди полей одинокія строенія, какія-то крыши на столбахъ, которыхъ назначенія не могу угадать долгое время. Впослѣдствіи только я узналъ, что въ нихъ жгутъ солому, сушякъ, соръ, сорныя травы на удобрение. Въ селеніяхъ и усадьбахъ поразили меня красивыя каменныя житницы, высокія, съ вентиляторами и асимметрично разставленными, неровными окнами. Крыши домовъ тоже иногда причудливо удлинены и завернуты сообразно хозяйственнымъ потребностямъ и направленію дождей.

Солнце ярко свѣтитъ. Вода на рисовыхъ поляхъ сверкаетъ въ его блескѣ и сквозь сѣтку хлѣба мечетъ во всѣ стороны брызги огненныхъ искръ. Окрестности стали какія-то воздушныя. Даже грузныя нивы на откосахъ горъ кажутся повисшими въ лазури. Поѣздъ часто несется по карнизу крутого обрыва. Внизу шумитъ рѣча и стелется волнующіяся нивы по край синяго моря. Кругомъ деревни, деревни, мѣстечки, усадьбы... люди! По другую сторону поѣзда, часто выше его, тоже поднимаются ступенями все тѣ же поля, сады, гряды лука и рѣдки, маленькіе пруды, полные лопастей лотоса...

Иногда вся гора до самой вершины изсѣчена этими ступенями наводняемыхъ полей и кажется какой-то «лѣстницей Іакова», упирающейся въ небо. Тамъ часто въ зелени кустовъ и деревьевъ прячется хорошенкій домикъ. Сквозь раздвинутыя стѣнки его видны иногда сидящие внутри съ поджатыми ногами мужчины у квадратнаго очага, прорубленнаго въ полу. Пузатый чайникъ виситъ на ручкѣ надъ огнемъ, а обокъ женщина на колѣняхъ ставитъ на низенькомъ столикѣ посуду.

Жарко. Низкая географическая широта даетъ себя сильно чувствовать. Все чаще и чаще въ садахъ кудрявятся перистыя пальмы болѣе высокія и роскошныя, чѣмъ на сѣверъ отъ Токио. Огромныя свѣтлыя листья банановъ поднимаются много выше кровель домовъ. Въ чащахъ надъ рѣчками преобладаетъ бамбукъ. На высотахъ—корявая японская сосна, а въ садахъ все тѣ же туи, криптомерія, гранатовое дерево, фикусъ, кленъ, кипарисъ и, конечно, вездѣ любимый населеніемъ, полезный «киринъ» съ бѣлою, легкою, звучною древесиною и широкими, мягкими листьями. Прелестной японской ивы, украшенія роцъ сѣверной и центральной Японіи, а также краснолистныхъ тамошнихъ «измаковъ», дуба да ольхи я нигдѣ не замѣтилъ. Мало встрѣчается также—по крайней мѣрѣ у полотна дороги—плантаціи шелковичнаго дерева и чайныхъ кустовъ. Въ архитектурѣ домовъ, въ грушировкѣ растительности чувствуется замѣтное вліяніе Китая. Конечно, всѣ эти строенія—тѣ же японскіе, чистенькіе, выстланные цыновками домики-коробочки, свѣтлыя, сквозные, легко просушиваемые, прекрасно пригнѣнные къ влажному, жаркому климату страны, гдѣ все легко и основательно плѣснѣетъ, но въ украшеніяхъ, въ изгибахъ крышъ, въ рѣзбѣ навѣ-

совъ и столбовъ уже нѣтъ той изящной простоты, законмѣрности, которая такъ восхищаетъ въ постройкахъ сѣвера и центра Японіи...

Опять море уходитъ отъ насъ. Несемся среди горъ, по долині, на днѣ которой втекаетъ рѣчушка. Виды восхитительныя, но трудно передать ихъ прелесть, такъ какъ вся она заключается въ неуловимыхъ отличіяхъ и отгѣнкахъ. Вотъ мостикъ дугой надъ ручьемъ, по нему проходятъ вереница ребятишекъ. Вотъ водяная мельница стучитъ у небольшого водопада, — рѣдкость въ этой странѣ, гдѣ совершенно не знаютъ вѣтряныхъ мельницъ. Рисъ не нуждается въ помолѣ. Не увидитъ также путешественникъ здѣсь ни гдѣ дымовыхъ трубъ. Печей нѣтъ, дома согреваются зимой угольными грѣлками, а дымъ изъ кухонныхъ очаговъ уходитъ во время варки пищи сквозь дымовое отверстіе въ крышѣ. Зато часто на конькахъ кровли стоятъ бочки съ водой на случай пожара. Опять чудная зеленая пуца нѣжнаго бамбука среди желтыхъ полей! Опять городокъ, брошенный на краю снятаго залива! Пролетаемъ серединой его, чуть не касаясь стѣнъ и крышъ городскихъ строеній. На крышахъ поразвѣшано много полосъ цвѣтныхъ тканей. Въ Японіи вездѣ встрѣчаются на крышахъ небольшіе помосты съ лѣ-

сами для раскрашивания, отцвѣчиванія и просушки старыхъ и новыхъ тканей. Тамъ обыкновенно хозяйничаютъ женщины.

Край моря на большомъ протяженіи защищенъ здѣсь отъ волтъ высокою, крѣпкою, каменною стѣной, по верху которой пролегаеть удобная, ровная дорога. Кое-гдѣ рядъ кривыхъ сосенъ окаймляеть ее, и все это выгладеть очень красиво въ просвѣтленномъ отблескомъ залива воздухѣ, особенно когда мелькаетъ изящная фигурка японки подъ цвѣтнымъ зонтикомъ, съ яркою кокардой «оби» на спиѣ.

Среди полей, на отнятомъ у моря побережьѣ, я замѣтилъ обширные сѣрые участки, раздѣленные на небольшіе плоскіе квадратные бассейны: здѣсь сгущаютъ выпариваніемъ морской рассоль для выварки соли. Соль японская—прескверная, черная, горькая, и рыба, посоленная въ ней, невкусна. Среди залива видны большіе и малые острова, похожіе на букеты зелени, брошенные на синеву моря. Кругомъ нихъ, точно бабочки, снуютъ бѣлые паруса...

Быть сельскаго населенія Японіи.

(А. Краснова.)

До сихъ поръ еще Японія—страна крестьянства и мелкой кустарной промышленности.

Погруженный въ заботы о своихъ разнообразныхъ растеніяхъ, японскій земледѣлецъ круглый годъ, какъ жукъ, копаеться въ землѣ своего небольшого участка. У него нѣтъ, какъ у русскаго, тѣхъ длинныхъ періодовъ относительнаго отдыха, нѣтъ и страдной поры жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ нашего крестьянства. На его поляхъ есть всегда дѣло, и если онъ имѣеть короткія передышки, то это скорѣе среди лѣта, когда всѣ растенія растутъ и когда сама природа работаетъ за земледѣльца.

Обстановка и быть здѣшняго крестьянина опредѣляются его земледѣльческими занятіями. За исключеніемъ 2—3 городовъ, надъ которыми только въ послѣднее десятилѣтіе стали воздыматься трубы устраиваемыхъ по американскому типу фабрикъ, остальные города Японіи—большія деревни, и описаніе хорошаго деревенскаго дома не будетъ ничѣмъ отличать отъ описанія дома городскаго; столицу Японіи теперь съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ нѣкогда Москву, можно назвать большою деревней. Съ другой стороны, несмотря на то, что почти всѣ постройки въ Японіи деревянныя, деревни японскія въ гораздо большей степени, чѣмъ наши, напоминаютъ города. Малое количество содержамаго крестьянствомъ скота, въ связи съ прирожденною чистоплотностью японскаго народа, является причиной, что деревни ихъ производять впечатлѣніе самыхъ чистыхъ дачныхъ мѣстъ Европы.

Здѣсь нѣтъ и японцу о невылазной грязи, смѣшанной съ соломой и

пометомъ, составляющей необходимую принадлежность русской степной деревни. Здѣсь не видно обыкновенно ни хлѣбовъ, ни бѣгающихъ по улицамъ животныхъ. Лишенные садиковъ въ нашемъ смыслѣ слова, снабженные балкончиками дома выходятъ, выстроившись въ рядъ, на узкую, безукоризненно чистую, прекрасно шоссированную или выложенную плитами улицу.

Эта улица составляетъ продолженіе такого же ровнаго и гладкаго, безукоризненно чистаго, но узенькаго, точно для велосипедистовъ назначеннаго, иногда усаженнаго эффектными старыми деревьями—соснами и криптомеріями—шоссе. Шоссе эти, равно какъ и улицы деревень, не предназначены для ѣзды на животныхъ, роль которыхъ исполняютъ и исполняютъ человѣкъ. Но японское правительство уже мечтаетъ замѣнить свои дороги конножелѣзнымъ сообщеніемъ, уже теперь начинающимъ распространяться въ окрестностяхъ Токагамы, Міаношиты и др.

Дома японскихъ деревень деревянные. Тамъ и сямъ среди нихъ возвышается каменная постройка съ окнами, закрытыми ставнями, по устройству напоминающими дверцы нашихъ нестерраемыхъ шкаповъ. Это—нестерраемые склады, гдѣ населеніе хранитъ свое драгоценное имущество на случай пожаровъ, отъ которыхъ Японія страдаетъ не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ наше великороссійское крестьянство.

Постройка японская большею частью двухэтажная; рѣже, у болѣе бѣднаго крестьянскаго населенія одноэтажная. Она не имѣетъ ни фундамента, ни стѣнъ. Это остовъ дома, бесѣдка съ задвижными бумажными стѣнами, но не домъ въ нашемъ смыслѣ слова.

Бѣдное населеніе имѣетъ соломенные крыши съ крутыми скатами своеобразной формы. Но обыкновенно крыша, какъ и въ Китаѣ, дѣлается изъ изящной бѣлой и сѣрой фарфоровой черепицы. На гребнѣ крыши, если она соломенная, для украшенія, а на сѣверѣ, повидимому, и съ болѣе практическою цѣлью, сажаются растенія, обыкновенно присы или золотистыя лиліи, что придаетъ жилищамъ очень оригинальный видъ. Крыша далеко выдается надъ домомъ, предохраняя отъ дождя небольшую верандочку, которой обнесенъ домъ. Короткія сваи подпираютъ полъ, не позволяя ему прикасаться къ землѣ. Чтобы войти въ домъ, надо подняться на одну или двѣ ступеньки, у которыхъ обыкновенно и оставляютъ обувь. Небольшая, подпираемая колоннами, иногда менѣе фута шириною, веранда отдѣляется отъ края пола раздвижныя стѣны дома, состоящая изъ большихъ рѣшетчатыхъ рамъ, затянутыхъ полупрозрачною навоощенною бумагой. Эти рамы вставлены въ пазы, по которымъ онѣ могутъ двигаться, какъ задвижныя ставни, и образуютъ стѣнку только на ночь, когда ими задвигаются отъ воровъ или отъ нескромныхъ взглядовъ прохожихъ; на ночь ихъ задвигаютъ еще двумя рядами плотныхъ ставней. Настоящую дощатую стѣну японскій домъ имѣетъ съ

одной или много съ двухъ сторонъ, и въ лучшихъ случаяхъ большія зданія бываютъ перегородены на 2 или 4 части внутренними стѣнками. Обыкновенно въ потолкаѣ и полу имѣются пазы, въ которыхъ двигаются такія же бумажныя или картонныя рамы, позволяющія перегородить внутреннее жилище на 2—4 или болѣе комнатъ. Онѣ всегда прямоугольны и около 2 метровъ длины и 3 ширины. Полы такихъ комнатъ устланы циновками, владывающимися наподобіе подушекъ дивановъ нашихъ конножелѣзныхъ дорогъ. Эти циновки и служатъ для сидѣнія, такъ какъ мебели въ японскихъ домахъ нѣтъ; въ лучшемъ случаѣ ее замѣняютъ плоскія, какъ блины, подушки.

Потому-то нѣтъ большаго неприличія, какъ войти въ японскій домъ въ обуви; это все равно, что у насъ залѣзть съ сапогами на диванъ. Дѣти ходятъ въ чулкахъ или босикомъ, наблюдая, чтобы ноги были въ чистотѣ; взрослые оставляютъ свою обувь при входѣ у порога, которымъ поднимается надъ землю полъ комнаты нижняго этажа. Благодаря такимъ свойствамъ стѣнъ, въ японскомъ домѣ нѣтъ подраздѣленія комнатъ, какъ у насъ, на спальни, гостиныя и т. п., или, вѣрнѣе сказать, вставить перегородки, такія комнаты можно создать или уничтожить въ нѣсколько минутъ.

Въ каждомъ домѣ можно однако рѣзко отличить внутренніе, выходящіе въ садъ апартаменты съ верандою, играющіе роль парадной комнаты, въ городахъ—лавки, въ деревняхъ—мѣстопробыванія семьи. Въ нихъ ведутъ небольшія сѣни. Часть этой передней половины дома оттораживается подъ кухню. Эта кухня японскаго дома не похожа на нашу. Здѣсь нѣтъ плиты,—эта кухня есть лишь усовершенствованный домашній очагъ полудикихъ жителей сѣвера—айновъ. Это большой квадратный ящикъ, наполненный пескомъ и золой, въ которомъ разводятъ огонь и надъ которымъ въ потолкаѣ виситъ крюкъ; на него вѣшаютъ котлы, чайники и другіе сосуды для варки кушаній или ставятъ ихъ на треножники надъ огнемъ. Потому не всякій японскій домъ имѣетъ трубу для выхода дыма, и это послѣднее обстоятельство, особенно зимою, присоединяясь къ холоду, сырости и неудобству, происходящему отъ отсутствія мебели, дѣлаетъ въ это время года японское помѣщеніе далеко не пріятнымъ жилищемъ для европейца.

Остальныя комнаты не имѣютъ печей. Зимой и осенью въ нихъ свирѣпствуетъ холодный вѣтеръ, и только большія жаровни, ставимыя въ комнатахъ, и ручныя грѣлки, носимыя въ карманахъ, предохраняютъ конечности отъ ооченія. Эти японскія ручныя грѣлки начинаютъ распространяться и у насъ. Эти небольшія жестыяя коробочки, содержащія тлѣющіе кусочки дерева, безъ дыма, очень медленно, но разливая пріятную, согрѣвающую руки теплоту. Онѣ въ зимнее время съ устѣхомъ замѣняютъ наши рукавицы. Стѣны комнатъ часто украшаются какемоно.

Какемоно—это длинная узкая полоса бумаги или материи, вѣшаемая на стѣну, на бумагѣ нарисована картина или написано изреченіе китайскаго философа или стихъ японскаго поэта. Послѣдніе отличаются лаконизмомъ. Эти стихи не похожи на стихи нашихъ поэтовъ, пускающихся въ подробности описанія чувства или природы. Въ противоположность живописи поэзія японцевъ старается дать только сюжетъ, который развить или пополнить предоставляется читателю. «Луна, темное голубое небо, стая журавлей, тянущихся къ югу»—вотъ примѣръ стиха такого поэта. Читателю дается тема поэтической осенней ночи, детали которой воспроизводитъ онъ самъ въ своемъ воображеніи. Артистически написанные иероглифами стихи какемоно не менѣе, чѣмъ хорошая картина, могутъ служить для украшенія комнаты. У крестьянъ-бѣдняковъ, впрочемъ, въ послѣднее время начинаютъ распространяться аляповатыя лубочныя картинки, очень похожія на наши.

Такой типъ безъ различія имѣютъ всѣ дома. Только величина и толщина отдѣлки отличаютъ жилище богатаго отъ дома бѣднаго, городское отъ сельскаго. Обыкновенно дома рассчитаны на семейство изъ 4—5 персонъ, и стоимость дома не превосходитъ здѣсь 75—500 руб.

Японскія комнаты не отличаются ни удобствомъ, ни комфортомъ, въ нихъ нѣтъ мебели; здѣсь «не дѣлаютъ въ своихъ комнатахъ улицъ», какъ зовутъ японцы европейское убранство домовъ. Единственное содержимое комнаты—низенькій ящичекъ—миниатюра домашняго очага, въ которомъ тлѣетъ уголь для раскуриванія табаку, и пепельница—отрѣзокъ нетолстаго бамбуковаго стебля; въ одной изъ стѣнъ устраивается ниша, въ которую ставятъ вазы съ букетами, а за ними стѣна обыкновенно украшена какемоно. Въ другой половинѣ стѣны—ящичекъ, въ которомъ хранятся постельныя принадлежности. Эти послѣднія вытаскиваются лишь на ночь и состоятъ изъ небольшого свертывающагося матраца, ночного халата и деревянной подушки. Теперь изобрѣтены, впрочемъ, подушки на пружинахъ, состоящія изъ небольшого цилиндрическаго валика, обшитаго матеріей и укрѣпленнаго на двухъ пружинахъ изъ деревянной подставки. Большой фонарь и божница, стоящая въ углу, дополняютъ убранство комнаты ¹⁾. Верхній этажъ расположенъ подобнымъ же образомъ, но онъ ниже.

Пища японца—чисто вегетарианская. Существеннѣйшіе элементы нашего стола: хлѣбъ, мясо, масло и молоко, отсутствуютъ. Просо и рисъ—главная пища крестьянина; затѣмъ слѣдуютъ бобы и клубни колокази и лотоса; соленая рѣдька и баклажаны—необходимая принадлежность

¹⁾ Въ фонаряхъ еще недавно горѣли масляныя лампы,—металлическія, наполненныя масломъ чашечки, въ которыя клался вмѣсто фитиля кусокъ сердцевинны одного дерева; теперь почти всюду вводятся керосиновыя лампочки.

стола: его дополняют орѣхи, каштаны, фрукты. У жителей внутреннихъ частей страны—яйца и соленая рыба, у прибрежныхъ жителей—морскіе продукты, рыба, раки, моллюски—главная пища. Столъ японца рѣдко состоитъ изъ горячихъ блюдъ; большею частью онъ составленъ изъ

Японцы за обѣдомъ.

блюдъ теплыхъ и холодныхъ, подаваемыхъ въ изящныхъ деревянныхъ чашечкахъ на игрушечныхъ столикахъ, гдѣ каждому гостю отдѣльно сервируется ассортиментъ блюдъ изъ супа, рыбы, бобовъ и овощей, заѣдаемыхъ рисомъ и запиваемыхъ чаемъ. Обѣдъ сопровождается

Азія.

«саке»—родомъ рисовой водки и соей—особой ѣдкой подливкой изъ бобоваго растенія.

Женщина обыкновенно присутствуетъ за столомъ, не принимая участія въ трапезѣ. Она кладетъ кушанья на блюда, съ которыхъ ѣстъ гость; а украшать изящно подаваемые блюда—цѣлая сложная наука, дѣлющая изъ накрытаго стола японской трапезы изящное для глазъ зрѣлище.

Столъ японскаго крестьянина даже и не всегда состоитъ изъ риса. Обыкновенно это—смѣсь изъ одной части риса и 2 частей разваренныхъ пшеничныхъ, ячменныхъ и просяныхъ зеренъ. Но во всякомъ случаѣ или рисъ, или эта смѣсь составляетъ собственно пищу—все остальное есть приправа или закуска. Надо ли говорить, что для ѣды, какъ и въ Китаѣ, служатъ палочки?

Отсутствіе скотоводства и дойныхъ животныхъ и молочнаго хозяйства сокращаетъ число земледѣльческихъ орудій и домашней утвари. Во дворѣ японскаго мужика вы не увидите ни хлѣва, ни стойла, не услышите ржанія коня или мычанія коровы. Только пѣніе пѣтуха напомнитъ вамъ, что вы въ деревнѣ. Нѣтъ обычныхъ горшковъ, стоговъ сѣна и грудъ испачканной навозомъ соломы, въ которой роется своимъ рыломъ свинья. Здѣсь все дѣлаетъ и за все отвѣчаетъ человѣкъ. Его доходъ настолько ничтожный, что японскій крестьянинъ съ радостью идетъ на работу по 12—15 коп. въ сутки. И, несмотря на это, Японія все-таки производитъ впечатлѣніе страны счастливыхъ и довольныхъ людей. Улыбка не сходитъ съ устъ одѣтаго въ простую грубую одежду крестьянина. Трудъ, въ который онъ круглый годъ съ утра до вечера погруженъ, кажется, наполняетъ его существованіе и составляетъ его удовольствіе. Онъ оживленъ и веселъ всегда. Его вѣжливость обращенія поражаетъ европейца. Правда, японская привычка кланяться, сгибаясь на-двое, прикладывая ладони рукъ ниже колѣнъ, съ улыбкою и звуками «ссс», или въ домѣ, когда человѣкъ сидитъ, склоняться до полу—производитъ въ первое мгновеніе впечатлѣніе приниженности; но не надо забывать, что въ странѣ, гдѣ нѣтъ стульевъ, гдѣ всѣ сидятъ, стоя на колѣняхъ, сама жизнь вызвала эти странныя формы вѣжливости. Стоитъ только ближе познакомиться съ японскимъ крестьяниномъ, и вы увидите, что тутъ нѣтъ и слѣда приниженности, наоборотъ—много собственного достоинства и внушенная вѣжкою культурою любезность и вѣжливость. Рядомъ съ вѣжливостью въ японскомъ крестьянинѣ поражаетъ масса эстетическаго вкуса. Воспитанный обыкновенно среди чудныхъ панорамъ необезображенной человѣкомъ природы, онъ съ дѣтства привыкъ ценить и любить прекрасное въ природѣ. Его культура мало портитъ природу. Онъ нигдѣ не видитъ обезображенныхъ, оголенныхъ утесовъ, обрубанныхъ культурою голыхъ полей. Вездѣ виднѣтся или рощица, или лѣсокъ

стройныхъ деревьевъ, окружающихъ храмъ бога земледѣлія или другою мѣстнаго шинтускаго божества съ ведущими къ нему ступенями, украшенными воротами, или тамъ и сямъ разбросанныя причудливо развѣтвленныя деревья японской сосны.

Поля окаймлены полезными деревьями. Они не пустыютъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ пара и одна культура спѣшитъ смѣнить другую, не зная однообразія нашихъ пустыющихъ полей. Малоземельныя мелкія владѣнія и маленькіе участки полей съ различными культурами придаютъ сельскому ландшафту Японіи совершенно отличный отъ нашего обликъ. Здѣсь нѣтъ моногонныхъ пространствъ юга Россіи, занятыхъ на цѣлыя версты однимъ и тѣмъ же растеніемъ, нѣтъ, наподобіе громадныхъ залпатовъ, раскиданныхъ по холмамъ нашихъ крестьянскихъ полей. Здѣсь страна напоминаетъ или опытное поле какой-нибудь земледѣльской фермы, гдѣ маленькіе участки разнообразнѣйшихъ растеній постоянно чередуются другъ съ другомъ, или ботаническій или ягодный садъ съ различными культурами красивыхъ деревъ и кустарниковъ, расположенный въ обстановкѣ красиваго гористаго парка. Самая культура японская красива. Внизу на равнинѣ или въ долинѣ рѣки, наподобіе зеленѣющаго заливнаго луга, вы видите изумрудный газонъ рисовыхъ полей. Высокая зелень злака замаскировала низенькія тѣррасы полей, и вамъ кажется, что это одинъ сплошной ярко-зеленый ровный газонъ, съ блескомъ и красотой котораго не можетъ состязаться ни одинъ изъ наиболѣе чисто содержимыхъ газоновъ лучшихъ парковъ Европы.

Не менѣе эффектно эти низы и осенью, когда они пожелтѣютъ и превратятся въ желтѣющія нивы со жнецами, обрамленныя темною зеленью сосенъ, таинственными рощами криптомерій или тамъ и сямъ раскиданными на склонахъ группами бамбуковъ, нѣжною зеленою своею, красотою ея и яростью далеко превосходящихъ самыя эффектные изъ группъ нашихъ плакучихъ ивъ, разводимыхъ въ садахъ богатыхъ помѣщиковъ. Не менѣе красива и разнообразна культура сухихъ нивъ и откосовъ—этихъ полей-тѣррасъ, какъ виноградники лѣпящихся по склонамъ горъ, чередуясь съ группами лаковыхъ и восковыхъ деревьевъ, или рдѣющихъ красными плодами, или распространяющихъ благовоіе цвѣтовъ своихъ мандариновъ—этихъ рощъ, близъ вершины горъ опять смѣняющихся или зарослями вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ, или раскидистыми соснами и бамбуками.

Здѣсь раннею весною вы видите поля знакомыхъ родныхъ хлѣбовъ, пшеницы и ячменя, желтѣющія нивы которыхъ составляютъ непривычный нашему глазу контрастъ съ распускающеюся зеленью цвѣтущихъ кустарниковъ. Не успѣютъ снять эти злаки и убрать покрывшійся стручьями рапсъ, какъ уже пестрая, чисто тропическая картина южныхъ культуръ ласкаетъ ваши взоры. Тутъ громадные щиты колоказій за-

ставляют задавать вопрос: не имѣете ли вы передъ собою высадку изъ теплицы какого-нибудь садоваго заведенія?

Выше—какъ плоть покрыть землю плетями своими сладкій картофель. Ниже—вѣтеръ колышетъ гряды съ пушистою соею, а тамъ поле лотоса, распускающаго свои громадные розовые благовонные цвѣты изъ водъ небольшого прудика, устроеннаго въ сѣни высокой заросли желтаго колѣчататаго бамбука. Пройдемъ черезъ рошу между гладкими, точно лакированными колоннами и мы найдемъ пріютившійся за нимъ бумажный домикъ японскаго крестьянина, чистенькій, точно для отдыха туриста поставленный среди этой панорамы. Что жъ удивительнаго, что, окруженный этой природою, японскій селянинъ понимаетъ красоту ея и въ великомъ и въ маломъ. Его паломничества—это паломничества въ красивыя мѣста Японіи, гдѣ религія и природа соединяются въ одно цѣлое. Его садики, разбитые сади дома, служащіе украшеніемъ внутренней парадной комнаты—это миниатюрный кусочекъ природы. Въ каждомъ почти округѣ есть сады, славящіеся обиліемъ и красотою формъ или богатствомъ собранія излюбленныхъ японцами растений. Сюда стекаются въ періодъ цвѣтенія ихъ, совпадающаго съ тѣмъ или другимъ праздникомъ, тысячи народа. Они наслаждаются красотою этихъ растений или создаваемой цвѣтущими деревьями панорамой.

На подмосткахъ подъ цвѣтущими глициніями, на верандахъ чайныхъ домовъ, расположенныхъ подъ каскадами, берега которыхъ алѣютъ пурпурною листовою кленовъ, отцвѣвающихъ бѣлыя отъ снѣга вершины горъ, тысячи семей съ дѣтьми и подростками сидятъ, бесѣдуя о событіяхъ дня, распивая чай изъ своихъ крошечныхъ чашечекъ.

Кропотливая работа ухода за растениями сдѣлала японскаго крестьянина трудолюбивымъ и мелочнымъ. Онъ не привыкъ, какъ китаецъ, цѣнить высоко ни время, ни деньги. Онъ можетъ тратить недѣли надъ отдѣлкою мелкихъ бездѣлушекъ, можно сказать даже ненужныхъ, но на которыя онъ смотритъ глазами артиста, не жалѣя трудовъ своихъ. Поэтому артистичность его видна всюду, начиная отъ орудія, которымъ онъ работаетъ, и кончая букетомъ, который украшаетъ комнату даже бѣднаго поселянина.

Японскіе селяне плохіе музыканты. Въ праздникъ вы не услышите звука инструмента или топота пляшущихъ паръ. Музыка—это дѣло женщины. Звукъ кого и другихъ инструментовъ вы услышите въ чайномъ домѣ или въ театрѣ, представленія въ которомъ длятся цѣлыя сутки. Но это уже скорѣе развлеченія горожанъ. Они обычны для тѣхъ, кто ходитъ въ городъ, а для обыкновеннаго селянина доступны лишь въ рѣдкіе праздничные дни.

Образованіе и религія у японцевъ.

(А. Краснова.)

Японская семья обыкновенно не отличается многочисленностью. Но долю японской женщины выпадаетъ не менѣ труда, чѣмъ на долю крестьянской женщины этого сословія въ другихъ странахъ, и трудъ этотъ носить такой же характеръ. Благодаря природной мягкости японскаго народа положеніе женщины въ семьѣ здѣсь вовсе не такъ тяжело, какъ это можно думать, и дѣти въ значительной степени скрашиваютъ тяжелую, трудовую жизнь матери.

Дѣти японскіе—предметъ вѣжной любви и заботъ со стороны родителей. Страна эта поистинѣ дѣтскій рай. Игрушки и забавы самыхъ различныхъ родовъ—къ услугамъ молодого японца, какъ только онъ начнетъ сознавать окружающее. Около храмовъ, куда ходятъ на паломничество родители, стоятъ длинныя ряды игрушечныхъ лавокъ, въ которыхъ родители запасаются всякою разностью передъ возвращеніемъ домой. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не изобрѣтено столько дешевыхъ, интересныхъ и забавныхъ игрушекъ, какъ въ Японіи. Рожденіе мальчика знаменуется особеннымъ празднествомъ. Въ маѣ, въ условленный день, двери дома, гдѣ семья увеличилась членами мужского пола, украшаются длинными шестами, на которыхъ по вѣтру развѣваются бумажныя модели исполнскихъ карповъ, эмблемы стойкости и неустранимости.

Но уже въ раннемъ возрастѣ, 4—6 лѣтъ, независимо отъ сословія и состоянія японца посылаютъ въ школу. Теперь образованіе обязательно для всей націи. Учиться японцамъ приходится очень много. Хотя ихъ школы организованы на американскій образецъ, но имъ, кромѣ того начальнаго образованія, какое получаетъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, приходится бороться съ трудностями китайскихъ іероглифовъ, для перваго поверхностнаго изученія которыхъ потребно отъ 2—4 лѣтъ, и знакомствомъ съ иностраннымъ языкомъ—англійскимъ. Какъ извѣстно, каждому слову въ китайскомъ языкѣ соответствуетъ іероглифъ. Потому число этихъ іероглифовъ громадно. Японцы сильно упростили китайскую систему письма, введя для иностранныхъ словъ буквы, соответствующія нашимъ слогамъ, и упростивъ правописаніе самыхъ іероглифовъ. Тѣмъ не менѣе и теперь изученіе буквъ составляетъ чуть ли не самую трудную часть японской науки. Дѣвочки учатся теперь въ начальныхъ школахъ съ мальчиками, но искусство убирать комнаты, стирать купанья и подавать ихъ преподается имъ отдѣльно.

Японская молодежь, можно сказать, переутомляется ученіемъ. Но это не уменьшаетъ ея любознательности. Едва научившись по-англій-

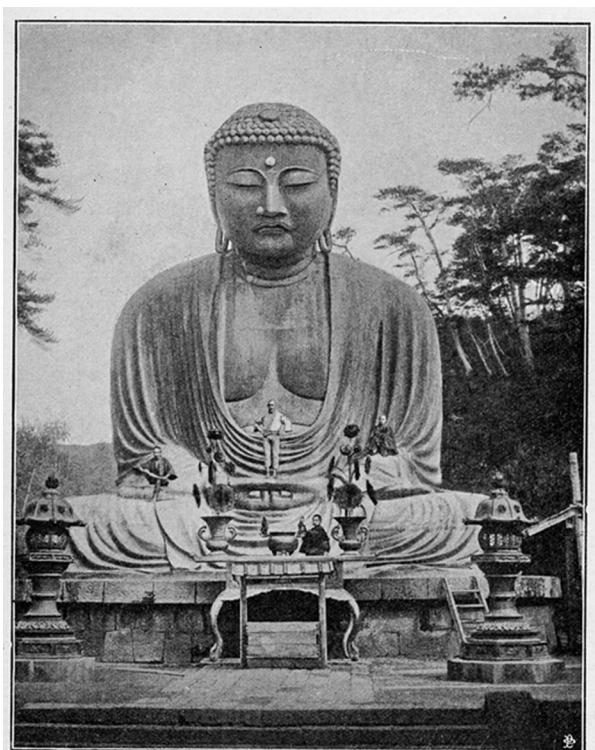
ски, независимо отъ того, какое положеніе занимаютъ ихъ родители, стремятся они въ Америку, не отказываясь работать за грошъ, исполняя самыя грубыя и тяжелыя работы, только чтобы чему-нибудь выучиться и посвятить затѣмъ свои знанія родинѣ. Вотъ этимъ-то изъ народа вышедшимъ пионерамъ еще болѣе, чѣмъ 800 газетамъ, издающимся въ Японіи, обязана Японія быстрымъ ростомъ своей цивилизаціи. Не только мы, русскіе,—американцы поражаются, находя, на примѣръ, въ скромныхъ деревушкахъ въ горахъ вмѣсто такъ недавно еще господствовавшихъ здѣсь масляныхъ свѣтильниковъ электрическія лампочки, освѣщающія трапезу крестьянина.

Въ складчину покупается маленькая динамо-машина, приготовляемая кустарнымъ же путемъ въ странѣ, благодаря чему ея стоимость не превосходитъ 300 рублей, ею используется сила горнаго потока, и деревушка имѣетъ освѣщеніе, о которомъ не смѣютъ еще мечтать многіе большіе города Россіи.

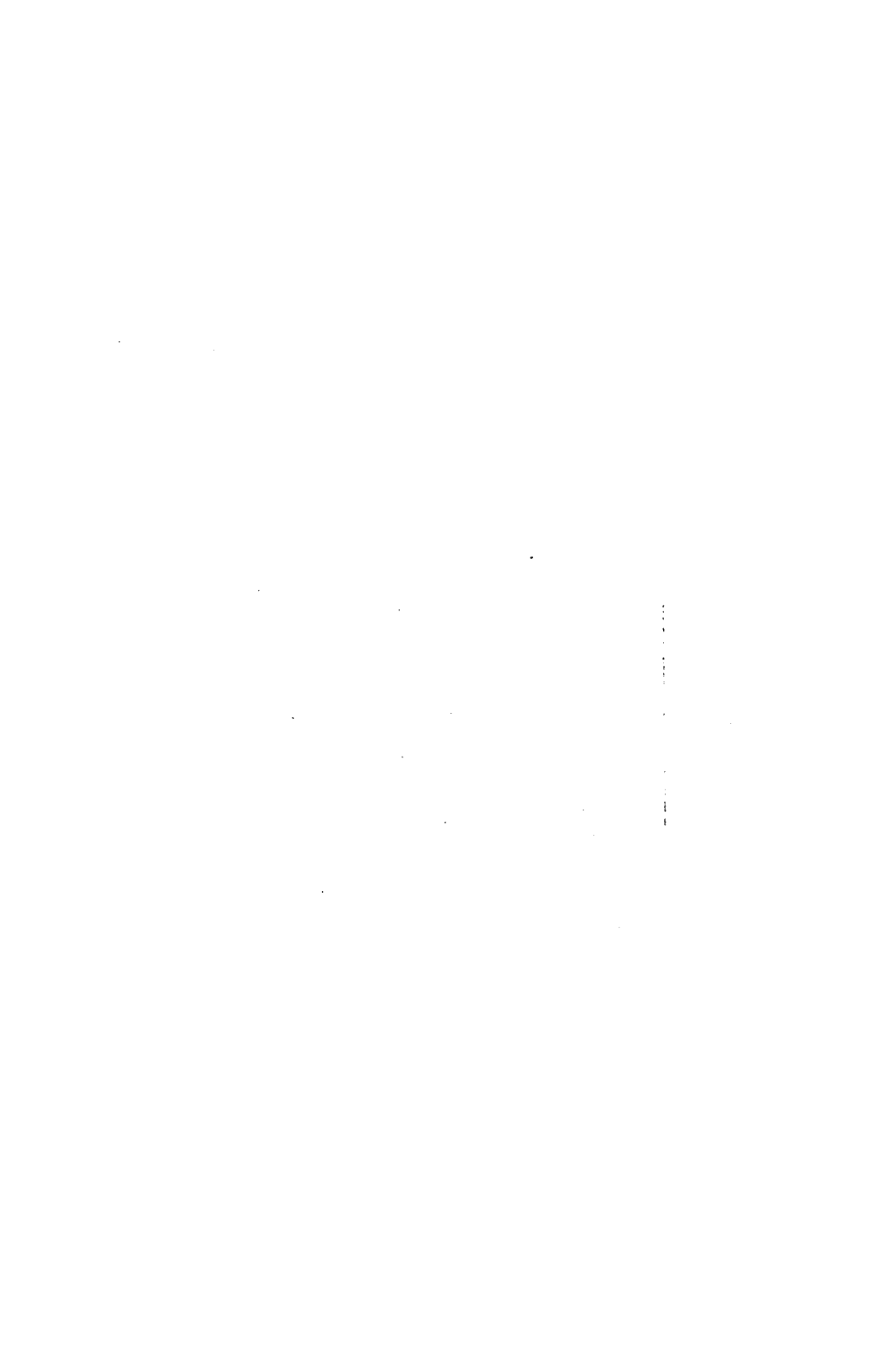
Все, что дорого и доступно немногимъ учрежденіямъ у насъ, японцы спѣшатъ удешевить и ввести въ народъ. Дорогіе химическіе вѣсы, хирургическіе инструменты, физическіе приборы, за которые мы переплачиваемъ тысячи иностраннымъ мастерамъ, они дѣлаютъ теперь уже сами, и что же удивительнаго, что кабинеты учительскихъ семинарій страны этой заставляютъ краснѣть за научныя пособія наши университеты. Жажда къ знанію и ученію у японской молодежи такъ велика, что юноши поступали на самыя низкія служительскія должности въ С.-Франциско или на пароходы, только чтобы выучиться чему-нибудь. Въ Америкѣ они готовы служить даромъ, только за столъ и помѣщеніе, лишь бы имъ давали 2—3 часа въ сутки для посѣщенія школы.

Арифметика, основы геометріи, исторія, начатки англійскаго языка или по крайней мѣрѣ умѣніе разбирать буквы, географія входятъ въ составъ преподаванія начальной школы. Вѣроятно, молодой японецъ могъ бы вынести изъ своей школы несравненно больше, если бы обученіе его не затруднялось необходимостью изучать китайскіе иероглифы, на что уходитъ большая часть времени преподаванія. Между тѣмъ ими печатаются книги и газеты съ ихъ помощью производится переписка.

Поэтому перо и чернильница, а кисти, тушь и флаконъ съ водою составляютъ письменныя принадлежности японца. На особенной каменной или деревянной, снабженной выемкой, карманной палитрѣ растираетъ ученикъ кусокъ туши и старательно выводитъ свои иероглифическія каракули. Тушь японская, какъ и китайская, какъ извѣстно, есть копоть отъ лампочекъ, въ которыхъ жгутъ масло. Ихъ копоть разводится въ водѣ съ клеємъ изъ костей Кита и рыбнымъ клеємъ. Послѣ сложной процедуры растиранія, сушенія, толченія и скатыванія полученное

Гигантская статуя Будды

тѣсто формируется въ извѣстныхъ всѣмъ своимъ видомъ плитки, поддушается большею частью мускусомъ и сушится въ золѣ изъ рисовой соломы. Требуется большое искусство, нужно сказать больше—рисовальный талантъ, чтобы сумѣть красиво и четко написать письмо или бумагу японскими иероглифами, пишущимися сверху внизъ и съ лѣвой стороны бумаги на правую.

Религія и духовенство не играютъ такой видной роли въ жизни японца, какъ въ христіанскихъ странахъ запада. Его вѣра есть сліяніе трехъ религій: національной—shintуизма, философской—конфуціанизма и буддизма, какъ въ Китаѣ; къ этому японецъ не прочь прибавить еще и то, что есть лучшаго въ христіанствѣ. Въ сущности онъ не приверженецъ ни одной изъ этихъ религій. Образованные классы поддерживаютъ ихъ ради формы. Народъ слѣдуетъ внѣшнимъ обрядамъ, диктуемымъ духовенствомъ, исповѣдуя свою собственную, общую всѣмъ непросвѣщеннымъ земледѣльцамъ, вѣру. Суть религій Шинту заключается въ боготвореніи силъ природы и невидимыхъ духовъ предковъ, въ особенности предковъ, ознаменовавшихъ жизнь свою какими бы то ни было выдающимися дѣяніями. Эта религія безъ философіи и нравственныхъ правилъ, лишь съ обрядами. Невидимые духи обладаютъ всѣми слабостями смертныхъ. Религія Шинту состоитъ главнымъ образомъ изъ легендъ о богахъ и герояхъ давнихъ временъ, легендъ, въ которыя теперь мало кто вѣритъ, но въ силу которыхъ, между прочимъ, микадо считается потомкомъ боговъ, почему обязанность правящаго японца—повиноваться его приказаніямъ безъ разсужденія.

Правительство и религія здѣсь одно, и микадо, т. е. императоръ, является центромъ государства и церкви. Шинтоизмъ не имѣетъ однако заповѣдей, какъ другія религіи. Мораль и законъ, говорятъ шинтуисты, были изобрѣтены корейцами, такъ какъ они были безнравственнымъ народомъ, тогда какъ каждый японецъ будетъ поступать нравственно, если будетъ слѣдовать влеченію своего сердца. И вотъ о томъ, какъ сохранить это сердце чистымъ, и заботятся шинтуистскіе моралисты.

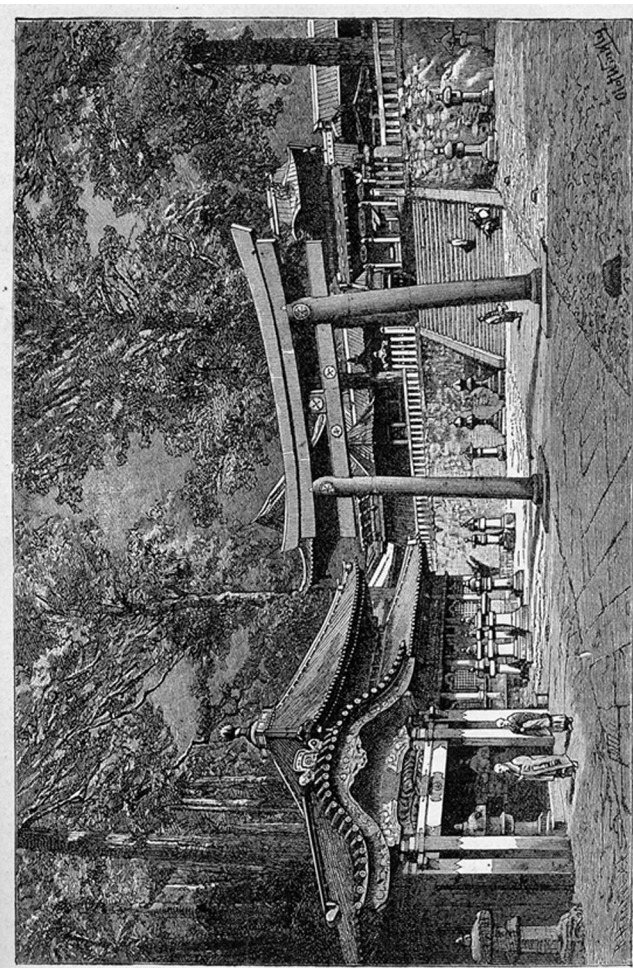
Поклоненіе богамъ шинтуизма есть поклоненіе силамъ природы, и, какой увлекательный характеръ оно носить, читатель можетъ судить по поклоненію богу солнца на вершинѣ Фузи-Ямы, ежегодно устраиваемому лѣтомъ его поклонниками—пилигримами. Трудно себѣ представить что-нибудь градозивѣе и красивѣе этой картины, открывающейся съ вершины трудно доступнаго вулкана. Пилигримы, одѣтые въ бѣлыя одежды, дѣлаютъ восхожденіе обыкновенно ночью при свѣтѣ факеловъ. Подъемъ совершается по горной, лишенной растительности, рыхлой почвѣ вулкана. На высотѣ 10.000 фут. обыкновенно вы вступаете въ поясъ облаковъ. Часто облака образуютъ два пояса, и, находясь между

ними, вы имѣете облака или туманъ подъ ногами и надъ головою. Но вотъ въ адскомъ холодѣ и полумракѣ ранняго утра вы достигаете вершины. Туманъ разсѣивается мало-по-малу, и вы различаете глубоко подъ ногами неясные контуры суши и омывающія ее съ востока моря. Горизонтъ начинаетъ слегка свѣтлѣть. Туманъ таетъ, и вы начинаете все ярче и ярче различать контуры моря и земли, очертанія горъ и горныхъ группъ, далеко не достигающихъ вершинами своими высоты одиноко возвышающейся надъ страной Фузи. Являются наконецъ силуэты озеръ, раскинувшихся между горными группами; вы начинаете въ слабомъ утреннемъ сумракѣ различать лѣса и пашни и раскинувшіяся между ними селенія. И вотъ надъ этимъ моремъ, на небосклонѣ, вспыхнувшимъ лучемъ, сперва въ яркій пурпуръ, потомъ въ пѣжно-розовые оттѣнки по темно-голубому небу разукрашиваются облака. Другія, болѣе дальнія, нависшія надъ горами, кажутся комками бѣлой ваты. Низко надъ горизонтомъ полосы облаковъ становятся золотыми, цвѣта расплавленнаго золота, и вдругъ показывается верхній край солнечнаго диска. Дружный и торжественный гимнъ хора богомольцевъ привѣтствуетъ свѣтило. Страна въ нѣсколько минутъ неузнаваема. Море—это море расплавленнаго золота. Земля подъ ногами блеститъ зеркалами озеръ, причудливыми формами горъ, расположенныхъ на откосахъ лѣсовъ, полей и раскинувшихся между зелеными низинами серебряными лентами рѣкъ. Вы видите одну изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ странъ съ птичьяго полета.

Но обыкновенно эта дивная вдохновляющая васъ картина длится недолго. Черезъ полчаса подъ ногами вашими начинаютъ клубиться облака; сгущаясь, они образуютъ непроницаемое безбрежное море серебрянаго пара, среди котораго, какъ на одинокой скалѣ среди безбрежнаго океана, стоите вы на вершинѣ Фузи, имѣя океанъ облаковъ подъ собою и голубой небосклонъ съ одиноко сіяющимъ на немъ дневнымъ свѣтломъ.

По большей части посвященные духамъ храмы Шинту стоятъ всегда въ сторонѣ, гдѣ-нибудь на возвышеніи, въ роцѣ изъ красивыхъ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, откуда открывается красивая панорама. Любимыя деревья японцевъ—криптомерія, кленъ, вишни—обыкновенно сгруппированы около такихъ храмовъ, привлекая во время цвѣтенія толпы посѣтителей. Шинтукскіе храмы обыкновенно не имѣютъ идоловъ, а только нѣсколько зеркалъ. Эмблема богини солнца помѣщается внутри маленькаго, особой архитектуры деревяннаго домика, къ которому ведутъ ступени, и надъ ними возвышаются одни или нѣсколько каменныхъ или деревянныхъ воротъ, имѣющихъ форму буэвы П, съ нѣсколько вогнутою верхнею перекладною.

Народное поклоненіе духамъ храмовъ выражается совершаемымъ

Японскій храмъ.

разъ или два раза въ годъ паломничествомъ, дающимъ возможность наблюдать красивые виды и присутствовать при религиозныхъ представленіяхъ.

Токио.

(Гессе-Вартега.)

Хотя Японію и называютъ то Англіей, то Франціей азиатскаго Востока, но столица ея, Токио, вовсе не можетъ быть названа азиатскимъ Парижемъ. По своей величинѣ и по количеству своихъ жителей Токио, правда, можетъ сравниться съ Парижемъ, но по своему однообразію и общей фizioноміи это, можетъ быть, самый безобразный и бѣдный городъ на всемъ земномъ шарѣ.

Всякій иноземецъ, пріѣзжающій впервые въ Токио, представляетъ себѣ этотъ городъ какъ средоточіе европейскыхъ знаний и центръ иноземной культуры. До извѣстной степени это и вѣрно; но попробуйте убрать отсюда двадцать слишкомъ европейскихъ памятниковъ и виллъ, выстроенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, и знаменитый Токио, эта столица дальняго Востока, превратится въ скверную деревушку. Напрасно будете вы здѣсь искать блестящихъ, оригинальныхъ построекъ, какъ въ древнихъ городахъ Индіи или въ столицахъ Персіи, Египта, Сиамы, Бирмы, или даже въ нѣкоторыхъ китайскихъ городахъ. Токио даже не можетъ быть названъ однимъ изъ красивѣйшихъ и интересныхъ городовъ въ своей собственной странѣ. Своимъ расположеніемъ и постройками Токио производитъ очень неблагоприятное впечатлѣніе. Это уже не японскій городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще не европейскій; онъ переживаетъ теперь очень невыгодное для себя переходное время; когда это время пройдетъ, то эта древняя, чисто японская столица превратится въ самый обыкновенный городъ. Во всякомъ случаѣ это превращеніе произойдетъ только съ вѣтшей стороны, такъ какъ, по счастью, у японцевъ достаточно здраваго ума, чтобы противостоять, и съ успѣхомъ, европейскому вліянію. И только именно это столкновеніе двухъ совершенно различныхъ культуръ и дѣлаетъ въ настоящее время Токио такимъ интереснымъ и достойнымъ вниманія.

Какая изъ этихъ двухъ культуръ одержитъ верхъ, теперь еще нельзя сказать. Давленіе сверху здѣсь очень сильно; правительство дѣйствуетъ всеми имѣющимися въ его распоряженіи значительными средствами; аристократія и капиталисты страны дѣйствуютъ заодно съ нимъ, частью изъ расчета, частью по симпатіи и убѣжденію. Но на внутреннюю жизнь народа они, къ счастью, еще не имѣютъ значительнаго вліянія; японцы въ общемъ какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ, что касается обычаевъ и костюмовъ, остались такими же, какими были и

до европомани правительства. Токио—это единственный городъ въ царствѣ микадо, гдѣ можно видѣть японскую жизнь въ европейской рамкѣ не только въ настоящее время, но еще многіе годы.

Токио находится у устья рѣки Сумидогавы, широкой мелководной бухты Іеддо, но ея болотистые берега не допускаютъ къ нему большихъ морскихъ пароходовъ. Морская гавань Токио—это лежащая въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу Іокогама, съ которой его соединяетъ желѣзная дорога. Отъ Сумидогавы идетъ широкій каналъ къ холмистой части города, гдѣ расположилось цѣлое море домовъ, при чемъ каналъ этотъ образуетъ собою два concentрическихъ круга или кольца. Во внутреннемъ кольцѣ находятся дворцы и сады императорской резиденціи.

Дворецъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ среди густого и обширнаго парка, окруженнаго обсаженной елями высокой гранитной стѣной, почти вертикально спускающейся книзу. Все это мѣсто отдѣляется отъ прочаго города широкимъ ровомъ, наполненнымъ водой, и обширными стѣнами, которыя напоминаютъ кремлевскія стѣны въ Москвѣ. Во дворецъ ведетъ нѣсколько высокихъ гранитныхъ и чугуныхъ мостовъ, но проникнуть туда постороннимъ лицамъ нельзя: тяжелыя массивныя двери охраняются часовыми.

Во внѣшнемъ кольцѣ города находятся городскіе кварталы съ главными правительственными учрежденіями—министерствами; здѣсь же помѣщаются нѣкоторыя иностранныя посольства, дворцы и виллы саяо-никовъ и туземной аристократіи.

Наконецъ, за предѣлами этого круга, соединеннаго съ Сумидогавой и моремъ каналами, тянутся большія убогія деревни, постепенно слившіяся другъ съ другомъ и превратившіяся въ предмѣстья Токио.

Японцы выстроили себѣ деревни и дома въ далекихъ долинахъ, находящихся въ центрѣ цѣпи окружающихъ прежнее Іеддо горъ; эти послѣднія при новыхъ постройкахъ не лишились и до сихъ поръ своего украшенія—прекрасныхъ лѣсовъ. Лѣса эти частью превращены въ парки и рощицы при храмахъ и составляютъ гордость и украшеніе Токио. Когда изъ Іокогамы приѣзжаешь теперь послѣ часового пути по желѣзной дорогѣ въ Токио, то попадаешь на самый людной, вполне европейскій вокзалъ, съ тою только разницею, что тутъ вмѣсто напряженныхъ лошадьми экипажей стоятъ въ ожиданіи сѣдоковъ рикши, ручныя тележки, въ которыя впрягаются японскіе кули. Но даже и эти рикши до нѣкоторой степени европеизированы. Кули носятъ синія куртки, плотно облегающія панталоны и круглыя шляпы, а на рикшахъ—номера, какъ на нашихъ экипажахъ; швейцаръ въ европейской ливрѣ несетъ багажъ. Вы катите по широкимъ улицамъ мимо магазиновъ съ европейскими вывѣсками и европейскими же товарами и, наконецъ, подъѣзжаете къ окруженной садомъ гостинницѣ «Imperial». Вы сите въ со-

вершенно европейской комнатѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, обѣдаете въ великолѣпномъ залѣ, вамъ подаютъ европейскія блюда, и за весь пансіонъ вы платите со всеми накладными расходами отъ шести до восьми рублей въ сутки.

Изъ оконъ этого отеля, самаго элегантнаго не только въ Токио, но и во всей Японіи, передъ вашими глазами разстилаются большія незастроенныя равнины съ разбросанными кое-гдѣ трехъ или четырехъ-этажными домами, пустынные улицы безъ всякихъ построекъ и длинные ряды телеграфныхъ столбовъ съ натянутыми на нихъ сотнями проволокъ. Даже при первомъ осмотрѣ города, предметами котораго служатъ обыкновенно императорскій дворецъ и зданіе посольства, вы напрасно будете искать все то, что носить чисто японскій характеръ.

На широкихъ благоустроенныхъ улицахъ стоятъ газовые фонари, тамъ и сямъ видѣется европейская вилла, окруженная садами: это—жилище какого-нибудь японскаго принца или иностраннаго посланника; на перекресткахъ улицъ стоятъ маленькіе, вѣжливые полицейскіе въ европейскіхъ мундирахъ, часто съ очками на носу; люди, снующіе по улицамъ, одѣты по большей части такъ же, какъ мы; экипажи, кареты, военные—все какъ въ Европѣ. Когда я немного позже по одному случаю явился представляться къ микадо во дворецъ, то я и тамъ увидѣлъ нѣсколько комнатъ, устроенныхъ по-европейски, совсѣмъ какъ во дворцѣ какой-нибудь европейской владѣтельной особы. Единственное, что напоминаетъ здѣсь прогуливающемуся по городу европейцу о томъ, что онъ ходитъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ властвовали прежніе японцы,—это укрѣпленія, окружающія резиденцію императора. Болѣе величественными бастионами едва ли обладаетъ еще какая-нибудь крѣпость въ мірѣ. Эти стѣны, немного вогнутыя, вышиною отъ тридцати до сорока метровъ, составлены изъ такихъ огромныхъ плитъ, что нужно только удивляться, какъ могли эти маленькіе человѣчки нагромоздить ихъ въ такой массѣ безъ помощи машинъ или какихъ-нибудь другихъ новѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ. Вдоль этихъ стѣнъ тянется ровъ, шириною, а мѣстами и глубиною, отъ пятидесяти до шестидесяти метровъ; надъ нимъ потрудились не одна сотня тысячъ людей въ теченіе многихъ лѣтъ. Поверхность воды во рвахъ бываетъ лѣтомъ покрыта цвѣтами лотоса, а надъ ними, на валахъ, растутъ огромныя старыя пиніи самой причудливой формы, съ длинными, достигающими земли, вѣтвями. Главная улица этой части города—«Джинза».

Кто не былъ здѣсь, тому трудно представить себѣ, что такое Джинза, этотъ Невскій японской столицы.

На десятки верстъ тянется прямая какъ стрѣла, широкая улица, одна изъ самыхъ широкихъ въ Токио, окаймленная по бокамъ двумя стройными рядами зеленыхъ деревьевъ, образующихъ вмѣстѣ съ рядами

густо примыкающих другъ къ другу деревянныхъ двухъэтажныхъ домовъ гигантскія аллея на всемъ протяженіи, пока видитъ глазъ. Тротуары и вся улица заняты толпами пѣшеходовъ, придающихъ необыкновенно оживленный и праздничный видъ всей этой улицѣ. Всѣ зданія заняты лавками. Разноцвѣтные холщевыя вывѣски, драпирующія обѣ стороны улицы на всемъ ея протяженіи, служатъ очень красивымъ наряднымъ уборомъ для «Джинзы», и, пока не присмотришься къ нимъ, кажется, будто весь городъ расцвѣченъ десятками тысячъ флаговъ. Посрединѣ улицы проложены рельсы конно-железной дороги, но и самые вагоны разукрашены яркими красками и не портятъ всей этой яркой и пестрой картины. На всемъ своемъ протяженіи «Джинза», какъ и прочія улицы Токіо, переѣзжается каналами. Ихъ здѣсь такъ много, что Токіо давно уже заслуживаетъ названіе «японской Венеціи». Плоскодонные сампаны и джонки, въ изобиліи снующіе по городу по узкимъ каналамъ, переѣзжаютъ оживленную улицу и придаютъ ей своеобразный видъ.

Что особенно отличаетъ Токіо отъ всѣхъ японскихъ городовъ, такъ это массы солдатъ и военныхъ, снующихъ по улицамъ. Почти каждыя пять минутъ слышатся гдѣ-нибудь звуки полковой трубы. Вооруженные ординарцы вѣчно гарцуютъ на лошади, отряды молодыхъ солдатъ и новобранцевъ въ бѣлыхъ лѣтнихъ костюмахъ и въ плоскихъ, нѣмецкой формы, военныхъ фуражкахъ съ красными или желтыми околышами такъ и мелькаютъ передъ глазами. Въ европейской военной формѣ японцы далеко не выглядятъ такими мелкими, сухопарыми и пщедушными, какими они кажутся въ своихъ кирзонахъ.

Въ концѣ «Джинзы», вѣрнѣе, въ концѣ всего этого моря лавокъ, вывѣсокъ, людей и деревьевъ, протянулся базаръ и различные рынки.

Я видѣлъ японскіе рынки въ Нагасаки, Иокогамѣ и Кобе, но ничто не сравнится съ токіоскими рынками. Лавокъ, лотковъ, продавцовъ, продавицъ здѣсь такъ много, что становится просто непонятнымъ, гдѣ берутся покупатели для всей этой массы продуктовъ и товаровъ. А между тѣмъ здѣсь торгуютъ не только въ лавкахъ, но не упускаютъ ни одного свободнаго мѣста, гдѣ бы можно было торговать. Даже по краямъ тротуаровъ вплотную сидятъ (какъ и на Джинзѣ) продавцы съ лотками мелкихъ галантерейныхъ товаровъ, и приходится проходить буквально пѣляя версты между шпалерами этихъ уличныхъ продавцовъ. Когда съ наступленіемъ вечера вся Джинза, рынки и лавки освѣщаются разноцвѣтными бумажными японскими фонариками, то вся эта часть города принимаетъ почти сказочный видъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить, конечно, ни въ одномъ европейскомъ городѣ. Улицы точно залиты моремъ пестрыхъ огней, придающихъ фантастическій отблескъ городу, стройнымъ рядамъ лавокъ и домовъ, деревьямъ и этимъ толпамъ малорослыхъ людей.

Японскія части города, лежащія внѣ обоихъ колець каналовъ, имѣютъ видъ деревень. Около трехсотъ тысячъ домиковъ расположилось на площади, равной по своей величинѣ Парижу, и образуетъ запутанную сѣть улицъ и переулковъ; только новые кварталы, выстроенные вокругъ устья Сумидогавы на отвоєванномъ у моря болотистомъ берегу, разбиты на правильные квадраты, на манеръ американскихъ. Тамъ же находится и кварталъ иностранцевъ съ немногими живущими въ немъ купцами, множествомъ миссіонеровъ и церквей. Въ нынѣшней свободной «европейской» Японіи запрещено было европейцамъ вплоть до 1898 года жить въ столицѣ по своему произволу; только европейцы, бывшіе на службѣ у японскаго правительства, пользовались преимуществомъ жить въ самомъ Токио, всѣ же другіе должны были жить въ этомъ кварталѣ. Все это однообразное, густое, безцвѣтное и убогое море домовъ въ Токио прерывается мѣстами маленькими холмиками съ густою растительностью, среди которой прячется небольшой храмъ, посвященный какому-нибудь божеству. Есть и два прекрасныхъ парка съ огромными старыми криптомеріями и соснами, съ длинными аллеями, усаженными яблонями, съ священными рощицами вокругъ храмовъ и съ прудами, усыянными цвѣтами лотоса.

Уличная жизнь въ Токио.

(Гессе-Варгера.)

Изученіе народнаго быта на улицахъ Японіи, зимою и лѣтомъ, день за днемъ, съ восхода солнца и до десяти или одиннадцати часовъ ночи, для иностраннаго туриста безспорно интереснѣ всѣхъ другихъ достопримѣчательностей столицы Японіи. Японская улица для европейца—своего рода музей, который покажетъ ему съ самой привлекательной стороны всю Японію—бѣдную и богатую, высшую и низшую,—Японію всѣхъ сословій и профессій.

Рано утромъ здѣсь можно видѣть всѣхъ за одѣвающимъ, въ предѣбденное время—въ свѣтскомъ времяпрепровожденіи, послѣ обѣда—на прогулкѣ и вечеромъ—за развлеченіями.

Передъ отелемъ уже съ шести часовъ утра стоятъ оригинальныя японскія дрожки, «курума», въ которыя запрягаются кули, и если я въ этотъ часъ выхожу на улицу, то меня неизмѣнно и обязательно привѣтствуетъ мой обычный курумая и, держа шляпу въ рукахъ, задаетъ мнѣ все одинъ и тотъ же вопросъ: «суоти о аруки иррагна?» (не снизойдете ли до небольшой достоуважаемой прогулки?). Если бы я отказалъ ему, то этимъ я все-таки не избавился бы отъ двухъ другихъ курума, которые слѣдуютъ за мной по пятамъ, таская за собой свои телѣжки до тѣхъ поръ, пока я не рѣшусь взять кого-нибудь изъ нихъ.

Японцы не любят рано вставать. Въ шесть часовъ утра улицы еще совершенно пусты, почти всё дома закрыты, и только изрѣдка видишь женщинъ, подметающихъ передъ своимъ домомъ улицу. Японская полиція очень взыскательна, и всякое упущеніе влечетъ за собой немедленную кару.

Тротуаровъ на столичныхъ улицахъ нѣтъ; да они здѣсь и не такъ необходимы, какъ въ европейскихъ городахъ, такъ какъ въ Токио почти нѣтъ ѣзды въ экипажахъ. Здѣсь всё ходитъ пѣшкомъ или ѣздитъ въ маленькихъ рикшахъ, которыхъ въ столицѣ больше сорока тысячъ. Поэтому-то здѣсь и легко держать улицы въ чистотѣ. Что не успѣваютъ подмести домовладѣльцы, то подбирается множествомъ куръ, которыхъ въ зотый ранній часъ выпускаютъ на короткое время изъ клѣтокъ. На перекресткахъ стоятъ въ европейскихъ мундирахъ сонные полицейскіе; кули, съ длинными узкими кадками на спинѣ, бѣгаютъ съ озабоченнымъ видомъ изъ дома въ домъ, чтобы собрать накопившійся навозъ. Навозъ здѣсь считается очень дорогимъ матеріаломъ, потому что благодаря ему японцамъ удается уваживать огороды и выращивать цѣнные растенія. Въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ обитатели нѣкоторыхъ домовъ платятъ за наемъ квартиры вмѣсто денегъ навозомъ. Это полезное примѣненіе городскихъ отбросовъ имѣетъ и свою дурную сторону. Въ Токио до сихъ поръ нѣтъ водопровода, а колодцы не даютъ достаточнаго количества воды, и жители бѣдныхъ кварталовъ берутъ воду въ рѣчкахъ и ручьяхъ, которые, благодаря всеупотребительному въ странѣ искусственному орошенію полей, снова приносятъ въ городъ часть отбросовъ. Благодаря этому здѣсь часты эпидеміи тифа и холеры.

Но вотъ начинаютъ показываться деревенскіе жители и рыбаки, приносящіе на рынокъ свой ночной уловъ. Одни несутъ свои ноши на спинѣ, другіе везутъ ихъ въ ручныхъ тележкахъ; иногда видишь повозки, въ которыя запряжены лошади или быки, но главное грузовое сообщеніе совершается большею частью на плечахъ и спинахъ трудолюбивыхъ, работающихъ кули.

Постепенно пробуждаются и въ домахъ. Съ громкимъ скрипомъ и трескомъ отодвигаются въ сторону установленныя на ночь вокругъ верандъ деревянныя перегородки.

Я медленно проѣзжаю мимо всѣхъ жилищъ и мнѣ удается проникнуть взоромъ въ самую интимную сторону домашней жизни японцевъ. Вотъ цѣлая семья усѣлась на мягкихъ и чистыхъ циновкахъ и завтракаетъ. Родители и дѣти сидятъ на корточкахъ вокругъ чашекъ съ бѣлоснѣжнымъ дымящимся рисомъ и попиваютъ горячій чай изъ крошечныхъ изящныхъ чашекъ. Въ другомъ мѣстѣ японецъ лежитъ еще на своемъ матрацѣ и посасываетъ трубку, въ то время какъ женскій персоналъ дома уже за домашней работой: моетъ, чиститъ и стряпаетъ. Въ со-

сѣднемъ домѣ продавецъ рѣдкостей раскладываетъ свои сокровища. Въ другомъ домѣ молодая дѣвушка сидитъ на корточкахъ передъ зеркаломъ, пудритъ свое красивое личико и румянитъ губы, совершенно не стѣняясь, точно она находится внутри четырехъ стѣнъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ страну проникла европейская культура, японцы уже не носятъ прежнихъ причесокъ; они отрѣзали свои косы, и щетинистые волосы не слушаются гребня. Только чиновники, аристократы и ученые носятъ бороды; а мужчины изъ народа гладко брѣютъ лицо. Какъ только эта работа кончается, они одѣваютъ широкіе киримоно, натягиваютъ на ноги бѣлые или синіе полотняные чулки, и весь ихъ туалетъ оконченъ.

Улицы все больше и больше наполняются народомъ, спѣшащимъ къ своимъ дѣламъ или на рынокъ.

Главную пищу японцевъ составляютъ рисъ, рыба и зелень. Мяса потребляется немного; вмѣсто него идетъ рыба, разнообразныя сорта которой можно достать на здѣшнихъ интересныхъ и оживленныхъ рыбныхъ рынкахъ. Меня между прочимъ поражаетъ то, что закупкой нужной провизіи занимаются здѣсь мужчины. На рынокъ все обходится замѣчательно чинно и спокойно, покупатели и продавцы низко присѣдаютъ другъ передъ другомъ, и такія сцены, какія разыгрываются на нашихъ рыбныхъ рынкахъ, здѣсь такъ же немислимы, какъ и тѣ скверныя ругательства, которыя можно услышать у насъ. Въ японскомъ языкѣ вообще нѣтъ словъ, выражающихъ ругань, брань или проклятія.

Еще больше вѣжливостей расточаютъ японцы при встрѣчѣ съ знакомыми на улицѣ или въ домахъ.

Большая часть японцевъ до сихъ поръ ходитъ съ непокрытой головой; только солдаты, чиновники, студенты или элегантныя дэнди носятъ головные уборы, и ихъ привѣтствія заключаются въ томъ, что они или отдають честь, или вѣжливо снимають шляпы, сопровождая это безчисленными поклонами. Поклоны и привѣтствія у японцевъ, даже изъ низшихъ классовъ, производятъ на европейца комическое впечатлѣніе. При лучшемъ состояніи улицъ они навѣрное опустились бы на колѣни другъ передъ другомъ. Теперь же они ограничиваются тѣмъ, что при встрѣчѣ останавливаются и только наполовину опускаются на колѣни. Въ этомъ положеніи они отвѣшиваютъ нѣсколько поклоновъ, потирають руками свои бедра и сквозь стиснутые зубы втягиваютъ въ себя воздухъ. Такъ стоятъ они одинъ передъ другимъ, пока одинъ изъ нихъ не рѣшается наконецъ продолжать свой путь; но, конечно, его въ этомъ случаѣ сочтутъ невѣжей, если только по своему общественному положенію онъ не выше того, ранѣе котораго онъ ушелъ.

Въ переживаемый нынѣ Японіей переходный періодъ на улицахъ Токио встрѣчается весьма нерѣдко болѣе чѣмъ комичное смѣшеніе на-

циональных костюмовъ. Консервативный элементъ Японіи, какъ и въездѣ, составляютъ женщины. За все время моего пребыванія въ царствѣ микадо я ни разу не видѣлъ японки въ европейскомъ костюмѣ на улицѣ, въ театрѣ или чайныхъ домахъ; попадались только единичные случаи въ высшемъ столичномъ обществѣ. Даже отдѣльныя части костюма, какъ, напримѣръ, шляпы, ботинки, чулки и проч., не проникли еще къ японкамъ; и на улицѣ и у себя дома онѣ одѣваются еще совсѣмъ по-японски, обмахиваются бумажными вѣерами, курятъ маленькія трубки и сморкаются въ кусочки бумаги. Только одинъ европейскій предметъ удостоился вниманія японскихъ дамъ. Такъ, вмѣсто красивыхъ бамбуковыхъ зонтиковъ, обтянутыхъ пестрой бумагой, онѣ носятъ теперь большею частью наши европейскіе зонтики, крытые темной матеріей.

Студенты университета и даже школьники Токио въ большинствѣ случаевъ носятъ европейское платье, и среди этого своеобразнаго, пестраго уличнаго движенія очень странно видѣть маленькыхъ узкоглазыхъ японцевъ въ панталонахъ и башмакахъ, съ сумой или связкой книгъ подъ мышкой. Маленькія же дѣвочки придерживаются, по примѣру своихъ матерей, красиваго національнаго костюма, и среди всѣхъ фигуръ, появляющихся все въ большемъ количествѣ на улицахъ съ наступленіемъ дня, самыя хорошенькія—это дѣвочки. Обыкновенно онѣ уже съ шести-семи лѣтъ нянчаться съ маленькимъ братишкой или сестренкой, еще не умѣющими ходить; послѣдніе привязаны къ ихъ спиnamъ, но это не мѣшаетъ имъ весело рѣзвиться. Отсутствіе коннаго движенія и грязи на улицахъ позволяетъ имъ бѣгать возлѣ родительскаго дома. Иногда послѣ обѣда все-таки проѣзжаютъ по главнымъ улицамъ экипажи принцевъ или посланниковъ; но обыкновенно впереди бѣжить скороходъ и объявляетъ объ этомъ, предупреждая возможныя несчастія.

Улицы все больше и больше оживляются, а въ предѣобѣденное время кажется, что поднялось на ноги все населеніе Токио.

Появляются священники въ своихъ своеобразныхъ одеждахъ, съ пестрыми и блестящими медалями и въ облаченіяхъ, и никто изъ прохожихъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Множество лавочъ въ нѣкоторыхъ улицахъ тянутся на разстояніи цѣлаго километра, при чемъ всѣ онѣ тѣсно примыкаютъ одна къ другой; хозяева выставляютъ со стороны улицы весь свой товаръ, въ видѣ принадлежностей дамскаго туалета, вѣеровъ, дѣтскихъ игрушекъ, фарфора, посуды, обуви, бумажныхъ фонарей и т. п. Всѣ эти лавочки переполнены покупателями, и весь этотъ торгъ нѣсколькихъ тысячъ людей, вся дѣловая жизнь ихъ производитъ впечатлѣніе какой-то игры, развлечения, точно въ этой далекой странѣ вовсе нѣтъ борьбы за существованіе, точно всѣ жители ея—рантеры, безмятежно живущіе доходами со своихъ капи-

таловъ, и точно они занимаются торговлей только между прочимъ, для развлечения, не рассчитывая на выгоды.

Доказательствомъ веселаго образа жизни японцевъ, любви къ развлечениямъ, играмъ, сладостямъ служить то, что здѣсь масса разносчиковъ, которые запруживаютъ улицы изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, какъ будто каждый день происходятъ матсури (праздники).

Чтобы ближе познакомиться съ японцами, я отпускаю своего возницу и отправляюсь пѣшкомъ побродить въ толгѣ. Но меня сейчасъ же окружаютъ другіе возницы и предлагаютъ свои услуги: «Рикша? Данна? О и

Въ японской лавкѣ.

де назай! Ирратаймасъ но дезака?» (Не угодно ли вамъ рикшу, сударь? Вамъ не угодно ѣхать? Не угодно ли вамъ занять уважаемое мѣсто?).

Когда же я наотрѣвъ отказываюсь отъ ихъ услугъ, они извиняются: «Вамъ угодно идти уважаемыми ногами?» (Соре кара о ти агни де нимаемъ?).

Въ Японіи все—«уважаемое». Со всѣхъ сторонъ предлагаютъ разные товары, лакомства, мороженое и лимонады, и все это самымъ вѣжливымъ образомъ.

Вотъ «люди-яке» («сжигатель писемъ») съ пряными и сладкими пряниками, въ формѣ буевъ, звѣрей и разныхъ украшеній. Рядомъ съ нимъ

«амейя» (человѣкъ со студнемъ), который за мелкую монету выдуваетъ дѣтямъ изъ трубки различныя фигурки изъ ячменнаго киселя (студня); далѣе, въ укромномъ уголкѣ, сидитъ на корточкахъ предсказатель судьбы; передъ нимъ разостланъ на землѣ платокъ, а на платкѣ разложено пятьдесятъ маленькихъ палочекъ и шесть красныхъ и черныхъ деревянныхъ кубиковъ, посредствомъ которыхъ онъ предсказываетъ желающимъ грядущую судьбу; еще далѣе стоитъ разносчикъ съ липкими пряниками изъ бобовъ, стараясь обратить на себя вниманіе звуками гонга и бубенчиками; то же самое дѣлаетъ слѣпой «амма» (массажистъ) посредствомъ свистка; за небольшую плату онъ готовъ кому угодно растереть тѣло. Вотъ важно выступаетъ врачъ въ очкахъ; его сопровождаетъ мальчикъ, неся съ собой ящикъ съ медикаментами и ступку; тутъ же робко бродитъ оборванный «эга» (парія), или «ками-еуд-зуапрой» (тряпичникъ), подбирая бамбуковымъ крючкомъ клочки бумаги или обрывки одежды, или охотникъ на воробьевъ осторожно пробирается вдоль домовъ съ липкой бамбуковой палкой въ рукахъ и съ удивительною ловкостью ловить неподозрѣвающихъ опасности птицъ.

Передъ входомъ въ храмы тѣсятся палатки, лотки съ игрушками, среди которыхъ сидитъ на корточкахъ артистъ, окруженный почитателями; у него мѣшки съ пескомъ, окрашеннымъ въ разные цвѣта; попеременно беретъ онъ горсти этого песка, разсыпаетъ его по землѣ, и у него выходятъ различныя ладшафты, фигуры, орнаменты и т. п. Въ храмы то и дѣло заходятъ большею частью женщины и дѣвушки. Передъ тѣмъ какъ зайти, онѣ моютъ у колодца руки, потомъ медленно поднимаются по ступенямъ храма и даютъ своимъ богамъ знать о себѣ тѣмъ, что дергаютъ висящій съ крыши колоколь. Послѣ того какъ раздастся звонъ колокола, онѣ громко хлопаютъ въ ладоши и, согнувшись, прочитываютъ молитву. Послѣ этого онѣ извѣщаютъ боговъ новымъ хлопаньемъ въ ладоши объ окончаніи молитвы, бросаютъ на алтарь въ стоящій поблизости деревянный ящикъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и продолжаютъ свой путь далѣе.

Въ обѣденный часъ улицы пустыютъ, а въ лѣтнее время, между двумя и четырьмя часами дня, онѣ кажутся точно вымершими, развѣ только въ сильную жару увидишь женщинъ или дѣтей, поливающихъ улицы передъ своими домами, если ихъ не замѣняютъ высланныя городомъ спеціальныя фуры для поливки улицъ.

Трое или четверо черпаютъ воду изъ открытой бочки черпаками, укрѣпленными на длинныхъ пестяхъ, и сильными взмахами разливаютъ ее по улицѣ; многія лавки завѣшаны прикрѣпленными къ крышѣ кусками синей или черной матеріи для защиты отъ солнечныхъ лучей. Позже, часовъ около пяти, уличная жизнь снова оживляется, начинается посѣщеніе чайныхъ домовъ и многочисленныхъ питейныхъ лавочекъ, гдѣ

продается sake; эти послѣднія легко узнаются по прикрѣпленнымъ у входа сосновымъ вѣткамъ и большимъ раскрашеннымъ боченкамъ.

Съ наступленіемъ вечера всѣ опять высыпаютъ на улицу; тысячи людей отправляются подъ сѣнь старыхъ огромныхъ сосенъ шарковъ Шипа или Усно и располагаются тамъ на травѣ или въ чайныхъ домахъ, которыхъ множество вокругъ прудовъ съ лотосами и на берегу Сумидогавы; другіе нанимаютъ лодки, идутъ въ театры или клубы; на улицахъ постепенно зажигаются длинные ряды фонарей, изъ многихъ домовъ доносятся звуки музыкальныхъ инструментовъ и пѣніе; вездѣ кипитъ жизнь и веселье, точно у этихъ маленькихъ людей нѣтъ ни заботъ, ни труда, и вся эта столица царства микадо—не что иное, какъ модный курортъ въ разгаръ сезона.

Серьезное отношеніе къ жизни только тогда и проявляется на уличной физиономіи японцевъ, когда случается какая-нибудь катастрофа, какъ, напр., землетрясеніе: трубы, крыши, цѣлые дома рушатся, и испуганное населеніе выбѣгаетъ на улицу, или же когда на темномъ ночномъ небѣ появляются ярко-красные «цвѣты Іеддо», т. е. огненные языки пожара. Во всѣхъ частяхъ города можно видѣть высокіе столбы съ колоколами и лѣстницами, на верхушкѣ которыхъ сторожа постоянно и зорко слѣдятъ за тѣмъ, не покажется ли гдѣ дымъ или пламя. Какъ только они замѣчаютъ что-нибудь подозрительное, то сейчасъ же даютъ знать извѣстнымъ числомъ ударовъ колокола, въ какомъ кварталѣ пожаръ, и тотчасъ же среди беззаботнаго населенія начинается тревога. Всѣ быстро бѣгутъ домой; обитатели квартала, гдѣ произошелъ пожаръ, какъ можно скорѣе несутся къ себѣ, чтобы спасти свое имущество. Маленькіе домики, выстроенные изъ сухого дерева, съ бумажными стѣнами и соломенными цыновками, вспыхиваютъ какъ трутъ, и нечего и думать о спасеніи горящаго или сосѣдняго съ нимъ дома.

Тоюю ужъ много разъ страдать отъ огня, и ежегодно и даже ежемесячно множество домовъ превращаются въ пепель. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что въ такихъ случаяхъ весь городъ въ тревогѣ; большая пожарная команда со своими фантастическими знаменами и касками спѣшитъ къ мѣсту происшествія, и даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ квартала перекутанное населеніе собираетъ свои пожитки, чтобы отнести ихъ въ болѣе безопасное мѣсто. Это нетрудно сдѣлать благодаря несложности и простотѣ японской обстановки. Дѣвушки моментально скатываютъ тонкіе матрацы, соломенные цыновки и одежду, женщины быстро бросаютъ въ какую-нибудь корзину посуду и кухонную утварь, мужчины вынимаютъ изъ пазовъ передвижныя стѣны изъ дерева и бумаги, и все это имущество помѣщается въ маленькой ручной тележкѣ. Только крыша и сваи, на которыхъ она стоитъ, остаются жертвами пламени, если пожарной командѣ не удастся локализовать огонь, разрушивъ опустошенные дома.

Японскій Бирмингамъ.

(Гессе-Варгега.)

Благодаря японско-китайской войнѣ Европа начала удѣлять восточной Азіи очень большое вниманіе. Неоднократно говорили и писали о тѣхъ опасностяхъ, какія грозятъ европейской промышленности со стороны соперничающей съ нею промышленности азіатскихъ странъ и преимущественно со стороны Японіи, которая за послѣднія десятилѣтія стала вполнѣ самостоятельной въ этомъ отношеніи и даже успѣшно выступать со своими произведеніями не только на азіатскихъ рынкахъ, но и на европейскихъ.

Гдѣ же главный центръ молодой и уже могущественной промышленности этой далекой страны? Поѣздивши по Японіи, вы скоро будете достаточно освѣдомлены объ этомъ.

Когда вы ѣздите по Европѣ, то можете узнать близость городовъ по пропитанному дымомъ воздуху, по куполамъ церквей, по высокимъ трубамъ и большимъ фабричнымъ постройкамъ; въ Японіи же вы только тогда видите городъ, когда вы въ него совсѣмъ вѣхали. Сады и высокія деревья скрываютъ отъ взоровъ низенькіе и одноэтажные домики, и воздухъ въ этихъ городахъ такъ же прозраченъ и чистъ, а небо такое же голубое, какъ въ деревняхъ. Японцы берутъ для отопленія только древесный уголь, а для этого не нужны трубы, которыя, къ счастью, совершенно неизвѣстны городамъ южной Японіи.

Поэтому путешественника очень удивляетъ, когда на своемъ пути вдоль восточнаго берега, между Йокогамой и Кобе (на разстояніи часоваго пути до Кобе), онъ видитъ на востокъ густую облаку дыма, точно отъ большого пожара. Подѣхавъ ближе, онъ видитъ въ далекой равнинѣ множество обширныхъ фабрикъ, красные, многоэтажные дома со множествомъ оконъ и высоко воздымающимися трубами—зрѣлище, которое онъ привыкъ видѣть въ промышленныхъ мѣстностяхъ Германіи, но которое здѣсь кажется ему страннымъ. Затѣмъ онъ подъѣзжаетъ къ прокопченной дымомъ, темной и оживленной станціи, и кондукторъ объявляетъ, что поѣздъ прибылъ въ Осаку.

Осака—это японскій Бирмингамъ; это—молодая гордость молодой же японской промышленности и главный фабричный пунктъ восточной Азіи. Выстъѣ съ этимъ Осака—второй въ странѣ городъ, по своей величинѣ, по числу жителей и богатству уступающій только Токио.

Передъ вокзаломъ, среди тысячи дѣловыхъ людей, тѣсятся сотни курумъ съ запряженными въ нихъ кули.

Я сажусь въ одинъ изъ экипажей, говорю своему возницѣ: «Уядіа джиотаѣ», и черезъ десять минутъ быстрой ѣзды по искривленнымъ улицамъ Осаки я уже нахожусь въ единственной полуевропейской гости-

ницѣ этого города. Отель Джикотя и примыкающія къ нему другія постройки находятся на узкомъ и длинномъ островѣ, покрытомъ красивыми садами. Этотъ островъ находится посреди рѣки и соединяется съ городомъ широкимъ мостомъ, постоянно запруженнымъ народомъ; по рѣкѣ ходятъ взадъ и впередъ безчисленные пароходы, грузовыя барки и сампаны; берега густо застроены живописными многоэтажными домами, фасады которыхъ стятъ въ водѣ на сваяхъ и въ каждомъ этажѣ которыхъ находится обращенная къ рѣкѣ веранда, украшенная цвѣтами, фонарями и флагами. Въ домахъ, на верандахъ, на мосту и на рѣкѣ,—вездѣ кипитъ жизнь. Всюду, куда ни взглянешь, масса людей, и все исключительно японцы, очевидно еще нетронутые европейской культурой. За нѣсколько дней моего пребывания въ Осакѣ я не встрѣтилъ ни одного европейца. Въ прежніе годы, когда японцы еще только устраивали свои фабрики, тутъ было много европейскихъ мастеровъ, приглашенныхъ японцами въ качествѣ руководителей. Но когда ихъ миссія была окончена, т.-е. когда японцы изучили европейское искусство, то европейскіе мастера были уволены.

Теперь же всѣ большія фабрики, появившіяся въ этомъ старинномъ японскомъ городѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, находятся почти исключительно въ японскихъ рукахъ; эти фабрики построены на японскія деньги, всѣ нужные европейскіе или азіатскіе сырые материалы обрабатываются исключительно японцами посредствомъ японскихъ же машинъ и въ готовомъ видѣ поставляются на рынокъ при посредствѣ японскихъ торговыхъ фирмъ, страхуются отъ всякаго рода несчастій въ японскихъ страховыхъ обществахъ и, наконецъ, японскими же пароходами развозятся по разнымъ портамъ не только своей страны, но и Китая, Индіи, Австраліи и даже Европы.

Въ послѣднее время одно большое японское общество пароходства установило правильныя пароходныя сообщенія: одно черезъ Тихій Океанъ въ Америку и другое—черезъ Суэцкій каналъ въ Европу, такъ что большое количество осакскихъ издѣлій проникаетъ въ Европу, не давая ни гроша заработка самимъ европейцамъ.

Но гдѣ же, однако, всѣ фабрики этого такъ быстро выросшаго японскаго Бирмингама? Вокругъ всей широкой рѣки и внутри города вѣтъ ни одной фабрики, и кто ожидаетъ увидѣть здѣсь телѣги для перевозки тяжестей или повозки, машины, рельсовые пути, набережныя съ элеваторами, на которыхъ работаютъ прокопченные рабочіе,—словомъ все то, что можно встрѣтить въ любомъ европейскомъ фабричномъ городѣ,—тотъ будетъ пріятно разочарованъ.

Рѣка, безчисленные каналы, улицы внутренней части города до самой крѣпости—все представляетъ собою чисто-японскую картину прежнихъ временъ, и можно сказать, что ни Токио, ни Киото, ни какой-ли-

бо другой городъ Японіи, посѣщаемый иностранцами, не сохранился такъ, какъ Осака. Осака покорила европейскую культуру японскую, она усвоила изъ нея все ей необходимое, но все усвоенное прировнила къ японскому характеру; и по наружному виду своихъ улицъ, домовъ и людей, живущихъ въ нихъ, она осталась, очевидно съ намѣренной настойчивостью, совершенно японскимъ городомъ прежнихъ временъ.

За все время моего путешествія по Японіи я не видѣлъ ни одного города, гдѣ нравы жителей остались бы такими неприкосновенными и гдѣ было бы столько жизни, какъ въ Осакѣ. Въ этомъ отношеніи это самый интересный и достойный вниманія городъ во всей Японіи.

Городъ расположенъ на обоихъ берегахъ широкой рѣки и съ давнихъ временъ считается гаванью прежней столицы Японіи.—Киото, съ которымъ она соединена нынѣ желѣзной дорогой и парходнымъ сообщеніемъ.

Въ настоящее время Осака не можетъ считаться портовымъ городомъ, потому что она почти на три километра удалена отъ тинистаго устья рѣки въ глубокую бухту, такъ что морскимъ пароходамъ здѣсь невозможно пристать. Противъ Осаки, въ западной части бухты, которая не шире пятнадцати километровъ, расположились города-близнецы, Хіого и Кобе, и они, съ своей стороны, представляютъ собой Осакаскій портъ; всѣ ея произведенія нагружаются здѣсь на пароходы, Осака же остается совсѣмъ японскимъ городомъ.

Это, впрочемъ, бросается въ глаза съ перваго взгляда, стоитъ только прокатиться въ рикшѣ по улицамъ этого прелестнаго города.

Онъ распланированъ по-американски, въ видѣ шахматной доски; широкія, прямолинейныя улицы пересекаются подъ прямыми углами и, въ свою очередь, прорѣзываются такими же прямыми каналами, черезъ которые перекинуты горбатые деревянные мосты. Тутъ какъ будто сѣпались два города вмѣстѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ состоитъ изъ каналовъ, соединяющихся почти тремя съ половиною тысячами мостовъ. Какой же изъ этихъ двухъ городовъ интереснѣе?

Днемъ, конечно,—городъ, находящійся на сушѣ, съ его кипучей жизнью и движеніемъ, съ безчисленными магазинами, которые тянутся въ нѣкоторыхъ улицахъ на разстояніи дѣльных верстъ одинъ возлѣ другого, точно каждая изъ 162.000 семей города имѣетъ свой собственный магазинъ. Общее число жителей въ немъ равняется 752.000 человекъ, т.-е. на 300.000 человекъ больше, чѣмъ въ Бирмингамѣ.

Вездѣ, вверхъ и внизъ по улицамъ, мелькаютъ широко открытые магазины, такъ что, гуляя по улицамъ, можно видѣть не только выставленный товаръ, ни и все, что дѣлается внутри.

Но Осака не только рынокъ, а и кустарный городъ.

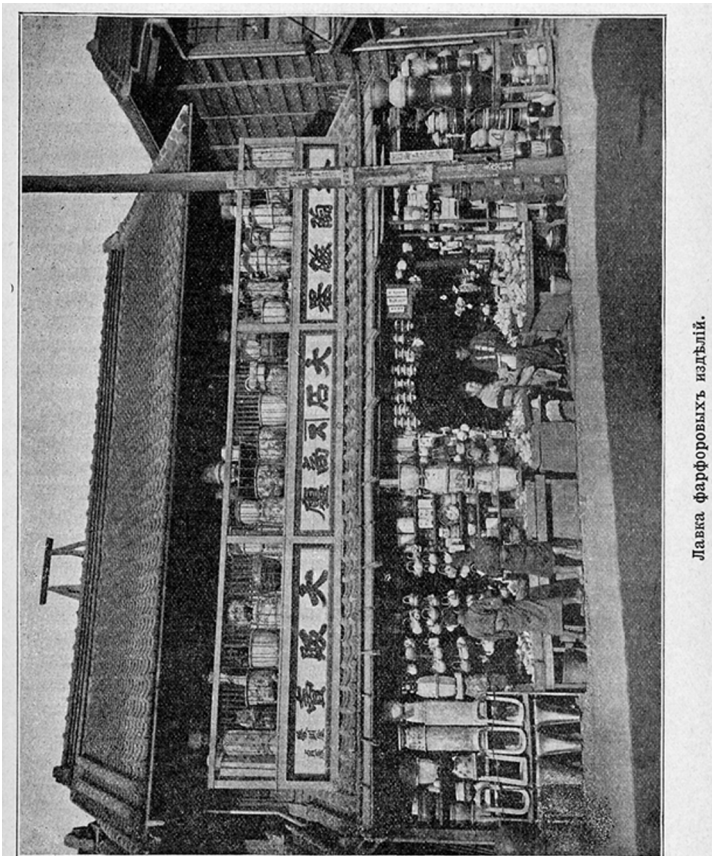
На улицъ—торговля, а внутри магазиновъ—мастерскія. Эти мастер-

скія, особенно тѣ, въ которыхъ дѣлаются японскія вещи, остались по-прежнему кустарными. Каждая семья работаетъ въ маленькой, низенькой, но открытой съ двухъ сторонъ доступу свѣжаго воздуха лавочкѣ; семьи работаютъ самостоятельно, а въ рѣдкихъ случаяхъ приглашаютъ одного или нѣсколькихъ подмастерьевъ со стороны. Тутъ зачастую можно видѣть, какъ въ знойное время года маленькіе трудолюбивые японцы работаютъ, почти голые, руками, а иногда и ногами. Тутъ можно видѣть, какъ разрисовываются маленькіе вѣера, какъ рѣжутся ихъ бамбуковыя ребрышки и соединяются вмѣстѣ. Эти вѣера вывозятся по всему міру въ количествѣ сотенъ милліоновъ, и именно изъ Осаки, и приносятъ не одинъ милліонъ барыша жителямъ города. Здѣсь можно видѣть, какъ плетутся нѣжныя, красивыя цыновки, какъ красятся посредствомъ индиго заготовленные на фабрикахъ матеріи, какъ ткутся прелестныя шелковыя матеріи и золотая парча, какъ изготовляются зонтики изъ бамбука и бумаги; здѣсь можно наблюдать выдѣлку маленькихъ деревянныхъ бездѣлушекъ, ящичковъ и шкатулокъ разныхъ размѣровъ, но совершенно одинаковой формы, такъ что они легко вкладываются одни въ другіе; тутъ же фабрикуются милліоны куколъ и разныхъ другихъ игрушекъ, бронзовыхъ фигурокъ, чашечекъ и сотенъ другихъ годныхъ для продажи вещей, которыя выдѣляются на европейскихъ рынкахъ, вращаются намъ и заставляютъ насъ раскошелиться.

Цѣлыми часами бродить я по этимъ кварталамъ, гдѣ господствуетъ кустарная промышленность, и не переставалъ удивляться ловкости и простымъ приспособленіямъ японскихъ ремесленниковъ. Благодаря огромному сбыту въ Европѣ и Америкѣ фабрикующихся въ Осакѣ бездѣлушекъ, спросъ на нихъ такъ возросъ, что кустари завалены заказами и не хватаетъ подростковъ для подмастерьевъ. Осака—нѣчто въ родѣ японскаго Чикаго, съ его погоней за деньгами. Только небольшое число художественныхъ производствъ уцѣлѣло отъ легкомысленнаго къ нимъ отношенія со стороны мастеровъ,—именно, фабрикація бронзовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій. Въ магазинахъ рѣдкостей, въ Кобе и Иокогамѣ, часто предлагали мнѣ прелестныя вещицы этого рода. Бронза съ инкрустированными или выкованными фигурами, орнаментами, съ необыкновенно глянчатой эмалью,—всѣ вещи прелестной формы и тончайшаго издѣлія. Или показывали мнѣ прелестныя маленькія вазочки, чашки, пельницы изъ тончайшаго фарфора, разрисованнаго узорами, изящество, миниатюрность и сочетаніе цвѣтовъ которыхъ недостижимы въ Европѣ.

Торговцами этихъ произведеній, какъ мнѣ тогда сказали, были знаменитыя фирмы въ Осакѣ. Когда я посѣтилъ эти фирмы, чтобы познакомиться на мѣстѣ со способомъ производства этихъ художественныхъ вещицъ, то увидѣлъ, что онѣ помещаются въ секретныхъ деревянныхъ домикахъ, но у нихъ не было тутъ же открытой лавки, какъ

у ихъ менѣе значительныхъ коллегъ. На запертыхъ домахъ, похожихъ на обыкновенные частные дома, не было ни вывѣсокъ, ни ка-

Лавка фарфоровыхъ издѣлій.

кихъ-либо другихъ обозначеній фирмы. Даже когда меня впустили внутрь, я не замѣтилъ тамъ никакой выставленной вещи. Только послѣ долгой бесѣды и послѣ того, какъ я выпилъ нѣсколько чашекъ

чаю, открылись сундуки и появились на свѣтъ Божій маленькія художественныя вещицы, завернутыя въ бумагу и шерсть. Ихъ церемонно поднесли показать мнѣ, точно это были брилліантовые украшения. Когда я спросилъ, гдѣ находится мастерская, то мнѣ показали крутую узкую лѣстницу, ведущую въ первый этажъ, гдѣ на полу сидѣли двое молодыхъ рабочихъ и разрисовывали маленькія фарфоровыя вазы и чашки; это-то и была знаменитая фабрика.

Въ Европѣ мастеръ, рисующій такъ прелестно на фарфорѣ, навѣрное былъ бы профессоромъ, сидѣлъ бы въ прекрасной мастерской и получалъ бы большой окладъ. Здѣсь же эти артисты—скромные молодые люди, работающіе по шестнадцати часовъ въ день, сидя почти лагнемъ, на короткокахъ, на полу и получающіе поденную плату въ одинъ іенъ (1 рубль); очень немногіе получаютъ больше, а большая часть рабочихъ, находящихъ примѣненіе своего искусства въ мелкихъ мастерскихъ Осаки, получаютъ не больше двадцати-двадцати пяти копеекъ въ день. И такихъ рабочихъ-мастеровъ насчитывается въ Осакѣ больше шестидесяти тысячъ. Лучшіе механики получаютъ здѣсь по рублю въ день; вышивальщики, надзиратели, рисовальщики, рѣзчики по дереву—50 копеекъ; фабричныя рабочіе среднимъ числомъ отъ двадцати до двадцати пяти копеекъ въ день, поденныя рабочіе—тридцать пять копеекъ. Но еще меньшую плату получаютъ работницы. Больше всего платятъ вышивальщицамъ и рисовальщицамъ; онѣ получаютъ по двадцати копеекъ въ день; за ними слѣдуютъ надзирательницы и лучшія работницы изъ другихъ отраслей промышленности, получающія по пятнадцати копеекъ въ день; затѣмъ обыкновенныя работницы съ платой по десяти копеекъ въ день и, наконецъ, ученицы, получающія отъ пяти до пятнадцати копеекъ въ день.

Какъ мы видимъ, рабочая плата въ Японіи составляетъ четвертую или пятую часть того, что получаютъ рабочіе въ Европѣ, и если принять во вниманіе, что Японія по отношенію къ Азіи то же, что Англія по отношенію къ Европѣ, и что она соединена съ различными гаванями азіатскихъ странъ собственными пароходными путями; что разстояніе между ними и Европой, что составляетъ большую экономію въ перевозкѣ и страховкѣ; если мы примемъ все это во вниманіе, то намъ станетъ понятнымъ развитіе Японіи, какъ промышленной страны, и пополненіе азіатскихъ рынковъ японскими издѣліями и товарами.

Паразительные успѣхи японской промышленности нигдѣ такъ не бросаются въ глаза, какъ въ Осакѣ. Мѣстнаго населенія здѣсь давно уже не хватаетъ для выполненія всѣхъ работъ, и поэтому деревенскіе жители стремятся сюда со всѣхъ провинцій въ поискахъ за работой, которая въ городѣ все же лучше оплачивается, чѣмъ въ деревнѣ, какъ

это замѣтно и въ европейскихъ промышленныхъ странахъ. Въ послѣдніе годы застроились совершенно новыя части города, и жалкіе деревянные домишки снимаются раньше, чѣмъ ихъ успѣваютъ выстроить. Цѣнность строительныхъ матеріаловъ въ этомъ разрастающемся городѣ возросла до того, что превышаетъ теперь вдвое стоимость ихъ въ Токио, а соответственно этому возросла и квартирная плата.

Но гдѣ же большія фабрики Осаки?

Въ оживленныхъ улицахъ этого большого города ихъ не видно. Онѣ помѣщаются главнымъ образомъ за городомъ, надъ грязными, скверно пахнущими канавами; это огромныя, совершенно европейскія постройки, устроенныя по новѣйшимъ образцамъ, гдѣ работаютъ самыя лучшія европейскія машины. Двѣ самыя большія фабрики принадлежатъ казнѣ, именно—арсеналъ и монетный дворъ. По мнѣнію знатоковъ, эти учрежденія нисколько не уступаютъ таковымъ же въ Европѣ. Какъ арсеналъ, такъ и монетный дворъ ведутся исключительно японцами. Благодаря удивительному таланту въ подражаніи, эти маленькіе, привѣтливые и предупредительные японцы, во время своихъ научныхъ поѣздокъ въ Европу прямыми или косвеннымъ путемъ изучили методы нашего производства и, вернувшись къ себѣ домой, прежде всего постарались устроить такія же учрежденія у себя, чтобы не прибѣгать къ европейскимъ рынкамъ. То же самое можно сказать и относительно крупныхъ шерстопрядильныхъ фабрикъ, гдѣ скрипятъ сотни шестерней и дѣлаютъ пряжу изъ австрійской, индѣйской и даже египетской шерсти; эта пряжа во всей восточной Азіи, даже въ Индіи, вытѣснила европейскіе продукты. То же можно сказать и о ткацкомъ дѣлѣ, пивовареніи, кожевенныхъ фабрикахъ, стеклянныхъ и т. под. Во время моихъ прогулокъ по Осакѣ я наткнулся даже на фабрику европейскихъ зонтиковъ, стальные прутья для которыхъ получались изъ Германіи, на мыловаренные заводы, на фабрики, изготовлявшія обувь, зубныя щетки и даже карманные часы. Хотя часовая фабрика и теперь, много лѣтъ спустя, все еще работаетъ въ убытокъ, но пройдетъ еще немного времени, и она достигнетъ такихъ же результатовъ, какъ спичечныя фабрики, окончательно вытѣснившія значительный ввозъ этого предмета въ восточную Азію.

Правительство японское всѣми силами поощряетъ отечественную промышленность. Въ центрѣ города находится роскошный промышленный музей, подобнаго которому нѣтъ, къ сожалѣнію, во многихъ большихъ европейскихъ городахъ. Такой музей имѣется въ каждомъ японскомъ городѣ, но изъ всѣхъ, которые мнѣ пришлось видѣть, самый полный въ Осакѣ.

Заплативъ за входъ незначительную плату въ нѣсколько копеекъ, я вошелъ въ большой паркъ съ группами деревьевъ и цвѣтниками, въ которомъ раскинуто было множество построекъ, совсѣмъ какъ на любой

промышленной выставкѣ въ Европѣ, съ тою только разницей, что въ Осакѣ она постоянная. Въ этихъ зданіяхъ размѣщены въ систематическомъ порядкѣ всѣ производства города. Всѣ предметы распределены съ большимъ умѣніемъ; на всякой, даже самой маленькой вещицѣ, есть ярлычокъ, на которомъ обозначена ея цѣна, и ее можно сейчасъ же приобрести и унести съ собой.

Вечеромъ паркъ ярко освѣщается электричествомъ, на эстрадѣ играетъ военная музыка и тысячи японцевъ посѣщаютъ эту выставку, точно и эта выставка, и электрическое освѣщеніе, и вѣнскій вальсъ и проч. вѣчто туземное, прирожденное, давно знакомое, а не совершенно чужое, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ привившееся здѣсь.

На японскомъ праздникѣ.

(Т а н а.)

Палаткѣ эной висѣлъ надъ маленькимъ японскимъ городкомъ, спрятавшимся въ глубинѣ обширной и извилистой бухты, какими изрѣзаны всѣ берега Японіи. Было совершенно тихо, и даже море не освѣжало. На палубѣ парохода было душно, какъ въ непровѣтриваемой комнатѣ. Спокойная вода сверкала, какъ зеркало, и только нагрѣтая струя воздуха, переливавшаяся вдали, нѣсколько смягчала этотъ рѣзавшій глаза блескъ. Мы переѣхали на берегъ и на минуту остановились на дамбѣ, не рѣшаясь подняться вверхъ, по длинному, пыльному косогору, къ бѣлымъ домамъ города, привѣтливо выглядывавшимъ изъ зелени. Здѣсь, внизу, по краевой мѣрѣ не было пыли. Высокая башня маяка возвышалась на песчаной косѣ, бросая тѣнь почти до самой воды, и подъ защитой ея нѣсколько лавочекъ, торговавшихъ прохладительными напитками, гостепріимно открывали свои полотняные навѣсы.

Несмотря на ранній часъ, весь берегъ былъ покрытъ купальщиками. Мужчины и женщины раздѣвались въ легкихъ деревянныхъ купальняхъ, построенныхъ на твердой землѣ за линіей сыпучаго песка, и въ легкихъ купальныхъ костюмахъ изъ бѣлаго полотна сбѣгали попеременно къ водѣ по узкимъ деревяннымъ переходамъ. Многие были совершенно наги, что не мѣшало имъ весело полоскаться въ водѣ, играть и гоняться другъ за другомъ. Вода была такъ прозрачна, что тѣла купальщиковъ просвѣчивали сквозъ нее желтыя и, казалось, безкровныя, и нырнувшій человѣкъ бѣлѣлъ въ глубинѣ даже издали, какъ большая странная рыба. Даже у самаго берега дно было волнообразное, и глубокія ямы смѣнялись широкими и мелкими банками. Надъ ямами молодые японцы и японки плавали и рѣзвились съ несравненнымъ искусствомъ островитянъ, для которыхъ море составляетъ стихію не менѣе привычную, чѣмъ суша. Въ мелкой водѣ на банкахъ плясали и кружились хороводы съ

беззаботнымъ весельемъ, которое вскипаетъ въ японцахъ при каждой общественной забавѣ. Тучи нагихъ ребятишекъ, тонконогихъ и пузатыхъ и какъ будто слегка вытертыхъ сажей, разведенной въ маслѣ со всѣхъ сторонъ собрались намъ навстрѣчу. Одни съ любопытствомъ осматривали насъ съ ногъ до головы, другіе принимались копошиться въ полусыромъ пескѣ, третьи снова бросались въ воду, криками и жестами приглашая насъ послѣдовать ихъ примѣру. Мы, однако, не рѣшались послѣдовать этому гостепріимному приглашенію.

Десятка два колясочекъ стояли на набережной, но джинришкой не было видно. Они прятались подъ навѣсомъ деревянныхъ будокъ, разбросанныхъ по разнымъ сторонамъ дороги.

Я нерѣшительно посмотрѣлъ на сыпучій подъемъ, круто уходящій вверхъ. По ровной улицѣ человѣкъ-лошадь бѣжитъ безъ особаго усилія, но каждый косогоръ представляетъ тяжелое испытаніе и для его спины, и вмѣстѣ съ тѣмъ для нервовъ непривычнаго европейскаго пассажира. На особенно трудныхъ мѣстахъ колясочка сбѣгаетъ назадъ, джинришка сгибается до земли, дѣлаетъ зигзаги, кричатъ и, наклонясь, добравшись до вершины подъема, останавливается для минутнаго отдыха, ноги его дрожатъ конвульсивной дрожью, грудь дышитъ тяжело и часто, и онъ отираетъ съ лица потъ свободнымъ концомъ полотенца, препоясывающаго его чресла.

Мы предпочли поэтому, несмотря на жару, воспользоваться собственными ногами для подъема къ городу и, освѣжившись въ ближайшей лавочкѣ тертымъ льдомъ и грушами, тихонько поплелись вверхъ, выбирая мѣста потверже и стараясь пользоваться каждымъ клочкомъ тѣни.

Маленькій городокъ имѣлъ праздничный видъ, такъ какъ это былъ день рожденія наследника престола, и всѣ первенцы Японіи праздновали вмѣстѣ съ нимъ.

Фасады домовъ были украшены разноцвѣтными шкालиками и фонарями, которые къ ночи должны были засіять разноцвѣтными огнями. Надъ кровлями весело развѣвались изображенія рыбъ, искусно склеенныя изъ цвѣтной бумаги, округлыя снаружи и пустыя внутри. Они были такъ легки, что, несмотря на отсутствіе вѣтра, все-таки не падали внизъ и тихонько полоскались въ воздухѣ.

Кромѣ того, портъ Нанану въ это лѣто впервые открывался для иностранной торговли, и торжество открытія было приурочено къ этому же дню. На главной улицѣ была воздвигнута арка изъ иммортелей, которая одновременно выражала пожеланія вѣчной жизни императорскому принцу и международной торговлѣ Нанану.

Праздникъ, однако, долженъ былъ начаться только къ вечеру, и въ ожиданіи этого многіе ремесленники и торговцы занимались своими обычными дѣлами.

Старыя бабы съ огромными бровями и волосами, небрежно скрученными въ пучокъ, мололи на ручныхъ жерновахъ варенные бобы, которые выходили изъ-подъ камня мягкими бѣлыми хлопьями, спадавшими въ деревянный чанъ, подставленный снизу. Изъ этихъ протертыхъ бобовъ готовится различнаго рода печенье, весьма популярное у японскаго простонародья. Изъ темной лавочки рядомъ вырывался острый, почти ядовитый запахъ. Она была заставлена глиняными корчагами съ неширокими, плотно обвязаннымъ горломъ. Одна корчага была открыта, и морщинистый японецъ помѣшивалъ длинной палкой жидкость, густую, черную и пахучую, какъ деготь. Это перегнивала и перекисала бобовая соль, любимѣйшая японская приправа, безъ которой не садится за столъ даже самый бѣдный поденщикъ или рыбаковъ.

На маленькй бумажной фабрикѣ пять или шесть подростковъ, сидя на корточкахъ, прилежно чесали тупыми деревянными гребнями мягкую бумагу, чтобы придать ей такъ называемую «креповую струистость». Изданія, напечатанныя на этой бумагѣ, имѣютъ необыкновенно вязный видъ, но достигается это такой затратой труда, какую можно встрѣтить только въ Японіи.

Въ городѣ только шесть тысячъ жителей. Маленькіе домишки, съ бумажными перегородками и крышами изъ тонкой драги, походила другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Официальный праздникъ долженъ былъ открыться обѣдомъ на парохдѣ, и намъ слѣдовало вернуться пораньше; но мнѣ хотѣлось сперва посмотреть два древніе храма, Шинто и буддйскій, которые представляли обѣ главныя религіи Японіи.

Храмъ Шинто отличался простотой. Это было деревянное зданіе съ очень скромной обстановкой. Въ особомъ отдѣленіи сохранялись причудливые стружки и свертки ткани, представлявшіе святыню. Молящихся было очень мало. На гладкомъ полу храма сидѣли на корточкахъ, въ созерцательной позѣ, двѣ или три женщины, поддерживаясь снизу руками, чтобы не упасть. Многія женщины, проходившія мимо и не имѣвши времени остановиться, бросали на открытую эстраду пробитую посрединѣ желѣзную монету, стоимостью въ одну или двѣ десятыхъ копейки, и, не замедливъ шага, отправлялись далѣе. Другія бросали монеты въ источникъ, который вытекалъ на дворъ храма изъ небольшого гранитнаго водоема, прилаженнаго къ откосу горы. Предъ храмомъ стояла старинная арка странной формы, сложенная какъ будто изъ мшистыхъ бревенъ, которыя по ближайшемъ разсмотрѣніи оказались огромными кусками стараго гранита. Такія арки разбросаны по всей Японіи и считаются святыней. Передъ аркой въ два ряда тянулись гранитные фонари, правильно выточенные и утвержденные на гранитныхъ же столбахъ; лампы въ видѣ открытыхъ каменныхъ чашъ были налиты

масломъ и снабжены самой первобытной свѣтлпней, свѣтившейся съ краю.

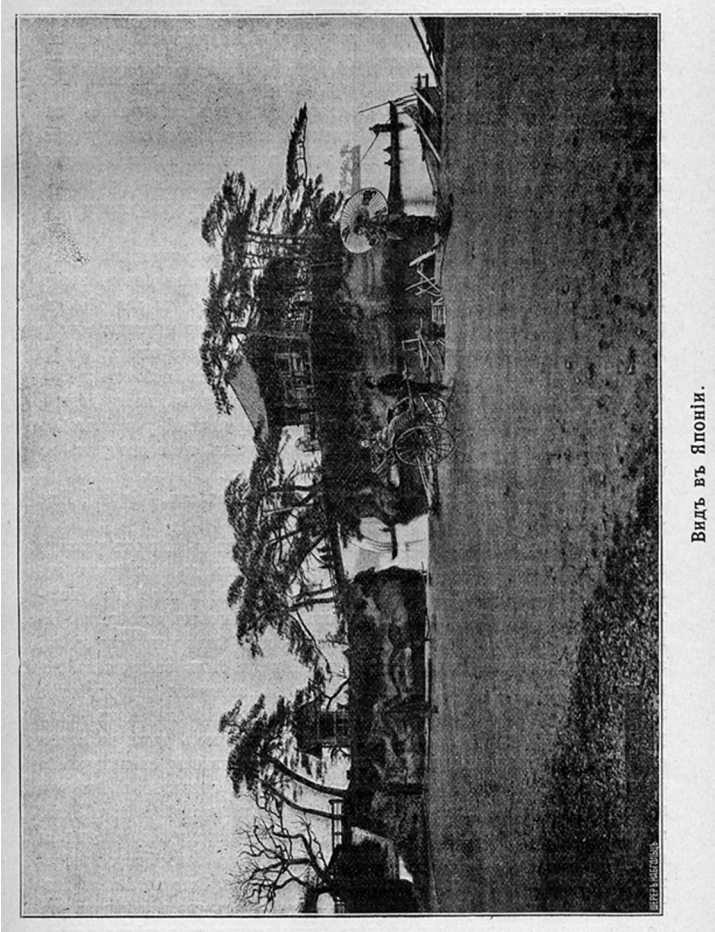
Буддйскій монастырь былъ богаче и затѣливѣе. Онъ помѣщался въ старомъ саду, на склонѣ невысокой, но довольно крутой горы, которая вся составляла его владѣнне. Онъ былъ построенъ изъ камня и покрытъ крупной коричневой черепицей. Двѣ длинныя галлерей вели къ главному входу, который, какъ и въ храмѣ Шинто, представлялъ широкую полуоткрытую террасу. На переднемъ планѣ возвышалась огромная статуя Будды, сдѣланная изъ дерева и обложенная листами почернѣвшей бронзы, съ руками, сложенными на груди, и торжественнымъ покемъ въ крупныхъ чертахъ лица, застывшего въ неподвижномъ созерцаніи. У стѣнъ тянулись ряды безобразныхъ идоловъ, съ перекошенными лицами и широко раскрытой звѣриной пастью. Храмъ былъ пустъ. Только въ одномъ углу группа монаховъ сидѣла на землѣ предъ невысокимъ жертвенникомъ, гдѣ были укрѣплены двѣ восковыя свѣчи, и лѣниво бормотала молитвы, время отъ времени постукивая металлическимъ биломъ въ небольшой бронзовый колокольчикъ. Въ саду было тихо и прохладно. Между высокими деревьями мелькали лужайки, покрытыя зеленой травой и окаймленныя пестрыми цвѣтами. Аллея, уходившая внизъ по косогору, были длинны и тѣнисты, и на поворотахъ иногда казалось, что причудливая фигура идола съ рогатой головой и огромными выпученными глазами сейчасъ покажется изъ зелени и начнетъ подниматься намъ навстрѣчу. Однако вмѣсто идола мы нашли на одной изъ площадокъ молодого японца, который сидѣлъ на землѣ, скрестивъ ноги, и вычерчивалъ на асидной доскѣ различные геометрическіе чертежи; это былъ ученикъ старшаго класса мѣстной нормальной школы, который готовился къ окончательному экзамену и не хотѣлъ сидѣть безъ дѣла даже въ этотъ праздничный день. Увидѣвъ группу иностранцевъ, неожиданно спустившуюся съ высоты въ его тѣнистое убѣжище, онъ, однако, не вытерпѣлъ и, заложивъ за спину асидную доску, подошелъ къ намъ и вѣжливо поздоровался, даже присѣлъ по японскому обычаю, спустивъ книзу сложенные ладони.

Нашъ новый знакомецъ выразилъ желаніе сопровождать насъ и повелъ насъ на городскую площадь, гдѣ по его словамъ долженъ былъ состояться дѣтскій праздникъ. Мы пошли по длинной улицѣ, къ счастью, полуприкрытой непрерывными навѣсами въ защиту отъ жары. На перекресткѣ собралась группа любопытныхъ. Батальонъ пѣхоты прошелъ мимо стройно, какъ на парадѣ, сверкая на солнцѣ дугами небольшихъ нарѣзныхъ ружей безъ штыковъ.

Маленькіе солдаты, одѣтые въ скромный мундиръ темнаго сукна, съ узкимъ галуномъ на шаяѣ и странными зполетамн, шли нога въ ногу,

такъ дружно, какъ будто бы ихъ дрессировали лучше фельдфебеля изъ германской казармы. Мальчишки бѣжали сзади, но толпа не двигалась, ибо за солдатами слѣдовалъ другой кортежъ, болѣе живописный. Ради торжественнаго дня изъ Токио была выписана труппа лучшихъ актеровъ, и теперь, по обычаю, она парадировала по улицамъ, какъ живая реклама, громко объясняя публикѣ сущность представленія, которое должно было состояться въ этотъ вечеръ. Впереди всѣхъ шель оркестръ въ бѣлыхъ кителяхъ, съ разнообразными духовыми инструментами. Они играли довольно плохо, но шагали такъ мѣрно, что одно время мы даже не могли опредѣлить, принадлежатъ ли они отряду, шедшему впереди, или театру, ѣхавшему сзади. Три десятка джинрикишъ, вытянувшись въ безконечную линію, везли въ колясочкахъ болѣе выдающихся актеровъ и актрисъ труппы. Актрисы все были молодыя и съ японской точки зрѣнія хорошенькія. Онѣ ѣхали съ открытыми лицами безъ грима и румянъ, но нынѣ, болѣе смуглыя, были набѣлены рисовой пудрой, лежавшей густымъ слоемъ на оливковыхъ щекахъ и тонкой, коричневой, точно плохо вымытой шеѣ. Время отъ времени стройная женская фигурка поднималась на ноги и, произнося короткую, но трескучую рѣчь, разбрасывала направо и налево печатные листки, покрытые крупными квадратными письменами и похожіе на этикетки для мыла. Толпа внезапно хлынула назадъ. На площади стали пускать дымовыя ракеты, которыя взвивались на огромную высоту и неожиданно развертывались въ видѣ вѣтвистаго дерева или даже дракона съ протянутыми лапами. Дымовая фигура долго плыла по небу, медленно тая и расплываясь въ прозрачной синевѣ.

Большая часть площади была отгорожена веревочнымъ барьеромъ и раздѣлена на квадратные участки. Школьники обоего пола были въ полномъ сборѣ. Справа, подъ полотнянымъ навѣсомъ, на низенькихъ зеленыхъ самьяхъ сидѣли дѣвочки въ яркихъ платьяхъ, размѣщенные съ несравненнымъ искусствомъ, такъ что пестрая ткань, затканная разнообразными узорами, сливалась и переливалась, какъ огромный цвѣтникъ. Мальчики были собраны отрядами подъ предводительствомъ своихъ учителей. Они были въ легкихъ полотняныхъ костюмахъ, такъ какъ ожидался рядъ разнообразныхъ состязаній на призы, выставленные школами и частными лицами. Директоръ нормальной школы, низенькій пожилый японецъ, съ морщинистымъ лицомъ и маленькими, но еще живыми глазами, вышелъ на середину площади и сдѣлалъ знакъ. Отряды учениковъ одинъ за другимъ стали подходить, устанавливаясь съ трехъ сторонъ рядами такъ же стройно, какъ солдаты, недавно прошедшіе мимо. Когда всѣ сошлись, директоръ сказалъ короткую рѣчь, въ которой объяснялъ шеольникамъ, что они должны чувствовать себя счастливыми, празднуя нынѣшній день вмѣстѣ съ принцемъ, кото-

Видъ въ Японіи.

рый носил такую же бѣлую рубаху и изучалъ тѣ же школьныя книги, что и они.

Состязанія открылись бѣгомъ взапуски. Школьники раздѣлились на группы, соотвѣтственно росту и возрасту, и на разныхъ участкахъ арены устроилось дѣльныхъ шесть состязаній. Маленькіе японскіе чело-вѣчки изо всѣхъ силъ весли впередъ, быстро перебирая босми но-жками по гладкому песку арены. Въ движеніяхъ ихъ сказывалась при-вычка къ играмъ и шалостямъ на вольномъ воздухѣ, выросшая у бере-говъ этого теплаго моря, среди полудикой природы и наивной полуде-ревенской культуры, и первобытная любовь къ тѣлесной рѣзвости, которую японская школа стремится развить всѣми разумными спо-собами.

Возбужденные зрители тѣснились къ веревкѣ, ограждавшей арену, желая лучше видѣть, кто изъ быстроногихъ соперниковъ беретъ верхъ надъ другими. Вездѣ слышались поощрительныя возгласы для обгоня-щихся и громкія насмѣшки надъ отставшими. Особенно неистовствовали джирриши, ибо состязаніе въ быстротѣ бѣга задѣвало ихъ за самую чувствительную струну. Ихъ было здѣсь до тридцати, всѣ они заклю-чали между собою пари за своихъ любимцевъ, впрочемъ, не на деньги, а на спартанскій обѣдъ изъ риса и овощей, спрятанный у каждаго въ подножки колясочки. Бывшій съ нами переводчикъ тоже смотрѣлъ на бѣжавшихъ школьниковъ возбужденными глазами.

— Это наши молодцы! — съ гордостью говорилъ онъ. — Огонь! Еще лучше насъ!..

На пароходѣ приготовленія къ празднику были въ полномъ разгарѣ и въ нихъ участвовала вся команда отъ капитана до послѣдняго по-варенка, стараясь создать что-нибудь причудливое и новое изъ неза-тѣйливыхъ принадлежностей и припасовъ, извлеченныхъ изъ трюма. На верхней палубѣ изъ кольевъ и длинныхъ досокъ были устроены столы, задрапированные вышитыми скатертями. Входъ былъ загороженъ не-избѣжной зеленой аркой. Мѣсто шкаликовъ занимали разноцвѣтные электрическіе рожки, такъ какъ этотъ каботажный пароходъ былъ устроенъ очень удобно и освѣщался электричествомъ даже во время стоянокъ. Въ разныхъ углахъ уже были установлены символическія фигуры, искусно сдѣланныя изъ самыхъ простыхъ предметовъ. Впереди всѣхъ гордо ѣхалъ велосипедистъ съ бумажной маской вмѣсто лица, привязанной къ европейскому сюртуку, слегка набитому соломою, чтобы не имѣть слишкомъ выпотрошеннаго вида. Колеса велосипеда изобра-жались двумя неуклюжими спасательными кругами. Зато поза велосипе-диста была самая побѣдоносная, и въ тѣвнѣй уголъ его картоннаго рта была воткнута огромная сигара, какъ будто снятая съ вывѣски или съ газетной рекламы.

Обѣдъ предполагался упрощенный—изъ однихъ холодныхъ закусокъ, и гости должны были ѣсть стоя, ибо скамеекъ не было.

На второй палубѣ, отдѣленной небольшимъ мостикомъ, была устроена буфетъ для бесплатной раздачи легкаго японскаго пива и теплаго рисоваго саки, тоже довольно безобиднаго напитка, болѣе похожаго на бѣлое вино, чѣмъ на нашу водку. Гости уже сѣзжались на огромныхъ плоскодонныхъ баржахъ, употребляемыхъ въ обычное время для перевозки клади. Каждая изъ нихъ, кромѣ пассажировъ, была переполнена полуголыми рыбаками и крестьянами, которые, чтобы приобрести право переѣзда, болтали спокойную воду десятками огромныхъ, странно изогнутыхъ весель. Всѣ эти мужики не имѣли даже надежды подняться на палубу, но ихъ привлекло любопытство и ожиданіе подачи со стола чиновниковъ и торговцевъ, которые являлись истинными героями торжества. Этихъ городскихъ нотаблей тоже было много, болѣе двухсотъ человекъ. Такъ какъ праздникъ долженъ былъ имѣть интернациональный характеръ, то почти всѣ они пришли въ платьѣ европейскаго покроя, которое теперь имѣется для торжественныхъ случаевъ у cadaго уважающаго себя японца.

Иные куртки, впрочемъ, были сшиты изъ самой неподходящей матеріи, напримѣръ, изъ цвѣтнаго шелка или пестраго ситцеваго крена; ихъ дошля поли съ глубокими слѣдами складокъ отъ долгаго лежанія въ сумдукѣ и странные буфы на плечахъ напоминали развѣ издѣлія русскихъ уѣздныхъ портныхъ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Благодаря отсутствію скамей, обѣдъ прошелъ совсѣмъ скоропалительно. Японцы торопливо ѣли и неумоляя разговаривали, передавали другъ другу флакончики съ соей, шумно смѣялись, какъ дѣти, и очевидно чувствовали себя счастливыми. Застольныя рѣчи смѣняли одна другую. Ораторы восхваляли преимущество свободной торговли для добрыхъ отношеній между народами и благодарили микадо за то, что онъ далъ новое доказательство заботы о жителяхъ западнаго берега, открывъ портъ въ прекрасной бухтѣ, почему-то до сихъ поръ лишенной значенія и торговли. Наконецъ изъ буфета раздался звонокъ, возвѣщающій сладкую возможность утоленія жажды. Гости торопливо хлынули на мостикъ, смѣясь и перегоняя другъ друга.

Повидимому, для бережливыхъ жителей захолустнаго города главная прелесть угощенія состояла въ его бесплатности.

Гости шли съ невѣроятной быстротой. Черезъ десять минутъ всѣ были навеселѣ. Впрочемъ, саки и пиво даютъ легкое опьянѣніе и не побуждаютъ къ дракамъ и скандаламъ. Гости вели себя попрежнему прилично. Только разговоры стали шумнѣе, жесты развязнѣе, громкій смѣхъ не умолкалъ ни на минуту вокругъ импровизированной стойки.

Гребцы и рыбаки толпились въ лодкахъ вокругъ парохода, прота-

гивая руки вверх. Теперь пирующие, утолив собственную жажду, были расположены къ щедрости. Черезъ бортъ повсюду летѣли яблоки, груши, полныя пивныя бутылки, растрепанные рисовые пироги. Люди въ лодкахъ ловили все это на лету съ искусствомъ жонглеровъ. Мальчишки взбирались на скамьи и подпрыгивали вверхъ, навстрѣчу прилетающимъ подачкамъ, чтобы опередить взрослыхъ.

Легкое опьянѣніе рисоваго вина уже проходило у многихъ. Лодки быстро наполнялись людьми и потянулись къ городу. На морѣ было тихо и темно. Но далеко сзади, у широкаго устья бухты, извилистой линіей мелькали безчисленные огоньки. То были рыбаки сосѣднихъ селъ, выѣхавшіе на ночной промыселъ, несмотря на національный праздникъ.

Мы поднялись по косогору вмѣстѣ съ толпой, большая часть которой отправилась въ театръ. Представленіе началось засвѣтло и должно было продолжаться далеко за полночь. Оно открылось исторической драмой, которая ко времени нашего прихода близилась къ концу. Мы попали необыкновенно удачно. Двое героевъ, братьевъ, отомстившихъ надменному князю за смерть отца, были осуждены совершить харакири, т. е. распороть себѣ собственноручно животъ. Они сидѣли на эстрадѣ, покрытой бѣлымъ крепомъ въ знакъ траура, одѣтые въ длинное бѣлоснѣжное платье. Передъ ними лежали на столикахъ короткіе прямые кинжалы. Сзади стояли палачи, обнаженные до пояса, съ блестящими мечами въ рукахъ. За особымъ навѣсомъ медленно и печально наигрывала струнная музыка, вливая новую волну въ гнетущее настроеніе картины. Чиновникъ громкимъ голосомъ прочелъ приговоръ, потомъ впустили мать и невѣсту старшаго брата для послѣдняго прощанія.

Женщины съ воплями припали къ подножію эстрады. Мать подползла къ младшему сыну и спрятала лицо въ широкихъ складкахъ его бѣлой одежды; невѣста стояла на коленяхъ предъ своимъ возлюбленнымъ и яростно цѣловала его руки. Но лица осужденныхъ были суровы и спокойны. Повидному, земныя привязанности и страсти уже не имѣли надъ ними власти. По знаку чиновника прислужники оттащали женщинъ. Осужденные взяли кинжалы и, обернувъ рукоятъ бѣлымъ платкомъ, направили себѣ въ грудь. Вся зала плакала. Женщины со стономъ отворачивались, чтобы не видѣть. Наши нервы тоже не могли вынести больше, и мы готовы были бѣжать отъ этого страннаго зрѣлища въ японскомъ вкусѣ.

Слѣдующая пьеса была веселая комедія.

Достаточно насладились театромъ, мы хотѣли посмотреть танцовщицъ, тоже выписанныхъ изъ столицы для этого вечера.

Мы выбрали, по совѣту бывшаго съ нами переводчика, танецъ Фоники Комазъ, одной изъ героинь знаменитаго японскаго романа о бѣломъ знамени Кизо. Фоника была дочь одного изъ крестьянъ, принад-

лежащихъ роду Кизо, и, послѣ побѣдоноснаго нападенія рода Хейке, спавшая бѣлое знамя Кизо, бросилась въ озеро.

Большая комната съ гладко вычищеннымъ поломъ была ярко освѣщена. Одна половина ея состояла изъ эстрады, застланной холстомъ. Публика сидѣла на полу, подставляя подъ себя небольшіе коврики или широкія плоскія подушки.

Артистка, миниатюрная, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, вышла на сцену въ сопровожденіи двухъ музыкантовъ, которые несли семисены, — старинные музыкальные инструменты въ родѣ гитары, но съ мѣдными струнами и металлическимъ звукомъ. Онѣ немедленно усѣлись по сторонамъ и тихо и грустно заплѣли пѣсню Фоники, подыгрывая на семисенахъ.

Танцовщица встала среди эстрады и легкими движеніями изображала невинность и красоту Фоники. Мимика ея была выразительна, но немного наивна съ нашей точки зрѣнія. Напримѣръ, она дѣлаетъ видъ, что чешетъ и заплетаетъ косы, бѣлится, смотритъ въ зеркало. Пѣсня росла. Движенія танцовщицы стали шире. Она плясала священную пляску рода Кизо, чтобы изобразить преданность Фоники родовой святынѣ и ея преданіямъ.

Первая половина пляски прошла торжественно и стройно, изображала древнюю славу и богатство рода Фоники. Потомъ настали худыя времена, явились враги, и блескъ рода померкъ. Танцовщица рельефно изображала горе Фоники, ненависть ея къ врагамъ и страхъ передъ ихъ побѣднымъ наступленіемъ. Потомъ наступило бѣгство по озеру. Танцовщица короткими, извилистыми движеніями изобразила колебаніе волнъ и торпливый ходъ лодки. Потомъ была новая стычка, отразившаяся въ ужасѣ лица и стремительныхъ движеніяхъ пантомимы. Наконецъ Фоника, прижимая свернутое знамя къ груди, бросилась въ воду.

Трагическая пантомима кончилась. Музыка внезапно заиграла такой же негромкій, но быстрый и нелишенный игривости мотивъ.

Было уже за полночь, больше нечего было смотрѣть въ Нанау, и мы вернулись на пароходъ, который съ ранняго утра собирался тронуться въ путь, поперекъ Японскаго моря, прямо къ Владивостоку.

П о К о р е ѣ.

(В. Сѣрошевскаго.)

Кругомъ все безконечныя поля. Рыжія пашни изрѣзаны многочисленными оврагами, по дну которыхъ текутъ быстрыя рѣчки. На рѣчкахъ всюду горбатые мостики на тоненькихъ ножкахъ; у рѣчекъ сѣрыя села, избы, выстроенныя изъ глины да камня, крытыя соломой. Села эти дѣлаются все меньше и все глубже уходить въ овраги, чѣмъ выше поднимается общій уровень долины, по которой мы ѣдемъ. Мѣстами

окрестность кажется совсѣмъ безлюдной, и только одинокая проволока корейскаго телеграфа бѣжитъ сиротливо по ней отъ мѣстечка Анбионъ въ Сеулъ.

Анбионъ, столица уѣзда, давно остался за нами. Славится она писчебумажнымъ производствомъ и ведетъ торговлю рисомъ, горохомъ и бобами. Поистинѣ непонятно, какимъ образомъ поселяне получаютъ здѣсь излишекъ этихъ продуктовъ. Окрестности, хотя и старательно воздѣланныя, показались мнѣ чрезвычайно каменистыми. Независимо отъ несмѣтнаго числа мелкихъ камней, разсыпанныхъ по полямъ, на нихъ чернѣютъ густо, въ видѣ крупныхъ архипелаговъ, объемистыя каменные глыбы, цѣлыя кучи ихъ и гряды, среди которыхъ узкія пахотныя поля выются робко и капризно, словно морскія бухты и проливы у западныхъ корейскихъ береговъ.

Такой характеръ ландшафта одинаковъ во всей Корей. Корея—это страна скалъ по преимуществу, это—одна цѣльная громадная каменная глыба, выдвинувшаяся далеко въ море и западнымъ своимъ краемъ погружившаяся глубоко въ морскую пучину, въ то время какъ ея восточный край поднялся на 3—5 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря. Трещины, разсѣлины, выпуклости и углубленія этой чудовищной глыбы отвѣчаютъ своими размѣрами ея величинѣ, образуя горныя цѣпи, овраги и долины.

Сходство Кореи съ испанскимъ утесомъ простирается много дальше литературнаго сравненія. Геологическія изслѣдованія доказали прежде всего большое однообразіе корейскихъ горныхъ породъ и ихъ состава. Тамъ преобладаютъ древнія вулканическія породы, гнейсы и кристаллическіе сланцы, прикрытые сверху тонкой оболочкой новѣйшихъ образованій, точнѣе—пылью или иломъ, нанесенными вѣтромъ и дождемъ на поверхность утеса.

Путешественника поражаетъ съ перваго взгляда въ Корей обиліе изверженныхъ породъ. Базальты, лавы, а также толстые слои и гнѣзда пемзы и вулканическаго песка встрѣчаются здѣсь чрезвычайно часто. Гранитъ образуетъ громадныя горныя цѣпи, базальты—высокія скалы, лава же видна всюду. Мощныя глыбы ея иногда лежатъ среди полей или на склонахъ холмовъ, точно одинокія, только что упавшія бомбы вулкановъ; въ другихъ мѣстахъ онѣ представляютъ беспорядочно сваленныя кучи обломковъ или мелкій щебень, блестящій и острый какъ бутылочное свѣже-разбитое стекло. Часто онѣ образуютъ длинныя гряды и валы, напоминающіе внѣшнимъ видомъ морены отступившихъ ледяныхъ полей, хотя глетчеровъ въ Корей нѣтъ и пока не найдены слѣды ихъ существованія.

Поверхность Кореи во многихъ мѣстахъ представляетъ не что иное, какъ громадныя кучи горнаго щебня или расщелистые утесы да

обрывы, круто нависшіе и неустойчивые, напоминающіе фантастическія, вѣчно колеблющіяся скалы Японіи. Между тѣмъ землетрясенія въ Корей совершенно неизвѣстны. О бурномъ прошломъ корейскаго материка нынѣ свидѣтельствуютъ единственно его хаотическіе скалы да ущелья, а также многочисленные потухшіе кратеры.

Анбионская долина ничуть не болѣе камениста, чѣмъ другія, и безъ преувеличенія можно сказать, что даже на западномъ, болѣе пологомъ берегу Кореи нѣтъ земель, вполне свободныхъ отъ этой каменной казни. Этимъ, по всей вѣроятности, обстоятельствомъ на ряду съ бѣдностью корейцевъ объясняется повсемѣстное до сихъ поръ употребленіе мотыги, какъ главнаго земледѣльческаго орудія.

Начиная съ Анбиона, насъ всю дорогу съ краткими перерывами хлесталъ дождь, тотъ спеціальнѣйшій корейскій дождь, который не сверху падаетъ, но несется въ порывахъ вѣтра параллельно землѣ, въ видѣ мелкаго пронизывающаго тумана. Ради защиты отъ него я, къ великому ужасу моей лошади, раскрылъ зонтикъ и поставилъ его бокомъ, точно щитъ. Тонса (переводчикъ) надѣлъ вмѣсто плаща свое красное одѣяло, а ажурную свою шляпу покрылъ бумажнымъ промасленнымъ колпакомъ, до того сложеннымъ въ видѣ вѣера и заткнутымъ за его поясомъ. Одинъ мафу (ямщикъ) остался въ томъ же грубомъ траурномъ платьѣ, въ которомъ былъ; не знаю, скорбѣ ли по родителямъ воспрещала ему заботиться о себѣ, или дѣйствительно не было у него больше платья. Онъ только поглубже надвинулъ на лицо свою громадную корзинообразную шляпу и шагаль мрачно позади лошадей.

Мы долго пробирались по проселочнымъ узенькимъ дорогамъ, вьющимся среди холмовъ и ущелій, пока вышли опять на большую Сеульскую дорогу.

И большія и малыя корейскія деревни всегда производили на меня впечатлѣніе временныхъ жилищъ-приютовъ народа усталаго, измученнаго, торопящагося пройти сквозь жизнь, не размышляя о завтрашнемъ днѣ, народа-странника, не думающаго объ удобствахъ временнаго пристанища, народа, еще недавно бродячаго, не привыкшаго основательно къ осѣдлой жизни, для котораго домъ прежде всего спальня и кухня. Копновидныя соломенныя кровли избъ, укрѣпленныя отъ вѣтровъ сѣтью соломенныхъ веревокъ, удивительно похожи на войлочные монгольскія юрты, особенно когда онѣ окружены высокимъ хворостянымъ заборомъ. Такіе заборы особенно распространены въ приморскихъ деревняхъ, гдѣ вѣтрено. Но здѣсь кончается сходство, такъ какъ и избы корейскія, и корейскія деревни въ сущности представляютъ довольно вѣтрную, хотя и уменьшенную и болѣе близкую копію китайскихъ фанзъ и поселеній. Обыкновенно корейская деревня располагается по обѣимъ сторонамъ дороги, образуя прямую, довольно плотно застроенную улицу.

Впрочемъ, часто попадаются даже довольно большія села, широко и беспорядочно разбросанныя, среди которыхъ вьется прихотливо проѣздъ, то суживаясь, то расширяясь. Дома всегда обращены вдоль дороги въ длину, и лицевая ихъ стѣна снабжена неширокимъ, во всю стѣнку крыльцомъ, накрытымъ выступомъ кровли. Корейцы любятъ проводить лѣтомъ время на этомъ крыльцѣ—обѣдать, курить трубки и разговаривать. Съ крыльца внутрь дома, въ лучшую его комнату, ведутъ обыкновенно двое дверей, небольшихъ, рѣшетчатыхъ и заклеенныхъ бумагой; въ противоположной стѣнѣ комнаты, насупротивъ, есть такія же двери и ведутъ во дворъ дома. Но главный входъ на этотъ дворъ идетъ съ улицы, сквозь большія ворота, сначала подъ крытый навѣсъ, гдѣ ночуетъ рабочей скотъ, волю, лошади, гдѣ стоятъ телѣги, сложены плуги и другіе земледѣльческіе инструменты. Къ этому навѣсу примыкаетъ въ видѣ буквы П жилой домъ, состоящій изъ двухъ флигелей, соединенныхъ въ глубинѣ двора поперечной пристройкой, гдѣ помѣщаются амбары и сараи. Лицевой флигель занимаютъ домашніе и пріѣзжіе мужчины; въ заднемъ флигелѣ живутъ женщины и дѣти.

Подъ навѣсомъ, тутъ же у входа, находится обыкновенно большой очагъ съ вмазаннымъ въ него чугуннымъ котломъ или большимъ, крѣпкимъ глинянымъ чаномъ. Въ немъ готовится кормъ для скота—завариха изъ бобовъ, соломы, сорныхъ травъ, смѣшанныхъ со жмыхами и отрубями. Въ концѣ женскаго отдѣленія, на его наружной сторонѣ, по большей части устроена кухня, всегда довольно просторная и огражденная дощатой стѣной. Иногда размѣщеніе скотской и людской кухонь измѣнено, и людская кухня прилегаетъ къ улицѣ. Дымовые ходы обоихъ очаговъ проведены подъ поломъ соответствующихъ жилыхъ помѣщений и служатъ для ихъ отопленія. Дымовыхъ трубъ совсѣмъ не знаютъ въ Корей; дымъ, даже въ императорскихъ зданіяхъ и домахъ министровъ, струится прямо на улицу изъ отверстій въ ихъ фундаментахъ или чуть поднимается вверхъ по каналамъ, примыкающимъ къ стѣнѣ и грубо сложеннымъ изъ камней. Иногда трубу замѣняетъ большой горшокъ или ихъ нѣсколько, поставленныхъ другъ на друга. Во время топки все основаніе дома сверкаетъ отъ прожилковъ пламени, просвѣчивающаго сивозъ щели и отверстія стѣновъ, и дымъ нерѣдко наполняетъ избу. Злополучный путешественникъ сидитъ на каменномъ полу комнаты, точно на большой жаровнѣ.

Дома большею частью изъ глинобитнаго кирпича; очень часто встрѣчаются дома съ каменными или просто хворостяными, изъ стеблей гаоляна, стѣнами; но я не видѣлъ вовсе домовъ деревянныхъ. Изъ дерева корейцы строятъ преимущественно ворота храмовъ, дворцовъ и небольшія часовни въ честь добродѣтельныхъ чиновниковъ.

Корейскія деревенскія избы всегда темныя. Свѣтъ проникаетъ въ

нихъ единственно сквозъ узкія бумажныя двери; маленькія, тоже бумажныя, окошечки встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Оконныя стекла встрѣчаются только въ городахъ; вообще стекло принадлежитъ въ Корей къ предметамъ роскоши.

Въ домахъ потолокъ такъ низокъ, что высокорослые корейцы ходятъ подъ нимъ согнувшись. Въ избахъ нѣтъ никакой мебели—ни стульевъ, ни столовъ; въ одномъ только въ углу помѣщается обыкновенно одинъ или нѣсколько шкафовъ и ящиковъ, окованныхъ желѣзомъ, гдѣ корейцы прячутъ свое платье, утварь и драгоценности. Кроватей корейцы не знаютъ; даже самые богатые спятъ на полу на циновкахъ и подстилкахъ. Иногда въ избахъ на стѣнкахъ висятъ картины въ родѣ японскихъ какемоно очень грубой работы, или красуется продолговатая надпись китайскихъ «дзырь» — общезвѣстное изреченіе знаменитаго мудреца съ добавленіемъ стиха менѣе извѣстнаго поэта-переписчика.

Всѣ крестьянскія избы крайне похожи другъ на друга. Такою оказалась и та изба въ деревнѣ Сб-кѣ-донъ, у которой мы остановились, пройдя всего 60 ли (30 верстъ). Мафу развьючилъ лошадей и повелъ ихъ въ слѣдующую хижину черезъ дорогу. Я принялся стаскивать мои ботфорты, и сейчасъ же кругомъ меня собралась толпа старыхъ и молодыхъ, жадныхъ до зрѣлищъ поселянъ. Они съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за моими движеніями и шопотомъ дѣлали замѣчанія; повидимому, они были разочарованы, когда я снялъ сапоги, но ноги оставилъ на мѣстѣ; по ихъ взглядамъ я заключилъ, что они ждали отъ «заморскаго чорта» чего-то болѣе необыкновеннаго. Впрочемъ, всѣ эти грубые на видъ поселяне держали себя весьма сдержанно и учтиво, много лучше, чѣмъ ведетъ себя европейская толпа въ отношеніи къ цвѣтнымъ.

Было еще свѣтло, и дождь пересталъ падать, поэтому я рѣшилъ отправиться бродить по окрестностямъ и собирать жуковъ. Рѣчка близъ деревни представляла рядъ бурныхъ пѣнистыхъ водопадовъ, несущихся съ оглушительнымъ ревомъ.

Холодъ и начавшійся вновь дождь загнали меня снова въ избу. Въ кухнѣ рядомъ гудѣли голоса и громко стучала посуда. Это женщины приготавливали намъ ужинъ. Я заглянулъ туда съ крыльца сквозъ маленькое отверстіе, нѣчто въ родѣ отдушны. Я увидѣлъ просторную избу, полъ которой находился много ниже нашего, такъ что лица двигающихся тамъ людей приходились въ уровень съ нашими ногами. Точно въ машинной топкѣ тамъ ярко пылалъ рядъ очаговъ въ длинной, во всю стѣну, невысокой печкѣ.

На поверхности печи чернѣлъ рядъ крышекъ; изъ котловъ поднимался густой бѣлый паръ. Въ этомъ пару, пронизанномъ алымъ за-

ревомя, двигались крупныя фигуры рослыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлыя шаровары и бѣлыя широкія юбки. Грудь, бока ихъ и спины то и дѣло обнажались изъ-подъ несоразмѣрно короткихъ корейскихъ кофточекъ, съ длинными рукавами. Грязныя, какъ сажа, лица и руки не возбуждали, сознаюсъ, довѣрія къ чистотѣ приготавливаемыхъ блюдъ.

Женщины стряпали все по-китайски: на пару подъ крышками котловъ на большихъ рѣшеткахъ; тамъ были рисъ, лапша и какія-то маленькія пшеничныя булочки, и какія-то травы, и еще что-то мнѣ неизвѣстное. Такъ какъ изба, куда я вскорѣ вернулся, была полна ѣдкаго дыма, то я опять отправился на улицу. Въ этотъ разъ я пошелъ къ хижинѣ черезъ дорогу, гдѣ пріютились нашъ мафу съ лошадьми и откуда сквозъ дождевой туманъ тоже просвѣчивали красныя пятна стѣн. Оказалось, что нашъ ямщикъ вмѣстѣ съ другимъ корейцемъ варили пищу для лошадей. Это была обычная смѣсь мелкаго гороха, соломы и сорныхъ травъ, которую они старательно кипятили, помѣшывая непрерывно большими лопатами.

Вскорѣ тонса позвалъ меня обѣдать. Трапеза состояла изъ риса съ красными бобами, изъ проквашенной рѣдьки, облитой перцовымъ соусомъ, изъ кашихъ-то сушеныхъ листочковъ, изъ куска соленой рыбы и чашки вареныхъ коровихъ рубцовъ съ требухой, плохо промытыхъ, крѣпко волявшихъ навозомъ и темныхъ какъ навозъ. Они-то и оказались гвоздемъ пира, и я сильно удивилъ и огорчилъ хозяина, и хозяйку, и моего переводчика, отказавшись отъ нихъ.

— Ышь, будешь голоденъ!.. Вкусно!—уговаривали они меня.

Я дѣйствительно проголодался и досадовалъ, что не захватилъ съ собой съѣстного, даже сухарей. Я въ концѣ-концовъ поѣлъ, зажмурившись, всё растительныя блюда, какъ болѣе чистыя. О Господи, какая горечь! Сои и соусы корейскіе—живой огонь. Они мгновенно обожгли мнѣ ротъ, языкъ и нѣбо, а избѣжать ихъ не было возможности, такъ какъ всё блюда буквально купались въ нихъ. Послѣ ужина я переживалъ ощущение самовара, полнаго горячихъ углей.

Въ довершеніе всего полъ, подогрѣвавшій меня снизу, сквозъ постельную кошму, мѣшалъ мнѣ остыть и придти въ себя. Кирпичи накалялись, точно прачечный утюгъ, и спрятаться отъ нихъ было некуда. Я подставлялъ подъ себя всё имѣющіяся подъ рукой цыновки, но все было тщетно.

Тонса потушилъ маленькую керосиновую горѣлку и свалился на постель; хозяинъ тоже захрапѣлъ, а я не смыкалъ глазъ, ожидая напрасно пониженія температуры. Наконецъ, терпѣніе мое истощилось, и я растолкалъ сладко спящаго тонсу.

— Пусть откроютъ дымовые каналы, иначе я задохнусь.

Кореец зажегъ керосинку и долго сидѣлъ въ сонномъ оцѣпенѣннн, видимо не понимая, въ чемъ дѣло.

— Пусть откроютъ каналы...

— Не поможетъ... Нѣтъ никакихъ каналовъ... Мы, корейцы, сэръ, любимъ тепло. Пусть сэръ ляжетъ на мое мѣсто, оно прохладнѣе, такъ какъ лучшее мѣсто въ избѣ мы уступили вамъ, сэръ.

Я горюливо передвинулъ мою постель на указанное худшее мѣсто, поверхъ кошмы и цыновокъ наложилъ еще мое толстое одѣяло и легъ, укрывшись пальто. Несмотря на это, жаръ пробирался ко мнѣ снизу, зато снаружи гулялъ свободно сырой, холодный горный вѣтеръ, такъ какъ мои ноги упирались въ однѣ бумажныя двери, а голова—въ другія. Въ то время, какъ однѣ мои бока жарилия, другой леднѣлъ. Пожалуй, что это мѣсто было дѣйствительно худшее въ избѣ. Наконецъ, послѣ продолжительной и мучительной борьбы съ сквозняками, горячимъ поломъ и бессонницей я забылся.

К о р е й ц ы.

(П. Шмидта.)

Кореецъ оригиналенъ положительно во всемъ, и смѣшать его съ японцемъ или китайцемъ совершенно невозможно для каждаго, кто хоть бы разъ познакомился ближе съ корейской народностью.

Уже по типу своему, по общему облику корейцы сильно отличаются отъ обнхъ сосѣднихъ народностей. Обыкновенно высокой и статный, часто прямо атлетическаго сложенія, кореецъ совсѣмъ не напоминаетъ тщедушнаго, приземистаго японца и въ то же время своимъ менѣе скуластымъ лицомъ, съ болѣе прямо поставленными глазами и болѣе правильными, иногда совершенно кавказскими, очертаніями носа и рта отличается отъ китайца. Впрочемъ, корейскій типъ довольно неопредѣленный; приходится встрѣчать и совсѣмъ монголовидныхъ субъектовъ съ сильно выдающимися скулами и рѣдкою растительностью на лицѣ, и корейцевъ почти кавказскаго или даже еврейскаго типа, съ окладистой черной бородой и горбатымъ носомъ. Общей чертой почти всѣхъ корейцевъ является черныя вѣтъ ихъ волосъ. Смѣшанность типа вполнѣ объясняется смѣшанностью происхожденія корейцевъ: по всей вѣроятности, основная корейская народность произошла изъ двухъ элементовъ: сѣвернаго и южнаго.

По общему впечатлѣнію корейцы напоминаютъ, пожалуй, не столько своихъ ближайшихъ сосѣдей, сколько нѣкоторыя народности центральной Азіи, напримѣръ, туркменъ и киргизовъ, и мнѣ бросилось въ глаза, что такое сходство замѣчается особенно въ преклонномъ

возрастъ: старики-корейцы съ окладистой сѣдой бородой нерѣдко чрезвычайно похожи на старыхъ киргизовъ нашего Туркестанскаго края.

Если монгольскій типъ не всегда бываетъ рѣзко выраженъ у мужчинъ, зато съ положительностью можно утверждать, что у женщинъ онъ преобладаетъ: сильно выдающіяся скулы, узкіе, косо поставленные глаза и широкій сплюснутый носъ дѣлаютъ корейскую женщину въ большинствѣ случаевъ безобразной, и лишь среди женщинъ высшихъ сословій, быть можетъ благодаря примѣси китайской или маньчжурской крови, встрѣчаются болѣе красивыя лица.

Особенно оригиналенъ кореецъ своимъ одѣяніемъ. Национальный цвѣтъ Кореи—бѣлый, подобно тому какъ въ Китаѣ—синій, и мужчины и женщины, всѣ безъ исключенія, ходятъ и зиму и лѣто въ бѣломъ платьѣ, и только дѣти, монахи да чиновники носятъ цвѣтную или сѣрую одежду. Обыкновенно кореецъ, въ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, облаченъ въ бѣлую кофту и бѣлыя широкія шаровары, стянутыя внизу полосами матеріи, въ родѣ бинтовъ. Поверхъ этого надѣвается бѣлый же халатъ, у бѣдныхъ—бумажный, у богатыхъ—шелковый. Халатъ не застегивается спереди, да и вообще во всемъ костюмѣ нѣтъ ни одной пуговицы: все держится на тесемкахъ. Женщины одѣваются также въ бѣлыя очень короткія кофты, прикрывающія лишь верхъ груди, и бѣлыя юбки. Зимній нарядъ также бѣлый и отличается отъ лѣтняго только тѣмъ, что всѣ части костюма ватныя; это является и вполне необходимымъ при суровости климата. На ногахъ корейцы и корейки носятъ пеньковые или соломенные лапти и короткіе ватные бѣлые чулки, защищающіе ноги отъ укусовъ комаровъ. Въ дождливую погоду на ноги одѣваются огромныя деревянныя лапоши, нѣчто въ родѣ маленькихъ челноковъ-долбежекъ на высокихъ подставочкахъ, съ которыхъ ходить безъ навыка крайне трудно. Лишь богатые щеголи и щеголихи, да и то только въ городахъ, носятъ неуклюжую кожаную обувь въ видѣ плоскихъ и толстыхъ туфель, подбитыхъ гвоздями. Надо сказать, впрочемъ, что дома корейцы никогда не ходятъ въ обуви,—они всегда снимаютъ ее при входѣ.

Однако интереснѣе всего въ Корей прически и шляпы; не даромъ англійскіе путешественники прозвали Корею «страной диковинныхъ шляпъ». Мальчики и молодые люди до женитьбы носятъ въ Корей косы, но не такія длинныя и тонкія, какъ въ Китаѣ, а толстыя и короткія. До женитьбы, однако, кореецъ съ косою считается въ семьѣ неправопособнымъ и не имѣетъ голоса ни въ семейномъ совѣтѣ, ни при совѣщаніяхъ односельчанъ. Каждому женатому онъ долженъ выказывать почтеніе, хотя бы тотъ былъ и моложе его. Вотъ почему мечтою любого молодого корейца является обзавестись поскорѣе женой и получить право сдѣлать себѣ настоящую корейскую прическу. Эта послѣдняя

состоит из небольшого шиньона, который дѣлается изъ скрученныхъ, особымъ образомъ заколотыхъ булавками, волосъ; шиньонъ этотъ и торчитъ на гоолвѣ торчкомъ и удобнѣе всего можетъ быть названъ «шишкой». Корейцы очень заботятся такъ же о томъ, чтобы волосы спереди и на вискахъ прилегали гладко къ го-ловѣ, и потому носятъ особую, сплетенную изъ конскихъ волосъ, повязку, обматывающую всю голову и сильно стягивающую ее. Эта повязка, носящая названіе «мангынъ», съ непривычки больно сдавливаетъ голову, но корейцы привыкаютъ къ ней и не снимаютъ ея даже на ночь.

Дѣлать такую прическу не легко, возни съ ней не мало, тѣмъ болѣе, что при этомъ надо беречь каждый выпадающій волосокъ и складывать ихъ въ конвертъ, чтобы сжечь потомъ. Иначе, убѣждены корейцы, если какой-нибудь злой человекъ найдетъ волосы, отъ можетъ при помощи ихъ околдовать ихъ обладателя и надѣлать ему не мало бѣдъ. Прическа занимаетъ у корейца не менѣе часа, потому причесываются каждый день некогда и, чтобы не испортить своего головного убора, составляющаго красу и гордость каждого корейца, приходится спать на деревяшкѣ. Обыкновенно подушкой служитъ деревянный обрубокъ, вершка три вышиною и вершка полтора въ основаній; этотъ обрубокъ кореецъ ставитъ себѣ подъ високъ и въ такомъ неудобномъ положеніи спать, принося удобство въ жертву кокетству.

Шинка корейца является доказательствомъ того, что онъ женатъ и правоспособенъ, и потому корейцу желательно, чтобы она сразу была видна даже и тогда, когда онъ въ шляпѣ. И вотъ корейцы выдумали себѣ шляпы, неудобнѣе которыхъ нѣтъ, кажется, головныхъ уборовъ на свѣтѣ. Тулья такой шляпы очень мала, гораздо меньше обхвата головы, такъ что шляпа предназначается собственно не для головы, а для шинки; послѣдняя, дѣйствительно, великолѣпно просвѣчиваетъ, такъ какъ тулья и широкія, плоскія поля сдѣланы изъ тонкой сѣточки, сплетенной изъ волоконъ бамбука и выкрашенной въ черный цвѣтъ. Разумѣется, такая ажурная шляпа сама по себѣ на головѣ не держится, ее приходится привязывать завязками. Она не только не предохраняетъ голову отъ солнца, пыли или дождя, но сама боится воды, и потому при дождѣ корейцы надѣваютъ на нее колпакъ изъ сплюсненной промасленной бумаги.

Надо, впрочемъ, сказать, что въ такихъ шляпахъ щеголяютъ лишь болѣе или менѣе зажиточные корейцы, такъ какъ стоитъ это украшеніе два-три и даже болѣе рублей, что уже цѣлый капиталъ въ Корѣе. Бѣдные крестьяне во время работъ на поляхъ носятъ огромныя шляпы изъ бамбука, дѣлающія ихъ издали похожими на грибы, а женщины,

выхода на улицу, надѣваютъ перѣдко вмѣсто покрывала конусообразную шляпу въ 2—3 аршина въ діаметрѣ, которая скрываетъ отъ взоровъ прохожихъ не только все лицо, но и верхнюю часть туловища. Въ траурѣ кореецъ, чтобы скрыть свое лицо отъ взоровъ прохожихъ, надѣваетъ на голову шляпу въ родѣ огромнаго тропическаго шлема, съ забраломъ спереди и сзади; во время дождя перѣдко пользуются плоскими шляпами-зонтиками изъ промасленной бумаги, аршина полтора въ діаметрѣ; старики носятъ дома копаки изъ тонкой волосяной сѣточ-ки; у школьниговъ, торговцевъ, монаховъ, чиновниковъ также особыя шляпы, наконецъ у высшихъ сановниковъ черныя шляпы въ видѣ митры съ огромными ушами, по всей вѣроятности, символъ ихъ готовности прислушиваться къ каждому слову повелителя.

У корейскихъ женщинъ, какъ это ни странно, на прическу обращается гораздо меньше вниманія, и она несравненно проще, но крайней мѣрѣ у женщинъ низшихъ сословій. Зато придворныя дамы устриваютъ себѣ совершенно невѣроятныя прически, влетаая въ волосы дѣлме деревянные обода и украшая голову чуть не аршинными металлическими булавками. Какъ вездѣ на востокѣ, и въ Корей женщины считаютъ необходимымъ для своего украшенія бѣлиться и румяниться, притомъ настолько злоупотребляютъ этимъ средствомъ, что лицо ихъ обыкновенно покрыто какъ бы маской изъ бѣлилъ и румянъ.

Корейскій костюмъ довершается вѣромъ и трубкой—двумя предметами, безъ которыхъ нельзя себѣ представить корейца. Вѣеръ распространенъ въ качествѣ обыденной и необходимой вещи домашняго обихода на всемъ востокѣ, начиная съ Китая; на немъ отражается обыкновенно и степень развитія искусства,—въ большинствѣ случаевъ онъ украшенъ рисунками и узорами. Корейскіе вѣера являются явнымъ доказательствомъ первобытнаго состоянія въ странѣ: они разма- леваны обыкновенно самыми грубыми и аляповатыми разводами.

Трубка—также необходимая принадлежность корейца: въ Корей всѣ поголовно курятъ, не исключая женщинъ и часто даже дѣтей. Корейская трубка дѣлается изъ тростника, и чубукъ ея очень длиненъ— съ аршинъ и даже болѣе. На концѣ находится, какъ у китайскихъ трубокъ, маленькая чашечка съ наперстокъ величиной, въ которой помещается табакъ по 2—3 затяжки; длинный чубукъ украшается вы- жженными узорами.

Въ своемъ бѣломъ нарядѣ, въ черной блестящей шляпѣ, въ пень- ковыхъ лаптяхъ и съ аршинной трубкой и вѣромъ въ рукахъ ко- реецъ производитъ чрезвычайное своеобразное впечатлѣніе и ярко вы- дѣляется среди своихъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей. Его нарядъ маю соответствуетъ вѣшнимъ условіямъ; особенно зимой корейскій костюмъ, хотя бы и подложенный весь ватой, далеко не соответствуетъ

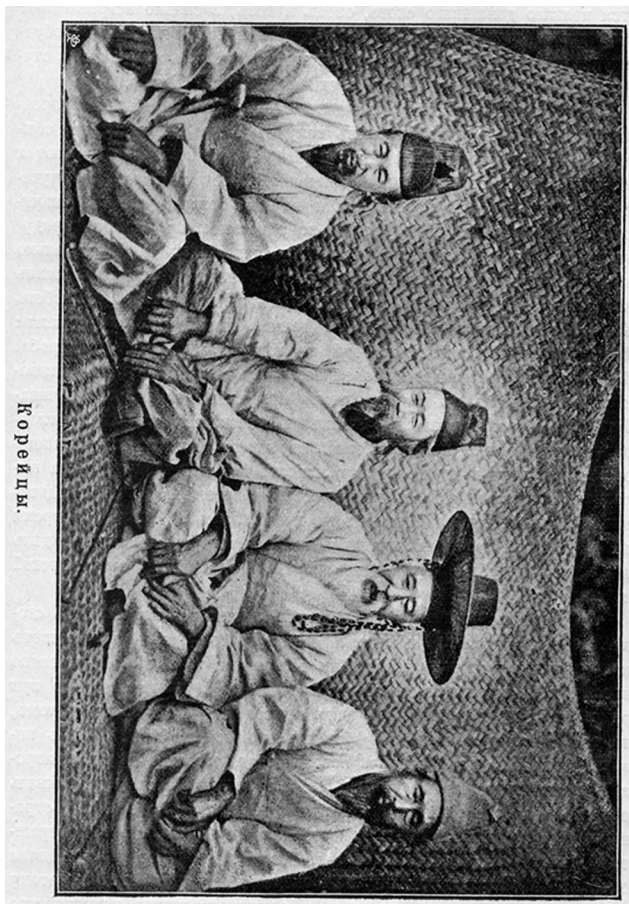
суровости климата страны. Однако надо сказать, что корейцу и неоткуда взять костюма болѣе теплаго: въ Корей совершенно не разводятся мелкаго домашняго скота, овецъ и козъ, а сильно истребленные лѣса страны далеко не изобилуютъ пушными звѣрями. Такимъ образомъ единственнымъ матеріаломъ теплаго наряда только и можетъ служить хлопокъ, разводимый въ средней и южной Корей.

Бѣлый цвѣтъ одѣянія корейцевъ очень характеренъ для корейской народности, и пристрастіе къ нему въ то же время трудно объяснить. Корейцы, какъ и всѣ почти народы Азіи, далеко не отличаются особой чистоплотностью въ своей обыденной жизни, хотя рассказы путешественниковъ о ихъ неряшливости на мой взглядъ все же значительно преувеличены. Между тѣмъ по отношенію къ своему наряду кореецъ, даже небогатый, чрезвычайно щепетилень и, если только выходитъ изъ дому въ гости или по дѣлу, обыкновенно прямо блеститъ бѣлизной своего халата, на которомъ нѣтъ ни пятнышка. Эта любовь къ бѣлизнѣ костюма обходится не дешево корейскимъ жевцамъ: цѣлыми днями просиживаютъ онѣ на рѣчкѣ за стиркой гардероба. Дѣло это далеко не легкое: Корея не знаетъ мыла, и стирка производится полосканіемъ въ водѣ и потомъ продолжительнымъ поколачиваніемъ бѣлья, наматаннаго на валикъ, и раскатываніемъ его на гладкомъ камнѣ. Должно при этомъ замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ корейскіе халаты и другія принадлежности костюма не шьются, а выкраиваются и склеиваются по швамъ особымъ клеемъ, и передъ каждымъ мытьемъ ихъ снова расклеиваютъ на куски. Лишь за послѣднее время въ Корею стали проникать иголки и нитки, и теперь уже можно видѣть въ Сеулѣ корейца-портного за швейной машиной американской системы.

Въ такой же степени, какъ костюмъ, отличается кореецъ отъ своихъ сосѣдей и нравомъ, и характеромъ. Онъ совсѣмъ не напоминаетъ ни подвижнаго и юркаго японца, ни дѣловитаго китайца. Обыкновенно кореецъ мало подвиженъ и кажется соннымъ и вялымъ, однако при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ приходится убѣждаться въ томъ, что онъ совсѣмъ не дурной работникъ и вовсе не можетъ быть названъ угрюмымъ: онъ не прочь повеселиться, потолкаться среди народа, посмотреть на разныя незатѣйливыя зрѣлища. Историческая жизнь корейской народности, полная невгодъ и тревоженій, конечно, отразилась на характерѣ корейцевъ: постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, вслѣдствіе нападений враговъ и междоусобицъ, сдѣлала корейца безпечнымъ и отняли у него энергію и предприимчивость; этому содѣйствовало, вѣроятно, не мало и административное неустройство Кореи.

Однако, несмотря на всѣ пережитыя странною невгоды, по харак-

теру своему кореецъ довольно добродушенъ и совсѣмъ не обнаруживаетъ воинственности и кровожадности: путешествуя по Корѣе, рѣдко

у кого приходится встрѣтить оружіе, хотя бы даже только холодное. На войнѣ впрочемъ, какъ говорятъ, корейскіе солдаты обнаруживаютъ

отчаянную храбрость и большую выносливость, такъ что, будь у Кореи болѣе способные военачальники и болѣе совершенно устроенное войско, ее, вѣроятно, было бы не легко побѣдить.

Въ общественной жизни корейцевъ проявляется одна чрезвычайная симпатичная черта: это стремленіе и полная готовность ихъ всегда явиться на помощь ближнему. Что бы ни случилось—смерть ли кого-либо, заболѣваніе, пожаръ или другое какое-нибудь несчастье,—не только всѣ родственники, но и сосѣди, и знакомые дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы помочь потерпѣвшимъ.

Широко развито также въ Корей гостепримство: двери каждаго корейскаго дома открыты для путешествующихъ, и никогда странникъ не встрѣтитъ отказа въ кровѣ и чашкѣ риса. Нерѣдко приходится встрѣчать въ Корей путниковъ, идущихъ издалека съ тою или другою цѣлью безъ копейки въ карманѣ; они идутъ отъ деревни до деревни и вездѣ встрѣчаютъ радушный приемъ, ночлегъ и незатѣйливую трапезу. Говорятъ даже, что нерѣдко такое гостепримство ведетъ къ поощренію праздности и обуславливаетъ существованіе тунеядцевъ, ничего не дѣлающихъ и живущихъ за счетъ другихъ.

На первый взглядъ кореецъ можетъ показаться нелюдимымъ и несообщительнымъ: онъ способенъ сидѣть цѣлые часы, попыхивая своей трубкой, на корточкахъ или поджавши ноги, въ созерцательномъ молчаніи. Въ дѣйствительности однако корейцы, наоборотъ, довольно обществены, болтливы и, какъ почти всѣ народы востока, чрезвычайно любопытны. Въ болтовнѣ о разныхъ пустякахъ, въ выслушиваніи новостей и сплетенъ кореецъ охотно проводитъ часы и даже дни. При знакомствѣ съ иностранцемъ кореецъ обнаруживаетъ обыкновенно, по нашимъ понятіямъ, самое нескромное любопытство: онъ забрасываетъ вопросами о томъ, какъ зовутъ гостя, сколько ему лѣтъ, женатъ ли онъ или нѣтъ, сколько у него дѣтей, богатъ ли онъ или сколько получаетъ жалованья; эти вопросы, по восточнымъ понятіямъ, являются не только не неприличными, но, наоборотъ, обнаруживаютъ участливость и любовь хозяина.

Несмотря на то, что еще въ недавнее время корейское правительство недружелюбно относилось къ иностранцамъ и не допускало ихъ въ страну, корейскій народъ не проявляетъ вовсе никакой враждебности къ иностраннымъ путешественникамъ. Путешествовать по Корей можно совсѣмъ безопасно безъ всякаго вооруженнаго конвоя и даже безъ оружія, и единственное, съ чѣмъ приходится считаться внутри страны, это—надоѣдливое любопытство толпы, не дающей чужеземцамъ прохода. Любопытство это, впрочемъ, очень понятно: корейцамъ еще слишкомъ рѣдко приходится видѣть европейцевъ. Вообще говоря, населеніе Кореи производитъ при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ очень благо-

приятное впечатление; это простой, безхитрый народъ, мало развитой и не особенно даровитый, но прямой, добродушный и доврчивый. Къ недостаткамъ характера корейцевъ должно отнести вспыльчивость и необузданность въ гнѣвъ: выведенный изъ себя, кореецъ не умѣетъ сдерживаться и, расхорившись, озвѣреваетъ и способенъ убить своего обидчика.

Высшіе классы населенія гораздо менѣе симпатичны: при неустойчивѣ государственнаго быта, отсутствіи твердой правительственной власти чиновники и янъ-бани (какъ называется въ Корей высшій классъ населенія, приблизительно наши дворяне) получаютъ возможность творить всякія беззаконія и всячески притѣснять населеніе. Въ этомъ отношеніи въ Корей процвѣтаютъ такія же злоупотребленія со стороны власти имущихъ, какъ и въ Китаѣ; взяточничество, подкунное правосудіе, незаконные поборы и полный произволъ составляютъ постоянное явленіе. Въ такомъ государственномъ неустойчивѣ едва ли не вновата также историческія судьбы Кореи: сложившаяся изъ разнородныхъ элементовъ и затѣмъ почти въ теченіе всей своей исторической жизни принужденная отражать вторженіе вѣншихъ враговъ, Корея не имѣла достаточно времени и возможности заняться устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ.

Немало своеобразныхъ чертъ и во внутренней жизни, въ семейномъ бытѣ населенія Кореи, однако въ общемъ, должно замѣтить, въ этомъ отношеніи сильно сказывается продолжительное влияние на страну Китая, съ которымъ Корея долгое время была болѣе или менѣе тѣсно связана.

Какъ и вездѣ на востокѣ, женщины играютъ очень второстепенную и подчиненную роль въ корейской семьѣ, гдѣ полновластнымъ хозяиномъ является мужъ. Женщина, по корейскимъ понятіямъ, существо низшее, съ которымъ мужчигъ не только не подобааетъ совѣтоваться или вообще разговаривать о чемъ-либо серьезномъ, но къ которому мужчина даже не долженъ проявлять и привязанности. Мужъ, оплакивающий смерть своей жены, подвергается въ Корей насмѣшкамъ своихъ знакомыхъ, и, какъ рассказываютъ, нерѣдко мужья, позволившіе себѣ пролить нѣсколько слезъ на похоронахъ жены, бываютъ принуждены по многу недѣль проводить дома и не принимать друзей, чтобы избѣжать ихъ насмѣшекъ.

Мужъ не носитъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своей женѣ, тогда какъ она находится въ полной зависимости отъ него, являясь его слугой и рабой. Насколько обезличена корейская женщина въ бракѣ, видно уже изъ того, что съ выходомъ замужъ дѣвушка утрачиваетъ совершенно свое имя: ее всѣ называютъ не иначе, какъ «женой такого-то», и нерѣдко она сама совершенно забываетъ, какъ ее зовутъ.

Бракъ заключается въ Корей часто очень рано; иногда приходится встрѣчать женатыхъ мальчиковъ лѣтъ 12—13, и надо видѣть, съ какимъ достоинствомъ они выступаютъ и какъ гордятся своей мужской прической и шляпой! Они свысока обращаются со старшими, которые не женаты, и держатъ себя совсѣмъ на равной ногѣ съ солидными мужчинами. У корейцевъ изъ низшихъ сословій женять дѣтей даже 7—8 лѣтъ, при чемъ нерѣдко жена гораздо старше своего мужа и, случается, вымещаетъ свое подчиненное положеніе тѣмъ, что дергаетъ его за уши! Ранніе браки такъ привились въ Корей, что ихъ не вывело и формальное запрещеніе ихъ правительствомъ.

Положеніе женщины въ корейской семьѣ, уже по всему сказанному, не легко, особенно въ низшихъ классахъ населенія. На женщинѣ лежитъ и все домашнее хозяйство, довольно сложное въ Корей, и заботы о дѣтяхъ и мужѣ, и значительная часть полевыхъ работъ, въ которыхъ она является главною помощницею мужа. Мужчина-земледѣлецъ сильно занятъ лишь лѣтомъ, тогда какъ зимою онъ отдыхаетъ.

Большую часть корейскія женщины примиряются со своимъ положеніемъ и переносятъ его безъ ропота и протеста; онѣ вообще отличаются кротостью и трудолюбіемъ и являются заботливыми и скромными женами.

Подчиненное и унижительное положеніе женщины въ семьѣ вовсе не составляетъ однако черты, характерной только для Корей: оно немногимъ лучше и въ Китаѣ, да и вообще приблизительно одинаково у всѣхъ народовъ востока. Болѣе свободное положеніе женщины возможно лишь при болшемъ развитіи общественной жизни и при болѣе высокой культурѣ.

Еще болѣе подчиненное положеніе въ семьѣ занимаютъ дѣти: безпредѣльное уваженіе и глубокое почитаніе своихъ родителей и особенно отца—таковы главнѣйшія основы воспитанія дѣтей въ Корей. Слушаться родителей во всемъ, уважать ихъ, жертвовать для нихъ всѣмъ рѣшительно, наконецъ, не забывать ихъ и послѣ смерти и приносить жертвы ихъ душамъ—вотъ главнѣйшія правила, внушаемыя дѣтямъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ и входяція въ плоть и кровь ихъ.

Въ Корей сынъ въ присутствіи отца не можетъ безъ разрѣшенія ни сидѣть, ни курить, онъ не смѣетъ громко разговаривать или смѣяться. Нерѣдко сынъ прислуживаетъ отцу за столомъ, стелетъ ему постель, всячески ухаживаетъ за нимъ. Обращаясь къ отцу, онъ долженъ называть его только самыми почтительными именами и говорить съ нимъ въ болѣе изысканныхъ выраженіяхъ. Если отца заключать въ тюрьму, сынъ долженъ каждый день навѣщать его; если отца приговорять къ изгнанію, сынъ бросаетъ все и слѣдуетъ за нимъ. По смерти отца или матери дѣти цѣлыхъ три года носятъ самый глубокой трауръ,

во время котораго не допускаются не только какія-либо развлечения, но даже не разрѣшается заниматься своимъ дѣломъ: все время они должны предаваться печали и ежедневно приносить жертвы душѣ умершаго.

Ни одна добродѣтель не цѣнится въ Корей такъ высоко, какъ сыновья преданность, а тѣ, кто особенно отличились ею, не только пользуются особымъ почетомъ и уваженіемъ при жизни, но получаютъ и по смерти особые памятники, на которыхъ описаны ихъ дѣянія, или даже удостоиваются особой кумирни.

Причиной такого главенствующаго значенія сыновней любви является заимствованное изъ Китая конфуціанское вѣроученіе, въ которомъ главнѣйшій догматъ—поклоненіе душамъ усопшихъ предковъ. Родители являются ближайшими предками и потому заслуживаютъ особаго уваженія и при жизни и послѣ смерти.

При отсутствіи дѣтей кореецъ, озабочиваясь тѣмъ, что послѣ его смерти кому будетъ приносить жертвы его душѣ, нерѣдко усыновляетъ чужого ребенка, въ большинствѣ случаевъ кого-либо изъ своихъ родственниковъ. Такой приемный сынъ пользуется всеми правами настоящаго, но и обязанъ, подобно настоящему, соблюдать всѣ обряды по отношенію къ душамъ предковъ и родителей.

Мы видимъ слѣдовательно, что главнѣйшія черты семейнаго быта Корей слагаются, съ одной стороны, подъ вліяніемъ принадлежности корейцевъ къ восточнымъ народамъ Азіи а съ другой—подъ вліяніемъ тѣснаго въ прежнія времена соприкосновенія Корей съ Китаемъ, откуда и къ ней перешло ученіе Конфуція съ его культомъ предковъ.

Корейскій городъ.

(П. Шмидта.)

Корейскій городъ не отличивъ отъ деревни не только издали, но и вблизи: тѣ же ряды сѣрыхъ глиняныхъ домиковъ съ соломенными, рѣдко черепичными крышами, часто тѣ же сады и огороды. Только количествомъ домовъ и улицъ, большимъ числомъ лавчонокъ, торгующихъ всякою всячиной, да присутствіемъ обширной базарной площади и отличается обыкновенно въ Корей городъ отъ деревни.

Впрочемъ, нѣкоторые города сохранили высокую стѣну, окружающую центральную часть; это остатокъ стародавнихъ временъ, когда города имѣли еще значеніе крѣпостей, за стѣнами которыхъ пряталось населеніе при приближеніи враговъ. Такимъ же остаткомъ старины являются встрѣчаемыя кое-гдѣ на верхушкахъ горъ вышки изъ камня—бывшія сигнальныя башни, на которыхъ зажигались огни при приближеніи неприятеля. Число огней изображало степень опасности, грозящей со

стороны враговъ, и такимъ путемъ передавалась съ вышки на вышку вѣсть и облетала всю Корею съ поразительною быстротой. Завидѣвъ огни на сигнальныхъ башняхъ, корейцы готовились къ оборонѣ, прятали свое имущество и сами прятались за высокими стѣнами, запираясь въ своемъ городѣ.

Улицы корейскаго города по своей первобытности напоминаютъ улицы нашихъ уѣздныхъ городишекъ, — первыя лишь нѣсколько лучше вслѣдствіе того, что грунтъ въ общемъ болѣе твердый и не портится колесами, которыхъ не знаетъ Корея. Въ дождливую погоду перейти черезъ городскую улицу, какъ и у насъ, дѣло часто не легкое, и только развѣ корейскія деревянныя калоши на высокихъ подставочкахъ помогаютъ населенію, почти поголовно ходящему въ лаптяхъ изъ рисовой соломѣ или пенки, разрѣшать эту хитрую задачу. Само собою разумѣется, что ночью городскія улицы погружаются въ полнѣйшій мракъ, и предусмотрительные обыватели выходятъ не иначе, какъ съ фонаремъ изъ промасленной бумаги, съ горящей внутри свѣчкой изъ растительнаго воска или изъ сала.

Черныя свиньи съ отвислымъ брюхомъ, бродяція по улицамъ, куры, утки, полуголые или совсѣмъ голые ребятишки и тощія лохматыя собаки довершаютъ иллюзію и воскрешаютъ въ памяти картину захолустнаго городка на югѣ Россіи. Лишь бѣлыя фигуры корейцевъ, въ ихъ оригинальныхъ черныхъ шляпахъ, съ лоснящимися и блестящими черными, какъ смоль, волосами и аршинными трубками въ зубахъ, придаютъ своеобразный колоритъ корейской улицѣ и заставляютъ вспоминать, что находишься на окраинѣ Азіи.

Населеніе въ городахъ въ общемъ болѣе зажиточно: объ этомъ можно судить уже изъ того, что чаще приходится встрѣчать шелковые халаты и дорогія волосяныя шляпы; не рѣдкость видѣть и молодого щеголя въ розовомъ или голубомъ халатѣ; едва ли однако это не считается въ поголовно бѣлой Корей вольнодумствомъ и франтовствомъ дурного тона.

Горожанки отличаются отъ деревенскихъ женщинъ болѣею скромностью: по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ гораздо рѣже, чѣмъ въ деревнѣ, приходится встрѣчать женщинъ съ непокрытымъ лицомъ, — обыкновенно онѣ кутаютъ себя въ зеленяя покрывала, наброшенные на голову, такъ что между полами выглядываютъ лишь два любопытныхъ глаза.

Улицы корейскаго города мало оживлены: городское населеніе состоитъ преимущественно изъ торговцевъ и ремесленниковъ, сидящихъ по своимъ лавочкамъ и мастерскимъ. Очень многія корейскія мастерства можно видѣть тутъ же, проходя по улицѣ, такъ какъ работаютъ часто или подѣ наружнымъ навѣсомъ, выходящимъ на улицу, или въ передней

комнатѣ, въ которую открыты двери. Гуляя по городу, можно познакомиться такимъ образомъ съ цѣлымъ рядомъ незатѣйливыхъ корейскихъ ремеселъ, видѣть, какъ плетутъ соломенные и пеньковые лапти, дѣлаютъ изъ бамбуковыхъ волоконъ черныя шляпы, вырѣзываютъ деревянные калоши, клеятъ вѣера и фонари, дѣлаютъ низенькіе корейскіе столики, рисуютъ картины для украшенія стѣнъ и т. п.

Самыя бойкія улицы заняты лавками, совсѣмъ не похожими на наши. Корейская лавка выходитъ на улицу широкой приступочкой подъ навѣсомъ, гдѣ разложены всякіе товары. Только въ самихъ большихъ городахъ лавки специализируются, и можно встрѣтить торгующія исключительно желѣзомъ, или только посудой, или только матеріями; обыкновенно же въ мелкихъ городахъ и селеніяхъ лавка представляетъ изъ себя нѣчто вполнѣ универсальное, заключающее въ себѣ все, что только можетъ потребоваться корейцу во всѣхъ случаяхъ его жизни. Здѣсь можно найти и глиняную корейскую посуду, и связки соломенныхъ лаптей, и англійскій шертингъ, и женскія мѣдныя украшенія китайскаго издѣлія, и гвозди, и американскій керосинъ, и анилиновыя краски изъ Дрездена, и японскія папирсы и спички, и хининъ нѣмецкаго производства, и безчисленное множество другихъ разнообразныхъ предметовъ со всѣхъ странъ свѣта,—только русскихъ товаровъ намъ ни разу не случилось видѣть въ корейской лавкѣ.

Нерѣдко такая лавчонка является прямо какимъ-то музеемъ и притомъ cadaго товара въ ней чрезвычайно мало, а общая стоимость всего, въ ней содержащагося, едва ли достигнетъ одного-двухъ десятковъ рублей; остается только удивляться, какъ умудрится корейскій купецъ собрать себѣ такую коллекцію товаровъ, и еще болѣе—какъ удастся ему существовать на грошовую прибыль съ торговли. Самъ хозяинъ лавки, владѣлецъ всѣхъ разложенныхъ сокровищъ, сидитъ тутъ же на цыновкѣ, поджавъ ноги, и меланхолически покуриваетъ свою длинную трубку. Онъ не заываетъ проходящихъ и не обращаетъ никакого вниманія на окружающее, до тѣхъ поръ, пока не явятся серьезные покупатели. Зато, когда завяжется торгъ, торговаться корейскій купецъ можетъ до безконечности, и, кажется, ему никогда не надоѣстъ это занятіе.

Въ обычное время и на торговыхъ улицахъ города замѣтно мало движенія. Лавокъ такъ много, а покупателей такъ мало, что удивительно, какъ не погибнутъ торговцы отъ избытка конкуренціи. Дѣло однако объясняется просто: главная прибыль торговцевъ—въ базарные дни, когда въ городъ стекаются жители со всѣхъ окрестныхъ деревень, чтобы обмѣнять продукты своего производства на городскіе товары или на деньги. Правда, тогда большую конкуренцію лавкамъ дѣлаетъ базарная площадь, но торговцы находятъ очень простой выходъ изъ это-

го затруднения: они устраивают на базарѣ филиальныя отдѣленія своихъ лавокъ, торгующія очень бойко и отбивающія покупателей у бродячихъ торговцевъ, которые носятъ товаръ изъ города въ городъ, съ базара на базаръ.

Базаръ, по заведенному въ большинствѣ городовъ порядку, бываетъ черезъ каждыя пять дней, въ маленькихъ городахъ—рѣже. Въ базарный день съ самаго утра тянутся въ городъ со всѣхъ сторонъ вереницы корейцевъ, въ халатахъ безукоризненной бѣлизны и глянце-витыхъ черныхъ шляпахъ; плетутся носильщики, обливаясь потомъ подъ тяжелымъ грузомъ овощей, подъ мѣшками зерна и связками матеріи; идутъ женщины съ корзинами, изъ которыхъ выглядываютъ куры, или съ огромными глиняными горшками съ соей; движутся въ видѣ какихъ-то диковинныхъ чудовищъ быки, до того нагруженные хворостомъ, что изъ-подъ груди его едва замѣтны ноги животнаго; бѣгутъ, перегоняясь, ребятишки въ розовыхъ и красныхъ кофточкахъ, съ болтающимися косичками; гарцуютъ всадники съ ногами, обутыми въ лапти и спущенными на шею лошади, спутствуемые непремѣннымъ погонщикомъ, который бѣжитъ вприпрыжку съ боку...

Базарная площадь, имѣющаяся въ каждомъ городѣ, оживляется съ разсвѣтомъ. Мало-по-малу она покрывается народомъ, лошадьми, ослиами и мулами, и разгорается оживленный торгъ.

Продавцы располагаются рядами, группируясь по продаваемымъ товарамъ, и раскладываютъ предлагаемые продукты прямо на землѣ или на расостланныхъ циновкахъ; здѣсь тянется рядъ торговцевъ глиняной посудой, выстроившихъ каждый цѣлую баррикаду изъ огромныхъ горшковъ черной глины, чуть не въ ростъ человѣка, и изъ аршинныхъ плоскихъ чашекъ для мытья риса; за ними видны ряды корзинокъ, искусно сплетенныхъ изъ бамбука или рисовой соломы; далѣе сверкаютъ на солнцѣ груды посуды изъ желтой мѣди, чашки для риса и приправъ къ нему, подевѣчники и курильницы для поминанія предковъ и т. п. Еще далѣе начинается овощный рядъ: на землѣ громоздятся кучи зеленыхъ и невкусныхъ корейскихъ дынь, длинные и сухіе китайскіе огурцы, пучки лука и особаго корейскаго салата, фіолетовые баклажаны, корзины съ краснымъ перцемъ и другими огородными продуктами. Обширный рядъ занятъ зерновыми продуктами: здѣсь въ мѣшкахъ и корзинахъ рисъ, ячмень, пшеница, просо, разныя сорта бобовъ,—не видно только муки, совсѣмъ почти неизвѣстной въ Корей; очень рѣдко, лишь недалеко отъ портовыхъ городовъ, приходится встрѣчать этотъ продуктъ, да и то грубаго, едва ли не ручного помола. Главнѣйшее вниманіе пришедшихъ въ городъ поселянъ привлекаетъ однако мануфактурный рядъ, гдѣ подъ парусинными навѣсами разложены на циновкахъ и на бумагѣ тюки различныхъ—преимущественно, конечно,

бѣлыхъ—матерій. Больше всего здѣсь матерій корейскаго домашняго производства, грубыя рѣдкія бумажныя матеріи, еще болѣе рѣдкія, похожія на канву, пеньковыя, для траурныхъ нарядовъ, наконецъ желтоватая тонкія шелковыя матеріи для щеголей, иногда окрашенныя анилиновыми красками въ яркіе цвѣта; вмѣстѣ съ ними приходится встрѣчать—и чѣмъ ближе къ Сеуду или къ которому-либо изъ портовыхъ городовъ, тѣмъ въ большемъ количествѣ—шертинги и колленкоръ англійскаго и японскаго происхожденія. Здѣсь же развѣшаны на соблазнъ покупателей пестрые пояски и тесемки, ярко-красныя и синіе кошельки и кисеты, составляющіе необходимую принадлежность каждаго корейца, головныя украшенія для женщинъ, деревянныя гребешки, зеркала, коробки съ бѣлилами и румянами и убогія корейскія драгоценности: мѣдныя и оловянныя кольца огромныхъ размѣровъ и вѣсомъ чуть не съ четверть фунта, которыя носятъ женщины. Около этихъ рядовъ съ мануфактурой вѣчно давка и самый бойкій торгъ: матерію ощупываютъ со всѣхъ сторонъ, смотрятъ ее на свѣтѣ, мѣряютъ вдоль и поперекъ и торгуются часами.

На краю базарной площади находитъ себѣ обыкновенно пріютъ «обжорный» рядъ: здѣсь подѣ легкими навѣсами на низкихъ глиняныхъ печкахъ варятся рисъ и какая-то похлебка, настолько душистая, что еще далеко отъ лавки приходится затыкать носъ; на другомъ мѣстѣ на жаровнѣ пекутся лепешки изъ проса на кунжутномъ маслѣ, или готовятся ѣдкія приправы, и все это предлагается тутъ же на низенькихъ столикахъ непритомливой публикѣ, усаживающейся на цыновкахъ или прямо на корточкахъ на землю.

Къ полудню базаръ въ полномъ разгарѣ. Среди толпы бѣлыхъ фигуръ, кричащихъ и жестикулирующихъ на всѣ лады, трудно двигаться, а тамъ, гдѣ какое-нибудь зрѣлище,—мальчишки-танцоры въ фантастическихъ шапкахъ съ побрягушками и лентами, исполняющіе дикій танецъ подѣ звуки барабановъ, бубенъ и мѣдныхъ гонговъ, или канатный плясунъ, разгуливающій по веревкѣ, натянутой надъ головами и балагурающій съ публикой,—тамъ и совѣтъ не пройти. Выкрикиванія торговцевъ, хохотъ, травъ быковъ и ословъ, нагруженныхъ топливомъ, травкою, рисомъ, звуки первобытныхъ музыкальныхъ инструментовъ,—все это сливается въ нестройный гулъ, по которому издали можно найти въ городѣ базарную площадь.

Въ базарный день бойко торгуютъ и расположенные тутъ же около площади кабачки, гдѣ желающіе могутъ найти подогрѣтую рисовую водку, отвратительно пахнущую сивушнымъ масломъ, и корейское пиво—коричневатую кислую жидкость сравнительно сноснаго вкуса. Что кабачки эти пользуются вниманіемъ публики, объ этомъ свидѣтельствуетъ въ концу базара большое количество чрезмѣрно крас-

ных физиономій и излишняя развязность угостившихся въ городѣ поселянъ. Порядокъ, впрочемъ, при этомъ рѣдко нарушается, и никогда не приходится видѣть дикаго пьянаго разгула.

Къ вечеру торгъ на базарѣ стихаетъ. Шалашы торговцевъ убираются, и деревенскіе жители, которымъ удалось сбыть свои продукты и обмѣнять ихъ на городскіе, отправляются по домамъ, нагруженные свертками матеріи, посудой, пачками бумаги и другою утварью, необходимой въ корейскомъ обиходѣ. Городъ опять пустѣетъ до слѣдующаго базарнаго дня.

Такимъ образомъ города являются важнѣйшими центрами внутренней торговли Кореи. Обмѣнъ товаровъ между отдѣльными городами и мѣстностями страны связанъ съ немалыми трудностями изъ-за отсутствія сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія; все торговое движеніе совершается на спинахъ носильщиковъ или же вьючныхъ животныхъ, и первые едва ли не играютъ болѣе значительной роли, чѣмъ вторые, такъ какъ передвиженіе товаровъ при помощи носильщиковъ обходится дешевле, чѣмъ вьючнымъ способомъ. Кореецъ-носильщикъ тащитъ на себѣ тяжесть въ два-три пуда вѣсомъ и при этомъ дѣлаетъ въ день верстъ 20—30, а при надобности—и 40. Для болѣе удобнаго пошенія грузовъ въ Корей въ ходу особая носилка, прикрѣпляющаяся на синіе ляжки изъ пеньки или рисовой соломы, перекинутыми черезъ плечи; чтобы носилки не слишкомъ давили на спину, подъ нихъ покладывается цыновка или просто солома. Благодаря употребленію этихъ носилокъ, тяжесть распределяется очень равномерно, и нести легко даже и самыя неудобныя предметы, напримѣръ, цѣлый ворохъ горшковъ или чашекъ.

Заработокъ носильщиковъ очень не великъ: въ лучшемъ случаѣ они получаютъ копеекъ 20—30 въ день за наши деньги, потому въ носильщики идутъ самые бѣдные люди, безземельные крестьяне или бывшіе рабы. Такой носильщикъ обыкновенно совсѣмъ не имѣетъ своего собственнаго постояннаго пристанища и всю жизнь странствуетъ изъ города въ городъ, перенося товары по порученію купцовъ или болѣе богатыхъ крестьянъ и ночуя на постоялыхъ дворахъ.

Однимъ изъ значительныхъ препятствій къ развитію торговли въ Корей является неудобство, совсѣмъ у насъ неизвѣстное, именно—деньги. Внутри страны единственные деньги, находящіеся въ постоянномъ обращеніи,—это мѣдная или, вѣрнѣе, латуная монета. Каждая такая монета, носящая названіе «ххунъ», представляетъ изъ себя тонкій кружокъ желтой мѣди съ четырехугольнымъ отверстиемъ и китайскою надписью вокругъ него. Такіе ххунъ никто не носитъ въ кошелекѣ, а всѣ нанизываютъ ихъ на веревочку, какъ бублики, и носятъ связками, въ которыхъ каждыя сто ххунъ отдѣлены узелкомъ. Такая связка или при-

мо привязывается къ поясу, или, если она длинна, обматывается во-кругъ пояса. Если связокъ много, онѣ обвязываются вмѣстѣ веревками изъ рисовой соломы и превращаются въ тяжелый вьюкъ.

На одинъ рубль на наши деньги приходится по курсу отъ 500 до 600 пхунъ, что составляетъ связку болѣе аршина длиной и достаточно увѣсистую: 10 рублей на наши деньги вѣсятъ $1\frac{1}{4}$ пуда, такъ что корейская вьючная лошадь, поднимающая не болѣе 6 пудовъ, можетъ увезти всего на всего 50 рублей.

Само собою разумѣется, перевозить такія громоздія деньги крайне неудобно и невыгодно. Отправляясь куда-нибудь въ дальній путь, надо брать съ собою одну, а то и двѣ лишнія лошади и нагружать ихъ исключительно деньгами; если же идешь на базаръ за покупками и рассчитываешь купить рублей на 10—15, то приходится нагрузить деньгами носильщика, который едва бредетъ, изнывая подъ бременемъ драгоценной ноши. Говорятъ, что если нагрузить деньгами лошадь и отправить ее, конечно въ сопровожденіи мафу, изъ Гензана въ Фузанъ, до котораго около 800 верстъ, то она придетъ въ тотъ городъ безъ единого пхуна, такъ какъ по дорогѣ мафу и лошадь должны будутъ проѣсть весь свой грузъ денегъ!

Въ послѣднее время корейское правительство пыталось нѣсколько разъ ввести въ обращеніе серебряную и никелевую монету, но до сихъ поръ эта монета привилась лишь въ Сеулѣ и въ торговыхъ городахъ, гдѣ свободно ходятъ также и японскія деньги. Внутри страны новую монету принимаютъ съ большой неохотой или даже вовсе отказываются принимать и крѣпко держатся за мѣдныя деньги, къ которымъ всѣ привыкли съ давнихъ поръ.

Нѣсколько большее оживленіе замѣчается въ приморскихъ портовыхъ городахъ, открытыхъ для иностранной торговли. Важнѣйшими и наиболѣе давно открытыми являются три порта, очень удобные для стоянки судовъ: Гензанъ на сѣверо-востокѣ, Фузанъ на юго-восточной оконечности и Чумульпо на западномъ берегу Кореи. Этотъ послѣдній портъ является въ то же время и гаванью столицы страны—Сеула.

Въ Сеулѣ.

(В. Сѣрошевскаго.)

Ежедневно я одинъ или съ переводчикомъ осматривалъ какую-нибудь часть Сеула. То я садился въ «ришшу», которыхъ множество толпилось постоянно передъ отелемъ, то пользовался электрическимъ трамваемъ, бѣгущимъ отъ восточныхъ воротъ къ западнымъ и прорѣзывающимъ продолговатый въ планѣ городъ вдоль его большей оси. Но всѣмъ этимъ способамъ передвиженія я предпочиталъ пѣшія прогулки по го-

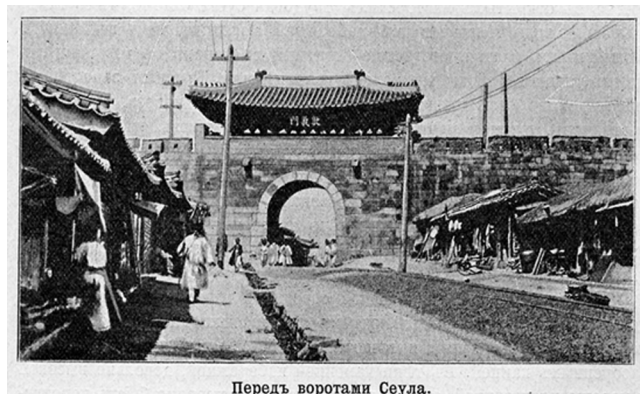
роду. Тогда я могъ останавливаться передъ интересными выставками ла вокъ, заходить туда или заглядывать въ тѣсныя, кривыя закоулки старыхъ сеульскихъ кварталовъ. На улицахъ Сеула движеніе довольно оживленно, особенно по утрамъ. Проходятъ вереницы бѣлоодѣтыхъ туземцевъ въ черныхъ шляпахъ-цилиндрахъ, прозрачныхъ, сплетенныхъ изъ волоса или тоненькой бамбучины. Проходятъ простолюдины въ громадныхъ шляпахъ-корзинахъ. Тихо двигаются тяжелыя корейскія арбы, запряженныя волами; мѣрно шагаютъ караваны навьюченныхъ лошадей; крестьяне ближайшихъ деревень ведутъ крупныхъ корейскихъ быковъ, почти исчезающихъ подъ громадными ношами хвороста, дровъ или сѣна. Движеніе большое, хотя оно меньше, чѣмъ въ китайскихъ городахъ; человѣческій говоръ здѣсь робче, звонъ металла, удары молотовъ въ открытыхъ мастерскихъ, трудовая суета слабѣе, чѣмъ тамъ, а виѣшній видъ толпы много бѣднѣе, грубѣе и хуже, чѣмъ въ Японіи. Бѣлый цвѣтъ платья, отсутствие богатыхъ выставокъ съ товарами лишаютъ улицы корейскихъ городовъ колоритности. Грязныя, закопѣлыя стѣны домовъ безъ оконъ на улицу, кучи сора и навоза, отсутствие тротуаровъ, лужи и ручьи помоевъ посрединѣ улицъ, рѣзкій, отвратительный запахъ гнѣющихъ отбросовъ овощей, нечистотъ, собачьей, кошачьей и птичьей падали, выброшенныхъ изъ жилищъ тутъ же за порогъ, дѣлаютъ прогулку по второстепеннымъ кварталамъ Сеула крайне неприятной. Вдобавокъ надѣдаетъ несносная бѣлая пыль, съ раннего утра окутывающая городъ. О поливкѣ улицъ здѣсь не имѣютъ понятія, а улицы не мощены. Воды тоже нѣтъ.

Ложбина рѣчки, протекающей серединой города, наполняется водою только во время дождей, затѣмъ она просыхаетъ и остается только маловодный, грязный и вонючій ручей, гнѣиво струящійся среди засоренныхъ камней. Въ тѣни каменной набережной, довольно высокой и хорошо построенной, сидятъ у воды прачки и усердно бьютъ короткими валиками по мокрому бѣлью. Для меня осталось тайной, какимъ образомъ эти особы, столь часто и прилежно стирающія и мужнино платье, ухитряются сохранить въ неприкосновенности грязь своего тѣла.

Самая красивая и полная движенія улица въ Сеулѣ это Цзюнь-но, по которой проходить электрической трамвай. Тамъ находятся лучшіе лавки, магазины и базары, подражающіе, неособенно удачно, богатымъ китайскимъ торговымъ рядамъ. Я съ большимъ трудомъ отыскалъ тамъ книжную лавку, такъ часто встрѣчающуюся въ Китаѣ и Японіи. Магазиновъ съ предметами искусства я совсѣмъ не нашель. Правда, на базарѣ, гдѣ торговали преимущественно коврами и узорчатыми цыновками, гдѣ находились желѣзныя шкатулки и посредственныя шелковыя вышивки, мнѣ показывали лубочныя картины, похожія на японскія «камомоно», но я не рѣшался признать ихъ за произведенія искусства.

Огорченный моимъ покупательскимъ равнодушіемъ, переводчикъ, который, по восточному обычаю, получалъ 10% со всякой сдѣлки, заключенной якобы при его посредствѣ, повелъ меня дальше въ столарные ряды, гдѣ помѣщались груды знаменитыхъ корейскихъ ящиковъ и шкафовъ, разнообразно раскрашенныхъ и окованныхъ крупными наугольниками и бляхами изъ латунной, цинковой или просто луженой желѣзной жести. Думаю, что нужно было особое усердіе въ продолженіе многихъ вѣковъ, чтобы довести корейскихъ ремесленниковъ до присущей имъ теперь степени безвкусія. А вѣдь они-то по преданіямъ были первыми учителями тонкихъ и изящныхъ японцевъ!

Среди лавокъ единственно «траурные ряды» произвели на меня впечатлѣніе. Длинные шеренги открытыхъ лабазовъ, полныя пенько-

Передъ воротами Сеула.

выхъ верековъ, грубыхъ тканей, какихъ-то палочекъ и пучковъ соломы, бѣлыхъ зонтообразныхъ шляпъ для сокрытія опечаленныхъ лицъ. О, да, этотъ народъ много упражнялся въ печали и могъ полюбить трауръ!

Я осмотрѣлъ площадь, отведенную подъ будущій сеульскій садъ, памятникъ «враговъ иностранцевъ», въ видѣ громадной плиты, поставленной на спинахъ исполинской черепахи, наконецъ, прелестную, почернѣвшую отъ времени и дыма тринадцатизэтажную мраморную пагоду, украшенную замѣчательными буддѣйскими барельефами.

На пагодѣ незамѣтно современнаго патристическаго о ней попеченія; наоборотъ, цоколь ея крошится и разрушается, барельефы портятся, вездѣ видны слѣды различныхъ мѣстныхъ варваровъ. Все пространство будущаго городского сада представляетъ большой пустырь, зава-

ленный грудами песку, мусора, камней, заросший сорной травой. Нигдѣ нѣтъ слѣда деревьевъ, цвѣтовъ или кустовъ. Посрединѣ стоитъ «бесѣдка для музыки», какъ зародышъ будущаго мѣста отдыха и увеселенія. Кругомъ противный, унылый заборъ. Вотъ и все!

Таково же состояніе большинства «достопримѣчательностей и древностей» Сеула. Заброшенные и некрасивыя развалины, окруженныя высокими стѣнами или бдительно оберегаемыя заборами. Вездѣ стража, всюду можно проникать только съ большими трудностями, при помощи великодушнаго разрѣшенія или насильно, незаконно, украдкой, за подачки... И вездѣ, какъ оправданіе этихъ предосторожностей, обязательныя «японцы».

— Раньше все было открыто и доступно, но японцы... повели себя такъ нехорошо, что императоръ приказалъ все опять запереть.

— Что же дѣлали японцы?

— Да снимали, мѣрили, описывали, затѣмъ завтракали и бумажки бросали тутъ же на землю!—разказывали мнѣ всѣ лица изъ туземцевъ. Вездѣ, куда только я проникалъ, я находилъ неизмѣнно мерзость запустѣнія, соръ, развалины, гниющія нечистоты.

Относительно прилично содержался только свѣже-построенный храмъ «Обнародованія императорскаго званія». Онъ помѣщается вблизи колокола на перекресткѣ улицъ Цзонъ-но. Онъ построенъ изъ китайскомъ стилѣ, но окруженъ чугунной европейской рѣшеткой, снабженной чугунными воротами. Другія постройки представляютъ по большей части убогія и уменьшенныя копія пекинскихъ императорскихъ зданій, храмовъ, стѣнъ и воротъ.

Городъ Сеулъ въ сущности представляетъ грязное, но оживленное и светливое добавленіе къ огромнымъ мертвымъ и молчаливымъ пространствамъ императорскихъ дворцовъ и садовъ, окруженныхъ высокими стѣнами. Единственнымъ, пожалуй, красивымъ образцомъ современнаго корейскаго зодчества является мощная арка вѣдука, переброшеннаго надъ улицами города ради соединенія вновь выстроеннаго дворца со старымъ, гдѣ происходятъ военныя ученія и парады. По этому вѣдуку императоръ можетъ «безопасно» отправляться на военныя представленія безъ торжественныхъ «выходовъ» (ху-донъ), которые будто бы «черезчуръ дорого стоятъ». Построенъ онъ недавно, въ моментъ сильнѣйшаго финансоваго разстройства, и является нагляднымъ примѣромъ, на что уходятъ крупныя суммы, таинственно отмѣченныя въ казначейскихъ отчетахъ какъ «работы общественной пользы».

Сознаюсь, что мнѣ больше всего въ Сеулѣ повраился японскій кварталъ «Чинъ-го-чай», опрятный, благоустроенный, полный лавочъ, магазиновъ и толпы прохожихъ.

Преобладаютъ японцы, но не мало встрѣчается здѣсь туземцевъ

и европейцевъ, такъ какъ только здѣсь можно купить лучшаго сорта предметы потребностей и комфорта. Тамъ тоже мнѣ пришлось разыскивать ванну, которой не было во французской гостиницѣ, когда я послѣ путешествія пожелалъ освободиться отъ дорожной пыли и грязи. У японцевъ можно все достать, начиная отъ красивыхъ снимковъ мѣстныхъ видовъ и типовъ и кончая старинными корейскими книгами, картами и картинами. Конечно, среди другихъ товаровъ преобладаютъ японскія издѣлія. Постройки тоже все японскія, и весь складъ уличной и домашней жизни японскій. Привыкнувъ къ нему во время относительно продолжительнаго пребыванія въ Японіи, я съ удовольствіемъ бродилъ по знакомымъ переулкамъ, среди улыбающихся привѣтливо женщинъ и мужчинъ, заглядывая въ лавки, гдѣ часто мнѣ отвѣчали по-русски или по-английски. Японскій почтамтъ помѣщался въ чистенькомъ двухъ-этажномъ домѣ.

Ни одно письмо, высланное мною по этой почтѣ, не потерялось, между тѣмъ какъ нѣсколько писемъ, отправленныхъ съ русской почтой на пароходѣ, отправляющемся въ Портъ-Артуръ, все пропали. Японское посольство находится въ томъ японскомъ кварталѣ, на краю города, у подножія горы Намъ-санъ, на вершинѣ которой по сей день стоятъ удѣлѣвшіе столбы древнихъ стальныхъ огневыхъ башенъ. Скромное на видъ зданіе посольства стоитъ среди красивыхъ и причудливо расположенныхъ террасъ, облицованныхъ прочно гранитомъ. Въ сторону, на томъ же склонѣ горы виднѣется католическій соборъ. Другія посольства помѣщаются въ иной части города, въ кварталѣ Цзонъ-но у западныхъ воротъ, тоже на косогорѣ, за новымъ императорскимъ дворцомъ. Посольства по своему положенію господствуютъ надъ городомъ. Изъ русскаго посольства отрывается великолѣпный видъ на городъ и окружающія долину розовыя гранитныя скалы.

Въ европейскомъ кварталѣ, прилегающемъ къ европейскимъ посольствамъ, находятся тутъ же у главныхъ дворцовыхъ воротъ два европейскихъ отеля и немногочисленныя неважныя французскія, англійскія и американскія лавки, да лавки китайскія и японскія, устроенныя на европейскій ладъ, да одна плохонькая русская лавчонка. Товары въ нихъ дорогие, но скверныя.

Старѣйшимъ изъ иностранныхъ кварталовъ является въ Сеулѣ китайскій кварталъ. Онъ прилегаетъ непосредственно къ храму Конфуція и составляетъ самую грязную и зловонную часть города, превосходящую въ этомъ отношеніи даже туземныя части Сеула, отъ которыхъ она, впрочемъ, мало отличается по внѣшности. Въ лавкахъ сидятъ китайцы въ національныхъ синихъ кофтахъ, и въ мастерскихъ работаютъ китайскіе мастера, набирающіеся преимущественно изъ китайскихъ выходцевъ изъ Шанъ-си.

Хороши также прогулки въ окрестности Сеула, на рѣку Хань, къ императорскимъ могиламъ, на переваль Гензанскій, просѣченный въ крутыхъ скалахъ.

Стоить тоже взглянуть на мѣстность, гдѣ происходятъ ежегодные бои (шёнъ-са). Эти бои очень напоминаютъ кулачные русскіе бои въ масленицу, какіе и посейчасъ еще устраиваются кое-гдѣ въ провинціи. Въ Сеулѣ въ условномъ мѣстѣ, въ условное время сходятся бойцы, раздѣленные на двѣ партіи, по мѣсту жительства, на «восточныхъ» и «западныхъ». Головы бойцовъ защищены большими, прочными шляпами, толсто выстланными соломой; въ правыхъ рукахъ они держатъ небольшую палицу, дюймовъ въ четырнадцать длиною и дюйма два въ діаметрѣ; лѣвое плечо во время сраженія бойцы протягиваютъ впередъ, ради защиты лица отъ удара. Идутъ они другъ на друга стѣною съ воемъ и дикими восклицаніями и стремятся выбить противника изъ занятыхъ позицій, разбить его и разсѣять. Огромныя толпы зрителей близко принимаютъ въ сердцу ходъ событий, возбуждаютъ ратниковъ сочувственными или порицательными окриками и часто сами принимаютъ дѣятельное участіе въ сраженіи. Кончается оно метаніемъ камней изъ пращей. Подъ конецъ на полѣ брани остается много ушибленныхъ и даже нѣсколько труповъ. Эти бои по преданію сохранились съ давнихъ временъ, когда Корею заселили многія мелкія враждебныя общины.

Слѣдуетъ также въ городѣ побывать на Министерской улицѣ, тихой, широкой какъ площадь, вымощенной гладкими плитами и заканчивающейся каменной стѣной главныхъ воротъ лѣтнаго дворца—великолѣпнаго образчика древне-китайской архитектуры. Входъ на лѣстницу обегается каменными изваяніями долгогривыхъ китайскихъ львовъ. По обѣимъ сторонамъ улицы, въ глубинѣ обширныхъ дворовъ стоятъ безчисленныя низкія, некрасивыя строенія, гдѣ сотни чиновниковъ исписываютъ груды бумагъ, убивающихъ и коверкающихъ жизнь Кореи. Любопытенъ также въ Сеулѣ «кварталъ богачей»—Та-банъ-коль, состоящій изъ двѣнадцати улицъ, захрамывающа на концахъ крѣпкими воротами. Во время волненій весь кварталъ превращается въ непреступную крѣпость, такъ какъ составляющія его постройки обращены наружу глухими стѣнами, лишенными всякихъ отверстій. Улицы до того узкія, что рядомъ можетъ пройти едва три человѣка и съ трудомъ протиснется небольшая телѣжка. Изъ улицъ узкія ворота ведутъ въ дворы, расположенные другъ за другомъ, при чемъ, по китайскимъ обычаямъ, дворы становятся чище и наряднѣе по мѣрѣ удаленія въ глубь дома. На внутреннихъ дворахъ разбиты крошечныя садики и цвѣтники. Я воспользовался любезностью одного изъ жителей «Та-банъ-коля» и осмотрѣлъ его жилище. Первый дворъ оказался застроенъ сараями и амбарами, далѣе поперекъ двора стоялъ невысокій флигель въ корейскомъ

стиль, съ большимъ навѣсомъ вдоль всего фронта. Мы вошли въ это строеніе, гдѣ находилась «внѣшняя прихожая», въ которой нѣсколько человѣкъ корейцевъ что-то прилежно писали на полоскахъ бумаги. Прихожая показалась мнѣ грязной и убогой, въ ней вояло дымомъ и старыми цыновками. Слуга взялъ наши визитныя карточки и попесъ ихъ внутрь дома. Вскорѣ насъ пригласили слѣдовать дальше. Мы опять прошли дворъ, опрятно вымощенный и окруженный жилими корейскими строеніями; сквозь раскрытыя двери одного дома я увидѣлъ внутри важнаго сѣдобородаго старика въ дворянской шляпѣ, сидящаго неподвижно на цыновкѣ. Комнатка, куда насъ повели вначалѣ, была маленькая свѣтлица, довольно низкая, но украшенная многими художественными бездѣлушками. Въ ея характерѣ я подмѣтилъ нѣчто японское, только менѣе солнечное, менѣе свѣтлое, вслѣдствіе маленькихъ и наглухо запертыхъ оконъ. На стѣнахъ висѣли недурные корейскіе «какемоно», писанные тушью. Я впервые увидѣлъ старинную неподдѣльную корейскую живопись, и сознаюсь, она производила довольно художественное впечатлѣніе. (Хороши также были старинныя картины на шелку, видѣнныя мною въ нѣкоторыхъ храмахъ.) У одной изъ стѣнъ стояли полки съ нѣсколькими десятками книгъ въ синихъ китайскихъ переплетахъ. Хозяинъ придвинулъ намъ плоскія подушки и любезно пригласилъ сѣсть; намъ пришлось подождать, пока убирали женщины изъ внутреннихъ покоевъ, чтобы мы могли туда пройти. Узкимъ проходомъ, защищеннымъ нѣсколькими выступающими поперекъ дороги простѣнками, мы проникли, наконецъ, на кухонный дворъ. Большіе котлы, вдѣланные въ очагъ, помѣщались подъ навѣсомъ почти въ уровень земли; по другую сторону кухни стояли рядомъ большіе горшки; такіе же горшки стояли во дворѣ, а рядомъ лежали кучи зеленого, свѣжесрѣзаннаго салата. Кухня защищена была отъ дождя навѣсомъ, но бока ея были лишены стѣнъ.

Подъ тѣмъ же кухоннымъ навѣсомъ, на высотѣ полуэтажа, возвышалась открытая платформа, служащая очевидно за столовую, у стѣны помѣщались рядами глиняная, фарфоровая и металлическая посуда, ниже—ящики и шкафы, окованные жестью, да низенькіе столы—подносы для обѣдовъ. Отсюда виденъ былъ за перевитой дикимъ виноградомъ стѣной небольшой садикъ, къ которому вела оригинальная калитка безъ дверей, круглая какъ ободъ колеса. По удобнымъ ступенямъ пологой, широкой лѣстницы мы поднялись въ столовую и оттуда повернули на женскую половину въ большія, теплыя, согрѣтыя снизу комнаты съ паркетомъ, выклееннымъ желтой бумагой. Любезный хозяинъ приказать намъ открыть даже спальню, тоже небольшую опрятную комнату, гдѣ подъ стѣнами лежала свернутая валикомъ постель. Въ одной изъ этихъ крошечныхъ комнатъ я замѣтилъ передъ хорошенькимъ

зеркальцемъ букетъ цвѣтовъ въ изящной вазочкѣ. Весь домъ производитъ оригинальное впечатлѣніе смѣси китайскаго и японскаго стилей, съ добавленіемъ своеобразнаго вкуса и тонкаго выбора. Особенно понравилась мнѣ приподнятая половина дома, состоящая изъ небольшихъ желтыхъ чистенькихъ комнатокъ, полныхъ художественныхъ бездѣлушекъ, чуть освѣщенныхъ блѣднымъ свѣтомъ бумажныхъ оконъ. Я вспомнилъ тѣ странныя постройки, которыя я видывалъ въ японскихъ театрахъ и которыя выдаются японцами за древне-японскія жилища. Сходство было поразительное.

Природа Манчжуріи.

(П. Краснова.)

Манчжурія лежитъ между 54° и 40° сѣв. широты и 133° и 151° вост. долготы отъ Ферро, слѣдовательно на одной широтѣ со средней Европой; ея южная оконечность находится на одной параллели съ южной Италіей, южнѣе Константинополя, а сѣверная на широтѣ Москвы. По величинѣ своей Манчжурія немногимъ меньше, чѣмъ вся Западная Европа.

Несмотря на значительное протяженіе съ сѣвера на югъ и на то, что южная часть лежитъ въ теплыхъ широтахъ, климатъ Манчжуріи скорѣе суровый, нежели теплый, тѣмъ не менѣе по климату, какъ и вообще по характеру страны ее удобнѣе дѣлать на сѣверную Манчжурію и южную. Сѣверная идетъ отъ границъ Забайкалья до хребта Джаньгуанъ-чай-лингъ и южная—далѣе до границъ Кореи и Квантунскаго полуострова. И въ той и въ другой части Манчжуріи лѣто жаркое, обильное грозами, въ южной переходящими въ тропическія ливни. Въ сѣверной Манчжуріи съ августа мѣсяца устанавливается ровная погода съ умѣреннымъ тепломъ, въ сентябрѣ начинаются ночныя заморозки, и холодные и упорные вѣтры нагоняютъ холодъ. Могучее ледяное дыханіе Ледовитаго океана прохватываетъ путника насквозь, и никакая шинель, никакая бурка не устоитъ противъ знаменитыхъ хинганскихъ вѣтровъ. Хорошій романовскій полгубокъ или шуба-барнаулка—единственная надежная защита отъ ледяного дуновения этого вѣтра. Мелкіе камешки, шиль и песокъ поднимаются столбомъ и летятъ въ лицо путнику, еще увеличивая боль отъ холода. Между Хинганомъ и Забайкальемъ уже съ конца сентября начинаются морозы 10—15° R., а въ октябрѣ, ноябрѣ и по январь они доходятъ до 30—40° R. Безснѣжная зима царитъ надъ землей. Если выпадаетъ иногда снѣжокъ, то такой жалкій, сухой, дѣлающій пейзажъ лишь еще болѣе печальнымъ и безотраднымъ. За Хинганомъ, этой высокой и угрюмой стѣной, теплѣе. Въ октябрѣ и даже въ началѣ ноября тамъ еще выдаются теплые, чисто лѣтніе дни, и только

ночные морозы холодят жилище. Эти заморозки становятся продолжительнее, и сь конца ноября зима вступает въ свои суровыя права. И тутъ морозъ доходитъ до 30° R., что при сильныхъ вѣтрахъ дѣлаеть климатъ весьма суровымъ. Но зима тянется недолго. Уже въ февралѣ солнце сильно пригрѣваеть, днемъ уже тепло, а въ мартѣ наступаетъ равняя весна. Она не сопровождается, какъ у насъ, разливомъ рѣкъ и прекращеніемъ сухопутныхъ сообщеній, напротивъ, рѣки начинаютъ высыхать и движеніе становится сомнительнымъ. На выручку водѣ начинаются грозы, сопровождаемыя страшными ливнями. Луга обращаются въ болота, а къ осени рѣки выходятъ изъ береговъ, съ ревомъ несутся на мосты, ломають на пути всѣ препоны, размываютъ насыпи и полотно дорогъ. Къ сентябрю все опять успокаивается, наступаютъ заморозки, а за ними тихо шествуютъ и морозы.

За Джангъ-гуангъ-цай-лискимъ хребтомъ, у Гирина и далѣе на югъ къ Муьдену, лѣто длится дольше. Лишь съ первыхъ чиселъ ноября начинаются морозы и быстро срываютъ послѣдній листь съ деревьевъ. Морозъ борется съ солнцемъ. По утрамъ температура спускается до -30° R., а днемъ, если нѣтъ вѣтра, на солнцѣ таетъ. Зима идетъ ровная, спокойная и длится недолго. Какъ только день пойдетъ на прибыль, солнце прогрѣваетъ землю, и уже въ февралѣ маленький, случайно выпавшій снѣжокъ темнѣеть и таетъ. Въ началѣ марта зеленѣють поля и лѣса, и манза, земледѣлецъ, спѣшитъ запахать и засѣять нивы. Со середины лѣта погода портится, начинаются ливни, горныя рѣчки рвутъ и мечутъ, почва растворяется, дороги обращаются въ грязныя и липкія рѣки, и сообщеніе прекращается. Въ августѣ небо, словно наигравшій молніей, громомъ и тучами, вдругъ начинаетъ ласково улыбаться и, безмятежно синее, стоитъ надъ землею такое чистое и ласковое, загорающее прозрачнымъ пурпуромъ на восходѣ и закатѣ. Наступаетъ лучшее время года въ южной Манчжуріи.

Въ общемъ климатъ въ Манчжуріи здоровый, ровный, съ массой свѣжаго горнаго и лѣснаго воздуха, съ чистымъ небомъ и яркимъ солнцемъ.

Такія колебанія въ температурѣ между лѣтомъ и зимою и общая суровость климата всецѣло завязаны отъ рельефа страны. Если издали посмотрѣть на карту Манчжуріи, то сразу выдѣляются какъ бы двѣ тарелки, поставленныя одна подлѣ другой: сѣверная Манчжурія, замкнутая горами Большимъ, Малымъ Хинганомъ и Джангъ-гуангъ-цай-линомъ, и южная съ большими хребтами Ляо-линь и Ирхахунъ, не допускающимъ въ нее свѣжихъ морскихъ вѣтровъ.

Всѣ горы Манчжуріи не доходятъ до полосы вѣчныхъ снѣговъ и украшены снѣжной короной лишь въ зимнее время. На всѣхъ, за исключеніемъ одинокихъ скалистыхъ сопосъ и каменныхъ предгорій, растутъ большіе дѣвственные лѣса, мѣстами вслѣдствіе частыхъ паловъ об-

ратившіеся въ унылую тайгу. Наибольшей высоты достигаютъ вершины Большого Хингана и Джангъ-гуанъ-цай-линскаго. Ихъ хребты необыкновенно извилисты, бездна отдѣльныхъ хребтовъ отходить въ стороны, тянется десятки верстъ и постепенно сливается съ горизонтомъ. Вершины остры, склоны круты, а мѣстами каменистыя сопки недоступны. На перевалахъ горная порода обнажена и иногда на десятки заженъ подымается вверхъ глянцевитой отвѣсной стѣной. Горы Джангъ-гуана еще болѣе дики, нежели горы Хингана. Вулканическая сила сжала темную кору, выпятила безобразный горбъ, морщину, мѣстами давшую трещины. Изъ этихъ трещинъ хлынулъ расплавленный минералъ, вылетѣли круглые черные камни и образовали мрачную, дикую базальтовую долину. Мѣстами горы такъ дики и мрачны, что затрудняешься представить, какъ онѣ образовались.

И рѣки въ Манчжуріи величественныя, широкія и спокойныя, напоминающія рѣки Сибири. Главныя изъ нихъ: Сунгари, судоходная болѣе чѣмъ на тысячу верстъ и связывающая такіе большіе центры, какъ Гиринъ и Харбинъ съ Амуромъ, судоходная Нонни, при которой лежитъ Цицикарь, и славная Мудандзянь. Съ горъ и хребтовъ Хингана и другихъ горъ течетъ еще много маленькихъ ручьевъ и рѣчекъ, дающихъ прекрасную питьевую воду, свѣжую и чистую какъ кристаллъ. Въ сѣверной Манчжуріи, въ болѣе низкой западной ея части есть нѣсколько громадныхъ озеръ, въ южной—горные хребты и отсутствие равнинъ не даетъ возможности водѣ собираться большимъ количествомъ. Въ общемъ, даже при бѣгломъ обзорѣ Манчжуріи приходишь къ тому заключенію, что эта страна и богаче, и лучше по климату и природѣ, нежели средняя часть Сибирь. Тутъ много сибирскаго, суроваго, но это суровое скрашено яркимъ солнцемъ, голубымъ небомъ и выглядитъ веселѣй.

Въ горахъ Хингана, въ долинѣ рѣки Хориголь, уже теперь воровскимъ способомъ намывается нѣкоторое количество золота; это золото находится, и навѣрно еще и въ большихъ количествахъ найдется, и въ маломъ Хинганѣ, и на Ляо-линѣ и далѣе. Всюду можно видѣть буровалокрасный золотососный песокъ... И это, какъ говорятъ обрусѣвшіе манзы, «худо есть». Потому худо, что тамъ, гдѣ есть хоть одна крупинка золота, человекъ ошалѣваетъ, имъ овладѣваетъ золотая горячка, руки у него трясутся, голова отказывается работать, глаза не видятъ. Онъ спѣшитъ «застолбить» свой участокъ, составляетъ компанію и съ какимъ-то остервенѣніемъ моетъ и моетъ золото... и разоряется. А между тѣмъ тутъ же рядомъ лежитъ среброносная свинцовая руда, есть залежи ртути, есть богатые подѣлочные камни, граниты, гнейсы, порфиры, базальты. Матеріалъ для грандіозныхъ построекъ валяется подъ руками, но его никто не видитъ. На Хинганѣ уже открыли залежи каменнаго угля, от-

кроют навѣрно и еще, и безлѣсная сѣверная Манчжурія обогатится. Тутъ еще все не изслѣдовано. Лѣсистый Хингаѣ напоминаетъ Уралъ. На немъ еще преобладаетъ дубъ и береза, да раскидистыя елки кое-гдѣ темными пятнами сквозятъ черезъ улыбающуюся листву зеленыхъ вѣтвей. На Джангъ-гуанѣ и на Ляо-лигѣ мощные и кряжистые дубы смѣшались съ громадными кедрами, елями, пихтами, соснами, между ними протянули свои вѣтви каштаны, дикіе абрикосы и яблони, и виноградъ обвивъ ихъ цѣпкими стеблями. Здѣсь то же богатство флоры, что и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, и разнообразіе видовъ, цвѣтовъ и формъ. А тамъ, гдѣ горы широко раздвинулись, образовавъ просторныя долины, тамъ тысячи травъ выше роста всадника сдѣлали степи такими, о какихъ мы читали у Гоголя да у Генриха Сенкевича въ ихъ яркихъ картинахъ днѣпровскихъ степей далекаго прошлаго. Чего-чего тутъ нѣтъ! Лилловые ирисы, бѣлыя, желтыя и красныя лиліи, тюльпаны, фіалки, ковыль-трава съ бѣлыми метелками, чудныя кормовыя травы, травы такія густыя, что трудно идти, трудно продираться сквозь ихъ прочныя, упругіе стебли... Лѣсъ травъ.

Въ густыхъ лѣсахъ Хингана бродятъ кабаны, волки и черный уссурійскій медвѣдь ищеть добычи. Въ горной южной Манчжуріи еще изрѣдка залазаетъ краснымъ пятномъ на уединенной скалѣ тигръ и, щуря желтые глаза и раздувъ бѣлыя бакенбарды, зорко смотритъ, ища добычи. Пятнистый барсъ порою крадется сквозъ камыши, идетъ неуклюжий медвѣдь, ползаетъ енотъ, да рѣдко-рѣдко лиса-чернобурка пронесется по степи, раздувъ по вѣтру драгоценный хвостъ. Есть и соболь, и выдра, и обыкновенная красная и пышная лиса-сиводушка. Благородный олень, изюбрь со своими пантами, дикая коза, или гуранъ—солидная приманка звѣролова-охотника, а послѣдніе—довольно частая добыча даже и любителя-охотника.

Сѣверная Манчжурія такъ же угрюма и молчалива, какъ и Сибирь. Въ поляхъ не поетъ свою ласковую пѣсню жаворонокъ, не слышно ни соловья, ни рѣзкаго посвистыванья чижики въ лѣсной чащѣ. Въ полѣ и въ лѣсу южной Манчжуріи веселѣе. Синицы, сивоворонки, зяблики, чижи, свиристели, черные, красные и зеленые дятлы нарушаютъ тишину лѣса. Маленькіе задорные воробьи съ рѣзымъ пискомъ носятся надъ полями и чѣмъ-то роднымъ, русскимъ отзывается отъ ихъ хлопотливой возни.

Орлы, соколы и ястребы, вороны съ высоты скалъ и неба зорко слѣдятъ за фазаньими выводками, за куропатками, рябчиками и тетеревами. Охота въ Манчжуріи еще только начинается, дичь не распугана, и охотнику приволье въ ея степяхъ и лѣсахъ.

И гнуса въ Манчжуріи меньше, чѣмъ въ Сибири. Маленькія черныя мушки и комары доучаютъ лѣтомъ жителю, но даютъ возможность жить.

Туземцы совсѣмъ не охотятся. Только любители сильныхъ спущеній изъ маньчжурскихъ промышленниковъ ходятъ за пантами, за енотомъ и соболемъ, остальные лишь даютъ арканами дикихъ козъ да бьютъ сѣлками фазановъ.

Населеніе Манчжуріи.

(А. К.)

Количество населенія Манчжуріи сравнительно съ пространствомъ невелико, приблизительно до 8—12 миллионѣвъ. Болѣе густо населены южная Манчжурія и средняя часть бассейна р. Сунгари; горныя же части страны, а также восточныя и сѣверныя округа населены довольно рѣдко. По составу населеніе распадается на три семьи: тунгусскую, монгольскую и китайскую. Первая группа является коренною въ большей части страны; къ ней относятся манчжурь, дауры, ороконы, маньчжурь, гольды, солонь и, вѣроятно, также корейцы.

Коренныя обитатели страны—манчжурь—составляютъ теперь не болѣе 50% всего населенія и въ значительной степени утратили воинственныя черты своихъ предковъ, покорившихъ въ XVIII столѣтіи Китай. Объясняется эта малочисленность манчжурь тѣмъ, что нынѣ царствующая манчжурская династія, овладѣвъ Китаемъ, вынуждена была опираться преимущественно на свой родной народъ, вслѣдствіе чего манчжурь поставляли военные отряды какъ въ Пекинъ, такъ и въ другіе китайскіе города. Такимъ образомъ значительная часть самаго здороваго народа уже 2½ столѣтія какъ уходитъ изъ страны въ разныя области Китая, а на мѣсто ихъ стали являться китайцы, постепенно водворяясь въ странѣ и женись на манчжуркахъ, при чемъ происшедшія отъ такихъ браковъ дѣти становились уже совершенными китайцами. Вместе съ тѣмъ манчжурь усвоили себѣ постепенно и китайскую культуру и китайскій языкъ до такой степени, что на манчжурскомъ языкѣ говорятъ только при китайскомъ дворѣ да около 10% живущихъ въ Манчжуріи придворныхъ манчжурь. Китайское вліяніе отразилось и въ одеждѣ и въ постройкахъ, во всей обстановкѣ быта, религіи и т. д.

Сначала китайцы допускались лишь въ южную Манчжурію, а сѣверная служила для китайцевъ лишь мѣстомъ ссылки, но мало-по-малу китайцы стали проникать и сюда, а съ водвореніемъ русскихъ въ Уссурийскомъ краѣ китайское правительство и само стало поощрять переселеніе китайцевъ, надѣляя колонистовъ землею на льготныхъ условіяхъ и давая деньги на постройку фанзы (дома) и на обзаведеніе земледѣльческими орудіями.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, китайское населеніе въ краѣ все

болѣе и болѣе возрастаетъ, многія мѣстности, въ особенности въ южной Манчжуріи, уже густо заселены и прекрасно обрабатываются. На сѣверѣ болѣе густое населеніе группируется по широкимъ долинамъ рѣкъ, около значительныхъ центровъ, по мѣрѣ удаленія отъ которыхъ оно становится рѣже, деревни смѣняются уединенными фанзами и обработанныя поля переходятъ въ пустыню.

Главное занятіе жителей—хлѣбонашество. Фермы изъ двухъ-трехъ фанзъ окружены полями, засѣянными просомъ (чумиза, гаолянъ), ячменемъ, пшеницей, бобами, горохомъ, кукурузой, коноплей, табакомъ, макомъ и пр., разводятъ также для вывоза овесъ и нѣкоторые овощи—лукъ, чеснокъ, салатъ.

На югѣ къ этимъ культурнымъ растеніямъ присоединяются индиго, хлопокъ и фруктовыя деревья: яблоки, груши, абрикосы и виноградъ. На югѣ развито также шелководство, при чемъ гусеницъ выкармливаютъ листьями трехъ видовъ дуба и айлантового дерева.

Скотоводство, за исключеніемъ сѣверо-западной части, смежной съ Монголіей, развито слабо; въ большомъ количествѣ разводятъ только свиней. Рабочимъ скотомъ служатъ быки, рѣже ослы, мулы и лошади. Запасовъ сѣна не дѣлаютъ и обыкновенно кормомъ служатъ просыаная солома и распаренное просо (чумиза) и бобы (вмѣсто овса). Поля обрабатываются тщательно, и фазы выглядятъ довольно аккуратно и опрятно содержимыми. Около деревень, фермъ, отдѣльныхъ фанзъ вездѣ поставлены кумирни разнообразныхъ размѣровъ—отъ игрушечнаго домика въ 8—10 вершковъ, прислоненнаго къ стволу одинокаго дерева, до большого молитвеннаго дома въ 2—3 сажени вышиною, съ подвѣшеннымъ поблизости къ дереву мѣднымъ колоколомъ.

Но далеко не всѣ китайцы переселяются съ семьями и прочно осѣдаютъ на новыхъ мѣстахъ, занявъ опредѣленный участокъ и обрабатывая его. Многіе, по преимуществу одинокіе или оставившіе семьи дома за великой стѣной, представляютъ крайне подвижной, оборотливый и неутомимый «бродячій Китай». Все это ремесленный или просто рабочий людъ, одушевленный одною только цѣлю, одною завѣтною мечтою—скопотить копейку. Они охотно становятся мастерами на всѣ руки и, не задумываясь, бросаютъ любое насиженное мѣсто, узнавъ, что гдѣ-нибудь можно зашибить какимъ бы то ни было трудомъ нѣсколько лишнихъ грошей. Съ тремя копейками денегъ они не затруднятся затѣять какое-нибудь микроскопическое дѣло или игрушечную торговлю, и если въ результатѣ неустанной хлопотни, бѣготни и нелегкой работы въ концѣ дня они заработаютъ какой-нибудь чохъ или два (0,1—0,2 к.) прибыли, то считаютъ свое предпріятіе вполне удачнымъ и будутъ рьяно продолжать его, пока не попадутъ на затѣю еще болѣе доходную.

Манчжуры сами по себѣ очень непредпріимчивы и весьма охотно

предоставляют пришлымъ китайцамъ всѣ хлопоты и заботы въ области ремесла и торговли. Даже огородное хозяйство, занимающее, напримѣръ, вокругъ Нингута и въ самомъ городѣ обширныя площади земли, почти цѣликомъ находится въ рукахъ китайцевъ. Въ большинствѣ случаевъ нѣсколько китайцевъ сообща, въ складчину снимаютъ огородъ въ аренду и тогда съ чисто воловьею выносливостью и муравьинымъ прилежаніемъ, не покладая рукъ трудятся наравнѣ со своими наемными рабочими.

Разумѣется, не одни только огороды привлекаютъ къ себѣ алчущія работы китайскія руки. Онѣ съ готовностью и усердіемъ берутъ на себя всякій доступный имъ трудъ, даже если онъ будетъ каторжно тяжелъ и невѣренъ. Какъ ни мало взыскателемъ китаецъ, онъ все-таки не чуждъ азарта наживы и въ заманчивой надеждѣ на быстрое обогащеніе часто пускается въ рискованное странствованіе по безлюдной и бездорожной странѣ, гдѣ каждое ущелье, каждый кустъ грозитъ ему неслучайною опасностью. Съ котомкой на спинѣ, съ парочкою обѣдненныхъ палочекъ, замѣняющихъ ему дожку и вилку, съ грубой мѣдной трубочкой за поясомъ для табака или опиѣ, вооруженный топоромъ, китаецъ безбоязненно или, вѣрнѣе сказать, совершенно равнодушно уходитъ въ глубь пустынныхъ и лѣсистыхъ горъ на поиски драгоцѣннаго женьшеня, которому здѣшняя медицина приписываетъ столько чудодѣйственныхъ свойствъ.

На этотъ неблагодарный промыселъ отправляются опять-таки компаніей, чтобы сообща устроиться на постоянной стоянкѣ гдѣ-нибудь въ недоступной глуши и оттуда выходить на поиски за корнемъ.

Очень часто компаніоны не возвращаются болѣе изъ дикихъ дебрей, да ихъ никто обыкновенно и не ждетъ и судьбой ихъ никто не интересуется. Никому нѣтъ дѣла, гомодъ ли навѣки сковаль ихъ трудолюбивыя руки, тигръ ли (ламаза) пожраетъ беззащитныхъ скитальцевъ, или разбойники-хункузы вмѣстѣ съ тяжело доставшейся добычей отняли у нихъ и жизнь. Привычная нищета вездѣ равнодушна къ будущему, во нигдѣ, кажется, это равнодушіе, этотъ холодный и вялый фатализмъ не проявляются съ такою силою, какъ среди бродячей китайской бѣдноты.

По узкимъ, чисто звѣринымъ тропамъ бредутъ обыкновенно искатели женьшеня, или высоко цѣнимыхъ въ медицину древесныхъ грибовъ, золотонискатели и разный другой людъ. Здѣсь ихъ частенько подстерегаетъ тигръ. Идти по такимъ тропамъ можно только другъ за другомъ. Звѣрь пропускаетъ мимо всю вереницу странниковъ и бросается обыкновенно на послѣдняго, поотставшаго отъ товарищей. Уцѣлѣвшіе спасаются послѣднимъ бѣгствомъ и все-таки продолжаютъ идти въ облюбованнымъ мѣстамъ, прекрасно сознавая, что каждый изъ нихъ можетъ во всякую минуту раздѣлить участь растерзаннаго товарища. По глухимъ дебрямъ Манчжуріи наберется не мало обглоданныхъ све-

летовъ никому невѣдомыхъ или всѣми позабытыхъ жертвъ бродячей нищеты.

Кромѣ китайцевъ, пришлыми колонистами края являются корейцы. Ихъ особенно много въ пограничныхъ съ Россіей мѣстностяхъ; такъ, въ нашемъ Уссурийскомъ краѣ они давно уже составляютъ постоянную часть населенія; они арендуютъ тамъ землю у нашихъ казаковъ и переселенцевъ, но приливающая изъ европейскихъ губерній волна переселенцевъ вытѣсняетъ ихъ изъ Южно-Уссурийскаго края и они постепенно удаляются въ китайскіе предѣлы.

Кореецъ, несмотря на племенное родство, во многихъ отношеніяхъ прямая противоположность китайцу. Насколько китаецъ дѣловитъ, расчетливъ, настойчивъ и уменъ въ дѣлѣхъ приобретеній, настолько кореецъ вялъ, беззаботенъ относительно будущаго, лишень промышленной смѣлки и равнодушно-терпѣливъ во всякихъ напастяхъ и нищетѣ, которая почти сопутствуетъ ему въ его какъ бы умышленно засаженной, пыльной и грязной обстановкѣ, кишашей мириадами насѣкомыхъ.

Кореецъ садится на землю прочно, онъ любитъ землю, это природный пахарь, но въ умѣни холить ее, увеличивать ея урожайность за китаецемъ ему угнаться трудно, да и едва ли у него стало бы охоты на такую тщательную обработку, безъ которой китайское земледѣліе и представить себѣ невозможно. Если кореецъ получилъ такой урожай, какой дастъ ему возможность продлить свое существованіе до слѣдующей жатвы, онъ уже не печется о дальнѣйшемъ.

Среди китайцевъ людей достаточныхъ очень мало, громадное же большинство влачить нищенское существованіе; даже сельскохозяйственныхъ орудій у нихъ недостаточно для обработки цѣлинныхъ земель, такъ что корейцы выбираютъ себѣ земли, уже бывшія подъ плугомъ, и чаще всего за половину или иную долю урожая обрабатываютъ китайскіе и манчжурскіе участки.

Торговля въ Манчжуріи, до занятія ея русскими, находилась преимущественно въ рукахъ китайцевъ да немногочисленныхъ мусульманъ-дунганъ. Дунгане—это прасолы Манчжуріи, и большая часть операцій по торговлѣ скотомъ сосредоточена въ ихъ рукахъ.

Торговлѣ, да и вообще успѣхамъ земледѣлія и культуры здѣсь сильно препятствуютъ хунхузы-разбойники изъ бѣглыхъ солдатъ, преступниковъ и бродягъ, которые занимаются на дорогахъ грабежомъ путешественниковъ и купцовъ, а въ населенныхъ пунктахъ нерѣдко совершенно разоряютъ хозяйство зажиточныхъ людей, обяывая послѣднихъ вносить постоянный налогъ или увода ихъ въ плѣвъ и вымогая жестокостями крупный выкупъ. Въ восточной Манчжуріи для борьбы съ хунхузами богатые люди содержатъ караулы изъ вольнонаемныхъ солдатъ, а китай-

свое правительство высылает военные команды для поимки разбойников, которые въ случаѣ поимки (что бываетъ однако очень рѣдко) тутъ же казнятся и головы ихъ выставляются на деревьяхъ по дорогамъ. По большей части власти выступаютъ въ экспедиціи противъ хунхузовъ лишь по жалобѣ какого-нибудь селенія, слишкомъ ужъ раздраженнаго алчностью разбойниковъ. Наученные горькимъ опытомъ, поселяне рѣдко обращаются къ подобной защитѣ, которая часто обходится еще дороже разбойничьяго набѣга, а результатовъ, кромѣ истребленія всякой деревенской живности и фуража за нѣсколько дней военного поста, обыкновенно никакихъ не даетъ. Хунхузы, какъ болѣе подвижныя, лучше знакомыя съ мѣстностью, часто лучше вооруженныя, только въ исключительныхъ случаяхъ попадаютъ въ руки этихъ разбѣздовъ. Героздо чаще они незамѣтно слѣдятъ за дѣятельностью своихъ враговъ и, какъ только тѣ рѣшаются наконецъ вернуться во-свои, они вновь появляются въ деревнѣ и мстятъ своимъ жертвамъ за строптивость.

Таковы главныя составныя части населенія Манчжуріи.

Другія народности тунгусскаго корня немногочисленны и занимаютъ сравнительно лишь небольшіе участки на сѣверѣ страны. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ орочны, манегры, гольды, находятся еще въ стадіи охотничьихъ и рыболовыхъ; другіе, какъ дауры и солонь, давно уже занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Орочны, живущіе по главному хребту Хингана, до сихъ поръ почти не признаютъ надъ собой никакихъ законовъ и фактически мало подчиняются китайской администраціи. Они селятся мелкими группами и даже отдѣльными семьями обыкновенно въ палатахъ, сплетенныхъ изъ травяныхъ жгутовъ или сложенныхъ изъ коры вѣтвей; промышленно исключительно охотой, рыбной ловлей, а если случится, то и угономъ чужихъ стадъ. Всѣ орочны неподражаемо владѣютъ своими длинными фитильными винтовками на сошкахъ: особенно удивляетъ монголовъ и витайцевъ то, что эти охотники бьютъ звѣря на бѣгу. Подати вносятся ими, такъ сказать, лишь по мѣрѣ собственного усердія: обыкновенно кто-нибудь изъ старшинъ, обуреваемый честолюбіемъ, собираетъ съ подчиненныхъ ему семей известное количество пантовъ, мѣховъ, звѣриныхъ жилъ и т. д., везетъ эти подати дикарскому цзянь-цзюю или генералъ-губернатору и возвращается домой награжденный за это чиновничьимъ шарикомъ.

Тѣ изъ орочонъ, которые живутъ по восточнымъ склонамъ Хингана, ближе въ устьямъ долинъ, уже много культурнѣе, и старшины ихъ назначаются нынѣ уже прямо властью цзянь-цзюя.

Что касается до дауровъ, то хотя они и живутъ земледѣліемъ, но запанки ихъ невелики и большимъ подспорьемъ хозяйства остаются охота и рыбная ловля. Изъ домашнихъ животныхъ разводятъ только

свиной, какой-то особой, чрезвычайно мелкой породы, съ черной щетиной, да домашнюю птицу.

Дауры селятся всегда небольшими усадьбами и рѣдко по 4—5 семей вмѣстѣ. Жилище ихъ по первому взгляду напоминаетъ русскія избы, съ высокой друсчатной крышей изъ теса или соломы; но одна изъ продольныхъ стѣнъ имѣетъ всегда во всю свою ширину рѣшетчатую раму, затянутую бумагой и служащую вмѣсто окна. Вокругъ избы плетнемъ огораживается дворъ съ огородомъ и хлѣвомъ. Внутренность избы раздѣлена обыкновенно на двѣ и рѣдко на три комнаты; въ первой, замѣняющей стѣни, кухню и кладовую, устраивается большая, но узкая кирпичная печь, наполовину врытая въ землю; въ нее вмазанъ желѣзный котель, а дымъ проведенъ по горизонтальной системѣ трубъ, обходящей вокругъ всего дома подъ кирпичными широкими лавками; такія обогрѣваемые снизу лавки называются «канами». На людяхъ непривычныхъ спать на канахъ всегда отзывается очень тяжело и скоро вызываетъ крайне тяжелыя формы ревматизма. Въ нѣкоторыхъ избахъ введена уже чисто китайская система топки; печь устроена снаружи, и жалъ смотрѣть, какое громадное количество тепла непродуцибельно пропадаетъ при подобной конструкціи печей. Вдоль комнаты, подъ потолкомъ, протянуты жерди для развѣшиванія разной домашней утвари: въ одномъ изъ угловъ сложена груда одѣялъ, а болѣе цѣнные предметы хранятся въ прочныхъ китайскихъ шкапикахъ съ массивными мѣдными засовами и съ висячими замками. Посреди комнаты помѣщается глиняная стойка, на которой устроена жаровня для горячихъ углей.

Одежда, распредѣленіе домашнихъ работъ, положеніе женщины въ семьѣ и многое другое напоминаетъ соответствующіе порядки манчжуръ и китайцевъ. Въ религіозномъ отношеніи дауры—шаманисты.

Г и р и н ь.

(П. Краснова.)

Когда подѣзжаешь къ Гирину, города почти не видишь. Бросаются въ глаза высокія стѣны фабричныя трубы монетнаго двора на правомъ берегу р. Сунгаря, а затѣмъ цѣлое море маленькихъ деревенскихъ фазъ, крошечныхъ кумирень, носящихъ не вполне благозвучное названіе «мяо», полей чумизы и гаояна, огородовъ, постоянныхъ дворовъ, съ изображеніемъ деревянной рыбы на столбѣ и съ пестрыми обручами, висящими на палкѣ; деревня такъ тѣсно обступила Гиринъ, что за ея постройки не видно длинной каменной зубчатой стѣны съ восемью воротами, съ башенками надъ ними; не видно и каменныхъ кумирень съ драконами у входа. Деревня заголкала, затѣснила городъ. По жесткой, промерзлой и весьма пыльной дорогѣ въ безконечной вереницѣ двуко-

локъ, груженыхъ дыновками, валой, ящиками и тюками и запряженныхъ то мулами, то лошадьми, то и тѣми и другими вмѣстѣ, привязанными тонкими веревочными постромками къ оглобльному кореннику, среди жалобныхъ криковъ погонщиковъ съ длинными бичами, кричащихъ на свое запряженное стадо: «у-о! у-о!», въѣзжаешь по каменнымъ плитамъ въ ворота. За воротами сейчасъ же начинается громоздкая неуклюжая мостовая изъ тяжелыхъ обледенѣлыхъ досокъ и безконечный рядъ лавокъ.

Гиринь—важный административный центръ, мѣстопробываніе дзянь-дзюня, этого полномочнаго генераль-губернатора обширной гиринской провинціи, и большой торговый пунктъ, ведущій транзитную торговлю съ Монголіей, Манчжуріей, Забайкальемъ, Инкоу и Шанхаемъ. Среди бездны маленькихъ лавочекъ, ларей и хожалыхъ торговцевъ то тутъ, то тамъ подымается высоко къ небу черная лакированная доска, испещренная золотыми письменами,—это складъ шелка, тонкихъ вышивокъ, ваты; еще дальше виденъ толстый столбъ, покрашенный въ свѣтло-коричневую краску съ большими и пестрыми головами драконовъ, торчащими въ разныя стороны,—это китайскій ломбардъ и банкъ. На улицахъ толкотня и суетолока. Бѣдные манзы въ синемъ и сѣромъ рубищѣ, въ ватныхъ штанахъ и туфляхъ на толстой и мягкой подошвѣ идутъ взадъ и впередъ, то неся на коромыслѣ привязанныя на веревочкахъ коробки и сита съ разными лепешками, жаренымъ и печенымъ тѣстомъ, издающимъ отвратительный запахъ бобоваго масла, то слоняясь безъ дѣла по улицамъ; среди ихъ толпы, смуглой и грязной, то и дѣло степенно шагаютъ красивые мулы, везущіе тяжелую двуколку, или маленькія лошади, съ ершикомъ подстриженными гривами, тянутъ большую арбу съ сѣномъ, соломой, стеблями гаолина или досками; за ними рядный мулъ везетъ двухколесный экипажъ съ полукруглымъ тентомъ изъ синей матеріи и со стеклянными окошками, окрещенный русскими «фудутункой», хотя въ такихъ щегольскихъ экипажахъ ѣздятъ и не одни фудутунки; въ окно фудутунки выглядываетъ намазанное лицо китаянки съ цвѣтами и серебряными гребенками надъ ушами; дальше катитъ рысью стрѣлковая повозка зеленого цвѣта съ солдатомъ въ мохнатой шапкѣ, везущимъ русскую даму въ шляпкѣ и въ ротондѣ. Среди бѣдно одѣтыхъ манзъ съ пучками мѣха у ушей, на лбу и на затылкѣ и съ длинными косами вдругъ появится толстый, ушатаанный китаецъ въ маленькой круглой шапочкѣ съ краснымъ гаруснымъ шарикомъ, въ шелковой, тѣлой узоромъ кофтѣ и синей юбкѣ, или на аломъ суконномъ сѣдлѣ прокатитъ иноходью чиновникъ съ чернымъ перомъ и прозрачнымъ шарикомъ на шапкѣ, за нимъ на такой же маленькой лошади мчится и его слуга въ шапочкѣ съ алою нитяною кистью на макушкѣ.

А кругомъ лавки. Вокругіе «чофань» съ кипяткомъ и жирными против-

нями, установленными толстыми каравайчиками тѣста, всякимъ вареномъ, пареной морской травой, рисомъ и чумизой; лавки мясныя, лавки, возлѣ которыхъ висятъ длинныя и блестящія гирлянды золотисто-красныхъ и изумрудныхъ фазановъ, маленькіе зайчики и словно колоды приставлены замершія туши дикихъ козъ; рядомъ зеленныя съ капустой, морскою травой, рисомъ, зерномъ и рѣдской; цѣлый рядъ кожъ, шкуръ лисьихъ и енотовыхъ, собачьихъ и кошачьихъ, цѣлыя шубы изъ сѣрыхъ кошекъ, шапки съ оторочкой мѣхомъ kota, енота, лисицы или черной собаки, сапоги, продажа рѣдкостей, издѣлій изъ нефрита, печатокъ, чернильницъ, трубокъ и трубочекъ; лавка жестяника съ цѣлымъ рядомъ фонарей, чайниковъ и ведерокъ; еще далѣе четырехугольный рѣзной ящикъ съ дракономъ обозначаетъ помѣщеніе серебреника. Здѣсь кропотливо выдѣлываютъ тѣ цвѣты причудливой формы, кузнечиковъ съ дрожжащими усами или шевелящихся рыбокъ, которыми любятъ украшать свои жирныя черныя волосы китаянки; здѣсь же, ради русской моды, готовятъ спичечницы, бокальчики и портсигары съ изображеніемъ китайскаго дракона и надписью китайскими знаками любой русской фамиліи, при чемъ, такъ какъ почти каждый русскій слогъ отвѣчаетъ цѣлому ряду китайскихъ словъ, то любезный и пріятельный мастеръ подберетъ непременно хорошія слова: «божество», «другъ», «орелъ» или что-либо въ этомъ родѣ.

Улица лавокъ упирается въ площадь. На площади стоитъ стадо муловъ, приведенныхъ для продажи; на возвышеніи раешнигъ показываетъ толгѣ панораму китайскихъ картинъ на стеклѣ, манзы тѣсно обступили его, наваливаются другъ на друга, лѣзутъ на плечи сосѣдямъ и хохочутъ. Отъ площади бѣгутъ вправо и влѣво переулки. Ряды сѣрыхъ дощатыхъ заборовъ, а за ними низкія крыши каменныхъ фанзъ. Ни дать, ни взять уголокъ какого-либо нашего уѣздаго или заштатнаго городишки. Въ переулкахъ замерзшіе потоки жидкости и обложенныя деревомъ канавки китайской канализаціи. Зима — все замерзло, а по тому запаха никакого.

Переулокъ снова выходитъ въ улицу — и опять толкотня и лавки безъ конца. У маленькаго ларька толпа манзъ слушаетъ, какъ предсказатель, разложивъ на костяхъ судьбу человѣческую, предрѣшаетъ по нимъ будущее. Рядомъ торгуютъ книгами, еще дальше вся сѣрая кирпичная стѣна покрыта лубочными картинками. Тутъ и боксерская пропаганда, изображающая толстаго, мясистаго китайца, обнаженнаго по поясъ и стоящаго съ засученными рукавами и оруженнаго солдатами. Солдаты стрѣляютъ въ него, но пули отскакиваютъ и падаютъ къ его ногамъ. Рядомъ изображенія китаянокъ, сценки семейной жизни. Большія торговыя конторы не имѣютъ выставки товаровъ, но ихъ дорогія ткани, выставки и костюмы бережно уложены въ картонныя и деревянныя коробки и по-

ставлены на полкахъ въ заднихъ фанзахъ. Однако заберитесь-ка въ такой магазинъ: васъ обступитъ толпа приказчиковъ, къ нимъ присоединятся еще нѣсколько человѣкъ любопытныхъ, и въ сопровожденіи ихъ вы проникнете въ заднюю фанзу. Тамъ теплѣе. На канѣ, на квадратной скамеечкѣ, станутъ раскладывать роскошныя матеріи, вышивки, все, что вы ни попросите... Ахъ, какія тутъ есть вышивки, какіе халаты, пестрыя курмы. Какіе хорошенькіе наушнички съ вышитыми на нихъ шелками павлинами или хорошими словами; какія дивныя полосы съ хризантемами и фазанами, расшитыми по черному и по бѣлому шелкомъ; какой штофъ съ ткаными узорами, пестрыя одѣяла, гдѣ квадратныя тнаны разноцвѣтными шелками и розовый уходитъ въ фіолетовый, а фіолетовый обращается въ зеленый. Пестро и нѣжно, пестро и чаруетъ глазъ неожиданными переливами тоновъ и красокъ...

Несмотря на обиліе лавокъ съ самыми разнообразными товарами, въ городѣ не замѣтно кипучей торговой дѣятельности. Не видно покупателя, а тѣмъ болѣе покупательницъ, возвращающихся обремененными свертками. Фудугунки, запряженные мулами, везутъ китайскихъ дамъ не въ магазины и лари, а къ родственникамъ или къ знакомымъ въ гости. Лавки почти всегда пусты. Только офицеры да военныя дамы русскаго гарнизона ходятъ по магазинамъ, любуются вышивками и закупая шелки. Торговля идетъ или оптомъ, или на дому, черезъ комиссіонеровъ, которыми кишитъ китайскій торговый городъ.

Вы еще спите или пишете свои впечатлѣнія, глядя, какъ суровый манчжурскій морозъ и яркое солнце расплѣтло радугой окна, отразилось въ нихъ тысячу огней и бросило ихъ разсѣяннмъ свѣтомъ въ полудемную комнату, какъ въ снѣгахъ уже слышно шлепанье туфель, и къ вамъ всовываетъ свою голову солдатъ и говорить:

— Тамъ китаецъ пришелъ, ваше благородіе.

— Что ему надо?—спрашиваете вы.

— Товаръ принесъ,—отвѣчаетъ солдатъ.

— Ну, зови,—говорите вы, хотя отлично сознаете, что вы ничего не купите.

Дверь открывается, и съ большимъ чернымъ узломъ въ рукахъ и розовой шапкѣ, отороченной соболемъ, входитъ купецъ.

— Здравствуйте,—говоритъ онъ по-русски и тянетъ вамъ свою грязную ладу. Затѣмъ онъ медленно развязываетъ узелъ и подаетъ вамъ хорошенькія чашечки, кипы шелковыхъ тканей, вышивки, жемчугъ изъ Сунгари... Цѣны ужасныя, но смѣло давайте половину и начинайте торгъ.

— Нѣтъ, нельзя,—чуть не шопотомъ говоритъ купецъ;—моя не могу отдать. Этотъ жемчугъ не моя. Моя ходи, моя скажи, кто продаетъ, и сегодня приди и отвѣтъ давай...

— Я дамъ русскими деньгами,—говорите вы.

Это еще болѣе укрѣпляетъ торговца въ намѣреніи: «моя ходи, моя спроси».

Русскій рубль въ Манчжуріи идетъ сильно въ гору. За него уже дають 1 руб. 40 коп. серебромъ китайскими долларами. Русскій бумажный рубль удобенъ китайскому купцу, онъ его легко можетъ увезти и онъ увѣровалъ въ его силу и легкость къ обмѣну на что угодно. Довѣріе къ русскому рублю полное, а потому товары за русскія деньги идутъ дешевле, нежели за китайскія.

Вечеромъ купецъ опять у васъ. Жемчужины уступлены. Не нужно ли еще чего? И такъ по домамъ разносятся товары и идетъ не видный, но обширный торгъ по всему Гирину.

Я познакомился въ Гиринѣ съ богатымъ купцомъ Нью. Я былъ у него въ гостяхъ, пилъ чай съ англійскимъ печеньемъ, ѣлъ виноградъ «дамскіе пальчики», пилъ красное вино и шампанское, бесѣдовалъ съ его матерью, почтенной сѣдой старушкой, и его конфузливой намазанной молодой женой съ узкими и длинными полупрозрачными ушами и съ дорогими жемчужными булавками въ волосахъ. Нью учится по-русски. У него на столѣ лежатъ толстые словари Попова—русско-китайскій и китайско-русскій. Ему очень хочется обрусѣть, одѣть русскій костюмъ, завести торговлю съ Россіей, но онъ боится. Говоритъ онъ по-русски еще неважно, медленно подыскивая слова.

— Русскій костюмъ удобный, работать можно,—говоритъ онъ,—китайскій костюмъ неудобный, работать нельзя; не этотъ мѣсяцъ, а мартъ моя ходи на Москва. Москва вези китайскіе товары—шелкъ, вышивка, костюмъ китайскій, на Москва продавай, въ Москвѣ купи стекло, желѣзо, ножи и другія вещи и ходи Гиринъ; Гиринъ продавай...

Подъ вечеръ я вышелъ на Сунгарю. Она у Гирина имѣетъ около 300 сажень ширины. По ту сторону синѣли горы, то округлыя, то угловатыя, утесистыя. Онѣ, эти горы, шли рядами; ближнія рисовались густыми темными тонами, дальнія блѣднѣли, тускнѣли, сливались съ небомъ. У самаго берега два солдата-китайца съ красными накидками и длинными мѣдными трубами издавали заунывные звуки—они учились.

Возлѣ лѣсныхъ дворовъ были поставлены груды бѣлыхъ массивныхъ гробовъ, черезъ улицу въ магазинахъ тоже были гробы, покрашенные въ бѣлую или красную краску и испещренные серебряными и золотыми узорами и письменами. Трогательный культъ предковъ имѣетъ въ себѣ много ужаснаго. Если китаецъ не имѣетъ средствъ съ должною пышностью устроить своему родственнику похороны, онъ, пока не пахнѣтъ денегъ, выносить покойника въ гробъ и ставить въ роцѣ, возлѣ могильныхъ холмиковъ. И я видѣлъ много такихъ гробовъ съ ихъ страшными обитателями въ окрестностяхъ Гирина, въ деревняхъ и селахъ.

Мимо гробовъ, черезъ горбатый деревянный мостикъ, идущій надъ спускомъ къ рѣкѣ, мы прошли по набережной къ дворцу дзянь-дзюня. Въ ворота дворца прикрыты стѣнками отъ злого духа, на главномъ сводѣ изображены вычурные боги, напоминающіе бубновыхъ королей на старыхъ картахъ, и написаны хорошія слова—пожеланія долголѣтія, богатства и пр. Самого дзянь-дзюня нѣтъ: онъ уѣхалъ въ Харбинъ, но во дворецъ его только что кончилось засѣданіе чиновниковъ.

Дворъ еще полонъ челяди. Одни стоятъ при лошадахъ у длинной коновязи, другіе толпятся возлѣ синихъ суконныхъ палакиновъ и фудунокъ. На всѣхъ черныя кофты, на шапкахъ длинныя красныя кисти и у всѣхъ типичныя нахальныя лаейскія фізіономіи. Въ ихъ толпѣ зубоскалить старый дзянь-дзюньскій солдатъ съ красной обшивкой и красными знаками на груди и спинѣ. Подъ широкими воротами стоятъ сѣнки и прямыя ножи на древкахъ, большой барабанъ—знаки власти дзянь-дзюня.

Въ швейцарской сидитъ старый привратникъ. За воротами второй дворъ, въ немъ полуоткрытый залъ съ громадными поломанными креслами—судилище дзянь-дзюня; тутъ же рядомъ, за дверями съ бумагой вмѣсто стеколъ, и канцелярія его превосходительства. Въ канцелярїи большой шкафъ съ маленькими книжками, печатанными на тонкой «китайской» бумагѣ,—надо думать, законы и приказы; рядомъ кипа «дѣлъ», писанныхъ тушью на бѣлой и красной бумагѣ, большіе и узкіе конверты, печати, чернильницы, кисточки и тушь. Правитель дѣлъ, молодой китаецъ, съ поклонами и улыбкой встрѣтилъ и проводилъ насъ. За этой первой фанзой слѣдовалъ еще дворъ и тамъ помѣщеніе самого дзянь-дзюня. Направо отъ входа была его спальня, нагѣво прїемная. Въ спальней въ глубинѣ былъ канъ и не ахти какое чистое генеральское красное ложе; по стѣнамъ въ рѣзныхъ рамочкахъ висѣли группы, гдѣ дзянь-дзюнь былъ снятъ съ русскими инженерами. Но въ окна были вставлены стекла и висѣли кисейныя занавѣски. Съ потолка свѣшивалась большая керосиновая лампа, а подлѣ кана выглядывала кнопка электрическаго звонка. Въ прїемной надъ дверью висѣло нѣсколько группъ, да на полу стоялъ громадный глобусъ. Вдоль стѣнъ были шкафы и на нихъ поставлены возлѣ зеркала двѣ вазы и нѣсколько бездѣлушекъ изъ нефрита. На полу былъ положенъ небольшой коверъ. Небогатая, непышная обстановка. Немногочисленные слуги проводжали насъ изъ одной фанзы дворца въ другую. Отъ дворца однако получалось незавидное впечатлѣніе. Да, зданіе построено солидно. Сѣрыя кирпичныя стѣны толсты и прочны, но краски на вычурныхъ драконахъ, на стѣнкахъ и дверяхъ и выцвѣли, и полиняли, а штукатурка осыпалась—все бѣдно и голо. Дворецъ казенный, и, какъ видно, дзянь-дзюни не очень о немъ заботятся. На дворахъ и дворникахъ между фанзами

отвратительная грязь и вонь. Всюду замерзшія лужи. Всюду залущено. Какъ будто все доживаетъ послѣдніе дни и ждетъ какого-то толчка и обновленія.

Мимо громадныхъ, аляповато сдѣланныхъ драконовъ мы вышли опять на набережную и пошли внизъ по рѣкѣ. Тутъ среди домовъ гиринской знати приютилась наша почтово-телеграфная контора, а рядомъ надъ сѣрыми воротами висѣла вывѣска, гласившая по-русски: «Китайско-русская школа». Мы прошли въ ворота. Классы кончились. Учитель русскаго языка ушелъ домой; учитель китайскаго съ пріятелемъ готовились обѣдать. Три ученика еще сидѣли въ классѣ съ красными партами и черной доской, утвержденной на канѣ. Русская азбука, тетрадки съ прописями, большія и тяжелыя китайскія чернильницы, тушь и китайскія линейки валялись на низкомъ табуретѣ. Двое изъ учениковъ были уже юноши лѣтъ по 18—20; они плохо говорили по-русски. Зато мальчикъ лѣтъ 15-ти пребойко и презабавно болталъ съ нами. Онъ объяснилъ, что его зовутъ Фуженъ-чанъ, потому по моей просьбѣ написалъ свое имя по-русски и мою фамилію по-китайски, объяснилъ, что въ школѣ всего обучается 18 учениковъ, что до обѣда они занимаются по-русски, а послѣ обѣда китайскимъ языкомъ и что школа существуетъ только годъ. Всѣ трое вышли насъ провожать и вывели опять на набережную.

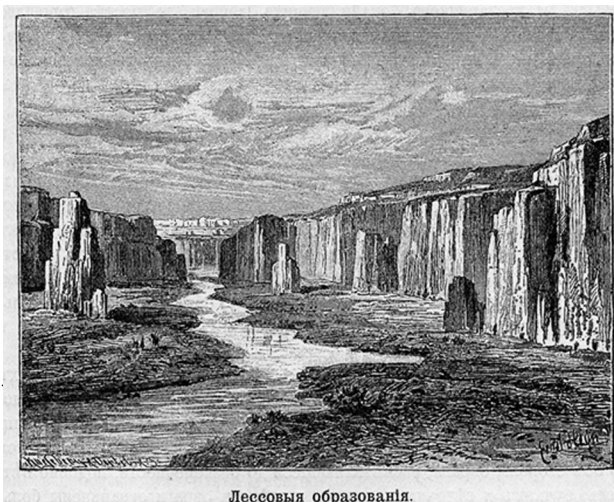
Солнце спускалось за горы. По небу разлилось море огня. Это море отразилось въ прозрачномъ льду рѣки Сунгари и алымъ заревомъ открыло заборы и дома по берегу рѣки. Морозная туманная дымка затянула дали. Отъ этой дымки яркіе красные и оранжевые цвѣта стали бѣлѣе, приобрѣли молочный, опаловый оттѣнокъ. Озаренные послѣднимъ свѣтомъ, меланхолично засыпали раскидистыя ракуты на берегу. Городъ утихалъ. Магазины затворялись. Приказчики, кто дѣшкомъ, кто верхомъ на маленькихъ лошадакахъ, сѣвши по домамъ. Кое-гдѣ мерцали огоньки, да съ пронзительнымъ крикомъ, неся на лоткѣ фонарь, проходили торговцы съ жареной курицей, приправленной пряными спеціями, этимъ любимымъ вечернимъ блюдомъ китайцевъ.

Сѣверный и южный Китай.

(По Риктгофену и Обручеву, А. К.)

Могучая горная система Куэнь-Луия, протегающая по окраинѣ Тибета и ограничивающая съ юга Таримскій бассейнъ и Цайдамскія равнины, въ своемъ продолженіи на востокъ, уже въ предѣлахъ собственнаго Китая, является барьеромъ, который раздѣляетъ Среднюю имперію на области сѣверную и южную, весьма различныя по климату, почвѣ, растительности, даже животному міру и отчасти населенію. Этого хре-

бетъ, носящій на китайскихъ картахъ названіе Цинь-линь-шаня, отдѣляетъ систему рѣки Хуанхэ, или Желтой, отъ системы другой великой рѣки, Янцзе, покрытыя лессомъ мѣстности сѣвера отъ лишенныхъ лессоваго покрова мѣстностей южнаго Китая. Сѣверо-западный Китай—это типичная страна лесса; нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ лессъ не достигаетъ такой мощности, такого обширнаго распространенія, не играетъ такой роли въ человѣческой жизни, такъ что про эту страну, гдѣ всѣ пашни на лессѣ, всѣ жилища вырыты пещерами въ лессѣ или сложены изъ лессоваго кирпича или сбиты изъ лессовой глины, гдѣ

Лессовыя образованія.

даже кань, замѣняющій китайцу кровать, сдѣланъ изъ лесса,—про эту страну можно сказать, что человѣкъ, обитатель ея, родился на лессѣ, живетъ лессомъ и въ лессѣ находитъ себѣ могилу, въ томъ же желтомъ, сухомъ и пыльномъ лессѣ. Рѣка Хуанхэ, прорѣзывающая сѣверо-западный Китай, окрашивается лессомъ въ желтый цвѣтъ, соответствующій ея названію.

Лессъ представляетъ изъ себя буроватую землистую пористую массу, пронизанную мельчайшими пустотами и вертикальными каналами отъ истлѣвшихъ растительныхъ корней; благодаря этому онъ легко впитываетъ въ себя влагу какъ атмосферную, такъ и отъ естественныхъ или искусственныхъ водныхъ источниковъ, прорѣзывающихъ его и до-

ставляющих подземное орошение. Подъ колесами телѣгъ и копытами животныхъ лессъ раздробляется въ пыль, тонкую и нѣжную, какъ пудра; эта пыль покрываетъ слоемъ въ нѣсколько дюймовъ всея дороги, пролегающія по лессовой почвѣ, при легкомъ вѣтерѣ поднимается тучами вверхъ, а въ бурю заполняетъ воздухъ подобно желтому густому туману.

Смоченная водой, т.е. послѣ дождя, лессовая пыль превращается въ липкую, скользкую грязь, и если въ сухое время года путешественникъ проклинаетъ пыль, стѣсняющую дыханіе и проникающую всюду, образуя густой осадокъ на лицѣ, волосахъ, одеждѣ, на листьяхъ деревьевъ и кустарниковъ, окаймляющихъ дорогу, то послѣ хорошаго дождя не менѣе неприятна грязь, липнущая комьями къ подошвамъ, копытамъ, колесамъ, такъ что непривычный человѣкъ выбивается изъ силъ, пройдя по лессовой грязи полверсты и поскальзываясь на каждомъ шагѣ.

Вѣтеръ постепенно сдуваетъ пыль съ дорогъ, движеніе телѣгъ и животныхъ образуетъ новую; такимъ образомъ въ теченіе столѣтій дороги постепенно врѣзаются глубже и глубже въ толщу лесса и наконецъ превращаются въ траншеи, глубиной въ нѣсколько сажень, особенно на спускахъ и подъемахъ, съ почти отвѣсными стѣнками и дномъ настолько узкимъ, что двѣ телѣги или два каравана вьючныхъ животныхъ могутъ развѣхаться только въ извѣстныхъ мѣстахъ, такъ что ящики и погонщики, вѣзжая въ эти тѣсины, обыкновенно пронзительными криками извѣщаютъ о себѣ ѣдущихъ имъ навстрѣчу, которые и дожидаются на развѣздахъ.

Другое свойство лесса—его склонность къ образованію отвѣсныхъ обрывовъ, въ связи съ его мягкостью и легкоразмываемостью—обуславливаетъ обиліе, развѣтвленность и неприступность овраговъ, врѣзанныхъ въ толщу лесса. Отъ каждой рѣчки, даже ручейка, отдѣляются по обѣ стороны овраги, развѣтвляющіеся до безконечности, подобно вѣтвямъ, сучьямъ и вѣточкамъ дерева, и все эти овраги ограничены большею частью отвѣсными стѣнками или въ видѣ одного сплошного обрыва, или же состоящими изъ высокыхъ ступеней, по нѣскольку сажень каждая. Находясь на верхней ступени, видишь передъ собой исполинскій амфитеатръ, могущій вмѣстить миллионы зрителей, и просто не вѣришь, что этотъ амфитеатръ созданъ природой, а не человекомъ, который только воспользовался готовымъ и расположилъ свои палки и селенія по ступенямъ.

По своему химическому составу лессъ—суглинокъ, въ составъ котораго входятъ известковыя частицы, кварцевыя зерна съ разсыянными мелкими листочками слюды; кромѣ того, въ лессѣ попадаются мергельныя конкреціи и раковины наземныхъ моллюсковъ. Такому составу надо приписать необыкновенное плодородіе лесса всюду, гдѣ есть достаточ-

ное орошение. Кроме того, для обработки лесовой почвы достаточно незначительных усилий лопаты или кирки. Благодаря таким свойствам лесса, в Китаѣ съ давняго времени возникла интенсивная земледѣльческая культура, приближающаяся къ европейскому огородничеству. Китайская пашня образуется рядомъ параллельныхъ двускатныхъ грядокъ, въ вершинахъ которыхъ аккуратно посажены сѣмена. По мѣрѣ поднятія всходовъ грядки до трехъ разъ въ лѣто вышальваютъ для очищенія отъ сорныхъ травъ, а также съ цѣлю углубить борозды между ними и разрыхлить почву для большей восприимчивости къ атмосферной влагѣ.

Таковы свойства лесовой почвы. Не менѣе интересно и происхождение лесовыхъ толщъ, достигающихъ въ провинціяхъ сѣвернаго Китая приблизительно двухсотъ саженъ мощности. Лесъ является окончательнымъ продуктомъ разрушенія скалъ, утесовъ и вообще горныхъ породъ центральной Азіи. Благодаря сильному колебанію температуры въ теченіе дня, въ особенности осенью и весной, утесы распадаются на мелкіе куски, которые едва держатся на своихъ мѣстахъ, отдѣленные другъ отъ друга незаметными для глаза трещинами. Достаточно самага слабого удара, чтобы такой утесъ распался на гучу песка и дресвы. Въ то же время въ тѣни происходитъ химическое разложене; съ началомъ холодовъ къ числу разрушительныхъ дѣятелей присоединяется морозъ, и, такимъ образомъ, утесы раскалываются на болѣе мелкія глыбы, щебень и песокъ. Дожди смываютъ съ утесовъ и склоновъ часть продуктовъ вывѣтриванія. Но, въ виду небольшого количества осадковъ, выпадающихъ въ центральной Азіи, роль текущей воды при переносѣ продуктовъ вывѣтриванія ничтожна, и преобладающее значеніе имѣетъ вѣтеръ, который уноситъ съ собой все, что въ силахъ поднять и что не прикрѣплено къ почвѣ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ солнечные лучи и морозъ работаютъ надъ разрушеніемъ горныхъ породъ и доставляютъ все новый матеріалъ, вѣтеръ сметаетъ его изъ пустыни и откладываетъ тамъ, гдѣ его сила быстро ослабѣваетъ отъ встрѣчи съ барьеромъ высокихъ горъ или отъ столкновенія со встрѣчнымъ воздушнымъ теченіемъ. При этомъ болѣе тяжелыя частицы осаждаются раньше, чѣмъ болѣе легкія пылинки, и даютъ начало сыпучимъ пескамъ, окаймляющимъ съ юга центральную Азію. Болѣе же легкія пылинки уносятся дальше и наконецъ осаждаются, прибитыя дождемъ или встрѣтивъ болѣе густую травянистую растительность, препятствующую въ значительной степени вторичному поднятію опустившейся пыли. Въ теченіе тысячелѣтій скопляется эта мелкая пыль, и нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ нея образовались толщи суглинка въ двѣсти саженъ и болѣе.

Вотъ эти-то толщи лесса и придаютъ такое своеобразие сѣверо-западному Китаю, въ отличіе отъ южнаго, гдѣ за немногими исключеніями

лесъ отсутствуетъ. Въмѣсто однообразнаго плато, разрѣзаннаго цѣлымъ лабиринтомъ долинъ, ущелій и овраговъ на горы и гривы столовой или округленной формы и обнажающаго въ обрывахъ только лесъ, горы обнаруживаютъ здѣсь неприкрытыя горныя породы, онѣ прорѣзаны глубокими ущельями и поросли богатой кустарниковой растительностью.

Не меньшее различіе между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ наблюдается и въ другихъ отношеніяхъ. Въ то время какъ сѣверный Китай имѣетъ вполне континентальный климатъ съ рѣзко выраженнымъ различіемъ между зимой и лѣтомъ,—наибольшее количество осадковъ выпадаетъ здѣсь въ іюль, наименьшее въ декабрѣ и январѣ,—въ южномъ Китаѣ климатъ болѣе измѣнчивый и осадки менѣе строго приурочены въ опредѣленному времени года, хотя и здѣсь преобладаютъ лѣтніе дожди. Сѣверный Китай есть область пшеницы, проса, хлопчатой бумаги и стручковыхъ растений, южный—страна риса, чайнаго дерева, шелковицы, сахарнаго тростника. Правда, пшеница и стручковыя растения распространены и на югѣ повсемѣстно, но не въ такомъ количествѣ, какъ на сѣверѣ. Въ сѣверной части Китая пашни расположены на поверхности лесоваго плато или по террасамъ долинъ до высоты 8.000 фут., на югѣ земледѣліе прекращается на высотѣ 2.000 фут., и только въ юго-западныхъ провинціяхъ, гдѣ лесъ замѣщаетъ красная глина, земледѣліе возможно по склонамъ горъ до болѣе значительной высоты. Пути сообщенія въ сѣверномъ Китаѣ представлены дорогами, пыльными въ сухое время года и грязными во время дождей; на югѣ, въ гористыхъ мѣстностяхъ, вмѣсто дорогъ мы находимъ тропы, изви- вающіяся надъ обрывами, съ крутыми каменистыми подъемами и спусками, переходящія по животрепещущимъ мостамъ черезъ горныя рѣчки или по балконамъ черезъ тѣснины. Для передвиженія въ сѣверномъ Китаѣ служатъ лошади, мулы, ослы, быки и верблюды; на югѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ съ этою цѣлью употребляютъ муловъ и лошадей, болѣею же частью товаръ и пассажиры передвигаются на вьючныхъ людяхъ: товаръ—на коромыслѣ или на спинѣ, пассажиры—въ носилкахъ. Подъ жгучими лучами солнца, въ дождь или въ холодъ эти несчастные люди тащатъ на себѣ до 4 пудовъ груза, дѣлая по горамъ и долинамъ до 30 верстъ въ день и получая за это копеекъ 20 на своихъ харчахъ.

Зато въ южномъ Китаѣ громадное значеніе для сообщенія населенія имѣетъ развѣтвленная сѣтъ рѣкъ и каналовъ; на сѣверо-востокѣ судоходство хотя и возможно, тѣмъ не менѣе судоходныхъ рѣкъ мало и сообщеніе по нимъ производится на плотамъ и баркахъ самаго грубаго устройства. На сѣверо-западѣ судоходство немислимо, такъ какъ рѣки исполняютъ здѣсь свои русла пескомъ.

Таковы главныя черты различія между южнымъ и сѣвернымъ Китаемъ; рѣзче всего онѣ выражены на сѣверо-западѣ, по слову Цинь-

линь-шаня. Тогда какъ къ его сѣвернымъ склонамъ прилегаютъ пустыня, на югѣ мы находимъ апельсины и пальмы. На востокѣ равнина сѣвернаго Китая переходитъ по обѣимъ сторонамъ горъ въ равнину южнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ступенчатая и различія: лесъ и культура хлопка проникаютъ въ южную часть Китая.

Пекинъ.

(Пясецкаго.)

До столицы остается всего одинъ переѣздъ. И какъ я доволенъ, что не вчера ночью, а сегодня утромъ выѣзжаемъ въ Бей-Цзинь ¹⁾.

Утро стоитъ знойное. Мы проѣзжаемъ то улицами селеній, съ ихъ лавками, харчевнями и выѣсками, то полями, мимо фермъ, кладбищъ и деревень, стоящихъ подъ тѣнью восточныхъ туй, можжевелниковъ и плакучихъ ивъ; и онѣ такъ часты, что, мнѣ кажется, я ѣду все по одному огромному имѣнью съ безчисленными хозяйственными и жилыми постройками.

Наконецъ, передъ нами открылась длинная улица предмѣстья Пекина, Дань-По, широкая, просторная, но очень грязная, по причинѣ недавнихъ дождей; а въ глубинѣ ея явилась и величественная стѣна столицы съ возвышающимся здѣсь надъ нею огромнымъ и оригинальнымъ бастиономъ. Въѣхавъ въ улицу предмѣстья, я сразу почувствовалъ рѣзкую переѣмку въ воздухѣ, который здѣсь наполненъ такими противными испареніями, что было бы хорошо на время потерять обоняніе; зато какая любопытная картина для глазъ, какая неизобразимая нестрога! Китайцы, почти исключительно мужчины, въ бѣлыхъ одеждахъ, полуголые или почти голые, спуютъ во всѣхъ направленіяхъ; разныхъ возрастовъ дѣти, старики, нянчащіе ребятъ, ослы, лошади, мулы,—все слилось и толчется на мѣстѣ или движется съ шумомъ и гамомъ; всюду лавки съ разнымъ товаромъ,—отъ каменнаго угля, гробовъ и мяса до предметовъ туземной роскоши; дымятся харчевни и кузницы; продавцы всякой всячины ходятъ со своимъ товаромъ и стучатъ, поютъ или кричатъ каждый свое для привлеченія къ себѣ вниманія покупателей, другіе ѣдятъ и пьютъ. Жалкіе, отверженные гости на земномъ пиру—нищіе, съ страшными лицами и косматыми головами, выпрашиваютъ милостыню; посреди улицы упала и издыхаетъ лошадь; резуль-

¹⁾ Хотя описаніе Пекина въ статьѣ Пясецкаго и относится къ серединѣ семидесятихъ годовъ минаувшаго столѣтія, но общій обликъ города и характеръ уличной жизни мало измѣнились съ тѣхъ поръ; новыми фактами является только проведеніе желѣзной дороги въ Пекинъ, лучшее знакомство европейцевъ съ Запретнымъ городомъ и возведеніе новыхъ сооружений на землѣ, предоставленной посольствамъ европейскихъ державъ, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ.

или стоять спокойно верблюды, поглядывая на все своим кротким и несколько надменным взглядом и задумчиво пережевывая в сотый раз свою жвачку. Солнце ярко освещает и печет своими лучами этот оживленный базар, эту шумную толкучку, этот муравейник, через который мы проѣзжаем верхом и все приближаемся къ высокой кирпичной стѣнѣ, пока совершенно скрывающей от нас жизнь интереснаго города.

Теперь ясно, съ подробностями, рисуется передъ нашими глазами упомянутая величественная башня съ четырьмя рядами амбразуръ, изъ которыхъ должны бы грозно глядѣть на приближающихся жерла пу-

Пекинская стѣна.

шекъ; но всѣ амбразуры пусты, а въ двухъ или трехъ вставлены лишь деревянные щиты, на которыхъ нарисованы черные кружки съ краснымъ ободкомъ, долженствующіе изображать собою дула орудій и какъ бы объясняющіе, для чего сдѣланы въ башнѣ какъ эти, такъ и всѣ остальные окошечки. Наконецъ, мы у основанія стѣны, служащей подножіемъ описанной башни. Окружающая Пекинъ стѣна такъ высока, что, стоя даже не очень близко къ ней, нужно сильно поднять голову, чтобы увидѣть ея верхній зубчатый край. У основанія ея вырытъ каналъ, который, такъ же какъ и она, окружаетъ столицу со всѣхъ сторонъ, и черезъ него здѣсь перекинутъ мостъ; за нимъ пошла гладкая дорога, сложенная изъ большихъ каменныхъ плитъ. Далѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стѣна образуетъ округленный поворотъ, эта дорога рас-

ширилась въ площадь, на которой толпился народъ и продавались фрукты и всякій старый хламъ.

Обогнувъ упомянутый полукруглый выступъ стѣны, мы въѣхали черезъ гигантскія ворота, показывающія страшную толщину ея, во дворъ, который также обнесенъ со всѣхъ сторонъ стѣною, одинаковой высоты съ вѣшнею; на немъ растутъ деревья и стоитъ бумирня, изящная крыша которой покрыта желтой черепицей; этотъ желтый императорскій цвѣтъ напомнилъ намъ, что мы находились въ резиденціи богдыхана. Изъ дворца повернули налѣво, черезъ другія ворота, и теперь вступили въ столицу ¹⁾).

Тутъ мостовая...читатель думаетъ, стала гораздо лучше,—вѣтъ, она кончилась сейчасъ за воротами, и за нею пошла просто земляная, пыльная дорога. Широкая улица, обставленная двумя непрерывными рядами одноэтажныхъ домиковъ, которые заняты исключительно лавками, была занята народомъ, пѣвшимъ или ѣхавшимъ—по преимуществу верхомъ на ослахъ, гремящихъ вадѣтymi на нихъ бубенчиками и оглащающихъ воздухъ своимъ отвратительнымъ ржаньемъ. Кромѣ двигающагося народа, на скамеечкахъ сидятъ подъ огромными зонтиками и навсами множество продавцовъ съ фруктами и разными готовыми кушаньями, разставленными въ чашкахъ или разложенными на лоткахъ, и все это, конечно, покрывается толстѣйшимъ слоемъ пыли, осѣдающей изъ воздуха, который переполненъ ею до густоты. Далѣе ряды лавокъ прервались, и въ улицѣ вѣтъ ни того многолюдства, ни того раздражающего уши разнороднаго шума. Изъ воротъ невзрачныхъ и на видъ пустыхъ домовъ выглядываютъ жители—мужчины, а иногда и женщины, толстыя, набѣлненыя и некрасивыя, а такъ же хорошенькія, молоденькія дѣвушки; изъ разносчиковъ тутъ встрѣчались только продавцы цвѣтовъ.

Двигаясь далѣе, мы подъѣхали къ огромной, заново раскрашенной башнѣ, въ окраскѣ которой преобладалъ красный цвѣтъ. Она деревянная, на каменномъ фундаментѣ, въ которомъ черезъ перекрещивающіеся пролеты проходить крестомъ двѣ улицы. Кругомъ ея верхняго этажа обходитъ галлерей, подъ навѣсомъ изогнутой черепичной крыши, поддерживаемой деревянными колоннами; выше находится еще этажъ, меньшей вышины, безъ галлерей, а лишь съ одними окнами, закрытыми рѣшетками, и надъ ними вторая черепичная крыша, высокая и изящно отдѣланная. Отъ этой башни мы повернули направо въ другую улицу, и она представила самую любопытную картину, какую я когда-либо видѣлъ.

Средина улицы представляется возвышенною въ видѣ насыпи или вала около сажени вышины, такъ что ѣдущій здѣсь, особенно верхомъ,

¹⁾ Такъ же воротъ для въѣзда въ нее и съ такими же башнями надъ ними существуетъ шестнадцать. *Примеч. автора.*

находится на значительной высотѣ и смотритъ на стоящіе по бокамъ одноэтажные дома нѣсколько сверху. Здѣсь опять почти каждый домъ выходитъ на улицу лавкою или магазиномъ, и фасады послѣднихъ отдѣланы съ поражающею, совершенно своеобразною роскошью: весь фасадъ дома, напримѣръ, представляетъ ажурную рѣзбу по дереву, вызолоченную или только покрытую лакомъ; узоры ея чрезвычайно сложны и разнообразны: на однихъ домахъ изображены въ фигурахъ цѣлыя поэмы, другіе украшены букетами и гирляндами цвѣтовъ, красиво сгруппированными фруктами или вѣтками и листьями, на третьихъ представлены разные звѣри, птицы и другія животныя или просто арабески того или другого стиля. Издали эти изящные фасады магазиновъ, особенно вызолоченные, чрезвычайно похожи на иконостасы нашихъ церквей. Разсматривая подробно ихъ, дивисься искусству и терпѣнію рѣзчиковъ, а съ другой стороны приходишь къ заключенію, что, значить, эта рѣзная работа, которая у насъ такъ высоко цѣнится, здѣсь вовсе не дорога, если подобныя сокровища выставляются прямо на улицѣ, снаружи, гдѣ они подвергаются пыли и дождю.

Но вотъ другая характерная особенность Великой Столицы: рядомъ съ описанными блестящими и раззолоченными магазинами (или собственно противъ нихъ) тянется линія балагановъ, прикрытыхъ какими-то тряпками, въ родѣ одѣялъ нищихъ; а на землѣ повсюду грязь, соръ и всякая рухлядь; въ этомъ ряду помѣщаются мясныя, зеленныя и другія лавки, каждая со своими вывѣсками, самыхъ разнообразныхъ формъ, цвѣтовъ и значеній, а именно: висящія разноцвѣтныя доски съ надписями, бумажная бахрома, цвѣтныя перья, куски матерій, столбы съ различными фигурами и проч. И буквально нѣтъ ни одной сажени, на которой бы не было людей.

Далѣе мы подѣхали къ новой стѣнѣ, но улица продолжалась, проходя черезъ двойныя ворота Хоу-Мынь. Здѣсь на открытомъ воздухѣ, только подъ широкимъ навѣсомъ этихъ воротъ, расположенъ ресторана, ведущій, какъ видно, весьма оживленную торговлю. Вотъ какъ онъ устроенъ: въ промежуткѣ между двумя проѣздами стоятъ большіе столы съ разными горячими кушаньями, фруктами, чайниками съ горячей водой и множествомъ разной посуды: это—буфетъ. Въ другихъ мѣстахъ, по сторонамъ проѣзжей дороги, разставлены столики для посѣтителей, и многочисленная прислуга снуютъ на самой дорогѣ, перебѣгая отъ одного столика къ другому, выслушивая заказы и исполняя требованія гостей, которые тутъ ѣдятъ и пьютъ.

Мы проѣзжаемъ черезъ ресторана верхомъ и такъ близко отъ самыхъ столовъ, что того и гляди задѣнешь кого-нибудь изъ посѣтителей или стащешь у него ногою тарелку съ кушаньемъ. Тутъ же черезъ этотъ оригинальный ресторана безпрестанно проѣзжаютъ тележки. Въ

воздухъ стоитъ пыль, кухонный чадъ и табачный дымъ; откуда-то пахнеть опиумъ; всё говорятъ каждый свое, и каждый говорить, какъ кричить, потому что иначе даже ближайшій сосѣдъ ничего не услышитъ.

Черезъ эти ворота мы вступаемъ въ такъ называемый Императорскій городъ, т.-е. въ центральную часть Пекина, обнесенную со всѣхъ сторонъ особенною стѣной, а въ глубинѣ улицы, которую окаймляютъ съ боковъ низкія зданія казармъ для манчжурскихъ войскъ, тянется поперекъ розовая стѣна, окружающая, слѣдовательно, третій внутренней четырехугольникъ, такъ называемый Запрещенный городъ, — Циньчэнь, и скрывающая отъ глазъ простыхъ смертныхъ всего міра таинственную обитель богдыхановъ—дворцы и сады Сына Неба, какъ величаютъ китайцы своего императора. Эта розовая стѣна наполовину облитая, штукатурка ея обвалилась, по своему верхнему краю она одѣта темно-желтой эмалированной черепицей, во многихъ мѣстахъ перебитой и упавшей; а фундаментъ ея опускается въ воду канала, окружающаго Запрещенный городъ также со всѣхъ сторонъ.

Изъ-за стѣны видны лишь деревья да изящныя крыши нѣкоторыхъ дворцовыхъ зданій, стоящихъ отдѣльными павильонами. Далѣе надъ стѣною поднимается невысокая, искусственно сдѣланная горка, на которой устроены три бесѣдки съ разнообразными крышами изъ синей и желтой эмалированной черепицы. Эта горка, какъ гласитъ исторія, вся состоитъ изъ каменнаго угля, представляющаго тотъ запасъ топлива, который былъ сдѣланъ для дворцовъ во время осады Пекина манчжурами. На ней же лишилъ себя жизни послѣдній императоръ минской династіи.

Итакъ, путешественникъ можетъ видѣть: только упомянутый каналъ съ мраморной оградой и нѣсколькими такими же мостами черезъ него, стѣну, верхушки деревьевъ, крыши нѣкоторыхъ зданій и упомянутыя три бесѣдки; но онъ не увидитъ изъ-за стѣны ни одного человека и не составитъ себѣ ни малѣйшаго понятія о совершающейся за нею жизни. А близость ея только усиливаетъ желаніе познакомиться со всѣми ея подробностями, и я чувствую себя неудовлетвореннымъ. Со-всѣмъ не таково было мое представленіе, созданное по описаніямъ и китайскимъ картинамъ: я никакъ не представлялъ себѣ дворца китайскаго императора, во-первыхъ, въ такой степени скрытымъ за стѣнами; во-вторыхъ, не ожидалъ увидать вокругъ, вблизи самаго дворца, такой запущенности и упадка, такого неприбраннаго вида,—напримѣръ, разрушающихся старыхъ зданій, готовыхъ упасть деревьевъ, толпы приотвѣвшихъ тутъ же грязныхъ нищихъ и т. п. Я зналъ о разрушеніи и упадкѣ китайской столицы, но не думалъ, что они достигли такой степени.

На слѣдующій день я проснулся рано и, по усвоенному мною обычаю, спѣшилъ забраться на какой-нибудь возвышенный пунктъ, чтобы съ него осмотрѣть городъ и оглядѣться въ немъ. Мнѣ совѣтовали совершить для этой цѣли прогулку по стѣнѣ, раздѣляющей Пекинъ на два большихъ отдѣла—манчжурскій, или татарскій, городъ и китайскій. Г. Поповъ, драгоманъ русскаго посольства, предложилъ быть моимъ руководителемъ, и мы отправились вмѣстѣ.

Пекинскія городскія стѣны имѣютъ тридцать футовъ вышины и двадцать пять ширины въ основаніи, къверху же нѣсколько суживаются; на нихъ входить по особеннымъ, для этой цѣли устроеннымъ, откосамъ или спускамъ, при входѣ на которые находятся всегда запертыя ворота, но за ассигнацію, равняющуюся нѣсколькимъ тысячамъ чохъ, по пекинскому счету, а на наши деньги копейкамъ пятнадцати, привратникъ открылъ ихъ и пропустилъ насъ безъ всякихъ препятствій и предосторожностей. Скоро мы уже шли по широкой, одѣтой квадратными плитами, верхней площади стѣны, мѣстами густо заросшей травой и кустарникомъ, мѣстами покрытой дѣвственными; и я, смотря оттуда на зелень почти непрерывныхъ садовъ, въ которыхъ мелькали крыши домовъ, забывалъ, что иду по стѣнѣ многолюднаго Пекина, а не по дорожкѣ въ какомъ-нибудь паркѣ.

Долго шли мы по стѣнѣ, все въ одномъ направленіи, и я все ожидалъ, когда же наконецъ откроется передо мною столица во всемъ ея величіи, о которомъ мнѣ такъ много рассказывали май-май-чэнские китайцы, да и не они одни.

Когда же я увижу зеркальныя воды ея обширныхъ прудовъ и чюдеса китайской архитектуры, ея волшебные сады съ дворцами, балконами, мостами и бесѣдками, какіе являются европейцамъ въ ихъ воображеніи? Смотрю во всѣ стороны, ищу глазами того изящества, роскоши и красоты, какими щеголяютъ другія столицы,—ищу, но ничего говорящаго о нихъ, о резиденціи Сына Неба, не вижу.

Спутникъ наконецъ указалъ мнѣ на дворецъ богдыхана. Но я не хотѣлъ вѣрить ни его словамъ, ни своимъ глазамъ: до такой степени то, что было видно отъ дворца, не отвѣчало моему ожиданію и представленію; я досадовалъ на то, что видно такъ мало и что увидать остальнаго невозможно ни подъ какимъ предлогомъ. Приходилось довольствоваться описаніями и создавать себѣ какіе угодно образы на слѣдующія темы: «Сѣни Обширнаго Мира», «Сѣни Совершеннаго Спокойствія», «Сѣни Прочнаго Мира», «Спокойный Дворецъ Неба», «Дворецъ Земнаго Отдохновенія» или «Дворецъ Супруги Неба», «Дворецъ Напряженія Мыслей», «Храмъ Великаго Счастія» и другія подобныя названія зданій Запрещеннаго города. Если же вы, читатель, придете на то мѣсто внутренней пекинскій стѣны, гдѣ я стою въ настоящую

минуту и откуда всего виднѣе доступныя части дворца, то вы увидите лишь слѣдующее: заросшую травою площадь, черезъ которую проходить вымощенная каменными плитами дорога, ведущая черезъ довольно неуклюжее зданіе, въ родѣ сарая съ тройными воротами, на слѣдующій дворъ; увидите этотъ дворъ, также обнесенный стѣною, также съ каменною дорогою посрединѣ и со вторымъ подобнымъ, но болѣе красивымъ зданіемъ, имѣющимъ также трое воротъ; за нимъ виднѣются сады, и между деревьями возвышается рядъ углубляющихся въ перспективу зданій, съ довольно огромными крышами желтаго, зеленаго и сянго цвѣтовъ. Вотъ и все; но и это малое доступно глазу наблюдателя лишь въ общихъ чертахъ, потому что большое разстояніе мѣшаетъ видѣть какія-либо подробности. А всѣ ворота назаперти.

Спутникъ мой указалъ еще на немногія лучшія зданія города, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ домовъ; но они отстоятъ очень далеко отсюда и виднѣлись въ туманѣ. Кромѣ же этихъ немногихъ зданій, глазу рѣшительно не на чемъ остановиться. Пекинъ, разсматриваемый съ высоты, даже вовсе не имѣетъ характера города, и только по уходящимъ въ даль стѣнамъ да отдаленности возвышающихся на нихъ башенъ и деревьевъ можно судить о его значительной величинѣ; видномъ же своимъ онъ скорѣе походитъ на пригородъ или подгородное село, весьма богатое садами, между которыми разбѣяны дома съ сѣрыми крышами и такія же ограды. Отсюда же можно видѣть, что Пекинъ стоитъ среди огромной равнины, на сѣверной и западной окраинахъ которой возвышается вдали хребетъ Инъ-шань.

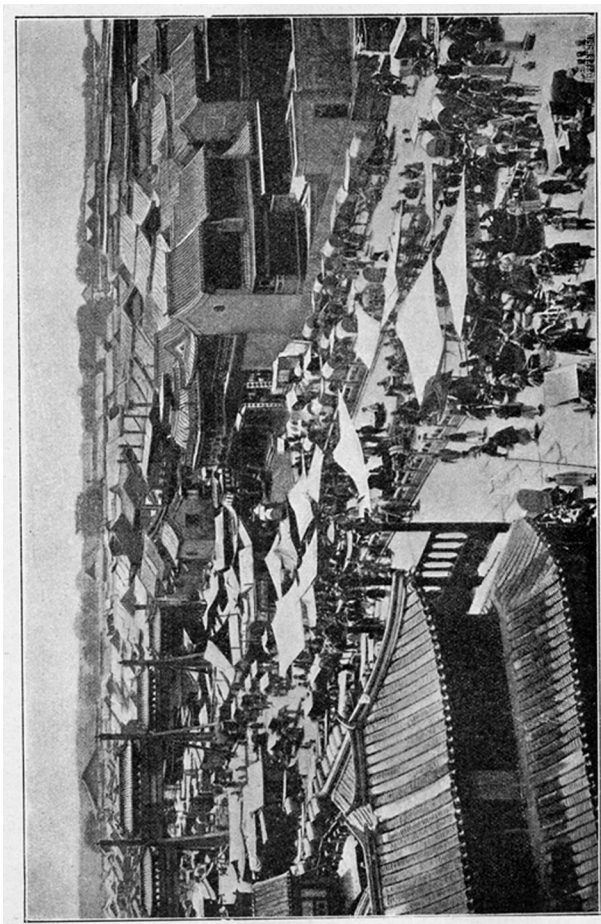
Мы прошли верстъ пять вдоль стѣны, миновавъ нѣсколько устроенныхъ на ней домиковъ, въ которыхъ живутъ караульщики, для охраненія здѣсь... не знаю чего; при этихъ домикахъ находятся дворики, цвѣтники и содержатся нѣкоторые домашнія животныя.

Стѣна настолько высока, что городской шумъ, когда находишься на ней, слышенъ слабо, а потому я черезъ нѣсколько времени услышалъ странные, довольно нѣжные дрожащіе звуки, которые лились откуда-то сверху. Я долго искалъ ихъ источника, и спутникъ мой, замѣтивъ это, объяснилъ, что оригинальную музыку, которую я слышу, производятъ летающіе надъ нами вертящіеся голуби, благодаря особаго рода свисткамъ, прикрѣпленнымъ къ ихъ хвостамъ. Свистки эти дѣлаются изъ самаго легкаго материала, представляютъ большое разнообразіе въ величинѣ, формѣ по числу свистящихъ трубочекъ, которыхъ бываетъ отъ трехъ до семи въ каждомъ; а принципъ вездѣ одинъ и тотъ же, т.-е. обыкновеннаго свистка; звуки же происходятъ отъ сопротивленія воздуха во время быстрого полета голубей. Для прикрѣпленія ихъ расщепляютъ одно изъ хвостовыхъ перьевъ и, продѣвъ черезъ эту щель тонкую ножку свистка, имѣющую маленькую дырочку, вкладываютъ въ послѣднюю

тоненькій клинушекъ въ родѣ колесной чеки. Первоначально, говорятъ, эти свистки имѣли другое назначеніе, а именно предохраненіе голубей отъ хищныхъ птицъ, а потомъ превратились въ оригинальные музыкальные инструменты. Пекинцы, какъ видно, большіе охотники до этой музыки, потому что почти во всѣхъ концахъ столицы раздается этотъ дрожащій мелодичный свистъ, не лишенный нѣкоторой прелести.

Возвращаясь назадъ, мы остановились у одной изъ башенъ, построенной надъ воротами, черезъ которыя проходитъ самая главная улица Пекина Хо-Да-Мынь. Она была переполнена людьми всякаго рода, и въ это время по ней проходила богатая похоронная процессія; мы остались тутъ, пока вся она не прошла передъ нашими глазами. Процессія растянулась по крайней мѣрѣ на версту, но она не представляла одной непрерывной массы людей, а всѣ участвовавшіе въ ней шли отдѣльными группами на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, каждая въ своей особенной роли: одни несли какіе-нибудь символическіе знаки—флаги, зонтики особаго рода, какъ выраженіе извѣстнаго званія покойнаго; другіе имѣли въ рукахъ мѣдное «ло», въ которые колотили весьма усердно палками, но даже звуки мѣди не могли заглушить раздирающаго душу воя наемныхъ плакальщицъ; третьи сопровождали два паланкина и экипажъ, принадлежавшіе умершему; четвертая группа, наконецъ, неслла его тѣло въ гробу подъ балдахномъ, уставленнымъ на огромныхъ тяжелыхъ носилкахъ. Въ этой послѣдней группѣ участвовало человѣкъ шестьдесятъ, которые всѣ были одѣты въ одинаковое платье зеленого цвѣта съ большими кругами яркихъ цвѣтовъ. За гробомъ въ нѣсколькихъ повозкахъ ѣхали родственники и друзья покойнаго въ бѣлыхъ, т.-е. траурныхъ, одеждахъ. Это зрѣлище, печальное по своему существу, имѣло по вѣшнему виду скорѣе веселый торжественный характеръ: столько здѣсь было громкихъ звуковъ, столько блеска и яркихъ цвѣтовъ, необыкновенно оживлявшихъ картину; и самый катафалкъ былъ наряднѣе всего: онъ весь былъ обитъ пунцовой шелковой матеріей, а наверху и по угламъ имѣлъ позолоченныя украшенія, отъ которыхъ расходились на четыре стороны плоскія и широчайшія, также позолоченныя цѣпи, поддерживаемыя людьми.

Почти всѣ вещи для этихъ процессій берутся напрокатъ, какъ, напримѣръ, катафалкъ, символы, одежда для участвующихъ въ процессіи людей, точно такъ, какъ и самыя эти люди занимаютъ изъ уличныхъ нищихъ. Похороны для нихъ—истинный праздникъ, потому что въ этотъ день они будутъ накормлены и, кромѣ того, пройдутся по городу въ нарядныхъ одеждахъ. На свои тряпки или почти голое тѣло они надѣваютъ нарядное ярко-цвѣтное платье; украшаютъ свои большую часть шаршивыя головы форменными шляпами и, довольные

Улица въ Пекинѣ.

какъ своимъ щегольскимъ костюмомъ, такъ предстоящими «чы-фань» (обѣдомъ) и денежнымъ вознагражденіемъ, они весело идутъ вдоль улицы, часто довольно откровенно смѣясь и заигрывая между собою.

Въ одну изъ другихъ нашихъ прогулокъ намъ довелось познакомиться съ однимъ изъ обычныхъ явленій пекинской жизни—съ поливаніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе пыльных столичныхъ улицъ. Какъ въ поливаніи улицъ вообще, такъ и въ китайскомъ способѣ производить его нѣтъ ничего особеннаго; но дѣло въ томъ, что здѣсь оно производится тою водой, которая собирается въ лужахъ, стоящихъ по сторонамъ упомянутого выше средняго возвышенія. Эти лужи набираются во время дождей, и вода въ нихъ, постоянно пополняемая разными помоями и другими жидкостями, стоитъ цѣлое лѣто. Онѣ являются такимъ образомъ открытыми помойными ямами, и судите сами, какова должна быть въ нихъ вода. Отъ разросшихся водорослей она имѣетъ ярко-зеленый цвѣтъ и содержитъ огромное количество всякаго рода органическихъ примѣсей, которыя разлагаются въ ней и образуютъ различные газы, собирающіеся въ видѣ пузырей подъ пленкой, которая покрываетъ ихъ поверхность, такъ что подъ ней не сразу угадаешь присутствіе воды. Последняя до того грязна и насыщена всякими гадо-стями, что кажется на видъ густою; пока она стоитъ неподвижно, такъ сказать, подъ своей корой, последняя препятствуетъ газамъ выдѣляться и подниматься въ воздухъ.

И вотъ по вечерамъ, когда поднятая съ улицъ густѣйшая пыль стоитъ въ воздухѣ и душитъ людей, они принимаютъ противъ нея мѣры посредствомъ поливанія дороги... но чѣмъ?—только что описанной водой изъ упомянутыхъ лужъ! И не испытывъ того, что бываетъ слѣдствіемъ этой поливки, нельзя себѣ представить всего ужаса того смрада, какой распространяется тогда въ воздухѣ. Скажу только, что обыкновенный, то-есть всегда болѣе или менѣе зловонный, воздухъ пекинскихъ улицъ показался бы чистѣйшимъ воздухомъ полей въ сравненіи съ тою удушающею и производящею тошноту атмосферой, какую производитъ это убійственное «гигіеническое мѣропріятіе». Мнѣ кажется, что никогда прежде обонаніе мое не страдало въ такой степени, какъ здѣсь, въ этихъ улицахъ, во время или послѣ поливки ихъ; мнѣ казалось, что можно задохнуться здѣсь отъ зловредныхъ газовъ, и я старался какъ можно скорѣе, не дыша, проѣхать политое пространство.

А китайцы, повидимому, были совершенно равнодушны къ этой неизобразимой вони и какъ будто вовсе не замѣчали ея. Вотъ странные или скорѣе, несчастные люди! Имъ, разумѣется, не проходитъ даромъ подобные эксперименты надъ своимъ здоровьемъ и жизнью: частыя эпидеміи оспы и тифа уносятъ постоянно большое количество жертвъ, а глазами болѣзнями страдаетъ чуть не большая половина населенія.

Да, Великая Столица Востока требует немедленного и радикального обновления... А во время оно в ней была устроена замѣчательная система водосточныхъ трубъ и водопроводовъ, остатки которыхъ еще и теперь можно видѣть кое-гдѣ. Они представляются въ видѣ каналовъ, не очень глубоко лежащихъ подъ землей, но обложенныхъ каменными плитами, скрѣпленными цементомъ. Въ Пекинѣ все приходитъ въ страшный упадокъ, судя по тому, что здѣсь встрѣчаешь на каждомъ шагу, — рядомъ золото и грязь, дорогую рѣзбу и падающія зданія, изящнѣйшіе мраморные барельефы и жалкія развалины; и остатки старины вездѣ величественнѣе, богаче, изящнѣе, чѣмъ позднѣйшія произведенія архитектуры и искусства.

К и т а й ц ы.

(Обручева.)

Наружность китайца въ большинствѣ случаевъ мало привлекательна. Оставляя въ сторонѣ немногочисленныя исключенія, мы у преобладающей массы находимъ лицо грязно-желтаго цвѣта, широкое и плоское, съ выдающимися скулами; носъ приплюснутый, глаза косо поставленные, узкіе, темно-каріе; ротъ большой и очень часто постоянно разинутый, что придаетъ всей физиономіи глупое выраженіе; растительность на лицѣ скудная, волосы черные, довольно жесткіе, заплетенные у мужчинъ въ косичку съ шелковымъ шнуромъ на концѣ для удлиненія ея, у женщинъ свернутые въ шиньонъ, фасонъ котораго мѣняется смотря по мѣстности. Мужчины бреютъ всю переднюю часть головы, виски и затылокъ, оставляя волосы на макушкѣ; голова свѣже-выбритатаго и причесаннаго китаецъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто на макушкѣ прилеенъ небольшой парикъ съ косичкой. Во время глубокаго траура голову и лицо не бреютъ, въ обыкновенное же время эта операція и причесываніе косы производится разъ въ недѣлю или рѣже, такъ какъ требуетъ помощи цирюльника; потому прическа китаецъ, особенно простолюдина, обыкновенно растрепана. Ноги и руки у китаецъ не велики, а руки у лицъ привилегированнаго класса вооружены длиннѣйшими ногтями, прямо показывающими, что обладателю ихъ незнакома черная работа.

Одежда простолюдина-крестьянина, ремесленника и чернорабочаго состоитъ изъ короткой куртки, похожей на женскую кофту, но съ болѣе длинными рукавами, и изъ широкихъ неуклюжихъ шароваръ, обыкновенно обмотанныхъ у щиколки тесемкой. Это одѣяніе шьется изъ сильной бумажной матеріи мѣстнаго производства и въ холодное время года подбивается валой; гѣтомъ же многіе, особенно крестьяне, носятъ болѣе просторныя кофты и короткія шаровары изъ такой же матеріи, но

бѣлаго цвѣта. Болѣе состоятельные люди—купцы, чиновники—поверх той же кофты надѣваютъ халатъ, спускающійся ниже колѣнъ, изъ тонкой матеріи синяго, сѣраго или чернаго цвѣта и сверхъ него еще одну кофту, съ рукавами или безъ нихъ; такой же халатъ и кофта составляютъ парадную одежду простолюдина, а у богатыхъ людей парадная одежда шьется изъ шелковой матеріи различнаго достоинства и цвѣта. Считается хорошимъ тономъ надѣвать поверхъ обыкновенныхъ шароваръ еще другія, короткія, также обвязанныя тесемочкой у шиколки и поддерживаемыя тесемочкой у пояса. Ноги обуты въ короткіе чулки, сшитые изъ бумажной матеріи и подбитые ватой въ зимнее время или сдѣланные изъ бараньяго мѣха; обувь состоитъ изъ туфель, сшитыхъ изъ бумажной матеріи, съ толстыми подошвами изъ кожи или войлока, съ носками, нѣсколько загнутыми вверхъ. Парадная или дорожная обувь представляетъ сапоги на еще болѣе толстой подошвѣ, сшитые изъ бумажной плотной матеріи или изъ бархата чернаго цвѣта, тогда какъ подошвы бѣлыя; лѣтомъ простой народъ и солдаты носятъ обыкновенно сандалии изъ соломы или веревокъ, очень легкія и удобныя для хожденія по горами, особенно во время дождя, когда обыкновенныя туфли быстро размокаютъ и портятся; вообще китайская обувь, кромѣ сандалій, тяжела и неудобна.

Головной уборъ при обыкновенной одеждѣ часто отсутствуетъ или состоитъ изъ синяго бумажнаго платка, обвязываемаго по-бабьи вокругъ головы, при чемъ и косича обматывается поверхъ платка; поэтому безусый и безбородый китаецъ въ длинномъ халатѣ, туфляхъ и съ такимъ головнымъ уборомъ совершенно напоминаетъ бабу. Въ сильный жаръ или во время дождя простолюдины одѣваютъ соломенную шляпу съ широчайшими полями, которая замѣняетъ зонтикъ; приличнымъ головнымъ уборомъ считается круглая шапочка изъ чернаго тонкаго атласа съ черной, синей или красной пшпкой, сплетенной изъ шелковыхъ нитокъ или конскаго волоса. При парадной одеждѣ полагается и парадная шляпа, лѣтомъ—соломенная въ видѣ шляпки гриба съ красной шелковой кистью, зимой—черная поярковая круглая, съ отогнутыми вверхъ полями и такою же кистью; у чиновниковъ еще съ шарикомъ различнаго цвѣта и состава—смотря по чину, а у высшихъ классовъ и съ павлиньимъ перомъ съ однимъ, двумя или тремя очками. Шляпы и шапки не снимаютъ и въ комнатахъ, а съ другой стороны, крестьяне и чернорабочіе часто работаютъ цѣлый день подъ жгучими лучами солнца безъ всякаго головного убора.

Женская одежда состоитъ у всѣхъ классовъ изъ такихъ же шароваръ и кофты, какъ и у мужчинъ, только кофты нѣсколько длиннѣе; парадная же одежда представляетъ юбку, надѣваемую какъ передникъ, и болѣе длинную и широкую кофту съ широкими рукавами взаменъ

узких обыкновенной одежды. Последняя шьется из такой же бумажной материи, как у мужчин, часто синяго, иногда краснаго или зеленаго цвѣта, парадная же одежда изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, украшенныхъ еще обшивкой изъ лентъ и вышивокъ. Шивонъ украшается цвѣтами и серебряными булавками и пластинками, обыкновенно же головной уборъ отсутствуетъ или замѣняется чернымъ платкомъ; шляпы носятъ только простолюдинки и не во всѣхъ мѣстностяхъ; серьги, кольца и браслеты, мѣдные и серебряные, рѣдко золотые, въ большомъ употребленіи, также бѣлила, румяна и сурьма для украшенія лица.

Вслѣдствіе китайскаго обычая уродовать женскія ноги, обувь женщинъ отличается отъ мужской и состоитъ изъ бинта, которымъ крѣпко обматывается изуродованная нога, и изъ миниатюрныхъ туфель съ совершенно остроконечнымъ носкомъ и подошвой, которая часто не длиннѣе вершка. Для китайца чѣмъ меньше ножка, тѣмъ выше цѣнится ея обладательница, и при заключеніи брачнаго контракта часто больше вниманія обращается на миниатюрность ноги, чѣмъ на красоту лица или достоинство характера; въ европейцѣ же эта изуродованная нога, лишенная икры и обмотанная бинтомъ отъ колѣна, возбуждаетъ только жалость и отвращеніе, напоминая скорѣе копыто животнаго, чѣмъ ногу человѣка.

Вообще, если китаецъ въ туфляхъ, въ длинномъ халатѣ съ косою походою болѣе на женщину, чѣмъ на мужчину, то китаянка въ обыкновенномъ костюмѣ—неуклюжихъ шароварахъ и мѣшкообразной кофтѣ—не представляетъ ничего граціознаго, привлекательнаго, а разряженная въ шелковое платье, густо набѣленная и нарумяненная напоминаетъ куклу съ безжизненнымъ плоскимъ лицомъ. Изъ-за изуродованныхъ ногъ походка у китаянки некрасивая, козя, и при ходьбѣ китаянка для равновѣсія широко разставляетъ руки и балансируетъ ими, а старухи опираются на палку.

Такимъ образомъ уже внѣшній видъ китайца мало располагаетъ въ его пользу, но близкое знакомство съ особенностями этого народа еще увеличиваетъ это неблагоприятное впечатлѣніе. Не перечисляя всѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ качествъ китайской расы, я остановлюсь только на тѣхъ, которыя особенно характеризуютъ ее.

Важнѣйшее изъ нихъ, именно то, которое создало и поддерживаетъ великую стѣну—въ переносномъ смыслѣ—ограждающую Китайъ отъ воздействия на него европейской культуры, это качество—китайское самонадеяннѣе и убѣжденіе въ собственномъ превосходствѣ. Китаецъ увѣренъ, что все китайское лучше не китайскаго, и не въ состояніи представить себѣ, что на свѣтѣ есть что-либо другое превосходнѣе его род-

ного. Вображая себя совершеннымъ, китаецъ естественно питаетъ отвращеніе къ мысли о преобразованіи, тѣмъ болѣе, что непрощеннымъ реформаторомъ является «заморскій чортъ», какъ въ Китаѣ величаютъ европейцевъ; на послѣднихъ китаецъ смотритъ со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и презрѣнія, какъ мы смотримъ на клоуна или фокусника, удивляясь ихъ ловкости, но не думая приравливать ихъ къ себѣ. За европейцемъ китаецъ признаетъ практическую смекалку и техническія познанія, готовъ пользоваться его услугами для реорганизациіи арміи и флота, для устройства арсенала или фабрики, но онъ никогда не повѣритъ, что государственный строй въ Европѣ лучше, правосудіе устроено правильнѣе и гуманнѣе, философія и религія глубже и т. п. Консерватизмъ китаецъ переходитъ въ косность, онъ благоговѣетъ передъ стариной и черпаетъ въ ней указанія и совѣты для настоящаго; онъ страшится реформъ, какъ бѣдствія, и оцѣняетъ въ своей своеобразной культурѣ, давно отжившей свое время.

Второе качество китаецъ—его выносливость и неприхотливость. Несмотря на небезопасность и бѣдственное положеніе большинства, несмотря на вѣчную упорную борьбу за существованіе, китаецъ терпѣливо переноситъ настоящее, не тревожась о будущемъ; а когда приходится слишкомъ туго на родинѣ, они не прибѣгаютъ къ стачкамъ или бунтамъ, какъ европейскій рабочий, а эмигрируютъ въ другую провинцію или за границу, гдѣ являются грозными конкурентами для мѣстныхъ рабочихъ, такъ какъ хотя въ споровѣхъ и напряженности физическаго труда они уступаютъ бѣлой расѣ, но зато довольствуются такой ничтожной платой и такими мизерными условіями жизни, съ какими никогда не помирится бѣлый рабочий. И повсюду китаецъ не сливается съ пріютившими его иноплемениками, а остается китаецемъ; вездѣ онъ устраиваетъ свои кварталы со своими хлѣвообразными жилищами и нечистой, свои съѣстные лавочки, кабачки и притоны для куренія опиума, вездѣ сохраняетъ свой національный костюмъ и привычки; и все-таки его тянетъ на родину, онъ эмигрируетъ безъ семьи и, накопивъ денегъ, возвращается назадъ, чтобъ умереть на землѣ своихъ предковъ; даже трупы китаецевъ, умершихъ на чужбинѣ, препровождаются на счетъ родственниковъ или благотворительныхъ обществъ обратно на родину.

Третье выдающееся свойство китаецъ—его миролюбіе; безстрастному, апатичному темпераменту китаецъ непріятно все рѣзкое, рѣшительное, быстрое, онъ предпочитаетъ полумѣры, отговорки и продолжительныя шумныя объясненія; онъ неохотно ссорится, въ случаѣ ссоры рѣдко вступаетъ въ драку, а угрожаетъ противнику, произнося страшныя проклятія и ругательства, и все издала; даже если ссора дошла до крайности, кровавая расправа случается очень рѣдко, противники та-

скаютъ другъ друга за волосы, въ худшемъ случаѣ дѣло доходить до пощечинъ.

Вполнѣ понятно, что у такого мирнаго народа не могла возникнуть дуэль, и этотъ способъ возстановленія поруганной чести просто смѣшонъ для практичнаго китайца; чтобъ отомстить оскорбителю, онъ скорѣе лишитъ себя жизни на порогѣ его дома, зная, что этимъ вовлечетъ своего врага въ дорого стоящій процессъ или, если нѣтъ денегъ, то въ тюрьму, такъ какъ хозяинъ дома, у котораго найдены убитый человѣкъ, подвергается въ Китаѣ подозрѣнiю въ убійствѣ.

Китайцамъ незнакомы также буйныя и жестокия развлечения въ родѣ бокса, боя быковъ, охоты, скачекъ, травли и т. п.; игры ихъ также отличаются мирнымъ характеромъ, — китайцы пускаютъ бумажнаго змѣя, играютъ въ перышко, въ карты, шахматы, шашки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ процвѣтаетъ оригинальный видъ спорта, именно — бой сверчковъ; эти своеобразные спортсмены ухаживаютъ за хорошими сверчками и гордятся ими словно скаковою лошадыю, а на пари за того или другого бойца проигрываютъ или наживаютъ состоянiя.

Понятно также, почему такъ плохо китайское войско; при общемъ миролюбіи народа и необязательности воинской повинности въ солдаты поступаетъ самый лѣнивый, негодный народъ, который предпочитаетъ бездѣліе труду и довольствуется скуднымъ солдатскимъ жалованьемъ; характерна китайская пословица: «изъ хорошаго желѣза не куютъ гвоздей, изъ хорошихъ людей не дѣлаютъ солдатъ». Не питая въ большинствѣ случаевъ никакой любви къ военному ремеслу и не сдерживаемый суровой дисциплиной, китайскій солдатъ не бережетъ своего вооруженiя, которое ржавѣетъ и портится, порохъ и патроны продаетъ на базарѣ, чтобы купить себѣ опиума; онъ не затѣмъ идетъ на войну, чтобы подставить свою шкуру подъ непріятельскія пули, а чтобы пограбить мирныхъ жителей, непріятелю охотно показываетъ тылъ и дерется въ крайнемъ случаѣ, если не надѣется, что его въ плѣну пощадятъ.

Китаецъ очень упоренъ и настойчивъ въ преслѣдованiи намѣченной цѣли и умѣетъ обходить препятствiя, которыя не въ силахъ побѣдить; это качество, въ соединенiи съ увертливостью и способностью къ пассивному сопротивленiю, дѣлаетъ китайца недожиданнымъ противникомъ для облѣ нервнаго и порывистаго европейца. Потеря самообладанiя въ глазахъ китайца, котораго трудно вывести изъ терпѣнiя, есть нравственное пораженіе, а между тѣмъ терпѣливый и увертливый китаецъ способенъ вывести изъ терпѣнiя европейца и тѣмъ унижить его въ своихъ глазахъ. Китаецъ, не желающій чего-либо исполнить, рѣдко откажется прямо, — это не въ его натурѣ, — а станетъ отълаживать, отлыни-

вать и забывать; если приступить къ нему очень рѣшительно, онъ притворится непонимающимъ, и никакія доказательства, никакая логика не помогутъ побѣдить его упрямства; въ концѣ-концовъ европеецъ разсердится и плюнетъ, т. е. уступитъ китайцу и по китайскому выраженію «потеряетъ лицо»,—это значитъ сознаться въ своей неправотѣ, уступить, унизиться; потерять лицо китаецъ больше боится, чѣмъ подвергнуться наказанію.

Лживость и неискренность — распространенныя среди китайцевъ свойства; богдыханъ обыкновенно получаетъ ложные доклады отъ своихъ министровъ и генералъ-губернаторовъ, которые въ свою очередь обманываются губернаторами, префектами и другими низшими чинами. „Циньбао“, официальная китайская газета, переполнена такою ложью и выдумками. Лживость администраціи дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на народъ, который приучается къ неискренности и старается только половчѣе обмануть не только начальство, но и другъ друга,

что влечетъ за собой подозрительность и взаимное недобѣріе. Неискренность китайцевъ проявляется часто въ желаніи обойти или замолчать сущность дѣла; говоря съ китайцемъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что сказанное имъ есть его послѣднее слово, —напротивъ, чувствуется, что не все высказано и впереди предстоятъ еще переговоры о томъ же до безконечности. Китаецъ рожденъ быть дипломатомъ, и въ сношеніи съ китайскимъ правительствомъ европейскіе дипломаты постоянно сталкиваются со всевозможными отговорками, экивоками и официальной ложью; оттянуть рѣшеніе неприятнаго дѣла, чтобы смягчить его

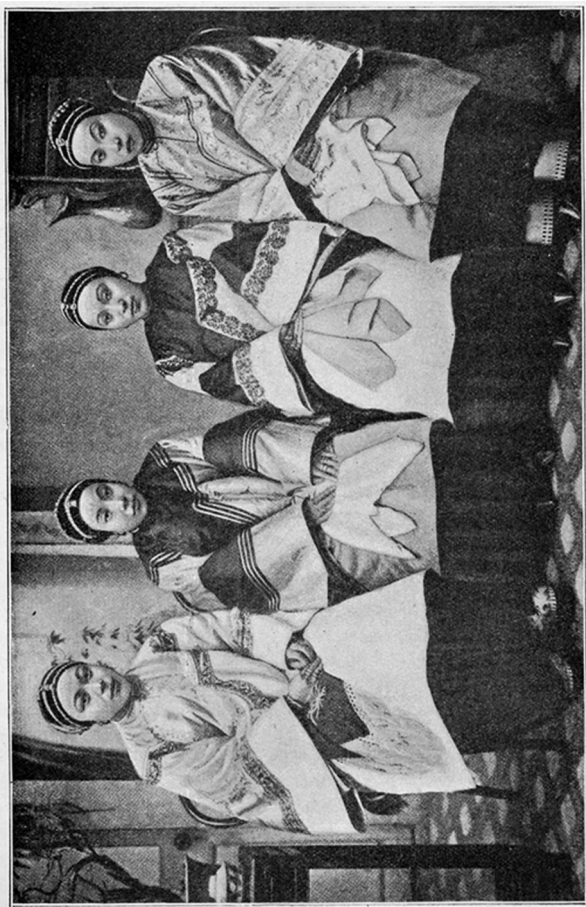
Китаецъ.

сглаживающим дѣйствіемъ времени, къ этому стремятся китайскіе дипломаты, если отъ нихъ требуютъ вознагражденія убытковъ, наказанія виновныхъ и т. п. Самый языкъ китайца, съ его смѣшеніемъ частей рѣчи, жесты и поступки китайца оплетены цѣлою сѣтью формальностей іероглифовъ, обозначающихъ разнообразныя понятія, такъ что, не вида іероглифа, иногда трудно понять простую фразу, — все это способствуетъ туманности и неточности выраженія мысли.

На неискренности китайцевъ и на умѣни скрывать свои настоящія чувства основываются и китайскія церемоніи; правилъ вѣжливости насчитывается 3.000, но ни у какого другого народа эти лицемѣрныя церемоніи не прикрываютъ столько равнодушія и затаеннаго эгоизма. Всѣ рѣчи, жесты и поступки китайца оплетены цѣлою сѣтью формальностей и церемоній, неискреннихъ, скучныхъ и часто тяжелыхъ, которыя самими китайцамъ совсѣмъ не кажутся смѣшными, такъ какъ фальшь и неискренность такъ глубоко въѣдрились въ натуру китайца, что ему трудно понять и проявить искреннюю вѣжливость, основанную на простомъ уваженіи или симпатіи къ другому человѣку; чѣмъ образованнѣе китаецъ или чѣмъ выше его положеніе, тѣмъ онъ неискреннѣе; среди простого народа скорѣе можно встрѣтить правдиваго и неспорченнаго постоянную ложью человѣка.

Европеяца поражаетъ также матеріализмъ китайской расы, выражающійся тѣмъ, что китайцы почти исключительно бесѣдуютъ о деньгахъ и ѣдѣ: встрѣчаются ли два китайца на улицѣ шумнаго города или тихаго селенія, среди дороги или на постояломъ дворѣ, въ ихъ разговорѣ непрерывно упоминаются деньги; на второмъ планѣ слѣдуетъ ѣда, — китаецъ любитъ поѣсть и поговорить о ѣдѣ; при встрѣчѣ, послѣ перваго же привѣтствія, состоящаго изъ вопроса: «хорошо ли?» т.-е. хорошо ли поживаешь), принято спросить: «кушаль ли ты уже?» Какъ будто въ этомъ состоитъ все блаженство жизни. Но этотъ вопросъ, показывающій, какъ высоко ставятъ китаецъ наслажденіе ѣдой, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ одну формальность, на которую необходимо отвѣтить утвердительно, т.-е. «я покушалъ», въ свою очередь спросить своего собесѣдника: «покушалъ ли онъ», и получить тотъ же отвѣтъ; иногда, чтобъ убѣдиться, насколько искрененъ подобный вопросъ, я отвѣчалъ, что еще не ѣлъ ничего, но мой собесѣдникъ въ отвѣтъ выражалъ только свое сожалѣніе по поводу этого грустнаго обстоятельства и не думалъ предложить мнѣ зайти съ нимъ въ харчевню или угостить меня обѣдомъ.

Большинство китайскихъ жилищъ, даже у состоятельныхъ людей, характеризуется, на взглядъ европейца, не только отсутствіемъ комфорта, но даже важнѣйшихъ примитивныхъ удобствъ, отличающихъ

Китайнки.

жизнь культурнаго и ослѣдлага человѣка отъ жизни кочевника и дикаря. Большая часть китайскихъ домовъ возводится въ сѣверномъ Китаѣ изъ необожженного лессоваго кирпича или просто изъ глины, въ южномъ Китаѣ — изъ дерева или изъ бамбуковыхъ плетенкохъ, обмазанныхъ глиной; кровля настиляется или плоская, со слабымъ скатомъ въ одну сторону, изъ камыша, хвороста или соломы, покрытыхъ слоемъ той же глины, а въ дождливыхъ мѣстностяхъ дѣлается деревянная двускатная крыша, покрытая черепицей; но такъ какъ и въ сухихъ мѣстностяхъ сѣвернаго Китая иногда случаются проливные дожди, то бываетъ, что при этомъ размываются и падаютъ глиняные дома, а кровли протекають сплошь и рядомъ во время дождя. Потолка въ китайскихъ домахъ обыкновенно не бываетъ, а если онъ есть, то состоитъ изъ бумаги или холста, натянутаго на жердочкахъ; окна составляютъ до нѣкоторой степени предметъ роскоши; у богатыхъ людей оконъ много и они большія, у бѣдныхъ ихъ мало и они маленькія, а иногда и совсѣмъ отсутствуютъ, такъ что свѣтъ проникаетъ черезъ дверь. Особенно много такихъ примитивныхъ жилищъ въ провинціи Ганьсу и сѣверной Шеньси, но вездѣ и повсюду окна заклеиваются бѣлой пропускной бумагой, такъ какъ фабрикація стекла китайцамъ неизвѣстна, несмотря на ихъ древнюю культуру; это, конечно, еще уменьшаетъ количество свѣта, попадающаго въ жилище бѣдняковъ. Двери дѣлаются деревянныя и обыкновенно вставлены неплотно и обидуютъ щелями, поэтому вѣтеръ и холодъ проникають свободно въ китайское жилище не только черезъ щели въ дверяхъ и окнахъ, но и черезъ отверстія въ бумагѣ, дыры и скважины въ стѣнахъ и въ кровлѣ. Полъ у богатыхъ изъ обожженного кирпича, у бѣдныхъ — земляной; стѣны у первыхъ выбѣлены или оклеены бумагой, у вторыхъ — естественнаго цвѣта желтой глины, а кровля снаружи покрыта слоемъ копти и сажы, такъ что она блестяще-чернаго цвѣта. Половину каждой комнаты занимаетъ лежанка, обыкновенно сбита изъ глины и поднятая на полтора аршина надъ поломъ; эта лежанка составляетъ главную мебель китайца: она покрывается соломенной, камышевой или бамбуковой плетенкой и служитъ кроватью и мѣстомъ для сидѣнья, работы, ѣды, для чего на нее ставится низенькій столикъ въ четверть аршина вышиной. Кромѣ этого столика, встрѣчается еще другая мебель: у болѣе богатыхъ — столы, кресла и скамьи грубой работы, шкафы, въ родѣ комодовъ, и сундуки; послѣдніе часто стоятъ на лежанкѣ, первые — на полу; въ углу на лежанкѣ сложены кучей войлоки, ватныя одѣяла и подушки въ видѣ вальки, набитаго валой или просяной шелухой (употребленіе птичьяго пера и пуха для подушекъ китайцамъ неизвѣстно); вечеромъ эта постель разстилается на лежанкѣ, гдѣ спитъ вся семья, при чемъ китайцы, подобно монголамъ, на ночь раздѣ-

ваются донага, оставляя на себѣ только вышеупомянутые нагрудники и набрюшники.

Отопление китайскаго жилья совершенно примитивно; настоящихъ печей нѣтъ, дрова и уголь вообще дороги, и топятся въ домѣ только очагъ, на которомъ готовится пища, и лежанка; послѣднюю топятъ соломой, хворостомъ или сухимъ навозомъ, набрасываемымъ въ топку подъ лежанкой, устье которой не имѣетъ дверцы, а труба часто плохо тянетъ, такъ что часть дѣдыа дыма наполняетъ комнату, нагрѣваемую очень мало. Но китайцу нужно тепло только ночью, онъ любитъ спать на теплой, даже горячей лежанкѣ, а днемъ ходитъ въ ватномъ платкѣ и руки грѣетъ на жаровѣ съ угольями. Дымъ и угарь—обычныя принадлежности китайскаго жилища въ зимнее время; во избѣжаніе дыма во многихъ мѣстахъ топку лежанки устраиваютъ со двора, между тѣмъ то же количество топлива при правильно устроенной печкѣ и отсутствіи щелей въ дверяхъ и окнахъ достаточно согрѣвало бы комнату.

Такъ же примитивно и освѣщеніе домовъ: громадная масса народа довольствуется тусклой и коптящей масляной лампочкой, въ которой масло, выжимаемое изъ сѣмянъ хлопчатой бумаги, налитое въ черепокъ или чашку, горитъ при помощи фитиля изъ ваты или сердцевины одного растенія. У немногихъ можно встрѣтить толстая сальныя свѣчи, также тускло горящія и требующія постояннаго ухода; стеариновыя свѣчи, русскія и англійскія, употребляются только богатыми, такъ какъ стоятъ отъ 50 до 60 коп. фунтъ.

Оригинальную особенность сѣвернаго Китая составляютъ пещерныя жилища, которыя могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: первая—пещеры въ обрывахъ лесса, вторая—пещеры на поверхности лессовыхъ плато. Въ обрывахъ лесса, какъ на днѣ долинъ, такъ и на террасахъ склоновъ, пещера вырывается въ видѣ сводчатаго коридора, въ полторы-двѣ сажени вышиной и въ двѣ-три шириной; глубина пещеры шаговъ 30—40; нѣсколько сосѣднихъ параллельныхъ пещеръ служатъ жильемъ для нѣсколькихъ семействъ и иногда соединяются поперечными ходами, обыкновенно же сообщеніе только снаружи. Устье пещеры закрывается стѣнкой изъ кирпича или глины, съ отверстіемъ для дверей, иногда для окна, а вверху подъ сводомъ для выхода дыма; у входныхъ дверей дѣлается лежанка для людей, такъ какъ здѣсь свѣтлѣе, въ глубинѣ—кладъ хлѣба, домашняго скарба, а иногда вдоль стѣны придѣлываютъ ясли и тамъ помѣщается скотъ. Такъ же устроены и постоянныя дворы пещерныхъ селеній, такъ что путешественники ночуютъ въ одной пещерѣ со своими мулами, ослами и лошадьми, и воздухъ пропитанъ ароматомъ конюшни. Эти пещерныя жилища разбросаны поровнь и группами на разныхъ высотахъ по террасамъ овраговъ и

долинъ; тутъ же на террасахъ расположены пашни, скирды соломы и хлѣба, площадки для молотбы, группы деревьевъ, и въ общемъ получается оригинальная картина населенной мѣстности, въ которой домовъ нигдѣ не видно.

Но еще оригинальнѣе вторая категория пещеръ—на лессовомъ плато, гдѣ оно мало расчленено долинами и образуетъ площади въ десятки и сотни квадратныхъ верстъ, такъ что нѣтъ обрыва, въ которомъ китаецъ-земледѣлецъ могъ бы вырыть себѣ пещеры вблизи своей пашни. Вы ѣдете среди полей, садовъ, кумиренъ и тщетно ищете глазами жилище людей, воздѣлывающихъ эту землю; но вотъ, вблизи дороги, рядомъ съ ровной площадкой для молотбы со скирдами соломы, изъ какой-то маленькой кочки, прикрытой черепкомъ отъ горшка, вьется дымокъ и выдаетъ присутствіе человѣка-троглодита. Подъѣхавъ къ дымовой трубѣ, вы увидите передъ собой ничѣмъ не огороженную квадратную яму въ 3—4 саж. глубиной; на днѣ ямы копошатся въ кучѣ навоза куры, играютъ дѣти, а въ стѣнахъ ея съ трехъ сторонъ вырыты такія же сводчатыя пещеры для жилья, какъ въ естественныхъ обрывахъ лесса; въ четвертой сторонѣ вырытъ косою коридоръ, ведущій довольно круто на поверхность земли и запираемый воротами; онъ служитъ входомъ и выходомъ для людей и животныхъ, проживающихъ въ пещерахъ, которыя пользуются, конечно, еще меньшимъ количествомъ свѣта, чѣмъ пещеры въ естественныхъ обрывахъ.

Вообще въ Китаѣ мало красивыхъ сооружений, служащихъ для жилья; тѣ оригинальныя зданія и постройки, которыя часто приводятся въ иллюстрированныхъ описаніяхъ Китая, представляютъ большую часть храмы, кумирни, памятники, никому ненужныя ворота и арки, стѣны и башни, составляющія только украшеніе китайскаго пейзажа.

Китайская національная кухня.

(А. К.)

Китайцы—истые матеріалисты, а потому вопросъ о томъ, чтобы сытно и вкусно покушать, играетъ первенствующую роль въ ихъ житейскомъ быту. По ученію китайцевъ, только хорошо насыщенный желудокъ способенъ къ сознательной, мудрой дѣятельности. Китайская фраза: «та-хой чи» (онъ умѣетъ кушать), очень характерно выражаетъ, что «онъ—человѣкъ умный». А такъ какъ люди богатые, постоянно насыщающіеся мясомъ, въ пищевомъ отношеніи поставлены въ лучшія условія, чѣмъ бѣдный людъ, питающійся только мучною пищею, то такой бѣдный людъ считается недалекимъ по разуму. Пища громадной массы китайскаго населенія состоитъ изъ мучныхъ продуктовъ, среди которыхъ первенствующее значеніе имѣетъ рисъ, и уже приправою къ нему являются

овощи и другіе продукты. Извѣстно, что Китайъ есть страна риса, и благодаря климату и умѣлости народа въ дѣлѣ земледѣлія этотъ злакъ растетъ всюду въ имперіи, а въ южныхъ губерніяхъ онъ даетъ ежегодно по два урожая. Для пищи китайцы любятъ рисъ преимущественно въ рассыпчатой кашѣ, которую они очень хорошо готовятъ на парахъ. Рисовая каша составляетъ столь существенную принадлежность китайскаго обѣда, что даже самое слово обѣдъ есть синонимъ слова каша. «Чи фань»—значитъ ѣсть кашу и обѣдать.

Мѣстности въ сѣверной полосѣ Китая представляютъ мало удобствъ для культуры риса, и оттого въ недостаточныхъ слояхъ населенія онъ здѣсь замѣняется другой крупой. Такъ, преимущественно для каши китайцы употребляютъ пшено, чаще желтое. Бѣдные люди питаются кашницей изъ сорго, весьма тяжелой для пищеваренія, и разными горохами. Въ Пекинѣ извѣстны до 28 видовъ гороха. Изъ нихъ желтый горохъ идетъ преимущественно на приготовленіе сои, а мелкій зеленый на приготовленіе макаронъ. Мука гороховая и тоже кукурузная идутъ часто въ подмѣсъ къ пшеничной мукѣ. Кукурузу ѣдятъ и въ сыромъ видѣ и въ кашницѣ. Кромѣ разнаго рода кашницъ, въ большомъ употребленіи лапша или просто кусочки тѣста, сваренные въ водѣ, и два сорта булочекъ и лепешекъ—первыя сваренныя на пару, вторыя испеченныя въ печкѣ; но даже этотъ хлѣбъ можно найти только въ городахъ и болѣе значительныхъ селеніяхъ.

Едва ли не наравнѣ съ рисомъ и пшеницей китайцы большіе охотники до картофеля. Нашъ обыкновенный картофель въ Китаѣ не растетъ, ему такъ жарко, а замѣняется крупнымъ бататомъ (*Ipomea batatas*). Его клубни большіе, длинные, сѣрые или красноватые, мучнисты, сладки. Они хорошо варятся, но китайцы ѣдятъ ихъ и въ сыромъ видѣ. Отчество этого растенія—Филиппинскіе острова, откуда оно привезено въ Китай въ исходѣ прошлаго столѣтія. Онъ въ употребленіи во всѣхъ слояхъ населенія; но вслѣдствіе его дешевизны онъ почитается пищей очень простой; оттого даже въ небогатыхъ семействахъ его никогда не подаютъ къ обѣду при гостѣ.

Въ столѣ китайцевъ громадную роль играютъ различнаго рода овощи, какъ: капуста, рѣпа, огурцы, тыква, арбузы, дыни, чеснокъ и лукъ. Однихъ тыквенныхъ растеній, употребляемыхъ къ столу, здѣсь 20. Кромѣ приготовления разныхъ салатовъ и приправъ къ кушанью, овощи и преимущественно ихъ корни, а также бобы въ небольшихъ ломтикахъ промываются въ соленой соѣ. Это нѣкоторое подобіе пикблей; подъ названіемъ «соленого овоща» (сянь-цай) они всегда употребляются во время обѣда вмѣсто поваренной соли во всѣхъ сословіяхъ отъ богатей до бѣдняковъ. Между различными сортами пикблей особенно славятся такъ называемые «па-ба-сянь-цай» (восемь драгоцѣнностей); послѣднія

состоять изъ разныхъ бобовъ и другихъ овощей въ смѣси съ шибиремъ, но по своей дороговизнѣ употребляются для пищи только въ богатыхъ домахъ.

Мясныя блюда, какъ уже замѣчено выше, являются привилегіей богатыхъ; китайскій поселянинъ, чернорабочій, мелкій ремесленникъ пользуются мясной пищей развѣ только въ главный мясобѣдъ китайцевъ—первыя двѣ недѣли новаго года.

При всей своей неразборчивости въ пищу, доходящей до того, что китайцы ѣдятъ даже дохлую скотину, лошадей, павшихъ отъ разныхъ болѣзней, крысъ и собакъ, особенно черныхъ, считаютъ даже лѣкарственнымъ блюдомъ, они въ общемъ чувствуютъ отвращеніе къ молоку, молочнымъ продуктамъ и говядинѣ. Впрочемъ, говядину и коровье молоко всегда можно достать въ Пекинѣ и въ нѣкоторыхъ областныхъ городахъ Китая, гдѣ оно въ употребленіи въ войскахъ между манджурами.

Наиболѣе излюбленнымъ мяснымъ блюдомъ китайцевъ является свинина. Зато нельзя не отдать должной справедливости китайскому умѣню отлично откармливать названное животное; мясо его дѣйствительно превосходное. Оно отличается своею бѣлизной и изобиліемъ нѣжнаго сала; въ откармленномъ животномъ тучность достигаетъ до того, что оно почти теряетъ способность движенія.

Играя одну изъ виднѣйшихъ ролей въ кулинарномъ искусствѣ у китайцевъ, это животное весьма распространено въ ихъ имперіи. Не будетъ несправедливо сказать, что въ Китаѣ что ни шагъ, то и свинья. Въ рѣдномъ домѣ не найдете свиней съ поросятами, и это животное пользуется, подобно собакѣ, тѣми же правами гражданства,—свободно ходить даже по многолюднымъ улицамъ, что для него особенно заманчиво, такъ какъ улицы въ китайскихъ городахъ, и въ Пекинѣ въ особенности, представляютъ клоаки грязи, мусора и другихъ нечистотъ.

Кромѣ ежедневнаго употребленія свинины между богатыми китайцами, она требуется, какъ важнѣйшая принадлежность для пищи, въ ихъ національномъ культѣ почитанія предковъ. Это поминаніе совершается въ ночь новаго года, когда въ каждомъ семействѣ считается необходимымъ поѣсть шпеничныхъ пельменей съ начинкой изъ свинины.

Кромѣ свинины, между китайцами пользуется почетомъ и баранина. Лучшихъ барановъ пригоняютъ преимущественно изъ монгольскихъ степей. Далѣе слѣдуютъ разнообразныя птицы, между которыми болѣе видное мѣсто занимаютъ фазанъ, домашнія утки, куры и цыплята.

Теперь перейдемъ къ рассмотрѣнію тѣхъ блюдъ, которыя издавна стали извѣстными въ Европѣ вслѣдствіе своей оригинальности, какъ-то: ласточкиныхъ гнѣздъ, трепанговъ, акульихъ плавниковъ и такъ называемой «морской капусты». Ласточкины гнѣзда (по-китайски янъ-цо,

что значить заморское гнѣздо) представляютъ дѣйствительно гнѣзда особеннаго вида ласточки, которая водится на островахъ Остѣ-Индскаго архипелага и Японіи и прикрѣпляетъ свои гнѣзда къ неприступнымъ скаламъ. Гнѣзда эти имѣютъ форму приблизительно половины полушарія, а вещество, изъ котораго они состоятъ, похоже на полупрозрачный, какъ бы волокистый, плохо очищенный желатинъ, сухой и хрупкій; размоченное или разваренное оно сильно разбухаетъ, дѣлается болѣе прозрачнымъ и распадается на ленточки, въ родѣ вермишели или сильно разваренной вязиги. Это-то вещество и составляетъ самое дорогое кушанье богатыхъ людей въ Китаѣ.

По ихъ мнѣнію, оно весьма здорово и драгоцѣнно тѣмъ, что будто бы очень долго сохраняетъ силы молодости. Относительно же того, что такое представляетъ вещество, изъ котораго ласточка дѣлаетъ свое гнѣздо, существовало долгое время разногласіе: нѣкоторые считали его за одинъ видъ морскихъ водорослей, выбрасываемыхъ прибоемъ на скалы, гдѣ ласточки и собираютъ его для изготовленія своихъ гнѣздъ; теперь же считается доказаннымъ, что вещество, служащее для постройки гнѣзда, есть продуктъ выдѣленія подъязычной слюнной железы самой ласточки.

Такъ какъ ласточкины гнѣзда привозятся въ Китай и такъ какъ добываніе ихъ сопряжено съ большими трудностями, то цѣнность ихъ очень велика; въ Китаѣ за фунтъ вполне хорошихъ, крупныхъ и цѣльныхъ гнѣздъ надобно заплатить отъ 30 до 50 рублей. Въ вулинарномъ дѣлѣ ласточкины гнѣзда употребляются китайцами только для варки бульона, обыкновенно съ домашней уткой. Насколько китайцы лакомы къ ласточкинымъ гнѣздамъ, можно заключить по ихъ таможеннымъ отчетамъ, въ которыхъ обыкновенно показывается средній ежегодный ввозъ до 90 тысячъ нашихъ фунтовъ.

Въ Китаѣ съѣдается также огромное количество плавниковъ и заостренныхъ носовъ акулы. Ея плавники, будучи разварены, распадаются на волокна, по составу напоминающія вязигу; они легко переносятся желудкомъ и довольно питательны, но вкусъ безъ приправъ неопредѣленный. Въ супѣ же они имѣютъ видъ полупрозрачной вермишели, которую китайцы очень ловко таскаютъ своими палочками.

Вѣроятно, читателю извѣстенъ и трепангъ, принадлежащій къ морскимъ животнымъ голотуріямъ, или морскимъ кубышкамъ, или брызгалкамъ. Такъ какъ они съ виду похожи на большихъ толстыхъ пиявокъ, то, можетъ быть, они подали поводъ къ мнѣнію, что китайцы ѣдятъ какихъ-то червей, что, впрочемъ, также не было бы преступленіемъ, если бы они ѣли ихъ даже живыми,—вѣдь ѣдимъ же мы живыхъ устрицъ. Трепанги живутъ въ моряхъ между полипниками, у береговъ Австраліи, Цейлона, Каролинскихъ, Молузьскихъ и другихъ острововъ,

а также у насъ въ Приморской области, на что указываетъ и китайское названіе Владивостока—Хай-шень-вэй, т.-е. «трепанговый округъ». Видъ варенныхъ и наръзанныхъ трепанговъ всего болѣе напоминаетъ резинку, употребляемую для стиранія карандаша. Они почти не имѣютъ вкуса, ушруги и потому трудно разжевываются, зато легко проглатываются и переносятся желудкомъ. Хорошаго въ нихъ самихъ ничего нѣтъ, да и не за вкусъ цѣнятъ ихъ китайцы, а опять за приписываемое имъ свойство сохранять свѣжесть силъ до самой старости. За такое же свойство цѣнятся рога изюбрей и знаменитый жень-шень и еще многое, очень многое другое.

Что касается до «морской капусты», то это—водоросль, плавающая на волнахъ океана. Въ Китайскомъ морѣ она встрѣчается рѣдко, но ею изобилуютъ особенно сѣверная часть Японскаго моря и берега нашего Примурскаго края. Сборомъ морской капусты занимается множество промышленниковъ, японцевъ, китайцевъ и русскихъ.

Напитки составляютъ у китайцевъ необходимую принадлежность при пищѣ.

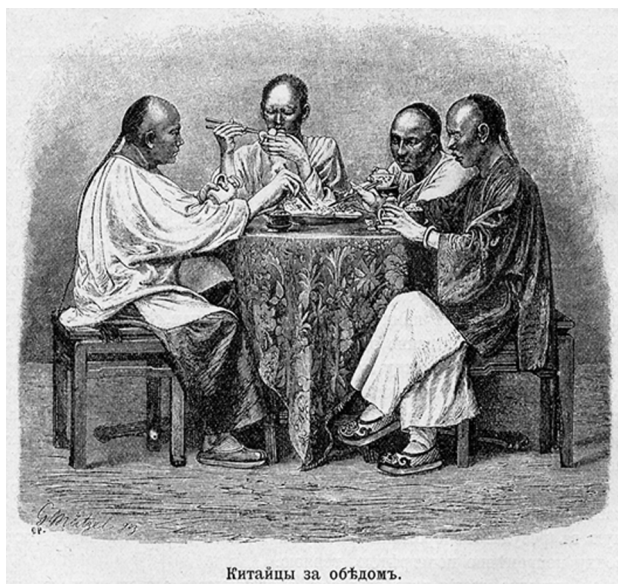
На первомъ мѣстѣ изъ китайскихъ напитковъ надо поставить чай. Чай пьется ими у себя дома и внѣ дома, при занятіи на службѣ, при входѣ въ лавку и прочее. Было бы обидой для китайца, если бы, принимая его, не подать ему чашки чая. Но китайцы обыкновенно не пьютъ употребляемые нами черный и зеленый чай. Эти чаи фабрикуются въ Китаѣ собственно для вывоза за границу. Они пьютъ только желтый чай. И хотя между желтыми чаями есть много сортовъ, но китайцы предпочитаютъ обыкновенный, простой желтый чай, наслаждаясь напиткомъ высшихъ сортовъ только ради дорогого гостя или по случаю особаго торжества. Известно, что китайцы пьютъ чай въ небольшихъ чашкахъ безъ сахара и безъ всякихъ приправъ.

Изъ крѣпкихъ напитковъ китайцы употребляютъ водку двухъ сортовъ, именно: перегоняемую изъ зеренъ сорго и, во-вторыхъ, получаемую въ результатъ броженія риса или мягкаго проса. Китайцы пьютъ водку непременно подогрѣтою, теплою.

Если уже многія китайскія яства отличаются отъ нашихъ, то еще болѣе это различіе сказывается въ способѣ приготовленія обѣда и въ самой процедурѣ обѣда. Такъ, большая часть кушаній, за исключеніемъ жаркого, варится китайцами на парахъ; всѣ кушанья подаются къ столу уже разрѣзанными на мелкіе кусочки. Къ обѣду не подается ни хлѣба, ни соли; взамѣнъ соли китайцы употребляютъ соленныя прикуски, о которыхъ уже выше была рѣчь; что же касается хлѣба, то и онъ является къ китайскому столу, но уже передъ окончаніемъ обѣда. Последовательность въ смѣнѣ блюдъ болѣе или менѣе богатаго обѣда такова: сначала принимаются за фрукты и десертъ, потомъ подаютъ разное жар-

кое и соусы, затѣмъ супы и, наконецъ, вмѣсто закуски, булки, сладкія печенья и еще разъ десертъ.

Для обѣда у китайцевъ не требуется и нѣтъ за столомъ ни скатерти, ни салфетокъ, ни ножей, ни вилокъ, ни блюдовъ, ни тарелокъ. Вмѣсто салфетокъ, необходимыхъ для обтиранія рта и пальцевъ, передъ приборомъ cadaго обѣдающаго имѣется пачка небольшихъ листовъ бумаги. Бумага мягкая, плотная, непрѣмѣнно желтоватая. Она же замѣняетъ собой и носовой платокъ. Взамѣвъ нашего прибора ножей

Китайцы за обѣдомъ.

и вилокъ при китайскомъ обѣдѣ употребляется орудіе, — нѣчто примитивное, — пара палочекъ, называемыхъ «куой-цзы». Въ глубокую старину употреблялись «куой-цзы» желѣзные, а нынѣ въ общемъ употребленія деревянные, красныя или черныя, съ небольшимъ по пяти дюймовъ длиной. А ради шика употребляются «куой-цзы» изъ слоновой кости съ серебрянымъ наконечникомъ. Такъ какъ всѣ кушанья подаются еъ столу наръзанными, то обѣдающему нѣтъ ровно никакой надобности въ ножѣ. Держа пару «куой-цзы» промежъ пальцевъ правой руки, китаецъ весьма ловко подхватываетъ ими пищу; даже беретъ ими раз-

сыпчатую кашу, хотя до рта каждый разъ доходить не все взятое, упавая назадъ въ ту же чашку. Взамѣнъ нашей ложки китайцы употребляютъ нѣчто въ родѣ фарфороваго совка или ковшика.

Взамѣнъ блюды и тарелокъ употребляются только фарфоровыя блюдечки. На блюдечкахъ подаютъ къ столу кушанье и на такихъ же блюдечкахъ ѣдятъ его. Супъ подаютъ въ фарфоровой чашкѣ. По китайскому обыкновенію, на обѣденный столъ всегда разомъ подаютъ по нѣсколькѣ блюдечекъ болѣе или менѣе однородныхъ кушаній,—иногда до десяти,—разставляя ихъ посрединѣ стола симметрически. Для прибора обѣдающаго ставятъ такое же блюдечко. Обѣдающій, не упуская изъ руки «куой-цзы», орудуетъ ими, беря съ блюдечекъ съ середины стола то одно, то другое кушанье, обмакиваетъ его въ соусъ и кладетъ на свою тарелку, или же, что бываетъ чаще, прямо въ ротъ, и по временамъ закусываетъ солеными прикусками. Постигшіи до всѣхъ тонкостей искусство обѣдать обыкновенно остаются въ теченіе всей трапезы безъ перемѣны, при одномъ и томъ же своемъ блюдечекѣ, несмотря даже на то, что хозяинъ или сотрапезникъ, ради особой любезности, собственноручно своими «куой-цзы» кладетъ на его блюдечко кусочки того или другаго кушанья. Если обѣдающихъ нѣскольکو, то, вслѣдствіе взаимности угощенія, блюдечко порядочно переполняется разными кусочками кушанья, образующими своеобразный винегретъ. И за эту любезность требуется похвалы, да еще взаимность, именно положить кусочекъ кушанья и хозяину и сотрапезникамъ. Кромѣ того, каждый кушающій гость, даже на самыхъ блестящихъ обѣденныхъ собраніяхъ, желая обнаружить свою учтивость, такъ сказать тонкую благодарность кормящему его, считаетъ долгомъ разъ и два выразительно рыгнуть за трапезой. Это у китайцевъ своего рода шикъ; это—положительный признакъ, что рыгнувшій умѣетъ покушать.

Образованіе въ Китаѣ.

(Гессе-Варгега.)

Какъ и въ мусульманскихъ странахъ, въ Китаѣ не приходится долго искать начальной школы; она еще издали даетъ о себѣ знать неистовымъ шумомъ и гамомъ. Простаго удивительно, какой шумъ и гамъ могутъ поднять эти маленькіе, наголо выбритые пострѣлята шести восьмилѣтняго возраста! Обыкновенно ихъ въ школѣ не больше двадцати-тридцати человѣкъ, но можно подумать, что ихъ, по крайней мѣрѣ, въдесятеро больше: такіе здоровыя у нихъ легкія. Съ ранняго утра до солнечнаго заката деруть они глотки беспрестанно, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, —ни воскреснаго отдыха, ни каникулъ, этого золо-

того времени для европейских школьнико́въ, въ Китаѣ не знаютъ. Школьныя занятія начинаются вмѣстѣ съ новымъ годомъ, и незадолго до наступленія слѣдующаго новаго года курсъ заканчивается, чтобы возобновиться опять по окончаніи празднествъ. Такъ продолжается три, шесть, десять лѣтъ—сообразно со степенью учености, до которой желаютъ довести своихъ дѣтищъ родители. Учатъ вообще однихъ мальчи́ковъ; дѣвочекъ въ школы не отдаютъ; онѣ принадлежатъ семьѣ, дому, и рѣдко можно встрѣтить китайку, умѣющую бѣгло читать или писать.

Во время своихъ прогулокъ по Кантону я желалъ ознакомиться и съ первоначальными школами для дѣтей, но появленіе иностранца, пожалуй, слишкомъ смутило бы какъ учителя, такъ и учениковъ. Я поэтому сталъ искать случая понаблюдать за ними незамѣтно. Напротивъ одной изъ многихъ каменныхъ, многоэтажныхъ башенъ—судныхъ кассъ, которыя тамъ и сямъ вздымаются надъ моремъ остальныхъ строе- ній двухмилліоннаго города, я замѣтилъ маленькій домикъ. Нижний этажъ занималъ хозяинъ-столяръ, день-денской мастерившій ящики и сундуки, а верхній онъ отдавалъ вънаймы одному вольному учителю, у котораго обучалось до двухъ десятковъ косоглазыхъ китайчатъ. Мой переводчикъ выхлопоталъ у хозяина ломбарда разрѣшеніе провести одно утро въ первомъ этажѣ его крѣпкой башни. Я закрылъ тяжелые ставни окна, находившагося какъ разъ напротивъ школы, и сталъ наблюдать въ дырочку. Школьное помѣщеніе находилось отъ меня въ разстояніи какого-нибудь метра, и мнѣ отлично было видно все.

Учитель старикъ носилъ на носу очки невѣроятной величины, но читая глядѣлъ поверхъ ихъ. И всѣ учителя, какихъ я видѣлъ въ другихъ городахъ, носили очки,—не изъ-за слабости зрѣнія, а въ знакъ своей учености и ради пущей важности. Рядомъ съ учителемъ стоялъ столикъ, на которомъ лежала длинная, тонкая бамбуковая трость. Назначеніе ея не требуетъ поясненій; съ ней знакомы и ученики европейскихъ школъ. Въ одномъ углу у задней стѣны стояла въ метръ высоты отъ полу деревянная доска, покрытая китайскими иероглифами. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что на доскѣ была написана похвала Конфуцію. Въ другомъ углу я замѣтилъ намалеванную на бумагѣ страшную рожу—изображеніе бога мудрости. Какъ передъ доской, такъ и передъ рожой стояли горшечки съ пескомъ, въ которые были воткнуты курящія свѣчи. Остальная обстановка помѣщенія заключалась въ десяткахъ двухъ столиковъ и стульевъ для учениковъ. Сами ученики, выстроившись передъ учителемъ длинными рядами, громко выкрикивали за нимъ фразы, которыя онъ вычитывалъ изъ маленькой книжечки. При этомъ они махали руками и перепрыгивали съ ноги на ногу, такъ что длинныя косички болтались у нихъ на затылкахъ, словно маятники. Въ одной рукѣ каждый держалъ маленькую красную полоску бумаги, по-

крытую письменами, въ которую иногда и заглядывалъ. Время отъ времени вся длинноносая ватага возвращалась на свои мѣста, вѣроятно, чтобы выучить наизусть только что слышанное отъ учителя. Въ сидячемъ положеніи дѣтямъ уже не такъ удобно было дрыгать ногами и махать руками, зато они вознаграждали себя, тряся головой, раскачиваясь туловищемъ и во все горло выкрикивая заучиваемое. Все это не мѣшало учителю въ очкахъ погружаться въ дремоту. Сначала онъ какъ будто всецѣло погружался въ лежавшую у него на колѣняхъ книжку, затѣмъ начиналъ кивать головой, какъ китайскій фарфоровый болванчикъ, и, наконецъ, крѣпко засыпалъ, несмотря на весь крикъ и гамъ вокругъ. Но вотъ среди урока вошелъ какой-то запоздавшій ученикъ, и остальные привѣтствовали его такими оглушительными криками, что учитель проснулся. Гнѣвно взглянулъ онъ на запоздавшего, который робко приблизился къ изображенію бога мудрости и сдѣлалъ передъ нимъ земной поклонъ, затѣмъ продѣлалъ то же самое передъ доской Конфуція и, наконецъ, передъ самимъ учителемъ. Последній, однако, оказалъ ему самый немилостивый приемъ: схватилъ за шиворотъ, положилъ поперекъ своихъ колѣвъ и отдулъ бамбуковой тростью безъ всякой пощады. Остальные ученики не смѣли поднять глазъ. Выучивъ урокъ, каждый подходилъ къ учителю, подавалъ ему красную бумажку и отрапортовывалъ содержаніе, при чемъ повертывался не лицомъ къ учителю, а спиной.

Последній урокъ былъ письменный. Передъ каждымъ ученикомъ на столѣжъ лежали тетрадки изъ прозрачной бумаги, волосная кисточка съ бамбуковой ручкой и стояло блюдечко съ тушью. Учитель роздалъ прописи, ученики подложили ихъ подъ послѣдній листочекъ въ тетрадь (китайцы не только пишутъ вертикально, сверху внизъ, но и начинаютъ съ послѣдней страницы, а не съ первой) и принялись обводить тушью контуры знаковь-словъ, просвѣчивавшихъ сквозь прозрачную бумагу. При этомъ они очень ловко держали все время руки на вѣсу, не кладя локтей на столъ. Исписавъ одну страницу, дѣти принимались за другую, а учитель все время переходилъ отъ одного столика къ другому, объясняя порядкомъ черточекъ и знаковь. Каждый изъ безчисленнаго множества знаковь-словъ китайскаго языка состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ черточекъ и знаковь, числомъ до тридцати и болѣе, и неправильное начертаніе хотя бы одинаго изъ послѣднихъ можетъ измѣнить смыслъ всего знака. Точно такъ же не все равно, откуда начать выводить знакъ—сверху, снизу или съ середины. Стоитъ начать неправильно, и начертаніе всего знака осложняется, точно такъ же, какъ осложнилось бы для насъ начертаніе какого-нибудь слова, если бы мы начали его съ буквы, находящейся въ серединѣ или въ концѣ. Около десяти часовъ утра ученіе было прервано на часъ. Мальчуганы собрали

свои пожитки и разошлись по домам чинно, серьезно, а не съ веселым шумомъ и гамомъ, какъ наши школьники.

Школьное помещеніе опустѣло, и проводникъ мой повелъ меня туда. Столы и сидѣнья не были запачканы, испараны, изрѣзаны, какъ въ нашихъ школахъ, но поражали опрятностью и порядкомъ. На столѣ учителя лежала книжка, изъ которой онъ черпалъ свою мудрость; ту же самую книжку я видѣлъ затѣмъ во всѣхъ школахъ въ Шанхаѣ, въ Нанкинѣ, во всѣхъ китайскихъ городахъ. Въ теченіе тысячелѣтій неизмѣнно переходитъ она изъ поколѣнія въ поколѣніе въ качествѣ первоисточника всей китайской премудрости. Въ китайскомъ письменномъ языкѣ, какъ извѣстно, нѣтъ буквъ, но каждое слово, каждое понятіе выражается особымъ знакомъ. И просто нельзя надивиться, что тысячи милліоновъ китайскихъ школьниковъ, обучавшихся съ десятого столѣтія по этой книжкѣ, начинали прямо съ философскаго ученія Конфуція вмѣсто азбуки. Первая фраза въ этомъ учебникѣ, называемомъ «Сян-цзы-дзянь», читалась такъ:

Чжэнь-чжи-цзю, синь бу шань

Синь-сянь-цзинь, си-сянь-фэнь.

Изображено это было странными іероглифами, начертаніе которыхъ напоминало ходъ шахматнаго коня; каждый іероглифъ состоялъ изъ разныхъ точекъ и черточекъ, толстыхъ и тонкихъ, клинообразныхъ и выпнутыхъ, квадратиковъ, треугольниковъ, въ которыхъ и не разобраться было. Переводчикъ сообщалъ мнѣ смыслъ знаковъ, даже не глядя на нихъ; какъ и всѣ китайцы, отъ императора до послѣдняго ремесленника, и онъ выучилъ въ дѣтствѣ наизусть всю эту азбуку китайской грамоты. Смыслъ іероглифовъ сводится къ слѣдующему:

«Люди отъ рожденія по природѣ своей хороши,

Въ практической же жизни они сильно разнятся другъ отъ друга».

Затѣмъ слѣдовали ученныя глубокомысленныя разсужденія о необходимости дѣтскаго воспитанія и о способахъ успѣшнаго его веденія и, наконецъ, нѣкоторыя основныя поученія. Напримѣръ:

«Существуютъ три основныя силы: небо, земля, человекъ».

«Существуютъ три источника свѣта: солнце, мѣсяцъ и звѣзды».

«Существуютъ три рода узъ: между государемъ и чиновниками — справедливость, между сыномъ и отцомъ — любовь, между мужемъ и женою — согласіе».

«Человѣчность, справедливость, приличіе, мудрость, истина — этихъ пяти главныхъ добродѣтелей надо держаться».

«Рисъ, просо, стручковые плоды, пшеница, рожь и ячмень — вотъ шестъ жизненныхъ продуктовъ, которыми люди питаются».

«Обоюдная любовь между сыномъ и отцомъ, согласіе между мужемъ и женою.

«Со стороны старшаго брата доброта, со стороны младшаго уваженіе; чинопочитаніе между старшими и младшими, дружба между товарищами, со стороны государя снисхожденіе, со стороны министра вѣрность.

«Вотъ обязанности всѣхъ людей.»

Вотъ каковы изреченія, которыя всѣмъ китайскимъ мальчишкамъ приходится зубрить наизусть, не понимая изъ нихъ ни единого слова, такъ какъ написаны они на древнемъ китайскомъ языкѣ, который разбился теперь на многія нарѣчія, различающіяся между собой настолько же, насколько нѣмецкій языкъ отличается отъ латинскаго. Что за мученіе было бы для европейскаго наборщика, никогда не видавшаго ни единого китайскаго знака, если бы ему поручили набрать китайскую книгу. И все-таки его можно было бы считать счастливецемъ въ сравненіи съ юными сынами Срединнаго царства, которые, кромѣ того, обязаны еще знать и произношеніе каждаго изъ этихъ тысячъ знаковъ.

Тысячи знаковъ! Дѣло вѣдь не кончается книгой «Сянь-цзы-цзянь». За этимъ первымъ учебникомъ слѣдуетъ второй, подобнаго же содержанія, съ новыми тысячами знаковъ, изъ которыхъ нѣтъ двухъ одинаковаго произношенія или значенія. Эта вторая книга составлена въ 502 г. по Р. Х. Когда же китайчата одолѣютъ ее, наступаетъ очередь «четырехкнижія» и «пятникнижія», содержащихъ величайшія сокровища китайской литературы.

Въ этихъ такъ называемыхъ девяти священныхъ книгахъ заключается 4,601 различныхъ значковъ-словъ, изъ которыхъ однако большая часть устарѣлыхъ. Большой словарь «Канъ-си заключаетъ» 44,449 наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ.

Только послѣ того какъ китайскій мальчикъ выучилъ наизусть эти книги одну за другой, учитель объясняетъ ему смыслъ выученнаго, при чемъ самъ пользуется комментаріями Чу-фу-цзя, составленными во времена крестовыхъ походовъ. Вотъ основы знаний, сообщаемыхъ въ Китаѣ подросткающему поколѣнію. Математика, географія, исторія, религія, собственный разговорный языкъ и какія бы то ни было прикладныя науки безусловно исключены изъ китайской воспитательно-образовательной программы, и даже люди, считающіеся у китайцевъ за величайшихъ ученыхъ, часто не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о материкахъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ странахъ. Все, что находится за предѣлами Поднебесной имперіи, считается областью варваровъ, и только тѣмъ изъ мандариновъ, которые живутъ въ открытыхъ для европейцевъ торговыхъ гаваняхъ, извѣстно если не мѣстоположеніе, то хоть значеніе Германіи, Англіи и Россіи. Въ отношеніи всѣхъ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ знанія, которые знаютъ, какъ свои пять пальцевъ,

наши школьники самых младших классовъ, въ Китаѣ царитъ полнѣйшее невѣжество, какимъ наши школьники отличаются, напримѣръ, по части конфуціанской мудрости.

Китай не знаетъ государственнаго обученія, никакихъ государственныхъ или городскихъ школъ, принудительнаго обученія, курсовъ, дипломовъ, каникулъ. Но въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ есть извѣстное число частныхъ школъ; содержатся онѣ по большей части провалившимися на государственномъ экзаменѣ кандидатами въ чиновники. Они получаютъ съ учениковъ отъ двухъ до пяти ланъ въ годъ (около 3—8 рублей) съ cadaго, что даетъ имъ, при наличности двадцати-сорока учениковъ, отъ ста до полутора ста ланъ годового дохода, а часто и меньше. Въ большихъ городахъ часто случается, что болѣе зажиточные родители, живущіе на одной улицѣ или въ одномъ кварталѣ, въ складчину нанимаютъ своимъ дѣтямъ домашняго учителя; случается, что это дѣлаетъ и отдѣльное богатое семейство, цѣлый ремесленный цехъ, купеческая гильдія, которые и отводятъ для учебныхъ занятій помѣщеніе въ своемъ домѣ или клубѣ. Распространенная въ Китаѣ благотворительность также поддерживаетъ не мало школъ, но обученіе во всѣхъ случаяхъ ведется по одной и той же программѣ. Въ высшихъ школахъ, открывшихся за послѣднее десятилѣтіе въ вѣ которыхъ большихъ городахъ, напримѣръ, въ Кантонѣ, Шанхаѣ, Тянь-Цзинѣ, тоже не водятся другихъ учебниковъ; самыми важными предметами считается тамъ изящный стиль, стихосложеніе и корреспонденція. Обученіе послѣдней сводится однако не къ искусству легко и ясно выражать свои мысли, но къ изученію наизусть возможнаго большаго числа стереотипныхъ оборотовъ и фразъ, въ которыхъ пишущій всачески унижаетъ себя и свою семью, адресата же возвеличиваетъ елико возможно. Вновь открытые высшія учебныя заведенія и университеты въ Пекинѣ, Тянь-Цзинѣ и Нанкинѣ также нельзя разсматривать какъ таковыя, но все же въ нихъ обучаютъ кое-чему побольше, нежели въ обыкновенныхъ китайскихъ школахъ: математику, географію, исторію и прежде всего новымъ языкамъ. Если хотѣть, чтобы юноша усовершенствовался въ математикѣ, въ разныхъ мастерствахъ и искусствахъ, то его послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обученія въ одной изъ вышеописанныхъ школъ отдадутъ въ ученіе къ кушчу или промышленнику. Единственнымъ же умственнымъ багажомъ, съ какимъ онъ вступаетъ въ жизнь изъ школы, является умѣнье читать и писать и то въ ограниченныхъ размѣрахъ, зависящихъ отъ числа лѣтъ ученія.

Низшія сословія довольствуются тѣмъ, что посылаютъ своихъ сыновей въ школу въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ; рабочіе, садовники, лодочники, кули, носильщики тяжестей не дѣлаютъ и того. Вообще можно утверждать, что около 30 процентовъ населенія умѣютъ по крайней

мѣрѣ подписать свое имя и прочесть простѣйшія надписи и выѣски, отъ 10 до 20 процентовъ, глядя по провинціи, въ состояніи написать простое письмо, и только какихъ-нибудь 5 процентовъ кое-что смеслять въ языкѣ и въ литературѣ. Зато эти люди и пользуются величайшимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Большое уваженіе, съ которымъ китайцы относятся къ образованію, видно изъ того, что никто не можетъ сдѣлаться ни простымъ чиновникомъ, ни мандариномъ, ни министромъ, ни посланникомъ, не сдавъ экзаменовъ,—по крайней мѣрѣ заковъ законъ.

Всякій же выдержавшій, даже если и не получаетъ мѣста чиновника, становится уважаемымъ лицомъ въ своемъ околоткѣ, освобождается отъ тѣлеснаго наказанія, отъ преклоненія колѣнъ и битья челомъ передъ судьей и получаетъ право выѣснить надъ входной дверью своего жилища доску съ обозначеніемъ пріобрѣтеннаго имъ ученаго званія.

Полагая, что въ совершенствѣ овладѣлъ всею премудростію, рассыпавной въ написанныхъ тысячу лѣтъ тому назадъ семи священныхъ книгахъ, китаецъ заявляетъ о своемъ желаніи подвергнуться испытанію на одномъ изъ публичныхъ государственныхъ экзаменовъ, которые производятся дважды въ три года въ областныхъ городахъ. На экзамены допускаются люди всѣхъ возрастовъ, молодые и старые. Самые экзамены письменные; особые, назначаемые провинціальнымъ правительствомъ, чиновники, экзаменаторы, провѣряютъ и оцѣниваютъ письменныя работы кандидатовъ, сообразно ихъ достоинствамъ. Кандидаты, представившіе лучшія работы, обыкновенно одна десятая всего числа экзаменованныхся, удостоиваются желаннаго шарика на шанку и званія «сю-цай», что означаетъ: «геній въ почтѣ».

Но это лишь первая и низшая ступень, ведущая на китайскій Парнасъ, только необходимое условіе, открывающее путь къ экзамену въ главномъ городѣ провинціи, бывающему разъ въ три года, обыкновенно въ сентябрѣ. Экзаменаторами являются члены некинской Ханъ-линьской академіи, этой китайской академіи наукъ, и назначаются самимъ императоромъ. Въ качествѣ же ассистентовъ присутствуютъ вице-губернаторъ провинціи и старшіе мандарины.

Всѣмъ европейцамъ, посѣщающимъ главные города провинціи, главнымъ же образомъ Кантонъ, Ханъ-чжоу и Нанкинъ, обыкновенно показываютъ большіе «испытательные храмы». Я не могу хорошенъко взять въ толкъ, такъ какъ, зайдя съ моимъ проводникомъ въ такую «храмнню» въ Кантонѣ, я вообразилъ себѣ престо-напросто на сѣтотригонномъ дворѣ. Это—довольно обширная, ровная, заросшая сорной травой площадь, огороженная высокими старыми стѣнами. Широкая, нерыпшиво содержимая дорога ведетъ отъ однихъ входныхъ воротъ къ другимъ черезъ всю площадь, перерѣзывая ее на двѣ равныя части. По обѣ стороны этой дороги тянутся ряды какихъ-то низенькихъ хлѣ-

вовъ, имѣющихъ въ ширину не больше трехъ шаговъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга ходами въ два шага шириною. Въ одной изъ продольныхъ стѣнъ этихъ курьезныхъ построекъ находится до сотни крохотныхъ входныхъ отверстій; другая стѣна—глухая, безъ оконъ, безъ дверей. Какая же это хранина? Я съ удивленіемъ освѣдомился относительно назначенія этихъ «хлѣбовъ», и мой проводникъ предложилъ мнѣ войти въ одинъ изъ нихъ, черезъ крохотное входное отверстіе. Я очутился въ камеркѣ съ голыми кирпичными стѣнами. Ни оконъ, ни дверей, никакой мебели. Возлѣ двери и въ противоположной стѣнѣ я замѣтилъ неглубокія горизонтальныя ниши; полъ былъ покрытъ мусоромъ, изъ котораго при нашемъ появленіи выпыгнули ящерицы. Въ расщелинахъ стѣнъ копошились мокрицы и другая нечисть. Такой же видъ представляли и всѣ другія похожія на тюремныя кельи камерки. Дверь каждой камерки помѣчена нумеромъ, а проулки между самыми хлѣвами носятъ особыя названія.

Пройдя по лабиринту этихъ тысячъ камерокъ, мы добрались до противоположнаго входу конца площади и вышли черезъ вторыя ворота на маленькій дворъ, застроенный подобными же низенькими строениями, но съ болѣе просторными помѣщеніями. Вотъ и все. Всѣ помѣщенія были пусты, заброшены. Лишь у большихъ входныхъ воротъ бродили сторожа и солдаты.

Совсѣмъ иную картину представляетъ «испытательная хранина» во время сентябрьскихъ экзаменовъ! Внутри этихъ стѣнъ собирается тогда отъ пятнадцати до двадцати, а то и больше тысячъ народу, и вниманіе всей провинціи съ ея тридцатимилліоннымъ населеніемъ сосредоточивается на этой аренѣ ученыхъ состязаній. Еще за недѣлю до начала испытаній въ Кантонъ стекаются изъ всѣхъ частей провинціи кандидаты со своими родственниками и друзьями, отыскиваютъ себѣ пристанища въ гостиницахъ или частныхъ жилищахъ и затѣмъ являютъ въ испытательную комиссію, гдѣ предъявляютъ удостовѣреніе въ своей личности. Испытательная комиссія помѣщается въ строеніяхъ маленькаго двора, гдѣ и проживаетъ въ теченіе всего мѣсяца испытаній. Императорскіе экзаменаторы, высшіе мандарины, сотни чиновниковъ, писцовъ, секретарей, солдатъ и сторожей наводняютъ пустовавшія доселѣ помѣщенія и дѣлаютъ всѣ нужныя приготовленія для экзаменовъ, въ которыхъ участвуютъ обыкновенно восемь-двѣнадцать тысячъ кандидатовъ а иногда и больше, такъ что «испытательная хранина» едва можетъ ихъ вмѣстять. Большая площадь приводится въ порядокъ, маленькія темныя камерки, которыхъ въ Кантонской «испытательной хранинѣ» 8653, тоже метутся, прибираются и приспособляются къ ученымъ занятіямъ. Приспособленія эти, впрочемъ, сводятся къ тому, что въ стѣнныя ниши владывается по широкой доскѣ; доска въ нишѣ у входа

служить сидѣльемъ, другая въ нишѣ противоположной стѣны письменнымъ столомъ. Радо утромъ въ назначенный день кандидаты въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, друзей и слугъ собираются у входныхъ воротъ храмины; всѣ кандидаты нагружены платьемъ, одѣялами, съѣстными припасами, походными тагалами, чайными чашками и прочекъ хозяйственною утварю, такъ какъ обречены оставаться въ отвѣденныхъ имъ крохотныхъ камерахъ въ теченіе слѣдующихъ девяти сутокъ, и только третью и шестую ночь имъ разрѣшается провести на свободѣ, внѣ строго охраняемой стражей «испытательной храмины». Въ предѣлы ея никто не можетъ сопровождать кандидатовъ; послѣдніе прощаются со своими спутниками у входа и одни вступаютъ въ ворота, таща на себѣ всѣ свои пожитки. Тутъ кандидатовъ подвергаютъ строгому обыску, нѣтъ ли при нихъ карманнаго изданія классиковъ или другихъ запрещенныхъ предметовъ. Послѣ обыска они являются къ мандаринамъ, которые вручаютъ каждому кандидату заштемпованный листъ бумаги, на которомъ помѣчено имя кандидата и номеръ отвѣденной ему кельи. Затѣмъ кандидаты съ напряженіемъ ожидаютъ раздачи маленькихъ красныхъ записочекъ съ темами, которыя печатаются въ самой храминѣ. На эти темы кандидаты должны въ теченіе двухъ дней написать три сочиненія въ прозѣ и одно въ стихахъ. Ни одно сочиненіе не должно состоять болѣе, нежели изъ четырехсотъ, и менѣе, нежели изъ трехсотъ знаковъ-словъ, а число знаковъ въ примѣчаніяхъ или отмѣткахъ на поляхъ не должно превышать ста.

Сдавъ эти сочиненія, кандидаты могутъ безпрепятственно покинуть храмину на одну ночь. При возвращеніи ихъ снова обыскиваютъ и отводятъ имъ новыя кельи, гдѣ они въ теченіе двухъ дней пишутъ новую серію сочиненій, числомъ пять, на классическія темы. Третья серія сочиненій пишется въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней; на этотъ разъ темы предлагаются экзаменаторами произвольныя и въ послѣдніе годы иногда современныя, какъ-то: по государствовѣдѣнію, отечественной географіи, математикѣ и т. п. Сдавъ и эту послѣднюю серію сочиненій, кандидаты свободны и могутъ оставить свои кельи. Но проходить еще нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ они узнаютъ о результатахъ испытаній. Каждая изъ представленныхъ письменныхъ работъ, а число ихъ доходитъ до тридцати тысячъ, подвергается самому тщательному разсмотрѣнію, которое, во избѣженіе всякихъ злоупотребленій и пристрастія, обставлено строжайшими формальностями. Прежде всего чиновники заклеиваютъ полосками бумаги выставленныя на работахъ имена авторовъ и отмѣчаютъ работы номерами; такимъ образомъ экзаменаторы при чтеніи сочиненій уже не могутъ знать, чью работу они просматриваютъ.

Затѣмъ всѣ тысячи сочиненій переписываются красными черни-

лами, и мандарины третьяго класса приступают къ просмотру воѣхъ рукописей. Признанныя лучшими поступаютъ уже на просмотръ высшихъ, назначенныхъ самимъ императоромъ экзаменаторовъ, но и послѣднимъ приходится имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ, съ десятью процентами, т. е. съ двумя-тремя тысячами сочиненій, написанныхъ 800—1.000 кандидатами. На долю каждой провинціи полагается лишь определенное число учено-литературныхъ степеней; напримѣръ, на Гуань-дунъ всего 70—80, и императорскимъ экзаменаторамъ предстоитъ по этому нелегкая задача указать изъ тысячи кандидатовъ 70—80 наиболее достойныхъ.

Приговоръ императорскихъ экзаменаторовъ не окончательный; они въ свою очередь представляютъ работы, удостоенныя ими степеней отличія, на судъ императорскаго прокурора, или цензора, который просматриваетъ ихъ и постановляетъ уже окончательное рѣшеніе.

Какъ мнѣ признавались сами китайскіе ученые, злоупотребленія на этихъ экзаменахъ, вѣсмотра на всѣ строгости, все-таки бывають: сторожей подкупають, запретныя книги провозятъ, а иногда даже и самыя сочиненія пишутся подставными кандидатами. Самыхъ экзаменаторовъ не такъ легко склонить къ злоупотребленіямъ, такъ какъ виновные подвергаются строжайшей карѣ.

Принимая во вниманіе, съ какими большими расходами, утомительными путешествіями, подготовительными трудами и умственнымъ и физическимъ напряженіемъ во время самыхъ экзаменовъ сопряжено соискательство учено-литературныхъ степеней, подумаешь, что на долю удостоившихся этихъ степеней семидесяти-восьмидесяти зашлывцевъ выпадаетъ что-то особенное, какая-то великая награда. Сидѣнье взаперти въ крохотныхъ душныхъ каморкахъ въ самомъ дѣлѣ часто бываетъ прямо нестерпимымъ, и нѣкоторые кандидаты, постарше или послабѣе, не выносятъ испытанія. Смертные случаи отъ переутомленія весьма нередки, и если смерть постигаетъ злосчастнаго кандидата въ самой «испытательной хранилѣ», для выноса тѣла умершаго проламываютъ главную стѣну, — входныя ворота по закону не открываются ни въ какомъ случаѣ. Многие кандидаты неудачники не отчаиваются и подвергаются испытанію во второй, въ третій разъ, а то и больше, и иногда хоть подъ старость, да удостоиваются-таки степени «цзюй-жень», т. е. «пронведеннаго человѣка» (нѣчто въ родѣ нашего «кандидата»).

Счастливецъ, стяжавшій такую честь, снаряжаетъ гонцовъ на свою родину, чтобы увѣдомить родныхъ о своей участи, выпавшей на долю его родного города или мѣстечка. Семья новоиспеченнаго цзюй-женя готовитъ на радостяхъ пиръ и расклеиваетъ на углахъ улицы большіе красные плакаты, чтобы оповѣстить о знаменательномъ событіи всѣхъ друзей и знакомыхъ. Надъ дверью же собственнаго жилища счастливица

вывѣшивается доска съ обозначеніемъ полученной имъ ученой степени. Богатые родные или земляки часто даже воздвигаютъ въ честь его триумфальныя ворота.

А какихъ дѣйствительныхъ преимуществъ достигаетъ этотъ счастливецъ? Доходнаго, тепленькаго мѣстечка, высокаго сана или знаковъ отличія? Нѣтъ, только права занять когда-нибудь, пожалуй, еще черезъ много лѣтъ, скромную чиновничью должность!

Если цзюй-жень желаетъ пристроиться вѣрнѣе и скорѣе, снѣ долженъ подвергнуться еще третьему роду испытаній, которыя происходятъ уже въ столицѣ, также разъ въ три года, обыкновенно ближайшею весною, вслѣдъ за провинціальными экзаменами. И пекинская «испытательная хранина» не лучше провинціальныхъ, но участвующіе въ испытаніяхъ кандидаты считаются гостями императора и получаютъ въ теченіе всего срока своего томленія въ кельяхъ обильную казенную пищу, которая готовится тутъ же въ походныхъ кухняхъ. Но расходы по путешествію, которое беретъ иногда цѣлый мѣсяцъ времени, кандидатамъ приходится покрывать изъ своего кармана. Людей неимущихъ сужаютъ для этой цѣли деньгами ростовщики, и когда такой кандидатъ получить постъ мандарина, онъ съ ляхвой возвращаетъ свой долгъ. Самые экзамены въ Пекинѣ производятся такимъ же образомъ, какъ и въ провинціи, но только бывають труднѣе, и всѣ работы на заданныя классическія или философскія темы должны быть выполнены блестяще, а стихи быть безупрочными.

Число кандидатовъ достигаетъ четырнадцать тысячъ, собирающихся изъ всѣхъ провинцій, но лишь одна десятая изъ нихъ удостоивается столь желанной степени «цзинь-ши», «готовый ученый», соответствующей нашей магистерской. Число степеней цзинь ши строго опредѣлено для каждой провинціи, и всѣ, удостоивающіеся этой степени, обыкновенно скоро возводятся въ мандарины и получаютъ соответствующіе посты. Тотъ, кто не довольствуется и этой степенью, можетъ добиваться четвертой, для чего нужно подвергнуться еще одному испытанію, которое производится кандидатамъ въ заповѣдномъ Пурпуровомъ городѣ. Счастливы, выдержавшіе и эти труднѣйшіе экзамены, становятся членами Хань-линской академіи и получаютъ титулъ поэтовъ и историографовъ императорскаго двора.

Религіи Китая.

(А. К.)

Господствующихъ религій въ Китаѣ три: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. Задолго до появленія Конфуція религія китайцевъ уже представляла стройную систему. Она состояла въ почитаніи Тянь—

Неба, Шань-Ди—перваго государя и различныхъ духовъ (Шань). Между Тянь—Небомъ, Ди—государемъ и Шань-Ди—верховнымъ владыкой нѣтъ никакого различія. Небо, какъ божество, не выказывается какимъ-нибудь чудеснымъ путемъ, не проявляетъ особенной благосклонности къ однимъ или нерасположенія къ другимъ и познается только въ естественномъ ходѣ природы. Безгласно и просто, ни на минуту не прекращая своей дѣятельности, правитъ Небо вселенной, проявляя свое могущество въ дождѣ, въ сіяніи солнца, въ жарѣ и холодѣ, въ дыханіи вѣтра, въ смѣнахъ времянь года. Между явленіями природы и жизнью человѣка существуетъ связь: государственное устройство совершается согласно законамъ природы.

Съ почитаніемъ неба, Шань-Ди и всеобщаго мірового порядка находится въ связи и почитаніе духовъ: имъ приписывается та же чудодѣйственная сила. Между духами различаютъ небесныхъ, земныхъ и духовъ предковъ. Почитаніе послѣднихъ наиболѣе распространено. По вѣрованію китайцевъ, жизнь не прекращается со смертію. Душа, лишившись своей тѣлесной оболочки, продолжаетъ существовать и оказываетъ таинственное вліяніе на живущихъ. Но, лишенная органовъ движенія, познанія, чувствъ, душа въ посмертномъ состояніи нуждается въ заботахъ постороннихъ. Эти заботы составляютъ кругъ обязанностей остающихся на землѣ: сына, внука, правнука и т. д., каждый изъ которыхъ, ставъ главою семейства, долженъ приносить жертвы всѣмъ восходящимъ членамъ рода, можетъ сноситься съ ними и пользоваться ихъ совѣтами, поддерживая такимъ образомъ непрерывное общеніе между самыми отдаленными поколѣніями. Только въ томъ случаѣ, если китаецъ умереть не на родинѣ и тѣло его не будетъ возвращено китайской почвѣ, духъ его не успокаивается. Лишенный попеченія, голодный будетъ онъ рыскать въ невѣдомыхъ странахъ, пылая местию къ безпечнымъ потомкамъ. Поэтому-то китайцы такъ и заботятся, чтобы трупы ихъ умершихъ соотечественниковъ, хотя бы цѣною большихъ расходовъ, все-таки были возвращены на родину.

Души умершихъ должны имѣть свои мѣста собранія среди живущихъ и для нихъ китайцы воздвигаютъ настоящіе храмы; устройство которыхъ вообще таково. Ворота и длинныя сѣни ведутъ въ открытый сверху, мощный плитами дворъ, въ глубинѣ котораго, прямо противъ входа, помѣщается просторный залъ. Въ концѣ зала стоитъ длинный столъ, на которомъ расположены деревянныя таблички съ именами усопшихъ предковъ. Иногда эти таблички укрѣплены прямо на стѣнѣ. По табличкамъ каждый китаецъ можетъ сосчитать всѣхъ своихъ предковъ съ большою легкостью, чѣмъ любой изъ нашихъ представителей знатныхъ родовъ.

Передъ собраніемъ предковъ въ важныя минуты собираются для

совѣта члены того или другого семейства и разсаживаются по имѣющимся здѣсь стульямъ и скамьямъ. Многочисленные яства ставятся передъ предками. Они невидимо вкушаютъ ихъ, вдыхая ароматъ блюдъ, которыя затѣмъ отправляются въ желудокъ мертвыхъ. По стѣнамъ зданія написаны изреченія философовъ. Другая характерная особенность постройки—это большія каменные доски, вдѣланныя въ стѣны, на которыхъ выгравированы безчисленные иероглифы именъ жертвователей на постройку храма.

Таковы въ общихъ чертахъ были религіозныя воззрѣнія китайцевъ до Конфуція и такими же они остались и послѣ него. Конфуцій (551—478 г. до Р. Х.) не внесъ въ жизнь своего народа чего-либо новаго, что было бы плодомъ его внутренней и духовной работы. По его собственному признанію, его ученіе создано не имъ самимъ, а вытекаетъ изъ человѣческой природы, величіемъ которой слѣдовали древніе китайцы, жившіе за 22 столѣтія до христіанской эры.

Главное вниманіе Конфуція было обращено на обрядную сторону религіи, области же сверхъестественнаго онъ избѣгалъ касаться. На вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ поклоняться духамъ и что такое смерть, онъ отвѣчалъ уклончиво: «Когда не умѣемъ служить людямъ, то гдѣ ужъ служить духамъ. Духамъ надлежитъ приносить жертвы, какъ если бъ они присутствовали здѣсь. Если еще не знаемъ жизни, то какъ познать смерть». Вообще умъ Конфуція, какъ умъ истаго китайца, всецѣло привязаннаго къ непосредственно видимому и осязаемому, былъ чуждъ всего таинственнаго, всего, что выходитъ за предѣлы дѣйствительности, и въ то же время насквозь пролинявуть сознаниемъ важности нравственныхъ обязанностей человѣка. Сообразно съ этимъ и ученіе Конфуція носитъ характеръ житейской мудрости. Самымъ важнымъ въ глазахъ его является правильность отношеній между государемъ и подданными, родителями и дѣтьми, мужемъ и женой и т. д., при чемъ основой нравственности считается отсутствіе увлеченій, соблюденіе середины во всѣхъ поступкахъ и, какъ слѣдствіе этого, спокойствіе и невозмутимость. Человѣкъ не долженъ имѣть ни чрезмѣрной злобы, ни чрезмѣрной любви, не долженъ слишкомъ предаваться печали или радоваться,—однимъ словомъ, въ немъ должно быть полнѣйшее отсутствіе крайностей и увлеченій. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ нужно избѣгать причинять другимъ то, чего себѣ не желаешь, чтобы иначе не нарушить спокойное и широкое теченіе общественной жизни. Справедливость и честность, послушаніе и почтительность къ старшимъ, кротость, терпѣніе и наконецъ въжливость—вотъ важнѣйшія добродѣтели.

Чтобы укоренить свое ученіе въ умѣ народа, Конфуцій строго требовалъ исполненія обрядовъ (числомъ до 300) и церемоній (до 3000).

Церемонія является сдерживающимъ началомъ; благодаря имъ чело-
вѣкъ знаетъ, какъ ему поступать въ извѣстное время и при из-
вѣстныхъ обстоятельствахъ, и сумѣетъ вести себя прилично и съ до-
стоинствомъ, избѣгая разнаго рода столкновений, ссоръ и брани.

Путемъ, ведущимъ къ достиженію перечисленныхъ добродѣтелей,
Конфуцій и его ученики считаютъ учение и самосовершенствованіе.
Особенное значеніе имѣетъ изученіе исторіи и жизни святыхъ людей
древности. Лица, призванныя управлять государствомъ, необходимо
должны обладать познаніями, чтобы вести народъ къ счастью.

Ученіе Конфуція, будучи создано въ духѣ народа, вошло въ его кровь
и плоть, и всякая попытка замѣнить отжившую старину новыми и луч-
шими учрежденіями всегда отвергалась съ презрѣніемъ китайцами, такъ
какъ «князь мудрости (Конфуцій) все преподавалъ, все сказавъ, все по-
стигъ». Въ сущности всѣ китайцы безъ различія вѣроисповѣданій—кон-
фуціанцы по своимъ воззрѣніямъ, но въ частности его послѣдователями
являются ученые и администраторы, болѣе или менѣе равнодушные къ
религиознымъ вопросамъ, но для которыхъ познаніе классическихъ книгъ
признается необходимымъ и даже обязательнымъ.

Съ вѣншей стороны религія Конфуція выражается въ жертво-
приношеніяхъ и другихъ обрядахъ. Жертвы приносятся небу, землѣ,
умершимъ предкамъ императора, богамъ урожая, Конфуцію и другимъ
мудрецамъ, гевіямъ—покровителямъ ремеслъ и занятій, многимъ граж-
данамъ, оказавшимъ услуги государству, духамъ предковъ и т. д.

Императоръ исполняетъ необходимыя церемоніи чествованія духовъ
въ сопровожденіи двора и чиновъ палаты церемоній, при чемъ самъ
трижды преклоняетъ колѣна и дѣлаетъ 9 низкихъ поклоновъ, а осталь-
ныя обрядности выполняются сопровождающими его лицами. Импера-
трица въ сопровожденіи двора приносить жертвы богинѣ шелководства,
Юанзефѣ. Наиболѣе торжественныя церемоніи производятся дворомъ въ
день зимняго солнцестоянія.

Въ конфуціанской религіи, въ противоположность буддизму и дао-
изму, нѣтъ ни священства, ни монастырей. Служеніе духамъ испол-
няютъ официальные и административныя лица, а праху предковъ и до-
машнимъ богамъ приносятъ жертвы главы семействъ. По официальнымъ
китайскимъ свѣдѣніямъ, въ странѣ числится болѣе 1.500 храмовъ,
посвященныхъ Конфуцію при экзаменаціонныхъ дворахъ, на которые
расходуется ежегодно до 70.000 свиней, кроликовъ, овецъ и другихъ
животныхъ для жертвоприношеній и до 30.000 кусковъ шелковой ма-
теріи. Все это, разумѣется, поступаетъ въ доходъ ирислугѣ, приня-
мающей дѣятельное участіе въ чествованіи духовъ.

Второе мѣсто послѣ конфуціанства въ Китаѣ занимаетъ буддизмъ,
насчитывающій къ всѣмъ религіямъ наибольшее количество послѣдова-

телей среди обитателей Небесной империи, при чем эти послѣдніе принадлежатъ къ низшимъ классамъ населенія.

Буддизмъ, занесенный въ Китай впервые въ 61 г. послѣ Р. X., подвергся здѣсь большому измѣненію.

Онъ включилъ въ свою церковь весь сонмъ китайскихъ божествъ и распался на рядъ сектъ совершенно своеобразнаго характера. Добрыя дѣла и праведная жизнь отошли на второй планъ, уступивъ свое мѣсто обрядности; ученіе о раѣ и адѣ загробной жизни играетъ здѣсь выдающуюся роль.

Буддизмъ имѣетъ въ Китаѣ множество мужскихъ и женскихъ монастырей. Въ буддійскомъ храмѣ можно найти массу идоловъ, начиная отъ идоловъ—хранителей храма и до трехъ изображеній Будды, настоящаго, прошедшаго и будущаго, и изображеніе богини милосердія, увѣщанной всевозможными приношеніями. Буддійскіе священники, или бонзы, не пользуются у народа большимъ почетомъ. Немаловажный доходъ имъ доставляетъ продажа предсказаній, различнаго рода принадлежностей для покойниковъ и особенныхъ пропусковъ для загробнаго путешествія, которые массами покупаются легковѣрными китайскими женщинами.

Третья религія въ Китаѣ—это даосизмъ, въ основѣ коей положено возвышенное ученіе философа Лао-цзы, непонятное для массы китайскаго населенія.

Суть ученія заключается въ выясненіи соотношенія между вселенной и Тао—невидимую и непостижимую сущностью всего. «Тао неощутимо, вы на него смотрите и не видите, вы его слушаете, но не слышите, вы пытаетесь коснуться его, но не можете схватить. Его нельзя выразить словами, оно неизмѣнно, оно бездѣйствуетъ, и тѣмъ не менѣе оно создало и небо и землю. Оно вѣчно и, являясь причиной и сущностью всего, никогда не исчерпывается и не устаетъ. Оно есть пустота, но изъ этой пустоты исходятъ и въ нее возвращаются, какъ къ своему первоисточнику, всѣ существа».

По представленію Лао-цзы, природа человѣка сама по себѣ хороша, и тотъ, кто поступаетъ сообразно съ нею, будетъ имѣть въ себѣ Тао.

Ко всему вышнему, къ показной сторонѣ жизни, къ показной учености, въ грубой снѣгъ Лао-цзы относился отрицательно. Напротивъ, отъ проповѣдуетъ самоотреченіе. «Какъ воды текутъ къ мѣсту назначенія, орождая, очищая и освѣжая, такъ и мудрый правитель, если хочетъ стоять выше своихъ подчиненныхъ, долженъ какъ вода ставить себя ниже всѣхъ и во всемъ благодѣтельствовать». Обращаясь къ чиновникамъ конфуціанистамъ, онъ говорилъ имъ: «оставьте вашу мудрость, и народъ будетъ въ тысячу разъ счастливѣе, бросьте вашу филантропію и судъ, и народъ вернется къ сыновнему благочестію и состраданію».

Смирение, сострадание и экономія—вотъ важнѣйшія качества человѣка. «Будучи сострадательнымъ, можно быть храбрымъ, будучи экономнымъ, можно быть щедрымъ, а будучи смиреннымъ, можно стать главою людей».

По Лао-цзы, главною цѣлью праведнаго человѣка долженъ быть миръ; пускать въ ходъ оружіе онъ можетъ только въ случаѣ самой послѣдней крайности. «Истинно великій генералъ не долженъ любить войны, онъ не долженъ быть мстительнымъ и страстнымъ. Онъ назначаетъ сраженія, но предпочитаетъ не имѣть ихъ. Онъ лучше выждетъ нападенія, чѣмъ самъ начнетъ его. Если бы всѣ поступали такъ, не было бы стремленія къ чинамъ, любви къ дракѣ и опустошеній, создаваемыхъ войной». Лао-цзы порицаетъ всякое насиліе, смертную казнь и вообще наказаніе. Лао-цзы учитъ не судить своего ближняго и воздавать добромъ за зло. Истинно хорошій человѣкъ любитъ всѣхъ, не отрицая никого. Люди уважаютъ сильныхъ и презираютъ слабыхъ,—говоритъ Лао-цзы,—но изъ слабости часто возникаетъ сила и нѣжныя вещи дѣйствуютъ не хуже твердыхъ. Изъ всѣхъ мягкихъ частей на свѣтѣ самая мягкая—вода, но она сильнѣе, чѣмъ что-либо при разрушеніи твердыхъ камней».

Таково было ученіе Лао-цзы, легшее въ основаніе таоизма, но оно пришлось не по плечу его современникамъ.

Въ концѣ-концовъ таоизмъ выродился въ самое глубокое идолопоклонство и суевѣріе. Матерія и силы природы, человѣкъ и его душа, все это было обоготворено. Появился цѣлый сонмъ божествъ и духовъ. Звѣзды, воздухъ, земля, рѣки и моря, города и деревни имѣютъ своихъ божествъ. Царю драконовъ, который представляетъ олицетвореніе воды и вообще влаги въ различныхъ формахъ, посвящены многочисленныя храмы на берегахъ озеръ и рѣкъ. Змѣя является олицетвореніемъ этого божества, и поэтому ей поклоняются и молятся во время наводненій. Многіе герои и ученые превратились въ сознаніи народа въ божества. Вообще всѣ существа, наиболѣе безмысленныя, нашли себѣ пріютъ въ этой религіи, духовенство которой чрезвычайно невѣжественно. Оно раздѣляется на три главныхъ школы: одна посвящаетъ себя философскимъ умозрѣніямъ, другая ищетъ эликсиръ, дающихъ вѣчную жизнь и талисманъ для превращенія вещества въ золото, уподобляясь алхимикамъ среднихъ вѣковъ; изъ среды третьей выходятъ заклинатели духовъ, различныя маги и чародѣи. Они занимаются астрологіей, составляютъ гороскопы, вызываютъ и изгоняютъ духовъ, предсказываютъ будущее, лѣчатъ болѣзни, продаютъ различныя талисманы и т. д.

Таоистскіе священники считаются также знатоками Фенгъ-шуй, или науки о томъ, какъ располагать постройки и другія сооруженія, а также могилы, соображаясь съ рельефомъ мѣстности и свойствами почвы, такъ, чтобы онѣ не были доступны вліянію злыхъ духовъ. Тѣло покойниковъ

часто долгое время остается безъ погребенія, а иногда ихъ выкапываютъ даже изъ земли, чтобы похоронить въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Въ настоящее время Фенгъ-шуй есть главный врагъ европейскихъ сооруженій, такъ какъ телеграфный столбъ тревожить Фенгъ-шуй, а желѣзная дорога осквернила бы многія мѣста, назначенныя для погребенія.

Культъ предковъ у таоистовъ превратился въ настоящее идолопоклонство; это уже не есть только благодарное сыновнее воспоминаніе объ усопшихъ родителяхъ; жертвоприношенія, совершаемыя здѣсь, имѣютъ реальное значеніе.

По воззрѣнію таоистовъ, душа человѣческая состоитъ изъ трехъ элементовъ, которые раздѣляются въ моментъ смерти: одинъ изъ этихъ элементовъ—матеріальный—умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, другой—духовный—уносится въ эфиръ, на звѣзды и т. д., наконецъ третій (нѣчто среднее) остается при трупѣ въ могилѣ, сохраняя тѣмъ не менѣе способность переноситься куда угодно. Къ нему-то и относится культъ предковъ.

Души предковъ невидимы постоянно блуждаютъ около своихъ потомковъ. Если они довольны приношеніемъ и почетомъ со стороны послѣднихъ, оказываемымъ каждый день, они защищаютъ ихъ отъ духовъ, помогаютъ имъ, ходатайствуютъ о нихъ передъ богами, они обезпечиваютъ имъ счастье, здоровье и богатство; напротивъ того, будучи пренебрегаемы, они оставляютъ ихъ беззащитными противъ ухищреній злыхъ демоновъ, и неблагодарное семейство влечетъ свою жизнь въ несчастіи и позорѣ.

Въ отличіе отъ ученія Конфуція, таоизмъ имѣетъ духовенство, монаховъ и папу, въ чемъ онъ сходится съ буддизмомъ. Они совершаютъ службы различнымъ божествамъ и часто соединяются при этомъ съ буддѣйскими священниками.

Три религіи Китая—конфуціанизмъ, таоизмъ (даосизмъ) и буддизмъ—не находятся во враждебномъ отношеніи другъ къ другу, но мирно уживаются рядомъ. Каждый изъ 400 милліоновъ обитателей Небесной имперіи, если онъ, какъ жрецъ или монахъ, не состоитъ въ болѣе близкомъ отношеніи къ одной изъ этихъ религій, безразлично посѣщаетъ ихъ храмы для поклоненія тому божеству, въ которомъ встрѣчается необходимость въ данную минуту, пользуется конфуціанскими обрядами для чествованія праха предковъ и изучаетъ конфуціанскія книги для сдачи государственнаго экзамена, представляющаго единственный путь къ занятію мѣста чиновника.

На водораздѣлѣ Желтой и Голубой рѣки.

(Пяецкаго.)

Кончилось наше водное странствование. Теперь намъ предстоитъ длинная сухопутная дорога черезъ сѣверо-западный уголъ собственного Китая.

Вотъ что предстоитъ намъ пройти въ общихъ чертахъ: мы выйдемъ изъ бассейна р. Янъ-Цзы, перейдя черезъ хребетъ Цзунъ-Линъ-Шань, и, спустившись съ него, вступимъ въ бассейнъ другой громадной рѣки Китая—Хуанъ-Хэ (Желтой).

Всходитъ солнце. На сине-голубомъ небѣ нигдѣ ни облачка, и воздухъ, послѣ недавнихъ дождей, такъ прозраченъ и чистъ. Всѣ уже встали и всѣ въ хлопотахъ, а маленький дворикъ нашего дома весь загроможденъ вьючными сѣдлами съ привязанными къ нимъ многочисленными мѣстами нашего багажа.

Наконецъ, работа на дворѣ затихла на время; а въ третьемъ часу дня муравейникъ снова зашевелился, и китайцы-извозчики приступили къ вьючкѣ. Они всѣ въ соломенныхъ шляпахъ, съ такими широчайшими полями, что послѣдняя, при тѣснотѣ, какая была на дворѣ, часто заходили краями другъ за друга и образовали какъ бы сплошной помостъ, такъ что, смотря на нихъ сверху, напримѣръ, съ лошади, ничего вокругъ себя не видишь, кромѣ шляпъ. Явились солдаты и офицеры, которые должны были конвоировать насъ; привели наемныхъ верховыхъ лошадей подъ нашими сѣдлами, и такъ какъ мы были готовы, транспортъ нашъ тоже, то мы рѣшили тронуться впередъ, чтобы избавиться отъ насущившей суматохи и освободить другимъ мѣсто.

Съ нами отправлялись пѣшкомъ восемь человекъ конвоировъ изъ мѣстной полицейской команды, которымъ мы роздали въ руки разные вещи, другія надѣли на себя и тронулись, едва пробравшись черезъ загроможденный дворъ. Но не просторнѣе было и на улицѣ, которая была не усыяна, а просто набита народомъ, и намъ для проѣзда осталась лишь узенькая свободная тропинка; и то хорошо... Мы поѣхали по ней, оглядываясь на знакомые дома и прощаясь съ улицами города. Толпа стояла совершенно спокойно и только жужжала, какъ пчелиный рой; всѣ были почтительны: намъ не сдѣлано ни малѣйшей обиды, не крикнуто ни одного браннаго слова; нѣкоторые знакомые прощались и что-то кричали, махая руками. При такой обстановкѣ проѣхали черезъ весь городъ. Вотъ мы уже за его воротами, проѣзжаемъ предместье; вотъ и нивы съ убранной или еще стоящей на корню пшеницей и хлопчатникомъ; а тамъ рисовыя поля сверкаютъ, какъ огромныя зеркала, положенныя на землю; ихъ только что наполнили водой и перепахиваютъ подъ нею, а по другимъ уже разсаживаютъ рисъ, бродя по волнѣ

въ водѣ. На гумнахъ идетъ молотьба цѣнами, такими же, какъ и у насъ, и такъ же, какъ и у насъ, маленькими группами людей, такъ что картина молотбы невольно перенесла меня въ русскія деревни.

Теперь намъ была хорошо видна громадная равнина Хань-Чжунъ-Фу, знаменитая своимъ плодородіемъ, богатою растительностью и густымъ населеніемъ; китайцы, говорятъ, называютъ ее зеленымъ раемъ. Но, должно быть, она рай не для тѣхъ, кто здѣсь живетъ, потому что всѣ здѣшніе жители имѣютъ блѣдный, болѣзненный видъ; много людей съ большими глазами и даже почти или совсѣмъ слѣпыхъ...

Описываемая равнина такъ велика, что окраины ея, уходящія въ даль, недоступны глазу и, какъ кажется, упираются въ подножія отдаленныхъ горъ, замыкающихъ ее со всѣхъ сторонъ. Вся она испещрена разноцвѣтными полями, деревенками, фермами и хорошенькими кумирнями, а также усѣяна группами деревьевъ, между которыми встрѣчаются невысокія вѣтерныя пальмы (Chamaecops), персики и абрикосы, а въ густой древесной листвѣ воркуютъ горлянки, кричатъ удода и другія птицы. Равнина изрѣзана густо обросшими зеленою каналами, по которымъ, журча, бѣжитъ чистая горная вода; черезъ каналы перекинуты каменные мостики на аркахъ, но безъ перилъ. Надъ водою перелетаютъ кулики, вьются стрекозы, бабочки, жуки и другія насѣкомыя. Воздухъ необыкновенно прозраченъ, но дышать имъ тяжело, потому что онъ переполненъ миазмами отъ удобреній.

Густота населенія здѣсь поражающая: куда бы ни обратился взглядъ, онъ непремѣнно встрѣтитъ человѣческое жилище и увидитъ людей, то занятыхъ уборкою хлѣба и сѣна, то обрабатывающихъ поля или идущихъ въ носилкахъ, разглядывать голыхъ или полуголыхъ дѣтей, бѣгающихъ около своихъ домовъ и, должно быть, цѣлые дни проводящихъ на солнцѣ, потому что цвѣтъ кожи у нихъ, какъ и у взрослыхъ, болѣе или менѣе коричневыи.

Мы ѣхали, по временамъ останавливаясь, поджидая своихъ спутниковъ. Наконецъ, наша компанія въ полномъ составѣ... Въ первый разъ по этой равнинѣ ѣдутъ верхомъ восемь человекъ русскихъ, которыхъ сопровождаютъ верхомъ же нѣсколько китайскихъ офицеровъ; четыре солдата несутъ на носилкахъ главнаго изъ мандариновъ, сопровождающихъ насъ до ближайшаго города, и носильщики идутъ быстрее нашихъ лошадей. Далѣе слѣдуетъ конвой изъ восьми человекъ, одѣтыхъ въ форменное платье и шляпы и вооруженныхъ страшнымъ изъ виду, холоднымъ оружіемъ въ родѣ аллебардъ, ножеобразныхъ копій и зазубренныхъ ножей; за ними идутъ шестнадцать человекъ гвѣшей прислуги изъ полицейскихъ солдатъ, и за этой многочисленной группой людей тянется длинная вереницей транспортъ изъ тридцати вьючныхъ муловъ подъ нашимъ багажомъ. Подлѣ муловъ идутъ пѣшие извозчики, загорѣ-

лые и запыленные; тѣмъ не менѣе они закрываются отъ солнца и обмахиваются вѣерами, подобно нашимъ дамамъ.

Медленнымъ, но спорнымъ шагомъ подвигался нашъ караванъ по равнинѣ; солнце просто жгло, несмотря на соломенные шляпы съ широчайшими полями и вѣера, которыми мы запаслись на дорогу; жара спала только, когда солнце скрылось за горы. Въ это время мы подъѣзжали къ селенію, въ которомъ китайцами была приготовлена для насъ квартира, и всѣ уже считали сегодняшній переѣздъ оконченнымъ, надѣялись сейчасъ успокоиться и отдохнуть послѣ исполненнаго трудовъ и суматохи дня. Я подъѣхалъ къ одному большому дереву, котораго не могъ опредѣлить издали. Это была огромная стеркулія, и она, какъ оказалось, служила ночнымъ приютомъ для множества большихъ и маленькихъ птицъ, тутъ были, можно сказать, цѣлый міръ пернатыхъ, и когда я сдѣлалъ выстрѣлъ по одной незнакомой мнѣ птицѣ, надо мной поднялся такой крикъ, какъ будто вдругъ цѣлый городъ проснулся. Тутъ были представители голенастыхъ, голубинныхъ, вороньихъ и другихъ породъ птицъ. Встревожившись, онѣ не думали улетать, такъ что подъ этимъ деревомъ натуралисту можно было сдѣлать богатое приобрѣтеніе; но я съ грустнымъ сердцемъ долженъ былъ тотчасъ уйти отсюда, чтобы догнать удалявшійся караванъ. Ему, къ общему разочарованію, было объявлено, что здѣсь ночевать не останемся, а пойдемъ до слѣдующаго селенія, находящагося отсюда въ разстояніи пятнадцати верстъ!

Небо ужъ начинало темнѣть; голубая вечерняя мгла ложилась на равнину и одѣвала окаймляющія ее горы, къ которымъ мы приближались. На нихъ уже можно было различить обработанныя поля по тѣмъ горизонтальнымъ линіямъ, какими горы казались расчерченными въ своей нижней половинѣ. Еще засвѣтло переѣхали въ бродъ довольно широкой ручей, встрѣтившійся на дорогѣ, и потомъ рѣку, оказавшуюся Хань-Цзяномъ... Онъ здѣсь не широкъ, течетъ въ отлогихъ берегахъ и какъ ни мелокъ, а лодки по немъ все-таки идутъ и порядочныя.

И долго еще тащились мы въ ночномъ мракѣ и наконецъ достигли селенія, окруженнаго стѣной. Вступили черезъ ворота въ улицу и, усталые, мечтали объ отдыхѣ, о приютѣ на ночь; но въ томъ-то и горе, что здѣсь никакого приюта не было; пришлось еще отыскивать себѣ помѣщеніе, что ночью не неудобно только въ европейскихъ городахъ, стоящихъ на желѣзныхъ дорогахъ и имѣющихъ гостиницы, всегда открытыя и ожидающія пріѣзжихъ гостей. Хотя многіе изъ жителей села еще не спали, хотя многіе изъ нихъ выбѣгли на улицу съ зажженными лучиночками, встревоженные голосами, стукомъ копытъ и звономъ бубенчиковъ, висѣвшихъ на мулахъ, тѣмъ не менѣе найти себѣ квартиру мы не могли и, чтобы не оставаться всю ночь на улицѣ, принуждены

были въѣхать на тотъ же постоянный дворъ, куда вводили нашихъ въючныхъ муловъ.

Темная ночь. Стоимъ на тѣсномъ постояломъ дворѣ среди муловъ и извозчиковъ. Каждый кричитъ свои одинаково непонятныя для насъ слова и проходить мимо со своими заботами; до насъ никому нѣтъ дѣла; вы спрашиваете, куда же пройти,—васъ никто не слушаетъ или слушаетъ да не понимаетъ, и, сказавъ что-то, уходитъ прочь. Я долго сидѣлъ на лошади, ожидая, что кто-нибудь явится взять ее, чтобы поставить къ мѣсту, и дождался наконецъ. Одинъ изъ китайскихъ офицеровъ взялъ ее, а мнѣ указалъ, куда идти, прибавивъ: домъ плохой,

Въ китайской деревнѣ.

домъ очень нехорошъ! Войдя по указанному направленію въ какое-то большое пространство, ограниченное сверху соломенной крышей, а съ боковъ законченными, пропитанными дымомъ глиняными стѣнами, и предполагая, что это какой-нибудь проходной сарай, за которымъ находится чистый дворъ и на немъ домъ, я напрасно искалъ изъ него выходъ,—двери нигдѣ не было. Значить, этотъ-то грязный сарай, освѣщенный однимъ тусклымъ ночникомъ, въ одной половинѣ набитый доверху соломой, а въ другой—имѣющій широкую лежанку (ванъ) человекъ на двадцать, и есть тотъ самый пріютъ, котораго мы ждали и о которомъ мечтали. Только эта лежанка до отсутствіе яслей для животныхъ отличали его отъ помѣщенія для ословъ и муловъ.

Расположились на грязной лежанкѣ, даже не покрытой циновкой, какая обыкновенно имѣется въ самомъ бѣдномъ домикѣ, и, стараясь не думать о ночевавшихъ здѣсь вчера грязныхъ китайскихъ извозчикахъ, пожалуй, осыпанныхъ паразитами, мы улеглись на покой.

Встали рано, и хотя въ нашемъ салонѣ приличіе было бы жевать овесъ и сѣно, мы стали пить чай, который черезъ нѣсколько секундъ дѣлался мутнымъ отъ примѣси пыли, наполнявшей занимаемый нами хлѣвъ. Наши конвойные явились откуда-то, и, взявъ изъ нихъ трехъ, я поѣхалъ впередъ, надѣясь выиграть хоть немного времени. Эти мои спутники, несмотря на жару, бодро шагавшіе около меня, хотя и были солдаты, но своими молодыми лицами безъ одного волоска на губахъ и бородѣ, своими широкими соломенными шляпами, широкой одеждой и косами гораздо болѣе походили на нашихъ женщинъ, чѣмъ на воиновъ.

Мѣстность имѣла тотъ же характеръ, что и вчера: тѣ же горы, окаймляющія горизонтъ, оставляя въ немъ только одно мѣсто открытымъ,—гдѣ проходить долина Хань-Цзяна; та же равнина съ полями разнаго хлѣба. Только сегодня чаще встрѣчаются плантаціи мака, и на каждой маковой головкѣ видны надрѣзы, сдѣланные ножичкомъ для полученія губительнаго сока—опіума. Дороги, которыхъ здѣсь много, мѣстами обсажены огромными прекрасными деревьями или густымъ, высокоимъ кустарникомъ, такъ что по временамъ забудешься и думаешь, что ѣдешь какимъ-нибудь паркомъ.

Скоро мы приблизились къ горамъ. Онѣ въ этомъ мѣстѣ обработаны до самыхъ вершинъ, при чемъ многія поля выровнены террасами; почва на нихъ глинистая, желто-краснаго или зеленовато-сѣраго цвѣта, а воздѣланныя пространства покрыты травой и мелкимъ кустарникомъ. На пути часто встрѣчаются селенія, отѣненные роскошными вѣковыми деревьями, придающими имъ весьма живописный видъ; и особенно уютной и красивой показалась мнѣ деревенька, расположенная вдоль берега маленькой рѣчки; вся она скрыта въ зеленой тѣни тополей, между которыми мелькаютъ гранатовыя деревья съ ихъ прекрасными пунцовыми цвѣтами. На рѣчкѣ работала мельница, и нѣкоторые деревенскіе домики расположены также у самой воды.

Я остановился, чтобы полюбоваться симпатичной картиной тихой, низкому невѣдомой жизни горсточки людей. Всѣ они были заняты хозяйственными заботами: женщины на берегу мыли бѣлье, колотя его вальками, точъ въ точъ какъ это дѣлаютъ наши прачки; другія толили камешками въ каменныхъ чашкахъ шпеницу, превращая ее такимъ первобытнымъ способомъ въ муку для своего маленькаго домашняго хозяйства; а другимъ проявленіемъ малыхъ потребностей здѣшнихъ жителей являлись засѣянные шпеницей клочки земли около домовъ, не болѣе

аршина или двухъ величиной. Неподалеку, подъ тѣнью дерева, два человѣка чистили убитую и повѣшенную на деревѣ за заднія ноги свинью, усердно колота потомъ палками по ея кожѣ, имѣющей у китайскихъ свиней необыкновенную бѣлизну (мнѣ объяснили, что посредствомъ этого колоченія сало дѣлается рыхлымъ и нѣжнымъ). Вблизи бродили разныя домашнія животныя: куры, утки, цыплята, собаки, коровы и свинья съ поросятами.

Мы постепенно поднимались по дорогѣ, и уже послѣ перваго поворота ея увидали себя окруженными со всѣхъ сторонъ горами. Но дорога не стала пустынье: на ней безпрестанно встрѣчались пѣшие китайцы въ соломенныхъ шляпахъ и соломенныхъ башмакахъ, состоящихъ почти изъ однихъ подошвъ; у каждаго въ рукахъ былъ зонтикъ, который однако, предназначался, какъ видно, на случай дождя, а не въ защиту отъ солнца, потому что люди несли его на плечѣ сложеннымъ, повѣсивъ на него верхнее платье и кисетъ съ табакомъ. Встрѣтилась одна хорошенькая женщина, проѣхавшая верхомъ на ослѣ, котораго велъ подъ уздцы мужчина; часто попадались навстрѣчу караваны муловъ, которые шли со своей ношей, по обыкновенію гремя бубенчиками. Они везли по преимуществу разныя лѣкарства и табакъ изъ Лань-Чжоу.

Дорога идетъ бокомъ живописнаго ущелья, по дну котораго съ звонкимъ журчаньемъ бѣжитъ и скачетъ ручей, а по бокамъ растутъ прекрасныя деревья грецкаго орѣха, тополи, айланты, диоспирсы и другія. Въ немъ во многихъ мѣстахъ пріютились домаи, глиняные съ соломенными или черепичными крышами; кое-гдѣ торчатъ голыя скалы сланца, а надъ ними густо заросъ высокій кустарникъ разныхъ породъ, и изъ его непроницаемой чащи доносятся голоса разныхъ птицъ.

Мы то поднимались въ гору, иногда по изсѣченнымъ въ скалахъ лѣстницамъ, то опускались по такимъ же ступенямъ въ долины или проходили по извилистому ущелью.

Но вотъ небо заволокло тучами; горы нахмурились; изъ ущелья потянулъ сильный вѣтеръ, и термометръ упалъ до 19,5° P., а намъ при этой температурѣ казалось холодно. Вѣтеръ шумитъ въ кустахъ и деревьяхъ, качая граціозныя гирлянды бѣлой китайской розы. Этотъ дико растущій кустарникъ взбирается на другіе кустарники и деревья, густо оддегаетъ ихъ своими длинными вѣтвями, обсыпанными безчисленными бѣлыми цвѣтами, и разливаетъ въ воздухъ нѣжный ароматъ. Дорога вдругъ превратилась въ отлогую каменную лѣстницу, какъ бы сложенную изъ большихъ природныхъ плитъ, ужасно изрытыхъ. Лошадямъ чрезвычайно трудно взбираться по этой лѣстницѣ, да и не малая крѣпость нервовъ требуется также отъ тѣхъ, кто проѣзжаетъ здѣсь верхомъ, потому что съ лѣвой стороны дороги, отъ самаго ея края, почва круто опускается до дна глубокаго ущелья, по которому съ шу-

момъ скачуть небольшіе водопады: оступись лошадь, поскользнулся у ней нога—и ничего нѣтъ мудренаго, что слетишь вмѣстѣ съ нею на дно пропасти.

Мы поднялись благополучно по этой лѣстницѣ, и дорога пошла тропинкой, все въ гору; потомъ опять превратилась въ лѣстницу, и, поднявшись по ней, мы достигли вершины горы. Тутъ, подъ тѣнью роскошной растительности, стоитъ кумирня, портикъ которой образуетъ выступъ съ навѣсомъ, такъ что дорога проходитъ подъ нимъ, и ни одинъ путникъ не можетъ миновать его, потому что другого пути нѣтъ; потолокъ этого навѣса, подпертаго нѣсколькими деревянными столбами, расписанъ самымъ пестрымъ и яркоцвѣтнымъ узоромъ. Въ кумирнѣ стоитъ идолъ; возлѣ него повѣшенъ колоколь, въ который хя-шанъ (священникъ), живущій при кумирнѣ, ударяетъ нѣсколько разъ, когда кто-либо проходитъ или проѣзжаетъ мимо, приглашая этимъ къ пожертвованію; но въ пользу кого и чего, я не могъ спросить, потому что былъ одинъ.

Постоявъ на верхней площадкѣ и полюбовавшись глубокимъ ущельемъ, убраннымъ пушистою зеленью и полями, находившимися на другой сторонѣ его и лежащими еще выше меня, я поѣхалъ дальше, теперь внизъ, по такой же лѣстницѣ, и, спустившись, нѣсколько разъ оборачивался назадъ, чтобъ еще взглянуть на прекрасный видъ; смотрѣлъ и не могъ оторвать отъ него глазъ...

По дорогѣ чуть не на каждомъ шагѣ встрѣчаются тѣ отдѣльныя жилища, то деревни. Жители ихъ—китайцы; но ихъ физиономіи иногда заставляли забывать о Китаѣ, а уносили мысль въ Россію, къ нашимъ мужичкамъ. Смотришь на эти загорѣлыя коричневыя лица, на эти крѣпкія мозолистыя руки и думаешь: нѣтъ, это не китаецъ,—желтый и слабый, какимъ представляло его воображеніе.

Но не похожа здѣшняя обстановка на нашу. Здѣсь красивая вѣрная пальма, колеблемая легкимъ вѣтромъ, качается своими тонкими листьями; въ воздухѣ разлитъ ароматъ душистыхъ цвѣтовъ; кругомъ вездѣ богатѣйшая растительность; всюду такъ красиво, что все бы перерисовать, если бы позволило время...

Китайскіе солдаты съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотрѣли на мои занятія по части собранія всякой всячины; но вскорѣ увлеклись сами и помогали мнѣ, чѣмъ могли. Были очень любезны и все встрѣчавшіеся на дорогѣ туземцы, если представлялся случай оказать мнѣ какую-нибудь услугу. Напримѣръ, однажды я увидалъ на крутомъ склонѣ горы, невысоко надъ горой, одно интересное растеніе и попробовалъ достать его, что оказалось нѣсколько затруднительнымъ. Тогда одинъ изъ сидѣвшей подъ навѣсомъ скалы группы отдохавшихъ китайцевъ-носильщиковъ, замѣтивъ мое намѣреніе, тотчасъ вскарабкался на скалу, со-

рвалъ его и любезно подалъ мнѣ, прежде чѣмъ я успѣлъ сказать одно слово просьбы.

День уже клонился къ вечеру, и мнѣ надо было спѣшить, чтобы не опоздать, а то ночью здѣсь ѣхать плохо, потому что дорога каменная и очень неровная. Лошадь моя была голодна, утомилась и шла еще медленнѣе обыкновеннаго; поэтому я пошелъ пѣшкомъ, а погонщикъ повелъ ее въ поводу. Наконецъ, мы добрались до села, гдѣ мои спутники остановились на ночлегъ.

На берегахъ Янь-цзе (Хань-коу).

(Бородавскаго.)

За Нанкинѣмъ большая густота населенія обнаруживается присутствіемъ небольшихъ селеній и многочисленныхъ отдѣльныхъ фанзъ, расположенныхъ на низкомъ берегу подальше отъ рѣки, а на болѣе высокомъ и гористомъ вытянутыхъ у самой рѣки. Эти небольшіе поселки слѣдуютъ другъ за другомъ довольно часто, но въ нихъ лишь изрѣдка можно разглядѣть людей, и они кажутся пустынными.

Только вечеромъ передъ самымъ заходомъ солнца показывается около фанзъ рабочій людъ, возвратившійся съ полевыхъ работъ, да дѣти, съ громкими криками бѣгущія по берегу за пароходами, разнообразяя довольно унылый пейзажъ. Иногда на берегу у самой воды видѣются поля, покрытыя яркою зеленью растущаго на нихъ риса.

Мы плывемъ въ сравнительно малую воду, и потому берега кажутся довольно высокими. Въ концѣ августа или въ періодъ сезонныхъ дождей здѣсь бушуетъ сплошное море воды, на которомъ лишь незначительными точками выдѣляются китайскія поселенія. И теперь океанскіе пароходы съ осадкою въ 25—30 футовъ свободно идутъ вверхъ по рѣкѣ болѣе 1000 верстъ отъ ея устья. Какова же должна быть глубина этой рѣки во время разливовъ, если по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Хань-коу, уровень воды колеблется до 54 футовъ. Нужно хоть разъ видѣть эту могучую рѣку, чтобы вообразить себѣ ту громадную массу быстро несущейся желтой воды, которую она вливаетъ въ океанъ, и тогда будетъ понятно то почти божеское почитаніе, которое питаетъ къ ней китайскій народъ. Немного страннымъ кажется названіе рѣки «Голубой», когда вода ея имѣетъ цвѣтъ жидкаго кофе со сливками, но вѣдь мы еще до сихъ поръ не отрѣшились отъ старинныхъ географическихъ именъ въ Китаѣ, навязанныхъ намъ іезуитами, которые назвали эту рѣку «Голубой», вѣроятно, въ противоположность Хуанъ-хэ, известной подъ именемъ «Желтой». Сами китайцы зовутъ рѣку «Великой рѣкой» и имѣютъ на это полнѣйшее право, такъ какъ ни одна изъ рѣкъ сѣвернаго полушарія не можетъ конку-

ривать съ нею не только по длинѣ теченія, но и по глубинѣ фарватера.

Изъ острововъ этой рѣки особенною оригинальностью отличается островъ «Маленькая Сирота». Представьте себѣ одиноко стоящую посрединѣ рѣки каменную скалу, высота которой болѣе 400 футовъ, а основаніе на линіи соприкосновенія съ поверхностью воды едва достигаетъ ста футовъ въ поперечникѣ. Этотъ столбообразный возвышающійся островъ только на вершинѣ покрытъ незначительной древесной растительностью, скрывающей въ зелени кѣмъ-то построенную буддійскую кумирню. Нельзя не удивляться энергіи и труду, которые потрачены на то, чтобы на эту недоступную головокружительную высоту проложить ступеньчатую тропинку и уже по ней поднимать привезенный по рѣкѣ строительный матеріалъ. Надо сознаться, что лучшее мѣсто для удаленія отъ свѣта найти было бы трудно; здѣсь надъ бездной несущейся воды, поближе къ небесамъ, буддійскій бонза, или отшельникъ, дѣйствительно можетъ отрѣшиться отъ всего земного и безпрепятственно погрузиться въ нирвану.

Вблизи этого острова рѣка нѣсколько разъ круто мѣняетъ свое направленіе, представляя изъ себя въ планѣ почти восьмерку. Подходящія съ правой стороны довольно высокія, крутыя и дикія горы тѣснятъ ее, заставляя течъ только по одному руслу и тѣмъ увеличиваютъ быстроту теченія, которое здѣсь достигаетъ семи узловъ въ часъ. Со стороны лоцмана здѣсь нужны громадная опытность и умѣніе, такъ какъ, благодаря измѣнчивости фарватера, приходится то и дѣло мѣнять направленіе и ходъ машины, работая то правымъ, то лѣвымъ винтомъ. Помимо быстроты теченія, мѣсто это замѣчательно еще своимъ многократнымъ эхо. Рѣзкіе звуки сирены, или пароходнаго свистка, повторяются въ дикихъ ущельяхъ горъ по нѣскольку разъ, доставляя не малое развлеченіе пассажирамъ.

Передъ самымъ Хань-коу мѣстность опять принимаетъ однообразный видъ обширной равнины, на далекомъ горизонтѣ которой виднѣются невысокіе холмы, красноватые тона которыхъ непріятно рѣжутъ глазъ. Здѣсь густота населенія уже даетъ себя знать значительно большимъ числомъ расположенныхъ вдоль рѣки поселковъ. Многочисленные китайскія джонки, рыбацкія лодки, иностранные и мѣстные пароходы, плывучія деревни, возвыгнутыя на громадныхъ плоткахъ виднѣются на поверхности рѣки, которая здѣсь опять замѣтно расширяется.

Бросивъ якорь противъ набережной соединеннаго европейскаго квартала, мы стали ожидать пріѣзда агента Добровольнаго флота, который долженъ былъ выяснитъ, когда мы возьмемъ грузъ и какой. Интересное мѣсто представляетъ этотъ уголокъ Голубой рѣки, интересное въ томъ смыслѣ, что здѣсь, при впаденіи въ нее рѣки Ванъ-яна, сосредото-

точилося такое многочисленное и густое население, какого болѣе не встрѣчается на Янъ-цзе, да и въ остальномъ Китаѣ не во многихъ мѣстахъ. Здѣсь лежатъ три большихъ населенныхъ пункта: областной городъ У-чанъ, имѣющій до 200 тысячъ населенія, городъ Хань-коу-чженъ. Въ то время какъ самый У-чанъ-фу и Хань-янъ въ послѣднее время дѣлаются болѣе и болѣе захудалыми, хотя все же еще многлюдными городами, Хань-коу растетъ непомѣрно. Открытый для иностранной торговли по тьянь-цзинскому договору, онъ въ короткое время изъ простаго села обратился въ громаднѣйшій городъ съ почти миллионнымъ населеніемъ, хотя попрежнему не перестаетъ носить скромное названіе села. Путешественники весьма различно опредѣляютъ количество населенія этого уголка Китая. Одни говорятъ, что здѣсь сосредоточено не менѣе 6 миллионъ душъ, другіе—что только немногимъ болѣе миллиона. Провѣрить эти цифры хотя приблизительно невозможно, но кто хочетъ составить себѣ понятіе о количествѣ населенія въ Хань-коу, тому совѣтую посѣтить не европейскій кварталъ, а китайскій городъ, пройти его и выйти на берегъ довольно широкаго притока Янъ-цзе—Ханъ-цзана. Пусть не страшатъ его отвратительная грязь, вонь и мерзость лавокъ, улицъ и домовъ, постоянная суета, шумъ и давка: тѣмъ, что онъ увидитъ, вполне вознаградится неприятная сторона такого путешествія. Начать съ того, что улицы Хань-коу нѣсколько иныя, чѣмъ въ Шанхаѣ. Узкіе коридоры, образуемые стѣнами довольно высокихъ китайскихъ лавокъ и домовъ, прикрытые сверху для защиты отъ палящихъ лучей солнца дырявой и во многихъ мѣстахъ разрушенной крышей, вымощенные плитами или каменными обломками послѣднихъ, никогда не вентилируемые движеніемъ вѣтра, который не имѣетъ возможности сюда проникнуть, наполненные съ раннаго утра до поздняго вечера толпою спящаго во все стороны, вѣчно занятаго народа,—они похожи на кипащій муравейникъ въ тотъ моментъ, когда послѣдній встревоженъ чьей-нибудь любознательной рукой. Миновавъ многочисленныя закусокныя, чайныя дома, мастерскія, мы выходимъ на берегъ Ханъ-цзана, и представившаяся намъ здѣсь картина сразу даетъ понятіе о скученности и многочисленности здѣшняго населенія. Повеюду вверхъ по рѣкѣ, куда хватаетъ глазъ, видѣются мачты китайскихъ лодокъ и джокъ; маленькіе красные четырехугольные вымпела на мачтахъ развѣваются по вѣтру. На этихъ лодкахъ живутъ, рождаются и умираютъ тѣ изъ многочисленныхъ сыновъ Китайской имперіи, которые не имѣютъ возможности заниматься земледѣліемъ, не имѣютъ куска земли и иныхъ средствъ къ жизни, кромѣ перевозки грузовъ, рыбной ловли и т. п. промысловъ.

Обыкновенно лодка такого китайца представляетъ изъ себя двѣ неравнобѣрные половины. Та, которая на кормѣ, очень маленькая, и въ ней

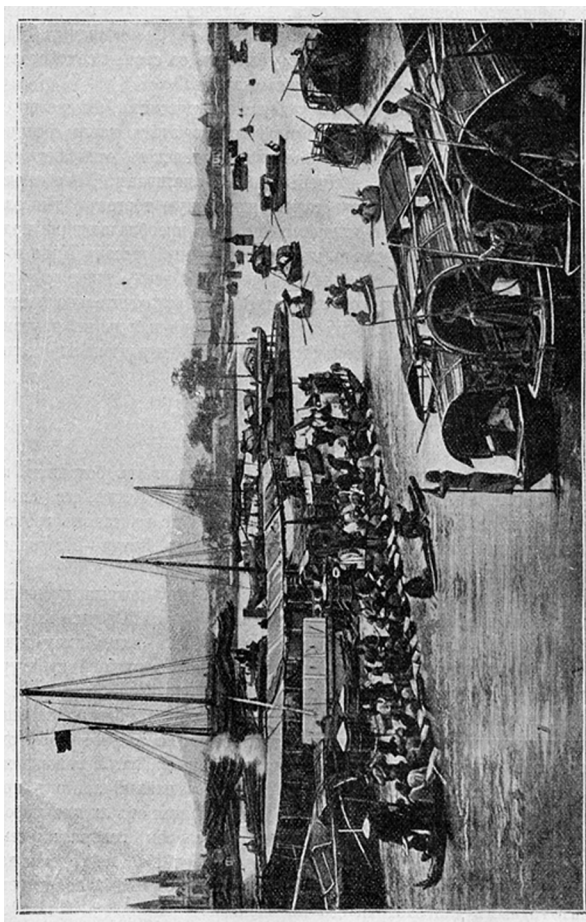
живетъ все семейство хозяина; здѣсь же помѣщается домашній алтарь. Передняя же, большая, служитъ для груза и пассажировъ. Многие китайцы не имѣютъ средствъ не только приобрести землю въ аренду или собственность, но даже и лодку. Эти нанимаются работниками къ лѣсопромышленникамъ и проводятъ вмѣстѣ съ семействомъ всю свою жизнь на громадныхъ плотяхъ, которые ихъ хозяева сплавляютъ съ верховьевъ Ян-цзе и которые мы такъ часто встрѣчали на своемъ пути. Эти плоды достигаютъ огромныхъ размѣровъ, и на нихъ обыкновенно выстроена цѣлая деревня, даже обнесенная по краямъ заборою. Къ такимъ плотамъ привязано нѣсколько маленькихъ легкихъ лодокъ, на самыхъ же плотяхъ помѣщается скотъ, сѣно и хозяйственные запасы. Когда смотришь на эти плывучія постройки съ борта парохода, онѣ совершенно напоминаютъ маленькую деревню.

Плоты, суда и шлюпки столь густо стоятъ по рѣкѣ, что, кажется, по этому подвижному мосту бревенъ и палубъ можно перейти на другой берегъ. Невообразимый шумъ голосовъ этого человѣческаго муравейника слышенъ еще задолго до приближенія къ нему.

Сѣвши въ небольшую лодку, я было попытался проплыть на ней до устья рѣки, но, потолкавшись немного безъ малѣйшаго успѣха объ носъ и корму вблизи стоящихъ судовъ, принужденъ былъ отказатьсь отъ этого намѣренія и, сопровождаемый многочисленною толпой, вернулся въ городъ.

Оригинально отношеніе этой толпы къ европейцу. Много разъ каждый изъ китайцевъ въ Хань-коу видывалъ европейца, а между тѣмъ никогда онъ не пропустилъ случая посмотреть, а если можно безнаказанно скрыться въ толпѣ, то и ругнуть заморскаго гостя. Этой участи, конечно, не избѣжитъ никто изъ европейскихъ посѣтителей китайскаго квартала. Случается, что какой-нибудь сорванецъ, помимо любимаго крика «инь-гуй-цаа» ¹⁾, швырнетъ вамъ подъ ноги камешекъ, любуясь вашимъ замѣшательствомъ, или сдѣлаетъ еще что-либо худшее. Во всемъ этомъ, однако, не слѣдуетъ видѣть желаніе обидѣть или причинить дѣйствительный вредъ; тутъ просто кроется желаніе подсмѣяться, и, конечно, въ подобныхъ шалостяхъ и выходкахъ не участвуютъ позилые люди и старики. Нѣтъ сомнѣнія, что нужно имѣть крѣпкіе, привычные нервы, чтобы безъ выраженія особаго неудовольствія выдержать подобную прогулку и не примѣнить какихъ-нибудь крайнихъ мѣръ, могущихъ здѣсь повести лишь къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ. Лучше не слѣдуетъ обращать вовсе вниманія на выходки толпы, которая, впрочемъ, къ намъ, русскимъ, въ Хань-коу, какъ и повсюду въ Китаѣ, относится гораздо лучше, чѣмъ къ другимъ европейцамъ.

¹⁾ Заморскій чортъ.

Китайские лодчичики.

Особенных достопримѣчательностей въ Хань-коу, кромѣ интересныхъ чайныхъ фабрикъ, не имѣется. Европейскій кварталъ, расположенный вдоль берега, сильно напоминаетъ Шанхай. Съ окончаніемъ чайнаго сезона большинство европейцевъ уѣзжаетъ со своими семействами въ окрестности спасаться отъ здѣшнихъ жаровъ.

Европейское населеніе Хань-коу для насъ, русскихъ, интересно съ той точки зрѣнія, что во всемъ Китаѣ только здѣсь наши соотечественники сумѣли занять первенствующее значеніе, оттѣснивъ на задній планъ американцевъ, нѣмцевъ и даже англичанъ. Хотя прочіе европейцы и проявляютъ здѣсь самую оживленную торговую дѣятельность и, можетъ быть, даже являются численно преобладающими надъ русскими, но послѣдніе держатъ въ рукахъ чайный рынокъ Хань-коу, устанавливая цѣны на чай и дають направленіе всему чайному дѣлу. Если припомнить, что Хань-коу торгуетъ почти исключительно чаемъ, то легко понять, почему именно здѣсь, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ на Востокѣ, мы взяли перевѣсъ надъ прочими національностями.

Чай и его приготовленіе.

(Кудинова.)

Чайное дерево, принадлежащее, какъ опредѣляютъ ботаники, къ породѣ камелій, растетъ не исключительно только въ Китаѣ, его успѣшно разводятъ въ Японіи и въ Индіи, но далеко не въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ въ пресловутой странѣ чаевъ. Китай—это родина и царство чаевъ.

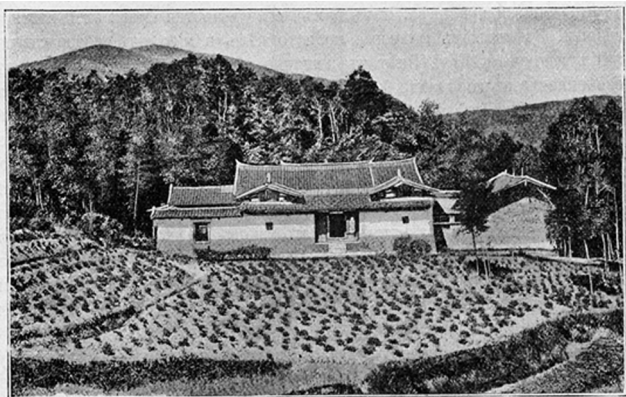
Самые лучшіе сорта чаевъ доставляютъ міру южныя провинціи страны, а именно: Цзянь-си въ Нинъчаускомъ округѣ. Средніе водятся въ провинціи Ху-бѣ и Ху-нань въ мѣстечкахъ Цунь-янъ, Янхоу-дунъ и Па-дэнъ, высокія горы которыхъ способствуютъ лучшей культурѣ чайнаго дерева. Худшіе сорта вывозятся изъ округа Сянь-тамъ.

Сколько заботъ и труда является на пути трудолюбиваго китайца-плантатора, пока онъ не выводитъ свои деревья настолько, чтобы они стали давать достаточное количество чайнаго матеріала. Я говорю матеріала, такъ какъ сорванный прямо съ дерева чайный листокъ при поверхностномъ анализѣ его нисколько не отличается отъ листка любого растенія ни видомъ, ни вкусомъ, ни запахомъ; словомъ говоря, въ немъ нѣтъ ничего чайнаго. Сорванный листокъ далеко еще не годенъ для питья и долженъ пройти длинный рядъ мытарствъ, пока не станетъ вполне годнымъ для заварки его въ чайникѣ.

Посаженное сѣмя чайнаго дерева даетъ на первый годъ очень маленкій ростокъ съ нѣсколькими тощими листками, которые, впрочемъ, скоро обрываются, дабы дать болѣе средствъ развиться корню и штампу.

На слѣдующій годъ дерево становится уже крѣпче и растетъ быстрѣе; затѣмъ на третій, когда оно достигаетъ вышины отъ $\frac{1}{2}$ до 2-хъ аршинъ, дерево пересаживается изъ питомника на плантацію; тутъ оно достигаетъ своего полного развитія и при хорошемъ уходѣ приноситъ ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ чайный матеріалъ.

Весьма красивый видъ представляетъ собою чайная плантація почти во всякое время года, въ особенности же оградно видѣтъ ее весною. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда свѣжая, нѣжная, какъ пухъ, зелень покрываетъ каждый кустикъ, каждое дерево, когда южное солнце еще не успѣло раскалить воздухъ до такой степени, что людямъ трудно ды-

Чайная плантація.

шать и каждый лишній шагъ становится вамъ въ большую тягость, вы свободно взбираетесь на крутыя горы, съ половины и до верху унизанныя чайными плантаціями. Вотъ вы добрались до плантаціи одного владѣльца; она состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ чайныхъ деревьевъ, аккуратно подвязанныхъ и тщательно подрѣзанныхъ и обципаныхъ. Каждое дерево достигаетъ вышины двухъ или двухъ съ половиною аршинъ и сидитъ одно отъ другого въ разстояніи около полуаршина. Между растущими деревьями нѣтъ колючаго бурьяна: все выхолоно, лычищено, и на протяженіи всей плантаціи взоръ вашъ не встрѣтитъ ничего могущаго компрометировать опрятность плантатора. Глядя на небольшой клочъ земли, принадлежащій какому-нибудь плантатору-китайцу, вы невольно задаете себѣ вопросъ: почему же люди, утопающіе въ грязи

въ своихъ собственныхъ домахъ и лачугахъ, кладутъ такъ много труда, чтобы постоянно держать въ самомъ праздничномъ видѣ свои крохотныя плантаціи? Это не прихоть одного лица: чистота и порядокъ въ садахъ, огородахъ и на плантаціяхъ является общимъ правиломъ всего обширнаго Китая. Пройдя къ плетеному забору одной плантаціи, вы поражаетесь ея благоустройствомъ; далѣе, за межей, вы замѣчаете стройные ряды также хорошо выхолощенныхъ деревьевъ; все улыбается въ своей нѣжно-зеленой одеждѣ; но здѣсь деревья какъ Судго пониже ростомъ—это болѣе юная плантація другого владѣльца. Вы поднимаетесь выше по узкой горной тропинкѣ и за болѣе или менѣе высокими заборчиками вы видите безконечное множество чайныхъ плантацій, одну другой чище и красивѣе. Какъ вамъ легко дышится среди этой нѣжной зелени! Здѣсь нѣтъ цвѣтовъ, но зато нѣтъ и мязмовъ, господствующихъ всюду въ Китаѣ и такъ нещадно поражающихъ вапшъ. нось въ особенности въ городахъ, биткомъ набитыхъ народомъ. Воздухъ полонъ аромата свѣжей зелени, а легкой вѣтерокъ несетъ съ собой пріятную прохладу. Вы взбираетесь до самой вершины горы, не чувствуя утомленія, а все окружающее только пріятно дѣйствуетъ на ваши чувства. Это большая рѣдкость въ Китаѣ: весь онъ какъ бы потонулъ въ массѣ всевозможныхъ удручающихъ человѣка неудобствъ, всюду торчащихъ когтей нищеты, поражающихъ всякаго вновь пріѣхавшаго въ Китай и ставшаго лицомъ къ лицу со всѣми его прелестями. А тутъ эти горы, эти какъ бы изолированныя отъ всего Китая дѣти природы, возвышающія къ небесамъ, уносятъ васъ отъ всего, что уже успѣло такъ паскучить внизу.

Весна—великое дѣло для китайца-плантагора, весна—это время его жатвы. Тревожно спитъ ему весеннею ночью, рано подымаютъ его мысли о своей плантаціи и, выйдя изъ жилья, онъ первымъ дѣломъ пристально смотритъ на небо, боясь увидать гдѣ-либо на горизонтѣ зловѣщую тучу, предвѣщающую ненастье. Непріятны плантатору въ такую пору холода и пасмурное небо; ему нужно солнце, такъ хорошо помогающее его питомцамъ развивать свои нѣжные, бархатистые чайные листочки. Каждый день бдительно наблюдаетъ онъ за ихъ развитіемъ, чтобы не упустить должнаго момента сбора, и не дастъ имъ загрузѣть и перерасти опредѣленную норму. Но вотъ настаетъ пора сбора: листъ достаточно развернулся, достаточно выросъ и дальнѣйшее развитіе можетъ послужить только въ ущербъ его хозяину, ибо загрузѣвшій листъ теряетъ нѣжный ароматъ и цѣнится дешевле.

Въ день жатвы вся семья и наемники плантатора, вооружась бамбуковыми корзинами, расползаются по кустамъ собирать листья. Они общипываютъ ихъ дочиста съ каждаго дерева, и голыя вѣточки свидѣтельствуя о горькой участи чайнаго дерева, которому никогда не

суждено долго щеголять въ своей нѣжной одеждѣ. Собранные листья складываются въ одну общую корзину цилиндрической формы, поставленную гдѣ-нибудь въ тѣни навѣса, чтобы солнце не высушило собраннаго матеріала. Впрочемъ, онъ не застынетъ. Изъ матеріала перваго сбора чайныя фабриканты готовятъ лучшіе сорта чаевъ. Такъ какъ весенній листъ послѣ его выдѣлки чрезвычайно нѣженъ и ароматенъ, то фабрикантъ тоже не дремлетъ: онъ торопится, знаетъ лучшія плантаціи и, тутъ же скупивъ всю жатву, отправляетъ матеріалъ на фабрику.

Всѣхъ сборовъ чайнаго листа бываетъ въ лѣто 3—4; но достоинства срываемаго листа становятся все хуже и хуже по мѣрѣ приближенія осени, хотя листъ собирается съ тѣхъ же деревьевъ. Изъ 4-го сбора готовятъ самые невкусные сорта чаевъ и преимущественно кирпичные. Впрочемъ, кромѣ разныхъ періодовъ лѣта и состоянія погоды, большое значеніе имѣетъ также порода дерева, и, какъ виноградная лоза, плохое дерево не можетъ дать даже раннею весной превосходнаго чая. Оципавъ свою плантацію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, китаецъ терпѣливо ждетъ, когда снова появятся листья на его деревьяхъ. Онъ снова поливаетъ и холитъ ихъ и, дождавшись, опять обрываетъ листъ: это называется вторымъ сборомъ, и т. д. Крупныхъ плантаторовъ въ Китаѣ мало: тамъ слишкомъ дорога земля, и большинство, имѣя мѣсто для посадки нѣсколькихъ десятковъ деревьевъ, обезпечиваетъ свое существованіе на цѣлый годъ отъ продажи чайнаго листа, собраннаго три-четыре раза въ лѣто. Бѣдно живетъ плантаторъ съ семьей, питаясь рисомъ, овощами, рѣдко когда мясомъ, и работая притомъ на своей плантаціи съ утра ранняго до поздняго вечера, совершенно не жалея силъ и трудовъ. Тамъ, въ знойное лѣтнее время китаецъ на собственныхъ своихъ плечахъ, обливаясь потомъ, таскаетъ на гору изъ рѣки воду для поливки деревьевъ, окапываетъ корни, воздѣлываетъ землю для посадки новыхъ деревьевъ и вообще круглый годъ имѣетъ очень мало времени для отдыха.

Другое дѣло фабрикантъ; этотъ работаетъ чужими руками, и на его долю выпадаетъ много свободнаго времени не только для отдыха, но и для удовольствія; къ тому же онъ и богаче плантатора. Накупивъ отъ разныхъ плантаторовъ достаточное количество матеріала, онъ начинаетъ выдѣлывать изъ него чай, доводя зеленый листъ до знакомаго намъ вида. Фабрики обыкновенно находятся въ городахъ. Наружнымъ видомъ онъ совершенно не похожъ на наши европейскія (какія бы то ни было) фабрики, вытянувшіяся и вверхъ и въ ширину, съ неимоверно колоссальными трубами, съ вѣчно движущимися внутри ихъ всевозможными колесами и вертушками, изъ-подъ которыхъ клубами валитъ паръ. Китайцы не знакомы съ паровой силой, а гдѣ требуется

сила, тамъ они примѣняютъ просто-напросто свою собственную, чело-вѣческую. Китайская чайная фабрика—это не что иное, какъ убогій, кое-какъ сложенный изъ сѣраго кирпича домикъ, или, вѣрнѣе сказать, сарайчикъ, въ которомъ вы не найдете и тѣни какого бы то ни было механизма. Грязные, полунагіе, а иногда и совершенно голые жули (рабо-чѣе)—вотъ главный механизмъ фабрики. Пока матеріалъ еще не при-несенъ на фабрику, они свободны и въ ожиданіи работы бродятъ по грязному двору, насквозь пропитанному отвратительными мизмами; одни болтаютъ между собой; другіе грѣются на солнцѣ, молча растянув-шись на камышевыхъ цыновкахъ; покуриваютъ трубки; ловятъ насть-комыхъ въ штанахъ, у кого таковые имѣются; лакомятся рисомъ и т.п.,—однимъ словомъ, очень пріятно проводить время. Куры, гуся и свиньи присутствуютъ тутъ же; послѣдніе не желаютъ отставать отъ людей и также вѣжятся на солнцѣ. Обращая подъ его лучи то одну, то другую половину своего жирнаго тѣла, онѣ словно желаютъ дока-зать людямъ, что солнце создано отчасти и для нихъ. Вообще внутрен-няя часть фабрики и ея дворъ довольно-таки невзрачны. Наружный видъ очень простъ и далеко не изященъ, онъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ домовъ, предназначенныхъ для одного только житья: та-кая же сѣрая стѣна, такое же большое окошко, заклеенное тонкой бу-магой вмѣсто стеколь, и такая же, какъ и у всѣхъ домовъ, неуклю-жая дверь на желѣзныхъ петляхъ, выводящая жалобные звуки, когда ее открываютъ или закрываютъ; большею же частью дверь стоитъ открытая настежь. Надъ дверью болтается вывѣска, единственно могу-щая указать на то, что зданіе это—чайная фабрика; а хорошо знаю-щій грамоту китаецъ, простоявъ нѣсколько минутъ передъ нею, прочтетъ начертанные по черному фону красные и золотые іероглифы, гласящіе, что сія чайная фабрика принадлежитъ какому-нибудь Богомъ хранимому Ченмы-юю или Мы-ю-Кону.

Самый процессъ фабрикаціи чая состоитъ въ слѣдующемъ. Чайный листъ, предварительно взвѣшанный, высыхается и громоздится зеленою кучей на разостланныхъ цыновкахъ, а дожде кули, взобравшись на эту кучу, начинаютъ мять ее своими мускулистыми ногами, пыхтя и обли-ваясь потомъ при этомъ моціонѣ.

Вошедшему въ сарай незнакомому съ фабрикаціей чая европейцу покажется весьма страннымъ такой балетъ безъ музыки. Чего доби-ваются эти люди, танцующіе по какой-то зелени?—подумаетъ онъ. Но дѣло очень просто: такимъ путемъ извлекается острый эфирный сокъ изъ листьевъ, что необходимо, иначе чай имѣлъ бы непріятный вяжуще-кислый вкусъ. Нельзя, конечно, увѣрить, чтобы ноги пляшущихъ по чайной кучѣ отличались чистотою. Я, кажется, не рекомендовалъ съ этой стороны ни двора, по которому гуляютъ работники вмѣстѣ съ ку-

рами, гусями и свиньями, ни самих работниковъ, которымъ принадлежать эти ноги.

Отъ долгаго тренія ногъ о листья, отъ ѣдкаго сока, выделяющагося изъ нихъ, у работающихъ долгое время китайцевъ образуются на ногахъ болячки, которыя, засыхая, покрываются струпиями. Струпья эти на второй или третій день, при дальнѣйшей пляскѣ китайцевъ по чайному листу, срываются и смѣшиваются съ нимъ; кроме того, при несприятности кули въ чай попадаетъ не малое количество еще разной дряни, принесенной на ногахъ со двора, не говоря ужъ о лотѣ, который обильно орошаетъ кучу.

Послѣ довольно продолжительной пляски чайная куча становится значительно ниже ея первоначальной вышины. Всѣ листья размяты, мокры, и вся куча имѣетъ теперь уже совершенно другой видъ: листья стали нѣсколько темнѣе и словно смочены водою; тогда ихъ слимаютъ съ цыновокъ и, сложивъ въ цилиндрическія корзины, ставятъ на нѣсколько дней въ тѣнистомъ мѣстѣ, гдѣ чайный листъ начинаетъ бродить, почти разлагаться. Большое вниманіе обращается фабрикантомъ на то, чтобы не дать перебродить чаю, ибо отъ этого зависить его вкусъ и ароматъ. Во время вынутый листъ отличается необыкновенно тонкимъ запахомъ, именно тѣмъ приятнымъ, что торговцы называютъ розанистымъ. Послѣ броженія чайный листъ требуется хорошенько просушить. Для этого, раскинувъ его тонкимъ слоемъ на свѣзія, сухія цыновки, листья подвергаютъ вліянію солнечнаго жара. Солнце быстро дѣлаетъ свое дѣло: чайные листочки мало-по-малу высыхаютъ, свертываются отъ жара, и изъ зеленаго цвѣта переходятъ въ сизо-черный—частью отъ броженія, частью и отъ дѣйствія свѣта. Для просушки чая фабрикантъ выбираетъ самое жаркое время дня и, будучи безсиленъ въ борьбѣ съ тучами, усердно молить божество, спеціально завѣдывающее ими, сжигая ему и солнцу, въ видѣ жертвы, не одну гирлянду трескучихъ ракетъ.

Если же солнцу, по какому-либо случаю, не захочется оказать китаюцу свою услугу и оно, невзирая ни на какую трескотню ракетъ, упорно прячется за облаками, то китаецъ вынужденъ прибѣгнуть къ другому роду просушки, а именно: онъ ставитъ рядомъ нѣсколько десятковъ корзинокъ, сплетенныхъ изъ бамбука въ видѣ переломанныхъ цилиндровъ, т.-е. нѣсколько суженныхъ въ серединѣ, гдѣ помѣщается плетеная же выпуклая перегородка. Вышина каждой корзины достигаетъ 2 аршинъ, такъ что отъ середины или отъ перегородки корзины остается аршинъ пустого пространства внизу и столько же сверху. Въ верхнюю часть корзины высыпается фунтовъ 10 или 15 чайнаго листа, при чемъ она иногда покрывается крышкой. Подъ корзиной накладывается куча раскаленныхъ древесныхъ угольевъ, прикрытая толстымъ

слоемъ золы, дабы умѣрить силу жара, ударяющагося въ выпуклую перегородку аппарата. Находящійся въ корзинѣ чайный листъ начинаетъ сохнуть и свертываться, но не такъ быстро, какъ на солнцѣ, и цвѣтъ его становится не сизо-черный, а получаетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, что не нравится хорошему фабриканту. Хотя фабрикантъ и подвергаетъ весь свой чай во всякомъ случаѣ дѣйствию угольнаго жара при выдѣлкѣ, но это дѣлается уже послѣ, при окончательной его отдѣлкѣ, и имѣеть цѣлью не просушку листа, а скорѣе его поджариванье; это дѣлается, дабы придать чаю одинъ общій тонъ, если такъ можно выразиться. Китаецъ всячески старается избѣгнуть первоначальной основательной просушки листа способомъ поджариванія на угляхъ, во-первыхъ, потому, что просушка не достигаетъ лучшихъ результатовъ: чай не можетъ, не пережарившись, высохнуть такъ же быстро, какъ на солнцѣ, а во-вторыхъ, и потому, что тутъ надо расходовать уголь, который въ Китаѣ продается очень дорого. Само собою, при всемъ этомъ каждому фабриканту пріятнѣе воспользоваться даровыми услугами солнца, и вотъ почему при выдѣлкѣ чая такъ усердно сжигаются одна за другой длинныя гирлянды трескучихъ ракетокъ.

Совершенно просушенный листъ на солнцѣ или на угляхъ представляетъ собою довольно растрепанную кучу. Такъ какъ мялись и просушались всѣ приобретенные фабрикантомъ листья вмѣстѣ, то нѣкоторые изъ нихъ, будучи длиннѣе, свернулись въ болѣе длинную трубочку; другіе—въ трубочку болѣе короткую; иные, самые юные, листки свернулись туго; нѣкоторые, побольше ростомъ, свернулись слабѣе или просто только сжались, такъ что замѣтно—величина между листками очень неровна, а потому и видъ всего вмѣстѣ или, какъ называютъ специалисты, уборка чая послѣ просушки очень не красива. Все какъ-то торчитъ и колетъ руку, если, забравъ чаю въ горсть изъ общей кучи, сжать его въ кулакѣ. Требуется придать чаю приблизительно болѣе ровную и мягкую уборку; для этого опять пускаютъ въ ходъ ноги, снова пляшутъ по цыновкамъ и рослые кули, и тщедушный мастеръ, и самъ фабрикантъ, приводя листки къ одному знаменателю. На сей разъ пляска по чаю менѣе продолжительна, чѣмъ въ первый; сухіе листочки стали хрупки и ломаются такъ легко, что при болѣе продолжительномъ и энергичномъ усилии со стороны ногъ вся куча превратилась бы въ порошокъ. Послѣ непродолжительной пляски весь чай какъ-то сравнивается, становится значительно мельче.

Объ эти операціи, уже продѣланныя надъ чайнымъ листкомъ, значительно измѣнили его первоначальный видъ. Но искусный фабрикантъ сумѣетъ сдѣлать изъ одного сорта, имѣющагося у него теперь, сорта 3—4, а то и больше, смотря по листу, а отчасти и по желанію, при чемъ каждый сортъ будетъ имѣть свой самостоятельный видъ и вкусъ.

Для этого онъ прибѣгаетъ къ просѣиванію чая черезъ несколько рѣшетъ. Сперва всю массу чая расторопные кули живо пропускаютъ сквозь большія рѣшета, дырочки которыхъ способны пропускать листки приблизительно одной величины; затѣмъ слѣдуетъ другое, покрупнѣе и т. д. Такимъ образомъ, послѣ просѣиванія черезъ нѣсколько номеровъ рѣшетъ получается уже нѣсколько сортовъ чая, разобраннаго на разряды, по величинѣ листовъ; но это еще далеко не все. Положимъ, что въ отверстія рѣшета № 1-й проскакивали листки величиной въ одну линію, т. е. самаго малаго формата, каковыя должны быть оолѣ молодые, считающіеся лучшими по вкусу и аромату; они юны, нѣжны и невелики, а потому они свернулись въ тоненькую трубочку плотнѣе другихъ и попадали въ отверстія рѣшета № 1, что отъ нихъ и требовалось. Но вмѣстѣ съ ними проскочили въ тѣ же мелкія отверстія рѣшета и части поломанныхъ листовъ, которыя гораздо грубѣе и не могутъ быть такъ нѣжно душисты, какъ ихъ цѣльные товарищи; они проскочили лишь благодаря тому, что, будучи мяты ногами, сломались какъ разъ въ величину, способную проскочить въ отверстія рѣшета № 1-й. Но въ то же время они являются лишними, и хозяинъ, задавшійся мыслью изготовить первый сортъ своего чая безукоризненнымъ, заботится объ ихъ удаленіи. Тутъ онъ пускаетъ весь чай, вышедшій изъ перваго рѣшета, на вѣялку, которая очень добросовѣстно раздѣлитъ все по вѣсу. Вѣялка эта, хотя и безобразнаго вида, устроена такъ, что чай, насыпанный въ воронкообразный ящикъ, расположенный наверху ея, падая внизъ, внутрь, пролетаетъ мимо крыльевъ колеса, отъ вращенія котораго особой ручкой получается сильный вѣтеръ внутри аппарата, вслѣдствіе чего чай разлетается въ разныя перегородки въ слѣдующемъ порядкѣ: болѣе плотно свернувшійся и слѣдовательно болѣе тяжелый листъ падаетъ въ ближайшую перегородку и по отвѣсной доскѣ спускается вонъ изъ вѣялки, нѣсколько полегче листъ проносится во вторую, еще легче—въ третью и, наконецъ, въ четвертую вылетаетъ пылъ и очень мелко перетертые листья. Такимъ образомъ услуга вѣялки та, что, кромѣ классификаціи листьевъ по вѣсу, она отбиваетъ еще пылъ изъ всего чая.

Теперь мы видимъ, что изъ одного сорта чая, пущеннаго на вѣялку, является опять нѣсколько сортовъ; но обратимъ наше вниманіе все-таки на первый. Разсмотрѣвъ его, мы замѣчаемъ, что и вѣялка не непогрѣшима: она не умѣетъ отбирать корешки, т. е. стебельки, неизбежно попадающіе въ первую перегородку по причинѣ ихъ сравнительно болѣе тяжелаго вѣса. Всѣ эти корешки очень искусно проскользнули черезъ дырочки рѣшета № 1-й, благодаря своему тонкому виду. Казалось бы, они не должны измѣнять достоинство чая, но люди, хорошия понимающіе толкъ въ чаяхъ, всегда сочтутъ ихъ присутствіе

въ большомъ количествѣ совершенно излишнимъ и находятъ, что они придаютъ вяжущій вкусъ чаю, не давая отъ себя ровно никакой крѣпости. Этихъ непростенныхъ гостей можно удалить единственно только посредствомъ отборки. Эта египетская работа принадлежитъ всецѣло женщинамъ и требуетъ большого терпѣнія. Усаженные въ рядъ за длинный столъ, женщины получаютъ каждая по круглой плоской корзинѣ въ видѣ подноса, оклееннаго тонкой бумагой, въ которую имъ насыпаютъ чай. Цѣлые дни просиживаютъ онѣ, перебирая чай руками и вылавливая вышесказанные корешочки, прутники, иногда очень маленкой величины. Все это складывается въ отдѣльное помещеніе. Отобранные корешочки не должны пропадать, по мнѣнію фабриканта, и, собранные въ большомъ количествѣ, они или примѣшиваются къ низкимъ сортамъ чая или продаются на фабрику, вырабатывающую кирпичные чаи, гдѣ они очень исправно идутъ въ дѣло. За трудъ свой женщины получаютъ очень небольшую плату, а именно отъ 100 до 150 чохъ въ день, что въ переводѣ на наши деньги составитъ 10 или 15 копеекъ.

Разобранный и очищенный женщинами отъ лишнихъ невзрачныхъ чашнокъ чай почти готовъ; уборка его ровна и красива, почти все листки пригнаны одной величины и плотности, остается только дать ему, какъ я ранѣе выражался, одинъ общій тонъ. Вотъ тутъ-то фабрикантъ и приступаетъ къ неизбежному поджариванію всего чая на угляхъ. Я уже описалъ эту операцію, назвавъ ее просушкой, и было бы излишне повторять ее снова, скажу только, что поджариваніе чая и есть та же просушка съ тою только разницею, что чай, будучи уже сухъ совершенно, не держится фабрикантомъ очень долго надъ углями. Вместе съ своимъ помощникомъ фабрикантъ то и дѣло переходитъ отъ одной корзины къ другой, помѣшивая чай и наблюдая, чтобы все поджаривалось ровно и не приняло бы горѣлага запаха. При этой операціи требуется большая сноровка, ибо пережаренный чай ничѣмъ уже нельзя исправить. Изъ этихъ корзины чай выходитъ тепленькій; онъ совершенно готовъ и теперь его сыпаютъ въ сарайчикѣ, гдѣ-нибудь въ сухомъ мѣстѣ, преимущественно въ углу, отгороженномъ нѣсколькими досками. Иногда въ этой отгородкѣ смѣшиваются два-три сорта чая, которымъ посредствомъ поджариванія приданъ одинъ ровный тонъ, и вся эта сложенная въ углу сарая куча чаю, имѣющая кубическую форму, называется китайцами «гуандуѣ»; она лежитъ такъ, пока еще не готовы ящики, въ которые чай насыпаютъ для отправки съ фабрики на рынки, т.-е. въ Ханькоу, Кюкіангъ или Шанхай, гдѣ повемногу уже собираются покупатели—европейцы. Фабрикантъ назначаетъ размѣръ и количество ящичковъ, и скоро въ мастерской подрядчика кипитъ работа.

Тонкія буквовыя дощечки приготовлены еще заранѣе и стоятъ толь-

ко, распилив их въ опредѣленную величину, соединить вмѣстѣ. Работа не замысловатая, но надо видѣть, какъ быстро и ловко она идетъ у китайцевъ. Всякій работникъ имѣетъ тутъ свою специальность: одинъ подгоняетъ доски, распиливая ихъ по извѣстной мѣркѣ какой-то странной пилой, конечно китайскаго изобрѣтенія и издѣлія; распиливъ, передаетъ другому; тотъ съ помощью какого-нибудь, тоже весьма чудовищнаго на видъ, инструмента нарѣзаетъ пазы и передаетъ третьему, который сколачиваетъ доски въ ящичь, скрѣпляя ихъ желѣзными склепками тоже китайской выдумки; четвертый оклеиваетъ ящичь бумагой; пятый посредствомъ трафарета, кисти и алой краски выдѣлываетъ на всѣхъ лицевыхъ сторонахъ ящичка какую-нибудь небывалую розу; шестой такимъ же способомъ прибавляетъ къ розѣ зелень и парящую надъ ней фантастическую бабочку и передаетъ ящичь въ послѣднія руки—седьмая по счету; эти седьмая руки самыя грязныя, онѣ держатъ кисть, безпрестанно окунаемую въ какой-то мутный, но очень быстро высыхающій лакъ, а потому руки, соприкасаясь съ ящичками, сильно пачкаются о линяющія его стѣнки, и, мнѣ кажется, большого труда стоитъ отмывать все это съ кожи. Ящичь, попавшій въ седьмыя руки, покрывается сплошь съ его розами и бабочками этимъ лакомъ, посаѣ того онъ готовъ вполне, остается только вставить въ него особо приготовленную коробку изъ плотнаго листового свинца и отправить на фабрику.

Готовые ящичи связываютъ вмѣстѣ по нѣскольку, прикрѣпляютъ къ двумъ концамъ бамбуковаго коромысла и взваливаютъ на мазолостыя плечи общипанныхъ кули, которые съ крикомъ во все горло «э-хо! эа-хо!» тащатъ свою ношу до мѣста назначенія по узкимъ городскимъ улицамъ.

По полученіи ящичковъ на фабрикѣ начинается укупорка. Эта работа настолько спѣшна, что ею занимаются и день и ночь; ночью она особенно эффектна. На сей разъ знакомый намъ сарай освѣщенъ нѣсколькими плоскими, въ которыхъ, шипя и треща, горитъ чайное масло; какой-то красноватый свѣтъ разливается всюду. Ненужныя теперь корзины и рѣшета, сваленныя какъ попало, громоздятся безобразной грудой, достигая до потолка. Отрабатывая неуклюжая вѣялка стоять тоже гдѣ-нибудь въ сторонѣ, и причудливая тѣнь ея, прыгая отъ мерцающаго пламени свѣтильниковъ, отражается на стѣнѣ чѣмъ-то совсѣмъ непонятнымъ. Большіе бумажные фонари, какъ свѣтлые пузыри, привѣшанные тамъ и сямъ къ потолку, покачиваются отъ легкаго сквозного вѣтра и дѣлаютъ общій внутренний видъ сарайчика еще уродливѣе, а освѣщеніе еще фантастичѣе. Возлѣ двери поставлена жаровня, а насыпанные въ нее горячіе уголья распространяютъ отъ себя еще новый оригинальный свѣтъ въ этой части сарая. И безъ того го-

сподствующая тѣснота увеличивается еще болѣе разставленными всюду рядами пустыхъ ящичковъ, предназначенныхъ для насыпки въ нихъ готоваго чая. Чумазые китайцы-работчіе, съ криками, бранью и неумолкаемымъ говоромъ, суетяся въ этой тѣснотѣ и далеко не граціозно шагая черезъ ящики и разные предметы, разставленные всюду, дополняютъ собой общую хаотическую картину. Свѣжему человѣку, пріѣхавшему изъ Европы и прямо вошедшему сюда, показалось бы, что самъ Вельзевулъ перевелъ на время если не весь, то часть своего ада именно вотъ въ это помѣщеніе, а услужливые его черти уже лачали справлять здѣсь свое дикое новоселье. То и дѣло закидывая за спину докучливую косу, китайцы захватываютъ чай небольшими корзинами изъ общаго его помѣщенія и рассыпаютъ по ящикамъ, при этомъ время отъ времени они вскакиваютъ въ ящикъ, утаптывая чай ногами, чтобы онъ ложился плотнѣй. Китайцы не могутъ обойтись безъ того, чтобы всюду, гдѣ только можно, не пустить въ ходъ свои ноги, и теперь, утаптывая чай въ ящики, они словно позабыли, что ногамъ ихъ уже досталось не мало въ предыдущіе дни; на нѣкоторыхъ явились даже грязныя перевязки, ясно доказывающія необходимость замѣнить кожную работу чѣмъ-либо другимъ. Мелкая пыль отъ пересыпаемаго чая носится въ воздухѣ, ложась тонкимъ слоемъ на впитавшее тѣло рабочихъ, и дѣлаетъ ихъ видъ еще болѣе подходящимъ къ образу слугъ Вельзевула; кромѣ того, пыль эта забирается и въ носъ, почему то здѣсь, то тамъ безпрестанно раздается громкое чиханье.

Наполненный доверху ящикъ снабжается краснымъ ярлыкомъ, носящимъ у насъ названіе «карты»; онъ кладется сверху чая и гласитъ о необыкновенно пріятномъ вкусѣ и мягкости чая, именуемаго ну хоть бы «Ченмы-юй» (фамилія фабриканта). Та же карта рекомендуетъ этотъ чай «многочуважаемому русскому купечеству» самымъ безграмотнымъ русскимъ языкомъ. Но такая карта или ярлыкъ кладется въ ящики, предназначенные специально для русскихъ, если же вѣтъ, то карта изготовляется съ отпечатанными на ней нѣсколькими китайскими буквами и съ изображеніемъ по большей части какаго-то пѣтуха, одареннаго необыкновенно раскидистымъ хвостомъ и гордо поднятой вверхъ миниатюрной головкой. Послѣ карты съ рекомендаціей или пѣтухомъ накладывается крышечка изъ плотнаго свинца, которая тщательно припаявается къ свинцовой коробкѣ посредствомъ желѣзныхъ палочекъ, раскаляемыхъ докрасна на жаровнѣ. Затѣмъ ящикъ накрывается деревянной крышкой съ изображеніемъ и на ней тоже знакомаго намъ розана, пасть которой порхаётъ бабочка; крышка плотно приколачивается желѣзными склепками и гвоздями, а весь ящикъ завязывается бамбуковымъ ремнемъ. Вплотнѣ готовый ящикъ ставятъ къ стѣнѣ, при чемъ ихъ осторожно кладутъ одинъ на другой въ 3 или 4 яруса.

Вот все, что производится на чайных фабриках, куда, как мы видели, поступает зеленый лист, являющий из себя не что иное, как сырой материал, совершенно еще не готовый для питья.

Гонгъ-Конгъ.

(А. Краснова.)

Первое впечатлѣніе, производимое Гонгъ-Конгомъ, поразительно. Вы въѣзжаете въ прекрасную, длинную и узкую гавань, окруженную невысокими малиново-красными холмами. Это точно залитая моремъ долина холмистой страны. Холмы эти голы или зеленѣютъ немногими огородами, разведенными китайцами на этомъ характерномъ малиново-красномъ латеритѣ¹⁾. Въ глубинѣ порта, наполненнаго пароходами, военными кораблями, барками и китайскими джонками, виднѣется прекрасная набережная съ каменными многоэтажными домами, очень оригинальной архитектуры. Передніе фасады домовъ состоятъ изъ ряда арокъ, напоминающихъ арки нашихъ гостинныхъ дворовъ. Онѣ покрываютъ собою общія веранды, за которыми помѣщаются полутемныя комнаты жильцовъ. Такой характеръ имѣютъ дома какъ въ чистенькомъ европейскомъ, такъ и въ болѣе грязномъ, примыкающемъ къ нему, китайскомъ кварталѣ города. Этотъ послѣдній такъ набитъ населеніемъ, что дома кажутся громадными сотами или муравейниками, кишачными желтолицымъ народомъ. Вообще говоря, европейцы теряются здѣсь въ массѣ китайцевъ. Послѣдніе видны вездѣ какъ черно-рабочіе, торговцы, лакеи, кушцы. Въ европейской части ихъ не менѣе, чѣмъ въ туземной. Въ магазинахъ европейскихъ товаровъ, фотографіяхъ, мастерскихъ и гостиницахъ—вездѣ бѣлыя кофты, бритыя фізіономіи, косы. Даже городовые здѣсь китайцы, въ оригинальныхъ конусообразныхъ соломенныхъ шляпахъ и съ палкою, какъ у полусменовъ Лондона. Хотя вездѣ виднѣются англійскія надписи, но въ узкихъ улицахъ преобладаютъ китайскіе іероглифы вывѣсокъ. Что же касается товаровъ, то только въ аристократической части города вы чувствуете себя въ Европѣ; въ остальныхъ улицахъ вездѣ господствуютъ китайскіе продукты или хаотическая смѣсь товаровъ англійскихъ и китайскихъ, въ которой послѣдніе играютъ преобладающую роль.

Но все же англичанамъ удается держать свою колонію въ чистотѣ и порядкѣ. Построенный на крутыхъ гранитныхъ скалахъ, Гонгъ-Конгъ имѣетъ мало прямыхъ улицъ. Большая часть ихъ круто поднимается въ гору, почему, какъ въ Китаѣ, вы не встрѣтите здѣсь экипажей, но

¹⁾ Красновземъ, происшедшій отъ разрушенія кристаллическихъ породъ, преимущественно гранита.

только паланкины и носильщиковъ. Поднимаясь по одной изъ такихъ улицъ, вы попадаете въ чудный маленькій ботанической садъ. Гонгъ-Конгъ имѣеть чисто тропическую флору. За городомъ и садомъ фуникулярная ¹⁾ дорога, поднимающая васъ на вершину горы, идетъ черезъ сосновый лѣсъ, чтобы дать возможность затѣмъ съ высоты обозрѣть расположенный подъ ногами портъ съ его кораблями и джонками и пріютившимся на берегахъ залива городомъ. Несмотря на незначительную высоту горы, она часто закутывается туманами.

Осмотрѣвъ чудные санаторіи, прекрасныя укрѣпленія и постройки города туристъ обыкновенно проникается восторгомъ передъ дѣятельностью англичанъ. Но восторгъ этотъ у многихъ въ значительной степени охладѣеть, когда они познакомятся ближе съ исторіей Гонгъ-Конга. Напомню ее въ нѣсколькихъ словахъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія торговыя сношенія европейцевъ съ Китаемъ шли исключительно черезъ Кантонъ. Англичане до 1833 года вели торговлю эту исключительно чрезъ посредство остъ-индской компаніи; затѣмъ правительство назначило сюда резидентомъ лорда Напира, и съ этихъ поръ начались болѣе оживленныя торговыя сношенія. Но, къ сожалѣнію, однимъ изъ главныхъ предметовъ ввоза со стороны англичанъ былъ опиумъ, и чѣмъ оживленнѣе становились сношенія, тѣмъ большимъ количествомъ этой отравы англичане снабжали китайцевъ. Никакія строгія мѣры, предпринимавшіяся со стороны китайскаго правительства, не помогли. Тогда въ январѣ 1833 года былъ изданъ указъ, по которому всѣ иностранныя суда должны были быть выведены вонъ изъ форта, всѣ постройки, служившія для склада и продажи опиума, захвачены, а всѣ торговцы опиумомъ арестованы, какъ преступники. 26 февраля китаецъ, уличенный въ торговлѣ опиумомъ, былъ схваченъ и казненъ предъ лицомъ европейцевъ. Подъ страхомъ смерти торговцамъ было приказано выдать весь опиумъ, и подъ давленіемъ этихъ требованій тогдашній англійскій резидентъ капитанъ Эллиотъ собралъ весь бывшій въ рукахъ англійскихъ торговцевъ опиумъ и передалъ его китайцамъ. Количество его было такъ велико, что его оцѣнивали на сумму въ 6 милліоновъ долларовъ. Китайскій комиссаръ присутствовалъ самолично при истребленіи опиума, который заставляли разлагаться подъ дѣйствіемъ воды и извести, и пока послѣдній ящикъ яда не былъ истребленъ, онъ не покидалъ Кантона.

Такой серьезный поворотъ дѣла былъ крайне неприятенъ для англичанъ, и съ этого момента они искали перваго удобнаго случая, чтобы вызвать китайцевъ на столкновеніе. Они собрали въ водахъ Гонгъ-Конга флотилію не менѣе чѣмъ въ 50 судовъ; высаживавшіеся на бе-

¹⁾ Двигающаяся посредствомъ каната.

режь матросы задирали туземцевъ, затѣвали стычки и побойца, въ одномъ изъ которыхъ былъ убитъ туземецъ. Китайцы требовали удовлетворенія, и хотя англичане оштрафовали виновниковъ безпорядка небольшою денежною пеней, но это не могло удовлетворить китайцевъ. Посланный отъ китайскаго правительства комиссаръ Линь отрѣзалъ Макао отъ сообщенія съ европейцами. Англичане придвинули свой флотъ, и когда въ отвѣтъ появилась китайская флотилія, между ними завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что китайцы были отброшены. Англичане, видя, что начинается серьезное дѣло, вызвали изъ Индіи подмогу изъ 15 военныхъ судовъ, 4-хъ пароходоу, 25 транспортныхъ судовъ и около 4.000 сухопутной арміи подъ начальствомъ Бринера. Они блокировали Кантонъ для того, чтобы «заставить богдыхана признать англійскую королеву независимой правительницею цивилизованной страны», чтобы получить возмѣщеніе за потери, протестиршія отъ застоя въ торговлѣ, и, какъ пишутъ англичане, для обезпеченія дальнѣйшей безопасности, и ввоза опиума, прибавимъ мы отъ себя. Пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, англичане блокировали весь китайскій берегъ, ворвались въ Янтсекиангъ и высадились на островъ Гонгъ-Конгъ, который былъ ради перемирія уступленъ губернаторомъ Кантона,—поступокъ, стоявшій жизни этому послѣднему. Китайскій императоръ не желалъ однако уступать варварамъ. Военныя дѣйствія возобновились, кантонскія укрѣпленія были разрушены, былъ взятъ городъ Чинкиангъ-фу на Янтсекиангѣ, и англичане стали угрожать Нанкину. Тогда китайцы заключили миръ. Англичане добились разрѣшенія жить и безпрепятственно торговать всѣмъ, чѣмъ угодно (а слѣдовательно и опиумомъ), въ городахъ Кантонѣ, Амоѣ, Фуучау, Нингю и Шанхаѣ и принудили китайскаго императора заплатить 6 милліоновъ долларовъ за истребленный въ Кантонѣ опиумъ и возмездіе за оскорбленіе британскихъ чиновниковъ. Кроме того, императоръ долженъ былъ уплатить британскому правительству три милліона за потери торговцевъ при войнѣ и 12 милліоновъ за издержки экспедиціи. Наконецъ, англичане получили Гонгъ-Конгъ. Китаю приходилось платиться за оружіе, поднятое имъ во имя самозащиты, притомъ отъ самыхъ несправедливыхъ посягательствъ. Съ тѣхъ поръ англійскій опиумъ широкою рѣкою льется въ Небесную имперію, распылявая здоровье милліоновъ населенія, развращая его и разоряя. Правительство безсильно противъ подкупныхъ чиновниковъ, и ему не осталось теперь ничего, какъ выдѣлывать свой собственный опиумъ, чтобы сохранить въ странѣ хотя часть денегъ, утекающихъ въ карманы цивилизованныхъ развратителей народа. Послѣ торговли рабами это, пожалуй, самая позорная торговля въ мірѣ, которая лежитъ пятномъ на англо-саксонской націи.

Вотъ эта-то торговля и создала Гонгъ-Конгъ. Прекрасная гавань

его сдѣлалась станціей для всѣхъ судовъ, и число ихъ, еще въ 1861 году не превышавшее 1.259, теперь уже превосходитъ 27.000. Отсюда выходятъ уже суда не только въ Англію и Китай, но въ Японію, Америку, Австралію и Океанію. Это такой же узелъ пароходныхъ сообщеній Тихаго океана, какимъ Коломбо является для Индійскаго.

Но, какъ мы видѣли, населеніе города, хотя и созданнаго англичанами, по преимуществу китайское. На 10 тысячъ съ небольшимъ европейцевъ здѣсь не менѣе 210 тысячъ туземцевъ, принимая общую сумму населенія, по переписи 1891 года, въ 221.471 человекъ, т.е. нѣсколько большую, чѣмъ у Харькова. Получая изъ переполненнаго миллионнымъ населеніемъ Кантона въ изобиліи рабочія руки и умирающихъ съ голода кули, англичанамъ не трудно было съ ихъ помощью голую скалу превратить въ цвѣтущій городъ Викторію. Это превращеніе кажется чѣмъ-то чудеснымъ для мореплавателя, въѣзжающаго сюда съ открытаго моря и видѣвшаго Кантонъ съ его плывущимъ густымъ населеніемъ. Но городъ этотъ, скрытый отъ глазъ моремъ, городъ, до котораго всего нѣсколько часовъ ѣзды, и является разгадкою чудесъ, творимыхъ на «голой скалѣ» англичанами. Пользованіе этой рабочей силой, какъ извѣстно, вначалѣ было самое гнусное. Тысячи бѣдныхъ кули, являвшихся въ Гонгъ-Конгъ, подъ видомъ найма на работу, сажались на суда и отвозились въ качествѣ невольниковъ въ Перу и другія части Америки. Работоторговля, едва кончившаяся на берегахъ Африки, грозила развиться на водахъ Тихаго океана. По счастью, ей скоро положенъ былъ конецъ. Она сослужила только пользу желтой націи. Теперь отъ Ванкувера и до Вальпарайзо китайская фізіономія играетъ видную роль среди населенія Тихоокеанскаго побережья Америки. Почти вся команда судовъ пассажирскихъ и товарныхъ, пересѣкающихъ Великій океанъ, состоитъ изъ китайцевъ. Это—матросы, боцмана, кочегары, вѣстовые, а съ развитіемъ японскаго флота въ скоромъ времени будутъ вѣроятію и офицеры, и капитаны. Тихій океанъ, владычество надъ которымъ улыбалось англичанамъ, американцамъ и даже русскимъ, теперь становится все болѣе и болѣе *mare nostrum* для желтаго человѣка. Японскія компаніи уже пробуютъ конкурировать съ европейскими. Многочисленное китайское населеніе вы встрѣчаете, начиная отъ Зондскаго и Филиппинскаго архипелаговъ до заброшенныхъ въ глубь океана Сандвичевыхъ острововъ—и родившійся на Гонгъ-Конгѣ *pidgin english* ¹⁾ широкою волной распространяется по Океанію.

¹⁾ Английскій языкъ, подвергшійся измѣненію въ духѣ китайскаго языка. Трудныя англійскія слова замѣнены китайскими, обороты рѣчи китайскіе, буква *g* замѣнена *k*, произношеніе упрощено путемъ выбрасыванія трудныхъ буквъ и слоговъ, и, наконецъ, сокращаетъ словарь, такъ какъ одному слову стараются придать возможно больше значекъ.

Самый Гонгъ-Конгъ грозилъ сдѣлаться китайскимъ вертепомъ. Сюда шли всѣ тѣ элементы, которымъ было плохо въ Китаѣ. Пираты разбойничали въ сосѣднихъ водахъ, а въ городѣ даже среди дня безопасность прохожаго не была гарантирована. Вертепы и згорные дома служили мѣстомъ стеченія переполнявшей городъ бунтливой китайской вольницы. Справиться съ этими элементами было не легко, и всякая иная администрація, кромѣ англійской, потеряла бы здѣсь головы. Англичане однако со свойственно имъ жестокостью отыскали лѣкарство. Если совершался грабежъ и убійство, они хватали соотвѣтственное число ни въ чемъ неповинныхъ китайцевъ и приговаривали ихъ къ смертной казни, которая и исполнялась черезъ день, если въ теченіе этого срока не представлялись ихъ родственниками дѣйствительные виновники преступленія. Масса невинныхъ, конечно, дѣлалась жертвою такой жестокой мѣры, но, съ другой стороны, взаимное соглядатайство китайцевъ и терроризація ихъ сдѣлали то, что въ настоящее время безопасность европейца на улицахъ Гонгъ-Конга вполне обезпечена.

Если Гонгъ-Конгъ есть центръ, въ которомъ китайцы усваиваютъ европейскій языкъ и идеи, то онъ начинается въ свою очередь дѣлаться мѣстомъ, гдѣ европейцу удобно изучать китайскую жизнь и обычаи. Здѣсь — масса китайцевъ, говорящихъ по-англійски, но живущихъ по-китайски. Вы можете завести съ ними знакомство, посѣщать ихъ дома, наблюдать ихъ обычаи; обѣдая, ѣсть супъ изъ птичьихъ гнѣздъ или акулиныхъ перьевъ. Они — англійскіе подданные, но, наподобіе вѣнцевъ-колонистовъ въ Россіи, остаются во многомъ чуть ли не большими китайцами, чѣмъ подданные богдыхана, такъ какъ ихъ объединяетъ единство культуры.

Прогулка по китайскимъ ремесленнымъ кварталамъ.

(Гессе-Вартера.)

Кантонъ является центромъ китайской промышленности; сотни тысячъ людей заняты здѣсь выдѣлкой и производствомъ всевозможныхъ предметовъ и товаровъ, которые развозятся и разносятся по всей странѣ на безчисленныхъ джонкахъ, лодкахъ, ослухъ и спинахъ носильщиковъ. Въ Кантонѣ проживаютъ самые искусные ремесленники, богатѣйшіе купцы; здѣсь и лучшіе магазины. Промышленность всѣхъ остальныхъ китайскихъ городовъ, въ какихъ только я побывалъ на сѣверѣ и на югѣ, представляетъ лишь слабую копію кантонской. Кантонъ въ этомъ смыслѣ — истинная столица Китая, тогда какъ всѣ другіе города въ сравненіи съ нимъ не болѣе какъ провинціальныя.

Какъ и во многихъ городахъ Европы, каждая отрасль промышленности сосредоточивается въ китайскихъ городахъ въ особыхъ кварталахъ. Вотъ улица, длиною отъ одного до двухъ километровъ, вся за-

нитая лавками—мастерскими золотых дѣл мастеровъ; лавки вообще тѣснятся такъ близко одна къ другой, что я часто не зналъ, къ какой изъ нихъ принадлежитъ та или иная витрина. Завернувъ за уголъ, я попалъ бы въ кварталъ вѣрныхъ мастеровъ, еще дальше—въ кварталъ мебельщиковъ и т. д.

Одинъ домъ похожъ на другой. Нижніе этажи заняты лавками-мастерскими; переднихъ стѣнъ въ нихъ нѣтъ, ради лучшаго доступа въ помещеніе вообще скуднаго въ этихъ улицахъ дневного свѣта. Въ верхнихъ этажахъ самыя жилища. Передъ каждымъ домомъ болтается множество красныхъ, желтыхъ, золотыхъ и черныхъ вывѣсокъ, цѣлый лѣсъ вывѣсокъ, застилающій видъ и свѣтъ, погружающій улицы въ вѣчный полумракъ, въ которомъ проблескиваютъ золотомъ и яркими красками эти самыя вывѣски. Можно себѣ представить, что случилось бы, если бы въ какомъ-нибудь большомъ европейскомъ городѣ всѣ вывѣски, прикрѣпленные горизонтально по стѣнамъ домовъ, оказались бы повѣшенными вдоль, на паллахъ и шестахъ, и болтались бы по воздуху. Въ этихъ улицахъ вѣчная сутолока, шумъ и гамъ; десятки тысячъ безбородыхъ, длинноносыхъ, полуголыхъ фигуръ лѣзутъ изъ кожи въ погонѣ за работою, въ борьбѣ за существованіе.

Направо и налево въ маленькихъ, полутемныхъ сводчатыхъ помещеніяхъ непрерывно раздается съ самаго ранняго утра до поздняго вечера стукъ молотка, визгъ пилы, удары топора, свистъ рубанка и проч. Вездѣ работаютъ такъ усердно, словно торопятся окончить самый спѣшный заказъ, который долженъ быть готовъ въ тотъ же день. Какое трудолюбіе! Какая неутомимость въ работѣ и въ творчествѣ!

Въ этихъ ремесленныхъ кварталахъ Кантона я никогда не видалъ людей праздными или отдыхающими, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они лежали холодными, неподвижными трупами подъ бѣлымъ полотномъ въ той же мастерской-лавкѣ, гдѣ провели въ работѣ всю жизнь.

Я былъ единственнымъ гуляющимъ, единственнымъ праздношатающимся среди всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ трудящихся людей, и меня самого тянуло сѣсть за работу вмѣстѣ съ ними. Разсматривая теперь десятки вещей, прибрѣтенныхъ мной во время прогулокъ по Кантону, я такъ и вижу предъ собой этихъ полуголыхъ, обливающихся потомъ тружениковъ, молча, сосредоточенно сидѣвшихъ на сыромъ полу, вполне уйдя въ свою работу. Своеобразный запахъ, свойственный всѣмъ предметамъ въ Китаѣ, и до сихъ поръ не выдохся изъ моихъ вѣровъ, вышивокъ, тканей и разныхъ мелочей домашняго обихода. Стоить мнѣ развернуть одну изъ этихъ чудесныхъ вышивокъ, какъ меня обдаетъ острымъ, затклымъ запахомъ—смѣсью опиума, чая и сандалнаго дерева. Созерцаніе китайцевъ за работою вызываетъ жуткое чувство. Что, если бы эти сотни миллионъ трудолюбивыхъ людей побросали свои допотоп-

ныя орудія и взялись за наши современные инструменты и машины? Что, если бы въ сферѣ китайской промышленности явился свой Ли-Хунъ-Чанъ, который сумѣлъ бы обратить это неутомимое трудолюбие, эти богатыя способности величайшей арміи работниковъ въ мірѣ противъ насъ, европейцевъ? Что, если бы въ Китаѣ завелись сотни фабрикъ, доменныхъ печей и литейныхъ заводовъ? Что случилось бы съ нами?

Эта мысль не шла у меня изъ головы, когда я видѣлъ китайцевъ за работой, и, въ качествѣ европейца, бѣлаго, я втихомолку благодарилъ Провидѣніе, которое, одаривъ китайцевъ прилежаніемъ, воздержностью, силой; способностью и ловкостью въ работѣ, лишило ихъ стремленія къ прогрессу.

Они доднесь продолжаютъ работать такъ же, какъ работали тыщи лѣтъ назадъ, подобными несовершенными, грубыми инструментами. Я покупалъ въ Китаѣ такія же фляжки, какія находятъ въ древнихъ египетскихъ гробницахъ въ пирамидахъ; эти фляжки Китай поставлялъ въ свое время всему свѣту, пока народы Запада съ ихъ новой культурой не выступили его соперниками и не вытѣснили его со всемірнаго рынка.

Консерватизмъ китайцевъ, ихъ уваженіе къ завѣтамъ старины должно еще будутъ служить намъ защитой. Знаютъ же китайцы европейцевъ уже столѣтія, знакомы съ ихъ орудіями, машинами, практическимъ устройствомъ мастерскихъ десятки лѣтъ; бѣлые варвары познакомили китайцевъ со своими облегчающими трудъ и удваивающими производство ремесленными орудіями и машинами, но китайцы оставляютъ ихъ безъ вниманія, попрежнему работаютъ своими старыми, неуклюжими, тяжелыми орудіями, и работы ихъ выходятъ, пожалуй, лучше, тщательнѣе нашихъ со всѣмъ нашимъ прикладнымъ знаніемъ и практическими орудіями. Стоитъ взглянуть на китайскую бронзу, рѣзбу по дереву, китайскія лакированныя издѣлія, фарфоръ, мебель. Каждая в щѣ—дѣло рукъ одной семьи, можетъ быть одного человѣка, такъ какъ китайцы еще не знаютъ раздѣленія труда. Какой-нибудь Сянъ-Чжинъ или Хань-Шанъ, пожалуй, самъ вылѣпилъ модель для своей бронзы, самъ же приготовилъ сплавъ и самъ отлилъ вещь, самъ прошелся по отдѣльнымъ фигурамъ гравировальной иглой и самъ же покрылъ эмалью, вызолотилъ, закончилъ исполнѣ. Другой Сянъ-Чжинъ, пожалуй, не только заготовилъ дерево для мебели, но и составилъ узоръ, вытѣалъ по нему матерію для обуви, сдѣлалъ мебель, обилъ, украсилъ искусной рѣзбой, покрылъ лакомъ. Правда, причудливо-странныя формы нѣкоторыхъ издѣлій часто вызываютъ у насъ, европейцевъ, улыбку, зато каждая вещь отличается извѣстнымъ стилемъ, выказываетъ индивидуальный вкусъ.

Машины ввозятся въ Китай уже пять десятковъ лѣтъ, и англичане приложили всѣ старанія къ ихъ распространенію, но китайцы приобрѣтаютъ лишь такія, которыя увеличиваютъ ручную силу, и отвергаютъ тѣ, которыя замѣняютъ или совершенствуютъ ручной трудъ, какъ, напримеръ, швейныя машины. Тысячи вѣровъ, похожихъ одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, выдѣлываются кусочекъ за кусочкомъ, пластинка за пластинкой, скрѣпляются, раскрашиваются и продаются все тѣмъ же работникомъ-одиночкой. Если при большихъ работахъ у него не хватаетъ рукъ, онъ пускаетъ въ ходъ ноги, и многіе китайцы дѣйствуютъ ножными пальцами съ большею ловкостью, нежели многіе бѣлые руками. Ловкость китайцевъ въ работѣ прямо поразительна; каждый ремесленникъ у нихъ положительно мастеръ на всѣ руки. Въ нѣкоторыхъ китайскихъ деревняхъ я не находилъ никакихъ лавокъ, и на мой вопросъ, откуда берутъ жители матеріи, обувь, домашнюю утварь, мнѣ отвѣчали: сами выдѣлываемъ.

Въ хижинахъ крестьянъ я видѣлъ старинныя ткацкія станки, передъ хижинами сидѣли женщины за шитьемъ одежду или торчали на короткахъ мужчины за плетеніемъ сандалій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда для выполненія какой-нибудь работы нужны особыя орудія, которыхъ въ деревнѣ не имѣется, деревенскіе жители прибѣгаютъ къ услугамъ странствующихъ ремесленниковъ. Въ Китаѣ и Корей существуютъ бродячіе кузнецы, портные, башмачники, цырульники.

Найдется гдѣ для такого ремесленника работа—мѣшокъ съ плечъ долой, вынулъ инструменты и за дѣло. На пути въ Су-Чжоу мнѣ случилось встрѣтить кузнеца, который какъ разъ готовился расположиться на дорогѣ со своей походной кузницей. Пожитки свои еитайскіе бродячіе ремесленники возятъ не въ ручныхъ телѣжкахъ, какъ наши, европейскіе, а въ неуклюжихъ тачкахъ, или носятъ не на спинѣ въ котомкахъ и мѣшкахъ, а въ двухъ неглубокихъ корзинахъ, на длинномъ бамбуковомъ коромыслѣ. Мы не протащили бы такой тяжести и сотни шаговъ, а они шагаютъ себѣ съ ними десятки миль, какъ ни въ чемъ не бывало. Встрѣченный мной кузнецъ несъ на одномъ концѣ коромысла кузнечныя мѣхи и безформенную глыбу желѣза, служившую наковальней; на другомъ же концѣ—тяжелую корзину со старымъ желѣзомъ и инструментами, угольнымъ мѣшкомъ, жаровней и глинянымъ горшкомъ, который вѣнчалъ всю корзину. Онъ положилъ наковальню на камень, посыпавъ его предварительно сырой землей, досталъ жаровню, наложилъ въ нее угольевъ, подложилъ огня и сталъ раздувать уголь мѣхами.

Затѣмъ онъ налилъ свой глиняный горшокъ водой изъ ближайшей канавки и бросилъ туда горсть спрессованныхъ морскихъ водорослей и варенаго риса. Тогда только я догадался, что онъ собираетъ сначала

пообѣдать. Мѣсиво это было съѣдено имъ съ такимъ аппетитомъ, какъ будто это было рагу изъ трюфелей. Тотъ же горшокъ съ водой послужилъ затѣмъ кузнецу при работѣ: въ него погружались для охлаждения разные желѣзные предметы, которые предварительно кузнецъ раскалялъ въ огнѣ. Въ городахъ эти странствующие ремесленники остаются подольше, пріютившись гдѣ-нибудь у стѣнки и поджидая заказчиковъ.

Однажды я присутствовалъ при очень забавной сценѣ. Былъ какъ разъ большой праздникъ, торжество въ честь какого-то мѣстнаго свя-

Китайскій цирюльникъ.

того, и въ городъ стекалось много народа изъ окружающихъ деревень и мѣстечекъ. По главной улицѣ шель оборванный, растрепанный китаецъ, увидаль на тѣневой сторонѣ улицы бродячаго цирюльника, присѣлъ возлѣ на корточкахъ, стащилъ съ себя рубаху, бросилъ ее чинить бродячей уличной швейкѣ, а голову подставилъ цирюльнику. Немного погодя явился бродячій чеботаръ и, какъ въ Англіи уличные чистильщики сапогъ, принялся упорно тыкать пальцемъ на войлочную обувь китайца. Послѣ долгаго крика и переговоровъ они, наконецъ, сторговались, китаецъ скинулъ башмаки, и чеботаръ, усѣвшись рядомъ съ уличной швейкой, принялся ставить на обувь заплаты.

Кожа у китайцевъ далеко не въ такомъ ходу, какъ у другихъ народовъ, кожаной обуви почти не видно: бѣдные носятъ большую частью соломенные сандалии, а зажиточное—шелковую обувь на войлочной подошвѣ.

Во многихъ отрасляхъ промышленности китайцы, какъ сказано, несмотря на свои примитивные инструменты, не уступаютъ европейцамъ, если не превосходить ихъ; серебряныя издѣлія китайцевъ прямо восхитительны; ремесленники-одиночки сами создаютъ модели, выковываютъ и золотятъ великолѣпныя вазы, чаши и подставки для цвѣтовъ съ сотнями чеканныхъ фигурокъ, величиной въ одинъ-два сантиметра, но такъ сработанныхъ, что можно различить каждую черту лица, каждую складку одежды.

Еще тоньше, художественнѣе исполненіе чудесныхъ вышивокъ. Изготовленіемъ ихъ заняты въ Кантонѣ много тысячъ мужчинъ и женщинъ, такъ какъ вышивки эти въ массѣ вывозятся въ Европу, гдѣ находятъ отличный сбытъ. Какой-нибудь кусокъ вышивки работается иногда мѣсяцами; съ поразительнымъ искусствомъ вышиваютъ китайцы по шелку разныхъ птицъ, бабочекъ, цвѣты и проч. отъ руки, лишь глядя на рисунокъ, при чемъ самая вышивка выходитъ одинаково какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны и нигдѣ не видно ни узелковъ, ни кончиковъ шелковыхъ нитей, которыя все искусно прячутся. Чудеснѣйшія узорныя шелковыя матеріи ткются на самыхъ простыхъ станкахъ. Китайцамъ до тонкости извѣстны также все тайны окраски тканей, и—даромъ, что они не имѣютъ понятія о химіи, какъ наука—ихъ собственныя китайскія краски оказываются куда болѣе прочными, чѣмъ получаемыя изъ Европы. По части тонкой рѣзбы по дереву, слоновой кости и камню китайцы положительно не имѣютъ соперниковъ. Съ какою ловкостью пользуются они въ своихъ работахъ изъ пестраго мрамора темными или свѣтлыми жилками, въ работахъ изъ дерева—каждымъ сучкомъ или наростомъ; изъ какого-нибудь узловатаго корня они мигомъ вырѣжутъ длиннородаго божка, изъ многограннаго жировика—курьзнаго старичка; наросты и выступы матеріала служатъ скорѣе въ пользу, нежели на помѣху мастеру. Подобныя скульптурныя изображенія находятъ себѣ мѣсто надъ фронтонами домовъ, надъ воротами, дверями и по стѣнамъ жилищъ. Китайцы съ большимъ искусствомъ вырѣзываютъ и отдѣльныя фигуры и цѣльныя группы, такъ же искусно полируютъ ихъ, золотятъ и окрашиваютъ въ разные цвѣта; одного лишь не умѣютъ китайцы: соблюдать пропорцій въ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ и перспективы въ сценахъ и группахъ.

Въ Кантонѣ я видѣлъ тысячу рисовальщиковъ на тонкой рисовой бумагѣ, составляющей особенность китайской промышленности. Эта такъ называемая «рисовая бумага», ослѣпительно бѣлая, нѣжная и хрупкая,

отнюдь не бумага, а сердцевина разновидности хлѣбнаго дерева, которая осторожно извлекается изъ дерева и рѣжется тонкими широкими ножами на тончайшіе пласты. На этихъ пластинкахъ китайцы рисуютъ акварелью всевозможныя картинки: ландшафты, сцены изъ народной жизни, портреты, птицъ, звѣрей и пр.

Выдѣлка шелковыхъ тканей производится въ большинствѣ городовъ, не исключая и самыхъ маленькихъ, но нигдѣ не найдется ни одной ткацкой фабрики наподобіе нашихъ. Выдѣлка шелковыхъ тканей всюду кустарная; неуклюжіе ткацкіе станки являются величайшею драгоценностью домашней обстановки въ каждой семьѣ. И все-таки бѣдные, невѣжественные китайцы умѣютъ выдѣлывать шелкъ куда лучше, нежели мы. Слова: шелкъ (цзе), сатинъ (сетумъ), тесунча (цзинша), приобрѣтши право гражданства во всемъ мірѣ, взяты съ китайскаго языка. Въ Нанкинѣ я отправился осматривать знаменитую императорскую шелковую фабрику, гдѣ шелкъ выдѣлывается въ огромномъ количествѣ для надобности императорскаго пекинскаго двора и для жертвоприношеній предкамъ и богамъ. Требуется его не мало, такъ какъ въ одномъ Пекинѣ ежегодно сжигается при жертвоприношеніяхъ до 30.000 кусковъ шелковой матеріи. Въмѣсто фабрики я однако нашелъ цѣлый рядъ грязныхъ помѣщеній съ однимъ неуклюжимъ ткацкимъ станкомъ въ каждомъ, и на этихъ-то станкахъ выдѣлывались на моихъ глазахъ чудеснѣйшія шторныя ткани и камни, которыя возбуждаютъ такое удивленіе иностранцевъ, присутствующихъ на пріемахъ при пекинскомъ дворѣ.

Объ артистическомъ производствѣ фарфора въ Китаѣ извѣстно всѣмъ и каждому; изъ Китая искусство это перешло въ Корею и Японію, и теперь въ послѣдней производится фарфоръ, пожалуй, еще болѣе тонкій, нѣжный, нежели на самой родинѣ его производства.

Бумага была извѣстна китайцамъ еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., но и тогда, какъ теперь, они выдѣлывали ее изъ волоконъ бамбука, которыя толкутся въ ступкѣ и смѣшиваются съ волокнами хлопчатника. Сами китайцы считаютъ корейскую бумагу наилучшей. Столь же древняго происхожденія китайская тушь, изготовляемая не изъ каракатицъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые европейцы, но все изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ: масла и сажн сосноваго угля.

Европейцы много разъ пытались приучить китайцевъ къ болѣе дешевымъ способамъ выдѣлки различныхъ предметовъ, главнымъ образомъ играющихъ видную роль въ вывозѣ въ Европу, но китайцы съ трогательнымъ упорствомъ остаются при своихъ старыхъ пріемахъ, бывшихъ извѣстными, пожалуй, еще во времена Конфуція. Можно было бы вообще отчасться въ возможности расшевелить китайцевъ, вывести ихъ изъ ихъ законѣлости въ устарѣлыхъ пріемахъ производства, если бы не наплывъ дешевыхъ европейскихъ издѣлій, которыя, вытѣсняя

своей дешевизной предметы ручного производства, поневолѣ заставляютъ китайца взяться за умъ. Китаецъ слишкомъ расчетливъ, слишкомъ хорошій кунецъ, чтобы держаться старыхъ традицій, если онѣ бьютъ его по карману.

Производство нѣкоторыхъ предметовъ онъ поэтому совсѣмъ оставилъ, замѣнивъ ихъ европейскими, другіе сталъ выдѣлывать по европейскимъ образцамъ. Такъ, напримѣръ, китайцы издавна занимались изготовленіемъ швейныхъ иголокъ, но, благодаря ручному способу изготовления, иголки эти, конечно, не могли ни качествомъ, ни дешевизной сравниться съ европейскими. Какъ извѣстно, наши иголки укладываются въ маленькія черныя бумажки, и это сначала мѣшало ихъ распространенію въ Китаѣ. Добрыхъ китайскихъ дамъ оттапливалъ печальный чернѣйшій цвѣтъ; будь же иголки завернуты въ красныя бумажки, онѣ были бы не прочь испробовать ихъ.

Бирмингемцы, конечно, постѣшили уложить свой хрупкій товаръ въ красныя бумажки, и скоро китайцы такъ привыкли къ англійскимъ иголкамъ, что стали брать ихъ и въ черныхъ бумажкахъ. Китайскому производству иголокъ нанесенъ былъ, такимъ образомъ, сильный ударъ, но въ отдаленныхъ провинціяхъ китайцы все еще продолжаютъ сами ковать свои неуклюжія иголки.

Не замедлили китайцы научиться также цѣнить стекло, котораго совсѣмъ не знали до начала торговыхъ сношеній съ европейцами. Оконныя стекла замѣнялись у нихъ бумагой; зеркала употреблялись исключительно металлическія. Мало-по-малу они научились плавить стекло, и въ Китай стали вывозить изъ Европы ежегодно тысячи тоннъ стеклянныхъ осколковъ и битыхъ бутылокъ. Теперь же китайцы выучились плавить самый кремнеземъ и выдѣлывать стеклянную массу, почему ввозъ стекла въ Китай почти совсѣмъ прекратился. Китайцы только не умѣютъ еще выдѣлывать зеркальнаго стекла, зато такъ отполировываютъ свои металлическія зеркала, что они вполне замѣняютъ имъ стеклянные.

Очки также нашли широкій сбытъ въ Китаѣ. Пока еще ихъ по-прежнему во множествѣ привозятъ изъ Европы, но китайцы уже начинаютъ изготовлять ихъ и сами, тѣмъ болѣе, что требованія, предъявляемыя китайцами къ очкамъ, совсѣмъ иныя, нежели у насъ въ Европѣ; по мнѣнію китайцевъ, тѣмъ стекла толще и крупнѣе, тѣмъ лучше. Вообще въ Китаѣ считается признакомъ хорошаго тона носить очки большихъ размѣровъ, и мандарины, чиновники, богатые купцы и китайскіе довѣренныя (компраторы) иностранныхъ торговыхъ домовъ— всѣ щеголяютъ въ непомѣрно большихъ очкахъ съ хрустальными стеклами, прикрывающими чуть не половину лица. Наши европейскія оптическія стекла поэтому для нихъ не годятся—черезчуръ малы, и въ Ки-

таѣ возникло собственное производство такихъ стеколъ, при чемъ вмѣсто нечистаго китайскаго стекла берется хрусталь, который и шлифуется по глазамъ заказчика въ его же присутствіи. Во время моей поѣздки вверхъ по Ян-цзы-цзяну пароходъ нашъ присталъ въ Ву-ху, и тамъ на прогулкѣ я встрѣтилъ одного знакомаго моему проводнику китайца, только что назначеннаго секретаремъ мѣстнаго дао-тая. Господинъ секретарь и не замедлилъ сообщить намъ, что какъ разъ собрался къ оптику заказать очки для своихъ слабыхъ глазъ.

Ему, очевидно, было неловко показаться намъ въ своемъ новомъ званіи чиновника безъ очковъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какъ онъ остановился у лавочки одного заготовщика очковъ, а когда два часа спустя мы опять столкнулись съ вновь испеченнымъ секретаремъ, на носу его уже красовались огромныя очки. Онъ съ улыбкой окликнулъ насъ и подѣлился сообщеніемъ, что очки ему какъ разъ по глазамъ. Я полюбопытствовалъ взглянуть черезъ эти колоссальныя круглыя стекла, и что же? они оказались плоскими, какъ оконныя стекла.

Вообще, приглядываясь къ промышленной жизни китайцевъ, я по всему замѣчалъ, что они упорно держатся своихъ старинныхъ пріемовъ и что чрезвычайно трудно заставить ихъ усвоить себѣ наши. Даже переехавши за границу, напр., въ Санъ-Франциско, гдѣ имъ приходится жить и работать среди американцевъ, китайцы упорно держатся въ ремеслахъ своихъ старо-китайскихъ пріемовъ и продолжаютъ выписывать съ родины все необходимое изъ платья, домашней утвари и инструментовъ, вмѣсто того чтобы покупать болѣе дешевые и пратичные предметы американскаго производства. Охотно приобрѣтаютъ они лишь такіе предметы, употребленія которыхъ не знали до знакомства съ европейцами и въ пользѣ которыхъ успѣли убѣдиться.

Такимъ образомъ не составило большого труда ввести въ Китаѣ употребленіе керосина и керосиновыхъ лампъ; послѣднія стали теперь выдѣлываться уже въ самомъ Кантонѣ и расходиться тысячами по всей странѣ. Неизвѣстна была въ Китаѣ и наша желѣзная промышленность съ ея литейными заводами и машинами всѣхъ сортовъ, но прошло нѣсколько времени, и китайское правительство открыло въ разныхъ мѣстахъ страны арсеналы и машинныя мастерскія подъ управленіемъ иностранцевъ, которыхъ однако понемногу стараются замѣнить туземными техниками.

Въ настоящее время китайцы стремятся изучить у европейцевъ желѣзнодорожное дѣло, чтобы впоследствии строить собственныя желѣзныя дороги.

Незавирая на крупныя изобрѣтенія, приписываемыя исторіей древнимъ китайцамъ, современные китайцы отнюдь не отличаются изобрѣта-

тельностью. Зато въ нихъ замѣчается необычайная способность къ подражанію. Стоитъ имъ записать образцами и проникнуть въ тайну выдѣлки предметовъ, въ пользу которыхъ они успѣли убѣдиться, для нихъ нѣтъ ничего легче, какъ начать выдѣлывать точно такіе же самими въ ущербъ европейской промышленности и торговлѣ.

Въ Гонгъ-Конгѣ, Шанхаѣ, Сингапурѣ и другихъ большихъ городахъ Восточной Азіи мелкая промышленность почти цѣликомъ перешла въ руки китайцевъ, такъ какъ европейцы не могутъ съ ними конкурировать. Даже обуваютъ и одѣваютъ европейцевъ въ этихъ городахъ по большей части китайцы, являющіеся весьма способными, добросовѣстными и крайне скромными въ своихъ требованіяхъ мастерами. Снимать мѣрки и по нимъ изготовлять бѣлье или платье китайцы не умѣютъ, но какъ только я давалъ китайцу-портному на образецъ мое европейское платье, онъ въ кратчайшій срокъ и за поразительно дешевую цѣну изготовлялъ мнѣ токъ въ токъ такое же.

Въ Шанхаѣ и Сингапурѣ мнѣ въ теченіе сутокъ шили полные костюмы изъ очень хорошаго европейскаго матеріала для 10—12 серебряныхъ долларовъ. Надо только остерегаться давать длиннокосымъ артистамъ въ маленькихъ мѣстечкахъ одежду чиненную или съ заплатами, не то вы, навѣрное, получите вновь сшитый предметъ одѣянія съ точно такими же заплатами въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ.

МОНГОЛЫ.

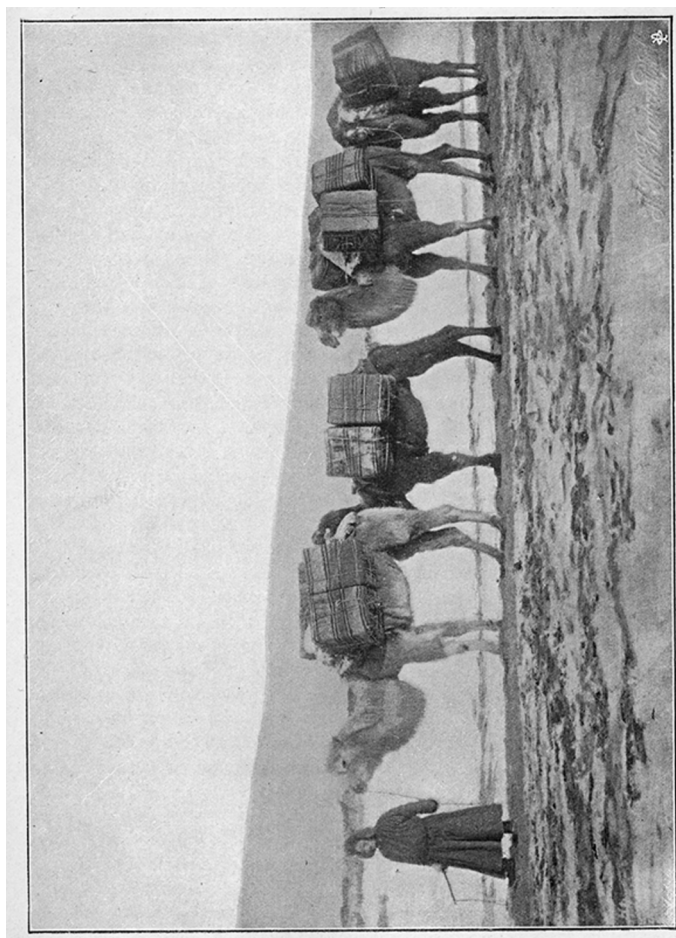
(А. К.).

Широкое, плоское лицо, съ выдающимися скулами, приплюснутый носъ, небольшіе, узко прорѣзанные глаза, угловатый черепъ, большія оттопыренные уши, черные жесткіе волосы, весьма рѣдкіе на усахъ и бородѣ, смуглый, загорѣлый цвѣтъ кожи, наконецъ плотное, коренастое сложеніе, большею частью при среднемъ, а иногда и при большомъ ростѣ,—вотъ характерныя черты наружности каждаго монгола.

Одежда у всѣхъ обитателей Монголіи почти одинаковая и отличается только нѣкоторыми частностями.

Нижняя одежда монголовъ состоитъ изъ короткой съ косымъ воротомъ рубахи, сшитой изъ синей, сѣрой или голубой бумажной ткани (дабы), съ небольшими разрѣзами по бокамъ, у подола, и той же матеріи шароваръ. Зимною же носятъ овчинныя или теплыя стеганыя шаровары изъ дабы. Верхнюю одежду составляетъ широкій халатъ изъ синей, коричневой, а у ламъ изъ желтой или малиновой дабы.

Воротнички, борты, подолъ и обшлага рукавовъ халата обшиваются у зажиточныхъ плисомъ. Застегивается халатъ на круглыя металлическія пуговицы, пришитыя на правомъ боку. На подолѣ, съ обѣихъ

Перевозка чая через Гоби.

боковъ, часто дѣлаются разрѣзы для удобнаго помѣщенія въ сѣдлѣ. Опясывается халатъ бумажнымъ цвѣтнымъ поясомъ, на которомъ всегда висятъ ножны съ ножомъ и огниво на ремешкахъ или дѣпочкахъ, а сзади за поясомъ втыкается трубка. Кармановъ у халата не дѣлаютъ, а мелкія вещи, носимыя при себѣ, какъ-то: табакерку, кисеты съ табакомъ и т. п., монголы кладутъ за пазуху или за голенища, куда помѣщаютъ иногда трубку и кошельки съ серебромъ. Въ зимнее время монголы носятъ нагольные тулупы или халаты на бараньемъ мѣху, а въ путешествіяхъ, при сильныхъ морозахъ и вѣтрахъ, надѣваютъ еще поверхъ ихъ козьи дохи.

Женщины носятъ узкіе халаты, съ длинными рукавами и утолщеніемъ на плечахъ. Застегиваются они также на круглыя металлическія пуговицы, нашиваемыя по прямой линіи отъ подбородка внизъ. Поверхъ халата монголки надѣваютъ короткія безрукавки. Волосы свои онѣ разбираютъ на двѣ пряди, смазываютъ ихъ клеємъ и спускаютъ въ видѣ двухъ плоскихъ, лентообразныхъ локоновъ на грудь, сжимая эти локоны металлическими стяжками, или щемилками. Локоны украшаются бляхами, кораллами и лентами, а на голову монголки надѣваютъ маленькую ермолку съ тремя лопастями на краяхъ и отверстіемъ наверху. Въ ушахъ онѣ носятъ массивныя, большую частью треугольныя серьги съ различными привѣсками, на рукахъ—браслеты и кольца, а на шеѣ—кораллы и бусы.

Мужчины и женщины обуваются въ простые кожаные сапоги, похожіе на китайскіе, безъ каблукъ, съ широкими, но короткими голенищами и толстыми войлочными подошвами, прошитыми ремешками и драгвою. Зимю на ноги одѣваютъ предварительно войлочные чулки, выдающіеся изъ голенищъ.

Головной уборъ у мужчинъ и женщинъ одинаковъ: коническая шапка, съ круглымъ мягкимъ шипакомъ на верхушкѣ и широкими, загнутыми вверхъ полями, отороченными снаружи мѣхомъ (лисыимъ, волчьимъ, рысьимъ) или плизомъ (у лѣтнихъ шапокъ). Зимю, въ сильную стужу, монголы отворачиваютъ ихъ, защищая себѣ лобъ, уши и затылокъ. Сзади спускаются съ шапки двѣ малиновые или пунцовыя ленты, длиною верхковъ 10. Лѣтомъ, въ жары, вмѣсто шапокъ, монголы часто повязываютъ голову платкомъ узломъ на затылокъ.

Жилище монгола, кочевника, т. е. его юрта (гѣръ или гырѣ), равно какъ и киргизская, состоитъ изъ деревяннаго остова и войлочной покрывки. Различіе между той и другой заключается, главнымъ образомъ, въ формѣ верхней половины, которая у киргизскихъ юртъ сферическая, а у монгольскихъ—прямая, вслѣдствіе того, что у первой—перекладныя, поддерживающія верхъ, выпуклыя, и у второй прямыя. Затѣмъ другое существенное различіе обуславливается устройствомъ две-

рей: юрта монгола имѣть деревянныя створчатыя двери, которыя всегда обращаются на югъ; киргизское же дверное отверстіе закрывается войлокомъ, спускающимся сверху наподобіе шторы.

Внутренность монгольской юрты болѣе богата утварью и скарбомъ, чѣмъ киргизской. Противъ входа въ юрту всегда располагаются божницы, представляющія изъ себя шкафики или шкатулки, на которыхъ помѣщаются кумиры и ихъ изображенія на бумагѣ или на тканяхъ; а передъ этимъ подобіемъ иконы располагаются металлическія чашечки (цокцо) съ водой, хлѣбнымъ зерномъ, сыромъ, творогомъ и проч. Тутъ же ставятся и искусственные цвѣты.

Вправо отъ божницы располагается широкая и низкая кровать съ войлочнымъ тюфякомъ и подушкой. Въ ногахъ ея, т.-е. отъ входа направо, помѣщается этажерка или шкафчикъ съ мелкою посудой. По лѣвую сторону входа ставится деревянный станокъ для вѣшанія кожаныхъ мѣшковъ. Затѣмъ, вдоль остальныхъ стѣнъ и свободнаго пространства располагаются деревянные ящики (абдра), вмѣщающіе домашній скарбъ, запасы хлѣба и проч., а зимой, кромѣ того, помѣщается мелкій рогатый скоть, т.-е. ягнята и телята.

Утварь состоитъ изъ очага или тагана, представляющаго рядъ плоскихъ желѣзныхъ обручей, отъ 8 до 12 верш. въ діаметрѣ, скрѣпленныхъ между собою, параллельно четырема желѣзными прутами, съ багровидными, выдающимися немного вверхъ концами, на которыхъ устанавливается обыкновенно котелъ; такая рѣшетка, въ 9—12 верш. высотой, допускаетъ свободный притокъ воздуха съ боковъ, а потому арагаль (сухой скотскій пометъ) въ ней горитъ лучше, чѣмъ сложенный просто въ кучу; затѣмъ изъ мѣднаго ковша съ длинною деревянною ручкою, черпака изъ ивовыхъ прутьевъ или дѣрису, метелки для обметанія казана, плоскаго деревяннаго блюда, деревянныхъ и рѣдко фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ, корыта для вкладыванія мяса, вынутаго изъ котла, деревянной ступы для толченія проса и чая, деревяннаго же пѣста, корзины для сбора арагала и льда, деревянныхъ ведеръ, деревянной крышки на котелъ и иногда молотка изъ маральего рога.

Обыденная жизнь монголовъ однообразна и бѣдна развлеченіями: въ монгольскихъ улусахъ рѣдко слышатся пѣсни, еще рѣже бываютъ игры. Путешественнику по Монголіи гораздо чаще приходится наблюдать различныя религіозныя отравленія и гаданія, весьма распространенныя въ нымъ пѣснопѣніямъ, читаемымъ монголами, особенно же ламами, которые средѣ обитателей страны. Народныя пѣсни уступаютъ мѣсто церковъ въ пути, сидя на верблюдѣ и покачиваясь равномерно, бормочутъ по нѣскольку часовъ подъ рядъ свою шестисловную мистическую молитву: «ом-на-ви-пад-ме-хумъ».

Съ восходомъ солнца женщины доятъ скоть и потомъ отпращиваютъ

его большею частью съ подростками-мальчиками, а иногда и съ дѣвухами на пастбище, куда пастухи или пастушки слѣдуютъ всегда верхомъ на лошадахъ.

Загѣмъ женщины готовятъ кушанье и занимаются шитьемъ. Вообще на монголкахъ лежатъ многія домашнія работы: приготовленіе кушанья, собраніе молока, дѣланіе сыра, масла, уходъ за новорожденными мелкими животными, шитье платя и проч. Онѣ трудятся гораздо больше мужчинъ, и эти нескончаемыя хлопоты по хозяйству поддерживаютъ въ нихъ постоянно энергію, въ противоположность мужчинамъ. лѣнивая жизнь которыхъ измѣняется только периодически. Зато монгольскія женщины пользуются значительной долей самостоятельности: онѣ не безответныя рабыни своихъ мужей, а полноправныя хозяйки.

Мужчины большую часть дня, если нѣтъ спѣшной работы, проводятъ въ праздности, сидя у очага и покуривая трубки, или отправляются въ гости въ сосѣдній улусъ, и непременно всегда верхомъ, хоть бы до этого улуса было нѣсколько сотъ шаговъ. Разъѣзды по гостямъ бываютъ особенно

Монголка.

частью лѣтомъ, когда у монголовъ готовится кумысъ и гонится водка. Въ это время можно встрѣтить партіи подгулявшихъ монголовъ, путешествующихъ изъ улуса въ улусъ, но въ чрезмерномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ ихъ однако нельзя пререкнуть. На праздникахъ при монастыряхъ устраиваются скачки, стрѣльба изъ луковъ и борьба, привлекающія туземцевъ цѣлыми тысячами. Охотники осенью и зимою соединяются въ партіи, устраиваютъ облавы на антилопу, а весной, лѣтомъ и осенью охотятся въ одиночку на сурковъ.

Въ періодъ караваннаго движенія (съ августа по апрѣль) однообразная жизнь монголовъ, кочующихъ поблизости большихъ дорогъ, значительно оживляется: проходящіе ежедневно караваны доставляютъ имъ

развлеченіе. Завидѣвъ караванъ, монголы тотчасъ садятся на лошадей и, подсакавъ къ нему, привѣтствуютъ путешественниковъ; затѣмъ начинаются нескончаемые разпросы. Увлечшись разговоромъ, нѣкоторые изъ любопытныхъ уѣзжаютъ очень далеко отъ своихъ улусовъ. Случается также нерѣдко, что монголъ, ѣдущій въ гости или за дѣломъ и встрѣтившійся съ караваномъ, поворачиваетъ назадъ и сопутствуетъ ему нѣсколько верстъ, единственно изъ желанія побесѣдовать съ проѣзжающими. Но ошибочно было бы такую страсть къ общенію считать характеристической чертой монгольскихъ нравовъ: ее слѣдуетъ, мнѣ кажется, приписать вполне естественному влеченію къ разнообразію той монотонной жизни, которую ведутъ монголы въ своихъ малыхъ и удивленныхъ улусахъ.

По вечерамъ монголки опять доятъ скотъ, оставляя коровъ, барановъ и козъ на ночь около юртъ подъ защитою собакъ, иначе волки, которыхъ въ Монголіи множество, не преминутъ воспользоваться оплошностью владѣльца и, навѣрно, задушатъ нѣсколько штукъ. Въ эти часы, когда скотъ пригоняется къ улусамъ, окрестности ихъ оглашаются мычаніемъ коровъ и бляніемъ барановъ. Потомъ все умолкаетъ и въ ночномъ сумракѣ только огоньки, просвѣчивающіе черезъ верхнія дымовыя отверстія трубъ, обозначаютъ собою присутствіе человѣческихъ жилищъ.

Пища монголовъ состоитъ главнымъ образомъ изъ мяса, молочныхъ продуктовъ, толокна и чая. Изъ мяса преимущественно употребляется баранина, говядина же гораздо рѣже, и какъ конину, такъ и верблюжье мясо ѣдятъ большею частью отъ павшихъ животныхъ. Затѣмъ громадное подспорье для небогатыхъ кочевниковъ представляетъ еще сурочье мясо. О количествѣ сурковъ, уничтожаемыхъ монголами, можно судить по тому, что черезъ г. Кобдо, не считая другихъ пунктовъ, въ иные годы вывозили до 500.000 шкурокъ сурковъ, мясе которыхъ съѣдалось номадами. Способъ приготовленія мяса весьма простъ и несложенъ: его бросаютъ въ котелъ и варятъ весьма недолго, безъ всякихъ приправъ, вынимая недовареннымъ, полусырымъ.

Молоко, какъ основной пищевой продуктъ, служитъ еще для приготовления изъ него квашенаго молока, кумыса различныхъ сортовъ и масла. Квашеное молоко по-монгольски—арикъ, по-киргизски—айранъ; первый дѣлается изъ коровьяго, а второй изъ овечьяго молока, и кромѣ того монгольскій не вареный, почему цвѣтомъ бѣлѣе, а на вкусъ кислѣе киргизскаго. Кумысъ, по-монгольски чигэнъ или гуниарикъ, т.-е. кобылій, повсемѣстно распространенъ и одинаково готовится. Затѣмъ масло. Всѣ эти продукты всегда содержатся въ кожаныхъ мѣшкахъ—котгуръ, висящихъ въ юртѣ на особой деревянной подставкѣ, пальце отъ входа въ нее.

Чай въ Монголіи во всеобщемъ употребленіи и составляетъ для кочевника такую потребность, что ни одинъ номадъ не можетъ существовать безъ него и нѣсколькихъ сутокъ. Варить его двояко, въ зависимости отъ того, долженъ ли онъ служить простымъ питьемъ или для болѣе существенной пищи. Въ первомъ случаѣ, кромѣ кирпичнаго чая и нѣсколькихъ чашекъ молока, ничего не кладется въ кипящую воду. Во второмъ же—добавляется еще сухое жареное просо и, наконецъ, масло или курдючное сало.

Водку монголы гоняютъ изъ хлѣба или коровьяго кислаго молока. Независимо отъ приготовляемой, наибольшее количество ея приобретается покупкою у китайцевъ, для которыхъ торговля ею даетъ большіе барыши. Наконецъ, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ продуктовъ, монголы употребляютъ еще зерна дикихъ растений, собираемыя въ степныхъ мѣстахъ, а на высокихъ горахъ корни, называемые по-монгольски мякирь.

Монголы вообще весьма добродушны, пріятливы, въ широкой степени гостепріимны и честны. По характеру своему вспыльчивы, но злопамятностъ и месть не знакомы ихъ прямодушнѣйшей натурѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ монголы упрямы, хотя легко поддаются обаянію лести. Словоохотливостъ имъ также присуща: на предложенный вопросъ, кромѣ прямого отвѣта, готовы сообщить много лишняго, при чемъ сворая рѣчь непрерывно льется изъ устъ добродушнаго номада.

На ряду со сказаннымъ самую видную черту характера ихъ составляютъ лѣнь и безпечностъ, поддерживаемая въ нихъ условіями ихъ пастушескаго быта. Правда, праздности монголы предаются только во время досуга, котораго у нихъ очень много; въ рабочее же время, т. е. въ періодъ караваннаго движенія, номады способны трудиться неустанно въ теченіе долгаго времени. Безпечностъ же ихъ достойна замѣчанія, и нашему предловутому «авось» въ монгольскомъ языкѣ соответствуетъ болѣе сильное «дугэръ», отражающееся весьма невыгодно на ихъ благосостояніи. Не менѣе видную черту ихъ характера составляетъ трусостъ, получившая особенное развитіе въ средѣ обитателей, сосѣднихъ застѣнному Китаю. Развращающее вліяніе китайцевъ въ конецъ истребило въ монголахъ всякую воинственность и энергію духа, и даже халхасы совершенно утратили прежнюю удаль и отвагу. Не только въ этомъ отношеніи, но и вообще вліяніе китайцевъ отражается весьма пагубно на характерѣ кочевника, измѣняя его чрезвычайно сильно, такъ что жители окраинъ Монголіи значительно разнятся отъ обитателей средней части страны, и насколько послѣдніе, особенно простые монголы (харахунъ, по нашему—простолудия) не испорчены, честны, простодушны и добры, настолько первые заражены хитростью, обманомъ и лицемеріемъ.

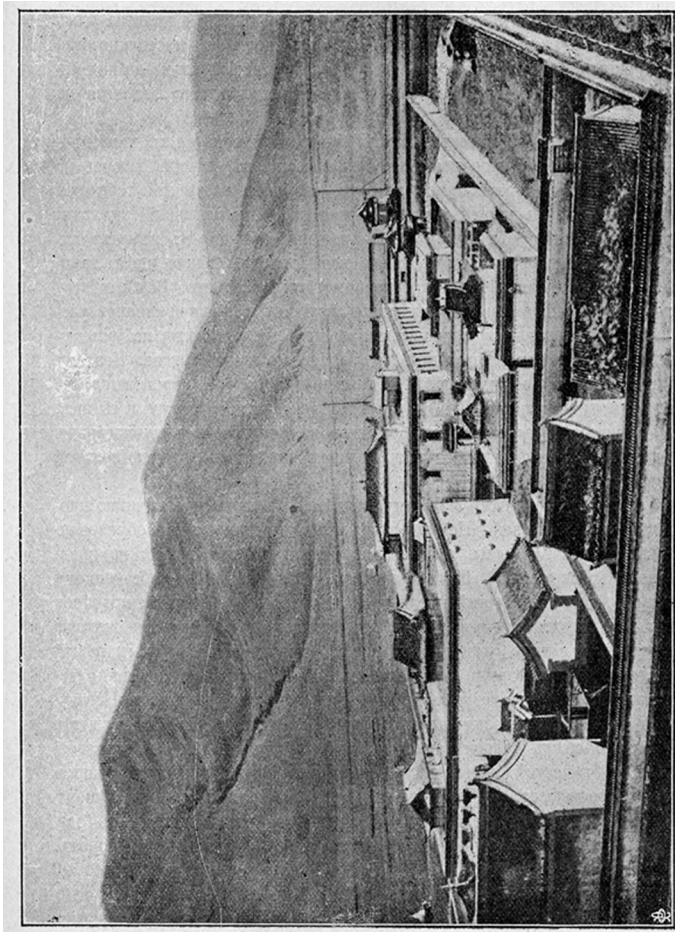
Въ умственномъ отношеніи нельзя отнять у монголовъ чрезвычай-

ной смѣтливости. Впрочемъ, она, подобно нѣкоторымъ другимъ чертамъ характера номада, получила одностороннее, исключительное развитіе и сводится къ умѣнію, благодаря отличному знанію своей родины, найтись въ самомъ безвыходномъ положеніи — предсказать бурю, чутьемъ опредѣлить мѣстонахожденіе колодца, по ничтожнымъ примѣтамъ отыскать заблудившагося коня или верблюда и т. д. Но въ кругу обычной его дѣятельности монголы не сумѣютъ проявить и сотой доли своей смѣтливости, которая, въ сферѣ его жизни и обстановки, неоднократно вызывала удивленіе путешественниковъ. Наконецъ, для полноты характеристики коренного обитателя Монголіи необходимо упомянуть о свойственномъ имъ любопытствѣ, доходящемъ до крайности, какъ результатъ, вѣроятно, чрезвычайнаго однообразія ихъ обыденной жизни.

Въ отношеніи религіи почти все населеніе Монголіи принадлежитъ къ буддистамъ и исповѣдуетъ ламанизмъ, составляющій господствующее въ странѣ вѣроученіе. Рядомъ съ нимъ существуютъ и ничтожные остатки шаманства, этой древнѣйшей религіи Азіи, замѣтно однако вымирающей, по мѣрѣ распространенія буддизма, пустившаго такіе глубокіе корни, какъ, быть можетъ, ни въ одной другой странѣ буддійскаго міра. Дѣйствительно, ученіе Будды сдѣлало громадныя успѣхи, и уже спустя всего 50 лѣтъ послѣ постройки перваго въ Монголіи монастыря Эрдэни-цзу, оконченнаго въ 1586—87 гг., буддійское вѣроученіе охватило всю страну.

Въ лѣтописяхъ халхасовъ говорится, что съ этого времени вѣра Будды какъ солнце просіяла; животворные лучи ея согрѣли души халхасовъ и смирили ихъ жестокіе нравы: халхасы совершенно вступили на путь десяти бѣлыхъ добродѣтелей и стали весьма прилежны къ дѣланіямъ высокородныхъ святыхъ.

Богослуженіе въ Монголіи отправляется на тибетскомъ языкѣ и всѣ священныя ихъ книги также тибетскія. Самое служеніе совершается трижды въ день и носитъ названіе хураловъ малыхъ, т.-е. повседневныхъ, и большихъ, полагаемыхъ въ дни постовъ, покаянія и по праздникамъ. Призывъ ламъ къ служенію въ монастыряхъ Халхи совершается обыкновенно помощью морской раковины, въ которую грубный звукъ подается трижды. Собравшись въ кумирню, ламы садятся на опредѣленные, каждому присвоенныя мѣста и читаютъ нараспѣвъ установленныя молитвы. Иногда это монотонное чтеніе прерывается возгласомъ старшаго ламы, повторяемымъ или даже перекрикиваемымъ прочими изъ присутствующихъ. Затѣмъ бьютъ въ бубны или мѣдныя тарелки, что производитъ еще большій шумъ. Молитвы, читаемыя во время повседневныхъ хураловъ, установлены одинаковыя для всѣхъ кумиренъ Монголіи; большіе же хуралы, совершаемые въ извѣстные

Буддiйскiй монастир близь Урги.

праздничные дни и по разным случаямъ, отличаются отъ малыхъ какъ большею пышностью самаго служенія, такъ и чтеніемъ особо установленныхъ для сего молитвъ. Но самая употребительная молитва какъ въ средѣ ламъ, такъ и кочевого населенія Монголіи, постоянно ими повторяемая, состоитъ всего изъ шести словъ: ом-ма-ни-пад-ме-хумъ. Объясненія ея однако до сихъ поръ не имѣется, несмотря на произведенныя уже попытки.

Во главѣ всей духовной іерархіи буддизма находится тибетскій да-лай-лама, имѣющій свое постоянное пребываніе въ Лхассѣ. Второе по немъ лицо, равноправное по святости, составляетъ другой тибетскій святой—бань-цзынь-эрдэни и третье—представляетъ ургинскій хутухта. Затѣмъ уже слѣдуютъ всѣ остальные гыгэны, живущіе въ разныхъ кумирняхъ Монголіи и раскинутые по всей странѣ. Общее число такихъ весьма значительно и простирается далеко за сто. Всѣ эти «гыгэны» составляютъ земное воплощеніе святыхъ, до высшей степени усовершенствовавшихъ свою нравственную природу и никогда не умирающихъ, но только переходящихъ изъ одного тѣла въ другое. Поэтому точное ихъ наименованіе составляетъ «хубилганъ», т. е. перерожденецъ, или земное воплощеніе. Что же касается до названій хутухта и гыгэнь, то это ужъ титулы, жалуемые богдыханомъ монгольскимъ хубилганамъ при особомъ рескриптѣ и съ обязательною при этомъ выдачею золотой печати.

Сословіе духовныхъ, или такъ называемыхъ ламъ, чрезвычайно многочисленно въ странѣ. Помимо того, что подобное явленіе обуславливается ученіемъ Будды, самое достиженіе духовнаго званія не представляетъ затрудненій. Такъ, родители, обыкновенно по собственному желанію, еще въ дѣтствѣ предназначаютъ своего ребенка на подобное поприще, бреютъ ему всю голову и одѣваютъ въ красную или желтую одежду. Последнее служитъ внѣшнимъ выраженіемъ будущаго назначенія ребенка, котораго, по достиженіи 8—10-лѣтняго возраста, отдають въ кумирню для изученія грамоты и буддійской мудрости. По изученіи же, приблизительно въ 17 годахъ, полного круга богослуженія принявшіе обѣтъ большею частью возвращаются обратно въ свое селеніе въ качествѣ ламы, чтобы проводить тамъ однако обыденную жизнь простолюдина. Всѣ такого рода ламы числятся въ общемъ списокѣ данниковъ своего князя и такимъ образомъ ничѣмъ не разнятся отъ нихъ, неся на ряду съ ними и всѣ повинности. Наоборотъ, монастырскіе ламы, постоянно въ нихъ живущіе, вносятся въ особый монастырскій списокъ, веденіе котораго лежитъ на обязанности настоятеля, при чемъ включеніе желающихъ въ этотъ послѣдній производится съ большою осмотрительностью.

Религіознаго вѣрованія, какъ мы уже знаемъ, пустили въ средѣ

номадовъ глубокіе корни. Въ не меньшей степени развито между монголами суевѣріе, вѣроятно какъ остатки шаманства. Различныя черты и колдовство грезятся монголу на всякомъ шагу. Въ каждомъ неблагоприятномъ явленіи природы онъ видитъ дѣйствіе злого духа, въ каждой болѣзни—его же попущеніе. Нужно видѣть, насколько здѣсь распространены гаданье и различное колдовство. Въ этомъ искусствѣ упражняются не только всѣ шаманы и большая часть ламъ, но часто даже и простые смертные, кромѣ женщинъ. Гаданья производятся главнымъ образомъ на ламскихъ четкахъ, китайскихъ чохахъ и на лопаткѣ, конечно съ приговоромъ различныхъ заклинаній. Пропала ли у монгола скотина,—онъ тотчасъ же бѣжитъ къ гадальщику, чтобы узнать, гдѣ ему искать потерянное. Отправляясь въ дорогу, онъ гадаетъ о благополучіи пути и т. д.

Изъ обычаевъ монголовъ, весьма многочисленныхъ, болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе: обыкновеніе всегда ориентироваться по странамъ свѣта, не употребляя словъ «право и лѣво», а указывая на востокъ или западъ. При этомъ лицевою стороною у номадовъ считается югъ, но не сѣверъ, почему востокъ составляетъ лѣвую, а не правую сторону горизонта. Разстоянія измѣряются временемъ ѣзды на лошадахъ или верблюдахъ и всегда въ условной формѣ, т. е. столько-то сутокъ ходу на верблюдахъ и столько-то на конѣ. Для болѣе же точнаго обозначенія добавляется: «если хорошо ѣхать» или «если тихо ѣхать». Средній суточный переѣздъ въ Халхѣ считается: на вьючныхъ верблюдахъ—въ 40 вер., а на лошадахъ—въ 60—70 верстъ. Скорость хода хорошаго верблюда простирается отъ 4—4½ вер. въ часъ, если животное навьючено, и отъ 5—6 вер. въ часъ при слѣдованіи безъ вьюка.

Заканчивая этнографическій очеркъ страны, считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ монголовъ къ Китаю. По отзывамъ большинства путешественниковъ и ихъ наблюденіямъ, монголы, въ массѣ, относятся весьма недружелюбно къ своимъ поработителямъ. Темныя поборы; притѣсненія правителей и чрезмѣрные налоги ихъ вызываютъ негласный ропотъ, тѣмъ болѣе что всему этому покровительствуетъ китайское правительство или смотритъ сквозь пальцы, такъ же какъ и на эксплуатацію кочевого населенія расплодившимся въ Монголіи китайскими торговыми компаніями. Суда и расправы помядъ найти не можетъ, а при существующемъ взяточництвѣ его даже и не ищетъ. Велѣдствіе всего этого неприязнь народа растетъ все болѣе и болѣе и пока сдерживается покровительствомъ, оказываемымъ богдыханомъ вліятельнымъ классамъ населенія, т. е. духовенству и князьямъ. Жалованье этимъ послѣднимъ, щедрые подарки, почести при дворѣ и наконецъ родственныя узы посредствомъ браковъ принцессъ царствующихъ династій съ князьями—вотъ главнѣйшія средства, къ которымъ

прибѣгаетъ китайское правительство для удержанія князей въ полномъ себѣ повиновеніи. То же самое, но въ гораздо большей степени задабриванія, практикуется и относительно духовенства, въ особенности же относительно хубилгановъ, т. е. святителей, и высшаго почетнаго ламскаго сословія.

Восточная Гоби.

(Н. М. Пржевальскаго).

Сибирскій характеръ мѣстности, съ ея горами, лѣсами и обильнымъ орошеніемъ, оканчивается возлѣ Урги и отсюда къ югу является уже чисто монгольская природа. Черезъ день пути путешественникъ встрѣчаетъ совсѣмъ иную обстановку. Безграничная степь, то слегка волнистая, то прорѣзанная грядами скалистыхъ холмовъ, убѣгаетъ въ синюю, неясную даль горизонта и нигдѣ не нарушаетъ своего однороднаго характера. То тамъ, то здѣсь пасутся многочисленныя стада, принадлежащія монголамъ, юрты которыхъ встрѣчаются довольно часто, особенно вблизи дороги. Послѣдняя такъ хороша, что по ней можно удобно ѣхать даже въ тарантасѣ. Собственно Гоби еще не началась и переходомъ къ ней служить описываемая степная полоса, съ почвою глинисто-песчаною, покрытою прекрасною травой. Эта полоса тянется отъ Урги къ юго-западу по Калганской дорогѣ верстъ на двѣсти и затѣмъ незамѣтно переходитъ въ безплодную равнину собственной Гоби.

Впрочемъ, и въ этой послѣдней мѣстности носить болѣе волнистый, нежели равнинный характеръ, хотя совершенно гладкія площади разстилаются иногда на цѣлыя десятки верстъ. Подобныя мѣста попадаются около середины Гоби, тогда какъ въ сѣверной и южной ея части встрѣчается довольно много невысокихъ горъ, или правильнѣе холмовъ, стоящихъ то отдѣльными островками, то вытянувшихся въ продольные хребты. Эти горы возвышаются лишь на нѣсколько футовъ надъ окрестными равнинами и изобилуютъ голыми скалами. Ихъ ущелья и долины всегда затянута сухими руслами потоковъ, въ которыхъ вода бываетъ только во время сильнаго дождя, да и то лишь нѣсколько часовъ. По такимъ сухимъ русламъ расположены колодцы, доставляющіе воду мѣстному населенію. Текучей воды не встрѣчается нигдѣ на всемъ протяженіи отъ рѣки Толы до окраины собственнаго Китая, т. е. почти на 900 верстъ. Только лѣтомъ во время дождей здѣсь образуются на глинистыхъ площадяхъ временныя озера, которыя затѣмъ высыхаютъ въ періодъ жаровъ.

Почва въ собственной Гоби состоитъ изъ крупно-зернистаго краснаватаго гравія и мелкой гальки, въ которой примѣшаны различныя камни, какъ, напримѣръ, иногда агаты. Мѣстами встрѣчаются полосы желтаго

сыпучаго песку, впрочемъ, далеко не столь обширныя, какъ въ южной части той же самой пустыни.

Подобная почва, конечно, не способна производить хорошую растительность, а потому Гоби очень бѣдна даже травою. Правда, по Калганской дорогѣ совершенно оголенные пространства встрѣчаются довольно рѣдко, но зато вездѣ трава достигаетъ едва фута вышины и почти не прикрываетъ красновато-сѣраго грунта. Только иногда, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глина смѣняется гравіемъ, или по горнымъ долинамъ, гдѣ лѣтняя влага болѣе задерживается почвой, является злакъ, называемый монголами дырису (*Lasiagrostis splendens*), растущій всегда кустами отъ 4 — 5 ф. вышиною и твердый какъ проволока. Здѣсь же иногда приютится какой-нибудь одинокій цвѣтокъ, а если почва солонцевата, появляется бударгана (*Kalidium gracile*), любимый кормъ верблюдовъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ лукъ, мелкая полынь, нѣсколько другихъ сложноцвѣтныхъ и злаковъ составляютъ преобладающую растительность пустыни. Деревьевъ и кустарниковъ нѣтъ вовсе, да и возможно ли имъ развиваться, когда, помимо всѣхъ другихъ неблагоприятныхъ физическихъ условій, зимніе и весенніе вѣтры бушуютъ здѣсь изо дня въ день съ такою силой, что даже вырываютъ съ корнемъ низкорослую полынь и, скручивая ее въ большіе снопы, катаютъ ихъ по пустыннымъ равнинамъ.

Населеніе въ собственной Гоби попадаетъ несравненно рѣже, чѣмъ въ предшествовавшей ей степной полосѣ. Дѣйствительно, развѣ только монголы да его вѣчный спутникъ верблюдъ могутъ свободно обитать въ этихъ мѣстностяхъ, лишенныхъ воды и лѣса, накаляемыхъ лѣтомъ до тропической жары, а зимою охлаждающихся чуть не до полярной стужи.

Вообще Гоби своею пустынностью и однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По дѣльнымъ недѣлямъ сряду предъ его глазами являются одни и тѣ же образы: то неоглядныя равнины, отливающія (зимой) желтоватымъ цвѣтомъ изсохшей прошлогодней травы, то черновалыя, изборозденныя гряды скалъ, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногого дзерена (*Antilope gutturosa*). Мѣрно падаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается попрежнему угрюмой и непривѣтливой... Закатится солнце, ляжетъ темный пологъ ночи, безоблачное небо заискрится миллионами звѣздъ и караванъ, пройдя еще немного, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись изъ-подъ тяжелыхъ вьюковъ, и тотчасъ же улягутся вокругъ палатки погонщиковъ, которые тѣмъ временемъ жарятъ свой неприхотливый ужинъ. Прошелъ еще часъ, заснули люди и животныя, и кругомъ опять воца-

рилась мертвая тишина пустыни, как будто въ ней вовсе нѣтъ живого существа... Поперекъ всей Гоби, изъ Урги въ Калганъ, кромѣ почтового тракта, содержимаго монголами, существуетъ еще нѣсколько караванныхъ путей, гдѣ обыкновенно слѣдуютъ караваны съ чаемъ. На почтовомъ трактѣ, черезъ извѣстное разстояніе, выкопаны колодцы и поставлены юрты, замѣняющія наши станціи; по караванному же пути монгольскія стойбища сообразуются съ качествомъ и количествомъ подножнаго корма. Впрочемъ, на такіе пути прикочевываетъ лишь обыкновенно бѣдное населеніе, зарабатывающее отъ проходящихъ каравановъ то милостынею, то пастью верблюдовъ, то продажей скотскаго сушеннаго помета, такъ называемаго аргала. Послѣдній имѣетъ громадную цѣнность какъ въ домашнемъ быту номада, такъ и для путешественника, потому что составляетъ единственное топливо во всей Гоби.

Однообразно потянулись дни нашего путешествія. Направившись среднимъ караваннымъ путемъ, мы обыкновенно выходили въ полдень и шли до полуночи, такъ что дѣлали, среднимъ числомъ, ежедневно 40—50 верстъ. Днемъ мы съ товарищемъ шли большею частью пѣшкомъ впереди каравана и стрѣляли попадавшихся птицъ. Между послѣдними вороны вскорѣ сдѣлались нашими отвѣренными врагами за свое нестерпимое нахальство. Еще вскорѣ послѣ выѣзда изъ Кяхты я замѣтилъ, что нѣсколько этихъ птицъ подлетали къ вьючнымъ верблюдамъ, шедшимъ позади нашей телѣги, садились на вьюкъ и затѣмъ что-то тащили въ клювъ, улетая въ сторону. Подробное изслѣдованіе показало, что нахальные птицы расклевали одинъ изъ мѣшковъ нашихъ съ провизіей и таскали оттуда сухари. Спрятавъ добычу въ сторовѣ, вороны снова являлись за поживою. Когда дѣло разъяснилось, то всѣ воры были перестрѣляны, но черезъ нѣсколько времени явились новые похитители и подверглись той же участи. Подобная исторія повторялась почти каждый день во все время нашего переѣзда изъ Кяхты въ Калганъ.

Вообще нахальство вороновъ въ Монголіи превосходитъ всякое вѣроятіе. Эти, столь осторожныя у насъ птицы, здѣсь до того смѣлы, что воруютъ у монголовъ провизію чуть не изъ палатки. Мало того, они садятся на спины верблюдовъ, пущенныхъ пастись, и расклеваютъ имъ горбы. Глупое, трусливое животное только кричитъ во все горло да плюетъ на своего мучителя, который, то залетая, то снова опускаясь на спину верблюда, пробиваетъ сильнымъ клювомъ часто большую рану. Монголы, считающіе грѣхомъ убивать птицъ, не могутъ ничѣмъ отбавиться отъ вороновъ, которые всегда сопутствуютъ каждому каравану. Положить что-либо съѣдобное въ палатки невозможно: оно тотчасъ же будетъ уворовано назойливыми птицами, которыя за неимѣніемъ лучшей поживы обдираютъ даже невѣдѣланную шкуру на лицахъ съ чаемъ.

Вороны, а лѣтомъ коршуны были нашими заклятыми врагами во все время экспедиціи. Сколько разъ они воровали у насъ даже препарированныя шкурки, не только что мясо, но зато и сколько же сотъ этихъ птицъ поплалились жизнью за свое нецеремонное нахальство.

Изъ другихъ пернатыхъ въ Гоби намъ встрѣчались пустынные (Syrrhaptes paradoxus) и монгольскіе жаворонки (Melanocorypha mongolica). Оба эти вида составляютъ характерную принадлежность Монголіи.

Изъ млекопитающихъ, свойственныхъ этой пустынѣ, можно назвать пока только два характерныхъ вида—пищуху и дзерена.

Пищуха, или, какъ монголы ее называютъ, *оготоно* (Lagomys Ogotono), принадлежитъ къ тому роду грызуновъ, который, по устройству своихъ зубовъ, считается близкимъ родственникомъ зайца. Самый звѣрекъ достигаетъ величины обыкновенной крысы и живеть въ норахъ, выкапываемыхъ имъ въ землѣ. Мѣстомъ своего жительства пищухи выбираютъ исключительно луговые степи, преимущественно всхолмленные, а также долины въ горахъ Забайкалья и сѣверной окраины Монголіи. Въ бесплодной пустынѣ этотъ звѣрекъ не встрѣчается, поэтому его нѣтъ вовсе въ средней и южной части Гоби.

Оготоно вообще замѣчательное животное. Норы свои эти звѣрки устраиваютъ обществомъ, такъ что гдѣ встрѣчается одна такая нора, тамъ, навѣрное, найдутся ихъ десятки, сотни, иногда даже тысячи. Зимой, въ сильные холода, оготоно не показывается изъ своихъ подземныхъ жилищъ; но лишь только холодъ немного спадеть, они вылѣзаютъ изъ норъ и, сидя у входа ихъ, грѣются на солнцѣ или горюпливо перебѣгаютъ изъ одной норы въ другую. Въ это время слышится ихъ голосъ, очень похожій на пискъ обыкновенной мыши, только гораздо громче. У бѣднаго оготоно столько враговъ, что ему постоянно приходится быть насторожѣ. Ради этого онъ часто только до половины высовывается изъ норы и держитъ голову кверху, чтобы не прозвѣвать опасность. Лисицы, хорсаки, волки, а всего болѣе сарычи, ястреба, соколы и даже орлы ежедневно уничтожаютъ безчисленное множество описываемыхъ пищухъ. Проворство крылатыхъ разбойниковъ на такихъ охотахъ изумительно. Я самъ много разъ видалъ, какъ сарычъ бросался сверху на оготоно такъ быстро, что звѣрекъ не успѣвалъ даже юркнуть въ свою нору. Однажды, на нашихъ глазахъ, подобную исторію предѣлалъ даже орелъ, бросившись на пищуху, сидѣвшую у входа въ нору, съ высоты, по крайней мѣрѣ, тридцати или сорока сажень.

Сарычи до того исключительно питаются пищухами, что даже мѣста своей зимовки въ Гоби сообразуютъ главнымъ образомъ съ количествомъ описываемыхъ грызуновъ. При извѣстной плодливости этихъ послѣднихъ только подобное истребленіе препятствуетъ ихъ чрезмерному размноженію.

Въ характерѣ пищухи сильно преобладаетъ любопытство. Завидя подходящаго человѣка или собаку, этотъ звѣрекъ подпускаетъ къ себѣ шаговъ на десять и затѣмъ мгновенно скрывается въ норѣ. Но любопытство беретъ верхъ надъ страхомъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ той же самой норы снова показывается головка звѣрька, и если предметъ страха удалится, то оготоно тотчасъ же выльзаетъ и снова занимаетъ свое прежнее мѣсто.

Еще замѣчательность оготоно, свойственная и нѣкоторымъ другимъ видамъ пищухъ, состоитъ въ томъ, что они на зиму заготовляютъ себѣ запасы сѣна, которое складываютъ у входа въ нору. Сѣно это припасается звѣрьками обыкновенно въ концѣ лѣта, тщательно просушивается и складывается въ стожки, вѣсомъ отъ 4—5, а иногда даже до 10 фунтовъ. Такое сѣно служить пищухѣ какъ для подстилки логовища въ норѣ, такъ и для пищи зимою; но очень часто труды оготоно пропадаютъ даромъ, — монгольскій скотъ поѣдаетъ его запасы. Въ такомъ случаѣ бѣдный звѣрекъ долженъ всю зиму пробиваться изсохшею травой, которую находитъ вблизи своей норы.

Замѣчательно, какъ долго оготоно можетъ оставаться безъ воды. Положимъ, зимою онъ довольствуется кое-когда выпадающимъ снѣгомъ, а лѣтомъ дождемъ; за неимѣніемъ послѣдняго является роса, хотя, впрочемъ, довольно рѣдкая здѣсь. Но, спрашивается, что пить оготоно въ течение всей весны и осени, когда водяныхъ осадковъ на монгольскомъ нагорьѣ часто не бываетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а сухость воздуха достигаетъ крайнихъ предѣловъ.

Распространеніе описываемаго звѣрька къ югу доходитъ до сѣвернаго изгиба Хуан-хэ; далѣе же онъ замѣняется иными видами.

Дзеренъ есть видъ антилопы, достигающей величины обыкновенной косули и свойственной гобійскому нагорью, притомъ восточной, менѣе пустынной его части. Впрочемъ, дзерены встрѣчаются и въ западной Монголіи, а также на озерѣ Кукуноръ, гдѣ проходитъ южная граница ихъ распространенія.

Описываемыя антилопы всегда держатся стадами, въ которыя собираются иногда нѣсколько сотъ, даже до тысячи экземпляровъ. Но подобныя скопленія бываютъ лишь въ мѣстахъ, особенно обильныхъ кормомъ; всего же чаще дзерены встрѣчаются обществами отъ 15—20 или до 40 экземпляровъ. Избѣгая, по возможности, близкаго соседства человѣка, они все-таки живутъ на лучшихъ пастбищахъ пустыни и, подобно монголамъ, кочуютъ съ одного мѣста на другое, соображаясь съ количествомъ подножнаго корма. Подобныя перекочевки иногда производятся очень далеко, въ особенности лѣтомъ, когда засуха гонитъ дзереновъ на привольныя пастбища сѣверной Монголіи и даже въ южную часть нынѣшняго Забайкалья. Зимую глубокой снѣгъ принуждаетъ ихъ

кочевать часто за нѣсколько сотъ верстъ, на мѣста малоснѣжныя или вовсе безснѣжныя.

Описываемый звѣрь принадлежит исключительно степной равнинѣ и тщательно избѣгаетъ гористыхъ мѣстностей. Впрочемъ, дзерены держатся и въ холмистыхъ степяхъ, въ особенности весной, когда ихъ привлекаетъ туда молодая зелень, скорѣе развивающаяся на солнечномъ пригрѣвѣ. Кустарниковъ и высокихъ зарослей травы дзерицу они тщательно избѣгаютъ и только въ періодъ рожденія дѣтей, что происходитъ въ маѣ, самки являются въ подобныя мѣстности, чтобъ укрыть въ нихъ новорожденныхъ. Впрочемъ, эти послѣдніе уже черезъ нѣсколько дней послѣ появленія на свѣтъ вездѣ слѣдуютъ за матерью и бѣгаютъ такъ же быстро, какъ взрослые.

Голосъ описываемой антилопы можно услышать очень рѣдко; онъ состоитъ у самцовъ изъ отрывистаго, довольно громкаго рывканья. Вышнія чувства дзерена развиты превосходно. Онъ одаренъ отличнымъ зрѣніемъ, слухомъ и превосходнымъ обоняніемъ; быстрота его бѣга удивительная; умственныя способности также стоять на значительной степени совершенства. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, описываемыя антилопы не такъ легко даются своимъ врагамъ—человѣку и волку.

Охота за дзеренами очень трудна, разъ по осторожности самого звѣря, а во-вторыхъ, по чрезвычайной его крѣпости на раму.

Кромѣ человѣка, волки сильно истребляютъ дзереновъ, дѣлая на нихъ, по словамъ монголовъ, облавы цѣлымъ обществомъ. Наконецъ, между этими антилопами бываютъ по временамъ сильныя падежи, чему я самъ былъ свидѣтелемъ зимою 1871 года.

Охота за дикой лошадыю.

(Грунь-Гржимайло.)

Задолго до восхода солнца, часовъ около двухъ ночи, мы въ числѣ десяти человѣкъ вышли изъ лагеря и безъ шума пробрались къ заранѣе выбраннымъ мѣстамъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался я вдаль, прислушиваясь къ малѣйшему шороху; но все было спокойно. Изрѣдка только раздавался пискъ какого-то мышенка или свистъ пустыннаго зайца (*Lepus tolai*). Сидѣть было холодно, а мертвая тишина природы и слабое лунное освѣщеніе располагали къ дремотѣ; мысли путались; чувствовалось, что засыпаешь.

На востокѣ заалѣла заря. Что-то стукнуло недалеко: это шла антилопа кара-куйрюкъ; за ней, осторожно ступая, вышла изъ-за куста вторая, тамъ третья. Граціозныя животныя скользили какъ тѣни, чутко ко всему прислушиваясь. Они остановились недалеко, всего шагахъ въ

80-ти, но стрѣлять было нельзя. По словамъ мѹллы, сопровождавшаго насъ, лошади боязливы, и при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ уносятся съ быстротою вѣтра, возвращаясь снова на водопой не ранѣе двухъ-трехъ дней; поэтому всѣмъ было воспрещено стрѣлять по чему бы то ни было, за исключеніемъ лошадей; мнѣ тоже поневолѣ оставалось только любоваться милыми антилопами, которыя на ходу пощипывали травку. Маленькій козликъ рѣзвился около матери: то становился на дыбки и прыгалъ вверхъ, то, разбѣжавшись, выгибалъ шею и ударялъ безрогою головою въ грудь матери. Ружье, лежавшее у меня на колѣняхъ, скользнуло и ударило въ стволъ куста, за которымъ я сидѣлъ. Вѣтеръ былъ на меня, поэтому животныя не почувяли, но все же, недовѣрчиво озираясь, побѣжали рысцою по направленію къ ключамъ, скрываясь въ туманной дали.

Солнце взошло; было шесть часовъ утра, охотники стали одинъ за другимъ подниматься изъ-за кустовъ, расправляя замѣтвшіе члены. Мы собрались. Никто не видѣлъ лошадей. Только одинъ казакъ сталъ насъ увѣрять, что видѣлъ какого-то страннаго звѣря, ни на что непохожаго.

На слѣдующую ночь охота возобновилась, охотники разошлись группами по озерамъ; но и эта ночь была неудачна. Однако, мы не унывали. Осматривая днемъ водопой и тропинки, мы убѣдились, что лошади приходили на водопой уже послѣ того, какъ были покинуты нами засады.

Подожли онѣ съ подвѣтренной стороны, откуда мы ихъ не ждали. Это открытіе такъ порадовало насъ, что мы еле дождались третьей ночи. Я съ двумя казаками занялъ мѣсто около крайняго восточнаго озера, другіе же устѣлись группами у сѣверныхъ озеръ. Въ девять часовъ вечера всѣ были на мѣстахъ.

Выбравъ себѣ засаду спиною къ озеру, передъ большими зарослями, я вырѣзалъ всѣ лишнія вѣтки, мѣшавшія движенію и стрѣльбѣ. Съ трехъ сторонъ меня окружалъ высокій кустарникъ, и только слѣва была широкая долина лога, вся блестящая отъ кристалловъ соли: съ этой стороны я ожидалъ лошадей. Вечеръ былъ теплый и ясный, то и дѣло прилетали къ водѣ какія-то птички; слышно было, какъ онѣ шлепались въ воду озера... Пищали болотные кулики... но по мѣрѣ сгущенія сумерекъ все затихало. Гдѣ-то недалеко пролетѣлъ громадный сычъ, оглашая воздухъ своимъ замогильнымъ крикомъ, послѣднимъ среди засыпавшей природы. Но вотъ послышался шорохъ, и по тѣни, скользнувшей по бѣлой пеленѣ лога, я узналъ тихо крающагося къ водѣ волка.

Луна поднималась все выше и выше. Жутко было сидѣть одному среди потонувшихъ во мракѣ зарослей: въ кустахъ я не могъ ничего

разсмотрѣть, не помогли и расчищенные между ними пространства. Вдруг почти надъ ухомъ позади меня раздался какой-то храпъ, похожій на хрюканье кабана. Морозъ побѣжалъ по кожѣ, и я, сжавъ въ рукахъ штуцеръ, сталъ тихо поворачиваться въ сторону слышаннаго звука, стараясь разглядѣть сквозь кусты тамариска нарушителя ночного покоя. Напрасно, все было спокойно, ни одна вершина кустовъ, рѣзко выдѣлявшихся на фонѣ чистаго неба, не колебалась. Прошло минутъ пятнадцать, такой же храпъ, но подальше, раздался со стороны, откуда я только что отвернулся. Звукъ былъ настолько страненъ, что я терялся въ догадкахъ.

Такъ продолжалось около часу, хрюканье слышно было то ближе, то дальше. Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржаніе. Сердце радостно забилося.

«Вѣрно пройдутъ мимо моей засады», и я усѣлся получше.

Но время шло, ноги совсѣмъ одеревенѣли, а лошадей нѣтъ, какъ нѣтъ, и ни шороха, ни звука. Прошло не менѣе часа томительнаго ожиданія... Рѣзко щелкнувъ на озерѣ выстрѣлъ, и жалобный звукъ легкой пули донесся до меня.

«Экая мерзость—промахнулся!» чуть не вслухъ проговорилъ я.

Но вотъ второй, третій удаляющіеся выстрѣлы.

«Надо спѣшить: вѣрно равнилъ и преслѣдуетъ».

Я выскочилъ изъ засады, бросился въ озеро и тутъ же паткнулся на двухъ казаковъ.

— Въ кого стрѣляли?

— Да вотъ, ваше благородіе, въ лошадей.

— Ну, а сейчасъ?

— Да въ нихъ же, вотъ онѣ стоятъ.

Дѣйствительно, въ трехстахъ шагахъ въ указанномъ направленіи, вытянувшись въ линію, стояли семь лошадей. При свѣтѣ луны онѣ казались какъ снѣгъ бѣлыми и стояли не шевелясь.

— Надо къ нимъ красться, а стрѣлять тутъ далеко.

— Да, ваше благородіе, мы и то пробовали, да жеребецъ ихъ уводить. Онъ прячется вонъ тутъ за кустами и за ними смотритъ; чуть двинемся, онъ сейчасъ начинаетъ чертить кругомъ и уводитъ табунъ.

— Стойте здѣсь, а я попробую.

И съ этими словами я опустился на колѣни и на четверенькахъ поползъ къ табуну. Не успѣлъ я отползти шестидесяти шаговъ, какъ съ фыркаемъ и храпомъ вылетѣлъ изъ кустовъ жеребецъ. Казалось, это сказочная лошадь—такъ хорошъ былъ дикарь! Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно, вѣтеръ былъ неблагоприятный, и онъ меня не по-

чуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всё четыре ноги, онъ снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ, поднявшись на дыбы, онъ съ силой втянулъ воздухъ и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулъ кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ) и рысью помчалась отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ на двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налево дуги, становясь на дыбы и фыркая.

Наконецъ, наши старанія увѣнчались успѣхомъ! Это было 1-го сентября,—день, который навсегда врѣзался у меня въ памяти. Въ четыре часа утра дежурный казакъ разбудилъ насъ и сообщилъ, что табунъ опять гуляетъ на прежнемъ мѣстѣ около песковъ. Зная, что лошади около пяти часовъ начинаютъ двигаться съ пастбища въ пустыню, мы живо собрались, и не прошло и получаса, какъ всё были на коняхъ. Двое казаковъ были назначены въ обходъ табуну, остальные должны были вытянуть цѣпь и загородить проходъ въ восточный рукавъ. До мѣста мы ѣхали рысью, казаки изрѣдка останавливались и, ставъ на сѣдла, высматривали, на мѣстѣ ли табунъ. Сойдя съ лошадей и спуставъ ихъ, мы осторожно вытянулись линіей, занявъ пространство около двухъ верстъ, и каждый по своему усмотрѣнію сталъ красться къ табуну. Каково же было наше удивленіе, когда, подойдя къ кустамъ, около которыхъ должны были быть лошади, мы увидали, что ихъ и слѣдъ простылъ. Вглядываясь въ даль, мы замѣтили тихо двигавшійся табунъ уже на первыхъ грядкахъ песчаной полосы, верстахъ въ двухъ отъ насъ. Очевидно, лошадей мы не испугали, иначе слышали бы ихъ тревожное фырканье: способность ихъ не отдѣляться отъ предметовъ окружающей природы дала имъ возможность пройти мимо насъ незамѣченными. Неудача этой охоты произвела на меня крайне тягостное впечатлѣніе. Не рассчитывая, чтобы погода оставалась и на завтра ясною, я рѣшился одинъ попробовать счастья, а именно, отыскавъ слѣдъ табуна, увязаться за нимъ и нагнать его на отдыхъ.

Предоставивъ людямъ продолжать охоту по своему усмотрѣнію, я повернулъ прямо въ восточный рукавъ въ томъ предположеніи, что ушедшій въ пески табунъ сдѣлаетъ дугу и пересѣчетъ избранное мною направленіе. Отъѣхавъ версты три, я услышалъ за собою шумъ; оглядываясь—вижу брата.

Очевидно, нами руководила одна и та же мысль, и оба мы одинаково досадовали на неудачи.

Я тщательнo всматривался въ слѣды по краямъ тропинки, пробитой дикими лошадьми, какъ вдругъ увидалъ маленькій слѣдочекъ жеребенка, который шелъ одиноко, пересѣкая нашу тропу. Я слѣзъ съ лошади и,

оцупавъ слѣдъ, нашель, что онъ совершенно свѣжъ. Оцупываніе слѣда утромъ въ пескахъ гораздо надежнѣе, чѣмъ одно разсматриваніе: на глазъ всякій слѣдъ, болѣе одного вершка глубиною, кажется совершенно свѣжимъ. Итакъ, слѣдъ табуна былъ найденъ. Очевидно, лошади шли спокойно и вразсыпную. По слѣду мы скоро выбрались изъ трухлявой почвы рукава на сѣверный твердый берегъ. Тутъ къ маленькому слѣду присоединился большой, вѣроятно, принадлежавшій маткѣ. Мѣстами, попадая на твердую почву, слѣдъ исчезалъ совершенно; тогда братъ останавливался на послѣднемъ слѣдѣ; я же, описывая кругъ, отыскивалъ выходной изъ круга слѣдъ и, удостовѣрившись въ его вѣрности, двигался съ братомъ дальше. Шли мы очень быстро и такъ были увлечены, что трудно сказать, сколько часовъ продолжалось выслѣживаніе; но по нѣкоторымъ признакамъ видно было, что мы уже отъ табуна недалеко и нагоняемъ его. Передавъ лошадей брату и выйдя впередъ шаговъ на 300—400, я уже сталъ съ большою осторожностью подыматься на бугры. Наконецъ, съ одного изъ нихъ, шагахъ въ 800, я увидалъ табуны въ восемь лошадей, въ числѣ ихъ и былъ жеребчикъ.

Лошади не шли гурьбой, а придерживались одной линіи. Своими движеніями и видомъ онѣ точъ въ точъ напоминали нашихъ домашнихъ лошадей, когда тѣ въ жаркій день тянутся одна за другой въ лѣсокъ или на водоюй, или съ заходомъ солнца идутъ по деревнѣ, направляясь къ своимъ дворамъ. Лѣнливо покачиваясь, помакивая хвостами и пощипывая попадавшіеся камышь, онѣ тихо брели. Тутъ уже приходилось быть насторожѣ.

Я снялъ сапоги, перестегнулъ патронташъ и, улегшись, слѣдилъ, когда послѣдняя лошадь перевалитъ за впередъ лежавшій бугорокъ. Осторожно перебравшись ползкомъ черезъ гребень бугра, я поднялся на ноги, бѣгомъ добѣжалъ до слѣдующаго холма и всползъ на него. Много разъ я повторялъ этотъ маневръ, и два раза, благодаря удобному расположенію бугровъ, я подходилъ сзади къ табуна шаговъ на 100—120. Но я видѣлъ только крупы лошадей, поэтому стрѣлять не рѣшался.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ меня чуть не отерылъ жеребецъ; хотя онъ не былъ такъ бдителенъ, какъ ночью, но сохранялъ ту же привычку оставаться, спрятавшись въ кустахъ, и пропускать табуны шаговъ на 200—300 впередъ или выходить самому на то же разстояніе передъ табуномъ. Выползая на гребень, я такъ и вздрогнулъ, услыхавъ шагахъ въ тридцати зловѣщее фырканье, которое, къ счастью, раздавалось по другую сторону гребня. Скорчившись, какъ возможно было, я припалъ къ землѣ, боясь вздохнуть.

«Неужели все старанія даромъ?» мелькнуло въ головѣ.

Я тихонько сталъ всматриваться въ кусты, чтобы рассмотреть жа-

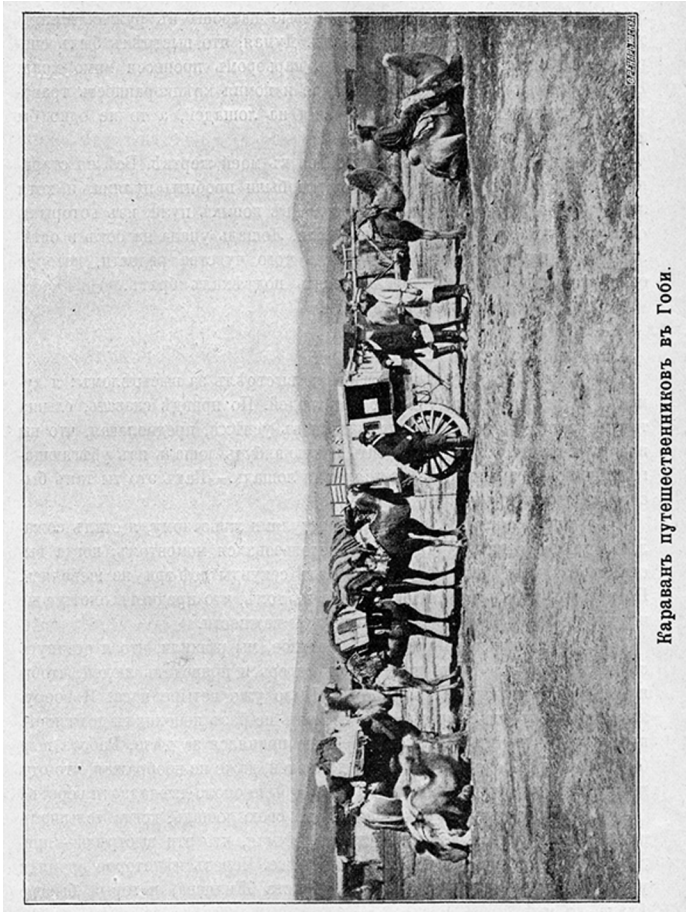
ребца; о немъ я могъ судить только по легкому шороху, слышавшемуся спереди. Обойдя обѣ стороны и не почувявъ опасности, онъ успокоился и пустился догонять табунъ.

Пролежавъ еще минутъ пять, я покинулъ холмъ и вернулся къ брату. Мы условились, что онъ не будетъ двигаться впередъ, пока не услышитъ выстрѣла; затѣмъ прискачетъ ко мнѣ возможно скорѣе, чтобы дать лошадей, если придется догонять раненое животное.

Когда я снова вернулся на холмъ, то лошади были уже шагахъ въ пятистахъ. Опять приходилось ползти; я уже сильно усталъ. Отправляясь на охоту, я не шилъ даже чаю и впопыхахъ не взялъ палатку, но страсть охотничья превозмогла все. Было далеко за полдень.

Догнавъ табунъ еще разъ, я сталъ искать глазами какого-нибудь холмика, къ которому можно было бы незамѣтно подползти и, опередивши, сбоку встрѣтить лошадей. Шагахъ въ 600 впереди я увидѣлъ гряды, тянувшюся параллельно движенію табуна, длиною около ста сажень. Это была послѣдняя возвышенность: впереди видѣлось ровное пространство, покрытое саксауломъ, тамарискомъ и мѣстами рѣдкимъ и высокимъ камышомъ. Надо было спѣшить. Мысленно опредѣливъ тотъ кругъ, который я долженъ былъ обползти, я спустился съ холма, закинулъ штуцерный ремень за плечи и поползъ, что было силъ, въ обходъ. Жара и духота вблизи земли были ужасны, на мнѣ не было сухой нитки, а колѣни и руки ныли отъ вѣзавшейся гальки. Наконецъ, я всползъ на вершину гряды. Оказалось, лошади прошли шагахъ въ восьмидесяти отъ гряды и въ эту минуту были далеко впереди. «Попробуемъ еще разъ погоняться съ ними», подумалъ я и снова поползъ. Достигнувъ гребня, я увидѣлъ, наконецъ, лошадь въ профиль, и, ставъ на колѣно, сталъ выдвигаться изъ-за маленькаго куста саксаула, прикрывавшаго меня. Лошадь стояла, спокойно обрывая листики камыша. Медленно поднявъ ружье, я приложился. Но утомленіе сказалося тутъ во всей своей силѣ; я съ трудомъ держалъ ружье, а отъ волненія и усталости руки и ноги дрожали какъ въ лихорадкѣ. Я чувствовалъ, что стрѣлять не могу. Спустивъ штуцеръ, я припалъ къ землѣ.

Прошло не болѣе полминуты; досада на слабость и усталость просто душила меня. Я поднялъ голову. У камыша стояла уже послѣдняя лошадь. «Или сейчасъ, или больше сегодня не удастся», подумалъ я. Собравъ всѣ силы, я быстро поднялся на одно колѣно и приложился. Штуцеръ не дрожалъ въ рукахъ. «Лѣвѣе, лѣвѣе... ниже, ниже...» Грянулъ выстрѣлъ, и отъ страха, что промахъ, у меня волосы стали дыбомъ. «Нѣтъ, вотъ красное пятно подъ самой лопаткой—попалъ... что же не падаешь?» мелькнуло въ головѣ. Вдругъ лошадь рванулась и, сдѣлавъ дугу, стала дрыгаться бокомъ. Безсознательно я снова при-

Караванъ путешественниковъ въ Гоби.

ложился и выстрѣлил. Лошадь упала на колѣни, но, быстро вскочивъ, ринулась впередъ, то падая, то снова подымаясь. «Скорѣе, скорѣе стрѣлять!» и я судорожно вталкивалъ новые патроны въ ружье. Между тѣмъ табунь круто повернулъ назадъ. Думая, что выстрѣлъ былъ спереди, онъ сначала рысью, а потомъ карьеромъ пронесся мимо меня. Боясь потерять уже раненое животное и помня крѣпкоранность травоядныхъ, я уже не обращалъ вниманія на лошадей, а то не одно бы животное осталось на мѣстѣ.

Я выскочилъ изъ куста и бросился къ моей жертвѣ. Всѣ ея старанія уйти были напрасны; обѣ лопатки были пробиты пулями, и хотя лошадь двигалась, но очень медленно. Двѣ новыхъ пули, изъ которыхъ одна перебила хребетъ, покончили дѣло. Лошадь упала на бокъ и осталась неподвижной. Не могу выразить того чувства радости, которое охватило меня. Минуть черезъ десять подѣхалъ братъ.

Мы подошли къ убитой лошади.

— Кто съ тобой стрѣлялъ?

— Да я одинъ.

— Удивительно быстро слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ: я думалъ, не встрѣтилъ ли ты кого изъ людей. По правдѣ сказать, слыша такую канонаду, я сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ, предполагая, что вы просто стараетесь хоть подшибить какую-нибудь лошадь изъ убѣгающаго табуна,—говорилъ онъ, разглядывая лошадь.—Какъ это ты такъ быстро заряжалъ ружье?

Разсматривая раны, причиненныя пулями животному, я сталъ сожалѣть, что упустилъ случай и не воспользовался моментомъ, когда выстрѣлъ озадачилъ табунь и онъ стоялъ секунды двѣ-три не шевелась. Но мое волненіе находило оправданіе въ томъ, что предметъ охоты уже чересчуръ былъ рѣдокъ и чрезвычайной важности.

Полюбовавшись на красивое животное, мы рѣшили, что я останусь снимать шкуру, а братъ поѣдетъ въ лагерь и приведетъ людей, чтобы помочь мнѣ справиться съ работой. Было уже четыре часа. Я вооружился перочиннымъ ножомъ, который ужъ не разъ исполнялъ должность препараторскаго скальпеля, и энергично принялся за дѣло. Работа шла быстро, я хотѣлъ поспѣть къ пріѣзду людей, даже не воображая, что отъ мѣста, гдѣ была убита лошадь, до лагера было около двѣнадцати верстъ!

Я уже выючилъ шкуру и черешъ на свою лошадь, когда услышалъ почти одновременно четыре выстрѣла. Думая, что эти выстрѣлы—призывные, я отвѣтилъ изъ штудера тѣмъ же. Черезъ нѣкоторое время я увидѣлъ вдали препаратора, артиллериста Жилиева, который быстро ѣхалъ ко мнѣ.

— Вапе благородіе,—закричалъ онъ, увидѣвъ меня,—казаки сейчасть еще жеребца убьели.

Надо было видѣть его радостное лицо при этомъ возгласѣ, чтобы понять, какъ отражались всякія наши удачы и неудачы на людяхъ. Полная отчужденность отъ родины связала насъ почти родственными узами, и интересы личные становились общими.

По прїѣздѣ брата въ лагерь извѣстіе, что лошадь, наконецъ, мною убита, вызвала общій восторгъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть и поздравить съ удачей; люди даже прїодѣлись почище, чтобы праздничнымъ видомъ ознаменовывать этотъ день. Кто-то даже флагъ сдѣлалъ изъ лоскутка и воткнулъ около нашей юрты. Въ сопровожденіи трехъ казаковъ и препаратора братъ по нашимъ слѣдамъ пѣшкомъ добирался ко мнѣ. И вотъ, не доходя двухъ верстъ, одинъ изъ казаковъ увидѣлъ табунъ, стоявшій въ кустахъ; нѣкоторыя лошади лежали, другія стояли. Люди тотчасъ же спѣшились, и двое, послѣдовавъ моему ирмѣру, — снявъ сапоги и все лишнее, поползли къ табуну. Залпъ изъ двухъ винтовокъ положилъ на мѣстѣ красавца жеребца: одна пуля попала въ високъ, другая перебила шейный позвонокъ. Тѣмъ не менѣе люди, перерядивъ винтовки, дали второй залпъ уже по лежавшему животному.

Собравъ охотничьи принадлежности, закуривъ, наконецъ, папиросу и выпивъ воды, я поѣхалъ посмотрѣть второй экземпляръ добычи нашей охоты.

Убитому жеребцу, судя по зубамъ, было около десяти лѣтъ. По строенію тѣла онъ имѣлъ стать, отличающія нашихъ алтайскихъ лошадей, карабаховъ и финскихъ лошадокъ, т.е. при сравнительно небольшомъ ростѣ—два аршина съ верхкомъ—лошадь отличалась широкою груди и крупа, широкой, массивной и короткой шеей, тонкими и изящными, какъ у скаковыхъ лошадей, ногами и широкимъ, круглымъ копытомъ. Голова казалась нѣсколько тяжелою сравнительно съ корпусомъ и имѣла широкій, красивый лобъ; линія вдоль лба къ ноздрямъ—прямая; верхняя полная губа нѣсколько заходила (нависала) надъ нижней, уши для такой массивной головы были слишкомъ малы. Хвостъ, хотя и не былъ покрытъ отъ самой сурѣшницы волосами, какъ у нашихъ лошадей, тѣмъ не менѣе былъ длиннѣе, тѣмъ у хулана. Цвѣтъ его близъ сурѣшницы былъ одинаковъ съ шерстью, покрывавшей весь корпусъ животного, конецъ же былъ черный. Лошадь не имѣла чолки, но грива ея начиналась нѣсколько впереди ушей и шла до холки; длинные волосы приходились на середину гривы. Вообще, по бѣдности волосъ на гривѣ, хвостѣ и щеткахъ дикая лошадь напоминала текинскую. Оригинальною особенностью этого животного являлись жесткія, доходившія до вершка баженбарды, шедшія по ребру нижней челюсти, начинавшіяся немного ниже ушей и соединявшіяся подъ мордой, не доходя до подбородка. Масть лошадей—каурая. Лѣтомъ и свѣтло-гнѣдая

зимой,—въ обоихъ случаяхъ съ почти бѣлыми подпалинами. Волосы на щекахъ и на лбу нѣсколько темнѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ; конецъ морды бѣловатъ. Спинной ремень очень слабо выраженъ и у лошадей въ зимнемъ уборѣ совершенно пропадаетъ. Ноги до бабокъ, а равно и грива—черныя. Грива свѣшивается на лѣвую сторону. Вообще шерсть короткая и гладкая, но у молодыхъ она курчавая. На всѣхъ четырехъ ногахъ мозоли.

Показавъ, какъ снимать кожу съ жеребца, я съ братомъ поѣхалъ домой, оставивъ казаковъ и препаратора доканчивать сниманіе шкуры. По пріѣздѣ въ лагерь, поздравленія посыпались со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ приказано было готовить ужинъ, и мы устроили праздникъ, конечно убогій по внѣшности, но отличавшійся удивительнымъ весельемъ.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ глубь Центральной Азіи намъ приходилось постоянно встрѣчать кулановъ и джигетаевъ. Сравнивая дикую лошадь съ двумя послѣдними, мы видимъ слѣдующее существенное различіе въ повадкахъ тѣхъ и другихъ.

Дикая лошадь—житель равнинной пустыни и выходитъ на пастбу и водопой вочью; съ наступленіемъ же дня возвращается въ пустыню, гдѣ и остается отдыхать до полного заката солнца. Весною, когда въ табунѣ есть жеребята, она отдыхаетъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Дикіе же ослы—жители подгорныхъ странъ по преимуществу. Съ восходомъ солнца стадо ихъ выходитъ изъ горъ на пастбище и водопой, къ заходу же солнца возвращается обратно въ горы, гдѣ и ночуетъ. Они предпочитаютъ горы, покрытыя степною растительностью, вообще такъ называемые «сырты», но водятся также и на пустынныхъ плоскогоріяхъ. Мы встрѣчали кулановъ и джигетаевъ массаи, но мѣстъ ихъ постоянныхъ кочевовъ найти не могли.

Дикія лошади ходятъ большею частью гуськомъ, особенно когда уходятъ отъ опасности; куланы же и джигетан, будучи испуганы, всегда толпятся и убѣгаютъ въ беспорядкѣ. Вслѣдствіе привычки лошадей ходить гуськомъ тамъ, гдѣ онѣ водятся, идутъ глубоко проторенныя тропинки; между тѣмъ тамъ, гдѣ водятся куланы и джигетан, мы этого не встрѣчали. Однимъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ присутствія въ данномъ мѣстѣ дикихъ лошадей служатъ громадныя кучи помета близъ тропъ. Въ случаѣ опасности жеребецъ дикой лошади убѣгаетъ впередъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ табунѣ нѣтъ жеребятъ, да и тогда часто убѣгаетъ въ сторону и всѣми движеніями своими выражаетъ крайнее безпокойство; куланъ же болѣе злосистъ и мало заботится объ опасности, угрожающей всему стаду.

Куланъ и джигетан не ржутъ, а кричатъ, да и то весьма рѣдко.

Дикая лошадь, наоборот, ржетъ звонко, и ржанье это совершенно схоже съ ржаньемъ домашней лошади; точно такъ же, когда дикая лошадь сильно испугана, то ея хралъ и фырканье напоминаютъ нашихъ лошадей.

Неоднократно приходилось слышать, что, кромѣ каурыхъ, бываютъ голубыя и пѣгія лошади. Голубыхъ мы совсѣмъ не видали. Пѣгихъ лошадей, намъ казалось, что мы видѣли, когда рассматривали табунъ съ двух-или трехъ верстой дистанціи; съ приближеніемъ же къ лошадямъ эта пѣгая окраска пропадала. Это можно объяснить, какъ мыѣ кажется, свѣтовыми эффектами. Немного взъерошенная отъ валянья шерсть или потемнѣвшій отъ омертвѣнія при линіи волосъ не отражаютъ свѣта такъ же сильно, какъ гладкая шерсть и живой волосъ. Поэтому такія мѣста кажутся темными пятнами. Отъ свойства освѣщенія зависить, вѣроятно, и кажущаяся голубая окраска лошадей. Напримѣръ, намъ при лунномъ освѣщеніи лошади казались совершенно бѣлыми.

Монголами дѣлались неоднократныя попытки приручать дикихъ лошадей, но всѣ онѣ не имѣли успѣха; дикая лошадь не поддается вліанію человѣка, дичится его и не позволяетъ пользоваться собою. Ловить монголы лошадей весьма просто. Ко времени появленія жеребятъ монголы о двуконь отправляются въ пустыню: найдя табунъ, они начинаютъ его преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока не набравшіеся еще силъ жеребята, обезсилѣвъ, не падаютъ. Ихъ тогда забираютъ и пускаютъ въ табунъ домашнихъ лошадей.

По восточному Туркестану.

(Свенъ-Гедина.)

Перезимовавъ въ Кашгарѣ, я отправился въ февралѣ 1895 года къ Яркендъ-Дарѣ на двухъ большихъ арбахъ (повозка на высокихъ колесахъ), которыя и довели насъ до Яркенда. Наша задача состояла въ томъ, чтобы пересѣчь пустыню Такла-Макавъ до Хатанъ-Дарьи, отстоящей на 300 км. Я думалъ, что у подошвы Мазаръ-Тага, который тянется черезъ всю пустыню, мы найдемъ богатую растительность, ключи и, быть можетъ, остатки древней культуры. Я предполагалъ отправиться оттуда въ Тибетъ. По этой причинѣ взятый нами багажъ былъ довольно объемистъ. Такъ какъ мы взяли съ собою еще воды на 25 дней, то наши верблюды оказались нагруженными весьма тяжело, когда 10 апрѣля мы покинули Яркендъ. Меня сопровождали четыре человѣка: мой вѣрный служитель Исламъ-бей, слѣдовавшій за мной до Урги въ Монголіи, Касимъ изъ Яркенда, Магометъ-шахъ оттуда же и мѣстный уроженецъ, Касимъ, часто скитавшійся въ пустынѣ для поисковъ золота. Въ мѣст-

ностахъ, прилежащихъ къ пустынь, существуетъ масса лѣнтаевъ, твердо увѣренныхъ, что рано или поздно они откроютъ тамъ неописанныя сокровища, остающіяся пока скрытыми подъ землею.

Въ продолженіе первыхъ тринадцати дней все шло хорошо, и мы могли каждый вечеръ получать воду, копая ямы въ землѣ. Вода была, правда, солоноватая, но верблюды могли ее пить. Наконецъ, мы достигли горъ, которыя, по нашимъ догадкамъ, должны были быть продолженіемъ Мазаръ-Тага, у подножія которыхъ лежало нѣсколько прелестныхъ небольшихъ озеръ. Въ тростникахъ гнѣздились утки и гуси; по берегамъ росли тополи, тамариски и тростникъ. Мы простояли здѣсь два дня, и воспоминаніе объ этомъ мѣстѣ долго оставалось въ нашей памяти, какъ о какомъ-то раѣ.

23-го мы продолжали нашъ путь. Послѣ двухчасовой ходьбы горы исчезли въ густомъ пыльномъ воздухѣ. Далѣе не видно было продолженія горъ; передъ нами простиралось теперь море пустыни со своими днами, вышиною въ 30 метровъ. Караванъ сдѣлалъ стоянку у послѣдняго тамариска. Мы стали копать колодець, но воды не нашли. Я приказалъ заглянуть водою озера на десять дней, но убѣдился, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, что ее взяли только на четыре дня. Касимъ объявилъ, что черезъ четыре дня мы достигнемъ мѣстности, въ которой будетъ снова колодезная вода, и такъ какъ его слова соответствовали указаніямъ существующихъ картъ, то я повѣрилъ въ ихъ точность.

На слѣдующій день поднялась страшная буря, и песокъ взвивался тучами надъ гребнями дюнь; горизонтъ, весь въ песокъ, казался намъ огненнымъ. Позади насъ остались послѣднія глыбы твердой глины; всюду видѣлся теперь одинъ песокъ.

Исламъ-бей съ компасомъ въ рукахъ шель во главѣ, имѣя приказаніе двигаться прямо къ востоку—направленіе, которое всего скорѣе должно было приблизить насъ къ Хотанъ-Дарьѣ. Намъ приходилось дѣлать обходы, чтобы избѣгнуть наиболее трудныхъ для перехода песчаныхъ ущелій. Пустыня походила на замерзшее море, покрытое гигантскими волнами. Каждое утро тотъ же печальный пейзажъ развертывался передъ нами. Нигдѣ никакого признака жизни. Ни мухи, ни желтаго листа, гонимаго вѣтромъ.

26-го апрѣля пришлось бросить двухъ первыхъ околѣвшихъ верблюдовъ. Нашего запаса воды, при возможной экономіи, могло хватить еще на два дня, и мы ежeminутно надѣялись увидѣть конецъ песковъ. Но то была напрасная надежда! Если бы мы могли предвидѣть то, что насъ ожидало, было бы въ тысячу разъ лучше вернуться къ маленькимъ озерамъ. Уже къ вечеру мы примѣтили между днами полосу сухой глины и тотчасъ принялись копать колодець со всѣмъ рвеніемъ

отчаянія. Люди раздѣлись доната и стали усиленно работать. На глубинѣ одного метра показался сырой песокъ, — и радость овладѣла нами. Всѣ звѣри, даже куры, толпились въ нетерпѣливомъ ожиданіи возлѣ ямы. Но на глубинѣ трехъ метровъ песокъ оказался снова сухимъ, и мы покинули нашъ колодець среди всеобщаго унынія. Чтобы поддержать силы изнемогающихъ верблюдовъ, мы принуждены были отдать имъ сѣно и солону, которыми были набиты ихъ выюнныя сѣдла, и весь нашъ запасъ хлѣба.

27-го мы замѣтили двухъ гусей, направляющихся къ сѣверо-западу, и при видѣ ихъ въ насъ опять проснулась надежда. Я шелъ теперь все время пѣшкомъ, чтобы какъ можно прямѣе подвигаться къ востоку. На горизонтѣ все тѣ же пески, которымъ не предвидѣлось конца; вездѣ гребни и цѣлыя цѣпи дюнъ, въ которыхъ можно было погрузиться съ головою. Мы болѣе ужъ не раскидывали палатокъ, хотя ночи были холодны и температура достигала часто только нѣсколькихъ градусовъ выше нуля, несмотря на то, что въ ясные дни она доходила приблизительно до 30°. Но когда 28-го числа насъ разбудилъ бурянь, весь нашъ лагерь былъ засыпанъ пескомъ, и многія вещи пришлось откапывать палками. Во время ходьбы насъ окутывали такія густыя тучи песку, что можно было думать, что надвигается ночь; небо было подернуто красноватымъ отблескомъ. Мы должны были идти тѣсною кучкой, ибо вѣтеръ моментально заметалъ слѣды, и того, кто отсталъ бы отъ остальныхъ, неминуемо ждала гибель. Свѣозъ тучи песку можно было разглядѣть только ближайшаго верблюда. Не слышно было никакого крика, только свистъ и шумъ взвѣваемаго вѣтромъ песка.

Въ теченіе этого дня палъ нашъ третій верблюдъ. Вечеромъ мы отобрали все, что можно было оставить изъ запаса провизіи, платья, ящиковъ и т. д. 29-го у насъ оставалось еще два литра воды; на слѣдующее утро я замѣтилъ, что они украдены. Верблюды получили въ послѣдній разъ свою порцію, состоявшую изъ всего нашего запаса масла. 1-го мая мы начали испытывать крайнюю жажду; я выпилъ стаканъ китайской водки, взятой для зажиганія очага. Этотъ напитокъ парализовалъ мои силы — я тащился далеко позади каравана подъ гнучими лучами солнца. Звяканье колокольчиковъ ослабѣвало и мало-по-малу совершенно затихло; я шелъ по слѣдамъ моихъ людей, но, пройдя четыре съ половиною километра, увидалъ, что всѣ остановились.

Люди лежали распростерты на пескѣ, нѣкоторые плакали и взывали къ Аллаху. Улеглись также и верблюды, истощенные до послѣдней крайности. Намъ едва хватило силъ разбить палатку и расположиться въ тѣни ея. Мы раздѣлись съ намѣреніемъ проспать всю ночь. Была убита послѣдняя овца, и мы пили ея кровь. При заходѣ солнца, чувствуя, что силы ко мнѣ вернулись, я оставилъ ужасный привалъ

въ сопровожденіи Ислама, Касима и пяти верблюдовъ; я бросилъ все, за исключеніемъ моихъ записокъ, инструментовъ, денегъ и немногихъ другихъ необходимыхъ вещей. Чтобы сберечь свои силы, я влѣзъ на верблюда, но все вскорѣ покрылось непроницаемымъ мракомъ, мы не могли видѣть, куда идемъ, и каждую минуту натыкались на дюны. Я зажегъ фонарь и пошелъ впереди, чтобы отыскивать болѣе удобную дорогу. До полуночи мы прошли только 4 километра; вскорѣ пришлось бросить еще одного верблюда, и силы Ислама были истощены. Видя, что конецъ близокъ, я рѣшилъ оставить все, взявъ съ собою Касима и направился къ востоку, ободривъ Ислама и внушивъ ему идти по нашимъ слѣдамъ, насколько ему позволятъ его силы. Такимъ образомъ послѣдніе остатки нашего каравана были покинуты въ темнотѣ, фонарь продолжалъ горѣть около Ислама, но скоро гряды дюнь скрыли отъ нашихъ глазъ и этотъ слабый огонекъ.

Я взялъ съ собою только два хронометра, часы, компасъ, бумагу и мелкія вещи. Касимъ несъ буравъ для заложения колодца, нѣсколько кусковъ хлѣба, курдюкъ барана и кусокъ свернувшейся крови. Этотъ жалкій запасъ провизіи не могъ однако служить намъ въ пользу, такъ какъ глотка и слизистая оболочка рта стали у насъ почти столь же сухи, какъ и кожа, и мы не въ состояніи были ничего проглотить. Чувство голода было заглушено всецѣло чувствомъ жажды, которое, въ особенности первые дни, такъ тягостно, что отъ него можно почти впасть въ безуміе. Но коль скоро тѣло перестаетъ давать потъ, наступаетъ быстрое истощеніе силъ, ведущее мало-по-малу къ окончательному кризису. Тѣмъ не менѣе я торопился, насколько могъ, идти съ Касимомъ къ востоку. Мы шли всю ночь, дѣлая безчисленныя остановки.

2-го мая въ 11 часовъ сдѣлалось такъ жарко, что наше зрѣніе стало мутиться; пришлось сдѣлать остановку на цѣлый день. Раздѣвшись донага, мы вырыли въ пескѣ яму до слоя, сохранившаго еще ночную свѣжесть, и легли въ нее подъ тѣнью нашей одежды, развѣшанной на киркѣ надъ нашими головами.

Съ 6 часовъ до ночи мы шли при лунномъ сіяніи. Послѣ кратковременнаго отдыха мы продолжали тащиться по этому желтому морю песка, казавшемуся намъ безконечнымъ. 3-го мая Касимъ внезапно остановился, схватилъ меня за плечо и, уставивъ глаза, указалъ мнѣ на востокъ. Я сталъ всматриваться, но не открылъ ничего особеннаго. Своими соколиными глазами Касимъ замѣтилъ однако зеленѣющій тамарискъ. Съ этого момента вся наша надежда сосредоточилась на этомъ деревѣ. Достигнувъ его, мы возблагодарили Бога. Мы отдохнули тамъ минуту и затѣмъ, какъ животные, стали жевать сочныя иглы тамариска. Изнуренные, мы провели весь день съ 10 до 7 часовъ вечера подъ другимъ тамарискомъ. Вечеромъ мы достигли трехъ тополей, у

корней которых стали копать колодець, но силы намъ измѣнили. Мы зажгли большой костеръ, чтобы дать вѣсть Исламу.

4-го мая снова открывшійся передъ нами видъ безплодныхъ песковъ привелъ насъ въ уныніе. Въ самые жаркіе часы дня мы отдыхали подъ тѣнью тамариска. Въ 7 часовъ я одѣлся и сталъ звать Касима слѣдовать за мною, но онъ отвѣтилъ задыхающимся голосомъ, что у него нѣтъ больше силъ. Я двинулся одинъ, шелъ до часу ночи и, наконецъ, упалъ въ изнеможеніи у вновь встрѣченнаго тамариска. Немного спустя приплелся, шатаясь, Касимъ, и мы продолжали нашъ путь. Послѣ короткаго отдыха, 5-го мая, мы снова потащились черезъ силу. Касимъ казался безумнымъ, было страшно на него смотрѣть. На горизонтѣ показалась, наконецъ, темная полоса; это былъ лѣсъ Хотанъ-Дарьи. Но едва мы достигли его тѣнистаго свода, гдѣ все указывало на близость воды, силы покинули насъ, и мы не могли продолжать путь. Въ 7 часовъ вечера я взялъ рукоятку кирки вмѣсто палки и пошелъ лѣсомъ, мѣстами ползя на четверенькахъ. Касимъ остался недвижимымъ на мѣстѣ и лежалъ на спинѣ съ широко открытыми глазами и ртомъ.

Внезапно лѣсъ кончился, и передъ моими глазами открылась равнина, едва освѣщенная луной. Я сейчасъ же понялъ, что это русло Хотанъ-Дарьи. Но оно было сухо! Тѣмъ не менѣе я не могъ примириться съ мыслью о возможности погибнуть отъ жажды въ самомъ руслѣ рѣки. Я перешелъ ее и съ усиліями достигъ ея праваго берега, гдѣ въ темнотѣ вырисовывался густой лѣсъ и сплошныя заросли тростника. Мнѣ потребовалось пять часовъ, чтобы пройти три километра! Въ этотъ моментъ передо мною поднялась утка; я услышалъ плескъ и увидѣлъ, что нахожусь на берегу небольшой заводи съ чистой и свѣжей водой. Не стану терять времени на описаніе моихъ ощущеній и того, что затѣмъ послѣдовало. Достаточно сказать, что, утоливъ свою жажду, я наполнилъ до краевъ мои сапоги, просунулъ палку въ ихъ ушки и возвратился къ Касиму, который былъ такимъ образомъ спасенъ въ послѣдній моментъ. Но онъ не имѣлъ силъ слѣдовать за мною, и я долженъ былъ одинъ продолжать свой путь къ югу русломъ рѣки въ продолженіе трехъ дней и двухъ ночей, питаясь травою, покуда наконецъ 8-го мая я не встрѣтилъ пастуховъ и оказался уже въ опасности.

Ободренный нашими огнями, Исламъ-бей дотащился до рѣки съ послѣднимъ верблюдомъ, который несъ мои записки, часть инструментовъ и китайскія деньги.

Притяньшанскіе оазисы и ихъ обитатели.

(Обручева.)

Длиннымъ и высокимъ исполинскимъ клиномъ изъ русскаго Туркестана въ предѣлы Центральной Азіи глубоко вдаётся Восточный Тянь-Шань, представляющій огромный барьеръ между холодной Джунгаріей и теплою Кашгаріей.

Пустынный южный склонъ Восточнаго Тянь-Шаня, бѣдный растительностью и проточными водами, окаймленъ вдоль подошвы полосой самой ужасной пустыни. Ручьи и рѣчки, образующіеся изъ снѣговыхъ и ключевыхъ водъ, большую часть исчезаютъ въ рыхлыхъ наносахъ уже въ небольшомъ разстояніи отъ подошвы хребта, и далѣе тянутся только сухія русла, поросшія скуднымъ кустарникомъ; такой же кустарникъ тянется по сухимъ русламъ временныхъ потоковъ, наполняющихся водой только изрѣдка. Въ промежуткахъ между такими руслами, часто на протяженіи десятковъ квадратныхъ верстъ, почва совершенно лишена растительности, и ея плотная, выметенная бурями поверхность усыпана мелкой и крупной галькой и щебнемъ темно-бураго или чернаго цвѣта отъ покрывающаго ихъ лака пустыни. При соответствующемъ освѣщеніи пустыня сверкаетъ милліонами синевадыхъ огоньковъ, притомъ—превращается въ унылое царство траура и смерти, въ которомъ глазъ не встрѣчаетъ ничего, кромѣ сѣро-желтой почвы и черныхъ камней; лишь кое-гдѣ попадаются плоскія почернѣвшія горки или цѣль холмовъ кирпично-краснаго цвѣта съ обдутыми вѣтромъ обрывами и выступами странныхъ очертаній.

Эта пустыня тянется вдоль подошвы Тянь-Шаня полосой верстъ въ 500 длиной и, съ сѣвера на югъ, около 40 верстъ шириной; на югѣ она окаймлена перерывистымъ поясомъ оазисовъ, населенныхъ китайцами, дунганями и тюрками. Божъ о божъ съ совершенно безплодной пустыней здѣсь находятся густо населенныя площади съ богатой растительностью и тщательными воздѣланными полями и садами. Мѣсто чловѣку здѣсь указано самой природой, и оазисы расположены на ключахъ, пробивающихся изъ почвы. Человѣкъ только подмѣтилъ это обиліе воды въ близкихъ къ поверхности слояхъ почвы и выводитъ ее на поверхность посредствомъ карысей, т.е. подземныхъ галлерей, которыя изъ простой водопроводной каанавы близъ устья превращаются въ штольную и, врѣзываясь постоянно въ толщу наносовъ, тянутся подъ землей нѣсколько верстъ, собирая циркулирующія въ наносахъ воды.

Климатъ притяньшанскихъ оазисовъ, благодаря высокимъ горамъ, защищающимъ ихъ съ сѣвера, отличается болѣе мягкой зимой сравнительно съ остальными областями Центральной Азіи, находящимися подъ той же широтой. Даже январскіе морозы не превышаютъ 20°, и

уже въ концѣ января термометръ въ тѣни послѣ полудня поднимается выше нуля; зато лѣтомъ жара очень сильна, и температура въ 40—45 градусовъ въ тѣни не составляетъ рѣдкости. Осень наступаетъ поздно, и я имѣлъ возможность убѣдиться, какъ велика разница между Турфанскимъ округомъ и южной Джунгаріей, лежащей къ сѣверу отъ Тянь-Шаня; во второй половинѣ сентября въ Турфанѣ на деревьяхъ еще не было ни одного желтаго листка, днемъ жара до 33° въ тѣни, по ночамъ не менѣе 13° тепла; пять дней спустя въ окрестностяхъ Урумчи, всего на полградуса сѣвернѣе, я засталъ уже полную осень, совершенно пожелтѣвшую траву, листопадъ, ночные морозы.

Осадки въ притяньшанскихъ оазисахъ совершенно ничтожны; дождей и снѣговъ бываетъ очень мало и безъ искусственнаго орошенія земля не производила бы никакихъ культурныхъ растений. Вѣтры часты и сильны, особенно весной, когда съ марта по май почти непрерывно дуетъ западный вѣтеръ, часто переходящій въ пыльную бурю.

Коренное население хамйскаго и турфанскаго оазисовъ составляютъ таранчи, народъ тюркскаго племени, но съ нѣкоторой примѣсью монгольской крови, отражающейся на ихъ наружности. Таранча средняго роста, обыкновенно сухопарый, по цвѣту кожи нѣсколько свѣтлѣе монгола; онъ хотя и смуглый, но безъ желтаго оттѣнка, свойственнаго монгольскому племени; лицо у него шире, чѣмъ у настоящаго тюрка, скулы больше выдаются, и глаза уже, но все-таки среди этого народа немало красивыхъ лицъ, какихъ не сыскать среди монголовъ и китайцевъ. Растительность на лицѣ довольно густая, волосы обыкновенно черные и довольно жесткіе; мужчины бреютъ всю голову по мусульманскому обычаю, а бороду и усы отпускаютъ; женщины сплетаютъ волосы въ двѣ или три толстыхъ косы, а лобъ отчасти закрываютъ гривкой. У женщинъ примѣсь монгольской крови выражается въ складѣ лица нѣсколько больше, чѣмъ у мужчинъ, но все-таки и между ними немало красивыхъ; онѣ также любятъ подводить рѣсницы и брови и употреблять румяна и бѣлила, но въ общемъ занимаются живописью на своемъ лицѣ гораздо меньше, чѣмъ китайки. Мужская одежда состоитъ изъ рубашки, сшитой обыкновенно изъ домашней бѣлой бязи, такихъ же шароваръ, кожаныхъ туфель и тибетейки; въ такомъ костюмѣ таранча щеголяетъ цѣлое лѣто у себя на дворѣ, въ саду или на паннѣ. Отправляясь въ городъ или въ гости, онъ надѣваетъ еще мягкіе сапоги, а болѣе пожилые и степенные люди—халатъ на ситцевой или шелковой подкладкѣ, подпоясываемый кускомъ бязи или цвѣтнаго ситца въ нѣсколько аршинъ длиной. Зимой поверхъ рубашки надѣваютъ ватную кофту или ватный халатъ, подпоясываемый такимъ же образомъ, а на голову поверхъ тибетейки—шапку съ мѣховымъ околышемъ.

Женскій костюмъ состоитъ изъ шароваръ, доходящихъ до щиколки и сшитыхъ изъ кумача или изъ бѣлой бязи съ широкой вышивкой внизу; поверхъ шароваръ надѣвается рубашка длинная (ниже голѣнъ) и съ длиннѣйшими рукавами. Дѣвушки и молодыя женщины носятъ рубашки изъ краснаго ситца съ разводами или изъ кумача, а пожилыя— изъ свѣтлаго, обыкновенно бѣлаго ситца съ мелкими цвѣточками. Всѣ эти ситцы и кумачъ привозятся изъ Россіи и находятъ себѣ большой сбытъ среди тюркскаго населенія Китайской имперіи; парадныя рубашки того же покроя шьются изъ китайской легкой шелковой матеріи. Ноги обуваются въ расшитыя туфли на высокихъ каблуккахъ; на головѣ носится такая же тибетейка, какъ у мужчинъ, краснаго цвѣта у молодыхъ, синяго у пожилыхъ. Зимой поверхъ рубашки надѣваютъ ватную кофту, а болѣе богатые—халатъ и на голову шапку, обложенную мѣхомъ выдры; серьги и кольца изъ серебра довольно грубой работы въ большомъ употребленіи.

Выходя зимой изъ дому, и мужчины надѣваютъ шубы мерлушковые, бараньи или козьи, а на ноги войлочные чулки; женщины часто носятъ мягкіе сафьяновые сапоги и поверхъ ихъ кожаныя калоши такого же фасона, какъ мужскія.

Таранчи, какъ и вообще мусульмане, гораздо чистоплотнѣе монголовъ и китайцевъ; руки и лицо моютъ нѣсколько разъ въ день, особенно лѣтомъ, стираютъ также свои рубашки и шаровары; точно такъ же вся ихъ обстановка—посуда, постель, жилище,—содержится въ гораздо болѣе чистой, чѣмъ у китайцевъ. По своимъ нравственнымъ качествамъ этотъ народъ тоже гораздо выше своихъ сосѣдей. Таранчи трудолюбивы, выносливы, добродушны, общительны; но подъ гнетомъ китайскаго владычества въ нихъ начинаютъ уже вѣдраться дурныя качества, съ одной стороны забитость, съ другой—лицемѣріе, лживость и жестокость. Простой народъ болѣе или менѣе забитъ, а богачи и туземныя власти, по инстинкту самосохраненія, превращаются въ послушныхъ холоповъ китайской администраціи и, прислуживаясь ей, обираютъ своихъ единоплеменниковъ.

Женщины не носятъ покрывала, скрывающаго лицо, какъ у сартянокъ русскаго Туркестана, пользуются большой независимостью и вообще не превращены въ домашнее рабочее животное. Хотя мусульманскій законъ разрѣшаетъ многоженство, но среди таранчей оно встрѣчается рѣдко, главнымъ образомъ у богатыхъ и у туземныхъ бековъ, имѣющихъ даже гаремы; разводъ совершается часто и безъ особыхъ формальностей.

Главное занятіе таранчей составляетъ земледѣліе и садоводство, поэтому они народъ осѣдлый. Жилища ихъ, подобно китайскимъ, дѣлаются изъ необожженнаго кирпича или прямо лѣплятся изъ глины; оконъ меньше, чѣмъ въ китайскихъ домахъ, часто комнаты освѣщаются

только отверстием, сдѣланнымъ въ потолокъ. Половину комнаты занимаетъ низкая лежанка, подтапливаемая, по-китайски, снизу, но тяга усиливается хорошей трубой, такъ что нѣтъ того ѣдкого дыма, какъ въ китайскомъ жилищѣ. Лежанка покрывается войлоками или даже коврами, въ углу ея сложены въ кучу ватныя одѣяла и подушки, разстилаемые на ночь на той же лежанкѣ; лѣтомъ, впрочемъ, всѣ спать подъ открытымъ небомъ среди двора или на плоской кровлѣ дома. На лежанкѣ также стоятъ сундуки съ платьемъ и низкій китайскій столикъ, составляющіе единственную мебель таранчей, которые сидятъ по-турецки, поджавши подъ себя ноги. Почти въ каждомъ домѣ можно встрѣтить веретено или ткацкій станокъ, служащіе для приготовления хлопчатобумажной матеріи—бязи; по вечерамъ, проѣзжая по улицѣ таранчинскаго селенія, во многихъ домахъ можно услышать пѣсню, не лишенную гармоніи; это поетъ таранчинка, при тускломъ свѣтѣ лампочки прядущая вату.

Куреніе опія, эта пагубная страсть, столь распространенная у китайцевъ, почти незнакома таранчамъ; они курятъ свой туземный легкій табакъ въ длинныхъ китайскихъ трубкахъ, иногда также накуриваются напси—наркотическаго вещества, приготовляемаго изъ прѣвѣчной пыли конопли; вина, какъ мусульмане, не пьютъ; обыкновенную пищу ихъ составляетъ хлѣбъ въ видѣ плоскихъ лепешекъ изъ пшеничной муки или кунака (особый сортъ проса), затѣмъ пилавъ изъ риса съ бараниной, иногда пельмени и домашняя птица. Въмѣсто вилки и ложки имъ служатъ пальцы и пригоршня, но этотъ примитивный способъ ѣды не производитъ на европейца такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ у монголовъ, такъ какъ руки передъ ѣдою моются. Лѣтомъ мясо замѣняется фрутами; арбузы, дыни, груши, персики, абрикосы и виноградъ истребляются въ большомъ количествѣ и сушатся также на зиму. Обыкновенное питье составляетъ зеленый монгольскій чай, который пьютъ часто съ молокомъ, но безъ примѣсы масла и соли, и подаютъ въ высокихъ узкогорлыхъ кувшинахъ.

Джунгарія и Восточный Туркестанъ завоеваны китайцами въ прошломъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ получили китайскую администрацію и заняты китайскими войсками. Завоеванію способствовали раздоры между тюркскими и монгольскими племенами, населяющими эти провинціи. Для упроченія своего владычества китайцы поселили здѣсь много монголо-манчжурскихъ семей и китайскихъ мусульманъ (дунганъ), а часть тюрковъ изъ Восточнаго Туркестана была выселена въ Джунгарію, населеніе которой до того было преимущественно монгольскаго и киргизскаго племени. Но эти мѣры все-таки не помогли; когда мусульманскій мятежъ, возникшій въ 1856 г. въ Юннанѣ, въ южной провинціи Китая, распространился на сѣверныя провинціи и достигъ громаднхъ размѣ-

ровъ, въ Джунгаріи дунгане взялись также за оружіе, соединились съ таранчами и прогнали китайцевъ. Затѣмъ въ Кульджинскомъ округѣ дунгане были въ свою очередь истреблены таранчами, и здѣсь образовалось самостоятельное султанство, глава котораго, Абиль-Оглы, принялъ высококомѣрный тонъ въ сношеніяхъ съ пограничной русской администраціей; въ его владѣніяхъ происходили постоянные беспорядки, для подавленія которыхъ русскія войска заняли Кульджу въ 1871 году. Справившись съ возстаніемъ, китайское правительство опять начало упрочивать свое положеніе въ краѣ, устроило здѣсь генераль-губернаторство съ резиденціей въ Урумчи, учредило военныя поселенія съ манджурскими и китайскими войсками, привлекло поселенцевъ изъ внутренняго Китая, надѣляя ихъ безвозмездно десятью десятинами земли на семью, пособіемъ въ 48 руб. на постройку дома, покупку земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и сѣмянъ; отъ поземельной подати переселенцы освобождены въ теченіе трехъ лѣтъ. Этихъ пришельцевъ стараются селить между туземцами, чтобы уменьшить сплоченность послѣднихъ. И все-таки китайское владычество здѣсь непрочно, туземцы относятся къ нему весьма недружелюбно и, несмотря на вражду, питаемую другъ къ другу таранчами, дунганями, сартами, монголами и киргизами, всѣ эти туземныя племена сходятся въ ненависти къ китайцамъ.

Восхожденіе на Мустагъ-ату.

(Свенъ-Гедина).

Въ восточной части Памира, въ китайскихъ владѣніяхъ, возвышается исполинскій Мустагъ-ата,—одна изъ величайшихъ вершинъ не только во всемъ Памирѣ, но, пожалуй, и во всей Азіи (7.860 м.). Мустагъ-ата въ переводѣ значить «Отецъ ледяныхъ горъ», и, дѣйствительно, съ его вершины спускается десять большихъ ледниковъ, а его огромная снѣговая шапка видна отовсюду въ восточномъ Памирѣ.

Во время моего пребыванія въ 1894 году на Памирѣ моею цѣлью было между прочимъ попытаться взойти на вершину Мустагъ-аты.

Мы остановились въ долинѣ Тагарма, одной изъ лучшихъ памирскихъ долинъ, на высотѣ, уступавшей немногимъ изъ альпійскихъ вершинъ, и все время стерегли удобный случай взобраться на Мустагъ-ату. Но погода все ставила намъ препятствія. То шель снѣгъ, то градъ, то дуль пронизывающій сѣверный вѣтеръ, отнимавшій всякую охоту стремиться въ высшія сферы, гдѣ вѣтеръ звывалъ снѣгъ столбомъ. Бывало, что солнце улыбалось на минуту съ яснаго неба, но въ слѣдующую погоду портилась и разстраивала всѣ наши планы. Бывало нѣсколько разъ, что мы уже навьючивали яковъ, дѣлили ручной багажъ между носильщиками и готовились выступать, какъ вдругъ начи-

нался вѣтеръ и позволялъ намъ совершить, чтобы день не совсѣмъ пропалъ даромъ, лишь небольшую экскурсію на ледники. На этой высотѣ зима—равный гость и времени у насъ въ запасъ было немного; поэтому рѣшили на слѣдующій день быть готовыми во что бы ни стало отправиться въ походъ. Погода весь день стояла хорошая, но въ сумерки начался обычный градъ и вѣтеръ. Вершина Мустагъ-аты, только что ослѣпительно сіявшая своимъ свѣжнымъ вѣнцомъ, окуталась густыми облаками. День выдался чудесный, совершенно ясный, такъ что отъ самой подошвы видны были всѣ очертанія Мустагъ-аты, до мельчайшихъ подробностей, а самая вершина казалась близехонько; склоны заслоняли выступы и отроги, что и вводило въ заблужденіе. Въ воздухѣ не шелухнулось, на небѣ не было не единого облачка. Мы отправились сначала черезъ ледникъ Ямбулакъ, медленно подымаясь по склону подъ лучами восходящаго солнца, потомъ дорога пошла по крутизнамъ въ тѣни до тѣхъ поръ, пока солнце не поднялось такъ высоко, что стало свѣтить намъ прямо въ лицо.

Подвигались впередъ пока еще быстро. Крутые склоны были всюду покрыты продуктами вывѣтриванья горныхъ породъ. Щебенъ былъ насыпанъ такъ густо, что убивалъ всякую растительность. Тутъ пришлось оставить двухъ яковъ, которые безпрестанно останавливались и задерживали насъ. Бхавшіе на нихъ киргизы пошли гѣшкомъ, по очереди ведя моего большого, чудснаго яка, который безъ усилія пробирался между кучами щебня.

Въ 8 час. мы были на высотѣ Монблана и немного спустя достигли на высотѣ 4.950 м. свѣговой линіи. Вначалѣ свѣгъ попадался небольшими клочками между кучами щебня, затѣмъ разостлался сплошнымъ ковромъ, изъ-подъ котораго кое-гдѣ проглядывали отдѣльные камни. Свѣгъ былъ мелкозернистый и плотный, но безъ наста. Только, когда мы поднялись еще метровъ на 200 выше, свѣговой покровъ оказался покрытымъ тонкой, твердой корой: мягкая кожаная обувь моихъ людей не оставляла на ней никакихъ слѣдовъ; насть только слегка похрустывала, но животныя ни разу не поскользнулись. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ свѣгъ становился глубже, но особенно большихъ сугробовъ еще не встрѣчалось. Причинами, мѣшающими образованію большихъ сугробовъ, являются обычный здѣсь сильный вѣтеръ, усиленное испареніе и легко обнажающаяся вѣтрами куполовидная форма рельефа. Свѣгъ сверкалъ на солнцѣ тысячами искръ, и я, несмотря на консервы съ двойными стеллами, сильно страдалъ отъ этого блеска, разлитого повсюду кругомъ. Люди мои, у которыхъ совсѣмъ не было очковъ, жаловались, что у нихъ все вертится, а временами и совсѣмъ темнѣетъ въ глазахъ.

Приходилось все чаще и чаще дѣлать передышку. Я, пользуясь оста-

повками, дѣлалъ наброски, производилъ измѣренія съ компасомъ и ориентировался. Мы слѣдовали непосредственно по краю высокой скалистой стѣны, откуда намъ открывался чудный видъ на весь ледникъ въ глубинѣ. Выше, въ ущельѣ, гдѣ оба его скалистые быка постепенно понижаются (по сравненію съ поверхностью ледника), нѣсколько расходятся и въ концѣ-концовъ сливаются съ округленнымъ гребнемъ, соединяющимъ обѣ высочайшія вершины группы Мустагъ-ата, ясно виднѣлось фирновое поле.

Посрединѣ течения ледяной рѣки преобладаютъ продольныя трещины. Самыя большія идутъ въ ущельѣ, между скалистыми стѣнами, и доходятъ до оконечности ледяного мыса. На отвѣсныхъ стѣнахъ скалы, вздымающихся надъ поверхностью ледника почти на 400 м., нѣтъ никакихъ паранинъ или слѣдовъ стачиванья камней. Это и не удивительно: если бы они и существовали прежде, то давно могли быть сглажены процессомъ вывѣтриванья, который въ этихъ областяхъ по причинѣ рѣзкихъ перемѣнъ температуры идетъ энергично и безостановочно. Та часть горы, по которой мы пробирались, имѣла зубчатый, точно весь въ зазубринахъ, край; выступы и выемки чередовались другъ съ другомъ, но движеніе льда было не при чемъ въ ихъ образованіи, которымъ они обязаны исключительно процессу вывѣтриванья.

Склонъ горы спускается къ равнинѣ Су-баши подъ угломъ въ 22°, поэтому подъемъ сильно давалъ себя чувствовать въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ. Снѣгъ становился какъ будто все чище и ослѣпительнѣе, намъ весело похрустывалъ подъ ногами. Мы тихо подвигались впередъ, минуя одинъ уступъ за другимъ.

На высотѣ 5.100 метровъ трое киргизовъ оставили своихъ яковъ, увѣряя, что лучше итти пѣшкомъ. Они не прошли однако и двухсотъ метровъ, какъ въ изнеможеніи, жалуясь на сильную головную боль, упали на снѣгъ и заснули.

Я продолжалъ путь съ двумя остальными киргизами и двумя яками. Мои спутники также жаловались на страшную головную боль и почти задыхались. Я чувствовалъ себя хорошо, если не считать ломоты въ головѣ, которая все увеличивалась по мѣрѣ подъема; одышку же я чувствовалъ только, когда слѣзалъ съ яка и принимался за наблюденія. Когда надо было опять взлѣзать на сѣдло, я готовъ былъ задохнуться отъ этого небольшого усилія, и у меня начиналось сильнѣйшее сердцебиеніе.

Между тѣмъ поднялся свѣжій вѣтеръ съ юго-запада, мелкій снѣгъ закрутило вихрями, небо покрылось тучами. Мы всѣ такъ утомились, что рѣшили сдѣлать привалъ. Достали хлѣбъ, чай, топливо, чтобы развести костеръ, но стоило намъ взглянуть на ѣду, чтобы насъ затошнило; такъ никто ничего и не взялъ въ ротъ. Намъ мучила только жажда, и мы все глотали снѣгъ, даже яки проглатывали большіе комки.

Видъ съ высоты 6.300 метровъ былъ поистинѣ восхитителенъ. Намъ открывалось черезъ хребетъ Сары-коль все пространство до самаго Заалайскаго хребта.

Мы стали держать совѣтъ. День клонился къ вечеру, и становилось холодно; киргизы были такъ изнурены, что не могли идти дальше; яки пыхтѣли, высунувъ языки. Киргизы предупреждали отъ восхожденія по крутымъ, готовымъ обрушиться снѣжнымъ склонамъ, гдѣ яки своею тяжестью легко могли произвести обвалъ.

Съ грустью рѣшился я вернуться, и мы быстро заскользили внизъ по старымъ своимъ слѣдамъ.

Послѣ этого я еще два раза пытался подняться на Мустагъ-ату, и все безуспѣшно.

Взявъ съ собою все нужное на два дня, десять яковъ и шестерыхъ киргизовъ, я 16-го августа 1894 года въ четвертый разъ попытался взойти на Мустагъ-ату по тому же склону, по которому мы поднимались, но безъ успѣха, 18-го апрѣля и 6-го августа. Достигнувъ снѣговой линіи, мы оправились по старымъ нашимъ слѣдамъ, служившимъ намъ нѣкоторой гарантіей противъ несчастныхъ случаевъ. Тропу было ясно видно. Она шла зигзагами круто вверхъ, по краю правой стѣны ледниковаго ущелья.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тропа оказывалась заметной, но различить ее все-таки было можно. Во всѣ эти десять дней снѣгу здѣсь, слѣдовательно, не выпадало.

Мы посоветовались и рѣшили заночевать тутъ, около выглядывавшихъ изъ снѣгу небольшихъ каменистыхъ островковъ. Яковъ привязали къ сланцевымъ глыбамъ и залѣмъ киргизы расчистили, насколько было возможно, отъ щебня, повсюду покрытаго снѣгомъ, мѣстечко для юрты. Послѣдняя была очень миниатюрная; мѣста для спанья въ ней хватало всего на троихъ, дымового отверстія вовсе не было, конусообразный остовъ ея состоялъ попросту изъ жердей, связанныхъ верхними концами вмѣстѣ.

Какъ мы ни старались уровнять лопатами почву, юрта все-таки очутилась на покатоности, и ее пришлось прикрѣпить арканами къ двумъ глыбамъ сланца. Вечеромъ въ теченіе часа дулъ слабый вѣтеръ, время отъ времени обдававшій юрту облаками крутящейся снѣжной пыли, набивавшейся во всѣ щели и отверстія нашего убѣжища. Киргизы поэтому обнесли юрту валомъ изъ снѣга.

Сначала мы чувствовали себя хорошо; мы развели большой костеръ; огонь отлично согрѣлъ насъ, и наши застывшіе члены отошли. Зато юрта наполнилась удушливымъ дымомъ, который ѣлъ глаза и медленно выходилъ въ открытое входное отверстіе. Снѣгъ на полу въ юртѣ растаялъ, но когда костеръ погасъ, все покрылось ледяной корой.

Киргизы начали жаловаться на головную боль, и двое стали проситься назад; я разрешил имъ это тѣмъ охотнѣе, что они, очевидно, не годились для дальнѣйшаго труднаго странствованія. Изъ другихъ болѣзненныхъ симптомовъ надо отмѣтить неумолчный звонъ въ ушахъ, нѣкоторую глухоту, ускороенный пульсъ, пониженіе температуры тѣла, полную бессонницу (вызванную, вѣроятно, головною болью, которая подъ утро стала нестерпимой) и, наконецъ, приступы одышки. Киргизы стояли всю ночь. Тулупы казались страшно тяжелыми, дышать въ лежачемъ положеніи становилось затруднительно, сердце билось неровными сильными толчками. На чай и хлѣбъ охотниковъ не нашлось, и когда насъ сразу охватилъ мракъ ночи, въ киргизахъ стало замѣтно глухое неудовольствіе. Они вѣдь не больше моего привыкли проводить ночи на высотѣ 20.000 ф., въ 21 разъ превосходящей высоту Эйфелевой башни.

Болѣе величественнаго мѣста стоянки у меня однако никогда не было; мы находились на покрытомъ снѣгомъ склонѣ одной изъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ, у подножія которой лежали окутанные покрываломъ ночи ледниковые мысы, ручьи и озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ на порогѣ одного изъ самыхъ фантастическихъ ледяныхъ царствъ. Стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы свалиться въ зіяющую голубую ледяную пропасть, глубиную въ 400 метровъ.

Я ожидалъ живописнаго заката солнца, но онъ не представилъ ничего особеннаго. Солнце сѣло въ облакахъ, озаренныхъ оранжевымъ сіяніемъ, которое горѣло и долго спустя послѣ захода солнца; на этомъ фонѣ горы Памира рисовались рѣзкими темными тѣнями. Вся долина Сары-коль давно лежала окутанная тѣнями, когда солнце еще обливало прощальными лучами вершину Мустагъ-аты. Скоро и нашъ лагерь погрузился въ темноту; вершина горы еще горѣла съ минуту, словно огненный конусъ вулкана, затѣмъ померкла и она.

Я вышелъ ночью изъ юрты прогуляться и полюбоваться восхожденіемъ полной луны. Мы были недалеко отъ царства безконечнаго простора, начинающагося за вершинами высочайшихъ горъ, и царица ночи сіяла здѣсь такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что съ трудомъ можно было глядѣть на нее. Тихо, величественно плыла она надъ темными крутыми уступами скалъ на противоположномъ берегу ледника. Послѣдній лежалъ въ тѣни, глубоко въ пропасти. Время отъ времени слышался словно глухой выстрѣлъ трескаваго льда или грохотъ оторвавшейся отъ края ледяного покрова глыбы.

Луна лила серебряный свѣтъ на нашъ лагерь и производила чисто-фантастическій эффектъ. Черные силуэты яловъ съ погуренными головами рѣзко выдѣлялись на бѣломъ свѣту, неподвижныя и молчаливыя, какъ тѣ камни, къ которымъ они были привязаны; время отъ времени

слышался только лязг их челюстей или хрустѣніе снѣга подь ихъ копытами. Трое киргизовъ, которымъ не хватало мѣста въ куртѣ, развели себѣ огонь между большими глыбами, а когда онъ погасъ, завернулись въ тулупы и прикурили вокругъ, подогнувъ колѣни и уткнувъ голову въ снѣгъ, напоминая летучихъ мышей въ зимнее время.

Несмотря на яркій лунный свѣтъ, ориентироваться и различить мѣста въ долинѣ Сары-коль было не легко. Съ трудомъ разглядѣлъ я орошенные ледниковыми ручьями луга и слабо очерченные контуры озера Малаго Кара-Куля. Все остальное, вплоть до вершинъ горъ Памира, сливалось въ общій хаосъ, въ которомъ нельзя было различить ничего.

Самая красивая картина рисовалась въ той сторонѣ, откуда свѣтила луна. Очарованный ею, я стоялъ какъ прикованный. Никакое перо или кисть не въ состояніи изобразить этой волшебной картины. Самый рельефъ окружающей мѣстности дѣлаетъ ее своего рода архитектурнымъ шедевромъ. Здѣсь тянется ущемленный между покрытыми снѣгомъ и льдомъ скалами голубоватый ледникъ, тамъ вздымается къ небу пятиглавый великанъ-гора. Скалистая стѣна прямо передъ нами окутана такимъ мракомъ, что съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается свѣтлый ледяной покровъ, одѣвающий ея вершину, и гдѣ выступаютъ черныя скалы.

Налѣво, на нѣсколько сотъ метровъ выше нашего лагеря, вьпается въ лунномъ свѣтѣ фирновое кольцо ледника. По его темному гребню на юго-востокъ прыгаютъ, окутанныя въ бѣлую дымку, горячія рѣчки. Легкія облака, гонимыя слабымъ южнымъ вѣтромъ, группируются около луны кольцами, отливающими цвѣтами радуги, вѣнцами и другими быстро смѣняющимися другъ друга фигурами.

Забывая о холодѣ, стоишь, не въ силахъ оторваться отъ этой чудной, фантастической вереницы мелькающихъ, смѣняющихъ одинъ другой воздушныхъ образовъ.

Кругомъ тишина, эхо не отъликаетъ между скалистыми стѣнами по ту сторону. Рѣдкій воздухъ не шелочнется; нуженъ обвалъ лавины, чтобы привести его въ сотрясеніе. Виденъ паръ отъ дыханія яковъ, но самаго дыханія не слышно. Они стоятъ неподвижно, не издавая ни звука. Странное ощущеніе овладѣваетъ душой. Какъ-то трудно усвоить себѣ, что подъ твоими ногами лежатъ четыре части свѣта и что если бы провести прямую линію вокругъ земного шара черезъ ту точку, на которой находишься ты, то линія эта срѣзала бы лишь нѣкоторыя изъ высочайшихъ вершинъ Азіи и Южной Америки. Здѣсь было преддверіе безмольнаго, хододнаго, безграничнаго мірового воздушнаго океана!

Когда я вошелъ въ курту, Исламъ-бай и Лехимъ-бай ¹⁾ молча сидѣли,

¹⁾ Сопровождавшіе путешественника киргизы.

закутанные въ тулупы, возлѣ глѣющаго костра. Мы всѣ трое стучали зубами отъ холода, снова развели костеръ, и юрта опять наполнилась ѣдимымъ дымомъ. Когда вечернія наблюденія были закончены, мы закутались въ тулупы и войлочные ковра, огонь погасъ, и только луна съ любопытствомъ заглядывала во всѣ щели юрты.

Казалось, конца не будетъ этой долгой, тяжелой ночи. Какъ мы ни ежились, упираясь колѣнами въ самый подбородокъ, невозможно было сохранить теплоту тѣла. Холодъ ставовился все чувствительнѣе, тѣмъ болѣе, что юго-западный вѣтеръ съ часа на часъ усиливался. Никто глазъ не сомкнулъ во всю ночь. Только ужъ подъ утро я какъ-будто впалъ въ дремоту, но то и дѣло пробуждался отъ недостатка воздуха и дѣлалъ судорожныя дыханія. Люди мои стонали, точно на ложѣ пытки, и не столько отъ холода, сколько отъ все усиливавшейся головной боли.

Наконецъ, взошло солнце, но озаренный имъ новый день оказался для насъ крайне неудачнымъ. Юго-западный вѣтеръ перешелъ почти въ ураганъ и взвивалъ густыя облака мелкаго снѣга. Киргизы, проведеніе ночь внѣ юрты, чуть не окоченѣли совсѣмъ и еле втащились въ юрту, гдѣ были разведенъ большой костеръ. Всѣ были больны, унылы, никто не говорилъ, никто не ѣлъ. Я даже едва дотронулся до чаю, котораго такъ и не удалось сдѣлать горячимъ. Яки не двигались, точно застыли на своихъ мѣстахъ съ вечера.

Вершина горы была окутана непроницаемой пеленой снѣжныхъ вихрей. Нечего было и думать продолжать сегодня подъемъ; это значило бы искушать Бога. Намъ пришлось бы пробираться въ ужасный бурянь по невѣдомой мѣстности, можетъ быть, усѣянной трещинами, и, чего добраго, заблудиться и погибнуть. Я сразу убѣдился въ невозможности покорить на этотъ разъ горнаго великана, но все-таки хотѣлъ испытать своихъ людей, велѣвъ имъ готовиться къ подъему. Никто не вымолвилъ слова, всѣ разомъ встали и начали приготовления, но, видимо, были очень обрадованы, когда я отмѣнилъ приказъ.

Стояло кому-нибудь высунуть носъ изъ юрты, чтобы тотчасъ же живо спрятать его назадъ. Въ юртѣ, по крайней мѣрѣ, мы были защищены отъ вѣтра, который пронизывалъ до костей сѣвонъ всѣ тулупы, мѣховыя шапки и валенки. Я однако крѣпко надѣялся, что вьюга уляжется къ полудню и можно будетъ продолжать подъемъ. Увы! она все усиливалась, и въ полдень стало ясно, что день пропалъ. Три киргиза должны были заняться уборкой палатки и навьючиваніемъ яловъ, а я, Исламъ и Іехимъ, нахляпавъ на себя все, что только нашлось подъ рукой, сѣли на яловъ и быстро покатали внизъ по сугробамъ. Яки неслись по крутизнамъ прямо безъ оглядки, ныряли, точно выдры, въ сугробахъ и, несмотря на всю свою тяжеловѣсность, ни разу не скользнули, не упали.

Сидя верхом на якѣ, чувствуешь себя ѣдущимъ въ сильныя волны въ валкой ладѣ, и надо уже пенять на себя, коли не твердѣ въ колѣняхъ. Часто приходится совсѣмъ опрокидываться назадъ, спиною на спину яка, и балансировать всѣмъ корпусомъ въ тактъ неожиданнымъ, но всегда ловкимъ, увѣреннымъ движеніямъ животнаго.

Какъ пріятно было, оставивъ за собою послѣдніе сугробы снѣга, снова завидѣть нашъ лагерь, лежавшій внизу въ глубинѣ. Тамъ ждали насъ давно желанный обѣдъ и горячій чай, вернувшіе жизнь нашимъ членамъ; затѣмъ мы улеглись каждый въ своемъ углу и заснули крѣпкимъ сномъ. Весь слѣдующій день мы однако чувствовали себя точно выздоравливающіе послѣ продолжительной болѣзни.

Сѣверный Тибетъ.

(Н. М. Пржевальскаго).

Грандіозная природа Азіи, проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячеверстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны, выразилась и въ обширномъ нагорьѣ, наполняющемъ южную половину центральной части этого материка и извѣстномъ подъ именемъ Тибета. Рѣзко ограниченная со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами, названная страна представляетъ собою неправильную трапецію, грандіозную, нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ въ такихъ размѣрахъ не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую надъ уровнемъ моря, за исключеніемъ лишь немногихъ окраинъ, на страшную высоту, отъ 13—15000 футовъ. И на этомъ гигантскомъ пьедесталѣ громоздятся, сверхъ того, обшпирные горные хребты, правда относительно невысокіе внутри страны, но зато на ея окраинахъ развивающіеся въ видѣ высочайшихъ стѣнъ. Словно стерегутъ здѣсь эти великаны трудно доступный міръ заоблачныхъ нагорій, непривѣтливыхъ для человѣка по своей природѣ и климату и въ большей части еще совершенно невѣдомыхъ для науки. Легко видѣть, что громадная площадь этой страны остается почти совершенно невѣдомою, ждетъ своихъ изслѣдователей.

Много различныхъ невгодъ поджидаютъ здѣсь европейскаго путешественника. Противъ него встанутъ и люди, и природа. Огромная абсолютная высота и вслѣдствіе того разреженный воздухъ, въ которомъ мускулы человѣка и выючныхъ животныхъ отказываются служить какъ слѣдуетъ; крайности климата, то слишкомъ сухого, то (лѣтомъ) слишкомъ влажнаго; холода и бури, отсутствие топлива, скудный подножный кормъ, наконецъ, гигантскія ущелья и горы въ восточной части страны—вотъ тѣ препоны, бороться съ которыми придется на каждомъ шагѣ. Съ дру-

гой стороны, въ мѣстахъ обитаемыхъ туземное населеніе подозрительно или даже враждебно будетъ смотрѣть на невѣдомаго пришельца и несомнѣнно постарается если не уничтожить его открытою силою, то всякими способами затруднить дальнѣйшій путь. Совокупность всѣхъ этихъ причинъ и сдѣлала Тибетъ малоизвѣстнымъ до нашихъ дней.

Границами обширной площади, нами разсматриваемой, служатъ на сѣверѣ Куэнь-лунь, а на югѣ—сѣверная Гималайская цѣпь; съ запада же на востокъ эта площадь простирается отъ Каракорума и его юго-восточныхъ продолженій до предѣловъ западнаго Китая. Восточная, меньшая по величинѣ, половина отмѣченного пространства по своему характеру рѣзко отличается отъ половины западной. Приблизительная граница такого дѣленія можетъ быть обозначена отъ озера Тенгри-норъ къ истокамъ Желтой рѣки. Къ западу отъ этой линіи залегаетъ сплошную массую столовидное плато, на своей поверхности почти вовсе лишённое рѣзкаго рельефа и не имѣющее, кромѣ небольшой восточной части, водъ, стекающихъ къ морю. Къ востоку же отъ проведенной черты всѣ воды текутъ къ океану, мѣстность понемногу теряетъ свой столовидный характеръ и исподволь превращается въ грандіозную горную страну, въ которой перемѣшиваются системы центрального Куэнь-луня, китайскихъ и индо-китайскихъ хребтовъ. Здѣсь лежитъ страна тангутовъ и восточно-тибетская провинція Камъ—обѣ весьма мало извѣстныя и, по всему вѣроятію, чрезвычайно богатыя разнообразіемъ какъ флоры, такъ и фауны.

Въ общемъ весь Тибетъ по природѣ дѣлится на слѣдующія части: южную, къ которой относятся высокія долины верховьевъ Инда, верхняго Сетледжа и Брамапутры; сѣверную, представляющую сплошное столовидное плато, и восточную, далеко вдающуюся внутрь собственнаго Китая. Трава въ сѣверномъ Тибетѣ всего лучше развивается тамъ, гдѣ почва глинисто-песчаная или чисто песчаная. На подобныхъ мѣстахъ являются, благодаря обильному лѣтнему орошенію, три-четыре вида злаковъ, кое-гдѣ лукъ, касатикъ и астрагалы; словомъ, здѣсь наиболѣе плодородныя пространства. Однако такихъ мѣстностей немного, сравнительно съ общимъ протяженіемъ страны. Въ большей ея части почва совершенно оголена или только кое-гдѣ прикрыта рѣдкими кустиками злака въ доймѣ вышиною. Въ горахъ, изрѣдка и на высокіхъ равнинахъ, встрѣчались намъ зимою изсохшія альпійскія формы растений: кое-гдѣ, въ укрытыхъ мѣстахъ, иногда на высотѣ въ 15 тысячъ футовъ попадались крапива и мелкая колынь. Въ тѣхъ же горахъ вездѣ преобладаетъ тибетская осока вышиною отъ $\frac{1}{2}$ —1 фута, твердая какъ проволока. Она образуетъ своими корнями обширныя кочковатыя болота. Монголы называютъ такія болота мото-шарияъ, т. е. деревянными, по необычайной твердости покрывающей ихъ травы, о которую верблюды

накалываютъ въ кровь не только свои губы, но даже толстѣйшія подошвы своихъ лапъ. Воздѣлываніе хлѣбныхъ растений совершенно невозможно на сѣверномъ тибетскомъ плато, слѣдовательно здѣсь невозможно и ослѣдая жизнь человѣка.

Тибетъ вообще представляетъ особую зоологическую область, но опять-таки въ животномъ царствѣ сѣверной части этой страны, подобно тому какъ и мірѣ растительномъ, мало можно встрѣтить разнообразія. Зато бѣдность видовъ вознаграждается чрезвычайнымъ обиліемъ въ особенности крупныхъ млекопитающихъ. Дѣйствительно, врядъ ли гдѣ-либо на другомъ мѣстѣ земного шара, развѣ въ недоступныхъ европейцамъ земляхъ внутренней Африки и Ю. Америки, можно найти такое количество звѣрей. Встрѣчая по пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, такъ-то не вѣрится, чтобы то могли быть дикія животныя, которыя притомъ обыкновенно доврѣчиво подпускаютъ къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего. Невольно переносясь въ далекія первобытныя времена, когда подобную картину можно было встрѣтить и въ другихъ странахъ земного шара. А теперь только дикія пустыни Тибета да немногія иныя мѣстности нашей планеты пока еще уберегли неповинныхъ животныхъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ человѣкомъ... Да, его вѣяніе страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы! Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ, ни сравнительное обиліе хищниковъ на плоскогорьѣ сѣвернаго Тибета—ничто это, конечно, далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несетъ для дикихъ созданий человѣкъ. Помимо отсутствія людей, какъ главной причины обилія крупныхъ млекопитающихъ въ сѣверномъ Тибетѣ, для звѣрей здѣсь важно богатство воды, чего нигдѣ нѣтъ въ пустынѣ Гоби. Скудость же подножнаго корма вознаграждается обширностью страны, по которой травоядныя животныя кочуютъ съ одного пастбища на другое. На этомъ громадномъ пространствѣ обитаютъ не десятки или сотни тысячъ, но вѣроятно миллионы крупныхъ млекопитающихъ.

Между ними на первомъ планѣ стоитъ дикій якъ, немного отличающійся отъ домашняго.

На необразимыхъ высокихъ плоскогорьяхъ, изрѣзанныхъ горами, якъ находитъ благоприятныя условія своего существованія: обиліе воды, прохладу въ разрѣженномъ воздухѣ и обширныя пастбища. Однако послѣднія доставляютъ лишь скудный кормъ, главнымъ образомъ жесткую тибетскую осоку на мото-ширикахъ; помимо этихъ болотъ, если гдѣ-либо и выдается подобіе дуга, то трава здѣсь, мелкая, едва поднимающаяся отъ земли, до того изсушивается бурями, что пасущіеся яки принуждены не щипать, но лизать эту траву своимъ грубымъ языкомъ.

Старые быки бродятъ въ одиночку или по нѣскольکو штукъ, молодые же встрѣчаются нерѣдко стадами. Охота на дикихъ яковъ въ высшей степени увлекательна. Охотникъ подкрадывается къ звѣрю на расстояние близкаго выстрѣла. Онъ ставитъ, или, какъ говорятъ, бросаетъ на сошки свою винтовку, самъ припадаетъ къ ней и начинаетъ палить въ яка. Послѣдній обыкновенно выносить десятокъ и болѣе пуль, прежде чѣмъ не будетъ убитъ. Однако иногда, получивъ два-три удара, разсвирѣпѣвшій якъ бросается ужъ не отъ охотника, а прямо къ нему, но всегда дѣйствуетъ нерѣшительно, что, конечно, губить звѣря и спасаетъ стрѣлка. Ринувшись съ мѣста въ сторону охотника, дикий якъ самъ какъ-будто пугается своей смѣлости, пробѣгаетъ двадцать-тридцать шаговъ и останавливается въ нерѣшимости. Стрѣлокъ между тѣмъ не дремлетъ и пускаетъ въ него еще нѣскольکو пуль. Якъ, постоявъ нѣскольکو секундъ въ боевой позѣ, т.е. съ опущенной головой и поднятымъ вертикально хвостомъ, снова бросается къ охотнику, но, пробѣжавъ немного, опять останавливается. Якъ видимо слабѣетъ отъ полученныхъ ранъ. Движенія звѣря становятся менѣе порывистыми, голова ниспадаетъ, туловище вздрагиваетъ. Еще нѣскольکو минутъ предсмертной агоніи—и могучее животное падаетъ на землю.

Далѣе, среди жвачныхъ животныхъ сѣвернаго Тибета слѣдуютъ красавицы антилопы двухъ видовъ : оронго и ада. Первая изъ нихъ встрѣчается гораздо чаще, нежели послѣдняя, и нерѣдко собирается въ большія стада. Затѣмъ здѣсь водятся два вида горныхъ барановъ : аркаръ и куку - яманъ. Наконецъ, послѣднимъ представителемъ жвачныхъ сѣвернаго Тибета служитъ маралъ ¹⁾, который въ небольшомъ числѣ водится въ горахъ Тута и за Тянь-ла, но на самомъ плоскогорьѣ не найденъ. Изъ грызуновъ въ описываемой странѣ прежде всего слѣдуетъ назвать пицуху, которая въ безчисленномъ множествѣ населяетъ луговые склоны горъ, другая же пицуха водится въ камняхъ или скалахъ и встрѣчается лишь изрѣдка. Затѣмъ слѣдуетъ сурокъ, или, какъ его монголы называютъ, тарабаганъ, норы котораго встрѣчались намъ на высотѣ въ 16.000 футовъ. Зайцы мѣстами чрезвычайно многочисленны, несмотря на то, что сильно истребляются четвероногими и пернатými хищниками.

Среди хищниковъ право первенства принадлежитъ тибетскому медвѣдю. По величинѣ тибетскій медвѣдь съ нашего обыкновеннаго и отличается отъ него главнымъ образомъ качествомъ мѣха и окраской. Голова у него свѣтло-рыжая, туловище темно-бурое, ноги почти черныя. Онъ избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ горныя хребты, то дикіе и трудно доступныя, какъ, напр., Бурханъ-Будда, то болѣе низкіе. Въ особенности много медвѣдей за Тянь-ла, гдѣ лѣтомъ звѣря эти ходятъ

¹⁾ Cervus sp.

по десятку экземпляровъ вмѣстѣ, а въ зимнюю спячку залегаютъ цѣлыми обществами.

Никогда непреслѣдуемый человѣкомъ, тибетскій медвѣдь мало остороженъ и притомъ, какъ всѣ вообще животныя и люди центральной Азіи, весьма трусливъ по своему характеру. Впрочемъ, тибетцы рассказываютъ съ ужасомъ про этого звѣря, который послѣ слячки можетъ нападать даже на людей.

Обыденную пищу описываемаго медвѣдя составляютъ нѣкоторыя альпійскія травы, вѣроятно иногда и звѣри, которыхъ ему удастся захватить врасплохъ, но болѣе всего шишухи; послѣднихъ мишка выкапываетъ изъ вора.

Медвѣди, живущіе въ сѣверномъ Тибетѣ, спускаются въ августѣ на тамошнія солончаковыя равнины и проводятъ здѣсь два осеннихъ мѣсяца, питааясь ягодами одного тибетскаго растенія—хармыка. Къ зимѣ медвѣдь, подобно нашему, сильно жирѣетъ; въ спячку ложится въ началѣ ноября. Логовищемъ выбираетъ пещеры или навѣсы подъ скалами, обыкновенно обращенные къ югу. Если грунтъ не слишкомъ твердый, то выкапываетъ для себя небольшое углубленіе, въ которое настилаетъ корешковъ травы. Сонъ у него крѣпкій, и въ тихіе ясные дни онъ вылезаетъ погрѣться на солнцѣ.

Наконецъ, изъ отряда однокопытныхъ сѣверному Тибету свойственъ куланъ, пасущійся большими табунами по горнымъ долинамъ. Вотъ и всѣ представители здѣшнихъ дикихъ млекопитающихъ.

Крайняя невыгодность климатическихъ и вообще физико-географическихъ условій сѣвернаго тибетскаго плато дѣлаетъ эту страну непригодною для человѣка. Не говоря уже про жизнь осѣдлую, связанную съ большею или меньшею степенью культуры, въ сѣверномъ Тибетѣ по большей части невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно трудно жить даже кочевникамъ. Не найдется здѣсь достаточно корма для ихъ стадъ, которыя не могутъ же, подобно дикумъ якамъ, куланамъ и антилопамъ, безпрестанно кочевать съ мѣста на мѣсто; трудно будетъ и самимъномадамъ свыкнуться съ разрѣженнымъ воздухомъ, крайностями тепла и холода, сухости и влажности атмосферы; даже отсутствіе лѣтомъ топлива, въ свою очередь, поставитъ не мало затрудненій.

Вотъ почему на описываемомъ плато никогда не могли густо усѣсться номады, и земля эта до сихъ поръ остается, по выраженію монголовъ, «гурсу гадзыръ», т. е. «звѣриною странкою». Однако абсолютнаго отсутствія человѣка въ сѣверномъ Тибетѣ нѣтъ. Внутри сѣвернаго тибетскаго плато кочуютъ небольшія орды, которыя номинально считаются подданными Тибета.

У истоковъ Желтой рѣки.

(Н. М. Пржевальскаго).

Въ рѣдкихъ случаяхъ, въ особенности въ наше время, доводится путешественнику стоять у порога столь обширной невѣдомой площади, какая разстилалась передъ нами изъ юго-восточнаго Цайдама. Прямо отсюда залегала мѣстность, гдѣ, за исключеніемъ лишь небольшой восточной части, никогда еще не ступала нога европейца. Да и для самихъ китайцевъ страна эта представляла полнѣйшую terra incognita.

Наиболѣе заманчивою, да кстати и ближайшею къ нимъ, частью невѣдомаго района былъ его сѣверо-восточный уголъ, гдѣ лежать истоки знаменитой Желтой рѣки Китая.

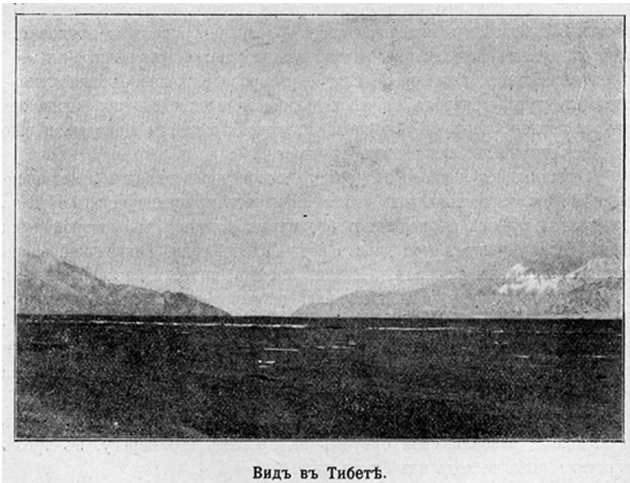
Мы поставили цѣлью предстоящей нашей лѣтней экскурсіи изслѣдование этихъ истоковъ и мѣстности далѣе къ югу, насколько окажется возможнымъ.

Чтобы попасть на плато Тибета, намъ необходимо было перевалить черезъ хребетъ Бурханъ-Будда, составляющій западную часть той горной окраины, которая высокою, двойною, мѣстами даже тройною стѣной ограждаетъ съ юга котловину Цайдама.

Хребты этой окраины принадлежатъ главному краю центральнаго Куэнь-Луня. Бурханъ-Будда тянется съ запада на востокъ верстъ на 150 и имѣетъ всюду крайне дикій характеръ. Южный склонъ на плато Тибета, какъ обыкновенно въ окраинныхъ азіатскихъ горахъ, гораздо короче и сравнительно мягче, нежели обширный сѣверный скатъ въ Цайдамскую котловину. Нигдѣ описываемый хребетъ не переходитъ за сѣвную линію и лишь касается ея нѣсколькими вершинами своей восточной части. Весь хребетъ, какъ хорошо видно при ясной погодѣ, представляетъ собою подобіе гигантскаго вала, поднимающагося среднимъ числомъ отъ 6 до 7½ тыс. футовъ надъ равнинами Цайдама. Крайнее безплодіе составляетъ другую характеристику Бурханъ-Будда. Дикія, глубоко врѣзанныя ущелья бороздятъ сѣверный его склонъ. По нимъ иногда текутъ небольшія рѣчки, которыя по выходѣ изъ горъ тотчасъ же теряются въ почвѣ.

Переночавъ въ день перехода черезъ Бурханъ-Будда недалеко за переваломъ, мы спустились на слѣдующее утро по южному склону въ долину. Идти съ верблюдами было довольно хорошо, хотя въ средней части спуска тропинка направляется по узкому ущелью. Окрестныя горы имѣютъ несравненно болѣе мягкій характеръ, нежели на сѣверномъ склонѣ того же Бурханъ-Будда. Зато тамъ нѣсколько плодороднѣе. На южномъ же склонѣ описываемыхъ горъ почва (лесовая) покрыта лишь разсыпанными, едва на вершокъ отъ земли поднимающимися кустиками кохин (Kochia) и мелкими злаками. Здѣсь держатся и аркары.

Перейдя тотчасъ за долиною сквознымъ ущельемъ безводной въ то время рѣчки черезъ невысокій хребетъ, въ которомъ тангуты лѣтомъ копаютъ золото, мы начали опять полого подниматься на плато и вскорѣ очутились на высотѣ около 14 тыс. футовъ. Путь былъ трудный, ибо, помимо движенія въ разрѣженномъ воздухѣ, приходилось слѣдовать съ караваномъ, какъ и во всемъ сѣверномъ Тибетѣ, безъ тропинки, напрямикъ, нерѣдко по рыхлой глинистой почвѣ, изрытой безчисленнымъ множествомъ норъ пищухъ, въ которыя верховыя лошади безпрестанно проваливались своими копытами. Бесплодіе вокругъ было ужасное;

почва большею частью была вовсе оголена, и лишь кое-гдѣ попадались небольшіе клочки кочковатыхъ болотъ или маленькія площадки тощаго злака. Влажная болотистая почва оттаяла въ это время не болѣе, какъ на одинъ футъ, по ключамъ лежали накипи льда, и небольшія озера еще были замерзшими. Намъ приходилось зябнуть хуже, чѣмъ зимою, въ сырой, морозной палаткѣ, безъ топлива. Ежедневно у кого-нибудь изъ членовъ отряда замѣчалась небольшая простуда или головная боль.

Несмотря однако на крайнее бесплодіе мѣстности, съ подъемомъ нашимъ на высокое плато тотчасъ началось баснословное обиліе тибетскихъ звѣрей: дикихъ яковъ, кулановъ, антилопъ и др. Передъ нами

явилась первобытная картина животной жизни, еще не тревожимой человеком. После долгой зимы звери теперь были исхудалые; некоторые начинали лаять, так что шкуры часто не годились для коллекции; для еды же мы гнали с собою из Цайдама небольшое стадо баранов, мясо которых несравненно лучше и питательнее зверинаго. Ради всего этого охота была воспрещена казакамъ, да и сами мы по возможности от нея воздерживались.

Мы вышли къ восточному устью обширной болотистой котловины Одонъ-тала, на которой лежат истоки знаменитой Желтой рѣки Китая.

На сѣверо-восточной окраинѣ Одонъ-тала, гдѣ изъ слиянія двухъ главныхъ истоковъ родится Желтая рѣка, стоитъ невысокая гора. На вершинѣ ея сложенъ маленький «обо»¹⁾, и здѣсь ежегодно приносятся жертвы духамъ, питающимъ истоки великой китайской рѣки. Для этой цѣли наряжается изъ города Синина по распоряженію амбана чиновникъ въ рангѣ генерала съ нѣсколькими меньшими чинами. Сюда же къ жертвенной горѣ стекаются въ это время монголы Цайдама и еще болѣе тангуты изъ ближайшихъ мѣстностей.

Оправившись немного съ дороги, посольство восходитъ на священную гору, становится возлѣ «обо» и читаетъ присланную изъ Пекина на желтой бумагѣ за подписью богдыхана молитву, въ которой духи Одонъ-тала упрасиваются давать воду Желтой рѣкѣ, питающей около сотни миллионѣвъ населенія Китая. Затѣмъ приносятся жертва—изъ одной бѣлой лошади, бѣлой коровы, девяти бѣлыхъ барановъ, трехъ свиней и нѣсколькихъ бѣлыхъ курицъ. Тѣмъ оканчивается вся церемонія. На Одонъ-тала посольство проводитъ двое или трое сутокъ и возвращается обратно. Одновременно подобное же моленіе совершается и на озерѣ Кукуноръ.

Утромъ 17-го мая перешли мы въ бродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ Хуанъ-хэ и разбили свой бивуакъ на правомъ его берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонъ-тала.

На слѣдующій день передъ вечеромъ я взошелъ на гору. Широкій горизонтъ раскинулся тогда передъ нами. Къ западу, какъ на ладони, видна была Одонъ-тала, усѣянная ключевыми озерами, ярко блестящими подъ лучами заходящаго солнца; къ востоку широкою гладью уходила болотистая долина Желтой рѣки, а за нею величаво лежала громадная зеркальная поверхность озера.

Для обследованія, сколько возможно, видѣннаго озера рѣшено было на завтра отправиться въ развѣздъ. Поѣхалъ я самъ съ двумя казаками. Провизіи мы взяли на трое сутокъ, захватили также съ собою и шубу на случай столь обычной въ Тибетѣ непогоды. Всѣми запасами была

¹⁾ Обо—буддйскій жертвенникъ изъ камня.

навьючена одна лошадь; три другія шли подъ верхомъ. До полудня мы сдѣлали 17 верстѣ внизъ по долинѣ лѣваго берега Желтой рѣки и, встрѣтивъ хорошее, кормное для лошадей мѣстечко, остановились здѣсь на приваль. Живо были разсѣданы лошади, стреножены и пущены на траву; сами же мы собрали немного аргала, вскипятили на немъ чай и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо закусили привезенною съ собою бараниною. Въ ожиданіи, пока нажормятся лошади, двое изъ насъ задремали, одинъ же оставался на караулѣ. Вскорѣ этотъ караульный разбудилъ меня и указалъ на двухъ медвѣдей, спокойно прогуливавшихся въ разстояніи отъ насъ немного болѣе версты. Сонъ мой какъ рукой сняло. Живо накинулъ я на плечи свое ружье и вмѣстѣ съ казакомъ отправился къ заманчивымъ звѣрямъ. Придя на мѣсто, гдѣ они были, мы встрѣтили, вмѣсто двухъ, четырехъ медвѣдей и убили двухъ изъ нихъ; третій, набѣжавшій съ испугу прямо на нашъ бивуакъ, былъ убитъ оставшимся тамъ казакомъ.

Намъ пришлось остаться ночевать на мѣстѣ привала, но такая задержка оказалась къ нашему благополучію. Послѣ хорошей и теплой, въ теченіе цѣлаго дня, погоды къ вечеру заоблачнѣло, а когда совсѣмъ стемнѣло, неожиданно поднялась гроза и притомъ съ сильною метелью. Громъ вскорѣ пересталъ, но метель, вмѣстѣ съ бурей отъ сѣверо-запада, не унималась въ теченіе цѣлой ночи. Къ утру снѣгъ выпалъ на одинъ футъ глубиною; сугробы же намело въ 2—3 фута. Я спалъ на войлокѣ въ ложбинкѣ, и меня совершенно занесло снѣгомъ. Подъ такою покрывкой было тепло, хотя и не совсѣмъ пріятно, когда таявшій отъ дыханія снѣгъ начиналъ затекать подъ бокъ и за шею. Казакамъ приходилось еще хуже, такъ какъ они поочередно караулили и сильно мерзали. Съ разсвѣтомъ едва-едва могли мы развести огонь изъ запаснаго съ вечера аргала. Напившись чаю и немного согрѣвшись, мы остались на томъ же мѣстѣ ждать, пока уймется метель и можно будетъ съ ближайшихъ горъ осмотрѣть, по крайней мѣрѣ, ближайшія части озера. Однако метель не унималась, а наши лошади, простоявши на холодѣ безъ корма цѣлую ночь, сильно озябли. Поэтому въ 9 час. утра рѣшено было ѣхать обратно. Но не на радость былъ для насъ этотъ путь. Бѣдствовали мы еще цѣлыхъ пять часовъ: верховыя лошади безпрестанно спотыкались, идя по глубокому снѣгу, прикрывшему безчисленныя воры пищухъ; по временамъ мы залѣзали въ топкія болота, изъ которыхъ едва выбирались назадъ; рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ со снѣгомъ билъ прямо въ лицо, самый же снѣгъ блестялъ нестерпимо; направленіе пути пришлось угадывать чутьемъ, ибо по сторонамъ ничего не было видно.

Порядочно измученные вернулись мы лишь къ двумъ часамъ полудни къ своей стоянкѣ. Здѣсь обогрѣлись и обсушились. Только въ

сколько дней потомъ у меня и у обоихъ казаковъ болѣли глаза отъ нестерпимаго снѣжнаго блеска.

Метель стихла къ вечеру; затѣмъ небо прояснилось, и къ утру грянулъ морозъ въ 23 градуса, на горахъ же, вѣроятно, еще болѣе. И это случилось 20-го мая подъ 35° сѣв. шир. Весь слѣдующій день зима вокругъ насъ была полная—все бѣло, ни одной проталины, санный путь отличный. Лишь къ вечеру снѣгъ немного стаялъ на южныхъ склонахъ горъ. Идти впередъ нечего было и думать, пока не сойдемъ снѣгъ, по крайней мѣрѣ, хоть въ долинахъ. Между тѣмъ наши верблюды не ѣли уже двое сутокъ, да и лошадямъ отпускатось лишь по три пригоршни ячменя утромъ и вечеромъ. Не сладко приходилось теперь и звѣрямъ, въ особенности антилопамъ, которыя, пробѣгая по обледѣлому ночью снѣгу, рѣзали себѣ въ кровь ноги и, вѣроятно, легко доставались въ добычу волкамъ. Отъ холода и недостатка пищи погибло также много птицъ, въ особенности мелкихъ пташекъ.

Двое лишнихъ сутокъ провели мы на Одош-таля въ ожиданіи, пока немного растаетъ столь некстати выпавшій снѣгъ и вьючнымъ верблюдамъ можно будетъ двигаться хоть съ горемъ пополамъ. Дѣйствительно, трудно приходилось нашимъ караваннымъ животнымъ по выходѣ изъ долины Хуанъ-ха. Кормъ былъ крайне плохой, только прошлогодняя ошпанная дикими яками и твердая какъ проволока тибетская осока по кочковатымъ болотамъ; затѣмъ ледяная кора, покрывавшая ночью во многихъ мѣстахъ еще уцѣлѣвшій снѣгъ, рѣзала въ кровь ноги лошадямъ и въ особенности верблюдамъ. Не лучше было этимъ послѣднимъ шагать съ вьюками по обледѣлымъ кочкамъ или вязнуть въ растаявшей днемъ рыхлой почвѣ голыхъ площадей. Ползти намъ приходилось по-черепашьи, безпрестанно поправляя вьюки или поднимая падавшихъ животныхъ. Двое изъ нихъ—верблюды и лошадь—скорѣ были брошены окончательно. Огромная высота и холодная дурная погода отражались на нашемъ здоровьи головною болью и легкою простудой. Вѣроятно, отъ послѣдней у нѣсколькихъ казаковъ на лицѣ, преимущественно же на губахъ и ушахъ, появилась сыпь, которую мы прижигали растворомъ карболовой кислоты. Ходить много пѣшкомъ было весьма трудно, ибо одышка и усталость чувствовались очень скоро.

Погода, какъ и прежде, продолжала стоять отвратительная. Вообще въ теченіе двухъ послѣднихъ третей мая, проведенныхъ нами на плато сѣверо-восточнаго Тибета, лишь урывками перепало весеннее тепло. Обыкновенно же стояли холода не только ночью, но и днемъ при вѣтрѣ или облачности. Солнце, стоявшее близъ зенита, если выглядывало изъ-за облаковъ, жгло очень сильно, но его лучи, вѣроятно вслѣдствіе разрѣженія воздуха, были весьма блѣдными, много похожими на свѣтъ полной луны; притомъ и ясное небо казалось голубовато-сѣрымъ. Обы-

новенно вѣтеръ (всегда холодный) налеталъ порывами и нѣсколько разъ мѣнялся въ одинъ и тотъ же день; по ночамъ большую часть было тихо.

Тангуты.

(Потаниной).

Тангуты населяютъ тибетское нагорье. Они дѣлятся на множество отдѣльныхъ племенъ, но не различающихся между собой по наружности и языку. Тангуты почти всѣ средняго роста, крѣпкаго сложенія, имѣютъ красновато-коричневый оттѣнокъ кожи, черные, прямые волосы и глаза черные, живые, иногда очень большіе. Наружностью и сильною впечатлительностью тангуты напоминаютъ цыганъ или итальянцевъ.

Тибетъ раздѣляется на шесть большихъ провинцій. Часть этихъ провинцій подчиняется китайскому правительству, жители другихъ подчинены своимъ наследственнымъ князьямъ и, кромѣ того, всѣ тангуты признаютъ надъ собой власть духовнаго владыки, такъ называемаго далай-ламы, живущаго близъ столичнаго ихъ города Лхассы, на горѣ Потала. Китайскій императоръ также считаетъ Тибетъ подвластной себѣ страной и держитъ въ немъ постоянно двухъ своихъ сановниковъ и небольшое количество войска. Въ Лхассѣ, при далай-ламѣ, находится еще постоянно свѣтскій правитель, котораго называютъ *царь закона*. Онъ правитъ народомъ вмѣстѣ съ четырьмя выборными изъ народа правителями; всѣ они, а также и китайскій уполномоченный составляютъ верховный совѣтъ; кромѣ этого высшаго правительственнаго учрежденія, есть еще государственное казначейство и судъ.

Тибетъ, впрочемъ, еще такая первобытная страна, что административное устройство ея несложно. Подати собираютъ натурой—известную долю съ имѣющагося у хозяина стада, известную долю урожая или товара. Сборы эти облегчаются тѣмъ, что отдѣльные владѣльцы собираютъ сами со своихъ подданныхъ и потомъ уже отъ себя вносятъ въ центральное управленіе.

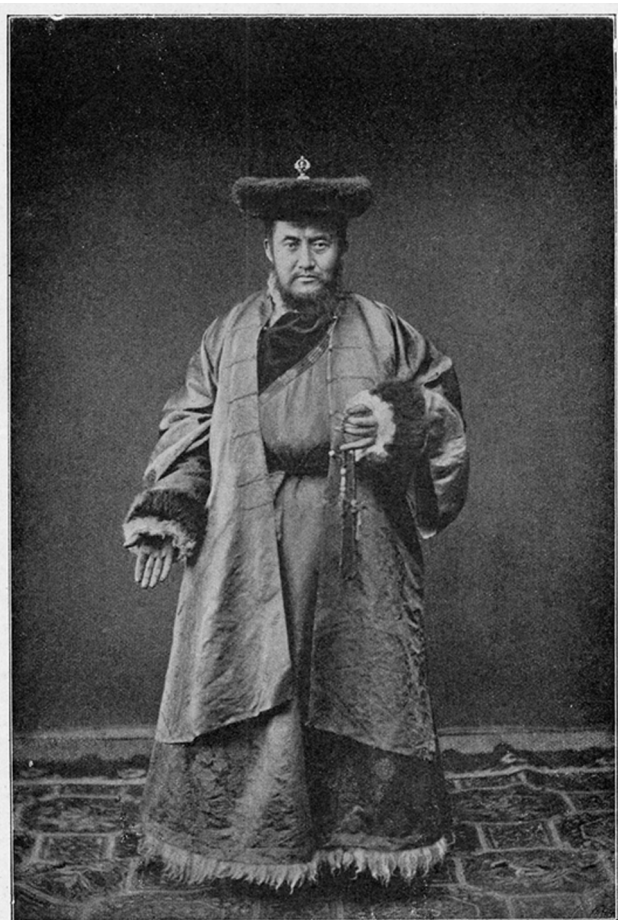
Войско у тибетскаго народа очень мало, но зато, въ случаѣ надобности, весь народъ несетъ военную службу.

Многія тангутскія племена такъ дики или такъ воинственны, что постоянно живутъ разбоями; они или грабятъ сосѣднихъ китайцевъ и монголовъ, или нападаютъ на караваны купцовъ и поклонниковъ, идущихъ на поклоненіе къ далай-ламѣ и другимъ религіознымъ святынямъ. Особенно прославилось своимъ разбойничествомъ племя *гольковъ*. Они кочуютъ въ сѣверо-восточномъ углу Тибетскаго нагорья. Мы были въ Тибетѣ только въ самой сѣверной его провинціи, и лично намъ нападенія разбойниковъ не приходилось испытать; но, проходя отъ китайскаго пограничнаго города Синина къ богатому тангутскому мнастырю

Лабрану, намъ пришлось переходить горныя степи, на которыя выѣзжаютъ обыкновенно голыки пограбить путешественниковъ. Китайскія власти пограничнаго мѣстечка очень боялись, что разбойники нападутъ на насъ, и распорядились, чтобы двадцать китайскихъ солдатъ сопровождали насъ, и кромѣ того было приказано, чтобы двадцать тангутовъ, живущихъ въ ближайшей деревнѣ, также ѣхали съ нами черезъ опасныя мѣста. Мы нашли, что такой конвой изъ 40 человекъ ужъ слишкомъ великъ, притомъ китайскіе солдаты такъ униженно, становясь на колѣни, упрасивали, чтобы мы не брали ихъ на явную смерть, что мы увидали всю бесполезность такихъ проводниковъ и отпустили ихъ; зато тангуты оказались настоящими охранителями. Изъ деревни съ нами выѣхалъ отрядъ человекъ въ двадцать подъ предводительствомъ опытнаго старика. Всѣ они были вооружены съ ногъ до головы: въ рукахъ были пики, за спинами—ружья (кремневая), за поясомъ—огромныя сабли. Въ отрядѣ были люди всѣхъ возрастовъ, даже мальчики; всѣ держались извѣстнаго порядка какъ въ дорогѣ, такъ и въ ночлегахъ; всю ночь содержался караулъ, и мы спали спокойно, просыпаясь лишь отъ протяжныхъ сторожевыхъ окликовъ нашихъ охранителей.

Во время дунганскаго возстанія въ Китаѣ, бывшаго въ 60-хъ годахъ, многія тангутскія деревни превосходно оборонялись отъ непріятеля. Въ горахъ, гдѣ были ихъ деревни, были построены укрѣпленные высокими глиняными стѣнами дворы, съ крѣпкими воротами; на высокихъ, удобныхъ для наблюденія, горахъ были разставлены караулы, которые, при видѣ непріятеля, зажигали соломѣ, выставленную на шестахъ. Эти сигнальные огни извѣщали всю окрестность о нашествіи непріятеля. Въ это время женщины, дѣти и скоть собирались въ укрѣпленные дворы, а мужчины брались за оружіе и отбивали непріятеля. Монастыри тангутскіе также защищали свои стѣны. Всѣ молодые монахи должны были нести военную службу и содержать караулы. Рассказывали мнѣ также объ одномъ племени тангутовъ, что у нихъ во время войны за каждымъ воиномъ на войну должна идти женщина, его сестра или жена; она обязана заряжать во время битвы ружье и держать наготовѣ другое оружіе. Такъ какъ всѣ почти тангуты хорошіе охотники, мѣткіе стрѣлки, то понятно, что такой народъ, и не имѣя большого войска, можетъ хорошо воевать съ племенами, его окружающими.

Жилища у тангутовъ бываютъ трехъ родовъ. Одни племена, которыя кочуютъ со своими стадами, живутъ въ черныхъ шерстяныхъ палаткахъ, покрытыхъ матеріей домашняго приготовленія, сотканной изъ шерсти яковъ. Верхъ палатки бываетъ почти совсѣмъ плоскій, такъ какъ она укрѣплена на нѣсколькихъ деревянныхъ кольяхъ. Внутри изъ глины обитъ небольшой очагъ, гдѣ разводять огонь; вокругъ стѣтъ набрасываютъ кучи хвороста, прикрывши его кошмами или шкурами,

Тибетець.

на которыхъ спать; иногда одинъ уголь палатки занимаетъ мелкій скоть.

Тамъ, гдѣ есть лѣсъ и возможно хлѣбопашество, тангуты живутъ въ деревянныхъ домахъ. Иногда это—огромная, грубо срубленная, почти темная изба, съ потолокомъ изъ накатника. Мѣстами постройки лучше, бываютъ верхніе этажи, или, по крайней мѣрѣ, лѣтнія свѣтелочки надъ одною частью дома. Иногда такія свѣтелочки соединены одна съ другою галлереями. Чаще всего тангутскія деревянные постройки напоминаютъ курныя избы нашихъ бѣлоруссовъ. Внутри большой избы, направо или прямо отъ входа, устроены деревянные нары. Передъ ними во всю ширину избы протягивается сбитый изъ глины очагъ съ печурками у самаго пола и вмазанными сверху котлами; а такихъ котловъ бываетъ три-четыре пары. Избы часто бываютъ раздѣлены деревянными перегородками до половины высоты комнаты на нѣсколько отдѣлений. У противоположной стѣны устроены ясли, и тутъ же стоитъ дойный скоть. Бываетъ и такъ, что на дворѣ двѣ избы, а между ними укрытый со всѣхъ сторонъ темный скотный дворъ. Эти дворы, обычай тангутовъ селиться деревнями, околицы, загороженныя пряслами, и кругомъ деревни поля съ нашими сортами хлѣбовъ—съ овсомъ и гречихой—очень напоминали намъ въ Тибетѣ нашу родину.

Тамъ же, гдѣ хлѣбопашество и, слѣдовательно, осѣдлая жизнь возможны, а лѣса нѣтъ, тангуты переняли китайскій способъ постройки—изъ сырцоваго кирпича. Въ городахъ или еще чаще въ монастыряхъ (такъ какъ городовъ въ Тибетѣ очень мало) дома бываютъ въ два и три этажа. Внизу дома всегда одно большое неразгороженное помѣщеніе, гдѣ находится скоть, и одинъ уголь занимаетъ кухня съ очагомъ. Вверху устраиваются комнаты съ деревяннымъ гладко оструганнымъ поломъ и со множествомъ оконъ. Комнаты вверху раздѣлены дощатыми перегородками. Иногда здѣсь стѣны и потолки покрыты живописью, а полы—коврами. Каждая тибетская постройка нѣсколько шире книзу и уже вверху; кромѣ того, въ большомъ обычай въ одномъ концѣ дома надстраивать башенку или свѣтелку. Тангуты любятъ также устраивать балконы и галлерей. Часто они сидятъ на плоскихъ кровляхъ своихъ домовъ.

Мебели, даже и въ богатыхъ домахъ, бываетъ мало; спать на нарахъ, покрытыхъ коврами; сидятъ прямо на коврахъ. Въ комнатахъ есть только маленькіе пестро раскрашенные столики, а иногда шкапы или полки для книгъ.

Посуда въ богатыхъ домахъ—металлическая, чаще изъ красной мѣди. Она украшена рѣзьбой, и ее выставляютъ на полкахъ. У бѣдныхъ посуда деревянная, а у кочевниковъ посудой служатъ и бараній желудокъ, и бычачій пузырь, и даже рога быковъ,—въ нихъ наливаютъ

масло и молоко. Пищу варят въ желѣзныхъ котлахъ; посуду по большей части держать ужасно грязно.

Главную пищу тангутовъ составляетъ *дамба*; это—поджаренный ячмень, смолотый въ муку. Ее ѣдятъ, обыкновенно подмѣшивая къ чаю; послѣдній составляетъ необходимую потребность всякаго тангутскаго семейства. Кочевники питаются больше молочными продуктами: заготавливаютъ впрокъ сыр—*чура*, похожій на высушенный творогъ. Богатые, конечно, ѣдятъ мясо, вареное и жареное, и въ пирогахъ; впрокъ мясо заготавливаютъ, провяливая его на вѣтру. Во время дороги или послѣ длиннаго голоданія ѣдятъ мясо сырымъ, при чемъ его рубятъ какъ для котлетъ. Тангуты любятъ также вареный рисъ, овощи и зелень. Бѣдняки собираютъ для ѣды дикія травы и корни.

Одѣваются тангуты главнымъ образомъ въ овчинныя шубы, шьютъ также халаты изъ домашняго сукна; лѣтомъ носятъ одежду азъ бумажныхъ матерій, покупая послѣднιά у китайцевъ. Шапки и воротники у шубъ предпочитаютъ дѣлать изъ бѣлой мерлушки; верхъ шапки обшиваютъ всегда чѣмъ-либо чернымъ или краснымъ; подкладку лодъ воротниками тоже дѣлаютъ красную. Богатые кроютъ свои шубы и халаты яркими шелковыми матеріями или сукномъ и любятъ опущать ихъ рысьями и тигровыми мѣхами. Халатъ принято спускать съ праваго плеча, и часто при этомъ правая рука, правое плечо и часть груди остаются голыми; такъ же поступаютъ и женщины. Шубу и халатъ подпоясываютъ кушакомъ, при чемъ халатъ всегда мѣшкомъ виситъ сверху кушака и поддерживается такъ, что ноги выше колѣнъ остаются непокрытыми шубой. На ногахъ носятъ или сапоги кожаные, или цвѣтные чулки изъ матеріи, или же лапти изъ пеньки.

Волосы нѣкоторые тибетцы заплетаютъ въ косу, а жители провинціи Камъ распускаютъ по плечамъ, какъ наши священники. Молодыя женщины заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косичекъ или же носятъ двѣ косы, распуценныя по спинѣ, и у всѣхъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, бываетъ на косахъ множество всякихъ украшеній. Украшенія эти разнообразны до безконечности; иногда такіе уборы на косахъ висятъ до самыхъ пятъ и вѣсятъ нѣсколько фунтовъ: тутъ найдутся и мѣдныя бляхи, и морскія раковины, и камни, и бисеръ, и вышивки шелками и шерстью по матеріи.

Всѣ тангуты вообще любятъ украшенія: мужчины носятъ иногда сергу въ ухѣ, а женщины бываютъ увѣшаны массою различныхъ украшеній; серьги ихъ иногда достигаютъ величины браслетъ, а браслеты и всякія подвѣски изобилуютъ даже въ костюмѣ бѣдныхъ тангутовъ; на поясѣ у нихъ висятъ всегда три крюка: одинъ—для ключей, другой—для шольниа и всякой мелочи и третій—для поддержанія подошника. Головные уборы знатныхъ тангутовъ бываютъ сплошь узисаны

жемчугомъ, кораллами, изумрудами. Костюмы, особенно женскіе, очень разнообразны у различныхъ племенъ или даже у одного племени, но въ различныхъ деревняхъ.

Въ окрестностяхъ Лассы есть одинъ очень странный обычай или странная мода: тамошнія женщины покрываютъ свои лица черной краской, которую онѣ готовятъ изъ сажи и сока какого-то растенія. Это, впрочемъ, по увѣренію путешественниковъ, не мѣшаетъ тамошнимъ женщинамъ нравиться и быть хорошенькими. Женщины тибетскія держатся свободно, онѣ полноправныя хозяйки въ домѣ и отличаются большою веселостью.

Женятся тангуты не рано, въ томъ же возрастѣ, какъ у насъ. На свадебныхъ пирахъ мужчины и женщины участвуютъ вмѣстѣ; они хоромъ поютъ старинную эпопею о царѣ Гэсэрѣ, причемъ одні части поэмы поютъ мужскіе голоса, другія—женскіе. Есть, кромѣ поэмы о Гэсэрѣ, и другія пѣсни. Есть у тангутовъ также и пляски; послѣднія казались намъ неграціозными.

Кромѣ свадебныхъ пировъ, молодежь сходится также на посидѣлкахъ; иногда въ лѣтнія ночи собираются гдѣ-нибудь на лужайкѣ съ веретенами ¹⁾; тутъ и работаютъ, и болтають, и пѣсни поютъ.

Дѣтей тангуты очень любятъ, но берегутъ ихъ больше отъ злого

Тангутка.

¹⁾ Шерсть прядутъ и мужчины и женщины.

глаза, а отъ грязи нисколько не берегутъ. Не знаю, моютъ ли они ихъ когда-нибудь. Въ видѣ ласки нѣжная мать намазываетъ сына или дочь коровьямъ масломъ; при сухости воздуха и обычаѣ ходить полуголыми это очень полезный обычай,—смягчаетъ кожу. Несмотря на любовь къ своимъ дѣтямъ, тангуты при обученіи и воспитаніи бьютъ ихъ, иногда довольно жестоко.

Покойниковъ своихъ сѣверные и восточные тангуты, живущіе въ лѣсистыхъ мѣстахъ, сожигаютъ, южные—бросаютъ на съѣденіе звѣрей и птицъ и сожигаютъ только лицъ почетныхъ. Въ столицѣ ихъ, Лхассѣ, есть особый классъ людей, обязанныхъ убирать покойниковъ изъ города. Если у умершаго бѣдняка нѣтъ въ Лхассѣ родственниковъ, которые позаботились бы о его погребеніи, то эти погребальщики обходятся съ трупомъ безъ всякаго почтенія: привязутъ его веревкой и тащатъ черезъ весь городъ, волоча по землѣ. За городомъ есть особо назначенное мѣсто, гдѣ бросаютъ трупы; здѣсь грифы и другія хищныя птицы уже сидятъ въ ожиданіи своей добычи. Чтобы трупъ скорѣе былъ уничтоженъ, погребальщики разрубаютъ его на мелкія части. Тангуты думаютъ, что тѣмъ скорѣе будетъ уничтоженъ, убранный съ лица земли этотъ никому болѣе ненужный предметъ, тѣмъ лучше. Тѣхъ покойниковъ, которыхъ сожигаютъ, завертываютъ предварительно въ хлопчатую бумагу и обливаютъ масломъ; надъ остатками костей насыпаютъ земляной холмикъ.

Объ умершихъ молятся и дни ихъ кончины вспоминаютъ; иногда родные ради успокоенія душъ своихъ усопшихъ родственниковъ накладываютъ на себя разные обѣты, напримѣръ, не говорить въ теченіе сутокъ или нѣсколькихъ дней.

О характерѣ тангутовъ говорятъ путешественники очень различно: одни считаютъ ихъ мрачными, недовѣрчивыми, жадными и скупыми, другіе, напротивъ, считаютъ ихъ веселыми, преданными своимъ друзьямъ до самоотверженія, до ревности, а недовѣрчивыми считаютъ ихъ только съ чужими.

Мы, сравнивая тангутовъ съ другими извѣстными намъ кочевниками, находили ихъ очень негостепріимными. Киргизъ или монголъ всегда готовы принять путника въ свою палатку и раздѣлить съ нимъ свой обѣдъ и предложить чаю или молока, даже если это будетъ ихъ послѣдняя пища; не то съ тангутами. Злые, огромные псы всегда стерегутъ входъ въ ихъ палатку или привязаны у воротъ дома. Даже односельчане не входятъ на дворъ сосѣда безъ того, чтобы не вызвать хозяину дома за ворота. Часто пришедшій долго кричитъ у воротъ, не смѣя войти въ нихъ, хотя бы они были открыты. Такъ строго соблюдаютъ тангуты то свое правило, что каждый домъ есть замокъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ его обитателя. Паломниковъ, проходящихъ

по тангутской землѣ, никогда не принимаютъ подъ кровлю частнаго дома; пищу тангуты имъ выносятъ на дорогу, но ночевать не пускаютъ.

Говорятъ, что тангуты склонны къ торговлѣ и что они хорошіе торгоши.

Музыку и пѣніе тангуты, повидимому, любятъ. Играютъ часто на флейтахъ; есть и струнные инструменты; струны перебираютъ зубомъ лани. Въ народѣ множество всякихъ сказокъ, басенъ, пѣсенъ и рассказовъ; между ними самая популярная поэма о царѣ Гасарѣ. Книги можно встрѣтить почти въ каждомъ тангутскомъ домѣ, но онѣ по большей части религіознаго содержанія. Грамотность между тангутами довольно распространена; въ знатныхъ семействахъ грамотны и даже начитаны бываютъ и женщины. Образование тангутовъ носитъ преимущественно религіозный характеръ.

Въ старину въ Тибетѣ была вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ. Каждая мѣстность, каждое озеро, каждое человѣческое жилище имѣло своего духа-покровителя; у всей страны былъ также общій покровитель. Религія тибетцевъ состояла въ заклинаніяхъ и призываніяхъ духовъ. Впослѣдствіи, въ VII столѣтіи нашей эры, тибетцы приняли новую религію отъ сосѣднихъ съ ними индусовъ, вѣру въ Будду-Сакіамуни.

Легенды рассказываютъ, что Сакіамуни былъ индійскій царевичъ, по имени Сидхдартъ, родившійся чудеснымъ образомъ; при рожденіи отцу его было предсказано, что Сидхдартъ со временемъ будетъ принадлежать весь міръ. Отецъ окружилъ царевича роскошью, выстроилъ ему великолѣпный дворецъ, окруженный садами и рощами, и особенно заботился о томъ, чтобы сына его не коснулась никакая печаль и забота. Окруженный красавицей-женой, сыномъ, товарищами и преданными слугами, царевичъ Сидхдартъ жилъ очень весело, но никогда не оставлялъ своего дворца. Однажды царевичъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ люди въ томъ городѣ, который находился вокругъ его дворца. Вышедши изъ южныхъ воротъ дворца, онъ встрѣтилъ больного калѣку; видъ его былъ жалокъ и непріятенъ. Царевичъ возвратился и пошелъ въ другія ворота; тамъ встрѣтилъ онъ дряхлаго старика, и эта встрѣча была ему непріятна; онъ пошелъ въ третьи ворота, но здѣсь ему встрѣтились похороны. Видъ мертваго человѣка поразилъ царевича еще болѣе. Тутъ только онъ въ первый разъ задумался о томъ, что земныя радости непрочны, что всѣхъ людей постигаетъ старость и смерть, а многихъ, кромѣ того, — болѣзни и нищета. Это такъ опечалило царевича, что онъ оставилъ дворецъ и сталъ вести жизнь пустытника, стараясь придумать средство помочь людямъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Въ Индіи въ то время религія была браминская: это было язычество съ обширнымъ пантеономъ боговъ, съ очень разработаннымъ религіознымъ

учениемъ, съ богатой литературой и сильнымъ жреческимъ сословіемъ. Люди раздѣлялись на касты, и высшая изъ нихъ была каста браминовъ; простой народъ находился въ презрѣніи, угнетеніи и бѣдности.

Браминисты вѣрили въ переселеніе душъ, т.е. что по смерти душа человѣческая должна продолжать жизнь, переселяясь въ другое существо—въ человѣка или въ животное—въ томъ случаѣ, если она во время своей земной жизни не возвысилась, а, напротивъ, упала въ нравственномъ отношеніи. Чтобы достигнуть жизни блаженной, по мнѣнію браминовъ, надо было вести суровую, аскетическую жизнь, и они проповѣдывали умерщвленіе плоти, постъ, истязанія тѣла. Царевичъ Сидхарта также изучалъ сначала браминскую религію и предавался самому строгому аскетизму, но въ этомъ онъ не нашелъ утѣшенія. Ему пришла мысль, что человѣкъ, для того чтобы не испытывать никакихъ горестей, не долженъ быть привязанъ къ радостямъ жизни и даже къ самой жизни, что если онъ будетъ равнодушенъ къ жизни и къ ея радостямъ, то ему и утрата этихъ радостей и жизни не будетъ мучительною. Послѣ этого онъ сталъ учить, что для спасенія людей нужна только чистая мирная жизнь, незлобіе, нестяжательность, любовь ко всему живущему и полное отреченіе отъ всѣхъ человѣческихъ страстей. Человѣкъ, отказавшись отъ страстей и отъ любви къ жизни, достигнетъ тѣмъ самымъ вѣчнаго покоя, т.е. не будетъ больше рождаться въ этомъ мірѣ, а погрузится въ *нирвану*, т.е. въ состояніе полной безчувствія, небытія. Ученикамъ своимъ онъ заповѣдалъ не жениться, чтобы не имѣть привязанностей, и, кромѣ самой необходимой пищи и одежды, не имѣть никакого имущества. Такъ и было: его послѣдователи образовали монашескія общины и жили, переходя изъ селенія въ селеніе, питаясь подаяніемъ. Однако, вскорѣ послѣ смерти Будды-Сакіамуни, его ученіе, такое простое и ясное, затемнилось,—многое вошло въ него изъ ученія браминскаго; у первыхъ же буддистовъ появилось ученіе, что Сакіамуни былъ собственно не первый будда, т.е. не первый святой, посланный въ міръ для спасенія людей, что онъ былъ пятый, и послѣ него будутъ еще новые будды, что есть одинъ верховный или первоначальный будда, такъ называемый Ади-Будда, который всегда былъ, есть и будетъ.

Буддисты вѣрують, что Сакіамуни, будучи человѣкомъ, достигъ божественной славы и по смерти погрузился въ *нирвану*,—слѣдовательно, и сочувствовать людямъ не можетъ, но что онъ, какъ и другіе четыре будды, бывшіе до него, чтобы не оставить человѣчество безъ божественной помощи, при отходѣ въ *нирвану*, оставилъ послѣ себя какія-то божественныя существа: это—*бодисатвы*. По мнѣнію буддистовъ, бодисатвы, пребывая постоянно въ мірѣ духовъ, иногда воплощаются на землѣ, входя въ тѣло какаго-нибудь новорожденного ре-

бенка. Такимъ образомъ у буддистовъ появилось нѣсколько божествъ и множество перерожденцевъ, то-есть людей, въ которыхъ воплощаются боги.

Въ 14 столѣтіи въ сѣверномъ Тибетѣ, въ провинціи Амдо, появился ученый монахъ, или лама, Тзонкава, который проповѣдывалъ, что надо исправить религію, что монахамъ слѣдуетъ жить по-монашески, въ монастыряхъ, а не семейною жизнью, что слѣдуетъ учиться, изучать священное писаніе, изучать науки, чтобы духовнымъ лицамъ возможно было помогать людямъ, обремененнымъ житейскими заботами. Весь Тибетъ тогда раздѣлился: одни признавали Тзонкаву за святого и послѣдовали его ученію, другіе остались приверженцами старой вѣры. Тзонкависты стали носить желтую одежду, какъ это было принято индійскими буддистами, а старовѣры остались въ красныхъ одеждахъ и духовенству своему дозволяютъ семейную жизнь.

По смерти Тзонкавы послѣдователи признали его святымъ. Вскорѣ послѣ этого тибетцы признали, что ихъ божественный покровитель, бодисатва, для поддержанія чистоты вѣры рѣшилъ воплотиться на землѣ въ видѣ земного правителя Тибета и всего буддійскаго міра. Съ тѣхъ поръ въ Тибетѣ появился Великій Лама, что въ переводѣ значитъ: *океанъ драгоцѣнности*. Намъ онъ извѣстенъ подъ монгольскимъ именемъ далай-ламы (далай—море по-монгольски).

Первый далай-лама родился въ царскомъ семействѣ, и первое время всѣ его преемники рождались въ той же семьѣ. Мы познакоимся съ тѣмъ, какъ находятъ далай-ламу теперь и какъ онъ живетъ.

Послѣ смерти далай-ламы тибетское духовенство, ламы, занимающіе главныя должности въ государствѣ, удаляются въ одинъ изъ храмовъ и, послѣ многихъ молитвъ, поста и чтенія священныхъ книгъ, они получаютъ откровеніе, что духъ божественнаго бодисатвы долженъ возродиться въ младенцѣ съ такими-то и такими примѣтами. Принеся благодарственные молитвы за божественное откровеніе, ламы расходятся и оповѣщаютъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ о примѣтахъ будущаго далай-ламы. Когда въ народѣ разойдется вѣсть объ этомъ, многіе родители, имѣющіе у себя дѣтей подходящаго возраста, представляютъ ихъ на осмотръ ламъ, или извѣщаютъ объ этомъ ламъ, и они ѣдутъ въ домъ родителей ребенка убѣдиться, точно ли примѣты ребенка совпадаютъ съ указанными выше. Наконецъ, въ одномъ мальчикѣ всѣ примѣты найдены, его берутъ во дворецъ вмѣстѣ съ его родителями, или по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ его матерью, которая кормитъ грудью новорожденнаго. Часто выборъ падаетъ на ребенка незнатныхъ и даже бѣдныхъ родителей.

Отецъ и мать обрадованы: ихъ сынъ—святой мальчикъ и будетъ въ то же время земнымъ владыкой Тибета.

Мать новорожденного окружают ламы; они беспрестанно останавливают ее, слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ, особенно строго наблюдаютъ они за тѣмъ, что касается кормленія и ухода за ребенкомъ. Ламы ни на минуту не выпускаютъ съ глазъ ребенка,—имъ хочется убѣдиться, дѣйствительно ли въ него переселился духъ покойнаго далай-ламы; съ этою цѣлью ребенку часто показываютъ вещи покойнаго ламы: если ребенокъ тянется къ нимъ, если называетъ ихъ своими, когда ему показываютъ ихъ, монахи убѣждаются, что это дѣйствительно тотъ ребенокъ, котораго они ищутъ.

Когда ребенокъ начинаетъ понимать и говорить, его прежде всего учатъ произносить молитвы, и приставленные къ нему ламы начинаютъ его знакомить съ тѣмъ славнымъ прошлымъ, въ которомъ душа этого ребенка принимала участіе, живя въ своихъ прежнихъ воплощеніяхъ.

Лѣтъ 3—5 ребенка уже берутъ отъ матери,—его пора серьезно учить; мать же удаляютъ изъ дворца, дарятъ ей домъ, гдѣ она и продолжаетъ вести свой прежній образъ жизни.

Изрѣдка ей позволяютъ посѣщать сына, но это уже не ея ребенокъ, а монахъ, готовящійся принять посвященіе. Семи лѣтъ, если ребенокъ здоровъ и понятливъ, успѣлъ заучить нѣсколько молитвъ и выучить священную грамоту, на которой написано священное писаніе, и тибетскую,—его посвящаютъ въ монахи, прямо въ большой чинъ, и дѣлаютъ тогда же настоятелемъ главнаго монастыря въ Тибетѣ. Мальчикъ ведетъ суровую жизнь: онъ обязанъ поститься по своему званію монаха, долженъ участвовать въ богослуженіи и въ извѣстные дни принимать поклонниковъ и давать имъ свое благословеніе. Во время приемовъ и во время богослуженія этого семилѣтняго настоятеля въ богатыхъ желтыхъ ризахъ, съ огромной, украшенной драгоценностями, шапкой на головѣ, сажаятъ на престолѣ, поддерживаемомъ золотыми львами; онъ сидитъ, обратясь лицомъ къ народу, ему кадятъ изъ золотой кадильницы куренія. Длинный рядъ его служителей, важныхъ ламъ, становится по обѣ стороны его кресла. Послѣ молитвы, обращенной къ бодисатвѣ, одинъ изъ священнослужителей подаетъ ему чай, наливая изъ золотого чайника, другой подноситъ ему на блюдѣ рисъ; послѣ того какъ священная особа возьметъ щепотку риса и выпьетъ чаю, все оставшееся въ чайникѣ и на блюдѣ раздѣляется между присутствующими. Чай выпивается тутъ же съ величайшимъ благоговѣніемъ, а рисъ многіе благочестивые люди завязываютъ въ платокъ, чтобы отнести своимъ домашнимъ эту освященную пищу. Послѣ раздачи риса поклонники одинъ по одному подходятъ къ престолу, дѣлаютъ земной поклонъ передъ далай-ламой, а онъ притрогивается къ головѣ подходящаго особымъ жезломъ или тѣмъ-то въ родѣ колокольчика, считаго изъ шелковой матеріи, затѣмъ поклонники удаляются. Лицамъ, наиболѣе

почетнымъ изъ среды поклонниковъ, далай-лама жалуется иногда шелковые платки.

Дворецъ далай-ламы представляетъ замѣчательное зрѣлище. Построить онъ на холмѣ; входятъ туда по дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ деревьями. Въ первомъ этажѣ большая неразгороженная зала; изъ нея выходи на дворъ и со двора входъ во второй этажъ; здѣсь стоитъ огромная статуя благаго слона, такая большая, что занимаетъ всё три этажа зданія; въ первой залѣ желающіе поклониться этому изображенію бога Майдары обходятъ вокругъ статуи, потомъ поднимаются на галлерею, которая идетъ вокругъ туловища слона, и, наконецъ, по галлерей третьяго этажа обходятъ вокругъ головы изображенія. Выйдя изъ зданія со сломомъ, входятъ во дворецъ, гдѣ далай-лама принимаетъ поклонниковъ. На дворѣ этого дворца находятся пять намогильныхъ памятниковъ, поставленныхъ надъ тѣлами прежде жившихъ далай-ламъ. Между ними одинъ богато украшенъ золотомъ.

Съ этого двора отрывается великолѣпный видъ на окрестности и городъ Лассу, лежащій у подножія холма. Всѣ описываемыя зданія построены по уступамъ холма. Поталы, связаны между собой общими кровлями, лѣстницами, галлерейми, и если смотрѣть на нихъ снизу, отъ подножія холма, то они представляютъ видъ какъ бы одного цѣльнаго зданія (они извѣстны подъ именемъ Краснаго дворца). Вокругъ по горѣ тѣсятся другія зданія храмовъ и монастырей.

Городъ, лежащій въ долинѣ на берегу небольшой рѣчки, тоже наполненъ храмами и монастырями; въ немъ находится только небольшое число частныхъ домовъ, принадлежащихъ знатнымъ лицамъ. Жилища кушцовъ, безчисленныя гостиницы, назначенныя для пріема поклонниковъ, посѣщающихъ Лхассу со всѣхъ концовъ міра, и лавки находятся въ предмѣстьяхъ города. Кромѣ табутовъ, въ городѣ живетъ много индусовъ-ремесленниковъ и торгующихъ кашмирцевъ; послѣдніе—мусульмане, для нихъ есть на окраинѣ предмѣстья мечеть. Главное оживленіе придаютъ городу толпы богомольцевъ: здѣсь можно встрѣтить и китайца, и жителя Россіи—бурята и монгола, и жителя жаркой Индіи,—всѣ они въ своихъ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ составляютъ толпу на улицахъ и наполняютъ храмы. Особенно много народа стекается въ Лхассу ко дню религиозныхъ праздниковъ; процессіи праздничныя здѣсь бывають великолѣпны и многолюдны.

Ламаитскій монастырь въ Гималаяхъ.

(А. Красова).

Буддйскій сельскій храмъ въ восточныхъ Гималаяхъ—деревянное зданіе, обыкновенно двухъэтажное, часто съ вогнутою крышей; во вто-

ромъ этажѣ находится спереди небольшой деревянный балкончикъ. Спереди въ храмъ ведутъ деревянныя двери, передъ которыми иногда поставленъ громадный вращающійся цилиндръ съ написанными на немъ молитвами. Богомолецъ, входя, вращаетъ цилиндръ этотъ,—и входныя необходимыя молитвы прочтаны. На дверяхъ храма или, чаще, справа и слѣва изображены стражи храма. Но кромѣ стражей четырехъ странъ свѣта, тутъ часто рисуется и другое еще болѣе уродливое изображеніе идоловъ-боговъ туземцевъ Тибета, включенныхъ ламаитами въ число своихъ божествъ. Таковъ, на примѣръ, красный дьяволъ Тзонъ, хранитель почвы.

На самыхъ дверяхъ рисуется колесо жизни или изображеніе всего буддійскаго ученія—единственное, что, кажется, осталось отъ ученія Будды во всемъ ламаизмѣ. Это колесо жизни представлено кругомъ, въ центрѣ котораго вы видите кольцо, состоящее изъ свиньи, пѣтуха и змѣи, держащихъ себя за хвостъ. Отъ этого круга идутъ отдѣльные каналы 6 сегментовъ, на которыхъ лубочными картинками представлены 6 состояній, въ которыхъ находится человѣческая душа во время своихъ воплощеній, именно: жизнь человѣка, животныхъ, такъ называемыхъ «претъ» или тѣней, жизнь адскихъ существъ, жизнь титановъ и боговъ. Эти сегменты опять опоясаны кругомъ, гдѣ изображены люди въ 12 положеніяхъ жизни. Задача этихъ эмблемъ—наглядное изложеніе буддійскаго ученія. Кольцо изъ свиньи, пѣтуха и змѣи есть эмблема трехъ главныхъ пороковъ, губящихъ человѣка: глупости, гнѣва и стремленія къ физическимъ наслажденіямъ, которые буддистъ долженъ въ себѣ побѣдить. Шесть сегментовъ показываютъ цѣль воплощеній, изъ которыхъ не можетъ освободиться душа. Каждая изъ нихъ: боги, титаны, люди, животныя, тѣни или преты и, наконецъ, адскія существа, обреченныя на страданія; страданія эти наглядно иллюстрированы на изображеніи. Человѣческое существованіе само по себѣ есть цѣль, изъ которой естественнымъ путемъ нѣтъ выхода: 12 фигуръ вокругъ картины изображаютъ различныя состоянія человѣческой души, а кругъ составленный этими картинками, представляется разсѣченнымъ на части, такъ какъ Будда своею жизнью и ученіемъ разсѣкъ его, давъ исходъ въ «нирвану», въ небытіе. Такимъ образомъ молящійся, вступая въ храмъ, проникается, такъ сказать, всеми воспоминаніями объ основныхъ догматахъ ученія, въ основѣ котораго лежитъ воззрѣніе, что жизнь—рядъ несчастій и страданій, въ какой бы формѣ эта жизнь ни являлась. Главная причина этихъ несчастій есть желаніе жить, интересъ и любовь ко всему земному. А потому, чтобы уничтожить страданія, надо убить въ себѣ все, что дѣлаетъ жизнь привлекательною, убить любовь къ жизни. Для этого Буддой предложенъ путь, состоящій изъ восьми основныхъ правилъ: правая вѣра, правое чувство,

правая рѣчь и поступки, образъ жизни и поведеніе, мысль и созерцаніе. Невѣжество есть источникъ несчастій; истинное познаніе жизни, отрицаніе ея есть единственный исходъ. Существуютъ десять заповѣдей буддійской вѣры; изъ нихъ четыре первыя соответствуютъ 6, 7, 8 и 9 заповѣдямъ Моисея; дальнѣйшія гласягъ: не пей крѣпкихъ напитковъ, не ѣшь ничего внѣ установленныхъ сроковъ, не употребляй украшеній и духовъ, не садись на высокія сѣдалища, не танцуй, не пой, не играй и не ходи на зрѣлища; не давай въ долгъ и не бери ни золота, ни серебра; пять первыхъ заповѣдей обязательны для мірянъ, а остальные только для монаховъ. Главными добродѣтелями буддистовъ считаются: милость, нравственность, терпѣніе, предприимчивость, размышленіе, знаніе.

Такова сущность ученія Будды. Но въ ламаизмѣ, даже въ томъ, который исповѣдуютъ жрецы, нравственныя мысли великаго учителя сильно затемнены послѣдующими ученіями. Явилось ученіе о раѣ, явились культы разнообразныхъ, совершенно чуждыхъ буддизму, боговъ; явились торжественныя церемоніи, заклинанія и т. п. При входѣ въ храмъ вы обязательно встрѣтите кого-нибудь изъ духовенства, лицъ одѣтыхъ въ длинные коричневые халаты, съ четками въ рукахъ, въ небольшой шапочкѣ съ плоскимъ верхомъ и небольшою молитвенной мельничкой. На границѣ Тибета много монастырей. Монастыри эти, содержащіе по нѣсколько тысячъ монаховъ, имѣютъ строгую организацію. Во главѣ монастыря стоитъ обыкновенно лама, играющій роль настоятеля, подъ начальствомъ котораго состоятъ: 1) профессоръ богословія, 2) главный казначей, 3) экономъ, 4) инспекторъ, 5) регентъ хора, 6) завѣдующій одѣяніями, 7) водочерпій, 8) чайныя распорядители. Къ этому же штату относятся низшая прислуга: повара, служители, стражи, слуги гостиницы, врачи, художники и пр.—все, конечно, изъ монаховъ. Всѣ они содержатся въ строжайшей дисциплинѣ. За малкія проступки ограничиваются выговоромъ и увѣщаніями; а за большіе слѣдуетъ наказаніе плетью или палкой 100—150 ударовъ; въ случаѣ же неоднократнаго повторенія проступка слѣдуетъ исключеніе изъ монастыря. Въ самыхъ монастыряхъ монахи живутъ очень недурно, такъ какъ обыкновенно монастыри имѣютъ обширныя земли и деревни, дающія имъ хорошіе доходы; кромѣ того, добровольныя пожертвованія прихожанъ значительно увеличиваютъ ихъ средства. Цѣлыя арміи монаховъ отправляются во время жатвы собирать приношенія, и тогда зерно, кирпичный чай, масло, соль, мясо стекаются рѣкой въ монастырь. Денегъ подаютъ мало, такъ какъ Тибетъ вообще не богатъ монетою. Другими источниками доходовъ такихъ монастырей служатъ продажа заклинаній, предсказаній и т. п.

Храмъ въ монастыряхъ—это обыкновенно весьма значительной ве-

личины постройки, снабженная нерѣдко позолоченными куполами; около нея располагаются «ступы», или надгробные мавзолеи, каменные постройки, большею частью изъ бѣлаго мрамора, формою своею однако больше напоминающія исполинскіе колпаки, съ очень длинною ручкою, представляющею шпиль. Впрочемъ, и большинство сельскихъ храмовъ Сиккима представляютъ сравнительно невзрачную деревянную постройку, внутри которой помѣщаются идолы. Въ этой постройкѣ и совершаются всѣ главныя служенія ламаитовъ. Обыкновенно, войдя въ храмъ, вы видите въ глубинѣ его возвышеніе, надъ которымъ изображены три главныя божества буддистовъ; средняя фигура—Будда, сидящій въ его обычной позѣ, поджавъ колѣна. Передъ этими изображеніями, надъ которыми обыкновенно раскинутъ шелковый балдахинъ, разставлены различныя предметы въ металлическихъ сосудахъ—вода, рисъ, хлѣбъ, цвѣты въ вазахъ и свѣтильники, маленькія плоскія мѣдныя чашечки, наполненныя масломъ, въ которыя вложены фитили. Выше находятся различныя священные предметы, между прочимъ священные книги, мечъ для отогнанія дьяволовъ и пара трубъ, сдѣланныхъ изъ костей человѣческихъ ногъ (онѣ приготовляются изъ труповъ преступниковъ съ пѣніемъ различныхъ заклинаній). На стѣнахъ нарисованы или развѣшаны написанныя на ткани изображенія боговъ (бурханы). Ламаитскія божества состоятъ изъ ряда буддъ, управляющихъ различными царствами загробныхъ міровъ и воплощающихся временно на землѣ. Вторую категорію божествъ составляютъ бодисатвы, или отраженія божественной силы буддъ—въ людяхъ, въ святыхъ и, наконецъ, въ ламахъ. Однимъ изъ такихъ отраженій считается живущій въ Тибетѣ далай-лама. Затѣмъ идетъ безконечный рядъ боговъ покровителей, боговъ защитниковъ вѣры, демоновъ, божковъ и, наконецъ, мѣстныхъ боговъ и духовъ, своего рода домовыхъ, которыхъ населеніе настолько боится, что отводитъ имъ въ домѣ особый уголокъ, куда остерегаются бросить какую-либо вещь, а обѣдая дѣлаютъ имъ возліанія. Прибавьте къ этому безконечный рядъ святыхъ и вы получите для ламаитской религіи такое множество божествъ, какого не имѣетъ никакая другая и для изученія котораго мало цѣлой жизни. Личность Будды, учителя человечества, исчезла въ этой массѣ. Отъ него осталась только одна философія, малокопаятная ламамъ, неизвѣстная народу. Какъ у всѣхъ буддистовъ, богослуженія ламаитовъ весьма длинны и сложны, со звономъ колокольчика, пѣснопѣніемъ, возгласами и чтеніемъ книгъ. Но они сопровождаются и адски оглушительной музыкой. Особенно впечатлѣніе производятъ на народъ довольно часто происходящія предъ храмомъ таццы дьяволовъ, когда ламы, нарядившись въ безобразныя маски и разрисовавши свое тѣло, представляютъ то скелеты, то злыхъ духовъ, мучающихъ тѣло грѣшника. Дѣлается чучело этого послѣдняго, которое послѣ суда

и признанія виновнымъ въ тѣхъ или другихъ прегрѣшеніяхъ раздражаютъ на части.

Если принять во вниманіе, что почти въ каждой тибетской семьѣ

Лама, одѣтый для богослуженія (съ картины В. Верещагина).

одинъ изъ членовъ монаховъ, нельзя не видѣть громаднаго вліянія духовенства на край. Такъ, число ламъ въ Сиккимѣ около 1.000 на 10.000 буддійскаго населенія Сиккима, такимъ образомъ на каждые 10—11

человѣкъ буддистовъ приходится по одному ламѣ. Они держатъ народъ въ постоянномъ страхѣ предъ демонами, поддерживая суевѣріе и выжи-мая громадный процентъ его доходовъ. Здѣсь лучше чѣмъ гдѣ-либо можно видѣть, какимъ тормазомъ для дальнѣйшаго развитія народа было его духовенство.

Въ то время какъ Китай и Японія развились въ культурныя и мо-гущественныя государства, населеніе Сиккима и пограничнаго съ нимъ Тибета осталось на степени невѣжественныхъ и суевѣрныхъ земледѣль-цевъ и пастуховъ, видящихъ спасеніе свое только въ заклинаніяхъ, амулетахъ и совѣтахъ ламы и въ указаніяхъ его на счастливыя и не-счастливыя дни.

Изъ Калькутты въ Гималаи.

(А. Краснова).

Мы въ поѣздѣ желѣзной дороги; мы покинули жаркую и душную Калькутту и приближаемся къ высочайшимъ изъ Гималайскихъ вершинъ. Пока поѣздъ неся, приближаясь къ Гангу, передъ нами развертыва-лась картина выжженной индійской равнины; но когда мы, переѣхавъ черезъ Гангъ на комфортабельномъ пароходѣ, помчались далѣе къ сѣ-веру, къ горамъ, картина стала быстро измѣняться. Мы вступили въ область Тарай, жаркую и влажную часть бенгальской равнины,—область, которая, быть можетъ, одна соответствуетъ тому представленію объ индійской природѣ, какое господствуетъ въ нашемъ обществѣ.

Но области, по которымъ проносится поѣздъ, слишкомъ культурны, чтобы дать возможность во всей красѣ наблюдать покрывавшіе ихъ нѣ-когда джунгли. Вы видите по большей части только рисовыя поля, блѣдно-зеленыя, болотистыя, среди которыхъ здѣсь и тамъ, на буграхъ, какъ на островкахъ, пріютились индійскія деревушки съ выгнутыми со-ломяными кровлями хатъ и тощими кокосовыми пальмами. Долина Ганга, начиная съ Аллахабада, постепенно принимаетъ тропическій об-ликъ. Сперва являются вѣрныя пальмы; затѣмъ, далѣе къ востоку съ увеличеніемъ влажности, одно тропическое дерево за другимъ спѣшатъ присоединиться къ свѣтѣ, окружающей человѣческія постройки, а на границѣ Бенгаліи, въ Тарайхъ, и манга, и высокій раскидистый бам-букъ, вѣрный спутникъ тропиковъ, и широкій листъ банаана составляютъ необходимую обстановку деревни. Закрытые предгорьями, закутанныя въ облака Гималаи отсюда не производятъ впечатлѣнія. Ихъ близость чувствуется только въ климатѣ. Воздухъ Бенгальскаго залива, жаркій и влажный во всѣ времена года, особенно же лѣтомъ, во время мус-сона, несетъ къ этой высочайшей въ мірѣ стѣнѣ и, встрѣчая на пути своемъ вѣчные снѣга и холодныя склоны, постоянно спускаетъ на нихъ

пары свои въ непроницаемыя, густыя облака. Облака эти окутываютъ склоны, но и ниже на равнинѣ, гдѣ слишкомъ жарко для образования этого тумана, воздухъ пресыщенъ влагою. Малѣйшаго пониженія температуры въ верхнихъ слояхъ атмосферы достаточно, чтобы вызвать ливни, и эти ливни уже въ маѣ достигаютъ прямо страшной силы и обилія влаги. Не отъ разлива рѣкъ, но исключительно отъ дождевой воды здѣшнія поля покрываются на нѣсколько футовъ водой. Рыбы плаваютъ теперь на рисовыхъ поляхъ, и пахарь смѣняетъ здѣсь борону и плугъ на рыбацкую сѣть, чтобы ловить рыбу тамъ, гдѣ такъ недавно гулялъ его серпъ.

Болотистыя равнины дышатъ лихорадкой. Только зиму и раннюю весну рѣшаются жить здѣсь англичане, расчистившіе джунгли и разведшіе даже довольно значительныя чайныя плантаціи. Теперь, съ наступленіемъ дождей, они бѣгутъ вверхъ въ горы, оставляя работать только туземцевъ. Но и изъ этихъ способными переносить тяжелыя климатическія условія оказываются, повидимому, только черные туземцы; помѣси съ бѣлыми завоевателями здѣсь вымираютъ.

Почти нагіе рабочіе плантацій по красотѣ стана и его темному цвѣту напоминаютъ изящныя, отлитыя изъ чугуна статуи. Имъ ни по чемъ тропическій полуденный зной края. Они работаютъ и движутся бодро въ самыя жаркіе часы дня, нерѣдко лежа на самомъ солнцѣ, притѣняя свою голову, при 40° температурѣ, лишь распущеннымъ зонтикомъ—почти единственною принадлежностью костюма.

Джунгли Таран—это лѣса разнообразныхъ тропическихкихъ широколистныхъ деревьевъ, выросшіе на совершенно затопленномъ водою зыбкоболотистомъ грунтѣ. Эти джунгли перевиты лианами, но не столько эти лианы, сколько подлѣсомъ испанскихъ травъ играетъ главную роль въ этихъ болотистыхъ лѣсахъ.

Здѣсь изъ топкаго грунта до двухсаженной высоты поднимаются высокія травы. Не рискуйте пускаться въ эти дебри: вы увязнете въ клейкомъ черномъ илѣ болотистой почвы, загубаетесь въ лианахъ, висящихъ въ гниломъ, пропитанномъ болотными испареніями воздухѣ. Нѣкогда здѣсь кнѣжили тигры и слоны. Последнихъ и доселѣ вы еще можете видѣть, какъ вычныхъ животныхъ; что же касается тигровъ, то ихъ давно истребили англійскіе охотники, и вы безъ оружія спокойно можете ходить по дорогамъ или вдоль полотна желѣзной дороги, во многихъ мѣстахъ пересѣкающей такой джунгли. Зато насѣкомыхъ здѣсь міриады. Вечеромъ тысячи цикадъ наполняютъ воздухъ своимъ оглушительнымъ стрекотаніемъ, состояясь съ лягушками древесными и болотными, то звенящими, какъ колокольчики, то ревущими, какъ быки. Міриады свѣтляковъ, какъ брильянты, усыпаютъ вѣтви деревьевъ и кустовъ. Я не говорю о комарахъ. Безъ помощи здѣсь спать совершенно

немыслимо, но на пологѣ этомъ громадные летающіе тараканы, массы различныхъ молей и другихъ ночныхъ бабочекъ будутъ биться и безпокоить васъ всю ночь.

Чайныя плантаціи, послѣ рисовыхъ полей и джунглей наиболѣе часто попадающіяся на равнинѣ, также сильно страдаютъ отъ насѣкомыхъ. Не менѣе 20 различныхъ враговъ чайнаго куста размножились на болотныхъ равнинахъ Тарам. Различныхъ породъ тли, красный паучокъ, гусеницы, сверлящія стволы, гусеницы, свертывающія листья, гусеницы, строящія домики, наконецъ гусеницы, просто объѣдающія листья, похищаютъ сборы у плантаторовъ.

Тамъ и самъ среди этихъ голыхъ, объѣденныхъ, теперь заброшенныхъ и заросшихъ травою плантацій раскиданы соломенные хижины рабочихъ, своимъ видомъ болѣе похожія на хлѣва.

Зато въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти плантаціи не тронуты, онѣ даютъ баснословные урожаи. Сборъ чая производится круглый почти годъ, приблизительно черезъ двѣ недѣли. Листъ чая здѣсь громадный, но готовится чай грубо и небрежно. Настой его черный съ какимъ-то шоколаднымъ налетомъ, видомъ напоминаетъ кофе, вкусомъ—чернила, такъ что даже низшіе сорта цейлонскаго чая могутъ показаться нектаромъ по сравненію съ этимъ напиткомъ.

Силигури—последняя станція, гдѣ кончается вѣтъ желѣзной дороги, соединяющей восточные Гималаи съ Калькуттой. Начиная отсюда, вверхъ, до высоты семи тысячъ футовъ, ведетъ желѣзная дорога, представляющая чудо инженернаго искусства. По крутымъ гималайскимъ склонамъ пара сильныхъ локомотивовъ везетъ васъ безъ всякихъ особенныхъ приспособленій. Правда, эти спереди и сзади поѣзда прицѣпленные локомотивчики представляютъ своего рода геркулесовъ, для которыхъ маленькіе пассажирскіе и товарные вагончики поѣзда не представляютъ затрудненій. Зигзагами идущая по склонамъ дорога имѣетъ громадные уклоны и, многократно возвращаясь почти къ тому же самому мѣсту, образуетъ вензеля, пересѣкаетъ свой путь; по временамъ поѣздъ даетъ задній ходъ, чтобы потомъ съ большою силою вскарабкаться на кручу; словомъ, это въ полномъ смыслѣ слова карабканье поѣзда на гору. По мѣрѣ того какъ поѣздъ взбирается все выше и выше, подъ вашими ногами постепенно развертываются все большіе и большіе горизонты индійской равнины. Вы спокойно сидите въ вагонѣ и любуетесь этой давной панорамой. Эта панорама вставлена въ рамки одной изъ самыхъ пышныхъ тропическихъ флоръ. Начиная съ Силигури, поѣздъ покидаетъ населенныя мѣста. Онъ вступаетъ въ область нетронутыхъ человѣкомъ дѣвственныхъ лѣсовъ, среди которыхъ единственными оазисами являются желѣзнодорожныя станціи. Притомъ лѣса эти не одинаковы. Оставаясь пышнымъ тропическимъ джунглемъ, они тѣмъ не менѣе измѣняютъ ха-

раκτήр свой съ высотой, и потому взору ѣдущаго никогда не надѣдаютъ картины этой буйной зелени.

Характеръ болотистаго джунгля тотчасъ пропадаетъ, какъ только мы начнемъ подниматься на первыя предгорья. Здѣсь лѣсъ чистый: всходы ротанговыхъ пальмъ и тройной ярусъ кустарника и подлѣска не мѣшаютъ видѣть почвы, заросшей немногими травянистыми растеніями. Такіе лѣса напоминаютъ лѣса сѣвера. Но породы деревьевъ чисто тропическія—громадныя смоковницы, исполинскіе бамбуки, лианы, мыльное дерево, тикъ и различныя мимозы.

Съ поднятіемъ на высоту до 4.000 фут., число лианъ увеличивается, и онѣ, какъ громадные канаты, обхватывая стволы, перебрасываются съ дерева на дерево. Стволы этихъ лианъ также увиты свѣшивающимися орхидеями, перцами и дикою виноградною лозою. Особенно хороши орхидеи, укрывающія своею темною глянцевою листвою самыя толстыя деревья, украшая ихъ стволы снизу доверху своими громадными листьями, наподобіе того, какъ плющъ увиваетъ колонны.

Подъ тѣнью деревьевъ здѣсь развиваются дикіе бананы, громадными своими листьями представляющіе рѣзкій контрастъ съ мелкою листвою кустарниковъ, среди которыхъ они вырастаютъ. Влажныя, затѣнныя ущелья—любимыя мѣста этихъ растеній. Не менѣе обращаютъ на себя вниманіе вырастающіе по опушкамъ изящные прямоствольные панданусы съ ихъ фонтанами пальчатыхъ листьевъ, достигающихъ 8 и 10 футовъ длины. Бамбуки виднѣются повсюду, и здѣсь ихъ стволы при основаніи достигаютъ толщины въ человѣческую ногу и до 100 футовъ вышины. Папоротниковъ насчитывается отъ 20—30 видовъ, и между ними одинъ видъ древовидный—необыкновенной красоты и изящества; изъ другихъ растеній особенно часты апельсинныя и лимонныя деревья.

Съ высоты 4.000 ф. вѣшній видъ растительности опять мѣняется. Появляется ежевика съ желтыми плодами, чаще начинаютъ попадаться дубы съ великолѣпною вѣчно-зеленою листвою, и на верхнѣи гребня, на которомъ расположена станція Курзеонгъ, измѣненіе во флорѣ становится полнымъ. Здѣсь являются уже березы и клены и цѣлый рядъ растеній, напоминающихъ нашу флору, какъ фіалки, звѣздчатки, дикая ежевика и герань. Но съ этими сѣверными видами смѣшаны и даже преобладаютъ древовидные папоротники, бананы, орхидеи, пальмы, ротанги и фиги. Влажность воздуха позволяетъ имъ подниматься гораздо выше, чѣмъ въ другихъ областяхъ сѣвернаго полушарія, и мы встречаемъ ихъ въ полномъ развитіи еще на 2.000 ф. выше Курзеонга. Другая растительность пропадаетъ совершенно. Трудно себѣ представить болѣе величественную растительность. Прямые стволы строеваго лѣса стройно поднимаются среди зелени, одни голые и чистые, съ сѣрою или коричневою корой, другіе буквально на футъ толщины обмотанные мас-

сой эпифитовъ, цвѣтовъ—особенно бѣлыхъ орхидей, иногда усыпающихъ стволы наподобіе снѣга. Отовсюду торчатъ вѣтви, то голыя, то одѣтыя листвою; нерѣдко лѣаны, какъ каналы, перебрасываются съ дерева на дерево, раскачиваясь отъ вѣтра, отягощенные пучками папоротниковъ и орхидей. Здѣсь всюду чувствуется влага и въ изобиліи появляются мхи и лишайники.

На высотѣ 7.500 ф., или, короче говоря, на высотѣ Дарджилинга, появляются благородные рододендроны съ громадными бѣлыми, обладающими тонкимъ лимоннымъ запахомъ, цвѣтами. Лѣса состоятъ наполовину изъ дубовъ и каштановъ и изъ магнолій и лавровыхъ деревьевъ, къ которымъ примѣшаны гималайскіе сорта березъ, вязовъ, кленовъ, вишни, черешни, черемухи, яблони. Очень красивы громадныя деревья рододендроновъ съ яркочерными цвѣтами. Эти влажные лѣса могутъ считаться типичными для подтропической флоры, когда эта послѣдняя является во всей роскоши и могуществѣ. Блуждая въ густой зелени заросшихъ разнообразною растительностью пышныхъ лѣсовъ, забываешь, что находишься на высотѣ 7.000 ф.

Только водянистыя ягоды и желуди являются продуктами такихъ лѣсовъ. Здѣсь не мѣсто фруктовыхъ деревьевъ,—они удаются плохо или даже не вырѣваютъ вовсе. (Не говоря о такихъ фруктахъ, какъ персики, виноградъ, сливы, и фиги, даже обыкновенное яблоко почти не можетъ вырѣвать въ Дарджилингѣ. Груши не удаются совершенно, абрикосы, гранаты не развиваются даже, какъ деревья. Персиковыя деревья хотя и растутъ, но плоды ихъ сваливаются зелеными и твердыми.)

Еще недавно эта полоса была почти совершенно ненаселенной. Это было необъятное царство дремучаго лѣса, непролазнаго не только по густотѣ и буйности его растительности, такъ какъ лѣаны (изъ филодендроновъ и орхидей), заросли изъ древовидныхъ папоротниковъ и колючіе стволы пальмъ-ротанговъ дѣлали путь почти непроходимымъ, но и по свирѣпствовавшимъ здѣсь лихорадкамъ. Кроме того, эта зона лѣсовъ представляетъ одинъ изъ самыхъ дождливыхъ пунктовъ земного шара. Здѣсь, по вычисленіямъ англійскихъ наблюдателей, выпадаетъ, выражаясь картинно, такое количество осадковъ, что если бы они не стекали внизъ по склонамъ въ видѣ ручьевъ и рѣкъ, количество ихъ было бы достаточно, чтобы затопить 4-хъэтажные дома или дать возможность плавать морскому военному судну.

Что же удивительнаго, что въ этихъ погруженныхъ въ туманы и сырость лѣсахъ не только все гниетъ и свирѣпствуетъ лихорадка, но отсюда бѣжитъ все живое—и люди и животныя. Яки тибетцевъ заболѣваютъ здѣсь чахоткой. Лошади и верблюды не находятъ подходящей для питанія травы, люди—мѣсть для земледѣлія. Только рысь, около

Дарджилинга, вновь являются мѣста, годныя для поселенія, и здѣсь живутъ обитатели гималайскихъ высотъ, сильно отличающіеся отъ индусовъ. Эти надоблачные жители до постройки описанной нами желѣзной дороги сносились съ низомъ способомъ крайне оригинальнымъ. Убѣдившись въ непригодности зебу и слоновъ низа и яковъ, верблюдовъ и лошадей верха для сообщеній по лѣснымъ тропинкамъ, они остановились на овцѣ, какъ на единственномъ средствѣ сообщенія. Животныхъ этихъ, навьюченныхъ тибетскими товарами, сколько они могли поднять, гнали по горнымъ переваламъ, по узкимъ и туманнымъ тропинкамъ дѣвственныхъ лѣсовъ внизъ, въ этотъ лихорадочный Тараи, чтобы продать здѣсь эти товары, затѣмъ шерсть и, наконецъ, самихъ овецъ на мясо. Теперь желѣзная дорога въ какіе-нибудь два часа времени переноситъ васъ въ надоблачный міръ Гималаевъ, въ Дарджилингъ, на высоту 8.000 ф., переноситъ васъ въ совершенно новый міръ народностей, по костюму, по типу, по правамъ и обычаямъ имѣющихъ весьма мало общаго съ жителями Индіи. Выдающіяся скулы, широкія лица съ плоскимъ носомъ, желто-коричневый цвѣтъ кожи, коса, азиатскіе халаты переносятъ васъ въ обстановку Средней Азіи, въ калмыцкія степи, бурятскія кочевья, къ кочевникамъ Алтая, какъ двѣ капли воды похожимъ на всѣхъ этихъ непальцевъ, тибетцевъ и проч.

Среди этихъ народностей, столь различныхъ по своему внѣшнему виду и обычаямъ, расположилась столица англійскаго горнаго округа Сиккима Дарджилингъ, являясь центромъ сбыта сырыхъ продуктовъ и мѣстомъ заработка для всего пестраго его населенія. Дарджилингъ лежитъ по ту сторону перевала. Расположенный на крутыхъ отступахъ горъ, онъ представляетъ безконечно разбросанныя группы домиковъ. Вы не чувствуете, что находитесь въ надоблачныхъ высотахъ; напротивъ, въ ясные дни прямо передъ вами высятся громадныя, увѣчанныя вѣчными снѣгами хребты, способныя даже съ этой громадной высоты произвести впечатлѣніе нашего Кавказа. Его снѣга однако блещутъ въ отдаленіи, полузадержанные голубоватою дымкой, отдѣленные отъ васъ цѣлымъ моремъ зеленыхъ лѣсныхъ вершинъ передового хребта, отсюда сверху кажущихся зелеными холмами, и глубокими, заполненными голубоватымъ воздухомъ и плавающими облаками долинами. Только глядя въ эти долины, сознаешь, на какой громадной высотѣ находишься.

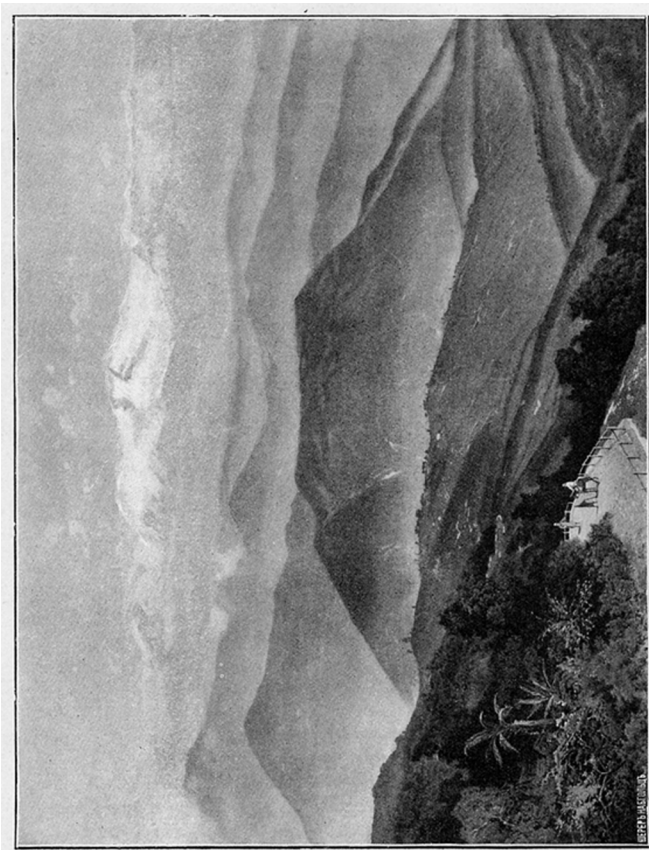
Здѣсь замѣобразно по склонамъ горъ извиваются прекрасно шоссе-рованныя дороги и аллеи, около которыхъ вытянуты сады и парки хорошенекыхъ коттеджей, которые такъ же хорошо нашли бы себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь предмѣстьи большого города, какъ и здѣсь.

Лавомъ въ Дарджилингѣ немного, онъ носитъ универсальный характеръ, и въ нихъ вы найдете всѣ предметы европейскаго комфорта. Между прочимъ туристъ найдетъ здѣсь чудный выборъ фотографій

ландшафтовъ и типовъ Сиккима. Въ нижней части города расположенъ базаръ, на которомъ толкуются туземцы, поражая прѣзжаго разнообразіемъ лицъ и костюмовъ, пестрота которыхъ увеличивается примѣсю индійскихъ слугъ и приказчиковъ, въ ихъ національной одеждѣ, и солдатъ, вербованныхъ изъ непальцевъ, ростомъ и типомъ необыкновенно напоминающихъ японцевъ. На этомъ базарѣ вы найдете все, что нужно для культурной европейской кухни. Англичане научили туземцевъ разводить всѣ огородные овощи. Тибетскія пастбища поставляютъ имъ сочные ростбифы и баранину, а поѣздъ гималайской желѣзной дороги ежедневно доставляетъ къ столу спѣлые манги, бананы, ананасы и другія произведенія тропическаго міра.

Большая часть домовъ выстроена изъ кирпича или камня и крыта желѣзомъ и вмѣстѣ съ окружающими ихъ садами, въ которыхъ тамъ и сямъ виднѣется крона низкорослой пальмы или букетъ бамбука, производитъ на прѣзжаго чарующее впечатлѣніе. Городъ имѣетъ нѣсколько церквей изящной архитектуры, обсерваторію и ботанической садъ. Здѣсь даже издается маленькая мѣстная газетка и существуетъ нѣсколько клубовъ, гдѣ устроены площадки для игроковъ въ крокетъ и лаунъ-теннисъ и для другихъ любителей.

Но главное значеніе Дарджилингъ имѣетъ какъ санаторія и школьный центръ, гдѣ англійская молодежь, не достигшая университетскаго возраста, можетъ внѣ расслабляющаго вліянія южнаго зноя получать образованіе. Не менѣе десятка учебныхъ заведеній для лицъ обоего пола устроено въ этомъ городкѣ. При этомъ не оставляются безъ вниманія и туземцы. Здѣсь не менѣе 46 школъ для туземцевъ. Но не столько это благоустройство и прекрасные, но очень, впрочемъ, дорогіе отели привлекаютъ сюда туриста,—главную приманкою для него являются чудныя окрестности города. Путешествуя по прекраснымъ дорогамъ, проложеннымъ среди непролазныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, поднимаясь на высокіе пики до 11 тысячъ футовъ высоты и созерцая дивныя разстилающіяся передъ глазами панорамы, постигаешь только отсюда все величіе, всю мощь Гималаевъ, безъ малѣйшихъ жертвъ въ смыслѣ усталости или лишенія комфорта. Я сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ города, на расположенныя вокругъ него чайныя плантаціи, и поднимался на нѣкоторыя изъ сосѣднихъ вершинъ, чтобы полюбоваться на панораму хребта съ высочайшею изъ вершинъ міра, горою Эверестъ, какъ бѣлая снѣговая шапка висящаяся надъ снѣжною зубчатою стѣной Гималаевъ. Изъ самаго Дарджилинга видна только Канчижинга, не менѣе эффектная гора, окруженная со всѣхъ сторонъ ледниками. Чудный видъ на нее открывается изъ сосѣдняго съ городомъ парка, буквально висящаго надъ голубой бездною, въ которой ниже вась, на различныхъ высотахъ, плаваютъ облака, а на горизонтѣ,

Видъ въ Гималаяхъ.

въ видѣ исполынской, закутанной въ голубую дымку стѣны, возвышается громада главнаго, увѣнчаннаго снѣгами хребта.

Поднимаясь выше Дарджилинга на высоту до 8.500 ф., мы вступаемъ въ полосу, гдѣ постоянно скопляются облака. Уже самый Дарджилингъ находится на ихъ уровнѣ.

Дѣлая прогулку въ коляскѣ по прекраснымъ дорогамъ, извивающимся вдоль карнизовъ и уступовъ надъ глубокими долинами, и любуясь чудными видами снѣгового хребта съ Качинжингою во главѣ, житель Дарджилинга видитъ на одномъ уровнѣ съ собою, въ голубоватой дымкѣ воздуха, отдаляющей его мѣстонахождение отъ удаленныхъ, какъ бы плавающихъ въ небесной дали хребтовъ, причудливыя формы облаковъ, постоянно измѣняющихъ свои контуры, то тая, то разрастаясь до цѣлыхъ тучъ. Особенно эффектно это бываетъ въ лунную ночь, когда, цѣлыми массами спускаясь съ какого-нибудь перевала, они таютъ затѣмъ на вашихъ глазахъ, превращаясь въ десятки серебристо-бѣлыхъ, полупрозрачныхъ, самыхъ причудливыхъ формъ существъ, которыя, то принимая формы людей, то фантастическихъ чудовищъ, просятся передъ вами.

Выше эти облака обыкновенно прилипаютъ къ горамъ, создавая на ихъ склонахъ и въ ихъ лѣсахъ царство вѣчнаго тумана и сырости.

Это цѣлый мѣръ влажныхъ лѣсовъ изъ дубовъ и магнолій, смѣшанныхъ съ камфарниками. Восхитительны здѣсь магноліи. Подобно рододендронамъ, онѣ цвѣтутъ въ апрѣлѣ и маѣ и иногда бываютъ такъ усыпаны цвѣтами, что цѣлые склоны кажутся одѣтыми снѣгомъ. Есть виды, подобныя имъ, съ пурпурными цвѣтами, образующіе громадныя, болѣею частью довольно безобразныя, стволы съ черною корою и неправильными вѣтвями, развивающими на концахъ пурпурно-розовые, усыпачіе почву своими лепестками цвѣты. На этихъ вѣтвяхъ, какъ бы желая скрыть ихъ безобразіе, обыкновенно развивается эпифитный рододендронъ. Здѣсь все еще царство лианъ, съ толстыми, толще человѣческой ноги, стволами, увивающихъ всѣ деревья. Попадаются громадныя клены со стволами до 18 фут. въ обхватъ и прямая, усыпанная бѣлыми цвѣтами роза; но цвѣты эти лишены запаха. Кусты смородины здѣсь развиваются какъ эпифиты на стволахъ и вѣтвяхъ деревьевъ, свѣшивая оттуда свои ягоды. Почва лѣса заросла кустарникомъ выше человѣческаго роста, съ сочными вѣтвями и широкими блѣдно-зелеными листьями. (Гортензіи играютъ здѣсь не послѣднюю роль.) Но самую главную и характерною чертою этихъ лѣсовъ является развитіе громаднаго количество эпифитно растущихъ мховъ и лишайниковъ. И почва, и стволы, и вѣтви, и даже листья деревьевъ, въ ущербъ развитію этихъ послѣднихъ, закутаны въ толстѣйшія покрывала изъ мховъ. Съ вѣтвей, какъ у елей дальняго сѣвера, свѣшиваются длинныя бороды лишай-

ника. Въ туманѣ лѣса эти толстые зелено-пушистые стволы, эти укутанныя мохомъ вѣтви создаютъ совершенно непривычное для глазъ фантастическое зрѣлище. И поразителенъ бываетъ эффектъ, когда изъ этой зелени косматыхъ, точно толстымъ слоемъ инея обросшихъ вѣтвей брызжутъ пурпуромъ или свѣжною бѣлизною букеты цвѣтовъ рододендрона, свѣжно-бѣлыхъ орхидей или магнолій, обрамленные темно-зелеными глянцевыми листьями.

Выше 9.000 ф. мощностъ и оригинальность лѣсовъ убываетъ. Громадныя пространства ихъ зарастаютъ тонкимъ, частымъ, какъ тростникъ, бамбукомъ, дѣлающимъ ихъ дебри совершенно непроходимыми. Съ высоты 10.000 фут. вліяніе зимы выражено уже отчетливо. Въ серединѣ мая половина деревьевъ и кустарниковъ стояли еще голыми или только что развертывали листья. Бамбуки стояли безъ листьевъ. Акониты, ремень, смородина, лапчатка, шиповникъ, изящныя мелкіе кустарники волчьего лыка,—словомъ, знакомыя глазу сѣверянина формы являются на сцену, а на высотѣ въ 11.000 ф. встрѣчаются серебристыя пихты, стройныя, эффектныя гималайскія деревья, съ голыми до пяти саженъ отъ земли стволами и широкораскидистыми, совершенно горизонтальными вѣтвями темной хвои. Онѣ чередуются съ темными, вѣчно зелеными рододендронами. Подъ ними раскиданы кусты розъ, карликоваго можжевельника, березы, ползучей ивы, барбариса, горнаго клена, маленькихъ андромедъ и, главное, 3 или 4 вида ярко цвѣтущихъ кустарниковыхъ рододендроновъ—бѣлыхъ, ярко-красныхъ, розовыхъ, пятнистыхъ, сплошь, какъ наши азалии, усыпанныхъ цвѣтами. Закутанная постоянно въ облака, эта мѣстность рѣдко даетъ возможность видѣть общую картину здѣшнихъ ландшафтовъ. Но если вдругъ разорвется облака,—чуждыя и дикія картины откроются глазамъ: нескрытыя болѣе дѣвственными лѣсами глубокія пропасти, страшныя ущелья съ безпорядочно навороченными громадными скалами, точно дьявольскою силой набросанные камни, среди которыхъ торчатъ изломанныя, придавленные, обросшія мхами, уродливыя деревья или ихъ сухіе трушы, напоминая своимъ видомъ какихъ-то чудовищъ. А надъ ними въ лазурной вышинѣ, между стаями облаковъ, виднѣются вереницы свѣжныхъ пиковъ главнаго хребта.

Калькутта.

(А. Красова).

Въ маѣ мѣсяцъ Калькутта представляетъ настоящій адъ, и, проживъ въ ней нѣсколько дней, я понялъ, почему европейское населеніе бѣжитъ отсюда въ Дарджилингъ и другіе горныя курорты Гималаевъ. Нигдѣ и нигде еще я не испытывалъ такой высокой температуры. На улицѣ воздухъ былъ настолько горячъ, что даже въ закрытой ка-

ретѣ оправа моихъ очковъ раскалилась до того, что прикосновеніе ея къ тѣлу вызывало боль. Когда въ гостинницѣ я хотѣлъ взять холодную ванну, изъ крана побѣжалъ почти кипятокъ, — такъ сильно была нагрѣта солнцемъ вода, протекавшая по трубѣ подъ кровлей зданія.

Улицы города имѣютъ видъ патриархальный благодаря простотѣ костюмовъ его обитателей. Обыкновенный костюмъ бенгальца очень красивъ. Правда, онъ состоитъ изъ одного куска матеріи, прозрачной и тонкой почти какъ кисей, но бенгалецъ умѣетъ въ нее драпироваться очень эффектно. Онъ опоясываетъ кусокъ во кругъ бедеръ и пропускаетъ продолженіе куска между ногъ, такъ что образуется родъ кисейныхъ панталонъ; остальной ко-

Индусъ.

нецъ, довольно еще длинный, перебрасывается через плечо въ видѣ плаща. Темно-коричневый цвѣтъ тѣла слегка просвѣчиваетъ сквозь складки кисей; ея бѣлый цвѣтъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ темнымъ красивымъ лицомъ и шеей; грудь иногда прикрыта однимъ только этимъ кисейнымъ плащомъ, иногда же на нее накидывается тоненькая, хватающая лишь до бедеръ, кисейная рубашечка русскаго покроя, и въ этомъ костюмѣ бенгальскій джентльменъ— «бабу», какъ ихъ здѣсь зовутъ, представляетъ изъ себя антично задранированную фигуру, напоминающую вамъ времена классической древности. Въ этихъ костюмахъ вы видите здѣсь студентовъ университета, ординаторовъ клиникъ, купцовъ и интеллигентовъ въ театрахъ и собранияхъ. Но на улицахъ простонародье значительно упрощаетъ этотъ костюмъ, до простого пояса стыдливости, и странно какъ-то на ступеняхъ присутственныхъ мѣстъ и на тротуарахъ улицъ, имѣющихъ видъ улицъ европейскихъ городовъ, видѣть эти бронзово-коричневые фигуры съ перекинутыми черезъ плечи полотенцами, переносящія васъ не то въ античныя времена, не то въ бани или купальное заведеніе. Но невыносимая жара оправдываетъ эту патриархальность даже въ глазахъ англичанъ. Жара такъ нестерпима, что въ дверяхъ лавокъ выстроены даже будки изъ соломы, которыя обливаютъ водой черезъ каждый часъ, чтобы дать сырость и прохладу внутреннимъ помѣщеніямъ.

Въ полуденные часы вы обыкновенно не видите бѣлыхъ на улицахъ города. Европейское населеніе прячется по домамъ, и только одни туземцы не боятся лучей родного солнца. Здѣсь вы уже въ черной Индіи. Бѣлые и желтые тона обнаженныхъ тѣлъ сравнительно рѣдки, и фигуры шоколадныя, темно-шоколадныя, коричневые и черныя, какъ сапогъ, наполняютъ улицы. Больше темныхъ людей въ Британской Индіи вы увидите развѣ только въ Мадрасѣ или на южной оконечности полуострова. Нѣтъ сомнѣнія, что бенгальцы—смѣсь индусовъ съ чернокожими дравидами,—смѣсь, въ которой индусскій типъ сказывается въ обликѣ лица и формахъ тѣла, тогда какъ климатъ оказалъ влияние на кожу. И, достойно вниманія, цвѣтъ кожи этого темнаго индійскаго населенія далеко, по видимому, не такъ устойчивъ, какъ у негровъ. Онъ, какъ и всякій загаръ, есть красящее вещество, образующееся подъ влияніемъ солнца въ нашей кожѣ, имѣющее цѣлью предохранить ее отъ сильнаго жара, такъ какъ на этомъ темномъ фонѣ быстро идетъ испареніе пота, что охлаждаетъ кожу и избавляетъ ее отъ болѣзней, связанныхъ съ чрезмеръ сильнымъ потнѣемъ. Онъ бываетъ не только у людей, но и у животныхъ. Рогатый скотъ Индіи, если его обрить, оказывается тоже чернокожимъ. Онъ можетъ, какъ и чернокожія индійскія лошади, переносить палящій зной индійскаго солнца безнаказанно, тогда какъ бѣлый скотъ Англіи, попадая въ Индію, подвергается болѣзнямъ. Проѣзжая

по желѣзной дорогѣ, я всегда поражался, видя, что бѣлые и желтые индусы работаютъ всегда въ одеждѣ, тогда какъ черные крестьяне трудятся, имѣя на себѣ лишь поясъ стыдливости. Тутъ наглядно можно было видѣть, насколько черная кожа лучше приспособлена къ воздѣйствію солнца. Въ противоположность неграмъ, индусы на сѣверѣ линяютъ.

Калькутта—созданіе англичанъ, и Гангъ играетъ для нея ту же роль, что Темза для Лондона. Это—артерія, по которой поднимаются пароходы грузовые и пассажирскіе для того, чтобы, приставъ къ шумнымъ и грязнымъ набережнымъ, выгружаться или нагружаться товарами, какъ то дѣлается въ Лондонѣ. Эти берега рѣкъ такъ же плоски в такъ же застроены разными пристанями, складами и прочими учрежденіями, шумными, грязными, заваленными тѣками товаровъ и запруженными громоздкими экипажами, среди которыхъ по засореннымъ рельсамъ пробирается конно-желѣзная карета. Отсюда два шага—и вы въ европейскомъ городѣ, съ мощеными улицами, прекрасными широкими тротуарами, электричествомъ и магазинами съ зеркальными окнами, гдѣ вы встрѣтите всѣ издѣлія роскоши и домашняго комфорта, какія вы привыкли видѣть въ окнахъ магазиновъ Великобританіи. Какъ въ Лондонѣ, здѣсь раскиданы роскошныя, напоминающія дворцы, постройки присутственныхъ мѣстъ и небольшіе скверы, первыя—не закопченныя фабричною пылью, но блестящія красотою англо-индійскаго стиля, вторыя—украшенные группами высокоствольныхъ пальмъ и залитыхъ золотомъ и пурпуромъ красиво цвѣтущихъ тропическихъ деревьевъ. Кромѣ этихъ скверовъ, за городомъ, въ каждый его части, расположенъ большой садъ-паркъ. Громадной величины площадь отдѣляетъ этотъ паркъ отъ расположенной къ югу отъ города крѣпости, и только здѣсь глазъ можетъ наслаждаться широкимъ просторомъ, не загроможденнымъ зданіями. Тутъ обыкновенно въ послѣобѣденный часъ туристъ можетъ любоваться чудною картиной приближенія тропической грозы, когда со стороны моря на блѣсовато-голубомъ небѣ начинается, захватывая добрую половину небосклона, вырисовываться темная туча и на ней, какъ на громадномъ фіолетовомъ экранѣ, поминутно пробѣгаютъ разнообразныхъ формъ молніи. Это—какъ бы представленіе, такъ какъ туча рѣдко достигаетъ до города и еще рѣже разражается освѣжающимъ дождемъ.

Къ востоку отъ площади расположены тонущіе въ зелени дома и коттеджи англичанъ. Это—аристократическій кварталъ, соединяющій удобства и комфортъ англійской жизни съ обстановкой пышной тропической природы, съ ея лианами, орхидеями и кокосовыми пальмами въ садахъ. Какъ вездѣ на Востокѣ, европейцы живутъ отдѣльно отъ туземцевъ. Это—аристократія края, масса же населенія заполняетъ сѣверные громадныя кварталы города.

Сейчас за английским городомъ вы вступаете въ узенькія, застроенныя бѣлыми домами, улицы индійскаго города,—улицы, изобилующія лавками со всевозможными товарами, которыми торгуютъ не только бенгалцы, но и китайцы, малайцы и бирманцы. Улицы постоянно оживлены и наполнены народомъ. Въ этой части города и на границѣ съ нею расположены всѣ главныя учрежденія, созданныя англо-индійской культурой. Здѣсь возвышается громадное зданіе Калькуттскаго университета (ни одинъ россійскій университетъ не имѣетъ такого), медицинскія коллегіи, магометанское медресе—духовное училище, нѣсколько госпиталей и церквей различныхъ національностей. Университетское зданіе Калькутты имѣетъ нѣсколько иное назначеніе, чѣмъ наше. Вы здѣсь тщетно будете искать тѣхъ кабинетовъ и лабораторій, съ которыми связано у насъ представленіе объ университетѣ. Въ зданіи Калькуттскаго университета читаются только лекціи и происходятъ диспуты. Студенты же натуралисты и медики занимаются практически или въ клиникахъ и лабораторіяхъ госпиталей, или, еще чаще, въ роскошныхъ музеяхъ, организованныхъ на городскія средства. Въ этомъ отношеніи Калькутта—второй Лондонъ. Здѣсь громаднѣйшее зданіе—индійскій музей—посвящено собраніямъ по естественной исторіи. Громадная коллекція окаменѣлостей, горныхъ породъ и минераловъ, въ связи съ полною геологическою бібліотекой, не менѣе богатое археологическое отдѣленіе, изобилующее остатками буддійскихъ и другихъ древностей, и зоологическія коллекціи Индіи составляютъ гордость этого музея; въ Калькуттѣ имѣется также экономическій музей, особенно интересный для путешественника, такъ какъ всѣ лучшія произведенія индійской работы и кустарныхъ издѣлій собраны здѣсь, давая понятіе о высококомъ вкусѣ и искусствѣ здѣшняго народа. Для ботаниковъ къ ихъ услугамъ—коллекція и гербарія ботаническаго сада, который расположенъ въ отдаленіи отъ города, внизъ по рѣкѣ. Вы спускаетесь по мутному Гангу среди разныхъ складовъ, верфей, загородныхъ фабрикъ, дачъ и парковъ, пока, наконецъ, не достигнете громаднѣйшаго тропическаго парка, который по своей обширности и богатству флоры можетъ конкурировать только съ знаменитымъ садомъ въ Вейтензоргѣ на Явѣ.

Калькуттскій университетъ и связанныя съ нимъ учрежденія предназначены исключительно для туземцевъ. Несмотря на то, что они представляютъ школы съ такихъ же точно учрежденийъ английскихъ, англичане предпочитаютъ посылать дѣтей своихъ для полученія высшаго образованія въ Лондонъ, чтобъ они не смѣшивались съ презираемыми туземцами. По отзывамъ самихъ англичанъ, туземцы учатся и знаютъ много, даже слышномъ много, для того чтобы конкурировать съ бѣлыми, изъ которыхъ сюда идутъ, конечно, далеко не лучшія силы. Но англичане сумѣли устроить эту конкуренцію, оплачивая трудъ кон-

чивших курсъ въ индійскихъ университетахъ чиновниковъ и докторовъ $\frac{1}{10}$ жалованья, выдаваемого кандидатамъ университетовъ европейскихъ; а такъ какъ поѣздка въ Европу связана для индуса съ большими неудобствами и расходами, то англійскіе кандидаты и доселѣ безпрепятственно сохраняютъ свое привилегированное положеніе.

Подобно Лондону, Калькутта изобилуетъ театрами, но почти всѣ они туземные. Индійскій театръ—это какъ бы переходъ отъ европейскаго къ театру дальняго Востока. вмѣсто стульевъ, ввиду помѣщается рядъ длинныхъ скамеекъ, на которыхъ босоногимъ посѣтителямъ, одѣтымъ въ описанные мною выше кисейные костюмы, не возбраняется и возлежать во время представленія. Въ антрактахъ разносчики разносятъ чай, крендели и другіе припасы. Часть театралныхъ ложъ, предназначенныхъ для женщинъ, закрытыя, другія напоминаютъ наши, только убранство ихъ много бѣднѣе и хуже. Есть индійская опера, драматическія представленія, комедіи и водевили. Я былъ въ Калькуттѣ не въ театралный сезонъ и слишкомъ короткое время, потому могъ попасть только одинъ разъ въ такой театръ. Сюжетомъ видѣнной мною пьесы была одна изъ сказокъ «Тысячи и одной ночи». Разговоры здѣсь постоянно чередуются съ пѣніемъ подъ аккомпанементъ оркестра. Эти индійскія мелодіи протяжны, имѣютъ чисто-восточный, не поддающійся описанію, характеръ, но не лишены музыкальности и могутъ съ удовольствіемъ слушаться европейскимъ ухомъ. Не зная языка, я не могъ судить объ исполненіи актеровъ, дѣйствовавшихъ среди чисто-европейскаго характера сцены. Въ антрактахъ музыка европейскаго оркестра играла вальсомъ и кадрили. Публика держала себя весьма тихо и чинно, и порядкомъ нарушали только англичане-туристы, громко разговаривавшіе въ ложахъ, игнорируя все окружающее. Въ фойе театра я съ удивленіемъ встрѣтилъ родъ маленькаго капища.

Болѣе удаленныя отъ центра улицы Калькутты уже носятъ чисто-азиатскій характеръ. Та же скученность маленькихъ лавочекъ съ разными разностями, та же неряшливость обстановки. Но кварталы эти громадны, и какъ въ Лнодонѣ, такъ и здѣсь можно жить годы, не зная всѣхъ перекрещивающихся и перепутывающихся улицъ Калькутты. Калькутта европейская гораздо богаче памятниками различныхъ англійскихъ губернаторовъ и дѣятелей и храмами различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, храмами нерѣдко очень изящной архитектуры, но обыкновенно теряющимися въ массѣ другихъ зданій и построекъ. Калькутта расцвѣла благодаря англійской торговлѣ, и эта торговля и чисто-денежные интересы стянули сюда громадное населеніе. Потому склады, вышія и среднія учебныя заведенія, учрежденныя туземцами, а не храмы составляютъ достопримѣчательность города. Изъ послѣднихъ заслуживаетъ описанія только храмъ въ честь Кали, жены Сивы; онъ нахо-

дится на берегу старого русла Ганга, въ немногихъ миляхъ отъ Калькутты. Храмъ выстроенъ лѣтъ 300 тому назадъ. Паломники стекаются сюда массами во время праздника, этотъ праздникъ установленъ въ честь побѣды богини Кали надъ врагами, напавшими на нее подъ видомъ буйволовъ.

Первая часть празднества состоитъ изъ церемоніи приглашенія богини войти въ громадный, сдѣланный изъ глины, истуканъ и предшествующихъ этой церемоніи молитвъ, имѣющихъ цѣлю разбудить богиню, которая, какъ предполагается, спала передъ этимъ два мѣсяца. Затѣмъ слѣдуетъ самое празднество, длящееся 3 дня, во время котораго приносятся обильныя кровавыя жертвы. Въ Бенгаліи каждое божество имѣетъ своихъ любимыхъ животныхъ, которыя ему и приносятся въ жертву. Кали—приносятся корова и буйволъ, при чемъ возносятся мольбы о томъ, чтобы богиня даровала долгую жизнь, громкое имя, счастье, сыновей, богатство и исполненіе всякихъ желаній. Послѣ полудня, на четвертый день, духъ богини покидаетъ истукана, который и выбрасываютъ въ рѣку. Празднества сопровождаются длинными процессіями. Во время ихъ совершается переносъ длинныхъ бамбуковыхъ шестовъ и различныхъ бумажныхъ изображеній, съ музыкой и пляской. Другой праздникъ, установленный въ честь Кали, это тотъ, когда поклонники ея подвергаютъ себя всевозможнымъ истязаніямъ, втыкаютъ себѣ въ тѣло ножи, куски желѣза, прожигаютъ тѣло раскаленнымъ металломъ или бросаются сверху на бамбуковую платформу, утыканную ножами, поставленными, впрочемъ, такъ, что они не втыкаются въ тѣло, но падаютъ подъ его тяжестью; все это происходитъ при громадномъ стеченіи народа.

Такимъ образомъ Калькутта, съ ея многолюднымъ населеніемъ, представляетъ странную смѣсь европейской науки съ ея учеными профессорами и послѣдними открытіями, съ одной стороны, темнаго языческаго невѣжества—съ другой стороны.

Индусы и ихъ религія.

(А. Краснова.)

Индусская семья по строю своему нѣсколько напоминаетъ великорусскую крестьянскую семью. Все управленіе, всѣ деньги, вся власть находится въ рукахъ отца семейства или старѣйшаго члена семьи. Всѣ остальные находятся у него въ полномъ повиновеніи, играя роль дѣтей и батраковъ. Отецъ самодержавно управляетъ семьей; онъ придерживается старой религіи, старыхъ обычаевъ и врагъ новшествъ и неприводительныхъ трагъ. Его жена—хозяйка въ домѣ: она стряпаетъ кушанье, командуетъ женскимъ персоналомъ дома, и отъ нея достается

женамъ сыновей гораздо больше, чѣмъ нашимъ молодымъ крестьянскимъ женщинамъ отъ свекрови. Хозяйка вмѣстѣ съ дочерьми и золовками живетъ въ женской половинѣ дома, не выходя днемъ къ мужчинамъ. Сыновья—работники въ семьѣ, дочери—источникъ расхода. Этимъ опредѣляется отношеніе къ нимъ съ самаго рожденія. Сыновья распредѣляются отцомъ на работы по хозяйству или отправляются на заработки, но должны отдавать заработанныя деньги отцу. Родители выдаютъ дочерей замужъ и женятъ сыновей; 12-лѣтняя дѣвушка—уже невѣста.

Если бы не природенная мягкость индуса, положеніе женщины здѣсь было бы ужасно. Вотъ выдержки изъ наставленій женщинамъ: «Мужъ есть религія жены; онъ долженъ быть единственнымъ предметомъ ея заботы и занятій; онъ долженъ составлять для жены все. Она должна думать и размышлять о мужѣ, какъ о Брамѣ. Его приказанія должны быть святы для нея, какъ наставленія Ведъ ¹⁾. Мужъ жены долженъ быть ея богомъ. Когда онъ доволенъ, Брама доволенъ. Мужъ есть духовникъ и наставникъ жены, ея гордость, ея честь, источникъ ея счастья, основатель ея благосостоянія, ея небо, ея освободитель отъ печали и грѣха». Поэтому женщина и ведетъ замкнутую жизнь, ея рожденіе есть несчастье для нея и для семьи ея. Ея мечта—имѣть хорошаго мужа и хорошихъ сыновей, къ чему она и стремится. Она въ полномъ смыслѣ рабыня мужа, и въ высшихъ классахъ общества ее могутъ посылать только въ присутствіи сестеръ ея мужа; она не смѣетъ разговаривать съ мужемъ днемъ, обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. Не стоитъ, я думаю, и говорить о томъ, что она является предметомъ тираніи для свекрови.)

Но все-таки, говорятъ, эта жизнь есть рай по сравненію съ жизнью вдовы, не имѣющей дѣтей. А такихъ вдовъ множество, такъ какъ выдаютъ замужъ чуть не грудныхъ дѣтей. Ихъ положеніе такъ тяжело, что чуть ли не наилучшимъ исходомъ изъ него является самоубійство. И хотя этотъ варварскій обычай и запрещенъ англійскими законами, но послѣ запрещенія (1830 г.) послѣдній случай его былъ сравнительно недавно—въ 1880 г. Остающіяся въ живыхъ вдовы получаютъ пищу только одинъ разъ въ день, при чемъ два дня въ каждомъ мѣсяцѣ онѣ не должны ѣсть ничего. Онѣ не имѣютъ права носить никакого украшенія, лишены всякихъ удовольствій. Преслѣдованія родственниковъ доводятъ иногда вдову до самоубійства.

Характерной чертой дѣшннго населенія является раздробленность его на касты, въ практической жизни играющая очень большую роль. Древнее раздѣленіе на 4 касты — браминовъ, воиновъ, купцовъ и земледѣльцевъ — съ теченіемъ времени измѣнилось. Массы людей, выбрасывае-

¹⁾ Священныя книги индусовъ.

мыя изъ среды этихъ кастъ, мало-по-малу составили новыя касты съ новыми традиціями и узаконеніями; число этихъ кастъ въ Индіи доходить теперь до многихъ сотенъ.

Каждая изъ этихъ кастъ обыкновенно имѣетъ свои традиціи, свои собранія, своего предводителя, напоминая въ этомъ отношеніи средне-вѣковыя цехи.

Ни въ какой странѣ міра не придается такое значеніе происхожденію, какъ здѣсь. Оно опредѣляетъ занятія, заставляя людей извѣтнаго происхожденія заниматься одною спеціальностію; представители различныхъ кастъ имѣютъ рѣзко очерченный типъ, какимъ у насъ является лакей, офеня, сапожный подмастерье, сидѣлецъ и т. п. Но въ то время какъ у насъ есть возможность представителямъ всѣхъ этихъ спеціальностей родниться между собой, бывать другъ у друга, обѣдать, даже мѣнять одну спеціальность на другую, здѣсь это невозможно; рознь здѣсь такъ велика, что даже, напр., сосудъ плотника, изъ котораго напьется прачка, уже оскверненъ, и онъ уже не можетъ пить изъ него. Хижина рабочаго, если въ нее войдетъ владѣлецъ плантаціи, будетъ также считаться оскверненной—и должна быть покинута. Только люди опредѣленныхъ кастъ могутъ служить у европейца прислугой, при чемъ тотъ, кто ходитъ за лошадыю и управляетъ ею, уже не станетъ чистить конюшни или рѣзать травы; тотъ, кто ходитъ за компантой, не согласится стирать или стирать и т. п. Вотъ почему бываетъ необходимо даже въ скромныхъ хозяйствахъ держать до 10 человекъ прислуги, но и тѣ дѣлаютъ меньше и хуже, чѣмъ одинъ или два европейца въ нашихъ странахъ, и только дешевизна рабочихъ рукъ позволяетъ мириться съ этими плохими работниками.

Въ каждомъ поселкѣ есть хоть одинъ браминъ, играющій роль домового и храмоваго жреца или домашняго учителя, такъ какъ преподаваніе здѣсь все въ рукахъ духовенства.

Онъ смотритъ за домашними божками индусскаго семейства. Онъ имъ молится, одѣваетъ и кормитъ ихъ. Онъ, а не члены семьи, обязанъ возносить молитвы и умиловать домашнихъ пенатовъ. По его инициативѣ индійскіе боги отъ времени до времени «дѣлаютъ визиты» въ крестьянскую семью. Лѣпится изъ глины идолъ и несется въ храмъ. Тамъ молятся и просятъ бога войти въ сдѣланное изображеніе, которое съ торжествомъ несется въ домъ, гдѣ и остается 2—3 дня, посвящаемые празднествамъ и торжествамъ, въ которыхъ, конечно, принимаютъ почетное участіе брамины. Затѣмъ чучело уносятся обратно въ храмъ, духъ покидаетъ идола, и съ той минуты идолъ этотъ есть опять кусокъ глины, который бросаютъ въ рѣку, наподобіе того какъ у насъ сжигаютъ чучело зимой на масленицѣ кое-гдѣ въ захолустныхъ деревняхъ сѣверной Россіи.

Индусы не имѣютъ иныхъ священниковъ, кромѣ касты браминговъ. Подобно нашимъ раскольникамъ, они распадаются на массу сектъ и толковъ, настолько мало между собой имѣющихъ общаго, что трудно сказать, что люди, ихъ исповѣдующіе, принадлежатъ къ одной и той же религіи. Эти религіозныя секты имѣютъ въ основѣ своей почитаніе двухъ главныхъ божествъ—Вишну и Сивы.

Различныя секты отличаются другъ отъ друга знаками, накрашиваемыми бѣлою, красною или желтою красками на лбу. У секты Вишну преобладаютъ вертикальныя, у сивантовъ горизонтальныя линіи.

Обыкновенно поклонники Вишну и Сивы имѣютъ различныя храмы.

Сива—богъ разрушитель и создатель—почитается какъ дарователь жизни. Съ культомъ Сивы обыкновенно связанъ культъ жены его Парвати или страшной богини Кали, изображаемой въ видѣ чернаго или краснаго идола со многими руками и съ ожерельемъ изъ человѣческихъ череповъ. Этой страшной богинѣ приносятся кровавыя, а въ былыя времена приносились и человѣческія жертвы. Сынъ Парвати, Ганеза—безобразное чудовище съ головою слона о трехъ глазахъ, одномъ клыкѣ и съ 4 руками; онъ особенно почитается купечествомъ.

Вишну—хранитель міра и для его обновленія и улучшенія неоднократно воплощался въ видѣ различныхъ существъ. Послѣдній изъ этихъ воплощеній въ видѣ героя Рамы и особенно въ видѣ пастуха Кришны весьма почитаются народомъ. Похожденія перваго описаны въ извѣстной индійской поэмѣ Рамааянѣ.

Храмы Вишну отличаются отъ храмовъ Сивы отсутствіемъ увѣнчивающаго послѣдніе двузубца. Въ нихъ допускаются въ изобиліи ручныя обезьяны, кормимыя пилигримами.

Различныя похожденія всѣхъ этихъ боговъ изображаются въ видѣ мистерій, а главнѣйшія событія знаменуются храмовыми праздниками, нерѣдко сопровождающимися перенесеніемъ идоловъ изъ одного храма въ другой при громаднхъ стеченіяхъ народа. Эти религіозныя торжества и являются праздниками для народа, ради которыхъ онъ отрывается отъ своихъ дѣлъ. Кромѣ того, каждый индусъ хотя разъ совершаетъ паломничество къ святымъ мѣстамъ или священнымъ рѣкамъ Гангу и Джумнѣ, которыя боготворятся и въ честь которыхъ совершаются весьма эффектныя богослуженія. Эти-то праздники и являются единственными въ жизни индуса, а такъ какъ они не особенно часты, то это на руку платанціямъ. Рабочіе на нихъ и не имѣютъ воскресеній, и работа мѣсяцами идетъ непрерывно.

На ряду съ этими богами имѣется цѣлая масса боговъ, олицетворяющихъ силы природы, и боговъ покровителей селеній, изображенія которыхъ ставятся въ храмахъ.

Эти сельскіе храмы не отличаются величиной, и рѣдко вы между

ними встрѣтите эффектное архитектурное зданіе. Храмы индусовъ обыкновенно являются созданіемъ нѣсколькихъ лицъ, построившихъ ихъ ради искупленія грѣховъ или для заслуги передъ богами. Богатый человекъ предпочитаетъ построить 7 маленькихъ храмовъ въ разныхъ мѣстахъ и разнымъ богамъ, чѣмъ одинъ большой. Да для того назначенія, какое имѣютъ индійскіе храмы, нѣтъ надобности въ большихъ постройкахъ. Здѣсь не собирается народъ, не совершается богослуженіе въ нашемъ смыслѣ этого слова. Индусъ, входящій въ храмъ, ограничивается тѣмъ, что обойдетъ вокругъ него, сдѣлаетъ приношеніе жрецу, постарается взглянуть на находящагося въ храмѣ идола и, простершись передъ нимъ ницъ, вернется домой; поэтому большинство храмовъ бываетъ не больше 10—12 футовъ. Такой храмъ окруженъ вѣшнимъ дворомъ, обыкновенно четырехугольной формы, обнесеннымъ верандами и камерками для пилигримовъ. Въ глубинѣ двора помѣщается капище; оно раздѣлено на два отдѣленія: приѣмную и собственно капище, въ которомъ находится идолъ. При входѣ въ послѣднее обыкновенно помѣщается колоколъ. Богослуженіе совершаетъ одинъ жрецъ; народъ при этомъ не присутствуетъ, такъ какъ для него оно не представляетъ ничего интереснаго и привлекательнаго. Браминъ бормочетъ непонятные санскритскіе тексты и подноситъ богамъ дары. Само богослуженіе даже не столько состоитъ изъ молитвъ, сколько изъ ухаживанія за идоломъ, какъ за живымъ существомъ: его одѣваютъ, кормятъ, растираютъ маслами, выносятъ на воздухъ и т. п. Самъ идолъ—очень безобразное изображеніе изъ камня и глины.

Болѣе просвѣщенные индусы исповѣдуютъ такъ называемую Веданту, или основанное на Ведахъ ученіе о нравственности.

Однимъ словомъ, индійская вѣра, не имѣя господствующей церкви, представляетъ хаосъ сектъ и толковъ самаго разнообразнаго характера.

Подъ влияніемъ этихъ религій и этой обстановки и выработались характерныя черты индусовъ. Каковы бы ни были вѣроучители, исторія показала въ этихъ всѣхъ сектахъ и религіяхъ, что мало-по-малу лишенная просвѣщенія масса снова впадала въ фетишизмъ, дѣлалась жертвой эксплуатаціи не менѣе невѣжественнаго духовенства, и что теперь только, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и распространеніемъ школы, начинаютъ исчезать предрасудки, въ которыхъ косятъ индійскіе народы. Уже теперь каждый округъ британскихъ владѣній въ Индіи имѣетъ школу, число безграмотныхъ быстро уменьшается, и можно надѣяться, что эти школы подымутъ лучшія черты индійскаго народа, а недостатки подавятъ. Однако всей этой массѣ общи черты, отличающія ее отъ другихъ народовъ.

Всѣмъ индусамъ свойственъ фатализмъ. Ихъ судьба предопредѣлена богами и борьба противъ этого предопредѣленія, наиримѣръ, въ слу-

чаѣ болѣзни, по ихъ мнѣнію, бесполезна. Все зло, по общему мнѣнію, есть продуктъ Майи—самообмана, самообольщенія, заставляющаго человѣка забывать, что онъ и создавшее его божество—едино.

Всѣ безъ исключенія индусы вѣруютъ въ переселеніе душъ, въ многократныя возрожденія въ низшихъ и высшихъ степеняхъ и во временныя наказанія въ различныхъ отдѣленіяхъ ада, при чемъ описанія ихъ весьма напоминаютъ тѣ, которыя рисуются для нашего народа на лубочныхъ картинкахъ. Такъ, ябедниковъ помѣщаютъ въ кипящее масло; обидѣвшихъ лицо высшей касты будутъ грызть свиньи; оскорбившаго религиозныхъ нищихъ воткнуть головой внизъ въ жидкую грязь. Убийца брамина будетъ собакою, осломъ, буйволомъ и т. п. Украдшіи золото у священника тысячу разъ будутъ возрождаться въ видѣ паука, змѣи и т. п. Существо, разъ потерявшее человѣческій обликъ, должно пройти черезъ 8.000.000 возрожденій, чтобы получить его вновь, проходя черезъ стадію камней, растений, водныхъ существъ, насѣкомыхъ, птицъ, животныхъ, людей низшихъ кастъ и браминовъ. Затѣмъ только оно сливается съ верховнымъ божествомъ Брамой.

Потому-то всѣмъ индусамъ обще также и воззрѣніе на смерть, какъ на избавленіе отъ золъ этой жизни, связанное съ надеждой на возрожденіе въ лучшей будущей. Но духу при этомъ приходится совершать далекое путешествіе, пока не достигнетъ онъ береговъ Ганга. Поэтому великимъ счастьемъ считается умереть или быть сожженнымъ на берегу этой рѣки. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по берегамъ Ганга, Джумны и другихъ его притоковъ путешественнику чаще, чѣмъ гдѣ-либо, приходится видѣть сцены сожженія покойниковъ.

Бенаресъ.

(Фонъ-дери-Лауница).

Лучшій способъ видѣть религиозную жизнь Бенареса—это провести раннее утро, отъ зари до 9 часовъ, въ лодкѣ на Гангѣ, плавая то внизъ, то вверхъ по теченію. Лодка, или, вѣрнѣе сказать, маленькія барки, приспособленныя для катанья по Гангу, очень удобны: широкія, съ высокой палубой, устроенной надъ крытымъ помѣщеніемъ, куда можно скрываться отъ палящихъ лучей солнца. Четыре гребца, полунагіе темные индусы низшей касты, сидятъ внизу, въ крытаго помѣщенія и орудуютъ то веслами, то баграми. Раннимъ утромъ лучше всего быть на палубѣ, съ которой, сидя въ удобномъ плетенномъ креслѣ, часами можно безпрепятственно слѣдить за всѣмъ происходящимъ и на набережныхъ, и на лѣстницахъ, и въ водѣ. Необычайное зрѣлище представляется глазамъ наблюдателя: къ красивому, оригинальному и поэтичному примѣшивается много страннаго, неяснаго и, повидимому, нелѣпаго.

Мягкій полусвѣтъ ранняго утра только что поборолъ ночью тьму надъ «святымъ Гангомъ». Невозмутимо величественно катитъ онъ свои мутныя волны мимо широкихъ каменныхъ лѣстницъ, опускающихся къ его водѣ съ лѣваго высокаго берега, на которомъ амфитеатромъ расположены дворцы, храмы, часовни, возвышаются конусообразныя крыши и купола стараго священнаго Бенареса.

Сонный бархатистый воздухъ пронизывается освѣжающими струйками вѣтра. Востокъ серебрится. Все просыпается: воркуютъ голуби на крышахъ, павлины расправляютъ свои красивые хвосты, сидя на высокихъ оградахъ; появляются обезьяны, направляющіяся къ садамъ и огородамъ за добычей. Надъ безконечными равнинами противоположнаго берега высоко въ воздухѣ трепещутъ жаворонки, весело воспѣвая появление зари,—«вѣчно юной», «вѣчно блестящей дочери неба», «лучезарной сестры темной ночи, застѣчиво-красивѣющей возлюбленной восходящаго солнца!»..

Всѣ жители Бенареса давно уже на ногахъ. Толпы индусовъ, мужчинъ и женщинъ, стремятся къ рѣкѣ, чтобы изъ воды привѣтствовать восходящее солнце.

Въ Индіи разсвѣтъ наступаетъ быстро, а имъ до восхода солнца такъ много надо совершить обрядовъ. Особенно браманамъ-жрецамъ предстоитъ много дѣла: вычистить зубы, выполоскать ротъ, поочередно прочистить то одну, то другую ноздрю, загѣмъ, зажавъ носъ, поупражняться въ задерживаніи дыханія, вымыть голову, завязать узломъ пучокъ волосъ на бритой головѣ, натереть тѣло пепломъ, разрисовать масляными красками особенные знаки на лбу ¹⁾. На все это едва хватаетъ времени до восхода солнца.

Всѣ поспѣшно раздѣваются: кто на ступеняхъ каменныхъ лѣстницъ, кто въ каменныхъ будкахъ, кто подъ навѣсомъ на плоткахъ, кто за развѣшанными простынями. Мужчины остаются въ набедренникахъ, женщины драпируются въ синія простыни, и вся толпа входитъ по полямъ въ воду.

Одни плаваютъ, другіе ныряютъ, барахтаются, всѣ чистятъ себѣ зубы палочками, полощутъ рты. Говоръ, смѣхъ, шумъ и гамъ!.. Но вотъ брызнули первые лучи солнца. Шумъ смолкаетъ моментально, всѣ поворачиваются спиной къ городу и ожидаютъ появленія свѣтила. Лишь только начинается вышлывать надъ равниной, по ту сторону Ганга, вся толпа привѣтствуетъ его «приношеніемъ воды»: черпая воду руками, индусы подбрасываютъ ее по направленію солнца; чѣмъ дальше отлетаютъ брызги, тѣмъ лучше для вѣрующихъ,—пріобрѣтень больше милостей;

¹⁾ Три горизонтальныя линіи на лбу изображаютъ трезубецъ — атрибутъ бога Шивы. Три вертикальныя линіи означаютъ три шага Вишны.

надъ толпою образуется ореолъ серебристыхъ водяныхъ брызгъ. Жрецы въ это время, неподвижно стоя надъ водою, сосредоточенно и торжественно шепчуть таинственный слогъ «а-у-м-омъ». Затѣмъ обращаются они къ солнцу съ слѣдующимъ воззваніемъ: «мы обожаемъ благородный свѣтъ божественнаго Савитри¹⁾, да оживить онъ наши молитвы! Богатыми приношеніями и молитвой просимъ мы его благодѣяній. Воодушевляемые молитвой, направляемые мудростью, мы, жрецы, жертвами и гимнами славимъ божественнаго жизнедателя».

Жрецы продолжаютъ молиться. «Вѣды,—говорятъ они, поливая себѣ макушку головы,—вѣды, дайте намъ силу и мощь; какъ любящія матери, благословите насъ и да проникнетъ въ насъ ваша святость! О, Гангъ, любимецъ Вишну, очисти насъ отъ грѣхорожденія и до смерти оберегай насъ, твоихъ служителей!» Наконецъ приступаютъ жрецы къ особенному обливанію, называемому «освѣженіе богамъ, мудрецамъ и предкамъ». Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: жрецъ перекладываетъ свою священную нить на лѣвое плечо и, зачерпнувъ рукою воды изъ рѣки, разгибаетъ ладонь и пропускаетъ воду струйками между вытянутыми пальцами той же руки. Второй разъ священная нить должна окружить шею, а вода должна вытекать изъ ладони между большимъ и указательнымъ пальцами. Въ третій разъ нить перекладывается на правое плечо, и вода вытекаетъ опять, какъ въ первый разъ. Подобными обрядами занято все утро жрецовъ, отъ зари до полудня.

Вотъ темный, скелетообразный старикъ одной рукою усердно бьетъ себя въ грудь, другой поливаетъ себѣ голову. Дальше молодой индусъ сосредоточенно черпаетъ воду въ мѣдную чашку и многозначительно выливаетъ ее обратно въ рѣку, повторяя это движеніе много разъ. Рядомъ стоящій съ нимъ, поднявъ высоко руку, вливаетъ себѣ воду въ ротъ. Нѣкоторые дуютъ на воду, другіе по уши въ водѣ производятъ въ ней клочкотаніе особеннымъ движеніемъ губъ.

Посмотрите на этихъ худыхъ, сморщенныхъ старухъ: однѣ изъ нихъ продолжительно вертятся въ водѣ, другія, поднявъ руки къ небу, олицетворяютъ собою восторгъ.

Сидя на плотахъ и нашептывая молитвы, жирные бѣлые браманы, съ лоснящимися, гладко выбритыми головами, лѣнливо похлопываютъ длинными вѣтками по водѣ, а надъ ними, на высокой набережной, среди суеты людскаго муравейника, неподвижно стоитъ съ протянутой рукою, весь покрытый пепломъ, точно окаменѣлый, фаярръ и воспаленными глазами упорно смотритъ на солнце.

Между толпою на набережной разгуливаютъ красивыя бѣлыя коровы; жрецы подбираютъ навозъ этихъ священныхъ животныхъ и смазываютъ

¹⁾ „Савитри“—это одно изъ именъ солнца.

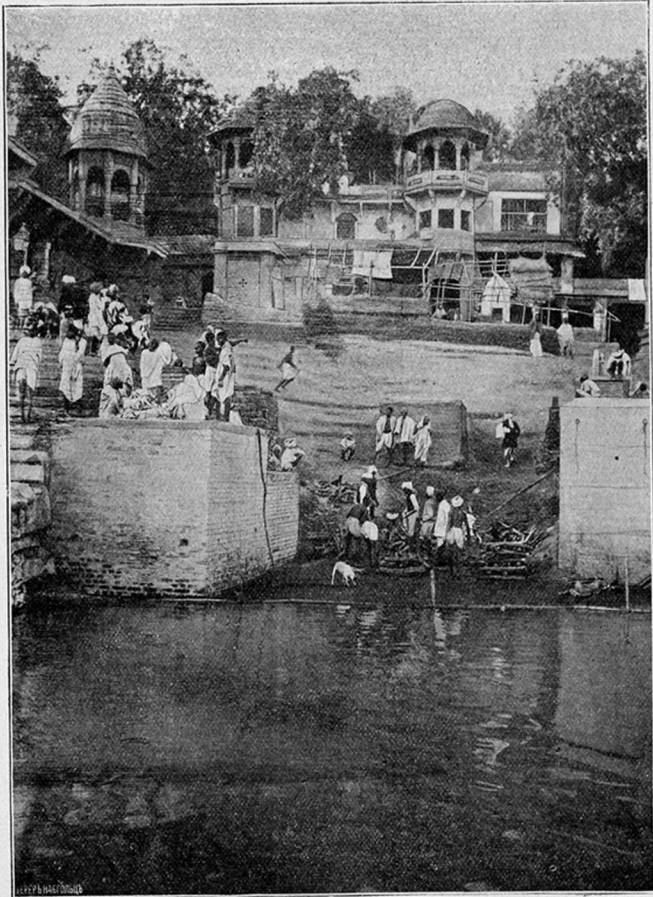
имъ стѣны храмовъ и домовъ,—навозъ этотъ имѣеть силу отгонять злыхъ духовъ.

Вотъ опять жрецы, сидя на пяткахъ, таинственно перебираютъ пальцами, скрывъ руку въ мѣщечкѣ изъ красной фланели; условными знаками они умудряются изобразить всѣ сто восемь воплощѣній Вишны.

Стройныя, задрапированныя женщины поднимаются по лѣстницѣ, съ мѣдными кувшинами на головѣ; другія спускаются къ рѣкѣ и бросаютъ въ нее длинныя гирлянды цвѣтовъ,—жасминъ, сирень, маргаритки; еще какіе-то ярко-желтые цвѣты уносятся теченіемъ мутныхъ волнъ, и между ними плывутъ и вырываютъ обугленные человѣческіе трупы. Тутъ же нѣкоторые индусы, по поясъ въ водѣ, съ наслажденіемъ пьютъ эту воду и наполняютъ ею большіе мѣдные шарообразные кувшины. Тутъ же моютъ бѣлье; тутъ же плещутся и играютъ безпечныя дѣти, а немного дальше, на берегу рѣки, пылаютъ костры.

Наша барка поровнялась теперь съ очень священной лѣстницей, однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сжигаются трупы. Пахнетъ дымомъ, копотью и чадомъ. Въ окружающей обстановкѣ ни малѣйшей торжественности, берегъ даже отличается запущенностью: полуразвалившіяся ступени каменной лѣстницы, кое-гдѣ небрежно оборудованная набережная, полуразрушенная часовня, храмъ «бога спасенія», не представляющій ничего особеннаго, и груды сложенныхъ дровъ, образующихъ фонъ картины. На первомъ планѣ, надъ самой водой, сидитъ на пяткахъ полунагой молодой индусъ и блаженно улыбается,—онъ видимо чѣмъ-то очень доволенъ: передъ нимъ трупъ его родителя, обернутый въ простыню, привязанный къ длиннымъ бамбуковымъ палкамъ и наполовину погруженный въ воду, ногами впередъ. Молодой человѣкъ вымачиваетъ его въ священной водѣ, пока складывается костеръ, на которомъ онъ сожжетъ его. Какъ любящій сынъ и набожный человѣкъ, молодой индусъ доволенъ и счастливъ, что можетъ исполнить завѣтную мечту покойнаго отца—сжечь его тѣло въ Бенаресѣ и опустить его кости въ Гангъ, въ эту священную рѣку, по преданію истекающую изъ головы Шивы. Нѣтъ грѣха, несмываемаго Гангомъ, особенно подъ Бенаресомъ, гдѣ всякая пядь земли священна.

И тянутся къ Бенаресу длинныя вереницы паломниковъ вдоль рѣки, приносятъ сюда больныхъ и умирающихъ, приносятъ трупы или пепелъ своихъ покойниковъ. Съ древнѣйшихъ временъ, тысячелѣтніями продолжается тутъ все то же движеніе чающихъ спасенія. Болѣе сотни тысячъ пилигримовъ перебиваютъ здѣсь въ продолженіе года, не считая тѣхъ, которые являются къ праздникамъ Рамлила и Дивала. Не обращая вниманія ни на свою слабость, ни на трудности пути, тащатся сюда со всѣхъ сторонъ Индіи еле живыя старухи, трясущіеся старцы, поддерживаемые иногда внуками, чтобы передъ смертью окунуться въ священ-

Сожженіе покойниковъ на берегу Ганга.

ныя волны Ганга, испить священной воды и умереть спокойно въ священнѣхъ стѣнахъ священнаго города. Бенаресъ главнымъ образомъ привлекаетъ къ себѣ дряхлыхъ стариковъ и старухъ, но приходятъ и молодые, и здоровые, тутъ можно встрѣтить представителей всѣхъ возрастовъ, всѣхъ кастъ, и нищихъ, и богатыхъ, занятыхъ людей и праздношатающихся, воиновъ, земледѣльцевъ, купцовъ, жрецовъ, мудрецовъ и особенно много факировъ.

Въ былыя времена владѣтельные князья Индіи, раджи и махараджи, являлись сюда, сопровождаемые многочисленной свитой, и принимали дѣятельное участіе въ религіозныхъ празднествахъ и пышныхъ процессіяхъ, стараясь превзойти другъ друга богатыми пожертвованіями въ пользу храмовъ и жрецовъ. Многие изъ индусскихъ князей выстроили себѣ тутъ дворцы, но въ нынѣшнія времена большинство изъ нихъ рѣдко обитаемы.

Число же остальныхъ пилигримовъ, говорятъ, увеличилось за послѣдніе годы. Каждое утро смѣшиваются они съ коренными жителями Бенареса, совершаютъ обряды то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, по очереди обходятъ всѣ достопримѣчательности и погружаются въ воду во всѣхъ священнѣхъ мѣстахъ. По утрамъ всюду у воды болѣе или менѣе много народа; но есть особенно излюбленныя лѣстницы, на которыхъ временами буквально кишмя кишатъ несметныя толпы индусовъ. Тутъ ежедневно налицо около 25.000 однихъ жрецовъ, проживающихъ въ Бенаресѣ, а представителей остальныхъ кастъ можетъ быть и въ десять разъ больше.

И надъ всѣмъ этимъ необычайнымъ движеніемъ въ водѣ, надъ всѣмъ этимъ полувагимъ народомъ на лѣстницахъ амфитеатромъ стоятъ оригинальныя строенія стараго города, растянутаго вдоль берега Ганга на протяженіи восьми километровъ.

Общій видъ Бенареса чрезвычайно красивъ, особенно съ рѣки. Въ немъ болѣе полуторы тысячи храмовъ, и всѣ эти разнообразныя куполы, большіе и малые конусы, съ ихъ кеглеобразными украшеніями, всѣ эти каменныя эмблемы пламени придаютъ ему необычайную оригинальность и живописность.

Картиность Бенареса обуславливается также изгибами рѣки и неправильностью ея береговой линіи. Берегъ не вездѣ одинаковой высоты и очень разнообразно спускается къ водѣ, то крутыми скатами, то холмистыми и откосами, кое-гдѣ образуя отмели, въ другихъ мѣстахъ обрывы и отмонины.

Многоэтажныя каменные дома съ балконами, галлереями и плоскими крышами громоздятся безъ всякой симметричности на неровной поверхности берега, образуя то ниже, то выше прихотливыя группы зданій, окаймленныхъ темной зеленью пышныхъ мангъ, перистой зеленью мимозъ и другихъ роскошныхъ деревьевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зданія

надвигаются къ водѣ, въ другихъ они отдѣлены отъ рѣки садами или площадями, служащими для разгрузки привозимыхъ балокъ, каменныхъ плитъ, сѣна, соломы и т. д. Набережная не представляетъ ничего правительнаго, всюду царствуетъ живописный беспорядокъ: рядомъ съ мраморнымъ дворцомъ видѣется обвалившаяся стѣна, дикій обрывъ, поросшій кустарникомъ, въ которомъ прыгаютъ козы. Во многихъ мѣстахъ отмени употребляютъ для свалки дровъ и хвороста, пологій берегъ оставленъ въ своемъ естественномъ видѣ и его окружаетъ цѣлая флотилія лодокъ и барокъ съ высокими бамбуковыми мачтами. Въ другихъ мѣстахъ берегъ укрѣпленъ высокой каменной стѣной, отвѣсно погружающейся въ воду. Дальше устроены искусственныя набережныя съ каменными выступами. Сорокъ семь широкихъ каменныхъ лѣстницъ спускаются изъ города къ рѣкѣ, пересѣкаются площадками, на которыхъ возвышаются высокоглавыя часовенки и павильончики. Нѣкоторые дома и дворцы, выстроенные почти надъ самой рѣкой, отличаются необыкновенно высокими фундаментами, напоминающими крѣпостныя или тюремныя стѣны. Напротивъ, верхніе мраморные фасады этихъ зданій производятъ впечатлѣніе легкости и воздушности, благодаря непрерывному ряду большихъ оконъ безъ стеколъ; этому впечатлѣнію еще болѣе способствуютъ плоскія крыши, съ легкими павильончиками по угламъ, обнесенныя, подобно террасамъ, изящными сквозными перилами. У подножія дворцовъ часто тѣнятся маленькія часовни съ миниатюрными портиками и высокими куполами, въ видѣ пламени; узкія каменные ступеньки круто спускаются отъ палатей къ площадкамъ; ниже, поблизости къ водѣ, построено множество каменныхъ будокъ съ плоскими крышами, въ видѣ лежанокъ, на которыхъ индусы прохлаждаются послѣ купанья; для этой же цѣли въ другихъ мѣстахъ прилажены деревянные помосты. Въ водѣ, у самаго берега, безконечное число маленькихъ плотовъ, и всѣ эти пристройки, выступы, ступени, площадки, лежанки, террасы оживлены по утрамъ множествомъ народа, который копошится, гомозится, торгуетъ, закусываетъ, калякаетъ, прохлаждается, отдыхаетъ, мечтаетъ и философствуетъ подъ тѣнью громадныхъ зонтиковъ изъ цыновокъ. Какъ гигантскіе грибы на тоненькихъ ножкахъ, появляются всюду эти зонтики-шты, по мѣрѣ того, какъ солнце начинаетъ палить.

Раннимъ утромъ воздухъ свѣжъ, чистъ и прозраченъ. Нѣжная дымка розовой дали придаетъ необыкновенную прелесть живописному берегу рѣки. Потоки солнечнаго свѣта теплой волной заливаютъ косыя площадки широкихъ лѣстницъ, пестряющихъ народомъ. Утренніе лучи солнца красиво освѣщаютъ всѣ зданія города, играютъ и переливаются по свѣтлокаменнымъ рѣзнымъ куполамъ, оживляютъ пламеновидные верхи часовень, ярко горятъ на темнокрасныхъ конусахъ и башняхъ, свозлятъ и искрятся по златоглавому храму «бога яда», придаютъ стройность ко-

лоннадамъ, прозрачность перламът, воздушность балконамъ и навильонамъ, придаютъ всему особенную свѣжесть и поэтичность.

Но вотъ солнце поднялось выше и все измѣнилось; при яркомъ освѣщеніи сверху картина теряетъ свое прежнее обаяніе, все становится рѣзче, грубѣе, тяжелѣе; обнаруживается грязь и неприглядность города; къ тому же при дѣйствіи палящихъ лучей солнца отовсюду поднимаются зловонія: запахъ гниющихъ цвѣтовъ присоединяется къ дыму и копоти костровъ, къ удушливымъ испареніямъ грязныхъ улицъ и дворовъ, смрадныхъ прудовъ и колодезевъ.

Яркое, раздражающее отраженіе свѣта съ поверхности мутной рѣки неприятно, утомительно дѣйствуетъ на глаза и на голову, ощущается потребность скорѣе выйти въ тѣнь.

Набережная пустѣетъ; остается на рѣкѣ только работающій людъ, нагружающій барки.

Жрецы, а за ними пилигримы и толпа празднующихся, направляются къ храмамъ и часовнямъ для исполненія новыхъ обрядовъ. Жрецамъ надо теперь заняться мытьемъ идоловъ и окропленіемъ всѣхъ жертвоприношеній.

Быстрымъ и шумнымъ потокомъ разливается толпа по всѣмъ направленіямъ города, по всему лабиринту извилистыхъ, узенькихъ, скрытыхъ, грязныхъ, полутемныхъ переулковъ, съ нависшими галлереями домовъ, съ рядами лавокъ и лавченокъ, беспорядочно заваленныхъ мѣдными издѣліями, главной спеціальностью Бенареса.

Кувшины, вазы, чашки, кубки, маленькіе алтари, идолы переполняютъ лавки и обвѣшиваютъ ихъ даже снаружи, на улицѣ. Вездѣ грязно, вездѣ тѣсно настолько, что экипажи немислимы въ центрѣ города.

Почти всѣ храмы застроены частными домами или скрыты за высокими оградами, и, чтобы разглядѣть ихъ оригинальные куполы, надо подняться въ верхній этажъ близстоящаго дома.

Несмотря на красоту города издали, вблизи онъ очень непригляденъ. Въ немъ нѣтъ ни одного особенно древняго зданія, хотя Бенаресу около трехъ тысячъ лѣтъ. Монголы, завоевавъ Бенаресъ въ 1194 году послѣ Р.Х., уничтожили всѣ бышіе въ немъ храмы. Владычество монголовъ продолжалось нѣсколько столѣтій (до англійской оккупациі въ 1775 г.) и понинѣ напоминаетъ оно о себѣ большой мечетью, воздвигнутой побѣдителями въ священнѣйшей мѣстности города, на фундаментѣ разрушеннаго ими храма Шивы. Побѣдоносно парятъ и теперь высоко надъ всѣми куполами города два стройныхъ мусульманскихъ минарета; во побѣдоносность эта только кажущаяся: побѣжденные давно отомстили за поруганіе своей святыни и такъ застроили главный входъ въ мечеть, что мусульмане, какъ воры, должны прокрадываться въ нее черезъ узенькую боковую дверь.

Изъ индусскихъ храмовъ Бенареса самый почитаемый и болѣе всѣхъ посѣщаемый храмъ «бога яда», «Бишешваръ»—съ замѣчательнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, золотымъ куполомъ. «Богъ яда» тотъ же Шива, главное божество Бенареса. Но въ храмѣ «Бишешварѣ» нѣтъ изображенія этого бога, а воздвигнуть только простой коническій камень, которому и поклоняются. Вѣрующій приноситъ въ мѣдномъ кувшинѣ немного воды изъ Ганга, обливаешь ею камень, звонить въ висящій тутъ же колоколь, чтобы обратить вниманіе бога на свое приношеніе, низко кланяется, бормочетъ тексты, нѣсколько разъ выкрикиваетъ имя бога, и, обмакнувъ палецъ въ красную краску, каждый поклонникъ ставитъ себѣ точку среди лба и отправляется дальше.

Въ храмахъ постоянное движеніе, постоянный шумъ; благоговѣйная тишина отсутствуетъ вполне, входящіе и выходящіе безцеремонно громко разговариваютъ между собою: по понятіямъ индусовъ, шумъ усиливаетъ значеніе всякой религіозной церемоніи и пріятенъ богамъ.

Побывавъ въ главномъ храмѣ, тогда направляется къ другимъ, преклоняется передъ своими излюбленными богами и испрашиваетъ себѣ милостей по специальностямъ боговъ.

Тутъ богиня «Сидла» избавляетъ отъ оспы; тамъ богиня «Гайри» излѣчиваетъ отъ лихорадки; «Бараханъ-Девя» уничтожаетъ опухоль рукъ и ногъ, а въ храмахъ «Шукарзешваръ», посвященныхъ планетѣ Венерѣ, особенными молитвами выпрашиваютъ себѣ красивыхъ сыновей.

Вокругъ храма богини «Аннапурна» собираются преимущественно нищіе, убѣжденные, что этой богинѣ поручено кормить ихъ. «Анна» значитъ пища, «пурна»—наполняющая. И дѣйствительно, пустые желудки наполняются здѣсь всякими съѣдобными жертвоприношеніями, присылаемыми богатыми людьми для раздачи нищимъ.

Въ одномъ мѣстѣ тогда поклоняется изображеніямъ змѣй; въ другомъ навѣщаетъ священныхъ обезьянъ и угощаетъ ихъ сластями; въ третьемъ кормитъ священныхъ коровъ свѣжей травой и цвѣтами; въ четвертомъ подноситъ сахарныхъ собакъ идолу Шивы съ серебрянымъ лицомъ и четырьмя руками: богъ этотъ особенно покровительствуетъ собакамъ и ѣздитъ иногда на собаѣхъ невидимкѣ. Жрецъ этой часовни обмахиваетъ приходящихъ вѣеромъ изъ павлиньихъ перьевъ, этимъ отгоняя злыхъ духовъ, за что получаетъ подаваніе, собираемое имъ въ скорлупу кокосоваго орѣха.

Тогда обходитъ священные пруды и колодцы, въ которыхъ обитаютъ боги. Одинъ такой прудикъ отличается особенно гнилой водой, которая однако пользуется преимуществомъ очищать людей отъ самыхъ ужасныхъ грѣховъ. Со всѣхъ сторонъ Индіи являются кающіеся преступники и за дорогую плату жрецамъ получаютъ позволеніе погрузиться въ эту гнилую воду. Жрецъ сопровождаетъ преступника, съ нимъ вмѣстѣ

сходить въ прудъ, читаетъ тамъ извѣстныя молитвы, повторяемыя грѣшникомъ, послѣ чего уже получается отрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ.

Народъ бросаетъ въ колодны и пруды множество цвѣтовъ, сладкое печенье, фрукты, рисъ, сандалъ и вливаетъ туда молоко. Жрецы усердно поливаютъ всѣ эти приношенія священной водой изъ Ганга и этимъ ускоряютъ процессъ гніенія. Воздухъ въ городѣ зараженъ всюду, но самая ужасная атмосфера паритъ надъ знаменитымъ «Колодцемъ Знанія», обитаемымъ Шивой. Легенда гласитъ, что когда монголы разрушили храмъ этого бога, то идоль его по собственному влеченію выбралъ себѣ этотъ пріютъ. Съ тѣхъ поръ индусы приносятъ ему такія обильныя жертвы, такъ усердно и при этомъ такъ неряшливо поливаютъ ихъ водой, что большія лужи стоятъ вокругъ колодца и слякоть облипаютъ ноги посѣтителей. Наплывъ народа и толкотня здѣсь невообразимы; постоянно являются новыя группы на смѣну уходящимъ, все вновь приносятся свѣжіе цвѣты и высыпаются въ колодець.

Надо побывать въ Бенаресѣ, чтобы понять, до чего подавляюще дѣйствуетъ запахъ гніющихъ растений, никогда не сметаемыхъ и только вновь оропляемыхъ водой. Ноги скользятъ по липкой грязи изъ раздавленныхъ цвѣтовъ, покрывающихъ улицы. Съ опасеніемъ двигаешься по всѣмъ этимъ грязнымъ извилистымъ переулкамъ, и всюду вновь натыкаешься на маленькіе алтари среди улицы, вокругъ которыхъ грязь еще гуще! Въ Бенаресѣ поразительно много идоловъ и всѣмъ имъ болѣе или менѣе предподносятъ цвѣты. Почти на всѣхъ перекресткахъ, надъ многими дверьми, почти на всѣхъ углахъ домовъ устроены ниши, въ которыхъ возсѣдаютъ уродливыя боги, выкрашенные то въ красный, то въ синий цвѣта. Генеца—божокъ со слоновою головою, Кали—съ ожерельемъ изъ человѣческихъ головъ, Гангуманъ, царь обезьянъ, и масса другихъ боговъ, многорукихъ, многоногихъ, многоголовыхъ!..

Нѣкоторые стѣны храмовъ и домовъ разукрашены грубо намалеванными громадными фигурами боговъ и животныхъ.

Голова кружится отъ этого безмѣрнаго нагроможденія уродливыхъ формъ, становится дурно отъ зловоній, отъ толкотни и тѣсноты, отъ всего этого спящего народа, отъ грязныхъ факировъ, отъ гримасъ обезьянъ. Васъ оглушаетъ говоръ толпы, воркованіе безчисленныхъ голубей, шумъ во дворахъ храмовъ, грохотъ барабановъ, звонъ колокольчиковъ, неистовое выкрикиваніе именъ излюбленныхъ боговъ, бормотаніе жрецовъ, которые къ тому же утомляютъ своимъ назойливымъ попрошайничествомъ; каждый изъ жрецовъ старается привлечь чѣмъ-нибудь вниманіе иностранца, набрасываютъ на него кашканы, т.е. гирлянды изъ цвѣтовъ,—поэтичный индійскій обычай при приѣмѣ гостей, превращенный алчными жрецами въ вымогательство денегъ.

Съ облегченнымъ сердцемъ, точно пробуждаемый отъ лихорадочнаго

сна, выходишь, наконец, из этого удручающего лабиринта на широкую улицу, прорывающую туземный городъ во всю его длину. Садишься въ экипажъ и отъѣзжаешь въ европейскій кварталъ; въ немъ много простора, какъ во всѣхъ англо-индійскихъ кварталахъ; широкія аллеи, паркъ, отдѣльно стоящія одноэтажные дома, окруженные садами, англійская церковь, маленькое кладбище съ клумбами цвѣтовъ, казармы, школы, университетъ. Но несмотря на то, что все чисто, что сады благоухаютъ, что отель, въ которомъ вы остановились, въ трехъ верстахъ отъ туземнаго города, васъ продолжаетъ преслѣдовать тошнотворный запахъ гниющихъ цвѣтовъ!... Вы не можете отдѣлаться отъ этого впечатлѣнiя, запахъ этотъ примѣшивается ко всему, лишаетъ васъ аппетита и сна,—однимъ словомъ, отравляетъ вамъ существованiе.

День индусскаго крестьянина.

(С. Лимбаха).

Потру раньше всѣхъ—«съ пѣтухами»—поднимается хозяйка. Въ Индiи она главная рабочая сила, руки, а подчасъ и голова семейства. Мужъ чувствуетъ себя царемъ творенiя и поэтому считаетъ покой первымъ долгомъ гражданина.

Это не значить конечно, чтобы на его долю не выпадали нѣкоторыя заботы. Непримѣръ, индусская женщина только въ очень рѣдкихъ случаяхъ пахнетъ или боронитъ: ея прикосновенiе можетъ осквернить борону и плугъ, эти священные орудiя земледѣлiя. Такъ же рѣдко случается, чтобы женщина правила телѣгомъ съ быками. Это работа легкая и не исключаетъ мечтательнаго покоя. Въ южномъ Деканѣ сплошь и рядомъ случается, что дорога оказывается загороженной—на пути стоитъ телѣга съ сладко спящимъ возницей. Для индуса въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ жизнь извозчика является идеальной. Вздать онъ большею частью ночью, и чудесно спится ему на высокой телѣгѣ, нагруженной мѣшками хлопка. Днемъ скотъ кормится, т.-е. поѣдаетъ свою охапку соломы, или пасется на лѣсной прогалинѣ, а погонщикъ, плотно закусивъ и насладившись дымомъ грошовой сигары, предается желанному покою. Разумѣется, здѣсь все время идетъ рѣчь о крестьянинѣ-собственникѣ, живущемъ доходами со своей земли,—поденщикъ (хули) ежедневно добываетъ свой хлѣбъ цѣною тяжелаго труда.

Итакъ, почти всѣ хозяйственныя заботы падаютъ на долю женщины. Первой заботой индусской крестьянки является совершенiе туалета. Индуска причесывается не каждый день, зато посвящаетъ много времени уходу за своимъ ртомъ: она полощетъ его, откашливается, отплевывается, потомъ тщательно чиститъ зубы кусочкомъ мелкаго дерева, содержащаго какое-то вяжущее, очень полезное для десенъ вещество.

Вообще всё индусы слѣдятъ за своими зубами. Къ сожалѣнію, зубамъ сильно вредитъ постоянное жеванье листьевъ бетеля съ орѣхами арека и гашеною известью, отъ которой зубы черезъ годъ уже начинаютъ крошиться. Поэтому у стариковъ рѣдко встрѣчаются хорошіе зубы.

Послѣ совершенія первой части туалета—вторая совершается позже, послѣ обѣда—индуска приступаетъ къ уборкѣ дома. Полъ въ хижинѣ земляной, поэтому, простое мытье водою неудобно. Но у хозяйки уже имѣется запасъ коровьяго навоза, собраннаго утромъ послѣ угонки скота въ поле или наканунѣ вечеромъ на улицѣ или пастбищѣ. Женщины собираютъ навозъ съ удивительнымъ усердіемъ. Каждая хочетъ набрать больше всѣхъ. Не обходится безъ споровъ и ссоръ, если двѣ-три сборщицы набродятся разомъ на особенно большую кучу. Порою сборъ бываетъ такой обильный, что иная ловкая женщина набираетъ не одну, а нѣсколько корзинъ. Въ такомъ случаѣ она складываетъ излишекъ большими кучами по краю улицы, пока не кончитъ сбора и не снесетъ домой послѣдней корзинны. Случается иногда, хотя сравнительно рѣдко, что такая куча расхищается въ отсутствіе ея владѣлицы; но горе злодѣйкѣ, застигнутой на мѣстѣ преступленія! Она получаетъ богатое воздаяніе словами, а то и дѣйствіемъ. При сборѣ помета женщины обнаруживаютъ поразительную ловкость: поддерживая на головѣ наполненную навозомъ корзину, онѣ скатываютъ ногою пласты помета, ногою же поднимаютъ его съ земли и потомъ рукой взбрасываютъ въ корзину.

Собранный пометъ размѣшивается съ водою и образуетъ жидкое гѣсто, которымъ индуска мажетъ полъ хижины прямо руками или пучкомъ травы; часто вымазываются также и стѣны на высоту около метра. Европейцамъ такой способъ уборки кажется неприятнымъ и противнымъ, но онъ имѣетъ свое основаніе: слой навозной жидкости служитъ защитой отъ многочисленныхъ бесплатныхъ «жилицъ» дома.

Покончивъ съ уборкой пола, нѣкоторыя женщины рисуютъ на гѣстницѣ передъ дверью какой-нибудь священный знакъ красной краской въ защиту противъ злыхъ силъ. Послѣ этого индуска отправляется за водою къ ближайшему пруду, если только у нея во дворѣ нѣтъ собственнаго водоема. Обыкновенно, водоемы имѣются только у зажиточныхъ людей, такъ какъ ихъ приходится рыть очень глубоко; вытаскивать воду изъ такихъ колодезевъ дѣло не легкое, и обыкновенно это дѣлаютъ двѣ женщины вмѣстѣ. Возругъ горла мѣднаго или глинянаго сосуда обвязывается веревка, перекинутаая черезъ блокъ надъ колодезю. Женщины тянутъ сосудъ изъ колодца, упираясь всею тяжестью тѣла и попеременно, то одна, то другая, перехватывая веревку руками. Наполненные сосуды ставятся—одинъ на голову, при чемъ поддерживается рукой, другой на бедро и лѣвая рука обвивается вокругъ его

горла. Но по большей части крестьяне добываютъ необходимую воду изъ естественныхъ водоемовъ и прудовъ, лежащихъ вблизи всякой деревни. Въ этихъ прудахъ собирается вода, стекающая съ окрестныхъ холмовъ и возвышенностей послѣ сильныхъ, сопровождаемыхъ грозой ливней. О чистотѣ такой воды говорить не приходится. Прежде всего приходящія къ пруду женщины входятъ по колѣна въ воду, моютъ въ ней ноги, посуду, полощутъ ротъ, плюютъ; кромѣ того, четвероногіе обитатели деревни постоянно избираютъ эти пруды мѣстомъ своего купанья и грязнятъ воду немилосердно.

Эти пруды служатъ не только водохранилищами, они представляютъ собою въ то же время нѣчто въ родѣ мѣста для собранія или клуба индусскихъ женщинъ, которыя также не прочь поболтать о деревенскихъ новостяхъ и сплетняхъ, какъ ихъ европейскія сестры.

Натаскавши воды, крестьянка принимается готовить обѣдъ своему супругу и повелителю. Обѣдъ крестьянина въ южномъ Деканѣ составляютъ просыяныя лепешки изъ собственной муки (въ зажиточныхъ домахъ, а также въ торжественныхъ случаяхъ просыяныя лепешки замѣняются пшеничными). Изъ муки съ водой готовится довольно густое тѣсто, которое раскатывается наподобіе тѣста для лапши. Этотъ тонкій пластъ складывается вчетверо и снова раскатывается, такъ что получаются четыре ничѣмъ несвязанныхъ слоя. Приправой къ этимъ лепешкамъ служатъ тушеные овощи, очень вкусно приготовленные съ саломъ и различными пряностями.

Пока жена занимается утренними хозяйственными работами, встаетъ мужъ. Онъ совершаетъ свой туалетъ, какъ и его жена. Только для лучшаго очищенія рта и глотки онъ съ нѣсколькими друзьями прибѣгаетъ къ помощи самодѣльной сигары, которая дѣлается изъ свернутаго мангового листа, наполненнаго табакомъ и обвязаннаго травинкой. При куреніи этой сигары сложенные ладонями другъ къ другу руки курильщика играютъ роль мундштука. Дымъ частью выдыхается, частью проглатывается. Крѣпкій индійскій табакъ дѣлаетъ свое дѣло: со всѣхъ сторонъ поднимается усиленное откашливанье и отплевыванье—и первая часть туалета закончена.

Если въ этотъ день нѣтъ никакой особенной полевой работы, въ скоромъ времени на верандахъ у лавокъ, около школы собираются группы оживленно бесѣдующихъ мужчинъ. Между тѣмъ послѣвѣаетъ обѣдъ, и каждый мужчина возвращается въ свой домъ. Во время бѣды индусъ не терпитъ никакой помѣхи. Последнее и самое дѣйствительное средство противъ надоедливыхъ и неприятныхъ посѣтителей—это слова: «я обѣдаю!» Они замѣняютъ европейское: «нѣтъ дома». Индусъ рѣшается ѣсть въ присутствіи постороннихъ только въ крайнемъ случаѣ, но охотно наблюдаетъ за тѣмъ, какъ ѣстъ европеецъ.

Европеица поражает непомѣрное количество пищи, которую индусъ можетъ поглотить въ одинъ присѣсть. Наблюдая за гостями на свадебномъ пиру, легко повѣрить, что обычное мнѣніе индусовъ, утверждающее, что человѣческое тѣло—большой мѣшокъ, наполняющійся во время ѣды, не совсѣмъ несправедливо. Зато индусъ можетъ необыкновенно долго голодать и при этомъ исполнять кое-какую, хотя бы и ничтожную на взглядъ европейца работу. Такъ, напримѣръ, бѣдняки поденщики въ обѣденное время съѣдаютъ совершенно ничтожное количество пищи, и только вечеромъ, передъ сномъ, получаютъ сытную ѣду; при этомъ они весь день работаютъ не ѣвши. Изумительна также ловкость, съ которою индусъ ѣсть руками не только хлѣбъ и рисъ, но и перечный соусъ, которымъ рисъ полить. Все это онъ продѣлываетъ такъ чисто и аккуратно, что вовсе не нуждается въ салфеткѣ. Вообще не слѣдуетъ чрезчуръ ужасаться индусскаго обычая ѣсть руками, такъ какъ у индуса руки чисто моются до и послѣ ѣды; точно такъ же полощется ротъ и моется все лицо. Такъ же чисто полощется и моется посуда, въ особенности латунная.

Тарелки бываютъ большею частью изъ латуни; онѣ похожи на наши большія тарелки, но безъ плоскаго края. Въ дорогѣ и въ торжественныхъ случаяхъ индусъ употребляетъ вмѣсто тарелки чисто вымытый кусокъ банановаго листа. Послѣ ѣды индусъ полощетъ ротъ и горло и пьетъ воду. Удивительно, что при этомъ индусъ не подноситъ ко рту сосудъ съ водою, а очень искусно плещетъ воду въ широко открытый ротъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Основаніе этого обычая лежитъ въ повѣрьи, что слюна человѣческаго рта нечиста и малѣйшее количество ея, попавшее во время питья на сосудъ, оскверняетъ его. На основаніи этого же повѣрья курильщикъ, какъ сказано выше, не беретъ свою сигару въ ротъ. Послѣ обѣда индусъ жуетъ неизбежный бетель и предается сладостному отдыху.

Посмотримъ на послѣобѣденныя занятія женщины. Теперь на первомъ планѣ стоитъ добываніе топлива и корма для скота. Если поблизости отъ деревни находится лѣсокъ или кустарникъ, нѣсколько женщинъ отправляются вмѣстѣ собирать сухое дерево какъ для собственнаго употребленія, такъ и на продажу болѣе зажиточнымъ односельчанамъ. Такое коллективное собираніе дровъ имѣетъ въ виду не только удовольствіе сборщицъ, но и защиту отъ дикахъ звѣрей, которыхъ пугаетъ шумъ, поднимаемый женщинами.

Интересно наблюдать своеобразную походку, нѣчто среднее между шагомъ и рысью, которой идутъ мужчины и женщины, когда несутъ большую тяжесть; эта походка соединяетъ ритмичность движенія съ быстротою. По большей части она сопровождается пѣніемъ.

Во внутреннемъ Деканѣ ощущается большой недостатокъ лѣса,

потому топливомъ служить коровій помётъ. Онъ собирается вышеописаннымъ способомъ, потомъ изъ него дѣлаютъ руками большія лепешки, бросаютъ ихъ съ силой объ стѣну, такъ что онѣ прилипаютъ и висятъ до тѣхъ поръ, пока онѣ, высохнувъ на солнцѣ, не отвалятся и не сдѣлаются годными для топки. Въ благоприятное время года такія лепешки заготавливаются массами и складываются толстыми рядами. Величина этихъ рядовъ составляетъ гордость хозяйки дома. Сухой коровій помётъ хорошо горитъ и даетъ долго держащееся тепло, какъ древесный уголь.

Заготовивъ топливо, индуска приступаетъ ко второй части своего туалета—купанью, или, вѣрнѣе, мытью тѣла. Индусы любятъ горячее купанье, настолько горячее, что европейцы боялись бы ошпариться. Но обыкновенно вода берется изъ большого сосуда, который постоянно стоитъ на солнцѣ и нагревается въ достаточной степени. Индусы не знаютъ ничего, похожего на ванну. Купающійся, почти не прикрытый одеждой, стоитъ на «купальномъ» камнѣ на дворѣ и поливаетъ себя изъ маленькаго ковшъ одной рукой, а другой основательно третъ свое тѣло; часто можно видѣть, какъ мужъ сидитъ на полу и растираетъ себя обѣими руками въ то время, какъ жена льетъ на него воду. При купаньи моются также и волосы, которые въ нѣкоторыхъ кастахъ мужчины и женщины носятъ почти одинаковой длины; послѣ купанья распущенные волосы сохнутъ на солнцѣ вмѣстѣ съ малымъ количествомъ одежды имѣвшейся на тѣлѣ купальщика.

Какъ уже сказано выше, женщина убираетъ свою голову не ежедневно, а смотря по потребности и ощущенію—одинъ или два раза въ недѣлю. При этомъ требуется помощь подруги. Причесывающаяся женщина садится на землю, подруга становится сзади и заботливо, прядъ за прядью, распускаетъ волосы, которые не заплетены въ косы, а просто туго закручены и сильно спутаны отъ сна въ прическѣ. Затѣмъ подруга основательно расчесываетъ распутанные волосы острой деревянной гребенкой и снова скручиваетъ ихъ. Когда прическа окончена, подруги мѣняются мѣстами.

Послѣ купанья, намоловъ муки къ слѣдующему дню и кадравъ коровьяго помета, индуска занимается приготовленіемъ корма для скота. Луговъ въ нашемъ значеніи этого слова въ Индіи нѣтъ. Пастбище представляетъ необработанную землю, покрытую низкорослой травой и кустами. Особенно замѣтно отсутствіе полевыхъ цвѣтовъ. Въ травѣ изрѣдка мелькаютъ мелкіе цвѣточки; богатствомъ цвѣтовъ отличаются только кустарники и деревья. Трава на этихъ пастбищахъ такъ коротка, что срывать ее дѣло не легкое. Нѣсколько длиннѣе она въ тѣнистыхъ и влажныхъ мѣстахъ. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ лучшая трава растетъ по краямъ рисовыхъ полей, гдѣ ее и срываютъ послѣ жатвы.

Между тѣмъ наступаетъ вечеръ; со всѣхъ сторонъ сходятся стада

съ пастбища. Но прежде всего они спѣшать не къ родимому хлѣву, а къ пруду, гдѣ скотъ купается и уголяетъ свою жажду. Купанье безусловно необходимо для буйволовъ, которые часто цѣлыми часами лежатъ въ прудахъ или илистыхъ лужахъ, частью съ тѣмъ чтобы освѣжиться, частью чтобы прикрыть себя слоємъ ила для защиты отъ надоедливыхъ наѣтковыхъ. Если возможно, они забираются въ воду такъ глубоко, что на поверхности видны только носъ и глаза. Изобиліе паразитовъ служитъ причиною того, что скотъ терпѣливо переноситъ на себѣ присутствіе воронъ и другихъ птицъ, поѣдающихъ наѣтковыхъ. Птицы обыскиваютъ уши, поклевываютъ около носа, цѣпляются за хвосты: скотъ терпѣливо сноситъ все. Наконецъ, скотъ въ хлѣву и снабженъ кормомъ. Солнце зашло.

Теперь, пока женщины готовятъ ужинъ, мужчины собираются, пользуясь вечерней прохладой, въ храмъ или подъ большой смоковницей, вокругъ которой часто устраивается каменная или дерновая скамья. Здѣсь индусскій поселянинъ пріятно проводитъ время: онъ весело болтаетъ съ пріятелями, остритъ и забавляется, какъ умѣетъ. Молодые люди упражняютъ свои мускулы борьбой или поднимая тяжелые каменные шары. Загѣваются игры. По безчисленнымъ праздничнымъ днямъ жгутъ фейерверки, играютъ деревенскіе музыканты. Какой-нибудь богатъ угощаетъ приглашенныхъ у себя въ домѣ или на дворѣ гостей танцами,—одна или нѣсколько танцовщицъ танцуютъ часто до самаго утра. Страстнующіе артисты даютъ театральныя представленія. Чтецы и рассказчики священнаго писанія проявляютъ свое искусство. Однимъ словомъ, вечернее время посвящается удовольствіямъ.

Всходитъ мѣсяцъ, люди уходятъ домой ужинать и спать. Тенерь звстнннѣ раздаются голоса животныхъ. Тамъ осленокъ мелодично возвышаетъ свой голосъ въ ночной тишинѣ. На другомъ концѣ деревни собираются стаи шакаловъ, чтобы совершить свой ночной обходъ по деревнѣ для основательной чистки улицъ и дворовъ отъ всего, имѣющаго какое-нибудь отношеніе къ убитымъ животнымъ. Но, прежде чѣмъ войти въ деревню, они начинаютъ свой концертъ, способный навести ужасъ на новичка. Они затягиваютъ душу раздирающую пѣсню, словно полчище демоновъ или злыхъ духовъ, на всѣ голоса, отъ глубокаго контральто постѣдѣшаго вожака стада до высочайшаго вибрирующаго фальцета полувзрослыхъ юношей; имъ вторятъ деревенскія собаки, доказывающія родство съ шакалами своимъ безконечнымъ лаемъ и воемъ.

Только два голоса звучатъ ужаснѣе этой ночной музыки—кошка и ея родичи конкурировать здѣсь не могутъ—это крикъ бѣшеннаго шакала и ужаснѣйшій изъ ужасовъ—смыкъ гнѣвы, ищущей добычу. Конечно, рычаніе пантеры возбуждаетъ страхъ (особенно если раз-

дастся ночью около палатки, гдѣ путешественникъ лежитъ въ постели безъ всякой надежды на человѣческую помощь, какъ это испыталъ авторъ). Но это рычаніе при всей своей силѣ звучитъ естественно, а хохотъ гіены имѣетъ въ себѣ что-то призрачное, сверхъестественное, и услышавшій его въ первый разъ вблизи человѣкъ холодѣетъ отъ ужаса.]

Магометанскіе города Индіи.

Агра и Дели.

(А. Краснова).

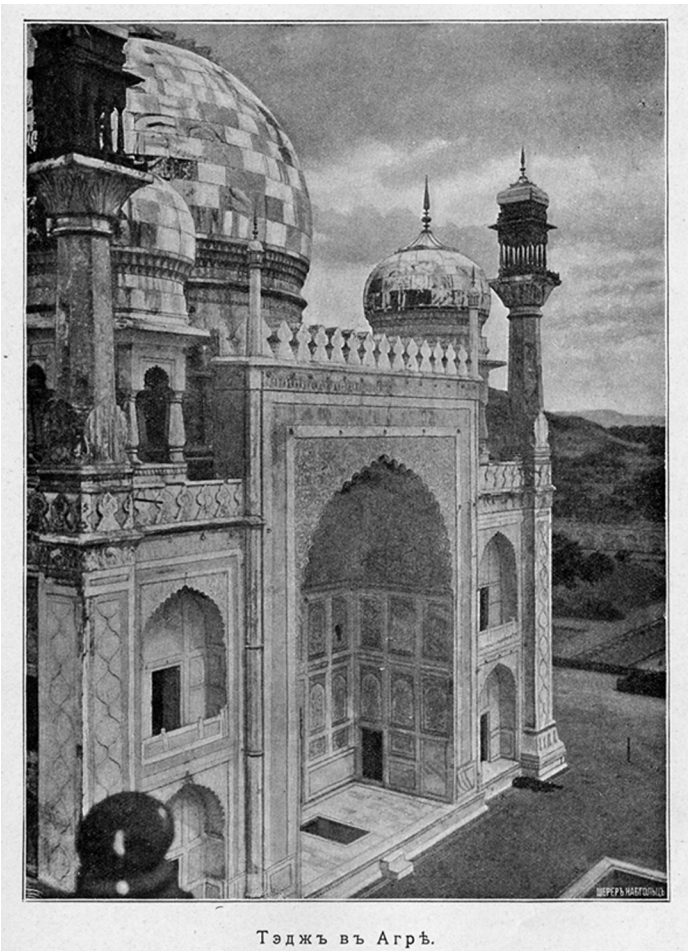
Города Индіи можно разбить на два типа: города, созданные дѣятельностью европейцевъ, и города индійскіе, которыхъ почти не тронула рука западной цивилизаціи и главныя достопримѣчательности которыхъ—это постройки туземныхъ влaстителей, языческіе храмы, мечети и уличная народная жизнь.

Агра и Дели могутъ быть прекрасными представителями этихъ послѣднихъ. Оба эти города уже издали, на фонѣ желтой безжизненной равнины, обращаютъ на себя вниманіе куполами и минаретами возвышающихся среди нихъ мечетей. Форты обояхъ городовъ, расположенныя на господствующихъ возвышенностяхъ, видны уже издали, и прямыя, пестрыя колонны минаретовъ, ихъ арки, вся ихъ архитектура производятъ то же впечатлѣніе, что наши самаркандскія мечети и гробница Тамерлана. Но разница въ художественности и отдѣлкѣ громадная. Здѣсь матеріалъ—камень-песчаникъ или бѣлый мраморъ. Первый представляетъ особую разновидность, легко рѣзющуюся пилою, даже ножомъ, позволяющую изъ выпиленныхъ пластинокъ вырѣзать нѣжныя ажурныя работы. Этотъ бѣлый и розовый строительный матеріалъ индійскіе архитекторы сумѣли сочетать необыкновенно изящно, придавая своимъ постройкамъ то полосатый, то клѣтччатый мозаичный характеръ, украшая колонны арокъ тонкою рѣзбою, стѣны—изящными мавританскаго стиля горельефами, замѣняя окна тонкими, чисто кружевными пластинками изъ мрамора и песчаника. Ставъ на возвышенное мѣсто въ Агрѣ или Дели, вы увидите, что надъ массою невысокихъ и невидныхъ построекъ, какъ церкви въ Москвѣ, со всѣхъ сторонъ возвышаются эти красивыя пестрыя зданія мечетей, царскихъ усыпальницъ и дворцовъ, изъ которыхъ многія по архитектурѣ своей могутъ затмить лучшія изъ архитектурныхъ построекъ Европы.

Большинство построекъ—связныя зданія, состоящія изъ ряда арокъ. Это какъ бы стѣнки волшебной декораціи, окружающія обширныя, уложенныя мраморными плитами, дворы или садики, усыпанные яркими цвѣтами тропическихъ деревьевъ или кустарниковъ, снабженныя водо-

емами и фонтанами. Эти дворы или сады съ трехъ или четырехъ сторонъ окружены крытымъ, поддерживаемымъ колоннами и арками коридоромъ, дающимъ тѣнь и служащимъ чѣмъ-то въ родѣ веранды для небольшихъ въ его задней стѣнѣ сдѣланныхъ каморокъ. Одна изъ стѣнъ, окружающихъ дворъ, есть фасъ зданія роскошной архитектуры,—дворца или мечети, снабженнаго минаретами, куполами, ажурными стѣнками, арками, окруженными мозаикой или тонко сдѣланными надписями изъ Корана. Уже на значительномъ разстоянн такая постройка кажется тонкой, ажурной мозаичной вещицей, которую не только выстроить, но даже нарисовать кажется чудомъ терпѣнн и кропотливой работы. Розовато-коричневый и бѣлый цвѣтъ камня на вѣчно-ясномъ голубомъ небѣ дѣлаеть эффектъ этой постройки-декораціи поразительнымъ, и народъ на площади, и растенія сада, усыпанные пурпуромъ гранаты, какъ золотомъ увѣшавныя желтыми цвѣтами бигоннн, пирамидальные кипарисы и розы переносятъ васъ въ обстановку волшебной феерн. Часто противъ зданн, служа какъ бы воротами, ведущими во дворъ, выстроены, снабженный минаретами и мавританскаго стнля арками, такой же ажурный павильонъ. Самое зданн, какъ я сказалъ, занимаетъ сравнительно небольшую часть пространства. Большая часть его приходится опять-таки на громадныя арки, служащія входомъ въ обширное, поддерживаемое колоннами, нерѣдко сквозное, увѣшанное куполомъ помѣщенн, занятое мечетью или парадною залой дворца. Въ первомъ случаѣ полъ выложенъ мраморными плитами особой формы—настолько широкими и длинными, чтобы стоящнй на колѣняхъ и падающнй ницъ молящнйся магометанинъ могъ свободно помѣщаться на одной изъ плитъ. Колонны и своды изъ бѣлага мрамора, небольшое мѣсто для муллы и родъ попнтра для Корана—обыкновенно единственная обстановка такого помѣщенн. Если это дворецъ, его мебель немного обильнѣе и стѣны расписаны съ большою роскошью. До чего можетъ доходить послѣдняя, даетъ понятн Диванъ-и-Хазъ въ Дели. И дѣйствительно, трудно себѣ представить зданн болѣе красивое и эффектное.

Это громадной величины одноэтажный четырехугольный мраморный павильонъ, сквозной, поддерживаемый многочисленными колоннами. Потолокъ, стѣны и четырехугольныя широкія колонны—всѣ расписаны изящными рисунками, изображающими цвѣты, растенія, листья, лепестки цвѣтовъ, ихъ тычинки,—все это инкрустация рѣдкихъ, дорогихъ и разноцвѣтныхъ камней, подобранныхъ подъ естественныя цвѣта растенн. Золото и серебро, чередуясь съ мраморомъ, украшаютъ потолокъ. Полъ—чистѣйшнй, блестящнй, мраморный паркетъ. Такимъ образомъ бѣлосѣжный мраморъ, тонкая и нѣжная мозаика изъ малахита, сердолика, ляписъ-лазури и золото составляютъ всю обстановку зданн. Кромѣ мраморнаго трона, здѣсь нѣтъ никакой мебели.

Тѣджъ въ Агрѣ.

Диванъ-и-Хазъ и окружающія его зданія въ фортѣ Дели, несмотря на чудную ихъ архитектуру, далеко не такъ богаты затѣями, какъ такія же постройки въ фортѣ Агры. Здѣсь вы, ходя по запускѣ двора форта, живо переноситесь въ эпоху давно минувшей царской роскоши. Такъ, вы найдете здѣсь роскошную мраморную постройку— бани, гдѣ въ громадные бассейны проведена была вода рѣки Джумны. Она струилась здѣсь въ этомъ помѣщеніи, стѣны котораго, въ тысячахъ вставленныхъ въ нихъ зеркалъ, отражали разноцвѣтныя брызги искусственныхъ каскадовъ, падавшихъ между разноцвѣтными фонарями. Эти зеркала, мозаикой вставленные въ стѣны, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости.

Въ томъ же фортѣ въ особыхъ комнатахъ за ажурными стѣнками помѣщались жены султана, а около приемной залы отдѣльный дворъ вымощенъ черными и бѣлыми плитами, образуя громадную шахматную доску, на которой властитель ставилъ живыхъ людей, когда ему хотѣлось играть въ шахматы, и они, одѣтые въ костюмы соответствующихъ фигуръ, двигались по мановенію его руки. Огромная мраморная приемная зала дворца форта Агры, какъ и всѣ эти постройки, лишена мебели. Мраморный тронъ и нѣсколько мраморныхъ ложъ—единственная ея обстановка, и, выходя на веранду, съ которой открывается чудный видъ на рѣку Джумну, городъ и Тѣджъ, о которомъ будетъ сказано ниже, вы должны садиться на плетенныя табуретки.

Правда, теперь всѣ эти постройки заброшены. Многія дворцовыя зданія и кіоски фортовъ Агры и Дели превращены въ конюшни, склады и казарменныя зданія. Меркантильная, святотатственная рука завоевателей пощадила только перлы архитектурнаго искусства, которые, надо отдать справедливость англичанамъ, поддерживаются въ извѣстномъ порядкѣ. Но отсутствіе уютности, которая свойственна нашимъ сѣвернымъ комнатамъ, повидимому, составляетъ характерную особенность индійскаго дворца. Здѣсь, въ тепломъ климатѣ, искали только тѣни. Обстановку давали небо и стѣны; на роскошь архитектуры зданія да на пышную одежду и украшенія шли, повидимому, главные расходы— и потому съ именемъ почти каждаго изъ здѣшнихъ властелиновъ, особенно же съ именемъ Шахъ Джагана, связано множество мечетей, дворцовъ и кіосковъ.

Но если чѣмъ себя обезсмертилъ въ Агрѣ, на берегу Джумны, этотъ правитель, то это, безъ сомнѣнія, сооруженіемъ восхитительнаго Тѣджа, громаднаго надгробнаго храма любимой женѣ своей, передъ изяществомъ и величіемъ котораго блѣднѣютъ лучшія изъ мраморныхъ построекъ Европы.

Черезъ изящной конструкции ажурный павильонъ, сложенный изъ краснаго песчаника, играющій роль воротъ, вы входите въ большой

парк изъ темныхъ, вѣчно зеленыхъ тропическихъ деревьевъ, усыпанныхъ душистыми или яркими пурпуровыми цвѣтами. Передъ вами, дѣля паркъ на двѣ половины, тянется прямой, какъ струна, выложенный мраморомъ каналъ, отчасти заросшій лотосами. Съ каждой стороны его рядъ пирамидальныхъ стройныхъ кипарисовъ на фонѣ пестраго турецкаго ковра изъ цвѣтущихъ лѣтниковъ. Между темною зеленью парка и этими рядами кипарисовъ идутъ аллеи, ведущія васъ къ громадному бѣлому зданію, эффектно выдѣляющемуся на темномъ фонѣ зелени и чудномъ голубомъ небѣ. На широкомъ мраморномъ, украшенномъ мраморными же перилами помостѣ возвышается не то храмъ, не то мечеть, бѣлая какъ свѣтъ, размѣрами не уступающая любому изъ большихъ соборовъ. Ее окружаютъ и съ ея стѣнъ поднимаются тонкіе, какъ свѣчи, длинныя бѣлыя минареты, стройностью и изяществомъ могущіе соперничать развѣ съ отлѣняющими ихъ темными кипарисами. Громадная арка съ заостреннымъ къверху сводомъ, окруженная мозаичными изреченіями изъ Корана, занимаетъ фасъ этого кубическаго мраморнаго зданія, увѣнчаннаго чудомъ архитектурнаго искусства—мраморнымъ громадной величины куполомъ; къ нему примыкаютъ справа и слѣва меньшіе, увѣнчанные минаретами кубы съ такими же арками спереди.

Эффектъ и красота архитектуры зданія не поддаются никакому описанію, никакой фотографіи. Я видѣлъ лучшія зданія Европы и Америки, храмы Японіи, но я не знаю ничего, что могло бы быть поставлено въ параллель съ этимъ волшебнымъ храмомъ.

Внутренность Таджа еще болѣе восхитительна, чѣмъ внѣшняя сторона. Войдя въ двери передней арки, стѣны которой, какъ и другихъ исполнскихъ арокъ, украшающихъ зданіе, состоятъ изъ ажурно-рѣзныхъ мраморныхъ досокъ, вы попадаете въ полумракъ увѣнчаннаго куполомъ, поддерживаемаго мраморными стѣнами и колоннами пространства храма, расписаннаго по бѣлоснѣжному фону мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней, изображающихъ цвѣты и растенія. На нѣкоторомъ возвышеніи, окруженный высокой мраморной рѣшеткой, стоитъ расписанный такими же инкрустаціями надгробный памятникъ—длинный бѣлый параллелепипедъ мрамора. Здѣсь только понимаешь, что такое мраморъ въ рукахъ ваятеля, насколько выше онъ, какъ строительный матеріалъ, всѣхъ другихъ камней.

Но храмами, надгробными мавзолеями и дворцами, повидимому, и исчерпывается архитектурное творчество жителей такихъ городовъ, какъ Агра, Дели и ближайшіе къ нимъ. Какъ отъ древнихъ городовъ Египта исторія не могла намъ оставить ничего, кромѣ заросшихъ пальмами бугровъ глины, среди которыхъ возвышаются исполнскія стагуи, обелиски, пирамиды и проч., такъ и въ Индіи разрушительная рука

времени оставляет на память потомкамъ только остатки храмовъ или мечетей.

Современный Дели, подобно Каюру, повидимому, постоянно мѣнялъ свое мѣсто. Въ бытность мою въ этомъ городѣ я посѣтилъ расположенную въ 12 миляхъ отъ него высокую башню, воздвигнутую однимъ изъ правителей для жены своей, чтобы она могла оттуда видѣть воды священной Джумны. Башня эта, не особенно изящная, представляющая какъ бы пучки цилиндрическихъ трубокъ, поставленные одинъ на другой, имѣетъ 35 сажень высоты, что въ тѣ времена, когда еще не было Эйфелевыхъ башенъ, было, особенно для Индіи, единственною въ своемъ родѣ высотой. Всѣ 12 миль мы ѣхали между нескончаемой серіей безформенныхъ, большею частью сравнявшихся съ землею, развалинъ, среди которыхъ тамъ и сямъ возвышались изящной архитектуры мечети, большею частью покинутыя, ставшія жилищемъ птицъ, полуразрушенныя или еще сохранившіяся настолько, что онѣ могли служить убижищемъ нѣсколькимъ нищимъ-святошамъ. Казалось, рука опустошенія пронеслась надъ громадною, густо населенной столицей, сравнивая ее съ землею, покрывъ ее зарослями похожей на оснун дальбергии и оставивъ на память о бывшемъ величіи только эти мечети, эту башню и зарытую въ землѣ недалеко отъ нея громадную желѣзную колонну.

Народъ, который создалъ произведенія искусства, единственныя въ мрїи по своей величинѣ, числу и изяществу, и теперь, какъ во времена стародавнія, отдавъ всѣ свои силы и таланты Богу и богамъ земнымъ, своимъ властелинамъ живымъ и умершимъ, не сдѣлалъ для себя самого ничего, не могъ развить въ себѣ самыхъ скромныхъ потребностей и живетъ въ тѣсныхъ, негигиеничныхъ, зловонныхъ постройкахъ, заставляющихъ европейца избѣгать сосѣдства туземцевъ и селиться гдѣ-нибудь на окраинѣ города, гдѣ обыкновенно и расположены всѣ европейскіе отели. Дома Агры, Дели и вообще всѣхъ посѣщенныхъ мною городовъ сѣверо-западной Индіи каменные, двухъэтажные, тѣкоторые изъ нихъ украшены балкончиками съ перилами изъ того же ажурно-вырѣзнаго краснаго песчаника Агры, но все-таки эти кубическіе дома-ящики тѣсны, низки, лишены мебели и всякихъ удобствъ, представляя маленькія, душныя и темныя каморки, которыя въ нижнемъ этажѣ обыкновенно заняты лавками, какъ и вездѣ на Востокѣ, совершенно открытыми на улицу и позволяющими видѣть прохожему, что въ нихъ продается и что дѣлается, хотя обыкновенно, если вы хотите видѣть что-нибудь хорошее, надо войти во вторую внутреннюю комнату, гдѣ вамъ сдѣлають выставку.

Улицы индійскихъ городовъ всегда оживлены, большею частью тѣпимъ босовогимъ народомъ всѣхъ оттѣнковъ кожи—отъ чисто-бѣлаго до темно-коричневаго. Большинство носить бѣлые тюрбаны на головѣ

и длинныя бѣлья, необыкновенно легкія одежды съ рукавами. Но многіе ограничиваются однимъ широкимъ покрываломъ, обмотаннымъ вокругъ бедеръ, оставляющимъ верхнюю половину прекрасно сложеннаго тѣла совершенно голой. У многихъ черезъ шею перекинута веревка, тройной шнуръ, который носить имѣють право только брамины. У другихъ вы видите на лбу знаки, нарисованные красною или желтою краской, также означающіе принадлежность къ высшей кастѣ. Смотря по тому, является ли носитель этихъ знаковъ поклонникомъ Вишну или Сивы, и знаки эти не одинаковы. У однихъ это красная точка, у другихъ—поперекъ лба проведенная линія или нѣсколько красныхъ или желтыхъ линій, иногда придающихъ фizioноміи чисто дьявольскій видъ, хотя въ общемъ лица народа осмысленныя и очень красивыя. Изрѣдка попадаетъ на улицѣ совершенно голый, увѣшанный четками и бусами, вымазанный золой, съ длинными всклопоченными волосами факиръ. Эти факиры, про которыхъ пишутъ такъ много чудеснаго, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ юродивыхъ. Какъ и къ нашимъ юродивымъ, народъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, даетъ дорогу и подаетъ милостыню, не ожидая просьбы со стороны самого факира. Многіе производятъ впечатлѣніе идиотовъ или дармоедовъ, но зато другіе имѣють во взорѣ что-то невыразимое: это взглядъ гения, взглядъ челоуѣка, увлеченнаго идеей до помѣшательства. Одно выраженіе лица такого факира выдѣляетъ его изъ тысячъ окружающаго его народа, и смотря на него, понимаешь то мѣсто изъ легенды изъ жизни Будды, гдѣ говорится, что даже предубѣжденные противъ него аскеты поклонились ему, видя необычайное выраженіе лица его. Эти глаза, дѣйствительно, могутъ гипнотизировать хоть кого, и что же удивительнаго, что подобные факиры заставляютъ легковѣрную толпу видѣть то, что имъ прикажутъ. Впрочемъ, между факирами этого сорта попадаются и самоистязатели, могущіе поразить и европейца и напоминающіе въ этомъ отношеніи аскетовъ древнихъ временъ: факиры, проращивающіе ногти согнутыхъ пальцевъ черезъ ладонь или держащіе руки поднятыми, пока онѣ не окоченѣють и не отсохнутъ, не рѣдкость и теперь. Но, я полагаю, излишне говорить, что большинство чудесъ, имъ приписываемыхъ (кромѣ зарыванія себя въ землю на нѣсколько дней, что дѣйствительно бываетъ), относится къ области выдумовъ и басенъ.

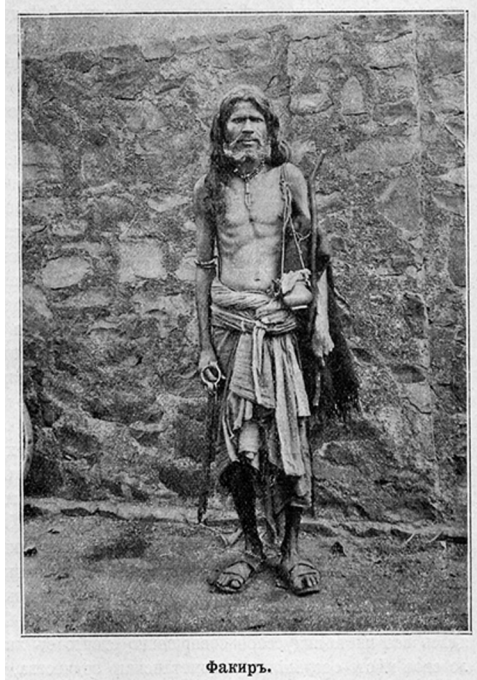
Улицы города большею частью узкія, застроены маленькими лавочками, представляющими мало привлекательности для европейца. Дешевые предметы первой необходимости, съѣстные припасы и кушанья играютъ здѣсь главную роль. Вегетарианцы-индусы питаются чрезвычайно легко, и здѣсь, на сѣверо-западѣ, въ области пшеницы, каше-то крендельки, тѣсто изъ муки и творога и жареные на растительномъ маслѣ пирожки

играть главную роль въ этихъ съѣстныхъ лавкахъ. Какъ дешево эти продукты, читатель можетъ уже судить по тому, что ихъ покупаютъ цѣною не денегъ, но раковинъ, которыя здѣсь въ ходу и которыхъ даютъ около десятка на мѣдную монету цѣной около копейки.

Другую характерною чертой здѣшней торговли является обиліе посудныхъ лавочекъ, продающихъ маленькіе глиняные горшечки, вмѣщающіе въ себя около $\frac{3}{4}$ стакана воды. Здѣсь, гдѣ население состоитъ наполовину изъ магометанъ, наполовину изъ индусовъ и гдѣ эти послѣдніе раздѣляются на множество кастъ, при чемъ высшая каста считаетъ для себя оскверненіемъ не только пить изъ одной посуды, но даже соприкасаться съ человѣкомъ другой касты или религіи, такого рода посуда является прямо необходимою. Попросите вы напиться,

вамъ наполнить водой такой сосудъ, но, утоливъ свою жажду, вы обязаны, бросивъ его на землю, разбить его въдребезги, такъ какъ соприкосновеніе съ нимъ оскверняетъ всякаго порядочнаго индуса, ибо изъ всѣхъ оскверняющихъ веществъ слюна человѣка и кожа животнаго считаются самыми погаными. Поэтому верхъ эмансипаціи индуса, когда онъ рѣшится надѣть ботинки.

Улицы города тѣсны, узки и, подобно русскимъ городамъ, лишены

Факиръ.

растительности. Двухэтажные каменные дома не производят впечатлѣнія богатства. Европейскихъ зданій нѣтъ. И въ Агрѣ и въ Дели они разбросаны въ формѣ коттеджей, тонущихъ въ зелени въ сторонѣ отъ города, и для нихъ и для туристовъ только въ городѣ помѣщаются болѣе богатые магазины шалей, мѣдныхъ издѣлій причудливой индійской работы и тонкихъ ажурныхъ и мозаичныхъ работъ изъ камня—искусство, оставшееся по наслѣдству отъ строителей Таджа и другихъ замѣчательныхъ построекъ города. Оно не вырождается, и за грошевыя пѣны вы можете здѣсь приобрести работы, могущія привести въ восторгъ европейца.

Такимъ образомъ, Агра и Дели сохраняютъ еще туземный, нетронутый характеръ, хотя характеръ этотъ все-таки не индусскій, а магометанскій. Въ то время какъ восхитительныя мечети даютъ тонъ панорамѣ города, храмы индусовъ почти не выдѣляются изъ частныхъ зданій, невзрачны и не заслуживаютъ вниманія. Оно и неудивительно. Пока страна, гдѣ расположены эти два города, была населена индусами, Агра представляла ничтожное мѣстечко. Но, какъ извѣстно, послѣднія 11 столѣтій (съ 646—1761 г.), предшествовавшихъ захвату страны англичанами, магометанское населеніе Азін, въ лицѣ ея тюркскихъ народовъ, дѣлало постоянныя набѣги на Индію,—и если имъ не удалось захватить страну совсѣмъ и сдѣлать всю Индію магометанскою, имъ удавалось основывать государства на сѣверо-западѣ полуострова и утвердить тамъ свою вѣру. Дели и Агра были одними изъ центровъ этого магометанскаго владычества.

Агра оставалась такимъ центромъ вплоть до захвата англичанами и въ 1857 году была однимъ изъ главныхъ пунктовъ возстаній противъ завоевателей. Что касается Дели, то хотя этотъ городъ, повидимому, происхожденія очень древняго и основанъ до Р. Х., но все, что относится до древнихъ эпохъ, лежитъ теперь въ развалинахъ, занимающихъ не менѣе 45 кв. верстъ. Эти развалины образованы, подобно развалинамъ Трои, остатками на менѣе 7 городовъ, основывавшихся и разрушавшихся въ теченіе долгаго періода его исторіи. Такимъ образомъ, и здѣсь все чисто-индусское совершенно стертъ съ лица земли и уступило свое мѣсто создаваемъ магометанскаго зодчества, такъ какъ, подобно Агрѣ, и Дели была резиденціей магометанскихъ правителей, съ именами которыхъ связаны лучшія постройки города.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ лицѣ Агры и Дели мы видимъ средне-азиатскіе города съ ихъ культурою и строемъ жизни, расцвѣтшими и разросшимися въ пышныя формы на тропической почвѣ Индіи. Настоящей индійской культуры здѣсь не ищите,—она подавлена магометанствомъ.

По сѣверо-западной Индіи.

(А. Краснова).

Давно уже остались за нами Бомбей, Агра и Дели. Мы пересѣзли въ с.-в. направленіи Деканское плоскогоріе, переѣхали обширную низменность, гдѣ Гангъ сливаетъ свои воды съ водами рѣки Джумны, направляемся къ подножію Гималаевъ, и на всемъ этомъ громадномъ протяженіи, за исключеніемъ развѣ ближайшихъ окрестностей Бомбея, ландшафтъ самый унылый, самый не тропическій. Около Бомбея, если бы не вѣрная пальма—высокоствольное дерево, заканчивающееся пучкомъ темныхъ вай,—мѣстность напоминала бы нѣкоторыя мѣстности Россіи. Буро-желтая почва всюду обнажена, травянистая растительность, какая на ней могла расти, выжжена лучами солнца такъ сильно, какъ она выгораетъ на сухихъ степяхъ далекаго юго-востока Россіи. Вся земля разбита на квадратные участки. На межахъ виднѣются деревья во время нашего посѣщенія по большей части голыя, кромѣ многочисленныхъ мангъ съ ихъ продолговатыми цѣльнокрайними, глянцевыми, толстыми, вѣчнозелеными листьями; онѣ разбросаны здѣсь повсюду. Чаще поле, особенно около дороги, обсажено растеніями, на первый взглядъ напоминающими блѣдно-зеленыя кактусы, столбчатой формы, колючими и вѣтвистыми. Это индійскій молочай—безлистное растеніе, поразительно похожее на мексиканскіе кактусы. Оно употребляется здѣсь и какъ живая изгородь въ хуторахъ и деревняхъ. Бѣленькіе кирпичные домики этихъ деревень покрыты красной черепицей и тонуть лѣтомъ въ зелени деревьевъ; теперь деревья эти стоятъ голыя, какъ наши позднею осенью. Тамъ и здѣсь подъ одинокимъ деревомъ, собравшись въ кучу, отдыхаетъ стадо коровъ съ рогами самой причудливой формы и величины. На горизонтѣ неправильными квадратными очертаніями—точно края какого-то, раздѣленнаго оврагами и ярами исполнскаго нагорнаго берега рѣки—возвышаются горы западнаго Гатеса, начала Деканскаго плоскогорія.

Выѣзжаете вы на плоскогоріе—и Индія окончательно превращается въ Россію. Куда хватаетъ глазъ, тянется равнина, лишенная растительности, представляющая даль сѣрой, взрытой, жаждущей нивы,—равнина не оживленная ни селеніями, ни присутствіемъ человѣка. Какъ въ степяхъ Новороссіи, селенія прячутся въ рѣчныя долины. Ихъ не видно изъ поѣзда, такъ какъ маловодныя, текуція по каменному лавовому дну рѣки рѣдко пересѣкаютъ дорогу. Кажется, что поѣздъ мчится по странѣ, превращенной человѣкомъ въ мертвенную пустыню. И онъ мчится по ней цѣлый день. Рѣже попадаются мѣстности съ раскиданными по нимъ группами деревьевъ—чахлыхъ приземистыхъ финиковыхъ пальмъ,—здѣсь это настоящая пародія на свою африканскую род-

ственицу,—и мангъ. Эти деревья становятся многочисленнѣе по мѣрѣ того, какъ линия дороги приближается къ горамъ, тянущимся по сѣверной окраинѣ плоскогорія. Тутъ поѣздъ мчится среди невысокихъ горъ и холмовъ, но природа горъ этихъ совершенно особенная. Въ ней нѣтъ ничего того, что мы называемъ тропиками, Индией, но она не лишена оригинальности.

Представьте себѣ нашъ южно-русскій лиственный лѣсъ (нап., Харьковской, Екатеринославской губерніи или Земля Войска Донского) во время поздняго, очень засушливаго лѣта или очень сухой осени, когда отъ недостатка влаги и жары, а можетъ быть и ночныхъ морозовъ, девять десятыхъ деревьевъ потеряло свою листву. Лѣсъ болѣе высокій и густой, чѣмъ наши степные, но стоитъ совершенно голый, только тамъ и здѣсь возвышается деревцо, одѣтое полусопавшеюся желтою листвою, или изрѣдка проглянетъ болѣе стойкій въ борьбѣ съ засухою зеленый кустикъ или деревцо. Сухо и пыльно. Почва между стволами заросла такимъ же безлистнымъ кустарникомъ, она засыпана шуршащею подъ ногами сухою листвою, не оживляемою ни зеленою травъ, ни цвѣтами. Нѣтъ здѣсь ни нѣжной вамъ папоротника, ни скромнаго лѣсного цвѣточка. Нѣтъ обвивающихъ древесные стволы лианъ тропическаго лѣса, не видно сидящихъ на вѣтвяхъ эпифитовъ, ни пальмовыхъ кроны, ни широкаго листа лѣсного банана. Вы въ обстановкѣ нашего степнаго лѣса осенью, но только вмѣсто косыхъ лучей солнца, вмѣсто холоднаго вѣтра здѣсь жарко, знойно, и вы задыхаетесь въ духотѣ и пыли вагона.

Среди деревьевъ лѣса иногда возвышаются настоящіе исполины; особенно бросаются въ глаза дикія смоковницы съ пестрою, какъ у нашихъ чинаровъ, корою. На немногихъ деревьяхъ развертываются почки, чаще—явленіе весьма рѣдкое у насъ—ихъ вѣтви сплошь покрыты цвѣтами, не какими-нибудь скромными сережками, какъ у нашей ольхи, но крупными, и красивыми цвѣтами—то въ видѣ огненно-красныхъ пятилучевыхъ звѣздъ, то кирпичнаго цвѣта мотыльковыхъ соцвѣтій, то въ видѣ бѣлыхъ, какъ у вишни, цвѣтовъ, осыпающихъ дерево точно сѣномъ, то въ видѣ лимонно-желтыхъ букетовъ.

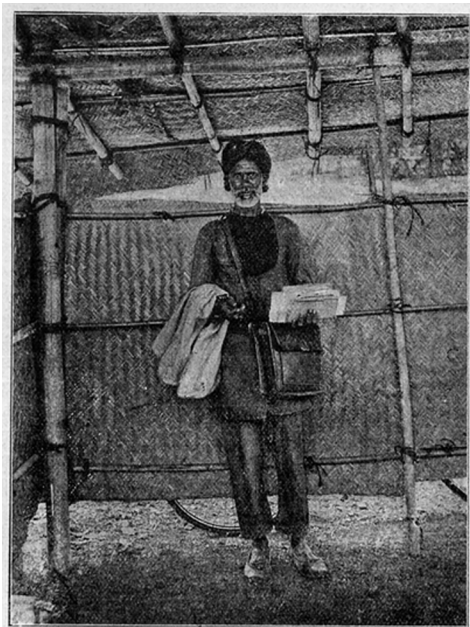
Поѣздъ несетъ васъ нѣсколько часовъ этими лѣсистыми горами, гдѣ мало селеній и станціи рѣдки. Затѣмъ горы кончаются. Равнина, сначала заросшая низкорослыми эривриніями (*Erythrina*), растеніями изъ семейства бобовыхъ, съ огненно-красными цвѣтами и стручками, затѣмъ совершенно голая, говоритъ вамъ, что вы спустились на равнины Ганга. Равнина разбита на значительные квадраты полей, но поля эти сухи и безжизненны, рѣдко гдѣ попадается квадратъ несжатой пшеницы.

Мѣстами поля эти обсажены зеленѣющими деревьями, поразительно похожими издали на нашу осину. Въ другихъ мѣстахъ сѣдая ниль-

ская акація, точно запыленная висящею въ воздухѣ пылью, и не менѣе сѣрый тамарискъ напоминаютъ вамъ нильскіе ландшафты.

Таковы картины природы, развертывающіяся изъ оконъ вагона передъ путешественникомъ, ѣдущимъ изъ Бомбея въ Агру и Дели въ маѣ мѣсяцѣ. Позднимъ лѣтомъ, когда подуетъ ю.-з. муссонъ и прольются благодѣтельные дожди, страна оживится, по оросительнымъ каналамъ благодѣтельные дожди, страна оживится, по оросительнымъ каналамъ польется животворная влага на изсохшія поля и они зазеленѣютъ посѣвами. Но теперь, когда мы ѣхали, страна носила всюду, кромѣ горъ, грустный, отталкивающій характеръ пустынности и оскуднѣнія, такъ что тотъ, кто рисуетъ себѣ Индію пышною тропическою страной, видя ландшафты эти, почувствуетъ горькое разочарованіе.

А между тѣмъ вы мчитесь по странѣ этой окруженные комфортомъ, незнакомымъ европейцу. Вагоны, въ которыхъ вы ѣдете, раздѣлены каждый на два купе съ двумя длинными, расположенными вдоль стѣнки сидѣньями и двумя такими же спускающимися на ночь сверху. Каждая скамья назначается одному пассажиру; такимъ образомъ въ помѣщеніи, въ которомъ въ Европѣ помѣстили бы дюжину пассажировъ по крайней мѣрѣ, ѣдутъ не болѣе 4-хъ человекъ, и они могутъ свободно ходить между скамьями. Для освѣженія воздуха въ каждой изъ

Индусскій почтальонъ.

стѣнокъ вагона вдѣлано плетеное колесо, захватывающее воду; вращая это колесо, вы всегда можете придавать воздуху влажность и смягчать сухость врывающагося въ вагонъ вѣтра, знойнаго и пыльнаго. Не-европейскую публику возятъ въ третьемъ классѣ, гдѣ ѣздятъ только туземцы и куда не сядетъ ни одинъ англичанинъ.

Станціи довольно часты; въ городахъ вокзалы не хуже нашихъ столичныхъ, если даже не лучше этихъ послѣднихъ; въ деревняхъ небогатая станція снабжена палисадниками изъ эффектныхъ цвѣтущихъ деревьевъ и кустарниковъ. На станціяхъ, какъ и въ Россіи, вась оживаетъ или обѣденный столъ, или услужливые разносчики, предлагающіе мѣстные плоды—необыкновенно сладкіе и ароматные индійскіе апельсины, формою напоминающіе мандарины, но чаще всего лимонадъ и содовую воду, замѣняющіе здѣсь воду жаждущему путешественнику. Всѣ эти продукты привезены сюда изъ большихъ городовъ, главнымъ образомъ—изъ Бомбея.

Б о м б е й .

(А. Краснова).

Въ Бомбей, какъ и вообще въ городахъ, облюбованныхъ англичанами, туриста привлекаетъ скорѣе европейская, чѣмъ туземная часть ихъ. Первая—это уголокъ благоустроеннаго англійскаго города, съ чистыми, прекрасно вымощенными улицами, элегантными экипажами, роскошными магазинами и сверами, блестящими чудными экземплярами тропической флоры. Громадная площадь обнесена здѣсь аллеей изъ испанскихъ индійскихъ смововницъ съ ихъ свѣшивающимися сверху пучками юрней, придающими этому оригинальному дереву столько поэзии и эффекта. Имѣя чудные строительные материалы подъ руками, дешевыхъ рабочихъ и великолѣпные образцы индійскаго зодчества, англичане создали совершенно особенную англо-индійскую архитектуру. Въ то время, какъ магометанскіе вѣстители Индіи направляли народныя силы и собранныя богатства на сооруженіе мавзолеевъ, мечетей и дворцовъ, англичане употребили ихъ на постройку общественныхъ зданій и вокзаловъ. Эти зданія здѣсь отличаются такой величиной и изяществомъ, заимствовали такъ много мѣстныхъ чертъ архитектуры, что для англійскихъ кварталовъ города являются не меньшею достопримѣчательностью, чѣмъ храмы для туземныхъ. Они далеко оставили за собою всѣ лучшія зданія этого рода, видѣнныя мною въ Европѣ и Америкѣ. Какъ въ своихъ родныхъ городахъ, и здѣсь англичанинъ не обошелся безъ того, чтобы не снабдить свой городъ хорошимъ паркомъ съ зоологическимъ садомъ изъ мѣстныхъ животныхъ. Такіе парки видѣлъ я во всѣхъ большихъ городахъ англійскихъ колоній, но въ Бомбей, гдѣ растительность парка составляютъ пальмы и пышныя тропическія де-

ревья, его дополняют индійскіе кіоски и музей, и этотъ паркъ особенно великолѣпенъ. Эти музеи, эти роскошные сады, гдѣ большинство растений снабжено латинскими названіями, эти подобныя дворцамъ зданія общественныхъ учреждений доступны для всѣхъ, и по вечерамъ вы видите массы народа, пользующіяся этими благами культурной обстановки. Въ Бомбей вы найдете роскошныя зданія библиотеки, университета, школы рисованія и ряда коллегій, госпитали и клубы и, наконецъ, весьма интересный музей общества испытателей природы, музей интересный для туристовъ тѣмъ, что въ немъ, помимо научныхъ собраній, имѣются живые экземпляры всѣхъ рѣдкихъ ядовитыхъ животныхъ Индіи и ея гадовъ, дающіе полное представление объ опасности, которой подвергается жизнь путешественника по джунглямъ. Маленькія зеленыя смертоносныя змѣйки, по цвѣту совершенно не отличающіяся отъ окружающей ихъ листвы, скорпионы и фаланги всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, громадныя кобры и другія ядовитыя крупныя змѣи и всевозможныя хищныя животныя содержатся здѣсь въ изящныхъ терраріяхъ.

Улицы англійскаго города, помимо образцовой чистоты и порядка, на нихъ господствующихъ, отличаются отъ улицъ египетскихъ и южно-европейскихъ городовъ полнымъ отсутствіемъ нищенства и попрошайничества, этихъ отвратительныхъ навязываній никому ненужныхъ услугъ и выпрашиваній башкиша, которыя отравляютъ существованіе путешественника въ средиземно-морскихъ странахъ Южной Европы и особенно въ Египтѣ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ Индіи пролетаріата—масса, и голодовки населенія чуть не нормальное явленіе. Между тѣмъ передъ балкономъ вашей гостиницы являются только жонглеры и фокусники, закливатели змѣй, за нѣсколько мелкихъ монетъ показывающіе тѣ чудеса, которыя прославили Индію на всѣ концы образованнаго міра.

На улицахъ англійской части Бомбея вы видите мало европейцевъ и чрезвычайно много туземцевъ, болышею частью обнаженныхъ до пояса или одѣтыхъ въ бѣлыя, изъ тонкой, какъ кисея, матеріи, одежды, съ красными тюрбанами на головахъ. Громадный процентъ этихъ людей принадлежитъ къ многочисленному штату прислуги англійчанина. Десять-двѣнадцать человѣкъ прислуги здѣсь не рѣдкость: это нормальное число въ порядочномъ домѣ. Даже англійскій рядовой солдатъ имѣетъ здѣсь своего лакея, который чиститъ ему лошадь и амуницію. Въ виду того, что содержаніе человѣка обходится въ Индіи гроши, жалованье же здѣсь ничтожное (3—5 р. въ мѣсяцъ красная цѣна лучшему слугѣ), тѣ обязанности, которыя выполняетъ у насъ легко одинъ человѣкъ, здѣсь распределяются на цѣлый штатъ прислуги. Прислуга эта болышею частью ничего не дѣлаетъ и обшариваетъ при удобномъ случаѣ своихъ господъ, но врядъ ли какой вельможа въ современной Европѣ окруженъ каждою

минуту такимъ штатомъ прислуживающихъ людей, какъ англичанинъ въ Индіи. Даже во время путешествія вы пользуетесь услугами трехъ, четырехъ лицъ.

Трудно представить себѣ зрѣлище болѣе странное, чѣмъ, напримеръ, обѣденный залъ бомбейской гостиницы. Вы сидите въ громадной комнатѣ, гдѣ за длинными столами расположились обѣдающіе въ опредѣленные часы за табльдотомъ гости. За каждымъ изъ нихъ стоитъ довольно безобразная, потная, черная фигурка въ бѣломъ халатѣ съ краснымъ тюрбаномъ на головѣ, въ неподвижной позѣ. Такое же точно число столь же черномазыхъ лакеевъ бѣгаетъ съ кущаньями, которыя однако даются не гостямъ, а лакеямъ, а тѣ уже ставятъ ихъ передъ господами. Наконецъ, около стѣнъ стоятъ или сидятъ столь же многочисленные нагіе «пункамены», т. е. индусы, вся обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дергать за шнуры, качающіе подвѣшенные къ потолку пунки или панки, производящія вѣтеръ, безъ котораго можно бы буквально свариться въ душной и жаркой, наполненной массой ненужныхъ людей комнатѣ.

Идете вы спать въ вашъ номеръ, — и вы опять не обходитесь безъ вѣсколькихъ людей. Является водоносъ, чтобы наполнить вашу ванну. Въ индійскихъ гостиницахъ каждый номеръ имѣетъ ванну: это необходимая принадлежность англо-индійскаго дома. Если вы, хотя дважды въ день, не примете ванны, вы будете чувствовать себя совершенно ослабленнымъ въ этой банной атмосферѣ, покрываемъ испариной. Къ вашей комнатѣ, обыкновенно ничего, кромѣ бѣлыхъ стѣнъ и кровати, не содержащей, приставленъ еще слуга для уборки. Но онъ убираетъ все, кромѣ постели, которую убирать долженъ вашъ собственный слуга, располагающійся спать на полу коридора, у дверей вашей комнаты.

Въ такихъ англо-индійскихъ городахъ, какъ Бомбей, туземная часть отдѣлена отъ англійской. За исключеніемъ соблюденія общихъ правилъ порядка, требуемыхъ полиціей, эта часть города живетъ своею жизнью, представляя характерное для Азіи кишѣніе пестрой толпы на улицахъ, узкихъ, застроенныхъ бѣлыми двухъ-трехъэтажными каменными домами, пестро раскрашенными балкончиками и лѣпными украшениями. Но характерныя черты народной индійской жизни здѣсь какъ-то менѣе выражены, чѣмъ въ чисто туземныхъ городахъ. Храмы, какъ и въ городахъ магометанскихъ, не выдѣляются изъ массы построекъ. Въ Бомбей они даже недоступны для европейцевъ, и здѣсь обыкновенно только «башня молчанія» привлекаетъ туристовъ.

Башня молчанія находится на вершинѣ холма, занятаго виллами богатаго парсійскаго населенія города и кладбищемъ, которымъ и служатъ эта башня, яли, вѣрнѣе, три башни. Какъ извѣстно, парсы, наиболѣе интеллигентное и способное къ торговлѣ изъ туземнаго населенія

Бомбей племя, суть потомки изгнанных из Перси поклонников Ормузда и Аримана. Они поселились в западной Инди и сохраняют там до настоящего времени свою религию, несмотря на то, что быстро заимствуют от европейцев науки и европейскую цивилизацию. В Бомбей даже женщины парсійскія получают образование в чьем-то в родѣ института. У нихъ есть благотворительныя общества, рабочіе дома для бѣдныхъ. Подобно тому, какъ нѣкогда на родинѣ, они носятъ длинныя, ниже колѣнъ, бѣлая одежды, панталоны и сверху европейскаго покроя пальто. На голову они надѣвають шапочку изъ бархата, шитую золотомъ, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ наши крымскіе татары. Какъ послѣдователи религіи Зороастра, парсы считаютъ грѣхомъ осквернять стихіи прикосновеніемъ мертвыхъ тѣлъ. Поэтому они не хоронятъ въ землю и не сожигаютъ своихъ мертвецовъ, но отдаютъ на съѣденіе птицамъ. Башни молчанія и являются для этого специально приспособленными погребальницами. Наибольшая изъ этихъ башенъ имѣетъ 25 футовъ высоты и 267 футовъ въ окружности. На разстояніи 8 ф. отъ грунта есть отверстіе, около $5\frac{1}{2}$ кв. ф., по которому несущіе покойниковъ люди поднимаются внутрь зданія. Здѣсь устроены амфитеатромъ ряды продолговатыхъ ящиковъ, наибольшіе, около наружнаго края, — для мужчинъ, далѣе для женщинъ и въ центрѣ — для дѣтей. Похоронная процессія поднимается по дорогѣ, ведущей къ вершинѣ, гдѣ она останавливается около особаго павильона, съ котораго открывается восхитительный видъ на Бомбей, и его окрестности, тонущія въ зелени вѣрныхъ пальмъ. Процессія эта обыкновенно очень длинная. Впереди несутъ покойника бородатые люди; зади идутъ родственники и знакомые попарно, въ бѣлыхъ одеждахъ. Они остаются у павильона. Только бородатые люди въ перчаткахъ и съ крюками относятъ покойника въ одну изъ тѣхъ башенъ и оставляютъ его совершенно нагимъ. Тогда туда слетаются коршуны, и черезъ два часа остаются одни кости. Кости эти потомъ смываются дождями въ отверстіе въ центрѣ башни, гдѣ онѣ быстро распадаются въ прахъ. Дождевая вода, ихъ смывающая, проникаетъ черезъ толстый слой угля и дезинфицирующихъ веществъ и уходитъ въ море. Къ башнямъ, кромѣ бородатыхъ носильщиковъ, никому не дозволено приближаться. Но вокругъ разбитъ восхитительный садъ, изобилующій цвѣтами и цвѣтушками деревьями, олеандрами и гарденіями, разливающимися ароматъ розами и стройными, возносящими къ небу свои вершины, кипарисами. Это — очаровательное мѣсто для уединенія и размышленія или воспоминанія объ умершихъ.

Но кромѣ этого крайне оригинальнаго парсійскаго кладбища, Бомбей по народностямъ, кишачимъ на его улицахъ, представляетъ скорѣе какую-то пеструю смѣсь изъ всевозможныхъ племенъ и народовъ

Индии, чѣмъ чисто индійскій городъ. Наблюдать жизнь здѣсь всего удобнѣе на базарахъ, роскошныхъ, громадныхъ, крытыхъ желѣзомъ зданіяхъ, не лишенныхъ интереса даже для натуралиста, такъ какъ здѣсь собраны всевозможныя рыбы Индійскаго океана и овощи, и фрукты тропической Индии, цвѣты, употребляемые для жертвоприношеній, собранные въ оригинальные гирлянды и букеты,—все это содержится въ идеальномъ порядкѣ и чистотѣ. Здѣсь вы найдете отдѣльныя помѣщенія для продажи листьевъ бетеля, одного вида перца, въ которые завертываютъ кусочки орѣховъ арековой пальмы и извести и жуютъ, пока слюна не сдѣлается кроваво-красной, зубы—черными, ротъ же какъ будто окровавленнымъ. Манги, бананы, апельсины, виноградъ—здѣсь лучшіе въ мірѣ. Здѣсь толпится разнообразное населеніе, не менѣе пестрое, чѣмъ на улицахъ туземнаго квартала. Индусы изъ Гузерата, въ бѣлыхъ длинныхъ одеждахъ и съ красными знаками касты на лбу, часто почти обнаженные, арабы изъ Маската, персіяне, афганцы въ высокихъ бѣлыхъ чалмахъ, негры изъ Занзибара, парсы въ европейскихъ пальто и бархатныхъ, расшитыхъ золотомъ шапочкахъ, островитяне Маледивскихъ острововъ, малайцы, даже китайцы, раджпуты, евреи, сипаи, европейцы перемѣшаны въ этой космополитической толпѣ, пестрой, разнообразной по костюмамъ, какъ всякая азиатская толпа, но слишкомъ разнохарактерной, чтобы дать цѣльное впечатлѣніе. Египетскія фески и арабскій покрой платья съ чалмоу, индійскія легкія бѣлыя одежды и шапочки парсийцевъ пестрятъ въ глазахъ. Часто вы видите полугипетскій, полуиндійскій костюмъ. Если не англичане, то прежніе жители португальцы оставили еще здѣсь по себѣ многочисленное смѣшанное населеніе. Населеніе это—фактъ достойный вниманія—гораздо чернѣе, чѣмъ тѣ туземцы, съ которыми вступили въ бракъ бѣлые португальцы. Они стремятся носить непременно европейское крахмальное бѣлье, хотя часто только рубашка и панталоны и составляютъ костюмъ таковаго португальца; при 41-градусной жарѣ и пыли трудно выдумать что-либо несообразнѣе этого костюма. Такъ же пестры и перемѣшаны между собою обычаи бомбейцевъ, путающіеся и смѣшивающіеся и мало-по-малу входящіе въ рамки англійскаго строя жизни. Поэтому не здѣсь надо искать чистыхъ чертъ индійскаго быта. Здѣсь онъ подавленъ новою англійскою культурою, столь безцеремонно нарушившею старыя порядки и придавшюю свой европейскій обликъ разрастающемуся городу, желающему, вопреки климату, какъ въ Англии, засыпать въ 9 часовъ вечера и пробуждаться въ 8 часовъ утра.

Индусская деревня.

(С. Лимбаха.)

На нѣкоторомъ разстояніи деревня южнаго Декана представляется путешественнику небольшою рощицей манговыхъ и тамариндовыхъ деревьевъ; отъ настоящей рощи она отличается только тѣмъ, что изъ густой листвы тамъ и сямъ поднимаются голубоватая облачка дыма. Подъѣхавши ближе, путешественникъ замѣчаетъ отдѣльныя хатки, развалины одинокаго храма въ полѣ, но сама деревня все еще скрывается отъ глазъ. Это зависитъ отъ живой изгороди изъ древовидныхъ кактусовъ, агавъ или исполинскихъ молочаевъ. По своему назначенію эта изгородь соотвѣтствуетъ прежнимъ европейскимъ городскимъ стѣнамъ, такъ какъ она должна была защищать деревню отъ внезапныхъ набѣговъ разбойничьихъ шаекъ, налетавшихъ на своихъ маленькихъ, быстрыхъ лошадакъ. Для большей безопасности тропинки, проходящія сквозъ эту изгородь, образуютъ извивы, замыкающіеся съ обѣихъ сторонъ высокимъ плетнемъ; такимъ образомъ въ изгороди образуется множество уголковъ, доступныхъ только со стороны деревни. Въ то же время эти изгороди защищаютъ лежащія около домовъ огороды отъ скота, въ изобилии пасущагося по полямъ на свободѣ; имѣй этотъ скотъ свободнымъ доступъ къ садамъ и огородамъ, они превратились бы въ пустыню въ самое короткое время.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ имѣется нѣчто въ родѣ форта—очень вѣстительная башня, нѣкогда служившая послѣднимъ убѣжищемъ отъ разбойниковъ.

Путешественникъ, желающій посѣтить такую деревню, прежде всего отыскиваетъ «ратушу»—присутственное мѣсто деревенскаго старосты, гдѣ онъ можетъ временно остановиться. Эта «ратуша» стоитъ большею частью приблизительно посреди деревни. Передъ нею находится открытая площадь большей или меньшей величины, служащая мѣстомъ стоянки быковъ и повозокъ. Много помѣщенія здѣсь и не требуется, особенно если на площади есть какое-нибудь большое дерево, подъ тѣнью котораго можно укрыться отъ жары.

Сама «ратуша» большею частью имѣетъ видъ залы съ колоннами, огороженной съ трехъ сторонъ земляными стѣнами; четвертая сторона, выходящая на улицу, остается открытой.

Пройдемся по деревнѣ. Прежде всего мы попадаемъ на базаръ, или рынокъ. Рынокъ въ Индіи, въ противоположность нашему, представляетъ изъ себя не широкую, открытую площадь, а цѣлую сеть маленькихъ улицъ и переулковъ, гдѣ мастерскія и лавки плотно жмутся другъ къ другу и построены такъ тѣсно, что одну лавку отъ другой отдѣляетъ только перегородка. И лавки, и мастерскія совершенно открыты на

улицу; по величинѣ онѣ напоминаютъ наши ярмарочныя палатки. Лавки приподняты надъ улицей аршина на полтора. Посреди помѣщенія сидитъ продавецъ, заложивъ ногу на ногу и держа на колѣняхъ счетную книгу. Вокругъ него амфитеатромъ расположено множество ящиковъ и жестянокъ, содержащихъ хлѣбъ и пряности, масло и сахаръ, нюхательный табакъ и лукъ, нитки и стеклянныя украшенія,—словомъ, все необходимое для домашняго обихода индуса. Все это расположено такъ, чтобы купецъ могъ доставать желаемое, по возможности не поднимаясь съ мѣста; если же ему все-таки приходится подняться, надъ его головою виситъ крѣпкій шнуръ съ кистью, за которую онъ можетъ ухватиться. Является покупатель и требуетъ на копейку нюхательнаго табаку или на три копейки сахару; купецъ завертываетъ требуемое въ большой древесный листъ или кусокъ газеты, крѣико перевязываетъ грубою хлопчатобумажною бечевкой или лыкомъ и передаетъ покупателю; всѣ движенія его медлительны и важны, точно онъ дѣлаетъ какое-то необычайно серьезное дѣло. При этомъ часто случается, что покупатель недоумѣваетъ при видѣ малаго количества отпущеннаго ему товара. Онъ требуетъ прибавки, купецъ стоитъ на своемъ, и завязывается безконечный споръ. Въ концѣ-концовъ купецъ прибавляетъ еще щепотку, снова завертываетъ товаръ и отдаетъ покупателю. Не такъ просто дѣло дѣлается тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о товарахъ большей цѣнности, напримеръ, о матеріяхъ. Тогда обѣ стороны приглашаютъ сосѣдей въ эксперты, и споръ возгорается съ новою силой. Эксперты со стороны купца наперерывъ расхваливаютъ товаръ, противоположная сторона не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для порицанія, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ партій не пойдетъ на уступки.

Мастерскія позволяютъ всякому прохожему заглянуть во всѣ мельчайшія подробности производства (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ обманываютъ покупателя). Можно наблюдать, напримеръ, какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ плавить и куетъ золото или вытягиваетъ его въ тонкія нити, которыя потомъ искусно связываетъ и сплетаетъ. Здѣсь же можно видѣть, какъ мясникъ торгуетъ овечку у пастуха, какъ онъ перерѣзаетъ ей горло тупымъ, зазубреннымъ ножомъ, разрубаетъ мясо, дѣлитъ на мелкія, трехкопечныя порціи внутренности, кожу и кости и т. д. Лучше не слишкомъ приглядываться ко всему этому, чтобы не потерять аппетита раньше времени. Мясники здѣсь—почти безъ исключенія магометане, покупатели мяса—магометане, еврейцы и парии.

Далѣе можно полюбоваться, какъ портной искусно пригоняетъ заплатку къ заплаткѣ, пока не получится прекрасная красно-зеленая или сине-желтая куртка. Если онъ къ тому же обладаетъ швейною машиной, любопытные массами окружаютъ его, стремясь подивиться на чудо

«Вилапри» (Европа). Если эта швейная машина ножная, ее нижняя часть предусмотрительно прикрывается изящным платком, и многие уходят, покачивая головой, в полной уверенности, что портной вступил в сношения с духами, которые неуклонно и таинственно приводят машину в движение.

Но такое отношение встрѣчается только в болѣе или менѣе глухихъ деревняхъ; болѣе бойкій горожанинъ разсматриваетъ все до мельчайшихъ подробностей и затѣмъ отворачивается съ миной, говорящей: «не очень-то далеко ушли европейцы со своею мудростью, это и наши могутъ сдѣлать».

Вообще всѣ мины и движенія головы и рукъ индуса такъ выразительны, гибки и цѣлесообразны, что европейскій ораторъ могъ бы свободно поучиться у индусской крестьянки и мимикѣ, и краснорѣчю. Рѣчь раздраженной женщины льется какъ бурный горный потокъ, безъ запинки, безъ перерыва, все возрастаетъ въ быстротѣ и звучности, подобно лавинѣ,—она такъ и сыплется на противницу, заглушая ее возраженія. Съ другой стороны, индусъ, пока онъ не потерялъ самообладанія подъ влияніемъ гнѣва, опьянѣнія или опиума, не позволитъ себѣ произнести ни одного некрасиваго, грубаго или неприличнаго слова.

Купля и продажа производится не только в лавкахъ: продажа и покупка съѣстныхъ припасовъ и корма для скота совершается подъ открытымъ небомъ, передъ лавками. Торговецъ, а по большей части торговка, разстилаетъ на землѣ цыновку. На нее ставится корзина или горшокъ сала, связка травы или дровъ, а сади на цыновку садится продающій. Такимъ образомъ выставляются на продажу куры, овощи, травы, рыба, дрова, также зерновой хлѣбъ и коренья. Между этими товарами попадаются цыновки съ предметами роскоши и туалета, на примѣръ: гребнями, зеркалами, бусами и браслетами, перстнями, серьгами, кольцами для продѣванія черезъ нозь, ухвертками, всевозможными ящичками; далѣе встрѣчаются ножницы и ножи, перья, карандаши и т. п.,—словомъ, въ общемъ получается такой пестрый хаосъ, что нужно употребить порядочно времени, чтобы въ немъ разобраться. Самый дешевый и плохой товаръ—большую часть бракъ—разносѣтки таскаютъ въ ящикахъ и корзинахъ изъ деревни въ деревню, съ рынка на рынокъ и продаютъ по такимъ ничтожнымъ цѣнамъ, что многіе европейскіе товары здѣсь можно купить дешевле, чѣмъ въ Европѣ. Если такая торговка или крестьянка заработаетъ 30—40 копеекъ въ день, она совершенно довольна.

Оставимъ базаръ и отправимся на дальній конецъ деревни. Тамъ гнѣздятся отщепенцы индусскаго общества: кожевники и башмачники, каменщики, питающіеся крысами, кошками и собаками, странствующие

кузнецы и корзишники, настолько же необходимые индусскому обществу, насколько презираемые имъ. Тутъ же живутъ такъ называемые «ламбани», по образу жизни и по одеждѣ напоминающие цыганъ, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Инди; подобно нашимъ цыганамъ, — они занимаются мелкимъ воровствомъ, гаданіемъ, ворожбой и шарлатанствомъ. Среди этихъ отбросовъ общества попадаются удивительно красивые, совершенно свѣтлокожіе люди.

Заглянемъ теперь въ крестьянскую хижину и посмотримъ ея архитектуру, внутреннее устройство и обитателей.

Многіе крестьянскіе дома въ южномъ Деканѣ вовсе не имѣютъ дверей на улицу. Нѣчто въ родѣ коридора или сѣней ведетъ во внутренний дворъ, находящійся позади дома, и только съ этого двора идетъ парадная дверь въ самый домъ. Въ основѣ этого обычая лежитъ вѣрованіе индусовъ, требующее, чтобы входное отверстіе дома было направлено въ опредѣленную сторону. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, «дурной глазъ», котораго индусы очень боятся, можетъ вліять только въ томъ случаѣ, если попадаетъ въ домъ съ извѣстной, опредѣленной стороны, а съ другой — индусы вѣрятъ, что благословіе здоровья входитъ въ домъ съ востока (о чемъ говорятъ и индусскія священныя книги). Въ этомъ между прочимъ выражается одно изъ поразительныхъ явленій индусской жизни — это тѣсная связь религіи со всѣми житейскими мелочами. Индусъ купается, ѣсть, строить свое жилище согласно предписаніямъ религіи; туземные доктора лѣчатъ больныхъ по правиламъ священныя книгъ. Короче, всѣ поступки индуса предусмотрены и урегулированы религіей, правила которой большею частью исполняются строго. Иногда такое религиозное предписаніе имѣетъ гигиеническое основаніе: это наблюдается, напримѣръ, въ вышеприведенномъ обычѣ постройки жилища. Въ южномъ Деканѣ западный вѣтеръ опасенъ для туземцевъ, такъ какъ перѣдко приноситъ лихорадку, а восточный, напротивъ, обыкновенно неопасенъ. Поэтому, дѣйствительно, «веръ на востокъ, «открываетъ доступъ здоровью».

Прежде чѣмъ войти въ домъ, посмотримъ повнимательнѣе дворъ. Если дворъ не очень тѣсенъ, на немъ можно встрѣтить, въ видѣ главнаго украшенія, нѣсколько большихъ тѣнистыхъ деревьевъ. Соединяя пріятное съ полезнымъ, индусъ сажаетъ у себя на дворѣ всего охотнѣе манговыя или тамариндовыя деревья. Недозрѣлые плоды манговаго дерева заготавливаются впрокъ съ солью, перцемъ и другими пряностями и служатъ круглый годъ острою приправой къ рису; зрѣлые — составляютъ любимое лакомство индуса. Сердцевина тамариндоваго дерева — необходимая составная часть такъ называемой «перечной воды» и острога соуса, — «свэрри» (отъ туземнаго слова «ката» — острый). Кромѣ этихъ деревьевъ, у индуса на дворѣ можно встрѣтить еще нѣкоторые полезныя

деревья, напр., дынное дерево (*Carica papaja*), дающее вкусные плоды. Обыкновенно всѣхъ этихъ деревьевъ такъ много и они зарастаютъ такъ сильно, что деревня издалека кажется рощей.

Въ тѣни деревьевъ по всему двору растутъ сплошныя заросли различныхъ травъ и кустарниковъ. Кажется, точно хозяинъ бросилъ на землю пригоршню всевозможныхъ сѣмянъ и распырялъ ихъ по всѣмъ направленіемъ,—гдѣ что упало, тамъ и выросло.

По стволамъ деревьевъ, по крышѣ вьются длинныя плети огурцовъ, дынь, тыквы и всевозможные бобы; вся эта масса зелени почти совершенно закрываетъ сидящіе на землѣ овощи. Самымъ обыкновеннымъ овощемъ здѣсь бываетъ «багія» (*Hibiscus esculentus*), недозрѣлые плоды которой идутъ въ пищу. Среди овощей разбросаны кусты жасмина, махровыя камелии, лиліи, розы, а также табакъ, красный сѣрець, хлопчатникъ и часто нѣсколько штукъ мака, сокъ котораго даетъ извѣстное одуряющее средство—опіумъ. Но это—товаръ запрещенный, такъ какъ добычаніе опіума составляетъ монополію правительства. Въ этомъ хаосѣ всегда найдется одинъ-два куста рецингуса; здѣсь онъ служитъ не украшеніемъ, а полезнымъ растеніемъ, которымъ иногда засѣваются цѣлыя поля. Касторовое масло въ Индіи служитъ не только лѣкарствомъ, но оно идетъ также въ кушанье, какъ у насъ коровье или постное. Новичка въ особенности поражаетъ пышная зелень всѣхъ этихъ растений даже въ сухое время года, когда всѣ окрестныя поля выжжены и голы. Дѣйствительно, растущія на дворѣ травы орошены обильно: среди двора находится камень, на которомъ колотятъ стирающее бѣлье, намочивъ его предварительно въ водѣ; на этомъ же камнѣ домашніе, за неимѣніемъ бани, обмываютъ съ себя дневную пыль, потъ и жаръ. Вся вода послѣ мытья посуды и умыванья выливается на растенія, а такой воды въ индусскомъ хозяйствѣ не мало; но временамъ недопитая вода въ какой-нибудь мѣдной или глиняной посудинѣ выплескивается туда же, чтобы, согласно правиламъ браминской религіи, способствовать поддержанію жизни и тѣмъ заслужить людемъ лучшей жребій въ послѣдующемъ воплощеніи.

Войдемъ, наконецъ, въ домъ, испросивъ предварительно позволеніе. Правильнѣе было бы сказать—войдемъ подъ крышу дома; главную часть индусскаго жилья составляетъ веранда, открытая съ вѣшной стороны или огороженная плетнемъ изъ расщепленныхъ стволовъ бамбука, сквозь широкія щели котораго свободно проходитъ воздухъ; въ такомъ случаѣ съ веранды на улицу видно все, но прохожіе могутъ только съ трудомъ различить происходящее на верандѣ. Въ домахъ, у которыхъ вѣтъ плоской крыши, эта веранда служитъ большую часть года не только гостиною, но и спальней; остальная часть дома представляетъ собою спальню для болѣе холоднаго времени года, кухню, кладовую для све-

реженія движимаго имущества и даже стойла для домашняго скота. Внутри дома совершаются только такія дѣйствія, которыя почему-нибудь должны быть скрыты отъ постороннихъ глазъ. По обѣимъ сторонамъ входа полъ веранды поднимается на 2—3 фута надъ поломъ прохода; онъ тщательно вымазанъ коровьимъ навозомъ или аккуратно прикрытъ цинковой. Въ первомъ случаѣ приличіе требуетъ, чтобы при входѣ гостя на веранду передъ нимъ разстился коверъ или цинковка, на которую его и просить присѣсть. Гость съ своей стороны долженъ оставить у веранды свою обувь, если онъ имѣетъ ее, но голова его остается покрытой. Последнее очень удобно, потому что въ крышѣ веранды иногда гнѣздятся многія неприятныя животныя, напр., скорпионы и даже змѣи.

Внутреннее пространство дома дѣлится на двѣ неравныя части. Меньшее отдѣленіе, съ низкимъ поломъ, служитъ для ночлега скота; другое, большее, приподнятое надъ почвой на высоту около фута съ помощью слоя земли, представляетъ собственно жилое помѣщеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ болѣе бѣдныхъ хижинахъ здѣсь находятся только двѣ штуки мебели: кровать и сундукъ. Кровать есть не что иное, какъ четырехугольный деревянный остовъ, фута три длиной и фута $4\frac{1}{2}$ шириной, затянутый вдоль и поперекъ кокосовыми веревками; на этомъ переплетѣ лежитъ шерстяной коверъ или толстый бумажный холстъ, или, наконецъ, нѣчто въ родѣ стегалаго одѣяла. Это одѣяло, гдѣ оно имѣется, представляетъ собою чрезвычайно любопытное рукодѣліе, спитое изъ крошечныхъ лоскутковъ и подбитое хлопкомъ.

Въ сундукѣ, запертомъ болѣе или менѣе искуснымъ замкомъ, хранится все наиболѣе драгоцѣнное по части платья. Деньги по большей части находятся въ другомъ мѣстѣ, а иногда просто закапываются въ землѣ. Большинство индусовъ промѣниваютъ свободныя деньги на серебряныя и золотыя украшенія, которыя женщины носятъ въ волосахъ, на рукахъ, на шеѣ, въ ушахъ, въ носу или вокругъ бедеръ въ видѣ пояса.

Кухня въ индусскомъ домѣ представляетъ особое помѣщеніе, которое у туземцевъ стоитъ подъ одной крышей съ домомъ, но только примыкаетъ къ нему. Кухня—святая святыхъ жилища, куда рѣдко проникаетъ чужой. Въ кухнѣ хранится мѣдная или латунная, иногда глиняная посуда; здѣсь же стоятъ исполинскіе глиняные сосуды съ масломъ, саломъ, мукой и т. п. Хлѣбное зерно хранится въ бамбуковой корзинѣ, густо вымазанной внутри и снаружи коровьимъ навозомъ и покрытой сверху толстымъ слоемъ дерна; эта корзина обыкновенно стоитъ гдѣ-нибудь въ надежномъ мѣстѣ, иногда въ самомъ жиломъ помѣщеніи.

Въ кухнѣ (иногда на верандѣ) стоитъ ручная мельница, на которой работаютъ обыкновенно двѣ женщины заразъ. Ручная мельница состоитъ изъ двухъ круглыхъ камней, имѣющихъ около $1\frac{1}{2}$ фута въ

поперечникъ и дюйма 3—4 въ толщину. Нижний камень вкапывается въ землю. Посрединѣ его укрѣпляется деревянная втулка, на которой вертится верхній камень. На немъ около внѣшняго края устроенъ крѣпкій деревянный крюкъ, за который берутся вертяція мельницу женщины. Онѣ садятся другъ противъ друга и охватываютъ мельницу ногами. Зерно—пшеница или просо—высыпается въ воронкообразное углубленіе посреди верхняго камня, охватывающее деревянный стержень нижняго жернова. Молоть на такой мельницѣ довольно скучно и очень утомительно. Чтобы облегчить этотъ трудъ, женщины цѣлыми часами тянутъ свои монотонныя, часто тутъ же импровизируемыя, пѣсни подъ тактъ вращенія жернововъ. Это мурлыкаше составляетъ всю возможную бесѣду,—обыкновенный разговоръ требуетъ слишкомъ большого напряженія вниманія. Послѣ размолы болѣе тонкая, болѣе грубая мука и отруби отдѣляются другъ отъ друга своеобразнымъ потряхиваньемъ на большой лопатѣ, сплетенной изъ бамбука, безъ ручки. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ крестьянъ имѣется большая деревянная ступка съ пестикомъ для отдѣленія риса отъ шелухи.

Крестьянинъ болѣею частью самъ строитъ свое жилище изъ глины. Въ концѣ сухого времени года, когда обнажается полуиссохшее глинистое дно прудовъ, эту глину смачиваютъ водой и женщины переносятъ ее въ корзинахъ на мѣсто стройки, гдѣ мужчина начинаетъ выкладывать стѣны, сначала фута на два въ высоту. Когда этотъ рядъ высохнетъ, накладывается слѣдующій и такъ до конца. Глиняный полъ выкладывается мелкими камешками и плотно утаптывается. Такъ же устраиваются возвышенныя части веранды. Для болѣе прочной стройки глина складывается въ большія кирпичныя формы на берегу пруда; и эти кирпичи просыхаютъ на солнцѣ, послѣ чего идутъ въ постройку и скрѣпляются еще глиной въ видѣ цемента. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дома строятся изъ грубыхъ, почти неотесанныхъ камней. Коньки и балки дѣлаются изъ грубо отесанныхъ древесныхъ стволовъ, а крыша устраивается изъ бамбуковыхъ жердей, на которыя кладутся расщепленные стволы бамбука, а сверху кладется черепица или просто трава.

Во внутреннемъ Деканѣ многіе каменные дома имѣютъ плоскія крыши; для этого на прочный накатъ насыпанъ слой земли, политый водой и плотно утопанный. Вначалѣ эти крыши легко пропускаютъ воду, но съ теченіемъ времени становятся все болѣе непромокаемы и являются достаточной защитой отъ солнца. Къ сожалѣнію, онѣ въ то же время служатъ любимымъ убѣжищемъ всевозможныхъ червей и насѣкомыхъ.

Дома болѣе зажиточныхъ крестьянъ сильно разнятся отъ осмотрѣнныхъ нами, такъ же какъ и городскія строенія. Жилище богатаго крестьянина представляетъ собою цѣлую группу жилыхъ помѣщеній и

службъ. Помѣщенія для скота отдѣлены отъ жилища людей, что вовсе не мѣшаетъ любимому теленку или барану находить пріютъ въ жилищѣ помѣщеніи. Всѣ постройки большею частью сгрушированы вокругъ двора. Богачъ охотно надстраиваетъ нѣсколько комнатъ, вверхъ, такъ что получается родъ второго этажа. Въ этихъ комнатахъ онъ принимаетъ гостей и отдыхаетъ, такъ какъ здѣсь прохладнѣе, чѣмъ внизу. Въ городѣ почти всѣ богатые дома двухъэтажные, а царскіе дворцы имѣютъ три этажа и даже болѣе. Въ первомъ случаѣ всѣ такіе дома представляются настоящимъ лабиринтомъ комнатъ, комнатокъ, лѣстницъ и коридоровъ.

Вернемся однако въ нашему простому крестьянину. Основная задача индуса при постройкѣ дома (несмотря на его любовь къ свѣжему воздуху въ ночное время)—предоставить возможно малый доступъ воздуха и свѣта внутрь жилища. Поэтому окна имѣютъ видъ маленькихъ четырехугольныхъ отверстій, да еще зачастую закрытыхъ массивными дощатыми ставнями. Число ихъ, такъ же какъ и дверей, по возможности не велико. Гораздо больше значенія имѣютъ стѣнные ниши, находящіяся въ большомъ количествѣ въ каждомъ домѣ и служащія складочнымъ мѣстомъ цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ предметовъ и мелочей. Самыми важными нишами служатъ—ниша для лампы и ниша для изображеній боговъ.

Индусскія лампы, сдѣланныя изъ глины, латуни или бронзы, имѣютъ совершенно античную форму. Онѣ представляютъ собою плоскую открытую чашу съ носикомъ, въ которомъ лежитъ самый обыкновенный хлопчатобумажный фитиль. Въ бѣдныхъ семьяхъ жгутъ по большей части медленно сгорающее и трудно воспламеняемое масло, добываемое изъ различныхъ маслянистыхъ сѣмянъ собственнаго посѣва.

На дворѣ гдѣ-нибудь въ углу валяются земледѣльческія орудія крестьянина. Самые важныя изъ нихъ плугъ и борона. Плугъ—просто кусокъ, вырубленный изъ какого-нибудь крѣпкаго колючаго дерева, при чемъ одинъ изъ сучковъ служитъ дышломъ, а крючковатый сошникъ сдѣланъ изъ ствола. Сзади оставлена ручка, за которую держится пахарь и управляетъ плугомъ. Борона—ворохъ крѣпко связанныхъ между собою колючихъ вѣтокъ. Для большей тяжести на ворохъ колючекъ наваливаются камни, а иногда садится самъ погонщикъ, и борона воится по полю вдоль и поперекъ.

Другое интересное земледѣльческое орудіе индуса—сѣялка, которая употребляется не вездѣ и не для всякаго посѣва. Она представляетъ собою нѣчто въ родѣ большихъ граблей, ручка которыхъ составляетъ дышло, въ которое впрягаютъ пару и больше воловъ. Зубья граблей сдѣланы изъ заостренныхъ, внутри колыхъ бамбуковыхъ палочекъ. Наверху въ особыхъ сосудахъ помѣщается зерно; сосуды эти имѣютъ во-

ронкообразныя отверстія, черезъ которыя сѣмена изъ сосудовъ постепенно стекаютъ въ вышеупомянутыя зубья-трубочки. Зубцы проводятъ маленькія борозды и оставляютъ въ нихъ надлежащее количество сѣмянъ. Это устройство имѣетъ опредѣленную цѣль. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ южнаго Декана засѣваетъ свое поле не однимъ какимъ-нибудь хлѣбомъ, а нѣсколькими сортами. Въ его распоряженіи одно только дождливое время, и онъ торопится использовать его для всего. Съ этою цѣлью онъ высѣваетъ на свое поле нѣсколько сортовъ хлѣба, посѣвающихъ въ разное время. Чтобы сборъ равнято хлѣба не помѣшалъ болѣе позднему, сѣмена высѣваются аккуратно рядами. Такъ сѣютъ главнымъ образомъ просо и хлопчатъ; пшеницу разбрасываютъ прямо рукою, какъ у насъ. Хлѣбъ срѣзаютъ обыкновенно лебольшимъ серпомъ; коса здѣсь совершенно неизвѣстна.

Устройство рисовыхъ полей на прибрежьи, конечно, совершенно иное. Рисъ—растеніе болотное, и для хорошаго урожая ему надо стоять въ водѣ и илѣ вплоть до созрѣванія. Поэтому рисовыя поля представляютъ собою по большей части маленькіе участки, затопленные водой. Молодыя растенія, выведенныя въ особыхъ «питомникахъ», пересаживаются въ извѣстное время на поля, гдѣ рабочіе стоятъ по колѣна въ водѣ. Поле готовится заранѣе,—его распахиваютъ подъ водой, и молодые рисовыя кусты рассаживаются рядами въ приготовленный такимъ образомъ илѣ.

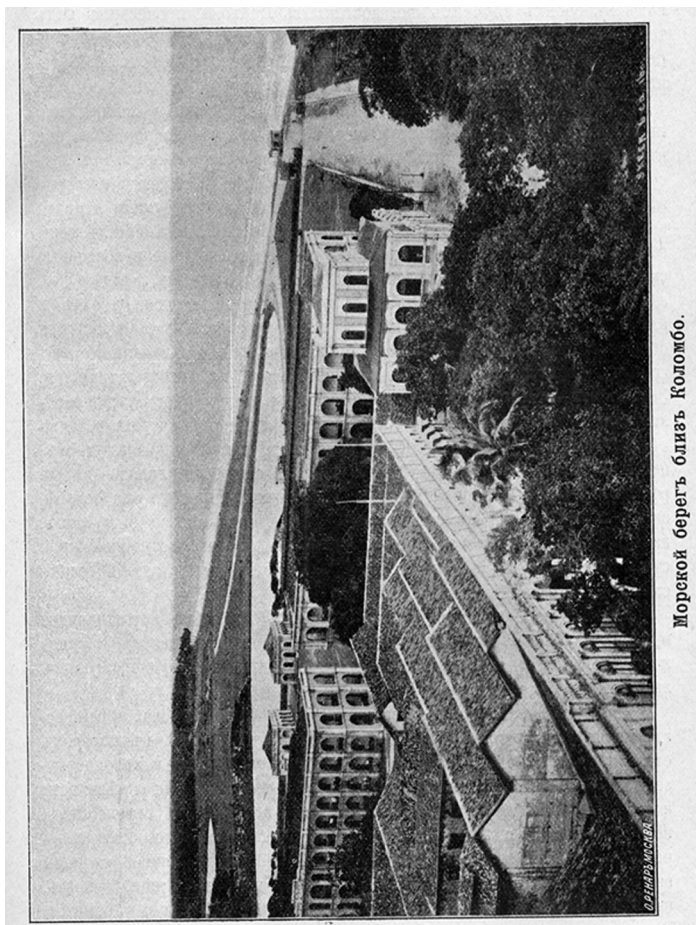
Цейлонъ и его населеніе.

(А. Краснова).

Жемчужина Индійскаго океана, островъ, на который, по преданію магометанской религіи, были сосланы Адамъ и Ева въ утѣшеніе за изгнаніе ихъ изъ рая, убѣжище индійскаго истиннаго буддизма, Цейлонъ въ настоящее время является центральной станціей всѣхъ судовъ, идущихъ въ Индію, Австралію и на дальній Востокъ, центромъ чайной и хинной торговли Англии и тропической Швейцаріей для туристовъ, охотниковъ и археологовъ. Его заросшія дѣвственными лѣсами развалины городовъ, выстроенныхъ тысячелѣтія назадъ, его чудная тропическая природа, здоровый климатъ горъ, охота на двѣхъ слоновъ, таинственныя культы туземцевъ, а также полная безопасность и комфортъ путешествія создали ему громкую славу, вызвавъ многочисленныя и восторженныя описанія чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Что Цейлонъ въ значительной степени заслуживаетъ этой репутаціи, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Правда, есть острова съ болѣе чудною природою, какъ, напримеръ, Ява, послѣ которой впечатлѣніе, оставляемое Цейлономъ, слабо, но мѣстности эти не такъ доступны для путешественника, какъ Цейлонъ. Имѣя форму групи, соединенный отмелями съ материкомъ, занима

площадь пяти шестых Ирландіи, геологически Цейлонъ представляетъ съ полуостровомъ Индостаномъ одно цѣлое. Это та же масса скаль изъ гнейсовъ, различнымъ образомъ изогнутыхъ, размытыхъ, разрушенныхъ совокупною дѣятельностью моря и дождя. Море залило теперь низину, соединявшую горную группу Цейлона съ горами материка, и Адамовъ мостъ, по которому герой индійскихъ легендъ Рама перешелъ на островъ, теперь представляетъ проливъ; въ зависимости отъ господствующихъ вѣтровъ воды этого пролива стремятся то съ сѣверо-запада на востокъ, то обратно на западъ, производя всегда теченіе и зыбь, неприятную для проходящихъ черезъ проливъ маленькихъ пароходовъ, поддерживающихъ сношеніе между Индостаномъ и Коломбо на островѣ. Въ недавнемъ геологическомъ прошломъ море стояло, повидимому, еще выше; это оно создало поясъ плоскихъ равнинъ, которыя окружають горныя группы центрального Цейлона, спускающіяся со всѣхъ сторонъ къ этимъ равнинамъ невысокими холмами. Если подняться на одинъ изъ этихъ невысокихъ холмовъ, вы увидите, что онъ возвышается надъ громаднымъ ровнымъ моремъ лѣса, обрамленнаго голубымъ тропическимъ океаномъ. Но центральная часть острова гориста. Какъ во всѣхъ влажныхъ тропическихъ странахъ, граниты и сѣрые гнейсы, изъ которыхъ слагаются эти горы, рѣдко гдѣ выходятъ на поверхность. Развѣ въ болѣе сухой восточной части острова увидите вы голый камень, растрескавшійся громадными трещинами, которыя, сползаясь, даютъ начало пещерамъ и таинственнымъ пещерамъ-храмамъ буддистовъ. Обыкновенно граниты эти глубоко вывѣтрены и, распавшись на глубину многихъ сажень, дали кирпично-красный латеритъ, или красноземъ, поражающій cadaго прѣзжаго съ первыхъ шаговъ въ Коломбо. Кирпично-красная почва и блѣдно-зеленая растительность на фонѣ синяго моря— вотъ три краски, господствующія на островѣ, непривычныя для глаза сѣверянина, знающаго зеленое море, темную зелень и сѣрый или желтоватый тонъ почвы. Контуры цейлонскихъ горъ, какъ и всѣхъ тропическихъ горъ, тяжелы и неопредѣленны. Это—неправильныя группы туповерхихъ горъ иногда причудливой формы, достигающія значительной высоты въ центрѣ и въ южной части острова, гдѣ возвышается знаменитый Адамовъ пикъ. Здѣсь мѣстами ландшафтъ горъ теряетъ свой мягкій характеръ, являются скалы и водопады, но вскорѣ они опять смѣняются маленькими холмистыми и лѣсистыми увалами. Горы занимають около одной шестой части острова. Рѣки, орошающія Цейлонъ, незначительны.

Климатъ Цейлона опредѣляется его тропическимъ положеніемъ. Принадлежа къ области муссоновъ Индійскаго океана, Цейлонъ, какъ и весь Индостанъ, находится подъ вліяніемъ юго-западнаго муссона, который на зиму смѣняется сѣверо-восточнымъ. Но муссоны эти оказыва-

Морской берегъ близъ Коломбо.

В. В. Давыдовъ

ють уже малое значеніе на температуру временъ года острова, такъ какъ въ обѣихъ случаяхъ они достигаютъ Цейлона, пронесшись надъ теплымъ океаномъ, и лѣто и зима здѣсь мало разнятся по своей температурѣ, по крайней мѣрѣ въ прибрежной полосѣ (32,8° и 20,6° тепла—вотъ наибольшія крайности въ температурѣ Коломбо).

Другое дѣло—на высотахъ; здѣсь температура низка, значительно ниже, такъ что климатъ цейлонскихъ высотъ нѣсколько приближается къ климату подтропическихъ странъ. Большое вліяніе оказываютъ муссоны на распредѣленіе осадковъ. Оба они болѣе или менѣе влажные вѣтры, но, перелетая черезъ горы острова, становятся сухими и почти не приносятъ дождей, какъ большинство перелетающихъ черезъ горы вѣтровъ. Поэтому по климатическимъ условіямъ западные и восточные склоны не одинаковы. Зимой на востокѣ идутъ дожди, на западѣ сухо, лѣтомъ наоборотъ. Но такъ какъ юго-западный муссонъ теплѣе и влажнѣе, то онъ гораздо дождливѣе, и потому западная часть острова обильнѣе осадками, чѣмъ восточная. Наступленіе юго-западнаго муссона чувствуется уже за нѣсколько дней грозами на морѣ и затишьями. Затѣмъ эти грозныя тучи налетаютъ на сушу, разражаются страшнымъ ливнемъ съ раскатами грома, устанавливается постоянная тяга воздуха съ юго-запада и ежедневно въ опредѣленное время, сначала утромъ, потомъ, запаздывая мало-по-малу, идутъ тропическіе ливни,—цѣлыя рѣки воды изъ разверзшихся хлябей небесныхъ. Къ осени они ослабѣваютъ и къ ноябрю, когда устанавливается сѣверо-восточный муссонъ, наступаетъ сухая и ясная погода, а дожди идутъ на противоположной сторонѣ острова, но вѣтеръ съ сѣверо-востока дѣлаетъ зимній сезонъ самымъ неприятнымъ на островѣ.

Прибой морскихъ волнъ, достигающихъ во время юго-западнаго муссона въ Коломбо ужасающей силы, къ осени ослабѣваетъ, и синее море даетъ вновь возможность любоваться картинами чуднаго солнечнаго заката въ его чудныхъ голубыхъ водахъ.

На горахъ эта разница во временахъ года не такъ рѣзка; здѣсь всегда туманно, пасмурно, сѣро и прохладно. Это климатъ, въ которомъ отдыхаютъ отъ жары англичане, но въ которомъ жутко и холодно туземцу. Климатъ этотъ здоровъ, и высоко расположенныя мѣстности могутъ служить санаторіемъ не только для цейлонскихъ европейцевъ, но и для индійскихъ. Рѣзка бываетъ разница и горнаго климата въ разгаръ муссона, когда съ западной, туманной и дождливой стороны вы вступаете на восточный склонъ, встрѣчая тамъ солнце, сухость, пыль и жаждущую блеклую растительность иного облика и характера. Эта разница въ распредѣленіи дождя необыкновенно рѣзко сказывается на растительности острова, и вліяніе это не можетъ быть даже замаскировано человѣкомъ.

Большинство русских путешественников знакомо лишь съ западною частью острова. Обыкновенно они высаживаются въ Коломбо, пользуясь остановкой нашихъ судовъ, и затѣмъ ограничиваются экскурсіями въ ближайшихъ окрестностяхъ города или дѣлаютъ поѣздку внутрь въ Кэнди ¹⁾, или посѣщаютъ наиболѣе густо населенную часть острова. Здѣсь, какъ и въ ландшафтѣ Японіи и Китая, глазъ наблюдателя видитъ, что всѣ низины покрыты клѣтками рисовыхъ полей, представляющихъ то зеркальную поверхность водъ, то яркую изумрудную зелень молодыхъ всходовъ, то желтѣющую ниву; все же, что возвышается надъ уровнемъ этихъ низинъ, равно какъ и все побережье вплоть до полосы галечника, омываемаго прибоемъ бушующихъ волнъ океана, есть сплошной и густой лѣсъ. Этотъ лѣсъ состоитъ изъ прямыхъ, наклонныхъ или причудливо изогнутыхъ коcosовыхъ пальмъ съ ихъ темными кольчатыми стволами и пышными кронами раскидистыхъ блѣдно-зеленыхъ вай, прикрывающихъ гроздыя орѣховъ въ человеческую голову; скоро однако путешественникъ убѣждается, что онъ ѣдетъ не въ лѣсу, а въ густо населенной мѣстности, если хотите, сплошной деревнѣ, покрытой деревьями, что это не жилия мѣста, а только рисовыя поля.

Если взять билетъ въ вагонъ желѣзной дороги и отправиться въ глубь острова, вскорѣ попадаешь въ его менѣе культурную холмистую часть. Тутъ кокоса и риса становится меньше, они ограничиваются низами широкихъ рѣчныхъ долинъ. На кирпично-красныхъ склонахъ появляются чайныя плантаціи; онѣ окружены дебрями изъ дѣснаго кустарника, усаженнаго кирпично-красными цвѣтами и темно-синими колосками. Около деревни группируются все тѣ же деревья, но тамъ и сямъ выглядываетъ изъ густой зелени крона вѣрной пальмы или еще болѣе пышной пальмиры, на листьяхъ которой еще и теперь, шивая ихъ въ видѣ узкихъ длинныхъ тетрадокъ, пишутъ буддійскіе монахи и которая разъ въ 50 лѣтъ, выкинувъ пышную крону пушистыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, кончаетъ свое существованіе, отдавъ плодамъ всѣ свои соки.

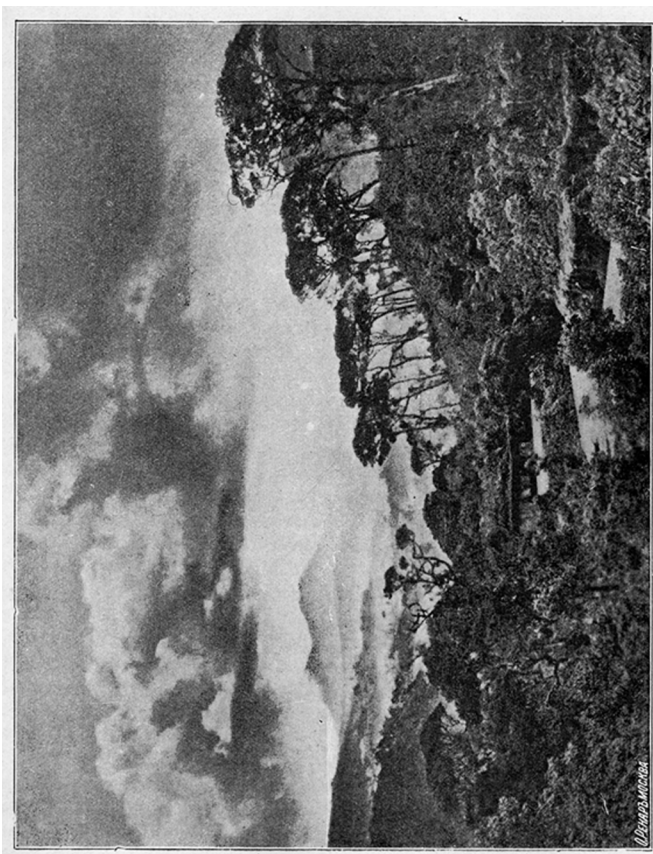
Настоящихъ лѣсовъ и здѣсь нѣтъ,—они истреблены густымъ населеніемъ. Деревья, которыя уцѣлѣли, тонуть въ густомъ непролазномъ кустарникѣ, въ свою очередь задушенномъ сотнями различныхъ дѣвкихъ и нерѣдко красиво цвѣтущихъ лианъ. Чѣмъ выше будете вы подниматься, тѣмъ чаще и чаще такой джунгли будетъ уступать свое мѣсто плантаціямъ чая, и въ высокихъ горахъ плантаціи совершенно завладѣютъ пейзажемъ. Красота природы принесена здѣсь въ жертву культурѣ. Склоны обнажены. Куда хватаетъ взоръ, вы не видите ничего, кромѣ низкихъ, аккуратно подстриженныхъ кустиковъ и террасъ

¹⁾ Бывшая столица Цейлона.

изъ красно-бурой почвы. Долины и крутые каменные обрывы, пологія кручи и склоны безразлично покрыты ими, придавая ландшафтамъ, не смотря на разнообразіе рельефа, холодный, уныло-монотонный обликъ. Какъ змѣи, вьются здѣсь по склонамъ дороги. Тамъ и сямъ еще уцѣлѣли по краямъ дороги широколиственныя, похожія на нашу ольху, хинныя деревья да группы чахлахъ кофейныхъ кустарниковъ, распростершихъ горизонтально жиденькія вѣточки съ красными ягодами и поникшими листьями. Все здѣсь приносится въ жертву чаю, и чай завладѣваетъ всей территоріей. Только острыя маковки горъ пощажены рукою плантатора. Здѣсь впервые вы видите дѣвственный лѣсъ, но уже лѣсъ не жаркихъ тропиковъ, а лѣсъ царства туманной зеленой зимы.

Другая картина представится путешественнику, если онъ переѣдетъ на восточную сторону острова. Тотъ, кто привыкъ себѣ представлять Цейлонъ по его западнымъ берегамъ, между Коломбо и самою южною частью острова, тотъ не признаетъ въ немъ Цейлона, а скажетъ, что попалъ въ какой-нибудь сухой уголокъ Индостана. Лагеръ исчезаетъ. Сухая гнейсовая, близко къ поверхности лежащая, подпочва сверху разсыпалась на куски грубаго красноватаго мало вывѣтрившагося камня. Такую почву даетъ гранитъ пустынь, но не жаркихъ и влажныхъ подтропическихъ странъ.

На этой сухой жаждущей почвѣ развилась пышная, но совершенно особенная флора. Рощи культурныхъ тропическихъ деревьевъ, чайныя плантаціи и вообще слѣды человѣческой культуры исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ вы спускаетесь къ холмамъ, образующимъ восточныя предгорія главныхъ горъ въ центрѣ острова. Вы попадаете въ царство дремучаго дѣвственнаго лѣса, на громадныя протяженія совсѣмъ непроходимачу, занимающаго большую часть равнинъ и уваловъ востока. Это не тотъ дѣвственный лѣсъ тропиковъ, который мы привыкли представлять себѣ по описаніямъ Явы или Бразиліи съ эпифитами, орхидеями и папоротниками, растущими на деревьяхъ, промежутки между которыми заполнены травянистыми многолѣтними папоротниками, банавами и т. п. Здѣсь деревья растутъ необыкновенно густо, тѣсно сплетаясь другъ съ другомъ своими вѣтвями, но вѣтъ ни цвѣтовъ, ни травы, ни кѣжно-зеленыхъ кустарниковъ, земля и стволы деревьевъ совершенно голы, но они спутаны другъ съ другомъ безчисленнымъ множествомъ лианъ, въ руку или даже въ человѣческую ногу толщиной, занимающихъ всѣ промежутки между стволами деревьевъ такого лѣса. Перепутанные узлами, перевитые точно штопоръ, перебрасывающіеся гирляндами, переплетаясь и развѣтвляясь, они своею темною деревянистою массою заполняютъ всѣ просвѣты, всѣ промежутки сверху сильно затѣнненнаго лѣса. Эта мрачная, сѣро-коричневая масса не позволяетъ видѣть дальше, чѣмъ на десять шаговъ, и не позволяетъ двигаться далѣе, чѣмъ

Въ горахъ Цейлона.

С. В. М. М. М.

на два-три шага въ сторону отъ дороги. Вы запутаетесь, заблудитесь и не выпутаетесь изъ этого лабиринта причудливо изогнутыхъ стволонъ. И все это покрыто шалкою изъ зелени, зелени мелкой, темной, кожистой. Здѣсь нѣтъ хвойныхъ породъ; преобладаютъ одни лиственные деревья, то вѣчно-зеленыя, то съ временно опадающею листвою, желтѣющею отъ жары. Мѣстами лѣса рѣдѣютъ. На голой каменной почвѣ выступающихъ холмовъ, на гнейсовыхъ плитахъ деревья не растутъ. Вы видите темную выгорѣвшую траву или разбросанные громадныя экземпляры безлистнаго молочайника, замѣняющаго въ Азін кактусъ, вѣтвистаго съ канделябробразными, растопыренными вѣтвями. Если вы подниметесь здѣсь на холмъ, вы увидите выжженную, совершенно степную поверхность; подъ вами безграничное море деревьевъ, а вы топчете степную почву съ той же степной травой, что у насъ; какъ у насъ, стрекочутъ кузнечики, и въ дунную ночь вы можете себя въ воображеніи перенести на далекій степной сѣверъ. Кто скажетъ, что это Цейлонъ, царство кокосовыхъ пальмъ и тропическихъ деревьевъ?! И такіе лѣса сопровождаютъ васъ почти до Тринкомали, до берега океана.

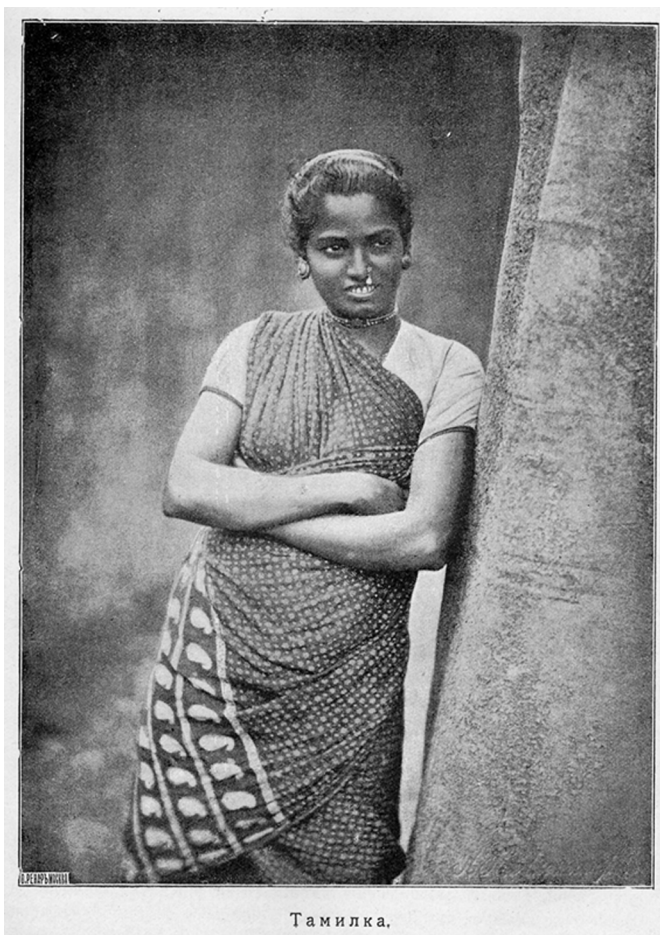
Эта лѣсная глушь не всегда была пустынной. Когда-то орошавшія ее рѣки отводились въ пруды и обширныя культурныя площади были разбросаны среди лѣса. Громадныя многолюдныя города, монастыри и храмы, чудныя архитектурныя созданія перваго періода процвѣтанія буддизма возвышались среди этихъ городовъ. Нашествіе тамилонъ положило конецъ ихъ существованію. Брошенные жителями, они были забыты. Населеніе перешло на западные берега, и дѣвственные лѣса вновь покрыли мѣста, гдѣ жилъ человекъ. Только европейцы вновь обратили на нихъ вниманіе, и теперь прорубленныя въ лѣсахъ тропики ведутъ археологовъ и туристовъ къ этимъ заросшимъ лѣсами городамъ. Тутъ, въ бывшей гѣнгорда столицей Анурадапурѣ путешественникъ видитъ среди дикаго непролазнаго джунгля громадныя бѣлыя храмы, точно рукой волшебника выхваченныя изъ какой-нибудь столицы индійскаго царства; эти зданія насчитываютъ болѣе двухъ тысячелѣтій.

Въ этихъ лѣсахъ Цейлона еще сохранилась та фауна Индіи, которая дѣлала страну эту привлекательною для охотниковъ. Здѣсь еще водятся дикіе слоны и на нихъ даже можно охотиться; здѣсь водятся шесть видовъ обезьянъ и множество летучихъ мышей, изъ которыхъ болѣе всего бросаются въ глаза такъ называемыя летающія собаки или летающія лисицы—громдныя летучія мыши съ фizioноміями, чрезвычайно похожими на лисы; онѣ иногда сплюсн, какъ громадныя фрукты, увѣшываютъ деревья тропическаго лѣса. Маленькій губастый индійскій медвѣдь, робкій и скрывающійся въ лѣсахъ, бываетъ страшнъ только

питающимся медомъ дикимъ жителямъ джунгля — ведасамъ, тогда какъ теперь почти истребленный леопардъ еще недавно наводилъ ужасъ и на земледѣльческое населеніе острова. Здѣсь не мало интересныхъ и оригинальныхъ птицъ, при чемъ особенное вниманіе обращаетъ на себя птица носорогъ, съ громаднымъ рогомъ на носу. Ибисы, аисты, фламинго составляютъ наиболѣе бросающихся въ глаза представителей этой пернатой фауны. Пресмыкающіяся Цейлона тоже весьма интересны. Поражаютъ своими размѣрами громадные игуаны, достигающія пяти футовъ длины. Несмотря на свою величину, онѣ совершенно безвредны, такъ какъ питаются насѣкомыми; часто игуаны дѣлаются жертвами туземцевъ, охотящихся на эту ящерицу ради ея мяса, которое они кладутъ въ кушанье «кэрри», и изъ кожи которой они пьютъ башмаки. Бѣгающія по стѣнамъ гекко, крокодилы, громадные черепахи, поставляющія матеріалъ для тѣхъ гребенокъ, безъ которыхъ не обойдется ни одинъ сингалезъ, и очковая змѣя—наиболѣе обыкновенныя пресмыкающіяся Цейлона. Насѣкомыхъ громадное разнообразіе и изъ нихъ обращаютъ не себя вниманіе своею пестрою окраскою бабочки, одинъ видъ которыхъ бываетъ даже съ птицу величиной.

Населеніе острова представлено, если не считать европейцевъ, тремя различными по культурѣ и облику племенами. Это дикіе аборигены острова—ведасы, чернокожіе тамилы и красивыя женоподобныя сингалезы. Наименѣе многочисленныя изъ нихъ—ведасы, хотя именно они представляютъ наибольшій интересъ.

Это—дикари въ полномъ смыслѣ слова, и врядъ ли теперь можно насчитать на земной поверхности много племень, которыя стояли бы на такомъ низкомъ уровнѣ культуры, какъ эти ведасы. Имъ подобны только бушмены и нѣкоторыя племена Австрали. Живя въ дѣбряхъ лѣсовъ, не подпуская къ себѣ культурныхъ людей, ведасы считались долгое время расою, какъ бы переходною отъ человѣка къ обезьянѣ. Думали, что этотъ первобытный, живущій на деревьяхъ, народъ лишенъ способности смѣяться, не имѣетъ понятія о религіи, о семейныхъ узлахъ и многихъ другихъ, свойственныхъ самымъ низшимъ племенамъ челоуѣчества культурныхъ началахъ. Дѣйствительно, эти люди не имѣютъ жилищъ, но ночуютъ наподобіе первобытныхъ людей каменнаго вѣка—троглодитовъ—въ пещерахъ или прямо подъ густыми деревьями, обладая себя сухими вѣтвями, чтобы по шесту ихъ узнуть о приближеніи дикаго звѣря. Далѣе умѣнія добыть себѣ огонь путемъ тренія кусковъ дерева и приготовить изъ гибкаго прута лукъ, тетивку котораго служить кора ланъ, изобрѣтенія ведасовъ не пошли, и тамъ, гдѣ имъ не удастся путемъ обмѣна съ сингалезами достать желѣзныхъ наконечниковъ для стрѣлы, они стрѣляютъ заостренными палочками, какъ наши дѣти. Впрочемъ, нѣтъ рѣдко приходится употреблять въ дѣло свое ору-

Тамилка.

жие въ густыхъ и непролазныхъ дебряхъ дѣвственнаго лѣса. Они питаются обыкновенно плодами дикихъ деревьевъ и медомъ пчелъ, мало отличаясь въ этомъ случаѣ отъ обезьянъ.

Этотъ дикий народъ, отогнанный нѣкогда въ глубь горъ, послѣ гибели такихъ высоко культурныхъ городовъ, какъ Анурадапура, вновь размножился въ восточной части острова. Дикія дебри и варварскія племена смѣнили высокую цивилизацію, а теперь они сами отступаютъ передъ культурными начинаніями англичанъ, рубящихъ дѣвственные лѣса и проводящихъ новыя оросительныя каналы, восстанавливая старые резервуары сингалезскихъ царей. Ведасы не поддаются этой культурѣ. Ихъ осталось не болѣе 2.000 на всемъ островѣ. Они быстро угасаютъ, дѣлаясь жертвой заразныхъ болѣзней или смѣшиваясь съ сингалезами. Только въ немногихъ пунктахъ ихъ заставили жить осѣдло, и только тамъ ихъ и можно наблюдать европеецъ.

Чтобы увидать ведасовъ, мнѣ пришлось проѣхать около 60 верстъ отъ ближайшаго селенія, по совершенно пустынному лѣсу въ двухколесной запряженной зебу арбѣ и пройти около 20 верстъ лѣшкомъ въ сопровожденіи проводника сингалеза, прежде чѣмъ я достигъ тропишки, сворачивавшей въ сторону отъ дороги въ дѣвственный лѣсъ.

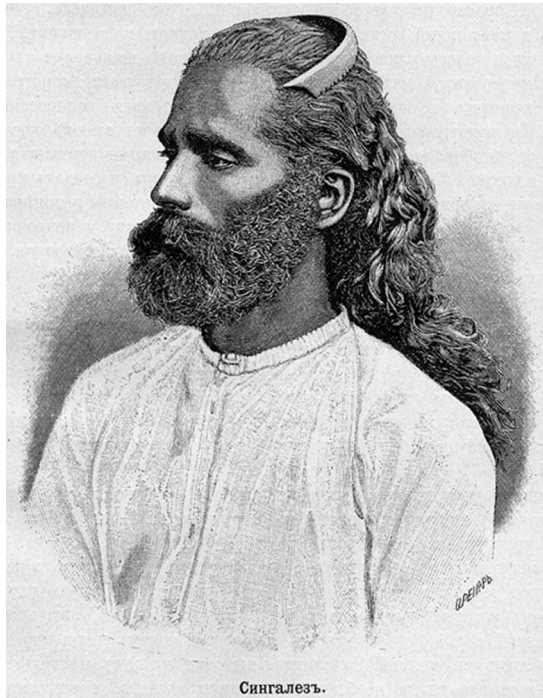
Никогда еще въ моей жизни мнѣ не приходилось ходить по такимъ тропишкамъ. Здѣсь листва прячется далеко наверху, а на уровнѣ съ вами вы видите густую, непролазную стѣну стволовъ прямыхъ, сучковатыхъ, искривленныхъ, изогнутыхъ, скрученныхъ въ видѣ пробочника, перекрученныхъ и перевитыхъ другъ около друга, сѣрыхъ, коричневыхъ, дѣлающихъ дебри лѣса непроглядными на разстояніи немногихъ шаговъ. По такой тропишкѣ мы шли версты четыре, пока передъ нами неожиданно не открылась небольшая прогалина, на которой возвышалось нѣчто въ родѣ шалаша. Это и было жилище ведасовъ.

Услышавъ приближеніе наше, все мужское населеніе разбѣжалось, оставивъ лишь двухъ женщинъ съ малолѣтними дѣтьми. Шалашъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался состоящимъ изъ нѣсколькихъ грубыхъ цыновокъ, связанныхъ вокругъ вбитыхъ въ землю кольевъ. Вокругъ этого шалаша росла цѣлая коллекція культурныхъ растений. Это была картина поля той доисторической эпохи, когда человекъ впервые познакомился съ полезными растеніями, но не изобрѣлъ еще орудій для воздѣлыванія земли. Наподобіе бурьяновъ на лѣсномъ пожарищѣ, между обгорѣлыхъ стволовъ возвышались здѣсь стебли кукурузы, маниока, сорго, красного перца, вислась тыква, бобы въ полнѣйшемъ порядкѣ, борясь за обладаніе почвой съ туземными лѣсными растеніями. Жизнина дѣлилась на двѣ части. Одна ея половина, совершенно пустая, была занята женщинами, другая играла роль кладовой и въ ней на полкахъ стояло нѣсколько половинокъ бутылочной тыквы, наполнен-

ной зернами или медомъ дикихъ пчель,—очевидно запасы семьи. Больше никакой утвари или орудій въ жилищѣ не было. Вскорѣ недовѣрчиво и робко стали къ намъ подходить нѣсколько юношей, почти совершенно нагихъ, великолѣпно сложенныхъ и совершенно черныхъ. Если бы не нѣсколько плоскій носъ, черты лица этихъ юношей я назвалъ бы очень красивыми, роскошные же волосы придавали имъ еще больше привлекательности. Ничего обезьяноподобнаго, ничего нечеловѣческаго въ нихъ не было; напротивъ, ихъ можно было бы поставить въ разрядъ красивѣйшихъ человѣческихъ типовъ. Видя, что мы не дѣлаемъ имъ вреда, они вошли въ хижину и усѣлись вокругъ меня.

Черезъ нѣсколько минутъ явился и самъ отецъ этой многочисленной семьи, въ которой я насчиталъ не менѣе 8 человекъ, изъ коихъ одинъ былъ совершенно черныи и могли бы считаться за типичныхъ представителей дравидскаго племени, другіе имѣли коричневый оттѣнокъ и въ чертахъ ихъ лица и даже сложеніи замѣтно было нѣчто сингалезское. Отецъ семейства былъ высокій и очень сухопарый дикарь, который могъ бы служить прекраснымъ образцомъ лѣшаго для какой-нибудь русской сказки. Онъ, если хотите, дѣйствительно соответствовалъ тому представленію о дикарѣ, которое у насъ сохранилось въ обществѣ по описанію прежнихъ путешественниковъ. Всклоченные сѣдые волосы, громадные орбиты дикихъ, выпяченныхъ впередъ глазъ, впалыя щеки, обезображенная сѣдыми кочьями борода, длинная, сухія, какъ палки, конечности, выпяченный животъ и сухая впалая грудь—все это придавало наружности старика ведаса что-то дикое и отталкивающее. Онъ былъ вооруженъ громаднымъ лукомъ. Въ его рукахъ было еще двѣ стрѣлы съ желѣзными наконечниками и на плечѣ родъ топора, сдѣланнаго, правда, изъ желѣза, но формою своею чрезвычайно еще напоминавшаго каменные топоры. Онъ кричалъ дикимъ голосомъ и энергично размахивалъ руками, имѣя крайне недружелюбный видъ; очевидно, онъ былъ недоволенъ, что я нарушилъ его покой. Но, видя мирное настроеніе сыновей и внузовъ, расположившихся вокругъ меня, онъ смягчился и вступилъ со мной въ разговоръ знаками, значеніе которыхъ обѣ половины, повидимому, понимали весьма трудно. Тѣмъ не менѣе результатомъ было появленіе порціи меда дикихъ пчель и воды—единственнаго лакомства и богатства этихъ бѣдняковъ,—угощеніе, свидѣтельствовавшее, что даже и на этой, самой низкой ступени своего развитія чело-вѣчество не чуждо правиламъ гостепримства. Впрочемъ, посѣщеніе мной ведасы были уже, такъ сказать, ведасы цивилизованныя. У нихъ были жилища, чего нѣтъ у ведасовъ дикихъ; у нихъ начинается подобіе земледѣлія и они не бѣгаютъ уже отъ лица культурныхъ сингалезовъ. Отъ этихъ послѣднихъ они научились цѣнить значеніе денегъ, и это обстоятельство помогло мнѣ купить у старика его оружіе, которое

онъ уступилъ мнѣ съ большой неохотой. Все, что я видѣлъ у этихъ дикарей, свидѣтельствовало, что они только культурой отличаются отъ другихъ народовъ Индіи. Ихъ сложеніе прекрасно, и если на нѣкоторыхъ фотографіяхъ они окажутся безобразными и исхудалыми, то виною тому ихъ жизнь и питаніе, а не особенности организаціи.

Сингалезъ.

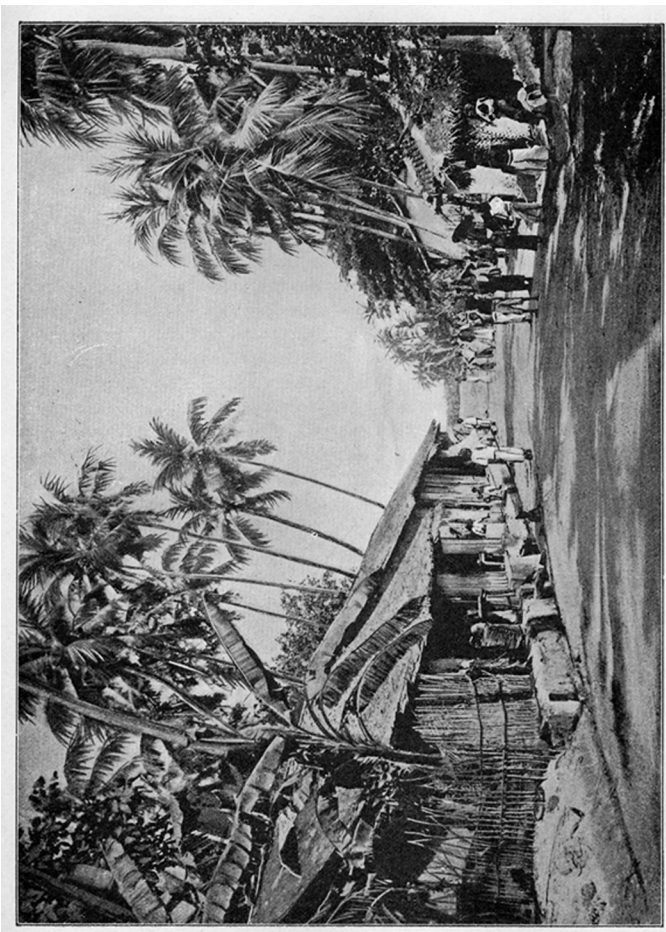
Послѣ ведасовъ наиболѣе древнимъ населеніемъ острова являются сингалезы. Крѣпкій, умный и способный къ прогрессу народъ этотъ принадлежитъ къ арійскому племени и представляетъ, повидимому, выходцевъ изъ сѣверной Индіи. Отдѣленный отъ единоплеменниковъ и закинутый на островъ, онъ болѣе чѣмъ 2000 лѣтъ сохранялъ безъ переменъ свой языкъ, свою вѣру и игралъ въ южной Азіи важную

роль, так как короли сингалезовъ имѣли могущественныя арміи и флоты, побѣждавшіе народы южной Индіи, Сіама и Камбоджи.

Въ высокихъ горныхъ областяхъ острова сингалезы представляютъ изъ себя рослое, мужественное племя, умѣвшее долго сохранять свою независимость. Напротивъ, на низменностяхъ побережья они имѣютъ весьма женоподобный видъ. Все: обликъ, костюмъ, прическа, характеръ, поведеніе, производятъ такое впечатлѣніе. Молодого сингалеза, если онъ носитъ національный костюмъ, очень легко принять за женщину. Длинные черные волосы зачесываются назадъ въ видѣ шиньона и сдерживаются черепаховою гребенкой, какъ у нашихъ дѣвушекъ; коротенькая бѣлая кофточка и загнутой вокругъ бедеръ, какъ малороссійская плахта, и поддерживаемый кушакомъ платокъ составляютъ костюмъ сингалеза, безбородое лицо котораго съ женственными чертами довершаетъ иллюзію. Храбрость, доблесть имъ незнакомы, и солдатъ трудно было даже научить стрѣлять не отворачиваясь. Сингалезы недовѣрчивы, живы и обладаютъ страстью къ мелкому торгашеству и попрошайничеству. Изъ всѣхъ англійскихъ колоній Коломбо единственная, гдѣ пріѣзжаго, какъ гдѣ-нибудь въ Неаполѣ, атакуютъ просьбами, навязываніемъ ненужныхъ бездѣлушекъ, и ребятишки, хотя и хорошенькіе, какъ ангелы, назойливы, какъ дьяволы. Какъ индусамъ по крови, сингалезамъ не чужды кастовыя предрассудки, но они далеко не такъ суровы, какъ въ Индіи, и обыкновенно къ їдѣ и характеру занятій сингалезы относятся безразлично. Кастовое различіе выступаетъ только въ вопросахъ о бракахъ, и даже разница въ состояніяхъ не можетъ побудить бѣдную дѣвушку высшей касты выйти за богача низшей.

Сингалезская хижина есть верхъ простоты и неуютности. Жаркая и постоянно одинаковая тропическая природа сдѣлала здѣсь домъ только временнымъ убѣжищемъ отъ дождя и мѣстомъ для сна, хотя обыкновенно, проѣзжая раннимъ утромъ черезъ сингалезскую деревню, вы видите добрую половину населенія ея спящую передъ входомъ на открытомъ воздухѣ, закутавшись въ байковыя одѣяла. Хижина эта—глинобитный сарай безъ оконъ, съ землянымъ поломъ и крытою пальмовыми листьями крыши. Соломённая циновка, на полу, нѣсколько чаще—вотъ вся утварь и обстановка хижины бѣдняка, обыкновенно не имѣющей оконъ и получающей свѣтъ черезъ двери.

Только у достаточныхъ появляются деревянныя кресла и, по мѣрѣ проникновенія образованія, другіе предметы англо-португальскаго комфорта. Но здѣсь вы уже не имѣете ничего характернаго туземнаго, все—заимствованное. Кромѣ того, эта обстановка свойственна горожанамъ, пригороднымъ жителямъ и плантаторамъ. Земледѣльческое же населеніе лишено всѣхъ предметовъ комфорта. Вареный рисъ съ пер-

Деревня на Цейлонѣ.

цемя и ѣдкими кореньями, а главнымъ образомъ бананы и плоды кокосовой пальмы составляютъ основную пищу сингалеза. Небольшая жаровня замѣняетъ здѣсь кухню. Кофе, а въ послѣднее время чай, постепенно лишь входитъ въ употребленіе. Наконецъ, ни одинъ сингалезъ не обходится обыкновенно безъ бетеля—листьевъ перца, въ который завернуть кусочекъ плода арековой пальмы, и табаку, который, пережевывая, туземецъ постоянно держитъ во рту, выплевывая ежеминутно отдѣляющуюся кроваво-красную слюну.

Сингалезы живутъ по большей части деревнями; въ горахъ такіа деревни представляютъ изъ себя прямую улицу изъ домиковъ описаннаго выше характера, около которыхъ разбросаны чахлы бананы и тому подобныя растенія невысокаго роста. Напротивъ, внизу дома утопаютъ въ зелени растеній, главнымъ образомъ кокосовыхъ пальмъ и хлѣбныхъ деревьевъ, такъ что селеніе совсѣмъ скрывается отъ взоровъ. Въ большихъ деревняхъ и городкахъ вы непременно увидите буддискій храмъ, выстроенный изъ бѣлаго камня, и подлѣ исполнинскую «ступу»—надгробный памятникъ надъ какою-либо реликвіей Будды, которымъ нѣтъ числа на Цейлонѣ; изъ нихъ самая замѣчательная—зубъ его—заключена въ золотую оболочку и хранится, какъ величайшая святыня острова, въ Кенди.

Третій элементъ туземнаго населенія острова—тамилы-завоеватели, вторгнушіе съ материка, живутъ большею частью на востокѣ острова и отличаются по типу довольно сильно отъ сингалезовъ. Это народъ, въ которомъ полное преобладаніе имѣютъ дравидскіе элементы крови. Ихъ цвѣтъ кожи—отъ темно-коричневаго до совершенно чернаго—какъ у негровъ. Если бы не тонкія, почти лишенные икръ ноги, я назвалъ бы тамилевъ однимъ изъ наилучше сложенныхъ племенъ, и почти голые рабочіе на плантаціяхъ представляютъ живыя модели для статуй. Только нѣсколько широкій носъ портитъ профиль ихъ красивыхъ лицъ. Тамилы менѣе одарены способностями, чѣмъ сингалезы, но это мужественный, честный и работящій народъ. Число ихъ быстро возрастаетъ путемъ эмиграціи изъ Индіи.

Несмотря на свою скромную обстановку, сингалезы настолько обезпечены, что большинство не желаетъ наниматься въ рабочіе на плантаціи, и англичане должны были выписывать изъ Индіи тамилевъ, что продолжается и по настоящее время. Чайныя плантаціи острова обрабатываются здѣсь привозными рабочими, и только въ самое послѣднее время сингалезы появились въ рядахъ рабочихъ у плантаторовъ. Обстановка тамилевъ мало отличается отъ сингалезской. У рабочихъ она еще бѣднѣе, и одежда у нихъ совсѣмъ отсутствуетъ, если не считать грязной тряпки вокругъ бедеръ. По религіи часть тамилевъ магометане, другіе буддисты, но большая часть изъ нихъ сиванты.

Наконецъ, въ городахъ, кромѣ этихъ народностей, вы встрѣтите массу другихъ, которыя представлены парсійскими купцами изъ Бомбей, торговцами драгоценными камнями и издѣліями изъ слоновой кости, малайцами и европейцами различныхъ національностей.

По Индійскому океану.

(Зарубина).

Ласково принялъ насъ Индійскій океанъ. Мы ждали бурь, урагановъ, опасались даже нарваться на настоящій циклонъ, а между тѣмъ встрѣтили полнѣйшій штиль, такъ что первые 8—9 дней нашего плаванія по океану походили скорѣе на увеселительную поѣзду. А между тѣмъ это былъ нашъ самый серьезный, самый большой, настоящій морской переходъ: намъ теперь предстояло по крайней мѣрѣ 17 дней пути, такъ какъ капитанъ рѣшилъ не останавливаться на островѣ Цейлонъ, а идти прямо въ Сингапуръ. Нужно было перерѣзать весь Индійскій океанъ на разстояніи 6.300 верстъ, т. е. обогнуть одну шестую часть скружности всего земного шара.

Я не знаю ничего утомительнѣе и однообразнѣе продолжительнаго морского перехода. Это есть полнѣйшее отрицаніе самого себя; сначала, въ первые дни, интересуешь все окружающее, но затѣмъ повторяются одни и тѣ же впечатлѣнія, и остальное время можно считать вычеркнутымъ изъ своей жизни. Человѣкъ ходитъ безъ дѣла, безъ цѣли слоняясь изъ угла въ уголъ, не имѣя развлеченій, не видя возможности заняться чѣмъ-нибудь отъ нестерпимой жары.

Я постараюсь описать теперь приблизительно нашъ день, какъ мы его проводили.

Утро, 8 час., мы пьемъ чай. Два офицера, смѣнившись съ вахты, выпиваютъ наскоро свой стаканъ и бросаются спать. У остальныхъ съ утра находится какое-либо дѣло, и такъ проходитъ часа двѣ. Но — увы! — солнце поднимается выше и выѣстъ съ нимъ ртуть въ термометрѣ тоже поднимается выше, и начинаются наши мученія. Ночью бывало обыкновенно 23°, но уже къ 10 часамъ термометръ показываеъ 25—26° и, наконецъ, останавливается на 29 и 30°. Это въ тѣни, подъ двойнымъ тентомъ! Тутъ ужъ никакое дѣло нейдетъ на умъ, и я отъ души удивлялся своимъ товарищамъ, какъ они ухитрялись отставать вахты, особенно механики въ машинѣ, гдѣ жара доходитъ до 40—41° и разъ даже до 48° по Реомюру. Только и спасаемся, что водой съ краснымъ виномъ, которой истребляемъ невѣроятное количество. Одну воду нельзя пить подл опасеніемъ дизентеріи. Даже читать не хочется отъ жары, и днемъ рѣдко увидишь кого-либо съ книжкой, несмотря на то, что дѣлать нечего и что на пароходѣ порядочная бібліотека. Этой бібліо-

текой завѣдывалъ я, и она доставила мнѣ много хлопотъ, такъ какъ во влажномъ, насыщенномъ парами воздухѣ Индійскаго океана книги покрывались плѣсенью чуть не каждый день. Въ каютѣ еще жарче, чѣмъ на палубѣ, и уже совсѣмъ начѣмъ дышать.

Монотонно выкрикивають каждый часъ или полчаса матросы, бросавшіе лагъ: «десять узловъ хода», «десять и три четверти», «десять съ половиной». Отъ нечего дѣлать подойдешь къ нимъ и смотришь. Вотъ трое матросовъ отправились на ютъ; у одного въ рукахъ катушка съ намотанною на ней бечевою, у другого песочные часы. Веревка раздѣлена узлами и на концѣ ея находится небольшая треугольная дощечка. Когда первая замѣтка коснется воды, переворачиваются песочные часы, и смотря по тому, сколько сажень веревки вытравится за бортъ, въ то время какъ песокъ изъ одной воронки пересыпается въ другую (въ теченіе 15 секундъ), опредѣляютъ скорость хода. Потомъ чрезвычайно трудно бываетъ вытащить лагъ, несмотря на то, что легонькая дощечка вѣситъ нѣсколько золотниковъ,—такъ сильно отталкиваетъ ее назадъ движеніе парохода.

Зайдешь въ рубку; тамъ штурманъ отмѣчаетъ на картѣ пройденный путь. По обыкновенію, спросишь, гдѣ мы находимся и сколько миль остается. Но только отвѣты получаются все далеко не утѣшительные; вчера прошли 237 миль, осталось три тысячи столько-то. Конецъ пути еще далеко. Со вздохомъ убѣждаешься въ этомъ и идешь скорѣе вонъ изъ рубки, такъ какъ она расположена рядомъ съ пароходною трубой, и сидѣть тамъ то же, что сидѣть въ печкѣ. Въ воздухѣ нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка, океанъ точно уснулъ и громадная масса воды не шелохнется. Изрѣдка только пронесется, сверкая серебрястою чешуей, стадо маленькихъ рыбокъ¹⁾, а затѣмъ опять все спокойно. Подъ конецъ теряется даже впечатлѣніе движенія; не имѣя никакой точки для сравненія, начинаешь думать, что не движешься впередъ со скоростью 17 верстъ, а стоишь неподвижно въ центрѣ какого-то очарованнаго круга. На всей обширной поверхности воды не видишь никого и чувствуешь себя какъ будто затеряннымъ въ этомъ громадномъ пространствѣ. Зато какой интересъ является, когда увидишь какія-либо встрѣчныя суда. Всѣ вооружаются биноклями, стараются рассмотреть, парусное это судно или паровое, подъ какииъ флагомъ, дѣлаются предположенія о томъ, куда оно идетъ. Часто ночью, вдали за горизонтѣ, увидишь огонь, по цвѣту этого огня—будетъ ли онъ зеленый или красный—заключаешь, съ какой стороны отъ насъ идетъ встрѣчное судно. Теперь столкновенія судовъ стали рѣдки, благодаря разнымъ предосторожностямъ, а, кромѣ того, въ Индійскомъ океанѣ есть гдѣ разгуляться и не задѣвая другъ друга.

1) *Exocoetus volitans*.

Самое скучное, самое томительное время отъ 11 часовъ утра до 5 часовъ прошло, и послѣ обѣда все понемногу начинаетъ оживать. Свободные отъ службы офицеры всѣ вышли наверхъ, и вѣстовые вынесли на палубу стаканы съ чаемъ. Океанъ гладокъ, какъ зеркало, и всѣ располагаются, какъ кому удобнѣе, не опасаясь пролить чай или уронить стаканъ. Солнце уже низко стоитъ надъ горизонтомъ. Чѣмъ дальше мы подвигались къ югу, тѣмъ ранѣе заходило солнце. Подъ экваторомъ день всегда равенъ ночи, и солнце восходитъ въ шесть часовъ утра, а заходитъ въ шесть часовъ вечера. Не передаваемы тѣ цвѣта, въ которые заходящее солнце окрашиваетъ море и небо. Какъ въ литографіи существуетъ зеленое золото, голубое золото, розовое золото, такъ и здѣсь каждый оттѣнокъ проступаетъ на какомъ-то огненномъ, золотистомъ фонѣ. Вотъ здѣсь хорошо бы нашимъ художникамъ изучать свѣтовые эффеыты. По небу и морю точно два раскаленныхъ шара плывутъ навстрѣчу другъ другу, и на всемъ окружающемъ лежить горячій отблескъ прощальныхъ лучей солнца. Страшно быстро идя по отвѣсной линіи, спускается солнце за горизонтъ. Вотъ оно коснулось его своимъ нѣжнымъ краемъ, поверхность свѣтящагося диска начала уменьшаться. Не успѣешь дойти до конца парохода, какъ уже, оборачиваясь, не видишь солнца. Оно освѣщаетъ теперь другія страны, и по спокойной поверхности океана начинаютъ разстилаться мягкія тѣни ночи. Чрезвычайно быстро наступаетъ ночь въ тропикахъ около экватора, хотя, впрочемъ, не моментально, какъ передаютъ нѣкоторые путешественники. Зари совѣтъ нѣтъ, сумерекъ тоже, черезъ 12—15 минутъ уже темнѣетъ, а еще черезъ 10 минутъ наступаетъ полный мракъ, который казался намъ еще гуще отъ того, что въ то время были безлунныя ночи. Глубокая темнота царствуетъ до утра, и около шести часовъ, тоже безъ зари и разсвѣта, почти внезапно явится солнце и зальетъ свѣтомъ окрестность. Жаръ немного спадаетъ ночью: термометръ показывалъ обыкновенно 22—23°, но бываешь чрезвычайно радъ даже этой относительной прохладѣ. Да и всѣ какъ-то чувствуютъ себя живѣе. Съ бака доводится говорить и смѣхъ, иногда обрывокъ какой-нибудь пѣсни; тамъ матросы, собравшись къ кружокъ, коротаютъ свои непродолжительныя досуги. Изрѣдка раздается лай одной изъ трехъ собакъ, находящихся на пароходѣ, или прозвучитъ рѣзкое пѣнье пѣтуха, заключеннаго въ общество куръ и утокъ въ большомъ курятникѣ. Невольно мысль переносится на родину, но выгнѣтъ съ пѣніемъ пѣтуха раздается неумолчный гулъ отъ оборотовъ винта, а къ заунывному нагѣву русской пѣсни примѣшивается однообразный плескъ волнъ Индійскаго океана.

Какъ хороши небо и море во время длинной тропической ночи! Не знаешь, чему отдать преимущество. Море все горитъ и блещетъ; массы

голубовато-бѣлаго фосфорическаго свѣта видѣются сзади кормы, и тысячи микроскопическихъ животныхъ, спокойный сонъ которыхъ потревожилъ быстрый бѣгъ нашего корабля, вспыхиваютъ блестящими искрами. Сверху потемнѣвшее небо смотреть тысячью звѣздъ; по его окраинамъ въ разныхъ мѣстахъ ежеминутно вспыхиваетъ зарница, отдаленные отблески тропическихъ молній. Громъ мы слышали рѣдко, но зато не проходило ни одной ночи, чтобы молніи не бороздили неба. Тучъ совсѣмъ не бываетъ замѣтно, и только иногда струя электрическаго свѣта озарить бѣлую верхушку облака, гдѣ-нибудь на краю горизонта. Но сводъ неба прямо надъ нашими головами почти всегда остается чистъ, и безчисленныя созвѣздія сверкали въ его гемной глубинѣ, отражаясь въ спокойныхъ водахъ океана. Одни созвѣздія исчезаютъ, другія въ строгомъ порядкѣ выплываютъ надъ горизонтомъ, и чувство безотчетнаго удивленія передъ этою чудесною гармоніей міровъ незамѣтно закрадывается въ душу.

Такъ шло время; сотни и сотни миль ежедневно оставались за нами, а мы все неслись по обширному пространству Индійскаго океана. На шестая или седьмая сутки мы дошли до коралловыхъ острововъ Лажидивскаго и Маледивскаго архипелага, и слишкомъ треть пути уже легла позади. Маледивскіе острова означены на картѣ въ видѣ множества точекъ, и самое названіе ихъ означаетъ «безчисленные острова».

Вскорѣ они исчезли изъ вида, и опять передъ нами потянулась однообразная пустыня Индійскаго океана. Здѣсь и далѣе къ югу, къ громадному резервуару Антарктическаго океана, Индійскій океанъ очень глубокъ, и мы шли надъ настоящими безднами.

30 апрѣля я проснулся рано утромъ, удивленный какою-то особенною странною тишиной. Постояннаго шума отъ оборотовъ винта не слышалось болѣе, и мы стояли недвижно среди безбрежнаго океана. Дѣло въ томъ, что отъ продолжительнаго дѣйствія паровъ и высокой температуры перегорѣла гуттаперчивая и кожаная обшивка между поршнями и цилиндромъ. Въ образовавшіяся отверстія выходили пары и работать машинѣ стало почти невозможно; рѣшено было остановиться на нѣсколько часовъ, пока механики переиѣнятъ обшивку. Погода по-прежнему начала портиться. Вѣтра попрежнему не было, до явилась оттуда-то небольшая зыбь, и пароходъ нашъ слегка покачивало. Богъ знаетъ, что происходило въ это время въ отдаленныхъ частяхъ океана, оттуда шла эта зыбь. Вообще въ то время, когда мы находились въ Индійскомъ океанѣ, никакъ нельзя было полагаться на погоду. Штиль, подобный тому, какой мы встрѣтили сначала, тутъ рѣдкость, такъ какъ муссоны не уступаютъ другъ другу безъ ожесточенной борьбы.

Намъ надо было пользоваться штилемъ, по добру, по здорovu добраться до Сингапура. Починка на пароходѣ уже близилась къ концу, когда

одинъ изъ матросовъ закричалъ: «акула!» Всѣ бросились къ борту. Дѣйствительно въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія тихо подкрадывалось къ кораблю огромное чудовище. Мы сначала боялись спугнуть ее и шопотомъ передавали другъ другу свои замѣчанія, но бывалые моряки, мои товарищи, увѣряли меня, что нечего бояться ея исчезновенія. Сколько бы времени мы ни простояли, она не отойдетъ отъ насъ. Скорѣе можно ожидать, что ихъ соберется еще нѣсколько. Дѣйствительно, заштилѣвшія парусныя суда иногда по цѣлымъ недѣлямъ не могли отдѣлаться отъ акулъ, и нѣкоторые суевѣрные люди считаютъ это знакомъ чьей-либо близкой смерти. Отъ нечего дѣлать за акулой рѣшено было устроить охоту. Ей бросили кусокъ мяса, цѣлыя внутренности послѣдняго аденскаго барана, къ величайшему неудовольствію нашихъ собакъ. Акула помедлила нѣкоторое время, подплыла на нѣсколько шаговъ разстоянія, потомъ перевернулась вверхъ брюхомъ и стремглавъ бросилась на добычу. Въ струѣ воды быстро промелькнуло только бѣлое брюхо, а затѣмъ все исчезло. Черезъ нѣсколько минутъ акула появилась уже съ другого борта. Наши моряки между тѣмъ не дремали. Въ машинѣ живо сковали толстый желѣзный крюкъ, къ которому плотно прикрѣпили крѣпкую бечевку. На крюкъ крѣпко нацѣпили кусокъ мяса и бросили его въ воду. Я жадно смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія, радуясь при мысли, что мнѣ удастся присутствовать при этомъ интересномъ морскомъ спектаклѣ. Но спектакль не состоялся. Крюкъ должно быть бросили слишкомъ глубоко или мясо было насажено не крѣпко, но только черезъ нѣсколько минутъ, когда выгачили веревку, мяса уже не оказалось. Акула сорвала: его и ушла въ глубину. Укололась ли она или рассчитала, что лучше не связываться съ коварными людьми, но только ужъ больше не показывалась. Другой разъ, черезъ нѣсколько дней, уже на полномъ ходу парохода мы опять встрѣтили акулу, и она долго, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, гналась за нами. Я кидалъ ей галеты (морскіе сухари), но она или не замѣчала ихъ, или не обращала на нихъ вниманія. Попробовать же поймать ее было нечего и думать при быстромъ ходѣ. Потомъ мы уже ни разу не встрѣчали акулъ, и описаннымъ случаемъ ограничивается мое съ ними знакомство, о чемъ я очень жалѣлъ, такъ какъ, въ качествѣ нагуралиста, хотѣлъ посмотреть на нихъ поближе.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда я сповойно лежалъ и читалъ у себя въ каютѣ, наверху поднялась какая-то суматоха. Сначала я не обратилъ на это вниманія, но потомъ, такъ какъ она долго не прекращалась, я вышелъ на палубу узнать, въ чемъ дѣло. Вышелъ и остановился въ изумленіи. Прямо на насъ, занявъ почти половину неба, шла огромная туча. Нижний край ея былъ совершенно теменъ, между тѣмъ какъ верхушка, закрывавшая солнце, освѣщалась его лучами багровымъ цвѣ-

томъ. Въ темной массѣ, въ разныхъ мѣстахъ, вспыхивали молніи, и къ морю тянулись широкія дождевыя полосы. Вода на горизонтѣ пѣнилась и бурлила; тамъ уже бушевалъ вихрь. Туча быстро плыла по небу, увеличиваясь по мѣрѣ своего приближенія. Что несла она намъ? Былъ ли это простой шквалъ, кратковременный вихрь съ дождемъ и грозой, столь частый лѣтомъ въ низкихъ экваторіальныхъ широтахъ, или она принадлежала къ свитѣ могучаго урагана, одного изъ тѣхъ циклоновъ, которымъ Индійскій океанъ обязанъ своею грозною извѣстностью. Въ этихъ случаяхъ барометръ становится общимъ сракуломъ, и офицеры часто бѣгали въ рубку смотрѣть на колебанія ртuti. Если она опускается, и притомъ быстро, значить дѣло плохо; значить въ скоромъ времени придется бороться съ непобѣдимымъ врагомъ, который не отдаетъ легко своихъ жертвъ. По счастью, на этотъ разъ тревога оказалась напрасной, но все-таки были приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности: лучше закрѣпили паруса, закрыли вплотную трюмы, открытые во время ясной погоды для провѣтриванія, сняли тентъ, который представлялъ значительную поверхность для вѣтра, убрали лишнія вещи съ палубы. Послѣ этого стали ждать шквала со спокойною совѣстью; ждать пришлось недолго. Быстро налетѣла гроза, и яростный порывъ вѣтра ударилъ въ бортъ нашего парохода, наклонивъ его на одну сторону. Сдѣлалось темно, и только молніи, безпрестанно появлявшіяся тутъ и тамъ, освѣщали на мгновение поверхность моря. Дождь лилъ какъ изъ ведра, такой дождь, какой можно встрѣтить только въ тропикахъ, и вода не успѣвала стекать по палубѣ. Волны закокотали вокругъ парохода; разъяренный вѣтеръ срывалъ ихъ бѣлыя верхушки и далеко мчалъ по воздуху. Дождь лилъ почти горизонтально, — такъ относилъ вѣтромъ дождевыя капли. На скользкой палубѣ оставался не было возможности: вѣтеръ валилъ съ ногъ и дождь преобильно хлесталъ въ лицо. Я долго стоялъ около люка, но наконецъ вода выгнала меня и оттуда. Наши сѣверныя грозы ничто передъ этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, столь же эффектнымъ, какъ и кратковременнымъ. Скоро туча умчалась въ другія области океана и черезъ четверть часа виднѣлась небольшимъ темнымъ пятномъ на горизонтѣ. Дождь пересталъ, и горячіе лучи солнца быстро высушивали мокрую палубу. Море успокоилось и лежало передъ нами слегка колеблющеюся массою, такъ какъ непродолжительный, хотя и свирѣпый вѣтеръ не успѣлъ развести значительнаго волненія.

Съ этого дня (1 мая) шквалы слѣдовали за шквалами. Рѣдкій день проходилъ, чтобы не потрепало нашъ пароходъ. Иногда тучи, какъ испанскія рати, шли одновременно съ разныхъ сторонъ и потомъ соединялись въ сплошную пелену. По ночамъ бушевали грозы. Часто, бывало, проснешься отъ какого-то глухого шума. Наверху вдругъ раз-

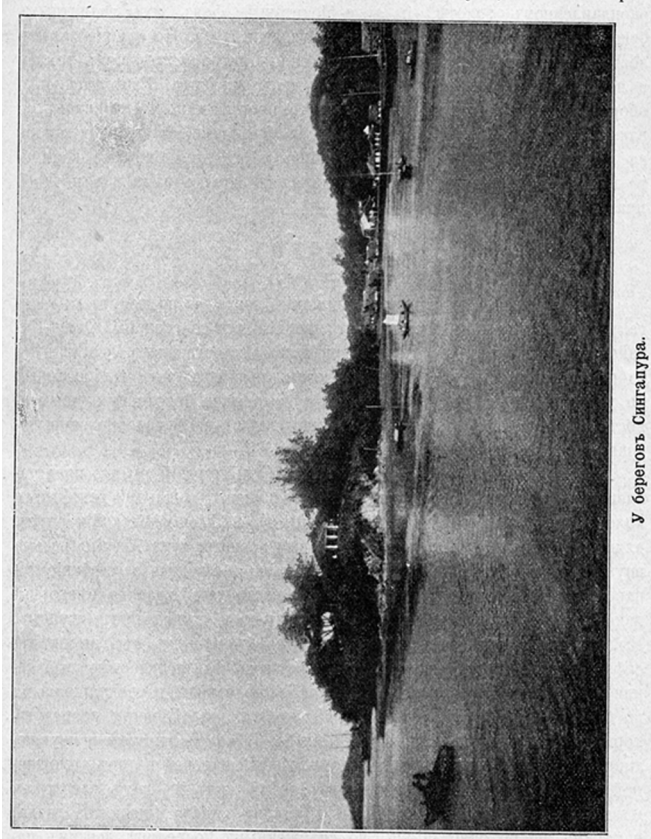
дастся топотъ многихъ ногъ или въ желѣзную обшивку парохода какъ палкой забарабанить дождь. Это налетѣлъ шквалъ. Я уже привыкъ къ нимъ, но зато бѣднымъ служащимъ доставалось, и вахты сдѣлались безпокойны. Никогда нельзя знать заранѣе, что произойдетъ, и потому необходимо приготовиться ко всему худшему. Къ тому же въ это время года и въ этихъ широтахъ часто свирѣпствуютъ ураганы, и мысль о нихъ не даетъ успокоиться въ ожиданіи даже простаго шквала.

Путь нашъ близился къ концу. 3 мая мы проходили мимо острова Цейлона, и его священная гора, Адамовъ пикъ, подымалась изъ волнъ синеватымъ конусомъ. Скоро вершина Адамова пика исчезла изъ глазъ, и опять передъ нами разстился одинъ безбрежный океанъ. Въ концѣ дня какое-то судно, направлявшееся къ сѣверу, по курсу въ Калькутту, дѣлало намъ сигналы. Но оно было довольно далеко отъ насъ и мы никакъ не могли разобрать эти сигналы. Морскіе сигналы состоятъ изъ сочетанія различныхъ флаговъ извѣстныхъ цвѣтовъ и формы. Очень трудно наставить правильно подзорную трубу при постоянномъ сотрясеніи палубы отъ оборотовъ винта, и мы въ концѣ концовъ выставили сигналъ, кажется, означавшій: не понимаемъ.

Скоро ли покажется Сингапуръ? Мы уже 14 дней въ водахъ Индійскаго океана. Мы уже привыкли къ шкваламъ, къ проливному дождю, и тутъ же рядомъ къ жгучимъ лучамъ солнца, къ чарующей прелести тропической ночи, къ яркому блеску созвѣздій, къ тихому синему морю, къ особенностямъ экваторіальной природы, къ этому отсутствію зари, ночи безъ сумерекъ и утра безъ разсвѣта. Все это безспорно хорошо, но 14 дней! Мы съ нетерпѣніемъ ждали землю. А еще предстояло нѣсколько дней пути. Къ тому же и провизія, которой мы не успѣли запасти въ хорошенько въ Аденѣ, была на исходѣ. Показались на свѣтъ Божій консервы, до того времени запятанные въ глубинахъ кладовой.

6 мая, вечеромъ, мы увидели наконецъ маякъ Суматры и на слѣдующій день утромъ входили въ Малаккскій проливъ. Впрочемъ, этимъ проливомъ намъ надлежало идти около 3 дней, такъ какъ онъ простирается въ длину на 1000 верстъ. Первые два дня мы не видали береговъ, такъ какъ Малаккскій проливъ, отдѣляющій полуостровъ Малакку отъ острова Суматры, здѣсь довольно широкъ. Жара здѣсь была невыносима и по ночамъ свѣченіе воды достигало необыкновенной силы. Только на третій день мы увидели низменный берегъ Суматры, покрытый роскошною растительностью; лѣса тянулись на дѣлье десятки верстъ, и съюзъ темную зелень обыкновенныхъ деревьевъ высоко валежали вверхъ стройные стволы пальмъ и развѣсистыя широкія кроны другихъ лѣсныхъ исполиновъ. Третій день плаванія Малаккскимъ про-

ливомъ и 17-ый нашего пребыванія въ Индійскомъ океанѣ близился къ концу. Край неба горѣлъ огнемъ и золотомъ, и голубая поверхность воды лежала недвижима. Проливъ дѣлается все уже, и масса остров-

У береговъ Сингалура.

ковъ стала попадаться намъ навстрѣчу. Многіе изъ нихъ представляютъ простую скалу, поднимающуюся съ морского дна. Но подъ этимъ живо-
творнымъ небомъ и скала покрывается роскошною растительностью. У
подножья этихъ скалъ часто качались маленькія лодки и, спрятавшіеся

въ густой массѣ деревьевъ, видѣлись кое-гдѣ бѣлыя постройки малайцевъ. Очень красивы казались эти острова, когда мы проходили мимо; освѣщенные послѣдними лучами солнца, они купались точно въ расплавленномъ золотѣ, и ярко-фіолетовый фонъ ихъ гранитныхъ оснований рѣзко выдѣлялся на темной зелени лѣса. Но солнце закатилось; острова исчезли во мракѣ, страшно быстро покрывшемъ землю, и наступившая ночь застигла насъ уже у экватора. Еще нѣсколько оборотовъ винта и—конецъ пути. Мы уже прошли мимо массы судовъ, и, наконецъ, ровно въ 10 часовъ вечера 9-го мая мы бросили якорь на рейдѣ Сингапура, живописные холмы котораго, покрытые какими-то высокими деревьями, неясно выдѣлялись передъ нами изъ ночного мрака.

Сингапуръ.

(В. Тихомирова.)

Первое, что останавливаетъ вниманіе, когда вы подходите къ Сингапуру со стороны ли Малаккского пролива или со стороны Южно-Китайского моря,—это красота обширѣйшаго естественнаго, всегда оживленнаго рейда. Самый городъ, малозамѣтный и частью разбросанный по холмамъ, пересѣченъ обширными пустырями и болотистыми низменностями и вездѣ подавляется роскошною, мѣстами буквально закрывающею его, тропическою растительностью.

Разнообразный флотъ, наполняющій Сингапурскій рейдъ, представляетъ судами чуть ли не всѣхъ націй и величинъ. Здѣсь вамъ встрѣятся колоссальныя, всегда сверкающіе ослѣпительно бѣлою окраской корпуса, длинныя, низко сидящія въ водѣ паровыя военныя суда Англій; весьма внушительныя почтовые пароходы Франціи; громадныя крутобокіе товаро-пассажирскіе пароходы; парусныя, часто уже издалека рѣзко выходящія своими свѣтло-синими трубами трех- и двухмачтовые «клубцы». Вы увидите здѣсь нескладныя китайскія «джонки» съ ихъ высокимъ, срѣзаннымъ косвенно, носомъ, украшеннымъ фантастическою рыбьею или драконовою головою съ двумя ярко-выведенными и раскрашенными по бокамъ его глазами, съ не менѣе высокою, расчѣнною посрединѣ кормою, одною, двумя или даже тремя бамбуковыми мачтами и неуклюжимъ тяжелымъ рогожымъ парусомъ. Легкій паровой катеръ таможеннои стражи смѣняется летящими изъ всѣхъ силъ къ вамъ навстрѣчу малайскими открытыми, длинными и узкими «прау» (челнокъ, лодка) и такими же по очертаніямъ, но снабженными посрединѣ легкимъ парусомъ изъ пальмовыхъ листьевъ лодками темно-бурыхъ, почти черныхъ индійцевъ тамизовъ.

Всѣ эти китайцы, малайцы, индусы специально стерегли васъ въ чествѣ (если удастся) вашихъ будущихъ прачекъ, портныхъ, продав-

цовъ рыбы, морскихъ раковъ и такъ называемыхъ «рѣдкостей», здѣсь очень рѣдкихъ: весьма разнообразныхъ; порой очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи, коралловъ и раковинъ, которыми такъ богаты прибрежья Малакки и Сингапура. Весьма рѣдко вмѣстѣ съ ними являются продавцы обезьянъ, тигровыхъ шкуръ, попугаевъ или другихъ птицъ и проч.; предлагаются, наконецъ, коллекціи превосходныхъ плетеныхъ креселъ-кушетокъ, столь необходимыхъ при долгихъ плаваніяхъ по Индійскому океану.

Ко всей этой пестрой этнографической живой коллекціи слѣдуетъ прибавить смуглыхъ, съ ястребинымъ носомъ и глугчимъ пронзительнымъ взглядомъ, «парсовъ» (гебры-огнепоклонники, главнымъ образомъ изъ Бомбея), рѣдко въ европейскомъ платьѣ, но всегда почти съ черною усѣченною фескою, безъ кисти, на головѣ и арабовъ изъ Адена, въ неизмѣримо пышныхъ, бѣлыхъ шальварахъ и кисейныхъ чалмахъ. Если мы присоединимъ ко всему этому еще золотисто-коричневаго сингалеза, рѣдко съ весьма красивымъ, почти европейскимъ лицомъ, въ бѣлой женской коленкоровой кофтѣ, ситцевой юбкѣ, безъ нанталонъ, съ гребнемъ на лбу и косою, связанною въ узелъ на затылкѣ, въ сандаліяхъ, то списокъ претендентовъ на ваши карманы будетъ полнымъ или почти полнымъ. Нужно ли говорить, что когда пароходъ станетъ наконецъ на якорь, по окончаніи всѣхъ обычныхъ официальныхъ посѣщеній таможенныхъ чиновниковъ, портоваго врача и такъ далѣе, то вся эта пестрая, разноязычная, жаждущая наживы толпа хлынетъ по спущенному трапу на палубу, хотя огромному большинству, ее составляющему, придется возвратиться съ парохода все-таки ни съ чѣмъ.

Итакъ, мы наконецъ на мѣстѣ. Попастъ въ городъ нетрудно. Рядъ одноконыхъ наемныхъ каретъ вытянулся вдоль набережной въ ожиданіи пассажировъ. Обладатели ихъ—индусы-тамилы, частью въ чалмахъ, частью съ длинными связанными на затылкѣ въ большой узелъ или свободно распущенными волосами, наперерывъ предлагаютъ вамъ свои услуги на ломаномъ англійскомъ языкѣ; глаза и зубы ослѣпительно сверкаютъ на темномъ фонѣ оживленныхъ шоколадныхъ лицъ. Тутъ же рядомъ къ вашимъ услугамъ «джиннеркши», извозчики-лошади: желто-бурые, губастые малайцы въ огромныхъ коническихъ, сплетенныхъ изъ «ротанга» (пальмы-лианы) шляпахъ; вся одежда ихъ состоитъ изъ одной короткой ситцевой юбки отъ пояса до колѣнъ. Валье и апличыне, обыкновенно усердные курильщики опиума, они рѣзко отличаются своимъ типомъ отъ стройныхъ индусовъ-арійцевъ, съ ихъ оживленными, рѣдко столь же красивыми, какъ и интеллигентными, лицами европейскаго типа.

Карета извозчиковъ Сингапура запряжена въ одну лошадь. Это—

маленькій, безобразный и слабосильный пони. Улицы прекрасно поасфальтированы, но мелкіе пони такъ слабосильны, что извозчики только сначала, какъ и подобаетъ, сидятъ здѣсь на козлахъ: очень скоро они соскакиваютъ на землю и, держа вожжи въ рукахъ, бѣгутъ рядомъ съ экипажемъ.

Городъ Сингапуръ, возникшій исключительно ради потребностей и цѣлей торговыхъ,—узловая и притомъ крупнѣйшая станція большой морской дороги всего свѣта. По своему населенію онъ также является космополитомъ. Тонъ всему даютъ представители Англійи и Китая. Пришельцы индусы, тамилы по преимуществу, и коренные жители Малакки, малайцы, являются лишь рабочими, подъ общимъ названіемъ «кули». Китайцы здѣсь очень многочисленны; меньшая часть ихъ—богатые, нерѣдко колоссально богатые купцы, въ рукахъ которыхъ сосредоточена торговля, а несравненно большее число сыновъ Небесной имперіи—ремесленники и прислуга.

Перейдемъ теперь въ самому городу. Онъ разбросанъ по холмамъ и низменностямъ, какъ это было сказано выше. Посреди города протекаетъ узкая и мутная, но довольно глубокая рѣчка,—рѣкою ее все-таки не назовешь—служащая границей европейской и китайской частей города. Городъ раздѣляется на участки—европейскій, китайскій, малайскій и индусскій. Каждый имѣетъ свои характерныя особенности.

Дома европейской части города представляютъ общераспространенный типъ англійскихъ колониальныхъ построекъ дальняго Востока. Бѣлые или, вообще, свѣтлые, обыкновенно двухъэтажные, съ глубокими, идущими вдоль всей стѣны, крытыми балконами-верандами, всегда полутемными отъ далеко выдающагося навѣса-крыши, съ окнами безъ стеколъ, со ставнями изъ взаимно прикрывающихъ другъ друга деревянныхъ дощечекъ, окруженные роскошными деревьями и кустарниками и увитые ползучими растеніями, дома эти, вообще, уютны и относительно прохладны, нерѣдко также и весьма изящны. Въслѣдствіе постоянной заботы о сквозномъ вѣтрѣ и о защитѣ отъ жгучихъ солнечныхъ лучей дома окружены верандами; комнаты глубоки и очень высоки (во избѣжаніе духоты), при полномъ отсутствіи стеколъ въ окнахъ,—стекла здѣсь замѣняются ставнями, между раздвинутыми дощечками которыхъ можетъ свободно проходить воздухъ (въ сожалѣнію, въ Сингапурѣ снѣгъ постоянно почти неподвиженъ); двери замѣнены завѣсами изъ рѣдкихъ сквозныхъ бамбуковыхъ пластинокъ, изящно расписанныхъ японскими художниками; все это мѣры борьбы съ постоянною бѣдой—душною, источающею силы атмосферой.

Въ общественныхъ зданіяхъ, гостиницахъ и клубахъ весьма могущественнымъ средствомъ для такой борьбы является перенесенная изъ

Индии и съ Цейлона «панка»: это—гигантскій вѣтеръ, состоящій изъ ряда висящихъ съ потолка тяжелыхъ полотняныхъ шторъ, шнуры которыхъ соединены въ одинъ общій, находящійся въ рукахъ сидящаго въ сосѣдней комнатѣ китайца, который ихъ непрерывно дергаетъ. Нѣтъ болѣе исполнительныхъ и аккуратныхъ слугъ, какъ китайцы, однако и у нихъ иногда случается бѣда съ «панкой»: за обѣдомъ въ отелѣ, напримѣръ, случается, что ритмические размахи ея, постепенно ослабѣвая, вдругъ прекращаются совсѣмъ, и вслѣдъ за этимъ наступаетъ, такъ сказать, домашнй циклонъ,—какъ бы подъ влиянiемъ быстро влетѣвшаго урагана, «панка» начинаетъ махать неистово, навстрѣвая недавнее бездѣйствiе. Объясненiе въ томъ, что домашнй аквилонъ-китаецъ, не справившись съ душною истомой, задремалъ и теперъ, проснувшись или пробужденный вездѣсущимъ хозяиномъ, въ испугѣ спѣшитъ исправить свою оплошность неистовымъ дерганiемъ шнура.

Несмотря на близость моря, битъ тропиковъ—москиты, одолѣвають Сингапуръ, благодаря въ особенности его болотистымъ низменностямъ. Москиты—ближайшiе родственники нашимъ комарамъ. Укушенiе крошечныхъ враговъ, мало или даже совсѣмъ не замѣчаемое на первыхъ порахъ, влечетъ за собою припухлость, очень болѣзвенную и сопровождаемую сильнымъ, иногда нестерпимымъ зудомъ, такъ что черезъ недѣлю, и даже еще дольше, лица, укусаанныя москитами и обладающiя раздражительною кожей, представляются какъ бы только что перенесшими оспу. Поэтому «москитная клѣтка» является неизбѣжною принадлежностью всякой спальни: кровать помѣщается подъ рамою, на которой натянута бѣлая ткань въ родѣ рѣдкой кисеи. Куски этой же ткани спускаются со всѣхъ четырехъ сторонъ потолка рамеи вплоть до полу. Полотнища эти поднимаются очень тщательно и далеко вглубь со всѣхъ сторонъ подъ тюфякъ постели утромъ, тотчасъ послѣ ея уборки, и въ такомъ видѣ остаются цѣлый день до вечера.

Есть затѣмъ мѣстности, гдѣ москиты настолько безпощадны, что не ограничиваются одними ночными нападенiями, но, буквально, дѣлаютъ жизнь невыносимою даже днемъ. Таковъ между прочимъ и Сингапуръ. Здѣсь приходится прибѣгать уже и къ такъ называемымъ «москитнымъ домксамъ». Это тѣ же «москитныя клѣтки», болѣе значительныхъ размѣровъ и снабженныя очень плотно затворяющеюся дверью. Стѣны такого домика обтянуты тою же сквозною бѣлою кисеей, какъ и клѣтки-постели. Дверь затворяется и отворяется возможно быстро и рѣдко, чтобы не впустить какъ-нибудь осаждающихъ ее постоянно извнѣ москитовъ.

Могущественнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ москитами въ Сингапурѣ (какъ и въ Цейлонѣ) являются домашнiя (впрочемъ, поселяющiяся

въ жилищахъ самовольно) особаго рода ящерицы, — геко, великіе истребители и ловцы москитовъ, муравьевъ и всякихъ иныхъ отравляющихъ тамъ жизнь насѣкомыхъ. Эти оригинальные, немного превышающія длину мизинца взрослого человѣка, животныя — неизбѣжная принадлежность всякаго дома Сингапура. Пока свѣтло, ихъ не видно, но только что наступитъ ночной мракъ, на стѣнахъ, потолкахъ и даже зеркалахъ появляются десятками эти ящерицы, не стѣняясь искусственнымъ свѣтомъ лампъ. Подобно мухамъ, онѣ одарены способностью не только ползати, но даже быстро бѣгати головою внизъ по потолкамъ и по стѣнамъ комнатъ. Отъ времени до времени ящерицы эти издають своеобразный, громкій для такого маленькаго существа, ритмическій повторяющійся крикъ: «геко, геко». Звукъ этотъ и послужилъ поводомъ къ обозначенію этихъ ящерицъ общимъ названіемъ «геко».

Разъ занявъ свою позицію, ящерицы тотчасъ же предаются съ жаромъ охотѣ на москитовъ и другихъ насѣкомыхъ, во множествѣ привлекаемыхъ свѣтомъ лампъ черезъ открытыя двери и окна безъ стеколъ, не обращая никакого вниманія на людей и считая себя, очевидно, настоящими хозяевами; геко то прямо преслѣдуютъ свою добычу, то подкрадываются къ ней и, вдругъ бросаясь впередъ, такъ сказать, на лету, приклеиваютъ зазѣвавшагося муравья, москита или жука къ своему быстро выдвигаемому впередъ, липкому языку, который и препроводжаеъ затѣмъ жертву прямо въ ротъ. Наблюденіе такой охоты, естѣственно привычки ящерицъ къ людямъ и обилія ихъ очень легкое, вообще доставляетъ немалое удовольствіе. Не рѣдки при этомъ драматическіе эпизоды: то произойдетъ внезапно враждебное столкновеніе двухъ помѣшавшихъ другъ другу охотниковъ, то, несмотря на всю свою ловкость и способность бѣгати по потолку, какой-нибудь геко, въ жару преслѣдовавшаго, сорвется внизъ и свалится на кого-либо изъ присутствующихъ, или, ударившись о край стола, мебель или прямо о полъ, даже оставитъ тамъ, въ видѣ печальнаго трофея, свой хвостъ, имѣющій, впрочемъ, способность вновь отрасти.

Совершенная безвредность этихъ домашнихъ ящерицъ, ихъ интересные нравы, польза, приносимая истребленіемъ докучливыхъ насѣкомыхъ — все это заставляетъ считать геко другомъ человѣка. Оригинальна способность этихъ ящерицъ бѣгати по стѣнамъ и по потолкамъ такъ же легко и свободно, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, мухи. Причина этого такова. На каждомъ пальцѣ ящерицы снизу замѣчается двойной рядъ особыхъ пластинокъ, которыя въ спокойномъ состояніи плотно прикрываютъ одна другую, какъ черепица, но съ помощью особыхъ мышечныхъ пучковъ могутъ и приподниматься каждая сама по себѣ въ видѣ свода. Плотнo прижавъ сначала свои пластинки къ гладкой поверхности, геко поднимаетъ ихъ затѣмъ сводомъ, за исключеніемъ остаю-

шагося плотно прижатымъ края; возникаетъ такимъ образомъ рядъ безвоздушныхъ пространствъ,—и животное держится исключительно воздушнымъ давленіемъ на эти безвоздушныя пространства.

Торговый кварталъ европейской части Сингапура составляетъ самый центръ города. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза предпочтеніе, оказываемое почему-то домовладельцами свѣтло-синему цвѣту, которымъ сплошь выкрашены зданія этой части города; такой цвѣтъ, благодаря вертикальнымъ лучамъ жгучаго солнца, особенно непрочень: онъ скоро переходитъ въ очень неприглядный буро-желтоватый, такъ что синий Сингапуръ всегда является болѣе чѣмъ наполовину полинявшимъ.

Магазины, исключительно англійскіе, защищены по возможности глубокими наружными колоннадами крытыхъ галлерей, образующихъ родъ непрерывно тянущихся верандъ, и все-таки здѣсь именно, т.-е. въ торговой части города, жара даетъ себя чувствовать особенно сильно, въ виду скученія сильно накаляющихся каменныхъ зданій и меньшаго обилія той могучей и разнообразной растительности, которую такъ богаты остальныя части города.

Здѣсь постоянно наблюдается сильное движеніе народа: индусы, малайцы, китайцы, сингалезы-торговцы, парсы и арабы-растовщики и мѣнялы, англичане въ качествѣ властныхъ и болѣе чѣмъ высококѣмѣрныхъ хозяевъ, а въ дни прихода почтовыхъ судовъ веселыя толпы отпущенныхъ погулять «на землю» матросовъ—все это сливается въ толпу столь же пеструю и шумно-многоязычную.

Разнообразіе средствъ передвиженія еще болѣе содѣйствуетъ пестротѣ картины. Джиннерикиши-малайцы, носильщики-китайцы и тамилы—двуногіе бѣгуны—перемежаются здѣсь съ экипажами частныхъ владѣльцевъ: крупныхъ капиталистовъ, купцовъ и консуловъ. Экипажи ихъ, обыкновенно парные, запряжены крупными, часто очень породистыми, вывезенными изъ Австраліи лошадьми, составляющими рѣзкій контрастъ съ крошечными и безобразными пони наемныхъ извозчиковъ-тамилловъ. А вотъ и старыя цейлонскіе знакомые маленькіе, горбатые—и, если они типичны, чернаго цвѣта съ мелкими бѣлыми пятнами—бычки-бѣгуны, везущіе довольно скорою рысью, благодаря прекрасной мостовой легкую двухколесную коляску съ двумя и даже (считая кучера) тремя сѣдоками.

Запряженные въ громадныя двухколесныя, крытыя въ видѣ свода, сплетеннаго изъ кокосовыхъ листьевъ, фуры, мѣрно выступаютъ зебутажеловозы, очень крупныя, свѣтло-сѣраго и бѣлаго цвѣта. Они звенятъ и гремятъ мѣдными колокольчиками и круглыми бубенчиками своихъ ошейниковъ, а на длинныхъ ихъ рогахъ красуются мѣдныя кольца и вѣнчающіе ихъ мѣдныя же шарикі. Эти своеобразныя украшенія придаютъ быкамъ особо характерный, нѣсколько фантастическій видъ, такъ хорошо гармонирующій съ типичными и затѣйливыми орнаментами бра-

манскихъ и буддйскихъ храмовъ и вообще со всею остальною индйскою обстановкой города.

Типичными для города являются браманскій и буддйскій храмы. Входная, суживающаяся постепенно кверху, башня перваго какъ бы стремится убѣжать въ небо своимъ остриемъ. Самый храмъ помѣщается въ глубинѣ пространнаго двора, обнесеннаго высокою каменною оградой. На дворѣ обширное зданіе, крыша котораго поддерживается толстыми колоннами въ четыре ряда; тутъ же большой водоемъ и сложенный изъ бѣлыхъ камней жертвенникъ, гдѣ во славу и умилоствленіе индйской троицы вообще или специально грознаго Сивы и его страшной супруги Кали, украшенной ожерельемъ изъ человѣческихъ череповъ, предаются закланію невинные козлята и ягнята. Самый храмъ украшенъ круглымъ бѣлымъ куполомъ. Въ глубинѣ его залы ниша, гдѣ возсѣдаютъ на тронахъ главные представители браманскихъ боговъ, окруженные второстепенными божествами.

Въ китайскомъ кварталѣ Сингапура мы встрѣтимъ ту же обстановку, которая всюду и вездѣ вносится съ собою китайцами. Тѣ же тѣсныя крытыя узкія улицы съ ихъ нечистою и вонью, которая здѣсь при удушающей жарѣ, конечно, еще ужаснѣе и невозможнѣе, чѣмъ въ самомъ Китаѣ; тѣ же характерныя вывѣски; типичная одежда, косы, походныя кухни, притоны для куренія опія. Уступка климатическимъ условіямъ состоитъ въ томъ, что работающіе на улицѣ и несущіе тяжести китайцы обыкновенно совсемъ обнажены до пояса.

Малайцы и индйцы (по большей части тамилы) ютятся въ своихъ кварталахъ. Жилища первыхъ—хижины, сохраняющія еще типъ сайнскихъ построекъ. Полъ приподнятъ около метра надъ землей на деревянныхъ сваяхъ, оконъ и дверей нѣтъ, стѣны и крыши на бамбуковомъ остовѣ сплетены изъ сухихъ листьевъ кокоса, скрѣпленныхъ бамбуковыми пластинками. Индйцы живутъ въ небольшихъ глиняныхъ мазанкахъ также весьма первобытнаго устройства.

Всюду на рынкахъ продаются различныя тропическія плоды—мангустаны, манги, дуріаны, папай, бананы и ананасы, которыми Сингапуръ по справедливости славится.

Кромѣ центральной торговой части, весь Сингапуръ утопаетъ своими, часто весьма разбросанными, зданіями въ густой тропической растительности, которая, впрочемъ, нерѣдко смѣняется очень неприглядными и, конечно, весьма вредными лужами стоячей болотистой воды. За исключеніемъ такихъ неприглядныхъ мѣстъ, прекрасно проспированныя улицы пробѣгаютъ между нависшими густымъ сводомъ аллеями роскошныхъ деревьевъ, позади которыхъ въ европейской, т.-е. англійской, части города тянутся вездѣ прямая, какъ стрѣла, и зеленая, какъ изумрудъ, живая ограда изъ низкорослаго, стриженнаго щеткой бамбука; эти

ограды отдѣляютъ отъ улицы дома, расположенные въ глубинѣ прилежащихъ къ дорогѣ садовъ.

Аллеи состоятъ изъ священныхъ смоковницъ и хлѣбныхъ деревьевъ. Громадные, отливающие серебромъ своей листвою при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра дуріаны съ оригинальными плодами также невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе путешественника; манги, букеты громаднхъ, часто граціозно склоняющихся въ разныя стороны бамбуковъ и усыпанные крупными ярко-красными цвѣтами такъ называемыя китайскія розы, въ изобиліи растутъ здѣсь въ видѣ очень большихъ деревьевъ. Высоко поднимаются надъ всѣми деревьями прямые, какъ стрѣла, тонкіе и стройные кольчатые стволы пальмы арека, оканчивающіеся короткими, какъ бы обстриженными, султанчиками своихъ 5—6 темно-зеленыхъ листьевъ, тогда какъ, наоборотъ, молодые кокосы широко раскидываютъ въ стороны пушистый свѣтло-зеленый вѣнецъ своихъ 12—15 листьевъ надъ невысокимъ, еще прямымъ, но уже несущимъ свои золотисто-коричневые орѣхи стволомъ. Наконецъ, здѣсь же встрѣчающіеся, разорванные въ клочки вѣтромъ, свѣтло-ярко-зеленые огромные листья банана, съ его пригибающими къ землѣ вершину сочнаго стебля массами золотистыхъ плодовъ, дополняютъ картину выдающихся растительныхъ формъ Сингапура. Особенно характерными являются затѣмъ невѣдомыя въ нашихъ странахъ, здѣсь же обычная и неизбежная, растенія эпифиты, часто неправильно причисляемыя не-ботаниками къ паразитамъ. Эпифитами называются такія растенія, которыя куждаются въ другихъ лишь въ качествѣ опоры и мѣста жительства. Проникая своимъ корнемъ въ ткани коры дерева, эпифитъ пользуется послѣднимъ лишь для своего прикрѣпленія. Питаніе почерпаетъ онъ помощью листьевъ и многочисленныхъ воздушныхъ корней не изъ соковъ дерева-жертвы, какъ настоящіе, здѣсь тоже нѣрѣдкіе паразиты, а изъ насыщенная водяными парами окружающаго воздуха.

Въ Сингапурѣ гигантскіе стволы деревьевъ сплошь покрыты, нѣрѣдко на высоту весьма значительную, эпифитными папоротниками, то блистающими ярко сочною зеленью своей изящной, кружевной, мелко вырѣзанной листвою, то поражающими причудливостью своихъ грубыхъ гигантскихъ листьевъ. Въ однихъ случаяхъ папоротники эти напоминаютъ собою громадную птичью гнѣзду, въ другихъ же—часть удивленныхъ кожистыхъ листьевъ, превышающихъ размѣры человѣческаго роста, поднимается параллельно стволу дерева, на которомъ поселился эпифитъ, прямо вверхъ, тогда какъ другая часть листьевъ, напоминающая очертаніями рога лося или сѣвернаго оленя, спускается по тому же стволу на землю съ высоты двухъ и даже болѣе метровъ.

Описаніе Сингапура заключало бы въ себѣ однако существенный пробѣлъ, если бы я не упомянулъ о его временныхъ, но тѣмъ не

менше не особо рѣдкихъ посѣтителейъ—тиграхъ. На самомъ островѣ постоянно держатся одинъ или иногда нѣсколько тигровъ, переплывающихъ проливъ, который отдѣляетъ островъ Сингапуръ отъ материка Малакки километра на два. Тигры эти между прочимъ охотятся на домашнихъ животныхъ, преслѣдуя въ особенности собакъ, составляющихъ ихъ любимѣйшее лакомство. Собаки, въ свою очередь, страшно боятся тигра, почуявъ котораго, поднимаютъ ужасный вой. Вторымъ любимымъ лакомствомъ тигра являются работающіе на плантаціи китайцы, тогда какъ на индусовъ и малайцевъ нападенія случаются рѣже. Бродя по острову, тигръ часто подходитъ къ окраинамъ города. Густо заросшіе пустыри между отдѣльными рѣдкими зданіями служатъ ему хорошимъ убѣжищемъ и прикрытіемъ, откуда по временамъ онъ дѣлаетъ и болѣе дерзкія вылазки. Результатомъ послѣднихъ бывають облавы мѣстныхъ немродовъ-англичанъ. Большіе сборы, торжественныя приготовления и солидная выпивка являются обыкновенно началомъ и конечнымъ исходомъ такихъ охотъ, потому что тигръ всего чаще благополучно уходитъ лишь подальше отъ города или, въ крайнемъ случаѣ, переплываетъ обратно на Малакку, чтобы вернуться снова на островъ, какъ только прекратится обезпокоившій его безвредный шумъ охотничьяго похода.

23-го марта 1891 года произошелъ слѣдующій случай. На одной изъ окраинъ города, въ домѣ, принадлежавшемъ одному англичанину, въ половинѣ второго часа дня собаки вдругъ подняли на дворѣ отчаянный вой, привлекая на себя вниманіе малайца-водоноса. Войдя въ кухню, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, водоносъ нашель въ ней вмѣсто повара тигра, который преспокойно съ большимъ кускомъ мяса въ пасти чинно и важно прослѣдовалъ въ дверь мимо него и исчезъ, унося весь запасъ, предназначавшійся для обѣда семьи домовладѣльца.

Этимъ характернымъ эпизодомъ городской жизни закончу я мои воспоминанія о Сингапурѣ.

Два дня въ Сайгонѣ.

(В. Крестовскаго).

Мы вступили въ Южно-Китайское море, пользующееся у моряковъ весьма дурной репутаціей, благодаря своимъ рифамъ, пиратамъ и тайфунамъ—ураганамъ китайскихъ морей и Восточнаго океана, въ которыхъ нерѣдко погибають суда цѣлыми сотнями. Но сегодня оно къ намъ милостиво, если только это не предательская ласка, и встрѣчаетъ насъ полюбѣйшимъ штилемъ. Водная гладь какъ растопленное стекло и неподвижно горитъ подъ вертикальными лучами солнца нестерпимымъ блескомъ, такъ что больно глядѣть на нее: рѣжетъ глаза и выступаютъ слезы. Движеніе нашего судна какъ бы выдавливаетъ эту стеклянскую мас-

су, гладкую поверхность которой слегка бороздят порой стан маленьких летучих рыбок, выпархивающих из-под кила на воздух и снопами разлетающихся в стороны. Ну и жара же сегодня! В половине шестого часа дня, то-есть за полчаса до заката, Реомюр показывал 38° на солнцѣ. Зато закат сегодня дивный! Горизонт на западѣ горитъ въ тяжелыхъ густо-лиловыхъ тучахъ, изъ которыхъ поминутно сверкаютъ зигзаги молній, и изъ-за этихъ тучъ по ясному небу раскинулись радугами до самаго зенита снопы розовыхъ лучей и отъ нихъ вся поверхность моря приняла перламутровый отсвѣтъ. Съ восходомъ солнца мы находились уже на полпути между Сингапуромъ и Кохинхиной. Въ 10 часовъ утра Реомюръ показывалъ 26° въ тѣни подъ двойнымъ тентомъ. Ужасная жара и ни малѣйшаго дуновенія въ раскаленномъ воздухѣ. Въ три часа дня небо заволочено тучами и подулъ легкій сѣверо-западный вѣтерокъ, а вскорѣ затѣмъ и небольшой дождикъ прсыпнулъ. Слава Богу, хоть чуточку освѣжило, есть тѣмъ дышать! А то этой ночью отъ недостатка воздуха я чуть было не задохся, проснувшись въ четвертомъ часу ночи со страшною тяжестью въ груди, шумомъ въ ушахъ и головою болью, такъ что долженъ былъ на цѣлый часъ высунуться въ открытый иллюминаторъ, чтобы хоть сколько-нибудь отдышаться. Дождикъ скоро прошелъ, но сѣверо-западный вѣтерокъ, къ счастью, остался.

Закатъ опять великолѣпенъ и опять-таки являетъ собою новую, совершенно оригинальную картину. На этотъ разъ изъ-за громады облаковъ, которыя въ тропическихъ странахъ всегда массивны, самаго солнца не видно. Облака перваго плана носятъ изсѣра-лиловую окраску, а дальнѣйшія заднія—совсѣмъ лиловую и за ними полнеба объято золотисто-розовымъ заревомъ. Минуть двадцать спустя всѣ эти тоны сгустились, тучи на западѣ приняли еще болѣе темный лилово-сѣрый оттѣнокъ, и сѣвозъ нихъ только въ трехъ-четырехъ мѣстахъ, какъ бы въ маленькія отверстія на громадной завѣсѣ, просвѣчивалъ огненно-багровый отсвѣтъ садящагося солнца. Хорошо, коли этотъ багровый свѣтъ не предвѣщаетъ намъ тайфуна.

Въ восемь часовъ утра мы подошли къ мысу св. Іакова на лѣвой сторонѣ устья Ме-конга. Мысъ этотъ представляетъ холмъ, поросшій травой и кустарникомъ, гдѣ на самой вершинѣ устроены маякъ, огонь котораго бываетъ обыкновенно виденъ за 28 миль отъ берега. Холмистый краешекъ, на концѣ котораго стоитъ маякъ, тянется на протяженіи около версты вверхъ по устью, гдѣ изъ прелестной рощицы выглядываютъ два-три европейскіе домика подъ черепичными крышами, а выше по ту сторону деревни—французская земляная батарея.

Входимъ въ устье Ме-конга. Оно покрыто лагунами, между которыми извивается безчисленное множество рукавовъ и протоковъ, и за-

нимаетъ нѣсколько десятковъ миль въ ширину. Намъ предстоитъ подниматься вверхъ по лѣвому руслу, которое имѣетъ до 12 миль ширины, но потомъ суживается до пяти миль. Правый берегъ его представляетъ изъясненность, покрытую кустарникомъ и предшествуемую большими отмелями, по которымъ ходятъ бѣруны, а налѣво тянется рядъ кудряво-зеленыхъ холмовъ, перемежающихся низменными лощинками и небольшими равнинами, гдѣ въ изобиліи растутъ разнообразныя кустарники и роскошныя пальмы.

Лишь только вступили мы въ устье, вода сейчасъ же стала мутно-желтою, какъ бы глинистою, а на отмеляхъ, едва прикрытыхъ ею, она принимаетъ охристо-красноватый оттѣнокъ. Со всѣхъ сторонъ видны рыболовныя забойки, къ которымъ иногда пристають парусныя рыбацкія лодки, чтобы забрать тамъ свою добычу, наловившуюся на разсвѣтѣ. Вотъ и рыбацкія деревушки видны, пройдя около 5 миль вверхъ по устью: одна вправо отъ насъ, на мыскѣ подъ холмомъ; другая нѣсколько выше, влѣво, на изъясненности; при ней находится бухточка, наполненная джонками и туземными лодками—сампангами, и рядомъ маленькое укрѣпленіе.

Противъ этой деревни разомъ обрывается цѣпь отдѣльныхъ холмовъ, отошедшихъ отъ лѣваго берега рѣки въ глубь материка миль на десять, и оба берега становятся теперь низменно плоскими, съ совершенно одинаковымъ характеромъ растительности: и тотъ и другой сплошь покрыты мелкимъ кустарникомъ со значительно обнаженными корнями, вслѣдствіе того, что грунтъ подъ ними постоянно поднимается. Издали на видъ эти кусты похожи на нашъ ольшаникъ и представляютъ огромныя заросли, надъ которыми лишь изрѣдка выдѣляются кое-гдѣ верхушки низкорослыхъ деревьевъ. Когда въ одномъ изъ самыхъ узкихъ мѣстъ рѣки мы подошли къ берегу саженъ на десять, то оказалось, что между этими зарослями произрастаютъ кустами перистыя пальмы, кокосовыя пальмы, юкки, драцены, ротанги, папоротники, бамбуки, но все это отличается своею низкорослостью. Вся эта растительность на болотистой почвѣ, это—здѣшніе джунгли, излюбленныя мѣста тигровъ и крокодиловъ, которыхъ, впрочемъ, мы не видѣли ни одного, хотя и пришлось простоять тутъ на мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, въ ожиданіи пока морской приливъ не повыситъ на нѣсколько футовъ рѣчного уровня.

Принявъ на себя устье широкаго протока Сонгъ-Віамъ-чу, рѣка суживается до 360 саженъ, но фарватеръ ея все еще стѣсненъ частыми мельями и перекатами, благодаря чему пароходъ можетъ пробираться между ними только съ большою осторожностью, самымъ малымъ ходомъ. Мѣстами берега прорѣзываются устьями протоковъ, рѣчекъ, ручейковъ, дренажныхъ и оросительныхъ канавъ, отъ нѣсколькихъ саженъ до двухъ аршинъ шириной.

У береговъ иногда попадались намъ жилия лодки обыкновеннаго китайскаго типа съ шалашами въ видѣ полукруглыхъ или двускатныхъ цыновочныхъ кровель, называемыя сампангами. На кормѣ у нихъ курятся костры, женщины варятъ обѣдъ, а голые ребятишки собираютъ по берегу валежникъ; мужчины же сидятъ на носу или подъ навѣсомъ и безопасно покуриваютъ свои крошечныя трубки. Все это полуголое темно-коричневое пловучее населеніе занимается, повидимому, дровосѣчнымъ и углеобжигательнымъ промысломъ: около такихъ сампанговъ на берегу постоянно видны были жиденькія дрова, сложенныя въ кубики, и кучки древеснаго угля.

Другой типъ лодокъ—это длинныя, узкія плоскдонныя челны. Гребетъ только одинъ человекъ съ кормы, стоя, двухлопастнымъ весломъ. Главное назначеніе такихъ лодокъ—ходить по узкимъ каналамъ, обходящимъ рисовыя поля. Третій типъ—это большая лодка въ родѣ китайской джонки, но съ острымъ и возвышеннымъ носомъ. На ней три мачты; передняя, самая низенькая, помѣщается на концѣ носа. На каждой мачтѣ по одному цыновочному парусу: передній распускается прямо, средній вправо, а задній влѣво, что издали придаетъ судну видъ летящей гигантской бабочки или летучей мыши. Съ носа спускается деревянный якорь въ видѣ рогули, а за кормой косою руль и долбленный челночокъ на буксирѣ. Характернымъ украшеніемъ судна являются двѣ черныя полосы по обѣимъ сторонамъ носа, въ которыхъ намалевано по одному бѣлому глазу съ чернымъ овальнымъ зрачкомъ, «чтобы судно видѣло, куда оно плыветъ, и чтобы злые духи моря, воплощенные въ акулы и другихъ чудовищъ, думали, будто это не судно, а грозный драконъ съ распущенными крыльями». На такихъ джонкахъ обыкновенно бываетъ до дюжины матросовъ, и занимаются они перевозкой тяжелыхъ грузовъ и туземныхъ пассажировъ не только по всей рѣкѣ, но и по морскому побережью Кохинхины и Камбоджи.

Рѣка чѣмъ дальше, тѣмъ все излучистѣе, почему пароходу приходится дѣлать безпрестанныя и нерѣдко очень крутыя повороты. Безпрестанно приходилось давать самый малый ходъ, а то и вовсе останавливать машину и поминутно предупреждать о себѣ на поворотахъ пронзительными свистками аннамитскія лодки.

Въ одномъ мѣстѣ берега по обѣ стороны рѣчки очищены отъ стариковъ; дѣлать выкорчеванъ, и почва осушена настолько, что служить теперь пастбищемъ буйволамъ. Намъ попалось два стада: одно паслось, а другое купалось въ зеленомъ болотѣ.

На расчищенномъ мѣстѣ построено нѣсколько хижинокъ. Строительнымъ матеріаломъ, послѣ необходимаго дерева, послужили имъ главнѣйшимъ образомъ цыновки для стѣнъ и тростникъ для крыши. Иныя изъ такихъ жилищъ имѣютъ форму шалашей и нерѣдко устраиваются,

какъ гнѣзда, на толстыхъ сучьяхъ сухого ствола, по одному и по два на одномъ деревѣ, для чего между пологими вѣтвями кладутся жерди и плетеный помостъ, а самый шалаши строится на немъ изъ тычи и проется камышомъ. Такія гнѣзда висятъ иногда надъ самой водой, и подъ ними стоятъ на привязи челны.

Здѣсь открываются и рисовыя поля, среди которыхъ видѣются иногда на каналахъ хижины, построенныя на сваяхъ, въ родѣ сингапурскихъ, и чѣмъ дальше плывемъ мы, тѣмъ все чаще встрѣчаются или стоящія отдѣльно, или разбросанныя тамъ и сямъ небольшими группами хижины и сарайчики всѣхъ родовъ. Мѣстность становится культурнѣе, попадаются небольшія луговины съ густою, сочною травой, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега видѣются отдѣльныя кулы лѣсковъ и рощицъ высорослыхъ деревьевъ. На рисовыхъ поляхъ идутъ какія-то сельскія работы. Вотъ попались два-три сампанга подъ французскими флагами. Это значить «административныя лодки», гдѣ официальный флагъ означаетъ, что судно принадлежитъ какому-нибудь участковому старшинѣ, въ родѣ нашего волостного, или сборщику податей, или, наконецъ, полицейскому чину изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Чѣмъ дальше по рѣкѣ, тѣмъ все желтѣе и мутнѣе становится вода, и плыветъ по ней разная дрянь, въ родѣ клочковъ сѣна и сухихъ вѣтокъ, обуглившихся головешекъ, дохлыхъ собакъ, животныхъ, рыбныхъ отбросовъ и пр. Странное дѣло однако: водяныхъ птицъ совсѣмъ не видно, да и болотной дичи тоже. Изъ царства пернатыхъ пока замѣчаются только ястреба да коршуны, парящіе надъ джунглями или отдыхающіе на сухихъ вѣтвяхъ надъ самой рѣкой.

Въ началѣ третьяго часа дня, прямо передъ носомъ парохода, изъ-за джунглевой низменности, впервые завидѣли мы вдали верхушки большихъ корабельныхъ мачтъ и длинныя красныя кровли какихъ-то зданій. То Сайгонъ открывается.

Теперь уже на правомъ берегу рѣки видѣются огромныя пространства рисовыхъ полей, за которыми мѣстами подымается большой дымъ: то аннамиты выжигаютъ джунгли подъ новые посѣвы. Вотъ опять засинѣли вдали невысокія горы, берега вдругъ раздalis въ обѣ стороны, расширяясь приблизительно на 750 сажень. Безъ малаго десять верстѣ шли мы этимъ широкимъ и почти прямымъ участкомъ Ме-конга, а затѣмъ круто свернули влѣво, опять извилисто-узкій рукавъ, на которомъ и стоитъ Сайгонъ. Здѣсь опять пошли дуга и рисовыя поля, иногда залитые водой, и вразбрѣдъ по нимъ тѣ же свайныя хижины. Городъ открывается все болѣе и болѣе, показываясь, сообразно излучинамъ рѣки, то съ лѣваго, то съ праваго борта нашего парохода. Желтыя и бѣлыя стѣны нѣсколько «казеннаго» характера, да красныя черепичныя кровли, за которыми видѣются кое-гдѣ зеленыя верхушки садовъ, да

еще двѣ колокольни католическаго собора—вотъ его общее ц, на первый взглядъ далеко не картинное впечатлѣніе.

При входѣ въ портъ рѣка опять расширяется, образуя довольно большой бассейнъ, именуемый рейдомъ, гдѣ могутъ просторно располагаться военныя суда и самыя большіе пароходы. Проходимъ мимо какихъ-то казенныхъ магазиновъ и угольныхъ складовъ и ровно въ три съ половиной часа пополудни останавливаемся, наконецъ, у пристани.

Еще не успѣли мы ошвартоваться ¹⁾, какъ къ борту нашего корабля подошелъ богато украшенный въ китайскомъ вкусѣ рѣзбой, лакомъ и золотомъ большой сампангъ съ роскошною каютой въ зеркальныхъ стеклахъ, занимающей самую середину лодки. Гребцы были одѣты въ форменныя матроски и въ маленькія китайскія шапочки, форму которыхъ всего ближе сравнить съ грибомъ. За кормой сампанга развѣвался большой французскій флагъ изъ шелковой матеріи, полоскавшійся въ водѣ. Изъ каюты вышелъ и поднялся къ намъ на палубу адъютантъ сайгонскаго губернатора въ полной парадной формѣ, присланный поздравить нашего адмирала и передать ему приглашеніе на сегодня къ обѣду.

Пароходъ нашъ между тѣмъ сейчасъ же былъ окруженъ множествомъ сампанговъ, которыми управляли исключительно молодыя дѣвушки-аннамитки, работая веслами,—одна съ кормы, другая на носу. Гребутъ всегда стоя, и для этого существуютъ особыя приспособленія—высокія, около аршина, уключины и на борту особая приступка для упора ступни. Здѣсь я имѣлъ возможность разглядѣть нѣсколько ближе устройство сампанга. Каждая такая лодка покрывается въ средней своей части сплошнымъ навѣсомъ изъ циновокъ или пропитаго тростника. Корма и носъ остаются открытыми и застилаются дощатыми полупалубами, подъ которыми устроены внутри маленькіе чуланчики для всякаго домашняго скарба. Переднее и заднее отверстія въ случаѣ надобности закрываются плетеными шторами. На кормѣ помѣщается кухня, гдѣ огонь разводится въ небольшомъ переносномъ очагѣ изъ обожженной глины. Здѣсь женщины стряпаютъ обѣдъ и приготавливаютъ чай, и здѣсь же помѣщаются у нихъ подъ рукою всѣ принадлежности стряпни и вся утварь. Дно плоско, покрыто досками и заставлено циновками. У одной изъ боковыхъ стѣнокъ помѣщается иногда небольшой алтарь съ буддистскою статуэткой, украшенный нарядными картонажами, павлиньими перьями, вѣерами, искусственными цвѣтами и тому подобными предметами. Внутренность сампанга освѣщается кокосовою лампадой, а если нужно куда плыть вечеромъ, то на носу выставляется бумажный фо-

¹⁾ Пристать къ берегу.

нарь. Тут живутъ цѣлыми семействами, при чемъ самыми дѣятельными и работающими являются женщины. Въ носовой части каждаго сампанга, съ обѣихъ сторонъ, по наружной сторонѣ бортовъ, непрерывно нарисованъ особый символическій знакъ—яйцо, какъ зародышъ всего сущаго. Оно соотвѣтствуетъ тѣмъ глазамъ, что рисуются на мореходныхъ джонкахъ, и составляетъ неизмѣнную принадлежность жилыхъ сампанговъ.

Рейдъ, какъ я уже сказала, довольно обширенъ, но на немъ далеко не пестрѣетъ столько красокъ, какъ въ Сингапурѣ. Для аннамскихъ и китайскихъ джонокъ отведено особое мѣсто, подъ берегомъ, который занятъ тамъ почти исключительно туземными постройками на сваяхъ, и по числу своему такія джонокъ далеко превосходили европейскія суда. Оживленіе рейду придавали только сампанги, сновавшіе по немъ во всѣхъ направленіяхъ. Какъ морская станція, Сайгонъ лежитъ слишкомъ въ сторонѣ отъ прямыхъ мореходныхъ путей, а потому суда, посѣщающія его, заходятъ сюда развѣ по какому-нибудь особому случаю.

Станціонная пристань и склады помѣщаются на небольшомъ островкѣ, не имѣющемъ даже сообщенія съ городомъ посредствомъ моста, и чтобы добраться до набережной, надо нанимать сампангъ.

Сѣхавъ на берегъ, мы не безъ труда докричались, наконецъ, «малабара» (такъ зовутъ здѣсь извозчиковъ), уныло торчавшаго въ единственномъ числѣ на отдаленномъ углу набережной.

Въ Сайгонѣ путешественники столь рѣдки и даже притокъ французовъ столь малъ, что, по мѣстнымъ отзывамъ, не стоитъ содержать гостиницъ. Въ гостиницѣ, гдѣ мы остановились, тоже было очень сѣверно. Одно только удобство и есть—это балконъ-веранда, гдѣ можно посидѣть въ тѣни. Во внутреннемъ дворикѣ гостиницы устроены садикъ, гдѣ поразилъ меня запахъ мускуса, который особенно усилился съ наступленіемъ вечерней темноты, когда по этому дворнику пошла ужаснѣйшая бѣготня и розня множества большихъ крысъ, ящерицъ и толстыхъ лягушекъ, скачущихъ высокими скачками. Все это подпольное населеніе находится въ вѣчной враждѣ между собою и не даетъ вамъ покою своимъ пискомъ и кваканьемъ. Вечерніе часы—это по преимуществу время его сраженій, ареной которыхъ служатъ дворикъ. Вообще съ наступленіемъ вечера въ нашихъ комнатахъ оказалось много постороннихъ жильцовъ (впрочемъ, съ ихъ точки зрѣнія, это, вѣроятно, мы были посторонними); черныя тараканы-исполины поползли по постелямъ и по полу, москиты и ночныя бабочки цѣлыми эскадронами закружились около свѣчей, ящерики забѣгали по полу и по потолку; одна изъ нихъ даже плюнула ко мнѣ въ стаканъ и погибла во цвѣтѣ лѣтъ, ошпаренная горячимъ чаемъ. Залетѣла въ комнаты летучая мышь, которую долго

не могли выжить. Но это еще что! Иногда забираются въ комнаты и болѣе опасныя гадины: черныя скорпионы, сороконожки, укушеніе которыхъ въ иныхъ случаяхъ ведетъ за собой даже смертельный исходъ, и ядовитыя змѣи. Поэтому, ложась въ постель, никогда не мѣшаетъ предварительно осмотрѣть ее, а равно и вставая, прежде всего освѣдѣльствуйте внутри ваши туфли и осмотрите полъ и углы комнаты, иначе вы рискуете встрѣтиться съ очень непріятною гостьей. Чуть наступитъ вечерняя темнота, городъ уже оглашается громкимъ соединеннымъ концертомъ кузнечиковъ и лягушекъ. Послѣднія міриадами населяютъ рисовыя поля, и отъ ихъ кваканья въ воздухъ просто стонъ стоитъ по всей окрестности. А къ этому еще присоединяется хриплое скрипѣніе гекко, напоминающее по звуку скрипъ нашихъ коростелей, но только гораздо громче и рѣзче. Стрекотанье кузнечиковъ и сверчковъ тоже весьма громко, но въ его однообразной нотѣ есть своя музыкальность, тогда какъ эти гекко продолжительностью своего скрипѣнья непріятно дѣйствуютъ вамъ на нервы.

Мы хотѣли было выйти на прогулку въ легкихъ костюмахъ, но насъ предостерегли не дѣлать этого. Мѣстные французы вечеромъ не выходятъ изъ дому иначе, какъ во фланели,—предосторожность далеко не излишняя, такъ какъ сырость здѣсь ужасная: почти всѣ дома покрыты грибовидными лишаями и зеленовато-черными потоками плѣсени, а въ воздухѣ сырость отзывается запахомъ мускуса и какихъ-то пряно-ароматическихъ растений. Эта сырость пропитываетъ все ваше платье и грозитъ такую лихорадку, отъ которой иные, даже и возвратясь въ Европу, уже во всю свою жизнь не могутъ отдѣлаться. Поэтому и французскіе солдаты, присылаемые сюда на службу не болѣе какъ на полтора года, ходятъ всегда въ суконномъ платьѣ; да и то, говорятъ, околомъ четверти общаго числа ихъ становятся жертвами лихорадки и находятъ себѣ безвременную могилу. Впрочемъ, мѣстные обшившіеся французы, благодаря фланели, сохраняютъ здоровье и даже имѣютъ весьма бодрый видъ.

На слѣдующее утро, напившись кофе, мы отправились знакомиться съ городомъ. Надо было пользоваться утренними часами, пока еще гнетущій зной не согналъ все живое въ тѣнь, подъ закрытыя навѣсы и въ глубину закупоренныхъ жилищъ. Сайгонъ стоитъ на красной глинистой почвѣ; шоссированныя улицы кажутся тоже красными, тѣмъ болѣе, что ихъ широкіе тротуары сложены изъ плитокъ обожженного кирпича и красная пыль, покрывающая ихъ, при магнѣшемъ вѣтрѣ въ изобиліи садится на ваше платье и оставляетъ на немъ грязно-красноватые слѣды. Дома на главной улицѣ принадлежатъ, кажется, исключительно европейцамъ; но крайней мѣрѣ всѣ они строены въ европейскомъ вкусѣ изъ обожженного кирпича, въ одинъ или два этажа,

нерѣдко съ каменными аркадами и непремѣнно верандами и палисадниками, и всѣ крытые черепицей. Кромѣ того, на каждомъ изъ нихъ торчатъ по два или четыре громоотвода, такъ какъ грозы здѣсь очень часты и разражаются съ неимовѣрною силой. Трехъэтажныя постройки являются уже какъ исключеніе, и то преимущественно на портовой набережной. Стрoенія расположены правильными улицами и довольно просторно. Въ садахъ и палисадникахъ при нихъ также нѣтъ недостатка: тамъ мѣшаются между собой бананы, бамбукъ, рицинусы, датуры и манговья деревья, увитыя виноградомъ. Тротуары на нѣкоторыхъ улицахъ обсажены аллеями изъ тамариндовъ и бѣлой акации, быстро достигающихъ здѣсь весьма почтенныхъ размѣровъ. Прогуливаться въ тѣни подъ ихъ вѣтвями очень пріятно, но дѣло не обходится иногда безъ невольнаго испуга при встрѣчѣ съ древесною змѣей, которая, свѣсившись съ вѣтки, какъ хвостъ ланы, покачивается надъ вашей головой. Впрочемъ, онѣ не ядовиты, хотя и кусаются. Водопроводныя каналы, цистерны и даже фонтанъ—все это встрѣчается по сторонамъ главной улицы, на которой въ то же время европейскіе обыватели не стѣсняются развѣшивать бѣлье для просушки. Главная улица образуетъ перспективу, замыкаемую въ концѣ католическимъ соборомъ, стоящимъ на площади.

Отъ собора мы направились въ торговую часть города, расположенную близъ порта, по набережной городского канала. Здѣсь большая часть домовъ двухъэтажныя, съ верхними и нижними галлереями на колоннахъ или на аркадахъ. Нижніе этажи сплошь заняты лавками и магазинами, съ вывѣсками на китайскомъ и французскомъ языкахъ, но въ этихъ лавкахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ магазиновъ, полное царство китайскихъ купцовъ и приказчиковъ. Малайцы и аннамиты удержались только на городскомъ базарѣ, да и то наполовину съ китайцами. Словомъ, что касается мѣстной промышленности, ремеслъ и торговли, то здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Сингапурѣ, вы можете видѣть, какъ желтокожій человѣкъ оспариваетъ мѣсто у бѣлаго. Французъ въ Кохинхинѣ—это преимущественно чиновникъ, военный или агентъ какой-нибудь торгово-промышленной компаніи. Такихъ, которые остались бы въ край навсегда, пріобрѣтѣя себѣ собственность, завели какую-нибудь плантацію или собственное дѣло и лично занялись бы хозяйствомъ, здѣсь пока еще немного. Даже и тѣ, что обзавелись уже кое-чѣмъ и выстроили себѣ дома, спѣшатъ продать ихъ, если только судьба посылаетъ имъ благоприятный случай возвратиться во Францію.

Портовый каналъ не широкъ: откосы его выложены плитнякомъ; по нимъ на известномъ разстояніи одна отъ другой спускаются къ водѣ каменные лѣсенки; вдоль обѣихъ береговъ тянутся ряды деревянныхъ тумбъ съ желѣзными крючьями, за которые привязыва-

ются бечевы промысловых сампанговъ, причаливающихъ къ откосамъ и выгружающихъ прямо на набережную кирпичъ, дрова, песокъ, ящики съ рисомъ, ананасы и иные сельскіе продукты. Сюда же, на набережную канала, выходятъ одною своею стороною и городскій рынокъ, состоящій изъ шести сквозныхъ продолговатыхъ павильоновъ (по три въ рядъ), подъ двухъярусными высокими и широкими крышами, съ отлично устроенной вентиляціей. Здѣсь на лоткахъ, открытыхъ столахъ и ларяхъ, установленныхъ правильными рядами съ продольными и поперечными проходами, продаются все необходимые для жизни припасы: живность, овощи, бакалея, рыба, фрукты, а также свѣчи, посуда, дешевая мебель и пр. Въ числѣ живности, между прочимъ, фигурируетъ и крокодиле мясо, очень любимое аннамитами. Тутъ же помѣщается и своего рода «обжорный рядъ» для туземной публики. Базаръ стоитъ на площадкѣ, обрамленной съ трехъ сторонъ разнокалиберными домами торговаго характера, гдѣ въ галлерейхъ подъ аркадами продаются разные мануфактурные товары, смѣсь европейской производительности съ азиатской и, преимущественно, китайской.

На базарѣ вы легче всего можете познакомиться со всеми представителями мѣстнаго населенія: аннамитами, малайцами, китайцами и малабарскими индусами. Все это тутъ толчется, покупаетъ, продаетъ, закусываетъ, курить, жуесть бетель и табакъ и узнаетъ всевозможныя новости дня, отчасти изъ мѣстной газеты, читаемой нѣкоторыми продавцами, а больше всего изъ устной передачи у чайныхъ и закусовыхъ ларей, служащихъ для туземцевъ своего рода клубами.

Аннамиты—мелкорослый и худощавый, что называется—жиденькій, народъ, съ выгнутою поясницей. Судя на взглядъ, они должны быть слабосильны. Цвѣтъ кожи у простого народа темно-коричневый, у зажиточныхъ людей болѣе свѣтлый, съ разными оттѣнками, но преимущественно оливковый и всегда блѣдный; глаза узковаты и тусклы, лицо приплюснутое и безъ растительности, которая появляется уже въ преклонномъ возрастѣ, да и то весьма жидкая; зато волосы у нихъ на головѣ, черные отъ природы, и длинны, и густы; губы очень крупны и всегда кажутся окровавленными отъ привычки жевать бетель. Тотъ же складъ лица преобладаетъ и у женщинъ, только, конечно, нѣсколько смягченнѣе. Онѣ еще меньше, чѣмъ мужчины, такъ что кажутся дѣвочками. Костюмъ ихъ состоитъ изъ панталонъ и широкаго косоворотаго балахона-рубахи съ широкими рукавами. Преобладающія матеріи либо шелковый ластикъ, либо коленкоръ. Къ этому присоединяется иногда какой-нибудь яркій поясъ. Густые и длинные волосы гладко зачесываются назадъ и укладываются въ шиньонъ, заколотый шпилькой. Всегдашнюю принадлежность женскаго убора составляютъ ручные и ножные браслеты въ видѣ колець, у зажиточныхъ серебря-

ные, а у простыхъ изъ желтаго стекла. Обувь, состоящую изъ остроносыхъ, загнутыхъ кверху туфель, носятъ только богатыя женщины, всё же остальные предпочитаютъ ходить босикомъ и ногъ себѣ не уродуютъ по китайской модѣ. Нарядъ аннамитки дополняется иногда маленькою плоско-коническою шляпою изъ бамбука съ длинной шелковой кистью, которая болтается сзади почти до пояса. На базарѣ, какъ и на сампангахъ, нерѣдко встрѣчаются женщины съ маленькими ребятами, которыхъ онѣ носятъ совершенно своеобразнымъ способомъ, ухитряясь какими-то судьбами усаживать младенца къ себѣ на бедро и поддерживая его за спину рукою. При этомъ не употребляется никакого приспособленія, въ родѣ мѣшка или перетяжки, и какъ эти дѣти не соскальзываютъ и не расшибаются, я рѣшительно не понимаю. Мнѣ даже случалось видѣть, что мать, стоя на кормѣ сампанга, одной рукою работала весломъ, а другой придерживала своего малютку, который, держась за ея рубашку и отгнунувшись къ ней на ладонь, преспокойно себѣ спалъ, убаюканный мѣрнымъ качаніемъ ея корпуса при греблѣ.

Костюмъ мужчинъ тоже весьма несложенъ: на головѣ черная небольшая повязка, въ родѣ чалмы, прикрытая соломенной шляпочкой грибомъ, затѣмъ черный или бѣлый балахонъ, но съ узкими рукавами, и бѣлые панталоны; на ногахъ плетенныя вѣтайскія туфли. Это костюмъ людей зажиточныхъ, а рабочіе обыкновенно носятъ короткую безрукавную кофту и короткіе штаны выше колѣнъ, то и другое изъ коленкора; ноги всегда босы, на головѣ плетенный грибокъ или плоско-коническая шляпка. Питались они на базарѣ преимущественно рыбой и сырыми овощами: рѣдкой, огурцами, чеснокомъ, заѣдая все это стручковымъ перцемъ.

Мы зашли въ два-три магазина, гдѣ торгуютъ почти исключительно тонкинскими произведеніями. Чуть только я сторговалъ поднось и нѣсколько статуэтокъ, около меня завертѣлись трое или четверо длиноволосыхъ мальчишекъ, лѣтъ десяти-двѣнадцати, весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ однихъ бѣлыхъ штановъ и пояса, на которыхъ прикрѣплена была спереди кожаная сумочка съ мѣдными бляшками, служащая вмѣсто портмоне и кармана. На плечѣ у каждаго висѣла, словно щипъ, круглая плетеная корзина. Едва приказчикъ завернулъ мои покупки, къ нимъ разомъ протянулось восемь рукъ, на перебой старавшихся перехватить добычу. Купецъ было крикнулъ на мальчишекъ, но они обступили меня, строя умилно просиція рожицы, и, показывая на свои корзины, лепетали: «Capitaine, une corbeille! Bon capitaine! Voyez quel panier, capitaine!»¹⁾ Намъ объяснили, что это особый типъ сайгон-

¹⁾ „Капитанъ, вотъ корзина! Добрый капитанъ! Посмотрите, какая корзина, капитанъ“.

скихъ уличныхъ мальчишекъ-аннамитовъ, которые промышляютъ единственно тѣмъ, что носить за европейцами ихъ покупки; поэтому они всегда толкуются предъ лавками и на базарахъ, валяются на землѣ около аркадъ и навѣсовъ, невзирая на ужасный солннопекъ.

Съ десяти часовъ утра и до трехъ пополудни въ городѣ прекращается всякая дѣятельность: не только люди, но и домашнія животныя, изнеможенные зноемъ до полнѣйшей апатіи, погружаются въ спячку, при чемъ въ домахъ тщательно спущены жалюзи. Магазины и лавки, за исключеніемъ нѣсколькихъ китайскихъ мелочныхъ лавчонокъ, въ это время тоже запираются, а на улицахъ рѣдко-рѣдко когда видны только рабочіе—кули, не знающіе, кажется, ни отдыха, ни усталости, да еще рѣже провлачить свои ноги европеецъ подъ бѣлымъ зонтикомъ, выгнанный изъ дому развѣ какой-нибудь крайнею, безотлагательною необходимостью.

Около четырехъ часовъ дня надъ Сайгономъ стали собираться тяжелыя, грозныя тучи, что и заставило насъ поспѣшить домой, пока еще не хлынулъ тропическій ливень. Вечеръ провели на верандѣ гостиницы, поневолѣ слушая концертъ гекко, цикадъ и лягушекъ, такъ какъ ни концертовъ, ни театра въ Сайгонѣ давно уже не бываетъ. Сайгонъ ложится спать рано: въ девять часовъ вечера всѣ улицы уже пусты, и только кое-гдѣ мелькаетъ свѣтъ одинокой лампы изъ-за зелени палисадника.

Въ три съ половиною часа ночи пароходъ нашъ отошелъ отъ пристани и тронулся въ путь, при помощи опытнаго лоцмана, который безъ особыхъ приключеній, хотя и черепашьимъ шагомъ, благополучно вывелъ его мимо всѣхъ мелей и переказовъ въ устье Меконга. Къ шести часамъ утра мы подходили уже къ мысу св. Іакова. Здѣсь пристала къ нашему борту казенная шлюпка съ форменными аннамскими гребцами и приняла отъ насъ исполнявшаго свою обязанность лоцмана.

Утро вставало ясное, покойное, величественное. Пурпурно-огненное солнце, испуская столбы розоватаго свѣта, расходящіяся радугами по холодному небу, подымалось къ намъ навстрѣчу изъ-за сѣро-стальной глади спокойнаго моря, чуть подернутаго вороною предутреннею рябью. Холодныя тѣни ночи какъ бы не успѣли еще совѣтъ слетѣть съ него, а бѣлыя чайки и рыбацья паруса уже тамъ и сямъ мелькали вдали надъ водами.

Въ Тонкинѣ.

(Г. Де-Воллана).

Мы плывемъ по рѣкѣ. Берега неинтересные, низменные, вода шоколаднаго цвѣта, и только въ одномъ изгибѣ рѣки показалаь ориги-

нальная Слоновая гора. Берег сплошную усаженъ бананниками и низкорослыми пальмами. Обработка полей—какъ и въ Японіи. Всѣ эти страны получили свою цивилизацію отъ китайцевъ, и потому, куда ни поѣдете на крайній Востокъ, вездѣ одни и тѣ же приемы земледѣлія. Рисъ, мансъ, овощи составляютъ главный доходъ хозяйства. Есть тутъ и шелковица, и маслины, въ видѣ хозяйственного подспорья. Въ ходу небольшой плугъ, въ который запряженъ буйволъ. Культура посредствомъ расады и грядковая система; на одномъ полѣ, какъ мнѣ говорили, получаютъ двѣ жатвы. Въ деревняхъ дома большею частью глиняные съ соломенною крышей, но есть кирпичные дома, что считается уже признакомъ богатства у аннамитовъ. Лучшие дома все-таки принадлежатъ китайцамъ, представляющимъ изъ себя торговый и промышленный классъ. Французы въ Тонкинѣ не вмѣшиваются въ управление страной; все въ рукахъ мѣстныхъ туземныхъ властей, которая страшно грабятъ. И тутъ существуютъ государственные экзамены для получения степени и мѣста на государственной службѣ. Не вмѣшиваясь въ администрацію страны, французскіе резиденты должны слѣдить за получениемъ налоговъ, но многие изъ нихъ, не зная языка, находятся въ рукахъ переводчиковъ, которые являются посредниками между ними и туземнымъ населениемъ. Такое посредничество не обходится, конечно, даромъ. Вслѣдствіе этого резидентъ, знающій мѣстный языкъ, имѣетъ большой авторитетъ среди населенія и приобретаетъ свободу дѣйствій.

Ганой, несмотря на то, что это большой городъ (150 тысячъ туземцевъ) и административный центръ Тонкина, производитъ довольно жалкое впечатлѣніе. На самой главной улицѣ между хорошими домами попадаются жалкія лачуги въ самой неприглядной обстановкѣ. Грязь, присущая туземному кварталу, разумѣется, тутъ. На нѣкоторыхъ улицахъ увидишь только продавцовъ сухихъ лѣкарственныхъ травъ, на другихъ продаютъ вяленую рыбу, далѣе улица гробовъ, бамбуковая улица, гончарныхъ издѣлій или цыновокъ. Отовсюду несетъ какимъ-то своеобразнымъ запахомъ мускуса, вяленой рыбы и т. д. Въ городѣ еще много прудовъ или маленькихъ озеръ, покрытыхъ тинью.

Движеніе на улицѣ большое. Больше всего видишь джиннерикшей съ ручными колясками и такія же телѣжки, какъ и въ Китаѣ, съ колесами изъ одного куска дерева, неуклюжими и скрипучими, такъ что ихъ услышишь за цѣлую версту. Въ толпѣ среди грязи и рубищъ видѣются иногда пышныя носилки какого-нибудь мандарина или довольно миловидныя аннамитки съ красными губками. Тутъ же сяютъ продавцы живности, ловцы креветокъ съ бреднями въ рукахъ, женщины въ плотно облегающемъ черномъ капотѣ. Изъ-подъ ногъ иногда выскакиваютъ свиньи, которыхъ очень много вывозятъ изъ Ганоя. Въ лавкахъ можно видѣть людей, работающихъ безъ усталы. Все это сидитъ

или лежить на цыновках и работает буквально не только руками, но и ногами. У аннамитовъ большой палецъ ноги оттопыривается отъ остальныхъ, и это качество оказывается очень полезнымъ для многихъ работъ и между прочимъ для лазанія по деревьямъ. Часто вы видите аннамитовъ, держащихъ ногами какой-нибудь кусокъ дерева, который они выпиливаютъ. Проезжая по улицѣ, я поинтересовался узнать, чѣмъ кормятъ въ дешевыхъ ресторанахъ, и убѣдился, что аннамитская кухня мало чѣмъ отличается отъ китайской или японской. Все тотъ же рисъ съ приправами рыбы, морскія раковины, свинина, птица, овощи, морская капуста и всякая гадость. Специальностью аннамитовъ является «нюокнамъ»—родъ сои, сдѣланный изъ разложившейся рыбы, соленой воды и пряностей. Надо, чтобы эта масса перебродила, и въ жидкомъ видѣ эта главная приправа аннамитскихъ блюдъ своимъ ѣдимъ вкусомъ напоминаетъ сыры, дошедшіе до послѣдняго градуса гніенія.

За исключеніемъ немногочисленныхъ дикихъ народностей, разбросанныхъ по всей территоріи Тонкина, Аннама и Кохинхина, главнымъ населеніемъ можно считать въ этомъ краѣ аннамитовъ, принадлежащихъ къ желтой расѣ. По типу они очень похожи на японцевъ, но языкъ у нихъ не имѣетъ ничего общаго съ японскимъ. Костюмъ аннамитовъ состоитъ изъ курточки и шароваръ. Волосы закручены въ шиньонъ, а нѣкоторые носятъ тюрбаны. Носятъ и конусообразную шляпу изъ бамбука или соломы; женская шляпа еще больше и похожа на опрокинутый плоскій подносъ. Туземцы всѣ жуютъ бетель и имѣютъ черные зубы. Правы, обычаи и весь складъ жизни являются копіей съ китайскихъ образцовъ. Китай въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ вліялъ на жизнь Аннама, съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. При дворѣ въ Гюэ (столица Аннама) и теперь образованные аннамиты должны знать китайскіе письменные знаки. Аннамитскій разговорный языкъ похожъ на китайскій и такъ же, какъ и онъ, отличается разнообразными интонаціями, благодаря которымъ измѣняется значеніе данного слова. Эта пѣвучесть разговорнаго китайскаго и аннамитскаго языковъ составляетъ главное затрудненіе для иностранцевъ. Китайскій элементъ, какъ я говорилъ уже раньше, очень силенъ въ этихъ краяхъ. Китайцы проникли и проникаютъ въ эту страну двоякимъ путемъ. Мирное переселеніе китайцевъ совершается большими массами моремъ въ порты Аннама, и тогда китайцы посредствомъ браковъ сливаются съ туземцами. Но существуетъ и воинственное нашествіе китайцевъ съ сѣвера. Банды вооруженныхъ китайцевъ или такъ называемые «Черные флаги» изъ Юнана нападаютъ на мирное населеніе сѣвернаго Тонкина, уводятъ женщинъ и дѣтей и тоже, посредствомъ браковъ, правда насильственныхъ, сливаются съ мѣстнымъ населеніемъ.

Ганой тоже претендует на звание большого города, и поэтому должен имѣть мѣсто для прогулокъ и катаній. Въ пять часовъ вся здѣшняя знать въ экипажахъ стремится къ большому озеру—«къ великому Буддѣ». Дорога идетъ отчасти вдоль рѣки по большой насыпи, обсаженной деревьями. Постройка, въ которой помѣщается статуя Будды, очень небольшая и страшно запущена. Еще видны слѣды прежней роскоши. Коловны покрыты краснымъ лакомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдѣляются инкрустаціи на черномъ деревѣ изъ перламутра. Бронзовая статуя не особенно велика (5 аршинъ). Будда изображенъ сидящимъ съ поднятою вверхъ рукою, и въ отличіе отъ китайскихъ и японскихъ Буддъ мы видимъ его съ бородою и съ усами. Въ пагодѣ есть еще извѣстнѣе слово, и у входа стражники храма стоятъ четыре статуи въ богатыхъ одѣяннѣхъ.

Въ Ганой процвѣтаютъ кафе и уличная жизнь. Въ нашей гостиницѣ, которую нельзя похвалить за удобство и комфортъ, громадная зала и большая веранда на улицу. Все это пространство уставлено маленькими столиками и въ извѣстные часы полно народа.

Вечеромъ мы отправились въ аннамитскій театръ. Театръ построенъ наподобіе европейскаго, но гораздо меньше. Есть только ложи перваго и втораго ярусовъ. Въ репертуарѣ имѣются историческія пьесы и драмы. Много пьесъ балаганнаго характера. Часто дѣло идетъ о борьбѣ за престолъ или объ освобожденіи какой-нибудь принцессой отъ злаго генія, похитившаго ее. Нѣкоторые актеры и актрисы являются въ страшныхъ маскахъ и изображаютъ какихъ-то чудовищъ. Мужчины играютъ мужскія и женскія роли. Костюмы очень богаты. Дѣйствіе слѣдуетъ за дѣйствіемъ непрерывной чередой, и грани ихъ отдѣляются другъ отъ друга только тѣмъ, что на сцену съ обѣихъ сторонъ появляется процессія со знаменами и при встрѣчѣ актеры испускаютъ какіе-то дикіе вопли. Игра актеровъ совсѣмъ не натуральна, много декламации, крикливости и какія-то странныя судороги. Интересно, когда на сценѣ бываютъ танцы, которые отличаются большою плавностію. О граціи, въ европейскомъ вкусѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Что касается оркестра, то это какой-то хаосъ звуковъ тамтама и гонга разныхъ сортовъ; впрочемъ, среди этого безобразнаго шума попадаетъ иногда мелодичная фраза, но, къ сожалѣнію, она утомляетъ васъ частымъ повтореніемъ.

Въ незнакомой мнѣ странѣ меня всегда интересуетъ деревенская жизнь, такъ какъ только тамъ можно узнать весь обиходъ мѣстнаго населенія. Мои кули уже съ разсвѣта ожидали меня съ маленькой колясочкой и, одѣтые налегѣй, на босу ногу, какъ и всѣ аннамиты, быстро вывели меня за городъ. По большой дорогѣ неустанное движеніе

пѣшеходовъ. Можно наблюдать, такъ сказать, приливъ и отливъ поселянъ, несущихъ въ городъ для продажи свои произведенія. Въ городъ идутъ они нагруженные овощами, фруктами, птицей, бамбуками, кирпичомъ, глиняными издѣліями и матеріями. Все это несется или въ корзинахъ на коромыслѣ, или везется въ тачкахъ съ колесомъ изъ цѣлаго куска дерева. Для перевозки тяжестей не увидишь лошадей или рабочаго скота. Все люди и люди. Рабочій скотъ теперь занятъ на поляхъ. Въ одномъ мѣстѣ буйволъ по брюху въ грязи и водѣ растаптываетъ глинистый грунтъ и тащитъ за собою грабли. Въ другомъ— буйволъ или коровенка пахнетъ маленькимъ плугомъ. Немного дальше аннамиты разрыхляютъ почву цапкою. Во многихъ мѣстахъ поселяне пересаживаютъ рисовую рассаду. Работа кипитъ вездѣ. Тутъ разбрасываютъ солому по полямъ, тамъ собираютъ ее въ кучу для топлива. Способы удобрения тѣ же, какъ и въ Китаѣ. Удобрение собираютъ въ резервуары и оттуда въ жидкомъ видѣ поливаютъ почву. Воду поднимаютъ изъ одной полосы въ другую съ помощью бамбуковаго ковша. Изъ города въ деревню идутъ большею частью съ пустыми корзинами, но попадаютъ иногда люди, которые несутъ товары въ деревню.

Но странно одно: деревень не видать. На большой дорогѣ попадаются какіе-то шалаши на тонкихъ жердочкахъ, прикрытые соломой или бамбукомъ. Все это устроено для проѣзжихъ, и въ каждомъ шалаши имѣется рисъ, чай, бетель, простыя глиняныя трубочки, фрукты, рѣдька и т. д. Устройство внутри самое простое. Вмѣсто стола возвышеніе изъ глины квадратной формы, а по бокамъ такія же скамьи изъ глины или камня. Все это прикрыто циновками. Эти ресторанички открыты только днемъ, ночью эти навѣсы безъ оконъ и дверей остаются пустыми, потому что хозяева ихъ идутъ въ свои деревни. Сначала я принялъ эти временныя помѣщенія за настоящую аннамитскую деревню. Недалеко отъ этихъ шалашей были какіе-то лѣса. Но вскорѣ я убѣдился въ томъ, что ошибся. Деревня въ Тонкинѣ устроена на особый ладъ. Она вся густо обсажена деревьями, бамбуками, окружена глубокими рвами, какъ настоящая крѣпость, и войти въ нее дѣло не легкое. Издали вы примете тонкинскую деревню за лѣсъ. Подойдите къ ней вплотную, и не узнаете, гдѣ тутъ войти. Входъ очень искусно замаскированъ вьющимися растеніями, и только свой человѣкъ среди этой чащи деревьевъ отыщетъ маленькую тропинку, которая ведетъ отъ одного дома къ другому. Въ тонкинской деревнѣ нѣтъ ничего похожаго на нашу улицу. Каждый домъ также представляетъ собою нѣчто въ родѣ крѣпости, окруженъ деревьями, рвами, и запутаться среди этого лабиринта домовъ очень легко. Какъ только стемнѣетъ, все населеніе деревни спѣшитъ въ деревню, входить въ одну изъ прогалинъ среди бамбуковъ, и входъ тщательно закрываютъ изгородью, а безопасность деревни поручается

сторожу и собакамъ. Всѣ эти предосторожности устроены потому, что набѣды разбойниковъ здѣсь не рѣдкость, а французы администраторы помочь этому горю не могутъ, такъ какъ войска не хватаетъ, да и разбойничество пустило слишкомъ глубокіе корни въ народѣ.

Желая познакомиться съ обстановкой поселеннаго, я пошелъ въ деревню. Собаки подняли страшный лай, когда я по извилистой тропинкѣ пробирался изъ одного дома въ другой. Дома большею частью изъ глины и покрыты соломой. Обстановка внутри очень бѣдная, что не мудрено при постоянныхъ набѣгахъ грабителей. Въ нѣкоторыхъ домахъ единственная роскошь состояла въ разрисованныхъ ширмахъ. Въ болѣе богатыхъ домахъ посрединѣ комнаты стоитъ широкая четырехугольная кровать, на которой аннамиты спятъ и принимаютъ пищу. Питается онъ рисомъ съ помощью деревянныхъ палочекъ. Пищу онъ принимаетъ лежа на возвышеніи, которое покрыто циновками. Это деревянное возвышеніе ставится перпендикулярно къ маленькой божницѣ, въ которой аннамиты приносятъ жертву своимъ предкамъ. На этомъ деревянномъ возвышеніи помѣщается хозяинъ и почетный гость. Менѣе почетные члены семьи должны довольствоваться скамейкой передъ столомъ. Челядь и остальная семья находятся въ сосѣдней комнатѣ.

Въ религіозномъ отношеніи аннамиты мало чѣмъ отличаются отъ китайцевъ; напримѣръ, у нихъ такой же культъ предковъ. Аннамитка отличается порядкомъ и на ней лежитъ главная забота о семьѣ. Свадебные обычаи не сложны. Послѣ подарковъ жениха родителямъ невесты молодые садятся на циновку и жуютъ совмѣстно бетель.

Пока я рассказывалъ по деревнѣ, меня сопровождали любопытные и немного испуганные аннамиты. Зачѣмъ ему это нужно?—думали они, вѣроятно. Не новые ли поборы? Французское правительство, насколько это возможно, старается охранить населеніе отъ вымогательства мандаривовъ, но это дѣло очень трудное, потому что туземцы еще подчинены своимъ властямъ и только въ крайнемъ случаѣ могутъ обращаться къ защитѣ французскаго резидента.

С і а м ц ы.

(Г. Де-Волана).

Первое, что бросается въ глаза при взглядѣ на сіамца,—это его костюмъ, до крайности простой и легкой. Обыкновенно онъ состоитъ только изъ «сампота»—куска матеріи, опоясаннаго вокругъ бедеръ.

Женщины, кромѣ сампота, еще имѣютъ шарфъ, который накидываютъ на плечи. У мужчинъ вмѣсто этого имѣется бѣлый плащъ, которымъ они вытираютъ потъ, обвязываютъ голову или накидываютъ его на шею. Сіамцы высшихъ классовъ носятъ куртку со стоячимъ воротни-

комъ, и парадныя куртки дѣлаются изъ тяжелой шелковой матеріи и даже изъ индійской парчи. Послѣдній костюмъ въ этомъ климатѣ гораздо практичнѣе и красивѣе, чѣмъ наши мундиры, которые уже приняты сіамскимъ дворомъ.

По типу сіамцы мало отличаются отъ другихъ народностей монгольской расы, но между ними встрѣчаются люди съ правильными чертами кавказскаго типа. По росту и сложенію они очень напоминаютъ японцевъ. Они очень любятъ золотыя украшенія и разные талисманы.

У богатыхъ дома уже на китайскій ладъ, изъ досокъ или изъ кирпича и покрыты черепицей. Домъ богатаго сіамца состоитъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ: одинъ для пріема, другой для женщинъ для рабовъ и для кухни. Мебель въ домѣ отсутствуетъ. Въ сіамскомъ хозяйствѣ имѣются циновки, нѣсколько лавокъ, потому деревянная эстрада выше пола, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ постелью. Къ этому надо прибавить подушки, пологъ, корзины, мѣдную и глиняную посуду—и вотъ все имущество сіамца. У богатыхъ сіамцевъ уже въ ходу рѣзная мебель китайскаго образца, ковры, дорогое оружіе и т. д.

Сіамская кухня отличается отъ китайской тѣмъ, что въ ней преобладаютъ пряности и пикантные соусы. Хлѣба они, подобно китайцамъ, не потребляютъ. Любятъ они и рыбу, достигшую разложенія и опущенную въ рассолъ. Къ этому они прибавляютъ перецъ, мяту, молодые ростки манговыхъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Они очень любятъ соле-

Сіамская дѣвочка.

ныя утинныя яйца, которыя заготавливаютъ впрокъ, прикрывая ихъ мас-
сой золы и соли. Послѣ десяти дней солки яйца могутъ сохраняться
въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Обѣдъ происходитъ на полу на пры-
новкѣ, и сіамцы ѣдятъ съ помощью палочекъ; простолюдины ѣдятъ ру-
ками всё изъ одного блюда. Церемоніалъ обѣда такой же, какъ и въ
Индіи: прежде обѣдаетъ старшій въ домѣ, а затѣмъ домохадцы по
старшинству и по порядку. Обѣдъ проходитъ въ полномъ молчаніи и
кончается очень скоро. Самый употребительный напитокъ—чай, который
вливаютъ въ рисъ. Чай пьется холодный и на китайскій ладъ. Крѣпкимъ
напиткомъ считается рисовая водка. Продажа рисовой водки и опиума
составляетъ монополію правительства и отдается на откупъ китайцамъ.

Сіамцы много курятъ и всё поголовно жуютъ бетель. Зубы у нихъ
отъ этого совоѣмъ черные, но это считается въ Сіамѣ очень красивымъ.
Сіамцы, подобно японцамъ, очень чистоплотны и купаются по нѣсколько
разъ въ день.

Дѣтямъ выбриваютъ волосы на головѣ, оставляя маленькій кружокъ
волосъ. Обыкновенно на этомъ кружкѣ они носятъ кольцо изъ бусъ.
Когда ребенокъ становится взрослымъ, кружокъ этотъ сбивается, и
это большой праздникъ въ сіамскомъ семействѣ. Послѣ этого мальчика
обыкновенно посылаютъ въ ученіе бонзамъ. Юноша проводитъ нѣкото-
рое время въ храмѣ и даже дѣлается иногда бонзой. Китайцы, очень
многочисленные въ Сіамѣ, подчиняются также этому обычаю. Несмотря
на это, сіамцы смотрятъ съ презрѣніемъ на китайцевъ и берутъ съ
нихъ известную подушную подать; но это не мѣшаетъ китайцамъ обдѣ-
лывать свои дѣла и забирать въ руки торговыя операціи страны.
Нельзя также отрицать вліянія китайской культуры на сіамскіе нравы.

Сіамскій народъ называетъ себя «тай», или свободными людьми;
но въ странѣ этихъ «свободныхъ» людей процвѣтаетъ рабство. Проку-
тился, проигрался человекъ и продаетъ себя въ рабство. Рабы дѣнятся
около 60-ти тикаловъ (тикаль—60 коп. на наши деньги).

Сіамскій языкъ, подобно китайскому, принадлежитъ къ семейству
односложныхъ языковъ. Только слова иностраннаго происхожденія мно-
госложны. Китайскій, аннамитскій и сіамскій языки отличаются обиліемъ
удареній, интонацій и принадлежатъ къ глѣвчымъ языкамъ. Если по
обилію интонаціи сіамскій языкъ подходитъ къ китайскому, то по своей
азбуцѣ онъ сходенъ съ языками Индіи. Въ сіамскомъ языкѣ очень много
индусскихъ словъ, и образованные сіамцы обыкновенно знаютъ священ-
ный языкъ индусовъ.

Господствующая въ Сіамѣ религія—буддизмъ. Бонзы называются
еще «пра», т.-е. великіе. Одежда ихъ такая же, какъ и въ Цейлонѣ,
т.-е. желтый плащъ, таковой же самотъ, шарфъ и поясъ.

Лѣвое плечо у нихъ всегда обнажено. Голова бритая и выбретты брови.

Когда кто хочет сдѣлаться буддѣйскимъ монахомъ, то его одѣваютъ, какъ покойника, въ бѣлое и съ музыкой провожаютъ до монастыря. Для приѣма надо быть здоровымъ, достигнуть двадцатилѣтняго возраста, получить согласіе родителей, не имѣть долговъ и быть въ здоровомъ умѣ и твердой памяти.

Многіе дѣлаются монахами только на короткій срокъ. Умирающій долженъ снять съ себя желтую одежду, дабы смертью не осквернить ея.

Въ буддѣйскихъ монастыряхъ есть своя іерархія. Высшее духовенство находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ принца, назначеннаго королемъ, и малѣйшее уклоненіе отъ монастырскихъ правилъ очень строго наказывается. Правиль этихъ безчисленное множество и если исполнять ихъ, то нельзя было бы жить ни одного дня. Буддѣйскій монахъ не можетъ варить риса, потому что въ рисѣ есть жизнь. Чтобы не убить какое-нибудь микроскопическое животное, они должны пить черезъ плотную тряпку. Несмотря на строгость этихъ правилъ, монахъ только три мѣсяца въ году долженъ прожить въ монастырѣ, остальное же время онъ можетъ странствовать, гдѣ ему вздумается.

Многіе изъ монаховъ живутъ подаяніемъ. Приношенія бываютъ очень щедрыя, и монахамъ живется очень недурно. Они пользуются большими привилегіями, не платятъ податей и избавлены отъ всякой барщины. Если рабъ захочетъ быть монахомъ, то господинъ даетъ ему свободу; это показываетъ, какимъ уваженіемъ и авторитетомъ пользуются монахи.

Черезъ южный Сіамъ.

(Г. Де-Воллана).

Чтобы видѣть знаменитыя развалины стариннаго Ангкоръ-Ватскаго храма, находящіяся въ Сіамѣ, въ провинціи Семъ-Рапъ, надо подняться вверхъ по одному изъ рукавовъ Ме-конга, соединяющихъ нижнее теченіе этой громадной рѣки съ большимъ, но довольно мелководнымъ озеромъ; западная половина послѣдняго принадлежитъ Сіаму, а восточная—Камбоджѣ,—небольшому государству, находящемуся въ вассальной зависимости отъ Франціи.

По рѣкѣ и по восточной половинѣ озера мы плыли на пароходѣ, но западная часть его такъ мелка, что приходится продолжать путешествіе въ лодкахъ.

Еще солнце не вставало, когда наша лодка была готова. Мы стали усаживаться.

Надо было помѣститься кое-какъ въ небольшой лодкѣ; кто сѣлъ на ящикъ, кто на кулежъ. Холодно, сыро и темно; плывемъ очень тихо мимо низкаго берега, заросшаго кустарниками. Рыбы въ озерѣ очень

много, и въ известное время здѣсь для рыбной ловли собирается населеніе въ 50 тысячъ душъ. Рыбная ловля отдается правительствомъ на откупъ.

Наконецъ мы вошли въ узенькую рѣчку и съ трудомъ пробрались среди отмелей, кустарниковъ и нависшихъ надъ нами вѣтвей. Въ маленькой деревушкѣ, съ домами на сваяхъ, мы должны были пересѣсть въ крохотныя лодки, имѣющія форму нашей душегубки, только съ крышей; благодаря этой крышѣ, просто не знаешь, какъ устроиться. Захочешь сѣсть—стукнешься о навѣсъ, а лежать тоже неудобно: не знаешь, куда дѣвать ноги.

Наше прибытіе всполошило все молодое поколѣніе деревни, столпившееся на берегу. Большинство отличается отсутствіемъ костюма; особенно бросаются въ глаза дѣти съ безобразно большими животами.

Воды мѣстами такъ мало, что лодочки влѣзаютъ въ воду и подтапливаютъ лодки. Мѣста ровныя; бываетъ и такъ, что ширина рѣки въ одну сажень, а въ другихъ и того меньше, и лодочки маневрируютъ съ большимъ искусствомъ, чтобы не запутаться въ заросляхъ и кустарникахъ.

Вотъ черезъ рѣку переходитъ цѣлый транспортъ въ воловьихъ возкахъ. Это какой-то богатый бирманскій купецъ, торгующій самоцвѣтными камнями.

Единственное развлеченіе доставляютъ намъ птицы всѣхъ родовъ—пеликаны, цапли, утки и т. д. Откуда только онѣ берутся, такое ихъ множество. Въ иныхъ мѣстахъ все бѣло, точно послѣ выпавшаго снѣга. При видѣ нашихъ лодокъ онѣ даже не трогаются и нехотя уступаютъ намъ свое мѣсто.

Часа черезъ четыре мы добрались до другой деревни, которая уже тянется вдоль по берегу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вплоть до самаго города Семъ-Рапа. Всѣ дома своими фасадами выходятъ къ рѣкѣ. Каждый домъ окруженъ садомъ, огородомъ и полями. Отойдите подальше отъ рѣки—и тамъ уже начинаются непроходимыя джунгли. На каждомъ шагѣ попадаются водоподъемныя колеса для орошенія полей. Устройство этихъ колесъ очень простое: они снабжены бамбуковыми трубами, воспринимающими воду и выливающими ее въ длинный желобъ. Колесо приводится въ движеніе рѣкой, и для этого рѣка перегораживается съ двухъ сторонъ плетнемъ; остаются такимъ образомъ очень узкія ворота, въ которыя не всегда удобно попасть. Какъ ни старается нашъ лодочникъ попасть въ ворота, но достаточно одного мгновенія, и лодка, унесенная теченіемъ, натывается на плетень и тѣмъ же теченіемъ уносится обратно. И это удовольствіе на каждомъ шагѣ, потому что каждому нужна вода для орошенія полей и огородовъ.

Иногда по дорогѣ, среди убогихъ построекъ на сваяхъ, попадаются

дома богачей, пагоды, украшенные башенками, обширные сады со стройными пальмами, подъ тѣнью которыхъ гуляютъ бонзы въ желтыхъ тогахъ.

Наконецъ мы добрались до резиденціи губернатора.

Я не хотѣлъ повѣрить сначала, что это домъ губернатора; это какая-то полуразрушенная изба на сваяхъ и подъ соломенной крышей. Полъ изъ плетеноекъ, какъ у всякаго зауряднаго крестьянина, и вмѣсто лѣстницы какія-то тоненькія, кругленькія палочки, по которымъ еще не такъ скоро выучишься ходить. Туземцамъ съ босыми ногами еще ничего, а намъ въ башмакахъ еще надо привыкнуть къ такой гимнастикѣ.

Губернаторъ оказался очень непредставительнымъ. Костюмъ его состоялъ изъ грязной бѣлой куртки съ металлическими пуговицами и изъ сампота ¹⁾. Ноги грязныя и босыя.

Намъ подали стулья, которые на зыбкой плетенкѣ оказались очень неудобными и неустойчивыми. Послѣ передачи письма отъ резидента я подарилъ губернатору нѣсколько бутылокъ вина, ликеровъ, и мой переводчикъ далъ ему наставленіе, какъ откупоривать бутылку шампанскаго. Губернаторъ тоже не остался въ долгу и угостилъ меня молокомъ кокосоваго орѣха—очень прохладительнымъ напиткомъ при здѣшней жарѣ. Одинъ изъ мандариновъ на колѣняхъ прочелъ губернатору письмо резидента, другой подавалъ ему бетель, а третій писалъ что-то подъ его диктовку. Я не могъ безъ отвращенія смотрѣть на губернатора, жующаго съ наслажденіемъ бетель и выплевывающаго кроваво-красную жидкость въ сосудъ, подносимый однимъ изъ мандариновъ.

Съ самаго перваго шага въ Сіамъ уже начались затрудненія всякаго рода. И ѣхать-то нельзя сейчасъ,—нѣтъ повозокъ, людей тоже нѣтъ, да и маршрутъ надо измѣнить, и все въ этомъ родѣ. Надо было запастись прежде всего терпѣніемъ. Начались длинныя разговоры; оказалось, что о Европѣ и Россіи губернаторъ имѣлъ очень смутное понятіе и воображалъ, что въ Россіи живутъ какіе-то великаны.

Простившись съ губернаторомъ, мы отправились въ отведенное намъ «сала». Тамъ называется навѣсъ на сваяхъ, открытый съ трехъ сторонъ. Четвертая сторона забрана очень примитивно тонкими прутьями.

Прощаясь, губернаторъ обѣщалъ приготовить повозки для насъ и для вещей черезъ полчаса, но проходитъ часъ, другой, а повозокъ все нѣтъ. Ужъ ночь спустилась надъ деревней, кое-гдѣ вспыхиваютъ огоньки, слышны какіе-то крики, а мы все ждемъ.

Взошла луна, и все сразу переибыло: исчезла грязь, развалившіеся дома и все подернулось легкимъ флеромъ. Деревушка, утопающая въ мягкомъ сіяніи луны, красныя пальмы, рѣка, отливающая серебромъ,—все такъ и просится на полотно.

¹⁾ Кусокъ матеріи, опоясанный вокругъ бедеръ.

Но вот началась запряжка, нагрузка.

Для вещей были приготовлены тяжелыя арбы, въ которыя запряжены были буйволы. Для меня и моего переводчика были заготовлены легкя двухколески, на которыхъ надо было сидѣть, скрестивъ ноги, по-турецки. Удивила меня всего больше упряжка: вожжи проведены черезъ ноздри бычковъ, очень маленькихъ, но чрезвычайно прыткихъ. Эти бычки тренируются для скачекъ, и какъ только мы сѣли, они понесли насъ съ мѣста въ карьеръ. Мимо насъ промелькнули укрепленный замокъ Семъ-Рапъ, весь окутанный тропическою растительностью, полуразрушенные бастионы и башни. Затѣмъ исчезла деревня, и мы погрузились въ дебри тропическаго лѣса. И чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и темнѣе становился лѣсъ. Только изрѣдка среди величавыхъ пальмъ выглядываетъ луна, и на сердцѣ станетъ какъ-то легче. Но это не надолго, опять крошечная тѣма и какъ-то жутко на душѣ. Остальныя повозки остались далеко позади, и мы одни, т.-е. я и мандаринъ, ѣдущій со мной, окруженные облаками пыли, бѣшено скачемъ по тропическому лѣсу, не обращая вниманія на громадные пни, колдобины, вѣтви и сучья, которые загоразживаютъ дорогу. Мандаринъ гибнетъ какъ-то особенно, и бычки несутся, точно за ними гонится цѣлый звѣринецъ.

Вдругъ луна освѣтила какого-то громаднаго звѣря, готоваго броситься на насъ. Къ счастью, это только каменный левъ, стоящій на стражѣ Анкгоръ-Вата.

Мой мандаринъ слѣзъ, и наша двухколеска загромыкала по каменнымъ ступенямъ лѣстницы.

Вотъ и знаменитое шоссе, приподнятое надъ окружающею мѣстностью на цѣлую сажень. Это широкое шоссе, выложенное крупными каменными плитами; а съ боковъ, тоже изъ цѣльнаго камня, сдѣлана стѣна, украшенная на всемъ протяженіи барельефами и изваяніями. Когда-то это шоссе тянулось на десятки миль, но теперь все заглохло въ могучихъ объѣмахъ тропической растительности. Въ здѣшнемъ климатѣ любое громадное зданіе изъ самаго прочнаго матеріала, изъ саженныхъ камней, въ нѣсколько лѣтъ, безъ ремонта, обращается въ груды развалинъ. Въ первый годъ по камню ползутъ разныя вьющіяся растенія; немного позднѣе вырастетъ маленький кустарникъ, деревцо, которое корнями своими раздвигаетъ понемногу камни; еще нѣсколько лѣтъ, и постройку не узнаешь: своды провалились, и вмѣсто красивой башни передъ вами какой-то непонятный хаосъ. Проходя мимо бышихъ построекъ, вы и не догадаетесь, что тутъ похоронены усилія многихъ поколѣній, что въ этой непроницаемой сѣткѣ лианъ подъ тонкимъ слоемъ земли хранятся изваянія, барельефы и памятники давно погибшей цивилизаціи.

Какое-то трепетное чувство овладѣло мною, когда я въ первый разъ

при лунном свѣтѣ увидѣлъ красивые портики, колоннады и пирамиды Ангкорь-Ватскаго храма. Я сознавалъ, что передо мной великое созданіе человѣческаго гения, въ родѣ Партегона, Баальбека, Луксора или Мадурѣ. И рядомъ съ этими чудными памятниками зодчества какіе-то жалкіе соломенные шалаши, обитаемые бонзами, которыхъ насчитывается до пятидесяти человѣкъ.

Развалины были совсѣмъ близко, видны были контуры величественныхъ зданій, но все это пришлось позабыть и позаботиться о ночлегѣ. Хорошо еще, что для ночлега оказался шалашь, открытый со всѣхъ сторонъ. Цѣлый часъ, а можетъ быть и больше, пришлось въ темнотѣ прождать остальной транспортъ. А тамъ начали разводить огонь, варить рисъ, раскладывать тюфяки и распаковывать вещи. Люди суетились, хлопотали; собаки, разбуженныя необычайнымъ шумомъ, лаяли безъ умолку. Наконецъ все стихло и погрузилось въ сонъ.

Утромъ я съ нетерпѣніемъ ожидалъ осмотра великолѣпнаго зданія. Своими размѣрами храмъ въ Ангкорь-Ватѣ превосходитъ значительно Карнакскій храмъ въ Египтѣ. Сначала идетъ эспланада, окруженная громадными драконами о девяти головахъ, потомъ искусственный прудъ съ набережной; мостъ черезъ этотъ прудъ ведетъ къ красивой галлерей съ колоннами. Въ срединѣ этой колоннады три башни для входа и такія же башни у концовъ галлерей.

Пройдемъ еще мостъ въ тридцать сажень, и передъ нами, на фонѣ яркой зелени бамбуковъ, кокосовыхъ пальмъ, вдругъ вырастаетъ сѣрватая исполинская, пирамидальная масса Ангкорь-Ватскаго храма. Это не одно зданіе, а цѣлое собраніе колоннадъ, гопуррамовъ ¹⁾, построенныхъ по одному гармоническому плану. Все это расположено террасами въ три яруса. Сначала четырехугольникомъ идетъ колоннада въ 340 сажень (85 сажень съ каждой стороны) съ портиками по срединѣ и по бокамъ. Внутри ея вторая колоннада, съ четырьмя гопуррамами на концахъ, уже меньшихъ размѣровъ. Дальше внутрь, за ней, высокая лѣстница ведетъ къ третьей галлерей съ такими же башнями, а въ самомъ центрѣ возвышается высочайшій гопуррамъ.

Всѣ эти колоннады обработаны до малѣйшихъ подробностей. Стѣны, колонны, портики дверей, цоколи и своды—все снизу до самаго верха украшено барельефами. Это большею частью битвы, процессіи и сцены изъ Рамаяны. Нѣкоторыя фигуры отъ прикосновенія многочисленныхъ посѣтителей отполировались точно мраморъ. На другихъ изваяніяхъ видны слѣды красокъ и позолоты.

Все сооруженіе изъ цѣльнаго и массивнаго камня. Особенно искусно сдѣланы своды изъ подковообразныхъ камней. Крыша тоже каменная,

¹⁾ Башни, украшенныя барельефами.

съ красивыми рѣзными выступами. Чего тутъ только нѣтъ! Гирлянды цвѣтовъ, жемчугъ, арабески съ маленькими фигурками и тысячи мелочей, превращающихъ камень въ настоящее кружево. Выработка деталей составляетъ нѣчто изумительное. Грандіозные гопуррамы въ восемь этажей украшены сверху донизу статуями.

Проходя по одной изъ галлерей, мы уже издали слышали какое-то жужжаніе. Проходимъ ближе, и оказывается, что надо сдѣлать обходъ: вся пирамида занята безчисленнымъ множествомъ летучихъ мышей.

Пройдя первую колоннаду, мы вышли въ большой дворъ; отсюда четырнадцать лѣстницъ ведутъ на вторую террасу. Изъ главнаго выхода второй террасы и колоннады мы попали на дворъ меньшихъ размѣровъ, и передъ нами выросли лѣстницы, по три съ каждой стороны. Сто четыре льва расположены по бокамъ лѣстницъ. Подняться по этимъ лѣстницамъ дѣло не очень легкое, если принять въ соображеніе, что ступени эти вышней въ цѣлый аршинъ. Отъ времени ступени поразрушились, и рискуешь каждую минуту сломать себѣ шею... Съ самой верхней галлерей открывается грандіозный видъ на всѣ эти колоннады, на искусственные пруды, мосты, обширный паркъ и безконечный тропическій лѣсъ.

Въ самой срединѣ возвышается пирамидальная башня въ формѣ митры, украшенная статуями боговъ и звѣрей. Высота этой башни 32 сажени ¹⁾. Въ срединѣ ея маленькая пустая комната; это—святѣлище. Въ одной изъ башенъ собраны статуи Будды и другихъ индусскихъ боговъ. Отсутствие жилыхъ комнатъ показываетъ ясно, что это было не жилище царей, а колоссальный храмъ.

Грандіозные размѣры, безконечныя колоннады, роскошь и великолѣпіе аксессуаровъ, позолота—все это должно было дѣйствовать подавляющимъ образомъ на воображеніе паломниковъ. Да и теперь туземцы, глядя на Ангкор-Вать, говорятъ, что это построили не люди ²⁾, а боги.

Послѣ осмотра храма надо было поневолѣ сидѣть дома, то-есть въ шалашѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ, сидѣть на полу и заботиться о разныхъ мелочахъ. Прежде всего приходится думать о водѣ, которую надо пропустить черезъ фильтръ и потомъ вскипятить. Кокосовыхъ орѣховъ много, и лучшаго прохладительнаго напитка выдумать нельзя. Съ большимъ трудомъ добыли мы свѣжей рыбы и огурцовъ. Вотъ и весь завтракъ. Съ нашимъ китайцемъ-поваромъ все время происходятъ разныя приключенія: то онъ поборанится съ кѣмъ-нибудь, то вдругъ провалится въ полу по поясъ, такъ что его съ трудомъ вытаскишь. Какъ

¹⁾ То-есть почти столько же, сколько колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ.

²⁾ Ангкор-Ватскій храмъ выстроенъ исчезающею народностью—хмерами, которымъ принадлежала раньше Камбоджа.

уже сказано, полъ здѣсь сдѣланъ изъ тонкихъ прутниковъ, сплетенныхъ вмѣстѣ. Отъ времени прутки сохнутъ, теряютъ свою эластичность и расходятся. Вещи, если вы не остережетесь, такъ и проваливаются. Да и самъ бросаешь все нужное внизъ, а тамъ цѣлая стая голодныхъ псовъ, которые ждутъ подачки.

Приходили къ намъ бонзы; всѣ они такіе жалкіе, голодные и пришибленные. Контрастъ слишкомъ рѣзокъ между ихъ жалкими шалашами, ихъ жизнью впроголодь и монументальными дворцами всемогущаго Брами.

Все утро, пока я вставалъ, и позднѣе цѣлый день слышались заунывные молитвы бонзъ, прерываемыя звуками тамъ-тама. Лишь къ полудню успокаиваются бонзы, и все окружающее повергается въ сонъ. Только куры и пѣтухи не могутъ успокоиться и поютъ во все горло. Днем жарко, а ночью въ шалашѣ очень и очень свѣжо, такъ что приходится запасаться нѣсколькими одѣялами.

Осмотрѣвши основательно Анкоръ-Ватскій храмъ, мы возвратились въ Семъ-Рапъ. Отсюда нашъ путь лежалъ на городъ Батамбагъ и дальше черезъ весь южный Сіамъ.

Виѣхали мы опять въ лодкахъ. Предупрежденный о моемъ приѣздѣ, батамбангскій губернаторъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ навстрѣчу маленькой катеръ и цѣлую толпу бесполезныхъ людей. Вмѣсто того, чтобы приготовить все, они, конечно, смѣялись, балагурили, а когда мы подѣхали, то надо было еще нѣсколько часовъ разводиться пары.

Берега рѣки низменные. Навстрѣчу намъ попадаютъ очень часто джонки и лодки. Вдоль рѣки непрерывное поселеніе, которое тянется въ теченіе четырехъ часовъ. Дома здѣсь какъ будто выше и богаче, хотя постройки такого же характера, какъ и раньше, на высокихъ сваяхъ.

Рыбы много, она такъ и прыгаетъ изъ воды. Мальчишки, составивши кругъ, плещутся въ водѣ и гоняютъ всю рыбу къ человѣку, стоящему у берега съ сѣтчатымъ рѣшетомъ.

Изъ рѣки то и дѣло торчатъ головы буйволовъ, которые въ жаркое время дня по цѣлымъ часамъ пребываютъ въ водѣ. При видѣ лодки они бросаются въ сторону.

Въ 2 часа дня мы подошли къ Батамбангу; это довольно хорошенкій городокъ, расположенный на берегу рѣки. Въ обыкновенное время населенія около 25 тысячъ, но во время рыбной ловли число это значительно увеличивается.

Для меня было приготовлено помѣщеніе, открытое со всѣхъ сторонъ и выходящее прямо на улицу. Тутъ была поставлена кровать, диванъ съ твердою спинкой изъ дерева съ инкрустаціей и съ мраморнымъ сидѣньемъ (продуктъ самаго утонченнаго китайскаго вкуса). Собственникомъ этого помѣщенія оказался богатый китаецъ, держащій на откупъ опиумъ, азартныя игры и спиртные напитки.

Оставаться въ такомъ помѣщеніи было почти немислимо. Толпа туземцевъ, обрадовавшись даровому зрѣлищу, обступила этотъ красивый павильонъ, и избавиться отъ назойливости любопытныхъ нѣтъ никакой возможности. Поэтому вскорѣ по прибытіи отправился съ визитомъ къ мѣстному губернатору.

У воротъ крѣпости босоногая гвардія батабангскаго губернатора отдала намъ честь, и мы вѣхали съ большимъ шикомъ въ обширный дворъ. Губернаторъ встрѣтилъ меня у подъѣзда своего дома въ мундирѣ со звѣздой. По всему видно, что онъ получилъ болѣе утонченное воспитаніе, чѣмъ его семь-рапскій сосѣдь.

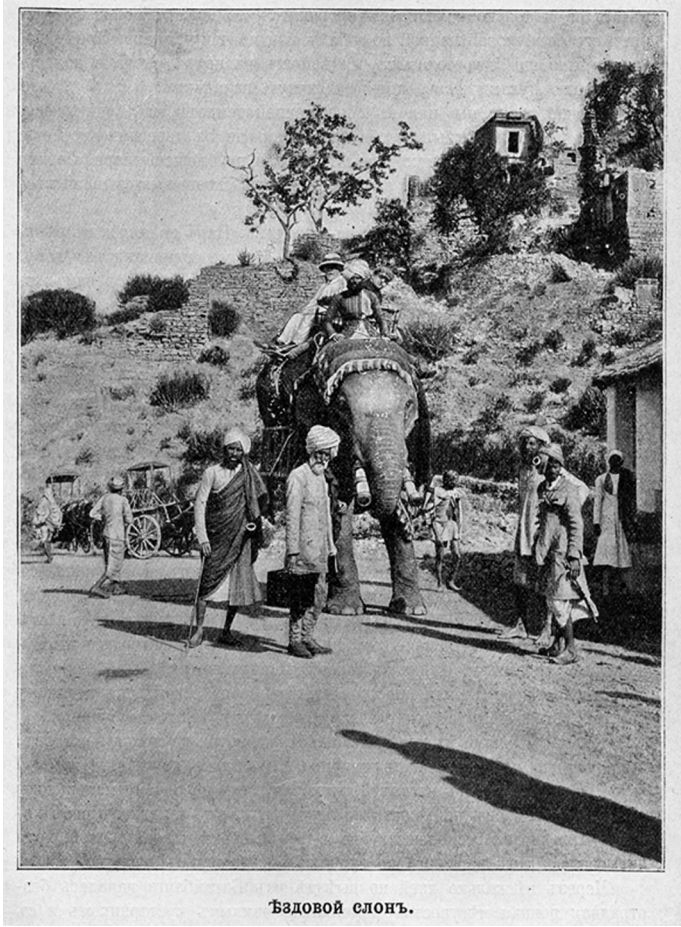
Да и помѣщеніе его гораздо роскошнѣе. Открытая зала съ колоннами довольно большихъ размѣровъ и построена на европейскій ладъ, съ хорошимъ поломъ. Необходимыя певательница и сосудъ для бетела золотые, довольно тонкой работы.

Губернатору и мнѣ были поставлены стулья на особомъ возвышеніи. Остальные сидѣли полукругомъ на полу и почтительно внимали словамъ своего повелителя. Поблагодаривъ его за любезный пріемъ, я поднесъ ему свои подарки. Затѣмъ, наговоривъ другъ другу кучу любезностей, мы расстались. Я вернулся къ себѣ и началъ разбирать свои вещи.

Но только что я началъ устраниваться, какъ каждую минуту являлся гонецъ отъ губернатора; сначала одинъ принесъ на серебряномъ подносѣ сіамскія сласти (однѣ въ родѣ нашей нуги, другія похожи на желе); потомъ каждый часъ приносили что-нибудь: то стулъ, то лампу, то скатерть на столъ или диванъ.

Въ концѣ-концовъ губернаторъ простеръ свою любезность до того, что предложилъ мнѣ совершить путь черезъ всю свою провинцію на слонахъ. Я, разумѣется, согласился. Рѣшено было, что вмѣстѣ со мной поѣдетъ губернаторъ сосѣдней провинціи.

Еще солнце не вставало, какъ насъ уже ждали слоны для поѣздки. Громадныя животныя въ сумракѣ ночи казались особенно внушительными. Взбираться на слоновъ довольно трудно. Два человѣка подставляють вамъ подъ ноги доску или палку и на такой палкѣ поднимають васъ на высоту. Нужны нѣкоторая ловкость и умѣніе, чтобъ ухватиться за цѣпочку, которая поддерживаетъ паланкинъ, и, поднявшись на рукахъ, встать на широкій затылокъ животнаго. Мой слонъ съ большими бѣлыми бивнями оказался очень сердитымъ. Но его выбрали для меня за его спокойную поступь. Сидѣнье устроено довольно удобно. Это небольшое диванчикъ съ элегантною крышей. Диванчикъ этотъ приходится поперекъ спины слона. Хотите сидѣть спокойно, то сядьте на середину и свѣсьте ноги на спину слона, или сидите на турецкій манеръ, но тоже въ серединѣ. Можно и лечь, но тогда вамъ туловище, подобно маятнику, будетъ колехаться сверху внизъ. Вожакъ сидитъ верхомъ почти на

Бздовой слонъ.

головѣ слона и упирается ногами въ веревочныя стремена. По временамъ онъ толкаетъ голою ногой длинныя уши слона. Въ здѣшнихъ мѣстахъ со слонами обращаются гораздо мягче, не гвоздятъ ихъ по головѣ, какъ въ Индіи, а только если слонъ провинится, то вожакъ попросту ударить его бамбуковой палкой по ушамъ или по чему попало. Кромѣ вожака, было еще два человѣка, сидѣвшихъ на крупѣ слона и поддерживавшихъ руками цѣпь, прикрепляющую паланкинъ.

Первое время мы шли въ совершенной темнотѣ, и я удивляюсь, какъ эти умныя животныя не сбились съ дороги. Въ деревьяхъ все еще спали, только ранніе пѣтухи приветствовали приближеніе зари. Собаки издали поднимали страшный лай, но при видѣ слоновъ поджимали хвосты и убѣгали.

Чѣмъ ближе къ разсвѣту, тѣмъ холоднѣй. Паръ поднялся съ рѣки, которая лентой вьется вдоль самой дороги. Мы все поднимались въ гору. Въ одной деревнѣ староста съ колѣнопреклоненіемъ поднесъ намъ кокосовыя орѣхи. Въ одну минуту кокосъ былъ очищенъ и разрубленъ пополамъ. Въ свѣжемъ видѣ кокосовое молоко, дѣйствительно, вкусно и напоминаетъ оршадь. Мы проѣхали еще нѣсколько деревень, въ которыхъ занимались вѣяніемъ и молотъбой.

Впереди шелъ мой слонъ, потомъ слонъ губернатора, а затѣмъ остальные. Шестіе красивое и внушительное; при нашемъ приближеніи поселяне или бросались ницѣ, или прятались въ чащу деревьевъ, или по знаку губернатора на коуѣняхъ подносили намъ что-нибудь. Мой слонъ понималъ каждое слово вожака, и когда мы входили въ лѣсную чащу, слонъ очень предупредительно хоботомъ обламывалъ вѣтки и даже вырывалъ маленькія деревья. Но, съ другой стороны, при видѣ сахарнаго тростника онъ непремѣнно остановится, возьметъ его и начинаетъ лакомиться. Для своего вожака, когда тотъ взлѣзалъ къ нему на шею, слонъ очень граціозно подгибалъ свою ножку, дѣлалъ изъ нея нѣчто въ родѣ приступки. Во время жары слонъ дѣлается нетерпѣливымъ и начинаетъ сердиться. Найдя по дорогѣ длинную вѣтку, онъ обмахивалъ себя точно вѣеромъ, или просто обсыпалъ себя пескомъ, къ великому неудовольствію вожака, который награждалъ его за это бамбучиной.

Когда мы вошли въ рѣку, то слоны, несмотря на крики вожаковъ, безцеремонно окачивали насъ импровизированнымъ дождемъ.

Что слоны любятъ чистоту, я это замѣтилъ по одному маленькому факту. Когда слонъ проходилъ по одной балкѣ, то запачкалъ себѣ хоботъ. При первой возможности онъ вытеръ хоботъ мягкой травой, хотя и вьзалъ этимъ дерзкимъ поступкомъ новый окрикъ вожака.

Черезъ нѣсколько дней по выгздѣ изъ Батамбанга началась безотрадная ровная мѣстность съ мелкимъ, чахлымъ еустарникомъ и съ высокой травой. Нѣкоторыя мѣста выжжены подъ поствѣвъ, близости

котораго туземцы производят молотью волами. Но, странное дѣло! селеній нѣтъ,—видно, что поселяне приходятъ сюда только для работы. Вечеромъ эта равнина съ пожелтѣвшей высокой травой напоминала мнѣ нашу новороссійскую степь.

Когда смерклось, слоны остановились у рѣки. Начали развьючивать слоновъ; мы ночуемъ въ открытомъ полѣ. Люди стали разводить костры, готовить себѣ кушанье и, спутавъ слоновъ и буйволовъ, пустили ихъ въ степь. Повозки были поставлены полукругомъ, а за ними развели костры. Для ночлега я выбралъ себѣ сямскую крытую двухколеску. Положивъ туда матрацъ и завѣсивъ выходъ пледомъ, я устроился въ этой импровизованной комнатѣ. Проснулись мы рано утромъ.

Весь день тянулась та же безотрадная степь. Огненное небо, желтая высокая трава, такая высокая, что въ ней безслѣдно исчезаетъ слонъ вмѣстѣ съ паланкиномъ. Кругомъ ни одного селенія. Только выжженная трава въ нѣсколькихъ мѣстахъ доказываетъ присутствіе чело-вѣка. Иногда, и то очень рѣдко, мы встрѣчаемъ людей, но они имѣютъ какой-то жалкій, испуганный видъ.

Съ разсвѣта поднимается нашъ лагерь, туземцы умываются, но не принимаютъ пищи. Это дѣлается только на привалѣ въ 10 часовъ. Съ 10 до 3 часовъ всё отдыхаютъ. Затѣмъ отправляются въ путь до вечера. Вечеромъ, прибывши на бивуакъ, всё ужинаютъ.

Ужинъ у туземцевъ на китайскій ладъ: все тотъ же рисъ съ разными приправами. Кушанья подаются въ маленькихъ чашечкахъ. Сначала подадутъ весь обѣдъ старшему (губернатору), и когда онъ кончитъ, то начинаютъ ѣсть другіе, но соблюдая при этомъ по старшинству извѣстную очередь. Европейское вино и даже чай, приготовленный на русскій манеръ, очень нравятся туземцамъ.

Черезъ нѣсколько дней мы прибыли на границу батамбангской территоріи. Здѣсь пришлось распроститься со слонами и пересѣсть въ буйволовыя повозки. Губернаторъ угѣшилъ меня, что въ повозкахъ будетъ гораздо покойнѣе. Оно можетъ быть покойнѣе по хорошей дорогѣ, а при здѣшнихъ дорогахъ тряска ужасная, и васъ каждую минуту бросаетъ изъ стороны въ сторону.

Рѣка раздѣляетъ тутъ двѣ провинціи и, какъ бываетъ всегда, по рѣкѣ группируется населеніе. Тутъ я простился съ моимъ спутникомъ, губернаторомъ, и переправился на другой берегъ. Явился чиновникъ отъ мѣстнаго губернатора и объяснилъ намъ, что губернатору 72 года и что онъ страдаетъ лихорадкой. Я обѣщалъ ему лѣкарство, прося указать мнѣ ночлегъ и прислать людей для переноски вещей. Посланный исчезъ, а мы все ждемъ на берегу. Подходили, правда, къ вещамъ разные люди, подойдутъ, потрогають ихъ, постараются ихъ поднять, убѣдятся, что тяжело, и уходятъ. А мы все стоимъ. Наконецъ я рѣ-

шаюсь на героическое средство : оставляю китайца при вещахъ, беру переводчика, который несетъ бутылку вина подъ мышкой, и мы отправляемся отыскивать губернатора.

Входимъ въ селеніе ; жители въ страхѣ разбѣгаются ; наконецъ добираемся до избытки на курьихъ ножкахъ. Это губернаторское палаццо. Самъ губернаторъ дѣйствительно дряхлый старикъ, въ райскомъ костюмѣ, съ тонкими чертами лица.

Знакомимся и я подношу ему хины и вина. Онъ въ восторгѣ, и хочеть приютить меня въ своемъ палаццо. Приближенные совѣтуютъ губернатору лучше приготовить для насъ «сала» на большой дорогѣ. Отправляемся туда усталые и голодные.

Послѣ долгаго ожиданія являються, наконецъ, вещи ; я расплачиваюсь щедро. Туземцы удивлены, и самые храбрые изъ нихъ рѣшаются принести курицу (сіамцы, какъ ревностные буддисты, никогда не рѣшаются рѣзать куръ, которыя по этой причинѣ совсѣмъ дикія. Продають они куръ весьма неохотно, зная, что европейцы употребляютъ куръ въ пищу). И за курицу платять. Тогда они набираются смѣлости и приносятъ еще одну. Съ грѣхомъ пополамъ устраиваемъ ночлегъ. Но это еще не все ; надо еще позаботиться о томъ, чтобы съ вечера были повозки. Новые переговоры, подарки губернатору,—и повозки приводятъ.

На другой день та же безотрадная картина. Степь,—и ни души кругомъ ; хорошо еще, что на извѣстномъ разстояніи въ степи поставлены сала. Эти сала снабжены маленькимъ бельведеромъ, съ котораго можно садиться на слона.

Провизію каждый везеть съ собою, но воды нѣтъ ; есть какія-то лужи, въ которыхъ кипать пивки (мѣсяцъ спустя и этой воды не будетъ). Я приказывалъ своимъ людямъ яе пить этой воды, но они не слушаются. Сготовить китаецъ рисъ, но какъ ни говоришь ему, что салфетку, которой вытирають посуду, не надо класть себѣ на голову, онъ все дѣлаеть по-своему.

Единственнымъ наслажденіемъ является выпить стаканъ чаю, но и это не всегда удается. Послѣ долгаго ожиданія стаканъ чаю налицо, но полъ состоитъ изъ тонкихъ прутиковъ и ходуномъ ходитъ подъ ногами : малѣйшее неосторожное движеніе—чашка перевортывается, и вамъ приходится проститься съ чаемъ.

Отправляемся мы въ путь еще далеко до зари, часа въ два или три ночи, холодомъ ; къ девяти часамъ дѣлаемъ привалъ до трехъ часовъ и потомъ опять въ путь до темноты. Ради предосторожности зажигаемъ кругомъ сала костры, но къ утру люди засыпають и костры потухають.

Наконецъ-то начались лѣса и болота ; однако, несмотря на это, пыль такая, что черезъ четверть часа человѣка узнать нельзя. Лѣсъ становится все гуще и гуще. Есть мѣста, гдѣ не видишь солнца. Богатство

растительнаго царства необычайное. Пальмы попадаются только въ маленькомъ видѣ, преобладаютъ лиственные породы; и попрежнему ни одного селенія, ни единой души кругомъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней странствія мы добрались наконецъ до болѣе цивилизованныхъ мѣстъ. Въ Пакнамѣ, гдѣ я просидѣлъ нѣсколько часовъ на европейской телеграфной станціи, мы должны были опять пересѣсть на лодки, и можно было отдохнуть отъ пыли и тряски.

Въ лодкѣ я отдыхаю, любуюсь берегами, на которые иногда выплываютъ крокодилы. Между ними попадаются очень большіе; очевидно, купанье въ рѣкѣ не совсѣмъ безопасно.

Ночь яркая, звѣздная, и лодка тихо плыветъ вдоль безмолвныхъ береговъ. По временамъ слышится аккордъ струннаго инструмента. Мнѣ объяснили, что это рыба, мѣстное названіе которой означаетъ «собачій языкъ». Она прилипаетъ обыкновенно внизу подъ лодкой.

Когда стемнѣло совсѣмъ и явилась опасность наскочить на толстыя бревна, плывущія по рѣкѣ, мы бросили якорь.

Послѣ тридцати часовъ плаванія мы добрались до Питима. Въ поселеніи не больше ста жителей, въ томъ числѣ много китайцевъ; здѣсь уже была получена насчетъ меня телеграмма изъ Банкока, и все начальство старалось быть очень любезнымъ; любезность выразилась въ томъ, что они стояли надъ душой и не покидали меня ни на одну минуту.

Гуляя по городу, часто слышишь звонъ цѣпей. Это все люди, осужденные за разные проступки и преступленія. Они свободно гуляютъ по городу и даже просятъ милостыню. Обыкновенно они ходятъ парами, и цѣпь прикрѣплена къ шеѣ и къ ногамъ.

Сала, въ которой я устроился, находится напротивъ зданія суда, и я, сидя у себя дома, могъ наблюдать, какъ вице-губернаторъ творитъ судъ и расправу надъ мѣстнымъ населеніемъ. Судъ сидѣлъ на особомъ возвышеніи. Ниже секретари въ согбенныхъ до земли позахъ. Около нихъ группировалась большая толпа. Тутъ же фигурировалъ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, предметъ тяжбы—рабочій скотъ одного изъ тяжущихся.

Во время судбища мимо меня прошла большая процессія. Бонзы съ бѣлыми зонтиками и съ какимъ-то ящикомъ въ рукахъ шли на поклоненіе слѣду отъ ноги Будды. Къ вечеру бонзы остановились въ полѣ въ виду священной горы, и каждый изъ нихъ нарылся бѣлымъ зонтикомъ. Зрѣлище получалось оригинальное.

Вечеромъ во многихъ мѣстахъ зажеглись огни, и вся мѣстность была точно объята заревомъ пожара. Оказалось, что это молотба, но и вмѣстѣ съ этимъ мѣстное празднество. Во время работы собираются парни и молодцы; веселый смѣхъ и радостные крики оглашаютъ воздухъ, и въ это время парни выбираютъ себѣ невѣсть.

Отсюда я могъ уже ѣхать на пароходъ. Пароходъ попался маленький, сѣверный и грязный, но выигрышь времени громадный. Берега рѣки низменные, густо обсаженные кокосовыми пальмами, среди которыхъ тамъ и сямъ мелькають убогія лачуги и пагоды.

Контрастъ между богатою и ярко растительностью и жалкимъ жилищемъ человѣка поразительный. Въ лѣсахъ, какъ говорятъ, водятся дикіе слоны, тигры, носороги и медвѣди. Видно много рѣчныхъ птицъ, пеликановъ, чаекъ и т. д., которыя не стѣсняются присутствіемъ человѣка. Павлины тоже не рѣдкость. Крокодиловъ особенно много въ этихъ мѣстахъ. То и дѣло слышишь крики: «смотрите, какой большой выгѣзъ! а вотъ и другой!»

Въ числѣ пассажировъ много бонзъ и на каждой станціи ихъ все прибываетъ.

Послѣ десяти часовъ плаванія пароходъ пришелъ въ городъ Патрію, замѣчательный большимъ заводомъ для очистки риса и для выдѣлки сахара изъ сахарнаго тростника. Городъ этотъ обладаетъ населеніемъ въ 10.000 ч. Асфальтовая набережная, электрическое освѣщеніе, конка, громадные желѣзные амбары, всѣ новѣйшія приспособленія и машины—все это такъ не похоже на Сіамъ, на ту дикую страну, черезъ которую я только что проѣхалъ.

Въ тотъ же день, въ часъ ночи, мы вышли наконецъ въ море.

Банкокъ.

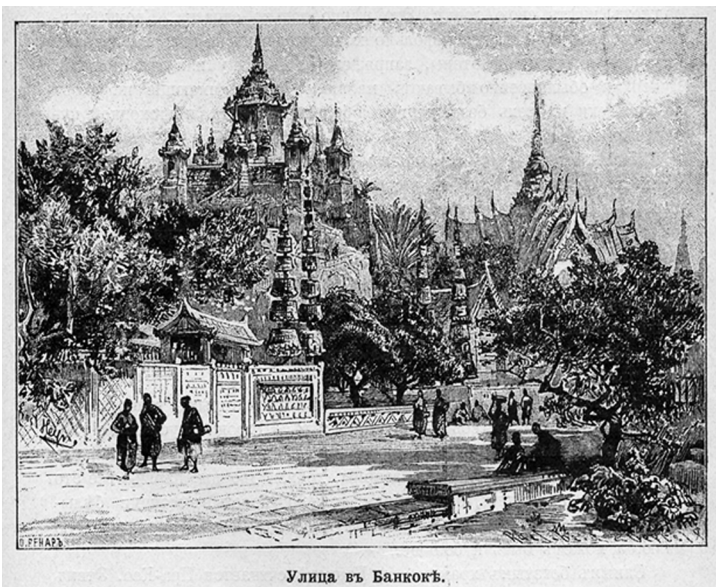
(Г. Де-Воллана.)

Въ четыре часа утра мы вошли въ Менамъ. Пейзажъ однообразный. Лачуги среди пальмовыхъ рощъ первое время кажутся очень красивыми, но потомъ эта картина быстро надоѣдаетъ своимъ однообразіемъ. Иногда на рѣкѣ вдругъ мелькнетъ маленькая душегубка, съ человѣкомъ въ желтой тогѣ, или точно вылитое изъ бронзы тѣло туземца въ сампангѣ.

Къ Банкоку воды Менама становятся все мутнѣе и мутнѣе, но рѣка уже кипитъ лодками, плотами, джонками и пароходами. Изъ зеленой бахромы тропическаго лѣса, состоящаго изъ кокосовыхъ, арековыхъ пальмъ, бамбука, кромѣ однообразныхъ сѣрыхъ плетеныхъ, то тутъ, то тамъ выгянетъ или домъ въ европейскомъ стилѣ, окрашенный въ бѣлый или красный цвѣтъ, или ступа (часовня), блистающая на солнцѣ своей позолотой, или красивая пагода, вся точно осыпанная самоцвѣтными каменьями. Число построекъ, лодокъ, пирамидальныхъ храмовъ среди зелени цвѣтовъ все растетъ и растетъ. Вдругъ покажется бѣлая стѣна съ амбразурами, а тамъ какой-то заводъ съ длинными трубами. Къ нимъ пригнѣпились ярко-раскрашенныя джонки, съ двумя глядящими

впередъ глазами, суда старинной конструкціи, съ бѣлымъ сломомъ на флагѣ, цѣлый рядъ пловучихъ базаровъ, съ кашацей на нихъ толпой мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кое-гдѣ слышатся гонги, тамъ-тамы и обрывки сіамской мелодіи. И такая панорама тянется на нѣсколько верстъ. Это предмѣстье Банкока—лучшая часть города на лѣвой сторонѣ Менама.

Пароходъ идетъ очень медленно, лавируя между громадными пароходами, которые заняли средину рѣки. Каждую минуту какая-нибудь

Улица въ Банкоктѣ.

шалъная душегубка или лодка такъ и лѣзетъ подъ колесо парохода. Береговъ не видно, они замаскированы цѣлымъ рядомъ маленькихъ домиковъ на плотяхъ, устроенныхъ въ три или четыре шеренги. Громадное рѣчное население Банкока не знаетъ другого жилья. Это—въ полномъ смыслѣ городъ, съ домами въ нѣсколько комнатъ, съ улицами, площадями, базарами и миниаторными садами. За этими рѣчными домами тянутся на сушѣ скученныя постройки туземцевъ, выше ихъ бѣлыя зубчатые стѣны королевской резиденціи, золотыя верхушки дворцовъ и пирамидальные храмы, покрытые блестящими и изразцами. Кар-

тина ослѣпительная по своему блеску; всѣ цвѣтные изразцы, блестя, хрустали, позолота на тонкихъ, высокихъ башняхъ таетъ и горитъ подъ солнечными лучами. Тропическое солнце зажигаетъ то тутъ, то тамъ пурпуровый, бѣлый, синій, красный или голубой цвѣта, которые играютъ, точно бенгальскіе огни, на бѣлыхъ минаретахъ, оспанныхъ хрустальными и стеклянуромъ.

Нѣкоторые путешественники говорятъ, что за отсутствіемъ дорожнаго сообщенія является единственнымъ въ Банкоѣ и что каждый долженъ имѣть свою лодку. Это вѣрно только отчасти. Кромѣ рѣчного сообщенія, имѣются довольно хорошія дороги и такъ называемые «сагета»—недурные фагоны, запряженные въ одну или двѣ лошади. Кучерами обыкновенно бываютъ малайцы, не понимающіе ни слова по-английски и очень безцеремонно обращающіеся съ пѣшеходной публикой.

Изъ гостиницы мы отправились по довольно узкому шоссе, окаймленному съ обѣихъ сторонъ домами европейской и туземной конструкціи. По этому шоссе пролегаетъ и конка. Банкоѣ можно справедливо назвать городомъ пагодъ. Такихъ пагодъ сотни, и на украшеніе ихъ было потрачено много труда, времени и немѣтныя богатства страны. Среди туземныхъ построекъ, храмовъ оригинальной формы разбросаны дома европейцевъ. Многие изъ такихъ домовъ, особенно гостиницы, банки, миссіи и консульства, отличаются монументальными размѣрами. Европейцевъ въ Банкоѣ нѣсколько сотъ человѣкъ на нѣсколько (около 400) тысячъ туземцевъ.

Проѣхавъ цѣлый рядъ узкихъ улицъ, въ которыхъ толпится народъ, мы попадаемъ въ совершенно иной міръ. Широкія, пустынные улицы съ тротуарами, выложенными мраморомъ или гранитомъ, обширныя площади, красивыя постройки, казармы, храмы, дворцы, парки—все это королевская резиденція, окруженная, точно крѣпость, высокими бѣлыми зубчатыми стѣнами и занимающая площадь въ цѣлую квадратную милю, а можетъ быть и больше.

Самымъ богатымъ храмомъ въ Банкоѣ считается Пра-Кео. Этимъ именемъ называется цѣлая группа построекъ. У самаго входа стоятъ громадныя фигуры съ палицами въ рукахъ и бронзовыя фигуры фантастическихъ животныхъ. Надо пройти цѣлый лабиринтъ съ закоулками, лѣстницами, террасами, пестро раскрашенными башнями, чтобы придти въ главное зданіе или пирамидѣ, украшенной снизу до самаго верха маленькими фигурками. Все это кончается шпилемъ въ 200 ф. высоты. Дорожка, ведущая къ храму, выложена мѣдными плитами и покрыта серебряными цыновками. Все это огорожено стѣной, которая украшена аляповатыми рисунками изъ индійской поэмы Рамаяны. Въ центрѣ участка находится храмъ въ формѣ креста: тамъ король слушаетъ

проповѣдь самаго стараго изъ бонзъ. Очень хороши двери съ инкрустациями изъ перламутра. За этимъ храмомъ находится другой, стѣны котораго покрыты разноцвѣтными стеклами, а крыша—золоченой черепицей.

Но самымъ интереснымъ надо считать тотъ, въ которомъ высшіе чины присягаютъ королю. Внутри зала имѣетъ 50 фут. ширины и столько же длины. Въ этомъ храмѣ хранится изумрудная статуя Будды; стоитъ она однако такъ высоко, что трудно узнать, изумрудная она или нѣтъ. Статуя вся увѣшана украшениями изъ золота и драгоценныхъ камней, горящихъ тысячами огней, и окружена со всѣхъ сторонъ многочисленными приношеніями храму и цѣнными подарками королю его вассаловъ. Это большею частью дерева изъ чистаго золота, осыпанные драгоценными камнями, золотые зонтики, значительной вышины, золотыя статуи Будды, ожерелья и украшения всякаго рода. На этой горѣ, уставленной такими богатствами, совсѣмъ не кстаетъ красуются вдругъ лампы и стѣнные часы—вѣроятно, подарки европейскихъ государей. Въ одномъ Пра-Кео можно считать драгоценностей на многіе миллионы. Очень эффектно стѣны, выложенныя мелкими блестящими и золотой мозаикой. Колонны всѣ покрыты толстыми золочеными листьями. Окна и двери всѣ покрыты инкрустациями и лакомъ. Золоченыя «ступы» чередуются съ такими, которыя снизу до самаго верху покрыты изразцами. Для большаго эффекта повѣшены бронзовые листья, которые отъ малѣйшаго колебанія воздуха звенятъ, точно маленькіе колокольчики.

Подражая Индіи, Бирмѣ, Китаю и даже Европѣ, сіамскіе архитектора старались превзойти своихъ предшественниковъ богатствомъ, великолѣпствомъ и разнообразіемъ украшеній.

Изъ Пра-Кео мы направились къ царскимъ конюшнямъ, въ которыхъ находятся такъ называемые бѣлые слоны. Слоновъ заставляють кланяться почитателямъ и за это имъ даютъ связку сахарнаго тростника. Эти слоны, альбиносъ, немного свѣтлѣе обыкновенныхъ и обладаютъ нѣсколькими бѣлыми пятнами и красноватыми глазами, какіе бываютъ у альбиносовъ.

Въ другомъ храмѣ показываютъ громадную лежащую фигуру Будды. Фигура эта длиной въ двадцать сажень, сдѣлана изъ кирпича и покрыта золотыми листьями; Будда изображенъ лежащимъ на подушкѣ, опираясь на одну руку.

Храмовъ въ Баякоѣ безчисленное множество, и я никогда не кончу, если начну описывать даже самыя главные. Многіе изъ нихъ, устроенныя предшествующими династіями, пришли уже въ упадокъ. Несмотря на это, архитектурныя подробности настолько хороши, что можно провести много дней, изучая въ одномъ мѣстѣ красивую форму пирами-

дальной постройки, а въ другомъ—кружевную отдѣлку изъ мрамора и гранита.

Изъ дворцовъ, храмовъ, напоминающихъ вамъ самое яркое, самое необычайное произведеіе фантазіи, мы переходимъ на базаръ въ тѣсныя улицы, со скользкими, липкими отъ грязи коридорами. Обзорѣть сампентъ (базаръ) съ птичьяго полета невозможно. Надо войти въ этотъ лабиринтъ, пройтись пѣшкомъ по этимъ узкимъ закоулкамъ, вмѣшаться въ толпу и нюхать этотъ ужасный, удушливый воздухъ. Если вы въ первый разъ знакомитесь съ Банкокомъ, то всѣ сцены уличной жизни, всѣ столкновения съ туземцами, природа, люди, постройки—все кажется ново, оригинально.

Начать съ того, что въ Банкоке собраны всѣ типы. Вы встрѣтите тамъ китайцевъ съ голымъ торсомъ и длинной косой, сіамцевъ съ сигарой въ зубахъ и сампотъ ¹⁾; индусовъ съ энергическими лицами, красиво задрапированныхъ и въ высокихъ тюрбанахъ, женственныхъ сингалезовъ съ гребнемъ въ волосахъ, сіамскихъ женщинъ, увѣшанныхъ браслетами, но въ скудныхъ облаченіяхъ, малайцевъ въ яркой національной одеждѣ, мавровъ съ почтеннымъ видомъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и съ длинными бородами, и метисовъ всякаго рода. Одни кварталы здѣсь заняты индусами, которые держатъ здѣсь коровъ и продаютъ молоко, другіе кварталы исключительно китайскіе и такъ далѣе. На базарѣ преобладаютъ китайцы, и, попадая туда, вамъ кажется, что вы гуляете по какому-то китайскому городу.

Запахи здѣсь, если можно такъ выразиться, сногсшибательные. Одинъ «капи» что стоитъ. Это креветки, дошедшія до послѣдней степени разложенія. Въ такомъ же родѣ рыба, цѣнная любителями и тоже достигшая извѣстнаго запаха. Вотъ идетъ цѣлый рядъ лавокъ, въ которыхъ продается только рисъ, потомъ идутъ рыбныя лавки. Дальше идутъ лавки съ зеленью и фруктами. Это—цѣлыя горы огурцовъ, рѣдьки, калусты и другихъ овощей, а также дуриановъ, манги, папай и банановъ. Здѣсь же много ссудныхъ кассъ и лавокъ старьевщицъ: Кромѣ того, тутъ продаются шляпы, башмаки для китайцевъ, шелковыя ткани, колечки изъ бусъ на голову, золотыя украшения, деревянные и позолоченныя модели храмовъ и статуй Будды. Рядомъ съ ними притоны для игры, въ которыхъ сіамцы за игрой въ карты проигрываютъ часто свою свободу. Въ мѣняльных лавкахъ идетъ все время перезвонъ долларовъ.

Миновавъ нѣсколько узкихъ улицъ, кучеръ останавливается и приглашаетъ васъ уже пройтись пѣшкомъ. Вы переходите маленькій мостикъ черезъ одинъ изъ безчисленныхъ каналовъ Банкока и видите

¹⁾ Национальная одежда сіамцевъ.

передь собой высокую скалу, испещренную бойницами, амбразурами, стѣнами, башнями и всеми атрибутами крѣпости. При ближайшемъ разсмотрѣніи эта гора оказывается насыпной. Широкая дорога ведетъ до самой вершины скалы. Въ разныхъ мѣстахъ выросли громадныя деревья, и гора имѣетъ очень живописный видъ. На самомъ верху нѣчто въ родѣ павильона со статуями Будды. Оттуда открывается широкій видъ на Банкокъ, изрѣзанный во всѣхъ направленіяхъ каналами, на скученныя постройки съ черепичными кровлями, на золотые шпили храмовъ, на полосы яркой зелени и на широкій Менамъ, который серебристою лентой тянется къ морю.

Кругомъ множество пагодъ, храмовъ, ступъ, монастырей и павильоновъ для сожженія труповъ. Хищныя птицы, чуждыя добычу, и вороны, громко каркая, такъ и вьются здѣсь. Сойдите внизъ и пройдите въ долъ павильоновъ, гдѣ сжигаютъ мертвыхъ. Вездѣ вы увидите слѣды недавняго сожженія или приготовленіе къ новой церемоніи. Въ одномъ павильонѣ я видѣлъ больного, котораго заботливые родственники уже заранѣе принесли въ эту обитель смерти. Больной лежалъ на циновкѣ въ павильонѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ, и при немъ находился его близкій родственникъ.

Рядомъ съ пагодами есть и ресторанчики, торгующіе очень бойко своими товарами, лавки съ изображеніями Будды, съ амулетами; тутъ же и торговцы дровъ.

Перейдите опять мостъ, и передь вами уже совсѣмъ оригинальное зрѣлище. Люди тащатъ мертвеца и кладутъ его на землю. Это тѣло преступника, осужденнаго на смертную казнь. Трупъ бросаютъ на произволъ судьбы. Въ одну минуту налетаютъ туда воршунны, вороны, сплошною массою насѣдаютъ другъ на друга, ссорятся, дерутся, махаютъ крыльями и работаютъ клювомъ. Откуда-то берутся собаки, голодныя и исхудалыя, и съ ворчаніемъ, огрызаясь на птицъ, стараются урвать кусокъ. Еще одинъ моментъ—и изъ чернаго клубка вдругъ выгланетъ начисто обглоданный скелетъ.

Это зрѣлище точно кошмаръ преслѣдовало меня даже и тогда, когда мы гуляли въ королевскомъ саду, въ которомъ на европейскій манеръ игралъ оркестръ музыки.

Мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ Банкока, не видавъ мѣстнаго театра. Сіамскій театръ принадлежитъ одному старому богатому мандарину, который старается ввести въ театръ разныя усовершенствованія и приспособить къ нему современные костюмы. Очень часто въ пьесѣ фигурируютъ европейскіе адмиралы и капитаны. Содержатель театра самъ сочиняетъ сценаріумъ. Представляютъ въ театрѣ преимущественно женщины—все жены мандарина. Театръ небольшой, въ два яруса, по очень изящный. Половина нашего партера занята актрисами. Два выхода

устроены тамъ, гдѣ у насъ сцена. Между этими двумя выходами помѣщена картина, которая мѣняется согласно дѣйствію. Музыка помѣщается съ боку, съ лѣвой стороны, правая же сторона и часть партера заняты публикой. Потомъ идутъ ложи второго яруса. Партеръ на нѣкоторомъ возвышеніи, и публика вся сидитъ на полу. Убранство театра очень роскошное, и костюмы очень богатые. На картинѣ, находящейся въ глубинѣ сцены, изображенъ дворецъ или лѣсъ съ ручейкомъ. Занавѣса здѣсь не полагается, и сцена все время открыта.

Театральное представленіе, или, вѣрнѣе, пантомима, продолжается иногда нѣсколько дней.

Сямская музыка довольно пріятная, отличается мягкостью тона, и въ ней нѣтъ тѣхъ диссонансовъ, которыми изобилуетъ китайская или японская музыка. Сямская музыка очень хорошо передаетъ грусть, жизнерадостное чувство и торжественное настроеніе души. У сямцевъ, какъ мнѣ сказали, очень много музыкальныхъ псесъ; музыкальныхъ инструментовъ большое изобиліе.

На этотъ разъ на сценѣ представлялось, какъ у одной королевы похищаютъ ребенка и изъ-за него возгорается война. Столицу разрушаютъ, убиваютъ короля и королеву. Потомъ оказывается, что ребенокъ попалъ къ дикому народу и тамъ выросъ, не зная о своемъ королевскомъ происхожденіи. На сцену являются посланцы въ богатыхъ одеждахъ, узнаютъ своего короля и раздаютъ подарки. Публика такъ и покатывается отъ смѣха при видѣ того, какъ посланцы объясняются съ дикими. Дикіе не понимаютъ того, что говорятъ посланцы, и не знаютъ, что дѣлать, напримѣръ, съ самотомъ, и дорогую матерію наматываютъ себѣ на голову или накрываютъ на плечи. Дѣло не обходится безъ брани и драки. Публика, конечно, хохочетъ. Послѣ этого посланцы являютъ съ поклономъ къ королю, который не понимаетъ, что съ нимъ совершается. Онъ является потомъ въ царственномъ облаченіи, садится въ паланкянъ и при звукахъ музыки торжественно возвращается въ свое царство. Тамъ онъ награждаетъ вѣрныхъ слугъ, коронуется и т. д.

У первобытныхъ обитателей Малакки.

(Грубауера.)

Къ числу наименѣ извѣстныхъ и доступныхъ изслѣдованію племенъ Индо-Китайя принадлежатъ вымирающіе туземцы Малакки. Они распадаются на двѣ главныя, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга группы: орангъ-сеной, или сакеевъ, и орангъ-менди, или семанговъ, которые населяютъ сѣверъ Малакки и южныя пограничныя области Сіама и юго-востокъ полуострова. Забившіе въ самую глубь полуострова, оторванные отъ всего міра, эти дикія, стояція на крайне

низкомъ уровнѣ развитія, племена влачатъ самое жалкое существованіе, среди дикой горной страны, прорѣзывающей середину Малакки. Они ютятся по верховьямъ рѣвъ, въ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, гдѣ царятъ вѣчный мракъ, сырость и лихорадка.

У малайцевъ, живущихъ по берегамъ, туземцы на плохомъ счету; малайцы прозвали ихъ «орангъ-утангамъ» или «лѣсными людьми».

Не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства, они раскидываютъ свои незатѣйливые шалаши изъ листьевъ вездѣ, гдѣ гостепріимная мать природа судитъ имъ возможность прокормиться, и рады зѣбиться въ любую чащу лѣсного пространства, лишь бы уклониться отъ сосѣдства съ другими племенами, которыхъ они боязливо избѣгаютъ.

Пишная флора лѣсовъ снабжаетъ ихъ въ изобиліи всеяими съѣдобными кореньями, луковницами, молодыми побѣгами растений, травами и плодами. Ничто живое не застраховано отъ этихъ дикарей, съ наслажденіемъ поѣдающихъ обезьянъ, птицъ, змій, черепахъ и даже личинокъ жуковъ.

Естественную границу между обоими говорящими на разныхъ языкахъ племенами—сакееми и семангами—представляетъ рѣка Сунгей. Между тѣми и другими нѣтъ настоящей вражды, хотя они избѣгаютъ другъ друга. Сакееи отзываются о семангахъ очень плохо и называютъ ихъ «дурными и гордыми» людьми. Семанги же смотрятъ на сакеевъ съ пренебреженіемъ за то, что эти—последніе болѣе доступны влиянію малайцевъ.—держатся менѣе обособленно, чѣмъ они сами, и не такъ чисто сохранили свою расу.

Племена сакеевъ, обитающія по сосѣдству съ густо населенной областью малайцевъ, ведутъ съ этими последними мѣновую торговлю и получили отъ нихъ названіе «орангъ-утангъ дина», или ручные лѣсные люди.

Хотя я уже довольно долго жилъ въ Перакѣ, занимаясь собираніемъ насѣкомыхъ, и основательно исходилъ окрестности, тѣмъ не менѣе мнѣ еще не удалось встрѣтиться съ «лѣсными людьми». Эти въ высшей степени робкіе люди бродятъ малыми общинами по огромной лѣсной области, такъ что не зная точно ихъ мѣстопребыванія, трудно отыскать хоть одно изъ ихъ племенъ. Мои малайскіе проводники, помогавшіе мнѣ собирать коллекціи, рассказывали мнѣ не мало про сакеевъ, но никто изъ нихъ не могъ мнѣ указать ихъ стоянку, несмотря на предложенное большое вознагражденіе. Правда, я часто находилъ остатки хижины, сооруженныхъ изъ листьевъ, свѣжіе слѣды костровъ, указывавшіе на ихъ недавнее пребываніе здѣсь,—но поиски за самими сакееми были тщетны. Купленная мною случайно у одного малайца своеобразная раковина, продырявленная у входного отверстія, натолкнула меня на слѣды сакеевъ: мнѣ сказали, что она приобрѣтена

въ Сингей-Синогдѣ, на разстояніи восьми часовъ ходьбы отсюда, и что улитки такой причудливой формы можно найти только въ первобытныхъ лѣсахъ этой мѣстности, гдѣ ихъ собираютъ сакеи, устраивающіе себѣ изъ нихъ ожерелья. Это подтвердилось впоследствии. Я тотчасъ же рѣшился воспользоваться полученными указаніями и на другой день собрался въ путь въ названную мѣстность, въ сопровожденіи двухъ надежнѣйшихъ проводниковъ.

Сунгей-сипангъ (рѣка улитокъ)—это небольшой малайскій поселокъ, гдѣ живетъ нѣсколько китайскихъ купцовъ, ведущихъ мѣнговую торговлю съ сакеями. Последніе доставляютъ имъ всевозможныя лѣсныя богатства, какъ-то: каучукъ, ротангъ, смолу, за что получаютъ табакъ и рисъ, а иногда ножи, пестрые платки, соль и т. п. Отъ купцовъ я узналъ, что сакеи, живущіе близъ верхнихъ притоковъ рѣки Сунгей, являются въ Сунгей-Сипангъ только въ извѣстное время; но ничего болѣе опредѣленнаго никто не могъ мнѣ сообщить, и моя надежда найти здѣсь проводника оказалась тоже тщетной.

Однако, несмотря на все это, я рѣшилъ попытать счастья, и, запасшись изряднымъ количествомъ всякихъ предметовъ мѣнговой торговли, табакомъ и рисомъ, тронулся въ путь къ неизвѣстной цѣли со своими тяжело нагруженными проводниками.

Я рѣшилъ сначала поискать сакеевъ въ лѣсу, который простирается къ сѣверу отъ поселка. Дорога туда шла по солнцепеку, черезъ обширныя кофейныя плантаціи, въ концѣ которыхъ она круто обрывалась и дальше вгдѣ не было слѣда дорогъ. Пришлось идти напрямикъ, пробираясь сквозь стѣны густого кустарника, зарослей лоланга, вышиной въ человѣчскій ростъ. Предпріятіе было не изъ легкихъ. Мой проводникъ, съ тяжелой поклажей на спинѣ, прокладывалъ намъ дорогу при помощи ножа или же приминалъ тяжестью своего тѣла лолангъ, который сгибался надъ нашими головами и осыпалъ насъ цѣлымъ дождемъ цвѣточной пыли. Солнце стояло въ зенитѣ и щедро изливало на насъ свои лучи, такъ что среди океана упругихъ стеблей царилъ удручающій зной. Намъ пришлось перелѣзать черезъ полустигившіе пни, густо покрытые мхомъ, а къ довершенію всего мы попали на мелкихъ муравьевъ, отъ укусовъ которыхъ тѣло горѣло, какъ въ огнѣ. Не было тоже недостатка въ крапивѣ и въ острыхъ цѣпкихъ шипахъ. Около часа мы пробивались къ опушкѣ лѣса, гдѣ, наконецъ, тѣнь укрыла насъ отъ палящихъ лучей солнца. Но нашимъ испытаніямъ еще не суждено было кончиться: вся опушка лѣса представляла изъ себя топкое болото, покрытое цѣлымъ хаосомъ гнилыхъ ший и богатой болотной растительностью. Прогнившіе стволы деревьевъ, по которымъ намъ приходилось осторожно пробираться, не выдерживали нашей тяжести, ноги съ трудомъ находили себѣ опору на

сколькой корѣ, а поскользнуться—значило утонуть въ зловонной тѣлѣ. Дикій саговникъ простиралъ навстрѣчу намъ рядъ длинныхъ шиповъ, правильно посаженныхъ вдоль черешка листьевъ. Ротангъ, вооруженный подобными же шипами, наносилъ намъ чувствительныя раны, а отъ объятий молодыхъ и цѣпкихъ его побѣговъ, длиною часто въ метръ, никакъ нельзя было уберечься.

Обливаясь потомъ, ободравные и грязные, одолѣли мы наконецъ это послѣднее препятствіе и вступили въ дѣвственный лѣсъ. Видъ первобытнаго тропическаго лѣса, съ его торжественнымъ и глубокимъ молчаніемъ, производитъ на душу подавляющее впечатлѣніе. Величественно стоятъ деревья, словно лѣсные богатыри. Прямая, какъ свѣчи, они тянутся въ высъ, достигаютъ часто болѣе 200 футовъ высоты и снизу похожи на рядъ колоннъ, такъ какъ только на высотѣ 100 футовъ отъ земли начинаются первыя вѣтви, которыя образуютъ какъ бы куполообразную крышу изъ листьевъ. Причудливые воздушные корни ползутъ, путаясь, по землѣ или же, переплетаясь, образуютъ арка, вышиною до 20 футовъ, и подпираютъ основанія мощныхъ колоннъ, а многія деревья пускаютъ отъ ствола крылообразные боковые отростки очень страннаго вида, имѣющіе то же назначеніе, что и воздушные корни—поддерживать стволъ. Едва ли одно дерево похоже на другое. Легкія сѣтки переплетающихся лѣнъ свѣшиваются съ каждой вѣтки и оплетаютъ стволы деревьевъ. Другой лѣсъ, изъ болѣе низкорослыхъ деревьевъ, не достигаетъ вышины первыхъ вѣтвей лѣсныхъ великановъ и растетъ удивительно пышно подъ ихъ сѣнью, а подъ нимъ, въ свою очередь, пріютились карликовыя пальмы и древовидный папоротникъ, образуя какъ бы третій поясъ. Даже почва—и та въ изобиліи покрыта растительностью, не оставляющей ни одной пяди голой земли. Только изрѣдка какой-либо звукъ нарушаетъ глубокую тишину. Отъ времени до времени прозвучитъ крикливое чирляканье цапды или раздастся дребезжащій голосъ птицы-носорога. Большихъ звѣрей рѣдко можно встрѣтить въ этомъ безконечномъ лѣсномъ уединеніи: все они очень пугливы, а въ громадныхъ лѣсныхъ пространствахъ имъ очень легко скрыться.

Многихъ малайцевъ однако нисколько не трогала величественная картина окружающей насъ природы; они тѣмъ временемъ стали отсыкивать слѣды сакеевъ, и ихъ опытный и зоркій глазъ открывалъ едва замѣтную тропинку, по которой мы и рѣшили идти дальше.

Лѣсъ то рѣдѣлъ, то становился гуще. Трудно было прослѣдить тропинку, которая мѣстами совсѣмъ исчезала. Нашъ походъ продолжался уже шесть часовъ и мы рассчитывали уже немного отдохнуть. Вдругъ по макушкамъ деревьевъ, высоко надъ нами, пробѣжалъ шорохъ, солнце скрылось за тучами.

— Поспѣшимъ, господишь, сейчасъ пойдетъ дождь,—заявили мои проводники.

Мы двинулись впередъ съ удвоенной поспѣшностью. Скоро мы пришли къ прогалинѣ, гдѣ бѣжала быстрая и глубокая рѣчонка, и увидѣли палашъ сакеевъ!... Но горькое разочарованіе ожидало насъ: палашъ былъ покинутъ и только нѣсколько головешекъ свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи здѣсь сакеевъ...

Впередъ! Мы проходимъ рѣчонку поперекъ. Буря надвигается. Деревья со стономъ сгибаются подъ напоромъ вѣтра. Слышится раскатыстый трескъ, подобный ружейному залпу,—это палъ одинъ изъ ветерановъ-гигантовъ растительнаго царства. Падаютъ большія тяжелыя капли дождя, и черезъ нѣсколько минутъ разражается ливень съ такой силой, какая мыслима только подъ экваторомъ. Въ самое короткое время я промокъ до костей. Тѣмъ не менѣе мы продолжали идти впередъ.

Наконецъ новая поляна. Три или четыре хорошо сохранившихся шалаша стоятъ на вырубленной площадкѣ. Но и здѣсь ожидало насъ горькое разочарованіе. Хижины были пусты и, судя по свѣжей золѣ, покинуты лишь недавно. Сильно разстроенный неудачей, я хотѣлъ здѣсь переждать ливень. Но дождь, казалось, собирался лить вѣчно. Стоя на одномъ мѣстѣ, въ насквозь промокшей одеждѣ, я чувствовалъ такой сильный ознобъ, что зубъ не попадалъ на зубъ. Къ тому же, намъ сильно докучали шявки, которыхъ здѣсь было несмѣтное количество. Надвигалась ночь, но я все же рѣшилъ, что лучше продолжать наши поиски.

Дальнѣйшее путешествіе было самое тяжелое, какое мнѣ пришлось когда-либо пережить. Съ неба лили попрежнему потоки дождя, какъ будто прорвались облака. Отъ тропишки не осталось и слѣда. Глинистая почва размякла и стала скользкой, а отъ шявокъ почти нельзя было отдѣлаться. Уже безъ того мрачный, даже среди дня, тѣмъ теперь петемнѣлъ окончательно. Высоко вздувшіяся воды ручья (или можетъ быть ихъ было нѣсколько) ежеминутно пересѣкали намъ путь. Давно уже наши ноги покрылись толстымъ слоемъ глины. Мы пробирались впередъ, то увязая по волѣна въ болотистыхъ низинахъ, то падая и спотыкаясь при подъемѣ на возвышенія. Переходя вторично ручей, я замѣтилъ на прибрежномъ пескѣ слѣды ногъ и мы пошли по нимъ вдоль берега. Здѣсь по крайней мѣрѣ было свободнѣе идти. Для сокращенія пути мы пересѣкаемъ большіе повороты ручья и идемъ въ бродъ по водѣ, которая мѣстами доходила намъ до груди. Пугливо взлетаютъ огромныя летучія мыши и спѣшатъ скрыться. Летучія собаки цѣлыми сотнями шумятъ въ верхинахъ деревьевъ надъ нашими головами. Въ шесть часовъ наступила почти полнѣйшая тем-

вота, исключавшая всякую возможность дальнѣйшаго путешествія. На небольшой мели среди рѣчки нашлось достаточно мѣста для ночлега, и я рѣшил здѣсь остановиться. Буря утихла и только тихо падалъ дождь. Мы воспользовались послѣднимъ отблескомъ умирающаго дня и употребили его на то, чтобы нарубить подходящий матеріалъ для постройки хижины. Уже при полной тьмѣ мои проводники набрали молодыхъ листьевъ пизанга для нашего ложа. Такимъ образомъ на мягкомъ, влажномъ пескѣ было сооружено убѣжище, которое едва ли могло удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ. Скоро, однако, вспыхнулъ большой костеръ, искусно сооруженный однимъ изъ проводниковъ изъ зеленого сырого дерева и вѣтокъ.

Пока мои проводники готовили нашъ скромный ужинъ, я успѣлъ выкупаться и переодѣться, хотя въ сырое, но по крайней мѣрѣ чистое бѣлье. Ужинъ нашъ состоялъ изъ варенаго риса, приправленнаго соленой китайской рыбой, очень дурно пахнувшей, и горячей чашки кофе, послѣ чего мы направились къ своему ложу. Къ сожалѣнію, однако, послѣ краткаго перерыва опять зарядилъ дождь, и наша хижина, которая не была приспособлена къ такому случаю, стала ползти по всѣмъ швамъ. Дождевая вода маленькими ручьями щедро поливала наше ложе и всякія попытки починить или исправить наше жилище были тщетны и портили только дѣло, такъ что пришлось покорно отдаться во власть судьбы.

Мои проводники, которымъ приходилось все время тащить тяжелую поклажу, сильно утомились и скоро уснули, невзирая на слякоть. Мнѣ же пришлось скверно. Сильный приступъ лихорадки заставилъ меня покинуть хижину и искать простора. Вѣроятно, я тотчасъ же потерялъ сознание, такъ какъ, очнувшись, очутился на самомъ краю берега сильно вздувшейся рѣчки. Еще одинъ шагъ—и я бы утонулъ въ ней. Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ надъ собой яркія звѣзды. Дождь пересталъ. Шатаясь, поднялся я и кое-какъ дотатился до хижины. Костеръ догорѣлъ. Мои проводники спали крѣпко и спокойно. Я опустился на свое ложе и, стараясь мало-мальски приспособить его къ снанию, досталъ изъ своей походной сумки старыя газеты, которыми и устлалъ его. Приступъ лихорадки попрежнему ослабѣвалъ. Звучно раздался въ сонномъ лѣсу крикъ фазана-аргуса. Рѣчка журчала и плескалась въ своемъ быстромъ бѣгѣ. Вѣтеръ тихо шепталъ въ листья деревьевъ. Торжественная, величавая тишина царилъ во всей природѣ послѣ пережитой бури. Вдругъ что-то зашлепало по водѣ.— Тамъ, тамъ, тамъ!—Вѣроятно, это былъ олень, пришедшій къ водопою.

Какъ ни тихи были шаги, но одинъ изъ моихъ проводниковъ, Мади, все же слышалъ ихъ. Вслѣдствіе его вѣсколко трусоватаго характера ему всюду мерещились тигры. Такъ было и въ данную

минуту. Онъ моментально вскакиваетъ, схватываетъ свой ножъ и, принимая позу героя, кричитъ:—«Господишь, тигрь!» Я съ другимъ проводникомъ поднимаемъ его на смѣхъ. Костеръ горитъ опять яркимъ пламенемъ, и мои малайцы засыпаютъ вновь; я охотно предоставляю имъ полный отдыхъ и самъ поддерживаю огонь въ кострѣ.

Уже пятый часъ, но всюду царить полнѣйшій мракъ. Только съ первыми признаками разсвѣта сталъ просыпаться лѣсъ. Начало положили фазаны-аргусы. «Куай, куал»,—раздается изъ чащи. Имъ вторила въ меланхолическихъ терціяхъ какая-то птичка.

Летучія собаки кончаютъ свой ночной полетъ за добычей и шумно ссорясь, оспариваютъ другъ у друга лучшія мѣста. Съ опрокинутыми головами и сложенными крыльями висятъ онѣ густыми рядами на макушкахъ высокыхъ деревьевъ, и кажется, что вѣтви покрыты какими-то удивительными плодами.

Какъ только становится свѣтлѣе, начинается внезапно своеобразный концертъ. Высокимъ дискантомъ раздается рѣзкій зовъ, ему вторитъ низкій басъ. Вотъ нѣсколько голосовъ кричатъ одновременно, и вдругъ поднимается такой визгъ, вой и пискъ, какъ будто всѣхъ чертей выпустили изъ ада. Это утренняя пѣсня стал обезьянъ сіамангъ (*Nylobates syndachylus*). Испуганно молчатъ всѣ другіе звѣри, внимая сверхъестественнымъ адскимъ звукамъ. Вдругъ, какъ по командѣ, замолкаетъ все общество, но только на минуту—это былъ искусный музыкальный приемъ,—затѣмъ раздается новый рядъ гортанныхъ, визгливыхъ и лающихъ звуковъ. Можно подумать, что стая рѣзвится самымъ непринужденнымъ образомъ въ кронахъ деревьевъ. Но такое мнѣніе ошибочно. Обезьяны сидятъ совершенно неподвижно на вѣтвяхъ и какъ будто сознательно исполняютъ утреннюю симфонию. Тѣмъ временемъ стало совершенно свѣтло. Первые лучи утренняго солнца сверкаютъ золотомъ. Ночная прохлада уступаетъ мѣсто живительному теплу; лѣсъ наполняется чуднымъ, освѣжающимъ ароматомъ душистыхъ цвѣтовъ, скрытыхъ отъ взора, во разливающихъ свое благоуханіе въ выпинѣ. Тяжело взмахивая крыльями, съ шумомъ проносятся надъ нами птицы-носороги, направляясь въ дальніимъ фруктовымъ деревьямъ. Прозвучалъ рѣзкій, пронзительный крикъ киндянга (козули), пришедшей на утренній водопой. Наступаетъ лучшее время дня въ здѣшнихъ мѣстахъ. Мнѣ удалось совершенно поборотъ свою лихорадку и я чувствую себя настолько окрѣпшимъ, что могу надѣяться сегодня же достигнуть своей цѣли.

Въ семь часовъ мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Я рѣшилъ идти въ прямомъ направленіи вверхъ по рѣкѣ, чтобы продолжать свои поиски.

Обозрѣвая мѣстность, мы открыли тропинку сажеевъ, которая шла въ томъ же направленіи, какое мы рѣшили принять, и потому я пошелъ по ней.

Полный новой надеждой, я первый двинулся вперед. Но что это такое? Мнѣ кажется, я слышу голосъ? Я обращаю на это вниманіе моихъ проводниковъ, но они ничего не слышатъ. Мы стоимъ совершенно тихо и прислушиваемся. Ужъ я начинаю сомнѣваться, какъ вдругъ за поворотомъ тропинки показывается рядъ людей, нагруженныхъ связками ротанга. Ничего не подозревая, они идутъ гуськомъ, быстрыми шагами. Это сакеи. Все послѣдующее разыгрывается въ нѣсколько секундъ. Они замѣчаютъ насъ, и въ тотъ же моментъ связки ротанга летятъ на землю,—быстрый скачокъ въ сторону, и они безслѣдно исчезаютъ за густою стѣной кустарниковъ, окаймляющихъ съ обѣихъ сторонъ дорогу. Не успѣвъ я еще очнуться отъ этого неприятнаго сюрприза, какъ мой догадливый Алангъ уже напелся въ затруднительномъ положеніи. Онъ проситъ насъ положить оружіе на землю и самимъ сѣсть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Тогда Алангъ начинаетъ вести переговоры съ невидимыми, скрытыми въ кустахъ сакеями. Въ прѣвѣстныхъ выраженіяхъ малайскаго языка увѣряетъ онъ ихъ въ нашей дружбѣ и общается имъ всякія сокровища, если они только захотятъ выйти. Пока онъ такимъ образомъ перечисляетъ всѣ тѣ чудныя вещи, которыя должны составить счастье этихъ бѣдныхъ лѣсныхъ жителей, я раскладываю эти сокровища на землѣ вокругъ себя. Значительная кучка табаку, пестрый ситецъ, употребляемый женщинами для саронговъ, бусы, ожерелья,—все это представляетъ собой пеструю смѣсь. Это средство помогаетъ! Осторожно оглядываясь, выходитъ изъ ближайшихъ кустовъ пожилой мужчина, вѣроятно вожакъ всей партіи. Онъ отламываетъ зеленую вѣточку и приближается нерѣшительно. Я протягиваю ему свою руку, которую онъ схватываетъ и пожимаетъ. Онъ садится къ намъ. Мужчина говоритъ довольно бѣгло по-малайски. Я стараюсь объяснить ему, что я пришелъ издалека навѣстить орангъ-самеевъ и заключить съ ними дружбу: пусть онъ призоветъ своихъ людей.

Добрый малый запихалъ себѣ за обѣ щеки табакъ, предложеннаго мною, и жевалъ его. Повидимому, онъ уже убѣдился, что ему не грозила отъ меня никакая опасность. Онъ рѣзко свистнулъ и въ отвѣтъ на этотъ зовъ тотчасъ же зашуршали кусты и показались мужчина, три женщины и двое подростковъ. Всѣ они, безъ исключенія, бросились съ жадностью на табакъ, засовывая его большими порціями въ ротъ.

Они всѣ небольшого, едва средняго роста, но хорошаго сложенія. Цвѣтъ ихъ кожи красновато-коричневый, но лица окрашены свѣтлѣе. Волосы представляютъ собой компактную шерстяную массу и у однихъ волнисты, у другихъ вьющіеся. Тѣла этихъ людей покрыты бѣловато-желтыми чешуйчатыми струпами, и только оба подростка составляютъ

исключеніе въ этомъ отношеніи, а также и въ томъ, что лица ихъ можно назвать болѣе выразительными, тогда какъ всѣ остальные взрослые крайне некрасивы.

Ихъ одѣяніе крайне первобытно. Мужчины носятъ обыкновенно узенькій поясъ, женщины—передники, приобретенные у малайцевъ. Остальныя части тѣла обнажены. Оба подростка—мальчикъ двѣнадцати лѣтъ и дѣвочка лѣтъ девяти—были совершенно голы. Эти обитатели лѣсовъ сами не знаютъ, сколько имъ лѣтъ. Говорившему съ нами отъ имени всего общества могло быть 45—50 лѣтъ. Онъ былъ коренастъ, широкоплечъ и имѣлъ поразительно длинныя руки. Ноги сравнительно мало развиты и ихъ конечности вогнуты внутрь. Большіе пальцы ногъ, которыми придерживаютъ предметы, при шлестеніи корзинъ или связываніи ротага, стоятъ на отлетѣ, далеко отъ остальныхъ пальцевъ. Только пожилые мужчины имѣютъ скудную растительность на лицѣ. На тѣлѣ волосъ очень мало.

Люди эти, вѣроятно, никогда не моются и поэтому отъ ихъ тѣла исходитъ рѣзкій отвратительный запахъ. Зубы ихъ черны отъ постоянного жеванія бетеля, но большей частью хорошо сохранились. У нѣкоторыхъ изъ нихъ верхніе рѣзцы настолько выдвинуты впередъ, что ротъ остается открытымъ. У женщинъ проткнуты носовыя перегородки и въ отверстія вставлены деревянные палочки или шпы дикообраза. Какъ женщины, такъ и мужчины прокалываютъ мочки уха и вставляютъ туда маленькія бамбуковыя палочки, а волосы свои убираютъ дѣвками. Глаза почти у всѣхъ темно-каріе, а взглядъ у мужчинъ острый и пронзительный.

Я былъ страшно радъ этой встрѣчѣ и не скупился своими сокровищами. Всѣ были богато надѣлены ими.

Я узналъ, что они идутъ съ рѣки Сунгей-Боту, находятся уже два дня въ дорогѣ и несутъ связки ротага въ Сунгей-Сипангъ; далѣе, что въ восьми часахъ ходьбы отсюда находится другое дружественное племя сакеевъ. Это извѣстіе крайне обрадовало меня и я тотчасъ же постарался заручиться въ качествѣ проводника сдѣлать изъ моихъ знакомцевъ. Послѣ долгихъ прерій одинъ изъ молодыхъ мужчинъ согласился наконецъ быть нашимъ проводникомъ за вознагражденіе, состоявшее изъ четырехъ куанговъ ¹⁾, извѣстной порціи табака и нѣсколькихъ нитокъ бусъ, которыя вѣроятно предназначались для какой-нибудь сакейской красавицы. На эти скромныя требованія я охотно согласился.

Сакее распредѣлили между собой поклажу покладяющаго ихъ товарища и пошли по дорогѣ къ Сунгей-Сипангъ, тогда какъ мы, друже-

¹⁾ Маленькая серебряная китайская монета въ 10 коп., употребляемая какъ украшеніе.

ственно распростившись съ ними, повернули въ ту сторону, откуда шли сакеи, когда мы ихъ впервые встрѣтили. Впереди всѣхъ гибкой походкой шелъ нашъ проводникъ-сакеи, предложившій моимъ людямъ нести часть ихъ поклажи. Его зовуть «Нё». Волоса его скорѣе прямы, чѣмъ волнисты, а тѣло настолько покрыто струпами, что оно кажется пѣгымъ. На видъ можно было ему дать года двадцать четыре, двадцать пять. Единственную его одежду составляетъ шиурокъ вокругъ пояса, на которомъ болтается длинный малайскій ножъ безъ ноженъ. Въ такомъ одѣяніи онъ былъ особенно комиченъ, когда съ гордымъ видомъ и прирожденной величественностью смахивалъ присосавшихся пиявокъ своимъ ножомъ и потомъ заботливо вытиралъ его о ту часть тѣла, которую не принято называть...

Сухопутныя пиявки лѣсовъ Индо-Китаа и Малакки—настоящій бичъ этихъ мѣстъ. Ихъ нѣсколько сортовъ и всѣ онѣ мелкія. Деревья и кусты, окаймляющіе узкія тропинки, усыяны ими, и здѣсь онѣ подстерегаютъ проходящихъ животныхъ или человѣка. При малѣйшемъ шорохѣ онѣ вытягиваются во всю свою длину и если придуть въ приспособленіе съ проходящимъ, то поведяють листь, на которомъ сидѣли, и крѣпко присасываются къ тѣлу. Онѣ всегда находятъ возможность проникнуть подъ платье, и вечеромъ, при купаньи, я находилъ на себѣ много такихъ насосавшихся кровью пиявокъ.

Мы шли храбро впередъ. Два глубокихъ, бурныхъ горныхъ ручья перешли мы по древеснымъ стволамъ, положеннымъ поперекъ ихъ. То, что этотъ естественный мостъ на срединѣ рѣки находился на полметра подъ водой, не особенно пріятно. Нужно полное вниманіе и ловкость канатнаго плясуна, чтобы не соскользнуть съ гладкихъ стволовъ и не упасть въ воду, которая здѣсь глубже человѣческаго роста.

Мѣстность теперь стала очень гористая. Мы уже взобрались на два высокихъ конусообразныхъ известковыхъ холма, густо поросшихъ растительностью. Здѣсь можно было встрѣтить обрывы вышиною отъ 50 до 60 метровъ. Мы приближались къ мѣстамъ, чаще посѣщаемымъ людьми, на что указывало неоднократно попадавшееся растеніе «уби», а также ямы, около метра глубины, образующіяся послѣ того, какъ изъ земли вырываютъ похожій на картофель плодъ этого растенія. Здѣсь узналъ я впервые, какимъ образомъ сакеи утоляютъ свою жажду, когда поблизости нѣтъ воды. Для этой цѣли имъ служатъ двѣ породы лианъ, которыя можно встрѣтить всюду. Одинъ изъ моихъ проводниковъ отрубилъ стебель толщиной въ палецъ одного изъ этихъ растеній, достигающихъ иногда толщины въ человѣческое туловище. Онъ поднесъ отрубленный стебель къ губамъ и готчасъ же изъ него потекъ сокъ, какъ изъ родника. Я самъ сдѣлалъ пробу и нашелъ, что жидкость эта, несмотря на свое безвкусіе, недурна.

Солнце стало уже садиться. Тропа, по которой вообще было трудно пробираться, повидимому, пропала теперь въ непроходимой чащѣ. Я уже собирался выразить въ словахъ свое отчаяніе и отозвать спѣшившаго впередъ Нѣ, какъ тотъ пробился черезъ послѣднюю преграду изъ частаго кустарника, и мы совершенно неожиданно вошли въ котловинообразную долину, на которой находилось поселеніе сакеевъ «Крбу».

Позолоченный послѣдними лучами заходящаго солнца, раскинулся маленькій поселокъ, состоящій изъ восьми свайныхъ хижинъ, крытыхъ кусками коры. Тамъ царили еще жизнь и движеніе.

Мой приходъ произвелъ значительный переполохъ; мой вожакъ Нѣ успокоилъ, однако, обитателей поселка относительно причины появленія бѣлаго человѣка, и быстро установилось взаимное пониманіе. Чисто содержимая хижина, повидимому, нѣчто въ родѣ общественнаго собранія, была отведена мнѣ для ночлега. Расположившись въ одномъ углу предоставленнаго мнѣ помѣщенія, которое было услано чистыми циновками, я занялся приведеніемъ въ порядокъ своей внѣшности. Одѣлся я своеобразно мѣстнымъ обычаямъ и опоясалъ свои бедра саронгомъ. Теперь каждый безъ труда могъ убѣдиться въ томъ, что не только мое лицо бѣло, но и все тѣло имѣетъ тотъ же цвѣтъ, столь безобразный, по понятіямъ сакеевъ. Въ любопытствующихъ посѣтителяхъ не было недостатка. Мужчины толпились у входа, съ удивленіемъ молча разглядывая паразитальнаго незнакомца, тогда какъ болѣе смѣлые изъ мальчишекъ съ любопытствомъ заглядывали въ двери изъ за спинъ своихъ почтенныхъ отцовъ. Изъ женщинъ никто не позывался.

Тѣмъ временемъ мой проводникъ Алангъ, нисколько не смущаясь зрителей, занялся приготовленіемъ моего ужина, который состоялъ изъ риса, яицъ и поджаренныхъ уби. Но какъ только я принялся за ѣду, всѣ сакее покинули хижину безъ всякаго предложенія съ нашей стороны—деликатность, о которой не грезится даже малайцу.

Многіе мужчины, будучи въ отлучкѣ на охотѣ, съ наступленіемъ ночи вернулись обратно, и во всѣхъ хижинахъ шелъ оживленный говоръ.

Когда я кончилъ свою трапезу, то мои посѣтители вернулись обратно, и скоро все мужское населеніе поселка «Крбу» наполнило мое жилище, такъ что мнѣ пришлось сидѣть въ ужасной духотѣ и тѣнотѣ. Потъ лилъ съ меня градомъ. Теперь только я оцѣнилъ по достоинству свое легкое одѣяніе. Алангъ надѣлялъ табаккомъ присутствующихъ, что завоевало мнѣ симпатію этихъ людей. Старѣйшіе изъ моихъ гостей начали сейчасъ же меня допрашивать. Такъ какъ большая часть изъ нихъ знала по-малайски, то въ скоромъ времени раз-

говоръ и смѣхъ слились въ какую-то тарабарщину. Мои проводники не могли достаточно наговориться, и я просто не знаю, чего чего только они не наврали. Мнѣ самому пришлось сначала сбъяснить каждую вещь, которая находилась въ моемъ обиходѣ. Особенное удивленіе вызвала надутая воздухомъ подушка. Мои часы показались имъ весьма подозрительной штукой. По ихъ мнѣнію, тамъ былъ запертъ Ханшу (духъ). Устройство револьвера и ружья пришлось тоже объяснить. Пошли вопросы: какъ далеко они стрѣляютъ? можно ли застрѣлить тигра, слона? можно ли убить человѣка? Когда я утвердительно отвѣтилъ на послѣдній вопросъ, то сидящіе близко почтительно отодвинулись, избѣгая близкаго сосѣдства со страшнымъ смертоноснымъ оружіемъ.

Всѣ эти весело болтающіе и размахивающіе руками «дикие люди» вели себя какъ большія дѣти. Всякую вещь имъ нужно было потрогать, ухватить, а когда я имъ разъяснилъ употребленіе моего объясненнаго прибора, то они хотали до упаду.—«Бѣлый чужестранецъ не умѣетъ даже ѣсть собственными пальцами,—значитъ, мы имѣемъ надъ нимъ превосходство»,—думали, вѣроятно, они. Однако, несмотря на невообразимый шумъ и гамъ, никто изъ нихъ не былъ ни дерзокъ, ни навязчивъ, и когда около десяти часовъ я заявилъ, что усталъ и хочу спать, то они тотчасъ же добровольно покинули мое помѣщеніе.

Скоро воцарилась глубокая тишина въ поселкѣ. Два или три раза ночью слышны были глухіе удары, и звукъ ихъ разносился на далекое разстояніе. Звукъ этотъ происходилъ отъ ударовъ по пустому куску ствола и производился съ цѣлью отогнать блуждающихъ кругомъ слоновъ.

Около 5¹/₂ часовъ утра стали снова оживляться хижины сакеевъ. Женщины тѣлили рисъ, нѣкоторыя изъ нихъ несли на головахъ съ ближайшей рѣки воду въ продолговатыхъ бамбуковыхъ кувшинахъ. Всѣ семьи занялись приготовленіемъ завтрака. Этому похвальному приѣму послѣдовали и мы.

На сегодняшний день мнѣ предстояла не малая работа, такъ какъ я рѣшилъ приобрести, посредствомъ обмѣна, различные предметы, имѣющіе значеніе для этнографіи. Но здѣсь я хочу сдѣлать маленькое отступленіе и кратко описать житье-бытье сакейскаго народа.

Приютившіи насъ поселокъ «Крбу» состоялъ приблизительно изъ 50 душъ. За однимъ только исключеніемъ, въ каждомъ домѣ жило по нѣсколькью семействъ. Всѣ постройки свайныя. Полъ сакейскаго дома находится на высотѣ отъ 1¹/₂ до 2 метровъ отъ земли. Для входа при-слонены въ наклонномъ положеніи бревна съ зарубками, которыя служатъ лѣстницей. Внутри хижины раздѣлены бамбуковыми перегород-

ками или просто тряпьем на нѣсколько маленькихъ отдѣленій, которыя группируются вокругъ большого. Къ задней стѣнѣ хижины прислонена маленькая постройка для очага. Огонь постоянно поддерживается и глѣбеть подъ золой. Въ прежнія времена его добывали на кучкѣ древесной коры, посредствомъ тренія мягкаго дерева о ротангъ. Въ настоящее же время, вслѣдствіе мѣнливости торговли, почти у каждаго сакея имѣются спички.

Среднее помѣщеніе считается общимъ, и въ немъ проводятъ день всѣ жители хижины. На балкахъ, которыя подпирають потолокъ, висятъ различные съѣстные припасы, а на стѣнахъ—корзинки, которыя служатъ для сбора лѣсныхъ плодовъ; корзинки эти носятъ при помощи головной повязки.

Выдувательныя трубки, которыя служатъ ружьемъ сакеямъ, стоять по угламъ, а между ними даже одно копье. Отвратительной породы маленькія собаченки, завезенныя сюда, вѣроятно, китайцами, дерутся подъ хижинами, оспаривая другъ у друга отбросы.

Повседневная жизнь сакеевъ складывается въ очень простыя формы. Супруги живутъ согласно и, повидимому, ведутъ счастливую семейную жизнь. Дѣтей своихъ они очень любятъ и почти что никогда не наказываютъ. О какомъ-либо воспитаніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Дѣти вполне предоставлены самимъ себѣ и коротаютъ время играми всякаго рода. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ, какъ они кувыркались, тинули канатъ и упражнялись въ стрѣльбѣ изъ выдувательныхъ трубокъ и такъ далѣе. Они всегда находятся при родителяхъ, когда тѣ заняты какой-либо работой, и такимъ образомъ выучиваются наглядно тому немногому, что имъ нужно знать.

Пока молодые и сильные мужчины племени охотятся или ловятъ рыбу, большей частью въ одиночку, старые занимаются всякаго рода рѣзкою и готовятъ запасы стрѣлъ. Женщины цѣлый день заняты домашними дѣлами. Со стариками обращаются хорошо, и они пользуются большимъ уваженіемъ въ совѣтѣ.

Сакеи этой мѣстности живутъ нѣсколькими общинами, разбросанными по теченію рѣки, и выбираютъ одного главара (батинъ), который долженъ рѣшать всѣ вопросы, касающіеся племени. Достоинство такого батина наследственно. Если сынъ умирающаго батина еще дитя, то совѣтъ старѣйшихъ выбираетъ ему замѣстителя, который сохраняетъ свое достоинство до самой смерти. Только послѣ его смерти законный наследникъ можетъ вступить въ свои права.

Батинъ мѣстности Сунгей-Крбу жилъ гораздо выше по теченію рѣки, въ другомъ поселкѣ, поэтому я съ ранняго утра послалъ туда моего проводника, чтобы доложить ему о моемъ прибытіи и попросить пожаловать сюда. Чтобы приобрести этнографическіе предметы, я по-

сѣтилъ тѣмъ временемъ самую богатую изъ хижинъ поселка, въ которой меня приняли въ среднемъ помѣщеніи и предложили сѣсть на предупредительно принесенную циновку. Въ глубинѣ помѣщенія сидѣла старенькая старушка и держала надъ тлѣющей золой полусырой зеленый рисъ, для того чтобы онъ дозрѣлъ. Въ другомъ углу двѣ дѣвочки-подростка очищали толченый рисъ отъ шелухи, пересыпая его съ мѣста на мѣсто. Пока я возможно соблазнительнѣе раскладывалъ вокругъ себя всѣ предметы, предназначенные для общѣна съ туземцами, вокругъ меня собрался весь цвѣтъ женскаго населенія поселка Крбу.

На всѣхъ женщинахъ надѣты были передники. У всѣхъ черные, какъ смоль, волосы, похожіе на войлокъ, а тѣла ихъ по большей части покрыты паршей. Дѣти тоже сильно покрыты сыпью. Большая часть мужчинъ отсутствовала. Невообразимая грязь покрываетъ всѣ тѣла.

Мои попытки мѣновой торговли натолкнулись сначала на самую холодную сдержанность. Никто не рѣшался положить начало. Когда я, наконецъ, рѣшительно вытаскилъ бамбуковый гребень—изъ шерстистыхъ волосъ одной весьма пожилой красавицы и надѣлъ ей на шею взамѣнъ двѣ нитяи бусъ, только тогда растаяли всѣ сажеейки. Другъ за дружкой стали онѣ исчезать и тотчасъ же появляться снова съ самыми сокровенными изъ своихъ богатствъ. Завязалась бойкая мѣна. Женщины никогда не довольствовались предлагаемымъ, всегда требовали больше. Послѣ нѣсколькихъ часовъ торговыхъ переговоровъ, мнѣ удалось собрать порядочную коллекцію головныхъ гребней, лопаточекъ для рису, шейныхъ цѣпочекъ изъ сѣмянъ и зубовъ животныхъ и такъ далѣе, и много другихъ предметовъ. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось получить трубку для выдуванія стрѣлъ, называемую по-малайски сумпитагъ,—единственное, но очень опасное оружіе лѣсныхъ жителей. Мужчины имѣли только по одному такому оружію, съ которымъ никогда не расстаются. Я предлагалъ за одинъ чудно разрисованный экземпляръ до пяти долларовъ, но не могъ убѣдить обладателя предоставить его мнѣ. Эти трубки состоятъ изъ двухъ плотно входящихъ другъ въ дружку бамбуковыхъ палокъ, длиною до двухъ метровъ. Изъ нихъ выпускаютъ короткія отравленные стрѣлы, не толще вязальной иглы, сдѣланныя изъ пальмоваго дерева и снабженныя на концѣ перышками.

Возвизвшись, стрѣлы ломаются, и малайцы очень боятся ихъ дѣйствія. Говорятъ, что малѣйшее пораненіе ими смертельно для человека. Ядъ, употребляемый для стрѣлъ сажеейки, состоитъ изъ смѣси ядовъ растительныхъ и змѣиныхъ. Стрѣлы складываютъ въ колчанъ и носятъ съ собой въ большомъ количествѣ. Въ моемъ присутствіи было сдѣлано нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ, и я убѣдился, что

стрѣлы эти попадаютъ очень мѣтко, даже въ маленькія мишени, какъ, наприимѣръ, въ птицъ, сидящихъ на вершинахъ самыхъ высокыхъ деревьевъ. Кое-гдѣ встрѣчаются также копья, вѣроятно, малайскаго происхожденія. Провѣтаетъ у сакеевъ и ловля звѣрей капканами.

Покопивъ свою мѣну съ туземцами, я освѣжился купаньемъ. Рядомъ со мною безъ всякаго стѣсненія купалось нѣсколько женщинъ, которыхъ привело сюда исключительно желаніе освѣжиться, но никакъ не вымыться.

Въ полдень пошелъ небольшой дождикъ. Мужчины по этому случаю вернулись раньше домой, и моя хижина опять наполнилась многочисленными посѣтителами. Самымъ желаннымъ для меня гостемъ былъ прибывшій батинъ, появившійся съ женой и дочерьми. Онъ былъ еще молодъ, лѣтъ тридцати, росту средняго, какъ большинство сакеевъ, хорошаго сложенія, грудь широкая и высокая, мускулатура великолѣпно развита; видъ его былъ гораздо интеллигентнѣе, чѣмъ у остальныхъ сакеевъ. Вся одежда состояла изъ пояса стыдливости.

Женщины, сопровождавшія «батина», тотчасъ же принялись за приготовленіе купанья. Онъ толкли рисъ и очищали муку отъ шелухи, просѣивая ее; корзинка для просѣиванія была малайскаго происхожденія.

Батинъ преподнесъ мнѣ два великолѣпно сдѣланныхъ изъ рѣдкаго дерева головныхъ украшенія въ видѣ гребней—собственной работы, кромѣ того, ожерелье изъ сѣмянъ и нѣсколько малайскихъ трубокъ. Я тоже богато одарилъ его. Между моими подарками особенный восторгъ вызвалъ цвѣтистый ситецъ. Отъ говорившаго бѣгло по-малайски «батина», я узналъ много интереснаго о жизни и міросозерцаніи сакеевъ.

Сакееи не знаютъ никакой религіи. То, что можно было бы назвать тахъ, основано на вѣрѣ въ души умершихъ и въ ихъ духовъ. Они не знаютъ Бога, и ихъ мысли и представленія всецѣло поглощены вѣрой въ Ханшу (духовъ). Убѣжденные въ томъ, что души предковъ обитаютъ въ глуши, они питаютъ суевѣрный страхъ къ мѣстамъ, гдѣ кто-либо погребенъ. Въ ночныхъ шорохахъ и звукахъ имъ мерещатся голоса и слова ханшу. Перешагнуть черезъ спящаго или разбудить внезапно считается оскорбленіемъ, потому что душа его во время сна отсутствуетъ и блуждаетъ въ мірѣ духовъ. Среди цѣлаго племени личность «блѣана», то есть колдуна, пользуется наибольшимъ почетомъ и въ то же время внушаетъ суевѣрный страхъ. Къ нему обращаются со всякими дѣлами и желаніями, его сужденія считаются весьма цѣнными, когда рѣшаются какіе-либо вопросы, касающіеся всего племени, или когда кто либо страдаетъ болѣзнями. Онъ всякому можетъ подать добрый совѣтъ, знаетъ всякія лѣкарства, самые дѣйствительные талисманы и можетъ сноситься съ душами лѣса и воздуха, а также

съ душами умершихъ. Въ его груди живетъ «ханшу», отрывающій ему всё тайны и пророчествующій его устами. Всѣ лѣсныя животныя покорны ему, и даже на тигрѣ онъ могъ бы ѣздить верхомъ. Когда кто либо обратится за совѣтомъ къ колдуну, то онъ удаляется съ наступленіемъ ночи къ священному мѣсту среди джунглей. Здѣсь, въ хижинѣ, окруженной цѣлой стѣной колючихъ вустарниковъ, онъ будто-бы ведетъ разговоръ съ духами. Съ наступленіемъ дня онъ снова появляется и предписываетъ тѣ средства, которыя открылъ ему ханшу. Лѣкарства его состоятъ по большей части изъ растительныхъ веществъ, хотя часто онъ примѣшиваетъ туда животныя вещества, а особенно важную роль играютъ экскременты животныхъ. Кромѣ того, различные амулеты противъ всякой напасти и злыхъ духовъ тоже имѣютъ немаловажное значеніе. Пророческая сила колдуна переходитъ по наследству отъ отца къ сыну, если же такового не имѣется, то колдуетъ самъ назначаетъ себѣ преемника, которому и передаетъ свое знаніе и свою сверхъестественную силу. Чувствуя приближеніе старости, такой знахарь отправляется съ мужичами своего племени въ дебри лѣса и выбираетъ тамъ мѣсто, на которомъ желаетъ быть погребеннымъ. Обыкновенно выбирается высокій холмъ. Послѣ его смерти здѣсь вырубаютъ площадку и сооружаютъ крытую постройку, вышиною въ два, три метра. Тѣло умершаго завертываютъ въ циновку, перешлетаютъ рогангомъ и, подвѣсивъ вдоль на палку, несутъ къ мѣсту погребенія. Здѣсь съ него снимаютъ всѣ покровы и обнаженнымъ кладутъ на деревянное сооруженіе. Вокругъ покойника ставятъ ѣду и питье, которыя возобновляются каждыя десять дней. Въ теченіе всего этого времени во всѣхъ поселкахъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, господствуетъ глубокой трауръ; не должно раздаваться ни пѣніе, ни бой барабана. Всякое одѣяніе, даже пояса стыдливости, снимаются, а также всѣ украшенія. На десятый день трауръ заканчивается радостнымъ празднествомъ и пиромъ.

Весьма оригинальны рѣдкіе праздники сакеевъ. Поводомъ для такого праздника служить, напримѣръ, время, когда поспѣваютъ фрукты. Всѣ дружественныя племена приглашаются на такія празднества, совершаемыя, обыкновенно въ лунныя ночи и начинаемыя трапезой. Каждый гость по мѣрѣ возможности приноситъ что-либо съѣдобное на общій пиръ: одинъ тащитъ кусокъ дичи, другой—рыбу, третій—пальмовое вино. Пока женщины готовятъ ѣду, мужчины сидятъ вокругъ горящаго костра, курятъ и болтаютъ. Послѣ угощенія поютъ круговыя пѣсни и устраиваютъ танцы, въ которыхъ участвуютъ и женщины. У сакеевъ есть три рода танцевъ, состоящихъ въ мимикѣ и ритмическомъ покачиваніи тѣла, но иногда переходящихъ въ дикіе прыжки, причѣмъ оба пола никогда не танцуютъ вмѣстѣ. Танцы обыкновенно сопровожда-

ются пѣніемъ. Глухо, однообразно и медленно начинается пѣніе, но постепенно пѣсня растетъ, темпъ ея ускоряется. Аккомпаниментомъ, главнымъ образомъ, служитъ барабанъ. Онъ сдѣланъ изъ выдолбленнаго обрубка ствола, болѣе или менѣе разукрашеннаго рѣзбой, на одинъ изъ концовъ котораго натягивается кожа игуаны или змѣи. Бьютъ въ барабанъ рукой. Кромѣ того, изъ инструментовъ имѣются еще разнообразныя флейты и такъ называемый губной барабанъ.

Къ такимъ праздникамъ мужчины расписываютъ себѣ лицо краской, приготовленной изъ различныхъ растений, а женщины только грудь. Головы причудливо убираютъ цвѣтами и гребнями, въ носъ и уши вставляютъ палочки, на рукахъ масса браслетовъ, на шеѣ ожерелій. Зато всякое одѣяніе должно быть снято, и даже женщины, вмѣсто саронга надѣваютъ только коротенькія юбочки (сабукъ), не шире двухъ пальцевъ, сдѣланныя изъ травы. Свадьбы тоже справляются большимъ пиромъ. Другихъ обрядовъ при этомъ не имѣется. Поладивъ съ отцомъ дѣвушки относительно дѣны, женихъ выплачиваетъ ее натурой, и ужъ ничто болѣе не препятствуетъ молодымъ людямъ соединиться бракомъ. Если у молодыхъ людей не имѣется еще своей собственной хижины, то они поселяются у тестя и устраиваются по домашнему въ одномъ изъ угловъ его хижины. Обыкновенно сакеи берутъ себѣ только одну жену. Число дѣтей бываетъ въ среднемъ невелико, но цифра смертности среди дѣтей страшно высокая.

Малайцы и китайцы занесли къ сакеямъ губительныя заразныя эпидеміи. Особенно часто бываютъ оспа и проказа, нерѣдко также и холера. Смерти сакеи ужасно боятся. Еще недавно существовалъ обычай, въ силу котораго сакеи уносили въ дѣвственный лѣсъ несчастныхъ своихъ соплеменниковъ, заболѣвшихъ смертельною болѣзью, отъ которой не могъ помочь даже кудесникъ, и, положивъ возлѣ больного немного пищи, оставляли его умирать ужасной смертью. Я самъ однажды натолкнулся на бѣлѣвшій среди чащи кустарника черепъ и скелетъ человѣка, оставшіяся, вѣроятно, отъ одного изъ такихъ несчастныхъ покинутыхъ больныхъ. Въ настоящее время дѣйствуетъ болѣе мягкій обычай, и больные до конца дней своихъ остаются въ семьѣ.

Когда умереть сакей, то тѣло его завертываютъ въ цыновку, сплетенную изъ коры, и уносятъ въ скрытое глухое мѣсто, гдѣ среди чащи вырубаютъ площадку для погребенія. Здѣсь роютъ яму отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 метровъ глубины, а въ ней дѣлаютъ боковую пещеру, въ которую кладется прахъ умершаго. Тѣло кладется спиною внизъ, а ногами къ западу. Боковое отверстіе этой примитивной гробницы закрывается посредствомъ тѣснаго ряда вбитыхъ въ землю кольевъ, такъ что, когда яма засыпается, ни одинъ комъ земли не попадаетъ на покойника. Сверху земля утаптывается ногами и поверхъ рамы, состоя-

щей только из трех бревень, такъ какъ четвертая, прилегающая къ ногамъ, сторона остается открытой, насыпаютъ небольшой холмъ. Поверхъ всего кладутъ вѣтки и сучья, для того, чтобы хищники не могли вырыть тѣло покойника изъ могилы. Съ этихъ поръ могила считается мѣстопробываніемъ ханшу и никогда больше не посѣщается, а мѣстность вокругъ возбуждаетъ страхъ и ужасъ и тщательно избѣгается. Въ многихъ случаяхъ даже все племя выселяется и основывается въ какой-нибудь дальней мѣстности. Правда, нѣкоторые племена, въ особенности же смѣшанные сакеи, уже бросили этотъ обычай. У нихъ очищеніе послѣ смертнаго случая совершается посредствомъ куренія, для котораго жгутъ вѣтки кустарниковаго растенія, похожаго на перецъ. Трауръ съ вишней, показной стороны у сакеевъ не соблюдается.

Тропическіе фрукты.

(По В. Тихомирову, А. Краснову и Э. Гейкелю).

Наши обыкновенные фрукты (яблоки, груши и т. п.), какъ извѣстно, совсѣмъ не могутъ расти или, по крайней мѣрѣ, взрѣвать подъ тропиками. Зато здѣсь мы находимъ множество своихъ специально тропическихъ плодовъ, которые настолько своеобразны, что стоитъ о нихъ сказать нѣсколько словъ; къ тому же многіе изъ нихъ, напр., кокосъ, баяанъ, хлѣбное дерево, служатъ важнѣйшею пищею туземцевъ, замѣняя не только наши фрукты, но также наши овощи и даже хлѣбныя растенія.

Первымъ между всѣми плодами является здѣсь мангустанъ (*Garcinia mangostana*). Дерево само по себѣ очень красиво: высокій, покрытый бѣловато-сѣрою корой стволъ его обладаетъ развѣсистою кроной, богатою крупными, цѣльными, блестящими темно-зелеными листьями, дающими густую тѣнь. Сами вѣтви гнутся подъ тяжестью множества плодовъ, красно-бурый цвѣтъ которыхъ мало выдѣляется, впрочемъ, на общемъ темно-зеленомъ фонѣ. Плодъ округлой формы, величиною съ небольшое яблоко, сверху украшенъ черною 6—8-лопастною звѣздой, снизу—четырьмя свѣтло-зелеными лопастями остающейся чашечки. Съѣдобною, какъ и почти у всѣхъ тропическихъ плодовъ, является лишь средняя сочная мякоть. Наружная оболочка—плотная и кожистая—въ молодости ядовитая, въ зрѣломъ состояніи обладаетъ неприятнымъ, сильно вяжущимъ, терпкимъ вкусомъ. Шестъ или восемь лучисто расходящихся изъ центра перегородокъ заключаютъ въ себѣ каждая по одному большому, очень горькому сѣмени; каждое сѣмя у зрѣлаго плода окружено бѣлою или слегка розоватою полужидкою мякотью. Последнюю только и ѣдятъ. Срѣзавъ верхнюю часть плода, ложечкою выбираютъ полужидкую мякоть, которая видомъ, превосходнымъ вку-

сомъ и плотностью напоминаетъ кисло-сладкое мороженое. Сходство съ мороженымъ увеличивается еще и тѣмъ, что плоды держать постоянно на льду, но и при такихъ условіяхъ они остаются годными не болѣе 48 часовъ. Итакъ, чтобы познакомиться со вкусомъ мангустановъ надо побывать самому на Цейлонѣ, Явѣ, Сингапурѣ и Малаккѣ; въ другихъ частяхъ земного шара ихъ найти невозможно.

Другой лучший изъ тропическихъ плодовъ—манга (*Mangifera indica*), видомъ своимъ напоминающая желтую, нѣсколько сжатую съ боковъ сливу, величиною съ гусиное яйцо и даже значительно болѣе. Обремененное плодами дерево манги весьма красиво: густолиственная, темно-зеленая, развѣсистая вершина его украшена какъ бы связками золотистыхъ плодовъ, спускающихся на весьма удлинненныхъ ножкахъ съ вершинъ вѣтвей, которыя они граціозно пригибаютъ своею тяжестью. Красота и высокій ростъ дерева, богатая тѣнь, имъ доставляемая, вкусные плоды, всегда легко сбываемые на рынкѣ,—все это дѣлаетъ мангу любимѣйшимъ деревомъ городскихъ садовъ и бульваровъ Цейлона, Сингапура, Сайгона. Плодъ манги доставляетъ несравненно меньшій съѣдобный матеріалъ, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго раза: наружная, довольно толстая кожистая оболочка его, непріятнаго вяжущаго вкуса, въ дѣло неидетъ. Вся срединная часть плода занята огромною косточкой, заключающей въ себѣ большое, очень горькое сѣмя. Промежутокъ между наружною оболочкой и косточкой выполненъ сочною оранжевою мякотью. Слой этотъ очень тонокъ. Кисло-сладкій, онъ имѣетъ своеобразный ароматъ, отдаленно напоминающій запахъ свѣжей малины.

Папая (*Carica papaya*), описываемая обыкновенно подъ названіемъ «дыннаго дерева», принадлежитъ также къ числу характерныхъ тропическихъ плодовъ. Величиною съ небольшую желтую дыню, чаще всего грушевидной формы, она съѣдается цѣликомъ, за исключеніемъ многочисленныхъ сѣмянъ, часто недоразвивающихся совсѣмъ у высшихъ породъ, что почитается большимъ достоинствомъ. Въ незрѣломъ состояніи плодъ ядовитъ; изъ надрѣзовъ его стѣною обильно вытекаетъ въ это время густой, подобно молоку, сокъ. При созрѣваніи плода этотъ млечный сокъ пропадаетъ и плодъ становится безвреднымъ, вкуснымъ и сладкимъ, а у высшихъ культурныхъ плодовъ—слегка ароматнымъ. Дерево, дающее эти плоды, также замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: стволъ его, чаще простой и неразвѣтвленный, въ 5—6 лѣтъ достигаетъ вышины 5—6 метровъ, оставаясь сочнымъ и настолько мяккимъ, что при небольшомъ усилии можетъ быть срѣзанъ ножомъ; толщина его достигаетъ при этомъ поперечника руки взрослого человека. Вершина голаго ствола украшена вѣтвямъ крупныхъ пальчатыхъ листьевъ, протягивающихся во всѣ стороны на своихъ длинныхъ череш-

кахъ, а подъ самую вершину ствoла, въ видѣ мелкихъ дынь или гигантскихъ грушъ, висятъ, также на длинныхъ ножкахъ, многочисленные золотистые плоды папая.

Весьма характернымъ тропическимъ плодомъ является рамбутанъ (*Persea Larraseus*). Это высокая развѣсистая деревья съ неравноперистыми листьями, мелкими неказистыми цвѣтами и очень оригинальными плодами; при урожаѣ они настолько обильны, что безъ подпоръ дерево не выдерживаетъ ихъ тяжести, несмотря на относительно незначительные размѣры самаго плода, достигающаго размѣровъ мелкаго яблока, удлинненно-яйцевидной формы. Вся наружная кожистая краснo-бурая оболочка рамбутана покрыта длинными, мягкими, загнутыми на концахъ сосочками, напоминающими очень утолщенный волосъ. Съѣдобною является бѣлая, сочная, сладкая масса мякоти плода, окружающая большое центральное горькое сѣмя, заключенное въ свѣтло-сѣрой оболочкѣ. Рамбутанъ имѣетъ весьма ограниченное распространѣнiе; разводится онъ на Цейлонѣ, Малаккѣ и островахъ Малайскаго архипелага и подобно мангустану, благодаря особенной непрочности, доступенъ лишь жителямъ Индiи.

Дурианъ—большое, очень высокое дерево, съ широкою, но не особенно гнѣзютою вершиной. Листья у него овальные, гладкіе, сверху темно-зеленые, снизу бѣловатые. Плоды дуриана продолговатые, сплошь усажены очень острыми и твердыми деревянистыми шипами, нѣрѣдко достигающими цѣлаго сантиметра длиною. Падая при созрѣванiи съ весьма значительной высоты, плоды эти нѣрѣдко наносятъ значительныя поврежденiя домашнимъ животнымъ и людямъ. Извѣстны даже случаи смерти отъ ушибовъ и пораненiй ими головы и лица, что не мудрено при величинѣ плода, почти достигающаго размѣровъ человеческой головы, тяжести его и высотѣ паденiя. Деревянистая толстая оболочка усаженнаго шипами плода очень плотна. Благодаря густо торчащимъ во все стороны шипамъ, плодъ дуриана нельзя взять въ руки, и онъ можетъ быть вскрытъ только крѣпкимъ большимъ ножомъ. При внимательномъ наблюдении можно замѣтить 5 очень узкихъ линiй, расходящихся отъ ножки плода и снова встрѣчающихся у его вершины. Здѣсь нѣтъ шиповъ и линiи эти—створки, по которымъ плодъ самъ раскрывается на пять частей во время его зрѣлости. При вскрытiи плода распространяется тотчасъ же очень сильный и рѣзкій запахъ, весьма противный для непривычнаго. Онъ напоминаетъ, только въ гораздо болѣе сильной степени, запахъ чеснока. Запахъ этотъ такъ силенъ, что онъ распространяется въ воздухѣ еще висющими на большой высотѣ на деревьяхъ зрѣлыми и созрѣвающими плодами дуриана, какъ въ этомъ легко убѣдиться въ концѣ юня, проѣзжая по улицамъ города между садами, въ которыхъ очень часто и обильно встрѣчаются весьма люби-

мые въ Сингапурѣ, особенно малайцами и китайцами, дуріаны. Каждый изъ пяти участковъ дуріана-плода представляется внутри въ видѣ какъ бы бѣлой или бѣло-розоватой лодочки, содержащей 2—3 крупныхъ овальныхъ сѣмени, величиною равняющихся сѣмени конского каштана. Сѣмена эти облечены особою сочною, мясистою оболочкой. Оболочка эта, бѣлая, слегка красноватая или же желтоватая, такъ сочна, что у плода вполне зрѣлаго расплывается въ полужидкую массу, имѣющую плотность сметаны. Это единственная съѣдобная часть плода, которая какъ бы таетъ во рту и имѣетъ совершенно иной, дѣйствительно очень пріятный, слабый и тонкій ароматъ и сладко-маслянистый, едва острый вкусъ. Туземцы и китайцы страстно любятъ дуріанъ; европейцы же въ этомъ отношеніи дѣлятся на два противоположныхъ лагера: одни говорятъ, что это нѣчто прямо невозможное, другіе становятся столь же страстными поклонниками своеобразнаго плода, какъ и туземцы.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ тропическихъ плодовъ является кокосъ. Кто не читалъ о такъ называемомъ кокосовомъ молокѣ? Но насколько невѣрно это названіе! Вода кокоса—вотъ настоящее, вполне соответствующее истиннѣ названіе этой жидкости. Сѣменное ядро созревающего, но еще далеко не достигающаго зрѣлости кокоса состоитъ изъ относительно тонкаго, снѣжно-бѣлаго, плотнаго наружнаго слоя, своимъ нѣжнымъ вкусомъ напоминающаго лучшій миндаль, и слоя внутренняго, рыхлаго и нѣжно волокнистаго, на вкусъ сладковатаго. Этимъ внутреннимъ слоемъ ограничивается центральная, выполненная прозрачною безцвѣтною жидкостью, полость сѣмени. Жидкость эта и представляетъ собою то, что туземцы зовутъ «кокосовою водою»; ее они пьютъ, а два вышеописанные слоя сѣменнаго ядра ѣдятъ прямо или приготовляютъ изъ него различныя кушанья. Орѣхъ, достигшій предѣловъ своего нормальнаго роста, но еще не созрѣвшій, содержитъ въ себѣ болѣе двухъ большихъ стакановъ воды. Это—прозрачная, едва опалесцирующая жидкость. Ее-то и называютъ неправильно кокосовымъ молокомъ, потому что въ орѣхахъ, давно сорванныхъ и долго лежавшихъ, она, становясь непрозрачною, дѣйствительно принимаетъ видъ молока, получая при этомъ непріятный запахъ и прогорклый вкусъ,—въ такомъ состояніи она, понятно, ужъ негодна болѣе къ употребленію и въ такомъ именно видѣ и прибываютъ содержащіе ее орѣхи въ порты Европы, подтверждая ошибку самаго названія. Только что снятый съ дерева кокосовый орѣхъ срѣзывается у своего верхняго заостреннаго полюса ножомъ. Теперь остается только разлить по стаканамъ воду—и все готово! На первый разъ слегка сладковатая жидкость кажется нѣсколько приторною, но замѣчательная свѣжесть, дающая пріятную и столь желательную при томъ же жарѣ прохладу, быстро миритъ съ этимъ неудобствомъ.

Отъ кокоса удобнѣе всего перейти къ плодамъ, носящимъ у туземцевъ имя «нанка», т.-е. къ хлѣбному дереву. Ихъ болѣе пяти видовъ. Самый распространенный видъ хлѣбноплодика (*Artocarpus integrifolia*) даетъ вырастающіе прямо на стволѣ громадныя продолговатыя зеленныя плоды, до аршина длиною, при соответствующемъ объемѣ. Иныхъ одинъ человекъ и не подниметъ. Изъ ихъ мелкихъ площадокъ, составляющихъ поверхность плода, при разрѣзѣ выдѣляется, какъ у нашихъ молочаевъ и фикусовъ, бѣлое молоко. Если такой плодъ разрѣзать, онъ окажется наполненнымъ крупными, болѣе чѣмъ съ бобъ величиной, зернами, обмотанными мякотью янтарнаго цвѣта. Мякоть эта богата сокомъ, слегка волокниста, нѣсколько напоминаетъ не то дыню, не то персикъ и съ сильнымъ бананымъ запахомъ. Его очень любятъ туземцы, почему куски плода, завернутые въ банановыя листья, можно всегда найти на базарѣ и даже на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ мелкихъ лавочкахъ. Европейцы считаютъ плодъ хлѣбнаго дерева слишкомъ вульгарною пищею, и его никогда не увидишь за ихъ столомъ. Туземцы же потребляютъ его, и особенно другіе виды, какъ овощи. Разрѣзанные на куски и испеченные въ золѣ плоды хлѣбноплодика вкусомъ дѣйствительно напоминаютъ нѣсколько плохой пшеничный хлѣбъ.

Изъ плодовъ, извѣстныхъ въ Европѣ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть бананы, или пизанги. Этотъ чудный плодъ тысячекратно вознаграждаетъ трудъ, положенный на его воздѣлываніе. Каждое банановое дерево несетъ гроздь плодовъ, тѣсно сплоченную изъ многихъ сотенъ. Это великолѣпное дерево, съ величественною кроной свѣтло-зеленыхъ всячкихъ десятифутовыхъ листьевъ,—не болѣе какъ однолѣтнее растеніе. Красота банана соперничаетъ съ его неисчислимою пользою; онъ служитъ самымъ лучшимъ украшеніемъ индійскихъ хижинъ.

Бананы подъ тропиками такъ же обыкновенны, какъ у насъ картофель. Цѣлыя углы базара бываютъ завалены громадными рядами съ этими то ярко-желтыми, то темно-зелеными, длинными или почти яйцевидными плодами. Ихъ продаютъ гроздьями, длиною превосходящими человѣческой ростъ. Существуетъ множество разновидностей банана. Самымъ лучшимъ сортомъ считаются маленькіе золотисто-желтые «дамскіе пальчики», которые дѣйствительно не толще пальца изящной дамы и отличаются особенною сладостью. Напротивъ того, исполнскіе «своднистые» бананы походятъ формой, размѣромъ и цвѣтомъ на крупный огурецъ и обладаютъ чрезвычайно освежающимъ, прохладнымъ сокомъ. Толстые «картофельные» бананы, наоборотъ, цѣнятся за ихъ мучнистость и питательность: 3—4 штуками можно утолить голодь. «Ананасные»—замѣчательно своимъ тонкимъ ароматомъ, а «жоричевые»—своимъ прянымъ вкусомъ и т. д. Обыкновенно этотъ фруктъ ѣдятъ въ сыромъ видѣ. Подъ его несъѣдобной, легко сдирающейся кожей мягкое

мясо сильно мучнисто и хотя тает во рту, но какъ-то заклеиваетъ горло. Новичку бананы скоро пріѣдаются, набиваютъ оскомину, но это потому, что ихъ не умѣютъ ѣсть. Лучше всего бананъ заливать водой. Тогда это незамѣнимый бисквитъ или мороженое, конечно если бананъ хорошаго сорта. Европейцы часто ѣдятъ его съ сыромъ—тоже оригинально и недурно; но туземецъ охотѣе ѣсть его варенымъ и печенымъ, дѣлая изъ его тѣста съ мукою пирожки. Особенно хороши бананы жареные въ маслѣ. По вкусу это совершенно наши пышки изъ кондитерской или, вѣрнѣе, тѣ ихъ внутреннія части, куда такъ скупно кладется пирожниками варенье. Они и по виду напоминаютъ пирожки—такъ выпучивается въ маслѣ ихъ наружная коричневая корочка. Ёсть ихъ лучше горячими. На Явѣ этимъ кушаньямъ цѣна грошовая: на 1 коп. до 5 штукъ.

Второе мѣсто занимаютъ ананасы. Въ Сингапурѣ или Батавіи утромъ можно видѣть множество разносчиковъ, на длинныхъ кривыхъ коромыслахъ несущихъ цѣлыя пирамиды изъ связанныхъ вмѣстѣ этихъ плодовъ. Ихъ также много сортовъ. Цѣну ананасу узнаешь въ жаркіе дни, блуждая по лѣсу,—тогда, когда вы умираете отъ жажды, и вашъ спутникъ, обрѣзавъ ножомъ его шероховатую, колючую поверхность и разрубивъ на восьмушки, подаетъ вамъ блѣдно-желтую мякоть. У зрѣлаго ананаса она таетъ во рту, какъ арбузъ, наполняя ротъ кисло-сладкою ароматною жидкостью. Въ тропическомъ лѣсу онъ играетъ ту же роль, что арбузъ въ степи, и тутъ только вы познаете его прелесть, а не за десертомъ, гдѣ 2—3 ломтика плода, очищеннаго и поблекшаго, не могутъ дать понятія ни о его обильномъ сокѣ, ни о его прохладительности.

Наконецъ, въ перечисленіи тропическихъ фруктовъ былъ бы большой пробѣлъ, если бы мы пропустили апельсины. Ихъ здѣсь въ продажѣ до десяти различныхъ видовъ. Самые крупные—«шампельмуссы», съ человѣческую голову величиной, съ громадными долями, желтою и розовою мякотью, самый распространенный изъ всѣхъ апельсиновъ; затѣмъ идутъ кислотатые, съ зеленою кожей, сорта, соответствующіе нашимъ апельсинамъ, но во всемъ имъ уступающіе.

Лимоны здѣсь замѣняются маленькими, съ орѣхъ величиною, фруктами, съ очень кислымъ сокомъ.

На западномъ берегу Суматры.

(К у н а).

Вечеромъ 20-го января впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ плаванія увидѣли мы огни встрѣчнаго парохода. Быстрое уменьшеніе морской глубины указывало на приближеніе къ Суматрѣ, которая, дѣйствительно, показалась вдали утромъ 21-го января.

Небо было затянуто густыми дождевыми облаками, низвергавшими на нас потоки ливня. Вскорѣ однако оно расчистилось, и, проходя мимо одного изъ самыхъ южныхъ острововъ, которые располагаются впереди западнаго берега Суматры, мы замѣтили вырсовывающіеся на голубомъ фонѣ неба высокіе конусы хребта Баризанъ. Волны улеглись, и мы вступили въ область моря, ограничиваемую Суматрой и расположеннымъ передъ нею рядомъ острововъ. Одновременно благодаря бурному сѣверо-западному муссону воздухъ сдѣлался настолько туманнымъ, что ночью пришлось подавать сигналы паровымъ свисткомъ.

Съ наступленіемъ утра туманъ разсѣялся, и передъ нами открылась картина, отъ которой трудно было оторваться. Горы Суматры поднимаются въ видѣ трехъ или четырехъ этажей, и надъ ними царятъ затянутые прозрачной голубоватой дымкой конусы вулкановъ. Долины скрыты отъ взоровъ завѣсою облаковъ, которыя поддерживаютъ постоянную сырость въ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, опускающихся по склонамъ. Въ море выдвигается цѣлый рядъ коралловыхъ острововъ и рифовъ, дѣлающихъ судоходство вблизи берега очень затруднительнымъ. Всѣ они, какъ и самый берегъ, покрыты густымъ лѣсомъ и по краю окаймлены пальмами, верхушки которыхъ склоняются надъ волнами моря. Взоръ не можетъ насытиться зрѣлищемъ этихъ острововъ: они положительно напоминаютъ плавающія корзины съ цвѣтами.

Вдоль южнаго склона хребта Баризанъ страна населена, повидимому, не густо, и, лишь приближаясь къ Падаангу, мы замѣтили болѣе явственные слѣды дѣятельности человѣка.

Въ воскресенье, въ 5 часовъ дня, 22-го января, мы встали на якорь въ красивой бухтѣ Эммы на западномъ берегу Суматры. Съ Падаангомъ и съ угольными копями въ горахъ гавань Эммы соединена желѣзной дорогой и представляетъ изъ себя естественный исходный пунктъ для богатствъ западной части острова. Весь заливъ, сѣверо-западный уголъ котораго обращенъ въ гавань, окруженъ широкимъ полукругомъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ до самаго моря. Отъ сѣверо-западнаго берега залива тянется возведенный недавно молъ, который защищаетъ отъ волнъ съ юго-запада и юга. Живыя колоніи коралловъ, между которыми снуютъ множество темныхъ морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ и голотурій, покрываютъ дно бухты и въ хорошо защищенныхъ мѣстахъ образуютъ иногда настоящіе подводные сады и гроты, великолѣпнѣе красота которыхъ нельзя вообразить, обладая даже самой пылкой фантазіей.

Послѣ того какъ были окончены обычныя формальности и судно наше поставлено на якоря, я отправился уже вечеромъ въ Падаангъ, чтобы получить столь долго ожидаемая всѣми вѣсти съ родины.

Наступила уже ночь, и намъ казалось, что мы перенеслись въ какую-

то сказочную страну, въ особенности, когда мы возвращались домой въ экипажѣ, управляемомъ малайцемъ : мы ѣхали черезъ густыя заросли пальмъ и бамбука при ослѣпительномъ свѣтѣ луны, мимо скрытыхъ въ кустарникахъ бамбуковыхъ хижинъ туземцевъ ; въ воздухѣ мелькали мириады свѣтящихся жуковъ ; все это сильно дѣйствовало на насъ послѣ нашего утомительнаго путешествія. Хотя мы и вернулись уже довольно поздно, всѣ наши сотоварищи еще не спали и съ ликованиемъ встрѣтили долго жданныя вѣсти изъ дому.

Падангъ представляетъ изъ себя типичный тропическій городъ, растянувшійся до безконечности. Онъ пересѣченъ по всѣмъ направленіямъ широкими и содержимыми въ превосходномъ порядкѣ улицами.

Жителей въ Падангѣ около 33.000, изъ которыхъ пять шестыхъ малайцевъ. Центръ торговли находится на правомъ берегу рѣки Паданга : здѣсь расположены всѣ конторы и склады большихъ торговыхъ домовъ, а также консульства, различныя административныя учрежденія и обширныя правительственные склады кофе. Естественный путь сообщенія въ дѣловой части города доставляетъ рѣка Падангъ, которая отъ устья приблизительно на полтора километра вверхъ по теченію доступна для плаванія малайскихъ джонокъ. Вокругъ этихъ послѣднихъ, стоящихъ по обѣ стороны рѣки на якоряхъ, постоянно кипитъ жизнь, полная движенія : съ нихъ непрерывно выгружаются различныя продукты береговой полосы и расположенныхъ около Суматры островковъ ; такими продуктами являются дерево, сахарный тростникъ, различныя смолы, копра, кокосовыя орѣхи, рисъ, различныя плоды и домашняя птица.

Къ торговому кварталу примыкаетъ китайскій кварталъ. Передъ своими домиками, построенными изъ камня и выведенными вслѣдствіе постоянныхъ землетрясеній лишь въ одинъ этажъ, торговцы-китайцы раскладываютъ со вкусомъ и умѣніемъ мѣстные и европейскіе товары. На ряду съ пріятными впечатлѣніями немало сохраняется у посетителя китайскаго квартала и менѣе пріятныхъ. Пыль и отвратительный запахъ—послѣдній въ особенности на рыбномъ и овощномъ рынкѣ—дѣлаютъ пребываніе тамъ мало завиднымъ, а лавочки для продажи опиума, около которыхъ сидятъ и курильщики этого зелья, позволяютъ познакомиться съ однимъ изъ ужаснѣйшихъ пороковъ человѣчества.

Отъ китайскаго квартала широкая улица ведетъ мимо мастерскихъ китайскихъ мебельщиковъ, мимо европейскихъ типографій и комиссіонныхъ конторъ въ европейскій кварталъ. Онъ носитъ характеръ огромнаго и благоустроеннаго парка. Широкая улицы его окаймлены по обѣ стороны кокосовыми пальмами и группами тропическихъ деревьевъ. Практичность голландцевъ сказывается уже въ постройкѣ ихъ домовъ, вполне приспособленной къ тропическому климату. Дома эти почти исключительно построены изъ дерева, располагаются на метръ отъ

почвы, опираясь на столбы, и покрыты крышами из пальмовых листьев. Воздух может свободно циркулировать под этими свайными постройками, и потому жилия комнаты, несмотря на влажный береговой климат и частые тропические дожди, остаются сухими и относительно прохладными.

Въ центрѣ европейскаго квартала оставлено нѣсколько обширныхъ площадей, покрытыхъ дерномъ и производящихъ, благодаря красивому виду на горы и городскіе сады, чрезвычайно симпатичное и уютное впечатлѣніе. Вокругъ нихъ располагаются клубы, превосходные отели, правительственныя учрежденія, судъ и огромный военный госпиталь.

Кто желаетъ быть подалѣе отъ городской суеты, тотъ найдетъ себѣ превосходное мѣсто для прогулокъ на сосѣдней горѣ Апенбергъ и прилегающихъ высотахъ, гдѣ онъ можетъ наслаждаться зрѣлищемъ охраняемыхъ здѣсь и даже подкармливаемыхъ бананами обезьянъ и превосходными раскрывающимися передъ нимъ видами. Для любителя охоты представляется возможность поохотиться недалеко отъ города въ болотистыхъ мѣстностяхъ, заросшихъ бамбукомъ, низкорослой перистой пальмой и панданусами, на безчисленныхъ птицъ и на дикихъ свиней.

Кого интересуеетъ живописное смѣшеніе различныхъ племенъ, обитающихъ въ Падангѣ, тотъ не долженъ упустить случая побывать въ базарный день на базарѣ. Эта огромная площадь покрыта безчисленными лавочками, расположенными правильными рядами; по краямъ ея расположились цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Ихъ филиграновыя работы изумительно тонки. Съ ранняго утра приходятъ со всѣхъ сторонъ повозки, запряженныя длиннорогими суматрскими буйволами; повозки образуютъ длиннѣйшій непрерывный рядъ, и всѣ руки заняты выгрузкою изъ нихъ привезенныхъ товаровъ, которые раскладываются прямо на землѣ или въ лавочкахъ. Длинными рядами лежатъ на землѣ различные сорта овощей и превосходнѣйшіе тропическіе фрукты, производимые долиной Паданга. Бананы, ананасы, лимоны, апельсины, желтые плоды мангъ и длинныхъ деревьевъ лежатъ здѣсь вмѣстѣ съ мангустанами. Тутъ же лежатъ огромныя кучи дуриановъ, величиною съ голову. Здѣсь же приходится видѣть испанскій перецъ, вытянутые въ длину клубни бататовъ и служащіе для жеванія бетеля орѣхи арековой пальмы. Около мѣста продажи рыбы и мяса, которое подъ тропиками всегда уже замѣтно издали по запаху, находятся лавки продавцовъ соли. Неподалеку отъ мясного рынка располагаются также переносныя кухни, гдѣ туземцы ѣдятъ рисъ руками.

Особенно привлекательны ряды, гдѣ продаются очень дешево различные плетенныя издѣлія, сдѣланныя нерѣдко съ большимъ вкусомъ. Тутъ же лежатъ груды черныхъ связокъ превосходныхъ веревокъ изъ

волоконъ сахарной пальмы; въ горахъ ихъ употребляютъ также для устройства крышъ.

Страсть къ курению сильно распространена, и всюду встрѣчаются лавочки табаку, который завернуть обыкновенно въ листья низкорослой перистой пальмы. Лежатъ здѣсь также выложенные для продажи продукты деревьевъ, растущихъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ: камфара и бензойная смола, наконецъ гуттаперча, добываемая изъ гуттаперчеваго дерева.

Базару придаютъ своеобразную физиономію также снующіе всюду китайцы, которые навязываютъ всеѣмъ китайскіе товары; съ другой стороны, мѣстные торговцы соблазняютъ своихъ соплеменниковъ различными европейскими бездѣлушками.

Кто не боится всеѣхъ непріятностей, связанныхъ съ посѣщеніемъ базара, востерпимой жары, аромата, исходящаго отъ буйволовъ, дурана и разлагающейся рыбы, а также и толкотни, тому нигдѣ не найти лучшаго случая познакомиться ближе съ типами и жизнью народа.

Отъ гавани Эммы начинается цѣлая система узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя прежде всего служатъ для доставки каменнаго угля. Этотъ послѣдній добывается здѣсь въ горахъ, куда и проведена узкоколейная дорога; въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ она имѣетъ зубчатый путь. Небольшіе вагоны, сообразно съ климатическими условіями, хорошо вентилируются. Имѣются два класса, изъ которыхъ въ одномъ ѣдутъ преимущественно низшіе слои населенія, тогда какъ другимъ пользуются европейцы, богатые китайцы, зажиточные малайцы.

Трудно описать то богатство и разнообразіе ландшафтовъ и впечатлѣній, которые положительно подавляютъ путешественника.

Перейдя черезъ изящный желѣзнодорожный мостъ, соединяющій берега рѣки Паданга, желѣзная дорога оставляетъ Падангъ и идетъ черезъ богатѣйшую воздѣланную низменность. Мѣстность имѣетъ характеръ парковаго ландшафта: искусственно орошаемыя рисовыя поля чередуются то съ хижинами, обсаженными пальмами и фруктовыми деревьями, то съ небольшими рощницами и болотистыми впадинами, заросшими низкорослыми перистыми пальмами, саговыми пальмами и панданусами. Желѣзная дорога пересѣкаетъ затѣмъ нижнее теченіе рѣки, и приближительно черезъ два часа по выгздѣ поѣздъ направляется къ горамъ, надъ которыми рѣзко вырисовываются силуэты дымящагося конуса вулкана Мерапи и двойного вулкана Сингалангъ-Тандикотъ.

Вскорѣ затѣмъ станція, гдѣ мѣняется локомотивъ. Здѣсь желѣзнодорожный путь вступаетъ въ боковую долину—въ ущелье рѣки. Долина эта замыкается обрывистыми склонами горы Тандикотъ; зубчатый путь, извиваясь многочисленными изгибами и пересѣкая 8 разъ рѣчку, направляется къ ущелью. Склоны здѣсь покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, въ ко-

торомъ раздаются звуки адскаго концерта гиббоновъ-сиаманговъ (*Hulobates syndactylus*), то тамъ, то здѣсь у самой желѣзной дороги виднѣются древовидные папоротники, то одиночные, то собранные въ группы, а въ глубинѣ ущелья бѣшено несетса по трахитовымъ и шифернымъ обломкамъ скаль рѣка Аней, берущая свое начало высоко въ горахъ. Мѣстами встрѣчаются еще остатки разрушенныхъ мостовъ и слѣды тѣхъ опустошеній, которыя были произведены здѣсь рѣкою вскорѣ послѣ открытїя желѣзной дороги. Передъ глазами путника постоянно мѣняются картины, вызывающїя нерѣдко невольный крикъ изумленїя. То встрѣчается водопадъ, низвергающїйся со скаль недалеко отъ полотна, то сходятся тѣсно стѣны ущелья, то поражаютъ взоръ невиданные представители тропической флоры. Желѣзная дорога поднимается до 770 метровъ и оставляетъ ущелье лишь недалеко отъ селенїя Падангъ-Пандангъ. Здѣсь мы находимся уже на Падангскомъ плоскогорьѣ.

Падангъ-Пандангъ представляетъ изъ себя поселеніе, не блестящее архитектурными красотами: небольшїя хижинки, — четырехугольные каменные ящики, покрытые крышами изъ волнистаго оцинкованнаго желѣза, — производятъ довольно однообразное впечатлѣніе. Сопутствовавшїй намъ голландскїй чиновникъ объяснилъ, что въ видахъ опасности отъ огня послѣднее время было предписано примѣнять для крышъ желѣзо вмѣсто пальмовыхъ волоконъ. Какъ ни рациональна такая мѣра, все же должно замѣтить, что она въ значительной степени лишаетъ живописности деревни въ горахъ.

Прямо передъ глазами — огромный вулканъ Мерапи, который покрытъ почти до вершины лѣсомъ и отъ времени до времени испускаетъ изъ своего коническаго кратера темные столбы густаго дыма.

Въ болѣе прохладномъ горномъ воздухѣ чувствуешь себя, послѣ того какъ побывать въ жаркой долинѣ, какъ бы возродившимся. У подножїя горы можно совершить превосходную прогулку пѣшкомъ, а въ небольшой гостиницѣ «Мерапи», блестящей голландскою чистотою и опрятностью, можно прекрасно устроиться.

Утромъ холодный душъ изъ горной воды освѣжаетъ необыкновенно, а послѣ прогулки прїятно подкрѣпиться неизбѣжнымъ мѣстнымъ кушаньемъ — рисомъ съ пикантными приправами, которыхъ около дюжины. Вечеромъ здѣсь очень хорошо сидѣть въ саду и наблюдать за движенїемъ живописной туземной толпы, пока не наступитъ ночь и не загорятся мириады свѣтящихся насккомыхъ, сообщающихъ окружающему невиданное великолѣпіе.

Юго-западный берегъ Суматры занятъ болѣе или менѣе крутыми хребтами, которые тянутся по всей долинѣ острова, параллельно другъ другу съ юго-востока на сѣверо-западъ въ три или четыре ряда. Главнѣйшїй хребетъ этихъ горъ и зовется Баризангъ. Эти горы покрыты лѣсомъ

почти до своих гребней и иногда пересѣкаются поперечными долинами, по которымъ шумливыя горныя рѣчки сбѣгаютъ къ берегамъ. Кое-гдѣ горы отступаютъ далѣе отъ береговъ и образуютъ расширенныя поперечныя долины, покрытыя чрезвычайно плодородной наносной почвой и отдѣляющіяся иногда отъ моря второстепенными горными хребтами. Наиболѣе широкая изъ этихъ долинъ и представляетъ изъ себя богатая окрестности Паданга; на малайскомъ языкѣ самое слово «падангъ» означаетъ долину. Второстепенный хребетъ ея оканчивается упомянутою горою Апенбергъ. Надъ горными хребтами выдаются конусообразныя вершины вулкановъ, изъ которыхъ 8 дѣйствуютъ и по настоящее время. (Количество дѣйствующихъ вулкановъ здѣсь, впрочемъ, менѣе значительно, чѣмъ на Явѣ, гдѣ имѣется ихъ 28, но зато на Суматрѣ гораздо больше потухшихъ вулкановъ, болѣе 50.) Самымъ высокимъ является вулканъ Индрахура, располагающійся на югъ отъ Падангскаго плоскогорья.

Мѣстами вулканическіе конусы сходятся тѣснѣе, образуя двойные вулканы, линія соединенія которыхъ направлена косо къ общему продольному направленію хребтовъ. Это наблюдается какъ разъ на плоскогорьѣ Паданга. Последнему сообщаетъ особый отпечатокъ вулканъ Мерапи (выпшиною въ 2.891 метръ) и противолежашій ему, также дѣйствующій, вулканъ Сингалаанъ такой же высоты; къ нему тѣсно примыкаетъ, образуя его южную вершину, вулканъ Тандикотъ (немного ниже). Эти вулканы засыпали верхнія части рѣчныхъ долинъ своими продуктами изверженія и образовали возвышенное плато. Это плато представляетъ собой одно изъ древнѣйшихъ малайскихъ государствъ, отъ столицы котораго еще и посегодня сохранились наполовину вытѣрившіяся развалины у склоновъ Мерапи. Населеніе здѣсь въ прежнія времена исповѣдывало браманскую религію, которая была вытѣснена исламомъ. Установлено во всякомъ случаѣ, что отсюда малайцы выселились вслѣдствіе избытка населенія и переехали на Малакку, откуда они распространились по всему Зондскому архипелагу.

На горномъ плато, образованномъ въ значительной степени скопленіемъ вулканическихъ продуктовъ изверженія, наблюдаются по склонамъ вулкановъ Сингалаанъ и Мерапи глубокія трещины, происшедшія, по всей вѣроятности, вслѣдствіе вулканической дѣятельности и затѣмъ расширенныя благодаря разрушительной дѣятельности протекающихъ по нимъ горныхъ потоковъ; та же дѣятельность воды обусловила возникновеніе множества ущелій, съ вертикальныхъ стѣнъ которыхъ нѣрѣдко срываются горные ручьи бурными водопадами, разбивающимися въ водяную пыль.

Такимъ образомъ получаются виды, напоминающіе часто, несмотря на отличіе въ деталяхъ, альпійскіе ландшафты. Правда, свѣжныя вер-

шины здѣсь отсутствуютъ и замѣнены вулканическими конусами, но журчащiе горныя ручьи, обрамленные роскошною растительностью, водопада, зеленыя поверхности полей, засѣянныхъ рисомъ, и прячущiяся межъ кустами бамбука горныя деревушки, наконецъ, этотъ свѣжiй и чистый горный воздухъ, — все это невольно вызываетъ въ памяти тѣ впечатлѣнiя, которыя когда-то были получены въ Альпахъ. Но когда вы беретесь изъ глубокихъ ущелiй, взоръ останавливается на вулканическихъ кратерахъ, царящихъ надъ облаками и затянутыхъ фиолетовою дымкою, на рядахъ горныхъ вершинъ хребта Баризанъ и на голубой зеркальной поверхности большого озера, которое выполняетъ продольную долину, примыкающую къ плоскому плато.

Вывѣтрившаяся вулканическая почва, значительная влажность воздуха и обильные осадки дѣлаютъ эту страну въ высшей степени плодородной; двѣстлѣтний лѣсъ здѣсь отгнѣсняется хорошо развитою культурою хлѣбныхъ растений. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь культура риса. Поля, благодаря остроумной системѣ орошенiя, постоянно находятся подъ водою, и голландское правительство сильно заботится объ улучшенiи орошенiя. Поражаетъ та удивительная правильность, съ которою разсаживаются кустики риса совершенно прямыми рядами въ болотистой почвѣ. Рисъ, котораго туземцы различаютъ своимъ привычнымъ глазомъ не менѣе 14-ти сортовъ, собирается съ полей два раза въ годъ и нерѣдко до сихъ поръ вымачивается самымъ примитивнымъ образомъ — прямо ногами людей.

Тутъ же находятся плантацiи сахарнаго тростника, посреди которыхъ, прячась въ ихъ зелени, располагаются мельницы для размалыванiя тростника. Мельницы эти приводятся въ движенiе буйволомъ съ завязанными глазами, который припрягается къ горизонтальному стержню и ходитъ по кругу; онъ приводитъ въ движенiе вертикальный валъ, на которомъ находятся выдающiеся спиральныя обороты, входящiе между такими же оборотами другого вала. Между этими валами вкладываются стебли тростника и выжимаемый сокъ собирается въ подставленные плоскiе сосуды.

Какъ на низинахъ, такъ и на Падангскомъ плато богато развиты среди растительности пальмы. Нерѣдко здѣсь встрѣчаются сахарная пальма, лубяныя волокна которой служатъ матеріаломъ для крышъ и хижинъ, тогда какъ надрѣзанные прозди цвѣтвъ ея даютъ высоко цѣнный здѣсь сладкiй сокъ. Рѣже встрѣчаются арековыя пальмы, плоды которыхъ жууются какъ бетель, и пальма карiота со своими листьями, похожими на листья папоротника. Господствующее положенiе однако занимаетъ здѣсь кокосовая пальма, которая достигаетъ необыкновенной высоты и образуетъ иногда настоящiе лѣса. Все плато производитъ впечатлѣнiе парка, гдѣ зеленыя поверхности полей прерываютъ

ся рощами, окружающими деревни. Роскошные кусты бамбука и вмѣстѣ съ ними гигантскія фруктовыя деревья, между листвою которыхъ свѣшиваются плоды—дурианъ, манги и мангустаны, иногда совершенно скрываются отъ взоровъ хижины туземцевъ, которыя замѣчаешь, лишь подходя къ нимъ совершенно близко. Картина этой растительности оживляется еще эритриніями, цареградскимъ стручкомъ съ красными листьями на концахъ вѣтвей и древовидными папоротниками, которые придаютъ столько прелести тропическому лѣсу.

Человѣкъ какъ будто задался здѣсь цѣлью еще увеличить то чарующее впечатлѣніе, которое производитъ природа на чужестранца, и придавъ своимъ постройкамъ изящныя, положительно художественныя очертанія, какихъ не найти нигдѣ больше на всемъ Малайскомъ архипелагѣ. Хижины туземцевъ стоятъ всѣ на бамбуковыхъ сваяхъ и полъ ихъ находится, по крайней мѣрѣ, на 5 футахъ высоты надъ землею. Крыша спускается очень низко и уже издали бросается въ глаза своими изящно изогнутыми очертаніями. Веранды вокругъ домовъ нѣтъ, но зато у богатыхъ малайцевъ, по крайней мѣрѣ, стѣны домовъ украшены чрезвычайно красиво вырѣзанными арабесками яркихъ цвѣтовъ и съ блестящими металлическими орнаментами. Окна относительно малы, точно такъ же не велика и дверь, къ которой ведетъ лѣстница. Особенно своеобразное впечатлѣніе производятъ болѣе богатые дома, окруженные многочисленными пристройками, изъ которыхъ каждая украшена такой же изящно изогнутой крышей. Обыкновенно нѣсколько хижинъ стоятъ вмѣстѣ и образуютъ деревню или «кампонгъ», которая почти всегда содержитъ мечеть, также чрезвычайно живописной архитектуры. Очертанія мечети у основанія квадратны; затѣмъ крутой пирамидой поднимается крыша и расчленяется на нѣсколько этажей. Смотри по богатству кампонта, мечеть съ большей или меньшей роскошью украшается снаружи арабесками, вырѣзанными или изъ мрамора, или изъ дерева. Часто поблизости отъ мечети или отъ хижинъ деревни располагаются пруды, въ которыхъ разводятся рыба. Кромѣ того, почти въ каждой болѣе или менѣе крупной деревнѣ находится нѣчто въ родѣ клуба; это въ большинствѣ случаевъ длинная постройка, замѣтная издали по отверстиямъ въ стѣнахъ. Очень украшаютъ деревни находящіяся около каждого дома кладовки для храненія риса; это квадратныя постройки на высокихъ столбахъ, распирющіяся вверху, увѣнчанныя выгнутой крышей и украшенныя пестрыми орнаментами. Онѣ выглядятъ положительно изящно.

Архитектура домовъ и расположеніе ихъ большими или маленькими деревнями стануть понятны, когда мы познакомимся съ нѣкоторыми чертами изъ жизни обитателей Падаггскаго плоскогорья.

Главная основа малайскаго государства—тѣснѣйшія семейныя узы. Каждый домъ, малъ онъ или великъ, представляетъ изъ себя жилище

отдѣльной семьи, въ которомъ обитаютъ не только ближайшіе члены этой семьи, но и болѣе далекіе родственники. Средняя большая комната у самаго входа служитъ мѣстомъ собранія всѣхъ обитателей, гдѣ въ то же время спятъ дѣти и неженатые члены семьи, тогда какъ боковыя помѣщенія, которыхъ не болѣе 6-ти, занимаютъ женатыми. Въ виду того однако, что количество членовъ семьи нерѣдко гораздо больше, вблизи первоначальнаго дома пристраиваются другіе дома той же семьи, и въ концѣ-концовъ получается уже небольшая деревенская община, которая и носитъ названіе «кампонга».

Главою каждаго семейнаго союза является «пангулу» — по большей части старшій братъ матери, которому всѣ остальные члены семьи выказываютъ глубочайшее уваженіе. Самый старшій изъ пангулу избирается старостой деревни, и, наконецъ, старшій изъ старостъ является начальникомъ округа, объединяющаго нѣсколько деревень.

Всѣ малайцы Падангскаго плата раздѣляются на нѣсколько родовъ, которые считаютъ себя происшедшими не отъ общаго родоначальника, а отъ одной родоначальницы. Всѣ члены одного рода отвѣтственны за дѣйствія другихъ своихъ сочленовъ. Ихъ «пангулу» образуютъ совѣтъ округа, который рѣшаетъ всѣ судебныя дѣла, согласно со своимъ древнимъ обычнымъ правомъ. Голландское правительство поступило очень умно, сохранивъ эти старинныя отношенія: оно создало себѣ съ теченіемъ времени очень преданныхъ малайскихъ чиновниковъ, путемъ утвержденія председателей этихъ совѣтовъ, которымъ оно даже платитъ жалованье. Несмотря на свою принадлежность къ исламу, туземцы все еще держатся очень крѣпко за старинныя порядки.

Не отецъ, а мать является центромъ семьи; семья въ тѣсномъ смыслѣ слова образуется изъ родственниковъ съ материнской стороны. Старшій братъ матери или старшій сынъ брата ея избирается въ пангулу, и при всѣхъ возведеніяхъ въ высшій рангъ принимается во вниманіе всегда родство по отношенію къ матери. Мужъ никогда не принимается въ семейный союзъ своей жены: онъ остается членомъ своего рода, отъ котораго произошелъ. Лишь первое время послѣ женитьбы живетъ молодой мужъ со своей женой и помогаетъ ей при работахъ на рисовыхъ поляхъ, тогда какъ позднѣе онъ снова трудится на пользу своей собственной семьи, т. е. своихъ сестеръ и дѣтей сестеръ, и посѣщаетъ лишь на короткое время свою жену и дѣтей. Количество остроконечныхъ верхушекъ на крышѣ дома указываетъ на число замужнихъ дочерей. Дѣти обыкновенно проявляютъ гораздо большую нѣжность къ главѣ семьи, т. е. въ большинствѣ случаевъ къ своему дядѣ, чѣмъ къ своему отцу, связь съ которымъ у нихъ менѣе тѣсная.

Состояніе жены и дѣтей достается по смерти ихъ семейству жены, а не мужа. Мужъ, въ свою очередь, можетъ отказать своимъ дѣтямъ.

нѣкоторую часть имущества, часть, которая была добыта его собственными трудами, но обязанъ оставить другую часть своимъ сестрамъ и ихъ дѣтямъ. Любопытно, что даже исламъ не былъ въ состоянн повліять на значеніе и положеніе женщины; многоженства здѣсь также нѣтъ.

Что касается до характера здѣшнихъ малайцевъ, то о немъ трудно судить тому, кто пробывъ между ними такое короткое время. Бросается во всякомъ случаѣ въ глаза тотъ свободный и самоувѣренный способъ обращенія ихъ съ чужестранцами, который является полною противоположностью къ раболѣпію яванцевъ.

Чрезвычайно интересно наблюдать за жизнью и движеніемъ этой пестрой толпы туземцевъ, постоянно жизнерадостныхъ и не упускающихъ ни одного случая поприрадовать, попочевать съ базара на базаръ, пошутить и посмѣяться, устроить пѣтушинный бой или состязаніе въ бѣгѣ. При какомъ-нибудь торжественномъ событіи, напримѣръ, при свадьбѣ, приходится любоваться чрезвычайно живописными нарядами, удивляющими своею роскошью. Серьезныя лица стариковъ, у которыхъ малайскій типъ выражается особенно рѣзко выдающимися скулами, короткѣмъ и широкимъ носомъ и болѣе или менѣе толстыми губами при очень слабомъ развитіи бороды, составляютъ полный контрастъ съ пріятными и красивыми лицами черноволосыхъ дѣвушекъ, съ плутовскими черными глазами, блестящими изъ-подъ черныхъ бровей.

Голландское правительство обезпечило себѣ болѣе или менѣе мирное обладаніе Падангскимъ плато. Оно не упускаетъ ни одного случая вліять на населеніе воспитательнымъ образомъ и развивать туземцевъ, несомнѣнно даровитыхъ уже отъ природы. Даровитость эта сказывается въ архитектурѣ домовъ и въ художественныхъ украшеніяхъ ихъ и проявляется еще болѣе въ удивительной способности туземцевъ къ различному тонкому тканью, вышиванію, плетенію и филиграннымъ работамъ. Кому приходилось любоваться на базарахъ изумительнѣйшими произведениями чеханки по золоту, выполненной чрезвычайно примитивными инструментами, у того не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что народъ этотъ обладаетъ большими художественными способностями. Точно такъ же вызываютъ изумленіе знатоковъ ихъ тонкія плетенныя работы изъ листьевъ пандануса и художественныя вышивки.

Впрочемъ, Суматра—страна контрастовъ: на сѣверѣ плоскогоріе примыкаетъ къ странѣ баттаковъ, которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ занимались земледѣльствомъ, а на югѣ и на востокѣ простираются такія обширныя, едва изслѣдованныя области, самостоятельность которыхъ признана самимъ голландскимъ правительствомъ.

На Явѣ.

(А. Краснова.)

22 сентября въ 8 ч. утра меня разбудилъ въ моей каютѣ вѣстовой парохода Годавери словами: «Monsieur, nous voilà à Priok¹⁾». Я живо одѣлся, вышелъ на палубу со своимъ небольшимъ дорожнымъ чемоданомъ и еще черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ въ вагонѣ поѣзда, мчавшаго меня изъ гавани Приокъ, гдѣ останавливаются теперь все суда, въ Батавію—исходный пунктъ моихъ экскурсій по Явѣ.

Ничто изъ окружавшей меня природы не говорило, что я попалъ въ страну, которую народы Востока считали за мѣсто адама! Справа и слѣва изъ оконъ виднѣлись, куда хватаегъ глазъ, болота. Эти болота отъ времени до времени пересѣкались прямыми, какъ стрѣлы, каналами. Такой же точно каналъ тянулся вдоль полотна желѣзной дороги, и около него было проложено шоссе. Каналы эти, предназначенные для барожъ, не были однако оживлены судами. Надъ ихъ мутными желтоватыми водами возвышался кустарникъ, который затѣмъ, покрывая полузатопленные пространства, тянулся куда хватаегъ глазъ, придавая болоту печальный однообразный видъ. Кустарникъ этотъ былъ, правда, кустарникъ тропическій, не тотъ, что привыкъ видѣть глазъ на болотахъ Сѣвера. Выше человѣческаго роста, онъ состоялъ по большей части изъ породъ съ толстыми кожистыми листьями, напоминающими листья нашихъ фикусовъ, но болѣе мелкими и густо сидящими. Онъ переплетался съ преобладавшими, на болѣе залитыхъ мѣстахъ, листьями низкорослыхъ пальмъ, перистыми, какъ у финиковыхъ, но выходящими прямо изъ земли. Въ этомъ силетиіи не было ни красоты, ни правильности, ни изящества. Тамъ и сямъ торчали, какъ метлы, стволы кокосовыхъ пальмъ. Но, во всемъ уступая пальмамъ финиковымъ, онѣ мало оживляли ландшафтъ съ его не столько голубымъ, сколько сѣрымъ небомъ, тяжелымъ, давящимъ, хотя не столь мрачнымъ, какъ наши пасмурные дни Сѣвера, но не имѣвшимъ ни ясности, ни прозрачности. Прибавьте къ этому жаркую, чисто банную атмосферу, и вы получите первое ощущеніе челоуѣка, ступившаго на яванскую почву. Мало оно соответствуетъ рисуемому воображеніемъ феерически дивному тропическому міру.

Прежде суда останавливались на открытомъ рейдѣ. Пассажиры пересаживались въ мелкіе пароходы и лодки и по упомянутымъ выше каналамъ поднимались въ Батавію. Каналы держались въ порядкѣ, и голландецъ постепенно по этимъ обсаженнымъ деревьями водянымъ улицамъ, какъ въ Голландіи, вѣзжалъ въ такъ мало похожую на его отечественные города столицу острова. Теперь не то. Удобное устье

¹⁾ „Господишь, вотъ мы уже въ Приокъ“.

Приокъ даетъ судамъ возможность подходить прямо къ набережной, съ которой поѣзда недавно отстроенной желѣзной дороги мчатъ вась, минуя каналы, въ Батавію, расположенную въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, среди болотистой низменности и окруженную рощами кокосовыхъ деревьевъ.

Еще нѣсколько минутъ, и я былъ въ городѣ. Омнибусъ изъ *Hôtel de Java*, рекомендованнаго мнѣ еще на пароходѣ, избавилъ меня отъ неприятности искать гостиницы въ городѣ, гдѣ я не могъ говорить ни на одномъ изъ распространенныхъ въ немъ языковъ.

Батавія, какъ и всѣ голландскія колоніи, находятся на особомъ положеніи. Въ колоніяхъ французскихъ и английскихъ, даже въ Японіи, не говоря уже о Египтѣ, вы смѣло можете обратиться къ первому встрѣчному по-английски. Если не поймете онъ вась, поймите его со-сѣдъ и переведете, что нужно. Не то у голландцевъ. Они не только не учили, но даже запрещали туземцамъ изучать свой языкъ, и потому, чтобы вась могли понять на улицѣ, вы должны говорить по-малайски—языкъ, которымъ здѣсь владѣютъ всѣ живущіе въ колоніи европейцы; не зная его, вы безпомощны, хотя бы говорили на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая и голландскаго. Послѣдній для путешественника здѣсь почти излишенъ. Чуть ли не всѣ голландцы, живущіе на Явѣ, или говорятъ, или понимаютъ по-французски или по-нѣмецки. Но рано или поздно вы придете къ сознанію полной необходимости выучиться по-малайски, иначе роль ваша будетъ не лучше француза или нѣмца, попавшаго въ глубь русской провинціи. Поэтому, пріѣхавъ въ Батавію, я и послѣшилъ пріютиться подъ крылышко французской гостиницы. Послѣ легкой закуски я попросилъ хозяина нанять мнѣ экипажъ къ русскому консулу, и такъ какъ послѣдній находился въ другомъ концѣ города, то вмѣстѣ съ тѣмъ я воспользовался случаемъ осмотрѣть Батавію.

Экипажи, употребляемые для ѣзды въ городахъ на Явѣ, крайне своеобразны и нельзя сказать, чтобы удобны. Это—одноколенные и двухколенные экипажи, крытые сверху небольшимъ навѣсомъ и съ однимъ общимъ сидѣньемъ. Кучеръ править лошадей, вы же садитесь къ нему спиною и видите только тѣ части улицы, которыя миновали.

Всѣ дѣловые учрежденія города находятся въ его сѣверной половинѣ, которая по вышности своей напоминаетъ мнѣ наши неблагоустроенные степные провинціальныя города. Не вполнѣ правильныя, страшно пыльныя, немощныя улицы, съ одноэтажными казарменными каменными зданіями неуклюжей архитектуры; вырощенныя, какъ у насъ, въ бѣлую краску, по большей части не отгѣвенныя зеленью, они заставляютъ вась совершенно позабыть, что вы подъ тропиками, и переносятъ вась въ родныя степи, а запахъ дегтя, мелочныя лавочки,

колонны базарныхъ зданій и все застилающая пыль—дополняютъ эту иллюзію. Чтобы имѣть право разѣзжать внутри острова, я долженъ былъ взять въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи нѣчто въ родѣ вида на жительство (онъ здѣсь выдается всѣмъ пріѣзжимъ). Голыя бѣлыя стѣны казенной комнаты, толпа ожидающихъ лицъ, столъ съ забрызганнымъ чернилами сукномъ, два-три чиновника, по случаю жары, въ порядочномъ дезабилье и полицейскій у входа,—все это вмѣстѣ съ медлительностью въ производствѣ дѣла показалось мнѣ знакомо.

Въ колонію пролетаріатъ, люди безденежные, совсѣмъ не допускаются. Пріѣзжему голландцы сейчасъ же предъявляютъ вопросъ: «а на какія средства вы, милостивый государь, намѣрены здѣсь существовать?» И въ случаѣ, если новоприбывшій не представитъ убѣдительныхъ доказательствъ, что онъ имѣетъ средства къ жизни, его немедленно высылаютъ съ первымъ же пароходомъ обратно.

Такимъ образомъ европейцы на Явѣ—люди болѣе или менѣе обезпеченные, нѣтъ между ними голи, нѣтъ позтому и случаевъ, и проступковъ, роняющихъ престижъ благаго человѣка въ глазахъ туземца. И, какъ мы увидимъ ниже, онъ здѣсь еще очень высокъ; только въ городахъ портовыхъ и въ гостиницахъ туземцу приходится видѣть во всей наготѣ слабости благаго; здѣсь и отношеніе къ нему уже другое.

Къ югу отъ этой старинной и дѣловой Батавіи, соединяя ее съ Батавіей новой, тянется китайскій кварталъ города,—точно такъ же пыльные ряды бѣлыхъ одноэтажныхъ зданій, занятыхъ большею частью лавками съ ихъ всевозможными мелочными товарами. Специфическаго китайскаго запаха нѣтъ, и хотя черепичныя крыши зданій формою своею еще напоминаютъ стиль китайскихъ построекъ, онѣ по чистотѣ своей болѣе подходятъ къ европейскимъ. Характеръ товаровъ не носитъ ничего специфически китайскаго. Здѣсь китайцы вмѣсто своихъ шапочекъ носятъ европейскіе котелки, башмаки, панталоны, и только бѣлая кофта китайскаго покроя, усвоенная здѣсь и европейцами, является остаткомъ китайскаго восточнаго. Лица ихъ болѣе смуглыя, имѣютъ въ себѣ меньше монгольскаго, и даже косы какъ-то не хотять расти въ тропическомъ климатѣ Явы. Нигдѣ здѣсь я не видѣлъ тѣхъ длинныхъ, до полу болтающихся, черныхъ какъ смоль косъ, какъ въ собственномъ Китаѣ и Сингапурѣ. Здѣсь большая часть косы замѣнена вплетенными въ нее и какъ коса же заплетенными голубыми и розовыми шнурами.

Но что особенно отличаетъ китайскіе кварталы Батавіи, равно какъ и всѣхъ тѣхъ городовъ, которые я посѣщалъ впоследствии,—это ихъ относительная чистота. Человѣкъ, бывавшій въ собственномъ Китаѣ, не можетъ себѣ представить китайскаго города безъ непролазной грязи, тѣсноты и вонн. Таковы кварталы эти и въ другихъ страдахъ. Ничего

подобнаго здѣсь нѣтъ. Это такія же торгoвыя улицы, какъ и части европейскаго города. За китайскимъ кварталомъ слѣдуетъ новая жилиая часть европейскаго города. Только здѣсь вы начинаете чувствовать, что вы подъ тропиками, да и то далеко не сразу.

Опять каналы, обнесенные аллеями изъ тамариндовъ съ мелкою рѣзною листвою. Но дома здѣсь уже не сплочены въ тѣсныя улицы. Это особняки, окруженные со всѣхъ сторонъ палисадниками. Фогъ этихъ палисадниковъ образуютъ пальмы и другія тропическія деревья. Спереди же въ довольно безобразныхъ горшкахъ полукругомъ на деревянныхъ табуретахъ разставлены кусты чахлахъ розъ или посажены безобразные кусты нестролиста. Европеецъ не можетъ отстать отъ обычаевъ, выработанныхъ въ бѣдной и жалкой природѣ его родины; окруженный здѣсь чудною и богатою растительностью, онъ попрежнему стремится имѣть передъ балкономъ своего дома тѣ же жалкіе палисадники—красивые въ туманной Голландіи, но далеко не производящіе эффекта здѣсь. Только роскошныя тропическія деревья отгѣняютъ фонъ домовъ. Чѣмъ далѣе внутрь города, тѣмъ гуще и разнообразнѣе становится этотъ лѣсъ испанскихъ деревъ, въ которомъ начинается утопать городъ, пока не потонетъ совсѣмъ, превратившись въ роскошный паркъ, въ которомъ изъ-за деревъ выглядываютъ постройки европейца.

Въ этой блестящей растительности части города живетъ большинство батавскихъ европейцевъ; здѣсь помѣщаются главныя достопримѣчательности города: дворецъ генераль-губернатора, въ которомъ онъ, впрочемъ, не живетъ, нѣсколько памятниковъ, армянская церковь. Всѣ эти достопримѣчательности Батавіи, которыми гордятся яванцы, едва ли стоятъ вниманія туриста, видѣвшаго европейскіе зданія и памятники. Зоологическій и ботаническій сады города также, кромѣ развѣ крупныхъ оранжъ-утанговъ, не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Поэтому я поспѣшилъ елико возможно скорѣе покинуть пыльную и душную столицу и въ тотъ же день сѣлъ на поѣздъ, чтобы переѣхать въ Бейтензоргъ.

Путь изъ Батавіи до Бейтензорга беретъ около двухъ часовъ, но желѣзнодорожные пейзажи мало соотвѣтствуютъ тому, что мы привыкли ожидать отъ тропиковъ. Лѣса, когда-то одѣвавшіе сѣверный берегъ Явы, давно уже уничтожены. Большія деревья вырублены; на ихъ мѣста остались вовсе не изящный кустарникъ-полулѣсокъ. Рисовыя поля и плантаціи, напоминающія издали питомники нашихъ древесныхъ школъ, также не придаютъ изящества пейзажу. Мѣста невоздѣланныя покрыты травою вперемежку съ сорнымъ кустарникомъ столь любимой въ нашихъ купеческихъ домахъ ланганы; трава эта имѣетъ какой-то лиляно-блѣдно-зеленый цвѣтъ; нѣтъ ни дѣвственныхъ лѣсовъ, ни испанскихъ лѣанъ и орхидей, ни древовидныхъ папоротниковъ.

Станці довольно часты. На них толпятся малайцы—все пассажиры третьяго класса. Это смуглый, желто-коричневый народъ, обыкновенно одѣтый въ короткія, до колѣнъ, панталоны изъ тонкой цвѣтной матеріи. На бедрахъ у нихъ наместанъ широкій кусокъ пестрой матеріи, во время оно составлявшій, вѣроятно, весь костюмъ малайца и сохранившійся по традиціи. Сверху, застегнутая на одну пуговицу, коротенькая бѣлая курточка, дающая видѣть коричневое тѣло груди. На головѣ нѣчто въ родѣ небольшого тюрбанчика. Все это довольно тонкое и яркихъ цвѣтовъ, дѣлающее шумящую и болтающую толпу подобіемъ пестрыхъ попугаевъ. Ростъ малайца небольшой; черные глаза и черные, большею частью коротко остриженные, волосы напоминаютъ неаполитанца. Народъ этотъ болтливъ, общителенъ и смѣтливъ, какъ итальянцы, но ему, конечно, далеко до граціи послѣднихъ. Женщины, въ длинныхъ платьяхъ и кофтахъ съ заплетенными волосами, по костюму напоминаютъ болѣе европейскъ, хотя по граціи онѣ тоже далеки отъ нихъ.

Кромѣ малайцевъ, на промежуточныхъ станціяхъ никто не садился. Въ первомъ и второмъ классахъ ѣхали больше европейцы и нѣсколько знатныхъ, по-европейски одѣтыхъ, туземцевъ и китайцевъ. Число ихъ не велико, и на весь поѣздъ былъ всего одинъ смѣшанный вагонъ перваго и втораго класса.

Съ срединъ пути пошелъ проливной, чисто тропическій дождь. Цѣлые потоки воды лились съ неба, слышались раскаты грома, и все окружающее скрылось въ этихъ потокахъ.

Уже почти въ сумерки достигли мы Бейтензорга, и омнибусъ подъ дождемъ доставилъ насъ въ отель «Bellevue», рекомендованный мнѣ консуломъ. Здѣсь я и остановился на нѣсколько недѣль.

Голландская гостиница на Явѣ, хотя бы то и былъ отель перваго ранга, мало походить на то, что мы разумѣемъ подъ этимъ именемъ въ Европѣ или другихъ европейскихъ колоніяхъ Азіи.

Жара, одинаковая лѣтомъ и зимой, дѣлаетъ пребываніе въ комнатѣ крайне неприятнымъ. Поэтому въ ней голландецъ проводитъ только время, посвященное спеціальной работѣ. Комнаты эти полутемныя и небогаты мебелью. Занимая внутреннюю часть зданія, онѣ окружены верандами, гораздо болѣе широкими, чѣмъ самая комната, на которыхъ и проводятъ свое время яванецъ. Веранды эти еще болѣе загнѣваютъ спрятанныя внутри дома спальни и столовыя. На верандахъ стоятъ лонгшезы, кресла-качалки и круглые столики. Стѣны убраны обыкновенно висячими растеніями, рогами животныхъ, оружіемъ. Словомъ, это тѣ же комнаты. Сюда не достигаютъ лучи солнца и дождь, но вась здѣсь со всѣхъ сторонъ обдуваетъ всегда теплый бархатистый тропическій воздухъ, и, лежа въ крестѣ и занимаясь чтеніемъ или разговоромъ на этой верандѣ, яванецъ проводитъ всѣ свои досуги.

Иванская гостиница выстроена по тому же типу. Длинное здание прячется за еще болѣе длинной и широкой верандой. Одноэтажная, какъ и всѣ дома на Явѣ, она состоитъ изъ множества дверей, ведущихъ въ маленькія полутемныя комнаты, спальни, не имѣющія ничего, кромѣ постели съ пологомъ, умывальника, стола и нѣсколькихъ стульевъ. Передъ дверью веранды столъ, лонгшезъ и качалка. Надъ ними висѣщая лампа. Тонкая ширма отдѣляетъ васъ отъ сосѣдней двери съ точно такими же атрибутами.

Для иностранца, особенно для русскаго, въ первую минуту пребываніе въ подобной гостиницѣ кажется чрезвычайно неудобнымъ. Сидѣть въ комнатѣ и темно, и душно, и тѣсно. Выйти на балконъ—значитъ оказаться на виду у своихъ сосѣдей, которые слышатъ каждое ваше движеніе, слово, видятъ всѣ недостатки вашего костюма. Неудобство это однако скоро перестаетъ казаться ужаснымъ, разъ только вы освоитесь съ особенностями яванской жизни.

«Hôtel Bellevue» справедливо заслуживаетъ своего названія. Выйдя на его веранду, вы можете любоваться роскошнымъ видомъ на городъ и его окрестности. На фонѣ картины, на тяжеломъ сѣроватомъ тропическомъ небѣ, вырисовываются столь же тяжелыя, неправильныя коническія формы господствующаго надъ мѣстностью вулкана. Онъ потухъ, не дымится, его склоны поросли лѣсами, но его коническая форма выдаетъ его происхожденіе. Пышная растительность склоновъ, неясною зеленою пеленой виднѣющаяся въ туманной дали, по мѣрѣ того какъ склоны становятся болѣе пологими, переходя въ равнину, выступаетъ все отчетливѣе и отчетливѣе. Выдѣляются верхушки и цѣлыя роцы пальмъ, пирамидальныя, какъ наши кипарисы или тополи, дамары, и вотъ подъ вашими ногами во всю ширь раскидывается восхитительная картина чуднаго тропическаго лѣса съ его безконечнымъ разнообразіемъ формъ, обрамляющаго оба берега не широкой, но быстрой рѣки съ мутными, желтоватыми водами, катящейся прямо подъ вашу веранду, исчезающей подъ ея навѣсомъ, гдѣ видѣется насыпь желѣзной дороги.

Широкіе, громадныя листья зарослей банановъ, высокыхъ и пышныхъ, занимаютъ болотистое побережье. За ними густой сводъ темной густой зелени, надъ которой, граціозно вздымаясь цѣлыми группами, болышущія верхушки кокосовыхъ пальмъ, здѣсь пышныхъ и красивыхъ, не то, что на морскомъ побережѣ. Отсюда же, съ балкона, вы можете разсматривать безконечное разнообразіе формъ древесной растительности лѣса. У самыхъ вашихъ ногъ, напоминающая въ громаднѣхъ размѣрахъ наши азалии, возвышается усыпанное цвѣтами дынное дерево. Внизу виднѣются роцы апельсинавъ, изъ-за темной глянцевиной зелени которыхъ подымается какое-то дерево съ листьями, какъ у мимозы, съ тою

разницей, что каждый листь его, выходящій изъ стебля, до 2 сажень длиною. Тамъ, надъ водой, склонились темныя, какъ у финиковыхъ пальмъ, перистыя вайи низкорослыхъ пальмъ, дающихъ листья отъ земли. Еще далѣе крона сахарной пальмы, съ громадными гроздьями плодовъ. И все это на густой зелени вѣчно-зеленыхъ крупнолистныхъ деревьевъ.

Но гдѣ же городъ? Неужели содержатель отеля выстроилъ свое заведеніе на окраинѣ тропическаго лѣса? Ничуть. Городъ, читатель, у васъ подъ ногами. Вглядитесь, и вы увидите въ дѣйствиномъ лѣсу тамъ и сямъ краснѣющую черепицу среди стеблей пальмъ или фикусовъ. Изъ-за листьевъ банаана также чернѣетъ солома построекъ. Банановыя рощи обнесены загородками. Въ нихъ движутся люди. Они, сверху такіе маленькіе, нагіе, коричневыя люди, купаются въ водахъ рѣки и, одѣвшись, скрываются въ жилищахъ, невидныхъ съ перваго взгляда подъ сводами буйной, бѣшеной растительности. Дома играютъ здѣсь не большую роль въ панорамѣ, чѣмъ муравейники въ разсматриваемомъ лѣсу.

Панорама, мною описанная, обнимаетъ часть арабскаго и малайскаго кварталовъ Бейтензорга, группирующихъ свои дома по берегамъ рѣки, тогда какъ дома частой европейской и китайской выстроены на правомъ ея берегу и въ сторонѣ отъ русла.

Выйдя изъ отеля, вы попадаете на большую базарную площадь, которая тотчасъ же напоминаетъ вамъ, что вы въ Азіи. Рядъ лотковъ съ зеленью, фруктами, рыбой и мясомъ подъ навѣсами изъ пальмовыхъ листьевъ, защищающими провизію отъ солнца и дождя, удобными для туземца, но слишкомъ низкими для европейца, прежде всего останавливаетъ ваше вниманіе. И не напрасно. Сколько разъ я ни проходилъ по этому базару, у этихъ стоящихъ за лотками въ своихъ пестрыхъ платкахъ и курткахъ торговцевъ, болтающихъ и кричащихъ, какъ истые неаполитанцы, всегда я находилъ какіе-нибудь новые, интересныя плоды. Больше всего вы увидите всегда банановъ, которые здѣсь такъ же обыкновенны, какъ у насъ картофель. Цѣлыя углы базара бываютъ завалены громадными рядами съ этими, то ярко-желтыми, то темно-зелеными длинными или почти яйцевидными, плодами. Ихъ продаютъ гроздьями, длиною превосходящими человѣческой ростъ. Второе мѣсто занимаютъ ананасы; утромъ можно видѣть множество разносчиковъ, на длинныхъ кривыхъ коромыслахъ несущихъ цѣлыя пирамиды изъ связанныхъ вмѣстѣ этихъ плодовъ.

Говоря о фруктахъ, продающихся на базарахъ, я не могу не упомянуть здѣсь и о торговцахъ прохладительными напитками, которые не только на базарѣ, но на всѣхъ перекресткахъ города кричать цѣлый день протяжнымъ голосомъ: «Ajier batu! Ajier batu!» На столикѣ у

такого торговца стоятъ нѣсколько широкогорлыхъ стеклянныхъ банокъ съ густымъ сахарнымъ сиропомъ и стакановъ, въ которыхъ лежатъ или нарубленные мелкими кусочками ананасы, или стружки кокосовыхъ орѣховъ, или большія полупрозрачныя сѣмена сахарной пальмы. За нѣсколько центовъ торговецъ приготовляетъ слѣдующаго состава лимонадъ. Въ особую жестянку, гдѣ у него лежатъ куски чистѣйшаго искусственнаго льда, онъ наливаетъ нѣкоторое количество сиропа. Сладковатая холодная жидкость наливается въ стаканъ, куда опускается ложка студенистыхъ сѣмянъ, расплывающихся въ водѣ, или стружекъ кокоса или ананаса. Все это перемѣшивается и получается весьма вкусный прохладительный напитокъ. Туземцы, дѣятельность которыхъ не прерывается въ жаркое время дня, весьма часто прибѣгаютъ къ этимъ прохладительнымъ напиткамъ.

Минуя площадь, гдѣ торгуютъ зеленью, овощами и мясомъ подъ навѣсами изъ травы, столь низкими, что европейцу приходится нагибаться, проходя между лавками, вы подходите, наконецъ, къ каменному зданію типа нашихъ «гостиныхъ дворовъ», гдѣ, совершенно какъ въ нашихъ базарныхъ рядахъ, вы проходите мимо торговцевъ краснымъ товаромъ, готовымъ платьемъ, косметиками и т. п.; кромѣ того, тутъ же готовый столъ, въ которомъ главную роль играетъ рисъ.

Когда поѣздъ желѣзной дороги пронеситъ васъ по плодороднымъ долинамъ острова, то вамъ кажется, что вы ѣдете по роскошному фантастическому парку съ ярко-зелеными лужайками нѣжной муравы и раскинутыми по нимъ рощами пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ. Но то, что вы принимаете за рощи, это—селенія или города туземцевъ. Въ нихъ вы не видите домовъ,—это сплошная густая масса листьевъ. Гордые вершины кокосовыхъ пальмъ высятся надъ густою темною зеленью различныхъ деревьевъ, съ листьями то мелкими, какъ у тополя, то громадными, какъ у хлѣбнаго дерева, достигающими аршина длины. Опушку, бордюръ такого лѣса образуютъ эффектныя низкорослыя ваи перистой пальмы, такъ естественно со всѣхъ сторонъ обрастающей селенія, что иллюзія лѣса и его опушки получается полная. Подъ сѣнью этихъ деревьевъ, этой чащи, куются домики туземцевъ, и нынѣ, какъ и въ доисторическія времена, продолжающихъ жить въ сѣни лѣса. Деревья своею громадностью, густотою и безпорядочнымъ ростомъ настолько напоминаютъ лѣсъ, настолько мало они въ расположеніи своемъ стѣняются заборами изъ бамбука, расположеніемъ двориковъ и задворковъ населенія, что невольно думается, что дома его строились уже въ готовомъ густомъ лѣсу, а не наоборотъ, лѣсъ этотъ былъ рассаженъ между ними.

А между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одного дерева, которое бы выросло само и не играло важной роли въ хозяйствѣ малайца. Роскошная ко-

косовая пальма, съ громадными листьями бананы, красивыя съ разнообразною глянцевою темною листвою померанцевыя, аделисинныя деревья, манги, мангустаны, дуріаны и вся серія плодовыхъ деревьевъ, произведенія которыхъ вы видѣли на базарѣ,—все это растетъ здѣсь беспорядочно, едва давая мѣсто для маленькихъ, какъ грибы пріотившихся у подножія этихъ деревьевъ, домиковъ.

Въ нѣсколькихъ направленіяхъ такую деревню-лѣсъ пересѣкаютъ прекрасныя шоссированныя дороги, по которымъ вы можете кататься, какъ по самому лучшему фантастическому парку. Остальныя части селенія перерѣзаны узкими, только для пѣшехода пригодными, улицами.

Но именно онѣ-то, огороженныя тыномъ или, гораздо чаще, живую изгородью изъ бамбука, и достойны того, чтобы ихъ посѣтили. Тутъ подъ тройнымъ слоемъ листьевъ банановъ, какъ долухи вытягивающихъ свои выше человеческого роста листья, молодыхъ побѣговъ сахарной пальмы и мангъ вы незамѣтно приходите къ ручью, гдѣ полощутся ребятишки, полунагія женщины моютъ бѣлье въ текущей по бамбуковымъ стволамъ водѣ. Берега такихъ ручьевъ покрыты, какъ сводомъ, стеблями исполинскихъ бамбуковъ, своею изящною, вѣжною блѣдно-зеленою листвою особенно привлекательныхъ послѣ густой, темной глянцевою дубравы. Еще лучше, если вы попадете къ окраинѣ оврага, выходящаго на берегъ рѣки, на которой расположенъ Бейтензоргъ. Не столько папоротники, сколько различные арумы и орхидеи покрываютъ его склоны. Изящныя стрѣловидныя листья этихъ растений, какъ простой бурьянъ растущихъ подъ ногами, могли бы привести въ восторгъ любого цѣнителя этихъ эффектныхъ оранжерейныхъ растений.

Самыя жилища какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ жителей весьма своеобразны. Довольно помѣстительныя у богатыхъ и маленькія у бѣдныхъ, они носятъ тотъ же характеръ. Это избы-корзинки, тѣ избушки на курьихъ ножкахъ, о которыхъ слышите въ сказкахъ. Дѣйствительно на четырехъ сваяхъ (иногда ихъ и больше), на высотѣ около 2-хъ футовъ надъ землей, у вайъ возвышается домикъ, стѣны котораго представляютъ изъ себя такую же плетенку, какъ у еорзинъ. Плетенка эта дѣлается изъ пластинокъ бамбука, а иногда просто изъ пальмовыхъ листьевъ. Такія сивозныя стѣны избушки при нѣкоторомъ усиліи легко пробить палкой и онѣ продуваются вѣтромъ. Полъ избы—такая же, хотя и болѣе прочная, но все же подающаяся подъ ногами цыновка. Такимъ образомъ маленькій домикъ малайца напоминаетъ собой картонный домикъ или клѣтку на ножкахъ, какіе иногда дѣлають дѣти для насѣкомыхъ. Изящныя окна со ставнями и плетеныя изъ рисовой соломы или пальмовыхъ листьевъ крыши придаютъ всей постройкѣ весьма изящный, картинный видъ, особенно когда такой домикъ со

всѣхъ сторонъ окруженъ ваями пальмъ, листвою банановъ и другихъ тропическихъ деревьевъ.

Гораздо болѣе праздничный видъ имѣеть китайскій кварталъ Бейтензорга. Это улица бѣлыхъ зданій, безъ всякой зелени, одноэтажныхъ, съ черепчатой кровлей и широкимъ входомъ, черезъ который видно внутреннее убранство единственной комнаты, уставленной европейскою мебелью, и съ домашнимъ, напоминающимъ дачный каминъ, жертвенникомъ въ глубинѣ. Рѣдко одно-два дерева возвышаются на улицѣ. Китайцы, какъ и въ Батавіи, кромѣ косы и бѣлыхъ кофтъ, ничѣмъ не отличаются по костюму отъ голландцевъ, и въ ихъ домашней утвари вы увидите массу европейскихъ принадлежностей.

Арабскій кварталъ города живописнѣе; онъ, подобно туземному, то-нетъ въ зелени деревьевъ, но домики бѣлыя, палисаднички больше, все выглядитъ аккуратнѣе. Наконецъ, европейскія части Бейтензорга во всѣхъ отношеніяхъ напоминаютъ лучшія части новой Батавіи.

Улицы города, въ какую бы часть вы ни приплы, оживлены народомъ. Китайцы, малайцы, арабы чаще всего попадаютъ вамъ на глаза. Европейца вы увидите обыкновенно въ экипажѣ,—пѣшкомъ его встрѣтите лишь въ европейскомъ кварталѣ.

Большинство встрѣчающихся на улицахъ малайскихъ крестьянъ одѣты весьма легко. Ихъ костюмъ состоитъ только изъ упомянутыхъ короткихъ панталонъ, опоясанныхъ платкомъ, за которыми, какъ кинжалъ у нашихъ горцевъ, торчатъ въ деревянныхъ ножнахъ пожъ. На голову они часто надѣваютъ необыкновенно широкополая шляпы, плетенныя изъ пальмовыхъ листьевъ, или деревянныя, лакированныя. Поля такихъ шляпъ раза въ три превосходятъ поля нашихъ соломенныхъ, и издали толпа людей въ такихъ шляпахъ походить на группу грибовъ, выросшихъ въ тропическомъ лѣсу. Часть же тѣла выше пояса остается обыкновенно обнаженною. На тѣнистыхъ улицахъ-аллеяхъ города вы встрѣчаете самыя разнообразныя группы, а также и погонщиковъ, гонящихъ передъ собою запряженныхъ въ двухколесную арбу плоскорогихъ буйволовъ—обычное животное для обработки полей и перевозки тяжестей. Это движеніе, эта пестрота типовъ, а главное—волшебная, фантастическая декорація изъ чудныхъ тропическихъ растений дѣлаютъ прогулку по улицамъ наслажденіемъ, конецъ которому можетъ положить лишь самая послѣдняя степень усталости.

Я однако принужденъ былъ въ первый день моего пребыванія въ городѣ ограничиться лишь небольшою прогулкой по его улицамъ-аллеямъ, такъ какъ предвѣтники дожда заставили меня поспѣшить возвращеніемъ домой. Конецъ сентября стараго стиля, когда я прибылъ на островъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ концомъ яванскаго лѣта, яванскаго сухого времени года, и началомъ зимнихъ дождей. Хотя островъ и на-

ходится въ южномъ полушаріи, его климатическій режимъ напоминаетъ намъ времена года сѣверныхъ странъ, и яванская зима, если можно такъ назвать ея зимнее дождливое время, совпадаетъ по времени съ нашею зимой. Солнце, переходя на зиму въ южное полушаріе, сильно грѣетъ Австралію и окрестныя моря и обусловливаетъ возникновеніе дожденосныхъ, постоянно дующихъ с.-з. вѣтровъ, создающихъ здѣсь мѣстами непрерывные, недѣлями длящаяся ливни. Извѣстный изслѣдователь Явы Юнгхунъ описываетъ эти ливни, какъ нѣчто ужасное. Цѣлые дни не переставая, говоритъ онъ, струятся потоки дождя. Отъ ихъ шума невозможно слышать разговора въ комнатѣ. Рѣки превращаются въ бурные потоки, выходятъ изъ береговъ и разливаются по окрестности. Ява становится непроходима. Но дѣло въ томъ, что Ява, какъ и всякая гористая страна, въ зависимости отъ положенія горъ имѣетъ десятки вариантовъ основнаго климата. Они носятъ свой мѣстный характеръ, и Бейтензоргъ именно принадлежитъ къ числу такихъ пунктовъ. Обыкновенно—и такъ бываетъ круглый годъ—солнце встаетъ въ розовой дымкѣ тумана, отражая лучи свои въ тысячахъ неусгѣвшихъ просохнуть капель дождя, висящихъ на стволахъ и листьяхъ пальмъ, банановъ и другихъ омытыхъ свѣжею влагою растений. Пріятная прохлада господствуетъ въ воздухѣ. Зари нѣтъ. Ровно въ 6 часовъ, можно сказать, выскакиваетъ дневное свѣтло, чтобы разлить свои грѣющие лучи на эту мокрую растительность. Небо безоблачно; оно нѣжнаго сѣро-голубого цвѣта, цвѣта акварельной картины, и на немъ вырисовываются силуэты залитыхъ пурпурными цвѣтами тропическихъ деревьевъ и вѣжная двоякоперистая зелень кокосовыхъ пальмъ тонущаго въ садахъ города. Легкій вѣтерокъ колыхнетъ валями пальмъ, и ихъ листочки трепещутъ подъ его дыханіемъ. Въ это время просыпается европеецъ; въ бѣломъ тропическомъ костюмѣ отправляется онъ на работу.

Температура мягкаго июльскаго дня петербургскаго лѣта не стѣсняетъ движеній. Вѣтерокъ освѣжаетъ лицо, принося благоуханія то отъ изгородей, усѣянныхъ бѣлыми, какъ лиліи, крупными цвѣтами древоидныхъ дагуръ, то изъ залитыхъ цвѣтами померанцевыхъ рошъ, то отъ увитого жасминами окна. Въ это время можно забыть, что находишься подъ тропиками. Между тѣмъ солнце медленно движется по направленію къ зениту. Температура медленно повышается. Нѣжныя крупные листья начинаютъ блекнуть. На небѣ появляются неясныя, сливающіяся съ его сѣроватымъ фономъ, облака. Къ полудню наступаетъ настоящая жара; солнце палитъ, и горе тому европейцу, который рискнетъ гулять съ обнаженною головою: солнечный ударъ ждетъ неосторожнаго. Теперь все стремится домой. Главныя дѣла и занятія кончаются. Воздухъ послѣ полудня становится душливъ. Температура

не повышается, но воздух чувствительно для организма насыщается влагой. Малѣйшее движеніе вызывает испарину. Вы ходите въ настоящей атмосферѣ оранжерей — жаркой, влажной, гдѣ культивируютъ тепличныя формы. Наступаетъ полное затишье. Не движутся не только самыя слабо прикрѣпленные листочки на ваіяхъ высокихъ пальмъ, но не шелохнется буквально ни одинъ стебелекъ травы, и около 2—3 час. вся растительность парится въ тепличномъ недвижномъ воздухѣ. Надъ вершинами вулкановъ Геде и Салакъ давно уже сгущавшіяся облака быстро расползаются по небу, все болѣе и болѣе превращаясь въ темно-свинцовую грозную тучу, теперь уже облегающую полгоризонта, скрывающую, наконецъ, и солнце. Слышатся отдаленныя раскаты грома. Вотъ пахнуло вѣтеркомъ, зашелестивши листьями деревьевъ; за нимъ еще и еще порывъ, сильнѣе и сильнѣе. Они подхватываютъ покраившіе листья даммаръ, несутъ, крутя въ вихрѣ, цѣлыя, въ аршинъ длиною, оторванные листья хлѣбнаго дерева. Они нагибаютъ и колыхаютъ громадныя кроны кокосовыхъ пальмъ, расщепляютъ въ лохмотья нѣжныя листья банановъ. Упало нѣсколько капель дождя. Раздаются нѣсколько оглушительныхъ раскатовъ грома, сверкаютъ молніи—и разражается такой ливень, котораго не могутъ себѣ представить не бывавшіе подъ тропиками. Самые сильныя проливныя дожди во время нашихъ лѣтнихъ грозъ—лишь жалкія пародіи на этотъ ливень. Раскаты грома, одинъ оглушительнѣе другого, почти непрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ. Цѣлыя вѣтки, громадныя ваи пальмъ, обламываясь подъ тяжестью струящейся съ неба воды, падаютъ съ трескомъ на землю; улицы и дороги превращаются въ настоящія рѣки. Горе тому, кто попадетъ подъ эти разверзшіяся небесныя хляби. При первыхъ капляхъ дождя все, что можетъ, спасается бѣгомъ, куда глаза глядятъ, и шагать подъ дождемъ рискуютъ развѣ немногіе только малайцы въ своихъ шляпахъ-зонтикахъ, иногда болѣе чѣмъ аршиннаго діаметра, сверху лакированныхъ—совершенно какъ шляпки грибовъ. Европейцы въ это время предаются обыкновенно кейфу на верандахъ домовъ, лежа въ креслахъ-качалкахъ и попивая чай со сливками, возбуждающій ихъ нервы послѣ полуденнаго сна. Дождь бушуетъ не болѣе часа. Затѣмъ онъ слабѣетъ, и передъ закатомъ вы уже можете свободно выходить изъ дому. Тихая, прохладная ночь слѣдуетъ обыкновенно за этимъ бурнымъ вечеромъ, и если есть луна, ея блѣдный свѣтъ производитъ поразительныя эффекты, играя на увлажненныхъ дождемъ недвижныхъ силуэтахъ растений. Ея свѣтъ блѣднѣе, чѣмъ въ наши малороссійскія ночи. Онъ тусклъ, какъ на сѣверѣ. Но проникая черезъ нѣжную фантастическую листву бамбуковъ, играя жемчугомъ на громадной листвѣ банана или вдругъ открывая фонъ свѣтлаго неба, гдѣ темными контурами рисуются пирамидальныя, какъ кипарисы, даммары или кроны

пальмъ, онъ производитъ чудный эффектъ. Затихшая во время дождя городская жизнь пробуждается вновь. Кричатъ продавцы прохладительныхъ напитковъ, зажегши фонарикъ у своихъ лотковъ; толпы малайцевъ спѣшатъ въ театръ или глѣзбуютъ подъ звуки музыки на свадьбу, толпясь подъ окномъ богатаго китайскаго дома; брызгая грязью, мчится фэатонъ съ голландскою семьей, возвращающейся съ предобѣденной прогулки или визита. Но и для пѣшехода нѣтъ теперь опасности увязнуть въ грязи. Не вѣришь глазамъ, что идешь по тѣмъ улицамъ, гдѣ только что текли рѣки воды. Здѣсь о грязи вѣтъ и помину, и, не рискуя даже промочить ботинокъ, вы можете пройти по улицѣ. Причиной этому—характеръ здѣшнихъ почвъ, этихъ различныхъ разновидностей латерита или краснозема, который быстро вбираетъ весь избытокъ выпадающей на землю влаги. На другой день регулярно повторяется то же самое; круглый годъ тропическіе ливни выпадаютъ въ послѣполуденное время, орошая почву; круглый годъ по утрамъ сіяетъ здѣсь солнце.

Ботанический садъ Бейтензорга является одною изъ главныхъ достопримѣчательностей Явы. Этотъ садъ привлекаетъ къ себѣ не только ботаниковъ, но и туристовъ, такъ какъ даетъ возможность въ расчлененномъ на отдѣльныя части видѣ наблюдать всѣ особенности пышной тропической растительности.

Первое, что бросается въ глаза при прогулкѣ по саду, это характеръ листы здѣшнихъ деревьевъ, значительно отличающейся отъ нашихъ. Листва тропическихъ деревьевъ можетъ быть подведена подъ два типа. Это будетъ или глянцевадный, какъ у камеліи, кожистый листъ, варьирующій по величинѣ и по формѣ, или, напротивъ, нѣжный, перистый, мелкоразсѣченный, какъ у акаціи или мимозы. Эти два типа даютъ своеобразный обликъ тропической растительности и красивые темные оттѣнки лѣснымъ ландшафтамъ края.

Еще болѣе останавливаютъ вниманіе стволы здѣшнихъ деревьевъ. Многие изъ нихъ на корѣ своей образуютъ бутоны, развивающіе цвѣты и иногда дающіе крупные плоды; другіе изъ этихъ стволовъ пускаютъ воздушные корни нерѣдко громадной величины.

Необыкновенно эффектна громадная аллея, ведущая вдоль окраины сада къ губернаторскому дому. Аллея эта образуется громадными старыми индійскими смоковницами. Каждая изъ нихъ представляетъ изъ себя маленькую рощу, такъ какъ горизонтально распростертыя вѣтви материнскаго дерева, пуская множество воздушныхъ корней, вросшихъ впоследствии въ землю и утолстившихся, поддерживаются ими, какъ колоннами. У нѣкоторыхъ деревьевъ материнскій стволъ уже сгинулъ и виситъ на воздухѣ, древесная же семья живетъ и существуетъ на счетъ второстепенныхъ стволовъ, образовавшихся изъ воздушныхъ корней.

Громадныя кроны деревьевъ, подверженныя порывамъ тропическихъ урагановъ, требуютъ крѣпкой поддержки. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если тамъ, гдѣ нѣтъ воздушныхъ корней, подземные корни разрастаются въ широкія доскообразныя подпорки. У различныхъ фикусовъ (смоковницъ) такіе доскообразно поднимающіеся отъ земли и змѣеобразно изогнутые пластинчатые корни иногда превышаютъ ростъ человѣка.

Но наиболѣе оригинальною формою стволовъ и корней отличаются смоковницы-удушители. Въ самомъ саду эти странныя деревья почти не представлены, но въ окрестностяхъ города они встрѣчаются нерѣдко.

Изъ маленькаго сѣмечка на вѣтви дерева вырастаетъ небольшое растение. Оно скоро пускаетъ длинный воздушный корень, свѣшивающійся съ вѣтви, достигающій земли и въ нее врастающій. Къ нему обыкновенно присоединяется другой, за ними слѣдуетъ третій, и скоро пріотившее такую смоковницу дерево окутывается мощными объѣтиями становящихся все толще и толще корней. Мало-по-малу корни совершенно удушаютъ пріотившее растеніе, а надъ его кроной разрастается еще болѣе мощная и пышная крона фикуса-удушителя.

Другая не менѣе характерная черта, присущая стеблямъ многихъ тропическихъ растений,—это способность образовывать длинные ползучіе деревенѣющіе побѣги. Такого рода вьющіяся деревья известны подъ именемъ ліанъ. Образую стволъ въ ногу толщиною, ліаны переплетаются съ дерева на дерево, опутывая десятки деревьевъ. Формы ихъ стволовъ своеобразны. У однихъ они скручены, какъ штопоръ, у другихъ завязаны въ причудливые узлы. У самаго входа въ садъ, со стороны базарной площади, вы вступаете въ длинную тѣнистую аллею изъ высокихъ деревьевъ. Первые 10 деревьевъ служатъ здѣсь естественными подпорками громадной ліаны, которая, гирляндами перебра-сьваясь съ дерева на дерево, вѣтвясь и образуя съ руку толщиною стволы-веревки, тянется на добрую сотню сажень.

Но изъ всѣхъ ліанообразныхъ растений въ ботаническомъ саду наибольшее вниманіе обращаютъ на себя пальмы-ротанги, особенно характеризующія Ост-индскіе острова.

Въ молодомъ возрастѣ, по красотѣ и изяществу расположенія своихъ перистыхъ вайъ, ротанги безъ сомнѣнія превосходятъ всѣ красивѣйшія комнатныя пальмы. Становясь старше, они образуютъ ползучій колючатый стволъ, рѣдко превосходящій толщиною человѣческую ногу, обыкновенно же болѣе тонкій. Они ползутъ по землѣ и, достигши дерева, мало-по-малу всползаютъ по нему. Они легко держатся между вѣтвями, такъ какъ необычайно длинныя въ этомъ возрастѣ вайы ихъ оканчиваются длинными, крѣпкими и эластичными жгутами, усаженными необыкновенно цѣпкими колючками. Въ такомъ видѣ эти ползучія пальмы

достигаютъ вершинъ самыхъ высокихъ деревьевъ, стремясь къ свѣту и воздуху. Часто случается также, что сильный ураганъ срываетъ съ дерева такую пальму; гибкій колѣнчатый стволъ, падая внизъ отъ тяжести, свертывается въ десятки колецъ, какъ толстая змѣя, вершина же продолжаетъ расти и крона ротанга опять достигаетъ прежней высоты. Послѣ нѣсколькихъ такихъ, одно за другимъ слѣдующихъ, надежной земля покрывается сплошь узлами свернутыхъ въ кольца стволовъ, напоминающихъ безконечно длинную кишку пожарной машины. Въ Бейтензоргѣ есть ротанги болѣе 50 саж. длины.

Настоящія высокоствольныя пальмы представляютъ здѣсь необыкновенное разнообразіе. Въ громадной рошѣ отдѣленія пальмъ вы видите передъ собою всѣ типы листьевъ этого семейства—отъ громадныхъ круглыхъ вѣровъ до перистаго листа кокосовой пальмы. Мы привыкли связывать представленіе о тропикахъ съ представленіемъ о пальмахъ. Между тѣмъ въ большинствѣ дѣвственныхъ лѣсовъ Явы пальмы не играютъ видной роли, не кидаются въ глаза. Гордые царицы растительнаго царства не выносятъ конкуренціи съ массою другихъ деревьевъ, и потому обыкновенно надъ темнымъ фономъ дѣвственныхъ лѣсовъ Зондскаго архипелага вы никогда не увидите пальмовой кроны.

Весьма любопытны здѣсь панданусы, тѣ самые, которые мы привыкли себѣ представлять въ видѣ горшечныхъ комнатныхъ растений съ фонтанообразными ниспадающими длинными пальчатыми листьями; здѣсь они являются исполинскими деревьями, не ниже нашихъ березъ, съ толстыми стволами, пускающими болѣе чѣмъ въ ногу толщиной безобразные воздушные корни; на нихъ, какъ на подпорахъ, и возвышается настоящій стволъ. На вершинѣ такой стволъ вѣтвится, и каждая вѣтвь на концѣ своемъ несетъ пучокъ громадныхъ, имѣющихъ остро-зубчатые, какъ у пилы, края листья.

Еще интереснѣе здѣшніе бамбуки. Достаточно сказать, что колѣнчатые стволы многихъ видовъ толще туловища взрослого мужчины, высота же злака, дающаго пышную крону, вдвое или втрое превосходитъ высоту самыхъ высокихъ изъ нашихъ деревьевъ.

Къ числу характерныхъ чертъ тропическаго міра принадлежатъ и такъ называемые эпифиты—растенія, развивающіяся на стволахъ и вѣтвяхъ другихъ деревьевъ.

Ботаническій садъ Бейтензорга позволяетъ такимъ образомъ ознакомиться съ рядомъ характернѣйшихъ для тропиковъ растеній.

У яванскаго императора.

(Бакунина).

Я выѣхалъ 29 августа, въ 6 часовъ утра, изъ Батавіи со скорымъ поѣздомъ, шедшимъ въ Сурабайю, и къ 7-ми часамъ вечера прибылъ на ночлегъ въ Маосъ. Поѣзда желѣзной дороги на Явѣ ходятъ лишь днемъ отъ утренней до вечерней зари; послѣ же 7 часовъ вечера всякое движеніе прекращается, такъ что волей-неволей приходилось переночевать въ Маосѣ. Перспектива эта не представляла ничего привлекательнаго, такъ какъ станція Маосъ лежитъ на болотистой и безлюдной мѣстности, среди непроходимыхъ джунглей и «рава» (трясинъ). Эта мѣстность слыветь, и не даромъ, гнѣздомъ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ лихорадокъ на всей Явѣ. Климатъ здѣсь до того нездоровъ, что голландцы вынуждены были удалить отсюда гарнизонъ и значительно сократить срокъ пребыванія тамъ своихъ резидентовъ, контролеровъ и прочихъ чиновниковъ.

За часъ до приближенія къ Маосу можно было наблюдать въ поѣздѣ нашею оригинальное зрѣлище людей, которые заранѣе принимали мѣры предосторожности. Пассажиры одинъ за другимъ исчезали въ туалетной, гдѣ, какъ оказалось, они надѣвали на себя предохранительные фланелевые набушники, ибо первое и главное условіе состоитъ въ томъ, чтобы какъ-нибудь не простудить желудка, иначе, кромѣ маляріи, можно схватить еще дизентерію или холеру. Затѣмъ мужчины и дамы принимали—кто хинные порошки или пилюли, кто хинныя капли. Уже часа за два до Маоса начались лѣса и непроходимыя болота съ зарослями камышей и папоротниковъ, простыхъ и дровядныхъ. Отовсюду сильно пахло смѣсью разлагающагося торфа и специфическимъ, но неприятнымъ до тошноты запахомъ грибовъ, сырой земли и гнили. Густой бѣлесоватый паръ неподвижно стоялъ надъ сонными трясиными по обѣ стороны пути. Изъ болотъ доносился металлическій звонъ лягушекъ, которыя какъ-то гогочутъ, издавая звуки, схожіе съ ударомъ въ колоколь. Вся эта южная часть Явы вообще очень жидко заселена вслѣдствіе именно своего чрезвычайно нездороваго климата.

Путешествіе по Явѣ въ прекрасныхъ и комфортабельныхъ вагонахъ представляетъ собою истинное удовольствіе. Оно не такъ утомительно, какъ бы того можно было ожидать при здѣшней тропической температурѣ, и это весьма просто объясняется: начиная отъ Батавіи, поѣздъ постоянно идетъ въ гору. Несмотря на палящее солнце, пыль и удручающій запахъ каменнаго угля, которымъ отапливаются паровозы, температура все-таки сравнительно свѣжая, продуваетъ отовсюду, здоровый горный вѣтерокъ освѣжаетъ и значительно разнится отъ того воздуха,

который на берегу съ усилиемъ проникаетъ въ наши легкія, будто проходя сквозь слой сырой ваты, герметически приложенной къ вашимъ устами.

Разнообразіемъ видовъ линия Батавія—Маосъ не изобилуетъ. Господствующая всюду нотка, отъ которой яванская природа рѣдко отступаетъ,—это дѣйствительно не поддающееся никакому точному описанію изумительное богатство и роскошь растительности. Но отличительныя черты этого бьющаго черезъ край изобилія вѣчно и всюду тождественны: группы кокосовыхъ и иныхъ пальмъ, букеты изящныхъ бамбуковъ, аллеи изъ тамариндовъ или деревьевъ капары, раскидистыя гигантскія хлѣбныя деревья и индійская смоковница, растрепанные, съ будто взрѣзанными и полинявшими листьями кусты банана, юкка, папоротники, полное отсутствіе цвѣтовъ или же ярко-красные цвѣты, растущіе на деревьяхъ на недостижимой высотѣ. Въ сырыхъ мѣстахъ и низинахъ появляются еще элегантные древовидные папоротники, камышъ и иные болотныя растенія. Порою бесконечно вдаль и вширь тянутся рисовыя плантаціи. Онѣ расположены по обѣимъ сторонамъ пути террасообразно; своими выступами и каскадами со ступеньки на ступеньку переливающейся оросительной воды плантаціи эти прерываютъ однообразіе сплошного мохнатого и густо сплотившагося тропическаго лѣса. Но рисовыя поля слишкомъ уже много поладаетъ всюду, по склонамъ горъ, въ равнинахъ и низинахъ,—они утомляютъ своею монотонностью. Смотри по степени зрѣлости, рисовыя злаки образуютъ живую гамму зелени, идущей отъ нѣжнаго блѣдно-зеленаго цвѣта молодыхъ всходовъ до интенсивнаго изумруда, переходящаго въ желтовато-золотые отливы риса, уже созрѣвшаго и ожидающаго жатвы; затѣмъ снова пальмы и бамбуки, бамбуки и пальмы попережку съ рисовыми полями,—и такъ до безконечности.

Живой, текущей воды мало; кое-гдѣ незначительныя горныя ручейки да мутныя бурныя «кали», не то каналы, не то рѣчки; озеръ не встрѣчается вовсе. Далѣе горы, даже вулканы, еще нынѣ дѣйствующіе, своею причудливою массою окаймляютъ горизонтъ, и покрыты отъ подошвы до вершины сплошною зеленою растительностью. Все это вноситъ въ ландшафтъ своеобразную прелесть, но мало разнообразія.

Къ числу самыхъ живописныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ мѣстъ слѣдуетъ отнести Лелесъ. Съ высоты вѣдука, извивающагося среди горъ и ущелій на уровнѣ до 3.000 ф. надъ моремъ, внезапно слѣва открывается глубоко внизу подъ горою обширная равнина, состоящая изъ серіи спускающихся одно въ другое уступами рисовыхъ полей. Поля эти исчезаютъ подъ водою, и островками выступаютъ изъ моря рису остроконечныя холмики, увѣнчанные широко-раскидистой кроною пальмъ. На холмикахъ среди зелени, отражающей въ недвижной

водѣ, въ живописномъ беспорядкѣ разбросаны хижины малайскихъ девушекъ.

Вся Ява, отъ Батавіи до Сурабайи, на протяженіи до 800 кил., представляется въ видѣ одного сплошного дѣвственнаго лѣса, который кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, и спѣшно расчищенъ. Въ расчищенныхъ мѣстахъ своихъ лѣсъ этотъ превратился въ паркъ; люди поторопились проложить желѣзныя дороги, телеграфъ, шоссеиные пути; тутъ же наудачу разбросаны кампоги (села), домики и даже цѣлые города. Все это утопаетъ и исчезаетъ въ зелени, имѣя надъ собою зеленые султаны пальмъ и тамариндовъ. Люди именно послѣдили своими сооружеиіями жилыхъ мѣстъ и путей сообщеній: такъ и сдается, что при малѣйшихъ оплошности и недосмотрѣ со стороны человѣка лѣсъ этотъ, насильно отодвинутый, способенъ снова перейти въ угрожающее наступленіе и задуть въ своихъ зеленыхъ объятіяхъ расчищенные участки съ ихъ населенными центрами.

Самаго поверхностнаго наблюдателя не можетъ не поразить на Явѣ чрезвычайная многолюдность населенія. Не сотнями, а прямо цѣлыми тысячами передвигаются люди лѣшкомъ, верхомъ и въ телѣгахъ по большимъ дорогамъ и по всѣмъ направленіямъ. На станціяхъ и даже полустанкахъ, среди лѣса или въ полѣ, всюду толпится народъ. Это—крестьяне, работники, пассажиры и простые зѣваки. Туземцы вдоль платформъ разносятъ плоды, молоко, рисъ и разную болѣе или менѣе подозрительнаго вида снѣдь. Въ базарные дни масса народа особенно возрастаетъ; площади городковъ, селеній и мелкихъ населенныхъ мѣстъ буквально кипятъ народомъ. Здѣсь толпятся уже десятки тысячъ человѣкъ, которые продаютъ и покупаютъ, оживленно разговариваютъ, но безъ гама и суеты, степенно и спокойно. Видно, голландская флегма и аккуратность отразились также и на туземцахъ.

Второе, что поражаетъ туриста, и притомъ самымъ пріятнымъ и симпатичнымъ образомъ,—это бросающіеся всюду въ глаза порядокъ, благоустройство и чистота. Желѣзнодорожныя сооружеиія, мосты, тоннели, вѣадуки, облицовка и закрѣпленіе сползающей почвы и пр. по всей линіи исполнены съ чисто голландскими солидностью и аккуратностью. Удобные, изящные желѣзнодорожные вагоны, приличныя, а иногда и роскошныя станціи съ садиками и зеленью, бѣленькіе аппетитные домики городковъ и даже убогія хижины малайцевъ, окаймляющія полотно рельсоваго пути,—все это замѣчательно мило и опрятно въ своей иррегулярной миниатюрности. Шоссеиные дороги, засаженныя деревьями по обѣимъ сторонамъ, мосты и прочія сооружеиія содержатся въ примѣрномъ порядкѣ, поѣзда ходятъ не торопясь, но правильно и не опаздывая, безъ столбовеній и приключеній. Словомъ, это, отъ Батавіи до Сурабайи и всюду внутри страны, даже въ сто-

ронѣ отъ главныхъ проѣздныхъ путей,—та же, только тропическая, Голландія: до того все здѣсь аккуратно, прилизано и подчищено. Туристъ можетъ быть увѣренъ, что онъ повсюду на Явѣ, даже въ сердцѣ края и въ глуши, найдетъ вполне приличное, а главное безукоризненно чистое помѣщеніе въ гостиницѣ или въ станціонномъ домикѣ.

Но вотъ поѣздъ вступаетъ въ территорію имперіи Сурукаты. Картина моментально мѣняется. Если вы не знаете, что находитесь въ предѣлахъ его величества сусухунана (яванскаго императора), то одного бѣглаго взгляда изъ окна вагона на окружающую толпу и обстановку достаточно, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— «Station Solo!»—выкрикиваетъ кондукторъ, и поѣздъ останавливается.

Станціонное зданіе—мизерное и грязное, стѣны потрескались, потеряли штукатурку и загажены, на платформѣ снуютъ какіе-то оборванцы съ дикими физиономіями, шумъ, гамъ, толкотня, вонь и полная анархія. Да, это уже не безукоризненные резиденства съ голландскою опрятностью и порядкомъ, чрезъ которыя вы до сихъ поръ проѣзжали.

За вокзаломъ, сейчасъ же противъ грязной и тошной площади, начинается городъ Соло. Туземные базары жалкіе и бѣдные. Это—ряды бамбуковыхъ ларей съ товаромъ послѣдняго разбора. Улицы и площади кишатъ крайне неопрятнымъ народомъ. У всѣхъ какое-то тупое и сосредоточенно подавленное выраженіе лицъ; да оно и вполне понятно: императоръ деретъ три шкуры со своихъ подданныхъ, и злополучные сурукаты изнемогаютъ подъ бременемъ различныхъ налоговъ.

Улицы темны, узки и непомерно грязны, на нихъ свалены всякаго рода нечистоты, а жители и обыватели, съ своей стороны, посреди улицъ предаются своимъ обычнымъ домашнимъ занятіямъ, тоже чистою не отличающимся. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ специально и специфически малайскомъ и яванскомъ упражненіи. Туземная женщина сидитъ у порога своей хижины, то-есть, собственно говоря, на улицѣ, и усердно копаеся въ головѣ другой яванки, стоящей передъ нею на корточкахъ. Она ищетъ и, конечно, находитъ насѣкомыхъ; при этомъ яванка, вѣроятно въ видѣ компенсаціи за свой трудъ, съ очевиднымъ аппетитомъ и наслажденіемъ кушаетъ пойманныхъ насѣкомыхъ. Только и видны учащенные жесты руки, подносящей отъ головы ко рту лакомую, повидимому, добычу!

Улицы въ Соло окаймлены по сторонамъ открытыми лачугами, покосившимися на бокъ, такъ какъ стѣны давно дали трещину, а крыша протекаетъ, починить же не на что. Нѣкоторые болѣе другихъ жалкіе домишки изъ бамбука безъ штукатурки наполовину ушли въ землю. И всюду на площадяхъ и улицахъ передъ лачугами и въ самыхъ домахъ кишмя кишатъ оборванные яванцы. Таково предмѣстье Соло.

Въ центрѣ города много приличіе и лучше. По четыремъ фасамамъ обширной площади, среди которой возвышается изъ-за высокихъ стѣнъ громада императорскаго кратаона (дворца), обрисовался новый городъ.

Здѣсь же видишь бесконечно длинныя и толстыя стѣвы, окружающія кратоны принцевъ и министровъ. Въ кратаонахъ этихъ живутъ десятки тысячъ празднаго люда, состоящаго изъ придворныхъ чиновъ, прислуги, стражи, музыкантовъ, кордебалета, рабочихъ и ремесленниковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Весь этотъ бесполезный народъ содержится на счетъ сусухунана и принцевъ и обходится весьма дорого, такъ что у императора никогда денегъ не бываетъ. Онъ, кромѣ того, весьма любитъ покупать брильянты и всякій европейскій хламъ, давать обѣды, ужины и балы съ европейскими угощеніемъ и выпивкой.

Тутъ же живутъ голландцы, почему эта часть города составляетъ пріятный контрастъ съ туземными кварталами. Здѣсь два отеля, кирка; европейскіе магазины, домики офицеровъ и чиновниковъ. Домъ резидента тутъ же, недалеко отъ лучшаго отеля.

Положеніе резидентовъ въ Сурукагѣ весьма деликатное, требующее вмѣстѣ энергіи и мягкаго такта; поэтому правительство предпочтительно передъ другими личностями посылаетъ туда людей благовоспитанныхъ, такъ какъ сусухунагъ и яванскіе гранды, сами изучившіе и праектикующіе всѣ тонкости этикета, особенно цѣнятъ приличное воспитаніе и изящныя манеры; резидентами при императорѣ обыкновенно назначаются люди интеллигентные и одаренные дипломатическими способностями и тактомъ.

Задача такого голландскаго представителя не легкая: онъ долженъ держать себя такъ, чтобы не дать почувствовать ни государю, ни его народу, что фактическая власть находится въ его, резидента, рукахъ. Въ дѣйствительности, императору предоставлены одни лишь внѣшніе атрибуты власти: онъ лишь указываетъ и издаетъ декреты, не вмѣшиваясь собственно особою въ дѣла внутренняго управленія. Для этой цѣли существуютъ спеціальныя сановники, на жалованьи изъ Батавіи; они служатъ посредниками между властителями, голландскимъ управленіемъ въ лицѣ резидентовъ и генераль-губернаторомъ въ Бейтензоргѣ. Они вѣщаютъ народу державную волю его государей, они взимаютъ подати и налоги, назначаютъ и смѣняютъ туземныхъ чиновниковъ, судей и проч. Но при этомъ и они, подобно своему повелителю, сусухунагу, состоятъ подъ контролемъ резидента.

Несмотря на внѣшній почетъ, которымъ даже голландскія власти стараются ооружать сусухунага, императоръ, можно утверждать, живетъ узникомъ въ стѣнахъ своего обширнаго кратаона. Такъ какъ азіатскій этикетъ вообще воспрещаетъ государю приходиться съ своимъ народомъ въ болѣе близкое сопрікосновеніе, то голландцы воспользова-

лись этимъ древнимъ обыкновениемъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть священной особою сусухунана. Императоръ никуда не выѣзжаетъ, не предвѣривъ о томъ резидента; визиты онъ дѣлаетъ при строго соблюдаемомъ этикетѣ одному резиденту. Государь не можетъ даже выѣхать на побывку въ свою загородную дачу, въ часѣ разстоянія отъ города, не испросивъ сперва на то разрѣшенія у резидента. Отлучиться же вовсе изъ своей резиденціи и посѣтить хотя бы своего сосѣда, султана въ Джодждѣ, императоръ не имѣетъ права: это было бы противно яванскому обычаю.

Еще одна характерная особенность. Когда-то, во время оно, одинъ изъ императоровъ былъ отравленъ своими придворными или родственниками. Это въ Азіи, и вообще на востокѣ, явленіе обычное, и даже нынѣшній государь постоянно дрожитъ за свою жизнь. Преемникъ отравленнаго правителя, во избѣжаніе таковой же участи, попросилъ резидента дозволить, чтобы на будущее время кушанье для императора было приготавливаемо на резидентской кухнѣ, откуда оно потомъ подъ конвоемъ отправлялось бы въ кратонъ. Голландцы пожелали и впоследствии сохранить этотъ обычай, и нынѣ еще можно въ Соло наблюдать слѣдующее любопытное зрѣлище: ровно въ полдень изъ воротъ кратона выступаетъ цѣлая процессія, медленно и торжественно направляясь къ дому, или, вѣрнѣе, въ сторону, гдѣ расположена кухня резидента.

Какими-то фантастическими чучелами одѣтые яванцы, въ конусообразныхъ цвѣтныхъ шалочкахъ (кулукъ) изъ рыбьяго пузыря, съ развѣвающимися саронгами и шароварами, съ криссами за спиною, несутъ серебряныя и золотыя блюда съ крышками; это мундшеники и тафельдеке-ры его величества. Надъ августѣйшими блюдами другіе чины двора въ такомъ же снаряженіи высоко держатъ императорскій желтаго шелка «пайонгъ» (зонтикъ). Зонтики, какъ извѣстно, различно изукрашенные и расписанные, смотря по рангу собственника, составляютъ также и на Явѣ неизбѣжный внѣшній атрибутъ officialныхъ лицъ и людей, власть имущихъ.

Голландцы для усиленія своего престижа усвоили этотъ обычай: ихъ сановники и чиновники также имѣютъ присвоенные имъ рангу расписные пайонги и пайонгоносцевъ. Получивъ изъ кухни резидента императорскую порцію «наси» (варенаго риса) и прочія кушанья, процессія тѣмъ же путемъ и порядкомъ возвращается обратно и исчезаетъ въ воротахъ кратона, которыя вслѣдъ за нею затворяются.

Императоръ получаетъ отъ правительства ежегодную субсидію до 800.000 гульд. (почти 625.000 рублей). На содержаніе принцевъ крови положено еще до 450.000 гульд. (около 350.000 р.) въ годъ. Къ тому же, такъ какъ сусухунанъ постоянно въ долгу, онъ то и дѣло испрашиваетъ авансы у правительства, которое не отказываетъ въ выдачѣ де-

негъ, но тѣмъ еще болѣе связываетъ сурукатскаго правителя по рукамъ и ногамъ.

Голландское правительство вознаграждаетъ себя за свои расходы по содержанию сусухуна и султана въ Джокджѣ отчасти тѣмъ, что вѣзаетъ въ краѣ пошлины съ поступающихъ податей, отдаетъ на откупъ соль, опиумъ и земельные участки для эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ и проч.

Голландская власть въ провинціи Сурукатъ въ лицѣ резидента, — губернаторскаго намѣстника, штата его и чиновниковъ вѣдаетъ административныя дѣла, судебныя и прочіе интересы исключительно европейцевъ, китайцевъ и азіатовъ, не состоящихъ въ подданствѣ сусухуна. Дѣлами собственно подданныхъ его величества завѣдуетъ туземная верховная судебная комиссія, но совѣтъ этотъ подноситъ сперва всѣ судебныя акты на разбирательство резидента и испрашиваетъ его подпись. Приговоры совѣта подлежатъ утвержденію резидента въ теченіе трехъ сутокъ послѣ состоявшагося рѣшенія. Для совершенія смертной казни надъ подданными сусухуна испрашивается специальное рѣшеніе генераль-губернатора.

Резидентъ предложилъ мнѣ представиться сусухунану въ тотъ же вечеръ въ 9 часовъ. Онъ пригласилъ меня въ слѣдующій высокотожественный день къ себѣ на ужинъ и на балъ, удостоенные присутствія императора и его свиты.

— «Къ сусухунану надо явиться во фракѣ при орденахъ: онъ ужасно это любитъ, какъ вы будете имѣть случай въ томъ убѣдиться. За вами заѣдетъ командиръ лейбъ-драгунскаго полка. Бесѣдовать вамъ придется съ сусухунаномъ на малайскомъ языкѣ: онъ по-голландски не понимаетъ».

Ровно въ 9 час. вечера мы вѣзжали во внутреннюю часть обширнаго, окруженнаго высокими стѣнами kratona, гдѣ подъ «пендоно» (передняя крытая галлерей), довольно слабо освѣщенной тусклыми керосиновыми лампами, насъ ожидали братья его величества и другіе высокіе сановники его двора. На каменныхъ плитахъ на корточкахъ возсѣдали группами тѣлохранители, часовые и прочіе члены и чины многочисленнаго придворнаго штата. Всѣ они кланялись намъ по-явански, простирая впередъ отъ высоты лба руки, сложенныя ладонями вмѣстѣ. Исполняющіе должность церемоніймейстеровъ ввели насъ въ огромныхъ размѣровъ залъ, отдѣланный наполовину въ яванскомъ, наполовину въ сомнительномъ европейскомъ вкусѣ съ европейскою мебелью, люстрами, лампами, статуэтками изъ позолоченнаго гипса и прочею салонною обстановкою, собранною со всѣхъ концовъ Европы и немощно наугадъ. Въ глубинѣ залы, на эстрадахъ, въ раззолоченныхъ штофныхъ креслахъ подъ желтыми пайонгами возсѣдали сусухунанъ и первая его супруга,

«туанъ-рату», окруженные безчисленными братьями, сыновьями и дочерьми. На мраморныхъ плитахъ, у подножія трона, застыли на корточкахъ въ безмолвно благоговѣйномъ созерцаніи императорскаго величія придворные кавалеры и фрейлины. Кавалеры были, согласно требованіямъ придворнаго яванскаго этикета, обнажены до пояса, дамы одѣты были менѣе легкомысленно: онѣ нмѣли подѣ саронгомъ, туго стянутымъ впереди на груди, совершенно обнаженные руки.

Въ боковыхъ предѣлахъ залы и въ сосѣднихъ апартаментахъ также неподвижно возсѣдали на полу чинныя бронзоваго цвѣта группы царедворцевъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ.

Приблизившись къ эстрадаѣ, мы совершили предписанныя этикетомъ три глубокихъ реверанса. Императоръ всталъ и, подойдя къ намъ, любезно раскланялся. Взявъ насъ за руки, онъ подвелъ и посадилъ меня по правую, а моего спутника по лѣвую сторону и тутъ же представилъ меня императрицѣ и членамъ своего семейства.

Сусухунагъ былъ въ яванскомъ костюмѣ съ необутыми ногами въ расшитыхъ золотомъ и брилліантами туфляхъ-шлепанцахъ, въ пестромъ саронгѣ и бархатной черной курткѣ, на которой сіяла звѣзда недавно имъ полученнаго ордена Нидерландскаго Льва и еще какой-то орденъ, который оказался «домашнимъ орденомъ», изобрѣтеннымъ его покойнымъ отцомъ.

Сусухунагъ Паку-Бувоно-Сенapati-Ингнаголого-Нгабдуръ-Рахманъ, Сайдинъ-Панотогамо—еще молодой человекъ, лѣтъ 27—28, высокаго роста, стройный, скорѣе красиваго типа лица, съ тонкими губами, подвижный, нервный, съ порывистою рѣчью и движеніями, съ безпокойно блуждающими во всѣ стороны глазами стальнаго цвѣта. На лицѣ его толстыми черными чертами намалеваны были борода клиномъ, брови и усы, уходившіе вверхъ остріемъ.

Пока императоръ ставилъ мнѣ обычные банальныя вопросы: давно ли я въ Батавію, откуда прибылъ и проч., слуги разносили угощеніе, состоявшее изъ чая, шампанскаго, ликера и неизбѣжной въ Индіи «голландской воды» (айеръ вланда), т. е. минеральной воды аполлинариса съ виски. Намъ подали также сигаръ и папирсъ. Изъ глубины второго зала доносились до насъ звуки «гамеланга» (оркестра), между тѣмъ какъ впереди передъ нашими глазами выстраивались группы танцоровъ и миниатюрныхъ танцовщицъ въ богатыхъ цвѣтныхъ костюмахъ.

Танцующія—все дѣвочки отъ 10 до 13-лѣтняго возраста—имѣли на головахъ тяжелыя золотыя діадемы, украшенныя гирляндами цвѣтовъ. На обнаженныхъ рукахъ и на щиколоткахъ необутыхъ ногъ красовались массивныя золотыя браслеты съ драгоцѣнными камнями. Все это были родныя дочери, племянницы и инны родственницы самого императора. Эти же принцессами крови должны были на другой день у рези-

дента, въ присутствіи сусухунана, танцовать національные яванскіе танцы.

Музыка полного гамеланга, состоящаго изъ 40—50 струнныхъ и ударныхъ инструментовъ, заунывная и монотонная. Долетающая до васъ изъ отдаленія и какъ бы подъ сурдинку мелодія яванскаго гамеланга имѣеть своеобразную прелесть: иной разъ звуки еле уловимы, порою они даже какъ будто переходять совсѣмъ въ какой-то подавленный шопотъ.

Что же касается яванскихъ танцевъ, то врядъ ли можно въ строгомъ смыслѣ этого слова назвать танцами эти плавныя и медленныя движенія одного корпуса, это ритмическое топтаніе на одномъ мѣстѣ съ качиваніемъ тѣла, съ неестественными вывихами наружу кистей и пальцевъ рукъ, почти безъ участія и безъ движенія ногъ. Это какое-то священнодѣйствіе, а не танцы.

Во время танцевъ сусухунанъ что-то очень часто поглядывалъ на меня не то съ недоумѣніемъ, не то съ улыбкою; онъ что-то такое шепталъ своимъ приближеннымъ, указывая на свой орденъ, висѣвшій у него на шеѣ. Я, видя эти упорные взгляды, усомнился, нѣтъ ли какого изъяна въ моемъ туалетѣ. И усомнился я не даромъ. Императоръ, наконецъ, не выдержалъ: ткнувъ своимъ коричневымъ перстомъ въ мой сербскій крестъ, онъ замѣтилъ мнѣ съ улыбкою: «орденъ этотъ надѣтъ не такъ, какъ слѣдуетъ». Въ доказательство онъ велѣлъ себѣ принести альбомъ, въ которомъ изображены были всѣ ордена и декораціи вселенной, и безошибочно разыскалъ въ немъ мой крестъ. Оказалось, что я впопыхахъ надѣлъ свой крестъ наизнанку, что не ускользнуло отъ зоркаго глаза сусухунана, который, очевидно, изъ изученія иностранныхъ орденовъ составилъ себѣ специальность.

Загѣмъ его величество сиюнулъ въ подставленную ему золотую плевальницу. Придворная фрейлина съ красными отъ жеванія «сирі» деснами приняла эту урну и, высоко держа надъ головою свою драгоцѣнную пошу, отковыляла въ сторону. Именно и буквально отковыляла, такъ какъ она, сидя на корточкахъ, такъ и осталась сидѣть и съ мѣста быстро поползла по мраморнымъ плитамъ, отглядывая въ стороны необутыя ноги.

Сусухунанъ много разспрашивалъ меня о Россіи, полюбозпытствовалъ узнать, какъ велико «негри» (государство) Рюсландъ, сколько въ Россіи жителей и войска.

Изумленію его не было предѣловъ, когда онъ услышалъ, что мы можемъ выставить въ случаѣ войны до 4 милліоновъ воиновъ. Сусухунанъ началъ быстро и возбужденно шептаться со своими приближенными; онъ, очевидно, сообщалъ имъ, что во всей «негри Вланда» (Голландія) жителей столько, сколько въ Россіи однихъ солдатъ.

Послѣ аудіенціи, музыки и танцевъ, затянувшихся до 11 час. вечера, мы откланялись и возвратились во-свои.

На слѣдующій день, въ 5 час. пополудни, я былъ уже у резидента и засталъ полный домъ приглашенныхъ. Ровно въ 5¹/₂ час. грянули съ форта салютные пушечные выстрѣлы въ честь императорскаго выхода изъ кратона. Сусухунану предшествовали различно и пестро костюмированныя группы тѣлохранителей съ пиками и щитами, посетители почетныхъ зонтиковъ и золотыхъ августѣйшихъ плевалъницъ, оруженосцы, царедворцы, коююхи, танцоры и проч. Нѣкоторые были въ яванскомъ костюмѣ, другіе, зеленые, красные и синіе, въ какомъ-то полуевропейскомъ облаченіи XVII вѣка, перенятомъ у португальцевъ, въ башмакахъ и короткихъ штанахъ въ обтяжку и въ шляпахъ съ перьями поверхъ національнаго пиньона волосъ и неизбѣжнаго «каинъ капала» (головной платокъ). Гамелангъ и фрейлины сусухунана прибыли раньше.

Но вотъ является и самъ императоръ въ золоченой по всѣмъ швамъ огромной каретѣ на высокихъ рессорахъ, обитой краснымъ штофомъ, съ золочеными фонарями и высочайшими козлами, обтянутыми золотой парчей. Два кучера въ ливреяхъ торжественно возсѣдали на своемъ сѣдалищѣ, шесть форейторовъ посажены были на шесть лошадей, запряженныхъ цугомъ, а сзади на запяткахъ помѣщались двое лакеевъ съ открытыми надъ кузовомъ кареты желтыми императорскими зонтиками. Четверо скороходовъ рысдой бѣжали у дверецъ экипажа съ такими же желтыми зонтиками. Въ каретѣ неподвижно и важно, какъ идолъ, возсѣдалъ сусухунанъ. Вотъ раздаются звуки народнаго нидерландскаго гимна, и резидентъ въ фрачномъ пиджакѣ золотомъ мундирѣ спѣшитъ встрѣтить своего высокаго гостя у подъѣзда.

Оба—серьезный голляндецъ и потѣшный азіатецъ—прежде всего раскланиваются другъ передъ другомъ медленно, церемонно, низко наклоняясь, затѣмъ резидентъ беретъ сусухунана подъ руку, подобно тому, какъ у насъ кавалеръ ведетъ свою даму къ обѣду, и оба направляются среди раступающейся и раскланивающейся публики въ парадный залъ, гдѣ на эстрадѣ, подъ бархатнымъ балдахиномъ съ золотымъ голландскимъ гербомъ, поставлены два совершенно тождественныхъ кресла. Резидентъ сажаетъ сусухунана рядомъ съ собою и усиленно слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы его гость какъ-нибудь не подвинулся впередъ: чуть двинетъ свое кресло императоръ, резидентъ совершаетъ подобную же эволюцію. Свита размѣщается позади, по сторонамъ и впереди этой главной центральной группы, кто стоя, кто на корточкахъ на полу. Свита эта—невѣроятная, рѣжущая глаза и пестрая, въ саронгахъ съ узорами, широчайшихъ бумажныхъ шароварахъ съ разводами и въ разноцвѣтныхъ, смотря по рангу, конусообразныхъ шалочкахъ, изъ-подъ

которыхъ въ заплетенныхъ волосахъ кавалеровъ сверкаютъ нити жемчуга и крупныя бриллыанты, а въ шпьюнахъ дамъ—полукруглыя гребни, усыпанныя разноцвѣтными камнями.

По знаку сусухунаана, далеко впереди у самой веравды размѣщенный на полу гамелангъ исполняетъ заунывное, однообразное приглашеніе къ танцамъ. Танцовщицы, все принцессы императорской крови, выдвигаются впередъ и плавно, медленно, съ неизбѣжными кривляніями и вывихами пальцевъ и суставовъ рукъ, исполняютъ національныя яванскія танцы.

Эти упражненія длятся полтора часа. Резидентъ сидитъ на своемъ тронѣ съ выраженіемъ на лицѣ тоски и покорности судьбѣ. Онъ изрѣдка за приложенною къ лицу рукой скрываетъ нервный зѣвокъ. Резиденту подобный спектакль—не въ рѣдкость, онъ видалъ виды и продѣлываетъ безъ всякаго увлеченія то же самое по нѣскольку разъ въ годъ въ экстренныхъ случаяхъ, потому что безъ этого въ торжественныя дни обойтись нельзя. Голландская публика тоже относится равнодушно и позѣвываетъ отъ скуки.

Но вотъ ко всеобщему облегченію танцы окончились. Публика, утомленная однообразіемъ зрѣлища и продолжительнымъ сидѣніемъ, шумно поднимается со своихъ мѣстъ и разсыпается по заламъ и по открытымъ галлерейамъ, чтобы поразмяться и покурить. Императоръ подъ руку съ резидентомъ прогуливается и бесѣдуетъ на малайскомъ языкѣ съ болѣе выдающимися европейскими и туземными сановниками. Затѣмъ онъ садится рядомъ со своимъ хозяиномъ уже за обыкновенный столъ, курить и попиваетъ прохладительныя напитки, изрѣдка сплевывая въ подставленную ему услужливою рукою государственную плевалницу. У императора въ рукахъ гирлянды живыхъ и сильно пахучихъ бѣлыхъ цвѣтговъ, которые онъ, въ знакъ благоволенія, раздаетъ окружающимъ. Послѣ 9 час. начинаются танцы, уже европейскія, подъ звуки балнаго оркестра, и самъ сусухунаанъ принимаетъ въ нихъ живое участіе. Составляются кадрили и лянсье, его величество танцуетъ по очереди съ резидентшею, ея дочерью, полковницею и женою президента трибунала.

Сусухунаанъ, высокій, стройный, изящно сложенный, весьма красивъ и представительенъ въ своемъ черномъ костюмѣ португальскаго покроя; онъ кажется живою фигурою, перенесенною изъ XVII столѣтія. На немъ короткая бархатная жакетка, какую носятъ испанскіе торреадоры. На куртѣ рядъ крупныхъ бриллыантовъ замѣняетъ собою пуговицы. Кухакъ также сверкаетъ бриллыантами и драгоцѣнными камнями. За спиною вставленъ богатѣйшій крессъ (кинжалъ) въ золотыхъ ножнахъ, весь усыпанный алмазами. На головѣ императоръ имѣетъ необычайной формы черную поярковую шляпу; она внѣшнимъ видомъ своимъ напоминаетъ шапочки католическихъ священниковъ, но втрое выше. Бар-

хатныя лосины въ обтяжку, черныя шелковыя чулки и башмаки съ алмазными пряжками довершаютъ этотъ оригинальный и эффектный костюмъ.

Ровно въ 12 час. начался ужинъ. Приготовлено было въ задней открытой галлерей четыре или пять столовъ на 200 чел., и все было безукоризненно и роскошно: обстановка веранды, уставленной зеленью, цвѣтами и крупными пальмами, декорированной флагами и залитой огнями, прекрасная сервировка, буфетъ и разнообразіе выписаннаго цѣликомъ изъ Батавіи ужина. По всему видно было, что резидентъ привыкъ и умѣлъ принимать на широкую ногу.

Въ моментъ, когда разливали шампанское, хозяинъ дома и области всталъ и по-голландски произнесъ тостъ въ честь нидерландской королевы, а затѣмъ и въ честь своего высокаго гостя. Оркестръ заигралъ гимнъ. Сусухунангъ коротко отвѣтилъ на малайскомъ языкѣ.

Послѣ кофе и чая, сервированныхъ на передней верандѣ, возобновились прерванные ужиномъ танцы, и балъ оживленно продолжался до 4 час. утра. Въ пятомъ часу сусухунангъ откланялся хозяевамъ и публикѣ, подавъ тѣмъ сигналъ къ общему разѣзду.

На островѣ Люсонѣ.

(Марша).

9 сентября въ 5 часовъ вечера мы прибыли въ Манильскую гавань, одну изъ самыхъ красивыхъ и—главное—одну изъ самыхъ обширныхъ въ свѣтѣ.

Послѣ санитарнаго осмотра я выпрыгнулъ въ пирогу и поѣхалъ на берегъ. Я помѣстился въ гостиницѣ «Fonda Francesa», содержимой нѣкимъ Лала-Ари. Этотъ Лала—индусъ по мнѣнію однихъ, малаецъ по мнѣнію другихъ; онъ говоритъ почти на всѣхъ языкахъ и отправилъ своего сына для занятій французскимъ языкомъ во Францію, англійскимъ—въ Англию. Его отель, говорятъ, лучший въ Манилѣ. Что же подумать тогда объ остальныхъ? Здѣсь очень плохо и очень дорого. Но я скоро устроился другимъ образомъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ negociантовъ предложилъ мнѣ свое гостепримство, и я поселился у него.

Маниля, столица Филиппинскаго архипелага, расположена подъ 14° сѣверной широты и 118° долготы отъ Парижа на длинной и узкой полосѣ земли, вдающейся въ заливъ. Маниля защищена на протяженіи трехъ четвертей въ окружности высокими стѣнами съ глубокимъ ровомъ, наполняющимся водой во время прилива; съ другой стороны городъ защищенъ рѣкой Пагигъ. Стѣны красивы на видъ, но мало надежны; землетрясенія неоднократно разрушали ихъ. Одинъ каменный мостъ и два деревянныхъ соединяютъ городъ съ окраинами, лежащими

за рѣкой. Окраины гораздо обширнѣе самаго города и въ нихъ сосредоточена торговая жизнь Манилы. Маниля собственно, именно тотъ городъ, который окруженъ стѣнами, имѣетъ не болѣе 17 тысячъ жителей, но она окружена кольцомъ большихъ пригородовъ, туземныхъ селъ, что значительно увеличиваетъ общее число жителей. Напримѣръ, Бинодо-Санъ-Хозе имѣетъ 23 тысячи жителей, Квианно—шесть тысячъ. Въ общемъ, если всѣ пригороды и мѣстечки причислять къ Манилѣ, то получится солидная цифра—116 тысячъ населенія, изъ котораго огромное большинство тагальскаго происхожденія, остальное—китайцы; кромѣ того, здѣсь живутъ европейцы въ числѣ нѣсколькихъ сотъ чело-вѣкъ.

Улицы болшею частью малооживленныя, съ тротуарами, которые находятся въ очень плохомъ состоянїи; нѣкоторыя изъ улицъ вымощены большими плитами. Есть въ городѣ и широкія улицы, напримѣръ, улица С.-Фернандо, идущая отъ порта къ пригороду Бинодо, или улица Розарю, гдѣ находятся лавки съ рѣдкостями, содержащими китайцами; наконецъ, улица Эскольто, украшенная роскошными европейскими магазинами, которые мало-по-малу вытѣсняють китайскія лавочки.

На улицахъ Эскольто и Розарю много оживленія. Что ихъ отличаетъ отъ большинства другихъ улицъ Манилы—это то, что по нимъ можно ѣздить. Онѣ содержатся очень хорошо и вымощены. Этимъ результатомъ онѣ обязаны коммерсантамъ, населяющимъ ихъ. На общія средства они выписали изъ Китая плиты, а преступники, отбывающіе наказаніе, были отпущены начальствомъ и работали надъ замощеніемъ улицъ; правда, все это исполнено недостаточно хорошо, но все-таки это дѣлаетъ возможнымъ ѣзду въ этой части города даже въ періодъ сильныхъ дождей.

Дома высокіе, однообразные, обыкновенно имѣють каменный низъ, одинъ этажъ деревянный, крыши черепчатыя, что при легкомъ землетрясеніи вызываетъ много несчастныхъ случаевъ. Поэтому правительство теперь (послѣ несчастій въ 1880 году) запретило крыть дома чѣмъ-либо другимъ, кромѣ цинка и желѣза.

Низъ дома служить только для помѣщенія экипажей; только первый этажъ занятъ людьми. Фасадъ окаймленъ крытой галлереей съ жалюзи.

Видъ на рѣку Пазигъ очень красивъ; на ней царитъ большое оживленіе; между Испанскимъ мостомъ и моремъ плывутъ корабли и барки. Пригороды праваго берега, къ которому примыкаетъ этотъ мостъ, построены на небольшихъ островахъ; поэтому Маниля можетъ быть названа второю Венеціей; въ проливахъ плывутъ плоскія пироги, перевозящія товары въ магазины. Во время отлива эти каналы, какъ и въ Венеціи, неприятны для обонянія; однако болотныя лихорадки здѣсь сравнительно рѣдки.

На лѣвомъ берегу стоять одинъ возлѣ другого пароходы вблизи тамъ; здѣсь именно производится выгрузка, такъ какъ всѣ товары должны пройти черезъ таможену и подвергнуться осмотру.

На правомъ берегу есть нѣсколько большихъ торговыхъ зданій и вдоль всей набережной стоять готовые къ отплытію пароходы и небольшіе пароходки, поддерживающіе сношеніе между Манильей и другими портами архипелага.

Предметами вывоза изъ Манильскаго порта служатъ: табакъ, сахаръ, кофе, индиго; ввозятъ сюда ткани, желѣзные и мѣдные издѣлія, парфюмерию, стеклянныя издѣлія, консервы, вино, пиво и т. п.

Церкви придаютъ много живописности Манильѣ; здѣсь, въ столицѣ, ихъ архитектура очень разнообразна, въ противоположность провинціи, гдѣ каждая религіозная община въ постройкѣ своихъ храмовъ слѣдуетъ образцу, отъ котораго отстываетъ рѣдко. Соборъ, возобновленный послѣ землетрясенія, покрытъ желѣзомъ. Всюду надписи, украшенія—ими богаты церкви Манильи, какъ вообще всѣ церкви Испаніи и испанскихъ владѣній.

Названія высшихъ учебныхъ заведеній говорятъ, что они находятся въ рукахъ духовныхъ орденовъ, напримѣръ: коллегія св. Фомы—доминиканская, коллегія св. Іоанна Латранскаго, управляемая тѣмъ же орденомъ, приютъ Милосердія для сиротъ, наконецъ коллегія іезуитовъ, которая имѣетъ обсерваторію, приносящую здѣсь, въ странѣ, подверженной ужаснымъ ураганамъ, много пользы. Директоръ этой обсерваторіи устроилъ нѣсколько станцій на сѣверѣ и югѣ Люсона, соединенныхъ телеграфомъ съ Манильей. Сопоставляя метеорологическія показанія на Филиппинахъ, Китаѣ и Японіи, онъ оказываетъ большія услуги пароходамъ, находящимся въ портахъ Люсона. Предупрежденные вѣремя, они могутъ принять мѣры предосторожности отъ бури.

Утромъ рано можно видѣть молочницъ съ кувшинами съ молокомъ на головахъ, потомъ торговцевъ «саэатомъ»—небольшими связками травы для лошадей; наконецъ показываются китайскіе цырюльники, которые стригутъ, чистятъ носы и уши, и торговцы освѣжительными напѣтками.

Въ кафе, гдѣ пьютъ преимущественно лимонадъ и нѣмецкое пиво съ большимъ содержаніемъ спирта, служатъ тагальскіе лакеи въ бѣлыхъ панталонахъ и рубашкахъ того же цвѣта.

Здѣсь есть красивыя мѣста для гулянья, обсаженные деревьями; два раза въ недѣлю на этихъ бульварахъ, во время лѣтняго сезона, играетъ военная музыка. Въ воскресенье, во время музыки, эти мѣста переполняются публикой и экипажами. «Викторія», ландо съ серебряными украшениями, въ которомъ возсѣдаютъ, развалившись, крупные коммерсанты или богатые метиски въ костюмахъ изъ шелка яркихъ

пвѣтовъ, ѣдутъ божь о божь съ «калеза» или скромными «каромата»—экипажами туземцевъ.

«Калеза»—родъ кабриолета съ верхомъ, который, свѣсиваясь впередъ, защищаетъ сѣдоковъ отъ солнца. Кучеръ помѣщается сзади на маленькомъ сидѣннѣ, упираясь ногами о рессоры экипажа. Когда верхъ откинуть назадъ и покрывающая его кожа свернута и прикрѣплена ремнями къ его вершинѣ, кучеръ просовываетъ голову въ пустое пространство, образованное свиткомъ кожи.

«Каромата» не имѣетъ сходства ни съ однимъ европейскимъ экипажемъ; она снабжена занавѣсками изъ кожи или изъ материн, — считается, что онѣ защищаютъ путешественника отъ дождя и солнца. Въ глубинѣ экипажа помѣщается очень низкое сидѣнье; сидящій на немъ можетъ свободно положить голову на свои собственные колѣна. Для кучера есть мѣсто, но онъ предпочитаетъ усаживаться на одну изъ оглобель. Все это помѣщается на двухъ колесахъ, съ бамбуковыми или стальными рессорами; впереди бѣжить вляча, получающая больше ударовъ, чѣмъ корма. Въ Маниль въ упряжкѣ ходятъ по большей части двѣ лошади немного получше, что позволяетъ кучеру ѣхать по мало или совсѣмъ неустроеннымъ дорогамъ со скоростью, опасной для цѣлости экипажа, — и такой способъ передвиженія доводитъ путешественника до полного истощенія.

Въ Манильѣ есть театры; въ одномъ выступаютъ европейскіе артисты, въ другихъ актеры, большею частью очень юные, играютъ на тагальскомъ языкѣ. Очень забавно смотрѣть на ихъ игру; но они считаютъ себя большими артистами.

Тагалы обладаютъ ясно выраженными художественными склонностями; среди нихъ встрѣчаются рисовальщики, нѣсколько живописцевъ, искусные рѣзчики по дереву, отличающіеся скорѣе умѣнемъ подражать, чѣмъ талантомъ. Тагалы обожаютъ музыку и прибѣгаютъ къ ней по всякому поводу, но слишкомъ злоупотребляютъ фальцетомъ. Конечно, существуютъ исключенія, но чрезвычайно рѣдко.

Однажды я былъ въ обществѣ,—мужчины играли, а молодыя дѣвушки пѣли. Я сидѣлъ спокойно, поглядывая, какъ мой пріятель игралъ въ шахматы, какъ вдругъ одна молодая метиска безъ всякаго предупрежденія залѣла «Bella Filipina». Мы такъ изумились, что не могли не обернуться, чтобы посмотреть, кого тутъ душатъ; бѣдняжка, пѣвшая на насъ, замѣтила это движеніе и была крайне смущена.

«Bella Filipina» одна изъ любимыхъ тагальскихъ пѣсенъ; она восхваляетъ красоту и грацію филиппинскихъ красавицъ, отличающихся болѣе или менѣе неопредѣленнымъ колеблющимся типомъ; въ этомъ уголкѣ земли произошло смѣшеніе многихъ племенъ—негритосовъ, малайцевъ, китайцевъ, выходцевъ изъ различныхъ мѣстностей Индіи и

Индо-Китая, мексиканцевъ, испанцевъ и другихъ европейцевъ... Но для вмѣющаго возможность наблюдать манильцевъ въ теченіе долгаго времени выдѣляется нѣкоторый общій типъ тагала—разновидность малайскаго типа, происшедшая прежде всего отъ смѣшенія малайскихъ завоевателей съ негритосами, невысокими черными людьми, живущими здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Малайскій типъ особенно выраженъ на югѣ Люсона, на сѣверѣ встрѣчается японскій; что же касается смѣшаннаго китайско-тагальскаго типа, онъ встрѣчается повсюду.

Вечеромъ 24 декабря маленькое паровое судно отходило отъ Манилы вверхъ по Пазигу; въ сообществѣ нѣсколькихъ манильскихъ французовъ, я намѣревался посѣтить гаціенду Яла-Яла на берегу прелестнаго Байскаго озера. Оттуда я намѣревался отправиться на восточное побережье Люсона.

Благодаря темнотѣ ночи, я не могъ оцѣнить красоты береговъ Пазига; луна, взшедшая какъ разъ, когда мы подъѣхали къ мѣсту истока Пазига изъ озера, позволила мнѣ только полюбоваться великолѣпными рощами бамбуковъ отъ 20 до 30-ти метровъ высотой. Бамбукъ здѣсь (какъ и повсюду)—чудесное дерево, которое служитъ для всего, изъ котораго дѣлаютъ все и которымъ нельзя достаточно нахвалиться. Чтобы оцѣнить его по достоинству, надо попутешествовать по тропическимъ странамъ.

Изъ бамбука строятъ цѣлые дома; иногда даже крыша дѣлается изъ расколотыхъ стволовъ бамбука вмѣсто черепицы. Изъ его стволовъ дѣлаютъ трубы для воды. Каждое утро и каждый вечеръ молодежь, особенно дѣти, отправляются съ своими бамбуковыми ведрами метра въ два длиною къ рѣкѣ или къ сосѣднему ручейку за водой, необходимой для домашняго хозяйства. Во время засухи въ междоузліяхъ бамбука скопляется просачивающаяся въ его стволъ дождевая вода, и путешественникъ, сдѣлавъ проколъ, находитъ ее свѣжей и чистой. Чтобы добыть огня, достаточно взять два куска сухого бамбука, одинъ изъ которыхъ расщепленъ по длинѣ; въ эту щель вставляютъ щепки того же растенія и другимъ кускомъ трутъ первый до тѣхъ поръ, пока щепки не воспламятся. Изъ бамбука дѣлаютъ повозки, сани, плоты, лѣстницы, подмости, мостики черезъ ручейки, грубые цыновки, расстилаемыя въ дождливое время по дорогамъ, сдѣланнымъ непроходимыми. Онъ служитъ для приготовления дешевыхъ корзинъ и всякой хозяйственной и кухонной утвари. Изъ него же плетутъ корзины и цыновки, готовятъ колья и наконечники стрѣлъ.

Другой сортъ бамбука, гораздо болѣе низкаго роста, не выше полутора метра, идетъ на изготовленіе тѣхъ называемыхъ манильскихъ шляпъ, изящныхъ, гибкихъ портсигаровъ и тонкихъ цынововъ, расходящихся въ большомъ количествѣ.

Большую пользу приносить также другое растение—беюко (видъ тростника). Изъ него дѣлаютъ веревки, чтобы скрѣплять отдѣльныя части плотничьей работы; въ дѣкоторыхъ сооруже́нiяхъ эти веревки замѣняютъ гвозди. Туземецъ никогда не освѣдомляется, въ порядкѣ ли его экипажъ и въ полномъ ли составѣ сбруя. Въ случаѣ какого-нибудь несчастiя онъ всюду найдетъ беюко, чтобы починить повозку или замѣнить сломанныя и затеряныя части сбруи.

Около 4-хъ часовъ утра мы подошли къ полуострову Яла-Яла, дѣлящему Байское озеро на двѣ неравныя части. Гаціенда на Яла-Яла стала образцовой фермой и первой, до сихъ поръ единственной на Филиппинскихъ островахъ плантаціей, имѣющей свою желѣзную дорогу для перевозки сахарнаго тростника. Рабочими въ гаціендѣ служатъ обитатели деревни Яла-Яла на западномъ берегу полуострова.

Деревня построена на участкѣ, принадлежащемъ хозяину гаціенды. Большинство населенiя состоитъ изъ рабочихъ; въ деревнѣ есть деревянная дощатая церковь съ туземнымъ священникомъ и взводъ жандармовъ подъ командой сержанта.

Домъ хозяина гаціенды стоитъ около деревни; онъ отдѣляется отъ нея бамбуковою изгородью. Это большое одноэтажное каменное строенiе, покрытое красной черепицей; около него стоятъ: паровая лѣсопилка, мельница, также паровыя, и печи съ большими чанами, въ которыхъ кипятится сокъ сахарнаго тростника. Сзади этого строенiя тянутся, тераясь изъ виду, до подошвы горъ поля сахарнаго тростника. Эти горы дѣлятъ полуостровъ на двѣ части по всей его длинѣ. На берегу есть и другая плантація, но меньшихъ размѣровъ.

Въ самый день нашего прiѣзда устроилась охота, въ которой я не могъ принять участiя, благодаря состоянiю моего здоровья. Охотники вернулись съ двумя оленями и однимъ кабаномъ. Эти животныя очень многочисленны на полуостровѣ; собаки и охотники уничтожаютъ ихъ каждую недѣлю штукъ восемь или десять. Изъ мяса этихъ животныхъ дѣлаютъ «тапа», которую продаютъ въ Манильѣ.

Для приготовления тапа рѣжутъ мясо на очень тонкіе кусочки и сушатъ его на солнцѣ. Высушивъ, его связываютъ въ небольшіе пучки и продаютъ въ Манильѣ метисамъ и индусамъ, предпочитающимъ тапа всякому свѣжему мясу. Тапа изъ оленины пользуется особымъ предпочтенiемъ. Что касается до меня,—признаюсь, я не могу раздѣлять этого вкуса, и только отсутствiе другихъ кушаний заставило меня ѣсть тапа.

Индусы и метисы очень любятъ также насыженные яйца, сваренныя какъ разъ передъ выглупленiемъ цыпленка. Эти яйца ввозятся въ большомъ количествѣ китайцами, которые ихъ также очень любятъ. Нѣкоторые путешественники увѣряютъ, что китайцы ѣдятъ испорченныя

яйца. Эти яйца не испорчены, а только насыжены; на 2-й день ихъ бросаютъ въ кипятокъ, насыщенный солью, гдѣ и кипятятъ долгое время. Приготовленные такимъ способомъ, эти яйца сохраняются безконечно долго; нѣкоторые изъ моихъ пріятелей нашли это блюдо прелестнымъ; на мой взглядъ, эти маленькія, почти безформенныя животныя—далеко не лакомство.

Другое блюдо, обожаемое туземцами и внушающее мнѣ еще большее отвращеніе,—это маленькіе рачки, почти микроскопическіе, пролежавшіе болѣе или менѣе долгое время на солнцѣ и издающіе отвратительный запахъ.

Хорошенько отдохнувъ, я смогъ на слѣдующій день (27 декабря) принять участіе въ охотѣ на дикихъ буйволовъ, которыхъ здѣсь зовутъ «карабаосъ». Задача состоитъ въ томъ, чтобы взять этихъ животныхъ живыми и приручить ихъ въ достаточной степени передъ тѣмъ, какъ отвести на рынокъ.

Ночью на мѣсто охоты послали загонщиковъ и лошадей, а утромъ въ четыре часа мы сѣли въ «банка» (нѣчто въ родѣ пироги). Обогнувъ полуостровъ, мы ждали на условленномъ мѣстѣ доѣзжачихъ и собакъ, пришедшихъ сухимъ путемъ. Мы находились на большой равнинѣ; на краю ея мы встрѣтили своихъ людей съ лошадьми.

Намъ пришлось разыграть роль скорѣе зрителей, чѣмъ охотниковъ, такъ какъ одни туземцы въ состояніи гнался за буйволами и набрасывать лассо имъ на рога. Это происходитъ отъ того, что маленькія мѣстные лошади не въ силахъ выдержать долгой и быстрой ѣзды подѣ европейскимъ всадникомъ, болѣе рослымъ и тяжелымъ, чѣмъ туземные, болѣею частью невысокіе, тонкіе и, слѣдовательно, болѣе легкіе наѣзники.

Передъ выѣздомъ охотники укрѣпляютъ на концѣ длиннаго бамбуковаго песта веревку, заканчивающуюся мертвою петлей, которую надо набросить на рога животнаго. Другой конецъ веревки плотно прикрѣпленъ къ серединѣ песта.

Въ десять часовъ доносятся о появленіи буйволовъ; охотники устремляются къ одному изъ животныхъ, пытающемуся пересѣчь равнину. Долгое время наши охотники, пригнувшись къ луку, преслѣдуютъ его и не могутъ догнать; наконецъ, одинъ изъ нихъ, скакавшій въ теченіе пяти минутъ почти бокомъ къ буйволу, ухитряется набросить свое лассо на рога животнаго и бросаетъ бамбукъ; буйволъ тащилъ бамбукъ за собою, пока не зацѣпился за кусты. Подѣхали два другіе охотника, также набросили свои лассо на рога буйвола и привязали его къ дереву.

Иногда, поймавъ буйвола, охотники ограничиваются тѣмъ, что кладутъ на него мѣтку каленымъ желѣзомъ и выпускаютъ животное на

свободу. Въ другихъ случаяхъ буйвола уводятъ, чтобы приручить; его привязываютъ къ другому, уже прирученному буйволу, который и ведетъ дикаго до корраля, гдѣ животное остается безъ ѣды нѣсколько дней. Когда буйволъ немного присмирѣетъ, его привязываютъ къ дереву или къ столбу и заостреннымъ концомъ бамбука пробиваютъ отверстіе въ носовой перегородкѣ; въ это отверстіе продѣваютъ желѣзное кольцо, помощью котораго управляютъ буйволомъ. Первымъ, кто подходитъ къ буйволу послѣ этой операціи, бываетъ обыкновенно ребенокъ, который вскакиваетъ ему на спину и съ помощью веревки, продѣтой въ носовое кольцо, дѣлаетъ изъ животнаго почти все, что хочетъ. Случается, хотя очень рѣдко, что преслѣдуемый и охруженный буйволъ обирачивается и рогами распарываетъ животъ лошади, преслѣдующей его; если всадникъ не поторопится влѣзть на дерево, его ждетъ та же участь.

Карабао почти необходимъ туземцу, особенно при культурѣ риса, хотя этотъ буйволъ не выносливъ и боится солнца. Онъ можетъ перевозить большія тяжести, но не долѣе двухъ часовъ подъ рядъ; на немъ ѣздятъ верхомъ, при чемъ онъ неугомимъ, но движется медленно, медленно и страстно любитъ валяться въ грязи; на свободѣ буйволъ всю жизнь проводитъ въ грязи; покоренный, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы погрузить своего всадника въ двухфутовый слой грязи, которую здѣсь называютъ дорогой. Чтобы помѣшать его стремленіямъ, всадникъ держитъ одной рукой веревку, проходящую отъ кольца въ носу буйвола къ его хвосту. При малѣйшей попыткѣ животнаго всадникъ дергаетъ веревку и избѣгаетъ такимъ образомъ грязевой ванны.

Карабао почти всегда чернаго цвѣта, но встрѣчаются рыжеватые и даже довольно часто альбиносы. Эти послѣдніе имѣютъ очень бѣдную шерсть и нѣжно-розовую кожу. У дикихъ буйволовъ рога коротки и загнуты, у рожденныхъ на фермахъ они большую частью очень длинны и очень разнообразнаго вида. Что касается цѣны, быкъ стоитъ обыкновенно отъ двѣнадцати до шестнадцати піастровъ (около сорока рублей). Мѣтѣ сильныя коровы продаются нѣсколько дешевле.

Убивать карабао на мясо запрещено, по крайней мѣрѣ безъ правительственнаго разрѣшенія. Когда буйволъ околѣваетъ, владѣлецъ долженъ заявить объ этомъ подъ угрозой значительнаго штрафа. Каждый годъ производится перепись этихъ животныхъ.

17-го января я покинулъ Яла-Яла. Мы потѣхали въ лодкѣ, обогнули полуостровъ и были застигнуты сѣвернымъ вѣтромъ, взволновавшимъ озеро. Нашъ путь лежалъ почти навстрѣчу вѣтру и пришлось лавировать, что было довольно трудно съ нашимъ судномъ и неопытными моряками. Наконецъ, послѣ восьмичасовой борьбы, мы пристали къ восточному берегу полуострова Яла-Яла.

Пока наши люди занимались приготовленіемъ обѣда, мы устраивали

свои «батаанги» (балансирь). Здѣшніе челноки, легко опрокидываются, особенно во время сѣвернаго вѣтра. Во избѣжаніе такихъ случаевъ туземцы устриваютъ нѣчто въ родѣ балансировъ по обѣимъ сторонамъ лодки параллельно ея борту; эти балансиры опираются своими концами на два бамбуковыхъ шеста, положенныхъ поперекъ судна. Все вмѣстѣ образуетъ родъ прямоугольника; бамбукъ берется болѣе или менѣе толстый, смотря по величинѣ пирога, въ центрѣ которой эти шесты прикрѣплены такимъ образомъ, что при равновѣсіи ея концы батанга едва касаются воды.

Всѣ эти суда имѣютъ слишкомъ высокія мачты и слишкомъ большіе паруса; при сильномъ вѣтрѣ матросамъ приходится бѣжать на конецъ батанга, и часто требуется нѣсколько человѣкъ, чтобы удерживать лодку въ равновѣсіи. Они бѣгаютъ по бамбуковымъ шестамъ съ ловкостью обезьянъ, то удаляясь отъ лодки, то приближаясь къ ней—соотвѣтственно силѣ вѣтра. Если матросы замѣшкнутся, имъ случается взять болѣе или менѣе основательную ванну.

Снабженное батангомъ судно рѣдко опрокидывается, если сильный порывъ вѣтра не сломаетъ одну изъ сторонъ балансира. Въ этомъ случаѣ судно, хотя и наполненное водой, удерживается на поверхности, что позволяетъ экипажу спастись. Впрочемъ, всѣ прибрежные жители—превосходные пловцы.

Утромъ 18-го января, пользуясь затишьемъ, мы снова отправились въ путь по направлению къ мѣстечку Синилоану, куда и прибыли безъ всякихъ препятствій къ десяти часамъ утра.

Синилоанъ лежитъ на двухъ берегахъ маленькой рѣчки того же названія, и обѣ части его связаны мостомъ. Синилоанъ построенъ на заливныхъ, необычайно плодородныхъ участкахъ, могущихъ дать двѣ-три жатвы риса въ годъ. Въ сухое время года рисовыя поля надвигаются на озеро; въ дождливое—туземцы ставятъ тони на отмеляхъ, между которыми съ трудомъ пробирается маленькая рѣчка Синилоанъ. Въ этой мѣстности Люсона держатъ много буйволовъ, служащихъ для обработки рисовыхъ полей и перевозки риса.

Мы посѣтили жилище богатаго туземца. Какъ вездѣ, подвальный этажъ каменный, самое строеніе деревянное, крытое черепицей. Зала представляетъ собою большую четырехугольную комнату съ изукрашенной раззолоченной колоннадой. Потолокъ и стѣны покрыты золотыми листьями. Здѣсь гостямъ предлагаютъ угощеніе. Спальни въ туземныхъ домахъ просто заюулки, гдѣ почти никогда нѣтъ кровати. Она замѣняется циновками, которыя по вечерамъ разстилаются на полу и вмѣстѣ съ двумя-тремя подушками составляютъ всю постель. Въ хорошо устроенныхъ домахъ встрѣчаются настоящія кровати. Онѣ состоятъ изъ рамы, поставленной на четыре стойки; тростниковый матрацъ натя-

ается на эту раму, замѣняя тюфякъ; сверхъ него кладутъ цыновку вмѣсто того, чтобы класть ее прямо на землю. Эти постели всего пригоднѣе для жаркихъ странъ, такъ какъ спать въ нихъ довольно свѣжо.

Остальная обстановка состоитъ изъ «батака», родъ кушетки, употребляемой богатыми людьми, которые проводятъ въ ней большую часть своего существованія, стола, очень часто пианино или арфы. Комоды или шкафы встрѣчаются рѣдко, такъ какъ почти всѣ предметы туалета забираются въ сундуки.

Освѣщеніе составляютъ керосиновыя лампы и «vaso de luz» (стаканъ свѣта), единственная лампа простого народа; это грубый ночникъ, состоящій изъ стакана большей или меньшей величины, наполненнаго водою пополамъ съ кокосовымъ масломъ. Сквозь тонкую полоску жести съ отверстиемъ посрединѣ продвѣвается фитиль, единственная достопримѣчательность этого аппарата. Фитиль дѣлается не изъ хлопка, какъ у европейцевъ, а изъ бузиной сердцевины, привозимой изъ Китая подъ названіемъ «тинъ-тонгъ». Горитъ этотъ фитиль превосходно и не стоитъ ничего. Китайскіе торговцы, у которыхъ прислуга дѣлаетъ свои покупки, даютъ бузиновую сердцевину даромъ, не въ счетъ товара.

Исламъ.

(По В. Ирвингу и др.).

Религія, основанная Магометомъ въ VII в. по Р. X. и распро­странившаяся весьма быстро по многимъ странамъ Азіи и Африки, насчитываетъ въ настоящее время около 170 милл. послѣдователей. Въ Азіи, кромѣ турецкихъ владѣній и Аравіи, она распространена въ Персіи, Афганистанѣ, Британской Индіи, отчасти въ Китаѣ и на островахъ Малайскаго архипелага.

Самъ Магометъ не считалъ себя основателемъ новой религіи, а говорилъ, что онъ только возобновляетъ въ первобытной чистотѣ вѣру, полученную людьми отъ самого Бога. Согласно съ этимъ, мусульмане признаютъ Моисея и Христа, но ставятъ ихъ, какъ пророковъ, ниже Магомета. Основы ученія Магомета изложены въ Коранѣ, священной книгѣ мусульманъ, представляющей собраніе различныхъ откровеній и проповѣдей, которыя были записаны приближенными и послѣдователями Магомета; самъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Встрѣчаются въ Коранѣ и заимствованія, преимущественно изъ Библіи и еврейскаго Талмуда; съ этими книгами Магометъ познакомился благодаря своимъ сношеніямъ съ христіанами и евреями. Коранъ содержитъ въ себѣ не только изложеніе догматовъ вѣры и религіозныхъ обрядовъ, но и цѣлый сборникъ различныхъ законовъ, принятыхъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ. У мусульманъ Коранъ считается еще болѣе священной кни-

гою, нежели у христианъ Библия; имъ кланутся мусульмане. Онъ состоитъ изъ многихъ главъ, каждая изъ которыхъ начинается словами «Бисмиллахъ», что значитъ «во имя Бога всеблагаго». Мусульманинъ, входя куда-нибудь, садясь за столъ или принимая какую-нибудь, даже самую мелкую, услугу, непременно скажетъ: «Бисмиллахъ!»

Первый и основной догматъ Корана: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога»,— утверждаетъ единство Божіе; отсюда произошло и самое названіе религіи «исламъ», что по-арабски обозначаетъ покорность Богу. Вторая часть этого догмата: «и Магометъ пророкъ Его», подтверждаетъ божественность откровеній, возвѣщенныхъ Магометомъ. Кромѣ Бога, Коранъ внушаетъ вѣру въ ангеловъ и пророковъ. Первые дѣлятся на добрыхъ и злыхъ; послѣднихъ очень много, до двухсотъ тысячъ, но главными признаются только шесть: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Христосъ и Магометъ. Поклоненіе святымъ, иконамъ и картинамъ, ихъ изображающимъ, воспрещается, какъ и вообще всякое изображеніе живыхъ существъ. Мусульмане вѣруютъ также въ страшный судъ и воскресеніе мертвыхъ. Души пророковъ и праведниковъ тотчасъ послѣ смерти вступаютъ въ рай, при чемъ бѣдные имѣютъ преимущество надъ богатыми; души невѣрныхъ находятся въ подземныхъ пещерахъ, ожидая съ трепетомъ суднаго дня. Въ день послѣдняго суда каждый человѣкъ долженъ будетъ отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ, хорошихъ и дурныхъ. Послѣдуютъ испытанія посредствомъ вѣсовъ, на которыхъ будутъ взвѣшены всѣ хорошія и дурныя дѣла, послѣ чего всѣ должны будутъ переходить черезъ мостъ, узкій и острый, какъ лезвее меча; невѣрные попадаютъ въ пропасть, а правовѣрные вслѣдъ за Магометомъ вступаютъ въ рай, гдѣ ихъ будутъ ожидать неизъяснимыя наслажденія. Мученія ада и райское блаженство описываются въ Коранѣ самымъ подробнымъ образомъ, въ яркихъ краскахъ истинно восточной фантазіи. Самая почва въ раю насыщена благовопіями и усѣяна вмѣсто песку жемчугомъ; источники чисты какъ хрусталь и текутъ среди цвѣтущихъ береговъ; есть ручьи и изъ молока, вина и меда, текущіе въ камфарныхъ берегахъ, покрытыхъ мохомъ и шафраномъ. Воздухъ тамъ нѣжше благоуханнаго зефира и освѣщается искрометными фонтанами. Тамъ же растетъ и древо жизни такихъ громадныхъ размѣровъ, что самой быстрой лошади потребовалось бы сто лѣтъ, чтобы пересѣчь тѣнь, падающую отъ него.

Обитатели этого чуднаго сада носятъ одежды, сверкающія драгоценными камнями, ходятъ въ золотыхъ вѣнцахъ, украшенныхъ жемчугомъ и алмазами, ѣдятъ самыя разнообразныя и изысканныя кушанья и напитки.

Въ воздухѣ слышатся звуки чудныхъ пѣсенъ райскихъ дѣвъ. Даже въ шумѣ деревьевъ слышатся чудныя мелодіи, когда мірады колоколь-

чиковъ, висящихъ на ихъ вѣтвяхъ, приводятся въ движеніе дуновеніемъ, исходящимъ отъ престола Аллаха.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ по своему значенію догматовъ ислама является вѣра въ предопредѣленіе, или фатализмъ, весьма много содѣйствовавшій распространенію мусульманства. По этому закону все, чему должно быть, прежде всѣхъ вѣковъ назначено неизмѣнною волею Божіей. Въ силу такой увѣренности мусульмане шли на войны безъ страха и боязни смерти. Правовѣрный, остававшійся живымъ, получалъ добычу, а убитый входилъ въ рай. Благодаря такому воззрѣнію, мусульмане такъ далеко распространили свои владѣнія въ сравнительно ничтожный промежутокъ времени. Но въ наше время это воззрѣніе способствуетъ упадку мусульманскихъ государствъ, такъ какъ оно заранѣе признаетъ тщетность всѣхъ человѣческихъ усилій и стремленій къ улучшенію своего существованія.

Кромѣ вѣры въ эти догматы, Коранъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ совершать дѣла благочестія. Поворность волѣ Божіей, щедрость, правдивость, гостепріимство, постъ и молитва проповѣдуются во многихъ мѣстахъ Корана. Раздаваніе милостыни вмѣняется въ непрѣмную обязанность; каждый мусульманинъ обязанъ потратить десятую часть своихъ доходовъ на помощь бѣднымъ и несчастнымъ. О справедливости Коранъ говоритъ такъ: «Не поступай несправедливо съ другими и никто съ тобой не поступитъ несправедливо»; въ поступкахъ должно соблюдать честность и искренность.

Молитва составляетъ одно изъ религіозныхъ дѣлъ. Магометъ называетъ ее столпомъ вѣры и ключомъ отъ рая. Истинный мусульманинъ обязанъ молиться пять разъ въ день; утромъ, передъ восходомъ солнца, въ полдень, послѣ обѣда, передъ закатомъ солнца и отходя ко сну. Во всѣхъ этихъ молитвахъ повторяется одно хвалебное восклицаніе: «Богъ великъ! Богъ всемогущъ! Богъ всемогущъ!» Нѣкоторые для большей точности читаютъ молитву по четкамъ. Она можетъ совершаться въ мечети и на всякомъ чистомъ мѣстѣ; во время молитвы лицо должно быть обращено по направленію къ священной Каабѣ, находящейся въ Меккѣ. Определено даже, какое нужно соблюдать положеніе тѣла во время молитвы, и самымъ торжественнымъ поклономъ считается, когда молящійся касается лбомъ до земли. Женщинамъ при молитвѣ предписывается не протягивать рукъ впередъ, а держать ихъ сложенными на груди. Имъ не полагается дѣлать такія глубокия поклоновы, какъ мужчинамъ, и молиться онѣ должны нѣжнымъ, тихимъ голосомъ. Онѣ не могутъ молиться въ мечети одновременно съ мужчинами. Вѣднѣе исполненіе одной лишь обрядной стороны, не сопровождаемое должнымъ вниманіемъ и истинною набожностью, не можетъ принести никакой пользы. Обращаясь къ Богу правовѣрный долженъ со смире-

пиемъ, сняявъ съ себя всё дорогія украшенія и роскошныя одежды. Передъ молитвой мусульманягъ долженъ омыть себѣ лицо, руки и ноги. Въ случаѣ недостатка воды для омовенія вмѣсто нея можно употреблять чистый песокъ; омовеніе это въ жаркомъ климатѣ имѣетъ важное гигиеническое значеніе.

Моленіе у мусульманъ совершается ежедневно, но по пятницамъ въ мечетяхъ говорится кромѣ того проповѣдь.

Всѣ истинно правовѣрные обязаны поститься ежегодно во время мѣсяца Рамазана, при чемъ отъ восхода и до захода солнца они не могутъ принимать никакой пищи и питья, должны воздерживаться отъ куренія табаку, употребленія духовъ и тому подобныхъ удовольствій. Въ турецкихъ земляхъ постъ этотъ заканчивается торжественнымъ праздникомъ, называемымъ малымъ Байрамомъ.

Наконецъ, послѣдняя религіозная обязанность, предписываемая мусульманамъ Кораномъ, есть посѣщеніе святыхъ мѣстъ. Каждый правовѣрный долженъ разъ въ жизни сходить въ Мекку или самъ лично, или поручивъ это другому лицу. Въ послѣднемъ случаѣ замѣститель его долженъ упоминать его имя въ каждой произнесенной имъ молитвѣ.

Передъ отходомъ изъ дома богомолецъ сдаетъ всё свои дѣла, общественныя и домашнія, какъ бы приговорясь къ смерти. Въ назначенный для отпавленія день онъ собираетъ своихъ жегъ, дѣтей и домохадцевъ и набожно вѣряетъ ихъ и всё свои дѣла въ руки Бога на время своего путешествія. Потомъ, пропустивъ одинъ конецъ чалмы подъ подбородкомъ на противоположную сторону головы и устроивъ такимъ образомъ уборъ въ родѣ монашескаго, онъ беретъ въ руки крѣпкій посохъ, прощается со всеми домашними и выходитъ изъ комнаты, восклицая: «Во имя Бога я предпринимаю это святое дѣло, уповаю на Его покровительство. Я вѣрую въ Него и вѣрую въ руки Его мои дѣла и мою жизнь». Выйдя изъ калитки, онъ обращается лицомъ къ Каабѣ и произносить извѣстныя мѣста изъ Корана. Наконецъ, онъ вдѣваетъ ногу въ стремя, садится на сѣдло, снова вѣряетъ себя Богу и пускается въ путь. Время отъѣзда расчитано обыкновенно такъ, чтобы поспѣть въ Мекку къ началу мѣсяца Дуль-Хаджи, предназначеннаго для путешествій на богомолье. Во время самаго путешествія богомолецъ долженъ избѣгать ссоръ, терпѣливо переносить всякую грубость и оскорбленіе, поддерживать миръ и добрыя отношенія между своими товарищами по каравану и раздавать милостыню.

Всѣ мусульмане дѣлятся на двѣ большія секты: суннитовъ и шиитовъ. Первые, кромѣ Корана, признаютъ еще рядъ преданій и сказаній о пророкѣ, предписывающихъ соблюденіе многоаго, о чемъ не упомянуто въ Коранѣ. Собраніе этихъ добавленій называется Сунною, откуда сунниты и получили свое названіе. Шииты, отвергая Сунну, рас-

ходятся съ суннитами еще въ вопросѣ о томъ, кому должна переходить власть пророка надъ обществомъ правовѣрныхъ. Сунниты полагаютъ, что власть эта можетъ переходить по выбору къ разнымъ лицамъ, тогда какъ шииты считаютъ ея законными наслѣдниками потомковъ Али, зятя Магомета. Сунниты живутъ главнымъ образомъ въ турецкихъ владѣнiяхъ и Афганистанѣ, шииты—въ Персiи. Высшая духовная власть принадлежитъ калифу, которымъ въ настоящее время является турецкiй султанъ, носящiй титулъ «главы правовѣрныхъ». Впрочемъ, какъ сказано выше, главенство его признается только одними суннитами. За калифомъ слѣдуетъ шерифъ Мекки, происходящiй непремѣнно изъ племени корейшитовъ, которое у мусульманъ играетъ такую же роль, какъ левиты у евреевъ. За ними слѣдуютъ имамы или муллы, т.-е. священники. Наконецъ, у мусульманъ существуютъ и свои монашескiе ордена: дервиши, факиры и др. Всѣ они, равно какъ и имамы, отличаются грубымъ фанатизмомъ и приверженностью къ буквѣ закона. Они являются главными противниками реформъ, введенiе которыхъ необходимо для всѣхъ мусульманскихъ государствъ.

А д е н ь.

(Зарубина).

Мы въ самомъ центрѣ тропиковъ, подъ 12° сѣверной широты, на прекрасномъ, обширномъ Аденскомъ рейдѣ. Надъ нами необъятный шатеръ ярко-голубого, вѣчно-безоблачнаго неба. Тропическое, почти отвѣсно стоящее солнце шлетъ намъ свои горячiе лучи. Сзади насъ разстилается Индiйскiй океанъ, а прямо впереди стоитъ обгорѣлая руина черныхъ базальтовыхъ скалъ, «адъ съ потушимымъ огнемъ», Аденъ...

Медленно подходили мы къ рейду Адена. Еще рано утромъ далекiя очертанiя его скалъ показались предъ нами въ ясномъ, идеально-прозрачномъ воздухѣ; въ разныхъ мѣстахъ между ними, какъ сѣрый туманъ, легла извилистая полоса песчанаго берега. Мы съ нетерпѣнiемъ смотрѣли на эту еще невиданную, неизвѣстную намъ землю. Самаго города, долго нельзя было рассмотреть. Скалы каменнымъ кольцомъ окружили его почти со всѣхъ сторонъ и точно стерегли отъ нескромныхъ взоровъ. Въ разныхъ мѣстахъ отъ берега, точно громадныя птицы съ распущенными крыльями, неслись большiя туземныя парусныя лодки: то рыбаки снѣжили въ море, пользуясь благопрiятною погодой. Мы часто догоняли и перегоняли ихъ, но быстрый бѣгъ корабля едва позволялъ взглянуть на коричневыми выразительныя, точно вылитыя изъ бронзы, атлетическiя фигуры малайцевъ, раскинувшихся тамъ и сямъ по палубѣ въ небрежныхъ позахъ. Черезъ минуту они

оставались уже далеко назад. Въ свою очередь, догоняя и перегоняя насъ, точно играя и рѣваясь съ кораблемъ, гналась за нами огромная акула. На Аденскомъ рейдѣ акулъ множество, и встрѣча съ ними представляетъ самое обыкновенное явленіе. Акула то далеко обгоняла насъ, описывая широкіе круги вокругъ парохода, то появлялась близко около какого-нибудь борта, или плыла за кормой въ блестящей пѣнистой полосѣ, оставляемой винтомъ. Въ прозрачной водѣ, освѣщенной солнцемъ, ея бѣлое брюхо казалось нѣжно-голубого цвѣта. Начитавшись различныхъ разсказовъ путешественниковъ, непрерывно описывавшихъ бой съ акулой и охоту за ней, я съ грустью видѣлъ, что мы будемъ лишены этого удовольствія: дѣйствительно, акула вскорѣ совершенно безнаказанно оставила насъ и скрылась изъ глазъ. Прежде, въ доброе старое время, когда парусныя суда попадали въ полосу безвѣтрія, или во время продолжительныхъ штелей,—конечно, отъ нечего дѣлать,—можно было предпринимать различнаго рода охоты, но съ борта парохода, бѣгущаго почти по 20 верстѣ въ часъ, подобныя упражненія, къ сожалѣнію, невозможны.

Вотъ и весь Аденъ предъ глазами. Мы вошли на внѣшній рейдъ, и капитанъ отдалъ приказаніе уменьшить ходъ. Уже съ высокаго берегового утеса, господствовавшаго надъ окрестностью, дали сигналъ, означавшій, что идетъ русское судно; уже къ нашему пароходу пристать на легкой изящной шлюпкѣ какой-то англичанинъ, не то лодманъ, не то чиновникъ изъ порта, съ обычными официальными вопросами; съ разныхъ сторонъ сгѣпили къ намъ лодки съ поставщиками, переводчиками, продавцами и тому подобнымъ людомъ; уже матросы засуетились на бакѣ, готовясь къ отдачѣ якоря, а я все еще съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на разстлавшуюся передо мной окрестность и невольно спрашивалъ себя, неужели здѣсь выстроенъ городъ, неужели тутъ могутъ жить люди.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе и бесплоднѣе этого маленькаго полуострова, вдающагося на югѣ Аравіи въ обширныя воды Индійскаго океана... Прошедшее этого мѣста почти не имѣетъ исторіи. Давно, въ тѣ отдаленные геологическіе періоды, о которыхъ ни исторія, ни преданія не оставили намъ никакихъ воспоминаній, здѣсь былъ вулканъ. Вулканъ этотъ стоялъ на самомъ берегу, и массы расплавленной лавы стекали прямо въ бездны Индійскаго океана. Но онъ давно потухъ, и въ продолженіе многихъ вѣковъ, а можетъ быть и тысячелѣтій, этотъ край оставался такимъ же дикимъ, мертвымъ и пустыннымъ, каковымъ впервые вышелъ онъ изъ нѣдръ моря. Никто не рѣшался селиться здѣсь: и люди и звѣри въ страхѣ отступали предъ грозными, враждебными имъ силами природы. Только нѣкогда Каинъ, преслѣдуемый угрызѣніемъ совѣсти, кончилъ

здѣсь, по мѣстному преданію, свое печальное существованіе. Кажется, соединились всѣ условія, чтобы сдѣлать изъ этого края абсолютную пустыню. Здѣсь царствуетъ безопадный зной, къ которому съ трудомъ привыкають даже туземцы. Здѣсь нѣтъ времени года: и лѣтомъ и зимой одинаково яркое безоблачное небо, и лѣтомъ и зимой страшная, палящая жара. Температура ночи и дня разнится на два, на три градуса, не болѣе; по силѣ зноя только пустыни Сахары соперничаютъ съ Аравіей. Здѣсь страна бездождя, такого же полного, какъ въ Сахарѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Гоби. По послѣднимъ англійскимъ наблюденіямъ, здѣсь идетъ дождь одинъ разъ въ пять лѣтъ.

Ни одной рѣки, если не считать мелкихъ, ничтожныхъ и все-таки рѣдкихъ источниковъ, нѣтъ въ этомъ краѣ. Отсутствие влаги вызвало отсутствие растительности. Въ Аденѣ нѣтъ ни лѣсовъ, ни садовъ, ни отдѣльныхъ деревьевъ, ни кустовъ, ни травы. Положимъ, англичане развели около цистернъ маленькій и роскошный садикъ, но зато цѣлой постоянной поливки. Говорятъ, что дальше, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Адена, въ горахъ прозябаетъ чахлая растительность, дающая пропитаніе немногочисленнымъ стадамъ антилопъ, но вблизи его нѣтъ и этого; только песокъ и камни подъ ногами, да черные, неприступные, обожженные небеснымъ огнемъ утесы...

Теперь Аденъ—громадная станція, гдѣ запасаются углемъ суда, идущія въ Индію и Европу. Огромные угольные склады тянутся на большое разстояніе, и городъ, не имѣющій ни капли прѣсной воды, снабжаетъ ею корабли. День и ночь прѣсная вода добывается изъ морской, и найдена такимъ образомъ возможность существованія,—возможность, которую въ свое время тщетно искали арабы.

Только что мы успѣли стать на якорь, какъ нашъ пароходъ окружили туземныя лодки самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и фасоновъ, начиная отъ довольно большой, красивой, четырехвесельной шлюпки и кончая настоящею орѣховою скорлупкой, легкой малайской прау. Это кочевое населеніе Адена, малайцы и нубійцы съ африканскаго берега, пожаловало сюда въ надеждѣ пожитьяся. На палубѣ всюду раздавался топотъ множества босыхъ ногъ, и вездѣ видѣлись высокія, выразительныя фигуры шоколаднаго цвѣта. Здѣшніе жители—настоящіе амфибіи; они столько же принадлежатъ морю, сколько землѣ. На сушѣ они рѣдкіе гости, и ничто не привязываетъ ихъ къ ней; ихъ имущество—легкая лодка изъ древесной коры, ихъ одежда—кусокъ кисеи или какой-нибудь грубой шерстяной матеріи, обмотанной вокругъ бедеръ; ихъ пища—ракушки или рыба, которую они сами поймаютъ. Цѣлый день развѣзжаютъ они по рейду на своихъ лодкахъ, а ночь застаетъ ихъ спящими въ той же лодкѣ, приткнувшейся гдѣ-нибудь въ углубленіи берега.

Явилось цѣлое собраніе различныхъ поставщиковъ, продавцовъ, прачекъ и т. д. Были два или три англичанина, агенты здѣшнихъ торговыхъ фирмъ, остальные—туземцы, которые исполняютъ разныя коммисіи и достаютъ, что имъ поручаютъ. За ними полѣзли евреи со страусовыми перьями; этотъ родъ торговли сильно распространенъ въ Аденѣ, и почти въ каждомъ магазинѣ можно, между прочимъ, встрѣтить надпись: *ostrich feathers*; разною же продажей преимущественно занимаются арабскіе евреи. Но что за лица! Боже, что за лица! Такъ и просятся въ иллюстраціи какого-нибудь текста Ветхаго завіта. Нигдѣ, кромѣ развѣ Испаніи, нельзя встрѣтить такихъ типичныхъ еврейскихъ фizioномій. Высокаго роста, съ длинною сѣдою бородой, съ пейсами или скорѣе съ цѣлыми локонами, спускающимися отъ висковъ вдоль щекъ, съ орлинымъ носомъ, съ хитрыми зоркими глазами, они невольно обращаютъ на себя вниманіе. У каждого большой полотняный мѣшокъ со страусовыми перьями. Но у нихъ почти ничего невозможно покупать: во-первыхъ, всѣ безбожно запрашиваютъ и потомъ очень ловко умѣютъ обмѣнить купленные перья на другія, низшаго достоинства.

Эти евреи въ то же время и мѣнялы. Всякій сыплеть въ руку серебряныя монеты и норовитъ исключительно завладѣть вашей особой. Шумъ и гвалтъ стоятъ невообразимые, и все это до того надоѣло намъ, что евреевъ вѣдѣно было наконецъ гнать; матросы живо и ловко принялись спроваживать ихъ по трапу, къ чему тѣ, какъ видно, уже давно привыкли и нисколько не обижались.

Десятка два самыхъ мелкихъ лодокъ съ ребятишками малайцами вертѣлись около нашего парохода. Самому старшему изъ этихъ ребятишекъ было не болѣе 10 лѣтъ. Они были похожи видомъ на шоколадныя фигурки, какія дѣлаютъ въ кондитерскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были совершенно голы, у другихъ какой-то обрывочекъ кисей мотался вокругъ поясины. Надо было видѣть, съ какою ловкостью они управляютъ своею крошечною лодкой, въ сравненіи съ которой наша душегубка кажется настоящимъ кораблемъ. Каждая лодка имѣетъ только одного пассажира, и больше въ нее нельзя помѣстить ничего, кромѣ развѣ пары кокосовыхъ орѣховъ.

Этотъ молодой народъ явился тоже заработать что-нибудь. Они обгоняли другъ друга, брызгались водой или расгвѣвали во все горло «all right» и «yes sir»—двѣ единственныя фразы, которыя имъ удалось перевести у англичакъ. Одинъ привезъ пучокъ какихъ-то овощей, другой—блестящую раковину, третій, очевидно, только что поймалъ какую-то большую рыбу и нетерпѣливо жаждалъ обмѣнять ее на серебряную монету. Онъ встаетъ и балаясируетъ въ лодкѣ; пойманная рыба бьется и трепещетъ у него въ рукахъ, и онъ предлагаетъ ее намъ, поднявъ высоко надъ головой и крича во все горло.

Мы бросали имъ монеты въ воду. Проворство этихъ дѣтей моря изумительно; едва только монета коснется поверхности воды, какъ всё они кидаются за ней, бросая шлюпки на произволъ судьбы. Только сверкнетъ нѣсколько паръ голыхъ пятокъ, и потомъ на слегка взволнованной водѣ покачиваются однѣ опрокинутыя лодки. Но вотъ черезъ нѣсколько секундъ показывается одинъ ребенокъ, потомъ другой, третій; самый счастливый тотъ, кому досталась монета, кто поймалъ ее на глубинѣ, можетъ быть, нѣсколькихъ сажень; онъ прежде всего нѣсколько разъ сильно и прерывисто вздыхаетъ, спѣша вознаградить себя за недостатокъ воздуха, потомъ показываетъ монету въ доказательство, что онъ досталъ ее, и наконецъ прячетъ ее за щеку, которая замѣняетъ у него кошелекъ и вообще, кажется, служить неистощимымъ складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ предметовъ.

Нѣкоторые проплывали подъ кораблемъ, бросаясь въ воду у одного борта и являясь на поверхности у противоположнаго, а корабль имѣетъ 30 футовъ ширины. Я нарочно посмотрѣлъ на часы; одинъ изъ нихъ былъ подъ водой 52 секунды. Одинъ разъ я бросилъ новенькій серебряный гривенникъ, который остался у меня отъ Одессы. Монета сверкнула на солнцѣ и упала шагахъ въ двадцати отъ парохода. Мальчикъ лѣтъ пяти, не принимавшій до сихъ поръ участія въ ловлѣ и сидѣвшій неподвижно, какъ хорошенькая бронзовая статуетка, въ своей лодкѣ, не вытерпѣлъ на этотъ разъ и бросился въ воду. Надо было видѣть, съ какимъ недоумѣниемъ разглядывалъ онъ потомъ монету. Онъ догадывался, что это извѣстный денежный знакъ, но, не видавъ до сихъ поръ подобнаго, онъ не могъ опредѣлить его цѣнность и съ любопытствомъ показывалъ товарищамъ. Въ концѣ-концовъ все-таки отправилъ монету за щеку.

Черезъ часъ или два, убѣдившись, что отъ насъ не добьешься больше ничего, всё эти мальчуганы быстро покинули нашъ пароходъ, какъ стая вспугнутыхъ утокъ, и спустя нѣсколько минутъ ихъ шлюпки чернѣли маленькими точками на рейдѣ, и далеко въ тепломъ воздухѣ разносились ихъ звонкіе «all right».

Такъ живутъ здѣсь весь свой недолгий вѣкъ эти дѣти природы, живутъ безъ начальства, безъ упорной дѣятельности мысли, безъ принудительной работы.

Думать имъ не о чемъ, работать не для чего; море, ихъ единственный властелинъ, — да и то не властелинъ, а скорѣе другъ и товарищъ, — кормитъ ихъ и даетъ имъ пристанище; а въ одеждѣ подъ этимъ солнцемъ, которое не грѣетъ, а жжетъ, они не нуждаются. Дни идутъ однообразно, какъ однообразенъ этотъ голубой сводъ неба у нихъ надъ головами. Только въ рѣдкихъ случаяхъ кому-нибудь изъ нихъ въ жизненной лотерей вынется другой билетъ и, попавъ въ Зондскій архипелагъ

или на Формозу, онъ промѣняетъ спокойную дѣятельность мирнаго рыбака на тревожную жизнь малайскаго пирата.

Мы отправились въ портъ. Рейдъ Адена очень обширенъ, и намъ пришлось ѣхать болѣе версты. За вѣншимъ рейдомъ слѣдуетъ еще небольшой внутрѣнный рейдъ, гдѣ тоже качалось нѣсколько судовъ; кругомъ изъ воды, въ разныхъ мѣстахъ, поднимались острокопечныя, голыя, черныя скалы. На самомъ берегу тоже были разсѣяны возвышенности: всѣ онѣ увѣнчаны сильными фортами и вооружены орудіями большого калибра; масса вывѣтрившихся горныхъ породъ вулканическаго происхожденія, изъ которыхъ состоятъ эти возвышенности, нависла надъ городомъ, словно грозя обрушиться и поглотить его.

Портъ Адена, гдѣ живутъ исключительно англичане, расположенъ вдоль берега. Въ рейдъ вдается съ твердой песчаной набережной небольшая, но довольно высокая дамба, такъ какъ приливы значительны въ Адена. На дамбу ведетъ каменная лѣстница. Во время прилива только нѣсколько верхнихъ ступенекъ выдаются надъ поверхностью воды. Тутъ ютятся шлюпки перевозчиковъ-туземцевъ, а на самой пристани—англійскіе извозчики зѣпшажи.

Магазины въ Адена, по необходимости, такъ же универсальны, какъ въ каждомъ портѣ или, пожалуй, какъ въ любомъ нашемъ уѣздномъ городѣ. Въ нихъ можно достать все, начиная отъ всевозможныхъ консервовъ и съѣстныхъ припасовъ и кончая полнымъ готовымъ костюмомъ и якорными цѣпями. Кромѣ того, въ каждомъ магазинѣ продаются страусовыя перья, страусовыя яйца и особенно кувшины изъ пористой глины, гдѣ налитая вода сохраняетъ на нѣсколько градусовъ низшую температуру противъ окружающаго воздуха.

Главное средство существованія Адена, самый важный предметъ его отпускнуой торговли, на который онъ имѣетъ монополію, есть кофе. Его отправляется ежегодно свыше милліона пудовъ, и онъ везется сюда изъ Мокки, находящейся въ 60 миляхъ отъ Адена въ Красномъ морѣ. Аравія—родина кофе и отсюда онъ постепенно перешелъ въ другія страны. Лучшие сорта его рождаются въ провинціи Іемень, но, къ сожалѣнію, эти высшіе сорта не попадаютъ даже въ Адена и всѣ скупаются у туземцевъ мѣстными шейхами, которые большую часть его употребляютъ сами, а небольшое количество посылаютъ въ подарокъ въ Константинополь.

Другіе хорошіе сорта идутъ изъ Адена въ Англію, а остальной Европѣ достаются, по выраженію Пальгрэва, «одни бобы». Аденаскій кофе считается по качеству гораздо лучше кофе другихъ странъ, но зато Бразилія, Цейлонъ и Ява значительно превосходятъ этотъ городъ количествомъ вывоза.

На другой день рѣшено было осмотрѣть цистерны и арабскій го-

родъ. Собственно Аденъ расположенъ въ шести верстахъ отъ порта и, какъ я уже сказалъ выше, выстроенъ въ кратерѣ потухшаго вулкана. Котловина, или жерло кратера имѣетъ около мили въ диаметрѣ и окружена со всѣхъ сторонъ кольцомъ каменныхъ скалъ.

Дорога, ведущая въ городъ изъ порта, отлично шоссерована и пролегаетъ сначала вдоль рейда, а потомъ заворачиваетъ въ глубь материка. Съ лѣвой стороны видны рейдъ и море, а съ правой встрѣчаются кое-гдѣ небольшіе домики малайцевъ. Вдали синѣютъ неясныя очертанія какихъ-то горъ, а за этими горами, какъ намъ передавали, уже идетъ безконечная песчаная пустыня. Различныя коричневыя племена, населяющія Аденъ, попадались намъ на дорогѣ. Непокрытая голова съ черными курчавыми волосами прямо выставлялась подъ солнце, и тѣло, обильно намазанное кокосовымъ масломъ, лоснилось и блестѣло какъ полированное. На однихъ былъ накинута какой-то длинный бурнусъ или халагъ изъ легкой матеріи, свободно распаивающійся на груди, на другихъ не было ничего, кромѣ куска полотна, обхватывающаго поясицу въ видѣ широкаго пояса и падающаго до коленъ. Женщины и дѣвушки ходятъ по большей части съ открытою грудью, на которой перекрещиваются два какіе-то шнура, поддерживающіе нижнюю коротенькую юбку. На нѣкоторыхъ находятся ожерелья изъ бусъ, другія украшаютъ себя большими мѣдными и серебряными кольцами, продѣтыми сквозь носъ, уши и верхнюю губу. Зато англичане неизмѣнно вездѣ и всегда: и у себя въ «туманномъ Альбисонѣ», и здѣсь, подъ этимъ жгучимъ небомъ, всегда можно встрѣтить ихъ въ классическомъ, застегнутомъ доверху черномъ сюртукѣ, цилиндрѣ и галстукѣ. Непонятно, какимъ образомъ они могутъ выдерживать такую жару.

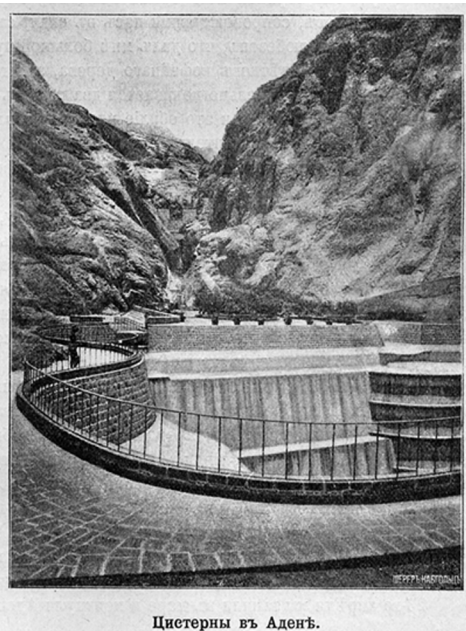
Черезъ полчаса съ небольшимъ мы добрались до наружнаго кольца кратера, и дорога пошла круто въ гору. По сторонамъ лежали глыбы вывѣтрившихся горныхъ породъ, массы базальта и лавы, но самая дорога содержалась въ отличномъ порядкѣ. Она шла зигзагами по горнымъ склонамъ и была великолѣпно шоссерована и обнесена перилами. Мы велѣли ѣхать сначала къ цистернамъ и свернули немного въ сторону. По мѣрѣ того какъ мы поднимались, открывался обширный видъ на рейдъ: и море, и бѣлые дома порта точно купались въ водѣ. Далеко на горизонтѣ видна легкою струей синеватый дымокъ: то какой-нибудь пароходъ сплываетъ на стоянку въ Аденъ.

Приблизительно на половинѣ высоты открывается проходъ на внутреннюю сторону кольца. Здѣсь общая высота не превышаетъ 1.000 футовъ, но нѣкоторыя отдѣльныя возвышенности достигаютъ до 2.000 футовъ. Всѣ выдающіяся вершины превосходно вооружены: англичане вообще хорошо укрѣпили Аденъ, и взять его теперь почти невозможно.

Но вот показались и цистерны; онѣ идутъ по всей внутренней сторонѣ кратера и доходятъ почти до середины города. Обыкновенно предполагаютъ, что онѣ сооружены въ VI вѣкѣ нашего лѣтосчисления, но нѣкоторые идутъ дальше и утверждаютъ, что ихъ строили еще инженеры царя Соломона. Какъ бы то ни было, когда англичане взяли Аденъ, они нашли ихъ до половины разрушенными и заваленными пескомъ и мусоромъ. Много труда и денегъ употреблено было въ теченіе 20 лѣтъ, пока ихъ реставрировали, но зато теперь онѣ въ отличномъ состояніи. Цистерны состоятъ изъ ряда резервуаровъ, соединенныхъ каналами. Эти резервуары разной величины и неправильной формы, такъ какъ для сооружения ихъ пользовались каждымъ естественнымъ углубленіемъ почвы: попадаются и овальные, и продолговатые, и четырехугольные.

Всѣ они обложены каменною кладкой, оштукатурены известью и устроены такъ, что излишекъ воды изъ одной цистерны можетъ переливаться въ другую. Въ каждой цистернѣ есть каменная лѣстница для удобства добыванія воды. Теперь всѣ онѣ были пусты, и бѣлыя стѣны ослѣпительно блестяли подъ лучами солнца. Но когда онѣ наполнены, то вмѣщаютъ въ себѣ въ общей совокупности до 30 милліоновъ галлоновъ воды, что бываетъ совершенно достаточно для надобности города въ теченіе пѣлаго года.

Тутъ же неподалеку, въ углубленіи скалы, находится одинъ изъ

Цистерны въ Аденѣ.

складовъ для храненія воды, добываемой посредствомъ дистилляціи; около него постоянно стоитъ часовой съ ружьемъ, такъ какъ вода— сокровище, которое тщательно берегутъ въ Аденѣ. На одной изъ площадей разбиты англичанами садикъ, и мы съ удовольствіемъ провели полчаса среди этихъ незнакомыхъ еще намъ представителей роскошной тропической природы. Садикъ тщательно охраняется полиціей и строго запрещено сорвать хоть одинъ цвѣтокъ; впрочемъ, одинъ изъ мѣстныхъ шейховъ, сопровождавшій насъ въ саду, самъ нарушилъ правило и былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ большой пучокъ роскошныхъ бѣлыхъ пахучихъ цвѣтковъ кофейнаго дерева, за что я отблагодарилъ его рупіей. Садикъ тщательно поливается два раза въ день; воздухъ насыщенъ водяными парами, и это обиліе влаги породило даже на голыхъ скалахъ своеобразную растительность. Изъ каждой трещины пробивалась травка, и обнаженныя глыбы базальта и порфира были покрыты живописными гирляндами вьющихся растений.

Въ городъ въѣзжаютъ черезъ глубокую тѣснину, поперекъ которой тянется каменная стѣна; въ этой стѣнѣ продѣланъ родъ тоннеля съ массивными воротами. Въ городѣ расположено нѣсколько полковъ въ большой красивой казармѣ. По большой улицѣ стояло нѣсколько чалыхъ, тоненькихъ деревьевъ; листьевъ на нихъ почти совсѣмъ не было, и всѣ попытки пересадить ихъ сюда, на эту бесплодную каменистую почву, не удаются до сихъ поръ.

Только что мы въѣхали въ городъ, какъ сразу насъ охватилъ душный, спертый воздухъ, гдѣ чадъ отъ каменнаго угля смѣшивался съ запахомъ кокосоваго масла и ароматной смолы, добываемой изъ арабскаго можжевельника и составляющей самое распространенное душистое куреніе въ южной Аравіи. Все населеніе Адена постоянно кипитъ на улицахъ, хотя неизвѣстно, что оно дѣлаетъ тутъ. Здѣсь и сомалисы, и разныя негрскія племена, парсы, берберы и арабы. Въ самомъ городѣ нѣтъ рѣшительно ничего, на что стоило бы обратить вниманіе, да и весь онъ по виду похожъ на какую-то жалкую, заброшенную деревню.

23-го апрѣля мы вышли въ море и покинули Аденъ.

Аравійская пустыня и ея обитатели.

(Пальгрева.)

Съ наступленіемъ ночи мы выступили за восточныя ворота Маана, въ то время какъ арабы, наши проводники и слуги, наполняли свои кожаные мѣхи водою изъ брызжущаго источника у самыхъ стѣнъ города и прилаживали сѣдла и вьюки своихъ верблюдовъ, приготовляя къ длинному путешествію. Это было вечеромъ 16-го іюня; самыя крупныя звѣзды появились уже въ темно-синей глубинѣ безоблачнаго

неба; недавно родившійся мѣсяцъ, высоко поднявшись на западѣ, сіялъ тѣмъ блескомъ, какимъ онъ обыкновенно сіяетъ на этихъ небесахъ, и обѣщаль намъ свою помощь на нѣсколько часовъ нашего ночного пути. Скоро мы взобрались на своихъ тощихъ длинношеихъ животныхъ, «какъ будто,—по выраженію одного арабскаго поэта,—мы и наши люди находились на вершинѣ мачты», обратясь лицомъ къ востоку. За нами массою темныхъ очертаній лежали стѣны и крѣпость Маана, его дома и сады, а въ глубинѣ за ними рядъ высокихъ обнаженныхъ горъ, сливавшихся съ прибрежною горною дѣбью Геджаса. Впереди и вокругъ насъ разстилалась обширная и плоская равнина, чернѣвшая отъ безчисленнаго множества базальтовыхъ и кремневыхъ камней, за исключеніемъ тѣхъ мѣсть, гдѣ лунные лучи сіяли бѣлымъ свѣтомъ на небольшихъ промежуткахъ чистаго песка или на желтоватыхъ полосахъ засохшей травы, скуднаго продукта зимнихъ дождей, теперь превратившагося въ сѣно. Надъ всѣмъ царило глубокое молчаніе, которое, повидимому, боялись нарушить даже наши арабскіе спутники. Они говорили полупроговоромъ, ограничиваясь немногими словами, между тѣмъ какъ безшумный шагъ нашихъ верблюдовъ осторожно, но быстро подвигалъ насъ во мракѣ, не нарушая этой тишины.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя предосторожности не были излишними: та часть нашего пути, на которую мы теперь вступили, была далеко не безопасна. Мы направлялись въ Джоуфѣ, ближайшій изъ обитаемыхъ округовъ средней Аравіи. Промежуточный трактъ представлялъ почти по всему протяженію двойную опасность: отъ разбойниковъ и отъ безводія, отъ шаекъ грабителей и отъ лѣтней засухи. Разстояніе, которое намъ предстояло пройти, составляло двѣсти миль по прямой линіи, и существовала вѣроятность, что различныя неизбежныя случайности сдѣлаютъ нашъ путь еще болѣе длиннымъ. Колодцы—эти межевые знаки путешественника въ Аравіи, съ которыми онъ долженъ сообразовать свой путь—расположены обыкновенно не съ математическою прямизною; и, кромѣ того, необходимость избѣгать областей, посѣщаемыхъ враждебными или подозрительными племенами, часто заставляетъ бедуина избирать необычный и обходный путь.

Нѣсколько часовъ скорой рыси унесли насъ далеко отъ Маана, и краснѣющей свѣтъ луны почти угасъ на западѣ, когда наши проводники остановились на небольшой, покрытой сухою травой, площадкѣ, среди темной каменистой равнины, и, обмѣнявшись между собою нѣсколькими словами, поставили верблюдовъ на колѣни, развѣвучили ихъ и пустили пастись на траву, между тѣмъ какъ одинъ изъ людей нашего каравана сталъ на часахъ, а остальные легли спать на нѣсколько часовъ возлѣ сложеннаго въ одну плотную грудку багажа. Но это не было сонъ, а кратковременная дремота, и едва первая ясная полоса свѣта по-

явилась на востокъ подъ серебристою утреннею звѣздой, какъ мы уже встали, снова навьючили верблюдовъ и сѣли на нихъ для дальнѣйшаго путешествія.

Мы проѣхали много скучныхъ миль; было около десяти часовъ дня, и жара сдѣлалась въ высшей степени тягостною, когда мы увидѣли передъ собою нѣсколько разбросанныхъ малорослыхъ деревьевъ, служащихъ признакомъ близости воды, къ которымъ мы и направили свой путь. Когда мы находились еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, одинъ изъ нашихъ бедуиновъ заставилъ своего верблюда пойти быстрее и описалъ на немъ кругъ, чтобы увѣриться, не таятся ли по сосѣдству колодцевъ какія-нибудь личности изъ враждебнаго племени. Но тамъ не оказалось ни друга, ни недруга; все было безмолвно, и разрушенные стѣны оставленной деревушки, разбѣянные тамъ и сямъ по песчанымъ склонамъ и у сухого русла зимняго потока, имѣли безнадежно пустынный видъ въ назойливомъ блескѣ полудня. Нѣсколько неглубокихъ колодцевъ, изъ которыхъ иные были наполовину завалены камнями, а другіе представляли скудный запасъ грязной солоноватой воды, находились тутъ возлѣ колючихъ деревьевъ. Этою водою мы наполнили свои бурдюки ¹⁾, совершивъ эту операцію тѣмъ болѣе тщательно и искусно, что впереди не предстояло найти въ теченіе пятидневнаго путешествія никакой другой воды, какъ бы мы ни спѣшили, — серьезное соображеніе, въ особенности въ послѣдніе дни іюня.

Когда все это было окончено, мы опять сѣли на своихъ верблюдовъ и направили ихъ прямо къ востоку. Я повернулся, чтобы окинуть взглядомъ обширный ландшафтъ. Синій горный хребетъ былъ еще виденъ, хотя почти исчезалъ въ отдаленіи, между тѣмъ какъ впереди и по обѣ стороны разстилалась скучная равнина въ черномъ однообразіи своей безжизненности. Только повсюду лежали озера миража, поддразнивая зрѣніе своими неясными и обманчивыми очертаніями, между тѣмъ какъ тамъ и сямъ темнѣла базальтовая скала, случайно появлялась среди равнины и увеличивалась въ своихъ размѣрахъ отраженіемъ знойной атмосферы до подобія какого-то фантастическаго утеса или нависшей горы. Печальная страна смерти, гдѣ даже лицо врага было бы почти отрадно среди столь полнаго уединенія! Но въ теченіе цѣлыхъ пяти дней маленькая ящерица долины, которая имѣетъ такой видъ, точно въ ея безобразномъ тѣлѣ никогда не бывало ни одной капли влаги, и *джербоаа*, т.-е. полевая крыса Аравіи, были единственными живыми существами для утѣшенія нашихъ взоровъ.

Это былъ переходъ, во время котораго мы готовы были бы раскаться въ своемъ предпріятіи, если бы возможно было дать ходъ подоб-

¹⁾ Кожаные мѣхи для воды.

ному чувству или поступить сообразно съ нимъ. День за днемъ мы гнали нашихъ верблюдовъ до ихъ наиболѣе скорого шага, по пятнадцати или шестнадцати часовъ въ сутки, подъ почти вертикальными лучами солнца. Затѣмъ кратковременная остановка, недостаточная для отдыха или сна, на какихъ-нибудь два или три часа, скоро прерываемая безпрестаннымъ предостереженіемъ: «если мы промедлимъ здѣсь, то всѣ умремъ отъ жажды»; далѣе—взлѣзаніе на измученныхъ верблюдовъ, понуканіе ихъ среди ночной тьмы, при постоянной вѣроятности нападенія и ограбленія со стороны бродячихъ хищниковъ. Дни тянулись томительно, подобно горячечнымъ грезамъ, до того, что мы часто не сознавали почвы, по которой мы двигались, и путешествія, которое мы предприняли. Только единственная трава появлялась у нашихъ ногъ для приданія ландшафту подобія нѣкоторой жизни и разнообразія: это былъ горькій и ядовитый колоквинтъ пустыни.

Порядокъ нашего путешествія былъ слѣдующій. Задолго до разсвѣта мы были уже въ дорогѣ и шли до тѣхъ поръ, пока солнце, дойдя до половины пути между горизонтомъ и зенитомъ, обозначало моментъ остановки для завтрака. Мѣсто для него бедуины всегда старались найти въ какой-нибудь впадинѣ или низинѣ, въ видахъ предосторожности; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы имѣли полную свободу выбора, потому что одна площадка, покрытая черными кремнями съ небольшимъ количествомъ песку и поблекшей травы въ промежуткахъ, была совершенно похожа на другую; о тѣни или кровѣ, или о чемъ-либо подобномъ было нечего и думать. Мы слѣзали съ своихъ верблюдовъ, и я съ своимъ товарищемъ складывали свой багажъ стѣною, чтобы сколько-нибудь укрыться отъ жгучихъ лучей солнца и прилечь на нѣкоторое время. Затѣмъ слѣдовали кулинарныя приготовленія, вполне соответствовавшія нашимъ припасамъ, которые были довольно просты, а именно: мѣшокъ грубой муки, смѣшанной съ солью, и нѣсколько сушеныхъ финиковъ; никакого третьяго кушанья въ списокъ нашихъ блюдъ не существовало. Мы брали нѣсколько горстей муки, и одинъ изъ бедуиновъ мѣшалъ ее своими мытыми руками или грязнымъ кускомъ кожи, обливая эту муку небольшимъ количествомъ мутной воды изъ бурдюка, и затѣмъ превращалъ это отѣнное тѣсто въ большую круглую лепешку, толщиною въ одинъ дюймъ и въ пять или шесть дюймовъ въ діаметрѣ. Въ это время другой разводилъ огонь съ помощью сухой травы, колоквиновыхъ корней и верблюжьего помета, пока не добывалъ слоя пылающей золы. Туда бросали лепешку, тотчасъ же закрывали ее горячимъ пепломъ и оставляли тамъ на нѣсколько минутъ, затѣмъ вынимали, поворачивали и зарывали въ пепелъ снова до той минуты, когда, наконецъ, ова, полувывѣшанная, полусырая, полуспеченная и подгорѣвшая кругомъ, вынималась, раздѣлялась между голодною шайкой и была съѣ-

даема донельзя горячею; иначе, остынувъ, она могла бы превратиться въ нѣкоторое неописанное, кожеподобное вещество, гарантированное противъ самаго алчнаго аппетита. Глотокъ мутной воды былъ единственною приправой къ этому кушанью.

По окончаніи завтрака намъ снова безъ потери времени приходилось продолжать свой путь отъ миража къ миражу, и за часъ до заката солнца мы слѣзали съ своихъ верблюдовъ, чтобы приготовить вечерній пиръ того же свойства, каковымъ отличается завтракъ, или же, что случалось чаще, изъ опасенія, какъ бы дымъ отъ нашего огня не привлекъ издали какого-нибудь бродягу, довольствоваться сухими финиками и получасовымъ отдыхомъ на пескѣ. Затѣмъ мы опять сажались на верблюдовъ и ѣхали при лунномъ или звѣздномъ свѣтѣ далѣе, чтобы къ полнучи лечь и забыться сномъ, достаточнымъ для того, чтобы подразнить, но не освѣжить.

Мы постепенно подвигались впередъ, какъ однажды случилось приключеніе, которое чуть не положило конца и путешествію, и путешественникамъ. Это былъ самумъ.

Было около полудня, полудня лѣтняго солнцестоянія на безоблачномъ небѣ Аравіи, раскинувшемся надъ опаленною пустыней, когда внезапные и жгучіе порывы вѣтра начали дуть съ юга; въ то же время удушливость воздуха усиливалась съ каждымъ мгновеніемъ, такъ что я и мой товарищъ спрашивали другъ друга: что бы это значило и что можетъ изъ этого выйти? Мы повернулись, чтобы спросить проводника, но тотъ уже укуталъ свое лицо плащомъ и, припавъ къ шеѣ своего верблюда, не отвѣчалъ ни слова. Его товарищи, двое шераратскихъ бедуиновъ, сдѣлали то же и также молчали. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ вопросовъ, проводникъ, вмѣсто того чтобы отвѣчать на нихъ прямо, указалъ на маленькую черную палатку, находившуюся, къ счастью, въ недалекомъ разстояніи впереди насъ, говоря: «попытайтесь добраться до *этого*; если мы дойдемъ туда, то спасены», и потомъ прибавилъ: «позаботьтесь, чтобы ваши верблюды не остановились и не легли». Затѣмъ, давъ своему собственному верблюду нѣсколько сильныхъ ударовъ, онъ вновь погрузился въ молчаніе.

Мы съ безокойствомъ смотрѣли по направленію къ палаткѣ; она была еще во ста или болѣе шагахъ отъ насъ. Между тѣмъ порывы вѣтра становились все жарче и сильнѣе, и намъ стоило большого труда заставить своихъ верблюдовъ идти впередъ. Горизонтъ быстро потемнѣлъ до фіолетоваго цвѣта и, казалось, охватывалъ насъ, подобно занавѣсу, со всѣхъ сторонъ, тогда какъ въ то же время удушшающее дуновение точно изъ какой-то огромной печи, обращенной своимъ жерломъ какъ разъ на нашу дорогу, непрерывно обдавало насъ зноемъ среди этого сумрака. Наши верблюды, несмотря на всѣ наши понуканія, начали

безпокойно вертѣтся и склоняетъ колѣни, чтобы лечь. Самумъ сильно дѣйствовалъ на нихъ.

Разумѣется, мы послѣдовали примѣру своихъ арабовъ, окутавъ свои лица, и ударами и пинками заставляли шатавшихся верблюдовъ идти впередъ, къ единственному близкому пристанищу. Атмосфера была такъ сильна, зной былъ до того жгучъ, что, казалось, самъ адъ поднялся изъ земли или хлынулъ на насъ сверху. Но мы еще имѣли время, и въ тотъ моментъ, когда ядовитый вѣтеръ достигъ наибольшей силы и сосредоточенности, мы уже всѣ лежали, растянувшись внутри шатра, укутавъ головы; мы почти задохались, но находились въ безопасности. Наши верблюды лежали точно мертвые, вытянувъ свои длинные шеи на песокъ.

При нашемъ прибытіи мы нашли въ шатрѣ одинокую бедуинку, мужъ которой, со своими верблюдами, находился въ отсутствіи. Не говоря ни слова, проводникъ растянулся на полу. Всѣ молча послѣдовали его примѣру.

Въ такомъ положеніи мы оставались около пяти минутъ, во время которыхъ чувствовали только спокойный жаръ, точно раскаленное докрасна желѣзо медленно двигалось надъ нами. Затѣмъ стѣны палатки начали трепетать отъ возвратившихся порывовъ вѣтра, и это было знакомо, что самая худшая сторона самума миновала. Полумертвые отъ истощенія, мы встали и открыли свои лица. Мои товарищи были похожи болѣе на трупы, чѣмъ на живыхъ людей; таковъ же, вѣроятно, былъ и я. Однако же, несмотря на предостереженіе, я не удержался отъ того, чтобы не выйти изъ шатра—посмотрѣть на верблюдовъ; они все еще лежали пластомъ, точно убитые. Воздухъ все еще былъ сумраченъ, но скоро просвѣтлѣлъ до своей обычной ослѣпительной ясности. Во все продолженіе дѣйствія самума атмосфера была совершенно свободна отъ песка и пыли, такъ что я не въ состояніи объяснить ея страшной темноты въ это время.

Поздно вечеромъ мы снова пустились въ путь, и на слѣдующій день рано вступили въ Уафе Серханъ, гдѣ характеръ нашего путешествія подвергся значительному измѣненію. Сѣверная часть арабійской пустыни, черезъ которую мы проходили теперь, несмотря на свое унылое однообразіе, представляетъ нѣкоторыя мѣста сравнительно лучшаго вида: тамъ больше воды и растительность не такъ скудна. Эти мѣста составляютъ любимыя убѣжища бедуиновъ и по нимъ направляется обыкновенный трактъ путешественниковъ, которые для торговыхъ цѣлей или по другимъ какимъ-нибудь побужденіямъ рѣшаются посѣтить эту пустыню. Эти оазисы, если только они заслуживаютъ такого названія, образуются легкимъ пониженіемъ окружающей ихъ поверхности пустыни и по временамъ принимаютъ форму длинной долины или продолговатаго

клочка земли, гдѣ скалы и голые камни уступаютъ мѣсто легкой почвѣ, болѣе или менѣе смѣшанной съ пескомъ и скрывающей подъ своею поверхностью кое-какой запасъ влаги неглубоко подъ грунтомъ. Вслѣдствіе этого здѣсь растутъ кустарники, а трава, если не зеленѣетъ круглый годъ, все-таки сохраняется дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; нѣкоторыя плодовые растенія, достаточныя для скуднаго существованія бедуина, растутъ здѣсь сами собою,—словомъ, человѣкъ и звѣрь, не находя тутъ изобилія, имѣютъ однако же необходимый запасъ.

Нашъ путь недолго извивался между маленькими песчаными холмами, покрывающими эту низменную почву, когда мы вдали и вблизи увидѣли множество черныхъ палатокъ, имѣвшихъ очень печальный видъ. Дѣло въ томъ, что между жалкими племенами номадовъ, населяющихъ Аравію, шераратское племя самое жалкое. У него очень мало овецихъ стадъ; лошади—рѣдкость; все богатство его состоитъ въ верблюдахъ, между тѣмъ какъ сѣверные бедуины имѣютъ большія стада овецъ и многочисленныя табуны коней, дающіе имъ возможность жить если не совсѣмъ подобно цивилизованнымъ людямъ, то по крайней мѣрѣ безъ лишеній и нищеты чисто дикаго существованія, печальной участи шераратскихъ арабовъ.

Разсыпанные по всему только что описанному нами поясу пустыни, шерараты не признаютъ надъ собою никакого начальника, низагого общаго вождя или главы. Они раздѣляются и подраздѣляются на безчисленныя шайки, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего отдѣльнаго начальника, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго своихъ подданныхъ.

Мы миновали палатку за палаткой, оставивъ за собою много оборванныхъ бедуиновъ и пасущихся верблюдовъ, когда, наконецъ, проводникъ указалъ намъ на группу жилищъ, изъ которыхъ два или три казались болѣе обширными, чѣмъ остальные, и сообщилъ намъ, что нашъ ужинъ въ эту ночь (день клонился къ вечеру) будетъ отнесенъ на счетъ этихъ жилищъ. «Адтаидъ», то-есть благородные люди, прибавилъ онъ для ободренія насъ перспективой прекраснаго приема. Разумѣется, намъ оставалось только положиться на его благоусмотрѣніе, и черезъ нѣсколько минутъ мы находились возлѣ черныхъ, сдѣланныхъ изъ козьяго волоса, покрывшихъ шатра, гдѣ жили наши предполагаемые хозяева.

Оттуда вышелъ начальникъ и общіялся нѣсколькими лаконическими словами съ проводникомъ. Последний подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ мы остановились въ ожиданіи, отвелъ нашихъ верблюдовъ на нѣкоторое разстояніе отъ шатровъ, поставилъ ихъ на колѣни, помогъ намъ развьючить ихъ, и когда мы размѣстились на песчаной отлогости противъ жилищъ племени, посовѣтовалъ намъ зорко смотрѣть за своимъ багажомъ, такъ какъ между нашими хозяевами могли находиться хищники

и воры, несмотря на то, что это были «адтаунды». Мы покорились своей участи и усѣлись на песокъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ результатовъ переговоровъ нашего проводника.

Нѣсколько времени насъ оставляли въ покоѣ, хотя и замѣтили. Груша арабовъ собралась вокругъ нашихъ спутниковъ у двери шатра, дѣлая имъ всевозможные разспросы, въ особенности относительно насъ и нашего багажа, который былъ предметомъ большого любопытства, чтобы не сказать жадности. Затѣмъ наступила наша очередь. Начальникъ, его семейство (за исключеніемъ женщинъ), его блестящая свита и около двадцати другихъ молодыхъ и старыхъ мужчинъ подошли къ намъ и, послѣ короткаго привѣтствія на бедуинскій манеръ, усѣлись передъ нами полукругомъ. У каждаго была въ рукахъ крючковатая палка для понуканія верблюдовъ, которою они жестикулировали во время разговоровъ и играли въ промежуткахъ. Младшіе члены этого общества, менѣе говорливые, вѣжливо употребляли свой досугъ на то, чтобы таращить на насъ глаза или дѣлать грязные шарикъ изъ песку и разбрасывать ихъ.

Но какъ мнѣ описать ихъ разговоръ, ихъ вопросы и отвѣты, ихъ манеры и жесты? Здѣсь вы можете видѣть человѣческую натуру на низшей или почти на низшей ступени ея. Одинъ валяется, растянувшись на песокъ, другой концомъ своей палки проводитъ бессмысленныя линіи, третій скалитъ зубы, четвертый задаетъ безцѣльные или дерзкіе вопросы или отпускаетъ шутки, разсчитанныя на остроуміе, но въ дѣйствительности грубыя до крайности. Между тѣмъ мальчишки не стѣсняясь лѣзли впередъ и прерывали старшихъ безъ малѣйшаго уваженія или вниманія.

И однако же во всемъ этомъ нѣтъ никакого дѣйствительнаго намѣренія быть грубымъ, никакого желанія надѣсть; совсѣмъ напротивъ. Они искренно желаютъ понравиться своимъ гостямъ, не стѣсняясь ихъ; мало того, готовы оказать имъ добрую услугу, какую могутъ, но только не умѣютъ приняться за дѣло. Если они нарушаютъ всѣ законы приличія и вѣжливости, то просто по невѣжеству, а не съ какою-нибудь злымъ намѣреніемъ; по временамъ они показываютъ признаки значительнаго врожденнаго такта и смысленности; въ то же время, несмотря на все непостоянство, свойственное людямъ, не привыкшимъ ни къ какимъ нравственнымъ или физическимъ стѣсненіямъ, у нихъ проявляются основныя черты мужественнаго и великодушнаго характера. Ихъ недостатки неразлучны съ состояніемъ ихъ цивилизаціи; вытекающія эти недостатки качества составляютъ ихъ собственность. Для лучшаго уясненія читателю характера туземцевъ я приведу образчикъ разговора съ бедуинами.

«Что вы талосе? чѣмъ вы занимаетесь?»—таково обычное начало

разговора безъ всякаго другаго предисловія. На это мы отвѣчаемъ:— «Лѣкарь изъ Дамаска и занимаюсь тѣмъ, что Богу угодно будетъ поставить на нашемъ пути». Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о нашемъ багажѣ, кто-нибудь ощупываетъ его палкой, чтобы привлечь вниманіе, и говорить: «Что это такое? Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь вещей, чтобы продать намъ?»

Мы осторожно отклоняемъ предложеніе о продажѣ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ они наконецъ отстаютъ отъ своихъ требованій. Другой, страдающій какимъ-нибудь тѣлеснымъ увѣчемъ, въ родѣ, напримѣръ, высохшей руки или совершенно слѣпюго глаза,—проситъ лѣкарства, которое, по его мнѣнію, тотчасъ же возстановитъ совершенно его здоровье и возвратитъ цѣлость его тѣлу. Я вѣжливо отклоняю просьбу. Онъ настаиваетъ; я избавляюсь отъ него шуткой.

«Изъ, уалейдъ—т.е. «молодой парень» (такъ они называютъ каждаго человека мужского пола отъ восьми до восьмидесяти лѣтъ безразлично)—не наполнишь ли ты мою трубку?» говоритъ одинъ, который замѣтилъ, что моя трубка занята, и который, несмотря на то, что онъ имѣетъ порядочный запасъ сухого табаку въ тряпкѣ, привязанной къ его грязному поясу, считаетъ минуту удобною для попрошайничества, послѣ того какъ оказалось невозможнымъ получить ни лѣкарства, ни товаровъ.

Но проводникъ, сидящій среди круга, дѣлаетъ мнѣ знакъ—не глашаться. Поэтому я отклоняю просьбу. Однако же мой проситель не отстаетъ; его примѣру слѣдуютъ двое другихъ, изъ которыхъ каждый подставляетъ мозговую кость съ продѣланнымъ съ одной стороны отверстіемъ, которая исправляетъ должность трубки, или обыкновенный въ этой пустынѣ воздреватый камень, нѣчто въ родѣ первобытной пѣнки, превращенный въ курительный снарядъ неуклюжаго вида.

Такъ какъ они становятся дерзкими, то я притворяюсь разсерженнымъ, чтобы разомъ покончить съ ними.

— Ахъ, бедуины! мы ваши гости, а вы не стыдитесь выпрашивать отъ насъ?

— Не обращайтесь вниманія, извините этихъ невѣждъ, невоспитанныхъ шутовъ и проч.,—вмѣшивается одинъ сидящій рядомъ съ начальникомъ, одѣтый нѣсколько лучше большинства личностей, составляющихъ собраніе.

— Не желаете ли вы *населить* трубку для своего маленькаго брата?—прибавляетъ самъ начальникъ, доставая свою трубку съ самымъ скромнымъ видомъ.

Языкъ бедуиновъ, подобно большинству восточныхъ языковъ, изобилуетъ довольно красивою образностью, и слово *населить* значить здѣсь *наполнить*. Проводникъ дѣлетъ мнѣ знакъ—исполнить просьбу;

Арабы.

я беру горсть табаку и кладу ее на длинный рукавъ рубашки просителя; тот завязывает ее, и лицо его сияет необычайным удовольствием. По крайней мѣрѣ, ихъ легко удовлетворить, этихъ бедуиновъ.

Въ подобныхъ разговорахъ проходитъ часъ. Нѣкоторые встаютъ и уходятъ, другіе усаживаются, каждый дѣлаетъ свои замѣчанія или разспросы, и мы имѣемъ полную возможность познакомиться съ ихъ характеромъ, наклонностями и обычаями.

Начальникъ, добывъ себѣ запасъ табаку, что—не ошибаясь можно сказать—было главною цѣлью его посѣщенія, ушелъ въ свою палатку отдать приказаніе насчетъ угощенія. Вскорѣ потомъ мы увидѣли кучку праздныхъ личностей, собравшихся нѣсколько на заднемъ планѣ, что служить признакомъ, что на этомъ мѣстѣ убиваютъ барана или верблюда для вечерняго пира. Вслѣдъ затѣмъ мы видимъ трупъ животнаго, распростертый у угла шатра, который будутъ разрѣзывать нѣсколько операторовъ среди толпы, глубоко заинтересованной этимъ процессомъ, потому что весь лагерь будетъ участвовать въ пиршествѣ, приготовленномъ по случаю прибытія гостей.

Мы остаемся теперь одни, такъ какъ стряпня—дѣло слишкомъ важное для того, чтобы какой-нибудь праздный сосѣдъ могъ при ней не присутствовать. Въ Европѣ говорятъ, что излишество въ поваряхъ вредитъ бульону; но здѣсь процессъ стряпни слишкомъ простъ для того, чтобы ее можно было испортить. Развести огонь подъ огромнымъ котломъ, который никогда не чистится, вскипятить воду и затѣмъ бросить въ нее куски убитаго животнаго, чтобы они кипѣли въ своемъ собственномъ, не снятомъ жирѣ до тѣхъ поръ, пока они не сварятся на двѣ трети,—вотъ все кулинарное искусство и *non plus ultra* бедуинскаго пира.

Однако же это требуетъ нѣкотораго времени: огонь, разведенный на открытомъ воздухѣ, дѣйствуетъ не такъ быстро, какъ въ печи и кухнѣ; а большія массы мяса не скоро могутъ быть доведены до приблизительно съѣдобнаго состоянія. Поэтому уже звѣзды появились на небѣ и ночной вѣтеръ охладил пески, прежде чѣмъ необычайная суматоха между присутствующими и внезапно появившаяся туча искръ показали, что котель снятъ наконецъ съ камней, служившихъ очагомъ. Вода была вылита, мясо свалено беспорядочною кучей въ огромную и очень грязную деревянную чашу и въ такомъ видѣ, безъ всякихъ другихъ прибавокъ или приправъ, поставлено на землѣ на полпути между нами и палатками.

Начальникъ или какой-нибудь полуодѣтый юноша изъ его семейства подходить къ намъ съ обычнымъ «тефадалу»—«сдѣлайте намъ милость», т. е. принять наше приглашеніе. Мы приближаемся къ чашкѣ, но прежде чѣмъ мы занимаемъ свои мѣста, толпа со всѣхъ сторонъ

бросилась уже къ общему центру притяженія, и большой кругъ молча ждетъ уже сигнала для начала пира. Этотъ сигналъ подается начальникомъ, который снова повторяетъ формулу приглашенія, и проводникъ и мой товарищъ добываютъ большой кусокъ полусырого мяса и, таща за два противоположныхъ конца, разрываютъ его на болѣе удобные для ѣды куски. Тогда всѣ бросаются къ мясу. Въ чашѣ копаются болѣе тридцати немыхъ рукъ, и черезъ какія-нибудь пять минутъ кости, обглоданныя слишкомъ начисто для того, чтобы представлять болшую поживу для тощихъ собакъ, стоящихъ кругомъ и ожидающихъ своей очереди, составляютъ все, что остается отъ пира.

— Отчего ты не ѣшь?.. Ышь, принимайся-ка за работу. О, сто привѣтствій вамъ, достойные гости,—безпрестанно повторяетъ намъ хозяинъ, пролагая намъ путь своимъ собственнымъ хорошимъ примѣромъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что если бы на нашемъ мѣстѣ быть самъ султанъ, то и ему не было бы предложено болѣе разнообразнаго или отборнаго угощенія, по той простой причинѣ, что Шерарагъ не имѣетъ ничего лучшаго.

Затѣмъ вода, съ сильнымъ аммиачнымъ запахомъ, ходитъ въ круговую въ чемъ-то въ родѣ маленькаго ведра, которое въ Англіи наплю бы для себя надлежащее мѣсто у морды жеребенка. Тѣмъ не менѣе, въ то время какъ мы пьемъ этотъ священный напитокъ, нашъ ближайшій сосѣдъ говорить «хена», т.-е. добраго здоровья. Онъ говоритъ это въ видѣ вѣжливости и вмѣстѣ намека, чтобы и ему быть переданъ сосудъ.

Затѣмъ мы удаляемся на песчаный склонъ къ своему багажу, потому что у бедуиновъ, при ихъ первобытномъ образѣ жизни, не принято спать въ шатрѣ хозяина. Малый размѣръ жилища, гдѣ толпится семья всѣхъ половъ и возрастовъ и гдѣ нѣтъ никакихъ раздѣленій на отдѣльныя комнаты, вполне объясняетъ и оправдываетъ этотъ обычай, который не имѣетъ ничего общаго съ недостаткомъ гостеприимства.

Ночной воздухъ въ этихъ пустыняхъ дышитъ жизнью и здоровьемъ. Мы спимъ крѣпко; насъ не тревожатъ мысль о раннемъ пробужденіи для дальнѣйшаго похода, потому что и люди, и лошади одинаково имѣютъ нужду въ отдыхѣ въ теченіе сутокъ.

Д ж и д а.

(Перри-Фотга.)

На четвертый день по выходѣ изъ Суэца мы уже приближались къ Джайдѣ. Еще въ двадцати миляхъ отсюда показаны на картахъ длинныя ряды моралловыхъ рифовъ, между которыми проходитъ фарватеръ,

описывая самыя прихотливыя извилины. Маяковъ нѣтъ и никакое судно не рѣшится приблизиться ночью къ берегу. На нѣкоторыхъ изъ болѣе выдающихся рифовъ турецкое правительство поставило каменные бакевы, покрытые бѣлой штукатуркой. Лоцманъ-арабъ велъ насъ постоянными зигзагами и заставляя пароходъ круто поварачивать, проходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ близко отъ рифовъ, что можно бы было обмахнуть сухарь въ кипящія волны прибоя, пѣвившагося надъ измѣническими коралловыми остріями, которыя также легко могли бы протенуть желѣзные листы парохода, какъ если бъ это была корка какого-нибудь паштета. Наконецъ, мы прибыли въ гавань и бросили якорь рядомъ съ дожиной другихъ англійскихъ, турецкихъ и египетскихъ пароходовъ. На внутреннемъ рейдѣ, защищенномъ длинною песчаною косой, стоялъ цѣлый флотъ арабскихъ «бугало», похожихъ на китайскія джонки, съ латинскими ¹⁾ парусами и высокой палубой на носу. Эти туземныя суда, отъ пятидесяти до двухсотъ тоннъ вмѣстности, смѣло шныряютъ между рифами вдоль всего берега Краснаго моря. Нѣсколько сотъ бугало постоянно заняты перевозкой пилигримовъ, которыхъ изъ одной только Африки прибываетъ въ Джидду ежегодно до двадцати тысячъ.

Городъ со стороны моря имѣетъ довольно красивый видъ; его высокія, чистенькія на видъ, бѣлыя зданія расположены вдоль залива на протяженіи болѣе чѣмъ одной мили. На заднемъ планѣ подымается высокая горная цѣпь, за которою въ пятидесяти миляхъ далѣе въ глубь страны находится священный городъ Мекка. Джидда окружена высокими стѣнами съ башнями; на углахъ, обращенныхъ къ сторонѣ моря, построены два сильныхъ форта. На трехъ сторонахъ города ворота открыты для всѣхъ безразлично, но на восточной сторонѣ, обращенной къ Меккѣ, проходить чрезъ ворота разрѣшается только мусульманамъ.

Къ пароходу причалила лодка подъ турецкимъ флагомъ; прибывшій на ней чиновникъ санитарной полиціи подаль оловянный ящикъ, въ который и были опущены корабельныя бумаги. Бумаги эти были окурены, затѣмъ осмотрѣны и найдены въ исправности, послѣ чего чиновникъ взобрался на пароходъ въ сопровожденіи морского фактора Юсуфа-эффенди, сообщившаго капитану, что триста пилигримовъ, или «хаджи», желаютъ быть принятыми на пароходъ.

Юсуфъ-эффенди, хотя природный арабъ, говорилъ очень хорошо по-англійски, по-французски, по-итальянски и по-турецки и бѣжливо пригласилъ насъ воспользоваться его лодкой для того, чтобы съѣхать на берегъ. Какъ разъ въ тотъ самый день послѣ обѣда должна была

¹⁾ Треугольный парусъ, верхняя сторона котораго длиннѣе другихъ.

происходить торжественная церемонія отвоза на турецкій военный корабль шелковой завѣсы, висѣвшей въ меккской мечети передъ священою Каабою. Турецкій султанъ ежегодно приноситъ въ даръ новую завѣсу, прежняя же возвращается въ Константинополь, гдѣ ее разрѣзаютъ на мелкіе куски и раздаютъ правовѣрнымъ, которые смотрятъ на эти куски, какъ на самую драгоцѣнную святыню.

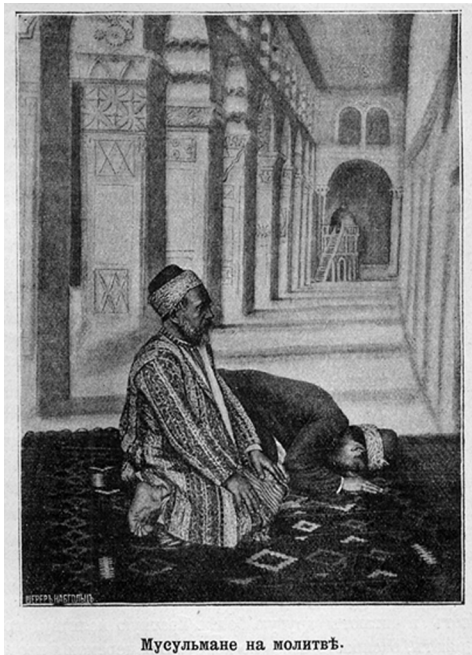
Мы пристали къ берегу какъ разъ во-время для того, чтобы видѣть процессію, проходившую по улицамъ въ сопровожденіи большого отряда войска, съ турецкимъ пашей во главѣ. Впереди шло около сотни верблюдовъ, покрытыхъ большими попонами, на которыхъ краснымъ шелкомъ и золотомъ были вышиты полумѣсяцъ и звѣзды. За ними слѣдовала длинная кавалькада всадниковъ и, наконецъ, тысячи «хаджи» ибшкомъ замыкали шествіе. Всѣ дѣла на базарѣ приостановились и при проходѣ верблюдовъ съ священою завѣсой каждый мусульманинъ преклонялъ голову до земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при подобномъ же случаѣ, произошелъ здѣсь между пилигримами страшный взрывъ фанатизма, имѣвшій слѣдствіемъ избіеніе нѣсколькихъ сотъ христіанъ. Мы смотрѣли на процессію изъ окна верхняго этажа дома Юсуфа-эффенди и не подвергались ни малѣйшей опасности. На берегу священная завѣса была передана на баржу, распѣченную турецкими флагамъ, которая была взята шлюпками на буксиръ и приведена къ турецкому кораблю, салютовавшему ей пушечнымъ залпомъ.

Улицы и базары, чрезъ которые мы проходили, были опрятнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ видѣнныхъ мною въ Аравіи городовъ. Большая часть зданій выстроена изъ камня; есть дома въ четыре и даже пять этажей. Стеколъ въ окнахъ нѣтъ, но вмѣсто нихъ вставлены деревянныя рѣшетки, чрезвычайно изящной рѣзной работы, допускающія свободную циркуляцію воздуха, но совершенно скрывающія внутренность зданій отъ нескромныхъ взоровъ. Торговые обороты Джидды въ значительной степени зависятъ отъ притока пилигримовъ, которыхъ въ теченіе года перемѣняется здѣсь круглымъ числомъ болѣе ста тысячъ. Коранъ поставляетъ каждому истинно вѣрующему въ обязанность совершать, если только обстоятельства и здоровье позволяютъ, по крайней мѣрѣ хоть одинъ разъ въ жизни паломничество въ Мекку. Вѣрные стекаются сюда со всѣхъ магометанскихъ странъ земного шара: изъ Персіи и Индіи, съ южныхъ береговъ Средиземнаго моря и западныхъ береговъ Африки, при чемъ нерѣдко ихъ сопровождаютъ также жены и дѣти. Тысячи пилигримовъ на пути своемъ чрезъ пустыни терпятъ невѣроятныя лишенія и многіе погибаютъ въ дорогѣ; но они вѣрують, что смерть во время паломничества обезпечиваетъ немедленный входъ въ рай. Коранъ позволяетъ имъ заниматься въ пути мелочною торговлею, въ размѣрѣ, необходимомъ для покрытія издержекъ путеше-

ствія. Но занятіе это не должно отвлекать пилигримовъ отъ самаго строгаго исполненія религиозныхъ обрядовъ. Съ прорытіемъ Суэцкаго канала облегчилась возможность ѣздить въ Мекку водянымъ путемъ, и англійскіе пароходы получаютъ отъ перевозки пилигримовъ порядочный заработокъ. Священный сезонъ Мекки совпадаетъ съ декабремъ и январемъ мѣсяцами, но такъ какъ въ Аравіи счисленіе ведется лунными мѣсяцами, то сезонъ этотъ въ христіанскихъ календаряхъ является переходящимъ изъ года въ годъ.

На слѣдующій день мы отправились за городъ посмотреть на могилу Евы, праматери рода человѣческаго, которая, по преданію, погребена была здѣсь, какъ разъ по соудству съ городской стѣной. По арабскому преданію, когда прародители наши извергнуты были изъ рая (находящагося на седьмомъ небѣ), они упали—Адамъ на островъ Цейлонъ, а Ева въ Аравію, неподалеку отъ нынѣшней Джидды. Осмотрѣнная нами могила Евы имѣетъ внутри шестьдесятъ футовъ длины и двѣнадцать ширины.

Пока мы осматривали городъ, туземныя лодки сновали взадъ и впередъ, привозя къ намъ пилигримовъ съ огромнымъ количествомъ багажа. Палуба была завалена большими, увязанными веревками, сундуками и узлами, такъ что пароходъ нашъ походилъ на эмигрантскій корабль, отправляющійся изъ Голландіи. По мѣрѣ прибытія пилигримовъ на пароходъ старшій лейтенантъ отбиралъ у нихъ оружіе, состо-

Мусульмане на молитвѣ.

явшею преимущественно изъ старинныхъ, оправленныхъ въ серебро сабель и кинжаловъ, у большинства которыхъ клинки оказались довольно плохими. Нѣкоторые изъ пилигримовъ съ видимой неохотой подчинялись этой мѣрѣ, необходимой тѣмъ не менѣе для предупрежденія возможныхъ случайностей; имъ объяснили, что, по прибытіи на мѣсто, оружіе будетъ возвращено каждому по принадлежности.

Во время богомолья хаджи очень строго выполняютъ обряды омовенія и молитвъ съ колѣнопреклоненіями. Днемъ они расходятся въ разныя стороны и все время проводятъ въ томъ, что ѣдятъ, пьютъ, курятъ и читаютъ Коранъ. Въ часы, назначенныя для молитвы, раздается рѣзкій голосъ муэдзина. Тутъ начинаются шумъ и суматоха. Спящіе просыпаются и протираютъ глаза, чубуки откладываются въ сторону, послѣ чего приносится вода для омовенія на ту часть палубы, которая отведена для «знатныхъ», и слуги начинаютъ возливать ее на руки своихъ господъ. Расчесавъ бороду и окончивъ туалетъ, каждый разстилаетъ предъ собой заранѣе приготовленный для этого чистый половичокъ или коверъ; потомъ всѣ устанавливаются рядомъ, оборотясь лицомъ къ Меккѣ. Мулла въ качествѣ главы правовѣрныхъ становится нѣсколько впередъ, и по окончаніи всѣхъ приготовленій начинается церемонія. Сначала богомольецъ стоитъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ потупивъ голову, при чемъ время отъ времени прикладываетъ руки къ глазамъ, какъ бы для того, чтобъ изгнать изъ своихъ мыслей все земное. При совершеніи этихъ эволюцій каждый съ точностью подражаетъ всѣмъ движеніямъ муллы. Потомъ, закрывъ глаза съ видомъ глубокой набожности, всѣ начинаютъ повторять полголоса формулу молитвы, предписанной въ первой главѣ Корана. Молитва эта для магометанъ имѣетъ такое же значеніе, какъ «Отче нашъ» для христіанъ. Въ ней чаще всего повторяются слова: «единъ Богъ и Магометъ пророкъ его». Сначала молитву читаютъ стоя прямо, потомъ наклоняются нѣсколько впередъ и опускаютъ руки внизъ; наконецъ, молящіеся падаютъ ницъ, прикладывая голову къ небольшому камешку, вывезенному каждымъ изъ Мекки. Черезъ нѣсколько минутъ опять встаютъ и читаютъ другую болѣе краткую молитву, которую тоже повторяютъ, распростершись по коврику. Вся церемонія продолжается около четверти часа, послѣ чего богомольцы встаютъ на ноги, открываютъ глаза, осматриваются кругомъ съ самодовольнымъ видомъ, какъ люди, выполнившіе свой долгъ и увѣренныя въ томъ, что получатъ за это награду въ будущемъ мѣрѣ. Впрочемъ, наиболѣе набожныя, а также тѣ, кто днемъ почему-либо не могъ съ должнымъ усердіемъ выполнить всѣ предписанные религіозныя обряды, продѣлываютъ вечерній церемональ по два и даже по три раза рядъ. Менѣе же набожныя выходятъ тѣмъ временемъ изъ рядовъ, бережно складываютъ коврики и,

закуривъ трубки, начинаютъ болтать между собой или съ невѣрнымъ «ховаджи», съ любопытствомъ созерцавшимъ эту сцену, и затѣмъ ложатся спать.

Поѣздка въ Мекку.

(Султанова).

19 апрѣля вечеромъ мы прибыли въ Ямбо, откуда караваны богомольцевъ направляются въ Медину.

Въ ожиданіи, пока сформируется караванъ, мы прожили въ Ямбо пять сутокъ, запасаясь всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго продолжительнаго путешествія въ Медину на «корабляхъ пустыни». Приобрѣли шюрдюфы, т.-е. особаго рода приспособленія, весьма незагѣйливый экипажъ для ѣзды на верблюдахъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о шюрдюфѣ, представьте четыре деревянныхъ рамы, соединенныя такъ, что образуется клѣтка около 2 аршинъ длины, аршина ширины и такой высоты, что внутри можно сидѣть, чуть-чуть не доставая головой доверху; нижняя рама, оплетенная прутьями финиковой пальмы, составляетъ дно, къ которому придѣланы невысокія ножки и подпорки, упирающіяся въ бока верблюда. Двѣ такихъ клѣтки, соединенныя дугами, перекидываются черезъ сѣдло верблюда и сверху для защиты отъ солнечнаго зноя покрываются коврами, кошмами, либо циновками, смотря по средствамъ путешественника.

Кромѣ шюрдюфовъ, запаслись мѣхомъ для воды, сдѣланнымъ изъ овечьихъ шкуръ, пористымъ глинянымъ сосудомъ съ горлышкомъ, необходимымъ для охлажденія воды. Приобрѣли еще веревки изъ волоконъ финиковой пальмы, фонари, запасъ провизіи и угля, такъ какъ дорога отъ Ямбо до Медины идетъ по безлюдной пустынѣ. Уголья продаются въ видѣ связокъ или пучковъ, выжатаются они изъ прутьевъ колючаго кустарника около аршина длины и въ палецъ толщины, которые обжигаются лишь настолько, чтобы обуглились, не теряя своей формы, затѣмъ связываются въ пучки и въ такомъ видѣ поступаютъ въ продажу. Стоятъ они не дешево.

Верблюды для путешествія нанимаются у окрестныхъ бедуиновъ. Изъ описанія шюрдюфа уже видно, что на каждомъ верблюдѣ ѣдутъ двое, затѣмъ при каждыхъ двухъ пассажирскихъ верблюдахъ полагается одинъ व्यюнчій; слѣдовательно, для четырехъ пассажировъ необходимо имѣть трехъ верблюдовъ. Плата за cadaго верблюда, за разстояние приблизительно 200 верстъ, 14 рублей на русскія деньги.

Каждая группа паломниковъ входитъ въ соглашеніе съ бедуинами, владѣльцами верблюдовъ, такъ что составляется нѣсколько небольшихъ каравановъ, которые передъ выступленіемъ въ путь соединяются въ одинъ. Съ нами слѣдовало около 1.500 верблюдовъ, да, кромѣ того,

около 1.000 верблюдовъ шло съ товаромъ. Выступление изъ Ямбо было назначено на 24 апрѣля. Въ этотъ день, послѣ полудня, весь караванъ собрался на площади. Тутъ я познакомился со своимъ караванъ-баши. Гатіатулла (имя его) оказался милымъ и веселымъ человѣкомъ; онъ былъ черный, лѣтъ сорока съ небольшимъ, бедуинъ, съ рѣдкими черными усами и жиденькою бородкой; Гатіатулла, подобно всемъ бедуинамъ, одѣвался просто: носилъ длинную синюю рубаху, на головѣ цвѣтной платокъ, подвязанный мишурнымъ шнуромъ, на поясѣ кривой ятаганъ и патронташъ, черезъ спину перекинута старое длинноствольное ружье, на ногахъ сандалии. Гатіатулла увѣрилъ насъ въ томъ, что дорога безопасна, что верблюды смирные, просилъ не вѣрить пустымъ запугивающимъ розказнямъ и, пообѣщавши доставить въ Медину благополучно, удалился къ своимъ товарищамъ.

Около четырехъ часовъ вечера черезъ крѣпостныя ворота мы выступили въ путь по направленію къ священному городу.

Хотя въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ верблюды шли по два и по три въ рядъ, тѣмъ не менѣе караванъ растянулся на нѣсколько верстъ.

Мѣстность между Ямбо и Мединой гористая, покрытая камнями чернаго цвѣта, какъ бы опаленными огнемъ, и почти лишенная признаковъ растительности. Безжизненность полная: нѣтъ ни дикихъ животныхъ, ни птицъ, ни насѣкомыхъ; за все время пути до Медины мы видѣли только одну единственную птицу, въ родѣ нашего скворца, и одинъ экземпляръ жука, безпокоящаго и раздражающаго верблюдовъ.

Дорога проходитъ ложиной, извинаящейся межъ горъ, которыя мѣстами до того сближаются, что образуютъ ущелье, по которому можетъ пройти только одинъ верблюдъ. Грунтъ дороги твердый, песокъ какъ будто утрамбованный. Лощина, по которой идетъ дорога, представляетъ мѣстами незначительныя пологія подъемы и спуски; нѣтъ ни ручьевъ, ни овраговъ.

Первая остановка отъ Ямбо была у колодець, — въ мѣстности, называемой Шагра, куда караванъ пришелъ въ 11 часовъ ночи. Верблюдовъ развьючили и помѣстили такъ, что они составили первую наружную линію, около нихъ расположились вожаки-бедуины, затѣмъ были поставлены шюрдюфы, вьюки, наконецъ размѣстились и путешественники. Подобный порядокъ расположенія каравана если и не всегда соблюдается во время дневныхъ остановокъ, то ночью обязательнъ, и дѣлается это для предупрежденія воровства, виновникомъ котораго являются бродячіе бедуины. Объ открытыхъ нападеніяхъ на караваны нынѣ слышно мало, но грабежи путешественниковъ, случайно отдалившихся отъ каравана, особенно ночью, бывають очень часто. Такого неосторожнаго путешественника бедуинъ-разбойникъ оглушаетъ ударомъ по

затылку палицей, срываетъ съ него поясъ, въ которомъ обыкновенно носятъ деньги, и пока жертва придетъ въ чувство (смертельными такіе удары бываютъ рѣдко), грабитель успѣваетъ скрыться въ ближайшія горы. Вотъ почему нашъ караванъ-баши всякій разъ начиналъ сильно беспокоиться, если кто-либо изъ насъ нѣсколько отдалялся отъ табора, и громкимъ окрикомъ останавливалъ и предупреждалъ неосторожнаго объ опасности.

Караванъ сопровождался нѣсколькими вооруженными людьми на быстроходныхъ верблюдахъ. Этотъ конвой выходитъ вмѣстѣ съ караваномъ изъ Ямбо и сопровождаетъ его до половины пути, гдѣ встрѣчаетъ такой же конвой, высланный изъ Медины. Подъ охраной послѣдняго караванъ продолжаетъ путь, а первый возвращается въ Ямбо. Конечно, нѣсколько человекъ, хотя бы и хорошо вооруженныхъ, не въ состояніи были бы дать серьезнаго отпора въ случаѣ нападенія на караванъ цѣлой шайки разбойниковъ, но, благодаря своимъ быстроходнымъ верблюдамъ, они могутъ сообщить о случившемся въ Ямбо или въ Медину, откуда и можетъ быть выслана за грабителями погоня. Впрочемъ, караванъ и самъ по себѣ могъ оказать сопротивление грабителямъ, такъ какъ большая часть паломниковъ имѣла при себѣ огнестрѣльное оружіе и во время ночныхъ переходовъ постоянно раздавались выстрѣлы, дѣлаемые для того, чтобы пугать воровъ и поддерживать собственную храбрость.

Послѣ пятичасовой стоянки у колодезь Шагра караванъ тронулся въ дальнѣйшій путь и до слѣдующей остановки шелъ непрерывно 20 часовъ. Поразительна выносливость бедуиновъ-погонщиковъ: одѣтые буквально въ однѣ рубахи, совершенно босые, съ открытою головою, съ длинными, вьющимися, черными, какъ смоль, волосами, вѣчно потные отъ жары и суеты, они идутъ весь переходъ подъ палящимъ зноемъ аравійскаго солнца, ни разу не присаживаясь на верблюда, какъ будто не чувствуя ни жары, ни усталости. Народъ этотъ высокаго роста, сухоощаваго мускулистаго тѣлосложенія, съ энергичнымъ лицомъ и орлинымъ взглядомъ. Бедуины добродушны и по-своему деликатны, какъ то можно было заключить по нашему верблюдовожатому и его товарищамъ, которыхъ я имѣлъ возможность наблюдать болѣе близко.

Если время остановокъ обуславливалось приходомъ каравана въ извѣстныя, разъ навсегда намѣченныя мѣста у колодезь, то для отдыха его послѣ отдыха не было и подобія чего-либо определеннаго. Особенность бедуинскихъ каравановъ заключается въ совершенномъ отсутствіи въ нихъ организаціи; ни общаго караванъ-баши, ни каго-нибудь похожего на начальство, ни распорядителя здѣсь нѣтъ. Сопровождающіе караванъ конвоиры ни во что не вышиваются, а верблюдовожатые представляютъ изъ себя какъ бы караванъ-баши стдѣльныххъ

маленьких каравановъ, входящіе какъ совершенно самостоятельныя части въ общій большой караванъ. Эти отдѣльные караванъ-баши распрягаются цѣлымъ караваномъ, конечно, не могли, поэтому и опредѣлять время подъема было некому; это дѣлалось какъ-то само собой. Караванъ спокойно расположился на отдыхъ и, повидному, ничто не указываетъ на скорый подъемъ, но вотъ кто-нибудь начинаетъ выючить верблюда, за нимъ другой, вскорѣ объ этомъ вѣсть разносится по всему табору, всѣ начинаютъ суетиться, навьючивать животныхъ, и караванъ трогается въ путь.

Остановки въ общемъ были непродолжительны; караванъ шель и днемъ, и ночью; шагъ верблюда довольно большой, но при всемъ этомъ караванъ движется медленно. Причина, замедляющая движеніе,—большая растянутасть каравана; стоить остановить почему-либо одного верблюда, должна остановиться слѣдующая за нимъ цѣлая цѣпь. Въ сутки мы проходили въ общемъ не болѣе 30—35 верстъ.

25 апрѣля вечеромъ съ закатомъ солнца мы приблизились къ Мединѣ. Караванъ ожилъ: всѣ зажгли фонари, факелы, началась пальба изъ ружей, одни пѣли священные пѣсни, другіе читали наизусть Коранъ, громко переключались, а индійскія и египетскія женщины (феллашки) выдѣлывали горломъ очень странныя рулады.

Окрестности Медины представляютъ громадный оазисъ, около 20 верстъ въ поперечникѣ, окруженный на нѣкоторомъ разстояніи равниной, покрытой черными и сѣроватыми глыбами различныхъ величинъ, слѣдами древнихъ вулканическихъ изверженій, а за равниной со всѣхъ сторонъ высятся мрачныя голыя горы. Почва прекрасно воздѣлана, но сама по себѣ бесплодна, и для обработки ея требуются громадныя усилія, о которыхъ нашъ земледѣлецъ не имѣетъ понятія. Для этого прежде всего необходимо посредствомъ удобренія верхній слой сдѣлать плодороднымъ и затѣмъ искусственно оросить, добывая воду изъ колодезевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время обработка земли подъ посѣвъ хлѣба все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто разведенію садовъ, занимающихъ нынѣ огромное пространство. Преимущественно разводится финиковая пальма, дающая, какъ говорятъ, лучшіе финики во всемъ мірѣ, которые обыкновенно спѣваютъ въ іюлѣ съ появленіемъ жаркаго вѣтра самума.

Предметъ, привлекающій въ Медину сотни тысячъ паломниковъ,—это мечеть, въ которой находится гробница Магомета. Могила его—въ южной стороны мечети; надъ ней устроено небольшое возвышеніе, одѣтое шелковымъ, богато вышитымъ покрываломъ, окруженное чугунною вызолоченною рѣшеткою, а высоко надъ крышей блеститъ куполь. Рядомъ съ пророкомъ похоронены двое старшихъ преемниковъ его—халифы Абу-Бекръ и Омаръ, а далѣе дочь пророка, жена халифа Алія—Фатима.

Въ Мединѣ мы прожили пять недѣль, ожидая дамасскій караванъ,

такъ какъ продолжать путешествіе съ бедуинскимъ караваномъ не рѣшались. Только въ концѣ мая прибылъ въ Медину турецкій правительственный караванъ, ежегодно снаряжаемый въ Дамаскъ и отправляемый черезъ Медину въ Мекку съ обычными подарками къ меккскому шерифу, съ дарами для Каабы и мечетей и съ деньгами на содержаніе турецкихъ чиновниковъ.

На этотъ разъ караванъ состоялъ изъ двухъ тысячъ верблюдовъ и шелъ подъ начальствомъ паши, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ вооруженныхъ магазинками солдатъ, верхами на мулахъ. При караванѣ имѣлась пушка, такъ что въ отношеніи безопасности отъ нападенія дикихъ бедуиновъ караванъ былъ обезпеченъ вполне.

Вечеромъ 30 мая нашъ караванъ выступилъ изъ восточныхъ воротъ Медины по дорогѣ, по которой бедуинскіе караваны не ходятъ, такъ какъ дорога эта длиннѣе обыкновенной.

На этотъ разъ караванъ шелъ исключительно днемъ, поднимаясь съ мѣста стоянки послѣ утренней молитвы, т.-е. часа за полтора до восхода солнца; онъ останавливался на четверть часа для совершенія полуденной молитвы (намазъ) и затѣмъ шелъ непрерывно до заката солнца и останавливался уже на ночлегъ.

Ѣзда на верблюдахъ крайне несносна: качаетъ до невозможности; при каждомъ шагѣ животного отбрасываетъ въ разныя стороны, такъ что въ первые дни многіе подвергаются морской болѣзни; Ѣзда эта одно время мнѣ надѣла такъ, что я попросилъ верблюдовожатаго, сирійскаго араба, уступить мнѣ на денекъ свою верховую лошадь. Онъ согласился, хотя не совѣмъ охотно, занять мое мѣсто въ шюрдюфѣ, откуда то и дѣло наблюдалъ за мной, проси ѣхать тише, хотя я вовсе и не думалъ гнать незнакомую лошадь...

Арабы въ высшей степени любятъ и дѣляютъ своихъ лошадей. Ни у какого другого народа нельзя найти такой привязанности къ этимъ животнымъ, столь необходимымъ для племени, преимущественно кочевого. Этой привязанности не чужды ни правители, ни простой народъ, ни женщины, ни дѣти. Много арабскихъ поэтовъ воспѣло лошадь; много есть доказательствъ любви и привязанности арабовъ къ ихъ товарищамъ по славѣ и несчастью—лошадямъ...

Путь отъ Медины до Мекки точно такой же, какъ и отъ Ямбо до Медины, за исключеніемъ того, что въ одномъ мѣстѣ встрѣтились солончаки, и затѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ караванъ шелъ по мѣстностямъ, сплошь усыяннымъ камнями различной величины и формы, разбросанными въ полномъ безпорядкѣ, такъ что не остается мѣста, гдѣ можно было бы стать ногой. Нужно было удивляться тому, какъ верблюды и погонщики ихъ арабы могли идти по такой адской мостовой, раскаленной жаркими и невыносимыми лучами солнца.

За два дня пути до Мекки караванъ перешелъ черту, окружающую Мекку со всѣхъ сторонъ въ видѣ неправильнаго кольца. За чертой этой, служащей незримою стѣной обособленности и недоступности христіанъ, начинается священная область Аравіи, вступая въ которую паломники снимаютъ свой обыкновенный костюмъ и надѣваютъ такъ называемый «ихрамъ». «Ихрамъ»—странническая одежда, саванъ, надѣваемый въ знакъ отреченія отъ всего земнаго и обращенія всѣхъ чувствъ и помысловъ исключительно къ Богу. Онъ состоитъ изъ двухъ кусковъ бѣлой матеріи; надѣвается ихрамъ на чистое голое тѣло; первый кусокъ матеріи покрываетъ нижнюю часть тѣла и подвязывается на поясѣ, а второй—верхнюю часть его до плечъ. Ноги обуваются въ сандалии или въ мелкія туфли. Какіе бы то ни было головные уборы воспрещаются, но для защиты отъ солнца допускается употребленіе зонта.

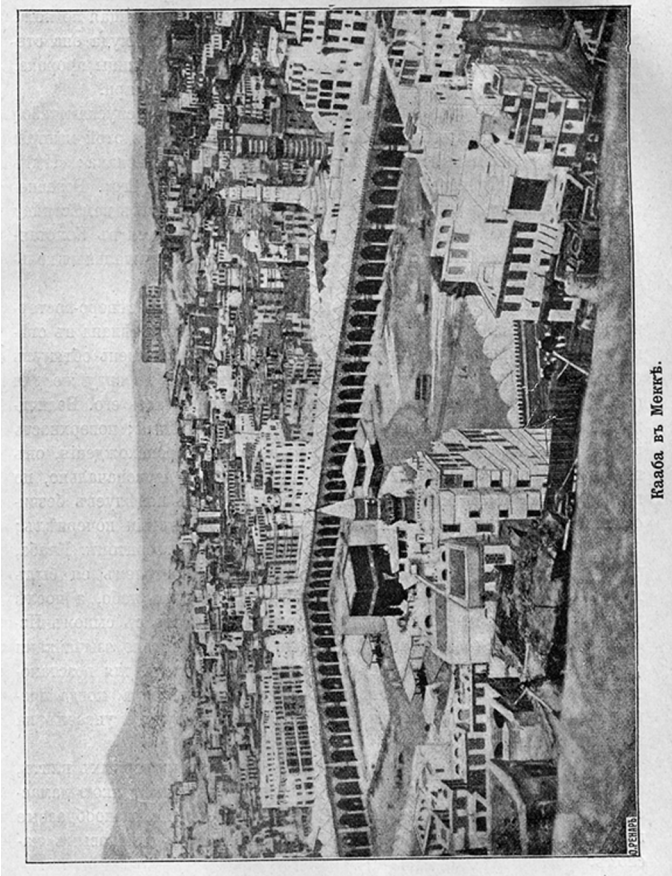
Ихрамъ надѣвается потому, что въ сивинной одеждѣ нельзя вступать въ священный округъ, нельзя и совершать обряды паломничества. Паломнику, надѣвшему ихрамъ, воспрещается многое, въ томъ числѣ бритье и стрижка головы, обрѣзываніе ногтей и многое другое.

На одинадцатый день вечеромъ нашъ караванъ подошелъ къ Меккѣ и остановился въ мѣстности Талада, куда вскорѣ явились такъ называемые «далили», т. е. руководители паломниковъ во время совершенія обрядовъ хаджа и во время посѣщенія священныхъ мѣстъ въ городѣ и его окрестностяхъ.

Прежде всего паломники отправляются къ Каабѣ. Знаменитая меккская мечеть находится въ центрѣ города и занимаетъ довольно обширную площадь, окруженную стѣной, въ которой съ разныхъ сторонъ имѣется 19 громадныхъ каменныхъ воротъ. Изъ каждаго воротъ къ центру двора, гдѣ находится Кааба (Бейтуллахъ), ведутъ мраморныя дорожки. По внутренней сторонѣ стѣны тянется широкая крытая галерея съ колоннадами и куполами, подъ которыми стоятъ молящіяся, обращаясь лицомъ къ Бейтуллѣ. Надъ террасой высоко возвышается семь минаретовъ цилиндрической формы съ позолоченными полумѣсяцами на шпицахъ. Около мраморныхъ дорожекъ стоятъ рѣшетчатые лари съ корзинами, наполненными святою водою изъ колодца Земъ-Земъ, а на нихъ лежатъ мѣдныя, индійской работы, чашки для питья; пить дозволяется каждому паломнику безъ всякой платы. У этихъ ларей часто можно встрѣтить мальчиковъ, продающихъ различныя сѣмена для кормленія голубей, что считается богоугоднымъ дѣломъ, хотя смотрители мечети не очень тому рады, потому что голуби пачкаютъ дворъ, усыпанный чистымъ пескомъ и содержащійся, какъ и вся мечеть, въ большой опрятности.

Въ серединѣ двора находится главная святыня—Кааба. Кааба представляетъ собой довольно высокой четырехугольникъ, съ плоскою кры-

шей, безъ оконъ, приблизительно сажень въ 6 длины, 4 ширины, 5 вышины; издали она кажется совершеннымъ кубомъ.

Кааба въ Меккѣ.

Въ Каабу ведетъ небольшая, обложенная серебромъ, дверь, устроенная съ сѣверной стороны на высотѣ около аршина отъ земли, такъ что внутрь можно войти только съ помощью приставной лѣстницы.

Зданіе не выдѣляется искусствомъ своей постройки; сложено оно изъ большихъ, неодинаковой величины, каменныхъ глыбъ сѣро-бураго цвѣта. Для стока съ крыши дождевой воды съ западной стороны имѣется желобъ; какъ рассказываютъ, желобъ этотъ золотой; стекающая по немъ вода считается цѣлебной отъ всѣхъ болѣзней. Помость, куда она стекаетъ, изъ разноцвѣтной мозаики. Здѣсь находятся гробницы пророка, прародителя сѣверо-арабовъ, Измаила и его матери Агари.

Бейтуллахъ покрывается черною атласною матеріей, спускающейся въ видѣ завѣсы, а крыша остается открытой. Посрединѣ этой матеріи серебряными нитями вытканы слова основного догмата ислама: «Нѣтъ Аллаха, кромѣ Единого Аллаха, Магометъ посланникъ Его». Возобновлять это покрывало предоставляется только султану, какъ намѣстнику пророка, а старое, изрѣзанное на мелкіе куски, отвозится въ Константинополь; изъ серебряныхъ нитей дѣлаютъ довольно оригинальныя кольца, которыя охотно приобрѣтаются паломниками.

Знаменитый черный камень находится снаружи, въ сѣверо-восточномъ углу Каабы. Эта величайшая святыня мусульманъ вдѣлана въ стѣну на высотѣ приблизительно пяти футовъ отъ земли; камень обтянутъ овальною, огибающею стѣну, серебряною пластинкой, на виду же для цѣлованія паломниковъ оставлена только небольшая часть его. Великою онъ долженъ быть невеликъ; цвѣтъ темно-кофейный; поверхность волнообразная. Камень этотъ считается небеснаго происхожденія, онъ принесенъ ангеломъ Гаврииломъ изъ рая Аврааму; первоначально, по преданію, онъ былъ ослѣпительной бѣлизны, но отъ поцѣлуевъ безчисленнаго множества грѣшныхъ пилигримовъ въ послѣдствіи почернѣлъ; европейскіе ученые считаютъ его аэролитомъ, или метеоритомъ. Кааба, по преданію, строилась много разъ; первымъ строителемъ ея былъ Адамъ. Во время потопа она была взята ангелами на небо, а послѣ потопа зданіе было возобновлено Авраамомъ совмѣстно съ сыномъ Измаиломъ. Затѣмъ, спустя много лѣтъ, оно было осквернено язычниками черезъ идолослуженіе, пока не былъ посланъ Магометъ для восстановленія нарушенной истинной вѣры. Передъ кончиною міра, когда прекратится существованіе мечети, Бейтуллахъ вновь будетъ унесенъ на небо ангелами...

Полъ Бейтуллаха сложенъ изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, стѣны изъ того же матеріала; стѣны и потолокъ обиты тонкою дамасскою красною матеріей, на которой золотомъ вышиты разнообразныя цвѣты. Окояетъ нѣтъ; освѣщается Кааба лампами съ оливковымъ масломъ.

Въ сѣверо-восточномъ углу двора, возлѣ Каабы, находится каменный желтый лавионъ колодца святой воды Земъ-Земъ. Земъ-Земъ—источникъ, снаспій въ пустынѣ отъ смерти томимаго жаждой Измаила.

Вода въ немъ на вкусъ очень пріятна, химическій составъ ея неизвѣстенъ, но нѣтъ сомнѣнія, что она минеральная. Воду Земь-Земь паломники въ большомъ количествѣ везутъ на родину въ герметически закупоренныхъ жестяныхъ сосудахъ; она считается цѣлебной отъ многихъ недуговъ; хаджи пьютъ ее и умываются ею безпрестанно. Кромѣ того, они моютъ ею саваны, такъ какъ есть повѣрье, что обмакнутый въ Земь-Земь саванъ избавляетъ отъ адскаго огня.

По приѣздѣ въ Мекку каждый паломникъ обязанъ семь разъ обойти Бейтуллахъ и семь разъ пробѣжать легкою рысцою между холмами Сафа и Марфа (Сафа въ мусульманскихъ исторіяхъ упоминается какъ любимое мѣсто Магомета для проповѣди), находящимися по концамъ многолюдной главной улицы Эль-Маса. При исполненіи этихъ обрядовъ все время читаются установленныя молитвы; въ случаѣ же незнанія ихъ, паломникъ повторяетъ слова за руководителемъ.

Мекка занимаетъ площадь, приблизительно версты четыре въ квадратѣ, окруженную со всѣхъ сторонъ голыми громадными скалами. Дома отъ двухъ до пяти этажей; всѣ они выстроены изъ каменныхъ глыбъ. Всѣхъ домовъ насчитываютъ до трехъ тысячъ. Квартыры крайне дорогія. Дороговизна объясняется тѣмъ, что дома приносятъ доходъ исключительно во время паломничества, а въ остальное время года они совершенно пустыютъ. Для бѣдныхъ паломниковъ существуетъ нѣсколько домовъ, пожертвованныхъ въ пользу паломниковъ богатыми мусульманами.

Городъ носитъ мрачный видъ; улицы кривы, узки и грязны. Главная улица превращается во время сѣзда паломниковъ въ многолюдную ярмарку. Здѣсь сыны пустыни продаютъ выдѣланныя кожи и вообще все то, что въ теченіе года даетъ имъ хозяйство, а на вырученные деньги приобретаютъ домашнюю утварь и разнаго рода продукты цивилизаціи: украшенія, ткани и т. д. Паломники здѣсь покупаютъ финики, четки, индійскую посуду, ладагъ и проч. На этой ярмаркѣ можно найти почти всѣ европейскіе товары. Торгуютъ, кромѣ мѣстныхъ арабовъ, индусы, сирійцы, персіане и турки.

Подобно тому какъ существованіе Медины, расположенной въ сравнительно плодосной странѣ, основано на разведеніи финиковыхъ пальмъ, такъ существованіе Мекки, находящейся среди голыхъ скалистыхъ горъ, зависитъ исключительно отъ торговли, сдачи домовъ подъ квартиры и отъ щедрости паломниковъ за оказываемыя имъ услуги, безъ коихъ чужестранцу обойтись здѣсь невозможно.

Населеніе города живетъ въ общемъ нескучно. По праздникамъ устраиваются большія народныя гулянья съ каруселями и плясками въ особыхъ балаганахъ. На гуляньяхъ дѣйствуютъ кофейни, съѣстныхъ лавки, здѣсь же продаются мелочными торговцами всякія бездѣлушки,

игрушки для дѣтей, устраивается, словомъ, праздничный базаръ. На гуляньяхъ собираются преимущественно женщины и дѣти въ пестрыхъ блестящихъ костюмахъ. Въ особенности поражаютъ непривычный глазъ фантастическіе костюмы дѣтей изъ парчи и кисеи. Они обвѣшаны съ головы до ногъ всевозможными ожерельями и серебряными монетами. Женщины хотя и ходятъ съ закрытыми лицами, но гуляютъ совершенно свободно, громко переликаются въ толпѣ, разговариваютъ, смѣются; исключительно ими только и заняты карусели. Онѣ усаживаются обыкновенно попарно, поютъ пѣсни, играютъ въ бубны. Мужчины чинно стоятъ въ сторонѣ и слушаютъ ихъ пѣсни и игру на бубнахъ.

На гулянья собирается публика со всего города. Здѣсь и офицеры, и чиновники, и солдаты; приходятъ также и паломники, торговцы, кадѣ, имама, — словомъ, представители всѣхъ классовъ городского общества и представители всѣхъ мусульманскихъ народностей земного шара. По вечерамъ обыкновенно пускаютъ ракеты, жгутъ разноцвѣтные бенгальскіе огни; повсюду гремятъ бубны и раздаются пѣсни женщинъ. Шумно, пестро, оживленно и крайне оригинально.

Красное море.

(А. Елисева).

Плаваніе по Красному морю—одно изъ самыхъ утомительныхъ плаваній въ мірѣ. Прекрасная лазурь его, принимающая, въ зависимости отъ различныхъ степеней освѣщенія, самые разнообразныя оттѣнки сянго и голубого цвѣтовъ, масса островковъ, коралловыхъ рифовъ и камней, разбросанныхъ на всемъ протяженіи моря, особенно вдоль его береговъ, богатство морской жизни, проявляющейся на поверхности моря, удивительные переливы цвѣтовъ, которыми отливаютъ береговыя скалы часто фантастическихъ очертаній, великолѣпное свѣченіе воды по ночамъ,—всѣ эти прелести не могутъ искупить тѣхъ страданій, которыми сопровождается утомительное плаваніе по этому длинному морю. Даже хорошіе океанскіе пароходы употребляютъ около пяти сутокъ для того, чтобы перейти отъ Суэца до Адена; пароходы же берегового плаванія проводятъ цѣлыя недѣли въ его водахъ. Путешественникъ, попавшій на одинъ изъ такихъ небольшихъ пароходовъ, подвергается всѣмъ лишениямъ, которыхъ не могутъ искупить никакія красоты этого единственнаго во многихъ отношеніяхъ моря. Господствующими вѣтрами въ Красномъ морѣ являются сѣверные и южные. Но, не говоря уже о каждомъ горячемъ вѣтрѣ, даже сѣверный вѣтеръ, проходящій черезъ пустыни Синайскаго полуострова, не можетъ освѣжить душашей атмосферы, вѣчно висящей надъ Краснымъ моремъ. Оба же боковыхъ вѣтра—восточный и западный—являются настоящими

вѣтрами пустыни, которыхъ мореплаватели боятся не менѣе, чѣмъ караваны, идущіе по берегамъ. Страшный самумъ, далеко залетая за предѣлы пустыни, несетъ въ море свое жгучее дыханіе, страшный зной и огромныя облака пыли, совершенно застилающія весь горизонтъ моря и взвѣшиваемыя въ тяжелой и насыщенной водяными парами атмосферѣ. Красновато-желтая мгла виситъ тогда надъ моремъ; солнца или совсѣмъ не видно, или оно представляется въ видѣ багово-краснаго шара, и всѣ предметы на морѣ приобретаютъ кровавый колоритъ. Самая вода тогда кажется темною, какъ бы съ примѣсью крови. Путешественникъ съ ужасомъ смотритъ на эту густую непроницаемую мглу, которая завлаживаетъ днемъ и ночью весь горизонтъ. Удушливая всегда атмосфера Краснаго моря становится тогда совершенно негодною для дыханія, и непривычный человѣкъ задыхается въ этомъ горячемъ воздухѣ, пронизанномъ мельчайшею пылью. Солнечныя удары, всегда частыя въ Красномъ морѣ, учащаются до такой степени, что поражаютъ даже туземцевъ.

Ни одно море въ мірѣ (исключая развѣ Мертваго) не представляетъ столько благопріятныхъ условій для испаренія, какъ Красное море, и потому неумудрено, что, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, изъ Краснаго моря ежегодно испаряется слой воды, равный нѣсколькимъ аршинамъ въ высоту. Если бы не существовало прилива воды изъ океана, то оно съ теченіемъ времени изсякло бы совершенно. Вся эта огромная масса испареній собирается въ атмосферѣ, лежащей надъ Краснымъ моремъ, и насыщаетъ ее до того, что намоченный платокъ, повѣшенный на бортъ парохода, не можетъ высохнуть. Въ теченіе ночи вся поверхность судовъ покрывается липкою соленою слизью, которая представляетъ не что иное, какъ осадокъ обильныхъ ночныхъ испареній. При такихъ условіяхъ, особенно при 30—40° жарахъ (нерѣдко даже въ полночь здѣсь бываетъ до 30°), понятно, что непривычный человѣкъ задыхается даже въ обыкновенное время, т.-е. при отсутствіи страшныхъ вѣтровъ пустыни. Цѣлыми сутками онъ чувствуетъ себя въ обильной, страшно истомляющей испаринѣ, чувствуетъ, что все бѣлье и одежда пропитаны клейкимъ потомъ или солеными испареніями моря, что въ груди не хватаетъ воздуха и что вся внутренность его пересыхаетъ отъ жажды.

Для моряка, кромѣ зноя и страшной духоты, въ плаваніи по Красному морю присоединяются и другія невзгоды, малоощутимыя пассажирами: страшные туманы, препятствующіе особенно ночнымъ наблюденіямъ, масса островковъ, рифовъ и камней, часто не обозначенныхъ даже на картѣ, и постоянная возможность столкнуться съ другими судами на «Большомъ проспектѣ», какъ справедливо называютъ моряки Красное море, пересѣаемое тысячами пароходовъ.

Наше плаваніе до Суакима, а потомъ далѣе, до Массовы, Адена и Джидды, продолжавшееся около двухъ недѣль, дало намъ полную возможность извѣдать всю прелесть Краснаго моря. Не доѣзжая дня пути до Суакима, мы встрѣтили въ морѣ массу погибшей красноватой саранчи. Громадныя тучи ея не могли перелетѣть съ аравійскаго берега въ Африку и погибли въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ египетскаго побережья. Повсюду въ морѣ виднѣлись цѣлыя островки, образованные изъ плавающихъ труповъ саранчи, которую пожирали и рыбы, и птицы, но которой оставалось все-таки довольно, для того чтобы заражать воздухъ своимъ зловоніемъ. Масса этой саранчи была прибита къ коралловымъ рифамъ, застряла въ плавающихъ водоросляхъ, масса была выброшена на берега материка и безчисленныхъ островковъ моря. Жгучіе лучи солнца быстро сушили эту гниющую массу, но все-таки зловоніе ея было довольно ощутительно, особенно ближе къ берегу, и увеличивало еще болѣе тяготу нашего плаванія.

Чѣмъ южнѣе подвигались мы, тѣмъ ощутительнѣе дѣлались жаръ и духота. Слабое дуновеніе муссона, заходящаго и въ Красное море, мало освѣжаетъ горячій воздухъ; лѣниво расклинлось темно-голубое небо, и раскаленный воздухъ трепещетъ надъ водяною пустыней. Порою проходишь скалистыми островами, и еще тяжелѣе становится при видѣ этихъ раскаленныхъ каменныхъ громадъ, на которыхъ играютъ лишь свѣтлѣніи, но нѣтъ и признака растительной и животной жизни. Только стаи морскихъ птицъ рѣшаются останавливаться на этихъ уголкахъ ада, но и онѣ, немного отдохнувъ, спѣшатъ улетѣть подалѣе.

Зато въ безднахъ безконечнаго моря кипитъ могучая жизнь морской глубины, о колоссальномъ развитіи которой мы отчасти догадываемся по тѣмъ сравнительно немногимъ проявленіямъ ея, которыя выступаютъ на поверхность. Нѣсколько поздне, плывя на небольшомъ арабскомъ суденышкѣ вдоль аравійскаго берега, мы могли наблюдать все разнообразіе и роскошь жизни морской глубины. Я помню живо то впечатлѣніе, которое охватило меня еще въ первый день плаванія, когда, наблюдая за медленнымъ движеніемъ нашей лодки, я увидалъ впервые въ глубинахъ прозрачной, какъ хрусталь, воды часть морского дна и уголокъ коралловаго рифа... Какое-то невѣданное и неиспытанное доселѣ чувство восхищенія сразу охватило меня при этомъ чудномъ зрѣлищѣ, которое надо видѣть и которое ни словами, ни красками нельзя описать. Жизнь бездны, животный и растительный міръ подводной глубины былъ во всемъ своемъ великолѣпіи, разнообразіи и неописуемой красотѣ передъ моими глазами, отдѣленный отъ нихъ лишь прозрачнымъ, какъ стекло, небольшимъ слоемъ воды. Вода Краснаго моря отличается особенною прозрачностью, быть можетъ, зависящей и отъ значительнаго содержанія въ ней солей; даже на значительныхъ глуби-

нахъ можно видѣть абрисы и коралловыя образованія морского дна; на глубинѣ же нѣсколькихъ сажень, особенно на отмеляхъ и на неглубоко сидящихъ коралловыхъ рифахъ, прозрачность воды до того велика, что позволяетъ разсматривать всѣ неровности дна, какъ будто бы онѣ были не подъ водою, а подъ тонкимъ стекломъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я впервые увидалъ съ такою ясностью морское дно, это послѣднее представляло сплошную поверхность мелкихъ коралловыхъ сооружений, которыя своими вѣточками, отростками и стволами переплетались съ массою разноцвѣтныхъ водорослей, трепетавшихъ отъ незамѣтнаго движенія воды. На этомъ бѣломъ сталактитовомъ коралловомъ образованіи разстилались разноцвѣтные и разнообразныя группы великолѣпныхъ зоофитовъ. Морскіе цвѣты, представляемые животнорастеніями, носятъ по справедливости свое названіе. По формѣ, разнообразію и яркости окраски они могутъ вполне соперничать съ земными цвѣтами, а легкое движеніе ихъ живыхъ лепестковъ придаетъ имъ еще болѣе прелести. Освѣщенные яркими лучами солнца, пронизывающими толщу прозрачной воды, эти морскія лиліи, анемоны, астры блестятъ всѣми цвѣтами радуги, отвѣчиваютъ металлическими красками, переливаются драгоцѣнными камнями... Среди этого волшебнаго міра водорослей и животнорастеній кипитъ не менѣе пестрая и разнообразная, богатая морская жизнь... Огромныя разноцвѣтныя медузы, представляющія какъ будто стеклянныя, но движущіяся существа, носятя, какъ прозрачныя тѣни, сквозь которыя просвѣчиваютъ кораллы и зоофиты. Великолѣпныя трубчатники, голубыя nereidy, всевозможныя рыбы, блестящія золотою и серебряною чешуей, и сотни другихъ существъ самой причудливой формы двигаются и толкуются среди этихъ коралловыхъ лѣсовъ и чащи водорослей, тогда какъ морскіе раки и иглокожія ползаютъ по дну, усыпанному тысячами разнообразныхъ раковинъ.

Какъ ни роскошенъ мѣстами тропическій міръ на землѣ, особенно въ глубинѣ дѣйственныхъ экваторіальныхъ лѣсовъ, но міръ морской глубины, котораго лишь крошечные уголки удается увидѣть человѣку, превосходить его великолѣпіемъ и причудливостью своихъ красокъ и формъ. Глядя на эти подводные лѣса съ ихъ удивительною фауною; забываешь, что находишься на землѣ, а кажется, что созерцаешь могучее развитіе жизни гдѣ-нибудь внѣ земной сферы, на одной изъ планетъ солнечной орбиты. Можно цѣлыми днями любоваться на чудеса подводнаго міра и все-таки не налюбоваться ими, открывая въ каждое данное мгновеніе новыя его красоты.

Въ долгіе часы ночи, когда сонная поверхность моря превратится въ массу почти недвижнаго растопленнаго металла, подводные лѣса водорослей, коралловъ и зоофитовъ, не освѣщаемые лучами солнца, озаряются свѣтомъ бездны, фосфорическѣмъ сіяніемъ миллиардовъ кро-

печныхъ существъ. Никакіе рои свѣтляковъ, даже въ лѣсахъ экваторіальной Америки и Цейлона, не могутъ дать понятія о томъ свѣщеніи, которое издаютъ обитатели подводнаго міра. Здѣсь все свѣтится: и подводные лѣса, и морскіе цвѣты, и гирлянды перелетныхъ водорослей, и всѣ живыя существа этого волшебнаго міра. Свѣтящаяся фосфорическимъ блескомъ тѣльца этихъ животныхъ, начиная отъ микроскопической величины и кончая цѣлыми дисками съ футъ и болѣе въ діаметръ, оставляющія при своемъ движеніи цѣлыя струи фосфорическаго сіянія, наполняютъ своимъ свѣтомъ темныя бездны и озаряютъ морскія глубины... Озаренная этимъ сіяніемъ, сама вода кажется живою, особенно когда свѣтящаяся брызги и струи ея блестятъ на выступающихъ надъ поверхностью камняхъ, на носу и бортахъ тихо разрѣзывающаго ихъ корабля. Я простаивалъ цѣлые часы въ нѣмомъ восхищеніи передъ этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ, и мнѣ казалось въ эти мгновенія, что весь блескъ небеснаго свода отразился и разлился въ морской глубинѣ...

Къ горѣ заповѣдей.

(Насонова).

Солнце склонялось къ горизонту, и жаръ началъ уже спадать, когда мы сѣли на верблюдовъ и направились по ровной песчаной пустынѣ Эль-Ка'а, пересѣкая ее по направленію на востокъ, къ видѣвшимся издали грядамъ горъ. Было тихо; свѣжій вѣтерокъ едва-едва тянулъ съ моря, и нашъ караванъ слѣдовалъ спокойно по тропинкѣ, вытянувшись гуськомъ по равнинѣ. Мѣрно покачиваясь на спинѣ однопорбаго корабля пустыни, наслаждался я спокойнымъ и глубокимъ сѣрымъ тономъ, лежащимся на землю при закатѣ, и мирной тишиной, не нарушаемой ничѣмъ...

Не доходя до горъ, расположились мы на ночевку. Прислуга разбила палатки и разложила вокругъ нихъ костры. Началось развьючиваніе верблюдовъ, распаковка тюковъ съ провизіей, приготовленіе ужина. Затѣмъ мало-по-малу шумъ и крикъ, сопровождавшіе всѣ эти хлопоты, начали стихать, погонщики уложили верблюдовъ, задали имъ кормъ и улеглись рядомъ сами. Черезъ небольшой промежутокъ времени все наше становище погрузилось въ сонъ, и было слышно только мѣрное пережевываніе корма верблюдами. Ночью я вышелъ изъ палатки. Было холодно. Луна ярко освѣщала величественную и какъ бы призрачную картину. Пустыня казалась прозрачною и съ одной стороны сливалась съ небосклономъ, а съ другой—переходила въ легкіе силуэты горъ, едва очерченные сверху волнистою линіей. Ни звука, ни признака движенія въ воздухѣ!..

На другой день на разсвѣтѣ нашъ миниатюрный лагерь сиялся, и

мы направились въ горы. Черезъ нѣсколько часовъ мы вошли въ грандиозное ущелье съ колоссальными отвѣсными скалами по сторонамъ. Мѣстами ущелье суживалось до того, что едва можно было разойтись двумъ верблюдамъ и небо видно было въ видѣ узкой полосы; мѣстами горы расходились, и ущелье расширялось въ небольшую долину. Дно его представляется высохшимъ русломъ гигантскаго потока. Верблюды идутъ большую частью по песку, но иногда дорога такъ завалена камнями, что приходится слѣзать съ верблюдовъ и силой заставлять ихъ проходить опасныя мѣста. Тогда съ большою осторожностью идутъ они по каменнымъ глыбамъ, медленно переступая съ камня на камень. Если удивляются выносливости, неприхотливости и силѣ верблюда въ песчаной ровной пустынѣ, то здѣсь, въ горахъ, положительно можно проникнуться уваженіемъ къ нему. Для него положительно нѣтъ препятствій. Мѣрно выступаетъ онъ своимъ важнымъ шагомъ, не горячися, одинаково спокойно какъ по ровной долинѣ и обломкамъ скалъ, такъ и на крутыхъ подъемахъ и почти отвѣсныхъ спускахъ; не оскутится онъ на узкой тропинкѣ между отвѣсною скалою и обрывомъ; можно сидѣть на немъ совершенно увѣренно; онъ не бросится въ сторону отъ испуга, какъ это всегда можетъ быть съ лошадей, и не испугаетъ васъ никакимъ рѣзкимъ и неожиданнымъ движеніемъ.

Въ высшей степени дикую и однообразную картину представляеть окружающая природа. Громады гранита, лишенные всякой растительности, окрашенные въ темныя цвѣта и иногда блестящіе своими какъ бы отполированными поверхностями, песокъ и камни, среди которыхъ торчатъ мѣстами лучи высохшей травы,—вотъ все, что видно кругомъ по пути въ теченіе нѣсколькихъ дней. Только изрѣдка, гдѣ есть хотя слѣдъ воды, появляются маленькіе островки ярко-зеленой травы и высокаго тростника; еще рѣже къ нимъ присоединяются группы тощихъ тамарисковъ или манныхъ деревьевъ.

Въ срединѣ слѣдующаго дня мы дѣлаемъ перевалъ черезъ небольшой хребетъ, и путь идетъ по долинѣ, совершенно засыпанной камнями различныхъ цвѣтовъ и величины, представляющими издали пеструю мозаику. Далѣе еще два перевала, при чемъ подъемы и спуски такъ круты, что приходится слѣзать съ верблюдовъ и карабкаться по тропинкѣ на отвѣсномъ краю пропасти. Меня поразила здѣсь безжизненность горъ. Я не видалъ ни разу даже ящерицъ. Насткомыхъ удалось добыть три-четыре вида; птицы попадаются крайне рѣдко. Безмолвіе въ горахъ мѣстами полное. Зимнее время, несмотря на очень теплую погоду, давало о себѣ знать. Начиная съ весны, здѣсь природа нѣсколько оживляется, особенно если идутъ дожди, но вотъ уже годъ, какъ ихъ не было совсѣмъ.

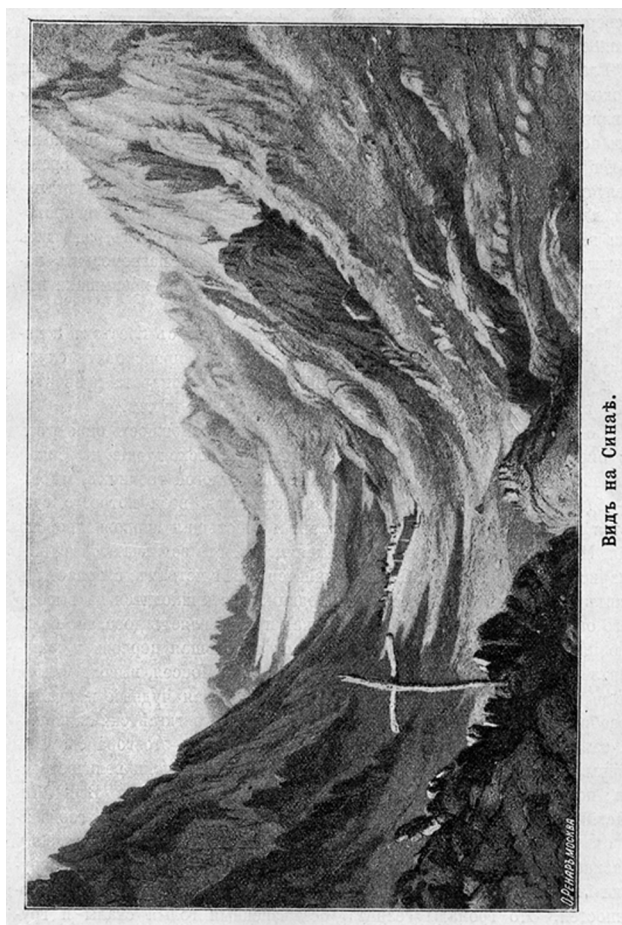
Путь становится очень утомительнымъ. Дикость и однообразіе окру-

жающей природы дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на человѣка. Жара и продолжительное качаніе на верблюдѣ сильно ослабляютъ организмъ. Наконецъ спустились мы въ обширную долину, покрытую мѣстами высохшими кустами травы и огражденную невысокими горами. За противоположнымъ концомъ ея каменной оградой возвышается Синай, Джебель-Муза бедуиновъ. Съ этой стороны священная гора представляется стоящей одиноко, съ болѣе крутымъ спускомъ на западѣ и отлогимъ на востокъ. На вершинѣ виднѣется бѣлая точка—это церковь, построенная монахами. Долина, ведущая къ подножію Синая, носитъ названіе Вади-эе-Себайе. Здѣсь въ извѣстное время собираются пришедшіе на поклоненіе святымъ мѣстамъ евреи, располагающіеся въ долинѣ громаднымъ станомъ.

Солнце уже спряталось за горами, и хотя было недалеко до цѣли нашего путешествія, но караванъ рѣшилъ расположиться на стдыхъ и ночевку; только часть путниковъ безъ багажа направилась ближайшею горною тропинкой къ монастырю св. Екатерины и поздною ночью вошла въ его гостепріимныя ворота.

Если подъѣзжать къ монастырю съ юга, со стороны Хорива, ущельемъ между нимъ и Синаемъ, видна узкая лощина среди громадныхъ скалъ, вся усыпанная обломками камней. На днѣ ея видны высокія каменные стѣны монастыря, слабо выдѣляющіяся на общемъ фонѣ скалъ и какъ бы придавленные ими.

Монастырская ограда, въ видѣ неправильнаго четырехугольника, имѣетъ видъ крѣпостныхъ стѣнъ съ бойницами, изъ которыхъ мѣстами глядятъ еще жерла небольшихъ старинныхъ пушекъ. Большая часть монастырскихъ стѣнъ сохранилась со времени Юстиніана. Передняя сторона, обращенная къ дорогѣ по долинѣ, имѣетъ въ верхней части, подъ бойницами, большія отверстія съ деревянными навѣсами снаружи. Черезъ эти отверстія спускаютъ на блокахъ канаты. На нихъ въ давнее время поднимались въ особыхъ корзинахъ всѣ желающіе попасть внутрь монастыря. Только такимъ путемъ, въ видахъ безопасности, поддерживалось сообщеніе съ вѣншимъ міромъ. Теперь времена иныя, и на блокахъ поднимаютъ только грузы. Ворота въ стѣнахъ очень малы, служатъ только для пѣшеходовъ и имѣютъ видъ узкаго, извилистаго прохода, запирающагося двумя или тремя желѣзными затворами. Двѣмъ они отворены постоянно, но запираются рано, и съ шести часовъ вечера въ монастырь черезъ нихъ можно проникнуть только съ особаго разрѣшенія. Съ той стороны, съ которой мы подъѣзжали, монастырь представляется очень мрачнымъ. Нѣсколько смѣняется видъ его съ сѣверной стороны. Тамъ наверху стѣнъ видны окна келій; снизу примыкаетъ къ стѣнамъ дворъ и садъ съ низкой оградой, черезъ которую виднѣются стройные кипарисы, сѣрыя маслины, зеленѣ

Видъ на Синаѣ.

Орфейвъ Москавъ

апельсиновъ и купы миндажныхъ деревьевъ, османныхъ, какъ сит-гомъ, бѣлыми цвѣтами и еще лишенныхъ листы. Въ саду помѣщается сверкающая сквозь вѣтви деревьевъ своей яркой бѣлизной церковь съ плоской крышей и обширной террасой.

Главные стѣны монастыря такъ высоки, что снаружи не видно ни колоколенъ, ни другихъ большихъ построекъ. Войдя въ ворота, направляешься по узкимъ неправильнымъ закоулочкамъ, среди некрасивыхъ построекъ большею частью обычнаго типа восточныхъ надворныхъ строеній съ террасами во всю длину зданія. Трудно на первое время ориентироваться среди трапезныхъ, церкви, мечети, библиотеки и рядовъ келій, соединенныхъ узкими переходами вверхъ и низкими проходами внизъ. Невозможность стронуться за предѣлами стѣнъ, вѣдъ ихъ защитить, заставляла дорожить каждою пядью земли, нагромождать постройки, гдѣ только возможно, лишь бы только онѣ не превышали высоты ихъ каменной ограды.

Надъ постройками высятся стройная колоколенъ съ крестомъ и минаретъ мечети съ луною. Теперь уже въ мечети не происходитъ службы, и мѣдзигъ, когда-то призывавшій съ высоты минарета правобѣрныхъ къ молитвѣ, служить теперь у монаховъ на кухнѣ.

Во время пребыванія въ монастырѣ я имѣлъ возможность осмотрѣть всѣ окрестности и взойти на вершину Синая. Восхождение на Синая совершается довольно легко по сравнительно отлогой тропинкѣ, мѣстами обдѣланной. По пути встрѣчается источникъ, вода котораго считается цѣлительной отъ болѣзни глазъ, и небольшая церковь пророка Иліи. Мѣстами тропинка завалена камнями; кое-гдѣ встрѣчаются группы кипарисовъ. Вышина горы Синая равняется 2.244 метрамъ, а монастырь лежитъ на высотѣ 1.523, такъ что подниматься приходится на высоту всего около 700 метровъ. Вершина Синая представляетъ довольно большую площадку, на которой помѣщаются: небольшая церковь и полуразвалившаяся мечеть. Эта гора, какъ и память Моисея, высоко чтятся мѣстными мусульманами. Видъ съ вершины Синая чудный и крайне своеобразный. Вы видите цѣлое море горъ съ его гигантскими волнами, изъ которыхъ своей вышиной выдѣляется одна—это гора св. Екатерины, имѣющая 2.600 м. вышины. Въ высшей степени величественная, подавляющая картина развертывается передъ вами. Весь Синайскій полуостровъ виденъ во всю его ширину. На краю горизонта съ востока и запада видѣются синія полосы обоехъ заливовъ Краснаго моря, омывающихъ Синайскій полуостровъ. Остальные окружающія возвышенности не представляютъ никакихъ интересныхъ особенностей. Это громады гранита, безжизненные голыя скалы и груды камней, окаймляющія узкую долину, въ которой лежитъ монастырь.

Бродя по окрестностямъ, я изрѣдка находилъ становища бедуиновъ. Большинство ихъ въ это время кочевало далеко отсюда, въ мѣстахъ, болѣе обильныхъ водою, а слѣдовательно и кормомъ для скота. Палатки ихъ состояли изъ куска черной матеріи, натянутой наскосъ на колья. Передъ входомъ иногда отгораживался матами изъ тростника небольшой дворикъ; босоногіе, еле прикрытые ребята возились кругомъ и играли въ свои незатѣйливыя игры изъ наломанныхъ прутиковъ. Разложенный костеръ обыкновенно служилъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточивалась вся домашняя жизнь. Неподдалеку бродили тощія верблюды, предоставленные самимъ себѣ и питавшіеся высохшими былинками жесткой травы.

Изъ Яффы въ Іерусалимъ.

(Е. Корженевскаго).

Яффа съ моря—зеленый садъ на каменистомъ отлогомъ холмѣ, обвѣгающій къ морю рядами извилистыхъ улицъ, бѣлыхъ домиковъ, куполообразныхъ крышъ съ изрѣдка поднимающейся надъ ними выскою минарета. Зонты пальмъ уже отгнѣняютъ мѣстами темную листву померанцевыхъ и апельсиновыхъ рощъ, обступившихъ Яффу съ юго-востока. По узкимъ улицамъ пробираются цѣлые караваны осликовъ-водозововъ, побрякывая мокрыми боченками; по отлогимъ уступамъ улицы легко и плавно поднимаются группы женщинъ, ѣдутъ верхами арабы, красиво драпируясь широкими складками бурнусовъ. Двойной жгутъ кефил¹⁾ темнымъ кольцомъ обвивается вокругъ головы, придерживая покрывало, замѣняющее шапку. Это «дѣти пустыни»—заіорданскіе бедуины. Сирійцы, рослые и стройные, съ бронзовымъ загаромъ на лицѣ, переговариваются на своемъ мягкомъ нарѣчій. Боснія дѣвушки фелланки, граціозно подбоченяя правой рукой, идутъ къ колодцу. Типичный еврей въ длинномъ полосатомъ халатѣ-подрясникѣ, напоминающемъ нашихъ деревенскихъ дячковъ, быстро проходитъ мимо, сгнѣша скрыться въ какую-то лачугу. Турецкій солдатъ въ фескѣ и безъ погоновъ, рваный и грязный, въ темно-синемъ камзолѣ, съ тесакомъ безъ ноженъ, равнодушно слѣдитъ за «порядкомъ». Добродушный стражъ Турція беретъ подъ козырекъ при нашемъ появлении—единственный знакъ вниманія, не требующій «бакшиша»²⁾ со стороны туриста.

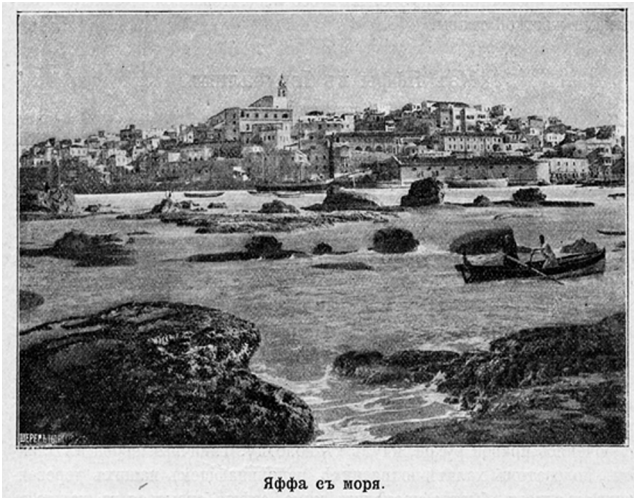
Дорога изъ Яффы въ Іерусалимъ сначала идетъ садами, среди шапалеръ мелкой, гляцевитой зелени, покрытой бѣлымъ известковымъ налетомъ пыли. Темнозеленые плоды померанцевъ проглянули сквозь тонкіе сучья, какъ ядрами пробивъ шапковидную крону. Густою непро-

¹⁾ Головной уборъ.

²⁾ На чай.

нищаемую массой столпились апельсиновые деревья. Вместо каменных заборов сады во многих мѣстах обсажены громадными кактусами. Кактусъ этотъ, называемый опунція, служить лучшею изгородью. Его листья, имѣющіе видъ большихъ тарелокъ темнозеленаго цвѣта, соединены между собою ребрами и усѣяны пучками длинныхъ жесткихъ иглъ.

По голымъ желтобурымъ скатамъ полей бродятъ стада овецъ; качаясь, звеня бубенцами, нескончаемую вереницей идутъ караваны верблюдовъ. Громоздкій фургоны, переполненный евреями, вяло плетется навстрѣчу. Арабы на осликахъ въ полосатыхъ плащахъ, бедуины

Яффа съ моря.

верхами, съ длинными кремневыми ружьями, торопливо даютъ дорогу. На дальней чертѣ небослона, въ вечернихъ лучахъ поднимаются кремнистыя горы Іудей. Весь колоритъ этой чудной картины невольно напоминаетъ библейскія страницы, незатѣйливый бытъ пастушескаго народа.

Кое-гдѣ видѣются темныя силуэты одинокихъ башенъ. Арабъ-возница поясняетъ намъ ихъ назначеніе. Это сторожевыя посты, откуда турецкіе солдаты наблюдаютъ за безопасностью проѣзжающихъ. Конныя патрули постоянно разъѣзжаютъ на всемъ протяженіи отъ Яффы до Іерусалима—нововведеніе послѣднихъ лѣтъ, едва прекратившее постоянныя разбои.

Мало-помалу дорога поднимается на значительную высоту. Пейзажъ становится суровъ и пустыненъ: сѣрые камни, желтый сухой верескъ, полное отсутствіе зелени и деревьевъ. Только кое-гдѣ прижился чахлый кустарникъ. Иногда попадаетъ арабская деревушка, вся утонувшая въ зеленой розеткѣ кактусовъ. У каменныхъ водоемовъ, едва выступающихъ на поверхность земли, толпятся группы женщинъ, пришедшихъ за водой. Нагія дѣтишки, одного роста съ огромными кувшинами, тихо щебечутъ, оглядывая съ любопытствомъ проѣзжающихъ, и вдругъ бросаются бѣжать за коляской, протягивая руки съ требованіями «бавыша».

При подъемѣ на Иерусалимское плато, господствующее надъ всею окрестностью, дорога дѣлается еще круче. Горы, сѣрые скалы по бокамъ шоссе становятся все обрывистѣе. Онѣ то сжимаютъ его тѣсными ущельями, то вдругъ, разступившись, даютъ неожиданно далекую перспективу: Средиземное море выступаетъ голубою полоской и на его берегу какъ будто пунктиромъ намѣченъ сѣрый квадратъ домиковъ Яффы. По тощей, полусохшей травѣ шуршатъ пестрые ящерицы. Козы и овцы бродятъ въ горныхъ впадинахъ и уступахъ; намъ навстрѣчу идутъ шумные караваны. Верблюды, качаясь, мѣрною поступью проходятъ по самому краю дороги надъ обрывомъ, уступая дорогу коляскѣ и фургонамъ. Чѣмъ ближе къ Иерусалиму, тѣмъ чаще попадаются разбросанныя поодиночкѣ оливковыя деревья. Коляска съ трудомъ одолеваетъ крутые подъемы. Шоссе, огражденное каменными перилами, свивается кольцами, то исчезая подъ нами, то вдругъ появляясь вновь надъ нашею головой. Крутой поворотъ—и вдругъ передъ нами мгновенно предсталъ на песчаныхъ холмахъ Святой городъ.

Средневѣковая стѣна съ четырехугольными башнями окружаютъ городъ, и среди плоскихъ безчисленныхъ крышъ поднимается осѣненная широкимъ куполомъ мечеть Омара. Но не къ ней стремятся взоры, не ея жаждетъ душа, а той міровой святыни, что скромно пріютилась на камняхъ Голгофы.

Мы въѣзжаемъ въ предмѣстье, минуемъ рядъ каменныхъ домовъ, полускрытыхъ въ зелени сада, и останавливаемся наконецъ передъ каменною башней съ воротами. Отсюда начинается Иерусалимъ съ его святынями.

Иерусалимъ.

(Коптева).

Иерусалимъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и имѣетъ фигуру неправильнаго четырехугольника, окруженнаго древнею стѣной съ семью воротами. Съ сѣверной и западной сторонъ къ нему примыкаютъ предмѣстья, площадь которыхъ уже почти равняется самому городу.

Въ послѣднія десять лѣтъ предметъ эти начали особенно расширяться, благодаря постройкѣ обширныхъ домовъ для богомольцевъ различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Съ восточной, южной и западной сторонъ городъ окруженъ глубокими оврагами, за которыми поднимаются крутые холмы, закрывающіе видъ на Іерусалимъ издалека. Городъ раздѣленъ пересѣкающими его двумя большими улицами на четыре части. Только самая незначительная часть его хорошо вымощена, а остальные улицы немощены и содержатся грязно. Въ городѣ четыре квартала: христіанскій, армянскій, магометанскій и еврейскій. Послѣдняя часть города—самая грязная. Хотя главная улица, по направленію отъ Яффскихъ воротъ до Св. Храма, какъ и всѣ вообще іерусалимскія улицы, весьма узка, но все же отличается нѣкоторою чистотой, и на этомъ протяженіи, хотя изрѣдка, можно встрѣтить нѣсколько зданій, имѣющихъ подобіе дома, и нѣсколько незатѣйливыхъ магазиновъ. Въ остальныхъ улицахъ дома большею частью выходятъ только глухими стѣнами безъ оконъ, такъ какъ, по восточному обычаю, окна и двери жилыхъ комнатъ выходятъ во дворъ, гдѣ и сосредоточивается семейная жизнь мусульманъ. При незначительной ширинѣ улицъ нѣкоторыя изъ нихъ прикрыты сверху парусиною или рогожами для защиты отъ солнечнаго зноя; въ этихъ улицахъ невообразимая духота, такъ какъ всякое движеніе воздуха прекращается. Между тѣмъ подъ этими навѣсами производится торговля разными съѣстными припасами. Тутъ же на открытомъ воздухѣ готовится пища, пекутъ хлѣбы и занимаются всякими работами.

Нельзя не упомянуть объ оригинальномъ способѣ печенія хлѣба: на камень накладываютъ «кизикъ» (кирпичи изъ навоза, смѣшаннаго съ рубленою соломой), а иногда и просто сухой навозъ. Потомъ его зажигаютъ, и онъ горитъ до тѣхъ поръ, пока камень не нагрѣется хорошо; навозъ немедленно сгребаютъ прочь и на раскаленный камень накладываютъ приготовленное тѣсто тонкимъ слоемъ въ видѣ лепешки; потомъ тѣсто это прикрывается глинянымъ невысокимъ горшкомъ или широкою чашкою, снаружи обмазанною навозомъ, который опять зажигается; черезъ извѣстный промежутокъ времени навозъ сгребаютъ, снимаютъ чашку, и хлѣбъ готовъ. Хлѣбъ этотъ, при его употребленіи, не рѣзутъ, а рвутъ кусками; онъ дурного качества и совсѣмъ не пропеченный.

Относительно пищи бѣдствуютъ всѣ сословія; часто не знаютъ, что готовить. Единственное мясо—это баранина, и ту трудно доставать; свѣжей рыбы совсѣмъ нѣтъ. Соленая и сушеная рыба хотя и продается, но по весьма высокимъ цѣнамъ.

Народонаселеніе Іерусалима считаютъ около 35.000. Къ этому надобно прибавить еще поклонниковъ, которыхъ ежегодно перебиваетъ въ

Святомъ Градѣ всѣхъ вѣроисповѣданій до 8.000, изъ числа которыхъ— до 4.000 русскихъ.

По климату Святой Градъ можно причислить къ числу здоровыхъ, благодаря его высокому положенію. Съ ноября начинаются дожди и продолжаются до апрѣля. Въ это время всѣ городскія цистерны наполняются водою на цѣлый годъ. Въ зимніе мѣсяцы иногда выпадаетъ снѣгъ, но на самое короткое время и долѣе двухъ дней не лежитъ. Начиная съ мая мѣсяца устанавливается жаркая лѣтняя погода, и тогда, въ особенности въ центрѣ стараго города, духота бываетъ ужасающая. Относительно палестинскихъ жаровъ нужно сказать, что они и тамъ переносятся легче, чѣмъ жаркая пора у насъ въ средней и южной полосѣ Россіи.

Въ Палестинѣ въ лѣтнее время все населеніе встаетъ до восхода солнца и дѣятельность продолжается часовъ до десяти, много один-

надцати. Потомъ всѣ удаляются въ комнаты съ закрытыми жалюзи и остаются въ нихъ часовъ до четырехъ. Съ этого времени опять начинается дѣятельность до сумерекъ и потомъ—наслажденіе южною теплою ночью. Въ это время года дуетъ болѣею частью сѣверный вѣтеръ, что значительно прохлаждаетъ воздухъ. Во время сильныхъ жаровъ термометръ рѣдко достигаетъ до 30 градусовъ.

Лучшій видъ на Іерусалимъ—съ Елеонской горы. Съ восточной

Евреи изъ Іерусалима.

стороны глаз видят нагроможденную массу іудейскихъ горъ, съ узкою лентой растительности по теченію рѣки Іордана, въ концѣ которой широкою площадью сверкаетъ Мертвое море. На западъ разсталается Іерусалимъ.

Но этотъ Іерусалимъ, разоренный, бѣдный—далеко не тотъ, который былъ во времена Спасителя! Нѣтъ тѣхъ роскошныхъ дворцовъ и богатыхъ храмовъ съ золотыми крышами, нѣтъ великолѣпныхъ мраморныхъ башенъ, придававшихъ видъ торжества, могущества и величія этому городу.

Давно прошли тѣ времена, когда іудейскіе и языческіе путешественники останавливали на Елеонской горѣ своихъ коней и всегда съ восторгомъ нѣмого изумленія глядѣли на это дивное диво. Іерусалимъ въ то время считался однимъ изъ чудесъ міра и представлялъ изъ себя неизмѣримо болѣе великолѣпное зрѣлище, чѣмъ разоренный и ветхій городъ настоящаго времени. Все прежнее, все, что составляло величіе и славу этого города, разрушено, и, несмотря на протеченіе уже 19 вѣковъ, городъ лишентъ даже тѣни былой славы своей.

Храмъ Гроба Господня.

(Е. Маркова).

Мы отправились пѣшкомъ. Русскія постройки очень близко отъ Яффскихъ воротъ; онѣ отдѣляются отъ нихъ только небольшою базарною площадью, всегда полною народа.

Ворота эти смотрятъ еще вполнѣ средневѣковыми: это цѣлое укрѣпленіе съ массивными стѣнами и сводами, съ тяжелыми желѣзными полотнищами на громадныхъ петляхъ. Турецкіе часовые постоянно сидятъ подъ ними у дверей своей караулки, сдѣланной въ толщѣ самыхъ воротъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Яффскими воротами и замокъ св. Давида со своими зубцами, бойницами и рвами, самая величественная изъ всѣхъ башенъ іерусалимской ограды, придающая совершенно воинственный видъ этому обращенному въ крѣпость «городу міра».

Улицы Іерусалима тѣсны и грязны. Часто онѣ сплошь покрываются сводами домовъ. Множество лавчонокъ съ обычнымъ восточнымъ товаромъ, кухонки, кофейни, цырюльни, бѣдныя мастерскія глядятъ по сторонамъ, совсѣмъ открытыя, изъ всѣхъ полутемныхъ норъ...

Словомъ, это одинъ безконечный базаръ, какъ улицы Каира, Яффы и каждаго восточнаго города.

Не думаю, чтобы Іерусалимъ среднихъ вѣковъ и даже Ветхаго Завѣта особенно разнился отъ теперешняго.

Та же неприступность и неприютность тяжелыхъ каменныхъ ящиковъ безъ оконъ и безъ дверей, называемыхъ здѣсь домами, скорѣе похо-

жихъ на башни и блокгаузы, тѣ же каменные и глиняные купольчики и плоскія крыши наверху, тѣ же воюющія, вьющіяся улицы, въ которыхъ десять человѣкъ могутъ остановить цѣлое войско. И, конечно, пестрая, разноплеменная, разноязычная толпа въ самыхъ невиданныхъ и живописныхъ одеждахъ, не прерывающаяся толкотня ословъ, лошадей, верблюдовъ, вездѣ оглушающій говоръ, крики и шумъ. Подумаешь, что это простой уголокъ каирскаго базара, и совсѣмъ забудешь о томъ, гдѣ ты въ дѣйствительности и куда теперь идешь... Арабская крикливая суета подавила здѣсь собою всѣ другіе обычаи и стерла всякій библейскій и евангельскій характеръ съ улицъ Давидова города.

И вотъ вы, разсѣянный, смущенный всею этою безпорядочною суетою людей и животныхъ, среди которой должны продираться, незаметно повернувши съ базарной улицы въ какую-то узенькую щель между глухими стѣнами и черезъ нѣсколько шаговъ вдругъ неожиданно очутились на небольшой площадкѣ, отовсюду обставленной высокими строениями, будто на днѣ глубокаго каменнаго ящика, передъ самымъ храмомъ Святого Гроба...

Ничто васъ не подготавливаетъ къ нему, и тѣснота, которою онъ отовсюду задавленъ, эти отвернувшіяся къ нему спиною неопрятныя, полуразвалившіяся зданія изъ голаго камня, эта оскорбительная безремонтность турецкихъ домовъ и мечетей, едва оставляющихъ ему мѣсто подъ голубымъ небомъ, производятъ на русскаго человѣка тяжелое впечатлѣніе.

Мраморный помостъ поднимается нѣсколькими ступенями къ подножію храма. Тутъ цѣлое торжище священными предметами Іерусалима: образками, крестиками, четками, картинками. Оно кажется тоже мало умѣстнымъ въ преддверіи того самаго храма, откуда Галилейскій Учитель вервиемъ изгналъ торгующихъ и опрокинулъ ихъ нечестивыя сѣдалища.

Направо отъ помоста высокій минаретъ халифа Омара. Онъ поставилъ его неуспыннымъ стражемъ надъ святынею христіанства, пощадивъ самую святыню. Уже грозный побѣдитель готовился войти со своими муллами въ двери христіанскаго храма, чтобы тамъ вознести благодарственную молитву Аллаху и обратить этимъ навсегда въ святилище ислама Вертепъ Гроба Христова, но его остановилъ на порогѣ храма патриархъ Софроній. Умный старецъ сумѣлъ убѣдить варвара, истребившаго Александрійскую бібліотеку, что ему будетъ гораздо больше славы, если онъ возстановитъ въ прежнемъ блескѣ знаменитый храмъ премудраго Соломона, оставивъ въ покоѣ смиренный культъ распятаго Христа.

Преемникъ Магомета велѣлъ тогда разложить свой молитвенный ков-

рикъ на наружномъ мраморномъ помостѣ храма, и Святой Гробъ былъ такимъ образомъ спасенъ... Одинъ только минаретъ остался навсегда памятникомъ этой первой молитвы арабскаго халифа въ завоеванномъ имъ святомъ городѣ христіанъ.

Минаретъ этотъ не даромъ караулитъ такъ близко Гробъ Христовъ. Онъ служитъ вѣрнымъ символомъ того рабства, въ которомъ болѣе тысячелѣтій держали и отчасти держатъ еще мусульмане эту величайшую святыню христіанства. Не говоря уже о далекихъ отъ насъ временахъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія каждый поклонникъ долженъ былъ уплатить турецкой стражѣ храма 24 лева ¹⁾ за право входа. Еще въ 1830 году, уже послѣ разгрома Турціи на Балканахъ нашимъ побѣдоноснымъ воинствомъ, мусульмѣ иерусалимскій сидѣлъ со своими солдатами и мытарями на помостѣ храма, передъ воротами его, и заставляя богомольцевъ пролѣзть подъ плетень, которымъ онъ перегородилъ доступъ къ храму, чтобы никто не могъ проскользнуть туда безъ установленной платы.

Храмъ тогда даже днемъ запирался на ключъ, и ключи хранились у сторожей—гурокъ, по наслѣдству передававшихъ другъ другу это историческое право свое. У одного семейства хранился самый ключъ, у другого вѣсокъ, у третьяго печать, у четвертаго веревка, у пятаго лѣстница. Необходимо было общее согласіе и участіе всѣхъ этихъ пяти наслѣдственныхъ обладателей Св. Гроба, чтобы отворить заповѣдную дверь, и, конечно, такое согласіе нужно было каждый разъ купить соответственной жертвой.

Впрочемъ, и теперь если не весь день, то съ семи часовъ вечера и до трехъ утра храмъ запирается на ключъ тѣми же наслѣдственными стражами, и проникнуть въ эти часы въ храмъ до сихъ поръ стоить порядочныхъ хлопотъ и расходовъ, какъ мы убѣдились потомъ собственнымъ опытомъ.

Храмъ Гроба Господня хотя и задвинутъ съ разныхъ сторонъ неуклюжими зданіями, не дающими возможности обойти его и составить цѣльное понятіе объ его архитектурномъ характерѣ, хотя онъ содержится снаружи въ самомъ жалкомъ видѣ, оборванный и въ каменныхъ заплатахъ, однако грандіозный фасадъ его производитъ большое впечатлѣніе.

Двѣ громадныя, изящно отдѣланныя арки, не столько готическаго, сколько мавританскаго стиля, изъ которыхъ одна, впрочемъ, заложена теперь неопытною каменною стѣной, служатъ входами въ храмъ. Массивныя бронзовыя ворота закрываютъ другую арку. Надъ этими арками во второмъ ярусѣ двѣ другія, освѣняющія собою два большія готическія

¹⁾ Манага.

окна, единственные съ этой стороны храма, и затѣмъ еще выше, на каменномъ уступѣ, круглый барабанъ съ частыми свѣтлыми окнами, поддерживающій знаменитый черный куполъ, нѣкогда связанный съ необыкновеннымъ искусствомъ изъ кедровыхъ стропилъ и покрытый свинцовыми листами. Снаружи храмъ смотритъ скорѣе мечетью, чѣмъ христіанскимъ храмомъ. Смиранный крестъ его едва замѣтенъ даже вблизи и его безъ труда смѣшаешь съ полумѣсяцемъ. Сейчасъ видно, что долгая и мучительная исторія заставляла его больше прятаться, чѣмъ торжествовать.

Множество всякихъ построекъ прилѣпилось и приросло со всѣхъ сторонъ въ теченіе долгихъ вѣковъ къ главному корпусу храма. Тутъ и греческій монастырь св. Авраама, и келья католическія, и келья коптскія и армянскія... Тутъ же около и зданіе патріархіи. Черезъ это храмъ обратился въ своего рода громаднѣйшій замокъ, полный таинственныхъ подземелій, переходовъ, лѣсенокъ, башенъ, въ которомъ даже привычныи чловѣкъ не сразу найдетъ дорогу...

Съ невольнымъ сердечнымъ волненіемъ переступили мы завѣтный порогъ. Сначала васъ охватываетъ какая-то неясная полутьма, и то, что вы видите, такъ не похоже на привычную вамъ обстановку нашихъ православныхъ храмовъ, что вы теряетесь и не узнаете, куда обратитъ вашу взоръ. Вы только съ негодованіемъ отворачиваете его отъ возмущающей васъ группы жирныхъ, богато разодѣтыхъ турокъ, увѣшанныхъ кивжалами, которые, поджавъ ноги, важно возсѣдаютъ въ особой ложѣ, налѣво отъ входа, куря кальяны и потягивая кофе. Это и есть пресловутые ключари и стражи Гроба Господня. Вамъ приходится въ голову, что Святой Гробъ и Голгоа даже черезъ двѣ тысячи лѣтъ не освободились еще отъ тѣхъ воиновъ Пилатовыхъ, что стерегли распятого и погребеннаго Христа и съ поношеніями надѣвали на него вѣнецъ терновый...

Таинственный золотой балдахинъ впереди и посрединѣ храма, сіяющій спущенными сверху большими многочисленными лампадами, надъ богато украшенною мраморною доской, выдѣляется изъ полутьмы. Вокругъ него колѣнопреклоненная толпа. Это «камень миропомазанія», на которомъ Іосифъ Аримаеѣйскій обвивалъ «въ плащаницы чистыя» снятое со креста тѣло Іисуса,—первая вступительная святыня храма, которую мы въ волненіи своемъ приняли было за Святой Гробъ. Но это наружная круговая галлерея, охватывающая собою внутреннюю ротонду храма. Прежде она отдѣлялась отъ ротонды стовозными рядами колоннъ, а теперь разобрана сплошными, далеко не изящными перегородками, совсѣмъ ее затемнившими и очень сузившими громаднѣйшій охватъ храма. Направо отъ камня миропомазанія, почти въ совершенной темнотѣ, чуть нарушаемой мерцающими лампадами, входы подъ Голгоау и

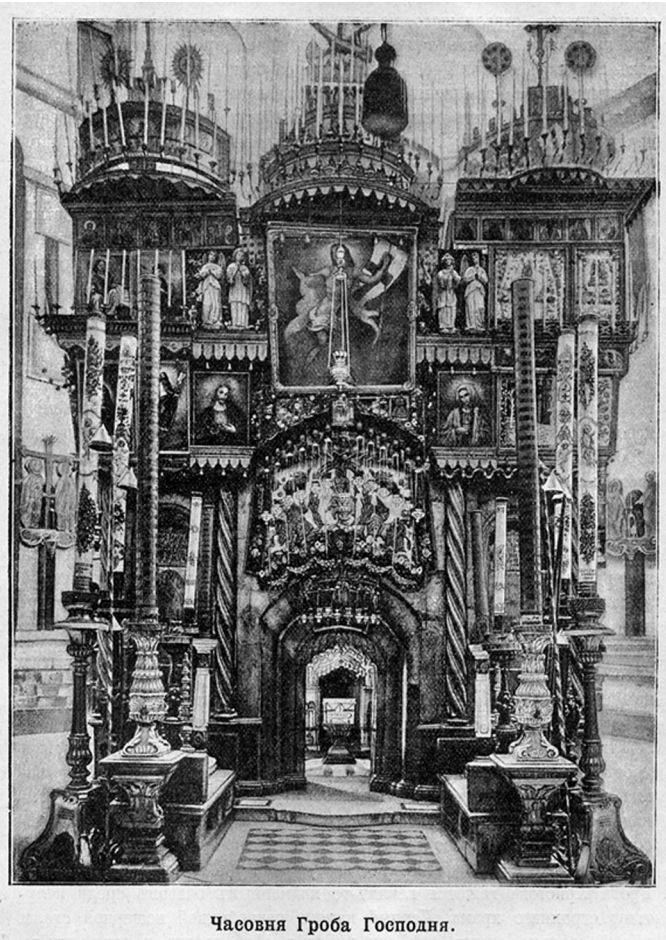
лѣсенка на вершину ея. Налѣво обходъ по галлерей, мимо армянскаго алтаря, гдѣ при снятіи со креста стояла Пресвятая Дѣва; изъ галлерей вступаютъ въ центральную ротонду храма какъ-то сбоку и словно тайкомъ... Это уже не та знаменитая ротонда царицы Елены, которую украшали Готфридъ и Балдуинъ. Страшный пожаръ 1808 года истребилъ древній артистическій куполь изъ кедровыхъ стропилъ и разбилъ въ куски порфиры, мраморы и яшмы двухъярусной колоннады храма, сообщавшей ему такую художественную прелесть и воздушность. Теперь самые прозаическіе и уже далеко не воздушные каменные пилястры поддерживаютъ верхнюю башню храма, а ротонда обнесена силошною стѣнкой, украшенной довольно аляповатою живописью, и только арки нижнихъ проходовъ да двойныя арки хоръ прорѣзываютъ эту неумѣстную ограду. Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ искаженномъ видѣ ротонда поражаетъ своею смѣлостью, своимъ художественнымъ вкусомъ. Громадное полушаріе цѣликомъ опрокинуто надъ вами, безъ всякихъ переметовъ и подпорокъ, какъ куполь неба. Оно разрисовано удивительно удачно—радостною небесною лазурью, съ облаками и ангелами. Живая небесная лазурь, живое Божье солнце глядятъ, кромѣ того, съ его вершиной въ круглое отверстіе купола и дышать отсюда на молящихся въ тѣсотѣ и духотѣ вольный воздухъ.

На самой срединѣ ротонды, прямо подъ отверстіемъ ея купола, стоитъ, какъ громадный престолъ этого великаго храма—его Святая Святыя—часовня Гроба Христова. Она имѣетъ видъ отдѣльнаго храма съ изящнымъ, какъ бы точенымъ куполомъ, и вся изъ рѣзныхъ мраморовъ желтовато-песочнаго тона.

Трудно разсмотрѣть всё ея скульптурныя украшенія, ея колонны, карнизы изъ-за гирляндъ висящихъ на ней лампадъ, горящихъ рядовъ свѣчей и множества установленныхъ на ней иконъ.

Мраморный полъ храма и его мраморныя скамьи передъ входомъ въ часовню покрыты молящимися. Цѣлыя толпы католическихъ паперовъ и монаховъ стоятъ на колѣняхъ, устремивъ воспламененные молитвою глаза въ таинственную мерцающую глубь гробового вертепа и, повидимому, забывъ весь міръ. Совѣстно пройти между ними и святою часовней; кажется, что сейчасъ же грубо порвешь эти незримо протянутыя къ одному общему центру духовныя нити, эти жаркіе лучи, льющіеся изъ умиленныхъ сердець ко Гробу Христову.

У входа въ часовню—цѣлый лѣсъ горящихъ свѣчей въ громадныхъ подсвѣчникахъ выше роста человѣческаго. Цѣлая сѣть большихъ и маленькихъ лампадъ, цѣлыми въ нѣсколько ярусовъ, обвѣшиваетъ ея передній фасадъ, украшенный древними иконами. Мы тихо вошли во внутрь... Тамъ тоже яркое сіяніе лампадъ и свѣчей. Посрединѣ въ богато украшенной урнѣ, прикрытой золоченою доской, обложеномъ камня,

Часовня Гроба Господня.

которым закрывался нѣкогда входъ въ могильную пещеру. Это «часовня ангела», отвалившаго, по разсказу евангельскому, камень Гроба. Камень этотъ служить теперь престоломъ во время литургій, точно такъ же какъ самый Гробъ Господень служитъ вполне подходящимъ жертвенникомъ. Два маленькія окна продѣланы изъ этой часовни въ ротонду. Черезъ нихъ патріархъ въ заутреню Свѣтлаго Воскресенія передаетъ архіереямъ пучки свѣчей, зажженныхъ отъ таинственнаго огня Святого Гроба.

Необходимо подождать своей очереди въ часовнѣ Ангела, прежде чѣмъ всгупить во святой Вертепъ. Здѣсь тоже молящіяся, простертые на полу, въ жаркихъ словахъ, съ глубокими вздохами; глаза ихъ въ торжественномъ samozабвеніи прикованы къ этой маленькой дверочкѣ, отдѣляющей отъ нихъ великую святыню. По очереди встаютъ они и тихо пригибаются подъ низенькій сводъ Вертепа, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, будто приближаясь къ престолу страшнаго суда Божія... И долго еще видите вы ихъ тамъ лежащими лицомъ къ землѣ въ яркомъ сіяніи лампады, у подножія Христова Гроба. И никто не узнаетъ, какія тайны выкладываютъ они передъ нимъ въ этой нѣмой исповѣди, какія горькія скорби и страданія принесли они сюда, чтобы сбросить ихъ, какъ непосильное бремя, къ гробу Великаго Страдальца за мѣръ.

За низенькою дверочкой вы дѣйствительно попадаете въ отверстую пещеру гроба. Тѣсныя нѣдра скалы кругомъ васъ... Два человѣка здѣсь съ трудомъ умѣщаются вмѣстѣ. Углубленіе, высѣченное въ скалѣ въ видѣ ниши, пріосѣняетъ такое же высѣченное въ скалѣ каменное ложе. Это и есть Гробъ Спасителя. По обычаю евреевъ, тѣло умершаго, обвитое пеленами или плащаницею, кляли безъ лщика прямо на каменномъ ложѣ пещеры и входъ въ нее заваливали камнемъ. Императрица Елена прикрыла доскою бѣлаго мрамора грубое Христово ложе изъ сырого камня. Теперь эта доска установлена рядами горящихъ подовѣчниковъ, усыяна цвѣтами. Множество древнихъ иконъ—однѣ въ богатыхъ окладахъ, сверкающихъ драгоценными камнями, другія совѣмъ простыя деревянныя доски, чуть не младенческой живописи—покрываютъ углубленіе ниши и стѣнки пещеры. Около 50-ти большихъ лампадъ, золотыхъ и серебряныхъ, опускаются цѣлымъ мерцающимъ лѣсомъ съ низенькаго свода, переливая своими разноцвѣтными огнями. Въ сіяніи этихъ безчисленныхъ огней, свѣчей и лампадъ тѣсная пещера Гроба Христова кажется какимъ-то пламеннымъ очагомъ среди полутьмы огромнаго храма. Черный камень первобытной пещерной скалы виденъ однако сквозь всѣ эти всякія сѣти золота и огня, изъ-за всѣхъ этихъ сверкающихъ иконъ. А въ самомъ верху пещеры сквозь круглое отверстіе часовни, которое приходится какъ разъ подъ отвер-

стиемъ большого купола храма, дышитъ въ тѣсную гробницу Христову далекое голубое небо.

Гробъ Господень не принадлежитъ никому, и поэтому онъ раздѣленъ между всѣми. Ежедневно на немъ служатся по крайней мѣрѣ три обѣдни: греческая первая, вторая армянская и послѣдняя латинская.

Но кругомъ этой центральной святыни—за колоннами ротонды—церкви, престолы, часовни всѣхъ христіанскихъ исповѣданій шара земного.

Копты примкнули даже свой престолъ къ задней стѣнѣ часовни Святого Гроба, въ самой ротондѣ. Престолъ сирийцевъ сейчасъ же противъ нихъ, за колоннами. Черезъ него вы можете пройти въ самую толщу храмовой стѣны, къ отверстямъ могиламъ Іосифа Аримаейскаго и Никодима. Іосифу, богатому жителю Іерусалима, принадлежалъ загородный садикъ у подножія Голговы, въ скалѣ которой онъ приготовилъ пещеру для гробницы своей. Ее онъ уступилъ потомъ распятому Христу, а самъ ископалъ себѣ другую, которую и показываютъ теперь подъ стѣною храма. Прямо передъ входомъ въ часовню святого Гроба, отдѣляясь грандіозною аркой отъ ротонды, главный храмъ Воскресенія. Онъ принадлежитъ грекамъ, какъ и большинство здѣшнихъ святынь. Храмъ очень обширенъ и богато убранъ. Иконостасъ въ 5 ярусовъ, писанъ по золоту, со множествомъ золотыхъ окладовъ, большею частью русскаго пожертванія. Крытая мѣста патріарха и его намѣстниковъ, кафедра архидіакона,—старинной и изящной рѣзьбы изъ драгоценнаго дерева. По обѣимъ сторонамъ деревянныя же ложи для монаховъ. Мраморная урна посрединѣ собора—знаменитый въ разсказахъ паломниковъ «путь земли». На этомъ мѣстѣ, по благодетельной легендѣ, Господь создалъ Адама. Голову Адама показываютъ въ пещерной часовнѣ подъ Голговою, которая считается вмѣстѣ съ тѣмъ гробницею Мельхиседека, перваго царя и первосвященника Солимскаго. Католикамъ принадлежитъ часть храма направо отъ входа въ часовню Святого Гроба. Тамъ у нихъ нѣсколько престоловъ и древняя ризница.

Каждое мельчайшее событіе великой драмы Страстей Христовыхъ освящено особымъ придѣломъ, который носятъ названіе этого Евангельскаго событія. Въ одномъ изъ нихъ Марія Магдалина узрѣла воскресшаго Христа; въ другомъ Христосъ былъ привязанъ къ столбу и терпѣлъ поруганіе отъ воиновъ. Въ третьемъ на Него возлагали узы. Трудно пересчитать всѣ эти придѣлы, обнимающіе кольцою серединную ротонду храма, ютящіеся то съ одной, то съ другой стороны Голговы.

Гора Голгова—теперь очень небольшое возвышеніе, включенное въ общіе предѣлы храма. На него ведутъ двѣ полутемныя лѣсенки. На-

верху Голгофы два придѣла,—одинъ ближайшій, гдѣ былъ утвержденъ крестъ, принадлежить грекамъ, другой, рядомъ съ нимъ, католическій. Мѣсто утвержденія креста обозначено серебромъ и мраморомъ и находится подъ доскою престола. Подлиннаго креста уже давно не существуетъ, а около стоитъ изображеніе его. Въ католическомъ придѣлѣ статуя *Mater Dolorosa*, съ сердцемъ, пронзеннымъ кинжаломъ, вся обвѣшанная золотомъ, жемчугомъ и брилліантами благочестивыхъ жертвователей, скорбнымъ взоромъ глядитъ на Распятаго Сына.

Къ главному зданію храма, за алтаремъ собора Воскресенія и скрытанными сзади его придѣлами раздѣленія ризъ Христовыхъ и тернового вѣнца, примыкаетъ, позднѣе пристроенное и слитое теперь въ одно, зданіе храма Воздвиженія животворящаго креста Господня. Въ него спускаются по мраморной лѣстницѣ въ 50 ступеней. Храмъ этотъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и оригинальныхъ въ числѣ святынь Гроба Господня. Его низкія, массивныя колоннады превосходнѣйшей и тончайшей мраморной рѣзбы. Въ храмѣ царствуетъ таинственный полумракъ, вполне подобающій подземному храму и его мрачному полуегипетскому стилю. Но это еще не самое мѣсто обрѣтенія Креста. Здѣсь только стояла и молилась благочестивая императрица Елена, созерцающая производившіяся раскопки, и потомъ здѣсь былъ воздвигнутъ извлеченный изъ глубины Крестъ. Въ храмѣ обрѣтенія Креста нужно спуститься еще ступеней на 15-ть внизъ. Тамъ уже царствуетъ полная ночь, освѣщаемая только рядами горящихъ лампадъ. Но и тамъ, въ нѣдрахъ земныхъ, тоже различныя придѣлы различныхъ исповѣданій: одинъ, главный, греческій, и другой—армянскій.

Вообще выносятся очень своеобразные впечатлѣнія отъ обзора этого храма. Это цѣлая лавра церковей и монастырей, прикрытая однимъ куполомъ. И ничего похожего на обычный типъ, на обычное расположеніе частей нашихъ храмовъ. Иконостасъ, алтарь, клиросы—только въ одномъ большомъ соборѣ Воскресенія. Во всѣхъ остальныхъ никакого слѣда алтарей и иконостасовъ. Мраморная доска престола утверждается, гдѣ пришлось, въ углу свода, на обломѣ историческаго столба. Народъ стоитъ вплотную къ этому маленькому престолу, и все таинство литургии происходитъ на его глазахъ, тутъ же около него, въ простотѣ и тѣснотѣ первобытнаго богослуженія какихъ-нибудь римскихъ катакомбъ.

Въ одномъ углу служатъ армянинъ или грузинъ, и тутъ же рядомъ нѣмецкій пасторъ, католическій ксендзь, абиссинецъ въ своемъ башлыгѣ, сирійцы, копты, одѣтые неподдѣльными азіатами и африканцами, бронзоваго цвѣта кожи и даже черные, какъ негры.

Всякій воспѣваетъ Бога на своемъ языкѣ, всякій выполняетъ свои собственные обряды.

Великій храм этотъ—дѣйствительно храмъ цѣлаго христіанства. Это истинный храмъ храмовъ, вищающій подъ своимъ куполомъ, подобнымъ небу,—какъ подъ настоящимъ небомъ,—все языки земли, не стѣсняющій вѣрующаго различіемъ обряда, наряда, нарѣчія. Храмъ поклоненія Христу, одинаково призывавшему къ себѣ эллиновъ и иудеевъ, рабовъ и свободныхъ, и не долженъ быть другимъ.

Но великій храмъ поразилъ меня и въ другомъ отношеніи. Въ немъ мраморъ, золото, порфиръ, художественная живопись, тончайшая рѣзба перемѣшаны безъ всякаго разбору съ дикимъ камнемъ, растреснувшимися плитами, грубою штукатуркой, задѣлками и заплатами разнаго рода. Полутемныя, широкія галлерей кругомъ ротонды, гдѣ обыкновенно проводятъ цѣлыя ночи напролетъ толпы запертыхъ на замокъ богомольцевъ,—это скорѣе какой-то неопрятный, восточный каравагъ-сарай, полный сырости и тяжкаго воздуха, чѣмъ притворъ христіанской святыни. Никто, кажется, не даетъ себѣ труда слѣдить здѣсь за чистотой, порядкомъ и благопристойностью. Пыльные и потныя толпы въ своихъ дорожныхъ лохмотьяхъ, со своими убогими запасами провизіи, прямо располагаются подъ высокими колоннами и стѣнами, исчезающими въ полумракѣ сводовъ, какъ подъ деревьями вольнаго лѣса Божія, здѣсь мирно отдыхаютъ, здѣсь вкушаютъ свою скудную трапезу и совершаютъ все свои несложныя путевыя надобности.

Въ этомъ отношеніи притворы храма служатъ бѣдному христіанину-богомольцу тѣмъ же самымъ даровымъ, всемъ открытымъ пріютомъ, какимъ обыкновенно бываетъ для мусульманскаго странника крытый дворъ его большихъ мечетей.

Нѣтъ сомнѣнія, что храмъ Гроба Господня унаслѣдовалъ этотъ характеръ всенароднаго убѣжища отъ далекихъ вѣковъ, отъ глубоко укоренившихся обычаевъ азіатскаго Востока, который даже палатку кочующаго разбойника сумѣлъ обратить въ священную сѣнь гостепріимства.

Въ свободѣ и простотѣ этого храма, доступнаго какъ вольный воздухъ, какъ вода ручьевъ, послѣдному бѣдняку, смиренный поклонникъ, притянувшійся сюда Богъ знаетъ изъ какой дали, чувствуетъ себя дѣйствительно дома и не боится, какъ въ иныхъ, слышномъ уже парадныхъ святыняхъ, оскорбить своими странническими лохмотьями ничѣмъ ненарушимый блескъ Божіихъ чертоговъ. Эта смурая толпа въ пыли и лохмотьяхъ, приливающая несчетными волнами изъ всехъ странъ міра ко гробу своего Спасителя, это и есть то безпріютное стадо Его, которое возбуждало въ немъ столько любви и жалости, тѣ трудящіяся и обремененныя, алчущіе и плачущіе, которые шли за Нимъ въ былые дни, полные сладкой надежды, въ лицѣ босоногихъ рыбарей и мытарей.

Раздача священного огня.

(А. Карташова).

Въ страстную субботу въ одиннадцать часовъ мы направились въ храмъ Гроба Господня, чтобы видѣть служеніе, заканчивающееся раздачею благодатнаго огня.

Та часть храма Гроба Господня, въ которой помѣщается Кувуклія, называется на Западѣ ротондой храма; она представляетъ правильную круглую форму и заканчивается высокимъ куполомъ съ многочисленными окнами. Въ стѣнахъ храма на высотѣ полутора человѣческаго роста идетъ рядъ ложъ, надъ ними второй; надъ вторымъ рядомъ, подъ самымъ уже куполомъ, круговой ходъ, огражденный красивой и надежной рѣшеткой.

Самая Кувуклія или часовня Гроба Господня стоитъ въ серединѣ храма; въ передней ея комнатѣ, направо, если стоять лицомъ ко второй, гдѣ находится самый Гробъ Господень, есть отверстіе въ стѣнѣ, въ которое свободно можно просунуть руку. Въ это-то отверстіе и подается патриархомъ изнутри Кувукліи пучъ свѣчей, зажженныхъ благодатнымъ огнемъ.

Передъ уходомъ въ храмъ кавась ¹⁾ принесъ каждому изъ насъ по пучку тонкихъ и длинныхъ свѣчей, перевязанному и перевитому лентой, и что-то въ родѣ шалочки, сдѣланной изъ бѣлой бумажной матеріи съ рисунками изъ священной исторіи на наружной сторонѣ и съ добрымъ комомъ ваты внутри.

Оказывается, на предстоявшее намъ богослуженіе всегда ходятъ съ пучкомъ изъ 33-хъ свѣчей, по числу лѣтъ земной жизни Иисуса Христа, а шалочка служитъ для того, чтобы моментально тушить свѣчи, прикрывая ихъ ватой и прижимая сверху.

Войдя въ храмъ и пройдя нѣсколько темныхъ коридоровъ, мы начали подниматься вверхъ. Изгибы подъема проходятъ надъ мѣстами, необходимыми при храмѣ, въ которомъ ночуютъ иногда сотни и тысячи богомольцевъ; что тутъ за сирадь, уму непостижимо,—просто до дурноты дойти можно; миновавъ зараженное мѣсто это, мы прошли коридорами, въ которые выходятъ жилия помѣщенія. Еще одинъ подъемъ,—и до насъ начинаетъ уже доходить глухой говоръ; вотъ открывается дверь, и насъ оглушаетъ шумъ тысячъ голосовъ. Мы входимъ въ широкое свѣтлое пространство, которое, какъ коридоры въ театрахъ, окружаетъ ложи; но отъ театральныхъ коридоровъ ложи отдѣлены стѣнами, здѣсь же стѣнъ нѣтъ, и чтобы попасть въ ложи, нужно подняться на нѣсколько ступенекъ.

¹⁾ Турецкіе полицейскіе при иностранныхъ консульствахъ.

Публики пока еще очень мало. Снизу несутся къ намъ крики, шумъ, гамъ и пѣніе безчисленныхъ голосовъ; но мы ничего не видимъ, такъ какъ ложи заслоняютъ намъ внутренность храма; мы внимательно вслушиваемся. Сначала шумъ оглушаетъ насъ, потомъ мы привыкаемъ къ нему, начинаемъ даже находить, что въ немъ есть, по видимому, опредѣленный ритмъ; еще немного—и мы поняли, что эти тысячи людей тамъ, внизу, не горланятъ безъ смысла и толку, а что-то поютъ однимъ гигантскимъ хоромъ, нижемъ, впрочемъ, не руководимымъ. Пѣніе сопровождается мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши и уже знакомымъ намъ гулюканьемъ женщинъ. Но вотъ на мгновеніе все какъ будто бы стихаетъ; затѣмъ опять начинается шумъ и говоръ голосовъ, на этотъ разъ уже безъ всякаго ритма; шумъ этотъ все растетъ и растетъ, пока не сливается въ одинъ протяжный стонъ. Тутъ снова проявляется ритмъ, снова слышимъ мы то могучій подъемъ вверхъ на самую высокую ноту, то паденіе внизъ до густѣйшихъ басовыхъ. Теперь мы понимаемъ, что въ пѣніи былъ перерывъ, что начали пѣть что-то другое, что пока не запѣли вновь всё одно и то же, многие шли кто въ лѣсъ, кто по дрова, и поэтому были минуты невѣроятной какофоніи; но теперь опять наладились и всё поюще идутъ вмѣстѣ.

Наконецъ, мы увидѣли эту гудѣвшую внизу толпу. Правду сказать, было что посмотреть. Весь храмъ внизу залитъ народомъ. Нашихъ русскихъ богомольцевъ почти незамѣтно. Преобладаютъ мѣстные и сирійскіе арабы. Страстная суббота, день благодатнаго огня, ихъ главный годовой праздникъ. Въ сошествіи благодатнаго огня они видятъ знаменіе истиннаго Воскресенія Христова. Массами сходятся и стѣзжаются они къ этому дню въ Иерусалимъ; наканунѣ съ вечера заполняютъ храмъ; все утро мольбами, пѣніемъ, криками, танцами и другими способами взываютъ ко Всевышнему, чтобы Огнь не отказалъ явить въ огнѣ образъ Сына Своего и Бога нашего. Когда благодатный огонь исходитъ къ нимъ, великая цѣль представляется имъ достигнутой; довольные и спокойные отечевываютъ они домой и лишь немногіе остаются въ Иерусалимѣ на Свѣтлую заутреню и обѣдню.

Толпы этихъ арабовъ и сирійцевъ наполняли храмъ. Всѣ они въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ своихъ; цвѣта преобладаютъ яркіе, главнымъ образомъ разные оттѣнки краснаго; головы одѣтъ обнажены, другія въ фескахъ; есть кафіз, а кто и въ чалмахъ. Женщины почти всѣ въ бѣлыхъ чадрахъ, и бѣлый цвѣтъ среди красныхъ костюмовъ мужчинъ еще болѣе выдвигаетъ живость и яркость послѣднихъ. Все залито сверлоу яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, любящимся изъ окоя купола. Все движется: гдѣ подпрыгиваетъ, гдѣ подтанцовываетъ, а гдѣ просто шумитъ, кричитъ или поетъ. Ни одиавъ, кажется, человѣкъ ни на минуту не остается на мѣстѣ.

Но вот что-то, повидимому, совсѣмъ несообразное. Нѣсколько дюжихъ молодцовъ—это босой, а кто и въ тяжелой обуви—взобрались на плечи толпы и начинаютъ разгуливать по головамъ, словно по пашкамъ нашей торцовой мостовой. Толпа не только не протестуетъ, но видимо одобряетъ ловкачей этихъ; мало того, можно даже замѣтить, что тѣ, по головамъ которыхъ разгуливаютъ они, какъ будто стараются опять попасть имъ подъ ноги, и потому держатся сомкнутою кучкой, движущейся по тому направлеию, куда идетъ молодецъ, взобравшійся на затылки и макушки ихъ и слегка подтанцовывающій тамъ. Вотъ одинъ изъ нихъ остановился; онъ вытянулъ руки вверхъ и начинаетъ сгибаться въ поясѣ; руки его уже доходятъ до головъ, онъ упирается въ нихъ, быстрымъ движеніемъ поднимаетъ ноги вверхъ, вытягивается вертикально и начинаетъ разгуливать по головамъ на рукахъ—головою внизъ, а ногами вверхъ; одобрительные веселые крики провожаютъ и встрѣчаютъ его; вотъ онъ быстро опускаетъ ноги на головы толпы и подымается на ногахъ, потомъ опять опускаетъ руки и становится на нихъ и т. д., быстро кувыркаясь на головахъ; еще веселѣе, еще громче привѣтствуютъ его сотни голосовъ.

Такихъ молодцовъ, бѣгавшихъ ногами и руками и кувыркавшихся по головамъ толпы, было постоянно четыре или пять; все ли это одни и тѣ же, или разные лица, замѣтить намъ не удалось.

Но вотъ направо отъ насъ слышимъ мы протяжный, долгій крикъ и видимъ, что цѣлое море головъ поворачивается туда, откуда идетъ этотъ крикъ... Въ ближайшей къ намъ части храма все затихаетъ. Снова слышится тотъ же крикъ; сотни голосовъ отвѣчаютъ ему такимъ же протяжнымъ го-го-го, и въ храмѣ все стихаетъ. Въ третій разъ раздается все тотъ же одиночный крикъ; въ то же мгновение въ одномъ мѣстѣ храма подымаются вверхъ десятки рукъ, и въ ту часть толпы, откуда поднялись руки, падаетъ человѣкъ съ высоты третьяго этажа; онъ опрокидываетъ нѣсколькихъ, другіе, ближайшіе къ упавшимъ, тѣшатся и нагибаются надъ ними; черезъ секунду раздается протяжное, но уже радостное го-го-го... Оказывается, есть охотники прыгать на головы толпы со второго яруса ложъ храма, что по высотѣ соответствуетъ третьему этажу нашихъ домовъ. Эти господа рискуютъ, конечно, переломать себѣ руки и ноги, пробить черепа или вывихнуть члены тѣхъ изъ толпы, на кого упадутъ они; иногда прыжки эти оканчиваются вполне благополучно, иногда же бываетъ нѣсколько изувѣченныхъ; но и прыгающіе, и попадающіе подъ нихъ довольны; повредить или сломать себѣ руку, ногу, включицу или ребро въ храмѣ въ день ошествія благодатнаго огня считается чѣмъ-то въ родѣ страданія за Христа,—дѣломъ, столько же удобнымъ Богу, какъ у мусульманъ пролитіе крови въ войнѣ противъ невѣрныхъ.

Уже часа полтора смотрѣли мы на волновавшуюся подъ нами толпу. Въ настроеніи ея мало-по-малу произошла перемѣна. Вѣганье и кувырканье на головахъ прекратилось, почти всѣ стояли, повернувшись къ Кувукли; шумъ, пѣніе, отдѣльные возгласы и крики приобрѣли болѣе молящій и тревожный въ то же время оттѣнокъ; чувствовалось, что толпа становилась нервнѣе, казалось, что безпокойство овладѣвало ею; пѣніе было, повидимому, то же, то же было нарастаніе и паденіе звуковъ и все же чувствовалось, что тревога овладѣвала толпой...

Поразительна заразительность чувствъ и мыслей толпы на отдѣльныхъ людей, даже внѣ ея стоящихъ. Мы сидѣли на много саженой выше толпы; мы, конечно, не могли испытывать то неопредѣленное шемящее чувство толпы, въ глубинѣ души которой зарождалось опасеніе—сойдетъ или не сойдетъ сегодня благодатный небесный огонь; мы знали, что огонь этотъ и нынче, какъ нѣсколько вѣковъ подъ рядъ, принесутъ въ Кувуклю и затѣмъ снабдятъ имъ всѣхъ, и все же внутренняя скрытая тревога толпы сообщалась и намъ,—наши нервы отзывались на нее и напряженное состояніе овладѣвало нами. Но вотъ толпа зашумѣла иначе, чѣмъ прежде. Показались пѣвчіе, монахи, хоругви, а за ними армянскій митрополитъ и патріархъ. Всѣ они обошли вокругъ Кувукли и затѣмъ остановились у входа въ нее. Патріархъ и армянскій митрополитъ разоблачились передъ Кувукліей и остались въ тонкой бѣлой одеждѣ, перехваченной поясомъ; имъ подали по толстому шуку свѣчей и какіе-то продолговатые металлическіе цилиндры, на нижнихъ концахъ которыхъ были широкія утолщенія, а на верхнихъ—большіе, сверкавшіе на солнцѣ шары. Прочли краткую ектенію, что-то прогѣли и патріархъ вмѣстѣ съ армянскимъ митрополитомъ вошелъ въ Кувуклю; двери ея затворились за ними.

Все замерло. Въ огромномъ храмѣ, вмѣщавшемъ нѣсколько тысячъ богомольцевъ и зрителей, была совершенная тишина. Недалеко отъ отверстія, откуда долженъ былъ показаться благодатный огонь, стоялъ могучій дьяконъ, головою возвышавшійся надъ толпой, но тѣсно сдвинутый ею; у самаго отверстія, схватившись за карнизъ, висѣлъ на одной рукѣ, протянувъ другую къ отверстию, какой-то человѣкъ, снизу поддерживаемый тѣснившимися народомъ. Вся многочисленная толпа стояла, вперивъ глаза въ отверстіе; она уже не колыхалась, не волновалась болѣе, она будто замерла на мѣстѣ.

Прошло нѣсколько секундъ томительнаго ожиданія. Благодатный огонь не показывался.

Вотъ чей-то могучій свѣжій голосъ затянулъ молитву; толпа подхватила ее, и вновь началось прежнее пѣніе и прежній шумъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ глуше и гуще становились звуки; но вотъ ихъ прерывають отдѣльные возгласы, а тамъ еще и еще... Общее стройное пѣ-

ніе распалось, и со всѣхъ сторонъ стали какъ будто подступать къ Кувукліи звуки отдѣльныхъ огромныхъ хоровъ... Это было въ родѣ толченъ волнъ, съ разныхъ сторонъ наносимыхъ бурей на далеко выдавшійся въ море пустынный утесъ. То грусть и жалоба, то боль и досада слышались въ перебивающихъ и заглушающихъ другъ друга звукахъ.

Прошло минутъ десять... Состояніе толпы и наше съ нею сдѣлалось напряженнымъ въ высшей степени...

Вдругъ въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, обливавшемъ стѣны Кувукліи, мелькнуло тусклое пламя; висѣвшій надъ отверстиемъ стѣны Кувукліи человекъ тѣмъ-то махнулъ въ воздухъ, а діаконъ, стоявшій тутъ же, очутился на рукахъ толпы, высоко держа надъ головою пучъ зажженныхъ свѣчей... Все это было дѣломъ одного мгновенія... Радостный, бѣшеный, дикій вопль раздался изъ той части толпы, которой было видно отверстие Кувукліи; вопль этотъ слился съ пѣніемъ тѣхъ, которые были по другой ея сторонѣ. Черезъ мгновеніе пѣніе прекратилось и все слилось въ одинъ сплошной гулъ и ревъ. Передъ діакономъ очистилась дорога; десятокъ дожижъ молодцовъ быстро несъ его въ храмъ Воскресенія, чтобы скорѣе зажечь благодатнымъ огнемъ лампы, подсвѣчники и люстры, а самъ онъ направо и налево подавалъ зажженные свѣчи. Черезъ нѣсколько мгновеній каждый богомолецъ стоялъ съ горѣвшимъ уже пучкомъ въ рукахъ.

Никакими словами нельзя описать тотъ шумъ, гулъ, ревъ и стонъ, который наполнялъ теперь храмъ. Не было ничего подобнаго какому-нибудь совокупному выраженію радости: одни стояли, недвижимо устремивъ глаза вверхъ или въ Кувуклію, другіе прыгали, третьи неистово махали надъ головами пучками зажженныхъ свѣчей. Каждый пѣлъ, горовилъ, кричалъ какъ хотѣлъ, какъ умѣлъ и какъ могъ.

Вскорѣ патріархъ вышелъ изъ Кувукліи и, предшествуемый пѣвчими и духовенствомъ, направился для служенія въ храмъ Воскресенія.

Между тѣмъ арабы весьма добросовѣстно исполняли обычай, требующій, чтобы пучки свѣчъ, принесенные въ этотъ день въ храмъ, обжигались и тушились по три раза. Поэтому едва прошло какихъ-нибудь 10 минутъ послѣ появленія благодатнаго огня, и храмъ сталъ наполняться дымомъ и копотью. Сначала дымъ двигался облаками и, благодаря яркому солнцу, можно было разсмотрѣть, что дѣлается внизу; но прошло еще минутъ пять, и мы не только перестали различать отдѣльные лица, мы даже не видѣли волнующуюся толпу, до насъ доходящая только гулъ ея. Очевидно, оставаться наверху было печего, и мы сошли внизъ.

Здѣсь въ темныхъ, широкихъ и высокихъ коридорахъ, окружающихъ храмъ, при свѣтѣ пучковъ свѣчей, горѣвшихъ въ рукахъ каждого богомольца, мы долго наблюдали арабовъ.

Они считаютъ, что благодатный огонь—огонь холодный, который горитъ, но не жжетъ и очищаетъ все северное и вѣховное; они поэтому водятъ зажженными пучками свѣчей вокругъ бороды и головы; черезъ тотъ же огонь продергиваютъ платки и другія мелкія вещи; зажженные пучки прикладываютъ къ платью и волосамъ сосѣдей мужчинъ и женщинъ; нерѣдко такимъ образомъ осмаливаютъ бороду, приводятъ въ негодное состояніе многія вещи, поджигаютъ платье. Но паники тутъ не бываетъ; загорѣвшееся быстро тушится, и вѣра въ холодность благодатнаго огня остается въ прежней силѣ. Въ 1834 году подожгли большую группу женщинъ; огонь перешелъ, конечно, и на сосѣдей мужчинъ; въ храмѣ осталось 400 обгорѣлыхъ труповъ; но это нисколько не повліяло на вѣру спасшихся; съ тѣхъ поръ однако турецкія войска вводятся въ этотъ день въ храмъ, и когда загорается одежда на людяхъ, доблестные сыны пророка быстро охватываютъ горящихъ и тушатъ «холодный» огонь.

Каждый изъ арабовъ, да и наши странники, считаютъ особеннымъ счастіемъ довести до дому благодатный огонь, и на возвращающихся въ Константинополь пароходахъ можно видѣть паломниковъ, которые въ особо для того устроенныхъ фонаряхъ везутъ его на родину.

Мертвое море.

(Б. Корженевского).

Еще ночь надъ землей... Шагомъ, верхами одинъ за другимъ пробираемся мы черезъ предмѣстье Иерихона... Но вотъ звякнули лодковы лошадей, захрустѣлъ песокъ и посыпались камни,—мы вступаемъ въ предѣлы великой пустыни. Темно-синія мгла начинаетъ какъ будто рѣдѣть. Или, быть можетъ, глаза наши пріучились теперь различать очертанія предметовъ. Неохватная даль, безконечная ширь песчаной Содомской равнины чувствуется во всемъ своемъ величии. Съ каждымъ шагомъ впередъ мы уходимъ все дальше и дальше въ эту мертвую страну, приближаемся къ грани вѣчно знойной Аравии. Странное чувство испытывается въ пустынѣ Бахр-Лута. Надо видѣть ее, чтобы понять красоту ея мощныхъ картинъ. Съ сѣвера къ югу, съ запада на востокъ золотистое море песковъ, камни, скалы, утесы. Ни дерева, ни травки, ни быстро бѣгущихъ ручьевъ, ни звѣря, ни птицы. Только тамъ, въ высотѣ, надъ головой яркія звѣзды пробіли, мерцающа, темный небесный шатеръ и, какъ будто разгораясь все ярче и ярче, глядятъ съ высоты на каменистую весь Іудеи. Когда разсѣется мгла и растаютъ въ розовомъ разсвѣтѣ послѣднія тѣни, а солнечный дискъ, ослабительно яркій, озаритъ пустыню, она выдѣлится изъ фіолетоваго тумана, но не забьется проснувшейся жизнью... Но пока еще ночь слабо бо-

рется съ разсвѣтомъ. Солнца нѣтъ еще и въ поминѣ, а пустыня уже дышитъ томительною истомой. Неуснѣвшіе остыть раскаленные камни, известковыя плиты, кремнистыя пласты раздавшейся почвы,—все это испускаетъ теплоту, не успѣвъ охладиться въ короткій промежутокъ ночи. Мгла рѣдѣетъ все быстрѣе и быстрѣе, и, озаренная трепетнымъ матовымъ свѣтомъ, ярче начинаетъ обрисовываться передъ нами окрестность. Мы спускаемся по пологому скату къ Мертвому морю. Тускло сквозить оно впереди, въ глубинѣ безотрадной пустыни, какъ будто свинцовый дискъ застылъ среди камней.

Впрочемъ, Мертвое море не всегда выглядитъ безотраднo пустыннымъ. Въ палестинскомъ пейзажѣ, какъ вообще въ картинахъ Востока, все зависитъ отъ освѣщенія. Распредѣленіе тѣней и свѣта нигдѣ не производитъ такихъ неожиданныхъ превращеній, не даетъ такого обилія отгѣнковъ, какъ подъ этой опрокинутой чашей вѣчно голубого улыбающагося неба. Брызжутъ первыя огнистыя искры—и вы не узнаете окружающей обстановки.

На фонѣ слабо озареннаго горизонта всѣ предметы кажутся крупнѣе обыкновенныхъ. Караванъ нашъ вытянулся гуськомъ. Лошади идутъ мѣрнымъ шагомъ, то взбираясь по выпуклымъ мѣловымъ слоямъ, то спускаясь по ихъ уклонамъ. Бѣловатыя плиты известняка, сѣрые контуры холмовъ, какъ будто источенныхъ морскимъ прибоемъ, видѣются справа и слѣва. Вся почва кругомъ изрыта. Въ провалахъ глубокой долины—ни дерева, ни растительности. Только мѣстами на безжизненномъ каменистомъ грунтѣ, среди растрескавшихся пластовъ, прежались голубоватые лишайники да какой-то сѣрый колочій кустарникъ. Его чахлый, безжизненный видъ придаетъ пустынѣ еще большую безотрадность. Стальная зеркальная гладь Бахр-Лута (Лотова моря арабовъ), застывшая впереди, дразнитъ глазъ обманчивымъ миражемъ. Море кажется такъ близко, что хорошею рыскою въ четверть часа легко достигнуть его извилистаго берега. Но проводникъ смѣется, когда я высказываю ему мое предположеніе.

— До Мертваго моря,—говоритъ онъ,—еще верстъ десять. Надо спѣшить,—обѣда, если насъ застигнетъ на взморьѣ полдень: жаръ спалить, а укрыться негдѣ.

Востокъ разгорается все ярче и ярче. Атмосфера томительно жгуча. Воздухъ какъ будто застылъ,—ни струи вѣтерка. Бѣловатыя сланцы, пропитанные солью, асфальтомъ и нефтью, известковые бугры,—все это начинаетъ отражать неприятно рѣжущій глаза свѣтъ, широкимъ потокомъ разлившійся уже по горизонту. Еще нѣсколько минутъ, и—глядись—раскаленный, какъ будто расплавленный дискъ солнца золотистымъ краемъ прорѣзаетъ небосклонъ и вслѣдъ, поднялся надъ истомленною землей. Куда ни окинешь взглядомъ,—широко залегла безконеч-

ная пустыня, и только тамъ, въ далекой синевѣ, какъ будто стѣной встали сѣрые обрывы горныхъ ущелій. Слѣва, спускаясь по едва замѣтному уклону, каймой зеленѣетъ скудная растительность—это тамариски, ивянякъ оплели берега Иордана. Онъ синѣетъ извилистою лентой, прихотливо бѣгущей среди желтой плоской низины, снося свои быстрыя воды въ соленое море Бахрѣ-Лута.

Пятый часъ утра, а дышать уже нечѣмъ. Солнце жжетъ нестерпимо. Подъ пробковую англійскую каску голова начинаетъ горѣть какимъ-то

Мертвое море.

особеннымъ лихорадочнымъ жаромъ, кровь приливаетъ къ лицу, губы синѣютъ, трескаются. Тщетно пытаетесь вы утолить постоянную жажду холоднымъ чаемъ. Мы выпиваемъ бутылку за бутылкой, но ничего не помогаетъ. Измѣряемъ температуру: $39\frac{1}{2}^{\circ}$ по Реомюру.

Два съ половиной часа ѣзды отъ Иерихона до Мертваго моря сильно насъ утомили. Мѣрный шагъ лошадей (карьеръ и рысь невозможны вслѣдствіе неровности почвы) раздражительно дѣйствуетъ на нервы. Хочется поскорѣе добраться до цѣли поѣздки, слѣзть съ сѣдла, раста-

нуться на буркѣ. А море все дразнить далекимъ миражемъ. Вдали, среди зеленыхъ кустовъ Иордана, временами появляются подозрительныя фигуры всадниковъ. Они какъ будто высматриваютъ нашъ караванъ и затѣмъ быстро снова исчезаютъ. Наконецъ, свинцовый овалъ Лотова озера сталъ замѣтно сивѣть, постепенно переходя отъ густой окраски къ блѣдно-нѣжному голубоватому тону.

— Теперь уже близко!—весело говорить проводникъ.

Лошади дружнѣе идутъ внизъ по уклону. Размашистый шагъ перешелъ въ рысь, и, наконецъ, мы беремъ полнымъ карьеромъ, рискуя съ разбѣга вогнать коней въ толкую асфальтовую грязь, одѣвшую широкою оправой голубоватая воды. Еще десять минутъ—и мы на берегу моря.

Странное впечатлѣніе производитъ оно на туриста. Что-то величаво зловѣщее чудится вамъ въ его стальномъ овалѣ, ушедшемъ въ туманную даль, къ подножію холмовъ Моавитскихъ. Въ плотно сдвинутыхъ отвѣсныхъ утесахъ, въ гранитныхъ скалахъ подъ обрывомъ камней дремлетъ оно, какъ въ очарованномъ снѣ, какъ будто ждетъ подземнаго удара. Глядяшъ на эту чашу, заполненную упругою жидкостью—смѣсью солей, горючихъ нефтяныхъ маселъ и смолы, и кажется—вотъ-вотъ загорится оно, вспыхнетъ зловѣщимъ пламенемъ. Таинственная долина Содома хранить на себѣ неизгладимую печать грандіознаго геологическаго переворота. Куда ни взглянешъ—на всемъ отразился колоритъ титанической подземной работы. Соленая влага повсюду развѣла солончаковую почву. По мѣловымъ плитамъ пролегли глубокія русла иссохшихъ зимнихъ потоковъ, рытвины, ямы, провалы. Берегъ покрытъ полустлѣвшимъ тростникомъ. Коряги, почернѣлыя сучья, пропитанные асфальтовымъ рассоломъ, постоянно выбрасываются Мертвымъ моремъ на его безжизненные берега. Когда глядишь на водную массу, какъ ргуть недвижно застывшую среди сѣрыхъ камней, кажется, что вулканическій процессъ далеко еще не законченъ. Эта мертвая гладь, чуждая зыби, волненья, вообще рѣзкихъ перемѣнъ своего верхняго пласта даже въ устьѣ Иордана, гдѣ онъ вливаетъ въ него свои воды,—поразительное явленіе. Мертвое море замкнуто отовсюду естественною преградой горъ и не имѣетъ возможности выдѣлять свои воды иначе, какъ испареніемъ. Оттого надъ глубокою котловиной нѣкогда цвѣтущей долины Содома и Гоморы постоянно виситъ, слабо колыхаясь, густой, бѣловатый туманъ испареній.

Устье священной рѣки теперь виднѣется намъ какъ будто сдавленное подступившими къ нему высокою стѣной отрогами горъ Иудейскихъ. Иорданъ синѣющею лентой слился здѣсь со свинцово-голубою окраской асфальтоваго моря, на всемъ протяженіи котораго глазъ не отыщетъ ни лодки, ни паруса. Даже птиць не найдешь въ его бурныхъ тростни-

кахъ, опаленныхъ жгучими солнечными лучами. Историческая рѣка, эта единственная живая артерія мертвой страны, только усиливаетъ поразительный контрастъ окружающей пустыни. Смерть витаетъ надъ моремъ, смерть царитъ надъ пустыней. Воды Бахр-Лута не терпятъ живыхъ организмовъ. Вы не найдете въ нихъ ни рыбъ, ни инфузорій. Водяныя растенія, раковины, занесенныя Иорданомъ, тотчасъ же покрываются кристаллами развѣдающихъ солей; все живое, попадая въ асфальтовый разсолъ, тотчасъ же гибнетъ и выбрасывается на берегъ. Да, это, дѣйствительно, «Мертвое» море—въ полномъ значеніи слова. Горько-соленая влага сожжетъ горло, смолистый асфальтовый налетъ покроетъ лицо и руки при первомъ прикосновеніи. А между тѣмъ вода его на взглядъ кажется удивительно прозрачною, отражая даже на значительной глубинѣ сквозь призму синевато-зеленыхъ тоновъ дно и камни. Съ трудомъ вѣрится, что въ эту обширную чашу Иорданъ вливаетъ ежедневно до 35 миллионновъ пудовъ прѣсной воды, почти безслѣдно пропадающей въ нефтяномъ бассейнѣ.

На челоуѣза пребываніе вблизи Мертваго моря дѣйствуетъ вредно. Въ 1848 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, американская экспедиція Линча отправилась изъ Тиверіадскаго озера внизъ по р. Иордану въ Мертвое море въ двухъ металлическихъ лодкахъ. По мѣрѣ приближенія къ морю доносился до путешественниковъ ѣдкій, вонючій запахъ; вѣтеръ былъ довольно рѣзкій, противный, и при вступленіи въ море послѣднее сильно волновалось, несмотря на плотность сильно соленой воды. «Наши лица и платья,—разсказываетъ Линчъ въ своемъ дневникѣ,—быстро покрылись соляными кристаллами, производившими раздражительное дѣйствіе на глаза и кожу. При усилившемся вѣтрѣ казалось, что не волны, а какіе-то тяжелые молоты били о стѣны лодокъ. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати дней плаванія мы чувствовали себя хорошо, но потомъ явились признаки, внушающіе безпокойство. Всѣ мы стали походить на страдающихъ водянкою: тощія пополнѣли, а толстые потолстѣли; блѣдныя лица стали свѣжими, а бывшія свѣжими стали багровыми; тѣло начало покрываться гнойными прыщами. Въ воздухѣ не было ничего вреднаго, его не могли портить разлагающіяся вещества, ибо по берегамъ растительность ничтожная, а сѣрный запахъ отъ сѣрныхъ источниковъ не считается особенно вреднымъ. Мы находили мертвыхъ птицъ, но оныя, вѣроятно, погибли отъ истощенія, а не отъ вреднаго морского воздуха, который пропитанъ соляными газами и не дѣйствуетъ вредно на организмъ. Вокругъ насъ были черныя бездны и острия скалы, подернутыя легкимъ туманомъ, а на 300 футовъ подъ нами зотъ касался погрбенной Содомской долины, покрытой въ настоящее время грязью и солью. Въ то время какъ мысли мои были обращены къ этому предмету, мои товарищи, будучи не въ состояніи осилить свою дремоту,

заснули во всевозможных положеніяхъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ. Въ эту минуту мной овладѣлъ страхъ среди товарищей, погруженныхъ въ оцѣпенѣніе, волосы встали дыбомъ и моему воображенію представлялось что-то ужасное въ разгорѣвшихся и вздутыхъ лицахъ моихъ спутниковъ; казалось, страшный ангелъ смерти носился надъ ними. Одни спали, согнувшись, глубокимъ сномъ, и руки ихъ, лишенные по кисть кожи отъ вреднаго дѣйствія воды, безжизненно висѣли на покинутыхъ веслахъ; другіе, закинувъ голову назадъ, съ растрескавшимися въ кровь губами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ казались даже и во снѣ страдающими отъ жара и истощенія, тогда какъ иныя, на лицахъ которыхъ играли отраженные водою лучи, походили на призраковъ, и ихъ забытые сопровождалось нервнымъ дрожаніемъ всѣхъ членовъ; время отъ времени они вскакивали, жадно припадали къ боченку съ водою и снова впадали въ оцѣпенѣніе». По окончаніи экспедиціи, чтобы дать людямъ оправиться, Линчъ со всѣми спутниками провелъ два мѣсяца въ Ливанскихъ горахъ. Болѣзнъ долгое время мучила матросовъ, а три мѣсяца спустя одинъ изъ членовъ экспедиціи скончался; остальные же оправились и возвратились на родину ¹⁾).

Жаръ стоитъ нестерпимый. Подъѣхавъ къ водѣ, мы тотчасъ же спѣшиваемся. Погонщикъ, всегда оживляющійся при остановкахъ, когда собственно начинается его дѣятельность, быстро разсѣдываетъ напихъ лошадей и, стреноживъ, пускаетъ на волю. Но бѣдныя животныя, измученныя зноемъ, не спѣшатъ воспользоваться своею свободой. Понуро опустивъ головы и тяжело дыша, они жмутся другъ къ другу и тщетно ищутъ тѣни.

Девятый часъ знойнаго палестинскаго утра. Силь нѣтъ дышать; голова болитъ, во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то разбитость.

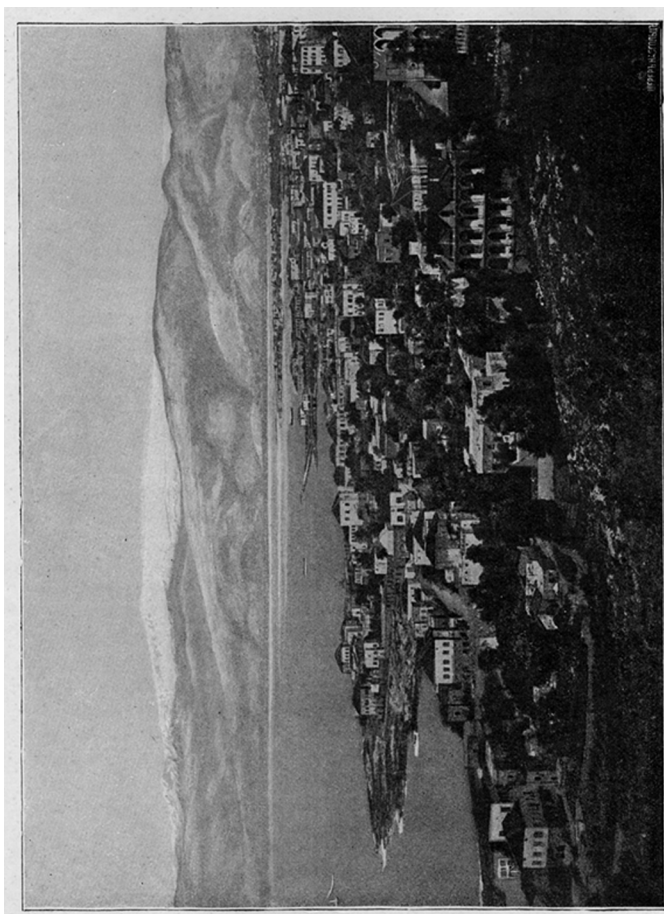
Вдали амфитеатромъ синѣютъ Моавитскія горы, а за ихъ сѣрватою грядой спускается безоблачный куполъ небснаго свода, сплошь залитый огнистыми лучами. Въ мертвенной тишинѣ воздуха голосъ звучитъ какъ-то странно, горло быстро пересыхаетъ и пухнетъ отъ ѣдкихъ соляныхъ испареній. Судьба забросила насъ на негостепріимные берега Мертваго моря въ іюль, въ самый разгаръ палестинскаго зноя.

Бейрутъ.

(Е. Маркова).

Передъ нами по крутымъ широкимъ склонамъ гористаго берега сходилъ къ морю европейскій городъ, полный прекрасныхъ зданій, кишащій торговлею, Марсель или Генуя своего рода, но только утонувшій въ

¹⁾ Рассказъ объ экспедиціи Линча заимствованъ изъ книги Е. Маркова: „По Святой землѣ“.

Бейрутъ.

роскошныхъ садахъ юга. Какъ ни красивы вообще города Средиземнаго побережья, но рѣдкій изъ нихъ сравнится красотой съ Бейрутомъ. Его бѣлые каменные дома съ плоскими крышами изъ красной черепицы встаютъ безконечными уступами другъ надъ другомъ, сливаясь наверху съ цѣлою страной роскошныхъ садовъ и дачъ, уходящихъ въ прохладу горъ.

Старинная венеціанская башня средневѣкового стиля составляетъ характерный первый планъ этого стариннаго города торговли, выступающая въ море вмѣстѣ съ полуразрушенной цитаделью, которую она вѣнчаетъ.

И эта башня-сторожъ, и эти когда-то воинственные стѣны, и разноцвѣтные флаги агентствъ и консульствъ, торжественно вѣющіе надъ зданіями, и весь бѣло-красный амфитеатръ города, съ его мечетями, колокольнями и купами пальмъ, зелень его садовъ и величественные круги его горъ—все это цѣликомъ опрокидывается теперь въ затихшую, какъ зеркало, голубую бухту, которую весело бороздятъ сплывающія взадъ и впередъ безчисленные лодочки, шлюпки, ялики и пароходики.

Мы хотѣли поближе познакомиться съ городомъ и сейчасъ же послѣ обѣда пошли побродить пѣшкомъ по его гористымъ улицамъ.

Живописный берегъ моря съ его мысами, заливами, сбрывами скалъ и камнями, торчащими изъ воды, манилъ насъ къ себѣ и мы спустились къ нему по крутымъ тропинкамъ. Купальни, на высокихъ кольяхъ, совсѣмъ почти открытыя любопытству прохожихъ, оцѣпляютъ собою берега бухты, и масса голаго народа полощется въ вонючихъ волнахъ его, среди невообразимой нечистоты, наносимой морскимъ прибоемъ и городскими клоаками.

Наверху зато—полный порядокъ и чистота. Цѣлыя длинныя улицы большихъ европейскіхъ домовъ съ венеціанскими арками и окнами, съ верандами, балкончиками, террасами и цѣпниками; улицы отлично вымощенныя, широкія, какъ въ каждомъ порядочномъ городѣ Европы, и на этихъ улицахъ самое оживленное движеніе.

Европейскіе коляски и шарабаны, европейскіе магазины и рестораны; турецкаго—ровно ничего. Вамъ кажется, что вы гуляете не въ Сиріи, а въ какомъ-нибудь береговомъ городкѣ Италіи или южной Франціи. Даже базары его—это обычное гнѣздилище всего, что есть характернаго, и всего, что есть нечистоплотнаго на азіатскомъ Востока—гораздо чище и опрятнѣе каирскіхъ и іерусалимскіхъ. Слово и они пріодѣлись немножко въ европейское платье, подобно тому, какъ здѣшній зритель старается прикрыть европейскимъ пальто и бѣлыми воротничками свою сирійскую куртку и шаровары. Плоды самаго заманчиваго вида кишатъ на этихъ базарахъ: огромные бѣлые абрикосы, ароматичнѣе и сочнѣе всякаго персика, свѣжіе рожки, апельсины... Все это продается

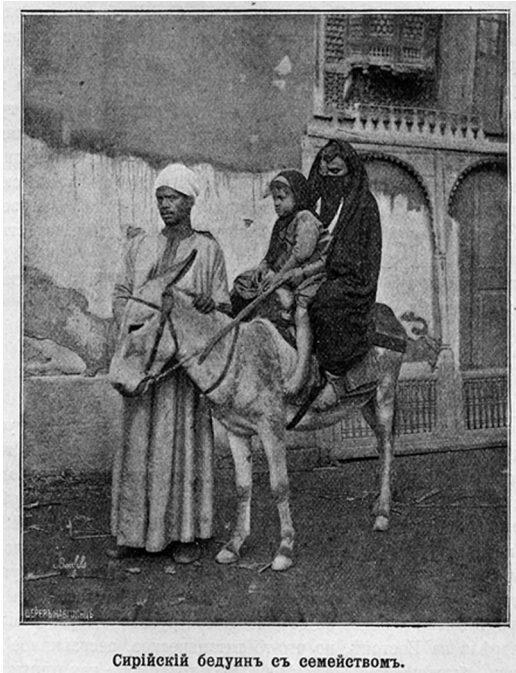
чуть не даромъ. Овощей кучи; открытыя кухни тоже со всякими сластями. Самый бѣдный житель можетъ безъ труда побаловать себя этими разнообразными плодами рая, которые ему стоятъ здѣсь меньше, чѣмъ русскому мужичку его вѣчная капуста и рѣдька. Вино тоже здѣсь свое, дешевое, и льется вольною рѣкой. Глядя на эту веселую и счастливую толпу, которую въ каждомъ другомъ мѣстѣ необходимо было бы признать толпою бѣдняковъ, невольно позавидуешь блаженнымъ странамъ юга, гдѣ, дѣйствительно, люди могутъ жить, по выраженію Евангелія, какъ птицы небесныя, не сѣять, не жать, не собирать въ житницы, и все-таки питаться отъ Отца своего небеснаго. Эта вѣчная жизнь на солнцѣ и воздухѣ, на краю необозримой водной чаши моря, эти постоянныя впечатлѣнія радости и красоты, охватывающія здѣсь человѣка съ первыхъ дней его рожденія, этотъ общій досугъ и достатокъ среди обильной природы, не прерывающей своей плодоносящей работы ни зимою, ни лѣтомъ, сдѣлали изъ прибрежныхъ сирійцевъ удивительно рослую и красивую расу.

Долго мы бродили, поглощенные шумною жизнью праздною и веселою толпы. Тутъ цѣлый народъ щеголей и щеголихъ; всѣ въ яркихъ, пестрыхъ, богатыхъ нарядахъ; каждый считаетъ себя въ правѣ отдыхать и наслаждаться наравнѣ съ другими. Солнце и море, и прекрасныя плоды, и тепло воздуха, и красота горъ принадлежать одинаково всѣмъ. Шубы никому не нужны, дровъ тоже не нужно, вино и табакъ стоятъ грошъ. И вотъ самый послѣдній поденщикъ, едва зарабатывающій себѣ на хлѣбъ насущный, самоувѣренно садится на стулъ кофейни и важно трещитъ себѣ наргиле и чашку кофе, и громко судитъ и споритъ, и беспощадно критикуетъ со своими пріятелями проѣзжающихъ мимо городскихъ богачей...

На другой день мы наняли коляску и отправились за городъ. День былъ такой же восхитительный, какъ вчера, какъ и всегда, я думаю, въ эти лѣтніе мѣсяцы чудной сирійской природы. Прекрасно содержимое шоссе поднимало насъ все выше и выше вверхъ, мимо прелестныхъ видѣть съ висячими садами, террасами, балконами, бѣсками; красныя пеларгоніи, желтыя букеты воздушнаго жасмина, голубыя кисти *Rush-bago* и всякіе другіе виданные и невиданные, вѣдомые и невѣдомые цвѣты громадными кустами, яркими шапками, многоцвѣтными шпалерами, пестрыми гирляндами топлятся, стелются, ползутъ, висятъ надъ головою въ тѣни пальмовыхъ и кипарисовыхъ роцъ, подъ шатрами гранатниковъ, смоквиницъ и банановъ. Какія-то большія, незнакомыя мнѣ деревья, похожія на акаціи, всѣ одѣты теперь сплошными лиловыми цвѣтами, въ родѣ колокольчиковъ, такъ что листа не видно на нихъ. На каменныхъ утесахъ живописныя группы пней присѣбываютъ собою спрятавныя во впадинѣ камня хорошенькія кофейни, откуда смотрятъ

на насъ, спокойно куря свои наргиле, турки въ чалмахъ и арабы въ фескахъ. Эти пини — уже гости съ недалекаго Ливана, передовые стражи тѣхъ лѣсныхъ полчищъ, которыми темнѣютъ издали его нижніе склоны.

Вотъ изъ одной виллы смотреть на насъ сквозь проволочную рѣшетку двѣ стройныя газели, а за ними цѣлыя семьи утокъ и куръ.

Сирийскій бедуинъ съ семействомъ.

Это, очевидно, ферма какаго-нибудь домовитаго и хозяйственнаго чело-вѣка.

Видъ направо внизъ, въ глубокую, вѣтвистую долину, вдругъ раскрывшуюся у нашихъ ногъ, ни съ чѣмъ несравнимъ. Это громадный сплошной садъ шелковицы, апельсановъ, рожковъ и гранатника. Шоссе сбѣгаетъ черезъ нихъ бѣлою прямою стрѣлой, обсаженное по обѣимъ сторонамъ тѣнистымъ айлантомъ; живописныя кавальяды всадниковъ,

толпы пѣшиходовъ, щегольскія коляски, вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, дилижансы, громадкіе и громадныя, какъ Ноевъ ковчегъ, вѣмецкія раскрашенныя фуры, запряженныя тремя рослыми мулами въ отличной упряжи, безконечною чредою двигаются по немъ и радостно пестрятъ его далекую перспективу. А по сторонамъ все сады и сады, башенки сторожевыхъ домиковъ, павильоны и дачи. Вездѣ оросительныя канавы, вездѣ фонтаны съ превосходною водою горныхъ ключей, вездѣ слѣды самой тщательной обработки и ухода. Стройныя купы перистыхъ финиковыхъ пальмъ, когда-то давшихъ свое имя этой древней финикійской странѣ, составляютъ на всякомъ шагѣ удивительно красивый и характерный первый планъ, на заднемъ фонѣ котораго высится вдали, заслоняя собою небо направо и налево, куда ни посмотришь, громадный хребетъ Ливанскихъ горъ, чудно освѣщенныхъ теперь склоняющимся къ западу солнцемъ во всѣхъ мельчайшихъ складочкахъ, впадинкахъ и выступахъ своихъ, словно они вдругъ, разомъ подошли сюда къ Бейруту, хотя до Ливана отсюда добрыхъ 50 верстъ. Эти зеленые скалы Ливана тѣсно усыяны весело бѣлѣющими городками, монастырями, деревеньками и хуторками.

Рѣдко гдѣ можно увидеть такую широкую и полную картину радостнаго оживленія, многолюдства, обилія.

Развалины Баальбека.

(А. Елисеѣва).

Наконецъ, послѣ почти шестичасовой хорошей ѣзды, мы увидали впереди себя шесть гигантскихъ колоннъ Баальбека, рельефою вырисовавшихся на ясномъ голубомъ небѣ и озаренныхъ лучами заходящаго солнца; сперва мы невольно остановились при этомъ чудномъ зрѣлищѣ, но потомъ еще сильнѣе погнали своихъ измученныхъ лошадей. Чѣмъ ближе подѣзжали мы къ Баальбеку, тѣмъ грандіознѣе становились огромныя руины. Какъ ни склонны мы были уже заранѣе преувеличивать ихъ размѣры, но дѣйствительность превосходила всѣ наши ожиданія: передъ нами высились не обыкновенныя руины, которыхъ мы много пересмотрѣли на Востокѣ, но что-то титаническое, несравнимое съ дѣлами рукъ обыкновеннаго человѣка... Только древніе памятники Египта можно сравнить съ грандіозными развалинами Баальбека. «Въ памятникахъ Баальбека,—говоритъ одинъ изъ путешественниковъ,—самое огромное, что только могъ произвести человѣкъ, соединилось съ самымъ прекраснымъ его произведеніемъ. Храмы Фивъ по массивности приближаются къ храмамъ Баальбека, но они далеко не такъ прекрасны въ исполненіи; храмы Аѳинъ, быть можетъ, еще болѣе прекрасны, но далеко не такъ громадны; Баальбекъ—чудо древняго міра».

Когда мы подъезжали къ этому «чуду древняго міра» и лучи заходящаго солнца играли еще на уцѣлѣвшихъ колоннахъ, онѣ казались совершенно красными и еще рельефнѣе вырисовывались на голубомъ, уже поблекшемъ небосклонѣ. Храмъ Ваала, бога солнца, горѣлъ огнями заката, представляясь настоящимъ святилищемъ, стоящимъ у самаго подножія Антиливана, среди плодородной зеленѣющей долины, напротивъ покрытыхъ сѣтлами величайшихъ массивовъ Ливана. Небольшое поселеніе Баальбека стоитъ вмѣстѣ со своими садами среди величайшихъ руинъ древняго міра, и грязный «ханъ» служитъ обыкновеннымъ пріютомъ большинства европейскихъ туристовъ, путешествующихъ налегкѣ, безъ палатокъ и цѣлаго обоза вещей. Къ нашему счастью, въ ханѣ Баальбека не было другихъ гостей, и мы могли расположиться довольно удобно. Юркій его хозяинъ, жившій единственно европейскими путешественниками и умѣвшій имъ угодить, успѣлъ своею любезностью совершенно изгладить первое непріятное впечатлѣніе, производимое убогою и грязною обстановкой его хана.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло и повсюду загорѣлись огоньки, ко мнѣ пришелъ съ визитомъ шейхъ ближайшаго племени бедуиновъ и долго бесѣдовалъ со мною; я жалѣлъ, что мое малое знакомство съ арабскимъ языкомъ не позволяло мнѣ тщательно записать многочисленныя и любопытныя легенды, которыя рассказалъ мнѣ интересный гость. Огромнѣйшія развалины въ мірѣ, существующія съ незапамятныхъ временъ, поражаютъ умы туземцевъ даже въ такой странѣ великихъ развалинъ, какою представляется вся Сирія, и особенно область Ливана, богатая различными сказаніями и легендами. Довольно поздно ушелъ любопытный гость, пригласившій меня въ свое недалекое кочевье, но не позабывшій притомъ попросить бакшиша. Я вышелъ побродить вокругъ величественныхъ развалинъ и полюбоваться ими при волшебномъ освѣщеніи луны. Мягкій серебристый свѣтъ, заставлявшій свѣтиться сѣянныя верхушки Ливана, заливалъ стройныя колонны храма солнца, игралъ на ихъ узорчатыхъ капителяхъ и, обливая волшебнымъ сіяніемъ одну сторону огромныхъ руинъ, погружалъ другую въ какую-то таинственную мглу. Мы подошли ко входу въ величественныя пропилеи древняго храма; на ихъ каменныхъ плитахъ горѣлъ огонь, разведенный цайкою бедуиновъ, слышались гортанныя пѣсни и рѣзкіе звуки деревянной свирѣли...

Весь слѣдующій день я посвятилъ самому бѣглому осмотру обширныхъ руинъ. Я бродилъ среди величественныхъ развалинъ, любовался ими, изумлялся, но, разумѣется, не могъ и думать о какомъ-нибудь ихъ изученіи. Для того, чтобъ описывать Баальбекъ, надо посвятить ему цѣлую книгу, да и тогда не опишешь всего того, что хотѣлось бы описать.

Древній Баальбекъ былъ не только величественнымъ храмомъ солнца, но и обширнымъ городомъ, посвященнымъ финикійскому богу Ваалу. Какъ ни обширны и ни любопытны остатки этого города солнца, но они кажутся ничтожными въ сравненіи съ остатками двухъ храмовъ, составляющихъ главную красоту Баальбека. Оба эти храма, вмѣстѣ съ нѣсколькими меньшими, обнесенными неприступною стѣною, вмѣщавшею въ себѣ жилища жрецовъ, различныя службы святилища и обширныя сады, представляли своего рода священный акрополь, высвѣтшійся среди огромнаго города.

Современная стѣна, обходящая акрополь Баальбека, лишь въ немногихъ мѣстахъ представляетъ остатки массивной ограды, окружавшей святилище Ваала; вмѣсто нея на большей части окружности стала такъ называемая римская стѣна и ограда съ башнями, очевидно арабскаго происхожденія. Хотя эта послѣдняя стѣна и придаетъ особую живописность оградѣ, окружающей руины храмовъ, и хотя римская кладка поражаетъ насъ своею прочностью и красотой, тѣмъ не менѣе лишь предъ остатками древней стѣны святилища мы останавливаемся невольно, какъ передъ сооруженіемъ, достойнымъ баальбекскаго храма. Только съ сѣверной и западной стороны этого послѣдняго сохранились остатки циклопической кладки, гдѣ огромные камни, о которыхъ даже современное строительное искусство не имѣетъ никакого понятія, пригнаны одинъ къ другому, какъ ничтожные кирпичи. На сѣверной сторонѣ эта кладка состоитъ изъ ряда камней, имѣющихъ болѣе четырехъ сажень въ длину; въ западной стѣнѣ среди огромныхъ глыбъ встрѣчаются такіе монолиты, передъ которыми кажутся ничтожными даже упомянутыя глыбы сѣверной части стѣны. Три знаменитыхъ камня, имѣющіе въ высоту болѣе $5\frac{1}{2}$ аршинъ, а въ длину болѣе десяти сажень, и притомъ положенные на высотѣ почти трехъ сажень, представляютъ самыя огромныя глыбы камня, когда-нибудь поднятыя человѣческой рукой. Какими ничтожными, сравнительно съ этими громадами, кажутся камни не только арабской, но и римской стѣны Баальбека!.. Послѣ осмотра остатковъ этой стѣны нечего останавливаться передъ остальными частями ограды, замыкающей обширное поле руинъ. Ихъ огромныя размѣры выясняются сразу при сравненіи съ рощами пирамидальныхъ тополей, поднимающихся вокругъ развалинъ Баальбека и кажущихся совершенно ничтожными передъ гигантскими колоннами древняго храма... Сюда черезъ груды развалинъ мы и направляемъ свои робкіе шаги послѣ невольной остановки передъ остатками циклопической стѣны.

Большой храмъ, единственные еще стоящіе остатки котораго составляютъ шесть огромныхъ колоннъ, находится въ такой степени разрушенія, что только съ большимъ трудомъ можно воспроизвести его древ-

ний планъ, стоя на самыхъ развалинахъ древняго храма. Поднятый надъ уровнемъ почвы долины почти на три сажени, храмъ Ваала имѣлъ впереди себя пропилен, состоявшіе изъ 12 колоннъ, отъ которыхъ нынѣ остались одни пьедесталы. По сторонамъ этихъ пропиленъ выселись четырехугольныя башни, сложенныя изъ огромныхъ камней (болѣе трехъ сажень въ длину) и вмѣщавшія довольно большія камеры; за этимъ первымъ портикомъ находился обширный первый дворъ, представлявшій видъ шестигульника и обнесенный стѣною съ нѣсколькими камерами, входъ въ которыя прикрывался рядами небольшихъ колоннъ... Изъ перваго двора другой тройной портикъ ведетъ во второй обширный дворъ сажень 60 въ длину при 50 саженяхъ въ ширину. Этотъ дворъ былъ также окруженъ высокою толстою стѣною съ рядомъ камеръ, отдѣлявшихся отъ площади двора, по всей вѣроятности, тоже колоннами. Масса огромныхъ нишъ, идущихъ двумя рядами и предназначенныхъ для помѣщенія статуй, украшаютъ камеры и внутренность двора. Посрединѣ этого послѣдняго находится обширная платформа, на которой въ древности стояли ряды сфинксовъ, указывавшихъ входъ въ главное святилище храма. Это послѣднее шло сейчасъ за вторымъ дворомъ и состояло изъ внутренней обширной массивной камеры, образованной массивными стѣнами четырехугольнаго храма и украшенной со всѣхъ сторонъ 56 колоннами; каждая колонна имѣла около девяти сажень высоты при обхватѣ почти въ десять аршинъ... Такимъ образомъ окруженный рядами колоннъ большой храмъ заключалъ самое святилище, поднимавшееся до огромной высоты; исполинскія колонны были связаны между собою сводами, образовывавшими общій потолокъ храма. Отъ всего этого прежняго величія въ настоящее время остались всего шесть колоннъ южной стороны да массивныя основанія всѣхъ перечисленныхъ частей храма.

Огромной величинѣ надземнаго храма вполне соответствовали и обширныя подземелья, тянувшіяся двумя параллельными рядами, соединенными между собою ходами, на протяженіи почти 65 сажень подъ площадью большаго втораго двора. Эти подземныя камеры съ прекрасными сводами сложены изъ такихъ же массивныхъ камней, какъ и стѣны наружнаго храма, и несомнѣнно современны имъ по своей постройкѣ.

Въ противоположность большому храму солнца, малый баальбекскій храмъ сохранился гораздо лучше и представляетъ довольно массивную и компактную руину. По величинѣ онъ значительно уступаетъ первому, но превосходитъ его въ архитектурномъ отношеніи. Черезъ отверстіе, пробитое въ восточной сторонѣ, можно легко войти въ самую внутренность храма, заваленную камнями. При самомъ входѣ всякаго невольно поражаетъ висящій какъ бы на воздухѣ и готовый

упасть каждое мгновение одинъ изъ камней косяка, который ждетъ одного удара землетрясеній, въ теченіе тысячелѣтій сильно попортившихъ руины Баальбека. Какое-то особенное впечатлѣніе охватываетъ cadaго, кто входитъ за таинственныя стѣны этого древняго храма и остается тамъ хоть на нѣсколько минутъ. Тысячелѣтнія развалина смотрятъ на тебя изъ cadaго камня, изъ cadaго обломка колонны, и невольно кажется, что нѣтъ-нѣтъ — и поднимутся древнія руины, выпрямятся гигантскія колонны, встанетъ на свое мѣсто фризъ и появятся вновь внутри древняго храма, въ его нишахъ, многочисленныя статуи античныхъ героевъ и боговъ; тогда оживутъ безмолвныя и мрачныя руины, стройное лѣніе жрецовъ и звуки музыкальныхъ инструментовъ наполнятъ своды древнихъ храмовъ, и самъ великій Ваалъ заглянетъ сплнами своего солнечнаго сіянія во внутренность святилища, заваленнаго камнями и испещреннаго слѣдами святотатственныхъ ружь.

Послѣ великихъ развалинъ обоихъ храмовъ солнца не хочется даже смотрѣть всего остального. Я не могъ однако удержаться отъ того, чтобы не посѣтить еще одного изъ чудесъ города солнца—знаменитаго «камня юга», лежащаго недалеко отъ большаго храма и оставленнаго на пути изъ каменоломенъ словно для того, чтобы дать возможность позднѣйшимъ поколѣніямъ оцѣнить по достоинству титаническую мощь строителей Баальбека. Камень этотъ, частью вошедшій въ землю отъ своей тяжести, представляетъ огромный параллелепипедъ безъ малаго въ десять сажень длины, при двухсаженной высотѣ и ширинѣ, и вѣсящій свыше 60 тысячъ пудовъ. Долго я стоялъ передъ этою громадною глыбой, обдѣланною, добытою и почти доставленною къ акрополю Баальбека руками древняго человѣка, недоумѣвая передъ тѣми способами, при помощи которыхъ было возможно сдѣлать въ отдаленной древности то, на что едва ли бы рѣшились и наши техники, вооруженные знаніями и силою пара и машинъ...

Пройдя отъ «камня юга» къ каменоломнямъ древняго Баальбека, лежащимъ въ какой-нибудь верстѣ отъ акрополя, мы долго бродили тамъ, изучая древній способъ вырубки и обдѣлки камня и осматривая наполовину извлеченныя и еще оставленныя приспособими къ толщѣ скалы гигантскія каменные глыбы. Одна изъ этихъ глыбъ, еще не отдѣленныхъ вполне, достигаетъ 14 сажень въ длину.

Созерцая съ восторгомъ и изумленіемъ величественныя развалины Баальбека, я невольно перебиралъ въ своихъ мысляхъ всю прошлую исторію знаменитаго храма солнца. Былъ ли то храмъ истиннаго Единаго Бога или Ваала финикянъ, но несомнѣнно одно, что въ немъ во времена отдаленной древности совершались величественныя богослуженія, соответствовавшія самому величію храма. Позднѣе, съ развитіемъ греко-римской культуры, храмы Баальбека были посвящены новымъ бо-

жествамъ и многочисленныя статуи ихъ украсили ниши и пространства между колоннами и портиками храмовъ. Прошло нѣсколько столѣтій, и свѣтъ, появившійся изъ горъ Іудей, озарилъ лучами своего сіянія весь коснѣвшій въ язычествѣ древній міръ. При Константинѣ Великомъ святилище Баальбека было превращено въ христіанскій храмъ, а еще позднѣе мусульмане превратили его въ огромную крѣпость, его храмы стали помѣщеніемъ для солдатъ, а обширныя подземелья—великолѣпными конюшнями. Наконецъ, рядъ послѣдовательныхъ землетрясеній сокрушили величіе древняго храма и обратили его въ огромную руину, которой никогда не суждено уже подняться...

Въ гостяхъ у сирійскаго помѣщика.

(В. Корженевскаго).

Обстановка жилища арабскаго помѣщика немногимъ отличается отъ обычнаго убранства домовъ на Востоѣ. Богатство хозяина сказывается въ Сиріи не въ роскоши обстановки, обычной принадлежности богатаго дома въ Европѣ, а въ большихъ размѣрахъ дома, въ простотѣ комнатъ, сравнительной высотѣ потолка, да въ количествѣ ковровъ и циновокъ, покрывающихъ сидѣнья незатѣйливыхъ «дивановъ» и глиняные или каменные полы «левана». Васъ поразитъ относительная пустота этихъ «жилыхъ» помѣщеній. Мебели въ европейскомъ смыслѣ почти не существуетъ, если не считать широкихъ деревянныхъ паръ, па четверть аршина не болѣе приподнятыхъ отъ пола и идущихъ почти непрерывнымъ квадратомъ вдоль внутреннихъ стѣнъ, тщательно выбѣленныхъ мѣломъ. Эти сплошныя пары накрываются мягкими тюфяками, по которымъ стелются толстыя ковры различной цѣнности, глядя по состоянію. Въ углахъ кладутся еще плоскія подушки—«мутаки», сдѣланныя изъ грубой шерстяной матеріи прихотливаго рисунка. Онѣ красятся обыкновенно кошенилью, оставляя по фону бѣлый узоръ, что придаетъ восточнымъ диванамъ необыкновенную оригинальность. Въ большинствѣ матерій ярко-красный цвѣтъ чередуется съ темно-синимъ и на фонѣ этой излюбленной арабами окраски мѣстный ткачъ строитъ причудливыя композиціи своего рисунка. Мягкіе широкіе диваны—единственная мебельровка туземныхъ домовъ, можетъ смѣло быть названа «универсальной» по обширности своего примѣненія. Арабская софа—одинаковая принадлежность пріемной, спальни и дѣтской, не исключая и такъ называемаго «левана», о которомъ будетъ сказано ниже. Въ небогатыхъ домахъ эти самодѣльныя кушетки обращаются ночью въ постель: ковры снимаются, стелется грубый холстъ—и ложе готово. Днемъ, окруженный пріятелями, хозяинъ на той же софѣ пьетъ кофе, лакомится шербекомъ, сладостями. Здѣсь же творитъ онъ свою обычную ежедневную молитву.

если только солнечный закат застанет его в душевных стѣнахъ жилища. На пестромъ узорѣ ковра того же широкаго дивана туземцы любятъ играть въ шашки и домино или, поджавъ подъ себя ноги, курить любимое наргиле, утоная въ голубыхъ волнахъ пахучаго дыма. Турецкая софа—это единственная типичная мебель мусульманскаго Востока, если не считать низкаго рѣзного столика-табуретки шестигранной формы. На нее ставить мусульманинъ гравеный кувшинъ своего каляяна и, отдавшись кейфу, вполне довольствуется наличиемъ этихъ двухъ принадлежностей незагѣйливаго комфорта. Въ обстановкѣ богатаго помѣщика Сиринъ я не нашелъ ничего болѣе, что можно было бы причислить къ разряду европейской мебели...

Черезъ нѣсколько времени послѣ нашего прихода низенькая стеклянная дверь, ведущая во внутренне покои, отворилась, и въ комнату вошла негр-прислужникъ, низко кланаясь гостямъ. Хозяинъ привсталъ съ дивана, быстро надѣлъ туфли и, выпрямившись, обратился къ намъ съ рѣчью. Драгоманъ перевелъ его приглашеніе къ трапезѣ. Пока онъ вполголоса, какъ будто подсказывая, передаетъ витѣватое содержаніе рѣчи, глясящей, «что этотъ день посѣщенія отцовскаго дома знатными иностранцами будетъ вписанъ нѣжными строками въ его признательное сердце», я стараюсь придумать что-нибудь въ томъ же духѣ. Привѣтствіе окончено, гости садятся, и мы слѣдуемъ ихъ примѣру. Прислужники въ синихъ халатахъ, съ бѣлыми полотенцами черезъ плечо, быстро разносятъ въ металлическихъ кувшинахъ воду для омовенія. Каждый изъ насъ поочередно, вслѣдъ за хозяиномъ, наклоняется надъ мѣднымъ тазомъ своеобразной дамасской работы. Устройство его довольно замысловато: въ широкую чашу восточной умывальницы вставлено второе выпуклое дно, сплошь просѣченное сквознымъ рисункомъ. Въ центрѣ его припаяна небольшая чаша, въ которую кладется душистое мыло мѣстнаго производства, обладающее особенностью удивительно смягчить кожу. Мыльная вода при омовеніи стекаетъ черезъ отверстіе верхняго дна, и такимъ образомъ внутренность умывальницы всегда чиста, пока тазъ не переполненъ.

Арабъ считаетъ неприличнымъ подавать гостю сосудъ, въ которомъ были бы видны слѣды омовенія предшественника. Отеревъ руки полотенцемъ и слегка освѣживъ лицо, присутствующіе кланяются хозяину и затѣмъ каждый другъ другу. Молодой Саидъ-эфенди жестомъ приглашаетъ насъ въ столовую. Этикетъ требуетъ, чтобы мы, гости, шли впереди, а хозяинъ замыкаетъ шествіе. Я оглядываюсь—насъ пятнадцать человекъ, не считая трехъ слугъ и драгомана. Послѣдній становится у меня за спудою въ качествѣ переводчика. Размѣщаемся на мѣстахъ, указанныхъ хозяиномъ, хотя онъ предупреждаетъ, «что за его столомъ въ дорогіе гости одинаково близки его сердцу».

Низкая, широкая скамейка, на которой садятся туземцы, поджав по восточному обычаю подь себя ноги, покрыта грубымъ ковромъ. Длинный, сравнительно невысокій столъ безъ скатерти чисто выскобленъ, вымытъ и какъ будто натертъ воскомъ. Деревянная посуда, оригинальныя блюда, плетенныя изъ пестрой соломы, ложки, двурогія вилки и полное отсутствіе ножей и солонокъ характеризуютъ арабскую трапезу. На столѣ, между глиняными кувшинами съ холодной водой, мнѣ бросились въ глаза только что срѣзанные зеленые померанцы, удивительно душистые. Фрукты эти предназначены для прохладительныхъ напитковъ, которыми арабъ имѣетъ обыкновеніе запивать почти каждый глотокъ пищи. Привыкшіе къ вину, мы замѣчаемъ со смущеніемъ, что на столѣ нѣтъ ни одной бутылки. По магометанскому закону, арабъ не долженъ пить ничего спиртного, и въжливость требуетъ, чтобы мы не упоминали въ гостяхъ о нашей пагубной европейской привычкѣ... Слуга подастъ первое блюдо съ варенымъ мясомъ, приправленное по-туземному разварными бобами, зеленымъ горохомъ и тонкими ломтиками сельдерея. Размѣры заготовленнаго приводятъ насъ въ изумленіе; но, зная восточный обычай не давать гостю «последняго» куска и сосчитавъ глазами всю нашу компанію, я перестаю удивляться. Блюдо поставлено передъ хозяиномъ, и онъ, къ немалому нашему изумленію, начинаетъ выбирать лучшіе куски къ себѣ на тарелку. Мой товарищъ смотритъ растерянно, мнѣ это кажется страннымъ. Однако это только одинъ изъ видовъ хлѣбосоства, доведенный до изумительной тонкости. «Возьми, какъ другъ, лучшій кусокъ съ моей тарелки», говоритъ улыбаясь молодой Магометъ-эфенди и быстро раскладываетъ каждому гостю стобранное себѣ мясо. Церемонія замысловатаго этикета окончена, и блюдо обносится слугами, чтобы взялъ каждый себѣ сколько можетъ скушать, глядя по аппетиту.

Драгоманъ по-французски предостерегаетъ насъ не брать слишкомъ много, такъ какъ перемѣнъ наготовлено пять или шесть. Не попробовавъ каждой считается неприличнымъ. Уже послѣ третьяго блюда я чувствовалъ только жажду, сознавая, что не созданъ обѣдать «по-арабски». Жирный пловъ притупляетъ аппетитъ и моего товарища. «Я жажду! я жажду!» восклицаетъ онъ по-русски, а добродушные арабы съ изумленіемъ глядятъ ему въ ротъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

Я уговариваю его быть терпѣливымъ и скромнымъ. «Ты какъ хочешь терпи, а я сейчасъ пойду вина выпью,—говоритъ онъ,—и затѣмъ они готовятъ на салѣ?»—«Помилуй, ты своимъ уходомъ обидишь хозяина».—«Да я не въ силахъ, голубчикъ, хоть повѣсьте меня! Посмотри, Бога ради, тамъ опять что-то несутъ!—восклицаетъ онъ патетически,—вѣдь этакъ я съ лошади свалюсь или она подо мной ляжетъ!» Туземцы переглядываются въ недоумѣніи. Хитроумный драгоманъ не дремлетъ.

Съ наивѣйшимъ видомъ умиленнаго простака онъ переводить хозяину и его гостямъ, что почтенный русский ученый изумленъ безконечными щедротами Аллаха, дающаго правовѣрнымъ ежедневно столь обильную трапезу. Улыбка удовольствія озаряетъ лицо Магометъ-эфенди: онъ изумляетъ европейцевъ — это такъ лестно и сравнительно достигается пустяками! Обѣдъ близится къ концу, судя по только что поданному кушанью: приторно-сладкія лепешки изъ какого-то страннаго тѣста, жареныя въ салѣ, обильно усыпаны коринкой. Арабы ѣдятъ ихъ съ наслажденіемъ, тщательно облизывая пальцы. Я замѣчаю, къ сожалѣнію, что насъ не угощаютъ прекрасными фруктами, лучшими въ эту пору года. Товарищъ былъ бы не прочь отвѣдать арбуза, а я такъ люблю румяные персики. «Якубъ, отчего не даютъ фруктовъ?» — «Здѣсь это не принято, — полушопотомъ отвѣчаетъ драгоманъ, наклоняясь надъ моимъ ухомъ, — развѣ можно угощать гостей тѣмъ, что не стоитъ на рынкѣ и одного паистра?»

Обѣдъ конченъ. Звякая мѣдными умывальницами, обходятъ насъ слуги. Одинъ льетъ воду, другой держитъ тазъ, а самъ хозяинъ, обернувъ руки, передаетъ сосѣду свѣжее полотенце. Этикеты требуютъ, чтобы всѣ слѣдовали его примѣру. И длинное, узкое полотенце тянется по нашимъ колѣнямъ, пока мой товарищъ, сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ, не вытягиваетъ его цѣликомъ изъ-подъ носа сосѣда.

Добродушный арабъ-старичокъ предпочитаетъ утереться полами собственного халата, не рѣшаясь беспокоить «москова». Мы возвращаемся въ приемную, гдѣ насъ снова ждуть кофе, шерберт и душистые кальяны. Около часа проходитъ въ бесѣдѣ за довольно наивной политикой. Наконецъ, стараясь покончить съ щекотливыми темами, я прошу показать намъ устройство арабскаго дома, которое насъ, европейцевъ, очень интересуетъ. Хозяинъ любезно соглашается и, набросивъ на плечи шерстяной плащъ, выходитъ за нами во внутренній дворъ, огороженный строениями. Бѣлые голуби стаей слетаютъ съ парашета плоской кровли, куры радостно привѣтствуютъ наше появленіе. Въ густой тѣни вдоль стѣны и заборовъ мирно отдыхаютъ сѣрые ослики. Черная длинноухая коза съ козленкомъ ощипываетъ здѣсь же свѣжіе побѣги курай-травы; ручной фазанъ обрушивается неожиданно съ вѣтки стараго сикомора, громкимъ хлопаньемъ крыльевъ спугивая козлиное семейство. Отпечатокъ довольства и достатка сквозитъ на всемъ хозяйствѣ. Мы съ любопытствомъ заглядываемъ во всѣ уголки, осматриваемъ конюшню безъ всякаго признака стойлъ или денниковъ, не пропуская даже каменнаго навѣса надъ ометомъ мансовой соломы. А молодой хозяинъ глядитъ на насъ, самодовольно улыбаясь, и наконецъ приглашаетъ на «леванъ», куда слуги вынесли уже мягкіе ковры и мутаки.

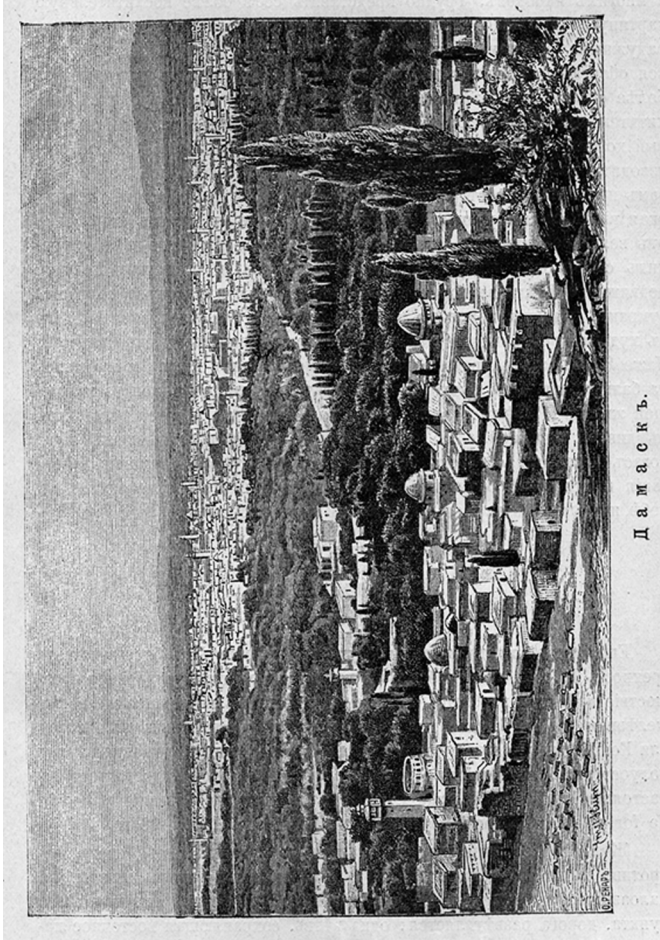
Сирийскій домъ унаслѣдовалъ всѣ характерные признаки палатки но-

мада. Онъ также простъ по обстановкѣ, также незамысловатъ по устройству. Обыкновенно продолговатый по формѣ, главный домъ зажиточнаго араба ставится такъ, чтобы дворъ и холодныя постройки примыкали къ нему, образуя отовсюду замкнутый четырехугольникъ. Стѣны, вершковъ семи толщиной, выводятся на высоту до шести аршинъ изъ грубо отесаннаго камня мѣстной ломки. Желтовато-сѣрый колоритъ зданія съ узкими прорѣзами оковъ, ревниво оберегаемыхъ жалюзи, и цѣпкая зелень площа, заткавшего всѣ карнизы, углы и балко-страды ползучими лопастями, перемѣшанными съ черными гроздьями ягодъ, придаютъ постройкѣ своеобразный колоритъ, несравнимый съ обычными постройками нашей европейской архитектуры. Сзади, къ стѣнѣ, обращенной въ глубину двора, примыкаютъ внутреннія жилыя комнаты, спальни, дѣтскія, — такъ называемая женская половина, святилище, недоступное ничьимъ взорамъ, кромѣ домовладыки и его семейства. Плоская терраса, замѣняя крышу, служитъ вмѣстѣ и прохладнымъ убѣжищемъ послѣ заката, гдѣ на мягкихъ коврахъ, наслаждаясь съ высоты панорамой, любятъ нѣжиться восточныя дамы, окруженныя играющими дѣтьми и прислужницами. Невидимыя для идущихъ и ѣдущихъ внизу по улицѣ, онѣ проводятъ здѣсь лучшіе часы своего досуга. Сбросивъ съ себя докучныя покрывала, женщины наблюдаютъ окружающую жизнь изъ черепичныхъ отверстій широкаго парашета, на аршинъ выведеннаго по карнизу террасы. Здѣсь же любятъ творить свой вечерній намазъ мусуль-

манивъ, когда огненный дискъ обаяетъ прощальными лучами золотистую даль небосклона. Бѣлые и сѣрые голуби слетаются сюда клевать разложенный для просушки рисъ или подвѣшенные къ тростниковымъ палочкамъ грозди вялящагося винограда. Восточная кровля—это излюбленный салонъ, предоставленный въ полное распоряженіе мусульманкѣ. Здѣсь она работаетъ, сучить пряжу, слушаетъ сплетни служанокъ и принимаетъ гостей—такихъ же затворницъ—подругъ, родственницъ и сосѣдокъ. Отсюда по вечерамъ долетаютъ до слуха прохожихъ тихія, монотонныя пѣсни арабскихъ дѣвушекъ, звонъ бубна или задорный смѣхъ подъ темнымъ покровомъ ночи. Можно съ увѣренностью сказать, что, въѣжая въ любое селеніе въ часы, близкіе къ заката, вы служите предметомъ наблюденія тысячи женскихъ глазъ, разбирающихъ вашу наружность, костюмъ, лошадей, вооруженіе прислуги во всѣхъ подробностяхъ. И это такъ естественно въ захолустьяхъ, гдѣ появленіе чужестранца и до сихъ поръ еще рѣдкость. Въ то время какъ женское населеніе мѣстечка наблюдаетъ жизнь съ кровли, мужчины любятъ выходить на «леванъ», существующій почти въ каждомъ арабскомъ домѣ. «Леванъ»—это родъ помоста на каменномъ сводѣ, приподнятый на аршинъ или на два надъ уровнемъ почвы. Онъ обыкновенно устраивается или передъ домомъ, или вблизи воротъ, на дворѣ, но такъ, чтобы съ него былъ виденъ хотя клочокъ пролегающей улицы. Полъ левана смазывается глиной и посыпается пескомъ для болѣе быстрой просушки въ дождливый періодъ года. Стоить взойти на леванъ, и вы замѣтите, что къ нему по желтому фону заросшаго двора вьются протоптанныя дорожки отъ внутреннихъ жилыхъ комнатъ. Леванъ нашего хозяина красиво обрамленъ зеленью хмеля, цвѣтущихъ магнолій, ярко-малиновыми букетами пышно разросшагося олеандра.

Мы садимся на кожаныя подушки и опять пьемъ прохладительный шербетъ и горячій кофе. Часы бѣгутъ незамѣтно. Румяный закатъ обливаетъ уже окрестность прихотливыми розовыми волнами мягкаго свѣта, чарующаго, настраивающаго поэтически воображеніе. Усадьба Магомета-эфенди расположена на пологомъ холмѣ, близъ главной улицы широко раскинушагося Дженина. Городокъ виденъ какъ на ладони съ высоты приподнятаго левана и весь тонетъ въ садахъ, пестрой зелени фиговыхъ деревьевъ. Изъ ограды гигантскихъ кактусовъ мѣстами поднимаются прекрасныя смоквины. Темные чешуйчатые стволы ихъ красиво освѣнены зелеными раскидистыми перьями, образующими вѣерообразный зонтикъ, едва отбрасывающій сквозныя тѣни. Бѣлая мечеть тонетъ въ букетахъ пальмъ, мирно освѣнившихъ ея крохотный каменный куполь. За нею бѣлыя мазанки селенія, раскинувшіяся по пологому скату холмовъ, составляющихъ послѣдній отпрыскъ оставшихся позади горъ Самарянскихъ. А тамъ, въ зеленой глубинѣ, уже стелется безконечная

ДАМАСКЪ.

ширь Ездrelонской равнины—историческое поле битвъ всѣхъ эпохъ и многихъ народовъ. Трудно представить себѣ болѣе восхитительную картину... А солнце, склоняясь надъ моремъ, золотистыми потоками, радужными брызгами багрить малиновый пологъ своей колыбели, и вся облитая розовымъ туманомъ живописная окрестность кажется еще болѣе сказочной и фантастичной. Эту чарующую панораму, этотъ восхитительный уголокъ Божьяго міра видитъ каждый день мой счастливый хозяинъ. Наблюдая за мною, за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на меня его родина, вольный сынъ безконечной равнины и самъ проникается восторженнымъ трепетомъ. Мы долго сидимъ, не спускающая глазъ съ догорающаго свѣтила, будучи не въ силахъ оторваться отъ величавой картины, боясь проронить слово. Магометъ-эфенди уронилъ сафьяновый наконечникъ своего кальяна и, обхвативъ колѣни, недвижно слѣдилъ за тонкими кольцами дыма, что таеутъ въ голубомъ сумракѣ, надвигающемся на насъ съ востока. Товарищъ мой застылъ въ художественномъ созерцаніи величественной панорамы окрестностей. Даже Якубъ, этотъ уравновѣшенный вѣмецъ, снялъ шляпу и, опершись на балюстраду, какъ будто прислушивается къ тихому гомону замирающей жизни. И всѣмъ хорошо, легко на душѣ и не хочется разстаться съ дивной иллюзіей... Но солнце померкло. На потемнѣвшемъ небѣ погасъ послѣдній отблескъ багрянаго сіянія. Сумракъ смѣшалъ очертанія предметовъ. Замигали въ селеніи первые огни, заискрились въ небѣ первыя звѣзды. День оконченъ и ночь наступила.

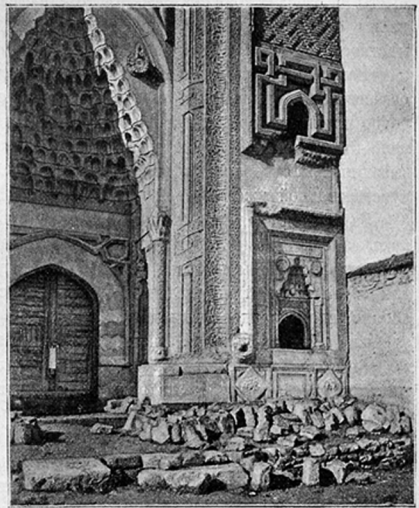
По Малой Азіи.

(Г. Гроте).

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы попасть съ берега во внутренность Малой Азіи, требовалось утомительное двадцатидневное путешествіе на спинѣ верблюда, лошади или мула; въ настоящее же время желѣзная дорога въ два дня переноситъ путешественника въ Ангору или Колю, эти два культурные и хозяйственные центра, лежащіе внутри полуострова. Эта желѣзная дорога, протяженіе которой достигаетъ въ настоящее время 1.033 виллом., носитъ официальное названіе «*Chemin de fer ottoman d'Anatolie*» и была построена въ 1891—96 гг.

Желѣзнодорожный путь начинается на малоазійскомъ берегу, напротивъ Константинополя, и отсюда направляется внутрь страны, на малоазійское плоскогоріе. Въ Эскишерѣ, на 313 верстѣ отъ исходаго пункта, дорога развѣтвляется: одна вѣтвь, сохраняющая восточное направленіе, идетъ въ Ангору, другая отклоняется къ югу и оканчивается въ Коніи.

Рѣдкое путешествіе представляетъ столько интереса, какъ поѣздка по Малой Азіи. Ни въ какой другой странѣ путешественника не охватываетъ такая масса историческихъ воспоминаній, какъ въ Малой Азіи. Поѣздка по этой странѣ, издавна представлявшей какъ бы мостъ между Среднею Азіею и Европой, гдѣ каждая народность оставила свои слѣды, является грандіозною экскурсіей въ область всемірной исторіи. Лидійцы, фригійцы, греки, римляне, византійцы, сельджуки, турки—все оставили здѣсь по себѣ многочисленные памятники: водопроводы, мосты, военныя дороги, крѣпости, дворцы, города, храмы, ваянія, высѣченныя въ скалахъ, саркофаги. Эти памятники, то забытые, заваленные мусоромъ, то разрушенныя, въ видѣ жалкихъ обломковъ, или стройныя и горделивыя какъ останки прошлаго величія, усѣиваютъ всю поверхность Малой Азіи. Одно удивительное свойство отличаетъ эту страну—непобѣдимая способность обновленія. Гибли города, царства и народы, но люди соединялись снова въ общества, поля приносили новый плодъ, вновь расцвѣтали искусство и цивилизація. Кажется, и въ настоящее

Порталь мечети въ Коніи.

время за періодомъ оцѣпенія и застою наступаетъ пробужденіе. Въстѣ съ новой желѣзной дорогой въ страну входитъ европейская цивилизація, открываются новые пути и источники благосостоянія. Западъ какъ будто отдаетъ часть того, что вѣога взялъ у Востока.

Сѣрый предрасвѣтлый сумракъ еще окутываетъ Константинополь, слабо рисуются очертанія домовъ... Но внезапно выплывающее солнце разгоняетъ короткія восточныя сумерки, разбрасывая золотыя снопы лучей. Мечети и минареты сверкаютъ бѣлизной, широко раскинувшееся море домовъ блещетъ пестрыми красками, а въ гавани отчетливо вид-

вбѣтса густой лѣсъ корабельныхъ мачтъ. На пристани шумъ и суета. Утро пробудило жизнь и движеніе.

Мы садимся на пароходъ и переѣзжаемъ на ту сторону Босфора, къ мѣстечку Гайдаръ-паша,—конечной станціи анатолійской желѣзной дороги. Уже на молахъ пристани мы видимъ длинные ряды товарныхъ вагоновъ, изъ которыхъ посредствомъ желобовъ перегружается зерно въ плоскія, продолговатыя турецкія лодки. Большія цилиндрическія корзины, наполненныя всевозможными овощами съ береговъ Исмидской бухты и озера Сабанджа, громоздятся на палубахъ судовъ. Могучіе клены обнѣгаютъ желѣзнодорожную станцію и прилегающую къ ней мѣстность.

Вагонъ, въ который мы садимся, поражаетъ насъ своею высотой и ослѣпительно бѣлою окраской. Крыша у него двойная. Воздухъ, свободно проходящій между верхнею желѣзною и нижнею деревянною крышею, въ соединеніи со свойствомъ бѣлой окраски отражаетъ лучи, оказываютъ благотворное дѣйствіе, такъ что мы не очень страдаемъ отъ чувствительной уже майской жары.

За нами появляются въ качествѣ пассажировъ двое важныхъ турецкихъ сановниковъ съ большою мужскою и женскою свитой. Мы заглядываемъ въ вагоны перваго класса, устроенные анатолійскою дорогою для своей знатной магометанской публики; стѣны покрыты пестрыми обоями, вдоль продольныхъ стѣнъ роскошные диваны, на которыхъ съ удовольствіемъ можно посидѣть съ поджатыми ногами.

Анатолійская желѣзная дорога насколько возможно примѣнилась къ восточнымъ обычаямъ, и эта внимательность въ короткое время заслужила ей расположеніе всѣхъ магометанъ—условіе, необходимое для успѣха предпріятія. Здѣсь было бы неудобно вводить европейскіе обычаи, не подходящіе ни къ климату страны, ни къ ея населенію. Поэтому поѣзда отправляются по турецкому времени, а по турецкому счету солнце заходитъ въ двѣнадцать часовъ, и съ этого момента начинаются сутки, содержащія, какъ и у насъ, 24 часа. Житель Востока всю свою жизнь распредѣляетъ по солнцу, по солнцу онъ опредѣляетъ часы молитвы и время ѣды. Такъ какъ большую часть дня онъ проводитъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ солнце не прячется, какъ у насъ, за облаками, то естественно онъ находитъ такой счетъ времени наиболѣе для себя подходящимъ. Конечно, для путешественника-европейца такое дѣленіе времени не совѣтъ удобно. Время захода солнца ежедневно мѣняется, мѣняется и счетъ часовъ, такъ что путешественнику приходится ежедневно переводить свои часы.

Точно такъ же на анатолійской дорогѣ принять во вниманіе и другою восточный обычай—раздѣленіе половъ. На случай встрѣчи съ представительницею прекраснаго пола въ общественномъ мѣстѣ магометан-

ское правило приличія предписываетъ: «уходи съ дороги», а если это невозможно, законъ повелѣваетъ: «не гляди». Раздѣленіе половъ соблюдается въ Турціи всюду, гдѣ только возможно. Отдѣльныя, строго обособленныя помѣщенія для женщинъ имѣются въ вагонахъ конно-жельзной дороги, на пароходахъ и между прочимъ устроены и въ ва-

Курды.

гонахъ анатолийской желѣзной дороги. Даже на станціяхъ существуетъ «гаремлыкъ»—отдѣльная зала для женщинъ; на маленькихъ станціяхъ, не обладающихъ достаточнымъ помѣщеніемъ, отъ общей залы отдѣляется рѣшеткой узкое пространство, гдѣ томятся, избѣгая мужскихъ взглядовъ, закутанныя женскія фигуры.

Дорога вдоль морского берега отъ Гайдаръ-паши до городка Исмидъ напоминаетъ поѣздку вдоль альпійскаго озера или по Ривьерѣ. Направо

видѣются голубыя воды Исмидскаго залива, за ними очертанія Воеинскихъ горъ, надъ которыми величественно сверкаетъ увѣчанная сѣтѣми вершина Олимпа (одного изъ 18 Олимповъ, извѣстныхъ древнему міру). Изъ лазурныхъ водъ поднимаются Принцезы острова то въ видѣ сѣрыхъ скалъ, въ расщелинахъ которыхъ уются бѣлые домики, то въ видѣ темно-зеленыхъ лѣсистыхъ островковъ. Налѣво тянутся низкіе, бѣдные лѣсомъ горные хребты, служащіе большею частью пастбищами, на что указываютъ видѣющіяся тамъ и сямъ овчарни, низенькія пастища хижины и круглыя, окруженные густымъ кустарникомъ, загоны для скота. Между этими холмами и моремъ тянутся полосой роскошныя сады. Поѣздъ бѣжитъ то около моря, то взбирается на вершины холмовъ. Куда ни взглянешь, цѣлая чаща покрытыхъ плодами вѣтвей и кустовъ. Тутъ оливы, фиги, виноградныя лозы, орѣшникъ, айва, миндальныя деревья. Мѣстами поѣздъ подходитъ такъ близко, что изъ окна можно рвать плоды.

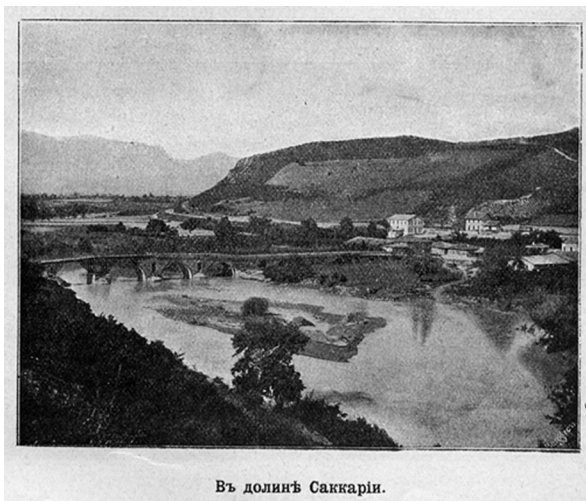
На станціяхъ, гдѣ останавливается поѣздъ, господствуетъ оживленіе; суетни и суетолюки здѣсь не меньше, чѣмъ на европейскихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, но живописности гораздо больше. Торговцы фруктами со своими корзинами, продавцы воды съ пронзительнымъ крикомъ: «бусреки!»—«холодна, какъ ледъ», вскакиваютъ на подножки вагоновъ; густою толпой лѣзутъ пассажиры—анатолійскіе турки въ своихъ шальварахъ, коротенькихъ, подбитыхъ толстымъ слоємъ ваты, курточкахъ, легкомъ верхнемъ платьѣ, напоминающемъ кафтанъ, и высокыхъ турбанахъ, скрученныхъ изъ пестрой шали; кочевые курды въ ярко-красныхъ плащахъ, сапогахъ и брюкахъ; черкесы въ папахахъ, длинныхъ черкескахъ и узкихъ шароварахъ. Бѣлыя покрывала женщинъ сверкаютъ на солнцѣ. Широкіе, спускающіеся почти до щиколотки, шальвары турчанокъ и ихъ длинныя фереджэ (плащи) большею частью матово-сѣраго цвѣта, тогда какъ костюмы армянонъ и грузинонъ пестрятъ яркими желтыми и красно-розовыми тонами.

Ковриги и сумка съ сѣстными припасами—рисъ, ячмень, лепешки—вотъ все, что беретъ съ собою большинство здѣшнихъ пассажировъ. Долгіе сборы, большой запасъ денегъ не входятъ въ обычай жителя Востока. Съ удивительною легкостью въ душѣ идетъ онъ навстрѣчу неизвѣстному. Тамъ какой-нибудь старый другъ, а можетъ быть и новый окажетъ путнику гостепримство, а Аллахъ уже пошлетъ ему счастье и барыши. Вѣра его непоколебима. Поэтому житель Востока такъ легко рѣшается на путешествіе и склоненъ къ нему, какъ никто другой. Не даромъ восточная пословица гласитъ: «не долгая жизнь учить человѣка, а долгое путешествіе».

Мы ѣдемъ дальше вдоль берега. Высокія черпальныя колеса поднимаютъ воду изъ цистернъ, осѣненныхъ густыми деревьями, въ длинныя

деревянные желоба. Около самыхъ рельсовъ видѣются четырехугольные участки, огороженные кольями; они служатъ для складыванія урожая во время жатвы. А урожай дѣйствительно бываетъ очень великъ. Товарные поѣзда ходятъ тогда ночью, останавливаясь въ открытомъ полѣ для нагрузки. Благодаря мягкому климату крестьянинъ при хорошемъ орошеніи можетъ снять три, иногда четыре жатвы въ годъ.

Полоса садовъ тянется до самаго Исмида. Съ площадки своего вагона мы видимъ ряды домовъ, среди которыхъ есть нѣсколько строя-

Въ долину Саккари.

щихся новыхъ. Ихъ остовы съ легкими балками кажутся намъ огромными птичьими клетками. Ни способъ постройки, ни матеріалъ, изъ котораго строятся турецкія зданія, не отличаются особою прочностью. Остовъ изъ легкихъ балокъ образуетъ обычные два этажа; полъ опирается на гибкіе стволы и сучья, употребляемые въ дѣло въ томъ видѣ, какъ они привезены изъ лѣса. Такимъ образомъ остовъ дома представляетъ собою не что иное, какъ видъ плетня. Промежутки заполняются черепицей, сдѣланной по древне-вавилонскому или египетскому способу изъ глинистаго ила или изъ глины съ примѣсью рубленой соломы и высушенной на солнцѣ. Еще легкій слой глины сверху—и постройка готова. Въ городахъ дома покрываются известкой и раскрашиваются бѣлою или

пестрок краской; въ деревняхъ они сохраняютъ скромную темную окраску глины. Чисто убранные, эти примитивно построенные домки съ низенькими, въ уровень съ землей, верандами, выступающими балконами верхняго этажа и островерхими красными черепичатыми кровлями производятъ чистенькое и пріятное впечатлѣніе.

За Исмидомъ характеръ страны измѣняется. Въмѣсто коричневыхъ, бѣдныхъ растительностью, склоновъ мелькаютъ зеленыя лѣсистыя горы. Мѣстность становится болѣе дикою и почти принимаетъ характеръ дѣвственнаго первобытнаго лѣса. Внизу растутъ клены и платаны, выше, по склонамъ, каштаны, буки, липы. Кусты рододендроновъ составляютъ

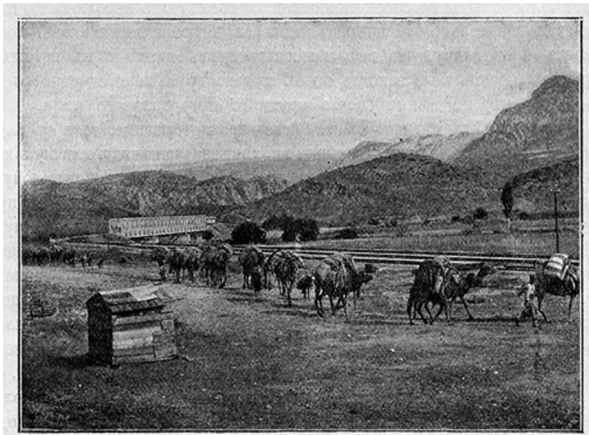
Турецкіе крестьяне.

подлѣсогъ, а сарсапарилла обвиваетъ стволы и вѣтви, напоминая тропическія лианы. Немного уже осталось въ Малой Азіи такихъ лѣсовъ; почти всюду они истреблены пожарами, безтолковыми порубками; молодыя деревца попорчены скотомъ, преимущественно козами, и значительнымъ прежде лѣснымъ богатствомъ Малой Азіи грозитъ скорый конецъ.

Въ зелени по склонамъ горъ часто мелькаютъ ерши и стѣны; это деревни черкесовъ, переселившихся сюда изъ Россіи.

Вскорѣ за Исмидомъ дорога поворачиваетъ прямо на югъ и идетъ по долинѣ рѣки Саккаріи. Мѣстные жители называютъ эту долину «Иешиль-денись»—«зеленое море». И дѣйствительно эта долина чрез-

вычайно плодородна и имѣетъ цвѣтушій видъ, несмотря на то, что обработка земли у большинства анатолийскихъ крестьянъ стоитъ на плачевно низкой степени развитія и въ настоящее время производится тѣмъ же способомъ, что и нѣсколько столѣтій назадъ. Земледѣлецъ ограничивается почти одною деревянною сохою въ томъ видѣ, какъ ее употребляютъ арабы и берберы африканскихъ оазовъ; орудіе это способно только слегка расцарапать поверхность земли. Къ сохѣ посредствомъ палки припрягаютъ быковъ. Другое не менѣе жалкое орудіе должно замѣнять собою борону и катокъ. Удобреніе является чѣмъ-то необычнымъ и употребляется въ гомеопатическихъ дозахъ. Другое, столь же

Караванъ въ пути.

первобытное, какъ и соха, орудіе служить для молотбы. Это нѣчто въ родѣ саней, состоящихъ изъ доски, которая на нижней поверхности усажена острыми камнями. Самое поле служитъ токомъ; по разложенному на немъ хлѣбу ѣздятъ взадъ и впередъ упомянутыя сани, на которыхъ для тяжести возсѣдаетъ возница.

На дорогахъ, пролегающихъ вдоль желѣзнодорожнаго пути, замѣтны жизнь и движеніе. То видны узкія арбы, запряженныя волами или быками, пестро раскрашенныя, на желтыхъ колесахъ, съ низкою крышей, образующей родъ палубы; рядомъ съ ними съ шумомъ и скрипомъ тянутся нагруженныя товаромъ неуклюжія телѣги, поставленныя на одну ось съ двумя круглыми отрѣзками дерева вмѣсто колесъ. Длинные кара-

ваны верблюдовъ направляются къ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Еще недавно эти медленные способы сообщенія были единственными въ этой странѣ.

Видъ каравана своеобразенъ и невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Во главѣ его выступаетъ осликъ, сѣмена ровнымъ, неутомимымъ шагомъ. На спинѣ ослика возсѣдаетъ «каарджи»—предводитель каравана. Ноги его, свѣшиваясь, почти касаются земли. Турбанъ, нѣсколько разъ обернутый вокругъ головы, плащъ изъ козьяго мѣха съ длинною шерстью, рѣзкія черты лица, мускулистые члены придаютъ этимъ людямъ какой-то дикій видъ. За осликомъ гуськомъ одинъ за другимъ шагаютъ верблюды со своею поклажей. У послѣдняго верблюда на шеѣ привязано нѣсколько бубенчиковъ; ихъ равномерное позвякиванье показываетъ проводнику, что всѣ животныя идутъ мирно и въ порядкѣ. Верблюдъ несетъ по 8, иногда по 10 пудовъ груза и ежедневно идетъ 8—10 часовъ, не мѣняя своего крупнаго неторопливаго шага.

Картина дѣлается еще оживленнѣе и разнообразнѣе, если съ караваномъ ѣдутъ еще путешественники верхомъ на лошадахъ или мулахъ: знатный турокъ на иноходцѣ, развалившійся на выложенномъ подушками сѣдлѣ, какъ на диванѣ, въ сопровожденіи многочисленной прислуги; почтенный мулла, ученый, въ бѣломъ турбанѣ, верхомъ на мулѣ съ необыкновенно степеннымъ видомъ и задумчиво опущенною головою; странствующій дервишъ въ цилиндрической мѣховой шапкѣ и длинномъ плащѣ, спитомъ изъ пестрыхъ лоскутовъ; греческіе и армянскіе купцы, поглощенные заботой и спорами о товарахъ и цѣнахъ. По временамъ кто-нибудь изъ верблюдовожатыхъ затягиваетъ гнусливымъ голосомъ народную пѣсню, остальные подхватываютъ ее на половинѣ строфы.

Въ настоящее время сцены, подобныя описанной, вблизи анатолійской дороги можно видѣть все рѣже и рѣже. Направленіе желѣзнодорожнаго пути по большей части совпадаетъ съ знаменитыми старинными караванными дорогами, и караваны оттѣсняются могучею соперницей на второстепенныя проселочныя тропы. Порохъ, ружья и пушки уничтожили рыцарство, желѣзныя дороги мало-по-малу упразднятъ караваны.

Въ небольшомъ городѣ Лефке мы прерываемъ наше путешествіе и изъ вагона отправляемся въ туземную гостиницу—«ханъ». Двухъэтажное зданіе съ высокою крышей и выступающими балконами выглядитъ совсѣмъ недурно. Мы входимъ въ домъ черезъ обширныя высокія сѣни. «Ханджи» (хозяйинъ гостиницы), пожилой турокъ, принимаетъ насъ съ любезностью, исполненной достоинства и не имѣющей ничего общаго съ низкопоклонствомъ армянъ трактирщиковъ. Послѣ того, какъ мы съ благодарностью отклоняемъ его приглашеніе войти въ его собственную комнату, хозяйинъ ведетъ насъ во второй этажъ, гдѣ находится номеръ.

Мы взбираемся по довольно головоломной лѣстницѣ наверхъ и по верандѣ, опоясывающей домъ изнутри, со двора, проходимъ въ нашу комнату. Эта комната, чисто выбѣленная, выложенная соломенными циновками, производитъ тоже довольно пріятное впечатлѣніе, а ея обстановка—диванъ, столъ, стулья, желѣзная кровать—нетребовательному человѣку можетъ показаться даже комфортабельной. Единственный недостатокъ здѣшнихъ гостиницъ, какъ и вообще жилищъ, составляетъ изобиліе всякихъ насѣкомыхъ, для которыхъ щели и скважины легкихъ здѣшнихъ построекъ представляютъ удобнѣйшій пріютъ. Сами жители Востока отличаются довольно толстою кожей и не чувствуютъ никакого отвращенія къ этимъ незванымъ сожителямъ, а одному изъ самыхъ противныхъ насѣкомыхъ турки дали даже ласкательное названіе: «тахтакузу», т. е. «деревянный барашекъ». Съ крытой галлерей, огражденной грубыми перилами, отлично виденъ обширный прямоугольный внутренний дворъ, охваченный «ханомъ» со всѣхъ сторонъ. На дворѣ царятъ оживленная дѣятельность и суета. На землѣ лежатъ верблюды; запряженные быками телеги съ зерномъ стоятъ тѣсными группами, ржутъ лошади, дико кричатъ какой-то катарджи.

Самъ Лефке очень милый городокъ: пріятливые, осѣненные платанами дома, довольно широкія улицы, надъ которыми по проволочной сѣткѣ вьются виноградныя лозы, перебрасывающіяся съ одной стороны улицы на другую, пестрыя выставки товаровъ передъ дверями... Въ верхнемъ кварталѣ, прилегающемъ къ горамъ, виднѣются многочисленныя двухъ- и трехъэтажныя строенія съ широкими сводчатыми окнами. Эти полныя воздуха и просторныя зданія кажутся вилами зажиточныхъ горожанъ, въ дѣйствительности же служатъ пріютомъ высокочтимого здѣсь существа—шелковичнаго червя.

Интересно заглянуть внутрь такого дома. Высокіе деревянные подмостки занимаютъ внутреннее пространство. На тонкихъ поперечныхъ перекладинахъ лежатъ вѣтки шелковицы, образуя густой рядъ зеленыхъ полокъ. На вѣткахъ сидятъ шелковичныя черви, истребляющіе ежедневно цѣлыя груды листьевъ. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока черви не начнутъ окукливаться. Въ другихъ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ, занимающихъ пристройку къ этому зданію, сидятъ женщины и дѣвушки, которыя разматываютъ шелкъ съ лежащихъ въ горячей водѣ коконовъ. Работницы, получающія, кстати сказать, очень незначительную плату, по большей части армянки. Отпечатокъ какой-то интеллигентности и кроткаго терпѣнія лежитъ на ихъ правильныхъ, почти красивыхъ лицахъ. Въ числѣ работницъ попадаются однако и турчанки; при нашемъ приближеніи онѣ плотно закутываютъ лицо откинутымъ во время работы покрываломъ.

Часто существованіе и привычки цѣлой семьи складываются въ за-

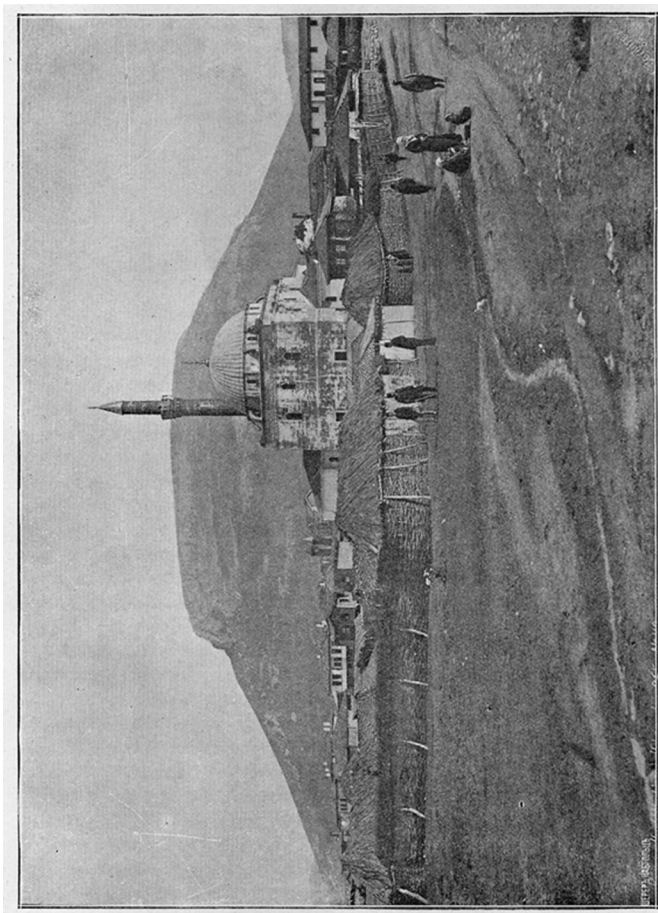
висимости отъ шелкоичнаго червя. Члены семьи расплазуются по угламъ и коридорамъ, чердакамъ и погребамъ, предоставляя остальное помѣщеніе шелкоичному червю, приносящему въ ихъ домъ благословеніе Аллаха, т. е. деньги. Въ окрестностяхъ Лефке и далѣе въ долині рѣки Кара-су, куда сворачиваетъ желѣзная дорога, преобладаютъ плантаціи шелкоичны; имъ жертвуется всякій клочокъ земли, всякій удобный сылонъ холма.

За Беледжикомъ начинается уже горная желѣзная дорога, поднимающая насъ на анатолийское плоскогоріе; на 12,3 километрахъ разстоянія поѣздъ поднимается на 293 метра. Передъ нашими глазами бѣгутъ, смѣняя другъ друга, все новыя и новыя картины. Поѣздъ то жметъ по горному сылову, то повисаетъ въ воздухѣ на желѣзной настилкѣ мостовъ. Мы то погружаемся въ полумракъ, то попадаемъ подъ ослѣпительныя солнечныя лучи, льющіеся на голыя скалы. Изъ горныхъ расщелинъ струятся тонкія нити ручьевъ; сылоны усыяны кустами можжевельника. По временамъ мелькаетъ бѣшено рвущійся впередъ Кара-су, и до насъ доносится его ревъ. Рядомъ съ нимъ виднѣется узкая сѣрая полоса—это старая большая дорога, которая ведетъ на верхнее плато.

Наконецъ, мы на верхнемъ плато. Рѣзкій, холодный вѣтеръ врывается въ окна вагона. Ясно чувствуется, что мы попали въ полосу другого климата. Это видно и по растительности. Тамъ, внизу, къ концу апрѣля царило прекрасное лѣто, а здѣсь, въ широкихъ впадинахъ долины, обрамленныхъ небольшими возвышенностями, мы видимъ еще зеленыя поля. Глазъ тщетно ищетъ садовъ и отдѣльно разбросанныхъ усадебъ. Въ татарскихъ и черкесскихъ деревняхъ дома тѣсно жмутся другъ къ другу. И самыя дома меньше и бѣднѣе, чѣмъ внизу. Весь пейзажъ носитъ какой-то сѣрый оттѣнокъ.

Въ Эскишерѣ мы дѣлаемъ вторую остановку и попадаемъ на ярмарку. Вся площадь усыяна телѣгами, повозками, лошадьми, ослами, темными палатками. Между животными суетятся ребятишки, которые тщательно собираютъ свѣжій навозъ и складываютъ его въ мѣшки. Дерево дорого на плоскогорьи, и высушенный навозъ является драгоценнымъ топливомъ. Изъ него дѣлаютъ плитки и сушатъ ихъ на солнцѣ. А лѣплятъ эти плитки прямо руками!

Мы идемъ далѣе. Вотъ навстрѣчу намъ съ монотоннымъ плачемъ торопится густая толпа. Подойдя ближе, мы видимъ гробъ, который несутъ бѣгомъ около дюжины мужчинъ. Носильщики и провожатые читаютъ, безконечно повторяя свой «текбиръ»—символъ вѣры. Въ головѣ гроба помѣщенъ деревянный шаръ, обвитый зеленымъ тюрбаномъ. Очевидно, покойникъ былъ «схаджи», т. е. совершилъ нѣкогда паломничество въ Мекку; поэтому-то и собралось такое множество правовѣрныхъ, чтобы проводить его къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Торопливыя

Въ турецкой деревнѣ.

бѣгъ носильщиковъ и провожатыхъ кажется не совсѣмъ соответствующимъ торжественности минуты, но у мусульманъ на это совершенно противоположный взглядъ.

Эскишеръ расположенъ почти на краю плато, которое простирается отсюда къ востоку до Ангоры, а къ юго-востоку до Конии и имѣетъ почти всюду одинаковый видъ: волнистая мѣстность, на которой мѣстами поднимаются болѣе крупныя группы утесовъ. Такъ какъ въ теченіе лѣта, продолжающагося 6 мѣсяцевъ, дождя выпадаетъ мало, то страна въ значительной степени носитъ колоритъ пустыни. Коричневый, почти зеленоватый оттѣнокъ лѣтомъ, сѣрый—осенью, бѣлый—зимой—вотъ цвѣта, въ которые облечено плоскогорье. Больше пустырей, чѣмъ нивъ, деревень немного, зато много развалинъ изъ временъ погибшихъ цивилизацій. Когда лѣтній зной тяжело и недвижимо виситъ надъ гольми, почти безводными равнинами, онѣ кажутся оцѣпенѣлымъ царствомъ смерти. Однообразие этого пустыннаго ландшафта нарушается только причудливыми очертаніями скалъ, да дальше на юго-востокъ соляными озерами, около которыхъ проходитъ желѣзная дорога, или видами городовъ. Дома послѣднихъ или прилегаютъ къ утесамъ, вздымающимся надъ плато, или лежатъ въ низинахъ среди равнины, но всегда окружены вѣнкомъ садовъ.

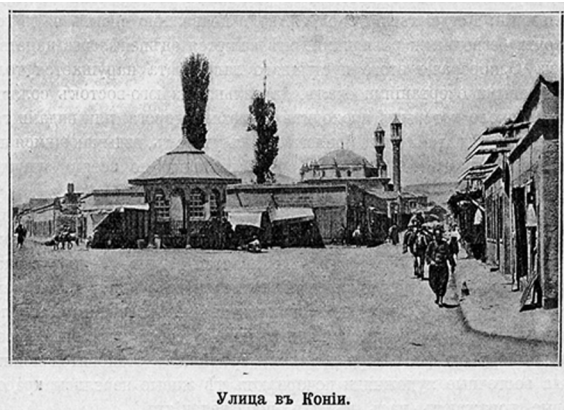
Около одного изъ такихъ городковъ—Афіунъ-Карашсеара—нашимъ глазамъ представляется великолѣпная картина. Весь городъ окруженъ полями мака, изъ котораго здѣсь добывается опиумъ. Теперь весна, и цвѣточныя поля то тускло-лиловыя, то зеленовато-синія, то пламенно-красныя, то нѣжно-бѣлыя переливаются такими волшебными прелестными красками, что, кажется, видишь передъ собою огромный коверъ, вытканный рукою феи. Передъ такимъ зрѣлищемъ ставится попятно, отсюда восточные художники почерпаютъ тѣ живые переливы красокъ, которые поражаютъ насъ въ ихъ произведеніяхъ.

Сотни рабочихъ заняты добываніемъ изъ маковыхъ головокъ коричневатаго сока, служащаго для приготовления опиума. Когда маковыя головки созрѣютъ наполовину, длинныя ряды женщинъ и дѣтей проходятъ по полямъ. Такъ какъ при сборѣ маковыхъ головокъ силы не требуется, а нужно только терпѣніе, то мужчины рѣдко занимаются этой работой. Собранныя головки осторожно надрѣзаютъ ножичкомъ, вытекающій изъ разрѣзовъ сокъ черезъ нѣсколько часовъ застываетъ. Тогда похожая на смолу капля осторожно снимается деревянною палочкой. На рынокъ опиумъ приносятъ въ видѣ мелкихъ шариковъ, завернутыхъ въ виноградныя листья. Каждая головка даетъ одну крохотную каплю, за которой нужно нагнуться два раза. Сколько же требуется терпѣнія, чтобы собрать килограммъ опиума, стоящій на мѣстномъ рынкѣ отъ 4 до 5 рублей!

Наши глаза долго не могут оторваться от красочного великолѣпія маковыхъ полей. Но какъ однообразны дѣлаются эти самыя поля, когда пестрые маковые цвѣты завянутъ и лѣтнее солнце сожжетъ ихъ стебли.

Наконецъ, на равнинѣ передъ нами выступаетъ плоская группа домовъ Коніи—конечнаго пункта нашей поѣздки.

Этотъ городъ въ настоящее время является центромъ торговли, мелкой промышленности и правовѣрнаго мусульманства. Здѣсь развито тканье ковровъ и художественныя работы изъ кожи. Промышленная жизнь города отражается на его многочисленныхъ базарныхъ улицахъ и на общей физиономіи населенія.

Улица въ Коніи.

Уличная жизнь Коніи гораздо живѣе, чѣмъ въ сѣверо-восточныхъ городахъ Малой Азіи, не только по движенію, но и по краскамъ. Чернѣютъ только рясы и клобуки греческихъ священниковъ, которые встрѣчаются здѣсь часто, такъ какъ среди населенія Коніи довольно много грековъ. На первый же планъ въ одеждѣ выступаютъ свѣтлые и яркіе цвѣта. Фередже (плащъ турчанокъ), черный или сѣрый въ Константинополѣ и приморскихъ городахъ, здѣсь пестрѣетъ цвѣтами по красному или желтому полю. Длинный кафтанъ мужчинъ блеститъ бѣлыми и розовыми или бѣлыми и шафранно-желтыми полосами; платокъ, обвивающій феску, сверкаетъ золотою бахромой. За широкими кожаными поясами зажиточныхъ земледѣльцевъ, часто наѣзжающихъ въ городъ по дѣламъ или для развлечения, поблескиваютъ богато изукрашенныя руко-

ятки пистолетовъ и кинжаловъ. Съ лѣвой стороны на поясѣ, по зѣвшнему обычаю, виситъ пестрый, красиво вышитый платокъ. Тутъ же рядомъ яркіе лохмотья кочующихъ въ Малой Азіи цыганъ и желтоватые, сваланные изъ козьей шерсти, плащи юркійскихъ пастуховъ.

Своеобразный оттѣнокъ общей картинѣ придаютъ широкіе темно-зеленые плащи и коричневые, похожія на горшокъ, шапки дервишей изъ ордена Мевлеви.

Этотъ орденъ—самое сильное и извѣстное изъ всѣхъ духовныхъ братствъ, которыхъ въ Турціи имѣется значительное количество. Своею извѣстностью среди магометанъ Конія обязана славѣ этихъ дервишей. Члены братства называются «вертящимися», такъ какъ ихъ служеніе Аллаху выражается въ особомъ танцѣ, при которомъ разрѣшается присутствовать и «невѣрнымъ».

Мѣстомъ пребыванія дервишей въ Коніи служатъ «текке»—хорошенькій монастырь; кругомъ его двора, усаженнаго цвѣтами, ютятся низенькія, обрамленныя зеленью кельи.

Дервишъ вводитъ насъ въ четырехугольный залъ, заканчивающійся вверху полукуполомъ; скромныя сѣрыя стѣны лишены всякихъ украшеній. Глубокое молчаніе царитъ среди людей, собравшихся сюда для молитвенныхъ дѣйствій. Дервиши входятъ вмѣстѣ, скрепчиваютъ руки на груди и подходятъ къ главѣ ордена, который ихъ благословляетъ. Флейта начинаетъ наигрывать однообразную, жалобную мелодію. Головы дервишей склоняются на правое плечо, руки вытягиваются перпендикулярно туловищу, и начинается медленное-медленное круговращательное движеніе по залу. Мало-по-малу дервиши кружатся все быстрее, все шире кругъ, описываемый ихъ развѣвающимся длинною одеждою, все отрывочнѣе и невнятнѣе возгласы: «Единъ богъ—Аллахъ... когда же глаза наши увидятъ желаемого?» Звуки флейты все пронзительнѣе. Нѣкоторые шатаются, но съ безумными подергиваніями вновь пускаются въ танецъ, пока не упадутъ въ изнеможеніи, повторяя со стономъ: «Единъ богъ—Аллахъ»...

Такая дикая церемонія производитъ странное впечатлѣніе, и все-таки въ основѣ этого верченія лежитъ глубокая возвышенная черта преданности идеѣ и вѣры въ Божіе откровеніе. Посторонній зритель глядитъ на эту пляску не только съ чувствомъ снисходительнаго состраданія, какъ на своеобразное чудачество,—его захватываетъ искренность этой, хотя бы и слѣпо выраженной, вѣры.

Въ жилищахъ турецкаго населенія Малой Азіи сохранилось еще много крови туркменовъ, пришедшихъ сюда въ XIII вѣкѣ, но внѣшній обликъ ихъ измѣнился вслѣдствіе смѣшенія съ коренными обитателями страны—каппадокійцами, фригійцами, лидійцами. Стройныя фигуры мужчинъ и большіе глаза женщинъ напоминаютъ скорѣе арійцевъ, грековъ и чер-

Анатолийские турки.

кесовъ, чѣмъ монголовъ. Но духовныя особенности этой расы не исчезли, не исчезли выносливость, спокойное мужество и неприхотливость пастушескаго народа. Для характеристики османскаго народа слѣдуетъ приводить въ примѣръ не безсовѣстныхъ чиновниковъ, живущихъ по пословицѣ: «казна—неистощимое море, кто не хлебаетъ изъ него—свинья», и не тщеславныхъ, жаждущихъ наслажденій константинопольскихъ эфенди, а турецкаго земледѣльца, въ особенности жителя Анатоли. Старинная азиатская пословица говоритъ: «арабъ—благородецъ, персъ—вѣженъ, турокъ—неуклюжъ»; но подъ этою неуклюжестью скрывается много честности и прямоты. Упрекъ въ лѣности и несправливости, который обыкновенно дѣлаютъ турку, несомнѣнно несправдливъ. Онъ добросовѣстно и неутомимо обрабатываетъ свое поле, но, конечно, и столь же неумѣло, какъ его предки. Кто видаль маленькіе обработанные клочки на головоломныхъ крутизнахъ надъ Кара-су,— клочки, которые съ неимовѣрнымъ трудомъ покрываются землей, а если ливень нанесетъ съ горъ камни, терпѣливо исправляются вновь, тотъ почувствуетъ истинное уваженіе къ настойчивости и твердости анатолийскаго земледѣльца.

Конечно, вслѣдствіе созерцательности восточной природы и стремленія къ мирнымъ наслажденіямъ, турку недостаетъ той безпокойной суетливости и пронырливости въ погонѣ за наживой, которая такъ отличаетъ армянина. Армянинъ, какъ и грекъ, никогда не выступаетъ въ роли земледѣльца; онъ является исключительно посредникомъ въ торговлѣ, скупщикомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, продавцомъ товаровъ, при чемъ флегматическій турокъ очень часто является жертвою жестокаго надувательства.

Въ армянской деревнѣ.

(Г. Гротъ).

Окрестности Тралезунда имѣютъ населенный и прѣтущій видъ. По дорогѣ чуть не каждые полчаса попадаются деревянныя навѣсы лавочниковъ, держащихъ лепешки, куртъ (кислое молоко) и козій сыръ для путешественниковъ, и постоянныя дворы съ помѣщеніемъ для скота въ видѣ открытыхъ спереди сараевъ съ земляной крышей. Похожіе на ящики дома греческихъ деревень кажутся прилѣпленными къ горнымъ склонамъ. Деревянныя строенія, украшенныя узенькими верандами, окружены стройными тополями, а надъ всѣмъ такимъ мѣстечкомъ возвышается часовня, построенная на выступѣ скалы или высѣченная въ своемъ утѣсѣ; на крышѣ ея нѣтъ креста, и она напоминаетъ скорѣе общественный амбаръ, чѣмъ часовню. По всей приморской горной странѣ разбросаны греческіе поселки. Жители тѣхъ изъ нихъ, которые расположены

въ дальнихъ боковыхъ ущельяхъ, открыто исповѣдуютъ христіанскую религію, говорятъ на греческомъ языкѣ, имѣютъ своихъ священниковъ и даже цѣлыя монашескія общины, которыя имѣютъ свое пребываніе въ уединенныхъ монастыряхъ на высяхъ горъ. Другіе, уступая давленію фанатиковъ-побѣдителей, для виду перешли въ исламъ, говорятъ по-турецки, носятъ турецкія имена, публично молятся въ мечетяхъ, но втайнѣ со свойственнымъ грекамъ упорствомъ держатся за родные обычаи и религію, сохраняютъ греческія фамиліи, сходятся въ потайныхъ пещерахъ и тамъ молятся по обрядамъ своей старой вѣры.

Но чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ страна становится безлюднѣе, рѣже встрѣчаются признаки человѣческаго существованія. Козы кое-гдѣ щиплютъ кустарникъ. Пастушка въ живописной одеждѣ греческихъ горцевъ—широкой бѣлой рубахѣ изъ грубаго полотна съ длинными рукавами, расшитой турецкой безрукавкѣ и пестрой курткѣ, обыкновенно обернутой около бедръ и надѣвающейся на плечи по большей части только въ дурную погоду—отворачивается въ сторону при видѣ насъ. Когда солнце прорывается сквозь туманъ, передъ нами на склонахъ горъ развертывается картина, великолѣпная по богатству красокъ. Густые кусты тѣсно растущихъ рододендроновъ, въ человѣческой ростъ высотой, сверкаютъ матово-сизыми и красноватыми колокольчиками своихъ цвѣтовъ, а далѣе на зелени луговъ видѣются высокіе желтые цвѣты *Azalea pontica*, образующіе мѣстами широкія поляны. На поворотѣ дороги, изъ глубины бокового ущелья поднимаются могучія древесныя вершины. Это буки, великолѣпные, густо-вѣтвистые красные буки; отдѣльныя группы ихъ подходятъ къ дорогѣ, и наконецъ насъ охватываетъ густой, высокій буковый лѣсъ, къ свѣтлой зелени котораго постепенно примѣшивается темная хвоя сосенъ. Настоящая картина высокой горной страны.

Еще далѣе эти живописные пейзажи уступаютъ мѣсто суровымъ и унылымъ картинамъ армянскаго нагорья, гдѣ разбросаны рѣдкія армянскія деревушки. Тѣмъ не менѣе даже среди этой пустынной страны вьогда попадаются развалины, свидѣтельствующія о томъ, что и здѣсь прежде цивилизація стояла на большой высотѣ.

Однажды, на третій день по выѣздѣ изъ Трапезунда, я свернулъ въ сторону съ дороги для осмотра такихъ развалинъ.

Кругомъ царилъ тишина. Голыя непривѣтливныя скалы приморскихъ горъ видѣлись на сѣверѣ. Ледяной восточный вѣтеръ дулъ съ высотъ Лазистала, нагромождая надъ ними груды мрачныхъ облаковъ, составлявшихъ какъ бы вторую гигантскую горную цѣпь. Дыханіемъ пустыни, чѣмъ-то замкнутымъ, сжимающимъ сердце вѣяло отъ окружающаго пейзажа. Здѣсь армянское плоскогорье впервые представилось мнѣ въ своемъ настоящемъ видѣ.

Медленно, съ почтительнымъ прिवѣтвіемъ приблизились къ намъ

два человѣка; одного изъ нихъ мы признали за армянскаго священника по его рясу, когда-то чернаго цвѣта, и цилиндрической шапкѣ. «Привѣтствуемъ тебя, господинъ; добро пожаловать на нашу землю. Не желаешь ли отдохнуть въ деревнѣ подъ моимъ кровомъ?»

Здѣсь поблизости жилье, цѣлая деревня? Я оглядѣлся вокругъ. Ни слѣда человѣческаго жилья. Священникъ показалъ на то мѣсто, гдѣ линія холмовъ понижалась. Тамъ видѣлись отдѣльныя кучи земли около метра высотой, похожія на кротовыя норы. Кругомъ желто-коричневая глина, на ней свѣтлыя пятна травы. Представлялось загадкой, куда могла спрятаться деревня. Подойдя ближе, мы увидали тонкія струйки дыма надъ оригинальными земляными конусами; слѣдовательно, это были дымовыя трубы скрытыхъ зданій. Теперь мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ небольшая возвышенность спускалась въ долину. Армянская деревня тянулась по склону, дома были построены въ самой землѣ. Мы стояли какъ разъ на плоской крышѣ верхняго дома. Строенія громоздились одно на другое, такъ что плоская крыша нижняго зданія служила террасой для выше стоящаго; дома прилегали другъ къ другу такъ близко, что рѣдко можно было видѣть кусокъ стѣны; оконъ не было, и нигдѣ не было замѣтно ни малѣйшаго уклоненія отъ квадратной формы. Ни сада, ни кустика, ни слѣда зелени не было видно между коричневыми ящичками домовъ. Эти напоминавшіе пещеры дома выглядывали звѣриными норами. Что, кромѣ страха, нужды, стремленія найти другъ у друга помощь въ случаѣ нападенія, защититься отъ холода, поискать тепла въ глубинѣ земли, могло создать такое жилье? Восточная окраина Малой Азіи всегда была страной, гдѣ грубое право сильнаго предписывало законъ. Одинъ за другимъ проносились надъ нею набѣги народовъ. Мидяне, арабы, персы, монголы, сельджуки, турки, иногда нѣсколько народовъ вмѣстѣ, хозяйничали здѣсь, распоряжаясь покоренными армянами, какъ дойной коровой, а жизнью и имуществомъ отдѣльныхъ лицъ, какъ своимъ собственнымъ. Но армяне выдержали это, сохранили свою народность до настоящаго времени, благодаря своей религіозной солидарности и своему пассивному мужеству. Въ открытой борьбѣ они были бы уничтожены вслѣдствіе безпрестанныхъ нападений; но они уступали каждому новому пришельцу, прятались отъ его произвола въ самыя непроходимыя дебри, дѣляясь съ необычайной силой за суровую почву родимой страны.

Мы спустились внизъ, то ступая по камнямъ, то перепрыгивая съ одной крыши на другую. Изъ-за стѣнъ тамъ и сямъ выглядывали любопытныя лица и сейчасъ же исчезали. Пара дѣвушекъ бросила свои полные глиняные кувшины у колодца и убѣжала такъ быстро, что ихъ ярко-красныя передники и масса мелкихъ косичекъ, переплетенныхъ бусами, развѣвались по вѣтру. Мужчины робко сторонились. Священ-

никъ указалъ на сопровождавшаго насъ заптiя, какъ на причину ихъ страха. Очевидно, во мнѣ подозрѣвали сыщика, сборщика податей или что-нибудь подобное. Я далъ знать заптiю вернуться на дорогу, гдѣ оставались его товарищи и проводники съ лошадьми.

Мы вошли въ узкую, неровную улицу и направились межъ низкихъ стѣнъ изъ нетесаннаго камня, обмазанныхъ глиной.

— Здѣсь наша церковь, а тамъ—школа, господишь.

Мозолистая рука священника отърываетъ тяжелую обитую желѣзомъ дверь въ стѣнѣ, лишенной всякаго архитектурнаго украшенiя. Пара ступенекъ, и насъ охватываетъ полная темнота. Понемногу мои глаза привыкаютъ къ темнотѣ, и я различаю въ крышѣ нѣсколько прорѣзовъ въ ладонь шириною, сквозь которые пробиваются блѣдные солнечные лучи. Миновавъ темный проходъ, подпертый толстыми бревнами, мы взбираемся ступеней на двѣнадцать вверхъ и входимъ въ узкую скрытую дверь. Передо мною открывается высѣченная въ скалѣ церковь, похожая на склепъ. Сырой, холодный воздухъ вѣетъ навстрѣчу. Таинственный полусвѣтъ, проникающій сквозь узкія рѣшетчатыя отверстiя, струится внутри, дробится на сводахъ, скользитъ по сѣрымъ плитамъ, задерживается на деревянныхъ пилястрахъ низенькихъ хоръ, озаряетъ образа алтаря, писанные масляными красками, неуклюжіе мѣдiane подсвѣчники и высокое серебряное Распятіе, единственный цѣнный предметъ въ этомъ священномъ мѣстѣ.

Чѣмъ долѣе гляжу я вокругъ, тѣмъ болѣе и болѣе уходятъ куда-то бѣдность и скудость церковнаго убранства. Эти стѣны вѣютъ мнѣ въ душу какимъ-то ужасомъ. Священникъ смиренно преклоняетъ колѣна передъ алтаремъ, и мнѣ кажется—подъ сводами храма слышатся вздохи всѣхъ, кто страдалъ здѣсь, чьимъ единственнымъ оружіемъ въ борьбѣ была молитва.

На другой сторонѣ сумрачнаго коридора, чрезъ который мы снова прошли назадъ, находится второе помѣщеніе—классъ для школьниковъ. Деревенскій учитель, робкій, блѣдный человѣчекъ въ большой фескѣ, привѣтствовалъ меня чуть не земнымъ «селямомъ». Около шестидесяти мальчиковъ отъ пяти до четырнадцати лѣтъ сидѣли на длинныхъ деревянныхъ скамьяхъ и выжидательно смотрѣли на чужестраннаго посетителя. Учитель провелъ меня по проходу между скамьями къ стулу, напоминавшему тронъ, и заставилъ сѣсть на него. Четыре-пять высоко прорубленныхъ оконъ пропускали скудный свѣтъ. Направо и налѣво стояло по четыре ряда сдвинутыхъ скамеекъ, такъ что лица мальчиковъ были обращены къ величественному учительскому стулу, стоявшему на возвышенiи. Старшіе ученики сидѣли на стульяхъ около стѣны, держа при писанiи, по восточному обычаю, свой листъ бумаги лѣвой рукой на колѣняхъ.

Я съѣлъ съ подобающимъ достоинствомъ на учительскій тронъ. Разсматривая эту оригинальную подземную классную комнату, я увидѣлъ прелестную картинку. Изъ-за баллюстрады, проходившей по стѣнѣ надъ входною дверью, сверкаютъ всѣ цвѣта радуги: красныя ленты, желтые и синіе головные платки, курточки изъ пестрыхъ лоскутьевъ. Это дѣвочки, которыя присутствуютъ при обученіи, сидя тѣсною кучкой тамъ наверху, по большей части на корточкахъ. Онѣ глядятъ на меня сверху большими любопытными глазами, подталкиваютъ другъ друга локтями и тихо пересмѣиваются между собой. Среди нихъ виднѣется не одно нѣжное, меланхолически-очаровательное личико.

Учитель обратился ко мнѣ съ просьбой произвести экзаменъ. Я объяснилъ, что не знаю и сотни армянскихъ словъ. Но онъ, желая оказать мнѣ почтеніе, настоялъ на своемъ.

И вотъ началось дикое спряженіе и склоненіе. Въ нѣкоторыхъ безнадѣжныхъ крестьянскихъ головахъ, повидимому, царилъ отчаянная путаница. Большинство выпаливало безъ передышки цѣлый вихрь губныхъ и гортанныхъ звуковъ. Я не знаю другого языка, гдѣ было бы столько звуковъ, какъ въ армянскомъ. Этимъ можно объяснить тотъ фактъ, что армяне поразительно скоро изучаютъ чужіе языки. Ученики напряженно слѣдили за словами учителя, и можно было свободно наблюдать за ихъ лицами. Молодежь армянской деревни не представляла собою какого-нибудь одного типа. Многіе имѣли горбатый носъ и яркія губы семитовъ, у другихъ выступали широкія скулы и черные жесткіе волосы монголовъ, третьи отличались чертами арійскаго племени: открытый лобъ, голубые глаза и волнистые бѣлокурые волосы.

Слухъ о моемъ прибытіи между тѣмъ распространился по деревнѣ съ быстротою молніи. Мой слуга объявилъ, что я докторъ, и жители со всѣхъ сторонъ устремились поглядѣть на европейскаго «хаѣма» (врача), таща за собою слѣпыхъ, хромыхъ, эпилептиковъ, чахоточныхъ,—однимъ словомъ, всѣхъ больныхъ, которыхъ могли сдвинуть съ мѣста. Достойное жалости зрѣлище представляло собою это собраніе всѣхъ чахнувшихъ въ этихъ земляныхъ пещерахъ. Всѣ безвредныя и боледующія средства моей походной аптечки истощились съ чрезвычайной быстротой.

Невѣроятно, съ какимъ довѣріемъ идетъ навстрѣчу европейцу житель Востока, какихъ чудесъ онъ ждетъ и требуетъ отъ его мудрости. Мои совѣты далеко не всегда встрѣчали одобреніе. Ко мнѣ привели мальчика съ явными признаками чахотки. «Выведите его на воздухъ, давайте молока, мяса, яицъ, сколько захочетъ».—«Такия все простыя вещи? У тебя нѣтъ никакой мази, никакого порошка, чтобы поскорѣ помочь ему?» И они отвели его въ сторону, разочарованные, почти негодующіе. Потомъ начались безконечныя просьбы зайти въ тотъ или другой домъ

посмотрѣть лежащихъ тамъ больныхъ. Я увѣрялъ священника, что врачебное искусство мнѣ незнакомо.

— И все-таки ты лучше насъ знаешь, что имъ нужно,—былъ его постоянный отвѣтъ. Я рѣшился посѣтить больныхъ, пользуясь случаемъ, дававшимъ мнѣ возможность проникнуть во внутренность армянскаго жилища.

Одинъ молодой крестьянинъ особенно настойчиво выражалъ желаніе, чтобы я посѣтилъ его домъ. Предъ жилою частью дома здѣсь также находилось мрачное преддверіе. Мой провожатый откидываетъ коверъ у стѣны; согнувшись, я пролѣзаю въ низкое отверстіе и передъ моими глазами открывается то помѣщеніе, въ которомъ живетъ цѣлая семья. Изъ круга, похожего на дымовую дыру отверстія на середину комнаты падаетъ широкій снопъ свѣта; въ полумракѣ выдѣляется группа женщинъ, которыя хлопочутъ около очага, тлѣющаго въ углубленіи земляного пола. Двѣ стройныя юныя фигуры быстро скрываются въ заволокъ, отдѣленный отъ остальной комнаты дощатою перегородкой въ человѣческой ростъ высотой. Запахъ теплаго навоза, фырканье и шорохъ животныхъ наглядно свидѣтельствуютъ, что прилегающій къ жилью хлѣвъ составляетъ главную заботу семьи. Вѣдь это скотъ «не даетъ пересыкать его устамъ», какъ выражается про себя армянинъ, и грѣеть его жилище.

Въ земляной полъ вколочены два толстыхъ необдѣланныхъ бревна, поддерживающихъ поперечныя балки. Они несутъ на себѣ всю тяжесть крыши, сдѣланной изъ тростника и земли. У стѣны стоитъ длинный рядъ глиняныхъ горшковъ и кувшиновъ. На балкахъ висятъ мѣдныя кастрюли и рѣшета. Вотъ и вся хозяйственная утварь.

Пожилая женщина, мать моего провожатаго, лобъ и часть подбородка которой закрыты темнымъ, запыленнымъ на затылкѣ, платкомъ, узнавъ о цѣли моего посѣщенія, ведетъ меня къ небольшому возвышенію—общей постели всѣхъ членовъ семьи, гдѣ лежитъ больная, закутанная одѣялами. Въ то время какъ она обнажаетъ ногу, которая вдулась вслѣдствіе ушиба и представляетъ безформенную массу, старуха заботливо надвигаетъ ей на лицо головной платокъ, чтобы я не могъ ее видѣть.

Мало-по-малу въ домъ набираются сосѣди, прося кто лѣкарства, кто совѣта, кто приглашая къ себѣ въ домъ. Къ счастью, священникъ выручилъ меня, пригласивъ закусить къ себѣ въ домъ. Тамъ на кругломъ деревянномъ возвышеніи, около фута высотой, была уже приготовлена ѣда. Кругомъ возвышенія лежали цыновки. Дочь священника, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, но уже вполне развитая физически, съ открытымъ лицомъ—по армянскому обычаю только невѣсты и молодыя женщины до рожденія перваго ребенка закрываютъ лицо длиннымъ покрываломъ въ присутствіи

мужчины, не принадлежащаго къ семьѣ—помѣстилась около насъ, чтобы прислуживать отцу и гостю. На большой сковородѣ въ жирномъ желтомъ соусѣ плавало около поддожины яйцо; рядомъ лежали тонкія лепешки величиною съ тарелку. Вилки и ножи, очевидно, считались въ этомъ домѣ излишнею роскошью. Нашъ хозяинъ самъ обрабатывалъ свое маленькое поле; въ то же время онъ, какъ наиболѣе почтенное лицо, былъ избранъ въ священники и, послѣ короткой подготовки, посвященъ епископомъ.

Я нѣкоторое время ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ подносить ко рту яйца съ помощью лепешекъ; но, подражая хозяину, выпутался изъ этого затрудненія лучше, чѣмъ ожидалъ. Хозяинъ, отломивъ кусокъ лепешки, подводилъ его подъ яйцо и отправлялъ кусокъ въ ротъ; затѣмъ залитая жиромъ руки вытиралъ объ лепешку вмѣсто салфетки. Точно такъ же при второмъ кушаньѣ—ломтикахъ баранины, завернутыхъ въ капусту,—лепешками подѣпляли кусочки мяса.

До сихъ поръ священникъ ни словомъ не коснулся политики. Я спросилъ наконецъ, пострадала ли деревня во время армянской рѣзни. Священникъ нѣсколько разъ пожалъ плечами, и лицо его приняло страдальческое выраженіе.

— Если хочешь знать, господинъ,—сказалъ онъ,—шайка лазовъ пришла по горамъ съ сѣвера и пробыла три дня у насъ. Я не буду надобѣдать тебѣ описаніемъ того, что случилось. Мы, армяне, страдаемъ уже тысячу лѣтъ, и Господь хочетъ, можетъ быть, чтобы мы страдали всегда. Одно только теперь заботитъ и огорчаетъ меня. Нѣсколько нашихъ мужчинъ убѣжали на Кавказъ. Родные не смѣютъ слѣдовать за ними, а имъ самимъ запрещено возвращаться. Многія семьи голодаютъ, такъ какъ остались безъ кормильцевъ. Я долженъ отправиться въ Эрзерумъ и просить русскаго генерала—онъ подразумѣвалъ русскаго консула въ Эрзерумѣ,—чтобы онъ переправилъ дѣтей и женъ бѣглецовъ за границу къ мужьямъ и отцамъ...

Долго во время дальнѣйшаго пути стояли предо мною картины этого дня: коричневые дома, вросшіе въ такую же коричневую землю, полумракъ внутри ихъ, убожество и захудалость деревни, съ рѣзкими чертами лица и мозолистыя руки священника и библейскія лица дѣвушекъ. Тѣ лукавые торговцы и раздувшіеся отъ чванства щеголи, которыхъ я встрѣчалъ въ Константинополѣ и приморскихъ городахъ, не внушаютъ симпатіи. Но когда передо мною встаютъ картины изъ жизни глухой крестьянской деревни на армянскомъ плоскогорьѣ, я не могу не пожалѣть этихъ неприхотливыхъ, трудолюбивыхъ людей, которые въ нѣжномъ страхѣ обрабатываютъ тощія поля своей родины и цѣлые вѣка стовутъ подъ гнетомъ насилія, нищеты и неволи.

Поѣздка въ Багдадъ.

(Перри-Форта).

Двѣ великія рѣки, Тигръ и Евфратъ, вытекаютъ неподалеку одна отъ другой изъ горъ на сѣверѣ Малой Азіи, расходятся затѣмъ на далекое разстояніе и, пройдя болѣе тысячи англійскихъ миль къ югу, соединяются во ста миляхъ отъ Персидскаго залива въ одну большую рѣку, которую туземцы называютъ «Шатъ-эль-Арабомъ», т. е. рѣкой арабовъ. Обширныя, плодородныя равнины наноснаго образованія, лежащія между этими двумя рѣками, были извѣстны въ старину грекамъ подъ названіемъ Месопотамія, или «междурѣчья». Это междурѣчье было въ древности отлично воздѣлано и доставляло средства къ существованію огромному населенію.

Несмотря на то, что съ парохода, на которомъ мы плыли, не было видно земли, лопмана арабы заявили, что мы находимся уже между рѣчными отмелями. Это казалось сперва невѣроятнымъ, но вскорѣ пришлось убѣдиться въ справедливости утвержденія лопмановъ, такъ какъ пароходъ совершенно неожиданно ударился о невидимую отмель. Мы сидѣли на мели цѣлыхъ пять часовъ, пока наконецъ не сдвинуло насъ съ мѣста морскимъ приливомъ. Медленно и осторожно поплыли мы вверхъ по теченію и вскорѣ увидѣли низменный берегъ, окаймленный пальмовыми деревьями. Рѣка при устьѣ имѣетъ болѣе мили въ ширину, теченіе ея быстрое и вода чрезвычайно мутная. На западномъ берегу рѣки, въ шестидесяти миляхъ отъ ея устья, расположенъ городъ Бассора. На всемъ этомъ протяженіи глубина рѣки весьма значительна, такъ что по рѣкѣ могутъ проходить самыя большія суда. Евфратъ, отъ своего устья до Бассоры, служитъ границей между Персіей и Аравіей. Рощи финиковыхъ пальмъ окаймляютъ оба берега рѣки до самой Бассоры. За этимъ бордюромъ пальмовыхъ деревьевъ тянутся необозримые роскошные дуга, на которыхъ пасутся табуны лошадей и буйволовъ. Въ сорокѣ миляхъ выше Бассоры, при сліяній Тигра съ Евфратомъ, стоитъ Кернахъ. Намъ приходилось держаться правой стороны и подниматься вверхъ по Тигру, на берегу котораго расположенъ Багдадъ. Пароходъ нашъ держался ближе къ берегу, гдѣ теченіе было не такъ сильно, какъ посреди рѣки. Рѣка очень извилиста, и часто въ крутыхъ изгибахъ мы подходили такъ близко къ берегу, что можно было бы, кажется, соскочить съ палубы на отмель. Вода стояла очень высоко: во многихъ мѣстахъ она заливала низкіе берега и образовала широкія лагуны, надъ которыми взлетали цѣлыя стаи утокъ, цапель и другой болотной дичи, испуганной нашимъ появленіемъ. Земледѣльцы, чтобы защитить отъ воды посѣвы пшеницы и ячменя, укрѣпляютъ плотины, которыми ограждены поля, глиной, смѣшанной съ жесткою тра-

вой и съ тростникомъ. Тутъ ужъ не видать бордюра финиковыхъ пальмъ, придающихъ столько прелести берегамъ Евфрата на протяжении отъ залива до Кернаха. Вдоль рѣки тянутся плодородныя ламынные равнины, которыя, когда онѣ не воздѣланы, покрыты высокой жесткой травой. На этихъ равнинахъ пасутся огромныя стада рогатаго скота, овецъ съ грубой шерстью и буйволовъ; буйволы обыкновенно валяются въ грязи или стоятъ въ водѣ, погрузившись въ нее такъ, что наружу высовывается одна лишь голова. Деревни состоятъ изъ мазанокъ, все население которыхъ—мужчины, женщины, дѣти и собаки—выскаплютъ на берегъ смотрѣть на проходящій пароходъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега видѣются черныя шатры бедуиновъ съ пасущимися вокругъ нихъ лошадьми. Таковы были самыя характеристическія сцены, видѣныя нами въ продолженіе первыхъ двухъ дней путешествія.

Въ одномъ мѣстѣ мы пристали къ берегу и посѣтили лагерь бедуинскаго шейха. Большіе и малые шатры, обтянутые войлокомъ изъ черной козьей шерсти, были раскинуты безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Осторожно пробираясь, чтобы не спотынуться о шесты палатокъ, мы вошли въ жилище начальника, который встрѣтилъ насъ у входа, пригласилъ сѣсть на коверъ и угостилъ чернымъ кофе, козьимъ молокомъ, сыромъ и другими арабскими лакомствами, за которыми послѣдовала неизбѣжная трубка. Палатки внутри оказались гораздо удобнѣе, чѣмъ это можно было предположить, судя по наружному ихъ виду, и были убраны лучше, нежели я ожидалъ. Верхняя часть шатра была подбита подосатой матеріей, а полъ устланъ коврами и циновками; куржумы (сѣдельныя сумы), мѣдная утварь и оружіе были развѣшаны на стѣнахъ или лежали на полу близъ входа. Посѣщеніе наше продолжалось недолго, а разговоръ не могъ быть очень оживленъ, такъ какъ производился исключительно лишь знаками. Шейхъ вообще былъ очень вѣжливъ и любезенъ и постоянно кланялся, на что мы отвѣчали тѣмъ же.

Затѣмъ въ продолженіе трехъ дней мы плыли мимо необработанныхъ и почти ненаселенныхъ равнинъ. Иногда только появлялись большіе холмы, обозначавшіе мѣсто, гдѣ когда-то находились многолюдные города, теперь же бродили тамъ шакалы и дикіе звѣри пустыни. Цѣлая сѣтъ каналовъ, засыпанныхъ въ настоящее время пескомъ, дѣлала въ былыя времена эту страну чрезвычайно плодородной.

Дичи тутъ пропасть, такъ что стрѣльба съ палубы нашего парохода почти не прекращалась. Кромѣ взлетающей во множествѣ водяной птицы, какъ-то: пеликановъ, журавлей, цапель, утокъ, были также дикіе кабаны, шакалы и антилопы. Зимой за дикимъ кабаномъ охотятся здѣсь верхомъ съ копьями, и это въ высшей степени возбуждающая и вмѣстѣ съ тѣмъ опасная забава.

Наконецъ, на шестой день послѣ отплытія изъ Бассоры, какъ разъ

во время солнечного восхода, когда воздух был еще полонъ аромата померанцевыхъ цвѣтовъ, мы вошли въ длинное колѣно Тигра, по обѣимъ берегамъ котораго построенъ Багдадъ, и передъ нами открылся «городъ калифовъ» съ его сводчатыми куполами и высокими минаретами. На разстояніи нѣсколькихъ миль мы плыли мимо роцъ финиковыхъ пальмъ и померанцевыхъ деревьевъ, цвѣты которыхъ распространяли до удушливости сильный аромат. Тигръ плѣшетъ тутъ около полумили ширины и представляетъ широкую, полноводную рѣку, омывающую по обѣимъ сторонамъ зданія и сады. Городъ до половины прячется въ пальмахъ, возвышающихся по всѣмъ направленіямъ надъ зданіями; но еще выше пальмъ возносятся куполы и минареты, украшенные арабесками изъ блестящихъ цвѣтныхъ черепицъ. Дома, расположенные по рѣкѣ, не отличаются ни высотой, ни загнѣливой архитектурой. Это, очевидно, нѣчто въ родѣ дачныхъ домиковъ, безъ всякихъ претензій на дѣловой характеръ. Многочисленные рѣшетчатые ставни и галлерей, выходящія на рѣку, придаютъ домамъ пріятный и живописный видъ. Передъ фасадами многихъ домовъ находятся садки съ благоухающими весенними цвѣтами и рѣшетчатыми бесѣдками изъ дерева или парусины, сидѣнья и диваны которыхъ такъ и манятъ, кажется, на покой.

Пройдя еще немного вверхъ по теченію, мы бросаемъ якорь близъ таможи, гдѣ оба берега соединяются между собой пловучимъ мостомъ, устроеннымъ на судахъ. Насъ тотчасъ же окружаютъ лодки крайне оригинальнаго устройства, такъ называемыя гуфы, употребляющіяся тутъ съ самыхъ древнихъ временъ. Багдадская гуфа сплетена изъ мелкихъ древесныхъ вѣтвей и покрыта снаружи толстымъ слоемъ черной горной смолы, украшеннымъ иногда раковинами. Гуфы совершенно круглы, нѣсколько суживаются къверху и имѣютъ отъ 8 до 10 футовъ въ діаметрѣ. Для неопытнаго глаза гуфа кажется въ высшей степени неудобною лодкой; однако двое людей съ короткими веслами очень скоро переправляются въ ней черезъ быструю рѣку; кромѣ того, она представляетъ еще и то удобство, что, благодаря своей легкости, выносить относительно большія тяжести: такъ, въ ней можно перевезти столько людей, сколько ихъ вмѣстится стоя, до двадцати овецъ и иногда даже лошадей. Недалеко отъ насъ у берега стоялъ другой перевозочный снарядъ, исключительно употребляющійся на берегахъ Месопотаміи. Это плотъ изъ кожи, такъ называемый «каллекъ», который спустился сюда по Тигру изъ Моссула, расположеннаго на 500 миль выше. Лѣсъ и куски кожи, изъ которыхъ онъ построенъ, какъ и произведеніе, составляющія его грузъ, привезены въ Багдадъ на продажу.

Виды на Багдадъ съ рѣки такъ своеобразны, что они вѣроятно поражаютъ даже путешественника, видѣвшаго Каиръ, Дамаскъ и Константинополь; предѣсть новизны продолжается тутъ долѣе, нежели въ

другихъ городахъ Востока. Дома въ Багдадѣ по большей части двухъ-этажные, съ рядомъ комнатъ, выходящими окнами въ северъ или во внутренней дворъ. Въ комнатахъ подвального этажа, называемыхъ «сердаубъ», скрываются днемъ отъ нестерпимаго жара; на плоскихъ же кровляхъ ужинають и проводятъ ночь. Ночной воздухъ тутъ всегда сухъ, а къ утру поднимается свѣжій вѣтерокъ, который утихаетъ вскорѣ послѣ солнечнаго восхода. На ночь туземцы не раздѣваются, а снимаютъ только верхнее нарядное платье. Мужъ, проснувшись, молится, а потомъ садится на коверъ, гдѣ жена собственноручно подаетъ ему чубукъ и кофе; исполнивъ это, она удаляется на почтительное разстояніе и ждетъ, скрестивъ руки, иногда даже, принимая чашку или чубукъ, цѣлуетъ руку мужа—знакъ уваженія, очень распространенный на Востоцѣ. Между тѣмъ какъ мужъ вѣжится на коврѣ или подушкахъ, наслаждаясь утренней трубкой, женщины обыкновенно молятся, соблюдая тѣ же обряды и поклоны, какъ и мужчины, дѣти же, моложе двѣнадцати лѣтъ, никогда не участвуютъ въ ихъ молитвахъ.

Улицы кривы и узки, но зато въ нихъ прохладно и тѣсно. Стѣны домовъ имѣютъ очень прочный видъ. Строительнымъ матеріаломъ служить крѣпко обожженный кирпичъ свѣтло-коричневаго цвѣта. Округлившіеся углы кирпича показываютъ, что онъ уже много разъ былъ въ употребленіи, что изъ развалинъ одного зданія его брали на постройку другого. Новые кирпичи, которые встрѣчаются, впрочемъ, очень рѣдко, можно тотчасъ же отличать. Узкія немощныя улицы въ сырую погоду грязны и неприятны. Окно или другихъ отверстій, за исключеніемъ тяжелыхъ, окованныхъ желѣзомъ, дверей перваго этажа, мало, но зато много выдающихся оконъ, фонариковъ, которые какъ бы висятъ надъ улицей и черезъ полужатворенныя рѣшетки которыхъ удается иногда замѣтить пару блестящихъ глазъ. Нѣкоторые изъ этихъ навѣсовъ пересекаютъ всю улицу и соединяютъ два противоположныхъ дома.

Если бросить взглядъ въ открытыя двери, то вы увидите квадратный дворъ, осыненный померанцевыми и лимонными деревьями; часто надъ стѣной возвышается финиковая пальма, листья которой свѣшиваются на улицу. Эти пальмы, одиноко выросшія въ самыхъ населенныхъ частяхъ города, должны обладать особенной живучестью, чтобы процвѣтать въ подобныхъ мѣстностяхъ. Онѣ не даютъ много тѣни, но ихъ граціозныя формы и перистыя листья пріятны для глаза.

Уличная сцена, базары, рынки и кофейни въ Багдадѣ своеобразнѣе и любопытнѣе, нежели во всѣхъ другихъ видѣнныхъ мною городахъ Востока. Повсюду, на улицахъ и на базарахъ, встрѣчаются цѣлыя вереницы ословъ, нагруженныхъ мѣхами съ водой; для перевозки воды приходится употреблять многія сотни животныхъ, такъ какъ другого способа снабжать городъ водой съ рѣки не существуетъ. Цѣлыя улицы

предназначены для торговли съѣстными припасами и фруктами. Огромныя количества риса, ячменя и пшеницы сложены въ одной изъ частей города, называемой «хлѣбнымъ рынкомъ». Повсюду продается множество апельсиновъ, дынь, огурцовъ и другихъ плодовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не играетъ такой важной роли въ народномъ продовольствіи и въ торговлѣ, какъ плоды финиковой пальмы. Финиковъ болѣе двадцати различныхъ сортовъ, лучшіе изъ нихъ полупрозрачны и прекраснаго янтарнаго цвѣта. Съ одной финиковой пальмы ежегодно получается отъ ста до трехсотъ фунтовъ плодовъ. Нѣкоторыя финиковыя рощи деревьевъ, тѣсно растущихъ одно возлѣ другого, почти не требуютъ ухода.

Въ Багдадѣ пестрая одежды и яркіе цвѣта вообще видны исключительно на мужчинахъ. Уличный костюмъ женщинъ крайне безобразенъ и состоитъ изъ отвратительнаго чернаго или бѣлаго бумажнаго покрывала, закрывающаго ихъ съ ногъ до головы. Женщины носятъ на улицѣ, кромѣ того, особую черную маску, сплетенную изъ конскаго волоса. Маска эта вполне закрываетъ лицо, но не мѣшаетъ свободному притоку воздуха и позволяетъ видѣть все окружающее. Подъ ея защитой молодость и старость, красота и безобразіе одинаково безопасны отъ любопытныхъ взглядовъ. Мнѣ всегда хотѣлось смѣяться, когда по какому-нибудь случаю распахивалось покрывало и изъ-подъ него появлялось лицо еще чернѣе маски. Арабскія женщины, принадлежащія къ низшему классу общества, ходятъ съ непокрытымъ лицомъ. Онѣ очень безобразны, руки ихъ татуированы синей краской, а замужнія вдобавокъ носятъ еще въ ноздрѣ золотыя и серебряныя филигранныя украшенія въ родѣ большой пуговицы; на рукахъ и ногахъ, смотря по средствамъ, надѣты серебряныя или мѣдныя браслеты.

Восточные народы любятъ яркіе цвѣта, и потому всѣ сборища представляютъ очень веселую и яркую картину, вездѣ мелькаютъ разноцвѣтныя развѣвающіяся одежды, шалевыя чалмы, серебряныя рукоятки кинжаловъ, пашекъ и пистолетовъ. Главныя базары расположены тройнымъ рядомъ и защищены отъ солнца сводчатой кровлей изъ кирпича, сложенной на извести. Каждый родъ товаровъ и каждая отрасль торговли имѣетъ свое собственное отдѣленіе. Тутъ можно видѣть великолѣпныя произведенія Персіи и Кашмира, драгоценности Индіи, пряности и духи Аравіи и болѣе знакомыя намъ мануфактурныя издѣлія Европы. Повсюду раздается говоръ на самыхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ.

Кофейни въ Багдадѣ очень многочисленны и ихъ большія сѣансы, покрытыя цыновками, всегда полны посѣтителей. Я часто захожидъ одинъ въ эти кофейни; мнѣ тотчасъ же освобождали мѣсто на одномъ изъ дивановъ и приносили маленькую чашку, содержащую не болѣе столовой ложки крѣпкаго чернаго кофе, съ чуднымъ ароматомъ, а потомъ подавали кальянъ, которыхъ тутъ всегда имѣется нѣсколько штукъ

наготовѣ. Эта трубка дѣлается здѣсь въ формѣ буквы V и не имѣетъ, какъ въ Константинополѣ и Дамаскѣ, длиннаго гибкаго чубука. Мундштукъ сдѣланъ изъ тростника, а вода, черезъ которую проходитъ дымъ, наливается въ большую скорлупу кокосоваго орѣха. Для кальяна берется особый родъ табаку, который обыкновенно передъ тѣмъ, какъ зажечь его раскаленнымъ углемъ, нѣсколько смачиваютъ. Дымъ, проходя черезъ душистую розовую воду, охлаждается и очищается. Кальянъ употребляется какъ туземцами, такъ и всѣми живущими здѣсь европейцами. Онъ подается каждый разъ послѣ ѣды и ставится на небольшой подставкѣ подлѣ посѣтителя. У богатыхъ онъ украшенъ серебромъ. Эти два предмета, кофе и табакъ, такъ тѣсно связаны съ жизнью Востока, что ихъ можно назвать главнымъ наслажденіемъ и самою существовненною потребностью турокъ и арабовъ. Они играютъ важную роль въ общественныхъ сношеніяхъ и предлагаются каждому посѣтителю тотчасъ же послѣ его прихода.

Общественныя народныя развлечения въ Багдадѣ, какъ и вообще во всѣхъ другихъ восточныхъ городахъ, весьма немногочисленны и несложны. Карты неизвѣстны, но въ кофейняхъ, а также и просто на открытомъ воздухѣ близъ рынковъ часто играютъ въ шахматы, въ шашки и въ игру, называемую «мангала». Последняя игра наиболѣе распространена и состоитъ изъ стола или доски съ двѣнадцатью отверстиями, въ которыя игроки бросаютъ раковины или камушки. Домашними развлечениями служатъ танцы, пѣніе и разсказываніе сказокъ. Особенно любятъ арабы послѣднее, поэтому искусный чтець или разсказчикъ можетъ всегда рассчитывать найти кружокъ внимательныхъ и любопытныхъ слушателей.

Невѣжественное магометанское населеніе Багдада чрезвычайно суевѣрно. Вскорѣ послѣ моего приѣзда, вечеромъ мы спокойно обѣдали на террасѣ, какъ вдругъ были поражены страшнымъ шумомъ. Мы замѣтили тогда, что произошло почти полное затменіе луны. Шумъ постепенно увеличивался, и скоро все населеніе Багдада высыпало на верхушки домовъ; всѣ были вооружены горшками, сковородами и другими кухонными принадлежностями, въ которыя ударяли изо всей силы. Къ этому присоединились еще пистолетные и ружейные выстрѣлы; все это продолжалось около часа, пока не удалось прогнать злого духа, завладовавшаго луной. Происходившая предъ нами суета была въ высшей степени забавна. Наши слуги также заразились общимъ возбужденіемъ, такъ что, какъ мы узнали на слѣдующій день отъ нашего хозяина, они чуть не выбили дно у всей кухонной посуды.

Этимъ невѣжествомъ и склонностью къ суевѣрію пользуются факиры, дервиши и другіе нищенствующіе монашескіе ордена, ведущіе очень пріятную жизнь на счетъ общественной благотворительности. Эти мусуль-

манскіе монахи, хотя и не отказываются отъ добровольныхъ приношеній, никогда не просятъ открыто; чтобы выманывать деньги, у нихъ есть другія средства, а именно мнимыя чудеса и продажа талисмана отъ болѣзней, ранъ и всевозможныхъ несчастій. Члены одной секты утверждаютъ, что неуязвимы для стали, члены другой—что негоряемы въ огнѣ. Арабы слѣпо вѣруютъ въ дѣйствительность чаръ и чернокнижія вообще. Никакія другія отрасли знанія не пользуются такимъ почетомъ, какъ эти тайныя науки, дающія множеству шарлатановъ средства къ существованію. Нѣкоторые изъ профессоровъ магіи выдаютъ себя за ясновидящихъ, другіе излѣчиваютъ больныхъ и изгоняютъ злыхъ духовъ возложеніемъ рукъ, третьи успокоиваютъ бури на морѣ, есть, наконецъ, даже такіе, которые утверждаютъ, что они могутъ, не трогаясь изъ своихъ жилищъ въ Багдадѣ, произносить полуденныя молитвы въ Меккѣ. Еще болѣе низкій классъ—нищенствующіе дервиши и муллы занимаются фиглярствомъ, въ которомъ достигаютъ высокой степени совершенства. Такъ, напримѣръ, изумленнымъ зрителямъ кажется, что они дѣйствительно прокалываютъ себѣ тѣло мечами, втыкаютъ остроконечныя копы въ глаза, или же, что, соскакивая съ кровель на колья, скованные желѣзомъ, пронзаютъ себѣ насквозь тѣло...

Багдадъ,—самый шумный изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною городовъ. Единственное спокойное время—это полдень. Тогда на часъ или на два кажется, что все населеніе, за исключеніемъ мухъ и москитовъ, предается сну. Арабы говорятъ всегда очень громко, такъ что мнѣ сначала все казалось, что они ссорятся, между тѣмъ какъ они разговаривали самымъ миролюбивымъ образомъ. Въ теченіе дня, и часто до поздняго вечера, постоянно встрѣчаешь процессіи съ тамтамами и дульдимерсами (пронзительные духовые инструменты, напоминающіе рожки) во главѣ. Иногда это свадьбы или помолвки, а иногда погребенія. Въ послѣднемъ случаѣ покойника несутъ на плечахъ, а за нимъ слѣдуютъ родственники и наемныя плакальщицы, старающіяся превзойти одна другую. Прибавьте еще сюда официальныхъ городскихъ глашатаевъ, нищихъ и фаязровъ, просящихъ милостыню во имя Аллаха и пророка, муэдзиновъ, съ галлерей минаретовъ сзывающихъ правобѣрныхъ на молитву, наемныхъ пѣвцовъ, упражняющихъ свой голосъ, и наконецъ грохотъ барабана капельмейстера Абдаллы, который каждое утро ходитъ съ барабаннымъ боемъ по улицамъ, предлагая жителямъ услуги своего оркестра. Многіе изъ этихъ звуковъ, къ которымъ нужно присоединить еще лай собакъ и ревъ ословъ, продолжаютъ почти до полуночи. Но ко всему этому шуму легко привыкаешь, и послѣ первой же ночи онъ нисколько не мѣшалъ мнѣ спать.

Тегеранъ.

(В. Ми—рскаго).

Еще издали сталъ я напрягать глаза, чтобы рассмотретьъ вдали столицу царства «Льва и Солнца», къ которой лежалъ мой путь. Верстахъ въ 50-ти направо виднѣлась мощная шапка желтоватыхъ сѣгговъ Демавенда; ближе, налѣво, поднимались сѣро-коричневые безлѣсные отроги прикаспійскихъ горъ, подъ однимъ изъ которыхъ, называемымъ Шемиранъ, и расположенъ Тегеранъ.

Стѣны города по восточному обычаю глинобитныя и окружены довольно широкимъ ровомъ. Двѣнадцать воротъ съ разныхъ сторонъ открываютъ доступъ въ городъ. Сложены они изъ полвныхъ кирпичей и были бы довольно красивы, если бы по сторонамъ ихъ не торчали безобразно палки. Стѣны воротъ покрыты изображеніями: съ подвигами Рустема чередуются стоящіе на вытѣжку «идеальные» солдаты въ современной формѣ, краснощекіе и съ поднятыми усиками. Образцомъ художнику, очевидно, послужила какая-нибудь мишень, привезенная европейскими инструкторами.

Черезъ рядъ немощеныхъ, кишѣвшихъ толпой улицъ, обсаженныхъ деревьями, сѣрыми отъ густой, тонкой пыли, мой возница привезъ меня къ «Англійской гостиницѣ», находящейся на улицѣ, которая носить среди европейцевъ гордое названіе «Boulevard des Ambassadeurs».

«Бульваръ посланниковъ» получилъ свое названіе оттого, что здѣсь расположена большая часть европейскихъ миссій ¹⁾. Тутъ же находится громадное помѣщеніе, садъ, амбары и квартиры служащихъ русскаго учетно-ссуднаго банка, тогда какъ частный московскій международный банкъ, равно какъ и филиальное отдѣленіе учетнаго помѣщаются для удобства на базарѣ. Русское посольство расположено отдѣльно, въ чертѣ туземнаго стараго города.

Лѣтомъ всѣ, кто можетъ, разбѣзжаются въ горы, и жгучее солнце жаритъ всѣхъ несчастныхъ, привязанныхъ къ Тегерану.

Въ концѣ мая наступаютъ жары и длятся до сентября. Днемъ ходить по улицѣ—опасный подвигъ для европейца, даже прикрытаго англійскимъ пробочнымъ шлемомъ, но персы расхаживаютъ свободно. Ночью раскаленная земля и жилища не успѣваютъ остывать, и часто просыпаешься ночью оттого, что нечѣмъ дышать, съ налитой головой, пересохшимъ горломъ, чувствуя во всѣхъ дыхательныхъ органахъ цѣлый слой ѣдкой мельчайшей пыли, которая является однимъ изъ наиболѣе противныхъ условій жизни въ Персіи, забываясь во всѣ щели и создавая вѣчное ощущеніе какой-то неопрятности.

¹⁾ Посоль въ Тегеранѣ только одна—турецкій.

Насколько южное побережье Каспійскаго моря обильно влагой и осадками, настолько лишена ихъ центральная и южная Персія. Недалеко за первой заставой русскаго шоссе показываютъ въ горахъ мѣсто, за которымъ уже кончается линія дождя. Если налетитъ на Тегеранъ грозовая туча, что случается разъ въ нѣсколько лѣтъ, то ее загонитъ вихрь съ далекаго океана. Тогда трещать деревья, отъ молній стоитъ мерцающій свѣтъ, дождь льетъ какъ изъ ведра. Но пройдетъ нѣсколько часовъ, земля жадно впитаетъ всѣ слѣды ливня, и опять можно идти въ однихъ башмакахъ.

Несмотря на высоту мѣстности, вѣроятно положеніе Тегерана подъ горой сказывается въ сильныхъ лихорадкахъ. Лихорадка—самыхъ разнообразныхъ формъ и проявленій: то она сопряжена съ кровотеченіями носомъ, то выражается желудочными припадками, то жаромъ до забытья. Не гарантировано отъ лихорадокъ и персидское населеніе. Неоднократно приходится видѣть, какъ мучаются простолюдины въ припадкѣ внезапно налетѣвшей «ноубе»**). Лихорадка вызывается, навѣрное, и отсутствіемъ хорошей питьевой воды. Есть только одинъ порядочный водопроводъ, такъ называемый «шахскій», но онъ даетъ немного воды, и получить ее очень трудно. Къ тому же водоносныя скажиотъ воду въ бурдюкахъ, вывороченныхъ шерстью ввутрь. Можно представить, какая грязь скопляется въ нихъ. На сырую воду взглянуть страшно; чай получается мутный, густой, а въ отварной водѣ немедленно заводится масса какихъ-то насѣкомыхъ, рѣзвая веселость которыхъ отобьетъ охоту пить даже у очень храбраго чловѣка.

Одно изъ наиболѣе занимательныхъ развлеченій на Востоку—наблюдать уличную жизнь. Съ ранняго утра начинается движеніе, которое нѣсколько замолкаетъ отъ полуденнаго зноя, а къ вечеру опять бьетъ поднымъ ключомъ. Тянутся продавцы льда, который навьюченъ глыбами на крошечныхъ страдальцевъ-осликовъ; спѣшать на базаръ покупать наряды старья и молодья «ханумъ», одинаково запрятанныя въ свой безобразный черный косякъ, съ бѣлымъ покрываломъ на лицѣ, въ широкихъ шароварахъ и въ зеленыхъ туфляхъ безъ задковъ; еврей «делалъ» тащить на продажу европейцамъ ковры и поддѣльные антикварныя вещи; развались въ коляскѣ, ѣдетъ вельможа, а спереди и сзади скачутъ черныя отъратительныя внухи и слуги, у одного изъ которыхъ къ стременамъ привязаны два сосуда: съ углями и съ водой для кальяна; дальше плетется нѣсколько оборванныхъ солдатъ въ опоркахъ, съ арбузами подъ мышкой; каменщикъ стоитъ наверху возводимой стѣны и тонкимъ голосомъ поетъ что-то печальное; но прислушайтесь, и станетъ ясно, что онъ просто кричитъ внизъ своему помощнику: «Бедех-манъ» («Поддай мнѣ скребокъ, поддай два кирпича» и т. д.), и бѣтъ

1) Буквально: „очередь, чередъ“—переменяющаяся лихорадка.

промаха ловить часто на большой высотѣ всѣ бросаемые ежесекундно предметы. Таковъ пестрый и картинный, но вялый и однообразный Востокъ. Все это было такъ и сотни лѣтъ тому назадъ, будетъ еще много годы, только коляска напоминаетъ о какой-то чуждой культурѣ, идущей отдѣльно гдѣ-то тамъ, за моремъ.

«Что очищаетъ несмотря на собственную нечистоту?» спрашиваетъ одинъ персидскій авторъ и отвѣчаетъ: «Проведенная вода». Въ опредѣленные часы дважды въ день особые «водяные начальники» (мираб) пускаютъ живительную влагу, которая чистыми струями стекаетъ съ горъ, пробѣгаетъ нѣсколько верстъ въ особыхъ подземныхъ ходахъ (канат) и разбѣгается въ городъ по открытымъ канавамъ, сметая всю пыль и нечистоты, скопившіяся за день, и становясь грязной и вонючей. Трудно описать, какъ любятъ персы воду. Нерѣдко на выжженомъ мѣстѣ у городской стѣны можно увидеть большое общество, усѣвшееся кружкомъ. Почти съ увѣренностью можно угадать, что тутъ прорвался водопроводъ, и коричневая мутная жидкость струится гдѣ-нибудь внизу, а публика жадно ловить прохладу, булькая своими наргиле. Когда придетъ уличный часъ и по улицамъ заплывутъ и зажурчатъ вода съ горъ, всѣ правовѣрные стремглавъ бросаются къ канавамъ, лѣзутъ въ нихъ съ ногами, плещутся, умываются. Тутъ бываютъ такія сцены: грязный, потный носильщикъ моетъ свои корявые ноги, а нѣсколько шаговъ ниже женщина изъ горсточки пьетъ ту же воду, боязливо придерживая покрывало; дальше мальчишъ пробуетъ неудачно кататься на ащифѣ вмѣсто мяса, мать его стираетъ тряпкой, солдатъ усиленно чиститъ себѣ указательнымъ пальцемъ зубы и десны! Нужно ли удивляться обилію навозныхъ болѣзней, и страшныхъ язвъ, парши и т. д.?

Кое-гдѣ на улицѣ видны школы, какъ театръ не имѣющіе четвертой стѣны. На переднемъ планѣ сидитъ мулла въ чалмѣ и съ очками на носу, а кругомъ ребята на цыновкахъ во все горло читаютъ Коранъ по-арабски, не понимая ни слова. Едва показавъ азбуку, учитель сразу даетъ Коранъ и говоритъ: «Вотъ написано: во имя Господа Милосерднаго, Многомилостиваго» и т. д., и ребенокъ читаетъ пять словъ цѣлыми часами, пока начертанія ихъ цѣликомъ не западутъ ему въ голову. Несмотря на ужасный методъ, дѣтская воспримчивость и память берутъ свое, и механизмъ чтенія усваивается съ поразительнымъ совершенствомъ. Года два дѣтской жизни тратятся на усовершенствованіе почерка, и немудрено, что мальчишъ лѣтъ 10—12-ти съ неспостижимою правильностью выводятъ труднѣйшіе штрихи мусульманскаго письма. Иногда неспособный малышъ чего-нибудь долго не понимаетъ, и тогда прибѣгаютъ къ старому, какъ мѣръ, способу внушенія. Учитель дѣлаетъ знакъ рукой; тотчасъ старшій ученикъ, называемый «халифъ»¹⁾, бро-

¹⁾ Замѣститель (учителя).

сается къ провинившемуся, валить его на спину и, впрягшись, какъ въ оглобли, въ его ноги, подтаскиваетъ его къ учителю. Другой мальчикъ подаетъ тонкіе моченые прутья и орудіе пытки, именуемое «фелеке». Состоитъ оно изъ палки, къ серединѣ которой привязана петля; въ нее вставляются ноги, затѣмъ она подкручивается, и мулла, словно священнодѣйствуя, бьетъ розгами по пяткамъ крѣпко привязанныхъ къ палкѣ ногъ. Несчастный преступникъ уже заранѣе начинаетъ орать благимъ матомъ, взывая къ сочувствію, но школьники попрежнему безучастно выкрикиваютъ свои уроки; разъ, разъ звучитъ въ воздухъ, и эзекучія кончена. Наказаннаго, который съ трудомъ можетъ ходить, опять отгаскиваютъ на спинѣ, и отвѣты продолжаются.

Медленно выступая, идетъ караванъ косматыхъ, облѣзлыхъ верблюдовъ; кричатъ ослы, о которыхъ справедливо замѣчаетъ аравское изреченіе: «Поистинѣ, сквернѣйшій изъ голосовъ—голосъ осла»; иногда на тѣсной улицѣ появляется гигантская тѣнь, и всѣ съ испугомъ разбѣгаются передъ пахсимъ слономъ, который совершаетъ свою прогулку, сосредоточенно размахивая отъ стѣны къ стѣнѣ своимъ хоботомъ, а сзади него скачутъ грязные ребятишки, захлебываясь отъ восторга и взвизгивая: «филь, филь!» (слонъ). Потомъ вся стая разомъ поворачиваетъ въ сторону и присоединяется къ кучкѣ, собравшейся вѣкругъ укротителя змѣй. Около колышка, къ которому привязана на веревкѣ мускусная мышь, стоитъ ящикъ со змѣями и скорпіонами. Толстый персъ въ чалмѣ тщательно упраскиваетъ публику расшедриться и, держа въ рукѣ мелкую монету, усиленно кричитъ, жестикулируя, точно хочетъ изъ кожи вылѣзть. Публика равнодушна. Несмотря на уговариванія моего спутника-перса, убѣждающаго меня, что неприлично стоять со всякимъ сбродомъ въ толпѣ, я бросаю въ кругъ серебряную монету, чѣмъ привожу толстяка въ изступленіе. Схвативъ ее, онъ вертитъ ею надъ головой, прыгаетъ и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, стыдитъ публику, что «кафѣръ» (невѣрный) далъ лепту, а мусульмане скупились. Падаютъ нѣсколько шѣдяковъ, и представленіе начинается. Худой оборвышъ-индусъ со страшными гримасами начинаетъ произносить «имена змѣй», т. е. заклинять ихъ, затѣмъ вытаскиваетъ ихъ поодиночкѣ, обвиваетъ себѣ шею, дразнить ихъ и, когда змѣя поднимается на хвостъ, подставляетъ ей руку для укуса, беретъ въ ротъ зеленого скорпіона и т. д. Я усомнился быю въ ядовитости змѣй, но вся толпа кругомъ принимаетъ меня убѣждать; по требованію симпатизирующаго мнѣ «ферраша» (полицейскаго) индусъ приноситъ змѣю и, раскрывъ ей перочиннымъ ножомъ ротъ, выдавливаетъ изъ-подъ зуба какую-то жидкость. Впечатлительная публика трепещетъ, а заклинатель съ гордымъ видомъ убираетъ свой звѣринецъ въ ящикъ, гдѣ раздаются зловѣщее шипѣнье и стуканье хвостовъ о стѣны.

Покровительствуемые исламомъ, который предписываетъ милостыню (садака́), какъ одну изъ главныхъ обязанностей вѣрующаго, нищие, т. е. дервиши всякаго рода, равно какъ и простые попрошайки и увѣчные, бродятъ толпами по улицамъ. Подъ вечеръ четверга можно видѣть длинныя вереницы слѣпцовъ, которые идутъ, держась другъ за друга. Передній поетъ: «Вотъ канунъ пятницы, благо вамъ будетъ, если подадите слѣпцамъ, простится вамъ сто грѣховъ на этомъ свѣтѣ и тысяча— на томъ», а затѣмъ, всѣ несогласнымъ хоромъ кричатъ «аминь». Съ гордымъ видомъ бредутъ дервиши, одѣтые въ причудливые костюмы: у одного чуть не весь нарядъ—его длинныя спутанные волосы, у другого на плечахъ барсова шкура, за плечомъ—сѣкيرا; сбоку на цѣпочкѣ болтается «кешкуль», чашка изъ тыквы для сбора подаяній. Съ дикимъ видомъ, съ глазами, лихорадочно блестящими отъ частаго употребленія наркотиковъ, они идутъ, не обращая вниманія на то, что имъ даютъ. Я видѣлъ въ Мазандеранѣ дервиша, который, путешествуя, регулярно останавливался черезъ двадцать шаговъ и произносилъ славословіе Богу. Нѣкоторые изъ этихъ юродивыхъ дѣйствительно слѣдуютъ старымъ завѣтамъ дервишества, отреченію отъ міра и богатствъ, чтобы размышленіемъ о Богѣ, изнуреніемъ плоти привести себя въ экзотическое состояніе единенія съ Божествомъ.

По временамъ на улицахъ можно видѣть длинную процессію «табакшей», несущихъ свадебные подарки жениха на большихъ подносахъ. Тутъ и стеклянныя лампы, и ткани, и браслеты, и сласти, и зеркала,—цѣлое счастье для невзыскательной невесты. Слуги идутъ степенно и важно, точно въ театрѣ.

Бываютъ и печальныя процессіи проводовъ «въ дальнюю дорогу, путниками которой мы всѣ сдѣлаемся», какъ выражается одинъ турецкій письменникъ. Вообще у мусульманъ погребеніе совершается безъ особыхъ церемоній, и даже нести покойника рекомендуется «скорымъ шагомъ». Провожаютъ лишь самые близкіе; впрочемъ, иногда, когда умираетъ молодой человѣкъ, нанимаютъ толпу простонародья, чтобы она шла за гробомъ, ударяя въ тавъ ладонями по обнаженной груди.

Мнѣ пришлось однако видѣть очень торжественныя похороны важнаго генерала. Еще задолго до выноса передъ домомъ стали стрѣлять войска: оборванная пѣхота,—кто съ отвернутымъ погономъ, кто безъ султана на дырливой каскѣ,—и brave казаки, которыхъ обучаютъ русскіе инструкторы. Офицеры одѣты, какъ русскіе сотники и есаулы, а солдаты—въ красныхъ кумачныхъ рубашкахъ и высокихъ бараньихъ шапкахъ. Казаки—единственное дисциплинированное войско. Большею частью они набираются изъ сѣверо-западныхъ провинцій, заселенныхъ тюрками, болѣе храбрыми и вѣрными защитниками единоплеменной имъ

династїи Каджаровъ, чѣмъ трусливые персы, не забывающіе, что живутъ подъ властью чуждыхъ имъ по крови завоевателей.

Вслѣдъ за солдатами размѣстились «ѣдеки». Такъ называются лошади, которыхъ водятъ въ поводу во время религіозныхъ процессій и мистерій, даваемыхъ въ мѣсяцъ Мохарремъ въ воспоминаніе смерти Хасана и Хусейна, сыновей дочери пророка Фатимы и четвертаго халифа Алія, котораго шииты чтутъ больше Магомета, а нѣкоторыя секты даже считаютъ за воплощеніе Божества. Лошади покрыты длинными попонами, которыя закапаны краской, изображающей кровь, и утыканы красными стрѣлами, шуршащими на ходу. Верхомъ сидятъ дѣти съ непокрытыми головами въ одеждахъ, замазанныхъ такими же пятнами. Они должны усиливать скорбь зрителей воспоминаніемъ о катастрофѣ семейства, идеализированнаго народною фантазіей.

Наконецъ, выносятъ чернѣй гробъ, имѣющій форму ящика; за нимъ идетъ группа дѣтей изъ основанной покойнымъ сердаромъ школы для сиротъ: всѣ—въ черномъ, вороты разстегнуты, и траурные шарфы лаброшены на шею въ знакъ печали. Опустивъ головы, дѣти бьютъ себя въ грудь и громко рыдаютъ, вѣроятно искренно; плачутъ родственники, идущіе за ними, плачутъ многіе въ толгѣ любопытныхъ, и даже у грязныхъ солдатъ видны слезы. Персы вообще очень чувствительны и слезливы, и тутъ торжественное и грустное зрѣлище, безпокойная мрачная мелодія «Хумаюнъ», которую играетъ военная музыка, смерть сердара, котораго многіе хорошо знали,—все это наэлектризовываетъ народъ, и чернѣй гробъ «словно Ноевъ ковчегъ качается на волнахъ моря слезъ», какъ, приблизительно, выразился одинъ старинный персидскій поэтъ. Похоронили сердара въ его школѣ, въ особой комнатѣ, которую устлали коврами; самую могилу задѣлали и устали разными украшеніями, лампами, лампіонами. Родственники долго еще ѣздили ежедневно въ усыпальницу и, усаживаясь вокругъ могилы, плакали, вели разговоръ и попивали чай.

Персидскій базаръ.

(Уильса).

Европейское понятіе о базарѣ совершенно не примѣнимо къ базарамъ восточнымъ. Базаръ на Востокѣ есть узкая крытая улица съ лавками по бокамъ. Крыша защищаетъ прохожихъ отъ жаркаго лѣтняго солнца, отъ зимнихъ дождей и снѣговъ, ибо зонтики въ Персіи употребляются только богатыми. Этимъ путемъ избѣгается также зимняя грязь и лѣтняя пыль. Иногда архитектура восточныхъ базаровъ отличается большимъ великолѣпіемъ, какъ, напримѣръ, базары въ Тегеранѣ и въ Ширазѣ, которые достигаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

60 фут. вышины. Но эти базары являются скорѣ исключеніемъ, чѣмъ правиломъ; обыкновенно сводчатая кирпичная крыша начинается прямо надъ низенькими лавками. Рядомъ съ крупными базарными центрами устраиваются каравансарай, гдѣ помѣщаются конторы купцовъ и оптовыхъ торговцевъ. Нѣкоторые зданія каравансарая построены съ большимъ изяществомъ и припоровлены для помѣщенія купцовъ и для склада товаровъ.

На Востокаѣ принято, чтобы каждое ремесло, каждый родъ торговли занималъ свой отдѣльный базаръ. Лавки сапожниковъ помѣщаются подъ одною аркадой, кузнецы—подъ другою, портные—подъ третьей; лавки мѣдниковъ и котельщиковъ не трудно найти, благодаря гаму и звону молотковъ и наковалень. Такое устройство базара представляетъ покупателю не мало удобствъ, ибо среди восточныхъ купцовъ чрезвычайно развитъ духъ соревнованія. Кромѣ того, на Востокаѣ покупатель не покупаетъ вещь сразу, а предварительно справляется о цѣнѣ у входа въ лавку и затѣмъ долго торгуется. Обособленіе различныхъ торговыхъ отраслей бываетъ также полезно продавцу хорошихъ товаровъ, привлекающихъ къ нему наибольшее количество покупателей. Такой способъ торговли примѣняется только къ нѣкоторымъ производствомъ и ремесламъ. «Дукканы» (лавки или прилавки) разнятся между собой только по величинѣ. Передъ сводчатымъ входомъ каждого дуккана устроена небольшая платформа изъ кирпичей, фута четыре въ ширину. Лавка представляетъ небольшой квадратикъ безъ оконъ, съ чистыми бѣлыми стѣнами; ставни грубой работы закрываютъ на ночь входъ въ лавку. Посреди платформы на коврѣ сидитъ содержатель лавки, окруженный кипами товаровъ. Восточный торговецъ любитъ выставлять свой товаръ на показъ и обладаетъ искусствомъ показать этотъ товаръ лицомъ. Сзади каждой лавки есть темная каморка, въ которой купецъ хранитъ самый цѣнный товаръ. Персидскаго купца можно всегда увидѣть сидящимъ по-турецки передъ своимъ дукканомъ, съ кальяномъ въ зубахъ. Если въ лавку приходитъ покупатель или знакомый, купецъ спѣшитъ предложить ему кальянъ, который обыкновенно охотно принимается. Въ зимнее время купецъ закутывается въ теплую мѣховую шубу изъ Афганистана или въ бараній тулугъ мѣстнаго издѣлія, ставитъ около себя небольшую жаровню для отогрѣванія рукъ, затягивается кальяномъ и ждетъ покупателей. На базарѣ цѣлый день раздается неумолкаемый говоръ; если нѣтъ покупателей, купецъ заводитъ разговоръ съ сосѣдями или съ прохожими. У каждаго владѣльца лавки есть приказчикъ или ученикъ, котораго онъ обучаетъ своему искусству и содержать; по большей части такимъ приказчикомъ служитъ какой-нибудь родственникъ, ибо въ Персіи многія ремесла передаются отъ отца къ сыну, оставаясь въ одной и той же семьѣ.

Таджпы или купцы живутъ въ каравансараяхъ, примыкающихъ къ базару; лавочки, ремесленники и приказчики—въ самомъ базарѣ, и только днемъ. Торговля на Востока нѣмыслима безъ споровъ, продолжительныхъ прицѣпиваній и торговъ. На всякую вещь у торговца есть нѣсколько цѣвъ; *prix-fixe*, т. е. опредѣленная цѣна на вещь, персянамъ неизвѣстна. Зато базарные продавцы держатся очень хорошаго правила: если вы купили вещь, которая вамъ почему-нибудь не понравится, вы въ теченіе 24 часовъ можете ее вернуть въ магазинъ и получить деньги обратно. Нѣкоторыя лавки убраны съ большимъ вкусомъ: всюду видны букеты живыхъ цвѣтовъ; почти передъ каждою лавкою стоятъ большія чаши съ холодною водою для утоленія жажды прохожихъ и покупателей. Къ потолку лавки или надъ входомъ повѣшены клѣтки съ попутаями, соловьями и жаворонками; эти птицы не продаются, а служатъ лишь развлеченіемъ для владѣльцевъ. Въ семь часовъ утра (лѣтомъ раньше) лавки открываются. При заходѣ солнца (зимою раньше) лавки обязательно закрываются. Черезъ полчаса послѣ закрытія лавокъ закрываются большія базарныя ворота, и единственнымъ покупателямъ базара остаются сторожа и собаки. Собаки эти живутъ на базарѣ и питаются отбросами и помоями; днемъ онѣ спятъ и не лаютъ, зато ночью страшно свирѣпы и шумны.

Часть базара, гдѣ сосредоточилась торговля золотыми и серебряными издѣліями, представляетъ, конечно, наибольшій интересъ для иностранца. Всѣ выставленныя вещи сдѣланы изъ чистаго, безъ всякой примѣси, серебра и золота. Древнія монеты и другіе антики продаются въ лавкахъ мѣняль; впрочемъ, древность ихъ не всегда достовѣрна.

Въ лавкахъ ювелировъ выставлены серебряныя и золотыя чубуки, покрытыя драгоценными камнями и эмалью, кофейники и чайники, браслеты, ожерелья и домашняя посуда. Драгоценныя камни, служащіе для инкрустацій, обыкновенно съ изъяномъ и вообще невысокаго качества; дѣйствительно хорошіе камни рѣдко выходятъ изъ кармановъ своихъ владѣльцевъ. Отдѣлъ базара, занимаемый оружейниками, плотниками, рѣзчиками на деревѣ и металахъ, отличается большимъ оживленіемъ. Но самая большая толпа сосредоточивается обыкновенно около будочниковъ, продавцовъ кебаба ¹⁾ и фруктовъ. Горы дынь, граватовъ, разныхъ овощей и цвѣтовъ наполняютъ воздухъ пріятнымъ ароматомъ. По узкому проходу, отъ 6 до 10 футовъ въ ширину, ежеминутно проходятъ цѣлыя караваны нагруженныхъ верблюдовъ, муловъ, лошадей. Повсюду торгуются и болтаютъ, но все это дѣлается съ добродушіемъ и веселостью. Торговцы роскошныхъ товаровъ и красокъ и аптекаря выставили все, что у нихъ есть, на показъ. Продавцы ковровъ сидятъ

¹⁾ Жареное мясо.

окруженные кипами своихъ соблазнительныхъ товаровъ. Параллельно торговлѣ осѣдлой, идетъ торговля бродячая, взадъ и впередъ по базару прогуливаются продавцы стараго платья и всякаго хлама, выкрикивая громко достоинства своего товара, при этомъ тѣмъ сомнительнѣе вещь, тѣмъ громче они ее расхваливаютъ. Вотъ человѣкъ въ длинной красной одеждѣ ведетъ за собою несчастнаго на веревкѣ, продѣтой черезъ его ноздри; ему помогаютъ два здоровенныхъ полицейскихъ. Этотъ человѣкъ—палачъ, а слѣдующій за нимъ—плѣнникъ-воръ, которому онъ только что отрубилъ руку. Помощники палача, на основаніи существующаго обычая, собираютъ съ кушцовъ и съ лавочниковъ нѣсколько копеекъ по случаю поимки вора. За этою неприятною группой идутъ продавецъ трубокъ и чайный разносчикъ; они усердно расхваливаютъ свой товаръ. Дервиши въ эксцентричныхъ нарядахъ и толпы нищихъ просятъ милостыню. Повсюду слышится болтовня закутаннаго покупателя-львицы, загоразживающихъ всѣ проходы базара. Въ это время является верхомъ на конѣ губернаторъ со свитою; торговцы быстро вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и привѣтствуютъ его «саяламамъ»¹⁾. Вдругъ раздается трубный звукъ и слышенъ возгласъ: «закрывайте лавки!» Начинается общій переполохъ и суетливостъ; лавочники спѣшатъ убрать товары, закрыть дукканы ставнями и повѣсить большіе замки русскаго издѣлія. Черезъ полчаса послѣ этого въ опустѣвшемъ базарѣ остаются одни лишь сторожа и стаи свирѣлыхъ и голодныхъ собакъ.

Быть и нравы персіянъ.

(Бѣлозерскаго).

Нѣтъ ничего печальнѣе персидскихъ городовъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки, грязны. По сторонамъ послѣднихъ рѣдко можно видѣть что-нибудь другое, кромѣ безобразныхъ высокихъ глиняныхъ стѣнъ; ни одного окна, и только попадающіяся миниатюрныя двери говорятъ еще о существующей здѣсь жизни. Отсутствіе выходящихъ на улицу фасадовъ домовъ придаетъ городу видъ какаго-то кладбища. Двери для входа на дворъ обыкновенно не выше двухъ аршинъ, двустворчатыя, плоскія, съ желѣзными гвоздями на обѣихъ половинахъ. У знатныхъ и богатыхъ лицъ онѣ обыкновенно выше и лучше и украшены большими гвоздями съ громадными посеребренными шляпками: обыкновенно на каждой половинѣ шпуги по три, по четыре сверху да по столько же снизу и вбиты по горизонтальной линіи одинъ за другимъ. Говорятъ, что очень высокія ворота есть знакъ того, что владѣлецъ ихъ царскаго происхожденія. За рѣдкими исключеніями, всѣ дома въ одинъ этажъ и постро-

¹⁾ Будьте здоровы!

ены изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича. Конечно, постройка изъ подобнаго матеріала держится благодаря сухости воздуха; въ нашемъ климатѣ онѣ не выдержали бы и года. Благодаря всюду употребляемой глины на улицахъ такъ много пыли, что достаточно сдѣлать его шаговъ, чтобы «посядѣть».

Иногда вмѣсто улицъ служатъ караванъ-сарай—длинные, шириною аршинъ въ 10—15, коридоры подѣ глиняными полукруглыми крышами, съ дѣлою массою маленькихъ лавочекъ по обѣимъ сторонамъ. Всѣ караванъ-сарай обыкновенно начинаются и оканчиваются воротами въ арабскомъ стилѣ, съ цвѣтными изразцами. Цвѣта изразцовъ подобраны съ замѣчательнымъ вкусомъ; преобладающіе—синій и зеленый съ розовымъ и желтымъ. Почти передъ каждымъ такимъ воротами расположена небольшая площадь съ бассейномъ воды, откуда берутъ воду и гдѣ чистые правовѣрные моютъ руки. Днемъ въ караванъ-сараяхъ обыкновенно мало жизни, зато подѣ вечеръ, особенно въ рамазанъ, все оживаетъ и кафе интересно освѣщаются: для этого передъ входомъ, посрединѣ комнаты, ставятъ столъ, уставленный зажженными лампами съ разноцвѣтными колпаками, что въ темнотѣ производитъ замѣчательно хорошее впечатлѣніе. Почти въ каждомъ кафе есть по крайней мѣрѣ одинъ перепелъ, токованіе котораго съ особымъ шелканьемъ ужасно забавляетъ персянъ. Внутри караванъ-сарая и при воротахъ обыкновенно сидитъ какой-нибудь слѣпой или глухой и во всю глотку выкрикиваетъ стихи изъ Корана. Оборванцы-дервиши блуждаютъ, прося подаянія. Все это продаетъ, покупаетъ, пьетъ, ѣсть, говоритъ, кричитъ и поетъ. Прибавьте къ этому пестроту костюмовъ, важную осанку идущихъ и ѣдущихъ лицъ, массу двигающихся лошадей, ословъ и муловъ, съ ихъ погонщиками, то и дѣло кричащими: «хавардаръ!» (берегись! дорогу!), и вы поймете всю привлекательность восточной толпы.

Самые дома извнѣ напоминаютъ камѣ-то короба. Черезъ маленькую дверь, вы попадаете на открытый дворъ, въ богатыхъ домахъ обыкновенно съ маленькимъ садикомъ и бассейномъ съ водой. Обыкновенно дома одноэтажные; наверху дома есть плоская терраса, гдѣ лѣтомъ и въ хорошую погоду спать. Окна дома такой же величины, какъ и двери, и состоятъ изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ, обыкновенно грязныхъ. Во всякомъ домѣ есть «бируни», нѣчто въ родѣ гостиной для пріема гостей. Кромѣ того, есть еще «эндеругъ»—женское отдѣленіе, собственно гаремъ, куда посторонній не смѣетъ проникнуть; но бываетъ, хотя и рѣдко, что хозяинъ изъ особаго расположенія къ гостю вводитъ его туда. Для многочисленной прислуги обыкновенно имѣется особое помѣщеніе, довольно грязное. Въ зажиточныхъ домахъ полъ покрытъ толстымъ войлокомъ, сверхъ котораго посреди комнаты разстилается коверъ, не достигающій стѣнъ; около стѣнъ, гдѣ

проходить, и около оконъ, гдѣ сидятъ, обыкновенно стелется пестрая бумажная матерія, бѣлое съ синимъ. У знати ковры стелются во всю комнату. У бѣдняковъ глиняный полъ ничѣмъ не покрывается, а только разстилается небольшой войлокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидятъ. Въ караванъ-сараяхъ на полъ стелется иногда какая-то плетенка изъ соломы, зато войлоковъ или ковровъ и въ поминѣ нѣтъ. Такъ какъ персіяне сидятъ поджавши ноги, то, очевидно, устаютъ; чтобы предупредить эту усталость, они кладутъ къ стѣнѣ длинныя диванныя подушки—«мутака», набитыя обыкновенно хлопкомъ, рѣдко пухомъ, и опираются на нихъ спиною и лѣвымъ локтемъ. Пусто и неуютно кажется въ персид-

Персидскій городъ.

скихъ комнатахъ, потому что нѣтъ никакой мебели: ни стола, ни стульевъ, ни шкафа, ни одного гвоздя, ни одного крючка—хоть шаромъ покати. Зато въ углахъ комнаты лежатъ большіе свертки; это постели и подушки, свернутыя въ трубу и лежащія такъ цѣлый день до ночи, пока они понадобятся снова. Въ стѣнахъ комнаты есть только углубленія въ видѣ оконъ, иногда идущія въ два ряда, гдѣ кладутся разныя вещи и ставятся кувшины съ водой и большія чашки для воды изъ поддѣльнаго китайскаго фарфора, фабрикуемаго въ Лондонѣ.

Какъ ни неудобны персидскіе дома лѣтомъ, но все же можно жить, ибо жары такъ велики, что безразлично, гдѣ ни лечь, лишь бы было прохладно. Зато зимой совсѣмъ другое дѣло: всюду холодно, всюду

сквозить и негдѣ укрыться. Какъ же согрѣваются персіяне зимой? Хотя у нихъ и есть каминъ въ комнатахъ, но это только для вида; они иногда ихъ не топятъ по причинѣ крайней дороговизны топлива, зато грѣются чрезвычайно оригинальнымъ и дешевымъ способомъ: въ глиняномъ полу комнаты сдѣлано углубленіе, куда кладутся раскаленные уголья, надъ ними ставится нѣчто въ родѣ стола, такъ около трехъ четвертей аршина вышины, на который кладется довольно широкій коверъ. Лица, желающія грѣться, ставятъ свои ноги къ столику и покрываютъ себя этимъ ковромъ до пояса.

Чистота дома при такихъ условіяхъ немислима: и дѣйствительно, пыль и грязь всюду проникають и лежатъ на всемъ. Можетъ быть, это также зависитъ отъ сравнительно незначительнаго участія персидской женщины въ веденіи хозяйства.

День для персіянь опредѣляется двумя моментами: восходомъ и заходомъ солнца. Поэтому у нихъ выработалась особая формула назначать время для визитовъ и разныхъ свиданій за «столько-то часовъ до восхода или до захода солнца». Персіяне начинаютъ день очень рано: они обыкновенно встають до восхода солнца и умываются безъ мыла, только водой: о какихъ бы то ни было умывальникахъ они не имѣють ни малѣйшаго понятія. Слуга подаетъ воду прямо на руки изъ глинянаго или металлическаго кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Затѣмъ совершается утренняя молитва. Въ это время скатываются въ свертокъ постели и готовится чай: гдѣ-нибудь въ углу комнаты стелютъ небольшую салфетку, ставятъ на нее подносъ, а на подносъ самоваръ. Персіяне заимствовали чай, очевидно, отъ насъ, потому что называютъ чай по-нашему *чаемъ*, самоваръ—*самоваромъ* и стаканъ—*истаканомъ* (и прибавляется потому, что персидское слово не можетъ начинаться двумя согласными). Самовары обыкновенно русской работы изъ Тулы или Москвы, хотя теперь начинаютъ дѣлать ихъ въ Персіи. Посуда чайная большею частью тоже русская, при чемъ употребляются стаканы удивительно маленькихъ размѣровъ, такъ что питье изъ нихъ даже раздражаетъ русскаго человѣка: такъ они малы. Въ богатыхъ и важныхъ домахъ для чая есть особый слуга, который называется «чайдаръ», по-нашему чаечерпѣмъ. Самоваръ долженъ кипѣть постоянно, и во все время чаепитія чайникъ долженъ стоять на самоварѣ; персіяне обыкновенно пьютъ очень хлѣбкій, перекипѣлый чай, похожій на сусло или жидкій деготь: въ этомъ случаѣ ихъ вкусъ сходится съ английскимъ. Замѣчательно, что чай вошелъ во всеобщее употребленіе не больше 25—30 лѣтъ. До этого въ Персіи пили черный душистый кофе въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ; кофе и кальянъ были единственными развлеченіями персіянь, къ которымъ они прибѣгали во все время дня и ночи, теперь же въ Персіи не умѣють больше варить кофе.

Выпивши стаканъ или два чаю, персіянинъ принимается за свое дѣло или ремесло, или же идетъ въ свою жалкую лавчонку, безъ которой его вообще трудно представить себѣ: такъ велика у нихъ страсть къ торговлѣ. Въ это же время до обѣда онъ устраиваетъ свои домашнія дѣла: или самъ побываетъ тамъ-сямъ и узнаетъ всѣ новости, или къ нему кто зайдетъ и расскажетъ ихъ. Человѣкъ, имѣющій доступъ къ шаху или вамѣстнику, успѣетъ побывать и тамъ. Такъ проходитъ время до обѣда, между десятью-двѣнадцатью часами дня. Обѣдъ накрывается слѣдующимъ образомъ. Посреди комнаты на коврѣ разстилается цвѣтная бумажная скатерть, по краямъ которой иногда выбиты черною краской изреченія изъ Корана. По числу обѣдающихъ на эту скатерть раскладываютъ огромныя лепешки, начиная съ угловъ скатерти, чтобы она не сбивалась. Посрединѣ ея ставятъ двѣ чаши съ шербетомъ, который пьютъ прекрасно вырѣзанными деревянными ложками съ надписями стиховъ изъ любимыхъ поэтовъ. Около этихъ чашекъ ставятъ подносъ съ двумя сортами плова, т.-е. просто риса и риса съ шафраномъ и бараниной. Изъ персидской кухни это самое капитальное, самое вкусное, хорошо приготовляемое блюдо. Затѣмъ кругомъ подноса ставятъ какіе-то безобразно кислые соусы, прѣсный овечій сыръ, пряныя травы, далѣе—фрукты, жидкій кипяченый медъ, шербетъ изъ меда и напитокъ изъ разведеннаго водою квашенаго молока, или вода съ разведеннымъ въ ней сахаромъ. Вообще персіяне въ чаѣ и напиткахъ употребляютъ большое количество сахара.

Когда все поставлено и приготовлено, одинъ слуга объявляетъ: «нагаръ хазыръ асть» (обѣдъ готовъ), а другой подходитъ съ тонкими и высокими кувшинами въ видѣ металлическаго вопросительнаго знака, поставленнаго на полоскательную чашку съ сѣткой сверху, въ родѣ нашей металлической песочницы. Если гость очень важенъ, то онъ не встаетъ, и ему подносятъ кувшинъ, а менѣе важный встаетъ самъ и гдѣ-нибудь въ сторонѣ моетъ безъ мыла правую руку, прижимая нѣсколько разъ пальцы къ ладони, и обтираетъ ее о платье или объ усы и бороду. Послѣ этого всѣ становятся на колѣни, каждый передъ своимъ хлѣбкомъ, и, присѣвъ на пятки и опершись лѣвою рукой на лѣвую ногу, правою рукою начинаетъ ѣсть; для этого каждый своею рукою беретъ горстями съ блюда пловъ и кладетъ его къ себѣ на лепешку хлѣба, затѣмъ запускаетъ пальцы въ многочисленные соусы, установленные вокругъ плова, и что поймаетъ, кладетъ себѣ тоже на лепешку въ пловъ, все той же рукою мѣшаетъ это въ одну массу, беретъ ее на правую ладонь, мнетъ еще пальцами и спускаетъ большимъ и указательнымъ пальцами въ ротъ,—этого безусловно требуетъ этикетъ персидской благовоспитанности. Не персіянину христіанину подавать отдѣльно; при этомъ требуется, чтобы подносъ, тарелки и блюда были

или металлические, или глиняные, но ни за что не деревянные, ибо въ послѣднемъ случаѣ они считались бы опоганенными, такъ какъ христіанская поганость впитывается въ дерево, но не пристаётъ къ металлу или фарфору. Христіанинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ класть себѣ съ общаго блюда самъ; иногда, впрочемъ, бываетъ, что хозяинъ, чтобы показать свое уваженіе и расположеніе къ гостю, своими грязными руками кладетъ пловъ на тарелку.

Ѣда проходить въ совершенной тишинѣ: опять по этикету нието не долженъ говорить ни слова, и только ужасное чавканье нарушаетъ эту тишину.

Обѣдъ кончился. Слуги сейчасъ уносятъ подносы и снимаютъ скатерть съ пола, затѣмъ приносятъ кальянъ и подаютъ его самому важному лицу въ компаніи. Тотъ беретъ кальянъ и начинаетъ предлагать его каждому поодиночѣ, хотя бы компанія состояла изъ двадцати чело­вѣкъ, со словами «бисмилля»—во имя Божіе, т.е. пожалуйста, или «захматэ-шума», т.е. къ вашимъ услугамъ. Это очень важная статья въ персидскомъ этикетѣ: хотя предлагающій заранѣе знаетъ, что никто не посмѣетъ взять отъ него кальянъ, но все же предлагаетъ,—такова несокрушимая сила обычая. Иногда посреди компаніи ставится общій кальянъ съ длинною трубкой, составленной наподобіе змѣи изъ кожаныхъ колецъ; въ такомъ случаѣ кальянъ остается неподвиженъ, а передается только одна трубочка.

Послѣ обѣда, на сытый желудокъ, персіане ужасно любятъ потолковать о политикѣ, при чемъ обнаруживаютъ иногда смѣлыя до комизма комбинаціи и большое невѣжество въ географическомъ и политическомъ положеніи государствъ, о которыхъ они ведутъ рѣчь. Обыкновенно же послѣ обѣда персіане спятъ, затѣмъ опять чай, а за чаемъ ужинъ съ тѣми же приемами и подробностями, какъ и обѣдъ.

Какъ ни болтливы персіане, однако же языкомъ нельзя всего замѣнить; поэтому у нихъ есть свои развлечения исключительно послѣ ѣды, т.е. послѣ обѣда или ужина. Кто-нибудь читаетъ нараспѣвъ, постоянно покачиваясь взадъ и впередъ, а всѣ другіе внимательно слушаютъ и при всякомъ хорошемъ стихѣ или выраженіи громко выражаютъ свое одобреніе или восклицаніемъ: «ба, ба, ба!», или словами: «барикъ алля», въ такомъ же смыслѣ, какъ мы иногда говоримъ: «ей Богу, хорошо!» или: «дорость, дорость!»—вѣрно, вѣрно! И эти восклицанія повторяются во все время чтенія. Персіане не имѣютъ понятія о музыкѣ и живописи въ нашемъ смыслѣ и смотрятъ на нихъ не больше какъ на бесполезную забаву; зато поэзія составляетъ важнѣйшій отдѣлъ въ ихъ образованіи. Поэтому неудивительно, что они знаютъ наизусть цѣлыя тысячи стиховъ и декламируютъ ихъ при всякомъ случаѣ. Поэзія—ихъ незамѣнимое развлеченіе.

Персидскій языкъ приятенъ и пѣвучъ; обыденные разговоры легко выучиваются европейцами, но усвоить литературный языкъ чрезвычайно трудно, для этого необходимо сначала знать по-арабски. Знаніе письма считается обязательнымъ для каждаго образованнаго человѣка; но выучиться писать хорошо и грамматически правильно невѣроятно трудно, это удается немногимъ персамъ, и тогда они получаютъ право ставить передъ своимъ именемъ титулъ «мирза» (позади имени это слово означаетъ «принцъ»). Образчики красиваго письма въ Персіи цѣнятся очень высоко, какъ у насъ картины или другія произведенія искусства; пишутъ справа налево. Письма содержатъ въ себѣ множество любезностей и только въ концѣ, какъ бы вскользь, упоминается суть дѣла; вмѣсто подписи прикладывается печать, которую персы всегда носятъ при себѣ; богатые персы держатъ постоянныхъ секретарей, носящихъ при себѣ письменныя принадлежности.

Народное образованіе стоитъ на низкой ступени развитія; хотя въ городахъ и многихъ деревняхъ есть школы, но онѣ всѣ частныя и въ нихъ учатъ лишь арабскому языку, чистописанію и чтенію поэтовъ. Въ Тегеравѣ есть университетъ и въ нѣкоторыхъ городахъ семинаріи («медрессы») для образованія муллъ и ученыхъ; здѣсь проходятъ толкованіе Корана, богословіе, арифметику, астрологию, алхимию, медицину, фармакологию, законовѣдѣніе, исторію и географію. Астрологія играетъ большую роль въ Персіи; передъ началомъ всякаго важнаго предпріятія спрашиваютъ совѣта астрологовъ. Историческія познанія персовъ ничтожны, имъ извѣстна только исторія царствованія послѣднихъ шаховъ; о могуществѣ своихъ предковъ они не имѣютъ понятія. Изъ географіи они хорошо знаютъ магометанскія земли и часто разстоянія между персидскими городами. Печатныхъ книгъ встрѣчается немного—это по большей части кораны, молитвенники, произведенія поэтовъ, рассказы изъ Тысяча и одной ночи и другія сказозы.

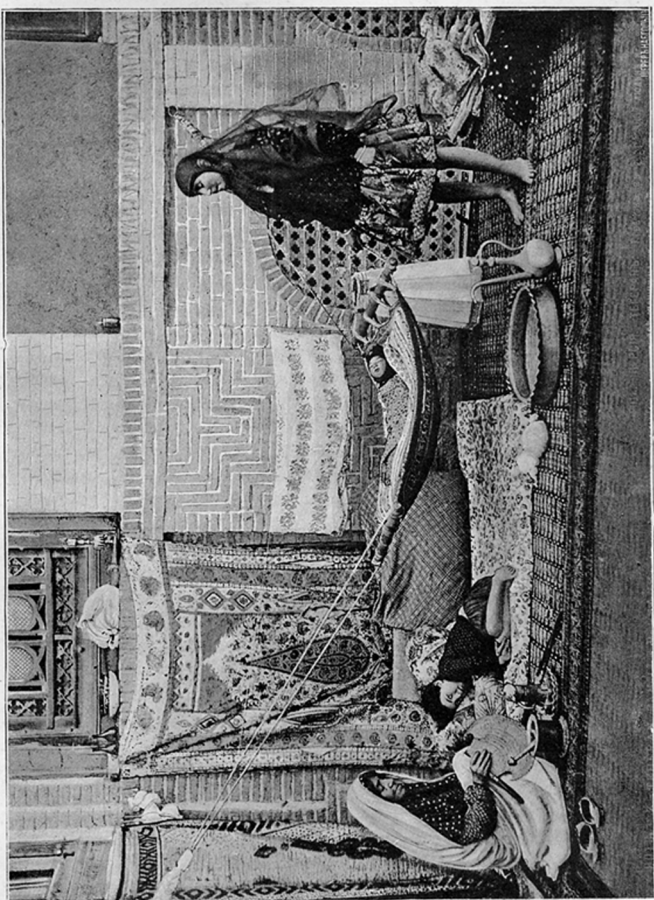
Развлеченій въ нашемъ смыслѣ у персіянъ не существуетъ: ни театровъ, ни баловъ, ни концертовъ, ни разнообразныхъ игръ. Отсутствие театра замѣняется у нихъ разыгрываніями въ лицахъ духовной мистеріи, представляющей смерть Али, что, конечно, нужно разсматривать какъ начало театра. Кромѣ того, на площадяхъ передъ толпой поэты декламируютъ свои стихи или рассказываютъ съ выразительными жестами о національныхъ персидскихъ герояхъ, или грязные, полуголые дервиши передъ этой же толпой воспѣваютъ въ стихахъ свою черно-окую красавицу, хотя ни одна женщина не взглянетъ на такого уродъ, и хорошее вино, котораго онъ навѣрно во всю жизнь свою не видалъ въ глаза и не пробовалъ. Замѣчательно, что народъ ужасно любитъ эти сцены и вообще страстный охотникъ до тамаша—зрѣлищъ. Стоитъ иностранцу раскрыть ротъ, и сотни любопытныхъ лицъ и открытыхъ

ртов уставятся на него. Понятно, что такое любопытство является слѣдствіемъ отсутствія серьезнаго труда и интересныхъ развлеченій.

Что касается нравовъ и характера персіянъ, то они замѣчательно внимательны и любезны съ иностранцами, особенно съ европейцами. Кромѣ того, они замѣчательно гостепріимны. Впрочемъ, въ странѣ съ такими убійственными путями сообщенія и семейною обособленностью нельзя обойтись безъ гостепріимства: сверни съ большой дороги и, при рѣдкости населенія да безъ знакомыхъ, умрешь съ голоду. Безъ сомнѣнія, религія поддерживаетъ въ сильной степени эту черту на Востока. «Гость—даръ Божій», говоритъ народъ.

Тѣмъ не менѣе въ манерѣ персіянъ обращаться съ гостемъ есть тысяча пріемовъ, которые легко могутъ подкупить и обмануть неопытнаго человѣка; есть тысяча предложеній съ ихъ стороны, которыхъ ни подъ какимъ видомъ недужно принимать, иначе рискуешь непоправимо и навсегда попасть въ списокъ абсолютныхъ невѣждъ: напр., никогда не вѣрьте фразамъ: «весь домъ и все, что есть въ немъ, къ вашимъ услугамъ», или: «располагайте моими лошадями, какъ вамъ угодно», или: «ваше желаніе—мое желаніе» и т. д. въ этомъ родѣ, и горе гостю, если онъ согласится хоть на одно изъ этихъ предложеній: его осудятъ безусловно. Прибавьте къ этому вѣшнюю, дѣланную, приторную вѣжливость, тысячу церемоній съ привѣтаніями и смиренными наклоненіями головы на лѣвую сторону груди, миллионъ вѣжливыхъ отборныхъ словъ, часто лишенныхъ всякаго смысла и накиданныхъ одно за другимъ неизвѣстно зачѣмъ; присоедините къ этому аффектированную рѣчь, усыпанную пословицами и цитатами изъ поэтовъ, и вы поймете всю тяжесть положенія европейца, въ первый разъ попавшаго въ эту страну условій жи. Ничто такъ не раздражаетъ, какъ бессмысленная лесть, которую приходится слышать во время визитовъ къ знатымъ персіанамъ, напримѣръ: «до сихъ поръ мы жили во тьмѣ, какъ въ тюрьмѣ, вы освѣщаете насъ и нашъ домъ своимъ присутствіемъ», или: «самое большое фруктовое дерево одно, безъ прививки, ничего не стоитъ, а вложить въ него одинъ хорошій сучекъ (т.-е. привьютъ его), и оно получаетъ цѣну. Также и вы для насъ: со времени вашего пріѣзда къ намъ мы похожи на это дерево» и т. д. тысяча примѣровъ въ этомъ родѣ. Всѣ персы замѣчательные актеры и тщеславны до невѣроятнаго: каждый персіанинъ охотно пожертвуетъ всѣмъ святымъ и дорогимъ, не пожалѣетъ родителей, дѣтей и жены, лишь бы о немъ говорили, лишь бы его называли какимъ-нибудь титуломъ, ну хоть ханомъ. Интересно, что народъ хорошо знаетъ слабость своихъ, и когда хочетъ угодить кому-нибудь, называетъ его ханомъ.

Когда персіане говорятъ, то ужасно кричатъ, и неопытный человѣкъ подумаетъ, что они готовы драться. Персіане очень вспыльчивы,

Въ персидскомъ домѣ.

хотя этого и не видно извѣ, судя по ихъ важной и медленной походкѣ и обычной сдержанности съ иностранцами и незнакомыми людьми; они скоро мѣняются въ обращеніи, стоитъ только измѣниться обстоятельствомъ; властолюбивы, сластолюбивы и жадны до наживы, хотя жадность и бережливость нельзя признать одной изъ основныхъ чертъ ихъ характера; если они и прячутъ то, что имѣютъ, то это отъ вѣрности и бережливости, которые всегда могутъ отнять у нихъ все. Храбрость тоже не можетъ считаться въ числѣ ихъ добродѣтелей. Татары говорятъ о персахъ въ видѣ пословицы, что Богъ далъ имъ голову (т.-е. умъ) и глаза (т.-е. эстетическій вкусъ), но не далъ имъ сердца (храбрости), и это замѣчательно вѣрная и мѣткая характеристика. Вообще говоря, персы безлечны, лѣнивы и неупрямы, вѣчно надѣются на волю Божію, поэтому выраженіе *ин-ша-алла*—да будетъ воля Божія, да поможетъ Богъ—любимое и единственное ихъ выраженіе, которое и произносится съ такимъ отгѣнкомъ въ смыслѣ, что даже невозможно передать его. Считаютъ неприличнымъ жестулировать въ разговорахъ, ходить мало и медленно, хорошо ѣздить верхомъ, рѣдко живутъ въ наемныхъ домахъ, всегда предпочитаютъ въ своихъ. Есть у персіянъ замѣчательно оригинальныя черты: такъ: за хорошія извѣстія даютъ большіе подарки или даже все то, что есть при данномъ лицѣ, которое извѣщаютъ, напр., что у него родился сынъ или что пріѣхалъ давно ожидаемый съ дороги. Любятъ животныхъ, особенно лошадей и кошекъ, и считаютъ ихъ чистыми, собаку же считаютъ нечистымъ и поганымъ животнымъ и, несмотря на это, не мѣшаютъ ей жить: всѣ улицы и базары обыкновенно кипятъ ими.

Жизнь женщины въ Персіи незавидна. Когда имъ минетъ девять лѣтъ, дѣвушки надѣваютъ покрывало; затѣмъ черезъ годъ онѣ уже могутъ быть выданы замужъ; въ выборѣ жениха онѣ не участвуютъ—это исключительно дѣло родителей, которые дѣлаютъ изъ этого выгодную спекуляцію. Знатные родители обыкновенно не выдаютъ своихъ дочерей ранѣе 12—13 лѣтъ. Съ выходомъ замужъ персіянка теряетъ свободу; если она единственная жена, то жизнь ея еще сносная, но когда въ гаремѣ нѣсколько женъ, то онѣ интригами и ревностью отравляютъ другъ другу существованіе. Какимъ-либо дѣломъ женщины въ гаремахъ не занимаются; сколько-нибудь образованныхъ женщинъ въ Персіи почти не встрѣчается; онѣ цѣлый день сидятъ на диванахъ, курятъ кальянъ, пьютъ чай и ѣдятъ сласти; ходятъ часто въ баню, гдѣ сплетничаютъ съ подругами, красятъ себѣ лицо и руки и проводятъ въ этомъ занятіи цѣлыя часы.

Кажется, что нѣтъ народа суевѣрнѣе персіянъ, потому что нѣтъ такого явленія, нѣтъ такой вещи, которымъ персіянине не придавалъ бы какого-нибудь сверхъ-естественнаго значенія. Онѣ вѣрять въ судьбу,

въ духовъ, въ заклинанія, въ талисманы. Въ его представленіи судьба играетъ роль рока древнихъ. Кроме того, каждый персіянинъ проникаетъ върой въ постоянную борьбу двухъ враждебныхъ другъ другу началъ—добраго и злого, при чемъ перевѣсъ на сторонѣ послѣдняго; отъ этого всѣ воззрѣнія его отличаются нѣкоторымъ пессимизмомъ. Нѣтъ мѣста въ мірѣ, которое, по представленію персіянь, не было бы жилищемъ духовъ: домъ, кладбище, земля, вода, воздухъ—все исполнено духовъ.

Изъ дней недѣли самые лучшіе—пятница и четвергъ. Выѣзжать въ дорогу стараются въ четвергъ и никогда въ пятницу. По воскресеньямъ и средамъ вечеромъ обыкновенно не принимаютъ гостей, это считается дурнымъ знакомъ для дома.

Изъ чиселъ самое скверное 13, второму придаютъ такое же значеніе, какъ и у насъ.

Четныя и нечетныя числа тоже играютъ нѣкоторую роль въ жизни персіянина; такъ, онъ часто гадаетъ на четкахъ на четное и нечетное число зеренъ. Всюду ходить съ четками считается въ Персіи особымъ щегольствомъ и доказательствомъ религіозности. Особенно выдающіеся ханжи носятъ четки въ тысячу зеренъ.

Повѣрій у персіянь нѣтъ числа. Нельзя пройти на улицѣ между двухъ женщинъ; прошедшій между ними будетъ несчастенъ въ этотъ день. Если во время письма упадетъ перо изъ рукъ, то есть двѣнадцать примѣтъ его паденія: можетъ быть и худо, и хорошо, и къ ссорѣ, и къ дружбѣ, и къ деньгамъ—все зависитъ отъ того, въ какомъ мѣсяцѣ то случилось. Если упадетъ кнутъ, то есть такъ же 12 значеній, какъ и при паденіи пера. Если чешется та или другая рука, то это къ деньгамъ, но надо чесать ее не рукой, а о бороду или волоса, иначе не исполнится желаніе. Когда бываетъ подергиваніе въ правомъ глазу, то это непременно къ слезамъ, а въ лѣвомъ—къ счастью. Если неизмѣнныя туфли персіянина при сниманіи становятся пятками одна къ другой, то это значить, что или говорятъ о хозяйнѣ ихъ, или ему придется куда-нибудь ѣхать.

Но если въ мірѣ такъ много дурного и страшнаго для человѣка, то онъ старается разными мѣрами обезпечить себя отъ этого. Это и сдѣлалъ персіянинъ: у него имѣются тысяча талисмановъ и сотни тысячъ ладанокъ, охраняющихъ его и ослабляющихъ дурную силу явленій. На немъ самомъ есть непременно нѣсколько ладанокъ: на шеѣ, на рукахъ, въ его домѣ надъ дверью повѣшена ладанка, его лошадь, осель или мулы всегда украшены ладанкой, его скотъ безъ ладанки не выпускается въ горы. Для этихъ ладанокъ пишется знающимъ человѣкомъ нѣсколько арабскихъ стиховъ изъ Корана, непонятныхъ для большинства персіянь, записывается въ тряпицу и вѣшается по всѣмъ направле-

ніямъ отъ дурного глаза и дурного человѣка. Также въ большомъ ходу разные талисманы, изъ которыхъ бирюза съ вырѣзанными и вызолоченными словами считается очень хорошимъ и дѣйствительнымъ; вырѣзается же обыкновенно: «омидь»—надежда, «диань»—вѣра, «голь»—роза и проч. въ такомъ же духѣ.

Въ персидской цырюльнѣ.

(Уильса).

Любопытство побудило меня однажды посѣтить цырюльню знакомаго брадобрея и куафера Мешеди-Хассана (название «Мешеди» дается всѣмъ, ходившимъ на поклоненіе въ г. Мешхедъ, къ гробницѣ мусульманскаго святаго Имама-Ризы). Мешеди-Хассанъ приходилъ ко мнѣ на домъ, чтобы брить меня; кромѣ того, онъ сопровождалъ меня въ баню и мылъ мою голову знаменитой на Востоку ширазской глиной. Во время исполненія своихъ обязанностей онъ разсказывалъ городскіе скандалы, а когда я спрашивалъ, изъ какого источника онъ почерпнулъ такой любопытный анекдотъ, онъ говорилъ: «въ моей цырюльнѣ, сахибъ; отчего вы никогда не сдѣлаете мнѣ чести выкурить у меня кальягъ?»

— А что скажутъ, когда увидятъ, что вы бреете невѣрнаго?

— Ничего не скажутъ, сахибъ, а будутъ меня больше уважать. Да я готовъ выбрить самого шайтана (дьявола), если онъ мнѣ хорошо заплатитъ за трудъ. А вы кстати увидѣли бы, какъ я вырываю зубы, и какіе зубы! Вы, докторъ, вырываете зубы у принцевъ и у благородныхъ, но навѣрное не видѣли ничего подобнаго,—при этомъ Хассанъ намылилъ мой подбородокъ пальцами (на Востоку не употребляется щетокъ):—такіе, скажу вамъ, зубы,—о пяти корняхъ.

— Не можете этого быть, Мешеди,—возразилъ я.

— Конечно, это случается не часто, но у крестьянъ такіе зубы! Мнѣ приходилось даже встрѣчать зубы о шести корняхъ.

Я не возражалъ, тѣмъ болѣе, что Мешеди схватилъ меня за носъ и энергично продолжалъ бритье мѣстной бритвой, вставленной въ деревянную рукоятку; я ограничился лишь размышленіемъ о томъ, что людамъ, а персянамъ въ особенности, свойственно лгать.

— Вы увидѣли бы,—продолжалъ Хассанъ-цырюльникъ,—какъ я ставлю банки, пускаю кровь, поправляю вывихи и лѣчу переломы. О, только у меня въ цырюльнѣ можно полюбоваться искусствомъ старыхъ врачей Ирана. Докторъ, я призываю васъ въ свидѣтели. Васъ, англійскаго хакима (доктора), передъ которымъ Афлотунъ¹⁾ не болѣе, какъ собака, у котораго Пократъ²⁾, если бы онъ жилъ, могъ бы быть уче-

¹⁾ Платонъ. ²⁾ Ганократъ.

никомъ,—призываю васъ въ свидѣтели: развѣ я не вытѣчилъ вашей шеи? Ага! А если ваша шея опять заболитъ, за кѣмъ вы пошлете, какъ не за Мешеди-Хассаномъ? (Съ ироніей.) «Саламъ¹⁾, сахибъ, вашъ покорнѣйшій рабъ!»

— Вѣрно, вѣрно, Хассанъ, вы прекрасно лѣчите.

— Это мой нуфусъ (дыханіе), все наше семейство обладаетъ имъ въ удивительной степени, а я—да будетъ восхваляемъ за это Алла!—обладаю этимъ качествомъ еще въ большей степени.

— Можешь ожидать меня, Мешеди-Хассанъ, я приду къ тебѣ.

— Серьезно вы придете? вы не шутите?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ приходите завтра, это будетъ счастливый часъ. Приходите часа черезъ два послѣ солнечнаго восхода, когда дѣло будетъ въ разгарѣ.

— Съ удовольствіемъ. Я не забуду.

— Да не уменьшится тѣнь ваша, сахибъ; я буду васъ ожидать. Это для меня большая честь!—Говоря это, Хассанъ собралъ свои принадлежности и, взявъ подъ мышку свою аба²⁾ съ достоинствомъ распрощался.

— Вы, конечно, сэръ, къ нему не пойдете,—замѣтилъ мой слуга Малекъ-Мохаммедъ, подавая мнѣ полотенце.

— Нѣтъ, пойду. Отчего же мнѣ не идти? Мнѣ хочется видѣть внутреннюю жизнь персидской цырюльни.

— Ну, вашего брата, сахиба, всегда проведутъ. Развѣ вы не понимаете, зачѣмъ онъ пригласилъ васъ на завтра?

— Нѣтъ, не понимаю. Вѣрно для того, чтобы видѣли, что я ему покровительствую?..

— Совсѣмъ нѣтъ; онъ будетъ рассказывать, что вы приходили къ нему учиться.

Этотъ доводъ показался мнѣ чрезвычайно оригинальнымъ и затронулъ мое любопытство. Напрасно человекъ мой старался меня отговорить,—я рѣшилъ идти, тѣмъ болѣе, что цырюльня находится въ моемъ кварталѣ, почти на той же улицѣ. Я былъ хорошо извѣстенъ въ Ширазѣ,—слишкомъ хорошо, чтобы бояться натолкнуться на какую-нибудь неприятность.

— На другой день, въ четвергъ, оказавшійся кануномъ магометанскаго праздника, слѣдовательно самымъ шумнымъ базарнымъ днемъ, въ 2 часа послѣ восхода солнца я направился въ лавку Мешеди-Хассана.

Лавка была вычищена и прибрана; глазъ отдыхалъ на бѣлыхъ стѣнахъ и кирпичномъ полу небольшой четырехугольной комнатки. Посреди

¹⁾ Бухте здоровы.

²⁾ Длинное пальто изъ верблюжьей шерсти.

нея красовалась небольшая прѣточная клумба, съ низенькою восьмиугольною колонною, на которой былъ укрѣпленъ небольшой сосудъ съ водою. Эта вода употреблялась Хассаномъ при бритьѣ, а бритье считается въ Персїи очень важнымъ дѣломъ; побриться на языкѣ персиянина не значить только сбрить бороду, такъ какъ они бреютъ обыкновенно всю

голову. Впрочемъ, молодые люди оставляютъ на затылкѣ *ка-кель*¹⁾; эта прядь волосъ никогда не сбивается и достигаетъ иногда значительной длины. Она старательно свертывается узломъ и скрывается подъ бѣлою вышитой ермолкой. Магометане думаютъ, что послѣ смерти пророкъ вытягиваетъ вѣрныхъ за эту косичку въ рай. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей не бреютъ волосъ подъ височною костью. Но остальная часть головы обривается обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю, и обы-

чай этотъ надо считать весьма разумнымъ, если не со стороны изящества, то со стороны удобства, такъ какъ климатъ въ Персїи очень жаркій, и вы никогда не увидите никого съ непокрытой головой. Люди среднихъ лѣтъ также бреютъ голову и отпускаютъ бороду. Вообще бороды въ Персїи носятъ очень длинными и достигаютъ иногда почтенныхъ раз-

Персидскій врачъ.

¹⁾ Небольшая прядь волосъ.

мѣровъ. Борода почитается неприкосновенною; схватить кого-нибудь за бороду значитъ нанести ему величайшее оскорбленіе. Ее обыкновенно красятъ въ красный или черный цвѣтъ. Эта процедура производится въ хаммамѣ (банѣ).

Подходя къ лавкѣ Хассана, я увидѣлъ здороваго крестьянина, сидящаго на площадкѣ передъ входомъ и грѣющагося на солнцѣ. Онъ имѣлъ довольно забавный видъ: борода его казалась покрытою комками желтой глины и была обернута капустными листьями, чтобы помѣшать слишкомъ скорому высыханію. Его соотечественники, конечно, не находили въ этомъ ничего смѣшнаго, но я едва могъ удержаться отъ смѣха, замѣтивъ острое любопытство, съ которымъ онъ меня оглядѣлъ. Онъ сейчасъ же опять закрылъ глаза и задремалъ въ ожиданіи того пріятнаго момента, когда голова его и борода окрасятся въ ярко-оранжевый цвѣтъ.

Хассанъ встрѣтилъ меня бурными изъявленіями радости.

— Да будутъ счастливы шаги ваши, привѣтствую васъ; вы дѣлаете честь моему заведенію.

Мнѣ тотчасъ же предлагаютъ стулъ, на которомъ я располагаюсь въ углу комнаты; закуриваю кальянъ, наполненный пахучимъ табакомъ, и приступаю наблюдать и слушать. Я замѣтилъ выше, что пріемная комната отличается необыкновенною чистотой; въ двухъ стѣнныхъ тахчахъ (нишахъ, углубленіяхъ) виднѣются всѣ принадлежности восточнаго цырюльника: ножницы, ланцеты, ручныя зеркала, четырехугольныя и овальныя, пара огромныхъ щипцовъ для вырванія зубовъ, нѣсколько желѣзныхъ инструментовъ для прижиганія и гребешки изъ чернаго дерева,—щетокъ въ Персіи совсѣмъ не употребляютъ. Кромѣ упомянутыхъ профессиональныхъ вещей моего друга цырюльника, тамъ же красовались четыре букета цвѣтовъ. Персіяннинъ при всей своей практичности и простотѣ, имѣетъ склонность къ цвѣтамъ; вотъ почему вы въ Персіи повсюду встрѣтите цвѣты. Два букета составлены изъ пахучихъ нарциссовъ. На каждый цвѣтокъ надѣто колечко изъ разноцвѣтной бумаги, вставленное между лепестками, что, конечно, придаетъ цвѣтамъ довольно оригинальный видъ. Полъ покрытъ небольшимъ, но хорошимъ ковромъ, предназначеннымъ для богатыхъ и почетныхъ кліентовъ Хассана. Я самъ охотно бы расположился на этомъ ковривѣ, но, къ несчастію, не могъ этого сдѣлать, ибо, несмотря на долгое пребываніе на Востоцѣ, не научился обходиться безъ стула.

Хассанъ, или Ага¹⁾ Хассанъ,—какъ его называли посѣтители,—мужчина довольно красивой наружности. Роскошная некрашеная каштановая борода обрамляетъ веселое лицо. Костюмъ его состоитъ изъ длин-

¹⁾ Господинъ.

наго коленкорового кафтана розоваго цвѣта, широкихъ шальваръ и изъ пары бѣлыхъ гиве (обуви); рукава рубашки засучены, чтобы не мѣшать свободѣ движеній. На поясѣ болтается круглая мѣдная бутылка для воды—необходимая принадлежность странствующаго цырюльника въ странѣ, гдѣ вода попадаетъ очень рѣдко; рядомъ съ бутылкой виднѣтся ремень для точенія бритвъ и сумка, въ которой хранятся остальные принадлежности. На груди небольшое зеркало, въ которомъ посѣтитель видитъ себя по окончаніи операціи бритья или окрашиванія. На головѣ шебъ-кулохъ (ночная ермолка) изъ стеганнаго ситца, носимая персіянами дома.

Кромѣ Мешеди-Хассана, въ лавкѣ суетился его молодой сынъ; онъ брилъ головы поселянъ, недостойныхъ искусства его отца, побуждая къ работѣ двухъ тощихъ молодыхъ учениковъ и набивалъ кальяны для почетныхъ посѣтителей.

Вотъ входитъ почтенный и повидимому богатый купецъ, страдающій параличемъ руки. Сынъ Хассана съ необыкновенною быстротою и ловкостью приступаетъ къ массажу руки, напѣвая въ то же время пѣсню о любви Юсуфа и Зюлейки. Другой купецъ, въ свѣтло-зеленомъ платьѣ, садится на коверъ, и Мешеди-Хассанъ въ нѣсколько минутъ придаетъ его головѣ гладкость и блескъ бильярднаго шара. Между тѣмъ разговоръ, поддерживаемый Хассаномъ, принимаетъ весьма оживленный характеръ. Всѣ присутствующіе, даже побришіеся и вымышіеся, продолжаютъ болтать и курить. Въ самомъ дѣлѣ, куда имъ спѣшить; вѣдь они живутъ въ странѣ, гдѣ время не имѣетъ никакого значенія и тѣмъ болѣе въ такой день, какъ четвергъ. Предметомъ разговора служатъ политика, городскіе слухи и сплетни: такой-то женился, другой намѣренъ развестись; этому грозитъ банкротство, иной отправляется на поклоненіе святыхъ. Говорятъ также о цѣнахъ на зерно и опіумъ; все это пересыпается цитатами изъ популярныхъ поэтовъ и обращеніями въ ференгу (въ франку, т.-е. ко кнѣ) за справками.

Поселяне и простой народъ бредутъ на улицѣ передъ лавкою,—тамъ же производится кровопусканіе. Какому-то крестьянину, страдавшему зубами, Хассанъ выдернулъ зубъ въ три приема и, показывая мнѣ корень, торжествующе замѣтилъ: «вотъ гдѣ скрывалась боль!» Пациентъ залплатилъ и удалился, держась рукой за щеку. На смѣну ему появляется человекъ, одержимый ревматизмомъ. Мешеди-Хассанъ накаливаетъ добѣла желѣзный инструментъ и, призвавъ благословіе Магомета и святыхъ Хассана и Хуссейна, прижигаетъ лоясницу пациента. Страдалецъ геройски выдерживаетъ операцію и, залплативъ, уходитъ. Я также ужоу, вполне удовлетворенный видѣннымъ. Хассанъ провожаетъ меня до дверей дома, разсыпаясь въ благодарности. Мой

слуга Малекъ-Мохаммедъ встрѣчаетъ меня выраженіями печали и гнѣва: «О сахибъ, сахибъ! Вѣдь я васъ предупреждалъ! Эта собака,—да будутъ осквернены могилы его семи предковъ,—сдѣлалъ то, что я вамъ говорилъ! Онъ сказалъ двумъ кушчамъ, которыхъ вы лѣчите, что вы пришли къ нему научиться, какъ выдергивать зубы!» Я улыбнулся и подумалъ, что цырюльникъ во всякомъ случаѣ оказался ловкимъ малымъ.

Религіозныя мистеріи въ Персіи.

(Уильса).

Насталъ Моххаремъ—траурный мѣсяцъ. Всѣ до послѣдняго бѣдняка одѣлись въ темное. Даже женщины облеклись въ темныя цвѣта, а нѣкоторыя, самыя благочестивыя изъ нихъ, надѣли синія и черныя рубашки. Такъ какъ персіяне довольно экономный народъ, то большинство извлекаетъ выгоду изъ стараго платья, окрашивая его въ черный цвѣтъ, въ память благословенныхъ мучениковъ Хассана и Хуссейна. По улицамъ шляются толпы мальчишекъ, распѣвающихъ нѣчто въ родѣ гимна въ честь сыновей Али. Надъ дверями мечетей развѣваются небольшіе черныя флаги; такіе же флаги видны на домахъ богатыхъ персіянъ. Они показываютъ прохожимъ, что въ данномъ домѣ будетъ росахъ-хана (молитвенное собраніе и чтеніе стиховъ), при содѣйствіи духовныхъ лицъ или профессиональныхъ чтецовъ, на которое приглашаются всѣ желающіе. Эти чтенія патетическихъ поэмъ въ честь мучениковъ привлекаютъ много слушателей обоего пола; женщины присутствуютъ конечно въ покрывалахъ. Кромѣ подобныхъ чтеній, мѣстный губернаторъ устраиваетъ на свой счетъ драматическія представленія, направленныя на поддержаніе среди магометанъ-шиитовъ уваженія и любви къ ихъ святымъ.

Цѣлый полкъ солдатъ въ теченіе недѣли занимался установкой передъ дворцомъ губернатора гигантской палатки, которая должна защищать жителей и актеровъ отъ солнечныхъ лучей и непогоды. Три мачты, болѣе семидесяти футовъ вышины, поддерживаютъ палатку, прирѣзленную внизу къ каменнымъ столбамъ и деревьямъ. Во время устройства этого походнаго театра произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ, повторяющихся ежегодно. Съ трехъ сторонъ края палатки приподняты, четвертую сторону образуетъ дворцовая стѣна. Одна этой стѣны выходитъ прямо на арену и съ успѣхомъ замѣняютъ ложи. Спешно служить большая платформа, возвышающаяся на шесть футовъ надъ землею и покрытая коврами. Въ углу сцены поставленъ мимбаръ, или кафедра, высота которой достигаетъ 10 футовъ. Лѣвая половина арены для зрителей, огороженная веревками, предназначена для женъ

цпнъ, которыя занимають свои мѣста по знаку губернатора. Вокругъ самой арены оставлено довольно широкое пространство для прохода участвующихъ въ игрѣ многочисленныхъ процессій, мужчинъ, женщинъ, ангеловъ, чертей, пророковъ, солдатъ,—однимъ словомъ, всей тысячи актеровъ драмы, продолжающейся иногда болѣе недѣли. Представленій бываетъ ежедневно два: одно утреннее, другое послѣполуденное, длящихся каждое по два часа.

Всѣ приготовленія къ представленію сдѣланы; губернаторъ даетъ приказаніе открыть двери и впустить женщинъ, а самъ садится въ удобной позѣ у окна. Отворяются двери, тысячная толпа женщинъ устремляется на арену и спѣшитъ занять мѣста поудобнѣе; впрочемъ, самыя предусмотрительныя и богатыя между ними заранѣе позаботились послать своихъ слугъ для занятія мѣста. Слышатся крики и споры, но порядокъ быстро возстановляютъ добродушные фараши ¹⁾ губернатора, вооруженные большими палками. Женщины располагаются по-турецки, симметричными рядами, образуя сплошную темно-синюю массу, на которой ярко отбѣиваются бѣлыя покрывала. Ихъ собралось здѣсь отъ пяти до шести тысячъ. Но вотъ открывается другая дверь, и все пространство направо впереди арены и передъ сценой, наполняется жужжащей толпой мужчинъ. Они всѣ остаются на ногахъ и въ такомъ огромномъ числѣ набиваются въ небольшое пространство, что съ трудомъ удается оставить свободнымъ небольшой промежутокъ вокругъ сцены. Въ этомъ обширномъ собраніи господствуютъ порядокъ и веселость. Между тѣмъ у оконъ дворца собрались друзья и гости губернатора. Раздается пушечный выстрѣлъ и начинается прологъ драмы. На платформѣ появляются нѣсколько духовныхъ лицъ; одно изъ нихъ поднимается на каедрѣ, остальные становятся вокругъ него или садятся на ступеняхъ. Царитъ мертвая тишина, нарушаемая только ржаніемъ лошадей участвующихъ въ процессіи актеровъ. Внезапно раздается звонкій голосъ муллы: «Во имя всемогущаго, милосердаго Бога...»; затѣмъ слѣдуетъ краткій перечень страданій Хуссейна. При первомъ произнесеніи имени мученика въ толпѣ слышатся вздохи и повторенія этого псена: «О, Хуссейнъ! будемъ скорбѣть о Хуссейнѣ!» восклицаетъ мулла. «Хуссейнъ! Хассанъ!» вскрикиваетъ мулла, потрясая руками и ударяя кулаками въ обнаженную грудь; мужская половина собранія подражаетъ этимъ манипуляціямъ, выкрикивая хоромъ: «Хассанъ! Хуссейнъ!» Крики, удары въ грудь, визгъ женщинъ—все это въ нѣсколько минутъ доводитъ толпу до состоянія бѣшенаго неистовства; толпа достаточно наэлектризована, чтобы видѣть дневную трагедію. Муллы уходятъ со сцены, а оркестръ губернатора начинаетъ играть невообразимо

¹⁾ Полицейскіе.

дикую оглушительную какофонию. Послѣ нѣкотораго ожиданія, показывается процессія актеровъ, которые должны принять участіе въ драмѣ. Впереди идутъ водоносы съ бычачьими кожами, наполненными водою. Водоносы возбуждаютъ въ толпѣ различныя замѣчанія. «Ахъ, что даль бы Хуссейнъ за одну каплю воды! О бѣдный Хуссейнъ!» Надо имѣть въ виду, что мученія Хуссейна состояли именно въ лишеніи его воды. За водоносами идетъ группа дервишей; они несутъ двойныя тяжелыя цѣпи, которыми колотятъ себя по обнаженной спинѣ, приговаривая: «Хассанъ, Хуссейнъ!» За ними слѣдуетъ нѣсколько избранныхъ, давшихъ обѣтъ пролить свою кровь въ честь мученика. Каждый изъ нихъ одѣтъ (подобно мученику, когда онъ шелъ на смерть) въ бѣлый саванъ. Эти люди держатъ въ рукахъ сабли, которыми на ходу разрѣзаютъ свои лбы; кровь ручьями течетъ съ ихъ лицъ и окрашиваетъ въ яркій цвѣтъ бѣлыя одежды. Нѣкоторые изъ этихъ фанатиковъ падаютъ отъ потери крови; ихъ видъ и страданія возбуждаютъ всеобщее сочувствіе и состраданіе.

Во время шествія гремитъ музыка, звучатъ трубы, стучатъ барабаны, но весь этотъ шумъ покрывается ревомъ десятитысячной толпы и криками: «Хассанъ, Хуссейнъ!» Наконецъ показываются актеры. Дикіе арабы въ короткихъ тунникахъ, вооруженные мечами и пиками; Іезидъ, царь неврннхъ, Шемръ, изображающій убійцу Хуссейна, окруженный дворомъ и свитою. Онъ въ шлемѣ и бронѣ, потрясая саблею, гарцуетъ на любимомъ конѣ губернатора. При проѣздѣ Шемра мужичны посылаютъ ему вслѣдъ проклятія, а женщины отплеиваются. Сзади Шемра сѣменить мелкими шажками ангелъ Гавріилъ, Божій посланецъ; его изображаетъ бородачатый мужчина съ покрываломъ на лицѣ и въ перчаткахъ. Играющіе ангеловъ, пророковъ, святыхъ и женщинъ являются всѣ съ закрытыми лицами. Затѣмъ проѣзжаютъ нѣкоторые второстепенныя лица пьесы, также верхами; за ними толпа солдатъ; еще нѣсколько всадниковъ; оркестръ музыки, свирѣпо заигрывающій ужасный мотивъ. Затѣмъ слѣдуетъ стадо верблюдовъ, на которыхъ въ корзинахъ сидятъ жены, дѣти и внуки мученика. За ними на красивомъ конѣ—Казимъ, молодой племянникъ Хуссейна; при его появленіи въ толпѣ раздается плачъ и вздохи сожалѣнія по поводу его близкой смерти. Хассанъ, братъ мученика, слѣдуетъ за Казимомъ. Въ это время раздается громкій звукъ трубы, и послѣднимъ показывается на безцѣнномъ конѣ главное лицо трагедіи, въ тюрбанѣ и въ халатѣ темно-зеленаго цвѣта (священный цвѣтъ пророка и его потомковъ). Присутствующіе при его появленіи бьютъ себя въ грудь кулаками и начинаютъ кричать: «Хуссейнъ! О Хуссейнъ! Несчастный Хуссейнъ!» Вся процессія трижды обходитъ сцену при возгласахъ и крикахъ симпатіи и сожалѣнія толпы, доведенной до фанатическаго воодушевленія и слив-

шейся въ густую траурную массу для того, чтобы взирать на многочисленныя дѣйствія священной драмы.

Содержаніемъ драмы служатъ главныя событія священной исторіи: грѣхопаденіе Адама и Евы, Каинъ и Авель, жертвоприношеніе Исаака, Агарь и Измаиль. Все это служитъ только прологомъ главнаго момента драмы—смерти Хуссейна, его товарищей и семейства.

Въ драмѣ нѣтъ никакихъ претензій на сценичность, но персіане умѣютъ передавать древнія событія съ чрезвычайнымъ реализмомъ формы. Плѣнные, напримѣръ, закованы въ цѣпи или колоды, наглядно показывающія ихъ несчастное положеніе. Казнь злополучнаго Казима совершается съ должной торжественностью. Битвы и схватки производятъ впечатлѣніе полнѣйшей иллюзіи. На сценѣ ставится огромная палатка Хуссейна, а его жены и дѣти пріѣзжаютъ на верблюдахъ. Актеры не простые любители: они предаются игрѣ съ самаго дѣтства и унаслѣдовали всѣ преданія національной драмы отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Когда они были дѣтьми, ихъ заставляли изображать дѣтей Хуссейна;

мальчикъ (женщины вовсе не принимаютъ участія въ представленіи), изображающій вѣжную Рукію¹⁾, черезъ годъ или два будетъ играть роль Казима; позднѣе ему будутъ поручены другія болѣе серьезныя роли, пока наконецъ ему не придется выдержать на своихъ плечахъ трудныхъ и отвѣтственныхъ ролей Шемра, Іезида, Гавріила или даже

Персидскій мулла.

¹⁾ Сестра Хуссейна.

самого Хуссейна. При этомъ для исполненія нѣкоторыхъ ролей полагается по два и по три актера. Въ общемъ эти актеры играютъ недурно, но многіе изъ нихъ держатъ въ рукѣ тетрадку съ ролью, къ которой прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда память имъ измѣняется. Такая простая система имѣетъ свои преимущества въ драмѣ, которая длится двѣ недѣли, играется разъ въ годъ и по величинѣ равна толстому тому. Дѣйствіе никогда не задерживается; явленія и выходы совершаются съ большою правильностью и гладкостью. Стихи пьесы произносятся вообще съ большимъ толкомъ и чувствомъ, а иногда съ неподражаемымъ талантомъ. Самое обширное поле для декламациі представлено актерамъ, играющимъ роли «тирановъ», каковы Шемръ и Іезидъ. Описаніе убійства Хуссейна Шемромъ и укоровъ его совѣсти чрезвычайно чувствительно. Понимая языкъ и грустное содержаніе пьесы, почти невозможно бываетъ избѣжать возбужденія, которое овладѣваетъ всѣми зрителями.

Представленіе начинается троекратнымъ обхожденіемъ сцены всѣми актерами; почти всѣ они верхомъ на богато убранныхъ лошадахъ; два оркестра играютъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Затѣмъ на сцену выходятъ вѣсколко юношей, обыкновенно сыновья мѣстныхъ мелкихъ лавочниковъ, становятся полукругомъ и затягиваютъ фальцетомъ гимнъ въ честь шаха, его семьи и всей династіи. На сценѣ показывается Али-Акбаръ¹⁾, полный жизни и воинственной энергіи; сталь его облегаетъ стальная броня, а голова защищена круглой каской восточныхъ воиновъ; на ногахъ высокіе сапоги и въ рукахъ круглый щитъ. Онъ обращается съ рѣчью къ своимъ солдатамъ и къ врагамъ, коихъ на сценѣ собираются цѣлыя полчища. Кровожадный Шемръ ему отвѣчаетъ, послѣ чего начинается поединокъ. Али-Акбаръ вскорѣ повергаетъ Шемра на землю и собирается нанести ему смертельный ударъ, но подоспѣвшіе воины Іезида освобождаютъ его и окружаютъ Али-Акбара. Послѣдній творитъ чудеса храбрости и обращаетъ въ бѣгство всѣхъ нападающихъ. Раненый, измученный битвою Али-Акбаръ опирается на вѣрный мечъ и произноситъ краткій монологъ. Появляется Хуссейнъ; они бросаются другъ другу въ объятія и объясняютъ свое безвыходное положеніе. Въ то же время приходитъ толпа плачущихъ женщинъ и дѣтей. Али-Акбаръ съ ними прощается; беретъ изъ рукъ одной матери младенца и цѣлуетъ его (въ рядахъ женщинъ зрительницъ раздаются вопли и визги). Затѣмъ Али-Акбаръ говоритъ, что долженъ умереть. Въ знакъ горести женщины и дѣти покрываютъ головы пригоршнями соломъ (солома замѣняетъ посыпаніе пепломъ). Послѣ этого всѣ уходятъ кромѣ Хуссейна и Али-Акбара. «О мой господинъ,—говоритъ Али-

¹⁾ Сынъ Хуссейна.

Акбарь, — дайте мнѣ одежду, въ которой я бы могъ пойти навстрѣчу вѣрной смерти». Хуссейнъ исполняетъ эту просьбу, надѣваетъ на него бѣлый саванъ, показывающій, что восточный воинъ не ждетъ и не проситъ пощады и готовъ умереть. Барабаны громко гремятъ; мужчины и женщины бьютъ себя въ грудь, вскрикивая: «горе, горе Али-Акбару!» Хуссейнъ уходитъ. Появляется нѣсколько десятковъ солдатъ Іезида. Али-Акбарь, сказавъ имъ нѣсколько словъ, производитъ паденіе, которое солдаты отражаютъ воображаемыми стрѣлами. Происходитъ всеобщая свалка, масса солдатъ падаетъ отъ руки Али-Акбара; самъ герой на минуту исчезаетъ и показывается вновь, покрытый стрѣлами, въ окровавленной одеждѣ и лишь съ одной рукой. Онъ выступаетъ впередъ нетвердыми шагами и упавшимъ голосомъ вызываетъ на бой своихъ противниковъ, нерѣшительно столпившихся въ углу сцены. Они опять на него нападаютъ; онъ убиваетъ нѣкоторыхъ и убѣгаетъ со сцены, крича: «Хуссейнъ! О Хуссейнъ!» Затѣмъ происходитъ довольно смѣшной пассажъ. Али-Акбарь появляется безъ рукъ, держа саблю въ зубахъ. На него бросается солдатъ, котораго онъ убиваетъ, но подоспѣвшая толпа его окружаетъ и обезоруживаетъ. Ему отрубаютъ голову и сажаютъ ее на колъ. Оркестръ гремитъ маршь, и процессія солдатъ съ тѣломъ Али-Акбара проходитъ по сценѣ. Зрители плачутъ, колотятъ себя въ грудь и волять. Этимъ заканчивается дневное представленіе.

Въ день «катля», или убійства Хуссейна, театръ кишитъ народомъ. Сцена умерщвленія Хуссейна напоминаетъ только что описанное умерщвленіе Али-Акбара. Намъ эти сцены могутъ показаться дѣтскими, но на персіянь онѣ производятъ сильное впечатлѣніе. Не видно ни одного сухого глаза, а груди зрителей покрыты синяками отъ нанесенныхъ ударовъ. Когда персіянинъ любитъ драмой, онъ вспоминаетъ, что принадлежитъ къ шиитамъ и прокликаетъ суннитовъ, убійцъ его святыхъ. Въ странѣ, гдѣ не дается другихъ пьесъ, кромѣ этой, вполне понятенъ преувеличенный энтузіазмъ, который она возбуждаетъ въ населеніи. Когда европеецъ впервые видитъ это зрѣлище, многое въ немъ кажется ему смѣшнымъ; воздѣе, когда онъ выучивается языкъ и узнаетъ народъ, онъ уже не относится съ прежнею насмѣшливостью, а испытываетъ впечатлѣнія другихъ зрителей.